

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P Slav 176.25
($\frac{1867}{1}$)

The gift of
EUGENE SCHUYLER
U. S. CONSULAT
BIRMINGHAM, ENG.

HARVARD COLLEGE LIBRARY

ВЪСТЪЖЪ ЕВРОПЪ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКИХЪ

НАУКЪ.

ВТОРОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ I.

МАРТЪ. 1867.

ПЕТЕРБУРГЪ.

ТОМЪ I. — МАРТЪ 1867.

- Ч. — СМУТНОЕ ВРЕМЯ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА. — III. — МОСКОВСКОЕ РАЗОРЕНЬЕ. — Глава первая. — Н. И. Костомарова.
- II. — ДМИТРИЙ САМОЗВАНЕЦЪ И ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ. — Драматическая хроника въ двухъ частяхъ. — А. Н. Островскаго.
- III. — КНЯЗЬ АНТЮХЪ КАНТЕМИРЪ ВЪ ЛОНДОНѢ. — Глава первая и вторая. — В. Я. Стоюнина.
- IV. — ТИЛЬЗИТСКІЙ МИРЪ. — М. Н. Богдановича.
- V. — МАТЕРІАЛЫ КЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ XVIII ВѢКА. — М. Н. Семовскаго.
- VI. — ЭПОХА КОНГРЕССОВЪ. — III. — С. М. Соловьева.
- VII. — ДРЕВНОСТИ МОСКВЫ И ИХЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯ. — Статья первая. — И. Е. Забѣлина.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА. — I. Новѣйшая литература русской исторіи. — Забѣтка по поводу брошюры Н. И. Тургенева: «О разноплеменности населенія въ русскомъ государствѣ. Парижъ. 1866. Я. — II. Новѣйшая литература всеобщей исторіи: А) Русская. В) Иностранная: 1) Французская 2) Нѣмецкая; 3) Англійская.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ХРОНИКА. — Историческій взглядъ на связь школьнаго образованія съ служебными преимуществами. — Учительская дѣятельность и учительская служба. — Различныя новѣйшія мѣры и предположенія вообще по учебной части. — Новыя книги.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА. — Мартъ, 1867.

- I. Очерки изъ исторіи земства въ 1866 году. Очеркъ первый. — Н. И. Коллежанова.
- II. Городское хозяйство и общественное управленіе въ Петербургѣ. — Статья первая. — Л.
- III. Паденіе Германскаго союза. Статья вторая. — А. М.
- IV. Современная Франція. Очеркъ первый. — Е. О.
- V. Восстаніе на островѣ Кандіа. — W.

ОБЪЯВЛЕНІЯ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — Новыя книги.

ВѢСТНИКЪ
Е В Р О П Ы.

ВТОРОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ I.

“*VESTNIK EUROPY*”
1867
1

ВѢСТНИКЪ

Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКИХЪ НАУКЪ.

Второй годъ
ВТОРОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ I.

МАРТЪ.

С САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Галерная, 20.

—
1867.

1063
96-4

P Slav 176. 25

~~Slav 30.2~~

1879, Oct. 5.

Gift of

Eugene Schuyler, U.S. Consul.
at Birmingham, Eng.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Ф. С. СУЩИНСКАГО.

На углу Могильской и Канонической, № 7/2.

I.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ

МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА.

«*Źródło tej sprawy, z którego następujące płynęli potoki, wprowadzie tajemne rady skrycie chowane być mają i nie trzeba odkrywać tego, собы на потым przestrzeżda nieprzyjaciela miało **».

(Рукоп. бібліот. Красиска. В. 1. 8.)

III.

МОСКОВСКОЕ РАЗОРЕНЬЕ **).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Грамата временного правительства. — Партія. — Прибытіе Жолкѣвскаго подѣ Москву. — Совѣщанія. — Договоръ объ избраніи Владислава на царство.

Царя Василія Шуйскаго низвели съ престола.

Отъ временного правительства, во главѣ котораго былъ Феодоръ Ивановичъ Мстиславскій, издана окружная грамата, име-

*) «Источникъ этого дѣла, изъ котораго потекли послѣдующіе ручьи, по правдѣ заключается въ тайныхъ умысленіяхъ, старательно скрываемыхъ, и не слѣдуетъ дѣлать извѣстнымъ того, что можетъ на будущее время предостеречь непріятели». (Слова, сказанныя въ польскомъ сенатѣ на сеймѣ, 1611 г., по поводу вопросовъ, касающихся смутнаго времени.)

**) Первые двѣ части: «Названный царь Дмитрій» и «Царь Василій Шуйскій и Воры», напечатаны въ I, II, III и IV томахъ нашего журнала 1866 года.

немъ всѣхъ сословіи Московскаго государства. (Въ ней извѣщали о перемѣнѣ правленія; сказано было, что Шуйскаго не любятъ жители украинныхъ городовъ, не обращаются къ нему и не хотятъ служить ему; изъ-за него въ русской землѣ междоусобія, христіанская кровь льется, возсталъ отецъ на сына, сынъ на отца, братъ на брата; враги иноземные терзаютъ государство; король стоитъ подъ Смоленскомъ, воръ подъ Москвою въ Коломенскомъ. Русскіе люди приглашались дѣловато взаимно другъ съ другомъ крестъ на томъ, чтобы защищать свою землю; изъ городовъ слѣдовало прислать въ Москву выборныхъ людей, по человѣку отъ каждаго чина для совѣта. Что касается до будущаго постоянного правительства, то указывалось выбрать въ государя всей земли того, кого Богъ дастъ, безъ опредѣленія заранѣе лица ¹⁾). Нельзя уже было основываться на правѣ наслѣдственномъ: оно было поцрано въ лицѣ Шуйскаго. Оставалось право избранія. Имѣли въ виду Владислава; но не смѣли еще назвать его, пока не сойдутся съ поляками.

Между тѣмъ, съ Жолѣвскимъ велись тайно сношенія. Тотчасъ послѣ взятія Царева-Займища, онъ отправилъ въ Москву смольнянина Ѳедора Сущелина съ товарищи, съ договоромъ, заключеннымъ въ Царевѣ-Займищѣ, и съ королевскимъ письмомъ. Это было еще до низверженія Шуйскаго. Въ письмѣ своемъ онъ старался очернить царя Василія Шуйскаго и указывалъ на его неспособность. Мстиславскій, посовѣтовавшись съ дворянами, послалъ къ Жолѣвскому одиннадцать дворянъ Смоленской земли съ грамотой. Въ ней бояре замѣчали, что въ королевскомъ письмѣ не давалось обѣщанія, чтобы Владиславъ крестился въ православную вѣру. Изворотливый Жолѣвскій тотчасъ же написалъ имъ таковой отвѣтъ: «Вѣдь вы видѣли въ письмѣ господаря его милости короля, съ приложеніемъ его руки и печати, что господарь его милость король и господарь его милость королевичъ Владиславъ не нарушатъ вашей православной вѣры греческаго закона и желаютъ сохранять московскіе обычаи ненарушимо, а крещеніе королевича Владислава въ русскую вѣру—дѣло духовное, патріаршее.» Впрочемъ, не ставя избранія Владислава главнымъ дѣломъ, Жолѣвскій писалъ, что идетъ защищать Москву отъ вора, что король, по своему христіанскому состраданію, хочетъ только укротить междоусобіе и остановить кровопролитіе въ сосѣдней странѣ.

На такое заявленіе ему написали, что въ Москвѣ не требуютъ помощи, и просили не приближаться къ столицѣ. Жолѣвскій

¹⁾ Собр. госуд. грам. II, 889.

кѣвскій не обратилъ вниманія на это, шелъ далѣе воинственнымъ образомъ, и явно давалъ понять, что если Москва не принесетъ покорности, благовиднымъ образомъ прося защиты и помощи отъ польскаго войска, то онъ станетъ поступать съ нею по-непріятельски. Сопротивленіе Жолѣвскому могло только дать временной перевѣсъ вору. Его партія, повидимому убитая, легко могла возстать и усилиться, именно теперь, когда царя не было, когда правили бояре, и всѣ ожидали поляковъ. Бояре и знатные люди видѣли свою погибель, если бы воръ взялъ верхъ, хотя бы ненадолго. Съ этимъ царемъ черни, голытьбы,—боярамъ, окольниковымъ, дворянамъ, гостямъ, всему, что стояло выше другихъ и по породѣ, и по богатству, и по управленію, пришлось бы худо. Конечно, при такой бѣдѣ оставалось боярамъ лучше отдаться полякамъ; по крайней мѣрѣ быть подъ властью иноземнаго принца все же лучше, чѣмъ подъ властью обманщика, и, еще хуже, сдѣлаться жертвою черни. Притомъ же отъ поляковъ все-таки не было бы избавленія. Опираясь на то, что московскіе люди такъ или иначе, а уже изъявили, волею и неволею, желаніе посадить на царство Владислава, поляки не пропустили бы случая овладѣть московскимъ краемъ. Московское государство продолжало бы обливаться кровью. Калужскій воръ могъ имѣть временной успѣхъ, пагубный для знатныхъ людей, но онъ не могъ долго держаться; все-таки, въ концѣ концовъ, Польша покорила бы Московское государство. Нѣкоторые, по старой злобѣ на поляковъ, предлагали обратиться къ шведамъ и избрать на московскій престолъ шведскаго королевича; но эта партія не могла быть въ русской землѣ сильною: шведы были лютеране; въ глазахъ многихъ, они были еще ненавистнѣе для православія, чѣмъ католики; шведы недавно подъ Клушинымъ дурно оправдали надежду на союзъ съ ними и на помощь отъ нихъ; наконецъ, что важнѣе, шведы были далеко, а поляки и Калужскій воръ стоятъ близко отъ Москвы, и шведы не могли бы спасти столицы. Другіе говорили объ избраніи царя изъ русскихъ родовъ; иные указывали на князя Голицына, иные на Романа. Мстиславскій, казалось, болѣе другихъ имѣлъ права, но онъ мало того, что отказывался отъ престола самъ, да еще порицалъ вообще избраніе царя изъ русскихъ; онъ былъ изъ такихъ, которые боялись, чтобы внезапное возвышеніе одного рода надъ другими не возбудило междоусобія и зависти между родами; лучше, казалось ему, выбрать государя изъ иностранныхъ царствующихъ родовъ. Невелико было число такихъ, что готовы были возвратить престолъ Шуйскому, но на это соглашался, однако, по отвращенію къ иноземцамъ, самъ патриархъ Гермогенъ; это показываютъ

писанныя имъ уже послѣ того грамоты, гдѣ онъ увѣщевалъ признать снова царемъ сверженнаго Василя, а если уже нельзя было возвратить вѣнецъ Шуйскому, патриархъ все-таки былъ за то, чтобы его отдать не иноземцу, а своему православному, и склонялся болѣе всего къ избранію въ такомъ случаѣ Василя Голицына. Но противъ мысли объ избраніи царя изъ туземныхъ родовъ сильно говорили обстоятельства: прежде, чѣмъ успѣютъ въ Москвѣ собраться на дѣло избранія, Жолкѣвскій будетъ подъ столицею. Москвѣ, какъ говоритъ пословица, было—куда ни кинь, все клинъ. Неизбѣжно приходилось избирать польскаго королевича.

Въ такихъ обстоятельствахъ, Мстиславскій собралъ бояръ и дворянъ за городъ, и началъ представлять необходимость вручить корону Владиславу, но съ тѣмъ, чтобы онъ принялъ греческую вѣру, а потому послать къ Жолкѣвскому и просить его скорѣе пособить противъ вора. Одни изъ угрожавшихъ Москвѣ враговъ дѣлались ей союзниками и могли избавить ее отъ другихъ враговъ: это уже была выгода. Жолкѣвскій подходилъ.

За милю отъ Москвы, на Сѣтуни, 23 іюля утромъ, остановилось польское войско: передовой отрядъ приблизился къ окраинѣ города. Русскіе думали—было, что это отрядъ изъ войска вора пробирается на другую сторону города, и начали стрѣлять, но скоро убѣдились, что это не тѣ поляки, что служатъ вору, а другіе, которыхъ звала сторона Мстиславскаго. Тогда изъ польскаго отряда вышли впередъ русскіе; ихъ сейчасъ узнали соотечественники по одеждамъ; то были: Иванъ Салтыковъ, Валувевъ, сдавшійся въ Царевѣ-Займищѣ, Мосальскій и другіе. Когда они подошли къ московскимъ людямъ, и начали по русскому обычаю цѣловаться, то поляки замѣтили, что они плакали. Но ихъ нѣжныя изліянія прервала тревога въ Москвѣ: съ той стороны, гдѣ стоялъ воръ, поднялся пожарный дымъ: загорѣлся кирпичный заводъ; его зажгли сапѣжинцы; пожаръ распространился по предмѣстью, и подъ такую суматоху воровское войско шло на приступъ къ столицѣ. Мстиславскій обратилъ силы противъ этого нападенія, которое, казалось, было сдѣлано съ расчетомъ на то, что Жолкѣвскій, хотя и не для однихъ цѣлей, а будетъ невольно оказывать помощь вору, и хотя и во имя Владислава, а все-таки нападетъ на Москву, на которую нападаетъ воръ. Самъ Мстиславскій пришелъ въ недоумѣніе и послалъ къ Жолкѣвскому сына боярскаго, Ѳедора Телушкина, вывѣдать: чѣмъ гетманъ пришелъ для Москвы—другомъ или врагомъ?

«Князь — говорилъ Телушкинъ — готовъ согласиться съ то-

бою, панъ гетманъ, но вотъ воровы люди подступили подъ Москву; если ты пришелъ съ добрымъ дѣломъ, то помоги противъ вора, или пошли сказать пану Сапѣгѣ, чтобы онъ пересталъ набѣжать на Москву и жечь ее; по крайности, когда мы станемъ отбиваться отъ воровъ, королевское войско пусть не дѣлаетъ намъ помѣхи.»

Жолкѣвскій отвѣчалъ: «Я пошлю сейчасъ въ Сапѣгѣ приказъ, чтобы онъ не нападалъ на Москву, но помощи не дамъ, пока не окончится доброе дѣло въ пользу моего короля, а послѣ того я со всѣмъ моимъ войскомъ буду оберегать Москву и отъ вора, и отъ всякаго другого непріятеля.»

Салтыковъ, находившійся при гетманѣ, съ его дозволенія отправился съ своими московскими людьми оборонять столицу противъ вора¹⁾.

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ отъѣзда Телушкина, прибыли къ гетману посланцы отъ вора, нѣкто Янишевскій съ товарищи; они привезли письмо къ гетману отъ Сапѣги. Просили не мѣшать имъ, Дмитріевымъ людямъ, и запретить своему войску зачинать несогласія съ ними.

«Я — сказалъ гетманъ — приважу своимъ стоять спокойно и не подавать повода къ ссорамъ.»

Послы объявили, что Дмитрій посылаетъ ихъ къ королю, и просили у гетмана пропуска. Они показали ему записку, которую давалъ Дмитрій королю, гдѣ предлагалъ разныя выгоды Рѣчи Посполитой и уступалъ Сѣверскую землю, но выражался объ этомъ двусмысленно.

— Это ко мнѣ не относится, сказалъ гетманъ, но я думаю, что о Сѣверской землѣ написано не такъ, какъ слѣдовало бы.

— Дмитрій, сказали послы, хочетъ прислать вашей милости поминки.

— Я, сказалъ гетманъ, не имѣю на то порученія отъ его величества, не могу ни принять его поминковъ, ни слушать его посольства, а съ Сапѣгою радъ сноситься²⁾.

Жолкѣвскій понялъ, что воръ не нуженъ Польшѣ, но ему хотѣлось, чтобы между королевскимъ войскомъ и поляками, служившими у вора, не дошло до открытой вражды на глазахъ московскихъ людей. Поэтому онъ писалъ къ королю, и просилъ обойтись милостиво съ посланцами вора и польскаго войска.

На другой день явился опять отъ Мстиславскаго посланецъ

¹⁾ Рук. И. П. Б. Hist. Pol. 31.

²⁾ Bibl. Крак. В. 1, 6.

съ письмомъ. Жолѣвскій сообразилъ, что время дорого и надо дѣйствовать рѣшительно. Онъ отвѣчалъ:

«Сноситься письмами не время; пойдетъ письмо за письмомъ, на письма отвѣты, на отвѣты опять письма,—и конца этому не будетъ; пусть лучше съѣзжаются съ нами бояре на переговоры.»

Послѣ этого снова пріѣхалъ посланецъ изъ Москвы, сынъ боярскій, Богданъ Глѣбовъ, съ извѣстіемъ, что бояре желаютъ сойтись съ гетманомъ и вступить въ переговоры, и просятъ назначить часъ. Жолѣвскій назначилъ для взаимныхъ переговоровъ третій часъ послѣ солнечнаго восхода, 25-го іюля, на большой дорогѣ, противъ Дѣвичьяго-монастыря. Мстиславскій, получивъ это извѣстіе, прислалъ вечеромъ гетману на гостинецъ вишень и превосходныхъ арбузовъ ¹⁾.

Въ назначенный часъ было первое совѣщаніе, въ разбитомъ для того нарочно, по московскому обычаю, шатрѣ. Съ московской стороны избраны: князь Иванъ Троекуровъ съ тремя товарищами, а съ польской—двое пановъ, Балабанъ и Домарацкій, львовскій подстолій, и трое московскихъ людей, передавшихся прежде полякамъ: Иванъ Салтыковъ, князь Юрій Хворостининъ, уже пожалованный Сигизмундомъ въ воеводы рославскіе, и Балауевъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій, Домарацкій сказалъ такъ:

«Московское государство просило его величество короля оказать ему въ бѣдахъ помощь; теперь настало время исполнить ваше желаніе; не трудно вамъ получить милость его величества, о которой вы умоляли.»

Домарацкій ни слова не говорилъ о Владиславѣ.

Московскіе уполномоченные говорили: «Все московское государство только и желаетъ, чтобы имѣть государемъ королевича Владислава, и надѣется, что подъ его правленіемъ снова наступитъ золотое время для московскаго края... но съ тѣмъ, чтобы онъ принялъ православную вѣру греческаго закона.»

Поляки слишкомъ считали себя побѣдителями и завоевателями и недружелюбно принимали вообще предложенія условій. Домарацкій замѣтилъ, что это надобно предоставить самому королевичу — невозможно насиліемъ заставить его отречься отъ римско-католической вѣры!

Бояре рѣшительно повторили, что королевичъ не можетъ быть царемъ, если не приметъ греческой вѣры.

Домарацкій, чтобы не довести до ссоры на первый же разъ, сказалъ, что объ этомъ надобно поговорить главнымъ боярамъ съ самимъ гетманомъ. Балабанъ былъ самъ греческой вѣры, и

¹⁾ Bibl. Kras. B. 1, 6.

увѣрялъ ихъ, что святая вѣра не будетъ нарушена. Его голосъ тогда успокоивалъ московскихъ людей и располагалъ къ согласію ¹⁾).

Во время переговоровъ издали стояла большая толпа московскихъ дворянъ; когда совѣщатели стали расходиться, подошли они и объявили громогласно: «Мы всѣ желаемъ, чтобы царемъ нашимъ былъ Владиславъ, и надѣмся, что въ Московскомъ государствѣ водворится тишина и благоденственное житіе. Но только нашъ новый царь непременно долженъ быть греческой восточной вѣры.»

5-го августа былъ съѣздъ у Мстиславскаго и его товарищей съ Жолкѣвскимъ. Дьякъ Василій Телепневъ принесъ изготовленный договоръ, свитый въ трубку, и сталъ читать. Гетманъ и паны возражали на нѣкоторыя статьи, говорили, что не имѣютъ на то королевскаго приказа. Потомъ съѣзжались въ слѣдующіе дни, но на этихъ съѣздахъ не могли столковаться. Русскіе настаивали, что Владиславъ долженъ принять греческую вѣру. Поляки указывали на договоръ, заключенный Салтыковымъ еще прежде съ королемъ Сигизмундомъ: тамъ того не было; но этотъ договоръ не могъ имѣть теперь силы, когда его заключали люди, никѣмъ не уполномоченные, и не имѣвшіе той верховной власти, съ какою выступали теперь бояре. Патриархъ Гермогенъ, съ которымъ бояре совѣтовались, говорить такъ: «Пусть будетъ королевичъ царемъ, если оставитъ латинскую ересь и приметъ христіанскую истинную вѣру греческаго закона, а если не такъ, то мы не только не благословляемъ васъ, а еще наложимъ на васъ клятву.» Сообразно этому поученію архипастыря, бояре говорили Жолкѣвскому одно и то же, и три недѣли не могли съ нимъ сладить. Жолкѣвскій не соглашался поставить это обстоятельство непремѣннымъ условіемъ избранія Владислава. «Если королевичъ будетъ царемъ и по совѣсти будетъ имѣть желаніе, и польза государства того потребуетъ, то онъ можетъ тогда перемѣнить вѣру; иначе нельзя насиловать совѣсти!» Такъ говорилъ Жолкѣвскій. Бояре же, заботясь о цѣлости вѣры, хотѣли, сверхъ того, поставить условіемъ, чтобы, принявши греческую вѣру, Владиславъ женился на русской, не сносився съ папою о вѣрѣ и установилъ смертную казнь всякому, кто перейдетъ изъ православія въ латинство: послѣднее было предупрежденіемъ іезуитской пропаганды, которая неизбѣжно ворвалась бы въ Московскую землю. Съ этою цѣлью русскіе хотѣли еще, чтобы Владиславъ, пріѣхавши въ Россію, не допускалъ въ себѣ поля-

¹⁾ Bibl. Кг. В. 1, 6.

ковъ, и чтобы при немъ не было болѣе трехъ сотъ человѣкъ приѣзжей свиты. Съ терпѣніемъ и хладнокровіемъ переносилъ все Жолкѣвскій, не сердился, не выходилъ изъ себя, когда москвичи являлись на совѣщанія съ какими-нибудь отмѣнами или добавками противъ того, на чемъ сходились съ поляками на предшествовавшемъ совѣщаніи. Жолкѣвскій только не уступалъ имъ, и въ письмахъ своихъ къ королю жаловался, какъ тяжело вести дѣла съ такимъ упрямымъ и хитрымъ народомъ. «Изъ всего видно — писалъ король Жолкѣвскому — что этотъ народъ хочетъ насъ надуть; онъ ведетъ себя не такъ, какъ то прилично въ его положеніи, не такъ, какъ народъ утѣсненный несчастіями, а какъ будто совершенно свободный народъ предлагаетъ намъ такіа условія, какія считаетъ для себя выгоднѣйшими. Это совсѣмъ не то, что было подъ Смоленскомъ условлено. Намъ важно дозволеніе строить костелы въ ихъ государствѣ, и это мы уже говорили прежде. Будьте осторожны, не дайте провести себя, и если ничего не сдѣлаете убѣжденіемъ съ тѣми, которые себѣ самимъ, или другимъ, мимо насъ, желаютъ государственія, то придется дѣйствовать силою и быстротою.» Кромѣ вопроса религіознаго, споръ долго шелъ по вопросу о власти въ пограничныхъ городахъ. Жолкѣвскій настаивалъ, чтобы тамъ были польскіе начальники и гарнизоны. Это казалось нужнымъ, чтобы поляки могли владѣть Московскимъ государствомъ. Но москвичи упорствовали. Причиною упорства въ этомъ случаѣ былъ также и страхъ за вотчины и помѣстья, которыя были въ уѣздахъ, подчиненныхъ тѣмъ городамъ, гдѣ должны быть поляки, и кромѣ того боязнь, что такимъ образомъ иноземцамъ будутъ доставаться выгодныя мѣста, въ ущербъ московскимъ служилымъ людямъ, которые бы могли съ этихъ мѣстъ кормиться. Нѣсколько разъ писали и переправляли статью объ этомъ предметѣ. То гетманъ составить — Москва не принимаетъ; то Москва предложить свое — гетманъ не хочетъ. Гетманъ писалъ объ этомъ королю и просилъ обсудить, можно ли сдѣлать москвичамъ въ этомъ уступку. Послѣ нѣсколькихъ дней споровъ объ этомъ вопросѣ, 10 августа явилось къ Жолкѣвскому человѣкъ пятьсотъ: впереди былъ князь Черкасскій, и онъ держалъ рѣчь къ гетману: «Подъ Смоленскомъ король обѣщалъ намъ, что вотчины и помѣстья наши будутъ за нами свободны. Какъ же они будутъ свободны, когда чужой въ городѣ будетъ?» Тутъ прибылъ къ гетману съ письмами отъ короля и подканцлера Андроновъ; изъ этихъ писемъ гетманъ увидалъ, что королевское правительство расположено къ уступкѣ, соображая, что иначе пришлось бы дѣйствовать оружіемъ, а вой-

ска недостаточно, и Смоленскъ еще не взятъ. Тогда гетманъ сказалъ москвичамъ:

«Хорошо; будетъ по вашему, только уже больше отнюдь ничего не измѣняйте и не прибавляйте!»

Такъ, въ этотъ день, повидимому, все было покончено, но когда князь Черкасскій съ своими товарищами воротился въ Москву и сказалъ патриарху, Гермогенъ и за нимъ духовные стали упорно требовать крещенія Владислава. Тогда произошла такая сумятица, что, какъ рассказывали потомъ Жолѣвскому москвичи, — патриарха обругали, а его поповъ чуть не прибили: тѣмъ только они и спаслись, что ушли въ церковь». Настойчивость Гермогена, однако, продлила переговоры. 13 августа, явился къ Жолѣвскому дьякъ Телепневъ и сталъ требовать крещенія Владислава и отступленія отъ Смоленска. Жолѣвскій уперся и объявилъ, что болѣе не дозволить ни малѣйшей перемѣны, ни добавки, и не станетъ входить въ переговоры, потому что все уже покончено ¹⁾. Прошли еще дня три. Москвичи, побуждаемые Гермогеномъ, все еще домогались своего; гетманъ былъ нѣмъ и глухъ къ ихъ домогательствамъ, но далъ замѣтить, что если они не согласятся и станутъ протягивать время напрасно, то польскій военачальникъ долженъ будетъ прибѣгнуть къ силѣ, чтобы покончить дѣло. Упорствовать далѣе нельзя было; мѣряться силою съ Жолѣвскимъ Москва не могла, особенно когда на другой сторонѣ стояло полчище вора, которое очень легко могло дѣйствовать вмѣстѣ съ войскомъ Жолѣвскаго. Но и Жолѣвскій нуждался въ скорѣйшемъ окончаніи дѣла. Уже оставалось только пять недѣль до истеченія четверти жалованья войску. Гетманъ созвалъ къ себѣ ротмистровъ и спросилъ ихъ, будутъ ли они служить, если бы послѣдовали на нѣкоторое время задержки въ уплатѣ слѣдующихъ денегъ. Ротмистры, посоветовавшись съ товарищами въ собранномъ вѣлѣ, извѣстили гетмана, что не намѣрены служить безъ жалованья. Тогда Жолѣвскій увидѣлъ, что хотя москвичи въ такомъ положеніи, что должны, такъ или иначе, уступить польскому военачальнику, но и польскій военачальникъ, съ своей стороны, долженъ немного быть уступчивымъ, чтобы скорѣе покончить дѣло ²⁾.

Между польскимъ лагеремъ и Москвою образовалось торжище. Московскіе посадскіе разставили лавки и столы, продавали полякамъ товары всякаго рода; иные поляки даже ходили въ городъ. Забіяки изъ пестрой шайки Калужскаго вора

¹⁾ Bibl. Kr. 1 B. 6.

²⁾ Pisma Żolk. 76.

пытались прервать это сообщеніе, и много разъ задирались съ поляками Жолѣвскаго; доходило даже до убійства. Въ самой столицѣ чернь волновалась со дня на день все больше и больше; безпрестанно разносились по Москвѣ зловѣщія угрозы, что воръ нападетъ завтра, ударятъ въ колокола по всѣмъ церквамъ, отворятся ворота царіку. Только съ помощью Жолѣвскаго можно было избавиться отъ такихъ враговъ. Но Жолѣвскій изъяслялъ готовность помочь Москвѣ только тогда, когда Владиславъ будетъ признанъ окончательно и утвердительно царемъ московскимъ.

При такихъ обстоятельствахъ, наконецъ, 17 августа съѣхались на Дѣвичьемъ Полѣ трое главнѣйшихъ бояръ: князь Федоръ Ивановичъ Мстиславскій, кн. Вас. Вас. Голицынъ, кн. Данило Ивановичъ Мезецкій и двое думныхъ дьявовъ: Василій Телпневъ и Томило Луговской. Эти-то люди и приняли на себя обязанность рѣшить судьбу отечества. Они заявляли себя уполномоченными отъ всей земли, отъ патріарха и всего духовенства (митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ, архимандритовъ, игуменовъ и всего освященнаго собора), бояръ и всѣхъ свѣтскихъ сословій, какъ служилыхъ, такъ и жилецкихъ (по приговору всѣхъ бояръ, и окольничьихъ и стольниковъ и дворянъ и стряпчихъ и жильцовъ, и дворянъ изъ городовъ и головъ стрѣлецкихъ и всякихъ привазныхъ людей и дѣтей боярскихъ, и гостей и торговыхъ людей и стрѣльцовъ и казаковъ и пушварей и всѣхъ чиновъ служилыхъ и жилецкихъ людей). По правдѣ сказать, участіе всей земли, заявленное ими, было на словахъ, а не на дѣлѣ; выборные отъ всей земли не съѣзжались и не могли съѣхаться въ Москву.

Самозванно-уполномоченные заключили съ Жолѣвскимъ договоръ на такихъ условіяхъ: русская земля (то есть патріархъ со всѣмъ духовенствомъ и всѣ свѣтскіе чины) должна послать къ Сигизмунду посольство, съ просьбою дать на московскій престолъ сына своего Владислава въ цари. Новый царь долженъ вѣнчаться на царство отъ московскаго патріарха, и, царствуя надъ Московскимъ государствомъ, почитать, узрашать и охранять церкви, не отнимать отъ церквей и монастырей имущества, и не превращать даваемыхъ прежде въ монастыри и церкви царскія жалованія, руги и оброки; поклоняться иконамъ и мощамъ; оставлять въ прежнемъ видѣ духовенство греческой вѣры; не ставить въ Московскомъ государствѣ римскихъ костеловъ и другихъ вѣрѣ моленныхъ храмовъ; не позволять насиліемъ и другими какими бы то ни было мѣрами отводить русскихъ православныхъ въ латинскую или въ другую вѣру, и не вмѣшиваться въ духовныя дѣла.

Поляки не могли выговорить даже одного костела для при-
жижъ въ Москвѣ; въ договорѣ сказано было по этому поводу,
то о томъ у государя будетъ совѣтъ съ патриархомъ, съ ду-
ховенствомъ, съ боярами и думными людьми. вмѣстѣ со стра-
хомъ католичества былъ у русскихъ страхъ жидовства; въ до-
говорѣ постановлено: жидовъ отнюдь не допускать въ Москов-
ское государство. Здѣсь, кромѣ набожной ненависти, отчасти
связывалась и боязнь торговцевъ, чтобы евреи не сдѣлались ихъ
соперниками. Всѣмъ боярамъ, окольниковымъ, дворянамъ, думнымъ
дьякамъ, придворнымъ чинамъ, чашникамъ, стольникамъ, страп-
чимъ, также дьякамъ и приказнымъ людямъ по всему государ-
ству быть слѣдуетъ непремѣнно русскимъ; полякамъ и литов-
цамъ не давать вовсе никакихъ правительственныхъ должностей,
ни староствъ, ни имѣній, по польскимъ обычаямъ; но позволя-
лось, однако, тѣхъ изъ поляковъ и литовцевъ, которые будутъ
при особѣ Владислава, жаловать денежнымъ жалованіемъ и по-
мѣстьями въ Московскомъ государствѣ, потому что и прежде
было въ обычаѣ принимать иноземцевъ въ царскую службу и
давать имъ помѣстья на правѣ дѣтей боярскихъ. Не слѣдовало
допускать перехода цѣлыхъ поселеній въ Московское государ-
ство изъ Польши и изъ Литвы, а также не посылать туда на
поселеніе русскихъ самовольно. Владиславъ не имѣлъ права из-
мѣнять московскихъ обычаевъ, чиновъ и сословій, а долженъ
оставить ихъ въ такомъ видѣ, въ какомъ засталъ; поэтому онъ
не могъ отнимать вотчинъ, помѣстьевъ и жалованья, или убав-
лять; также долженъ былъ оставить судъ по судебнику и по
прежнимъ обычаямъ; не отнимать дворовъ и имуществъ, не раз-
водить никого съ семьями, безъ суда никого не казнить, не
посылать въ заточеніе, и не отнимать чести. Почти во всѣхъ
дѣлахъ власть его была ограничена: по управленію—боярами и
думными людьми, по законодательству, кромѣ того, думою всей
земли. Такъ, дѣла, касающіяся имѣній, раздачи жалованья, на-
казаній, отнятія помѣстій, вотчинъ и жалованья, а также при-
бавки налоговъ и положенія казаковъ на Дону, на Волгѣ, на
Янгѣ и Терекѣ, всѣ такіа дѣла вершить должно было съ при-
говоромъ бояръ и думныхъ людей, а если нужно окажется из-
мѣнить что нибудь въ законахъ или судопроизводствѣ, то не
иначе, какъ думою бояръ и всея земли. Бояре, заправлявшіе
тогда всѣмъ дѣломъ, старались удержать свою власть надъ зем-
левладѣльцами, жившими на ихъ земляхъ, и потому поставили
въ договорѣ условіе, чтобы крестьяне не выходили въ Литву, ни
промежъ себя въ Московскомъ государствѣ отъ одного вла-
дѣльца къ другому, и вообще бояре, дворяне и люди всякихъ

чиновъ, державшіе крѣпостныхъ людей, сохраняли бы свое право по прежнему. По отношенію къ Польшѣ и Литвѣ постановлено, чтобы между этими государствами и Московскимъ государствомъ былъ съ обѣихъ сторонъ нерушимый миръ, и обѣ стороны обязаны стоять противъ взаимныхъ недруговъ, а противъ татаръ держать на границахъ войска обѣихъ союзныхъ державъ. Было постановлено полное прекращеніе всѣхъ споровъ и счетовъ по поводу убійствъ русскихъ поляками и полявовъ русскими въ протекшія смуты, начиная съ Разстриги, и всѣ плѣнные съ обѣихъ сторонъ должны быть отпущены безъ выкупа. Поляки вмѣстѣ съ московскими людьми должны взаимно стараться уничтожить вора, который называлъ себя Димитріемъ, и Жолѣвскій обязанъ былъ дѣйствовать противъ него вооруженными силами, а послѣ уничтоженія его шаеетъ, выйти изъ Москвы, отойти съ войскомъ къ Можайску или въ другое мѣсто, по договору съ боярами, и тамъ ожидать возвращенія пословъ, отправленныхъ къ Сигизмунду съ просьбою о присылкѣ сына на царство; въ продолженіе того же времени, когда войско польское будетъ нужно для Москвы, не впускать никого въ городъ безъ боярскаго позволенія иначе, какъ для покупки, съ проѣзжими листами, и то человекъ по двадцати съ небольшимъ. Съ другой стороны, Жолѣвскій долженъ былъ упросить Сигизмунда, чтобы онъ пересталъ дѣлать тѣсноту Смоленску, и снялъ осаду. Съ принятіемъ Владиславомъ царства, Марина Мнишекъ должна потерять званіе царицы, а польское правительство должно было отвезти ее изъ Московскаго государства въ Польшу. И въ этотъ разъ было домогательство о крещеніи Владислава, и опять Жолѣвскій не отрицалъ совершенно возможности такого крещенія, но отговаривался тѣмъ, что ему не дали о томъ указанія, а онъ съ своей стороны будетъ объ этомъ просить короля¹⁾. Но недосказанный вопросъ составлялъ все главное для народа. Бояре, возвратившись въ Москву, утѣшали себя тѣмъ, что все-таки упомянули о крещеніи Владислава въ греческую вѣру въ договорной записи, но худо было, что они только упомянули: надо было рѣшить; безъ этого договоръ не могъ имѣть важности.

Нельзя не видѣть, что этотъ договоръ составленъ въ духѣ боярскомъ и подъ польскимъ вліяніемъ. Ограниченіе верховной власти, выраженное въ формахъ, напоминающихъ строй Рѣчи Посполитой, обличаетъ это вліяніе. Поляки не требовали, чтобы Владиславъ былъ самодержавенъ; они отнюдь не спорили за

¹⁾ Собр. г. гр. II, 391.

полноту его власти, тогда какъ упорно охраняли его католичество. Если бы русскіе не показали охоты предписать своему избираемому царю условій, то сами поляки не допустили бы принцу изъ своего королевскаго дома получить неограниченную власть въ сосѣдней странѣ, при своей всегдашней боязни монархической власти, опасаясь, чтобы это не имѣло пагубныхъ послѣдствій для нихъ самихъ. Здѣсь вліяніе польскаго духа сходилось съ стремленіями и тѣхъ русскихъ, которые заключали договоръ. Какъ ни самодержавно было Московское государство, но въ немъ были, правда, слабыя признаки нерасположенія къ самодержавной власти, хотя уже давно сдавленные силою, опирающеюся на большинство народа. Отчасти эти признаки поддерживались преданіями старины, отчасти выказывались возникавшей потребностію введенія иныхъ порядковъ въ Московское государство; нельзя сказать, чтобы существовала пропитанная такимъ духомъ партія въ точномъ смыслѣ этого слова; тогда не могло образоваться у людей стройныхъ политическихъ убѣжденій: люди измѣнялись сообразно обстоятельствамъ; понятія не слагались такъ послѣдовательно, чтобы одинъ, раздѣляя съ другимъ извѣстную мысль, раздѣлялъ съ нимъ и другую, съ нею сродную. Но жизнь русская, какъ ни крѣпко срослась съ самодержавіемъ въ формѣ Московскаго государства, не разсталась вполне съ воспоминаніями древняго строя.

Потомки удѣльныхъ князей знали о своихъ предахъ, что они были независимыми владѣтелями; невольная тяжесть должна была закрадываться имъ въ душу, когда они размышляли, что сами они не болѣе какъ холопы московскихъ государей: если независимость удѣловъ была уже для нихъ невозвратима, то все-таки въ общемъ слитіи русскихъ земель имъ хотѣлось бы занимать свободное и властительное мѣсто; также и боярамъ должно было еще приходить на память, что ихъ предки и вообще тѣ, которые носили одинакое съ ними названіе, составляли свободное сословіе земледержателей и были вольными людьми, что князья не властны были произвольно распоряжаться ихъ вотчинами и держать ихъ противъ воли у себя на службѣ. Правда, единоедержавіе, въковымъ обычаемъ заглушая живость этихъ воспоминаній, достигло, повидимому, самаго полнаго господства при Грозномъ, но именно въ эпоху этого же государя обстоятельства оживили признаки потухшей старой жизни. Во время младенчества этого государя неизбѣжно, по ходу обстоятельствъ, возникло временно боярское правленіе, и тѣ, которые уже изъ потомковъ вольныхъ отцовъ сдѣлались холопами, вдругъ почувствовали въ себѣ больше свободы и значенія. Когда царь взросъ, тот-

часть же показали самодержавныя наклонности, но потомъ скоро, по поводу народныхъ бѣдствій, оставившихъ на него впечатлѣніе, подчинился вліянію кружка лицъ, руководившихъ имъ и ограничивавшихъ его произволь. То былъ періодъ славныхъ дѣлъ Ивана, время завоеванія Казани, Астрахани, побѣдъ надъ Крымомъ и Ливонією, изданія Стоглава, Судебника, грамотъ, устанавливавшихъ самоеудъ и самоуправленіе. Самъ Иванъ въ письмѣ своемъ къ Курбскому жаловался, что въ это время онъ былъ подъ вліяніемъ другихъ и не чувствовалъ себя самодержавнымъ; а Курбскій, одно изъ лицъ, въ то время правившихъ поступками царя, оправдывалъ такое положеніе дѣлъ и высказывалъ понятіе, что царь и долженъ управлять не иначе, какъ по совѣту думныхъ. Скоро Иванъ свергъ съ себя эту опеку, онъ захотѣлъ не только самъ быть самодержавнымъ, но и утвердить единодержавіе на будущія времена твердо и непоколебимо. Онъ началъ ломать все, что только казалось противнымъ единодержавію, все, въ чемъ даже только подозрѣвалъ независимость. Онъ жегъ, казнилъ и мучилъ, свирѣпо истреблялъ цѣлыя семьи, осудилъ на бойню Новгородъ за то, что съ его именемъ соединялось много непріятныхъ для единодержавія воспоминаній; онъ ставилъ свой произволь выше всего, заставлялъ самую церковь позволять себѣ то, чего позволять она никому другому не должна была, и создавалъ себѣ новыхъ слугъ единодержавія, обязанныхъ возвышеніемъ ему, а не породѣ, и въ дѣлѣ службы единственно по его волѣ дѣйствующихъ. Всѣ казни сходили ему съ рукъ, потому что меньшинство хотѣло ограниченія самодержавія, а за самодержавіе была вся громада народа, для которой противно было всякое раздѣленіе власти, чужда всякая сложность, взаимозависимость, громада, которая нуждалась, прежде всего, во внѣшней безопасности, и испытала вѣками, что только при власти единого можно сколько-нибудь ее достигнуть, покоралась этому единому безропотно, безъ размышленія, повѣряла его волѣ вѣчнаго промысла, для этого единого, избраннаго небомъ, хотѣла жить, ему принадлежать. Борисъ, правившій Московскимъ государствомъ при Федорѣ въ качествѣ правителя, потомъ въ званіи царя, какъ воспитанникъ той эпохи, когда Иванъ укрѣпилъ единодержавіе, продолжалъ его дѣло. Естественное было за полвѣка образоваться поколѣнію, которое соображало свои поступки не по святости преданій, не по совѣсти или по чувству долга, а по страху или ближайшимъ видамъ собственной выгоды; то было поволѣніе холопей, показавшихъ свое нравственное состояніе больше всего добровольною службою вѣдомому обманщигу. Но вотъ московская держава окончательно распалась. Пришлось

рѣшать участь земли своей. Естественно было склоняться въ ту сторону, гдѣ было болѣе пугающей силы и надеждъ на выгоды. Такою стороною была тогда сторона польская. Но Польша была нація съ такимъ строемъ, что первое сближеніе съ нею тотчасъ пробуждало уснувшія противосамодержавныя побужденія. У бояръ, которые теперь стояли на челѣ правительства, были опасныя для самодержавія горькія семейныя воспоминанія. Почти у всѣхъ покойные цари замучили родителей или ближнихъ родственниковъ. Самъ Мстиславскій помнилъ отца своего, насильно постриженнаго и замученнаго Борисомъ, помнилъ сестру свою, насильно постриженную въ монастырь во цвѣтъ лѣтъ, и зятя царя Симеона, какъ говорили, ослѣпленнаго Борисомъ. Князь Воротынскій, сидѣвшій по волѣ Бориса долго въ тюрьмѣ, и князь Ив. Ник. Одоевскій, не забыли конечно ни своихъ собственныхъ несчастій, ни своихъ знаменитыхъ доблестями отцовъ, вмѣстѣ изжаренныхъ Иваномъ Грознымъ. Салтыковы считали въ своемъ родѣ Льва Андреевича съ сыновьями, Никиту (отца жившаго тогда Ив. Никитича) и Федора; Борисъ Мих. Лыковъ былъ сынъ почтеннаго доблестями и умомъ боярина Михайла Матвѣевича, умерщвленнаго по приказанію Ивана Грознаго; Шереметьевы помнили дядей своихъ Ивана и Никиту; Буракины, Бутурлины, Головины, считали въ числѣ замученныхъ Иваномъ своихъ ближнихъ родныхъ; Романовы и Нагіе помнили страданія своего рода отъ Бориса. Очень естественно было пожелать имъ охранить себя и свои роды отъ подобнаго произвола на будущія времена. Естественно было воскреснуть прежнимъ побужденіямъ отцовъ и дѣдовъ ихъ. Обстоятельства располагали къ этому; Московское государство входило въ союзъ съ Польшею, гдѣ ограниченіе монархической власти и свобода аристократическаго сословія были главнѣйшими признаками общественнаго строя. Польша была имъ достаточно знакома; нѣкоторые бывали въ этой странѣ и приглядѣлись къ свободѣ тамошнихъ пановъ, другіе знали ее по рассказамъ. Какъ ни удалялись по наружности московскіе люди отъ запада, но въ то же время усилилась потребность сближенія съ нимъ и усвоенія приемовъ западнаго просвѣщенія. Иностранцы, говоря вообще дурно о нравственныхъ качествахъ московскихъ людей, отдають, однако, честь ихъ дарованіямъ и любознательности нѣкоторыхъ. Не смотря на отсутствіе средствъ къ образованію, не смотря на то, что благочестіе почитало образованность еретичествомъ, были люди, широко образованные по тогдашнему времени. Князь Курбскій, упоминая о жертвахъ Ивановыхъ мучительствъ, насчитываетъ между ними нѣсколькихъ знатныхъ лицъ,

приобрѣвшихъ европейскую образованность; любопытенъ разсказъ Маскевича поляка, бывшаго въ это время въ Москвѣ и познакомившагося съ овольничьимъ Федоромъ Головиннымъ, который разсказывалъ, что братъ его желалъ учиться иностраннымъ языкамъ и нашелъ себѣ двухъ иноземцевъ—одного нѣмца, для нѣмецкаго, другого поляка—для латинскаго языка. Эти учителя должны были ходить къ нему въ русскомъ платьѣ, и онъ оставилъ послѣ себя много книгъ и переводовъ. Такихъ примѣровъ конечно былъ не одинъ. О Филаретѣ Никитичѣ говоритъ англичанинъ Горсей, что онъ составилъ для него учебную книгу латинскаго языка. Тогда учиться иноземнымъ языкамъ и наукамъ, которыя считались также мудростію иноземною, было опасно: сейчасъ сочтутъ еретикомъ, чернокнижникомъ, отщепенцемъ отъ вѣры, а потому, если кто, сообразно природнымъ стремленіямъ къ умственному труду и знаніямъ, хотѣлъ учиться, то долженъ былъ дѣлать это тайно.

Когда царствовалъ именовавшій себя Димитріемъ, его окружили и поддерживали люди, расположенные къ западному просвѣщенію: одинъ изъ нихъ, Иванъ Хворостининъ, уже при Михаилѣ пострадалъ за это предпочтеніе иноземщины и недовольство русскою стариною, — за то, за что заслужилъ расположеніе Димитрія. Когда благочестивые хранители старины вопіяли противъ всякой попытки измѣнить извѣстный порядокъ, всякое знаніе считали грѣхомъ, всякаго иновѣрца — хуже собаки, находились многіе, которые хотѣли вырваться изъ этихъ нравственныхъ узъ. Замѣчательно, что Буссовъ, описывая дурныя качества московскаго общества, укоряетъ его въ пристрастіи къ иноземнымъ обычаямъ. Московское государство, въ началѣ XVII вѣка, имѣло уже въ нѣдрѣ своемъ Россію XVIII вѣка — двѣ противоположности, двѣ крайности: неподвижность старинной буквальнойности раскола и легкое раболѣпное увлеченіе западною иноземщиною высшихъ классовъ. Все, что чувствовало тягость старины, — искало освѣженія въ западной цивилизаціи; оно готово было броситься въ объятія полякамъ, и такихъ могло быть тогда не мало, пока поляки не заставили ихъ одуматься и повернуть назадъ.

II.

Недовольство патриарха. — Присяга Владиславу. — Посольство польскихъ приерженцевъ вора къ королю. — Свиданіе Жолѣвскаго съ Яномъ Сапѣгою. — Бѣгство вора изъ-подъ Москвы. — Снаряженіе московскаго посольства къ королю.

Заклученный договоръ бояре отправили на благословеніе патриарха; съ нимъ пошли и тѣ, которые были въ тушинскомъ лагерѣ и первые подали Сигизмунду просьбу о Владиславѣ. То были: Михайло Салтыковъ и сынъ его Иванъ, князя Василій Мосальскій и Ѳеодоръ Мещерскій, Михайло Молчановъ, Григорій Кологривовъ, Василій Юрьевъ; они подошли къ патриарху просить благословенія. Патриархъ, нахмурившись, сказалъ: «Если въ намѣреніи вашемъ нѣтъ лукавства, и вы не помышляете нарушить православную вѣру и привести въ разореніе Московское государство, то пребудетъ на васъ благословеніе всего собора четырехъ патриарховъ и нашего смиренія, а иначе — пусть ляжетъ на васъ клятва отъ всѣхъ четырехъ православныхъ патриарховъ и отъ нашего смиренія, и вы будете лишены милости Бога и Пресвятыя Богородицы и примете мечь отъ Бога наравнѣ съ еретиками и богоотступниками». Михайло Салтыковъ началъ плакать и увѣрять, что въ немъ нѣтъ лукавства, что онъ жизнь готовъ положить за православную вѣру. Патриархъ, наконецъ, благословилъ всѣхъ, кромѣ Михайла Молчанова, убійцу Борисова сына, игравшаго недолго роль второго Димитрія. Патриархъ всенародно крикнулъ на него въ церкви: «Окаянный еретьякъ! Ты не достоинъ войти въ церковь Божию! прочь отсюда!»

Послѣ договора началась присяга. Она происходила на Дѣвичьемъ-Полѣ. Тамъ были раскинуты шатры; обѣ стороны старались какъ можно роскошнѣе и праздничнѣе устроить это важное дѣло. Передъ убраннымъ налоемъ присягнули въ соблюденіи договора гетманъ, а потомъ польскіе военачальники за короля, королевича, за всю Рѣчь Посполитую и за ея войско. Потомъ двое архіереевъ приводили къ присягѣ русскихъ бояръ; за ними присягали служилые люди, гости, а потомъ уже множество всякаго народа. Присяга не окончилась однимъ днемъ; на другое утро большой кремлевскій колоколъ созывалъ народъ въ соборъ, потомъ нѣсколько дней повторялось то же; приводили къ ней московскихъ людей бояре и дворяне въ присутствіи отряженныхъ для того Жолѣвскимъ поляковъ. Сверхъ того въ разные города разсланы были дворяне и дѣти боярскіе для приведенія къ присягѣ городовъ съ ихъ землями. Въ окружной

граматъ, разосланной Мстиславскимъ по городамъ, объяснялось, что, послѣ низведенія Шуйскаго, былъ вызовъ выборныхъ людей подъ Москву, но до сихъ поръ никто изъ нихъ не явился, а между тѣмъ гетманъ Жолкѣвскій стоитъ подъ Москвою, и при немъ русскіе люди съ Салтыковымъ. Поэтому всѣ духовные и мірскіе люди всего Московскаго государства присудили просить на царство Владислава, королевича польскаго, но съ тѣмъ, чтобы онъ принялъ греческую вѣру. Вездѣ присягали обманутый такимъ образомъ народъ, и присягали въ увѣренности, что Владиславъ приметъ греческую вѣру. Присягать на вѣрность царю католическаго вѣроисповѣданія никто не былъ расположенъ на Руси, кромѣ такихъ, для которыхъ важнѣе и дороже всего на свѣтѣ были ихъ личныя выгоды. Но какъ ни много было тогда склонныхъ ко всякаго рода обманамъ, вынуждаемымъ страхомъ или выгодами, вѣра и для нихъ была такая святыня, за которую и они преображались въ доблестныхъ героевъ.

Впродолженіе переговоровъ, воръ и его шайка не дѣлали нападенія на Москву. Дожидались, чѣмъ окончится посольство къ королю. Гетманъ очень дорожилъ добрымъ согласіемъ съ Сапѣгою и своими соотечественниками воровскаго табора. Когда они жаловались, что тотчасъ по приходѣ гетмана царское войско сдѣлало нападеніе на Москву, а Салтыковъ былъ въ ней посланнымъ отъ гетмана, Жолкѣвскій не только запирался и увѣрялъ, что Салтыковъ ходилъ безъ его дозволенія, но еще соглашался, что Салтыковъ за это достоинъ наказанія и только по настоящимъ обстоятельствамъ слѣдуетъ ему простить. Гетманъ просилъ ждать, что привезутъ отъ короля посланцы; увѣрялъ, что не приступитъ ни въ какомъ случаѣ къ рѣшительному дѣлу съ Москвою безъ совѣта съ паномъ Сапѣгою, а о ворѣ отзывался въ отвѣтъ своемъ съ уваженіемъ и титуловалъ его царскимъ величествомъ ¹⁾.

Это посольство воровскаго табора держало подъ Смоленскомъ переговоры въ первыхъ числахъ августа. Воръ прислалъ королю письмо и просилъ не мѣшать ему покорить Москву, и за это дѣлалъ лестныя обѣщанія: «Мы — писалъ онъ — принимаемъ на себя и ручаемся нашимъ царскимъ словомъ, какъ только овладѣемъ столицей, тотчасъ заплатитъ въ казну Рѣчи Посполитой триста тысячъ, потомъ въ теченіе десяти лѣтъ будемъ платить каждый годъ по триста тысячъ зл., сверхъ того должны будемъ въ теченіи этого времени платить королевичу каждый годъ по ступе тысячъ зл., обѣщаемъ на нашъ собственный счетъ возвратитъ ко-

¹⁾ Рук. И. П. В. 81.

ронѣ польской Ливонію, обѣщаемъ помогать казною нашею польскому королю въ приобрѣтеніи шведской короны, и пока будетъ продолжаться эта экспедиція, доставлять ему способныхъ къ битвѣ изъ нашего народа до пятнадцати тысячъ, и кромѣ того помогать противъ каждаго непріятели. А относительно недоразумѣнія, которое возникло между нами и королемъ польскимъ, по поводу Сѣверской земли, мы не отречаемся отъ того, чтобы, сѣвши съ Божіей помощію на престолѣ предковъ нашихъ, уговориться объ этомъ черезъ своихъ великихъ пословъ, дабы повазалось, что кому принадлежитъ по справедливости».

Паны въ королевскомъ совѣтѣ разсудили, что странно было бы оказать помощь вору въ овладѣніи Москвою, когда та же Москва готова отдаться Польшѣ; притомъ нашли, что безчестно будетъ для короля помогать человѣку неизвѣстнаго рода, не царской крови, да притомъ не видно, чтобъ въ Московскомъ государствѣ была у него большая сторона. Призвали пословъ, сообщили имъ это, и замѣтили, что неприлично имъ являться отъ обманщика къ королю.

— Мы не запираемся, сказали послы, что человѣкъ, который себя называетъ Димитріемъ, неизвѣстно кто таковъ, но вы знаете много примѣровъ, когда Богъ возвышалъ людей изъ низкаго званія, какъ, на примѣръ, Саула и Давида. Чтò спрашивать: кто онъ и откуда онъ? Мы отвѣчаемъ: орудіе Божіе онъ! Счастливъ, кто не противится волѣ Божіей.

— Что вы сравниваете вашего вора съ Давидомъ! сказали паны. Это мерзко и гнусно. Воръ обѣщаетъ то, чего отдать не можетъ. Что намъ съ нимъ толковать, когда Москва присоединяется къ намъ посредствомъ избранія Владислава и присягаетъ ему добровольно! Вы оставьте ваше дѣло, служите королю своему, а не вору, а иначе вамъ придется вести войну и съ нами и съ московскимъ войскомъ.

— Бояре, сказали послы, хоть и сносятся съ гетманомъ объ избраніи Владислава, а попробуйте заикнуться имъ на счетъ уступки московскихъ провинцій Польшѣ. Увидите, что они скажутъ. Болѣе будетъ вамъ славы, если посадите на престолъ человѣка неизвѣстнаго, просящаго о спасеніи. Весь свѣтъ этому изумится. Князь московскій будетъ данникъ Польши, чего не было ни слыхано, ни видано. Развѣ мало пользы — такое царство держать въ неволѣ? Надобно эту птичку подщипать. Онъ теперь не можетъ явно уступать земель, пока не сядетъ на престолѣ, а то Москва отъ него отойдетъ. Но вѣдь Рязанская и Сѣверская земля уже намъ отдана съ позволенія бояръ, находящихся при Димитріѣ; слѣдовательно, эти земли теперь уже въ

рукахъ у поляковъ и не могутъ быть отняты. Москва крѣпче будетъ во власти Польши съ Димитріемъ, чѣмъ съ Владиславомъ. Московскій народъ привыкъ жить подъ рабствомъ. Ему нужно именно такого царя какъ нашъ, а не Владислава; онъ все сдѣлаетъ, что нашъ ему велитъ, онъ привыкъ повиноваться одному. Владислава принимаютъ на царство съ условіями, и держать будутъ на царствѣ съ условіями, а Димитрія мы посадимъ на престолъ безъ всякихъ условій, и онъ все будетъ дѣлать для Польши.

— Правда, сказали паны, народъ московскій любитъ рабство и не терпитъ свободы, готовъ переносить всякое тиранство, но только отъ своихъ природныхъ государей, а не отъ воровъ. Примѣръ мы видали на первомъ ворѣ. Если возвести вашего новаго вора, то надобно вести войну; а не думайте, чтобы можно было легко усмирить и покорить такое пространное государство. А Владиславу оно добровольно отдается.

Послѣ такихъ разсужденій, послы объявили, что поляки, служащіе у вора, отойдутъ отъ него, только пусть имъ дадутъ ассекурацію на сумму, составляющую двадцать четвертей съ удержаніемъ въ залогъ Сѣверской и Рязанской земли: эта сумма должна имъ выplatиться по занятіи Москвы поляками, а если не случится Польшѣ удержать за собою Московское государство, то пусть имъ заплатятъ изъ коронныхъ доходовъ по 30 золотыхъ на коня, считая войско вышедшимъ въ числѣ девяти тысячъ, а на будущее время по состоящему въ наличности числу 6,200; сверхъ того единовременно по 10 зл. на коня; пусть король проститъ имъ всѣ инфаміи, въ которыхъ многіе были присуждены прежде за разныя преступленія въ отечествѣ; пусть король приметъ въ милость также донскихъ казаковъ, и надѣлитъ ихъ жалованьемъ изъ московскихъ доходовъ.

Имъ отвѣчали: «Невозможно платить вамъ изъ коронныхъ доходовъ за то, что вы, безъ воли Рѣчи Посполитой, нарушая народныя права, вторгнулись въ чужое государство и служили у обманщика. Условія могли бы предложить вы, если бы за вами была какая-нибудь сила, а у васъ ея нѣтъ, и вы ничего не сдѣлали, не завоевали Москвы, да и Рязанской и Сѣверской земли еще не заняли, хоть и хотите взять въ залогъ.»

Послы воротились неудовлетворенными. Но, 13 августа, Жолѣвскій, вообще не желавшій раздражать соотечественниковъ, послалъ имъ ассекурацію, въ которой обѣщалъ служившимъ у Димитрія уплату за прежнюю службу наравнѣ съ тѣми изъ ихъ братья, которые прежде перешли въ королевское войско и сра-

жались подъ Клушинымъ, если и они, какъ тѣ, теперь же примкнуть къ королевскому войску 1).

Эта ассекюрація не успокоила поляковъ воровскаго табора. Они снова затѣвали напасть на столицу. Ихъ располагало къ этому то, что они слышали, что черный московскій народъ склонялся лучше покориться тому, кто носилъ имя ихъ природнаго царя, чѣмъ полякамъ. Странно покажется, какимъ образомъ тушинскій царикъ могъ снова имѣть много сторонниковъ и внушать страхъ, послѣ того, какъ вся Русь такъ крѣпко возстала противъ него за поблажку полякамъ, и дружно содѣйствовала Михайлу Скопину-Шуйскому. Между тѣмъ теперь не только московская чернь, но и города стали склоняться къ вору. 19 августа, пріѣзжали въ его обозъ съ повинною отъ Суздаля, Владимира, Галича, Ростова. Самъ воръ вовсе не былъ, какъ и прежде, предприимчивъ и самоувѣренъ; онъ помнилъ Тушино. Теперь въ его станѣ московскіе люди противъ него волновались, видимо хотѣли предать его, и въ тотъ самый день, когда къ нему пришли съ поклономъ отъ нѣсколькихъ городовъ, онъ убѣждалъ изъ обоза въ Симоновъ монастырь, оттуда хотѣлъ бѣжать подальше, но Сапѣга послалъ къ нему маршала и уговорилъ не терять мужества; онъ обѣщаль ему свое содѣйствіе, увѣрялъ, что поляки ни за что не покинутъ его, и если онъ не вѣритъ своимъ москвитянамъ, то пусть окружить себя одними поляками.

Бояре узнали о замыслахъ въ воровскомъ таборѣ и упрасивали Жолѣвскаго, чтобы онъ отвелъ поляковъ отъ вора и справился съ нимъ окончателно оружіемъ за одно съ москвичами. Гетманъ написалъ объ этомъ къ Сапѣгѣ. Послѣдній собралъ въ кѣло своихъ полковниковъ и ротмистровъ; прислалъ къ нимъ и воръ своихъ двухъ — Ивана Грекова и Нехорошаго. Рыцари дали Жолѣвскому отвѣтъ, въ которомъ повторяли уже много разъ сказанное ими о томъ, что ихъ привела въ Московскую землю любовь къ славѣ, а объ избраніи королевича Владислава выразились такъ: «Мы радуемся, что королевичу его милости отдалась столица, только не знаемъ, будетъ ли какаянибудь польза отъ этого отечеству; а мы, вошедши въ эту землю защищать справедливыя права ихъ величествъ царя и царицы, и сдѣлавши для нихъ много хорошаго, не посраимъ славы своего народа, не отступимъ отъ царя; и ни на что насъ не согласите безъ его воли.»

Послѣ такого отвѣта гетману ничего не оставалось, какъ идти съ оружіемъ противъ своихъ. Когда увѣщанія не брали,

1) Bibl. Kras. A. II. 23.

онъ двинулъ 25 августа войско свое, обогнувши Москву. Мстиславскій вывелъ къ нему пятнадцать тысячъ на помощь. И Сапѣга съ своей стороны вывелъ свое войско. Готово было, въ виду побѣжденныхъ москвичей, вспыхнуть междоусобіе у побѣдителей. Жолѣвскій, чтобы не допустить до такого соблазна, хотъ и принялъ воинственный видъ, но послалъ еще разъ къ Сапѣгѣ и приглашалъ его на свиданіе съ собою. «Я ничего такого не сдѣлалъ — говорить Жолѣвскій — что бы послужило во вредъ приобрѣтеннымъ кровью правамъ пана Сапѣги и его рыцарства.»

26 августа, Сапѣга выѣхалъ; и Жолѣвскій къ нему выѣхалъ. Оба войска стояли другъ противъ друга, ожидая, чѣмъ кончатся переговоры вождей.

Сапѣга сказалъ Жолѣвскому: «Я было-хотѣлъ составить генеральное кѣло, чтобы соединить оба войска, польское и царское, и привести къ согласію, но помѣшали этому ваша милость, пане гетмане, ибо вы выступили съ своимъ войскомъ противъ своей братіи.»

Гетманъ хотѣлъ убѣждать Сапѣгу и доказать ему несправедливость стороны, которой онъ держится, но Сапѣга перебилъ его и сказалъ: «Я не могу входить въ разговоры съ вами; прежде извольте приказать вашему войску отстудить, а то, видите, уже начинаются герцы между нашими и вашими.»

Жолѣвскій далъ знакъ, — войско отодвинулось; то же сдѣлалъ и Сапѣга. Жолѣвскій и Сапѣга разговаривали, сидя на коняхъ, въ полѣ, вдали отъ войска; около нихъ разѣзжались полковники. Сперва было вожди не поладили, и уже стали разѣзжаться, но потомъ сѣхались снова, поговорили и порѣшили: Сапѣга не станетъ мѣшать Жолѣвскому, и слѣдовательно своему королю; Жолѣвскій съ своей стороны постарается, чтобы царикъ былъ обезпеченъ и удовлетворенъ, но главное — Жолѣвскій обѣщалъ удовлетворить рыцарство.

Вожди разѣхались. Вечеромъ въ тотъ же день, Жолѣвскій прислалъ Сапѣгѣ на письмѣ условіе о царикѣ. Именемъ короля своего, коронный гетманъ обѣщалъ называющему себя Дмитріемъ Самборъ или Гродно съ дозволенія Рѣчи Посполитой, если Дмитрій оажетъ желаніе быть довольнымъ этимъ. Рыцарство Сапѣги собралось 26 августа, и генеральное кѣло порѣшило, что оно согласится поладить съ короннымъ гетманомъ и оставить Дмитрія, если только вознаградитъ король войско за ту службу, которую оно прослужило Дмитрію.

Послали отъ генеральнаго кѣла къ вору двухъ — Быховца и Побѣдинскаго, которые такъ ему говорили: «Король вашей ми-

люсти даетъ Самборъ или Гродно, что сами выберете; соглашайтесь, ваша милость, приступить на договоръ съ гетманомъ, а то, видите, уже столица отдалась королевичу; трудно завладѣть столицей.»

Чрезвычайно оскорбительно должно было показаться вору это предложеніе, особенно послѣ того, какъ онъ самъ недавно хотѣлъ бѣжать, а его останавливали поляки и общали стоять за его права. Говорятъ, въ порывѣ первой досады онъ сказалъ: «Да лучше я буду служить у мужика и кусокъ хлѣба добывать трудомъ, чѣмъ смотрѣть изъ рукъ его величества!» Жена его въ раздраженіи сказала тогда этимъ депутатамъ: «Пусть король Сигизмундъ отдастъ царю Краковъ, а царь ему изъ милости уступить Варшаву.»

Боярское правительство тотчасъ вошло въ пріязненныя отношенія съ Сапѣгою, послало къ нему боярина Нагого, и просило привести русскихъ людей, находившихся у него въ ополченіи, въ присягѣ Владиславу.

Воръ думалъ-было еще держаться подлѣ Москвы, и заперся въ Угрѣшскомъ монастырѣ¹⁾. Тогда гетманъ выпросилъ позволеніе у боярѣ пройти съ войскомъ черезъ Москву: онъ хотѣлъ захватить вора въ монастырѣ. Но воръ не попалъ въ просакъ; какой-то измѣнникъ москвичъ предупредилъ его, и онъ убѣжалъ вмѣстѣ съ женою, женскою прислугою и съ казацкимъ атаманомъ Заруцкимъ, въ сопровожденіи отряда донцовъ, въ Серпуховъ, а потомъ въ Калугу; не успѣли почти ничего увезти съ собою. Жолѣвскій воротился назадъ на Дѣвичье-Поле. Этотъ проходъ черезъ Москву внушилъ тогда довѣріе къ полякамъ. Войско, вошедши въ столицу, не воспользовалось этимъ и не захватило ея. Бояре, бывшіе при ворѣ, прибыли въ Москву и присягали Владиславу. То были: Михайло Туренинъ, князь Ѳедоръ Долгорузій, князь Алексѣй Сицкій, князь Ѳедоръ Засѣкинъ, Александръ Нагой, Григорій Сумбуловъ, Ѳедоръ Плещевъ, дьякъ Петръ Третьяковъ и другіе.

Пиры сопровождали изгнаніе вора. Жолѣвскій, 29 августа, у себя въ лагерѣ угощалъ роскошнымъ обѣдомъ боярѣ и дворянѣ, а въ заключеніе, по обычаю вѣка, всѣхъ отъ мала до велика надѣлилъ подарками, — кому коня, кому саблю, кому чашу подарилъ; за недостаткомъ своего, онъ бралъ у ротмистровъ и дарилъ москвичей. Черезъ нѣсколько дней, 2 сентября, князь Мстиславскій угощалъ у себя въ столицѣ гетмана и многихъ польскихъ военачальниковъ. Обѣдъ этотъ, по свидѣтельству очевидца,

¹⁾ Życie Sap. II, 223.

происходилъ въ трехъ комнатахъ собственнаго дома Мстиславскаго, и тутъ-то русскіе передъ поляками щеголяли своими медами, которыхъ поставили множество сортовъ, и своими соболями, которыми, по обычаю, дарили гостей. Съ Сапѣгою послѣдовало повидимому согласіе; на колѣ генеральномъ, 31 августа, сапѣжинцы положили оставить вора, сойтись съ Жолкѣвскимъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ далъ имъ отъ имени короля ассекурацію въ уплатѣ жалованья и вмѣстѣ съ тѣмъ обязался защищать ихъ какъ равныхъ себѣ, если бы король не призналъ гетманской ассекураціи. Положили ждать уплаты до Михайлова дня въ сентябрѣ.

Наконецъ, по освобожденіи Москвы отъ вора, Жолкѣвскій потребовалъ отъ боярѣ, чтобы русскіе отправили къ Сигизмунду посольство, какъ было постановлено въ началѣ. Это посольство должно было состоять изъ выборныхъ всей земли, отъ всѣхъ чиновъ народа. Но заправлялъ всѣмъ гетманъ. Къ нему тогда поддѣлался-было Василій Голицынъ, человѣкъ хитрый, двоедушный, умѣвшій обмануть. Онъ прикинулся ревностнѣйшимъ сторонникомъ польскаго господства, разливался слезами и говорилъ: «Мы будемъ просить королевича, чтобы онъ принялъ греческую вѣру, но хоть онъ не приметъ, мы все-таки будемъ ему прямить. Мы ему крестъ цѣловали. Онъ нашъ государь.» Это понравилось гетману и онъ писалъ королю, что Голицынъ добрый и надежный человѣкъ. Гетманъ поручилъ ему набрать товарищей, и Голицынъ подобралъ себѣ такихъ, что хотя они казались представителями земли русскою, но въ сущности приняли свои обязанности по волѣ Голицына. Гетманъ настоялъ, чтобы ѣхалъ въ числѣ пословъ митрополитъ Филаретъ. Ему хотѣлось удалить изъ Москвы этого опаснаго человѣка, и имѣть въ рукахъ своихъ. Гетманъ слышалъ, какъ поговаривали, не выбрать ли въ цари Филаретова молодого сына, Михаила. Желаніе гетмана въ этомъ случаѣ было, однако, согласно и съ желаніемъ патріарха. Бояре собрались на совѣтъ въ Кремлѣ, и сообразуясь съ волею гетмана, назначили послами изъ духовенства митрополита Филарета, изъ боярѣ князя Василія Васильевича Голицына, изъ окольничьихъ князя Данила Иван. Мезецкаго, изъ думныхъ дворянъ Василія Борисовича Сукина, изъ думныхъ дьяковъ двухъ: Томилу Луговскаго и Сыдавнаго-Васильева, бывшаго въ прошлый годъ въ Швеціи, десять человѣкъ стольниковъ и думныхъ дворянъ, 41 человѣка дворянъ изъ городовъ, по большей части по одному изъ города, и изъ немногихъ, именно изъ тѣхъ, которые были на театрѣ войны съ Польшею, по два (изъ Смоленска, Вязьмы, Дорогобужа, Брянска), да по два изъ двухъ

новгородскихъ пятинъ; сверхъ того назначенъ былъ одинъ стрѣлецкій голова, девять подъячихъ, одинъ отъ гостей, пять торговыхъ людей и семь человекъ стрѣльцовъ; съ ними была свита провожатыхъ и людей посольскихъ 293 человека, какъ будто бы представлявшихъ другія сословія. Это посольство получило наказъ, въ которомъ возобновлялись требованія, отклоненныя временно Жолкѣвскимъ, чтобы Владиславъ непременно крестился въ греческую вѣру, и при этомъ указывалось, у кого ему принимать крещеніе, именно у митрополита Филарета, прежде прихода въ Москву, чтобы его можно было встрѣтить патриарху и всему духовенству со крестами и чудотворными иконами, чтобы, царствуя въ Москвѣ, онъ женился на православной, чтобы не ссылался съ папою о вѣрѣ, и не принималъ отъ него благословеній, и чтобы въ свое царствованіе не допускалъ въ Московское государство учителей римской вѣры. За отступленіе отъ вѣры въ католичество русскихъ, какого бы званія они ни были, слѣдовало казнить смертію, а ихъ имѣнія и имущества брать на государя; требовалось также, чтобы новый царь не приводилъ съ собой много поляковъ. Относительно вѣры, посламъ не дозволялось входить въ состязаніе съ духовными по религіознымъ вопросамъ, а велѣно настаивать на томъ, что всѣ прежніе государи были греческой вѣры, и указывать на примѣръ самого Сигизмунда, который, бывъ прежде протестантомъ, восходя на престолъ польской католической страны, принялъ, однако, римскую вѣру; и не только не поддаваться ни на какія отговорки поляковъ, но не соглашаться даже на то, чтобы Владиславу креститься въ Москвѣ; требовать, чтобы онъ непременно принялъ греческую вѣру въ Смоленскѣ, и вступилъ на царство уже православнымъ; а въ концѣ концовъ, въ случаѣ рѣшительнаго несогласія, предложить самому Сигизмунду и сыну его писать объ этомъ самому патриарху съ соборомъ, къ боярамъ и ко всей землѣ, а имъ отъ себя сказать, что они, какъ послы, не получили отъ собора и отъ всей земли на то приказа. Точно также надлежало поступать и въ остальныхъ статьяхъ, кромѣ статьи о женитьбѣ, которая была смягчена тѣмъ, что предоставляли Владиславу объ этомъ дѣлѣ впоследствии совѣтоваться съ патриархомъ и съ боярами, но ни въ какомъ случаѣ не допускали его жениться самовольно безъ совѣта съ ними. Вообще же послы должны были стараться, чтобы Владиславъ скорѣе пріѣхалъ въ Москву; при этомъ бралось въ расчетъ то, что какъ скоро королевичъ будетъ въ Москвѣ, то неволью станетъ для русскихъ залогомъ противъ польскихъ покушеній.

Послы отправились, а Жолкѣвскій между тѣмъ уже получилъ

отъ Сигизмунда тайное приказаніе, привезенное измѣнникомъ русскимъ, Ѳеодоромъ Андроновымъ, склонять Мосеву и Московское государство къ присягѣ на имя Сигизмунда, а не на имя Владислава.

III.

Совѣщанія въ королевскомъ станѣ подъ Смоленскомъ. — Консидерація, привезенныя Андроновымъ. — Занятіе Москвы польскимъ войскомъ. — Отъѣздъ Жолкѣвскаго.

Въ то время, какъ Жолкѣвскій бился изъ всѣхъ силъ, чтобы склонить москвичей къ договору и приобрести себѣ славу, король подъ Смоленскомъ слушалъ рѣчи соперника гетмана, брацлавскаго воеводы Яна Потоцкаго, и его брата, королевскаго повоёваго Стефана. Они особенно представляли королю, что договоръ, заключенный Жолкѣвскимъ, не долженъ имѣть силы. Много дѣйствовала здѣсь и зависть; брацлавскому воеводѣ было досадно, что самъ онъ не могъ взять Смоленска, тогда какъ Жолкѣвскій можетъ теперь хвалиться, что взял столицу и съ нею все царство Московское. Потоцкій желалъ повернуть дѣло такъ, чтобы не вышло по договору гетмана. Онъ представлялъ: «Опасно отдать Владислава варварскому народу, съ малымъ отрядомъ поляковъ и литовцевъ, какъ этого москвичи требуютъ, да еще и войско вывести изъ Московіи. Они нарочно того хотятъ для того, чтобы юноша, оставшись безъ всякой защиты, былъ отданъ на волю ихъ варварству. Жизнь королевича будетъ всегда подъ страхомъ: словно мечъ будетъ висѣть надъ нимъ на волоскѣ. Пусть лучше король до конца оружіемъ поработитъ москвитянъ, теперь уже разоренныхъ и потерявшихъ силу отъ междоусобій; пусть теперь побѣдитель самъ надѣнетъ корону и дастъ побѣжденнымъ законъ; больше чести королевичу получить эту корону отъ рукъ отца, чѣмъ отъ плутовъ москвитянъ».

Другіе паны прибавляли: «Король не можетъ безъ нарушенія присяги Рѣчи Посполитой дѣлать уступокъ москвитянамъ. Король явно, съ согласія сейма, сначала польскаго, въ Люблинѣ, а потомъ литовскаго, въ Вильнѣ, отправился въ московскій походъ, и теперь онъ долженъ служить общественному благу, а не дѣлу своего семейнаго возвышенія; по этому, что бы онъ ни приобрѣлъ оружіемъ, — все это онъ долженъ отдать государству, а не однимъ своимъ дѣтямъ. Такъ король уже общалъ, и его воля сообщена провинціальнымъ сеймикамъ, и письма отъ него посланы въ сенату и посламъ. Если теперь Владислава отправить на москов-

свій престоль, то это подастъ сейчасъ предлогъ къ безпокойствамъ въ Польшѣ и Литвѣ; вспыхнуть еще не совсѣмъ потухші искры междоусобной войны, возникнуть подозрѣнія, станутъ толковать, что король хочетъ присвоить самодержавную власть, и для этого-то приобрѣтаетъ для сына чужое сильное царство, тобы, утвердившись такимъ могуществомъ, соединенными силами привести въ дѣйствіе свои намѣренія. Прежде надо было спросить сеймъ — дозволить ли онъ отправить Владислава, польскаго принца, на московскій престоль? — Этими внушеніями паны принудили короля освоиться съ мыслию, что Жолѣвскій вступилъ неправильно, заключивъ договоръ; что на Московскую землю слѣдуетъ смотрѣть какъ на край, завоеванный польскимъ оружіемъ, а вовсе не такъ, какъ на свободное государство, выбирающее на свой престоль польскаго королевича.

Противники Потоцкаго доказывали, напротивъ, что Владислава нужно послать въ Москву, потому что это успокоитъ землю, иначе она станетъ волноваться; но и они не соглашались съ тѣми требованіями русскихъ, которыя Жолѣвскій самъ не могъ принять и отослалъ на рѣшеніе короля; они совѣтовали отправить московскихъ пословъ на сеймъ; такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, король сложитъ съ себя отвѣтственность въ такомъ важномъ дѣлѣ. Были такіе, что думали согласить противоположности, сдѣлать такъ, чтобы и Владиславъ былъ таки московскимъ государемъ, и Московское государство находилось подъ властію у поляковъ. «Пусть Владислава отправляютъ въ Москву — говорили они — но пусть онъ будетъ тамъ такою государь, какъ господарь Валахскій, зависимый отъ Польши». Нѣкоторые разсуждали такъ: «Неужели это избраніе кто-нибудь изъ москвитинъ можетъ назвать добровольнымъ, когда оно произнесено съ поднятою надъ ихъ горломъ саблею? Если бы имъ королевичъ въ самомъ дѣлѣ полюбился, такъ они выбрали бы его тогда, когда были сильны; а то — за Шуйскаго шли умирать противъ гетмана, а какъ онъ ихъ разбилъ, тогда они видятъ, что мы ихъ завоюемъ, и пустились на хитрости и выдумали выбирать королевича. Что же, они насъ провести хотятъ? Зачѣмъ же, избирая нашего королевича, вступая съ нами въ дружбу, требуютъ непременно, чтобы королевичъ крестился въ греческую вѣру, и чтобы поляковъ не вводить, не принимать на службу и не помѣщать ихъ на границѣ? Креститься велятъ христіанину; слѣдовательно насъ не считаютъ христіанами: хорошо же расположеніе къ нехристіямъ! и хорошо они думаютъ о будущемъ царѣ, если полагаютъ, что за кусокъ хлѣба онъ согласится быть ренегатомъ и потерпѣть поруганіе у всѣхъ народовъ и даже у

нихъ самихъ! И зачѣмъ же бояться поляковъ, не пускать ихъ, когда съ ними входятъ въ любовь. Какъ же это? Польскаго королевича берутъ себѣ въ цари, а поляковъ бояться!» Друзья Жолѣвскаго, какъ и онъ самъ, двоили: говорили, что договоръ, постановленный имъ, нужно соблюдать, но въ то же время опровергали его по частямъ и не располагали совершить избраніе Владислава такъ, какъ желали московскіе люди ¹⁾).

Канцлеръ Левъ Сапѣга, сторонникъ Жолѣвскаго, въ общихъ словахъ говорилъ, что нужно держать слово, данное москвитянамъ, но въ то же время старался угодить королю и соглашался съ его взглядами.

Доводы Потоцкихъ сходились съ собственными убѣжденіями Сигизмунда. Находясь подъ вліяніемъ іезуитовъ, этотъ король ясно понималъ недѣльность воцаренія сына на московскомъ престолѣ. Онъ предвидѣлъ, что Владиславъ, избираемый по неволѣ, не усидитъ на немъ, и его воцареніе ничего не произвело бы, кромѣ новыхъ кровопролитій. Гораздо благоразумнѣе казалось воспользоваться теперь же разстроеннымъ состояніемъ Московскаго государства, овладѣть имъ, присоединить ко всей Рѣчи Посполитой, порѣшить вѣковой споръ между двумя соперничающими державами, и отвратить отъ Рѣчи Посполитой опасность въ будущемъ, которую тогда уже многіе зрѣлые умы, подобно Сигизмунду, предвидѣли, понимая, что исторія такъ поставила отношенія между Польшею и Московскимъ государствомъ, что если первая не уничтожитъ послѣднее, такъ послѣднее уничтожитъ первую. Даже въ династическомъ отношеніи Сигизмундъ долженъ былъ предпочесть этотъ путь. Если ему, какъ отцу, хотѣлось, чтобы сынъ его царствовалъ, то онъ могъ болѣе надѣяться, что поляки, въ благодарность за его безкорыстіе и великій подвигъ расширенія предѣловъ Рѣчи Посполитой, выберутъ на престолъ того же Владислава, и онъ будетъ владѣть не только Москвою, но и Польшею. И вотъ, послѣ совѣщанія, происшедшаго 12 августа, король послалъ Андропова къ гетману, съ письмомъ и *консидераціями*, гдѣ излагались тѣ основанія, какія представляли Потоцкіе, и между прочимъ было сказано: «Мы обѣщали уже, что въ этомъ дѣлѣ не ищемъ своихъ частныхъ выгодъ, а ведемъ дѣло для пользы Рѣчи Посполитой. Если теперь безъ согласія чиновъ сдѣлать рѣшительный шагъ къ воцаренію Владислава, это значитъ возбудить новое смятеніе; значитъ чужое государство успокаивать, а свое подвергать безпорядкамъ. Притомъ королевичъ слишкомъ молодъ, и для устроенія такого об-

¹⁾ Kobierz. 338. — Bibl. Кг. В. 16.

ширнаго государства нужно болѣе опытности и знанія. Отдать королевича этому народу, вѣроломному по причинѣ религіи, грубыхъ обычаевъ, упрямаго сердца, развратныхъ нравовъ, у котораго суровость замѣняетъ право, рабство стало природою, — значитъ испортить молодую натуру королевича, лишить его воспитанія, и самую жизнь его подвергать опасности. Если они избираютъ королевича на престолъ, то почему же и королю не идти къ столицѣ, почему имъ не хотѣть бы управляться королемъ? Пусть панъ гетманъ обратитъ на это вниманіе и переговоритъ съ Салтыковыми и съ другими, вѣдающими это дѣло. Впрочемъ, если такова Божія воля, если королевичъ, по согласію всѣхъ, вступитъ въ совершенно успокоенное государство, король отъ этого не прочь, но не иначе, какъ сдержавши свое слово передъ Рѣчью Посполитою, то-есть по волѣ всѣхъ чиновъ государства, и притомъ тогда, когда королевичъ достигнетъ зрѣлаго возраста и Московское государство совершенно будетъ внѣ опасности 1).>

Андроновъ прибылъ съ этимъ наказомъ уже поздно, 20 августа, по заключеніи договора. Жолгѣвскому, какъ поляку, быть можетъ и самому было бы пріятно, если бы Московское государство, вмѣсто избранія польскаго королевича въ цари, могло быть присоединено къ его отечеству; но съ его силами это совершить было трудно; дѣло было уже сдѣлано, и онъ понималъ, что тутъ, между прочимъ, дѣйствуетъ зависть его соперниковъ, которые нарочно допустили его заключить договоръ, чтобы потомъ сдѣлать его недѣйствительнымъ и умалить заслуги гетмана. Объявлять объ этомъ было невозможно. Еще прежде Салтыковъ говорилъ ему, что возвести на престолъ Владислава было не легко, а если народъ узнаетъ, что Сигизмундъ хочетъ быть самъ царемъ, то начнется большое кровопролитіе 2). Ему ничего не оставалось, какъ скрыть посланіе Сигизмунда, показывать видъ, что на московскомъ престолѣ будетъ сидѣть избранный въ цари королевичъ, а между тѣмъ оставить и упрочить въ столицѣ военную силу. Обстоятельства могли оправдывать въ глазахъ москвичаго народа такую мѣру. Бѣгство вора не покончило дѣла. Воръ все еще оставался знаменемъ для недовольныхъ, и ихъ было много. Московская чернь продолжала роптать, не довѣряла полякамъ, и не показывала желанія признавать царемъ польскаго королевича. Лица, которыя перешли отъ вора, не увидали ласковаго и дружелюбнаго приѣма со стороны своихъ собратій. Не

1) Bibl. Kr. B. 16.

2) Pism. Żolk. 82.

хотѣли допустить ихъ въ совѣтъ, не хотѣли признавать званій, въ которыя ихъ пожаловалъ воръ. Жолѣвскій, напротивъ, принималъ ихъ съ особенною ласкою, и упрашивалъ думныхъ людей помириться съ ними и забыть прошлое. «Это — представлялъ онъ — будетъ заохочивать и другихъ отставать отъ вора; напротивъ, если вы съ ними станете обходиться сурово, то и тѣ, что теперь отстали отъ вора, опять туда же убѣгутъ». Но думные люди на это говорили, что достаточно, если ихъ не наказываютъ, а они ихъ равными себѣ ни за что не считаютъ, и въ совѣтъ не примутъ ¹⁾. Отъ этого изъ передавшихся отъ вора нѣкоторые нарушили данную присягу и обратились къ вору снова. Такъ поступилъ Ѳеодоръ Плещеевъ, и за то сдѣланъ былъ отъ вора воеводою въ Серпуховѣ. Были и такіе, которые не отдавались вору, не хотѣли, однако, повиноваться королевичу; но всего больше было такихъ, что хоть и покорились наружно обстоятельствамъ, но отнюдь не чаяли добра отъ выбора иноземца на престолъ, да еще изъ Польши. Ѳеодоръ Андроновъ, въ сентябрѣ, въ письмѣ своемъ къ канцлеру Сапѣгѣ говоритъ, что рѣдкій тогда не былъ бунтовщикомъ. Дѣло избранія Владислава скривилось наскоро и по принужденію. Какъ только войско польское удалилось бы — противныя побужденія непременно взяли бы верхъ. Тѣ, которые искренно желали Владислава, составляли меньшинство. Кромѣ вора, у низложеннаго и постриженнаго Шуйскаго была также сторона, и та могла возрастать по мѣрѣ того, какъ возрастало отвращеніе отъ поляковъ.

Въ такихъ обстоятельствахъ, естественно возникла мысль — оставить въ Москвѣ польское войско. Бояре сами первые изъяснили Жолѣвскому эту мысль. «Какъ только польское войско отдалится — говорили они — чернь взволнуется; воръ изъ Калуги опять подойдетъ къ Москвѣ и его впускать въ столицу». Были перехвачены письма, изъ которыхъ увидали, что благопріятели вора только того и ожидали, чтобы войско польское удалилось, и тогда можно будетъ сдать Москву вору.

Поляки въ лагерѣ сперва съ радостію единодушно приняли предложеніе бояръ занять городъ. 16 сентября, литовскій референдарій Александръ Гонсѣвскій былъ посланъ изъ польскаго стана въ Москву, чтобы вмѣстѣ съ уполномоченными отъ боярскаго правительства росписать полякамъ помѣщеніе. Вдругъ одинъ монахъ ударилъ въ колоколъ; народъ всполошился; начали кричать, что поляки по-непріятельски входятъ въ столицу. Тогда бояре испугались народнаго движенія и стали просить

¹⁾ Pism. Żolk. 82.

польскихъ военачальниковъ пообождаютъ дня три. Оказалось, что народъ возбуждали люди партіи Шуйскаго. По этому поводу ожесточеніе бояръ противъ Шуйскаго до того дошло, что они уже поговаривали, — не перебить ли весь родъ ихъ; защитникомъ Шуйскихъ сталъ тогда гетманъ. Онъ объявилъ боярамъ, что король Сигизмундъ, какъ только узналъ о низложеніи Василя, то приказалъ Жолгѣвскому беречь его и не допускать надъ нимъ и его родомъ насилій. Патріархъ тайно благопріятствовалъ Шуйскому и предлагалъ сослать его въ Соловки; онъ надеялся, что въ этой отдаленной сторонѣ Шуйскій будетъ безопасенъ до поры до времени, а потомъ съ помощію своихъ сторонниковъ опять станеть царемъ. Но не такъ сдѣлали бояре, какъ хотѣлось патріарху. По просьбѣ Жолгѣвскаго они отдали ему въ распоряженіе ненавистную семью. Гетманъ тотчасъ приказалъ взять изъ Чудова монастыря братьевъ Ивана и Димитрія съ женою, и отослалъ ихъ съ полякомъ Невѣдомскимъ въ Бѣлугу, чтобы препроводить потомъ въ Польшу; сверженнаго царя послалъ въ Іосифовъ монастырь, а его супругу въ Суздальскій Покровскій монастырь.

Гетманъ, сначала охотно согласившись на впускъ войска въ столицу, потомъ впалъ въ раздумье. Приходилось рѣшить такъ или иначе: или совсѣмъ отходить отъ Москвы, или занимать ее; въ полѣ долге оставаться нельзя было; становилось холодно. Жолгѣвскій находилъ, что неудобно ставить войско въ Москвѣ, большимъ городѣ, гдѣ въ тѣснотѣ, во время возмущенія, котораго всегда можно было ожидать, московскіе люди въ расплохъ могутъ истребить поляковъ. Но уходить съ войскомъ вовсе отъ Москвы, значило оставить на произволъ судьбы такъ ловко поведенное дѣло, и дать возможность собраться и усилиться противодѣйствию, которое неизбежно должно было вспыхнуть. Жолгѣвскій былъ увѣренъ, что какъ только сдѣлается извѣстнымъ, что Сигизмундъ для себя, а не для сына, упрочиваетъ Московскую землю, то весь московскій народъ вооружится. Жолгѣвскій выбралъ средину. Уже войску расписаны были помѣщенія въ Кремль, Китай-городъ и Бѣломъ-городъ, какъ вдругъ гетманъ собралъ военный совѣтъ и сталъ говорить въ такомъ тонѣ: «Правда, я самъ прежде былъ такого мнѣнія, чтобъ поставить войско въ городъ, но теперь, осмотрѣвшись, нахожу, что нужно другое; я не могу при такомъ стеченіи людей открыть причины, которыя меня въ этому побуждаютъ, а вы отрядите ко мнѣ депутацію изъ двухъ человѣкъ отъ каждаго полка, и я имъ все объясню.»

Такъ и сдѣлалось. Въ гетманскомъ шатрѣ было по двое

депутатовъ изъ каждаго полка, и Жолгѣвскій говорилъ имъ такъ: «Москва городъ огромный. Государство Московское всѣ свои суды отправляетъ въ замкѣ, и тамъ управляются провинціи своими приказами. Мнѣ назначаютъ помѣщеніе въ замкѣ, другимъ въ Китай-городѣ, инымъ въ Бѣломъ-городѣ. Пропастъ народу сходится въ замкѣ по дѣламъ; иной разъ тысячь тридцать или двадцать. Выбравши удобное время, они подъ такимъ предлогомъ войдутъ въ замокъ, возьмутъ его и меня погубятъ, и вы также не уцѣлѣете; къ тому же у меня пѣхоты нѣтъ; все люди неспособны къ пѣшему бою, а у нихъ во власти и стѣны и ворота. Вспомните, что было при Димитріѣ; сколько нашихъ тогда пропало! То же грозитъ намъ и теперь. А мнѣ кажется лучше будетъ, если войско расположится по слободамъ, оволо столицы. Тогда столица будетъ у насъ какъ бы въ осадѣ; посмотрятъ вокругъ себя и не посмѣютъ подняться». Тѣ, которые недавно пришли изъ Польши, соглашались съ совѣтомъ гетмана, и находили съ своей стороны дѣйствительно опаснымъ расположиться въ столицѣ; но не понравилось это полку Александра Зборовскаго, который прежде находился при ворѣ, и три года старался добыть столицу. Теперь занять столицу казалось ему исполненіемъ давнихъ стремленій. Депутатъ отъ этого полка, Мархоцкій, возражалъ: «Ваша милость, милостивый панъ; напрасно думаете, что Москва теперь такъ же сильна, какъ при Димитріѣ, а мы такъ слабы, какъ тѣ поляки, что пріѣзжали тогда на царскую свадьбу. Спросите москвичей: они скажутъ, что со времени прихода Рожинскаго до настоящаго времени у нихъ погибло однихъ дѣтей боярскихъ до трехъ сотъ тысячь. Если ваша милость сомнѣваетесь и боитесь поставить цѣлое войско въ столицѣ, поставьте тамъ по крайней мѣрѣ нашъ полкъ: мы уже рѣшились на то, чтобы или смерть или награду за службу нашу получить въ Москвѣ. А что ваша милость думаете разставить въ слободахъ войско, то это значить ввести его въ большую опасность, чѣмъ если бы оно было въ самомъ городѣ. Мы только-что подружились съ Москвою и уже такъ ей довѣрились, что большая часть нашихъ ходитъ въ Москву и въ Кремль, когда захочетъ; и въ Краковѣ больше наблюдается осторожности! Теперь вообразите, что будетъ, когда поставите войско въ слободахъ; наши станутъ ходить въ городъ, да еще безъ оружія; москвичи коварны, выберутъ такое время, когда большая часть нашего войска будетъ въ городѣ, запрутъ ворота, возьмутъ въ плѣнъ тѣхъ изъ нашихъ, которые заберутся въ городъ, а остальныхъ отобьютъ отъ своихъ стѣнъ и

прогнать. Нѣтъ; ужь лучше и безопаснѣе ваша милость сдѣлаете, если, какъ можно далѣе, уведете войско отъ столицы.»

Жолкѣвскому не понравился тонъ, съ какимъ говорилъ Мархоцкій. Онъ закричалъ на него: «Я не вижу того, что видите вы; не угодно ли вашей милости быть гетманомъ; я вамъ уступлю свое начальство.»

«Я не хочу начальства, которое принадлежитъ вашей милости, милостивый панъ», сказалъ Мархоцкій; «не стану надобдѣвать вамъ болѣе своими убѣжденіями, но увѣряю васъ, если только ваша милость не поставите войска въ столицѣ, то и трехъ недѣль не пройдетъ, какъ Москва измѣнится. Я же отъ всего поля моего могу вашу милость увѣрить, что мы не будемъ ждать еще трехъ лѣтъ подъ столицею и добывать ее.»

Споръ тутъ рѣшенъ былъ боярами. Четыре человѣка заправили у нихъ всѣмъ этимъ дѣломъ и настаивали ввести королевскія войска въ столицу. Патриархъ сильно противился, посылалъ къ боярамъ умолять ихъ не пускать латинянъ въ городъ, и приглашалъ бояръ къ себѣ на совѣтъ. Бояре знали, что патриархъ будетъ упорно стоять противъ ихъ намѣренія, а, между тѣмъ, самъ имѣетъ власть и вліяніе, и потому хотѣли отдѣлаться отъ него, и покончить свое дѣло безъ него; но патриархъ отправилъ къ нимъ сказать, что если они къ нему не придутъ, то онъ самъ къ нимъ придетъ со всѣмъ духовенствомъ. Еслибъ это такъ случилось и народъ узналъ бы объ этомъ, то всякій понялъ бы дѣло такъ, что церковь не хочетъ того, что дѣлаютъ бояре; тогда народъ поднялся бы окончательно; бояре не допустили торжественнаго шествія къ себѣ духовенства, а сами отправились къ патриарху и застали у него лицъ изъ дворянъ и служилыхъ людей, нераздѣлявшихъ, какъ и онъ, намѣренія пустить поляковъ въ столицу. Сыпались разные упреки и подврѣнія; одни говорили: «Гетманъ объявилъ, что пришелъ съ войскомъ защищать насъ отъ вора; зачѣмъ же не ведетъ противъ него свои войска? Зачѣмъ же хочетъ въ Москвѣ поселиться? Значить, насъ отсюда высылаютъ на войну, а жены и дѣти наши останутся на произволь у поляковъ въ Москвѣ!» — Другіе же говорили: «Что же это за защитники? Царемъ у насъ хочетъ быть гетманъ, что ли?» На Жолкѣвскаго были явныя причины роптать. О примиреніи его съ Сапѣгою толковали такъ, что Жолкѣвскій не хотѣлъ идти на своихъ, и, будучи самъ полякомъ, примирился съ своимъ землякомъ на счетъ русской земли. Отъ Жолкѣвскаго требовали, чтобы онъ самъ лично шелъ на вора въ Калугу, а Жолкѣвскій, прогнавши вора отъ Москвы, не только не преслѣдовалъ его далѣе, не старался уничтожить,

но еще послалъ къ нему одного изъ своихъ пановъ, Валевскаго, уговорить вора и обѣщать ему отъ Сигизмунда удѣлъ и содержаніе, приличное тому сану, который онъ носилъ, и, только въ крайнемъ случаѣ совершеннаго неповорства королевской волѣ, грозилъ усмирить его оружіемъ. Многимъ такое обращеніе съ воромъ казалось оскорбленіемъ для Московскаго государства, которое такъ довърчиво положило на польскаго военачальника. Поднимались голоса вообще противъ присяги Владиславу; доказывали, что все это обманъ, что поляки не друзья, а враги, хотять въ конецъ разорить Московскую землю. Мстиславскій, какъ умѣлъ, опровергалъ ихъ и доказывалъ, что именно для защиты отъ вора и нужно впустить войско въ Москву. Тутъ пріѣхалъ къ нему князь Василій Черкасскій и извѣстилъ, что отъ гетмана прибылъ Александръ Гонсѣвскій — просить, чтобъ Мстиславскій съ боярами вышелъ изъ собранія повидаться съ нимъ. Послѣдній сказалъ: «Гетманъ готовъ идти противъ вора, но остановка за русскими. Пусть только московское войско будетъ готово и выйдетъ въ поле; польское сейчасъ же присоединится!» Мстиславскій попросилъ съ собою Гонсѣвскаго идти въ собраніе, гдѣ онъ повторилъ то же, что сказалъ Мстиславскому. «Видите ли—говорилъ Мстиславскій—поляки если и будутъ въ Москвѣ, то не въ большомъ числѣ; а всего будетъ ихъ столько, сколько потребно для защиты города отъ вора, остальные съ нашими пойдутъ на войну. А намъ нельзя нарушить ерестнаго цѣлованія, и мы должны умереть за того, кого царемъ себѣ выбрали. Мы отправили пословъ къ королю, такъ надобно ждать, а не измѣнять.» Не смотря на всѣ представленія, патріархъ все-таки говорилъ противъ введенія войска; тогда кто-то изъ бояръ замѣтилъ ему: «Дѣло твое, святѣйшій, смотрѣть за церковными дѣлами, а въ мірскія не слѣдуетъ тебѣ вмѣшиваться. Изстари такъ ведется, что не попы управляютъ государствомъ.» Въ заключеніе, какихъ-то четырехъ лицъ, особенно кричавшихъ противъ впуска поляковъ, Мстиславскій приказалъ схватить и посадить въ тюрьму.

На другой день, тѣ, что вмѣстѣ съ патріархомъ вооружались противъ впуска войска, сошлись съ боярами и отправились къ гетману. Жолѣвскій жаловался, что на него взводятъ разныя клеветы, оправдывался, изъявлялъ готовность идти противъ вора и не показывалъ охоты вводить войско въ столицу. Сами бояре уговаривали его и представляли крайнюю необходимость ввода. «Какъ только войско отойдетъ, говорили они, то черные люди призовутъ вора, столица попадетъ въ его руки; тогда прольется много крови и насъ всѣхъ перебьютъ; такому дѣлу былъ не одинъ примѣръ.

Такоже и недавно случилось съ Шереметевымъ: его при Шуйскомъ убили народъ во Псковѣ, гдѣ онъ былъ воеводою.» Противъ собственнаго желанія, Жолѣвскій, уступая только желанію временнаго правительства, рѣшился ввести войско въ Москву. Салтыковъ, Шереметевъ, Голицынъ и дьякъ Грамотинъ ѣздили по среди народа и уговаривали не тревожиться. Взволнованная толпа немного укротилась. Гетманъ началъ вводить войско. Въ Бѣломъ - городѣ поставленъ былъ полкъ Зборовскаго, бывшій, какъ сказано, съ воромъ въ Тушинѣ, и болѣе другихъ хотѣвшій засѣсть въ Москвѣ. Въ Китай-городѣ поставили полкъ Казановскаго. Дворы Шуйскихъ были отданы полякамъ подѣ по стой. Разставлены были въ Москвѣ нѣмцы, передавшіеся полякамъ подѣ Клушинымъ, послѣ пораженія Димитрія Шуйскаго. Въ Кремлѣ помѣстился самъ гетманъ. Потомъ вошелъ въ столицу полкъ Александра Гонѣвскаго, и часть этого полка изъ четырехъ ротъ поставлена была въ Дѣвичьемъ-монастырѣ, не входившемъ тогда въ городъ. Поляки вступали въ первопрестольный городъ тихо, свернувши хоругви, для того, чтобы русскіе не замѣтили и не узнали, какъ велико вошедшее войско. Чтобы сохранить постоянное сообщеніе войскъ, поставленныхъ въ Москвѣ, съ Литвою—въ Можайскѣ, Борисовѣ и Вереѣ помѣщены были полкъ Струся и Коруцаго, и полкъ самого гетмана. Для продовольствія войска бояре назначили каждой ротѣ, для кормленія, какіе-нибудь города съ волостями. Такоже, ротмистръ Маскевичъ, оставившій важный и любопытный дневникъ этихъ происшествій, говоритъ, что на его роту достались Суздаль и Кострома. Это росписание удерживало во власти Москвы города и предавало въ руки поляковъ государство. Пути отъ Вологды и Ярославля и отъ Коломны были въ ихъ рукахъ; по первому пути доставляли имъ разные привозные припасы, а по коломенскому—хлѣбъ. Изъ войска отправлялись товарищи съ пахолками для собиранія запасовъ. Надобно было полякамъ избавиться отъ русской военной силы, чтобы дать себѣ возможность остаться въ городѣ полными господами. Съ этою цѣлью часть московскихъ силъ, находившаяся тогда въ столицѣ, отправлена была какъ будто на помощь въ Струсю; предлогъ былъ благовидный — беречь Москву отъ нападенія вора. Ключи отъ всѣхъ воротъ Бѣлаго-города были у поляковъ; по всей стѣнѣ Бѣлаго-города стояли поляки на стражѣ. Гетманъ распоряжался по произволу московскою казною и сокровищами царей московскихъ и государства Московскаго. Такимъ образомъ, онъ посредствомъ московской сокровищницы избавился отъ Сапѣги. Послѣ примиренія съ гетманомъ, этотъ вождь съ своими удалцами стоялъ подѣ Московою,

уже повидимому вѣрнымъ слугою короля. 6 сентября, донскіе казаки, служившіе вору, передъ повоями, гдѣ жилъ Сапѣга, принесли крестное цѣлованіе на имя королевича Владислава ¹⁾. Но узнавши о ввѣдѣ войскъ, Сапѣга началъ домогаться права вступить въ Москву. «Мы» — говорили отъ него посланцы гетману — «одинаково служили съ полкомъ пана Зборовскаго; если ему дали въ Москвѣ стать, то и намъ слѣдуетъ.» Гетманъ говорилъ имъ, что онъ готовъ другимъ образомъ вознаградить ихъ. Тогда Сапѣга требовалъ, чтобы его пустили въ Рязанскую землю. Но этого Жолѣвскій не позволилъ. Онъ зналъ, какъ сапѣжинцы стали бы тамъ обращаться; пребываніе въ Рязанской землѣ возбуждало бы жителей противъ поляковъ вообще, а между тѣмъ Рязанская земля присягнула Владиславу безъ сопротивленія. Онъ позволялъ имъ идти въ Сѣверскую землю, потому что эта земля не признавала Владислава и держалась еще вора. «Эта служба будетъ лучше для Рѣчи Посполитой» — доказывалъ гетманъ — «вы приведете Сѣверскую землю въ повиновеніе.» Сапѣжинцы этимъ не удовлетворялись, потому что Сѣверская земля уже была разорена и не представляла надеждъ на поживу. Жолѣвскій обѣщалъ имъ дать изъ московской казны 10,000 рублей: собранныя прежде соборница царскія въ первый разъ должны были тратиться на вознагражденіе тѣмъ, которые столько лѣтъ разоряли московскую землю. Новое оскорбленіе націи со стороны Жолѣвскаго! 12 сентября, Сапѣга пріѣхалъ въ Москву къ коронному гетману, проститься съ нимъ. Здѣсь онъ увидалъ братьевъ Шуйскихъ, Ивана и Дмитрія; бояре, прежніе ихъ товарищи, отдали ихъ гетману, говоря, что боятса крамоль, которыя этотъ родъ постоянно устраивалъ. Получивъ обѣщанныя деньги, Сапѣга ушелъ въ Сѣверскую землю, и едва выступилъ изъ - подъ Москвы, за 12 верстъ, гонецъ отъ гетмана привезъ ему еще тысячу московскихъ рублей на вылѣчку раненыхъ и больныхъ.

На первыхъ порахъ Жолѣвскій держалъ поляковъ въ дисциплинѣ. Чтобы привязать къ себѣ москвичей и увѣрить ихъ въ своей справедливости, онъ устроилъ судъ, смѣшанный изъ поляковъ и москвичей; судьи должны были разбирать тяжбы и недоразумѣнія, возникавшія между жителями города и поставленными въ немъ польскими войсками. Тогда Жолѣвскій изъявилъ опасеніе, что наемное нѣмецкое войско, вошедшее въ Москву, можетъ при случаѣ измѣнить польскому, какъ оно уже разъ измѣнило московскому подъ Клушинымъ. Сами бояре боя-

¹⁾ Diar. Sapiehy.

лись, что, въ случаѣ народнаго мятежа, нѣмцы могутъ пристать къ толпѣ, какъ только увидятъ, что перевѣсъ потянулъ на сторону черни, и тогда выдадутъ бояръ на убой. Они подавали Жолѣвскому совѣтъ выслать ихъ. Въ этихъ видахъ, изъ двухъ тысячъ съ половиною нѣмцевъ, Жолѣвскій оставилъ только восемь сотъ пѣшихъ, а прочихъ выслалъ, заплативъ имъ за службу изъ той же царской казны, изъ которой заплатилъ уже Сапѣгѣ. Вотъ, еще разъ эта казна расточалась на вознагражденіе предателямъ Московской земли, какъ передъ тѣмъ изъ нея вознаградили ея разорителей.

Оставалось въ городѣ тысячъ восемнадцать стрѣльцовъ; сила эта была опасна въ случаѣ возстанія. Главнымъ надъ ними былъ уже назначенъ отъ короля—Иванъ Салтыковъ. Но бояре и ихъ боялись, и Жолѣвскій, по совѣту бояръ, отправилъ одну часть стрѣльцовъ съ Салтыковымъ въ Новгородъ, а другая часть поступила подъ начальство Гонсѣвскаго. Это былъ шагъ очень смѣлый. До того не было примѣра, чтобы надъ царскимъ войскомъ главноначальствовалъ иноземецъ по происхожденію; однако, Жолѣвскій предотвратилъ ропотъ по этому случаю подарками и попойками: у него были въ распоряженіи готовыя московскія деньги, и съ ними онъ могъ успѣвать для польскихъ видовъ, разумѣется, на короткое время. Чтобы соблюсти наружную правду, Сигизмундъ прислалъ Гонсѣвскому грамоту на боярство, и назначилъ его бояриномъ въ стрѣлецкомъ приказѣ: дѣло повернулось, какъ будто Гонсѣвскій начальствовалъ не какъ иноземецъ, а въ качествѣ московскаго боярина; но это отнюдь не согласовалось съ договоромъ, гдѣ не было дано права жаловать въ боярство чужеземцевъ даже царю, тѣмъ болѣе отцу его, королю польскому, не облеченному нивакимъ правомъ вмѣшиваться въ московское управленіе. Наконецъ, Жолѣвскій поладилъ наружно съ самимъ патріархомъ. Когда введено было въ Москву войско, патріархъ былъ къ нему враждебенъ. Гетманъ не рѣшился тотчасъ навѣстить его, но посылалъ къ нему письма очень вѣжливыя и почтительныя, обѣщалъ въ нихъ справедливость и, главное, уваженіе къ греческой вѣрѣ, а потомъ отправился къ нему лично, и затѣмъ еще нѣсколько разъ бывалъ у него. Патріархъ мало по малу сталъ глядѣть на него веселѣе и обращался съ нимъ дружелюбно, хотя не вполне довѣрчиво. Не таковъ былъ Гермогенъ, чтобъ его могли совсѣмъ обольстить поляки, чтобъ онъ могъ по душѣ сойтись съ какимъ бы то ни было латинникомъ.

Увѣряя москвичей, что Владиславъ пріѣдетъ, гетманъ зналъ хорошо, что Владислава не будетъ, что Москвѣ со всей москов-

ской землей готовится не воцареніе польскаго королевича, а порабощеніе Польшѣ. Андроновъ писалъ въ сентябрѣ къ канцлеру Сапѣгѣ: «Пану гетману показалось лучше всего обойтись съ москвичами сообразно ихъ собственнымъ *штукамъ*, а какъ приберутъ ихъ въ рукавъ, такъ эти штуки мало помогутъ имъ, и мы надѣмся на Бога, что современемъ разрушимъ ихъ штуки и поворотимъ ихъ умыслъ на иную, правдивую сторону»¹⁾.

Жолкѣвскому хотѣлось только обмануть москвичей именемъ Владислава и успокоить Московскую землю на короткое время, а самому убраться отсюда, чтобы, когда откроется обманъ, никто уже не имѣлъ случая посмотреть ему въ глаза. Принявши отъ московскихъ людей присягу на имя Владислава, увѣривши такъ долго и такъ горячо, что Владиславъ прійдетъ царствовать въ Московскомъ государствѣ, Жолкѣвскій хотѣлъ избѣжать необходимости сказать московскимъ людямъ: «Нѣтъ, не Владиславу, вашему царю, а польскому королю служить вы будете.» Жолкѣвскій предоставлялъ лучше другимъ додѣлать и передѣлать то, что онъ началъ и вполонину сдѣлалъ, и что ни въ какомъ случаѣ не могло оставаться въ первоначальномъ видѣ.

Между тѣмъ, польское войско въ Москвѣ требовало платы отъ правительства. Жолкѣвскій взялъ еще изъ царской казны десять тысячъ червонцевъ и роздалъ больнымъ, раненымъ и наиболѣе бѣднымъ; но этого было недовольно; нужно было еще истощить царскую казну, а черезъ то еще болѣе накоплялось недовѣріе и нерасположеніе московскихъ людей къ полякамъ. Жолкѣвскій, предвидя, что гроза близка, рѣшился наконецъ убраться изъ Москвы и объявилъ, что помѣщенный въ столицѣ польскій гарнизонъ остается подъ начальствомъ Гонсѣвскаго, а самъ онъ отправляется къ королю домогаться скорѣйшаго окончанія дѣла и присылки Владислава.

Тогда Мстиславскій явился къ нему въ сопровожденіи ста дворянъ и сталъ убѣждать оставаться. «Только ты, пане гетмане» — говорилъ онъ — «можешь успокоивать народъ; только при тебѣ не дойдетъ до ссоры между польскимъ войскомъ и московскимъ народомъ. Поляки задорны; ихъ некому будетъ держать въ рукахъ, а наши москвичи не любятъ иноземцевъ, и какъ разъ начнется смута.»

«Не ради моего, а ради вашего дѣла долженъ я ѣхать», отвѣчалъ Жолкѣвскій. «Я затѣмъ и отлучаюсь, чтобы какъ можно скорѣе привести къ концу дѣло и успокоить Московскую землю. Я буду просить его величество, чтобы онъ поскорѣе присылалъ

¹⁾ А. И. Ц, 356.

Владислава на царство, котораго всё желаютъ и ждуть; поэтому, когда я ворочусь, то вы примете меня съ такою же радостію, какъ теперь хотѣли бы не пустить и удержать. Пусть только москвичи будутъ тверды въ вѣрномъ цѣлованіи своему государю, а бояться своевольства польскихъ воиновъ нечего; я все такъ устрою, чтобы надъ ними оставалась та же строгость безъ меня, какъ при мнѣ.»

Мстиславскій долженъ былъ согласиться и говорилъ:

«Для твердости дѣла нужно, чтобы король безъ отлагательства созвалъ сеймъ и привезъ туда нашихъ московскихъ пословъ; тамъ бы дѣло нашихъ государствъ было повончено и получило крѣпость и силу согласіемъ короля и всѣхъ чиновъ Рѣчи Посполитой. Мы знаемъ, что у васъ, поляковъ, ничего просто не дѣлается безъ сеймового приговора, и какъ сеймъ окончится, тогда пусть немедленно жалуетъ къ намъ великій государь нашъ Владиславъ; мы просимъ, пане гетмане, передать наше желаніе его величеству.»

Въ послѣдній разъ собралъ гетманъ свое войско, осмотрѣлъ его, назначилъ надъ нимъ, вмѣсто себя, Гонсѣвскаго, и говорилъ такое наставленіе: «Мужествомъ и доблестями вашими мы овладѣли Московскимъ государствомъ и довели до того, что Московское государство, приговоромъ всей земли, просило государемъ своимъ и всей Руси королевича Владислава. Вѣрьте мнѣ, что теперь дѣло наше сохранить уже не храбрость ваша, не оружіе, а военная дисциплина, скромность и безобидное обхожденіе съ москвичами. Вотъ вѣрная стража, вотъ непреодолимая ограда власти Владислава. Видите ли, какъ москвитяне, памятуя ваши прежнія своевольства и нахальства, да къ тому же еще грабежи, безпрестанные задоры и оскорбленія, съ трудомъ хотѣли отпустить меня отъ васъ! Я старался разсѣять подозрѣніе и поручился за васъ вѣрою моею Мстиславскому и другимъ боярамъ— пусть же не напрасна будетъ моя надежда на избранныхъ воиновъ; думаю, что вы не забываете своего достоинства, дорожите своею честію. Если моя честь для васъ не важна, то васъ связываетъ присяга, данная Владиславу, котораго скипетръ и корона вамъ поручены. Какъ только москвитяне почувствуютъ ваше господство надъ собой, тотчасъ стануть къ вамъ дышать враждою, и какъ нарушится съ вами согласіе, такъ нарушится ихъ покорность, которую такъ недавно они принесли съ охотою. Смотрите же, чтобы не пропали даромъ наши военные труды, и, по причинѣ чьего-нибудь своевольства, Владиславъ не упустилъ бы того, что приобрѣла ему доблесть подданныхъ. Не пройдетъ вамъ даромъ ни малѣйшее преступленіе, наважется оно

такъ скоро, что прежде москвитяне услышать о наказаніи виновныхъ, чѣмъ ихъ жалобы дойдутъ до начальства. Наконецъ, помните вашего предводителя, пусть онъ остается въ душѣ у васъ. Я ѣду къ королю за тѣмъ, чтобы представить ему о вашей вѣрной службѣ, трудахъ, кровавыхъ страданіяхъ, и просить щедрого и милостиваго вамъ награжденія.»

Привезли снова въ Москву бывшего царя Василя. Онъ долженъ былъ слѣдовать съ Жолѣвскимъ въ изгнаніе. Въ день выѣзда, на улицахъ собралось множество народа провожать гетмана. Съ домовыхъ кровель и изъ оконъ посылали Жолѣвскому желаніе счастливой дороги и скорого возвращенія. Бояре и дворяне ѣхали съ нимъ верхомъ и расстались верстъ за семь отъ столицы. Впереди везли въ коляскѣ сверженнаго Шуйскаго; никто не осмѣлился оказать ему знаковъ сочувствія.

IV.

Отношенія польскаго войска къ жителямъ столицы. — Состояніе областей. — Награды отъ Сигизмунда московскимъ людямъ.

Гонсѣвскій остался предводителемъ войска, котораго въ Москвѣ, кромѣ наемныхъ нѣмцевъ, было четыре тысячи четыреста человѣкъ. Гонсѣвскій, дѣятельный и строгій, казался человѣкомъ съ качествами, нужными для начальника въ такое время. Онъ зналъ Московскую землю, бывалъ въ ней прежде, говорилъ хорошо по-русски, освоился съ обычаями и нравами края. Нѣсколько недѣль, еще до отъѣзда Жолѣвскаго, поляки съ русскими пребывали видимо ладно, по крайней мѣрѣ на сколько это было возможно между ними: «Жили мы съ дружбою на словахъ и съ камнемъ за пазухой», говоритъ современникъ; довѣрія, разумѣется, не было ни на волосъ съ обѣихъ сторонъ. Польская стража стояла день и ночь на стѣнахъ города; вооруженные отряды безпрестанно разѣзжали по столицѣ; народъ глядѣлъ на поляковъ изподлобья; но не смотря на это, одинаковость происхожденія и сходство въ характерѣ иногда сводили поляковъ съ московскими людьми. Обыкновенно русскій дичился сначала поляка, но когда по какому-нибудь случаю сходился съ нимъ, и послѣдній умѣлъ его обойти и повязаться ему добрымъ человѣкомъ, то знакомство между ними легко завязывалось. Маскевичъ, въ своемъ любопытномъ дневникѣ, рассказываетъ, какъ онъ сошелся съ околичнымъ Федоромъ Головинымъ: «Сначала—говоритъ онъ—не хотѣли меня пускать во дворъ;» ворота вѣчно

были заперты у московскаго домохозяина, но потомъ полякъ съскалъ предлогъ втереться къ нему; онъ свазался давнимъ знакомымъ его брата и жены его, которые убѣжали въ Литву при царѣ Грозномъ. Такъ онъ говорилъ Головину, но въ самомъ дѣлѣ Маскевичъ никогда не зналъ и не видалъ этихъ лицъ. Головинъ не только подружился съ нимъ, но и называлъ его роднымъ, кумомъ. Маскевичъ ввелъ съ собой и другихъ поляковъ, своихъ товарищей, въ домъ Головина. Русскій хозяинъ радушно принималъ всякаго, кого къ нему приводилъ названный кумъ. Подобнымъ же образомъ и другіе поляки втирались въ дома. Стали даже поляковъ приглашать на свадьбы и на пиры, забавля ихъ продѣлками шутовъ, которые, живя въ домѣ знатакаго человѣка, были всегда на готовѣ, по приказанію господина, плясать, вертѣться на канатѣ, кривляться и пѣть пѣсни; выводили къ нимъ изъ женскихъ половинъ дворянокъ (челядицъ) и заставляли ихъ потѣшать поляковъ хороходными пѣснями и пляскою, которая гостямъ, привышшимъ къ польскимъ танцамъ, казалась простымъ ноготопаньемъ и рувомаханьемъ. Многое въ обычаяхъ Московской земли приводило въ изумленіе поляковъ: и цѣлованіе съ разрумяненными женщинами, выходившими за обѣдомъ къ гостямъ, и горькій правезъ неоплатныхъ должниковъ у дверей приказа, и трезвость почтенныхъ особъ московскаго общества, противоположная разгульной жизни поляковъ.

Но нигдѣ такъ не являлось противорѣчіе между московскимъ челоѣкомъ и полякомъ той эпохи, какъ въ гражданскихъ и государственныхъ понятіяхъ обоихъ народовъ. Обласканные москвичами, поляки стали было восхвалять свою золотую вольность: «Вотъ, вы не знаете, что такое вольность, ея у васъ не было, — а какъ съ нами соединитесь, такъ и вы получите вольность!» Москвичи имъ на это давали такой отвѣтъ: «Вамъ дорога вапа вольность, а намъ дорога наша неволя. У васъ не вольность, а своевольство. Вы думаете, что мы не знаемъ, какъ у васъ сильный давить слабого, можетъ у него отнять имѣніе, самого убить? А какъ по вашему праву начать на немъ искъ, такъ протянутся десятки лѣтъ, пока приговоръ выйдетъ, — а другой и никогда не дождется его! У насъ же самый богатый бояринъ ничего не можетъ сдѣлать самому послѣднему челоѣку, потому что по первой жалобѣ защититъ отъ него царь. А если самъ царь со мною поступитъ несправедливо, то ему все вольно дѣлать, какъ Богу: онъ и караетъ и милуетъ. Тяжело отъ своего брата терпѣть, а когда меня самъ царь накажетъ, то вѣдь онъ на то государь, надъ которымъ нѣтъ большаго на землѣ; онъ солнце

праведное, свѣтило русское ¹⁾. Поляки изъ этихъ рѣчей увидели, что московскіе люди, какъ ни мало знакомы съ науками, которыя уважала Польша, но знаютъ о недостаткахъ польской жизни, прикрытыхъ блестящимъ свободословіемъ.

Послѣ ухода Жолѣвскаго, жолнѣрство стало своевольствовать. Трудно было какими-нибудь убѣжденіями усмирить его, когда въ тѣ времена вообще было такое убѣжденіе, что кто только вступилъ въ военную службу, то ему дозволяется то, что недозволительно другому: и дѣлать насилія невоеннымъ людямъ, и похищать чужое, въ особенности, когда воинъ находится въ чужой землѣ. «Мы нагрѣшимъ да исповѣдуемся — говорили жолнѣры-католики — а у отцовъ-францискановъ такое есть изъ Рима отпущеніе, что хотя бы кто чорта съѣлъ, такъ и тому грѣхъ простится!» На первыхъ порахъ, Гонсѣвскій строго преслѣдовалъ удалыя выходки. Блонскій, арианинъ, стоялъ на сторожѣ у Никольскихъ воротъ, и подгулявши, для забавы, выстрѣлилъ нѣсколько разъ въ изображеніе Богородицы, находившееся, по московскому обычаю, на воротахъ. Дѣло было не шуточное. Оно одно могло возмутить весь городъ. Какъ только бояре пожаловались предводителю, онъ приказалъ судить преступника, и ему всенародно отрубили обѣ руки и ноги, и прибили на воротахъ, гдѣ онъ стрѣлялъ, а туловище, еще живое, сожгли на кострѣ передъ этими самыми воротами. Но оскорбить чужую святыню было тогда молодецествомъ. По примѣру Блонскаго, кто-то потомъ выстрѣлилъ въ церковный куполь: и съ нимъ было бы то же, что съ Блонскимъ, да не отыскали виновнаго. Затѣвали жолнѣры поживляться женскимъ поломъ, и это не удавалось. Шель московскій человекъ съ женою и дочерью изъ бани. Какой-то пахолокъ схватилъ дочь и увелъ; некого было позвать на помощь, и не зналъ отецъ, на кого приносить жалобу. Гонсѣвскій приказалъ непременно отыскать виновнаго. Двѣ недѣли шель розыскъ; наконецъ, нашли дѣвушку, привели въ родительскій домъ, а жолнѣра судили и приговорили было къ смерти, но одинъ изъ судей, Бобовскій, предложилъ наказать его не по польскимъ, а по московскимъ обычаямъ: его высѣли кнутомъ всенародно. Московскимъ людямъ это понравилось, да и преступникъ, по замѣчанію Маскевича, не остался недоволенъ. Хоть спину исписали, да голову оставили. Съ однимъ поступлено было черезъ мѣру строго. Войсковой товарищъ Тарновецкій пьянствовалъ вмѣстѣ съ попомъ, и, поссорившись съ нимъ, ударилъ его по лицу до ерови. За это Гонсѣвскій велѣлъ ему

¹⁾ Pamiętn. Maskiewicza, 43.

отрубить руку противъ Фроловскихъ воротъ, въ Китай-городъ. Не только бояре, самъ патріархъ говорилъ, что за такую вину не слѣдовало казнить такъ жестоко. Въ тогдашнихъ нравахъ драка было явленіе чѣрезчуръ обыденное. Однако, Гонсѣвскій хотѣлъ показать своимъ подчиненнымъ примѣръ строгости на будущее время. Но трудно было присмотрѣть за всѣмъ, притомъ же не всѣ жолнѣры были вмѣстѣ въ Москвѣ. Изъ каждой роты товарищи съ пожитками отправлялись въ отпускаемые на ея прокормленіе города собирать продовольствіе, и тамъ-то была имъ своя воля. «Наши—говорить тотъ же дневникъ—ни въ чемъ не знали мѣры; они не довольствовались тѣмъ, что съ ними обходились ласково, но что кому нравилось, то и брали, хоть бы у помѣщика жену или дочь.» Начало повторяться въ Московской землѣ то, что было при Тушинскомъ ворѣ. Тогда бояре, чтобы не допустить до возстанія, сговорились съ Гонсѣвскимъ не посылать жолнѣровъ за продовольствіемъ, а жители въ городахъ должны были сами собирать деньги, по 50 золотыхъ на коннаго, и эти деньги привозить въ Москву, и тамъ уже ихъ надлежало раздавать гарнизону.

Примѣръ Москвы подѣйствовалъ сначала на города въ пользу Владислава. Въ присланныхъ грамотахъ • обнадеживали народъ, что Владиславъ приметъ православную вѣру, что съ нимъ не будетъ поляковъ: поэтому не было повода къ сопротивленію. Владимиръ, Ярославль, Нижній, Ростовъ, Устюгъ, Вологда, Бѣлоозеро, присягнули Владиславу. Великій-Новгородъ нѣсколько упорствовалъ и не хотѣлъ—было впустить Ивана Михайловича Салтыкова, но потомъ согласился и присягнулъ, съ условіемъ, чтобы Салтыковъ не вводилъ въ городъ поляковъ и литовцевъ. Присягнули Владиславу—Коломна, Серпуховъ, Тула. Прокопій Петровичъ Ляпуновъ, рязанскій воевода, державшій, какъ и прежде, всю Рязанскую землю подъ своимъ вліяніемъ, безъ противорѣчія одобрилъ избраніе Владислава и послалъ къ гетману въ Москву сына своего Владимира. Гонсѣвскій обласкалъ его, одарилъ и отправилъ съ честью назадъ къ отцу. Прокопій Петровичъ старался доставлять водою съѣстные припасы въ Москву для поляковъ, и былъ тогда самымъ ревностнымъ доброжелателемъ ихъ. Псковъ держался Дмитрія. Его земли наводнили бродячія шайбы Лисовскаго и Просовецкаго; они требовали вѣрности Дмитрію. Сначала друзья, эти два предводителя своевольныхъ шаекъ разсорились между собою и подрались до того, что съ обѣихъ сторонъ у нихъ на бою пало до тысячи человѣкъ. Города Великіе-Луки, Торопецъ, Иванъ-городъ, новгородскіе пригороды Яма, Копорье, Орѣшекъ, не слушались Новгорода и

признавали Дмитрія. Тверь, Торжокъ и прилежащіе города были во власти поляковъ, которые своевольничали тамъ самымъ не позволительнымъ образомъ и уже внушили омерзѣніе какъ къ полякамъ вообще, такъ и къ воцаренію ихъ королевича въ Московскомъ государствѣ. На Волокъ и въ окрестностяхъ его, Рупкій съ шайбою, составленною изъ поляковъ и черкасъ, билъ, грабилъ людей, опустошалъ землю. Поляки, литовцы и южно-русскіе удалцы (черкасы), валентари, какъ ихъ называли тогда, величая себя королевскимъ войскомъ, подъ предлогомъ сбора продовольствія и консваго корма, сновали изъ уѣзда въ уѣздъ, нападали на помѣстья дворянъ и дѣтей боярскихъ, разоряли и убивали владѣльцевъ и крестьянъ, сожигали дворы и вообще отличались особеннымъ варварствомъ и жестокостью. Старая-Руса, съ ея уѣздомъ, была во власти атамана Лаврина Рудницкаго, начальника двухтысячнаго запорожскаго казацкаго отряда, который тамъ неистовствовалъ дикимъ образомъ. Кавань, Вятка, Пермь, Астрахань не хотѣли присягать Владиславу и склонялись къ Дмитрію, чего не хотѣли сдѣлать тогда, когда еще онъ былъ силенъ, и когда ему другіе давали присягу изъ страха. Теперь, когда они услышали, что Москва признаетъ польскаго королевича, и поняли дѣло такъ, какъ оно дѣйствительно было, то-есть, что поляки поворяютъ Московское государство, и надобно будетъ повиноваться полякамъ, они готовы были ухватиться за какое-нибудь царственное имя; оставаться безъ царя было непонятно: еще не было такого примѣра. Въ восточныхъ краяхъ стало полное нестроеніе; шайки русскихъ удалцовъ, казаковъ съ Дона, казаковъ съ Запорожья, грабили и разоряли края; взбунтовались черемисы и также ходили шайками и нападали на русскихъ.

Земля Сѣверская признавала вора. Сапѣга взялся приводить ее на вѣрность къ королю. Его необузданное войско славилось неистовствами. Сапѣжинцы расположились въ уѣздахъ Мещовскомъ, Воротынскомъ, Перемышльскомъ, разоряли и убивали жителей, брали въ плѣнъ мальчиговъ¹⁾. Иванъ Михайловичъ Салтыковъ въ донесеніи своемъ королю объявляетъ, что неистовства и безчинства, производимыя тогда по разнымъ мѣстамъ поляками, литовцами и черкасами, были причиною того, что тѣ города и земли, которые еще не присягнули королевичу, боялись на это рѣшиться и указывали съ укоромъ, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жители уже дали присягу, королевскія войска или бродяги, выдающіе себя за принадлежащихъ къ королев-

¹⁾ А. И. П., 375.

скому войску, свирѣпствовали и обирали жителей. Изъ этого замѣчали, что присяга Владиславу не спасаетъ ихъ отъ разоренія, и черезъ то многіе изъ присягнувшихъ стали отпадать и склоняли народъ въ отпаденію. Дворяне и дѣти боярскіе повсемѣстно не сознавали, куда имъ по справедливости пристать, потому что не чувствовали ни на какой сторонѣ правды; равно незаконнымъ казалось имъ насильное навязываніе землѣ въ царя польскаго королевича, какъ и домогательства обманщика, и они искали только близкихъ своихъ выгодъ или безопасности, и получали себѣ помѣстья, это бы ими ихъ ни жаловалъ: давалъ помѣстья воръ Калужскій, давалъ на Руси помѣстья король Сигизмундъ, гетманъ Жолѣвскій, Гонсѣвскій, литовскій канцлеръ, давалъ въ Москвѣ помѣстья Мстиславскій, Салтыковъ — всякій, кто на тотъ часъ былъ силенъ, тотъ и давалъ помѣстья; никто права не имѣлъ давать ихъ. Были такіе, что присягнули Владиславу, и даже королю, и получали помѣстья, а потомъ разоряли ихъ поляки; тогда они составляли шайки и шли въ свою очередь разорять свою братію. Таково было положеніе русской земли въ послѣдніе мѣсяцы 1610 года.

Не прошло мѣсяца, какъ Гонсѣвскій, такъ строго наказывавшій жолнѣровъ за своеволие, самъ помѣстившись въ Москвѣ, началъ обращаться своевольнѣе съ государствомъ, чѣмъ его подчиненные съ москвичами; онъ не обращалъ вниманія, чего хотятъ или не хотятъ бояре, самъ судилъ — рядилъ, тратилъ казенные сборы, и возбудилъ недовольство въ самыхъ преданныхъ польскому дѣлу боярахъ. Михайло Салтыковъ жаловался ¹⁾ канцлеру Салтѣгѣ, что польскій предводитель не слушаетъ ни его приговора, ни другихъ подобныхъ, взялъ всѣ дѣла на себя, вопреки московскимъ обычаямъ, отстранилъ отъ дѣлъ и Мстиславскаго и другихъ бояръ; однимъ по его волѣ раздаются помѣстья и жалованье, у другихъ отнимаются дворы, помѣстья и вотчины; оставлены въ нищетѣ ихъ семьи, казнятъ безъ суда и безъ обвиненія, прямо вопреки договору съ Жолѣвскимъ, гдѣ даже новоизбранному царю не дозволялось смѣщать властей и казнить безъ боярскаго приговора. Салтыкова и другихъ его единомышленниковъ сильно оскорбляло то, что Гонсѣвскій болѣе всѣхъ довѣрялъ Андронову, челоуѣку низшаго происхожденія, который вошелъ въ силу и въ значеніе, и отъ Сигизмунда получилъ въ управленіе казенный дворецъ, а потомъ находился у приѣма челобитныхъ. Отецъ его — говорилъ Салтыковъ — торговалъ лаптями въ Погорѣломъ Городицѣ. Борисъ Годуновъ взялъ

¹⁾ А. И. Ц, 360.

его въ Москву для вѣдовства и еретичества, и былъ оиъ на Москвѣ торговый мужикъ. Теперь этотъ сынъ лапотника ворочалъ дѣлами государства и былъ важнѣе всѣхъ бояръ. Андроновъ съ своими совѣтчиками составлялъ списокъ людей, занимавшихъ мѣста думныхъ людей и дьяковъ, отмѣчалъ тѣхъ, которыхъ считалъ недоброжелателями короля, обвинялъ иныхъ въ шептаніи и еретичествѣ ¹⁾.

Дворяне и дѣти боярскіе и всякаго званія люди, бѣжавъ изъ Москвы, разносили по городамъ вѣсти о насиліяхъ поляковъ и возбуждали къ отпаденію отъ короля на сторону вора. Многіе присягнули королевичу, обнадеженные тѣмъ, что королевичъ скоро прибудетъ; но прошли октябрь, ноябрь, декабрь, а королевичъ не ѣхалъ. Земля приходила въ большое нетерпѣніе.

Сигизмундъ, какъ истинный государь московскій, уже не отъ имени сына, а отъ собственнаго своего жаловалъ въ бояре, въ окольничьи, назначалъ воеводъ и дьяковъ, даже Мстиславскаго, которому недавно самому предлагали корону, пожаловалъ конюшимъ, взялъ на себя раздачу помѣстьевъ, а вслѣдствіе того московскіе служилые люди стали уже подписываться холопами не Владислава, а Сигизмунда. Многіе дворяне и дѣти боярскіе, воспитанные безурядицею, для которыхъ, какъ говорится, что ни попь, то батька, — выпрашивали отъ Сигизмунда грамоты на помѣстья. Сигизмундъ былъ очень радъ случаю, и раздавалъ такія грамоты очень щедро отъ своего имени, а не отъ имени сына, слѣдовательно, тѣмъ самымъ заявлялъ, что онъ самого себя считаетъ господиномъ Московской земли, и челобитныя русскихъ служилыхъ людей — о надѣленіи ихъ землями въ Московскомъ государствѣ, подавали ему благовидный предлогъ указывать, что русскіе люди желаютъ его имѣть государемъ. Впослѣдствіи онъ могъ утверждать, что уже на самомъ дѣлѣ владѣлъ Московскимъ государствомъ, когда дѣлалъ то, чего не въ правѣ былъ дѣлать никто, кромѣ облеченнаго верховною властью. Важныхъ родовъ бояре били челомъ Сигизмунду о своихъ вотчинахъ и помѣстьяхъ. Такъ, Федоръ Иван. Шереметевъ умиленно просилъ Льва Сапѣгу походатайствовать у короля за его вотчину и деревнишки ²⁾. Знатные бояре поручали вниманію

¹⁾ А. И. II, 366. — Тогда заправляли дѣлами дьякъ Соловецкій, правившій новгородскою четью, Евдокимъ Витовтовъ, дьякъ въ Разрядѣ, Иванъ Грамотный въ Посольскомъ приказѣ, князь Мещерскій въ Большомъ приказѣ, князь Ю. Дим. Хворостинъ въ Пушкарскомъ; въ Панскомъ приказѣ посаженъ Михайло Молчановъ, а въ Казанскомъ дворцѣ — Иванъ Салтыковъ, думный дьякъ Члчеринъ. Съ такими думцами — писалъ Салтыковъ — не быть къ Москвѣ ни одному городу.

²⁾ А. И. II, 355.

канцлера своихъ благопріятелей ¹⁾). Такъ, Ѳеодоръ Мстиславскій просилъ за Ивана Васильевича Головина; Андроновъ — за дьяка Соловецкаго, управлявшаго Новгородскою четью; дьякъ Грамотинъ — за Никифора Спиридоновича ²⁾).

Быль щедро награжденъ отъ Сигизмунда Григорій Валуевъ со своимъ родомъ, за то, что изъ первыхъ сдался Жолѣвскому и призналъ Владислава. Этотъ человекъ, убійца перваго, называвшагося Димитріемъ, умѣлъ выиграть при Шуйскомъ, и теперь выигрывалъ отъ новой власти. При названомъ царѣ Димитріѣ былъ онъ простымъ сыномъ боярскимъ; теперь сталъ уже думнымъ дворяниномъ. Никто не осыпанъ былъ такими милостями, какъ Салтыковы: Михайло Глѣбовичъ, кромѣ прежнихъ своихъ имѣній, получилъ имѣніе въ Костромскомъ уѣздѣ и волости — Чаронду и Тотьму, взятыя у Шуйскихъ, отнявшихъ ихъ у Годуновыхъ. Сынъ его Иванъ, кромѣ многихъ помѣстьевъ въ разныхъ уѣздахъ, получилъ волость Вагу, знаменитую по своимъ доходамъ, которые нѣбогда обогатили и возвысили Бориса Годунова. Награждены были и другіе Салтыковы, и въ томъ числѣ Иванъ Никитичъ волостью Глинскихъ въ Ярославскомъ уѣздѣ. Друзья и сторонники Шуйскихъ подвергались разореніямъ и преслѣдованіямъ. Отъ имени польскаго короля дана была грамота московскимъ боярамъ, чтобы они сдѣлали розыскъ ³⁾, и всѣ села и деревни, дворцовыя, подклѣтныя и черныя волости, розданныя Василиемъ Шуйскимъ своимъ племянникамъ и зашникамъ, отобрали снова въ казну, и чтобы отыскали даже пожалованныя царемъ Василиемъ деньги, золотые кресты и всякаго рода драгоценности. Можно вообразить, какую дорогу произволу открывало такое распоряженіе! Бывшіе въ опалѣ отъ Шуйскаго приняты въ милость и надѣлены помѣстьями и жалованьемъ. Тогда являются въ милости и прежніе любимцы названаго царя Димитрія. Князь Василій Мосальскій сѣлъ въ боярской думѣ; Юрія Хворостина посадили начальствовать Пушкарскимъ приказомъ; старику Василию Яковлевичу Щелкалову дали помѣстье и вотчину; Аванасію Власеву не видно особыхъ милостей: онъ только получилъ обратно отнятый у него въ Москвѣ дворъ. Тогда въ числѣ челобитчиковъ на прежняго царя Василія явилась и царица инокиня Марѳа, мать Димитрія; она жаловалась, что Шуйскій ограбилъ ее, взялъ у нея все, чѣмъ когда-то пожаловалъ ее царь Иванъ Васильевичъ, да еще кормилъ ее ску-

¹⁾ А. И. П., 352.

²⁾ А. И. П., 257.

³⁾ А. З. Р. IV, 366.

дно, а людямъ, которые ей служили, не давалъ жалованья денежнаго и хлѣбнаго. Ей не дали ни помѣстье, ни денегъ. Вся милость короля Сигизмунда къ несчастной матери Дмитрія ограничилась тѣмъ, что приказано было содержать ее по-лучше, какъ обыкновенно содержать въ Москвѣ «господарскихъ женъ, что въ черницы постригаются».

V.

Переговоры московскихъ пословъ съ панами подъ Смоленскомъ.

Послы московскіе прибыли подъ Смоленскъ сентября 27, и, по извѣстію поляковъ, были приняты съ большими почестями. Каменецкій староста Христофоръ Зборовскій встрѣчалъ ихъ съ значительнымъ числомъ дворянъ. Ихъ допустили къ королю, передъ которымъ они говорили рѣчь, излагали причину своего посольства, а канцлеръ Сапѣга отвѣчалъ имъ любезно и ласково, и объявилъ, что имъ назначены будутъ переговоры ¹⁾. Но по русскимъ извѣстіямъ ихъ приняли дурно, надменно, даже содержаниемъ своимъ они были недовольны, а рѣчь Сапѣги показалась имъ высокоумною. Неприятно отозвалось въ ихъ ушахъ то, что Сапѣга восхвалялъ благодѣянія короля, который хочетъ прекратить кровопролитіе въ Московскомъ государствѣ и успокоить его, и ни слова не сказалъ о королевичѣ и его избраніи, какъ будто бы это былъ совсѣмъ посторонній предметъ ²⁾.

До прибытія Жолѣвскаго изъ-подъ Москвы, московскіе послы имѣли три сѣзда съ панами; главнымъ изъ этихъ пановъ былъ Левъ Сапѣга, канцлеръ. Паны старательно уклонялись отъ вопроса о скорѣйшей присылкѣ въ Москву Владислава, котораго посылать на Московское царство королю не хотѣлось вовсе никогда. Они требовали, напротивъ, чтобы московскіе послы приказали Смоленску сдать и присягнуть не королевичу, а королю. Напрасно послы ссылались на договоръ съ Жолѣвскимъ; напрасно представляли, что какъ только Владиславъ будетъ царемъ, то и Смоленскъ его будетъ; напрасно и смольняне съ своей стороны изъявили готовность присягнуть Владиславу, а никакъ не Сигизмунду. Паны увѣрили, будто король хочетъ сдать Смоленскъ и присяги на его имя со всею Смоленскою землею только для чести, а послѣ отдастъ Смолен-

¹⁾ Kobierz. 333.

²⁾ Дополн. къ дѣяніямъ Петра Великаго. II, 37—52.

щину своему сыну. Послы поняли, что это однѣ увертки, не соглашались и отговаривались тѣмъ, что у нихъ нѣтъ на то полномочія. Но паны рѣшительно объявили, что король не уйдетъ, не покончивши съ Смоленскомъ, и будетъ добывать этотъ упорный городъ приступомъ, да и взявши Смоленскъ, не намѣренъ сейчасъ же посылать сына въ Москву; прежде онъ самъ пойдетъ въ Московское государство съ войскомъ, уничтожитъ скопище Калужскаго вора, успокоитъ страну, волнуемую партіями, а потомъ вмѣстѣ съ послами отправится на сеймъ, и тамъ будетъ разсуждаться объ отсылкѣ Владислава въ Москву. Все это явно показывало посламъ, что король хочетъ присоединить къ Польшѣ Московское государство, какъ завоеванное оружіемъ, и ему предстоитъ судьба сдѣлаться провинціею Рѣчи Посполитой. Правда, паны не отрекались отъ того, что королевичъ будетъ царемъ, но говорили объ этомъ какъ-то вскользь. Сколько разъ послы ни касались важнѣйшаго вопроса — крещенія королевича въ православную вѣру, — имъ отвѣчали гадательно, что въ этомъ дѣлѣ воленъ Богъ, да самъ королевичъ; а когда митрополитъ, недовольный такими двусмысленностями, сталъ приставать къ Сапѣгѣ съ этимъ вопросомъ, то Сапѣга положительно отвѣчалъ, что королевичъ уже крещенъ, и другого крещенія нигдѣ не написано. Отълаживали присылку королевича на неопредѣленное время; не исполняли ни одного желанія московскаго народа, и въ то же время требовали, чтобы послы учинили съ панами постановленіе объ уплатѣ Московскимъ государствомъ издержекъ королю и жалованья польско-литовскому войску. Они ссылались въ этомъ случаѣ на договорную грамоту съ Жолѣвскимъ, и, однако, не хотѣли считать ее обязательною для самихъ себя, когда послы, ссылаясь на нее, требовали скорѣйшей присылки будущаго царя и вывода польскихъ войскъ изъ государства. Паны объясняли, что эта статья относится не къ нимъ, а къ тѣмъ *посламъ*, которые будутъ посланы за этимъ дѣломъ уже отъ Владислава, когда онъ будетъ на престолѣ.

Пріѣхалъ Жолѣвскій. Съ торжествомъ онъ былъ принятъ, и въ присутствіи сената привелъ къ ногамъ Сигизмунда плѣннаго Василя Шуйскаго, вмѣстѣ съ его братьями. По извѣстіямъ русскимъ, несчастный царь показалъ твердость духа, которую онъ и прежде показывалъ, и тогда, когда клалъ голову на плаху за оскорбленіе названнаго царя Димитрія, и тогда, когда, будучи уже царемъ, предсталъ передъ разъяренную противъ него толпу. Его принуждали стать на колѣни передъ Сигизмундомъ. Онъ отвѣчалъ: «Не достоинъ Московскому царю кланяться королю

какъ рабу; такъ судьбами Божиими сотворилось, что я взятъ въ плѣнъ, но не вашими руками, а мои рабы-измѣнники отдали меня вамъ ¹⁾.» Нельзя было побѣдителю, приведившему плѣннаго царя покоренной державы, не оказывать публично знавовъ вниманія, но король былъ недоволенъ Жолѣвскимъ за договоръ, порицалъ его за то, что онъ согласился отдать Владислава въ цари Московскому государству, когда гораздо было бы полезнѣе для Рѣчи Посполитой домогаться прямо присоединенія Московскаго государства къ Польшѣ. Король замѣчалъ гетману, что у него не было инструкціи такъ поступать, какъ онъ поступилъ. Жолѣвскій въ свое оправданіе указывалъ на договоръ, прежде заключенный самимъ королемъ съ Салтыковымъ и боярами его партіи, и убѣждалъ Сигизмунда къ исполненію договора, на такихъ же основаніяхъ, на какихъ соперникъ его Янъ Потоцкій совѣтовалъ его нарушить. Гетманъ указывалъ Сигизмунду, что власть его не крѣпка. Еще много осталось недовольныхъ отъ прошедшаго рокоша, и свѣжая злоба много можетъ сдѣлать въ людскихъ умахъ; нѣтъ ручательства, что сынъ его будетъ царствовать въ Польшѣ, а между тѣмъ это было бы желательно не только для королевскаго дома, но и для цѣлаго отечества, потому что въ предшествовавшія три междуцарствія въ Польшѣ били одинъ другого; послѣднее было хуже всѣхъ: уже кровь лилась и пришли бы еще къ худшему, если бы не чудотворная Божія милость. Король, помня о смертномъ часѣ, долженъ заботиться о Рѣчи Посполитой, и можно было бы избѣжать междоусобія, если бы Владиславъ заранѣе всѣми согласно былъ признаваемъ наслѣдникомъ. А это можетъ быть тогда, если онъ будетъ уже Московскимъ государемъ. Тогда его непременно выберутъ; выгоды, какія проистекутъ отъ соединенія Литвы съ Московскимъ государствомъ, устранить всякаго другого кандидата. Жолѣвскій имѣлъ ту же конечную цѣль, какъ и король, какъ и всѣ вообще поляки, т. е. присоединеніе Московскаго государства къ Польшѣ и уничтоженіе его самобытности, но считалъ избраніе Владислава самымъ удобнымъ средствомъ достигнуть этой цѣли. «Все имѣетъ — говорилъ онъ — свое начало и возрастаніе; изъ дитяти дѣлается человѣкъ, а изъ маленькаго прутика вырастаетъ дерево. Сто шестьдесятъ лѣтъ прокатилось отъ Ягелла до той поры, какъ великое княжество Литовское слилось съ Польшею. Такъ будетъ со временемъ и съ Московскимъ государствомъ. Напротивъ, если король не захочетъ довольствоваться тѣмъ, что теперь есть, то, кромѣ другихъ неудобствъ,

¹⁾ Никон. гѣтол. 148.

придется затянуться въ продолжительную войну, — кто знаетъ, каковъ конецъ этому будетъ. Нужно будетъ держать войска и платить имъ, а если дурно будутъ платить, солдаты начнутъ бунтовать и ворвутся въ области Рѣчи Посполитой добывать сами себѣ то жалованье, которое слѣдуетъ дать имъ изъ московской казны.» Не смотря на все краснорѣчіе Жолкѣвскаго, уши короля, какъ онъ говорилъ самъ, были закрыты для гетманскихъ увѣщаній¹⁾.

Но Жолкѣвскій не защищалъ такъ прямодушно московское дѣло передъ послами въ присутствіи пановъ. Послы только его и дожидались. «Вотъ — говорили они — Станиславъ Станиславовичъ пріѣдетъ. При немъ пойдетъ успѣшнѣе государево дѣло; онъ за великаго короля и за все Польское и Московское государство крестъ цѣловалъ Московскому государству, и всѣ люди тогда повѣрили гетманскому слову. Теперь Станиславъ Станиславовичъ будетъ, по своему крестному цѣлованію, за насъ.»

И, 2 ноября, сошлись снова русскіе послы съ радными панами; былъ съ послѣдними и Станиславъ Станиславовичъ. Послы съ видомъ довѣрчивости обратились къ нему, какъ свидѣтелю, который могъ подтвердить правду словъ ихъ. Съ своей стороны, Левъ Сапѣга объяснялъ Жолкѣвскому дѣло по своему. «Мы — сказалъ канцлеръ посламъ въ присутствіи гетмана — много разъ съ вами сѣзжаемся, да ничего добраго не сдѣлаемъ; безпрестанно твердимъ вамъ, чтобъ вы королю учинили честь, велики смольнянамъ цѣловать крестъ королю и королевичу, а вы отговариваетесь не дѣльно, будто безъ московскихъ бояръ учинить этого и не можете.»

Послы прочитали предъ поляками статьи записи и сказали:

«Чтобъ Смоленскъ отдать королю и крестъ цѣловать ему, того не только въ статьяхъ нѣтъ, да и въ поминѣ ни отъ кого не бывало. Видѣлъ ты самъ въ Москвѣ — говорили они, обратясь къ гетману — какъ патриархъ, бояре и весь народъ совѣтовали о избирательныхъ статьяхъ государя королевича, не только о главныхъ, но и о малыхъ со всѣми людьми, не по-одному имъ всѣ статьи читали; а что имъ было противно, такъ приводили ихъ къ тому, уговаривая; а объ новыхъ статьяхъ къ тебѣ посылали, и ты по ихъ челобитью дѣлалъ; стало быть, патриархъ не съ одними боярами совѣтовалъ и приговаривалъ, а со всякаго сословія людьми. Какъ же можно намъ что нибудь изъ утвержденныхъ статей перемѣнить безъ совѣта всего государства? Панъ гетманъ не одинъ разъ увѣрялъ насъ всѣхъ, что

1) Pisma Żółkiew. 103—105.

какъ только мы къ его величеству прїѣдемъ и побьемъ челомъ, тотчасъ же его величество отступитъ отъ Смоленска со всѣмъ войскомъ въ Польшу.»

Жолкѣвскій переглянулся съ панами, сказалъ имъ кое-что по-латыни, выслушалъ отъ нихъ также кое-что на этомъ непонятномъ для московскихъ людей языкѣ учености, потомъ, обратившись къ москвичамъ, сказалъ:

«Я самъ никогда не говорилъ, что король отойдетъ отъ Смоленска; я совѣтовалъ вамъ бить челомъ королю объ этомъ, а мнѣ своему государю какъ приказывать!» Тутъ Жолкѣвскій припомнилъ, что въ договорѣ съ боярами у него прежде постановлено было, чтобъ ему итти на вора съ войскомъ, а потомъ сами бояре измѣнили это и пригласили его войти въ столицу. «И потому — сказалъ онъ — у меня съ боярами многія статьи уже перемѣнены противъ договора; что это правда, спросите прїѣхавшихъ со мною къ его величеству бить челомъ о помѣстьяхъ московскихъ дворянъ, стольниковъ Ивана Измайлова съ товарищи. Вотъ, и вы по ихъ примѣру съ ихъ милостями панами поступите. Ихъ милости отъ васъ, пословъ, справедливо требуютъ, чтобъ его величеству было не стыдно, чтобъ смольняне отца съ сыномъ не раздѣляли, и крестъ цѣловали бы отцу и сыну. Вамъ слѣдуетъ такъ поступить для чести королевской, а если вы этого не прикажете смольнянамъ, то вотъ паны сенаторы говорятъ, что король за честь свою станетъ мстить, да и мы за честь государя своего помереть готовы, а потому Смоленску будетъ худо! Вы, послы, не упрямитесь, исполните волю королевскую; а потомъ, какъ Смоленскъ сдастся, тогда король отойдетъ, а мы договоръ учинимъ.»

«Гетманъ Станиславъ Станиславовичъ — возопили послы, пораженные такими неожиданными рѣчами гетмана — попомни Бога и душу свою, вѣдь ты ею клялся передъ честнымъ вѣрстомъ не однажды; въ записи, на которой ты присягалъ, именно написано, что какъ скоро смольняне крестъ королевичу поцѣлуютъ, то король отойдетъ отъ Смоленска со всѣми людьми, порухи и насильства городу не сдѣлаетъ, и всѣмъ порубежнымъ городамъ быть къ Московскому государству по прежнему. Какъ же ты теперь говоришь, чтобъ смольняне крестъ цѣловали королю и королевичу? Мы чаяли отъ тебя помощи, что ты станешь за свое крестное цѣлованье и учнешь бить челомъ его королевскому величеству и своей братии сенаторамъ за Московское государство. Его королевское величество обѣщалъ, что онъ пришелъ въ Московское государство не для овладѣнія или взятія городовъ, а для успокоенія государства и для унятія крови хри-

стіанской, а это нѣшто унятіе крови, чтобъ Смоленскъ за крестнымъ цѣлованьемъ взять и, вопреки договору и утвержденью, на свое государство смольнянъ ко крестному цѣлованію приводить? Надобно всякому человѣку Бога бояться; всякую неправду Богъ зреть.»

Послы доказывали, что король прибрѣлъ бы себѣ больше вѣчной славы, еслибъ поступилъ по договору и не медля прислалъ бы Владислава въ Московское государство. «А еслибъ — прибавили они — его королевскому величеству для своей королевской чести похотѣлось потому что нибудь у сына своего нашего государя взять, то государь нашъ какъ будетъ на своемъ царскомъ престолѣ, поговоря съ патриархомъ и со всѣми людьми Московскаго государства, отцу своему королю Жикгимонту ни за что не постоитъ, что будетъ пригоже; и то его королевскому величеству будетъ прочіѣ, отъ Бога не грѣхъ, отъ всѣхъ великихъ государей похвала, а его государствамъ къ прибавленію и расширенію».

Такимъ образомъ, послы хотѣли польстить панамъ возможностью получить прибрѣтенія на счетъ Московскаго государства впоследствии, лишь бы теперь избавиться отъ уступокъ.

«А что ты говоришь — продолжали они — будто у насъ съ боярами договоръ во многомъ перемѣнился, такъ мы отъ бояръ о томъ не слышали, а что ты на дворянъ на Ив. Измайлова съ товарищи ссылаешься, чтобъ мы ихъ спросили, такъ мы такихъ людей, что приѣзжаютъ къ королю съ просьбами своими, и спрашивать не хотимъ. Надобно намъ отъ бояръ письмо, а словамъ такихъ людей, что приѣзжаютъ затѣмъ, чтобъ отъ короля помѣстья получить, вѣрить нельзя. Они для своей пользы и затѣять могутъ.»

Потомъ послы обратились къ канцлеру и сказали:

«Левъ Ивановичъ, въ утвержденіи написано: чтобы, при государѣ нашемъ королевичѣ, польскимъ и литовскимъ людямъ у всякихъ земскихъ дѣлъ въ приказахъ не быть и не владѣть, а вотъ и до государя нашего прихода помѣстья и вотчины раздають.»

«Что же такое — сказалъ Сапѣга — государь король милостивъ, не отгоняетъ московскихъ людей, что у него милости ищутъ. Кому жъ ихъ до прихода королевича жаловать какъ не его королевской милости? Вотъ, князя Ѳедора Ивановича Мстиславскаго король пожаловалъ, и князя Юрія Трубецкаго боярствомъ пожаловалъ, и за то всѣ благодарятъ его величество.»

Послы опять принялись доказывать, что по московской за-

писи не слѣдуетъ, чтобъ Смоленскъ цѣловалъ крестъ королю; но Левъ Сапѣга крикнулъ на нихъ и сказалъ:

«Мы вамъ въ послѣдній разъ говоримъ о Смоленскѣ. Если не сдѣлаете такъ, чтобъ смоляне цѣловали крестъ королю вмѣстѣ съ королевичемъ; то утвержденіе съ гетмана сошло, и мы Смоленску не станемъ терпѣть; не останется камень на камени, и будетъ съ нимъ то же, что было когда-то съ Іерусалимомъ.»

«Ты Левъ Ивановичъ — сказали послы — самъ бывалъ въ послахъ; могъ ли ты, сверхъ даннаго тебѣ наказу, что дѣлать? И ты былъ посломъ отъ государя и государства, и мы посланы отъ всей земли, какъ же мы смѣемъ безъ совѣта всей земли сдѣлать то, чего въ наказѣ у насъ нѣтъ?»

Потомъ, послы объяснялись съ гетманомъ на счетъ Шуйскаго.

Митрополитъ Филаретъ замѣтилъ: «Въ записи утверждено, чтобъ ни одинаго чловѣка изъ русскихъ людей не вывозить въ Польшу и Литву. Ты на томъ крестъ цѣловалъ, и то сдѣлалось отъ васъ мимо договору: надобно бояться Бога, а разстригать Василя и жены его не пригоже, чтобъ нашей православнои вѣрѣ поруки не было.»

«Я это сдѣлалъ не по своей волѣ — сказалъ Жолѣвскій — а по просьбѣ бояръ, чтобы отстранить на будущее время смятеніе въ народѣ. А что я привезъ его въ мірскомъ платьѣ, такъ онъ самъ не хочетъ быть монахомъ; его постригли насильно, а насильное постриженіе противно и вашимъ и нашимъ церковнымъ уставамъ. Это и патріархъ вашъ утверждаетъ; притомъ же, Василій въ Іосифовомъ монастырѣ чуть съ голоду не умиралъ.»

«Бояре желали—отвѣчали послы—чтобъ его послать въ дальній монастырь, а въ Іосифовъ отосланъ былъ онъ по твоему желанію; и коли его въ Іосифовомъ монастырѣ не кормили, то въ томъ неправы ваши приставы, что его не кормили, а бояре отдали его на ваши руки.»

На другой день, послы отправились къ Жолѣвскому переговорить съ нимъ одинъ на одинъ. Гетманъ началъ рѣчь, сначала показывая желаніе уступить, чтобъ потомъ свести на свое:

«Это было бы хорошо, какъ вы желаете, чтобъ Смоленскъ цѣловалъ крестъ одному только королевичу, чтобъ инымъ городамъ не было сомнѣнія. Государь нашъ король поѣхалъ бы себѣ въ Польшу и Литву, людей своихъ послалъ бы на вора подъ Калугу, а другихъ оставилъ бы въ Смоленскѣ; но это я говорю самъ только отъ себя, а королевская воля иная: онъ государь, въ томъ воленъ. А о Смоленскѣ я вамъ скажу: точно нельзя не быть тамъ польскимъ и литовскимъ людямъ, да

и въ договорѣ написано, чтобы въ пограничныхъ городахъ до достаточнаго успокоенія Россійскаго государства были люди польскіе и литовскіе.»

Гетманъ давалъ превратное значеніе словамъ договора, гдѣ сказано, что, въ случаѣ необходимости, государь московскій учинитъ съ думными боярами въ свое время приговоръ, чтобы обоимъ государствъ думою были въ порубежныхъ городахъ и польскіе и литовскіе люди въ приказахъ, слѣдовательно это относилось въ тому времени, когда уже Владиславъ сдѣлается царемъ. Жолѣвскій же толковалъ теперь эту статью такъ, какъ будто бы смыслъ ея относился въ настоящему времени, до приѣзда Владислава на царство.

Напрасно послы твердили: въ договорѣ написано, чтобъ ни въ одинъ городъ не вводить польскихъ и литовскихъ людей.

«Вы упрямитесь—говорилъ гетманъ—въ договорѣ написано было, что въ Москву польскихъ и литовскихъ людей не впускать, а потомъ бояре московскіе, узнавши, что между московскими людьми есть измѣна, сами въ Москву пустили польскихъ и литовскихъ людей, и теперь они живутъ въ Москвѣ въ доброй згодѣ. Что же такое, что вамъ не наказано? можно сдѣлать это и мимо наказа, можно пустить въ Смоленскъ польскихъ и литовскихъ людей, какъ пустили ихъ въ Москву. Смоленскъ — мѣсто порубежное; Михайлу Шейну и смоленскимъ сидѣльцамъ король не вѣритъ, затѣмъ, что многіе выходцы говорили намъ, что Михайло Шейнъ и смоленскіе сидѣльцы сносятся съ воровъ. Нынѣ предстоитъ великое дѣло: воръ стоитъ въ Калугѣ. Если нашъ государь пойдетъ въ Литву, а люди королевскіе будутъ въ Москвѣ и подъ Калугою, Смоленскъ будетъ у нихъ позади и дорога нашимъ людямъ черезъ Смоленскъ, и если нужно будетъ королю послать людей своихъ черезъ Смоленскъ къ Москвѣ или въ иные города, какъ же нашимъ людямъ ходить мимо Смоленска, когда въ Смоленскѣ не будетъ королевскихъ людей?»

«Смоленскъ можетъ быть безъ польскихъ и литовскихъ людей — отвѣчали послы — Смоленскъ во все смутные годы не отступалъ отъ Московскаго государства и не бывалъ въ смутахъ, не приставакъ къ воровъ, и теперь какъ поцѣлуетъ вкрестъ королевичу Владиславу Жигимонтовичу, такъ и будетъ ему служить и прамить.»

«И для иныхъ многихъ дѣлъ—сказалъ гетманъ—нельзя оставаться Смоленску безъ польскихъ и литовскихъ людей. Если велите въ Смоленскъ пустить нашихъ людей, какъ пустили уже въ Москву, такъ у насъ и доброе дѣло сдѣлается; а не пустите,

такъ добраго дѣла не будетъ, крестное цѣлованіе долой и станется кровопролитіе не отъ меня, а отъ васъ пословъ, оттого что договора вы не исполняете.»

На другой день, послы опять прибыли къ гетману и просили, чтобъ имъ дозволилъ послать въ Москву гонца, снести объ этомъ, а до того времени не приступать къ Смоленску.

Гетманъ сказалъ: «И безъ обсыловъ съ Москвою можете пустить въ Смоленскъ польскихъ и литовскихъ людей. На обсылку пойдетъ много времени; королю будетъ очень убыточно стоять здѣсь и платить разнымъ людямъ, а тутъ еще случится—гонца вашего воры поймаютъ или убьютъ; вотъ дѣло пойдетъ въ протяжку и добраго ничего nebude.»

Послы на это сказали: «Безъ совѣта со святѣйшимъ патриархомъ всея Руси и безъ совѣта съ боярами и со всѣми людьми, намъ нельзя пустить въ Смоленскъ польскихъ и литовскихъ людей ни одного человѣка. Передай наше челобитіе его величеству королю, чтобъ намъ позволено было послать гонца въ Москву.» Совѣщаніе это окончилось тѣмъ, что гетманъ обѣщалъ представить королю ихъ просьбу о позволеніи отправить гонца въ Москву.

На другой день, Жолѣвскій прислалъ своего племянника, Адама Жолѣвскаго, извѣстить пословъ, что король дозволяетъ имъ послать гонца въ Москву, и что король пошлетъ съ этимъ гонцемъ своего гонца Гридича, а посламъ поручилъ написать съ своей стороны, что слѣдуетъ въ Смоленскъ пустить королевскихъ людей. Когда въ Смоленскъ войдутъ польскіе и литовскіе люди, такъ король пойдетъ въ Польшу и Литву на сеймъ, а на вора пошлетъ свое войско; Смоленскъ будетъ приведенъ въ крестному цѣлованію на имя королевское.

Послы отправились къ Жолѣвскому спросить, сколько людей оставитъ король въ Смоленскѣ? «Намъ нужно—говорили они—объ этомъ написать въ Москву именно.» Гетманъ на это отвѣчалъ: «Когда къ вамъ отпишутъ патриархъ и бояре по совѣту всей земли, что въ Смоленскѣ велѣно впустить королевскихъ людей, тогда мы и сважемъ вамъ про то, сколькоимъ людямъ нужно быть въ Смоленскѣ, тогда и Смоленскъ приведемъ въ крестному цѣлованію на имя королевича.» Ясно было, что гетманъ рассчитывалъ такъ: нужно только, чтобъ Смоленскъ отворилъ ворота, а тамъ онъ будетъ уже въ полномъ распоряженіи у поляковъ.

Посламъ дозволено отправить гонца, но когда его приходилось послать, то нужно было для его проѣзда испросить у пановъ опасную грамоту; и они ждали ее съ 7 ноября до самаго 18

ноября. Въ этотъ день ихъ пригласили снова къ Жолкѣвскому. Митрополита съ ними не было. У Жолкѣвскаго въ патрѣ находился его соперникъ Янъ Потоцкій, Левъ Сапѣга, коронный подканцлеръ Сченскій Крисскій и писарь литовскій Янъ Скуиниъ. Въмѣсто дозволенія отправить гонца, паны начали говорить такимъ образомъ: «Сѣбира лежитъ при корени дерева, если вы не сдѣлаете по волѣ королевской и не впустите людей королевскихъ въ Смоленскъ, то сами увидите, что будетъ надъ Смоленскомъ.» Они обвиняли смольнянъ, будто тѣ сносятся съ воромъ. «Подѣзжалъ (говорили они) подъ Смоленскъ воръ гость Григорій Шоринъ съ людьми и разговаривалъ со смольнянами. Михайло Шейнъ спрашивалъ у нихъ: гдѣ воръ теперь и много ли съ нимъ людей. Изъ этого видно, что у него съ воромъ ссыла.»

«Паны сенаторы — сказалъ Голицынъ — вамъ на смольнянъ сказывали ложно. Григорію Шорину и другимъ ворами нечего вѣрять. Пусть бы кто нибудь изъ насъ поѣхалъ къ смольнянамъ, и мы бы имъ сказали совѣтъ патріарха и бояръ и всей земли, и привели бы ихъ во крестному цѣлованію на имя королевича, какъ и въ Москвѣ всѣ люди крестъ королевичу цѣловали.»

Паны отвѣчали: «Смольняне и безъ васъ о томъ же просятъ, чтобъ имъ крестъ цѣловать королевичу, да рѣчь не о томъ: надобно, чтобъ они королевскихъ людей въ городъ пустили, а безъ того ихъ крестное цѣлованіе намъ не надобно. Завтра вы увидите, что станется со Смоленскомъ.»

«Дайте намъ срокъ — сказалъ Голицынъ — посоветоваться съ митрополитомъ Филаретомъ, онъ у насъ начальный человѣкъ.»

Голицынъ пересказалъ весь разговоръ Филарету. Митрополитъ объявилъ: «Нельзя никакими мѣрами впустить королевскихъ людей въ Смоленскъ. Если мы впустимъ ихъ хоть не много, то уже намъ Смоленска не видать болѣе. Пусть, коли такъ, лучше король возьметъ Смоленскъ взятъемъ, мимо договора и своего крестнаго цѣлованья; на то судьба Божія, лишь бы намъ слабостію своею не отдать Смоленска.»

Собрали посольскихъ дворянъ; составился совѣтъ. Бывшіе на немъ имѣли значеніе выборныхъ людей, хотя и не совсѣмъ правильно. Между призванными на совѣтъ не было ни малѣйшаго разногласія. Всѣ какъ бы въ одинъ голосъ говорили: «Не пускать въ Смоленскъ ни одного человѣка, для того, если пустить одного, то за однимъ войдутъ многіе. Намъ на томъ стоять, чтобы не потерять своею слабостію Смоленска. А если, по грѣхамъ, что нибудь надъ Смоленскомъ сдѣлается, то уже будетъ не отъ насъ.» Приглашенные на совѣтъ дворяне и дѣти бояр-

скія Смоленской земли сказали: «Хоть наши матери, жены и дѣти въ Смоленскѣ, пусть они погибнуть, а въ Смоленскѣ не пускать ни одного человѣка. Хоть бы и вы позволили, такъ смоленскіе сидѣльцы не послушаютъ васъ ни за что. Уже не разъ отъ короля пріѣзжали въ Смоленскѣ королевскіе люди, и у гетмана и у разныхъ пановъ были недавно смоленскіе дворяне и посадскіе Иванъ Бестужевъ съ товарищи, и они отказали панамъ, что хоть бы имъ всѣмъ помереть; а въ Смоленскѣ они не впускаютъ королевскихъ людей.»

На другой день, 19 ноября, гетманъ пригласилъ къ себѣ пословъ: былъ тутъ самъ митрополитъ Филаретъ и товарищи его; съ гетманомъ были паны, тѣ же самыя, что были съ нимъ и на прежнемъ совѣщаніи съ послами. Филаретъ объявилъ, на чемъ они постановили со всѣми сущими отъ земли русской въ посольствѣ и сказалъ: «Пожалуйте, панове, донесите наше челобитье къ великому государю королю Жигимонту, чтобъ намъ позволилъ обослаться съ Москвою; къ намъ будетъ указъ изъ Москвы скоро, а до той поры пусть великій государь велитъ промышлять надъ воромъ, а городу не дѣлать никакой тѣсноты.»

По этой просьбѣ паны ходили въ другую избу. Московскіе послы долго ихъ ждали; наконецъ, они возвратились и сказали:

«Государь король Жигимонтъ позволяетъ вамъ писать въ Москву объ указѣ и послать съ вашимъ гонцомъ; только вы должны писать вотъ что: король даетъ сына своего королевича на Московское государство, но отпустить его съ сейма въ Московское государство тогда уже, когда оно успокоится, чтобъ ему пріѣхать на радость и потѣху, а не на вручину. Когда будетъ въ Смоленскѣ королевская рать, тогда мы съ вами поговоримъ о королевскомъ походѣ; посоветуемся, куда королю учинить походъ: въ Польшу ли или на вора, и какъ промышлять надъ воромъ; а пока королевская рать не будетъ въ Смоленскѣ, то нашему государю не отходить отъ Смоленска, и будетъ онъ промышлять надъ Смоленскомъ скоро. Чтѣ нашему государю дожидаться вашего указа изъ Москвы? Не Москва нашему государю указываетъ, а нашъ государь Москвѣ, и если кровь прольется, такъ на васъ ее Богъ възыщетъ. Что вы говорите, будто вамъ нельзя мимо наказу впустить войскъ въ Смоленскѣ? Можно. Еслибъ на васъ въ Москвѣ стали пенять за это, вы бы сказали: «Мы такъ, смотря на Москву, поступили: въ Москву впустили польскихъ и литовскихъ людей: и мы также въ Смоленскѣ впустили.» Больше нечего намъ съѣзжаться и толковать! Пишите себѣ объ указѣ въ Москву, а государь нашъ не медля будетъ промышлять подъ Смоленскомъ. Изъ Москвы не дождешься указа по

вашему письму, да и ждать московскаго указа государь не хочет. И такъ уже по челобитью гетмана король ждалъ долго, а на жалованье ратнымъ людямъ напрасно казна идетъ; въ день выходить до двадцати тысячъ. Не станеть король спускать смолянъ больше.»

«Помилуйте, панове рада — говорили послы — бейте челомъ великому государю королю, порадуйте у него, чтобъ государь король помиловалъ, не велѣлъ промышлять надъ Смоленскомъ, пока къ намъ указъ пришется.»

Все было напрасно. Паны высокомерно объявили, что король будетъ немедленно промышлять надъ Смоленскомъ.

И дѣйствительно, черезъ сутки послѣ того, 21 ноября, начали приступъ. Посольскій станъ въ то время окружили войскомъ. Послы были печальными свидѣтелями, какъ поляки, нѣмцы, черкасы подступали къ городскимъ стѣнамъ. Слухъ ихъ былъ потрясенъ взрывомъ грановитой башни, куда направился сдѣланный заранѣ подкопъ; распалась башня; вырвало при ней сажень десять городской стѣны; но осажденные неутомимо почивали и задѣлывали взорванное мѣсто, дружно отбивали приступъ и отбили; королевское войско должно было и на этотъ разъ отступить, какъ уже отступало не разъ прежде, ничего не сдѣлавши надъ упорнымъ городомъ.

Обо всемъ этомъ послы написали въ своей грамотѣ и послали гонца, а король послалъ также въ Москву свою грамоту, писанную въ то самое время, когда его войско шло на приступъ Смоленска. Въ ней онъ представилъ, что, для сповоиствiя Московскаго государства, необходимо ему оставаться въ немъ, и онъ не можетъ уходить въ Польшу и Литву. «Нельзя оставить — писалъ онъ — вора въ государствѣ Московскомъ; за него еще многіе города стоятъ, и много людей убѣгаетъ къ нему изъ разныхъ городовъ. Какъ только мы выйдемъ, такъ воръ укрѣпится; въ людей вашего народа много такихъ, которые благопріятствуютъ ему, кто ради его, а другіе ради своихъ лихихъ замысловъ. Онъ посылаетъ за невѣрными татарами, и съ другими иноземцами входитъ въ союзъ; да сверхъ того и польскіе и литовскіе люди, которые при немъ были, готовы разорять и опустошать Московское государство. Вотъ и князь Василій Ивановичъ Шуйскій, бывшій на государствѣ, навелъ шведовъ, и они теперь воюють около Иванъ-Города и Корелы. Если мы только отойдемъ — всѣ обратятся къ вору, сдѣлается большая смута въ Московскомъ государствѣ, и ваши нынѣшніа добрыя дѣла будутъ брошены. Прежде надобно истребить Калужскаго вора, разогнать и казнить людей, которые пристанутъ къ нему, очистить всѣ

города и основательно успокоить Московское государство, а потомъ уже идти намъ въ Польшу и Литву, и тамъ на вольномъ сеймѣ съ вашими послами привести дѣло къ концу.» — Въ письмѣ не видно было, чтобъ онъ хотѣлъ давать сына на престолъ; онъ отклонялъ даже рѣчь о немъ. Онъ твердилъ, что въ Смоленскѣ надобно непременно впустить королевское войско, потому что смольняне сносятся съ воромъ, держатъ его сторону и съ умысломъ напрасно задерживаютъ его, короля, подъ своими стѣнами. Наконецъ, король требовалъ, чтобъ московское правительство распорядилось о заплатѣ польскимъ и литовскимъ ратнымъ людямъ, чтобъ такимъ образомъ можно было отпустить изъ войска тѣхъ, которые окажутся ненужными. Мосевичей обзывали еще разъ платить деньги своимъ врагамъ и разорителямъ и противъ воли притворяться, будто считаютъ ихъ своими союзниками и избавителями.

Последнее рѣшеніе объ отправкѣ гонца паны сообщили посламъ уже 4 декабря. Между тѣмъ они пытались произвести раздоръ въ посольскомъ сонмѣ. Пригласили нѣсколькихъ дворянъ, въ которыхъ подмѣчали способность поволебаться, обласкали ихъ, вручили имъ грамоты на пожалованныя кородемъ помѣстья и предложили отстать отъ посольства, ѣхать въ Москву и приводить тамъ народъ къ присягѣ королю. Набралось охотниковъ отстать такимъ образомъ отъ посольства двадцать семь человекъ, и въ числѣ ихъ значительныя лица: думный дьякъ Сыдавной-Васильевъ и дворянинъ Василій Сукинъ; съ ними сошлись также спасскій архимандритъ и троицкій келарь Авраамій Палицынъ. Поляки хотѣли еще, чтобъ нѣкоторые люди посольскіе взяли съ собою склонить смольнянъ къ впусценію польскаго гарнизона. Поляки рассчитывали: авось смольняне, услышавши, что люди изъ посольства совѣтуютъ имъ такъ поступить, не догадаются и подумаютъ, что такъ всѣ въ посольствѣ рѣшили. Съ этой цѣлью Левъ Сапѣга пригласилъ къ себѣ дьяка Томилу Луговскаго, и, оставшись съ нимъ наединѣ, говорилъ: «Я тебѣ желаю всякаго добра и останусь тебѣ всегда другомъ, только ты меня послушай и государю послужи прямымъ сердцемъ, а его величество наградитъ тебя всѣмъ, чего пожелаешь, а я на тебя надѣюсь; я уже увѣрилъ государя, что ты меня слушаешь.»

«Всякъ себѣ добра желаетъ — сказалъ дьякъ Луговской — великою честію себѣ почитаю такую милость и готовъ учинить все, что возможно.»

Сапѣга продолжалъ: «Вотъ изъ города квивали, чтобъ къ нимъ прислали отъ васъ пословъ кого-нибудь сказать, что имъ дѣлать, и они васъ слушаютъ и учинять королевскую волю.»

Василій Сукинъ уже готовъ, ожидаетъ тебя; вамъ бы ѣхать подъ Смоленскъ вмѣстѣ и говорить смольнянамъ, чтобъ они цѣлювали крестъ королю и королевичу разомъ и впустили бы государскихъ людей въ Смоленскъ. Если таеъ сдѣлаешь, то государь тебя всѣмъ пожалуетъ, чего захочешь, а хоть бы васъ смольняне не послушали, то это будетъ не отъ васъ, и вы все-таки свое прямое сердце покажете тѣмъ, что подъ городъ подведете; а я тебѣ общаюсь Богомъ, что нашъ государь король тебя пожалуетъ.»

«Мнѣ этого нельзя учинить никакими мѣрами—сказалъ Луговской—присланы отъ патриарха, отъ бояръ и отъ всѣхъ людей Московскаго государства, митрополитъ Филаретъ и бояринъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ съ товарищи; мнѣ безъ ихъ совѣта не токмо что дѣлать — и помыслить ничего нельзя. Какъ мнѣ, Левъ Ивановичъ, такое учинить, чтобъ на себя во мѣни клятву навести? Не токмо Господь Богъ, и люди Московскаго государства мнѣ не потерпятъ и земля меня не понесетъ. Я присланъ отъ Московскаго государства въ челобитчицахъ, да мнѣ же первому соблазнъ въ люди положить? да лучше по Христову слову навязать на себя камень и винуться въ море, чѣмъ такой соблазнъ учинить! Да и государеву дѣлу въ томъ прибыли не будетъ никакой, Левъ Ивановичъ. Вѣдомо подлинно: подъ Смоленскъ и лучше меня подѣзжали и королевскую милость сказывали; смольняне и тѣхъ не послушали; а только мы поѣдемъ и объявимся ложью, то они впередъ крѣпчаше будутъ и никого уже слушать не учнутъ. Надобно, чтобъ, по королевскому жалованью, мы съ ними поволью съѣзжались, а не подъ стѣною за приставомъ говорили. Это они уже всѣ знаютъ.»

«Ты — сказалъ Сапѣга — только поѣзжай и объяви имъ себя; говорить съ ними будетъ Василій Сукинъ; онъ ждетъ тебя; не упрямься, поѣзжай, послужи государю нашему: королевское жалованье себѣ заслужишь.»

«Я государскому жалованью радъ и служить государю готовъ — сказалъ Луговской — что можно, то сдѣлаю; чего нельзя, за то пусть на меня королевское величество не положить опалы; мнѣ никакими мѣрами нельзя безъ митрополита и безъ князя Василя Васильевича съ товарищи ѣхать подъ городъ. Да и Василю Сукину не пригоже такъ дѣлать, и Богъ ему не простить; а буде захочетъ ѣхать, его въ томъ воля.»

Луговской пересказалъ разговоръ свой посламъ. Они пригласили къ себѣ Сукина, Сыдавнаго и спасскаго архимандрита. Палицына также звали, но онъ сказался больнымъ и уѣхалъ поспѣшно изъ лагеря.

«Мы — говорилъ имъ Филаретъ — отпущенные люди изъ соборной церкви Богородицы отъ чудотворнаго ея образа; благословили насъ патріархъ и весь освященный соборъ и послали насъ бояре и всѣ люди Московскаго государства. Помните это: побойтесь Бога и его праведнаго суда, не метайте государскаго и земскаго дѣла; видите, каково дѣло настоять: таково въ Московскомъ государствѣ никогда не бывало; Московское государство разоряется, кровь христіанская льется безпрестанно, и невѣдомо, когда и какъ ей уняться; а вы, то видя, кидаете такое великое дѣло и ѣдете въ Москву; а у насъ не токмо дѣло не вершится, а еще не почалось.»

Тѣ отвѣчали: «Насъ послалъ король со своими листами въ Москву для государскаго дѣла; какъ намъ не ѣхать!»

Ихъ не уговорили, и они уѣхали; за ними 27 человекъ дворянъ уѣхало; по примѣру спасскаго архимандрита и келаря Авраамія Палицына, оставили митрополита протопопъ Кириллъ и съ нимъ попы и дьяконы. Изъ отставшихъ такимъ образомъ отъ пословъ не поѣхалъ въ Москву, но остался въ польскомъ лагерѣ Захаръ Ляпуновъ. Говорятъ, что, пируя съ панами, онъ насмѣхался надъ послами московскими. Видно, что поступокъ всѣхъ отставшихъ сильно оскорбилъ чувство оставшихся. Но, разбирая дѣло безпристрастно, едва ли можно ставить въ вину это оставленіе посольства, и объ Аврааміѣ Палицынѣ положительно можно сказать, что онъ сдѣлалъ это не по дурному побужденію; онъ понялъ, что изъ этого посольства не будетъ ничего добраго, и ожидалъ, что оно окончится плѣномъ; поэтому и казалось благоразумнымъ убраться заранѣе, чтобъ имѣть возможность служить родной землѣ. Авраамій сдѣлалъ ей гораздо больше пользы, поступивъ такъ, какъ поступилъ, чѣмъ сдѣлалъ бы тогда, когда бы остался при послахъ и пошелъ бы за ними въ многолѣтній плѣнъ.

VI.

Рокотъ въ Московскомъ государствѣ. — Заявленіе Ляпунова. — Мужество патріарха Гермогена. — Боярская грамота къ Сигизмунду.

Извѣстія о томъ, что дѣлали поляки съ послами, достигли до Москвы, и изъ нея пошли вѣсти по городамъ, разумѣется, какъ всегда бываетъ, въ различныхъ видахъ, болѣе или менѣе возбуждая и ужасъ и негодованіе. Всѣ прежде думали видѣть Владислава сыномъ православной церкви. Теперь же увертки короля

неизымали черезъ чуръ явно всѣмъ и каждому, что онъ желаетъ только воспользовавшись разстроеннымъ состояніемъ Московской земли, лишить ее независимости, а вслѣдъ за тѣмъ отеческой вѣры и ввести латинство. Преданные дѣлу Сигизмунда московскіе люди прежде говорили боязливо и двусмысленно, оставаясь какъ бы по срединѣ между отцомъ и сыномъ; но мало по малу они начали рѣшительнѣе проповѣдывать, что надо Московскому государству присягать не одному Владиславу, но и королю, его отцу. Прочіе московскіе люди стали роптать, что въ Москвѣ Гонсѣвскій владѣетъ, какъ правитель, начальствуетъ стрѣльцами, будучи самъ иноземецъ. Поляки самовольно сняли со стѣнъ Бѣлаго-города и Деревяннаго-города весь нарядъ и перевезли въ Китай-городъ и Кремль. Это было сдѣлано для того, чтобы обезоружить москвичей, если они, узнавши, что ихъ хотятъ принуждать къ присягѣ польскому королю, поднимутся на поляковъ: они бы не нашли подъ рукою орудій, чѣмъ выжить иноземцевъ изъ столицы, а поляки, напротивъ, тогда будутъ имѣть у себя средства угрожать москвичамъ и потушить ихъ возстаніе.

Ожидая тревоги, Гонсѣвскій далъ приказаніе, чтобъ русскіе рано по утру и по вечерамъ не ходили по городу, а на стѣнахъ разставлена была польская стража; по улицамъ ѣздили денно и ночью вооруженные верховые отряды и надсматривали за жителями. Остальныхъ стрѣльцовъ и ратныхъ людей выслали изъ Москвы подъ разными предлогами въ городъ. Говорили, что бывали убійства; на Неглинной нашли восемь убитыхъ стрѣльцовъ, и подозрѣніе падало на литовскихъ людей. Всѣ боялись иноземцевъ. Никто не смѣлъ роптать громко, чтобы не попасть въ списокъ, въ которомъ записывалъ Андроновъ нерасположенныхъ къ Сигизмунду людей. Но въ городахъ не молчали, какъ только услышали, что дѣлается подъ Смоленскомъ. Первый поднявшій голосъ на всю Русь за оскорбленіе святыни народной былъ Прокопій Ляпуновъ, до сихъ поръ столь преданный дѣлу Владислава. Онъ, дѣйствительно, радъ былъ королевичу, надѣялся, что вотъ, наконецъ, Русь успокоится отъ своихъ смуть, не будетъ ходить въ слѣдъ за цариками. Дѣятельно и скоро онъ привелъ Рязанскую землю къ присягѣ королевичу. Когда ему сказывали, что поляки заняли Москву, Ляпуновъ и этимъ не воамутился; онъ сказалъ, что польское войско вошло въ столицу на короткое время, пока пріѣдетъ новый царь, чтобы не дать подняться сторонѣ вора, а потому и приказывалъ доставлять изъ Рязанской земли припасы для поставленнаго въ Москвѣ войска. Но мѣсяцы проходили; желанный царь не являлся. Сигизмундъ

раздавалъ должности и помѣстья. Польскія ядра летали на русскій городъ Смоленскъ. Отъ русскихъ требовали присяги чужому королю. Эти обстоятельства взволновали Прокоція Ляпунова. Онъ понялъ, что со стороны поляковъ все обманъ, что эти друзья и благодѣтели готовятъ Московскому государству совершенное уничтоженіе. Онъ написалъ въ Москву письмо къ боярамъ съ легкимъ укоромъ и съ вопросомъ: будетъ или не будетъ королевичъ, которому всѣ уже цѣловали крестъ, и почему не исполняется договоръ, постановленный съ Жолкѣвскимъ? Письмо это было, по извѣстію записокъ Жолкѣвскаго ¹⁾, испещрено словами Св. Писанія. Бояре отослали его подъ Смоленскъ королю, и сообщили его содержаніе Гонсѣвскому. Предводитель понималъ, что такой натурою, какъ у Ляпунова, шутить нельзя, объявилъ имъ, что запретить этому челобѣцу долженъ патріархъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ указывалъ на необходимость отдаться безусловно на королевскую волю. Бояре поддавались его внушеніямъ; воспротивился только Андрей Голицынъ и говорилъ такъ: «Господа поляки! отъ васъ намъ дѣлается большая несправедливость. Мы присягнули государю королевичу; вы намъ его не даете; пишутъ къ вамъ грамоты не его именемъ, и людей низкаго происхожденія равняютъ съ нами, большими людьми. Пусть этого не дѣлается; иначе освободите насъ отъ крестнаго цѣлованья нашего; а мы будемъ сами о себѣ промышлять ²⁾.»

Гонсѣвскій запомнилъ эти слова, и съ этого часа возненавидѣлъ Голицына; но еще болѣе злобился на него Андроновъ: Голицынъ намекалъ на него, когда говорилъ о людяхъ низкаго происхожденія.

Въ это время прибылъ гонецъ изъ-подъ Смоленска, съ полевой отпискою, гдѣ послы испрашивали указа, что имъ дѣлать съ королевскими требованіями? Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ и Федоръ Андроновъ явились къ Гермогену и стали говорить, что надобно послать къ королю грамоту, въ ней просить снова у него сына, но вмѣстѣ объявить, что предаются вполнѣ на королевскую волю; да надобно тоже написать Филарету, чтобъ онъ съ своей стороны объявилъ королю, что послы во всемъ покладаются на королевскую волю и будутъ такъ поступать, какъ ему угодно. Гермогенъ увидѣлъ, что бояре ведутъ дѣло въ угоду Сигизмунда: не Владислава хотятъ посадить на престолъ, а Московское государство затѣяли отдать польскому королю, во власть

¹⁾ Pisma Żółkiew. 112.

²⁾ Мархоцк. 112.

чужеземную. И сталъ онъ противорѣчить имъ. Они ушли отъ него съ досадою.

На другой день (это было 5 декабря), пришли къ патриарху бояре снова, и въ числѣ ихъ Мстиславскій, и требовали того же, о чемъ говорили вчера Салтыковъ и Андроновъ. Грамата была боярами подписана: ее подавали подписать патриарху. Бояре вмѣстѣ съ тѣмъ указывали на сопротивленіе Ляпунова, хотѣли, чтобъ патриархъ усмирилъ его духовною властію своею. Патриархъ отвѣчалъ: «Пусть король дастъ своего сына на Московское государство и выведетъ всѣхъ своихъ людей изъ Москвы, пусть королевичъ приметъ греческую вѣру. Если вы напишете такое письмо, то я къ нему руку приложу и васъ благословлю на то же. А чтобы такъ писать, — что намъ всѣмъ положиться на королевскую волю, и чтобы посламъ велѣтъ отдаться на королевскую волю, — я и самъ того не сдѣлаю и другимъ повелѣваю не дѣлать, и если меня не послушаете, то наложу на васъ клятву. Явное дѣло, что послѣ такого письма придется намъ цѣловать крестъ королю. Скажу вамъ, я буду нисать къ городамъ: если королевичъ приметъ греческую вѣру и воцарится надъ нами, я имъ подамъ благословеніе, а если и воцарится, да вѣры единой съ нами не приметъ и людей королевскихъ не выведутъ изъ города, то я всѣхъ тѣхъ, которые уже крестъ ему цѣловали, благословлю идти на Москву и страдать до смерти.» Бояре стали спорить съ патриархомъ; слово за слово, — рассказываютъ, будто Михайло Салтыковъ вышелъ изъ себя, сталъ бранить патриарха и замахнулся на него ножемъ.

«Я не боюсь твоего ножа — сказалъ патриархъ — я вооружусь противъ твоего ножа силою креста святаго: ты же будь проклятъ отъ нашего смиренія въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ.» Потомъ онъ обратился къ Мстиславскому и сказалъ: «Это твое начало, господинъ, ты больше всѣхъ честію, тебѣ слѣдуетъ подвизаться за православную вѣру; а если и ты прельстишься какъ и другіе, то Богъ скоро прекратитъ жизнь твою, и родъ твой возьметъ отъ земли живыхъ, и не останется никого изъ рода твоего.»

Бояре вышли.

На другой день, патриархъ собиралъ народъ въ соборной церкви, но поляки не допустили соборща и окружили церковь; нѣкоторые, однако, успѣли войти туда и слышали смѣлую проповѣдь. Гермогенъ уговаривалъ стоять за православную вѣру, сообщать о томъ же въ города, и обличалъ измѣнниковъ. Послѣ этого событія, поляки окружили патриарха стражею и не допустили къ нему даже дворовыхъ людей, чтобы онъ черезъ нихъ

не посылалъ въ города воззваній и не сообщалъ, что дѣлается въ Москвѣ, что затѣваютъ бояре съ Гонсѣвскимъ. Но въ разныхъ краяхъ Московскаго государства узнали, какъ патріархъ твердо выступилъ противъ покушеній поработить вѣру и государство; «а еслибы—говорить одна изъ современныхъ грамотъ (изъ Ярославля въ Казань)—Гермогенъ патріархъ такого досточуднаго дѣла не учинилъ, то, изъ боязни польскихъ и литовскихъ людей, никто не смѣлъ бы молвить ни одного слова, хотя бы шло не только о томъ, чтобъ вѣру попрасть, но даже о томъ, чтобъ всѣхъ заставить носить хохлы.»

Бояре, написавъ грамоту, употребили въ ней имя патріарха безъ его подписи и отправили къ посламъ. Въ ней приказывалось посламъ впустить поляковъ въ Смоленскъ, велѣтъ смольникамъ присягнуть не только на имя королевича, но и короля; и самимъ посламъ во всемъ положиться на королевскую волю. Но пока по этой грамотѣ возникъ новый споръ, какъ вѣсть объ оскорбленіи патріарха дошла до Ляпунова и онъ прислалъ въ Москву другую грамоту ¹⁾. Въ ней онъ жаловался на стѣсненія патріарху и на оскорбленія народу отъ поляковъ, чинимыя въ Москвѣ. «Вы бояре—писалъ онъ—прельстились на славу вѣка сего, отступили отъ Бога и приложились къ западнымъ и жестокосерднымъ, обратились на своихъ овецъ. Король ничего не совершилъ по крестному цѣлованью, какъ состоялся договоръ съ короннымъ гетманомъ Жолкѣвскимъ. Знайте же, что я сослался и съ калуужанами и съ тулянами и съ михайловцами и съ сѣверскими и украинными городами: цѣлуемъ крестъ на томъ, чтобы намъ со всею землею стоять за Московское государство и биться на смерть съ поляками и литовцами ²⁾.» Бояре испугались этихъ угрозъ, и, чтобы не раздражить народа, уговорили Гонсѣвскаго не держать патріарха подъ стражею и отдали ему часть дворовыхъ людей.

Вѣсти о томъ, что съ поляками дѣло не ладится, дошли въ Калугу до вора, и онъ послалъ одного попа, по имени Харитона, въ одному изъ бояръ, засѣдавшихъ въ думѣ, Воротынскому. Этотъ попъ попался подъ пытку. Онъ наговорилъ на Воротынскаго и на Андрея Голицына, брата Василя, бывшаго въ числѣ пословъ. Гонсѣвскій былъ уже недоволенъ этими боярами и, по наговору попа, посадилъ ихъ подъ стражу. Попа казнили. Заточеніе двухъ важныхъ въ государствѣ особъ еще болѣе должно было увели-

¹⁾ Pisma Żółkiew. ibid.

²⁾ Соб. г. гр. II, 498. — Pisma Żółk. 112—115.

чивать раздраженіе. Но самому вору не довелось уже болѣе ложиться въ мутной водѣ рыбу.

VII.

Гибель Калужскаго вора.

Въ числѣ сторонниковъ вора былъ Касимовскій царь. Онъ присталъ къ нему еще во время стоянки его подъ Тушинымъ. Когда воръ долженъ былъ бѣжать изъ-подъ Москвы, Касимовскій царь отбѣжалъ отъ него, пріѣхалъ къ Жолкѣвскому и вмѣстѣ съ гетманомъ отправился подъ Смоленскъ. Сынъ его съ матерью и съ бабвою оставался съ воровъ и уѣхалъ съ нимъ въ Калугу. Проживъ нѣсколько недѣль подъ Смоленскомъ, царь стосковался по семьѣ и отправился въ Калугу, съ намѣреніемъ отвлечь сына отъ вора. Ему самому понравился пріемъ у поляковъ. Пріѣхавши въ Калугу, отецъ притворялся передъ воровъ и показывалъ видъ, будто преданъ ему по прежнему; но сынъ подружился съ воровъ искренно и передалъ ему, что отецъ обманываетъ его, и въ самомъ дѣлѣ пріѣхалъ единственно за тѣмъ, чтобъ взять свою семью, а потомъ опять ѣхать къ полякамъ. Воръ пригласилъ старика ѣхать съ собою на псовую охоту. Назначили день. Воръ выѣхалъ впередъ за рѣку Оку и послалъ просить Касимовскаго царя выѣхать къ нему. Царь выѣхалъ съ двумя татарами. Воръ обошелся съ нимъ дружелюбно, потомъ оставилъ своихъ псарей вдали, взялъ съ собой двухъ друзей, Михайла Бутурлина и Игнатія Михнева, и поѣхалъ по берегу Оки. Касимовскій царь ѣхалъ съ нимъ рядомъ; вдругъ всѣ трое нападаютъ на него, и воръ убиваетъ его собственноручно. Тѣло бросили въ Оку. Потомъ воръ въ тревогѣ скачетъ къ прочимъ своимъ людямъ и кричитъ: «Касимовскій царь Урмаметъ хотѣлъ убить меня; чуть-чуть ушелъ я отъ него. Онъ сейчасъ убѣжалъ въ Москвѣ. Догоните его и поймайте.» Люди пустились въ погоню, и, разумѣется, никого догнать не могли. Съ тѣхъ поръ воръ подавалъ дѣлу такой видъ, будто Урмаметъ пропалъ куда-то и неизвѣстно гдѣ находится; но—проговорились ли тѣ, которые съ нимъ вмѣстѣ спровадили старика въ Оку, или же люди стали догадываться сами собою—только другъ Урмамета, крещеный татаринъ Петръ Урусовъ упрекнулъ вора въ глаза убійствомъ Касимовскаго царя. Воръ посадилъ его въ тюрьму и держалъ тамъ шесть недѣль. Въ началѣ декабря, случилось, что его татары имѣли стычку съ отрядомъ, бывшимъ подъ начальствомъ

Чаплицкаго, одолѣли и привели въ Калугу плѣнныхъ. Это обрадовало вора. Татары очень любили Урусова. Надобно было сдѣлать имъ что-нибудь угодное въ благодарность. Марина и бояре упросили выпустить Урусова. Этотъ человѣкъ прежде былъ ему полезенъ. Воръ помирился съ нимъ и обласкалъ его.

10 декабря, поѣхалъ воръ за Оку-рѣву на прогулку съ небольшою дружиною русскихъ и татаръ. Урусовъ былъ съ нимъ. Такія прогулки воръ дѣлалъ часто; онѣ были шумны и веселы. Трезвый, когда-то, онъ теперь измѣнилъ образъ жизни: любилъ пиры и гулянки, пилъ вино большими раструханами. Шумъ, пѣсни, крики пьяныхъ, слышались часто. Воръ ѣхалъ на санихъ, не разъ останавливался, кричалъ, чтобъ подавали вино, пилъ за здоровье татаръ. Его провожатые ѣхали верхомъ. Вдругъ, Урусовъ, ѣхавшій также верхомъ за вормъ, напираетъ на его сани своимъ конемъ, а потомъ поражаетъ его саблею; съ другой стороны саней, меньшей братъ Урусова въ то же мгновеніе отсѣкъ вору голову. Бояре подняли тревогу; татары обнажили на нихъ сабли. Бояръ было меньше; они испугались и кричали: помируйте, помируйте! По однимъ извѣстіямъ, татары побили нѣкоторыхъ изъ русскихъ, провожавшихъ своего царика; по другимъ, напротивъ, Урусовъ не велѣлъ ихъ трогать. Татары раздѣли тѣло вора и покинули его на снѣгу, а сами убѣжали съ Урусовымъ. Воротившись въ Калугу, бояре извѣстили горожанъ о происшествіи. Тогда уже вечерѣло.

Весь городъ возмутился. «Бить всѣхъ татаръ»,—кричали калужане. Марина, ходившая послѣдніе дни беременности, выскочила изъ города, сѣла съ боярами на сани, подняла въ полѣ обезглавленное тѣло мужа, привезла въ городъ. Ночью, схвативъ факель, Марина бѣгала съ обнаженной грудью посреди толпы, вопила, рвала на себѣ одежду, волосы, и, замѣтивъ, что калужане не слишкомъ чувствительно принимаютъ ея горе, обратилась къ донскимъ казакамъ, умоляя ихъ о мщеніи. Начальствовалъ ими Заруцкій, неравнодушный въ Маринѣ. Онъ воодушевилъ своихъ казаковъ; они напали на татаръ, какихъ встрѣтили въ Калугѣ, и до двухъ сотъ человѣкъ убили ¹⁾.

Черезъ нѣсколько дней, родила Марина сына, котораго назвали Иваномъ. Она требовала ему присяги, какъ законному наследнику. Тогда Янъ Сапѣга, узнавши, что носившій имя Дмитрія убитъ, подошелъ къ Калугѣ въ первый день Рождества, и требовалъ сдачи на имя короля. Три дня шли переговоры, и на четвертый день, когда Сапѣга еще разъ выслалъ своихъ на

¹⁾ Никон. 149. — Вусс. 115—117. — Петр. 239. — Kobierz. 317—321. — Nieme. 336.

переговоры, калужане сдѣлали вылазку. Бой съ Сапѣгою длился до вечера. Сапѣга стоялъ подъ Калугою до 31 декабря. Калужане ни за что не хотѣли сдаться.

Маринѣ приходилось плохо. Только донцы съ Заруцкимъ были за нее. Калужане ее ненавидѣли, и она стала чувствовать себя въ неволѣ. Она написала къ Сапѣгѣ письмо такого содержания:

«Ради Бога, избавьте меня; мнѣ двѣ недѣли не доведется жить на свѣтѣ. Вы сильны; избавьте меня, избавьте, избавьте: Богъ вамъ заплатитъ!»

Отвѣтъ калужанъ Сапѣгѣ былъ таковъ, что ему и безъ того ничего не осталось дѣлать подъ Калугою: калужане обѣщали цѣловать крестъ тому, кто на Москвѣ царемъ будетъ, а въ Москвѣ признавали Владислава. И Сапѣга удалился отъ Калуги къ Перемышлю. Перемышль ему сдался. За нимъ сдался Одоевъ, и присланные оттуда выборные цѣловали передъ Сапѣгою крестъ Владиславу.

Смерть вора сдѣлала переломъ въ смутной эпохѣ и была событіемъ, неблагоприятнымъ для Сигизмунда, вмѣсто того, чтобъ быть ему полезнымъ. Возраставшее недовольство противъ короля до того времени двоилось: одни держались готоваго его соперника, кѣмъ бы онъ ни былъ; другіе, не желая повиноваться обманщику, думали отыскать или создать иную точку опоры противъ польскихъ притязаній. Еслибъ тотъ, кого еще многіе звали Дмитріемъ, былъ живъ, то противъ поляковъ стояли бы долго два лагеря, враждебные въ то же время одинъ другому. Теперь не стало этого соперника у Сигизмунда, и всѣ недовольные Сигизмундомъ могли согласно и дружно соединиться воедино, воодушевленные одною мыслію — освободить русскую землю отъ иноземцевъ.

Вѣсть о смерти вора не такъ-то скоро разошлась по отдаленнымъ странамъ Россіи: въ Казани, еще въ январѣ 1611 г., вооружались его именемъ противъ поляковъ. За Казанью слѣдовала Вятка. И тамъ не хотѣли повиноваться полякамъ. И тамъ имя Дмитрія все еще служило предлогомъ, тогда-какъ другіе города уже поднимались подъ инымъ знаменемъ. Но какъ только въ Казани и Вяткѣ узнали, что Дмитрія нѣтъ на свѣтѣ, то и тамъ стали за одно съ другими городами. Въ Москвѣ извѣстіе о смерти вора произвело радость. Противники поляковъ перестали бояться Калуги, изъ которой ожидали помѣхи успѣхамъ усилій противъ поляковъ; сторонники Дмитрія лишились надежды на Калугу и увидѣли необходимость искать ее въ Москвѣ. Народъ вдругъ сталъ выростать, почувствовалъ силу

свою; вазались не страшными ни поляки, развѣзжавшіе побѣдителями по московскимъ улицамъ, ни бояре-измѣнники, которые подсматривали и подслушивали, гдѣ кроется вражда къ королю. Начали собираться въ домахъ, толковали, что король обманываетъ москвичей, — останеся всей Московской землѣ стать за одно противъ польскихъ и литовскихъ людей и крѣпиться въ томъ, чтобъ изъ Московской земли польскіе и литовскіе люди вышли всё прочь.

Бояре, преданные Сигизмунду, зная нерасположеніе патріарха къ польскому дѣлу, хотъ и освободили его отъ стражи, но совѣтовали Гонсѣвскому смотрѣть за нимъ, и предупреждали, что въ Москвѣ не спокойно. Настали зимнія святки, шумное время въ Москвѣ. Тогда въ Москву, какъ нѣкогда въ Іерусалимъ изъ Палестины, изъ русскихъ земель стекался народъ на праздникъ. У многихъ жителей городовъ была въ столицѣ родня, и они ѣздили навѣстить ее въ праздничные дни; иные съѣзжались къ концу празднивовъ поглядѣть на обрядъ богоявленскаго водосвятія. Это былъ день, когда русскіе иногородцы имѣли случай посмотрѣть на царя, на патріарха, увидѣть весь дворъ въ его праздничномъ великолѣпіи. Такъ, вошло въ обычай съѣзжаться въ эти дни отвсюду въ столицу, но на этотъ разъ не было ни царя, ни царскаго двора, а, по привычѣ, народу все-таки стало стеваться много. Поляки стали бояться таковаго многолюдства: имъ мерещилось, что внезапно ударятъ въ набатъ, какъ было во время гибели Разстриги, и бросятся московскіе люди, и старые и юные, и большіе и малые, бить ихъ. По стѣнамъ и на башняхъ необходимо стояла стража; на зимнемъ холодѣ не весело было исполнять эти обязанности, особенно въ такіе дни, когда изъ дѣтства привыкли гулять и пировать. Но идетъ дѣло уже не о ремнѣ, говорили поляки, а о цѣлой шкурѣ. Чуть только соберется какое-нибудь сходбище, или начнетъ приливать свѣжій народъ въ городъ, поляки сейчасъ всполошатся, бьютъ тревогу, толпами бѣгутъ то въ ту, то въ другую сторону. Къ патріарху приходили изъ разныхъ краевъ русскіе люди. Патріархъ всѣхъ благословлялъ стать за вѣру и за русскую землю, всѣмъ говорилъ: «Вы королевичу присягнули только на томъ, чтобъ ему креститься въ русскую вѣру, а если онъ не крестится и литовскіе люди не выйдутъ изъ Московскаго государства, то королевичъ не государь намъ.» Эти же рѣчи онъ писалъ въ своихъ грамотахъ и разсылалъ ихъ ¹⁾. Одну такую грамоту, говоритъ современникъ, перехватилъ какой-то полякъ Ващинскій, отправленный съ семью

¹⁾ Маск. 36.

стами всадниковъ для провѣдыванія, что дѣлается на Руси. Послѣ того поляки дали приказаніе, чтобъ никто изъ московскихъ жителей не держалъ у себя оружія, и у кого оно было, тѣ должны были сносить его въ царскую казну. Поймали извозчиковъ, которые везли зерновой хлѣбъ, но подъ зерномъ оказались длинныя ружья; вѣроятно, нѣкоторые изъ московскихъ жителей вмѣсто того, чтобъ доставить оружіе, какое у нихъ сохранилось, полякамъ, разсудили за лучшее выпроводить его въ иное мѣсто, гдѣ оно могло для русскихъ послужить противъ поляковъ. Гонсѣвскій приказалъ посадить подъ лѣдъ этихъ извозчиковъ. Тогда патриарха стали снова стѣснять, увели у него дьяковъ и подъячихъ, отняли бумагу, чтобъ не дать ему писать грамотъ, взяли и дворовыхъ людей, чтобъ не было кого посылать съ грамотами, но не усмотрѣли за нимъ; писать онъ не могъ, а говорить еще могъ съ русскими людьми. Явились къ нему подъ благословеніе нижегородцы, сынъ боярскій Романъ Пахомовъ да посадской челоуѣкъ Радіонъ Мокѣевъ. Онъ имъ передалъ на словахъ: «Писать мнѣ нельзя: все побрали поляки, и дворъ у меня пограбили; а вы, памятуя Бога и Пречистую Богородицу и московскихъ чудотворцевъ, стойте всѣ за одно противъ нашихъ враговъ.» Когда это извѣстіе принесли посланцы въ Нижній-Новгородъ, тамъ составился совѣтъ; пригласили балахонцевъ, а вмѣстѣ съ ними нижегородцы присягнули на крестѣ стоять за Москву и итти ополченіемъ противъ поляковъ и литовскихъ людей. Это рѣшеніе послано къ Ляпунову.

VIII

Твердость московскихъ пословъ къ смоляннамъ.

Между тѣмъ, къ посламъ подъ Смоленскъ пришла боярская грамота изъ Москвы, гдѣ приказывалось поступить по волѣ короля.

Филаретъ, прочитавши эту грамоту, сказалъ: «По совѣсти, нельзя слушать такихъ грамотъ; онѣ писаны безъ воли патриарха и всего освященнаго собора и всей земли.»

Голицынъ созвалъ совѣтъ изъ дворянъ, еще оставшихся, въ качествѣ выборныхъ земли. Они согласно всѣ дали такое рѣшеніе:

«Этихъ грамотъ слушать нельзя: онѣ безъ подписи патриарха и собора, и безъ согласія всей земли. Никогда грамоты о государственныхъ дѣлахъ не писались безъ патриаршаго совѣта. Избирать государя можетъ только вся земля, а не одни бояре; мы не хотимъ знать этихъ грамотъ, и вамъ, посламъ, не слѣ-

дуетъ поступать иначе, а то вы останетесь въ проклятіи отъ патріарха и въ омерзѣніи отъ всей земли русской.»

27 декабря, призвали паны пословъ. Филарета въ этотъ день почему-то не было. Паны начали разговоръ съ объявленія, что вора нѣтъ болѣе. Послы поблагодарили за пріятную новость. Одинъ вопросъ, который долго хотѣли отклонить послы — походъ королевскій на вора въ глубину Московской земли, самъ собою былъ разрѣшенъ. Паны съ насмѣшкою сказали: «А что вы теперь скажете, получивши боярскую грамоту?»

На это Голицынъ отвѣчалъ: «Мы посланы не отъ однихъ бояръ, но отъ патріарха и всего освященнаго собора и отъ всѣхъ чиновъ и всей земли, такъ и отвѣчать должны передъ патріархомъ и властями и боярами и всею землею. Нынѣшняя же грамота прислана отъ однихъ только бояръ, и то не отъ всѣхъ, а отъ патріарха и отъ властей и отъ всей земли никакой грамоты къ намъ нѣтъ. О цѣлованіи креста его величество король уже рѣшилъ, чтобъ смольняне цѣловали крестъ одному королевичу. Все дѣло теперь о впускѣ королевскихъ войскъ: какъ опредѣлится отъ патріарха и отъ властей и отъ всѣхъ бояръ и отъ всей земли, такъ мы поступимъ.»

Паны поговорили между собою въ особомъ покоѣ, потомъ вышли къ посламъ и сказали: «Вы все отговариваетесь, что нѣтъ у васъ изъ Москвы указа о Смоленскѣ; вотъ, теперь и указъ получили; вамъ приказывается повиноваться королевской волѣ, а вы еще противорѣчите. Что вы говорите это: будто у насъ съ вами положено оставить крестное цѣлованіе на имя короля, когда у насъ этого и въ мысли не было; вы затѣяли это сами!»

Тогда Голицынъ обратился къ гетману и сказалъ: «Не ты ли, панъ гетманъ, не разъ увѣрялъ, что его величество насъ помиловалъ и позволилъ крестъ цѣловать одному королевичу? Не ты ли присылалъ съ этимъ къ намъ племянника своего, Адама Жолѣвскаго? Не ты ли увѣрялъ въ томъ и дворянъ, которыхъ мы присылали благодарить тебя?»

«Этого не бывало — отвѣчалъ Жолѣвскій — а вы должны исполнить такъ, какъ вамъ московская грамота указываетъ.»

Тогда Левъ Сапѣга сказалъ: «Видите, это мы вамъ на сѣздахъ говорили; тѣ же слова Духъ Святый вложилъ всѣмъ вашимъ боярамъ: они тѣми же словами вамъ указываютъ, какими мы отъ васъ того же требовали; конечно, самъ Богъ открылъ имъ все это, и вамъ тѣмъ паче должно повиноваться волѣ его величества короля.»

«Насъ отпускали—говорилъ Голицынъ—отъ патріарха, властей, бояръ и всей земли; отъ однихъ бояръ я бы и не поѣхалъ.»

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Голицынъ ропталъ, что бояре дали заприставы брата его Андрея, за то, будто онъ съ воромъ ссызлся; онъ обѣщаль бить челомъ на бояръ въ безчестьи будущему государю, и окончилъ свою рѣчь просьбой донести королю его челобитье.

«Патріархъ — говорили паны — духовная особа; ему не до земскаго дѣла.»

«У насъ — сказалъ Голицынъ — издавна велось при прежнихъ государяхъ: которыя государственный или земскія дѣла начнутъ, то великіе государи наши призывали на совѣтъ патріарха и митрополитовъ и архіепископовъ, и безъ ихъ совѣта ничего не приговаривали; наши государи почитали патріарха великою честью и встрѣчали и провожали, и мѣсто ему учинено съ великимъ государемъ на ряду; таковы у насъ патріархи, а прежде были митрополиты; нынѣ, по грѣхамъ нашимъ, мы стали безъ государя; а патріархъ у насъ человѣкъ начальный, и безъ патріарха нынѣ о такомъ дѣлѣ совѣтовать не пригоже; какъ патріарховы грамоты безъ боярскихъ, такъ и боярскія безъ патріарховыхъ не годятся. Надобно дѣлать по общему совѣту всѣхъ людей, а не однихъ бояръ. Государь всѣмъ надобенъ; дѣло нынѣшнее общее всѣхъ людей, и такого дѣла у насъ на Москвѣ не бывало.»

Затѣмъ послы спросили: «Что отвѣчали смольняне на боярскую грамоту?»

Паны отвѣтили: «Смольняне въ упорствѣ своемъ закоснѣли; не слушаютъ патріаршихъ грамотъ; просятъ съ вами, послами, видѣться и говорить: что наши послы прикажутъ, то мы и учинимъ.»

«Сами вы, паны, люди мудрые — возразили послы — можете разсудить: какъ же насъ смольняне послушаютъ, когда боярскихъ грамотъ не послушали? Можете разумѣть, что не дѣломъ писали въ Москвѣ; еслибъ писалъ патріархъ и бояре и всѣ люди Московскаго государства по общему совѣту, а не одни бояре, то смольнянамъ бы и отговариваться было нельзя. Мы просимъ у короля и у вашихъ милостей по прежнему слову своему: велите цѣловать крестъ одному королевичу, а намъ нельзя перемѣнить и велѣть смольнянамъ цѣловать крестъ королю.»

Паны съ гнѣвомъ сказали: «Вы хотите, чтобъ пролилась христіанская кровь; на васъ ее Богъ взыщеть.»

«Волѣнъ въ томъ Богъ да государь — сказали послы; — а что было, того перемѣнить нельзя; мы сами не знаемъ, какъ дѣлать; осталась насъ здѣсь половина, а другая половина не дѣломъ къ Москвѣ отпущена. Начальный съ нами человѣкъ митрополитъ:

онъ безъ патріаршей грамоты не токмо что дѣлать—и говорить не хотеть, и намъ безъ него ничего нельзя дѣлать.»

На другой день, къ гетману позвали пословъ; съ ними были и митрополитъ. Они дожидались Жолѣвскаго цѣлѣхъ три часа. Явился гетманъ и съ нимъ радные паны. Филаретъ съ разу сказала твердо и рѣшительно: «Вчерашнія ваши рѣчи я слышалъ отъ князя Василя Васильевича; онъ говорилъ вамъ, панове, то же, что и я бы вамъ сказалъ.»

Паны упрекали его въ упрямствѣ, требуя, чтобъ, сообразно съ боярскимъ уважомъ, онъ побудилъ смольнянъ цѣловать крестъ не только королевичу, но и королю.

Митрополитъ сказалъ: «Крестное цѣлованье дѣло духовное; отъ патріарха къ намъ о томъ грамота не прислана; я, митрополитъ, не смѣю дерзнуть на такое дѣло безъ патріаршей грамоты.» Голицынъ прибавилъ, — «а намъ безъ митрополита однимъ нельзя дѣлать такого великаго дѣла.»

Пословъ отпустили; паны были на нихъ чрезвычайно сердиты, и когда послы выходили, то кто-то изъ пановъ не утерпѣлъ, чтобъ не сказать вслѣдъ ихъ: «Это не послы, а воры.»

Тогда паны задумали еще отрознить отъ нихъ дворянъ, и, на другой день послѣ этого свиданія съ послами, призвали посольскихъ дворянъ и стали имъ говорить: «Намъ извѣстно стало, что послы отъ вашей братьи дворянъ скрываютъ боярскія грамоты и не совѣтуются съ вами.»

Дворяне дали такой отвѣтъ: «Кто вамъ, панамъ, это сказалъ, тотъ—бездѣльникъ и воръ, хотеть поссорить насъ съ послами клеветою; поставьте клеветника намъ глазъ-на-глазъ. Послы отъ насъ ничего не таятъ: послѣднюю боярскую грамоту намъ читали и спрашивали у насъ совѣта; и мы, дворяне, сказали нашу думу посламъ, что по этой грамотѣ поступать не должно, потому что она писана безъ патріарха и безъ совѣта всей земли.»

Клеветники, которыхъ требовали бояре поставить съ ними на очную ставку, оказались Захаръ Ляпуновъ и Кирило Сазоновъ.

Съ этихъ поръ пословъ не звали цѣлымъ мѣсяцъ ¹⁾.

Н. Костоіаровъ.

¹⁾ О положеніи пословъ подъ Смоленскомъ и о тамошнихъ дѣлахъ см. Гол. Дополн. т. II, стр. 87—177.

II.

ДМИТРИЙ САМОЗВАНЕЦЪ

и

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Драматическая хроника въ двухъ частяхъ.

I.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Л И Ц А.

КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ИВАНОВИЧЪ ШУЙСКІЙ.

КНЯЗЬ ДИМИТРИЙ ИВАНОВИЧЪ ШУЙСКІЙ.

ТИМОФЕЙ ОСИПОВЪ, дьякъ изъ приказа.

ФЕДОРЪ КОНЕВЪ, купецъ московскій.

ИВАНЪ, казачникъ.

АФОНЯ, кородивый.

Московскіе, новгородскіе, псковскіе купцы. Подъячіе. Попы безмѣстные. Странники.

Мелочные торговцы, разношники и крестьяне.

Съни въ домъ В. Шуйскаго.

(19 іюня 1605 года.)

КУПЦЫ и ПОДЪЯЧІЕ сидятъ на лавкахъ; простой народъ — по полу.

1-й купецъ московскій.

Привелъ Господь! Царевичъ прирожденный,
На дѣдовскихъ и отческихъ престолахъ

И на своихъ на всѣхъ великихъ царствахъ,
Возсѣлъ опять и утвердился...

2-й купецъ московскій.

Чудо

Великое свершилось! Божій промыслъ
Измѣнниковъ достойно покаралъ,
И сохранилъ лѣпорожденну отрасль
Отъ племени царей благочестивыхъ.

подъячій.

Вотъ праздникъ - то! Такого не видала
Москва давно. Въ нарядахъ береженныхъ,
Съ сияющимъ на лицахъ торжествомъ,
Идетъ народъ веселыми стопами
Въ предшествіи хоругвий и иконъ....

КОНЕВЪ, тихо.

Антихриста встрѣчать!

1-й крестьянинъ.

А что народу!
Начни считать, умрешь и не сочтешь:
Идутъ и ѣдутъ, и ползутъ и лѣзутъ.

2-й крестьянинъ.

Пора - то вольная, въ поляхъ убрались,
Посѣяли, а сѣновозъ не вдругъ....
Ну, и сошлись....

3-й крестьянинъ.

И всѣ - то, братцы, рады
И веселы! Веселіе такое,
Что объ святой, въ великій день Христовъ.

КОНЕВЪ.

Грѣха - то что! Грѣха - то что!

ПОДЪЯЧІЙ.

Болтали,
 Что въ Угличѣ царевича убили,
 И вѣрили тогда; а вотъ онъ съ нами!
 И, значитъ, Богъ его соблюлъ для насъ.

1-й КРЕСТЬЯНИНЪ.

Была молва, и прежде толковали,
 Что Дмитрій, Углицкій царевичъ, живъ....

КУПЕЦЪ НОВГОРОДСКІЙ.

Въ Москвѣ молва, а въ городахъ давно....

ПОДЪЯЧІЙ.

И чуда нѣтъ, и нечему дивиться,
 Что сохранилъ его Господь живого.

1-й КУПЕЦЪ МОСКОВСКІЙ.

Никто тому и не дивится, — знаютъ,
 Что Господу возможно все: Онъ можетъ
 И мертваго изъ гроба воскресить.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Само собой!

СТРАННИНЪ.

Ужъ если Богъ захочеть,
 Такъ сбѣлаеть.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Ну, что и говорить!

1-й КУПЕЦЪ МОСКОВСКІЙ — новгородскому.

И вѣришь ли, когда пришли къ намъ вѣсти
 Про смерть царевича, рыданье слезно
 По всей Москвѣ пошло; заговорили,
 Что легче намъ опять царя Ивана
 Мучительство, чѣмъ вовсе сиротать
 Безъ царскаго потомства; хотъ и жутко
 Бывало намъ, а все-таки мы знали,

Что онъ — царёва отрасль, не холопыа...
И вотъ, опять потомство Мономаха
На грозный столъ родительскій вступаетъ!

ПОПЪ.

Веселіе духовное и радость
Вселенская....

БОНЕВЪ.

Ну, радость не велика
Подъ клятвой жить! Святителя проклятье
Лежить на насъ и чадахъ. — Мы давно ли
Предстателя предъ Богомъ, патриарха,
Во время службы, въ полномъ облаченьи,
Свели съ амвона, рубищемъ одѣли,
По улицамъ позорно волокли?!
И поднялъ онъ на насъ свою десницу,
И провлялъ всю Москву и въ ней живущихъ,
И, точно камнемъ, придавилъ намъ души
Проклятіемъ.... Дѣла и мысли наши,
Утробы всѣ проклятіемъ покрыты;
Молитвы наши въ Богу не доходятъ....

ПОДЪЯЧІЙ.

Ты не болталъ бы громко при народѣ,
А то, какъ разъ, въ застѣнокъ попадешь. (Молчаніе.)

1-й КРЕСТЬЯНИНЪ.

Ахти грѣхи! Охъ, Господи помилуй!

2-й КРЕСТЬЯНИНЪ.

Хоть пожевать чего бы, скуки ради.

3-й КРЕСТЬЯНИНЪ.

Вонъ у него за пазухой отдулось....
Что у тебя, мошна али коврига?

1-й КРЕСТЬЯНИНЪ.

Моя мошна - то по людямъ пошла,
Да и домой нейдетъ.

2-й КРЕСТЬЯНИНЪ.

Ты, видно, тоже
Безсребренникъ?

1-й КРЕСТЬЯНИНЪ.

Нагъ золота не копить!
Краюха есть въ запасѣ, часомъ съ квасомъ,
А те и таѣ. Съ утра пошелъ изъ дома,
А брюхо-врагъ—вчерашняго не помнить.

2-й КРЕСТЬЯНИНЪ.

Тащи ее, ломай, да намъ давай!
Подѣлимся!

ПОПЪ.

Не о единемъ хлѣбѣ....

1-й КУПЕЦЪ.

Да тише вы!

ПОДЪЯЧІЙ.

Вотъ, дурья - то порода!
Въ боярскія хоромы затесался,
Сидить, какъ гость; кадьякъ - то свой распустить,
И не уймешь; не мимо говорится:
«Ты посади свинью»...

1-й КРЕСТЬЯНИНЪ.

Ты не гнѣвися!
Мы замолчимъ: робята, жуйте тише! (Молчаніе.)

2-й КРЕСТЬЯНИНЪ.

Чѣмъ такъ сидѣть, давай перебуваться.

1-й КУПЕЦЪ.

Да что вы, въ хлѣвъ зашли?!

ПОДЪЯЧІЙ.

Позвать холопей,
Да вытолкать васъ въ шею за ворота. (Входятъ КАЛАЧНИКЪ
и ЮРОДИВЫЙ.)

КАЛАЧНИКЪ.

Судьямъ, дьякамъ, и вамъ, отцы честные!
 Гостямъ - купцамъ и прочему народу —
 До матери сырой земли поклонъ. (Садится на полъ.)
 Убогинькѣй, садись со мной рядѣомъ!

ЮРОДИВЫЙ.

Антихриста боюсь!

КОНЕВЪ.

А развѣ скоро,
 Аюня, ждать его?

ЮРОДИВЫЙ.

Пришелъ неожиданный!

1-й купецъ московскѣй.

Не надивлюсь! Бояринъ, князь Василій
 Ивановичъ, людей торговыхъ лучшихъ
 Ровняетъ съ площадными торгашами;
 Идетъ къ нему и умный и безумный,
 И скоморохъ и думный дворянинъ.

КАЛАЧНИКЪ.

Да ты зачѣмъ къ боярину - то ходишь?
 Ума занять?... А я своимъ торгую
 По мелочи. Эхъ, бороды большія,
 Вы рады бы простой народъ заѣсть,
 Да воли нѣтъ!

МЕЛОЧНОЙ ТОРГОВЕЦЪ — Калачнику.

Куда тебя носило?
 Ни по торгамъ, ни въ лавкахъ не видать....

КАЛАЧНИКЪ.

Я въ Тулѣ былъ.

МЕЛОЧНОЙ ТОРГОВЕЦЪ.

Зачѣмъ?

КАЛАЧНИКЪ.

Хотѣлъ въ казаки....

ЮРОДИВЫЙ.

Казаеъ — поляеъ!

КАЛАЧНИКЪ.

Поляеамъ да казакамъ
Житье пришло, Аеоня; царь Димитрій,
Впередь боярь, къ руеѣ ихъ допускаеть.
Боярь казаки чуть не бьютъ....

ЮРОДИВЫЙ.

Бояринъ —

Татаринъ!

КАЛАЧНИКЪ.

Что за диво, что бояре —
Татаровья: царемъ татаринъ былъ!

1-й КУПЕЦЪ МОСКОВСКІЙ.

Что было, то прошло! Теперь Димитрій
Ивановичъ, царевичъ благовѣрный
Отъ племени Владимира святого....

ЮРОДИВЫЙ.

Въ могилѣ Димитрій!

ПОДЪЯЧІЙ.

Мы тебѣ, блаженный,
И руки свяжемъ, да и ротъ замажемъ....

КАЛАЧНИКЪ.

Онъ простенькій, съ него взыскать нельзя.

ВОНЕВЪ даетъ серебрянную копѣйку Юродивому.

Блаженный, на—копѣечку! Молиси
О грѣшныхъ насъ!

МЕЛОЧНОЙ ТОРГОВЕЦЪ — Калачнику.

Ты говорилъ, въ казаки....

КАЛАЧНИКЪ.

Охотой шель; да не гораздъ, сказыали....

МЕЛОЧНОЙ ТОРГОВЕЦЪ.

Чего-жь не стало?

КАЛАЧНИКЪ.

Воровать не ловошь!

Чѣмъ воровать, такъ лучше торговать

Я золотыми, угорскими стану.

Цѣна теперь хорошая на нихъ:

Нужда пришла царю нести въ подарокъ.

1-й КУПЕЦЪ МОСКОВСКІЙ.

А калачами полно?

КАЛАЧНИКЪ.

Пользы мало.

Вотъ, накупи ты польскихъ кунтушей,

Такъ наживешь, товаръ не залежится!....

Идетъ молва, что князь Рубецъ - Масальскій,

Петръ Ѳедорычъ Басмановъ и другіе

Хотятъ свои боярскіе кафтаны

На кунтуши смѣнять....

ПОДЪЯЧІЙ.

Языкъ - то длинно

Ты распустилъ, держалъ бы покороче. (Входятъ ОСИПОВЪ и ДВОРЕЦКІЙ).

ОСИПОВЪ.

Такъ не бывалъ?

ДВОРЕЦКІЙ.

Все тамъ еще покуда,
Въ Коломенскомъ стану, у государя.

ОСИПОВЪ.

А скоро быть, ты чаешь?

ДВОРЕЦВІЙ.

Да пора бы;
Ты погляди, его боярску милость
Народу сколько ждетъ — скопились.

ОСИПОВЪ.

По - что?

ДВОРЕЦВІЙ.

Наѣхали изъ Новгорода, Пскова,
Посадскіе царевича встрѣчать,
Московскіе торговцы площадные,
Брестьянишки изъ ближнихъ деревень,
Попы безъ мѣстъ, дьячишки изъ приказовъ,
Убогіе и всякіе сироты,
И дѣловой и плющіяся народъ.
Не всякій видѣль очи государя,
Димитрія Иваныча, — такъ лестно
У нашего боярина провѣдать
Про царское здоровье; не слышать ли
Про милости какія для народа....
Не обезсудь! Шумъ нѣвакій въ воротахъ, —
Такъ побѣжать.... Все какъ-то не на мѣстѣ
Душѡнка'-то холопская; все мнится,
Что вотъ наѣдетъ.... Обожди часогъ. (Уходить.)

ОСИПОВЪ, у окна.

Пріѣхалъ князь. (Всѣ встаютъ.)

БАЛАЧНИКЪ, у окна.

А что-нибудь не ладно!
Угрюмъ старикъ, нависли брови тучей,
Глаза горять и свачутъ. Ну, сироты,
Не лучше ль намъ собираться во-свои,
Съ добра ума, покуда не прогнали?

1-й КУПЕЦЪ МОСКОВСКІЙ.

Прогонить разъ, придемъ къ нему въ другой.

ПОДЪЯЧІЙ.

Тебѣ нужда, а у него ихъ двадцать,
Да не чета бездѣльнымъ нашимъ требамъ.

ВСѢ.

Да знамо, знамо, что и говорить!
Такія ли его дѣла!

ПОДЪЯЧІЙ.

Такъ часомъ
И не до насъ.... И отдохнуть захочетъ
Отъ дѣлъ житейскихъ.

1-й КУПЕЦЪ.

Человѣкъ бо есть.

КАЛАЧНИКЪ.

То недосугъ, то гнѣвнень, — ну и въ шею,
Не погнѣвись.

ПОДЪЯЧІЙ.

Да хоть и прогнѣвись,
Кому нужда, кого ты испугаешь?

ПОПЪ.

Смирень бояринъ, яко голубица,
И благости исполненъ, претворяетъ
Свой гнѣвъ на милость вскорѣ, по писанью:
«Не зайдетъ солнце въ гнѣвъъ вашемъ»...

КАЛАЧНИКЪ.

Ну, братъ,
Ты не скажи! (ДВОРЕЦКІЙ входитъ.)

ДВОРЕЦКІЙ.

Идетъ бояринъ, тише! (Входитъ В. ШУЙСКІЙ,
всѣ кланяются по нѣскольку разъ въ землю.)

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ, въ раздумьи останавливался передъ Осиповымъ.

Никто, какъ Богъ! Никто, какъ Богъ!

ОСИПОВЪ.

Бояринъ!

О здравіи твоёмъ позволю провѣдать!

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ оглядываетъ всѣхъ, потомъ киваетъ головой къ дверямъ; Дворецкій изъ-за него машетъ рукою.

Я позову, кого мнѣ нужно будетъ. (Садится къ столу. Всѣ уходятъ, кромѣ Осипова.)

ОСИПОВЪ.

Коль не въ пору, такъ я и ко двору.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Нѣтъ, обожди часокъ! — За прегрѣшенья
Казнить Господь рабовъ своихъ не рѣдко,
Да все не такъ же! Горе всѣмъ живущимъ! (Молчаніе.)
Ты былъ въ стану?

ОСИПОВЪ.

Я быть - то былъ...

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Ну, что же?

ОСИПОВЪ.

Смѣшеніе языковъ, пѣсни, грохотъ,
Пальба, стрѣльба, бѣсовское гудѣнье!
Далеко гулъ идетъ по чисту полю,
И мать сыра-земля верстъ на семь стонетъ;
Для русскаго крещенаго народа
Позорище противное зѣло!

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Царя - то видѣлъ?

ОСИПОВЪ.

Точно ефіоны,

Кругомъ него поляви да черкасы
 Да казаки донскіе, оттирають,
 И поглядѣть поближе не дають. (Молчаніе.)

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Ну, что жъ молчишь?

ОСИПОВЪ.

Спросить бы, да не смѣю.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Чего бояться! Развяжи языкъ!

ОСИПОВЪ, подвигаясь къ Шуйскому.

Чернецъ?

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Ну, нѣтъ, не чернецомъ онъ смотритъ....
 Ошиблись мы съ Борисомъ. Монастырской
 Повадки въ немъ не видно. Рѣчи быстры
 И дерзостны, и поступью проворенъ,
 Войнолюбивъ и смѣлъ, очами зоровъ,
 Орудуетъ доспѣхомъ чище ляховъ,
 И на коня взлетаетъ, какъ татаринъ;
 А чернеца не скоро ты обучишь
 Вертѣть конемъ ногайскимъ или саблей.

ОСИПОВЪ.

Умомъ я простъ, а душу соблюдаю,
 Геенскаго огня боюсь безмѣрно!
 Скажи, кому мы крестнымъ цѣлованьемъ
 Свою на вѣки душу заручили?

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Онъ — воръ, не царь, и сходства очень мало
 Съ покойникомъ; не царская осанка,
 Вертлявъ и говорливъ и безбородъ,
 Обличіе и поступь препростыя,
 Не сановитъ, да и лѣтами старше.

ОСИПОВЪ.

А ктожъ бы онъ? Ты какъ мекать изволишь?

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Крестись, Тимоша!

ОСИПОВЪ.

Съ нами крѣстна сила!

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Антихристъ онъ, или его предтеча.

ОСИПОВЪ.

О, Господи помилуй! Эко слово
Ты вымолвилъ!

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

И вѣрить и не вѣрить
Ты самъ волѣнь.

ОСИПОВЪ.

Василій, свѣтъ - Иванычъ,
Не мучь меня! Душа велико дѣло.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Не знаю, другъ, похоже - то похоже,
А завѣрять не стану: ошибешься,
Да и тебя введешь въ обманъ и грѣхъ.
Что онъ полякъ и езовитской вѣры —
Вотъ это вѣрно, Богъ тебѣ порукой.

ОСИПОВЪ.

Бояринъ, ты убилъ меня! Ну, какъ же
Еретнику служить! Святая церковь
Противится велить до смерти крестной.

ВЪСТНИКЪ ЕВРОПИ.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Ты что толкуешь! Умирать за вѣру!
Тебя ли хватить на такое дѣло!

ОСИПОВЪ.

Въ моей душѣ ты не бывалъ, бояринъ.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Ты не смѣши!

ОСИПОВЪ.

Ты погоди смѣяться,
Не торопись.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Вотъ новый стратотерпѣцъ!
Въ московскіе угодники задумалъ?
Не къ рылу честь! Такихъ рѣчей нелѣпыхъ
Ни говорить, ни слушать не пригоже....
Служи царю по вѣрстной клятвѣ, вправду,
И всякаго добра ему желай!
Ты—молодой слуга, себѣ ты долженъ
Искать богатства и служилой чести!
Поваешься подъ старость во грѣхахъ;
Служи пока мамону!

ОСИПОВЪ.

Ты, бояринъ,
Меня въ тоску вогналъ и закручинилъ,
До слезъ довелъ; мнѣ жизнь теперъ постыла.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

На завтра въѣздъ, такъ приходи къ Пречистой,
Ко всенощной, молиться за царя!

ОСИПОВЪ.

Прости, бояринъ! Эко дѣло, право! (Уходитъ. Входитъ ДВО-
РЕЦКІЙ.)

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Пусти Коневѣ! (Дворецкій уходитъ, входитъ КОНЕВЪ.)
 Чтò, Коневъ, ты скажешь?

КОНЕВЪ.

Да чтò сказать! Въ міру погибла правда,
 Просторъ врагу. Бѣсовское мечтанье
 Осѣтило проклятую Москву.
 Ослѣпъ народъ, и смотреть да не видить:
 Царевичемъ разстригу величаютъ.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Неужто всѣ?

КОНЕВЪ.

Да, почитай, что всѣ:
 Крестьяне сплошь, торговцы мелочные,
 Разнощники и площадная голь
 Отъ радости ликуютъ — даровое
 Зачуявши вино. Изъ нашей братьи
 Торгующихъ, бояринъ, двое только
 Шатаются: и вѣрять и не вѣрять...
 Привелъ къ тебѣ.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Да люди-то надежны ль?

КОНЕВЪ.

Церковные строители, любимцы
 И ближніе святому патриарху,
 Ревнители о православной церкви.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Ну, милости прошу. Пускай войдутъ.

КОНЕВЪ, растворивъ дверь.

Не бойтесь боярина, идите! (Входятъ двое КУПЦОВЪ.)

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Какое ваше дѣло?

1-й купецъ.

Мы — сироты,
За спасеньемъ пришли къ тебѣ, бояринъ.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Я вамъ не попъ.

1-й купецъ.

Къ святому патріарху
Ходили мы, бывало, за совѣтомъ
О всѣхъ дѣлахъ, духовныхъ и мірскихъ....

2-й купецъ.

Женить ли сына, дочь ли выдать замужъ,
Когда купить, когда продать товары
Повыгоднѣй — за всѣмъ къ нему ходили.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Чего же вамъ?

1-й купецъ.

Пришли за утвержденьемъ,
На чемъ стоять....

2-й купецъ.

Ты, вмѣсто патріарха,
Отцомъ намъ будь! Наставь и накажи!

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Какого же, вы, братцы, наказанья
Желаете?

1-й купецъ.

Доподлинный царевичъ
Въ Коломенскомъ, иль воръ и чернокнижникъ, —
Смущаемся.

КОНЕВЪ.

Увѣрь ты ихъ, бояринъ,
Не вѣрятъ мнѣ, что воръ, разстрига, Гришка
Богдановъ сынъ, Отрепьевъ, по совѣту
Діаволу на царствѣ утвердился.

1-й купецъ.

Бояринъ, такъ?

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Чего же вамъ еще!

2-й купецъ.

Отрепьевъ ли?

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Отрепьевъ.

1-й купецъ.

Побожися!

Дай руку!

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Вотъ рука, зачѣмъ божиться!

Я цѣловалъ икону всепародно
И съ Лобнаго сказалъ, что онъ — Отрепьевъ.

КОНЕВЪ.

Ну, слышали?

1-й купецъ.

Спасибо, князь Василій
Ивановичъ! Не погну́бись за нашу
Любовь къ тебѣ и дурость! Мы, за ласку
Боярскую, челомъ тебѣ! Напредки
Не оставляй насъ, мужиковъ....

2-й купецъ.

Бояринъ,

А жить - то какъ? Приказывай! Чтò скажешь,
Тому и быть.

ВЪСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Живите, какъ хотите.
Терпи, поколь потерпится.

1-й купецъ.

А если...

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Никто, какъ Богъ, и конченъ разговоръ!

1-й купецъ.

Мы въ Старицу собираемся, бояринъ,
Въ темницѣ патріарха навѣстить.
Допустятъ ли насъ въ Юву?

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Пытайтесь!

КОНЕВЪ.

Не будетъ ли привазу отъ тебя?

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Приказу нѣтъ. Поклонъ земной свезите, (кланяется, касаясь
рукой до земли.)

И нерушимое благословенье
Мнѣ попросите!

КОНЕВЪ И КУПЦЫ.

Съ миромъ оставайся! (Уходятъ.)

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ, одинъ.

Сегодня трое, завтра будетъ больше,
А черезъ мѣсяцъ вся Москва — моя.
Безвѣстный царь, бродяга безымянный,
Душой полявъ: какъ дѣвка, малодушень;
Какъ малолѣтокъ, падовъ на утѣхи;

Какъ скоморохъ, безъ разума проворень;
 Какъ пьяный дьякъ, болтаетъ безъ умолка.
 Онъ вскормленникъ прямой пановъ хвастливыхъ!
 Не долго ждать, онъ прыть свою покажетъ,
 И скоро людъ московскій, православный,
 Безчинія такого на престолѣ
 Насмотрится, чего во снѣ не снилось!
 Забвенія отеческихъ преданій,
 Кошунства иноземцевъ надъ святыней,
 На грозномъ тронѣ шутовскихъ забавъ
 Народъ не любить. Грозному Ивану
 Народъ простилъ распутства, злодѣянья,
 Мучительства безропотно стерпѣлъ, —
 За сановитость царскую, за строгость
 Его лица и поступи, за чинность
 И набожность. Москва привыкла видѣть,
 Какъ царь ея великій, православный,
 На высотѣ своей, недостижимой,
 Одной святынѣ молится съ народомъ,
 Уставы церкви строгіе блюдетъ,
 По праздникамъ духовно веселится,
 А въ дни поста, въ смиренномъ одѣяннѣ,
 Съ народомъ вмѣстѣ каяться идетъ;
 Но скомороха на престолѣ царскомъ
 Терпѣть не станеть! Рано или поздно,
 Бродяга, царь московскій, самовольный,
 Поплатится удалой головой.
 Потомъ... потомъ... я — царь. Начнется снова
 И благолѣпіе, и чинность, и порядокъ.
 По старому мы царствовать начнемъ,
 По старому, въ день нашего вѣнчанья
 По всей Руси, подъ колокольный звонъ,
 Польются милости народу щедро;
 По старому грозить полякамъ будемъ,
 Пугать татаръ; по старому... бояться
 Измѣнниковъ!... волжбы и чародѣйства!
 По старому... боярская крамола!
 О, Господи!... измѣны да опалы!
 Ха-ха, ха-ха! Тревоги да крамолы!
 Бояться ихъ? Рожденному на тронѣ
 Тяжка она — корона Мономаха!
 А мнѣ рабу, холопу Годунова,
 Почувствовать себя хоть разъ владыкой,

Почувствовать, что между мной и Богомъ
 Ни власти нѣтъ, ни силы! О!... Какихъ же
 Тревогъ, заботъ я побоюсь, какими
 Крамолами во мнѣ смутится сердце!
 Рѣшился я! Отнынѣ каждый помыслъ
 И каждый шагъ ведутъ меня въ престолу;
 Умомъ, обманомъ, даже преступленьемъ
 Добьюсь вѣнца. О, Господи! помилуй
 Насъ, грѣшниковъ! (Молчаніе.)

Богданко, гдѣ ты? (Входитъ ДВОРЕЦКІЙ.)

ДВОРЕЦКІЙ.

Ась?

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Зови народъ! Кого, чего имъ нужно?
 Калачника съ блаженнымъ на поварнѣ
 И накормить и ночевать оставить,
 И рано утромъ привести ко мнѣ. (Дворецкій открываетъ дверь; входятъ: КУПЦЫ, подъячіе, странники и проч.)

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Ну, живы ль вы? .

КУПЦЫ.

По милости Господней!

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Ходили въ станъ?

КУПЦЫ.

Ходили. — Всѣ ходили.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

А грамоты вамъ чли? Царевичъ Дмитрій
 И пошлины и подати во льготѣ
 И облегченьи учинить велѣлъ,
 По милости своей и по совѣту
 Бояръ великихъ. Ну! Вы рады?

БУПЦЫ.

Рады. —

Благодаримъ небеснаго Царя.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ —прочимъ.

Крестьяне, вамъ, и вамъ, отцы честные,
И вамъ, и вамъ всѣмъ будетъ хорошо!

Ну, вотъ у васъ и денегъ больше будетъ,
И животовъ прибудеть. (Купцамъ).

БУПЦЫ.

Мы, бояринъ,

Отъ радости себя не помнимъ..

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

То-тожь!

За деньги-то, смотрите, не продайте
Чего другого, что дороже денегъ.

БУПЦЫ.

Хоть умереть, а не понять ни за что
Твоихъ рѣчей.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Захочешь, таеъ поймешь.

Душа нужна, а деньги — тлѣнъ.

ПОДЪЯЧИЙ, подавая святокъ.

Бояринъ,

Я, многогрѣшный Богови и грубый,
Писаніемъ предати покусихся —
Читающимъ на пользу и на память —
Восшествіе исконнаго царя
На прародительскія царства, еже
Очима видѣхомъ....

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ..

Запѣлъ ты рано!

Не торопись! Не въ сутки городъ строить.
 Не подъ дождемъ, мы лучше подождемъ. (Отдаетъ святокъ.)
 Ты черезъ годъ приди, я почитаю.

КУПЕЦЪ.

Кругомъ царя мы иновѣрцевъ видимъ;
 Дозволь спросить, прилеженъ ли Дмитрій
 До церкви Божей?

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Царь благочестивый

И набожный: съ нимъ два попа латинскихъ....

Ну, съ Богомъ! Эй, Богданко! Бочку меду

Имъ выкати! Да потчуй хорошенько.

Чтобъ пили всѣ за царское здоровье. (Машетъ рукой, всѣ уходятъ съ поклонами. Входитъ быстро ДМИТРІЙ ИВАНОВИЧЪ ШУЙСКІЙ.)

ДМИТРІЙ ШУЙСКІЙ.

Василій, братъ, за что же ты остатокъ
 Широкаго и славнаго потомства
 Василя Кирдяпы вдостоль губишь!
 Послѣдніе мы четверо остались
 Безъ племени....

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Да что, какъ угорѣлый,
 Ты мечешься?

ДМИТРІЙ ШУЙСКІЙ.

Изъ стана я, Василій...

Душа моя во мнѣ захолодѣла.

Послушай ты меня!

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Тебя послушать,
 Такъ добраго не ждатель! Ты, Дмитрій, глупъ.

ДМИТРІЙ ШУЙСКІЙ.

Я глупъ не глупъ, а голову жалѣю.
 Въ запасѣ нѣтъ, всего одна на плечахъ.

Вотъ, ты умень, а надъ собой не видишь
 Погибели. Четвертый день мы ѣздимъ
 Съ поклономъ въ станъ, — а проку что? Все хуже:
 Между бояръ смѣшки идутъ да шопотъ;
 А царь, что день, грознѣе да грознѣе.
 Чѣмъ это пахнетъ? Плахой, либо ссылкой
 И вѣчною опалой!

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Плавать, что ли,
 И кланяться?

ДМИТРІЙ ШУЙСКІЙ.

Иди скорѣй на площадь,
 Сбирай народъ, клянись передъ иконою,
 Что въ Угличѣ ты хоронилъ другого;
 Что Дмитрій живъ, что подлинный царевичъ,
 Царя Ивана сынъ, на тронъ вступаетъ!
 Винись во всемъ; скажи, что, страха ради
 Борисова — вы лгали съ патриархомъ.
 Иди теперь, а завтра будетъ поздно.
 Богдашка Бѣльскій да Голицынъ Васька
 По площадямъ и въ улицахъ московскихъ
 Одно твердятъ, что Шуйскій съ патриархомъ,
 Измѣнники царицы, обманули
 И довели до вѣтвопреступленья
 Народъ въ Москвѣ; а ты молчишь и губишь
 Себя и насъ!

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

А чѣмъ же мнѣ заплатятъ
 За ложь мою? Насмѣшками, что поздно
 Опомнися, что раньше нужно было
 Покаяться. Меня на то и ловятъ, —
 Да не поймать! Я даромъ лгать не стану.
 Я хоронилъ царевича; я знаю,
 Кто живъ, кто нѣтъ; одинъ я правду знаю....
 Имъ ложь нужна, а я почетъ люблю.
 Я подожду, куда мнѣ торопиться;
 Придетъ пора и правда пригодится.

ВЪСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ДМИТРІЙ ШУЙСКІЙ.

Опомнись, братъ! Мы на-волось отъ смерти.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Ужъ лучше смерть; позоръ еще тяжелѣ!
 Не сладко жить безъ чести, быть холопомъ
 Басманова и Бѣльскаго съ Масальскимъ!
 А говорятъ: «спѣсивый Дмитрій Шуйскій!»
 Ну гдѣ же спѣсь твоя! Лишь въ томъ, что къ верху
 Ты бороду дерешь, да слова толкомъ
 Не вымолвишь, ворчишь какъ котъ запечный!

ДМИТРІЙ ШУЙСКІЙ.

Да не до жиру, братъ, а быть бы живу!

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Не Шуйскій ты! Нашъ родъ въ послѣднихъ не былъ;
 Не мало насъ погубило смертной казною;
 Мы шли на смерть, а чести не теряли. (Благовѣсть. В. Шуйскій
 крестится, беретъ шапку и трость.)
 Ко всеобщей! Помолимся усердно
 Предъ Господомъ о крѣпости и силѣ
 Въ борьбѣ съ врагомъ. Для насъ теперь, Дмитрій,
 Нѣтъ выбора другого: или плаха,
 Иль золотая шапка Мономаха! (Уходятъ.)

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Л И Ц А :

ДМИТРІЙ ИВАНОВИЧЪ, самованецъ.
 МСТИСЛАВСКІЙ, князь Федоръ Ивановичъ.
 ШУЙСКІЙ, князь Василій Ивановичъ.
 ШУЙСКІЙ, князь Дмитрій Ивановичъ.
 ГОЛИЦЫНЪ, князь Василій Васильевичъ.
 ВОРОТЫНСКІЙ, князь Иванъ Михайловичъ.
 КУРАКИНЪ, князь Иванъ Семеновичъ.
 РУБЕЦЪ - МАСАЛЬСКІЙ, князь Василій Михайловичъ.
 БАСМАНОВЪ, Петръ Федоровичъ.
 БЪЛЬСКІЙ, Богданъ Яковлевичъ.
 ЯНЪ БУЧИНСКІЙ, секретарь Дмитрія.
 ЯКОВЪ МАРЖЕРЕТЪ, капитанъ нѣмецкой роты.
 КОРЕЛА, донской атаманъ.
 КУЦЬКА, запорожскій атаманъ.
 САВИЦКІЙ, іезуитъ.
 КОНЕВЪ.
 КАЛАЧНИКЪ.

Десятскіе. Венгры. Поляки. Запорожцы. Казаки. Татары. Нѣмцы. Польскіе латники. Бояре. Дворяне. Купцы. Стрѣльцы и всякій народъ обоюго пола.

Кремль.

(20 іюня 1606 года.)

На лѣво дворецъ, на право Архангельскій соборъ; у Краснаго крыльца МАРЖЕРЕТЪ и нѣмецкая стража; отъ крыльца до Собора, стрѣльцы и польскіе латники. Вся площадь и зданія покрыты народомъ; впереди между народомъ КОНЕВЪ и КАЛАЧНИКЪ. Колокольный звонъ и музыка. Бояре: МСТИСЛАВСКІЙ, ВАСИЛІЙ и ДМИТРІЙ ШУЙСКІЕ, ВОРОТЫНСКІЙ, ГОЛИЦЫНЪ, КУРАКИНЪ, МАСАЛЬСКІЙ, БЪЛЬСКІЙ, выходятъ изъ Успенскаго собора и становятся подлѣ крыльца. МСТИСЛАВСКІЙ, въ сопровожденіи двухъ бояръ, идетъ во дворецъ и возвращается съ хлѣбомъ и солью. На ступеняхъ крыльца САВИЦКІЙ.

ГОЛОСА ВЪ НАРОДЪ.

Бѣ Архангелу, къ родителямъ пошелъ!

1-й ГОЛОСЪ ИЗЪ НАРОДА.

Какой народъ за нимъ! Все въ разномъ платьѣ.

2-й ГОЛОСЪ ИЗЪ НАРОДА.

Извѣстно кто: черкасы, угры, ляхи.

1-й ГОЛОСЪ ИЗЪ НАРОДА.

Крещенные?

2-й ГОЛОСЪ ИЗЪ НАРОДА.

А кто ихъ знаетъ!

КОНЕВЪ.

БѢСЫ.

1-й ГОЛОСЪ ИЗЪ НАРОДА.

Ну, полно ты! БѢсовъ сейчасъ узнаешь.

КОНЕВЪ.

Отведены глаза, на насъ мечтанье
Напущено.

БАЛАЧНИКЪ.

А ты узнаешь бѢса?

Такъ вонъ гляди! какъ есть въ своемъ нарядѣ. (Показываетъ
на Савицкаго.)

1-й ГОЛОСЪ ИЗЪ НАРОДА.

И - то, вѣдь, бѢсъ. Глядите-во ребята!

КОНЕВЪ.

Мы провляты, живемъ безъ благодати,
И воленъ бѢсъ надъ нами: патриархомъ
Мы отданы ему во власть; онъ кажетъ
Что хочетъ намъ, а мы глядимъ и вѣримъ.

1-й ГОЛОСЪ ИЗЪ НАРОДА.

Да вправду ли?

КОНЕВЪ.

Молчи да слушай, глупый! (БАСМАНОВЪ вы-
ходить изъ Архангельскаго собора.)

БАСМАНОВЪ.

Десятскіе и сотскіе, смотрите,
Чтобъ тѣсноты отъ множества народа

Не сталося, да наврѣшко блюдите,
 Чтобъ пустошныхъ рѣчей не говорили.
 А буде это лишъ только зайнется
 О вымыслѣ нелѣпомъ Годунова
 И патріарха, взять его скорѣе
 За-приставы, потомъ ко мнѣ привести.

КАЛАЧНИКЪ.

Бояринъ нашъ, Петръ Ѳедорычъ, сироты
 Мы бѣдные, дозволь взглянуть поближе
 На батюшку, на наше солнце красно.

БАСМАНОВЪ.

Ты кто таковъ?

КАЛАЧНИКЪ.

Калачникъ, государь.

БАСМАНОВЪ.

Почемъ меня ты знаешь?

КАЛАЧНИКЪ.

Какъ, бояринъ,
 Не знать тебя! Кто всѣхъ бояръ храбрѣе?
 Кто всѣхъ умнѣй? Петръ Ѳедорычъ Басмановъ.

БАСМАНОВЪ.

Ты съ виду простъ, а не дуракъ, я вижу.
 Ну, радъ ли ты, калачникъ, государю?

КАЛАЧНИКЪ.

Ужъ такъ-то радъ, что и сказать нельзя:
 Пригожихъ словъ, по глупости, не знаю.

БАСМАНОВЪ — Десятскому.

Пустить его поближе. (Отходить.)

КАЛАЧНИКЪ — Десятскому.

Я, робята,
Вамъ помогать,

ДЕСЯТСКИЙ.

Ну ладно, встань вотъ здѣсь,
Поталкивай, осаживай назадъ!

МСТИСЛАВСКИЙ (На крыльцѣ)

Веселый день, играетъ солнце красно
На золотѣ крестовъ церевей соборныхъ.

ГОЛИЦЫНЪ.

Пора възграть и солнышку надъ нами
Въ часъ утренній, съ высокихъ сихъ ступеней,
При яркомъ блескѣ солнца надъ Москвой.
Прошедшее какимъ-то сномъ тяжелымъ,
Мучительнымъ, минувшимъ невозвратно,
Мнѣ кажется. Великіе потомки
Князей удѣльныхъ и бояръ исконныхъ,
Мы не жили, мы только трепетали:
Не сонъ ли то, что царь Иванъ нарочно,
По выбору, губилъ мужей совѣта
И воеводъ безтрепетныхъ во браняхъ?

БУРАВИНЪ.

Ему царей татарскихъ покоряютъ
И города нѣмецкіе берутъ,
Отъ крымскихъ ордъ Москву оберегаютъ,
А онъ, едва опомнившись отъ страха,
На сквородахъ желѣзныхъ воеводъ
Огнемъ палить и угли подгребаеть!

ВОРОТЫНСКИЙ.

Напомнилъ ты родителя кончину
Побѣдоносца князя Михаила
Иваныча, спасителя Россіи.
И опечалилъ сыну ясный день —

БЪЛЬСКІЙ.

А легче ль намъ отъ Годунова было,
Ты то скажи, Ивана-то оставь.

ГОЛИЦЫНЪ.

Терпѣли мы владыкъ своихъ законныхъ
Столѣтній гнѣвъ потомковъ Мономаха,
А выходцевъ ордынскихъ съ ворнемъ вонь.

БЪЛЬСКІЙ.

Охъ, рѣчи смѣлы!

ГОЛИЦЫНЪ.

Время таково.

Ты не привывь; ну, ничего, привынешь.

БУРАВИНЪ.

Бъ мучительству труднѣе привыкать,
А въ волѣ легче.

ГОЛИЦЫНЪ.

Да, настало время
Вздохнуть и намъ. Димитрій, Богомъ данный,
Видалъ инья царства и уставы,
Иную жизнь боярства и царей;
Оставить онъ татарскіе порядки;
Народу льготы, намъ, боярамъ, вольность
Пожалуетъ; веругъ трона соберетъ
Блистательный совѣтъ вельможъ свободныхъ,
А не рабовъ, трепещущихъ и лъстивыхъ,
Иль бражниковъ опричнины кровавой,
На всѣхъ концахъ Россіи проклятой.

МСТИСЛАВСКІЙ.

Веселый день!

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

И царь у насъ веселый:
Самъ молится, а музыка играй!
Повеселить отцовъ и дѣдовъ хочеть.

Давно они въ тиши гробницъ смиренно,
 Подъ пѣніе молебное, подъ дымомъ
 Кадильныхъ ароматовъ, почиваютъ,
 И музыи доселѣ не слыхали....
 Прими, Господь, и упокой ихъ души,
 Князей великихъ, сродниковъ моихъ,
 Царей, царицъ и чадъ ихъ благовѣрныхъ,
 Скончавшихся и здѣсь похороненныхъ,
 Царя Ивана, Ѳедора царя!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Не ладно, князь Василій, князь Иваннычъ!
 Ты знаешь самъ, въ день радости царевой
 Рѣчей и лицъ печальныхъ не бываетъ;
 Всѣ веселы.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Промолвился оплошкой.

БѢЛЬСКІЙ.

Въ церквахъ поютъ задравные молебны,
 А онъ оплошкой панихиду началъ.

БАСМАНОВЪ.

О здравіи молись! За упокой - то
 Ты сродниковъ своихъ помянешь послѣ.

МАСАЛЬСКІЙ.

Ты подожди родительской субботы.

ДМИТРІЙ ШУЙСКІЙ.

Обмолвился, не всяко лыко въ строгу.

БѢЛЬСКІЙ.

Царя Ивана рано позабыли:
 Оплошекъ не было; за нихъ онъ на колѣ
 Сагалъ, бывало.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Нѣтъ, Иванъ-то только
Приказывалъ, сажалъ-то ты съ Малютой
Скуратовымъ.

МСТИСЛАВСКІЙ.

Молчать бы намъ, бояре,
Пригожѣе.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Я замолчу, я смиренъ.

БАСМАНОВЪ.

Не бойся злой собаки, бойся смирной.

КУРАКИНЪ — тихо Голицыну.

А Бѣльскій все Ивана вспоминаетъ;
Кому что мило, тотъ про то и грезить.

ГОЛИЦЫНЪ.

У нихъ въ крови съ Басмановымъ холопство;
По ихъ уму: не хамъ — таеъ не слуга.

МАСАЛЬСКІЙ — тихо Басманову.

А Шуйскій все родней своей кичится.

БАСМАНОВЪ.

Какъ не кичись, роднѣй родного сына
Не сдѣлаться.

ДМИТРІЙ ШУЙСКІЙ — тихо Василію Шуйскому.

Голицынымъ все воли
Недостаетъ.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

По Курбскому пошли:
Литва мила, завидно пѣнамъ — радѣ!

ДЕСЯТСКИЕ. (У собора.)

Идеть, идеть! Давай дорогу шире!
Проваливай!

КАЛАЧНИГЪ.

Да ты лупи ихъ крѣпче!
Затылокъ нашъ къ побоямъ притерпѣлся.
Ты православной шеи не жалѣй!

(ДМИТРІЙ выходитъ изъ собора, за нимъ бояре и дворяне, БУЧИНСКІЙ, поляки, венгры, запорожскіе и донскіе атаманы КОРЕЛА и КУЦЬКА. Звонъ и музыка.)

ВЕСЬ НАРОДЪ.

Отецъ ты нашъ! ты наше солнце красно!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Пресвѣтлѣйшій царь и князь великій Дмитрій
Ивановичъ! (Дмитрій останавливается предъ Маржеретомъ.)

ШУЙСКІЙ.

Не торопись, поспѣешь!
Боярамъ честь потомъ, а нѣмцамъ прежде:
Дай съ нѣмцами ему наговориться.

ДМИТРІЙ.

Ну, Маржереть, мой храбрый капитанъ!
Вы — молодцы, вы бьетесь лучше русскихъ.
Ты — мой слуга! Я знаю, ты не станешь
Жалѣть враговъ моихъ; а также больно
Побьешь и ихъ, какъ насъ тогда побили
Въ Добрыничахъ. Ты что на это скажешь?

МАРЖЕРЕТЪ.

Votre Majesté! Доволѣ капля крови
Французская останется во мнѣ, —
Я вашъ слуга; я только жажду часу,
Чтобъ показать предъ вашими глазами
И преданность французскую и храбрость,
И умереть предъ вашимъ Majesté!

ДМИТРИЙ.

Добрынской битвы долго не забудешь!
 Побили насъ! О Боже, якъ побили! (Обращаясь къ Куцькѣ.)
 Надѣйся вотъ на этихъ атамановъ;
 Вы, рыцарство, всѣхъ прежде утѣкли.

КУЦЬКА.

Да дуже жъ бьются нѣмци, вражи диты.

ДМИТРИЙ.

Впередь бѣгутъ, какъ дурни, запорожцы;
 За ними вслѣдъ донскіе казаки.

КОРЕЛА.

И побѣдишь! Крещенные мы люди,
 А нѣмцамъ чтѣ.... имъ черти помогаютъ.

КУЦЬКА.

Ось такъ! Ось такъ! Корела правду важе,
 Якъ бы не бисъ, мы бѣ, мабутъ, не втекли.

ДМИТРИЙ — Маржерету.

Придетъ пора, тогда тебя я вспомню;
 Я здѣсь, въ Москвѣ — среди своихъ дѣтей,
 И мнѣ не нужно иноземной стражи.
 А вотъ начнемъ войну съ Султаномъ турскимъ,
 Тогда пойдемъ, мой храбрый Маржеретъ,
 Зубрить мечи и бердыши стальные
 О бритые затылки бесерменъ.
 Мнѣ хочется помѣряться съ тобою;
 Ты храбръ, а я завистливъ; ты, я знаю,
 Доволенъ будешь мной, jak Boga Kocham!

МАРЖЕРЕТЪ.

Vive l'Empereur! (Солдатамъ) Ruft: hoch! vivat der Kaiser!

НѢМЦЫ.

Vivat! hoch! hoch!

КАЛАЧНИКЪ.

Заохали, собаки. (Въ народѣ смѣхъ.)

МСТИСЛАВСКІЙ.

Пресвѣтлый царь и князь великій, Дмитрій
Ивановичъ, всея Русіи, Божьимъ
Произволеньемъ чудно сохраненный
И покровенный крѣпкою десницей
Нашъ государь и самодержецъ, нынѣ
Пожалуй насъ, вступи въ свои хоромы
И на отеческомъ престолѣ сядь!

ДМИТРІЙ.

Мнѣ Богъ вручилъ московскую державу
И возвратилъ родительскій престолъ.
Отъ юныхъ лѣтъ невидимою силой
Я сохраненъ для царскаго вѣнца.
Изгнанникомъ безвѣстнымъ я покинулъ
Родной земли предѣлы, — возвращаюсь
Непобѣдимымъ цесаремъ, карая
Враговъ своихъ и милуя покорныхъ.
И радостно вступаю въ отчій домъ
Творить и судъ и милость.

Вамъ, бояре,

Мы скажемъ завтра жалованье наше, —
Сегодня пиръ; гостей иноплеменныхъ
Мы удивимъ московскимъ хлѣбосольствомъ.

(Къ народу)

По площадямъ велю вина поставить —
Гуляйте всѣ съ утра до поздней ночи
На радости о нашемъ возвращеньи.

НАРОДЪ.

Храни тебя Господь на многи лѣта
И одолѣнье даруй надъ врагомъ!

БѢЛЬСКІЙ.

Великій царь, дозволю ты, мнѣ, холопу,
Усердіе явить передъ тобою!
Мы, государь, съ Басмаповымъ, съ Масальскимъ,

Хотимъ сказать въ народу, — благо много
 Сошло съ окольныхъ деревень, —
 И съ Лобнаго поклясться всенародно,
 (Срывая съ шеи крестъ)
 Цѣлуя сей живѳтворящій крестъ,
 Что ты нашъ подлинный царевичъ Дмитрій,
 Почившаго царя Ивана сынъ.

ДМИТРІЙ.

Зачѣмъ сказать и всенародно клясться!
 Народъ меня не позабылъ и любить.
 Ты видѣлъ самъ сегодняшнюю встрѣчу, —
 И моего привазу нѣтъ тебѣ.
 Но если ты усердствовать желаешь,
 Благодарю, я воли не снимаю,
 Скажи въ народу, говори, что знаешь....
 Идемъ на верхъ!

ИЕЗУИТЬ.

Te. Deum laudamus!

ДМИТРІЙ.

За нами, pater! (Уходитъ во дворецъ, за нимъ Мстиславскій, Голицынъ,
 Д. Шуйскій, Воротынскій, Куракинъ и другіе; В. Шуйскій
 останавливается на слова Бѣльскаго.)

БѢЛЬСКІЙ — Басманову.

Ѣдемъ! (Шуйскому) Князь Василій!

За нами что ль? Оно бы не мѣшало
 Поправить грѣхъ, поваяться народу.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Не ты бѣ молю, не я бы это слушалъ!
 Тебѣ учить меня не довелось.
 Я старъ, Богданъ, да на подъемъ не лѣговъ.
 Басмановъ и Масальскій помоложе,
 И молода боярская ихъ честь.
 Ну, пусть они и свачутъ въ перегонку,
 Съ черкасами и польскими панами;

А мнѣ съ Мстиславскимъ въ царскіе хоромы —
Хозяина встрѣчать.

(Остальнымъ боярамъ)

Идемъ, бояре! (Уходить.)

БѢЛЬСКИЙ.

Петръ Федорычъ, ты — ближній государю,
Ужли стерпѣть обиду отъ Василья?

МАСАЛЬСКИЙ.

Не выдай насъ! Тебѣ стерпѣть обиду,
Такъ намъ житья отъ Шуйскихъ не видать.

ВАСМАНОВЪ.

Нѣтъ, я не дамъ себя обидѣть даромъ,
Не дамъ себѣ дорогу перейти.
Я повлялся царю и государю
Беречь его и выводить измѣну;
Измѣнниковъ найду я въ думѣ царской,
И выведу царю измѣну ихъ. (Подходить ДЕСЯТСКИЙ.)
Чего тебѣ? Чтò надо?

ДЕСЯТСКИЙ.

Мы, бояринъ,
Петръ Федорычъ, купчину изымали:
Мутиль народъ и пустошныя вѣсти
Разсказывалъ о старомъ патриархѣ.

ВАСМАНОВЪ.

Кто онъ такой?

ДЕСЯТСКИЙ.

Прозваніемъ — Коневъ.

ВАСМАНОВЪ.

Хоть побожусь, что онъ подосланъ Шуйскимъ.
Ко мнѣ его, а вечеромъ къ допросу.
Поѣдте! (Показавъ) Поѣдте, паны!

ВУЧИНСКІЙ.

Пахóликъ, вóня!

ЗАПОРОЖЦЫ.

Хлóпци! Кóней живо! (Уходятъ.)

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Л И Ц А:

ДМИТРІЙ ИВАНОВИЧЪ, самозванецъ.

БАСМАНОВЪ, Петръ Феодоровичъ.

САВИЦКІЙ, іезуитъ.

ЯНЪ ВУЧИНСКІЙ, секретарь Дмитрія.

Золотая палата.
(21 іюня 1605 года.)

ДМИТРІЙ и БАСМАНОВЪ входятъ.

ДМИТРІЙ.

Такъ, вотъ она — палата вѣрной власти
И грозныхъ думъ, святой и неприступный
Приютъ царей!.... По золотому полю
Тяжелое и строгое письмо....
Такъ прочно все, такое вѣковое!
Вотъ, старый тронъ; на немъ мой братъ Феодоръ
Сидѣлъ въ мечтахъ о житіи небесномъ,
О царственныхъ заботахъ не радѣя.
Отецъ Иванъ для буйствъ своихъ татарскихъ
Святую тишь палаты повидалъ
И въ слободѣ вромѣшной запирался;
А здѣсь сидѣлъ, посаженный для смѣха,
Крещенный царь татарскій, богомольный, —
Судилъ народъ и жилъ благочестиво....
Гдѣ онъ теперь?

БАСМАНОВЪ.

Про князя Симеона
Ты спрашивать изволишь? Годуновымъ
Онъ сосланъ былъ: Борисъ его боялся.
Онъ въ отчинѣ, въ Кушалинѣ селѣ;
Слѣпой старикъ едва волочить ноги.

ДМИТРІЙ, съ усмѣшкой.

Великій князь и царь всея Россіи —
Въ изгнаніи! Гонцовъ къ нему отправить,
Привезть опять въ Москву съ большимъ почѣтомъ,
И величать по прежнему царемъ.

БАСМАНОВЪ.

Но, государь...

ДМИТРІЙ.

Басмановъ! Мнѣ ль бояться
Татарина! Я не Борисъ. Я милость
Дарю всѣмъ опальнымъ годуновскимъ!
Довольно мукъ, Басмановъ!
Нынѣ милость,
Одна лишь милость царствуетъ надъ вами.

БАСМАНОВЪ.

Ты милостью себя на вѣкъ прославишь,
Но безъ грозы ты царствомъ не удержишь.

ДМИТРІЙ.

Не диво мнѣ такія рѣчи! Править
Вы знаете одно лишь средство — страхъ!
Вездѣ, во всемъ вы властвуете страхомъ:
Вы женъ своихъ любить васъ приучали
Побоями и страхомъ; ваши дѣти
Отъ страха глазъ поднять на васъ не смѣютъ;
Отъ страха пахарь пашетъ ваше поле;
Идетъ отъ страха воинъ на войну;
Ведетъ его подъ страхомъ воевода;
Со страхомъ вашъ посолъ посольство править;

Отъ страха вы молчите въ думѣ царской!
 Отцы мои и дѣды, государи,
 Въ ордѣ татарской, за широкой Волгой,
 По ханскимъ ставкамъ страха набирались,
 И страхомъ править у татаръ учились.
 Другое средство лучше и надежнѣй —
 Щедротами и милостью царить.

БАСМАНОВЪ.

Великій царь, являй свои щедроты
 И милости несчетныя; но, ради
 Сиротъ твоихъ, для нашего спокойя,
 Жалѣй свою вѣнчанную главу! (Стаивается на колѣни)
 Не дай рости и созрѣвать измѣнѣ!
 Измѣнниковъ казни!

ДМИТРІЙ, быстро.

А гдѣ измѣна?

Измѣнникъ кто?

БАСМАНОВЪ.

Бояринъ твой великій,
 Василий Шуйскій. Прослѣдилъ измѣну
 И вывелъ я; она ясна, какъ день.

ДМИТРІЙ.

Не вѣрю я. Владычество тирана
 Пугливаго васъ приучило видѣть
 Измѣнниковъ вездѣ.

БАСМАНОВЪ.

Бояръ пронырство
 Невѣдомо тебѣ, ты съ нами не жилъ.
 Грозна была опала государей,
 Родителей твоихъ, и Годунова;
 Но еслибъ знать ты могъ бояръ крамольныхъ
 Всѣ помыслы, ты казнямъ бы Ивана
 Не подивился. Въ самой преисподней,
 На самомъ днѣ kloкочущаго ада,

Не выковать такихъ сѣтей, какими
Они тебя и Русь опутать могутъ.
Великій царь, не вѣрь своимъ боярамъ,
Не вѣрь рѣчамъ, улыбкамъ и поклонамъ —
Казни ты ихъ направо и налево,
А Шуйскаго впередъ, — онъ всѣмъ начало.

ДМИТРІЙ.

Ужасенъ смыслъ рѣчей твоихъ, Басмановъ!
Ты холодомъ меня обвѣялъ. Думалъ
Я милостью привлечь сердца народа,
А ты казнить велишь.

БАСМАНОВЪ.

Я умоляю.

(Входитъ іезуитъ САВИЦКІЙ.)

ДМИТРІЙ — Басманову.

Я никого не осужу одинъ,
И не пролью ни капли крови русской!
Надъ Шуйскимъ судъ назначить въ нашей думѣ
Изъ выборныхъ отъ всѣхъ чиновъ народа,
И дать ему всѣ средства оправдаться.
Оставь меня! Бучинскаго пошли! (Басмановъ уходитъ.)
Ты здѣсь былъ, pater?

ІЕЗУИТЪ.

Какъ тебѣ угодно:

Коль хочешь — здѣсь, не хочешь — нѣтъ меня,
Monarcha invictissime!

ДМИТРІЙ.

Свершились

Пророчества твои: престолъ московскій
Мы заняли.

ІЕЗУИТЪ.

Что трудно человѣку,
То Господу легко. Небесный промыслъ
Ведетъ тебя, путемъ прямымъ и вѣрнымъ,

Къ величію; да вѣдаютъ народы,
 Что твой оплотъ, что твой руководитель
 Не есть иной кто, nisi Deus posteg!
 Да вѣдаешь и ты, что избранъ Богомъ
 Для дѣлъ великихъ. Ни мірская слава,
 Ни громъ побѣдъ да не прельстятъ тебя!
 Святая церковь ждетъ побѣдъ духовныхъ;
 Давно умы святѣйшихъ нашихъ папъ
 Обращены на этотъ сѣверъ дальній;
 Давно они московскихъ государей,
 Схизматиковъ, апостольскаго трона
 Чуждавшихся, къ спасенію зовутъ,
 И, scilicet, къ спасенію ихъ народовъ.
 И нынѣ нашъ universalis pater,
 Святѣйшій Павелъ - Пятый, умоляетъ
 Всевышняго, да даруетъ Онъ силу
 Димитрію, второму Константину, —
 Овецъ заблудшихъ дома своего
 Привестъ въ стопы намѣстнива Христова!

ДМИТРІЙ, разсѣянно.

Бучинскаго ко мнѣ!

ИЗУИТЬ, пожимая плечами.

Онъ — лютеранинъ! (Уходитъ.)
(БУЧИНСКІЙ входитъ.)

ДМИТРІЙ.

На Шуйскаго доносъ; но я не вѣрю
 Басманову: онъ ослѣпленъ враждою
 И слишкомъ преданъ мнѣ. Василій Шуйскій
 Умнѣ всѣхъ бояръ; его осудятъ,
 Сомнѣнья нѣтъ. И вотъ, Бучинскій, средство
 Изъ бывшаго врага мнѣ сдѣлать друга
 И лучшаго слугу!

Поздравить папу

Со днемъ вступленья на престолъ Петра.
 Пиши ему учтивостей побольше!
 А вмѣсто прежнихъ нашихъ обѣщаній —
 Вводитъ латинство, мы теперь напишемъ,
 Что мы не праздны на престолѣ царскомъ,

Что мы, для пользы и для блага церкви,
 Хотимъ начать войну съ султаномъ турскимъ.
 А между тѣмъ, поди, скажи Игнатью,
 Чтобъ грамоты теперъ же заготовилъ
 И разослалъ, какъ будетъ патриархомъ,
 По городамъ, чтобы молебны пѣли
 За насъ, царя и за царицу - мать,
 И Господа просили, да возвыситъ
 И вознесетъ онъ царскую десницу
 Надъ бесерменствомъ и латинствомъ.

БУЧИНСКІЙ.

Въ лицѣ твоємъ возсѣла на престолѣ Мудрость.

ДМИТРІЙ.

Поди, пиши, Бучинскій! (Бучинскій уходитъ.)

Сиротливо

Въ душѣ моей! Расписанные своды
 Гнетутъ меня, и непривѣтно смотрятъ,
 Не родственно, таинственные лики
 Изъ темной позолоты стѣнъ угрюмыхъ....
 Мнѣ рада Русь, но ты, холодный камень,
 Святымъ письмомъ расписанный, ты гонишь,
 Ты трепетомъ мою обвѣялъ душу —
 Я здѣсь чужой! Сюда безъ страха входятъ
 Отшельники святые только, или
 Московскіе законные цари....
 Гляжу и жду, что съ низенькаго трона
 Сухой старикъ, съ орлиными глазами,
 Поднимется и взглянетъ грозно... грозно!
 И зазвучитъ подъ сводами глухими
 Презрительно-насмѣшливая рѣчь:
 «Зачѣмъ ты здѣсь? Столѣтними трудами
 «И бранями потомство Мономаха,
 «Среди лѣсовъ Сарматіи холодной,
 «Поставило и утвердило тронъ,
 «Блестающій нетлѣнными вѣнцами
 «Святыхъ князей, замученныхъ въ Ордѣ,
 «Обутанный одеждой херувимской
 «Святителей и чудотворцевъ русскихъ, —
 «Гремащій тронъ! Кругомъ его подножья

«Толпы князей, склоненныя, трепещуть
 «Въ молчаніи.... Бродяга безбородый!
 «Легко тебѣ, взлелѣянному смутой,
 «Внесенному бурливыми волнами
 «Бунтующей Украины въ сердце Руси,
 «Подъятому преступными руками
 «Боярь крамольныхъ, влѣзть на опустѣлый
 «Московский тронъ съ казацкаго сѣдла:
 «Вскочить легко, но усидѣть попробуй!»
 Отецъ названный! Я себя не знаю,
 Младенчества не помню. Царскимъ сыномъ
 Я назвался не самъ; твои бояре
 Давно меня царевичемъ назвали,
 И, съ торжествомъ и злобнымъ смѣхомъ, въ Польшу
 На береженье отдали. Не самъ я
 На Русь пошелъ; на смѣну Годунова
 Давно зоветъ меня твоя столица;
 Давно идетъ по всей Россіи шопоть,
 Что Дмитрій живъ. Опальное боярство
 Изъ монастырскихъ келій посылало
 Ко мнѣ въ Литву, окольными путями,
 Своихъ покорныхъ, молчаливыхъ слугъ —
 На Годунова съ челобитьемъ. Въ Польшѣ
 Король меня царевичемъ призналъ,
 Благословилъ меня на царство папа,
 Царевичемъ зовутъ меня бояре,
 Царевичемъ зоветъ меня народъ,
 Усыновленъ тебѣ я цѣлой Русью!
 Не твой я сынъ, — а развѣ Годуновы
 Наслѣдники тебѣ? А развѣ Ромуль,
 Пастушій сынъ, волчицею вздоенный,
 Царемъ рожденъ?

Какъ сонъ припоминаю,
 Что въ дѣтствѣ я былъ вспылчивъ, какъ огонь;
 И здѣсь, въ Москвѣ, въ большомъ дому боярскомъ,
 Шептали мнѣ, что я въ отца родился,
 И радостно во мнѣ играло сердце.
 Такъ кто же я?... Ну если я не Дмитрій,
 То сынъ любви иль прихоти царевои....
 Я чувствую, что не простая кровь
 Течетъ во мнѣ; войнолюбивымъ духомъ
 Кипитъ душа — побѣдъ, коронъ я жажду,
 Мнѣ битвъ кровавыхъ нужно, нужно славы,

И цѣлый свѣтъ въ свидѣтели геройства
 И подвиговъ моихъ. Отецъ мой грозный,
 Пусти меня! Счастливый самозванецъ
 И царствъ твоихъ невольный похититель,
 Я не возьму тиранскихъ правъ твоихъ —
 Губить и мучить. Я себѣ оставлю
 Одно святое право всѣхъ владыкъ —
 Прощать и миловать. Я обещаю
 Прославить Русь и вознести высоко,
 И потому теперь сажусь я смѣло
 На сей священный, грозный маіестатъ.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Л И Ц А:

ДМИТРІЙ, самозванецъ.	}	Воаре.
МСТИСЛАВСКИЙ.		
ВАСИЛІЙ ШУЙСКИЙ.		
ГОЛИЦЫНЪ.		
КУРАКИНЪ.		
БѢЛЬСКИЙ.		
МАСАЛЬСКИЙ.		
БАСМАНОВЪ.		
М. В. СКОПИНЪ - ШУЙСКИЙ, великій мечникъ.		
В. ЩЕЛКАЛОВЪ, дьякъ.		

Окольничьи. Думные дворяне. Выборные люди. Рынды. Стражи.

Грановитая палата.

Тронъ; по обѣ стороны трона скамьи; близъ трона на столѣ три короны царскія.
 (24 іюня 1605 г.)

МСТИСЛАВСКИЙ, ВОРОТЫНСКИЙ, ГОЛИЦЫНЪ, МАСАЛЬСКИЙ, БѢЛЬСКИЙ.
 Окольничьи. Дворяне. Выборные люди, дьякъ ЩЕЛКАЛОВЪ. Входитъ ДМИТРІЙ,
 впереди его рынды и СКОПИНЪ-ШУЙСКИЙ съ мечемъ, за нимъ БАСМАНОВЪ.

ДМИТРІЙ, передъ коронами.

Короны царствъ моихъ! Еще корону
 Желалъ бы я прибавить къ этимъ тремъ —

Корону Крыма. Еслижъ наше счастье
 Послужить намъ, то, съ помощію Польши
 И императора, враговъ Христовыхъ
 Мы выгонимъ изъ царства Константина;
 И завоюютъ вѣрѣ христіанской
 Иванъ — Казань, а Дмитрій — Византію. (Садится на тронъ, всѣ
 садятся по своимъ мѣстамъ; Скопявъ - Шуйскій съ мечемъ и Бас-
 мановъ становятся по сторонамъ трона. Рыцѣи вперед.)

ЩЕЛКАЛОВЪ.

Великій царь и государь Дмитрій
 Ивановичъ всея Россіи созвалъ
 Бояръ своихъ, окольныхъ, дворянъ
 И васъ, житые, выборные люди,
 Для государскаго большого дѣла!
 Его бояринъ, князь Василій Шуйскій,
 Забывъ Господень страхъ, а цѣлованья
 И милостей царя къ себѣ не помня,
 Виновенъ сталъ ему въ измѣнномъ дѣлѣ.

ДМИТРІЙ.

Ни гнѣва, ни вражды я не имѣю
 На Шуйскаго и мести не хочу;
 Но, чтобъ въ Московскомъ славномъ государствѣ
 Безъ наказанья не былъ виноватый,
 Велѣли мы московскимъ всѣмъ народомъ
 Судить его, чему онъ доведется.

БАСМАНОВЪ.

Великій государь, велишь поставить
 Измѣнника, боярина Василья,
 Къ тебѣ на судъ соборный?

ДМИТРІЙ.

Вестъ!

БАСМАНОВЪ — стражѣ.

Ведите! (Стража приводитъ
 ШУЙСКАГО.)

ДМИТРІЙ — Щелкалову.

Скажи ему вину его, Василий!
Пусть онъ оправится, коль правъ, винится —
Коль виновать.

ШУЙСКІЙ.

Благодарю за милость!
Невинному защита: судъ да Богъ.

ЩЕЛКАЛОВЪ читаетъ.

«Въ нынѣшнемъ, въ 113 году, іюня въ 20 день, какъ былъ государя царя Дмитрія Ивановича всея Россіи въ Москву въѣздъ, изыманы торговые и иныхъ чиновъ люди въ пустошныхъ рѣчахъ. И тѣ люди въ распросѣ въ тѣхъ своихъ пустошныхъ, затѣйныхъ рѣчахъ винились и сказали: торговый человекъ Ѳедька Коневъ говорилъ: какъ былъ - де великаго государя въ Москву въѣздъ и стоялъ онъ, Ѳедька, перво у Архангела съ народомъ и выдя изъ городскихъ воротъ былъ - де онъ съ народомъ же на Пожарѣ, тамъ его и изымали; а говорилъ онъ, Ѳедька, на государя Дмитрія Ивановича составныя затѣйныя рѣчи, что онъ государь царевичъ не прямой, а прямой - де царевичъ убить отъ лихихъ людей въ Угличѣ, тамъ - де у Спаса его и положили, и клепалъ государя еретичествомъ и латинствомъ; а тѣ - де рѣчи онъ, Ѳедька, говорилъ не своимъ умомъ, слышалъ онъ про то отъ князя Василя Ивановича Шуйскаго не единожды. А Костыка лекаръ въ распросѣ говорилъ на Василя Шуйскаго жъ, что говорилъ ему Василий про царя Дмитрія Ивановича дурно много разъ...» (Остается.)

ШУЙСКІЙ.

А дальше что?

ЩЕЛКАЛОВЪ.

Чего жъ тебѣ еще!
Кажись довольно, есть за что повѣсить.

ГОЛОСА.

Измѣнникамъ царевымъ судъ короткій!
Измѣнниковъ и Богъ велитъ казнить!
Онъ — лиходѣй царевъ! Его измѣна

Всѣмъ видима. Повиненъ смертной казни!
Что намъ судить его! Повиненъ смерти!

ДМИТРИЙ.

Василій, что ты скажешь въ оправданье?

ШУЙСКІЙ.

Царь - государь! Бояринъ твой великій,
Петръ Ѳедорычъ, слуга тебѣ хорошій!
Лихихъ людей онъ сыскивать гораздъ
И на - крѣпко развѣдывать измѣну;
Измѣнники въ рѣчахъ своихъ распросныхъ
Басманову всю правду показали.

ДМИТРИЙ.

И ты теперь передъ моимъ лицомъ,
Передо всѣмъ соборомъ, признаёшься
Въ своихъ рѣчахъ бездѣльныхъ?!

ШУЙСКІЙ.

Государь!

Обманомъ жить я не умѣю, не былъ
И смолоду обманщикомъ, зачѣмъ же
Подъ старость мнѣ обманывать учиться!
Моя вина! Виniusъ передъ соборомъ.

ДМИТРИЙ.

Не вѣрю я. Отъ словъ своихъ злодѣйскихъ,
Предательскихъ, ты лучше откажись!
Иль повтори ихъ громко предъ соборомъ,
Тогда ужъ я оправдываться стану, (встаетъ)
Доказывать, что я — царя Ивана
Сынъ подлинный.

БѢЛСВІЙ встаетъ съ мѣста.

Да развѣ мы попустимъ!

Ни вымолвить, ни даже заикнуться
Измѣнникамъ твоимъ мы не дадимъ!

МАСАЛЬСКІЙ встаетъ.

Мы голову за башку - царя
Димитрія Иваныча положимъ,
Мы всѣ умремъ!

БАСМАНОВЪ, БЪЛЬСКІЙ и МАСАЛЬСКІЙ.

Мы за тебя умремъ! (Становятся у трона.)

ГОЛОСА.

Ты нашъ царевичъ! Наше солнце - красно!
Казнить его, измѣнника, казнить!

ДМИТРІЙ.

Послѣдній разъ сважи мнѣ, Шуйскій, правду:
Твои ль слова, твоимъ ли наученьемъ,
Измѣнники въ народѣ говорили?

ШУЙСКІЙ.

Мои слова, великій государь! (Становится на колѣни.)

ГОЛОСА.

Вести его безъ всякой волокиты
На Лобное! На Лобное его!

ДМИТРІЙ — Басманову.

Вели молчать!

БАСМАНОВЪ.

Молчите! Тише! Смирно!

ГОЛИЦЫНЪ — Мстиславскому.

Иль онъ себя нарочно губить, или —
Тутъ умысель!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Темна душа Василья.

ДМИТРИЙ.

По силамъ ли борьбу ты затѣвалъ?
 Иль головы своей ты не жалѣешь,
 Иль помощи себѣ откуда ждешь?
 Иль испытать меня ты только хочешь,
 Не слабо ль я держу свою державу?
 Не буду ль я, цѣня твои заслуги,
 Высокій санъ и старческія лѣта,
 На замыслы твои глядѣть сквозь пальцы?
 Ошибся ты! Я взялъ свою державу
 Желѣзною рукой. Я принялъ царство
 Для счастья подвластныхъ мнѣ народовъ,
 А для грозы врагамъ и на измѣну (беречь у Скопина мечъ)
 Держу сей мечъ, — и симъ мечемъ клянусь,
 Что всякаго, кто помѣшать захочетъ
 Моей священной волѣ, уничтожу
 И прахъ его развѣю далеко.
 Ну что же ты не молишь о пощадѣ!
 Что не трепещешь! Иль тебѣ не страшень
 Ни судъ мірской, ни грозный гнѣвъ царя!

ШУЙСКІЙ.

Не стану я просить себѣ пощады,
 Моя вина — слѣпое исполненье
 Велѣній царскихъ.

ДМИТРИЙ отдаетъ мечъ Скопину-Шуйскому.

Говори правдѣ!

ШУЙСКІЙ.

Мы утверждались крестнымъ цѣлованьемъ
 Царю Борису.

ГОЛИЦЫНЪ — Мстиславскому.

Ишь, куда пошло.

ШУЙСКІЙ.

Ты знаешь самъ, что всяка власть отъ Бога.
 Иной за страхъ служилъ, иной за совѣсть,

Да не порою служить и за награду.
 Бояринъ твой, Петръ Ѳедорычъ Басмановъ,
 Не по уму и не по лѣтамъ, рано
 Добился чести преданностью рабской
 Царю Борису. Царь бояръ врамольныхъ
 Не миловалъ, грозна была опала
 Ослушникамъ! Вонъ Бѣльскій попытался,
 Да самъ не радъ, проворовался въ службѣ
 И на-долго себѣ безчестія добылъ.
 Меня, раба, Борисъ послалъ къ народу,
 И рабъ пошелъ, творя его велѣнье,
 И говорилъ, что не царевичъ Дмитрій
 Идетъ въ Москву съ иноплеменной силой,
 А воръ, разстрига, еретикъ Отрепьевъ.
 Повѣрили, иль нѣтъ, и кто повѣрилъ
 Словамъ моимъ, не знаю; я исполнилъ,
 Что царь велѣлъ. Вотъ вся вина моя!

БАСМАНОВЪ.

Не вѣрь ему, великій государь!

ШУЙСКІЙ.

Я все сказалъ, что за собою вѣдалъ,
 Передъ лицомъ царя я повинился,
 И больше нѣтъ вины за мной. Ведите
 Пытать меня, хоть до смерти замучьте,
 Вы не услышите ни слова больше!
 Напрасно ты, Петръ Ѳедорычъ, безвинныхъ
 Сиротъ пыталъ! Узнать тебѣ хотѣлось,
 Что говорилъ, по царскому приказу,
 Я съ Лобнаго; на каждомъ перекресткѣ
 Спросилъ бы ты, — тебѣ безъ пытки скажутъ,
 Да не запрусь и я, не потихоньку —
 На всю Москву я громко говорилъ.
 Ждетъ милостей народъ, а ты пытаешь.
 Что значить — вровь! Отецъ былъ въ палачахъ;
 И ты по немъ.

БАСМАНОВЪ.

Онъ жетъ передъ соборомъ,
 Безстыдно жетъ! онъ вѣдомый обманщикъ!

Не съ Лобнаго — то было да прошло —
 Въ своемъ дому недавно онъ народу
 Бездѣльныя тѣ рѣчи говорилъ.

ШУЙСКІЙ.

Ни слова! Стой! Заглазно, сколько хочешь
 Нашептывай; въ глаза не смѣй порочить
 Вѣрнѣйшихъ слугъ московскихъ государей!
 Чѣмъ клеветать на Шуйскихъ, вы бы лучше
 Царямъ служить у Шуйскихъ поучились.

ЩЕЛКАЛОВЪ.

У тѣхъ ли Шуйскихъ, что въ Литву бѣжали?
 У тѣхъ ли Шуйскихъ, что царя Ивана
 Въ младенчествѣ не досыта кормили,
 Въ его глазахъ бояръ его губили,
 Съ митрополитовъ облаченье рвали?
 Или у тѣхъ, что черный людъ московскій
 Не разъ, не два водили бунтомъ въ Кремль?

ШУЙСКІЙ.

Нашъ родъ большой, въ семьѣ не безъ урода.
 Я бѣ насчиталъ тебѣ десятки Шуйскихъ,
 Пролившихъ кровь, и головы сложившихъ
 На всѣхъ концахъ, на всѣхъ украйнахъ русскихъ,
 Въ бою ручномъ и въ городскихъ осадахъ, —
 Да говорить я не хочу съ тобой.

ВѢЛЬСКІЙ.

Боясь Бориса, ты солгалъ народу,
 Зачѣмъ же ты потомъ не повинился
 Во лжи своей? Когда Гаврило Пушкинъ
 Съ Плещеевымъ намъ грамоты читали
 Димитрія Иваныча, ты гдѣ былъ?
 Ты чтожь молчалъ? А въ день царева въѣзда
 Опять не ты, а я да Петръ Басмановъ
 Поѣхали съ народомъ говорить, —
 А ѣхать бы, по совѣсти, тебѣ!
 Ты Ѳедоромъ Иванычемъ былъ посланъ

Похоронить царевича, ты знаешь,
 Кого ты хоронилъ. Вы съ патриархомъ
 Не разъ божились, что царевичъ Дмитрій
 Похороненъ тобой въ соборной церкви;
 Зачѣмъ же ты молчишь теперь, не скажешь
 Народу правды? Вы похоронили
 Попова сына, такъ бы ты и молвилъ;
 А ты молчишь да морщишься — моль-знаю,
 Да не скажу до случая.

ДМИТРІЙ.

Василій,
 Зачѣмъ молчалъ ты о своемъ обманѣ?
 Ты виноватъ передо всѣмъ народомъ, —
 Ты лгаль ему. Я здѣсь, я на престолѣ,
 Не въ Угличѣ, не мертвый! Хоронили
 Другого вы. Кого вы хоронили?
 Ну, говори!

ГОЛОСА.

Казнить его, злодѣя!

ШУЙСКІЙ.

Ты выслушай, великій государь!
 Про мой обманъ, про вымыслы Бориса
 Народъ забылъ и знать про то не хочетъ
 На радости. Бездѣльные тѣ рѣчи
 Я говорилъ давно; съ Мстиславскимъ послѣ
 Мы за тебя, подъ звономъ колокольнымъ,
 Народъ московскій ко кресту водили,
 И вѣрой, правдой, не жалѣя жизни,
 Служить тебѣ учили. Для чего же
 Про старое напоминать народу!
 И Бѣльскій, да Басмановъ неразумно
 Народъ московскій на пожаръ сбивали,
 Чтобъ клясться въ томъ, чему и такъ всѣ вѣрятъ.
 Не даромъ же руками имъ махали,
 Чтобъ не клялись: «Мы и безъ васъ-де знаемъ».
 А безъ нужды божиться, лишь въ сомнѣнны
 Народъ вводить.... И стало имъ обидно,
 Что я разумно сдѣлалъ, не поѣхалъ

На Лобное. Чему бы обижаться?
 Кому какъ Богъ дать: разумъ или глупость,
 Такъ и живи! На Бога съ челобитьемъ
 Къ кому пойдешь!

Великій государь,
 Я все сказаль тебѣ, что можетъ правый
 Сказать въ защиту правоты своей.
 Теперь въ твоихъ рукахъ и судъ и милость,
 И головы и честь холопей царскихъ,
 Бояръ исконныхъ, Суздальскихъ князей.

ДМИТРИЙ.

Увести его! (Шуйскаго уводятъ.)

Вы слышали, бояре,
 Окольничьи и думные дворяне,
 И вы, честные люди; обсудите
 И приговоръ поставьте по закону
 И совѣсти — и расходитесь съ Богомъ!
 Чему приговорите, такъ и быть. (Выходитъ изъ палаты, впереди
 идутъ рынды и Скопинъ - Шуйскій.)

МСТИСЛАВСКІЙ.

Подумайте! Чтобъ не было обиды:
 Казнить легко, да послѣ не воротишь.

ВАСМАНОВЪ.

Хоть думайте, хоть нѣтъ, а онъ измѣнникъ!
 (Щелкалову.)
 Пиши скорѣе приговоръ соборный!

ЩЕЛКАЛОВЪ.

Честной соборъ, чему повиненъ Шуйскій?

ГОЛОСА.

Казнить его! Повиненъ смертной казни.
 Измѣнникъ онъ! Ему и смерти мало!
 Всѣ Шуйскіе измѣнники! И братьевъ
 Помиловать нельзя. Какая милость!
 Всѣмъ Шуйскимъ смерть! На томъ и порѣшили.

МСТИСЛАВСКІЙ.

А тѣхъ за что? Они не виноваты.

ОДИНЪ ГОЛОСЪ.

Чай, Дмитрій - то свояки съ Годуновымъ,
Вотъ и вина.

МСТИСЛАВСКІЙ.

Нѣтъ, этакъ не порядокъ!

ЩЕЛКАЛОВЪ.

Такъ что жъ писать?

ОДИНЪ ГОЛОСЪ.

Пиши: казнить Василья,
А Дмитрію съ Иваномъ снять боярство,
И въ ссылку ихъ по дальнимъ городамъ.

ЩЕЛКАЛОВЪ.

Согласны всѣ?

ГОЛОСА.

Согласны! Ладно, ладно!
Чтобъ такъ и быть тому безъ перемѣны!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Пиши, Василій! Расходитесь съ Богомъ!

(Всѣ расходятся съ поклонами. Остаются: Мстиславскій, Голицынъ, Бѣльскій, Масальскій, Васмановъ и Щелкаловъ, который садится за столъ и писать.)

МСТИСЛАВСКІЙ.

Народъ — волна: куда его подуетъ,
Туда и льетъ. Ужъ Шуйскихъ ли не любятъ,
А вымолви за нихъ въ защиту слово,
Такъ разорвутъ.

ВОРОТЫНСКІЙ.

Не знаю только, ладно ль
Судить бояръ соборомъ черни буйной!

ГОЛИЦЫНЪ.

Коротокъ судъ народный, — безопасный,
Кровавый судъ, безъ совѣсти, безъ толку, —
Въ немъ Бога нѣтъ.

МСТИСЛАВСКІЙ.

И затѣвать не надо бѣ.

ГОЛИЦЫНЪ.

Служу царю, пусть царь меня и судить,
А не торговцы изъ лубочныхъ лавокъ.

МСТИСЛАВСКІЙ.

Убийство, а не судъ. Мнѣ Шуйскихъ жалко.

ГОЛИЦЫНЪ.

Кому жѣ не жаль! Нѣтъ, Шуйскій пригодился бѣ,
Что ни толкуй! Онъ плутъ и проидоха,
А все нашъ братъ — бояринъ, намъ онъ свой.

ВАСМАНОВЪ.

О чемъ, бояре?

ГОЛИЦЫНЪ.

О судѣ толкуемъ,
Что глупъ народъ и безтолковъ и буенъ,
А разсудилъ по правдѣ.

ВАСМАНОВЪ.

Это вѣрно.

ГОЛИЦЫНЪ.

А все жѣ не дѣло черному народу
Судить бояръ. Онъ долженъ ихъ бояться
Да слушаться; а дай ему почувать,
Что онъ судья надъ нами, плохо будетъ:
Онъ самъ начнетъ безъ царскаго указа
Судить; рядить да головы рубить.

ВАСМАНОВЪ.

А что, вѣдь правда!

ГОЛИЦЫНЪ.

Есть о чемъ подумать;
Подумаешь — зачесется затылокъ.

ВАСМАНОВЪ.

Не напророчь! Не дай Господь дожждаться!

(Входитъ ДМИТРІЙ.)

ДМИТРІЙ.

На чемъ рѣшили?

ЩЕЛКАЛОВЪ.

Шуйскаго Василья
Соборомъ всѣмъ казнить приговорили,
А братьевъ разослать по городамъ.
Какъ ты приважешь?

ДМИТРІЙ.

Приговоръ исполнить!

На Лобномъ мѣстѣ завтра прочитатъ
Его Василью; положить на плаху
Бунтовщика, занести топоръ надъ нимъ
И объявить, что мы его прощаемъ,
Что вмѣсто казни посылаемъ въ ссылку
По смерти его, съ лишеніемъ боярства;
А вотчины и все имѣнье Шуйскихъ
Мы отписать велимъ въ свою казну.

МСТИСЛАВСКІЙ.

Пошли Господь тебѣ на многи лѣта
И радостей и счастья, государь!

ДМИТРІЙ.

Довольны вы!

ГОЛИЦЫНЪ.

Языкъ всего не скажетъ,
Что чувствуетъ душа; мы лучше дома

Помолимся о здравіи твоємъ
И долголѣтіи.

ЩЕЛБАЛОВЪ.

Куда прикажешь,
Великій государь, сослать Василья?

ДМИТРИЙ.

За Кострому, — и завтра же отправить!
Не доѣзжая мѣста, воротить
Его въ Москву и возвратить боярство,
И вотчины, и все его имѣнье....
(Масальскому)
А Ксенія все плачетъ, все тоскуетъ?

МАСАЛЬСКІЙ.

У насъ уходъ за ней, какъ за царицей.

ДМИТРИЙ.

Не знаешь ли, чѣмъ слезы ей унять?

МАСАЛЬСКІЙ.

Уймутся сами. Скоро высыхаетъ
Роса на солнцѣ, а дѣвичьи слезы
Еще скорѣй.

ДМИТРИЙ.

Замѣтилъ ты, Масальскій:
Въ слезахъ она становится красивѣй,
Чѣмъ такъ, безъ слезъ?

МАСАЛЬСКІЙ.

Такъ пусть она и плачетъ!

ДМИТРИЙ.

Такихъ очей я ни въ Литвѣ, ни въ Польшѣ
Не видывалъ. Она меня полюбитъ!
Какъ думаешь, Масальскій, вѣдь полюбитъ?

МАСАЛЬСКІЙ.

Великій государь, ума не хватить
 О дѣвкахъ думать. Чтò жь объ дѣвѣхъ думать,
 Полюбить ли! Да чтò жь ей больше дѣлать,
 Какъ не любить? Одна у нихъ забота....

ДМИТРІЙ.

Поѣдемъ къ ней! Желаль бы я предъ нею
 Съ соперникомъ сразиться, чтобы сердце
 Красавицы отъ страха трепетало
 И побѣдителю наградой было.
 Я Ксенію люблю. Скажи, Масальскій,
 Чѣмъ покорить могу ея я сердце?

МАСАЛЬСКІЙ.

Чтò покорять! Она не врагъ тебѣ;
 Вели любить, и разговоръ коротокъ. (Уходятъ.)

ГОЛИЦЫНЪ — БАСМАНОВУ.

Чтò приунылъ, Петръ Ѳедорычъ? Обидно,
 Что службишка твоя пропала даромъ?

МСТИСЛАВСКІЙ.

Служи царю мечомъ на ратномъ полѣ,
 Да въ думѣ головой, а не доносомъ,
 Никто тебя обидѣть не посмѣеть.

БАСМАНОВЪ.

Обидно мнѣ не за себя, бояре!
 Онъ добрый царь, но молодежь и дѣвчавъ;
 Играетъ онъ короной Мономаха,
 И головой своей, и всѣми нами. (Уходятъ.)

СЦЕНА ПЯТАЯ.

Л И Ц А :

ЦАРИЦА МАРФА, мать Дмитрія царевича.
 МИХАЙЛО СКОПИНЪ - ШУЙСКІЙ.
 БАСМАНОВЪ и народъ.

Шатеръ въ селѣ Тайнинскомъ.
 (18 іюля 1605 г.)

Полы шатра распахнуты; видны: два ряда стрѣльцовъ, за ними народъ, вдали деревенный дворецъ. Входятъ: ЦАРИЦА МАРФА и СКОПИНЪ-ШУЙСКІЙ.

ЦАРИЦА МАРФА, садясь на стулъ и робко осматриваясь.

Младый, цвѣтущій юношѣ, князь Михайло
 Васильевичъ, зачѣмъ меня, старуху,
 Ты вытащилъ изъ монастырской кельи?
 Отъ суеты мірской давно отвыкла,
 Охъ, я давно отвыкла!

СКОПИНЪ-ШУЙСКІЙ.

Государемъ
 Приказано мнѣ привезти тебя;
 Онъ по тебѣ давно скучаетъ. Будешь
 Ты, наша мать, царицею московской. (Кланяется.)

ЦАРИЦА МАРФА.

Повѣрь ты мнѣ, голубчикъ, ничего-то,
 Охъ, ничего-то мнѣ ненадо! Только
 Въ монастырѣ и жить мнѣ; я забыла,
 Какъ люди-то живутъ.

СКОПИНЪ-ШУЙСКІЙ.

Въ Москвѣ не мало
 Жилъя тебѣ; въ любомъ монастырѣ
 Великой государынѣ есть мѣсто.
 Попомни насъ тогда, своихъ холопей!
 За дядю гнѣва не держи на насъ!

ЦАРИЦА МАРФА.

Забыла я, голубчикъ, все забыла!
Ты младъ еси, а красенъ и разуменъ, —
Гуляешь холостъ?

СВОПИНЪ-ШУЙСКИЙ.

Не женатъ пока....

Петръ Федорычъ идетъ къ тебѣ царица. (Уходитъ.)

ЦАРИЦА МАРФА.

Ну пусть идетъ! О, Господи помилуй!
Вотъ грѣхъ какой, какое попущенье!
Туманъ въ глазахъ, кружится голова.
Что говорить, что дѣлать? Гдѣ набратъся
Мнѣ разума? Ну, буди власть Господня! (БАСМАНОВЪ жко-
дитъ; ноги шатра закрываются.)

БАСМАНОВЪ, кланяясь въ ноги.

Царица наша, наша мать родная,
Ужли холопа Петьку позабыла?

ЦАРИЦА МАРФА.

Ты, Петя, встань! Ты молодъ былъ тогда.

БАСМАНОВЪ.

Великій царь и государь, Дмитрій
Ивановичъ, зоветь въ свой городъ столичный
Тебя, царицу.

ЦАРИЦА МАРФА.

Охъ, везутъ насильно,
А не зовутъ меня.

БАСМАНОВЪ.

Онъ повелитель,
Не только звать и приказать онъ можетъ —
Сама бы ты должна на встрѣчу сыну,
Не ѣхать, а летѣть.

ЦАРИЦА МАРФА.

На встрѣчу сыну?
Гдѣ сынъ - то мой, Петръ Ѳедорычъ? Гдѣ сынъ - то?!
Не знаешь ты, такъ я тебѣ скажу:
Я въ Угличѣ его похоронила,
Отъ слезъ моихъ тамъ рѣки протекли....

ВАСМАНОВЪ.

Не говори, царица! живъ Димитрій
Ивановичъ.

ЦАРИЦА МАРФА, не слушая.

У Спаса мы стояли
Обѣдню съ нимъ въ субботній день, на память
Пахомія Великаго; въ ту пору
Послалъ Господь тавою - то красный день,
И таково тепло....

ВАСМАНОВЪ.

Царица наша,
Такихъ рѣчей мнѣ слушать непригоже!

ЦАРИЦА МАРФА, не слушая.

И, быть грѣху, пришли мы отъ обѣдни,
Пошла я въ верхъ, сижу да отдыхаю,
А онъ внизу съ ребятами играетъ;
Извѣстно дѣло, ноги молодыя
Не устаютъ; и понесли намъ ѣству;
Хочу я встать — царевича покликать,
Вдругъ, слышу крикъ, такъ сердце и упало!
Бѣгу съ крыльца, кормилка держитъ Митю, —
А онъ кончается, а сука мамка....

ВАСМАНОВЪ.

Забудь про все! Одно, царица, помни,
Что ты всю жизнь терпѣла отъ злодѣевъ.
И самъ Борисъ и всѣ его холопы
Надъ царскою вдовою издѣвались.
Пришла пора подарствовать тебѣ,

На зло врагамъ твоимъ, на радость братьямъ
И сродникамъ, опальнымъ, заключеннымъ.

ЦАРИЦА МАРФА.

Прошли года, во мнѣ затихла злоба;
Отъ радостей мірскихъ я отрекалась.
Борись въ могилѣ, — насъ Господь разсудитъ,
Его холопамъ мстить я не хочу!
Вотъ, еслибъ вы въ то время догадались,
Какъ я въ слезахъ, обрызганная кровью
Царевича, по Угличу металась,
Безумная, звала людей и Бога,
Кровавыя поднявши къ небу руки,
На мечь Борису, — если бы тогда
Возстала Русь, Литва и вся Украина
На этотъ родъ проклятый годуновскій,
Разлучниковъ единокровныхъ братьевъ,
И надо было, чтобъ царевичъ ожилъ,
Воскресъ убитый, — я тогда бы сыномъ
Подкидыша паршиваго признала,
Щенка слѣпого дѣтищемъ роднымъ!...

ВАСМАНОВЪ.

Замени уста! Ты Дмитрія не знаешь!
Онъ наша радость, наше упованье.
Остановись! Душа моя не стерпитъ,
Не вынесетъ она позорной брани.

ЦАРИЦА МАРФА.

Пугать меня! — жену царя Ивана,
Того Ивана, передъ кѣмъ вы прежде
Какъ листья на осинѣ трепетали!
Я не боялась и царя Бориса,
Не побоюсь тебя, холопь! (Входитъ ДМИТРІЙ.)

ВАСМАНОВЪ.

Царевичъ! (Уходитъ.)

ДМИТРІЙ бросается къ царницѣ.

Родимая!

ЦАРИЦА МАРФА, оставаясь его посохомъ.

Постой - во! Ничего - то
Ты непохожъ. (Отворачивается.)

ДМИТРИЙ.

Зачѣмъ тебѣ наружность!
Моя душа горитъ къ тебѣ любовью
Сыновнею! (Цалуетъ ей руку.)
Пока ты въ заключеніи,
Среди старухъ, отжившихъ и бранчивыхъ,
Постомъ невольнымъ изнуряла тѣло,
И молодость свою въ слезахъ губила,
И вянулъ даромъ блескъ очей твоихъ
И величавость царственного стана,
Я тронъ тебѣ готовилъ, я злодѣевъ
Твоихъ губилъ, собиралъ твой родъ и племя
По годуновскимъ тюрьмамъ, и вокругъ трона
Поставилъ ихъ въ блестящемъ одѣяньи
Сановниковъ ближайшихъ, — я очистилъ
Широкій путь тебѣ въ твою столицу;
А ты взглянуть не хочешь на меня
И гонишь прочь, какъ недруга?!

ЦАРИЦА МАРФА.

МОЛИТЬСЯ

Всю жизнь мою за милости твои
И чтить въ тебѣ царя — рабой, коль хочешь,
Служить тебѣ я съ радостію буду;
Но матерью!... Нѣтъ! сердца не обманешь!
Не такъ оно забьется, если сына
Родимаго прижмешь къ своей груди.
Пусти меня опять въ мою обитель —
Не сынъ ты мнѣ.

ДМИТРИЙ.

А много ль нѣжной ласки
Ты видѣла отъ сына? И не скучно
Безъ ласки жить тебѣ?... Ребенкомъ малымъ,
Играючи, онъ прибѣгалъ къ тебѣ
Склонить свою головку на колѣна,

И засыпать подъ шопоть нѣжныхъ словъ;
 Другой любви и ласки онъ не вѣдалъ.
 Прошло и то, и рано ты осталась
 Съ сиротскими слезами вѣковать! (Царица Марфа плачетъ.)
 Припалъ ли онъ хоть разъ къ твоимъ колѣнамъ
 Царемъ въ вѣнцѣ и бармахъ Мономаха,
 При радостныхъ слезахъ всего народа?
 Просилъ ли онъ себѣ благословенья
 Землею править, судъ и правду дѣять,
 Прощать виновныхъ именемъ священнымъ
 Царицы матери, несчастнымъ слезы
 Ея руками отирать?

ЦАРИЦА МАРФА.

О, еслибъ
 Ты былъ мой сынъ! Поди ко мнѣ поближе,
 Взгляни еще въ мои глаза!... (Тихо) Дмитрій,
 Ты сирота, безъ племени и рода!
 Я ласкъ твоихъ не отниму у той....
 Другой!... Она, быть можетъ, въ тихомолку,
 Въ своемъ углу убогомъ, предъ иконой
 О миломъ сынѣ молится укладкой?
 Иль здѣсь, въ толпѣ народной укрываетъ
 Лицо свое, смоченное слезами,
 И издали, дрожащею рукою
 Благословляетъ сына?

ДМИТРІЙ.

Нѣтъ! О нѣтъ!

ЦАРИЦА МАРФА.

Одна ли буду матерью твоей,
 Одна ль любить тебя, меня одну ли
 Полюбишь ты?

ДМИТРІЙ.

О, да! Одну тебя!
 Ты назовись лишь матерью, — я сыномъ
 Сумѣю быть такимъ, что и родного
 Забудешь ты.

ЦАРИЦА МАРФА.

Тебя я полюбила....

ДМИТРИЙ.

Невиданнымъ почетомъ и богатствомъ
Украшу я твое уединенье
Въ обители; подъ этой грубой ризой,
По золоту парчей пойдешь ты въ трону!
Смотри сюда.... (Открываетъ полу палатки.)

Отъ нашей царской ставки
До стѣнъ Кремля шумять народа волны
И ждуть тебя. Одно лишь только слово!
И весь народъ, и я, твой сынъ бѣнчанный,
Къ твоимъ стопамъ, царица, упадемъ. (Склоняется передъ нею.)

ЦАРИЦА МАРФА, поднимая его.

Ты мой! Ты мой!

ДМИТРИЙ.

И сынъ, и рабъ покорный!
Обнимемся! Союзомъ, неразрывнымъ,
Мы связаны на жизнь и смерть. Пойдемъ!
Отбрось теперь свой посохъ: эти плечи
Могучія тебѣ опорой будутъ. (Выходятъ къ народу.)

НАРОДЪ.

Царица! Мать родная! Ты сиротамъ,
Рабамъ твоимъ, покровъ и заступленье!

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

Л И Ц А :

МСТИСЛАВСКИЙ.
 ВОРОТЫНСКИЙ.
 ГОЛИЦЫНЪ.
 КУРАКИНЪ.

Комната въ домѣ Голицына.

Входятъ: МСТИСЛАВСКИЙ, ВОРОТЫНСКИЙ, и ГОЛИЦЫНЪ. Слуги вносятъ чаши съ медомъ.

МСТИСЛАВСКИЙ — Голицыну.

Ты насъ заввалъ къ себѣ на перепутье,
 На пирожокъ, на чарочку винца,
 А угостилъ и до-пьяна и сыто.

ГОЛИЦЫНЪ.

Чѣмъ Богъ послалъ! Какое угощенье!
 Вотъ въ Краковѣ Аеонька нашъ пируетъ,
 Не намъ чета, и чортъ ему не братъ,
 Ломается — гляди, что курамъ на-смѣхъ.
 А мы въ Москвѣ играемъ въ городки.
 Однако, царь изрядно проминаетъ
 Бояръ своихъ. На земляную стѣну
 Полѣзетъ самъ, и ты за нимъ ступай!
 А тутъ - то насъ, не изъ пицалей, правда,
 А палками по чемъ попало лупать.

МСТИСЛАВСКИЙ.

Ученье свѣтъ, а неученье тьма.

ГОЛИЦЫНЪ.

Бога болятъ отъ этого ученья,
 А толку нѣтъ. Не на булачки драться,
 Не лѣзть на башню прямо подъ обухъ, —
 Привазывать — боярское есть дѣло.

ВОРОТЫНСКІЙ.

Бока болятъ! Ну, поболятъ немного,
 Да заживуть; безчестье не велико.
 А вотъ безчестье: Юрій Мнишеъ пишетъ
 Высоко больно, къ умаленью чести
 Боярской нашей.

МСТИСЛАВСКІЙ.

Таеъ ли, князь Иванъ
 Михайловичъ?

ВОРОТЫНСКІЙ.

Чего жъ еще! Онъ пишетъ:
 «Я вамъ царя поставилъ, я-де началъ,
 «И кончилъ все, и, каеъ-де я приѣду,
 «Передъ царемъ о васъ стараться буду
 «О умноженьи вашихъ правъ боярскихъ.»
 Какихъ еще намъ правъ?

ГОЛИЦЫНЪ.

Оно бъ не худо
 Шляхетскія намъ вольности имѣтъ;
 Да вотъ бѣда — пагъ Юрій Мнишеъ сядетъ
 На насъ на всѣхъ, между царемъ и нами.

МСТИСЛАВСКІЙ.

Оставимъ лучше эти разговоры.
 Не намъ судить! Чтò будетъ, то и будетъ.

ГОЛИЦЫНЪ.

Ну пусть бы Мнишеъ, а гляди — наѣдетъ
 Родня его, и сядетъ въ думѣ царской
 Съ боярами. Гоняетъ какъ мальчишеъ
 Насъ царь теперъ, а ужъ тогда и вовсе
 Молчать придется, да глазами хлопать,
 Какъ дуракамъ.

МСТИСЛАВСКІЙ.

Ты хмѣленъ, князь Василій.

ГОЛИЦЫНЪ.

И хмѣлень, да умень, такъ два угодыя.

ВОРОТЫНСКІЙ.

А что писать намъ Юрію? Вотъ, Шуйскій
И нуженъ бы!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Безъ Шуйскаго напишемъ,
Подумавши. Подумай, князь Василій,
И намъ скажи!

ГОЛИЦЫНЪ.

Пишите, вотъ что:

«Панъ Юрій! Грамотку твою читали,
«А пишешь ты про службу государю,
«Что въ дохожденъи прирожденныхъ панствъ
«Служилъ ему и промышлялъ съ радѣньемъ,
«И хочешь впредь добра ему хотѣть,
«И мы тебя теперъ за это хвалимъ.»
Вотъ и конецъ!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Разумно! Такъ и надо!
Пускай его читаетъ. (Входитъ КУРАКИНЪ.)

КУРАКИНЪ.

Шуйскій ѣдетъ
Въ Москву опять.

МСТИСЛАВСКІЙ.

Ну, радость не велика.

ГОЛИЦЫНЪ.

Не все на волка, ты скажи — по волеу!
Ну, хочешь ли побиться, князь Феодоръ
Ивановичъ — а вотъ князья разнимуть:
Я бьюсь съ тобою о великъ закладъ,
Что не пройдетъ недѣли, князь Василій

И въ думѣ первый, и въ совѣтѣ будетъ,
И самый ближній другъ Царю. Ну, хочешь?

МСТИСЛАВСКІЙ.

Завидовать не стану, не завистливъ.
Его при немъ! Прощай! (Уходитъ.)

ГОЛИЦЫНЪ.

Прощай, князь Ѳеодоръ
Ивановичъ.

ВОРОТЫНСКІЙ.

И я за шапку.

ГОЛИЦЫНЪ.

Что же!

Ты, князь Иванъ Михайлычъ, посидѣлъ бы.
Ну, посиди.

ВОРОТЫНСКІЙ.

До дому, князь Василій
Васильевичъ, пора. Прощенья просимъ;
Женишка ждетъ.

ГОЛИЦЫНЪ.

Ну, какъ, князья, хотите!

Я не держу: насильно милъ не будешь. (Уходитъ. Голицынъ
скоро возвращается; наливаетъ два кубка:
одинъ Буракину, другой себѣ.)

За вѣсть спасибо!

БУРАКИНЪ.

Было бы за что!

ГОЛИЦЫНЪ.

Не торопись. Недолго ждать, увидишь.
Я во хмѣлю, языкъ поразвязался,
Душа горять. Ты — другъ; передъ тобою
Могу я смѣло душу распахнуть.

КУРАКИНЪ.

Еще бы нѣтъ! Одна душа, — два тѣла!
Умреть со мной.

ГОЛИЦЫНЪ.

Дай Шуйскому пріѣхать
Да осмотрѣться; онъ сейчасъ увидитъ,
Куда ведутъ совѣтники слѣпые
Царька слѣпого....

КУРАКИНЪ.

Ну!

ГОЛИЦЫНЪ.

Онъ имъ поможетъ;
Съ Басмановымъ онъ больше не заспоритъ;
Поддакивать и поблажать имъ будетъ;
И царикъ нашъ напрыгаетъ не долго.

КУРАКИНЪ.

А послѣ что? На тронъ Мстиславскій сядетъ.

ГОЛИЦЫНЪ.

Мстиславскій? Нѣтъ! Его на то не хватитъ;
Ума не нажилъ, смѣлости подавно;
А сѣсть на царство — мудрена наука.

КУРАКИНЪ.

Ну, Шуйскій.

ГОЛИЦЫНЪ.

Вѣрно. Только съ уговоромъ:
Пусть грамоту напишетъ онъ боярству
И поцѣлуетъ врестъ, — безъ нашей думы
Не дѣлать шагу: смертью не казнить,
Помѣстій, отчинъ и дворовъ не трогать
Безъ нашего суда; а кто по сыску
Дойдетъ до казни, — женъ, дѣтей не грабить;
Доводчиковъ не слушать! Да не тогмо

На насъ, бояръ, не власть своей опалы,
 Не осудя, — гостей, людей торговыхъ
 И волосомъ не трогать безъ суда!
 Когда языкъ ему и руки свяжемъ,
 Пусть царствуетъ.

БУРАКИНЪ.

Такое дѣло ново,
 И Шуйскому какая же неволя
 Прикащикомъ боярскимъ быть на тронѣ?!

ГОЛИЦЫНЪ.

Безъ записи такой не сѣсть на царство
 Ни одному изъ насъ: другъ друга знаемъ;
 Переплелись обидой да безчестьемъ
 Боярскіе роды; одной семьи нѣтъ,
 Чтобъ на другую зубы не точила.
 Свои друзья, свои враги у всѣхъ;
 Кто ни взойди теперь на тронъ московскій,
 Родня, друзья сейчасъ его облѣпять, —
 Брагамъ не жить.

БУРАКИНЪ.

Мудреная задача!
 Не думаю, чтобъ Шуйскій поддался:
 Онъ травленный.

ГОЛИЦЫНЪ.

Ну, мы не будемъ плакать;
 Тогда пошлемъ къ Жигмонту Владислава
 Просить на царство: ѣшь меня собака
 Невѣдомая, только не своя....
 Пора къ царю, телятъ нарядныхъ бешать. (Уходятъ.)

СЦЕНА СЕДЬМАЯ.

Л И Ц А :

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.
 КНЯЗЬ МАСАЛЬСКІЙ, съ боярами и дворянами.
 КАЛАЧНИКЪ.
 ДВОРЕЦКІЙ.

Черная изба у Шуйскаго.

Входятъ ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ, въ крестьянскомъ кафтанѣ, и ДВОРЕЦКІЙ.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Пускай не всѣхъ, а только самыхъ близкихъ,
 И то простыхъ людей, — изъ думы только
 Татищева; а прочимъ говори,
 Что скорбень-моль: не только челоуѣка
 И свѣту Божьяго не хочеть видѣть.

ДВОРЕЦКІЙ.

Калачникъ Ваня разъ десятокъ мимо
 Воротъ прошелъ, за тыномъ притулился,
 Войти не смѣеть.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Ну, пусти его,
 Введи его тихонько заднимъ ходомъ. (Дворецкій уходитъ.)
 Калачники, разношники, торговцы,
 Попы безъ мѣсть, да странный, да убогий,
 Да голь кабацкая — меня жалѣють
 И помнятъ обо мнѣ, а наша братья
 Совѣтчики, да судьи, да думцы
 Великіе, — что борода, то дума,
 Что лобъ, то разумъ — тѣ меня забыли:
 Повлона ждуть.... Да не дождутся: съ ними
 Заигрывать, какъ съ дѣвками, не стану.
 Придетъ пора, поклонятся и сами.
 Я не брезгливъ, мнѣ всякій другъ, кто нуженъ.
 И сволочь хороша. Не плюй въ колодезь!

Велика сила плющійся народъ! (КАЛАЧНИКЪ входитъ.)
 Чтò скажешь, другъ Иванъ?

КАЛАЧНИКЪ.

Тебя, бояринъ,
 Отецъ ты нашъ, въ живыхъ не чаялъ видѣть;
 Вотъ, Богъ привелъ! Ну, какъ ты воротился?
 Здорово ли? Объ насъ не позабылъ ли?
 Не бросишь ли сиротъ своихъ?

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Не брошу.

КАЛАЧНИКЪ.

Ну, дай тебѣ Господь! А мы все тѣ же,
 Мы все твои. Я бьюсь теперь, бояринъ,
 Изъ пустяковъ; повѣсили бъ ужъ что ли
 Меня скорѣй, иль голову срубили!

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Съ чего бы тагъ?

КАЛАЧНИКЪ.

Жить нѣ мило, бояринъ!
 Разсказывать, аль нѣтъ? Коль будешь слушать,
 Я все скажу, а то вели отправить
 Къ Басманову меня: я ворогъ царскій.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

И то, пошлю.

КАЛАЧНИКЪ.

Тагъ, посылай скорѣе!
 Я голова отпѣтая. Довольно
 Погуляно, пора костямъ на мѣсто.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Куда спѣшить! Басмановъ подождетъ.

А ты повуда говори, что знаешь!
Что новаго?

БАЛАЧНИКЪ.

Все новое, бояринъ!
Палаты новы у царя; у нѣмцевъ
Кафтаны новы — бархатъ фіолетовъ;
У русскихъ вѣра новая — латинцы
Въ самомъ Кремлѣ поставили востель,
И цѣлый день гнусятъ свои обѣдни,
Своимъ душамъ на вѣчную погибель
И на соблазнъ крещеному народу.
Теперь обѣдать съ музыкой садятся,
Ни молятся, ни руки не умываютъ.
Поляки бьютъ народъ, сѣкутъ и рубятъ.
И встрѣчнаго и поперечныхъ; бродятъ
По улицамъ, по лавкамъ, по базарамъ,
Берутъ добро безъ денегъ и безъ спросу.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

И всѣ молчать?

БАЛАЧНИКЪ.

Нельзя и рта разинуть —
Защиты нѣтъ. Въ застѣновкѣ, да на плаху!
Петръ Ѳедорычъ люте волка сталъ:
Живого съѣсть. Казнить немилосердо;
Монаховъ чудовскихъ поразослала;
Тургенева казнили на Пожарѣ.
Чай, брата зналъ меньшого, Ѳедьку?

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Какъ же,

Ну какъ не знать!

БАЛАЧНИКЪ.

Горячій былъ, какъ я же;
Доводчики его оговорили.
Коротокъ судъ: свели его на плаху.
Безъ брата жизнь постыла мнѣ, бояринъ;
Я живъ брожу, а онъ въ сырой землѣ;

И мнѣ туда жъ. Да лишь бы поскорѣе!
За дешево я голову бы продалъ;
Нужна тебѣ?

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Повремени до срока.
Ты голову сложить всегда успѣешь;
Не торопись: быть можетъ, пригодится
На что-нибудь. Бери лотокъ на плечи,
Торгуй опять. Помалчивай о братѣ,
Повеселѣй гляди, на прибаутки
Не поскупись, да не болтай пустаго!
А я тебя за прежнія заслуги,
Ужъ таеъ и быть, помилю: Петрушеѣ
Басманову рѣчей твоихъ не выдамъ. (Смѣются оба.)
Въ нуждѣ иль горѣ, приходи ко мнѣ,
И выручу и денегъ дамъ на нужду.
Убогій гдѣ?

КАЛАЧНИКЪ.

Въ Москвѣ. Да мететь что-то
Нескладное.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

А гдѣ живетъ?

КАЛАЧНИКЪ.

Въ поварнѣ
У патриарха, только кормятъ плохо.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Пришли его. Да заходите чаще. (Входитъ ДВОРЕЦКІЙ.)

ДВОРЕЦКІЙ.

Масальскій князь съ боярами наѣхалъ
Отъ самого царя.

(Калачникъ уходитъ.)

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Ворота настезь!

ДВОРЕЦКІЙ.

Я растворилъ.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

И двери настезь живо! (Дворецкій открываетъ дверь.)
Входятъ: МАСАЛЬСКІЙ, бояре и дворяне.

МАСАЛЬСКІЙ.

Великій царь и государь Димитрій
Ивановичъ велѣлъ тебѣ сказать,
Бояринъ князь Василій, князь Иванычъ,
Что онъ вины не помнитъ, и опалу
Твою съ тебя снимаетъ, санъ боярскій
И вотчины и все добро твое
Онъ жалуетъ тебѣ, и дозволяетъ,
Опять его царевы очи видѣтъ
Пресвѣтлыя, и жалуетъ кафтаномъ
И шубою и шапкою боярской.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Великіе бояре, вы, царевы
Совѣтчицы, краса земли Московской!
Скажите мнѣ, послѣдному холопу,
Какимъ путемъ - дорогой, иль тропами
Звѣринными, вы ѣхали ко мнѣ?
Да развѣ есть ко мнѣ дорога, лѣсомъ
Не заросла, не завилась травою?
Какихъ людей попутныхъ вы встрѣчали?
Кто васъ провелъ, кто показалъ домишко
Убогій мой? Да развѣ есть на свѣтѣ
Василій Шуйскій? Развѣ люди помнятъ
Въ Москвѣ о немъ? Великіе бояре!
Не вы нашли, не люди вамъ казали
Пути - дороги, — царь вамъ приказалъ
Найти меня, и лѣсы преклонились,
И развился, какъ скатерть, путь широкій,
И поднялся и свѣтелъ сталъ мой домъ,
Какъ царскія высокія палаты:
И живъ опять и радостенъ хозяинъ;
Вчерашній смердъ — опять бояринъ царскій.
Скажите вы царю и государю,

Что дней моихъ остатокъ и дыханье
 Послѣднее, — душевный каждый помысль
 Я отдаю ему; что старь и хиль я,
 Но силъ еще у Шуйскаго достанетъ,
 Чтобъ доползти до ногъ его, коснуться
 Его стопамъ холопскими устами,
 И вѣрнымъ псомъ на стражѣ стать у трона....
 Сѣдлатъ коней! Боарскую одежду!
 Лохмотья прочь! Я ѣду къ государю, —
 А завтра васъ прошу къ себѣ, бояре,
 На званый столъ, на разливанный пиръ, —
 Отпраздновать со мной цареву милость! (Уходить.)

II.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

ЛИЦА:

ДИМИТРІЙ.
ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.
МСТИСЛАВСКІЙ.
ГОЛИЦЫНЪ.
ТАТИЩЕВЪ.
БАСМАНОВЪ.
БЪЛЬСКІЙ.
МАСАЛЬСКІЙ.
БУЧИНСКІЙ.
ВЛАСЬЕВЪ, царскій казначей.
ОСИПОВЪ, дякъ изъ приказа.
У каждой двери по двое нѣмцевъ съ бердышами.

Передняя комната въ новомъ дворцѣ у самозванца; за ней широкая галерея съ цвѣтными стеклами.

(23 апрѣля 1606 года).

Выходятъ: ТАТИЩЕВЪ, за нимъ ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Куда бѣжишь? Аль рѣчи не по мысли?

ТАТИЩЕВЪ.

Ишь, нѣучи! Ужъ это мы слышали!
Обучимся и мы, не торопясь.
Пусть вызовутъ изъ Греціи монаховъ!
Такъ нѣтъ, такой науки онъ не хочетъ...
Отдай робятъ въ ученье езовитамъ...
Меня морозъ по кожѣ подираетъ,

Готова брань сорваться съ языка,
 На драку я пойду, на ножъ полезу,
 Когда, шутя, о вѣрѣ говорятъ.
 Какой онъ царь! Какой защитникъ церкви,
 Когда латинской, езовитской вѣры,
 Отъ греческой не можетъ отличить!
 Ему одно, что наше православье,
 Что ересь ихъ. Кабы одно-то было,
 Анаемѣ бы ихъ не предавали.
 А коль одно, такъ и пускай бы въ нашу
 Латинцы шли. — Вотъ, значить, не одно.
 Татаринъ, жидъ, латинецъ, православный,
 Всякъ бережетъ свою; а у царя-то
 Какая же?

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Ну, значить, никакой.

ТАТИЩЕВЪ.

А ты молчишь, бояринъ, князь Василій
 Ивановичъ, иль даваешь ему,
 (Сквозь зубы)
 Проклятому.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Къ чему же горячиться!
 Само себѣ защита православье,
 Гонителей оно не побойтся.
 И Оока и Ульянъ - богоотступникъ
 На Бога шли войной, да много ль взяли....
 Гонители погибли лютой смертью,
 А вѣра православная стоитъ.

(Входятъ ГОЛИЦЫНЪ и МСТИСЛАВСКІЙ.)

ГОЛИЦЫНЪ.

А вотъ у насъ и сватъба подоспѣла;
 Опять пиръ!

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Всю зиму пировали,
 Играли въ зернь, да пили безъ ума;
 Опять за тожь!

ВЪСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

МСТИСЛАВСКІЙ.

Мы сватьбу отпируемъ,
И кончено, снарядимся въ походъ.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Куда? Зачѣмъ?

МСТИСЛАВСКІЙ.

На крымскаго Гирея.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Какая стать Казы - Гирея трогать,
И турскаго султана задирать!
Кому нужда? — Жигмонту, нѣмцамъ, папѣ;
А мы въ чужомъ пиру похмѣлье примемъ.
На крымцевъ есть донскіе казаки:
Пусть рѣжутся — послать свинцу да зелья,
Да денегъ дать — а послѣ отпереться,
Что намъ - де ихъ, воровъ, не удержать....
Двѣ выгоды: дешевле и безъ драки;
И волки сыты, да и овцы цѣлы,
Татары биты, да и мы съ султаномъ
Въ миру живемъ.

ТАТИЩЕВЪ.

Походъ задуманъ въ Римѣ,
И сгоряча нашъ царь пообѣщался
Начать войну, чтобъ выманить отъ Польши
Жену да императорское титло.
Со Свейскимъ мы поссорились за Польшу,
Съ татаринимъ и турскимъ за неѣ-жъ....
Такъ съ Польшей-то въ ладахъ ли? Не бывало!
Поссоримся и съ ней.

МСТИСЛАВСКІЙ.

За что?

ТАТИЩЕВЪ.

За титло

Непобѣдимаго. На печевѣ сидя,
 Ни съ вѣмъ не воевавши, заслужили
 Такую честь, — такъ намъ ее подай!
 Сбирались - то втроемъ идти на турокъ:
 А нѣмцы прочь; Жигмонть, угодникъ папскій,
 И радъ бы въ рай, да сеймомъ вяжутъ руки;
 Останемся, какъ раки на мели.

МСТИСЛАВСКІЙ.

Одни пойдемъ; на что жъ новгородцевъ
 И псковичей пригнали на Ходынгу?

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Да много ль ихъ? Всего восемнадцать тысячъ.

МСТИСЛАВСКІЙ.

Въ Ельцѣ еще собираются войска.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

А деньги гдѣ?

ГОЛИЦЫНЪ.

Великъ калымъ платили;
 Рѣкой течеть московская казна
 За польскую границу; Аѳанасій
 Обозами возилъ туда два раза.

МСТИСЛАВСКІЙ.

Нѣтъ, — онъ одинъ пойдетъ, не побойтся!
 Ему война — потѣха; спать и грезить
 Онъ о войнѣ; ему безъ дѣла скучно.

ТАТИЩЕВЪ.

Война — потѣха, вѣра на потѣху!

(Показывая въ окно.)

И у крыльца поставленъ для потѣхи
 Треглавый адъ — бряцаніе велико
 Отъ челюстей и пламя изъ ушей,

Отверзты зубы, и готовы когти
 На ухапленіе. И зрѣти страшно!
 Потѣхи все; какое жь дѣло свято?

МСТИСЛАВСКІЙ.

Татищевъ, ты не очень завирайся!
 Не попадись опять!

ТАТИЩЕВЪ.

Языкъ мой — врагъ мой.

МСТИСЛАВСКІЙ.

Басманову ты кланяйся, а то бы
 Гулять тебѣ за Вологду иль Вятку,
 Куда Макаръ телятъ не загонялъ.
 (Татищевъ уходитъ, махнувъ рукой.)

ГОЛИЦЫНЪ.

Потише, царь идетъ. (Изъ царскихъ комнатъ выходятъ: ДМИТРІЙ,
 БАСМАНОВЪ, БѢЛЬСКІЙ, МАСАЛЬСКІЙ; изъ галереи показы-
 вается БУЧИНСКІЙ съ письмомъ).

БУЧИНСКІЙ, подавая Дмитрію письмо.

Гонецъ съ дороги.

ДМИТРІЙ, прочитавъ письмо.

Мнѣ весело, бояре; нашу радость
 Желалъ бы я и съ вами раздѣлить.
 Сегодня пиръ; придумайте потѣху
 Веселую для радости моей.
 Теперь, что день, то ближе наше счастье,
 И скоро мы московскій тронъ украсимъ
 Жемчужиной, каковой не обладаютъ
 Богатые индійскіе цари.
 Какъ думаешь, Бучинскій, по расчету,
 Далекое ли теперь невѣста наша?

БУЧИНСКІЙ.

Ея ясновельможность, цесаревна,

Марина Юрьевна, — теперь въ Можайскѣ;
Его-мосць, воевода Сендомирскій,
Ясновельможный панъ, въ Вязьмахъ къ ночи.

ДМИТРИЙ.

Табунъ коней послать ему для встрѣчи!
Не помнишь ли, какіе мы подарки,
Послѣдніе, послали съ Аѳанасьемъ
На встрѣчу ей, царицѣ нашей, въ Вязьму?

ВУЧИНСКІЙ.

Двѣ запоны алмазныя, корону
Алмазную, часы, да жемчугъ низанъ.

ДМИТРИЙ.

И только, Янъ? Да это мало! Чтò бы
Еще послать? А вотъ чтò, панъ Бучинскій:
Свези еще ей восемь ожерельевъ
И столько же кусковъ парчи на платье....
А жемчугу въ казнѣ какая пропасть!
Берешь, берешь, а все не убываетъ;
Куда дѣвать, придумать не могу.

БАСМАНОВЪ.

Да пусть лежитъ; не пролежалъ бы мѣста,
И хлѣба онъ не просить.

ДМИТРИЙ.

Панъ Басмановъ,
Я твоего не спрашивалъ совѣта....
Готовы ли кареты? а возницамъ
И конюхамъ подѣ цвѣтъ каретный платье?
А новые шатры — встрѣчать царицу?

БАСМАНОВЪ.

Готово все, великій государь.

ДМИТРІЙ.

Тамъ бархату въ царицыны покои
Недостаетъ.

БАСМАНОВЪ.

Въ казнѣ давно не стадо,
Да и въ Москвѣ едваль его найдешь!
По всѣмъ купцамъ обѣгали.

ДМИТРІЙ.

Не знаю,
Вы бѣгали, иль нѣтъ, а бархатъ нуженъ.
Найти его, чего бы онъ ни стоилъ!
Что нужно намъ, того не быть не можетъ.
Хоть тысячу, хоть больше дай за лоскутъ,
Въ ладонь мою. Я денегъ не жалѣю.
Я прикажу, и будетъ мнѣ готово,
Не только бархатъ, птичье молоко!

БАСМАНОВЪ.

Камки, парчей и бархату цвѣтного
Истратили мы столько, государь,
Что запрудить Москву-рѣку хватило бѣ;
А сѣблей и камней многоцвѣтныхъ
И денежной истрачено казны, —
И смѣты нѣтъ, и словъ такихъ не знаемъ.

ДМИТРІЙ.

Истрачено! Басмановъ! Панъ Басмановъ!
Кого я ѣду? Истрачено! Да еслибъ
Въ моей казнѣ алмазовъ было больше,
Я бѣ вымостилъ алмазами дорогу
Для панны Мнишковойны.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Да для чего же
Копить, беречь ихъ въ темныхъ кладовыхъ?
Алмазъ, что человѣкъ, невидѣнъ въ кучѣ:
А посади его на видномъ мѣстѣ,

И заблестить. Недаромъ ихъ копили
Родители твои; они какъ знали,
Что Дмитрію придетъ пора ихъ тратить
На брачный пиръ, для славы государства,
На диво и на зависть иноземцамъ.

БАСМАНОВЪ.

А ты забылъ, что тотчасъ послѣ пиру
Война у насъ. Куда казна нужнѣе,
Подумай-ко!

ДМИТРИЙ.

Да неужли, Басмановъ,
Такъ много денегъ нужно на войну,
Что ихъ въ казнѣ у насъ не хватитъ? Вѣрьте,
Походъ коротковъ будетъ; мы нагрянемъ,
Какъ Божій гнѣвъ, на головы невѣрныхъ,
И долго будетъ страшно наше имя
Въ предѣлахъ ихъ — великую добычу
И славный миръ мы завоюемъ разомъ.

БАСМАНОВЪ.

Пословица у насъ: «Сбирайся на день,
А про запасъ бери на всю недѣлю!»

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Война — войной, а свадьба — свадьбой! Развѣ
Царю считать алтынами пригоже?
Подъячему, на жалованьи царскомъ,
На маленькомъ, а не царю — алтыны
Раскладывать на разныя потребности:
Одинъ на кашу, на кафтанъ другой.
Война у насъ не нынче, и не завтра;
Пошлетъ Господь, такъ деньги соберутся:
Кушцы дадутъ, въ монастыряхъ есть лишки.

ДМИТРИЙ.

Въ монастыряхъ онѣ лежать безъ пользы.
Не правъ ли я?

ВЪСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Безъ пользы, государь.

ДМИТРІЙ.

Подумайте, бояре, какъ бы лучше
 Разставить намъ гостей ясновельможныхъ,
 Родню мою. Бояре, не забудьте,
 Что польскіе паны не вамъ — чета;
 Живутъ красно, богато, видѣть любо,
 Не взаперти, а настезь, шумно, людно.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Подъ воеводу домъ Борисовъ годень,
 А для пановъ бояре потѣснятся.

МСТИСЛАВСКІЙ.

Намъ негдѣ взять раздолья и простору,
 Живемъ черно.

ГОЛИЦЫНЪ.

Зато радушно примемъ.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Прислужниковъ царицыныхъ поставимъ
 По улицамъ Чертольскимъ, по Арбату,
 Въ самомъ Кремлѣ. Купцовъ, поповъ погонимъ
 Изъ ихъ дворовъ; не маленькіе, сыщутъ
 Приютъ себѣ! Хоть нынче жъ вывозиться
 Приважемъ имъ.

БАСМАНОВЪ.

Зачѣмъ же гнать насильно?

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Просить начни — они ломаться будутъ;
 Ему толкуй, а онъ свое заладитъ:
 «Что домъ - де мой, что я - де въ немъ хозяинъ».

Народъ простой — не понимаетъ чести,
Что въ ихъ дворахъ стоять царевы гости.

БАСМАНОВЪ.

Великій царь, не одобряй насильства!
Прогнать поповъ — въ народѣ ропотъ будетъ.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Неужтожъ намъ, для нашей царь-дѣвицы,
Для матушки, красавицы - парицы,
Невиданной, неслыханной нигдѣ,
Поповъ жалѣть?!

ДМИТРИЙ.

Да ты откуда знаешь
Про красоту ея?

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Да еслибъ лучше
Была у насъ, зачѣмъ бы издалека
И братъ тебѣ: ты дома бы женился....
А, значитъ, нѣтъ.

ДМИТРИЙ.

Конечно, нѣтъ.

БАСМАНОВЪ.

Давно ли,
Великій царь, ты разлюбилъ красавицъ
Родной земли, смиренницъ чернобровыхъ?
Ты прежде ихъ не обѣгалъ, кажись.

ДМИТРИЙ.

Красавицы въ Москвѣ у васъ не рѣдкость,
По красотѣ имъ равныхъ не найдешь...
Но портить ихъ излишняя поворность
И преданность, безспорная готовность,
Всегдашнія уступки и молчанье.

Литовскія красавицы не то!
 Въ очахъ огонь, въ рѣчахъ замысловатость!
 То ласкою безмѣрною дарятъ,
 То гордостью нежданною окинутъ.
 Имъ приказать нельзя, нельзя принудить
 Любить тебя; а долго и прилежно
 Ухаживать тебя онѣ заставятъ.

(Указывая на Василія Шуйскаго)

Смотрите - ва, у старика глаза - то
 Какъ прыгаютъ. Ты, видно, Шуйскій, любишь
 Хорошее? Товару цѣну знаешь?

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ машетъ рукою.

Не безъ грѣха! Покаюсь, грѣшенъ, грѣшенъ!

ДМИТРІЙ.

Ну, тото же! Вотъ жалко, что сосваталъ
 Ты русскую, а то нашли бы польбу.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Ну, гдѣ ужъ мнѣ! Я старъ. По Сенькѣ шапка!

БАСМАНОВЪ.

Намъ некогда, великій государь,
 За бабами ухаживать по-долгу;
 У насъ дѣла съ утра до самой ночи,
 И для-того намъ русскія способнѣй.

ДМИТРІЙ.

Ты очень строгъ, Басмановъ, нынче; Шуйскій
 Добрѣй тебя.

ВУЧИНСКІЙ.

Твоей великой мосци
 Дозволь сказать! Царицу безпокоитъ,
 Что усмотрѣть не можно за прислугой;
 Что наши грубы съ русскими, и много
 И ссоръ и дракъ бываетъ на дорогѣ.
 Боятся, чтобъ въ Москвѣ не стало то же.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Мы, русскіе, съ поляками роднимся;
Пускай дерутся, — послѣ помирятся.

ВАСМАНОВЪ.

Молю тебя, великій государь,
Унять скорѣй поляковъ! Мы дождемся
Бѣды большой. Вражда непримирима,
А новыя обиды подольются,
Что масло на огонь.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Такъ что же дѣлать?
Не бить же намъ гостей своихъ для сватьбы!
Нельзя жъ и русскихъ заставлять терпѣть
И принимать съ поклонами побой!
А пусть они даютъ полякамъ сдачи,
Такъ задрать поляки перестануть.

ВЪЛЬСКІЙ.

Такой раздоръ недоброе пророчить.

МАСАЛЬСКИЙ.

Дозволь полякамъ обижать народъ,
Дозволь народу драться съ поляками....
Натравливать — охотники найдутся!

ВАСМАНОВЪ.

И выростеть изъ драки бунтъ народный.

ДМИТРИЙ.

Молчите вы! Мнѣ слушать надоѣло!
Не школьникъ я, не вамъ меня учить!
Поймите разъ и навсегда, что Шуйскій
Умнѣ васъ, и рта не разѣвайте,
Когда мы съ нимъ о дѣлѣ говоримъ. (ВЛАСЬЕВЪ съ рабочими
на галерей.)
Ну, что ты, Власьевъ?

ВЛАСЬЕВЪ.

Бархатомъ разжился,
Веду рабочихъ — стѣны обивать.

ДМИТРІЙ.

Дождитесь здѣсь, бояре! Я въ покои
Царицыны схожу, взгляну работы. (Уходитъ.)

ВАСМАНОВЪ — Шуйскому.

Ты льстишь царю; твои совѣты — гибель.
Онъ молодой, горячій государь;
Любя его, ты будь руководитель,
Не поглажай, а на добро учи.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Учить его, такъ быть умнѣе надо:
А я себя умнѣй его не ставлю.

МСТИСЛАВСКІЙ — Васманову.

Да и тебѣ не слѣдъ умомъ кичиться
Передъ царемъ.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Слуга — не опекунъ.

ВАСМАНОВЪ.

Покуда ты довѣрчивое сердце
Великаго царя не портилъ лестью,
Онъ вѣрныхъ слугъ своихъ любилъ совѣты,
За грубость рѣчи гнѣва не держалъ;
Онъ вѣрилъ намъ, онъ споръ любилъ, онъ помнилъ,
Что тотъ слуга, кто смѣло рѣжетъ правду,
А наглый льстецъ — измѣнникъ, не слуга.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Вотъ я женюсь, да если будутъ дѣти,
Такъ ихъ учить — обязанность моя. (Выходитъ изъ галереи ДМИ-
ТРІЙ, за нимъ ОСИПОВЪ.)

ДМИТРІЙ.

Мертвецъ, худой и блѣдный! Кто, зачѣмъ онъ?
Спросить его! Остановить его!

(Нѣмцы загораживаютъ Осипову дорогу.)

БАСМАНОВЪ.

Убогой смердь! Дьячишко изъ приказа!
Ты, Осиповъ?

ОСИПОВЪ.

Рабъ Божій, Тимошей.

БАСМАНОВЪ.

Зачѣмъ? Какъ смѣлъ? Откуда ты?

ОСИПОВЪ.

Изъ церкви.

ДМИТРІЙ.

Просить чего, иль жаловаться хочешь
На слугъ моихъ? Обиженъ ты?

ОСИПОВЪ.

Тобою.

ДМИТРІЙ.

Не знаю, чѣмъ и какъ я могъ напрасно
Тебя обидѣть, добрый человѣкъ.

ОСИПОВЪ.

А тѣмъ, что ты въ святыхъ стѣнахъ Кремлевскихъ,
Среди церквей, вертепъ грѣху поставилъ,
Нечестію и ереси поганой!

Святую тишь молитвы православныхъ
Нарушилъ ты гудѣньемъ мусикійскимъ!
Вхожденіемъ еретиковъ латинскихъ
И люторскихъ ты храмы осквернилъ.
Гдѣ я молюсь, предъ чѣмъ благоговѣю,

Куда вступаю съ трепетомъ священнымъ,
Туда со мной литвинъ и ляхъ съ руганьемъ
И мерзостнымъ кощунствомъ вмѣстѣ входятъ.

БАСМАНОВЪ.

Остановись!

ВЪЛЬСКИЙ.

Молчи!

МАСАЛЬСКИЙ.

Убить его!

ГОЛИЦЫНЪ.

Какой смѣльчакъ!

ВАСИЛІЙ ШУЙСКИЙ, тихо.

Какой подвижникъ вѣры!

ДМИТРИЙ.

Не трогайте! Ты, Осиповъ, чего же
За брань свою желаешь заслужить
Отъ милостей моихъ, царевыхъ?

ОСИПОВЪ.

Смерти!

Какой ты царь! Тебѣ ль управлять царствомъ,
Когда собой управлять ты не въ силахъ!
Какой ты царь! Ты самъ въ оковахъ рабства!
Ты рабъ грѣха! Служитель сатаны,
Съдѣящій на престолѣ всероссійскомъ!
Воистинну разстрига, а не царь?

ВЪЛЬСКИЙ беретъ бердышъ у нѣмца.

Нельзя терпѣть! Освободи намъ руки,
И мы его на части разнесемъ!

БАСМАНОВЪ беретъ бердышъ у другого.

Измѣнникъ тотъ, кто можетъ равнодушно,
Въ глазахъ царя такія рѣчи слушать!

ДМИТРИЙ.

Ты, Осиповъ, себѣ желаешь смерти;
Ты заслужилъ ее. Иди на казнь!

ОСИПОВЪ.

Чего же ждать много отъ разстриги!

БАСМАНОВЪ, заноса бердышъ.

Не изрыгай своихъ ругательствъ скверныхъ,
А то убью!

ВЪЛЬСКІЙ, заноса бердышъ.

Молчи! Ни слова больше!

ОСИПОВЪ.

Я смерти жду. Постомъ и покаянемъ
Я оградилъ себя отъ страха смерти,
И, причастясь святыхъ Христовыхъ тайнъ,
Пришелъ къ тебѣ изъ Божьей церкви прямо
Принять изъ рукъ твоихъ вѣнецъ страдальца,
Съ которымъ я на небеса предстану.

(Басмановъ и Вѣльскій опускаютъ бердыши.)

Придетъ пора, то время недалеко,
И смерть моя тебѣ завидна будетъ.

ДМИТРИЙ.

Увести его! (Идетъ къ двери.)

БАСМАНОВЪ.

Пытать его прикажешь?

ДМИТРИЙ.

Казнить его! Остановись, Басмановъ!
Простить иль нѣтъ? (Молчаніе.) Жестокій, непреклонный,
Безчувственный и твердый, какъ желѣзо,
Безжалостенъ къ себѣ народъ московскій;
Онъ милостей не цѣнитъ и не стоитъ.

(Указывая на Осипова)

Стеречь его до моего приказа!
Свести въ тюрьму! (Быстро уходить.)

ВАСМАНОВЪ.

Исполню, государь. (Уходить.)

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ — Голицыну.

Вотъ мученикъ святой! Идя на смерть,
Онъ вымолвилъ пророческое слово:
«Завидовать моей ты будешь смерти». (Уходить.)

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Л И Ц А :

ДМИТРІЙ.

ПАНЪ ЮРІЙ МНИШЕКЪ, воевода сандомирскій.

МАРИНА ЮРЬЕВНА, его дочь.

КАМЕРИСТКА.

Деревянная келья въ Москвѣ.

(5 мая 1806 г.)

Входятъ: МНИШЕКЪ и МАРИНА.

МАРИНА.

Скажи, отецъ, зачѣмъ меня, какъ птичку,
Здѣсь заперли?

МНИШЕКЪ.

Чтобъ ты не улетѣла
Отъ сокола, московскаго царя.

МАРИНА.

Ты знаешь самъ, какою тяжелой цѣпью
Взаимныхъ вл�твъ, обѣтовъ, вздоховъ нѣжныхъ,

Мы связаны съ державнымъ женихомъ.
 Какъ вѣрны мы, и я и онъ, другъ другу!
 И вотъ, за то должна я въ заключены
 Сидѣть и ждать, когда угодно будетъ
 Великому царю съ собою вмѣстѣ
 Меня на тронъ московскій посадить.
 Смѣшной народъ, обычаевъ старинныхъ
 Онъ измѣнить не можетъ.

МНИШЕКЪ.

Если хочешь
 Любимой быть, старайся сохранить
 Обычай и даже предрасудки
 Земли, теперь родной тебѣ.

МАРИНА.

Стараюсь,
 Хоть трудно мнѣ и скучно привыкать
 Къ поклонамъ ихъ тяжелымъ, въ дикой рѣчи,
 И поступи развѣренной и тихой....
 А мой женихъ радится очень любить:
 На дно пять разъ перемѣняетъ платье.

МНИШЕКЪ.

Понравится естественно желанье
 Въ такомъ живомъ и страстномъ человѣкѣ.

МАРИНА.

Мнѣ нравится царицей быть московской,
 А царь Москвы и неуклюжь и грубъ.
 Ты на царя похожь гораздо больше,
 Чѣмъ Дмитрій мой, великій императоръ.

МНИШЕКЪ.

Учить тебя не стану; ты сзумѣешь
 И Польши честь и гоноръ родовитыхъ
 Пановъ ея достойно поддержать
 Въ Москвѣ; но, важется мнѣ, слишкомъ

Ты холодна съ царемъ. Онъ обезумѣль,
Онъ все забыль, одной любовью бредить,
То шлетъ тебѣ подароковъ за подаркомъ,
То радится и только - что не плачетъ.

МАРИНА.

А если такъ, ну, значить, не напрасно
Я холодна въ нему. Отецъ! ты знаешь,
Что слабыя и робкія созданья
Мы, женщины, всю жизнь у васъ подъ властью,
И только разъ, когда страстей горячка
Безумная выпить въ душѣ мужчины,
Холодностью и строгостью притворной
Имѣемъ мы и власть надъ нимъ и силу.
Въ землѣ чужой намъ золото и жемчугъ -
Не лишніе, алмазы — тѣ же деньги.
Онъ намъ съ тобой полцарства общаетъ,
Короновать меня царицей хочетъ;
Но я боюсь, что самъ - то онъ недолго
Продарствуетъ. Бояре Сигизмунду
Ужъ кланялись, просили Владислава.
А если онъ усядется и крѣпко
Въ Московіи, кто знаетъ, послѣ сватъбы
Какъ онъ будетъ! Грубая природа
Въ немъ скажется. Отецъ, ты знаешь, z chata
Nie będzie papą.

МНИШЕГЪ.

Брось свои тревоги
О будущемъ! Живи и наслаждайся
Величїемъ и баснословнымъ блескомъ,
Дарованнымъ тебѣ любовью царской
И неизсчѣтной царскою вазной!
Довѣримся герою молодому:
Онъ ловко взялъ державу самовластья
И удержать ее съумѣетъ крѣпко
Въ своихъ рукахъ; а ты царя - героя
Великій духъ любовью оковала
И удержать въ цѣпяхъ любви съумѣешь.

(Музыка за сценой. Входитъ КАМЕРИСТКА.)

КАМЕРИСТКА.

Его величество войти изволилъ.

(Входитъ ДМИТРИЙ въ венгерскомъ платьѣ.)

МНИШЕКЪ.

Ясновельможной паннѣ, цесаревнѣ
Маринѣ Юрьевнѣ всея Россіи,
Отецъ ея панъ Мнишекъ бьетъ челомъ
И милостямъ ея себя вручаетъ.
Между двоихъ влюбленныхъ — третій лишній.

(Кланяется Дмитрію и уходитъ.)

МАРИНА.

Его величество мнѣ извинитъ
Невольное смущенье; мы такъ рано
Не ждали васъ...

ДМИТРИЙ.

Холодное смиренье
Въ рѣчахъ твоихъ, почтительная гордость
На встрѣчу ласкъ горячихъ и объятій.
Когда же я, у ногъ твоихъ, Марина,
Дождусь любви?

МАРИНА.

Величіе героя
Въ челѣ твоемъ, высоко поднятѣмъ;
Все то, чѣмъ я гордилась издалика,
Вблизи меня пугаетъ. Робкой дѣвѣ
Слѣпать глаза блестящія наряды,
Толпы вельможъ кругомъ тебя и роскошь
Даровъ твоихъ и раболѣпство слугъ....
Почтительно сгибаются колѣна
Передъ лицомъ твоимъ....

ДМИТРИЙ.

Люби, Марина!
Одной любви! Одной любовью бѣденъ

На тронѣ я. Все то, чѣмъ я владѣю,
Все взято съ бою, силой, отнятое.

МАРИНА.

Любовь лишь тамъ, гдѣ равенствѣ.

ДМИТРІЙ.

Забудемъ

Различіе! Не царь, а шляхтичъ вольный
Передъ тобой.

МАРИНА.

Вамъ забываться можно,
А мнѣ нельзя.

ДМИТРІЙ.

Перенесися въ Польшу
Мечтой своей! Забудь, что ты въ Москвѣ!
Глухая ночь, гремитъ и воетъ буря,
Передъ окномъ красавица тоскуетъ
О рыцарѣ. Черезъ горы и потоки
На бѣшеномъ, покрытомъ бѣлой пѣной,
Армакѣ онъ мчится, чтобъ украдкой
Обнять свою любовницу. (Обнимаетъ Марину.)

МАРИНА, освобождаясь.

Довольно!

Великъ просторъ тебѣ для самовольства
По всей Москвѣ, а здѣсь мое владѣнье!
Царица я убогой этой кельи,
И здѣсь, за этой дверью, безопасной
Желаю быть.

ДМИТРІЙ.

Глаза твои, Марина,
Презрѣніемъ блеснули; эти взгляды
Ужасны мнѣ. Не повторяй ихъ болѣ,
Молю тебя. Они напоминаютъ
Дни жалкіе холопства моего,
Когда нѣмой, трепещущій отъ страсти,

Земли и ногъ не чужь подь собой,
 Изъ-за угла слѣдилъ я жаднымъ взглядомъ
 Шаги твои, и ты, проникнувъ дерзость
 Надеждь моихъ, съ улыбкою змѣиной
 Глядѣла на меня и обдавала
 Презрѣніемъ отъ головы до ногъ.
 Обиды нѣтъ обидѣе тѣхъ взглядовъ:
 Ихъ вынести не могъ я никогда;
 Желѣзная природа уступала
 Ихъ жгучести — и я, въ слезахъ, безъ пищи,
 Въ горячечномъ бреду, больной, метался
 И день и ночь! Я боленъ и теперь:
 Дай руку мнѣ, до головы дотронься!
 Вся кровь горитъ, дрожить и холодѣтъ
 Рука моя, — мой голосъ рвется, слезы
 Сжимають горло и готовы хлынуть,
 Свинцомъ лежить въ груди тяжелымъ сердце!
 Скажи, Марина, чѣмъ, какою жертвой
 Мнѣ заслужить любовь твою и ласку?

МАРИНА.

Московскій царь, я лаской не торгую.

ДМИТРІЙ.

Но если ты не хочешь оцѣнить
 Даровъ моихъ, позволь же мнѣ, Марина,
 Слезами и колѣнопреклоненьемъ
 Молить любви твоей.

МАРИНА.

Ни унижаться,
 Ни унижать меня я не позволю.
 Сравнять меня съ собой у васъ есть средство —
 Короновать меня. — Передъ царицей
 Вы можете тогда склонять колѣна
 Не унижаясь, — я тогда безъ страха
 Могу обнять, какъ равнаго, тебя.

ДМИТРІЙ.

Короновать? Да развѣ ты не будешь
 Царицею со мною, повѣнчавшись?

МАРИНА.

Нѣтъ! Русскія царицы только жены
 Мужей - царей, — по мужу лишь царицы;
 Затворницы, пока мужья ихъ живы,
 По смерти ихъ, живые мертвецы,
 Монахини безъ власти и значенья.
 А я хочу теперь короноваться,
 Дѣвицею, и мнѣ твои бояре
 И воинство пусть также крестъ цѣлуютъ
 На подданство, какъ и тебѣ.

ДМИТРІЙ.

Не знаю,
 Не слыхано въ Руси такое дѣло.

МАРИНА.

А гдѣ жъ любовь твоя?

ДМИТРІЙ.

А гдѣ жъ награда
 За всѣ мои безчисленные жертвы?

МАРИНА.

Послѣднюю мою исполни волю,
 И жди себѣ награды — я твоя;
 А безъ того назадъ уѣду въ Польшу.

ДМИТРІЙ.

Приказывай! Назначь намъ день и часъ;
 Я прикажу собраться духовенству
 И нынче же напишемъ чинъ вѣнчанья.

МАРИНА.

Я завтра переѣду во дворецъ,
 А послѣ - завтра день коронованья.

ДМИТРІЙ.

Исполню все.

МАРИНА.

Спѣшить приготовленьемъ
Мнѣ надобно. Прощай, до новой встрѣчи
Въ дворцѣ твоемъ!

ДМИТРИЙ.

Хоть руку на прощанье
Облобызать позволю.

МАРИНА.

Въ твоемъ желаньи
Не въ силахъ отказать тебѣ. Изволь!
Прощай, мой царь.

ДМИТРИЙ, цѣлуя руку.

Прощай, моя царица.

МАРИНА обнимая его.

Иди! Иди! Безвременною лаской
Не уменьшай безспорныхъ наслажденій!
Ты видишь ли, я берегу себя
Лишь для тебя, мой царь и повелитель!

ДМИТРИЙ.

Владычица моя, я власть слагаю
У ногъ твоихъ; повелѣвай отнынѣ
И мной самимъ, и цѣлымъ государствомъ.

МАРИНА.

Да будетъ такъ! Я принимаю! Амен. (Кланяется и уходитъ.
Дмитрій быстро убѣгаетъ.)

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Л И Ц А :

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.
 ДМИТРІЙ ШУЙСКІЙ.
 ГОЛИЦЫНЪ.
 КУРАКИНЪ.
 ТАТИЩЕВЪ.
 КАЛАЧНИКЪ.
 ДВОРЕЦКІЙ.

Дворяне. Боярскіе дѣти. Головы. Сотники и стрѣльцы новгородскіе и псковскіе. Кушцы и простой народъ.

Верхнія сѣни въ домѣ Шуйскаго. Темно.

(11 мая 1606 г.)

Выходятъ изъ освѣщенной комнаты: ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ, КАЛАЧНИКЪ, съ восковой свѣчой въ рукѣ, и ДВОРЕЦКІЙ.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

А крѣпко ль мы живемъ, Иванъ? Въ кольчугѣ,
 Я вижу, ты; меня-то бережете ль?

КАЛАЧНИКЪ.

И красные и задніе ворота
 Съ дубинами ребята берегутъ;
 По улицѣ въ проулкахъ, перекресткахъ
 И по концамъ поставлены рогатки —
 Ни конному, ни пѣшему нѣтъ ходу,
 Кромя своихъ. На стражѣ у рогатокъ,
 Для случая, готовы верховые.
 Я ставилъ самъ и обходилъ дозоромъ —
 Я для-того кольчугу и надѣлъ.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Что бережно, то цѣло.

КАЛАЧНИКЪ.

Мы кольчуги,

По твоему приказу, отобрали
 Изъ кладовой. Кому раздать, я знаю.
 Кого не жаль, кому и жизнь копѣйка,
 И голова не стоить ничего,
 На нихъ - то я кольчуги и надѣну.
 Я рать сберу изъ вольницы московской;
 Мы выпустимъ сидѣльцевъ бражныхъ тюремъ,
 Цѣпныхъ воровъ съ Варварскаго крестца!
 И эту рать удалую на встрѣчу
 Пищальнаго огня я поведу.
 Мы вашу грудь своею загородимъ;
 За головы разумныя бояръ
 Мы головы дешевыя положимъ....
 Зачемъ огня?

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Одной свѣчи довольно.
 Держи въ рукахъ! Не свадьбу мы пируемъ....
 (Дворецкому)
 Сбираются?

ДВОРЕЦКІЙ.

Понабралось довольно,
 Внизу полно. Въ сѣняхъ стрѣльцовъ поставилъ,
 Торговый людъ въ поварнѣ, въ черныхъ избахъ.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

А лишнихъ нѣтъ?

ДВОРЕЦКІЙ.

Кажись, что не бывало.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Осматривай по одному! Чужого
 Опрашивай — зачѣмъ пришелъ, откуда,
 И кто привелъ? Когда позвать прикажемъ,
 Пускай на верхъ безъ шуму, съ береженьемъ!
 Теперь ступай!

(Дворецкій уходитъ внизъ.)

Бояре, выходите!

(Выходятъ: ДМИТРІЙ ШУЙСКІЙ, ГОЛИЦЫНЪ, КУРАКИНЪ, ТАТИЩЕВЪ,
 дворяне, дѣти боярскіе и головы стрѣльцкіе.)

ГОЛИЦЫНЪ.

Довольно съ насъ обидъ и униженья
Отъ гордости поляковъ, нестерпима
Ихъ пьяная хвастливость.

БУРАГИНЪ.

То и дѣло,
Мы слушаемъ отъ нихъ, что намъ, холопамъ,
Пріятеля паны на царство дали;
Что служимъ мы холопски, что съ панами
Вельможными мы честью неравны.
Потѣшились надъ нами наши гости,
И будетъ съ нихъ; пришелъ конецъ ихъ панству,
Конецъ царьку и нашему холопству.

ГОЛИЦЫНЪ.

Пора ужъ намъ почетъ, боярамъ, видѣть!
Мы выберемъ себѣ царя межъ нами,
Боярскаго царя.

ДМИТРІЙ ШУЙСКІЙ.

Опасный шагъ!
Храни Господь!

ГОЛИЦЫНЪ.

Не все жъ играть въ игрушки!
Пора боярамъ послужить землѣ.

ТАТИЩЕВЪ.

Боярами земля стоитъ отъ вѣба,
Не выдать же чужимъ родную землю.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Народъ слѣпой, мы зрячіе, мы видимъ,
Куда идти, чего хотѣтъ народу.
Боярство — Русь великая, а земство
Идетъ туда, куда ведутъ бояре.
Народъ возьметъ, что мы ему дадимъ,

И будетъ знать, что мы ему велимъ.
 Для нашихъ дней и для потомковъ нашихъ
 Покроемъ мы всё замыслы и думы
 Глубокою и вѣвовѣчной тайной.
 Пусть люди насъ не судятъ, судить Богъ!

ДМИТРИЙ ШУЙСКІЙ.

А страшно, братъ!

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Кого же намъ бояться?
 И царь слѣпой, и таеъ же слѣпъ и простъ
 Бѣсовозлюбленный 'его совѣтникъ.
 Басманову ли править государствомъ!
 Онъ подъ носомъ не видитъ ничего.
 Борисовы ученики, мы Грознымъ
 Воспитаны, и насъ не проведешь!
 Не имъ чета! Вотъ мы умѣемъ править
 Землей своей, вести народъ умѣемъ.
 По выбору, и ложь и правда служатъ
 У насъ въ рукахъ орудіемъ для блага
 Народнаго. Нужна народу правда —
 И мы даемъ ее; мы правду прячемъ,
 Когда обманъ народу во спасенье.
 Мы лжемъ ему: и мрутъ и оживають
 По нашей волѣ люди; по базарамъ
 Молва пройдетъ о знаменьяхъ чудесныхъ;
 Убогіе, блаженные пророчать,
 Застонетъ камень, дерево заплачетъ,
 Изъ нѣдръ земли послышатся глаголы,
 И наша ложь въ народѣ будетъ правдой, —
 Въ хронографы за правду перейдетъ....

ТАТИЩЕВЪ.

Великая боярская опора,
 Василий, князь Иванычъ, за тобою
 Какъ стадо мы. Не закрывай уста!

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Была пора, намъ ложь была нужна,

Мы ею Русь спасали отъ Бориса;
 Но выросла та ложь треглавымъ змѣемъ,
 Свила гнѣздо себѣ въ чертогахъ царскихъ
 И ересью дохнула на Россію,
 Дѣтенышей развестъ грозитъ, хочетъ
 Облупить Русь погаными когтями.
 Пришла пора покаяться, бояре,
 Пришла пора виниться въ воровствѣ.
 Мы про себя и про царя народу
 Всю правду скажемъ. Эй! Зови народъ!

КАЛАЧНИКЪ у лѣстницы свещетъ. ДВОРЕЦКІЙ показывается.

Веди народъ!

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Бояре, честь и мѣсто! (Усаживаются. Народъ входитъ по лѣстницамъ.)

Вошли?

ДВОРЕЦКІЙ.

Вошли.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Закройте западни!

ГОЛОСА.

Челомъ тебѣ, бояринъ.

КАЛАЧНИКЪ.

Тише, тише!

ОДИНЪ изъ толпы.

Бояре все, князья да воеводы,
 И кланяться кому, не разберешь.

КАЛАЧНИКЪ.

Одинъ поклонъ отвѣсь на всѣхъ, и будетъ.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Честной народъ, Господнимъ попущеньемъ,
Мы нажили бѣду себѣ на плечи,
Великую и земскую бѣду.
Намъ жить нельзя. А еслибъ можно было,
Не стали бъ мы — бояре — собираться,
Совѣтъ держать украдкой, по ночамъ,
Не стали бъ мы и людъ честной тревожить.

ГОЛОСА.

Само собой! — Извѣстно, что не стали бъ.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Діавольской мечтой и омраченьемъ
И нашимъ воровствомъ у насъ на царствѣ
Не царь, а воръ, разстрига утвердился.
За воровство простите насъ! Я первый
Прошу у васъ прощенья. (Кланяется.) Мнѣ царевичъ
Извѣстенъ былъ — я хоронилъ его.

ГОЛОСА.

Ну, какъ тебѣ не знать! Извѣстно, страхомъ
Заставили разстригѣ поклониться.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Когда Борисъ холопамъ за доносы
Сталъ вотчины боярскія давать,
Давиль, какъ мухъ, боярство, половину
Извелъ его, а чернаго народу
И счету нѣтъ, — терпѣнья намъ не стало.
Щадя себя, мы думали, гадали
Избыть его, и намъ Господь помогъ.
Явился воръ въ Украйнѣ, объявился
Димитріемъ, Литва заликовала,
Вся Сивера безъ бою отдалась,
За ней Рязань, казачество толпами
Пошло къ нему, — войска и воеводы,
Борисовы служили неохотно
И скоро всѣ передались за вора,

Винясь ему въ измѣнѣ небывалой.
 Вдохнула Русь. Грѣха таить не стану,
 Завѣдомо мы вору покорились;
 Кто волей шель къ нему, а кто отъ страха....

ГОЛИЦЫНЪ.

И воля намъ невольная была.
 Небось, своя рубашка къ тѣлу ближе.
 Мы вѣдали, что волей, что неволей
 Безчестною, съ веревкою на шеѣ,
 А быть за нимъ; такъ лучше волей съ честью
 Служить ему, и шли къ нему охотой.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Разумень онъ и молодъ; мы гадали
 И чаяли, что будетъ онъ боярскій
 Совѣтъ любить и насъ держать въ почетѣ,
 Блюсти законъ и чтить святую церковь,
 Обычаевъ отеческихъ держаться.
 Ошиблись мы! Вы видите и сами,
 Таковъ ли онъ! Среди церквей соборныхъ
 Поставилъ онъ костѣлы езовитамъ,
 Навель орду гостей разноязычныхъ,
 Еретиками Кремль заполонилъ,
 Священниковъ и насъ, бояръ, повыгналъ,
 Забралъ дворы и отдалъ ихъ полякамъ.
 Изъ Польши взялъ латинской вѣры дѣвку,
 И, не крестя ея, вѣнчался съ нею
 Подъ пятницу, подъ праздникъ годовой!
 Въ монастырѣ держалъ ее до свадьбы;
 Суреньщиковъ съ гудками, трубачеевъ
 Водилъ туда и всякихъ скомороховъ.
 Толпы бродягъ съ ругательствомъ и шумомъ
 Оружіемъ звеня, по храмамъ бродятъ,
 Безчинствуя надъ нашею святыней.
 Такъ вотъ дѣла! Какъ знаете, судите,
 Друзья мои!

ГОЛОСА.

Не намъ судить! Не наша —
 Боярская забота думу думать.
 Судите вы, бояре, мы за вами.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Отработь всю и промотаь до тла
 Кошленую казну царей московскихъ.
 То въ Польшу шлетъ, то здѣсь дарить полявамъ
 Безъ разума, безъ счета — точно ворогъ
 Землѣ своей и царству разоритель.
 Сплотили мы, скрѣпили государство,
 А онъ его опять разноситъ врозь.
 Всю Сиверу за дочь сулитъ онъ тестю,
 А королю за сватовство — Смоленскъ.
 А васъ, друзья мои, новгородцы,
 Со всей землей и Псковъ еще въ придачу —
 Женѣ своей, Маринѣ отдастъ,
 И вольно ей латинскіе костѣлы
 По городамъ новгородскимъ ставить.

НОВОГОРОДСКІЕ СТРЕЛЬЦЫ.

О, Господи! Вотъ грѣхъ какой! Бояринъ,
 Вступишь за насъ! Василій, князь Иванычъ,
 Твой родъ служилъ новгородской волѣ
 До самаго конца ея.

ПСКОВСКІЕ СТРЕЛЬЦЫ.

Твой братецъ
 Двоюродный, Иванъ Петровичъ, Пскову
 Защитникъ былъ отъ страшнаго Батуры.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Терпѣть ли намъ и ждать, сложивши руки,
 Пока бояръ поляки изведутъ,
 И волости московскія подѣлятъ,
 Погонять васъ, какъ стадо на убой,
 Латинскія обѣдни слушать силой!
 Терпѣть ли намъ? Судите, какъ хотите!

ГОЛОСА.

Нельзя терпѣть! — Нельзя терпѣть, бояринъ!
 Избыть бѣды! — Избыть! Чего тутъ думать!
 Не мало насъ — мы встанемъ за одинъ.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Я разъ лежалъ подъ топоромъ на плахѣ,
Народъ молчалъ, никто не шелохнулся.

ГОЛОСА.

Прости ты насъ, бояринъ! — Намъ разстригу
Доподлиннымъ царевичемъ казали.
Мы вѣрили боярамъ.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Виноватыхъ

Я не ищу. Меня небесный промыслъ
Помиловалъ и сохранилъ для мести.
Я смерти вдалъ; мальчишка вздумалъ шутки
Шутить со мной — я шутокъ не люблю,
Для шутокъ старъ я. Вывести на потѣху,
Народную, сѣдого старика,
Боярина, опору государства,
Подъ топоромъ держать его на плахѣ,
Потомъ дарить непрошенымъ прощеньемъ!
Я осужденъ соборнымъ приговоромъ:
Казни меня, но не шути со мной!
Съ врагомъ шутить и глупо и опасно!
Враговъ губи! Будь онъ въ моихъ рукахъ,
Я съ нимъ шутить и нянчиться не стану.
Я видѣлъ смерть, и, если будетъ нужно,
Готовъ опять идти на встрѣчу смерти;
Но головы терять не стану даромъ.
Ужъ умирать, такъ всѣмъ; мы смертью купимъ
Животъ себѣ.

ГОЛОСА.

Мы всѣ умремъ, бояринъ!
Какая жизнь у нехристей подъ властью!
Душа нужнѣй — безъ Бога не прожить!
Антихристу служить тяжелѣ смерти!
Ордой идти не страшно! — Грянемъ разомъ,
Такъ дымъ столбомъ — сыра-земля застонеть.
Кажите намъ дорогу, мы за вами!

Мы шапками поляковъ забрасаемъ!
Давайте намъ работу!

КАЛАЧНИКЪ.

Тише, тише!

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Ну, если такъ, и ладно. Вы, побуда
Пора придетъ, товарищей собирайте:
Вы, головы и сотники, по сотнямъ,
А вы, бушцы-торговцы, по рядамъ!

ТАТИЩЕВЪ.

Вы кучами, толпами не сходитесь!
По одному, тихонько, съ глазу-на-глазь
Ведите рѣчь только: что молъ-время
За вѣру стать, что больше православнымъ
Терпѣть нельзя.

ГОЛОСА.

Да ладно, ладно! — Знаемъ,
Кому и какъ сказать. — Святое дѣло
Безъ разума и толка не начнемъ.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Такъ, по рукамъ!

ГОЛОСА.

Ударимся, бояре! (Бояре встанутъ и подойдутъ къ народу.)

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Давай другъ другу! Помните, гдѣ руки,
Тамъ — головы. Рука божбы дороже!

ГОЛОСА.

Моя рука! — Еще рука! — За братьевъ,
За всѣхъ своихъ товарищевъ!

СОТНИКЪ.

За сотню!

ГОЛОВА.

За тысячу!

КУПЕЦЪ.

За весь ивонный рядъ!

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Ну, слушайте, робята!

БАЛАЧНИКЪ.

Тише, тише!

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Недѣлю вамъ я сроку дамъ; въ субботу
Зарю встрѣчай и поджидай работу!

ТАТИЩЕВЪ.

Готовъ мечи, ножи точи булатны!

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

И разомъ въ сходъ, какъ загудеть набатный.

ГОЛОСА.

Въ набать! Въ набать!

ГОЛИЦЫНЪ.

Готовься, жди набата!

БАЛАЧНИКЪ.

Всю ночь не спать, набата ждать!

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Робята!

Заслыша звонъ, со всѣхъ сторонъ московскихъ
Сбирайся въ сходъ вблизи воротъ Фроловскихъ,
И въ Кремль за мной вались толпой!

ГОЛИЦЫНЪ.

Уважемъ,

Кого искать, съ кого начать.

ТАТИЩЕВЪ.

Намажемъ

Дворы чужихъ, кресты на нихъ напишемъ.

БАЛАЧНИКЪ.

Всю ночь сиди, набата жди!

ГОЛОСА.

Услышимъ!

Глухіе что ль! — Ни вѣсть отволь, нагрянемъ!

ГОЛИЦЫНЪ.

Поможетъ Богъ, враговъ врасплохъ застанемъ!

ГОЛОСА.

Зачѣмъ собирать большую рать и силу!
Одинъ съ кошемъ, другой съ дубьемъ подь силу!
Ведите насъ! — Идемъ сейчасъ на драку!
Зачѣмъ терпѣть, чего жалѣть собаку!
Робята — въ Кремль!

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Потише!

БАЛАЧНИКЪ.

Тише, тише!

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Смирнѣй, друзья! Не бунтъ мы затѣваемъ!
 О чемъ шумѣть! Святое наше дѣло.
 Придетъ пора и время; мы за вѣру
 Иконами, крестами ополчимся,
 Помолимся и скажемъ: съ нами Богъ!

ГОЛОСА.

Ты всѣмъ глава. — Что скажешь, то и будетъ.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ, кланяясь.

Спасибо вамъ за ласку и радѣнье!
 Богъ помочь вамъ и намъ! Ступайте съ Богомъ,
 По одному, безъ шума, не спѣша!

ГОЛОСА.

Челомъ тебѣ, бояринъ, за науку!
 Челомъ тебѣ за ласковое слово!
 За все челомъ, и вдвое за любовь. (Кланяются и сходятъ съ
 лѣстницы.)

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ — боярамъ.

Пойдемъ, друзья, досиживать до свѣту!
 Въ Кремлѣ сидятъ, — а мы не хужè ихъ!
 (Уходятъ всѣ, кромѣ Голицына и Куракина.)

ГОЛИЦЫНЪ.

Толкуй себѣ: «Не бунтъ мы начинаемъ!»
 Чего жъ еще, коль это ужъ не бунтъ!

КУРАКИНЪ.

Какой же бунтъ! Василій свѣтъ-Иванычъ, —
 Что ни начни, все свято у него!
 Завѣдомо мошенничать сберется,
 Иль видимую пакость норовить,
 А самъ, гляди, вдыхаетъ съ постной рожей
 И говорить: «Святое дѣло, братцы!» (Уходитъ.)

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

ЛИЦА:

КАЛАЧНИКЪ.

КОРОДИВЫЙ.

ИВАНУШКО, дуракъ.

ПОВАРЪ дворцовый.

СТАРИКЪ столѣтній изъ Углича.

Купцы. Стрѣльцы. Разные мелкіе торговцы, мальчишки, простой народъ и странники. Рота нѣмецкихъ алебардчиковъ съ капитаномъ, десатскіе.

Улица въ Китай-городѣ.

(12 мая 1606 года.)

Проходятъ толпа разнаго народа. Четверо КУЩОВЪ; кругомъ разговаривающихъ постепенно собирается толпа.

1-й КУЩЕЦЪ.

Чего намъ ждатель! Часъ - отъ - часу не легче!

Пріѣхали на сватьбу, а возами

Оружія съ собою навезли....

И понимай, какъ знаешь!

2-й КУЩЕЦЪ.

Понимать - то

Тутъ нечего! Яснѣе свѣту дѣло:

Пришелъ конецъ, забрались волки въ стадо.

1-й КУЩЕЦЪ.

Большой нарядъ за Деревянный - городъ

Поволокли и ставятъ на лужку,

У Срѣтенскихъ воротъ, по - лѣво Красныхъ

Слободъ.

3-й КУЩЕЦЪ.

Зачѣмъ?

1-й КУЩЕЦЪ.

А развѣ ты не знаешь!

Бояръ губить — своихъ поляковъ тѣшить.
 Назначенъ бой примѣрный въ воскресенье,
 И перебьютъ бояръ до одного.

4-й купецъ.

Не можетъ быть! А волости царевы
 Кому держать?

1-й купецъ.

Подблать ихъ полягамъ,
 По городамъ латинство заведуть.

3-й купецъ.

Бѣда бѣдой, живой ложись въ могилу!

1-й купецъ.

Великъ Господь! Ты бойся, да не очень!
 Вы помните, что прежде воскресенья
 Субботній день бываетъ.

4-й купецъ.

Это вѣрно.

1-й купецъ.

Сиди, да жди субботы! (Уходитъ.)

2-й купецъ.

Не мѣшаетъ
 Дубинки намъ, робята, заготовить,
 Чтобъ было чѣмъ подъ-часъ оборониться. (Выходитъ толпа
 ПОЛЯКОВЪ, слугъ Вишневецкаго.)

ПОЛЯКИ.

Эй, хлопцы! Прочь съ дороги!

ГОЛОСА.

Разойдемся!

Просторъ великъ въ Москвѣ, гуляй, гдѣ хочешь!
А тѣсно вамъ у насъ — гуляйте въ Польшу!

ПОЛЯКИ.

Стрѣлять по васъ, холопская порода!

МАЛЬЧИШКИ, прыгая.

Ну, застрѣли! Ну, застрѣли! Не смѣешь!

Поляки! У! Безмозглые поляки!

Пучки, глаголи, лысые затылки! (Поляки бросаются съ саблями на мальчишекъ.)

ГОЛОСА.

У насъ не таеъ; по нашему-то вотъ каеъ!

Валяйте ихъ каменьями, робята.

(Бросаютъ каменья въ поляковъ, тѣ скрываются въ ворота дома, занимаемаго Вишневецкимъ; выходятъ пятеро небогатыхъ ПОСАДСКИХЪ.)

1-й ПОСАДСКІЙ.

Его съ двора прогнали, а поляковъ
Поставили.

2-й КУПЕЦЪ.

Кого его?

1-й ПОСАДСКІЙ.

Попа

Чертольскаго, отъ Знаменья. Строптивый
Старикъ такой...

2-й ПОСАДСКІЙ.

Ну, что же?

1-й ПОСАДСКІЙ.

Ну, и слушай!

Объядню онъ, какъ надо, отслужилъ;

Ектенію проговорилъ честь честию;
«Благочестиваго» сказалъ порядкомъ,
А послѣ въ алтарѣ тихонько провлялъ.

3-й посадскій.

Анаемой?

1-й посадскій.

Анаемой!

4-й посадскій.

Да правда ль?

1-й посадскій.

Всѣ слышали.

2-й посадскій.

Зачѣмъ бы гнать поповъ?
Помимо ихъ, другихъ дворовъ довольно.

1-й посадскій.

Монастыри хотятъ теперь очистить,
Прогнать изъ нихъ монаховъ и монахинь.

3-й посадскій.

А гдѣ жъ имъ жить? Въ міру соблазна много.

1-й посадскій.

Монахамъ женъ дадутъ, монахинь замужъ
Повыдадутъ. А кто не пожелаетъ,
Тому конецъ.

5-й посадскій.

Ни въ жизнь я неповѣрю.

1-й посадскій.

Ты вѣрь, не вѣрь, а деньги обираютъ
Въ монастыряхъ, — не проживешь безъ денегъ.

2-й ПОСАДСКІЙ.

И деньги - то святые: на строенье
 Да за - душу міряне подавали;
 А ихъ возьмутъ, полякамъ раздадутъ.

ДЕСЯТСКІЙ.

Чего вы тутъ! Зачѣмъ собрались кучей?
 Петръ Ѳедорычъ толпиться не велѣлъ
 По улицамъ.

1-й ПОСАДСКІЙ.

Иди своей дорогой,
 Покажѣсть цѣль. Не трогаютъ тебя,
 Не приставай и ты, дружокъ! (Входитъ КАЛАЧНИКЪ и уставляетъ лотокъ.)

КАЛАЧНИКЪ.

Торгую!

Вались народъ со всѣхъ воротъ. Горячи!
 Горяченьки калачики. (Входитъ дворцовый ПОВАРЪ, пьяный.)

ПОВАРЪ, самъ съ собою.

Утя ли

Верченое.... кострецъ лосинь.... осѣрдье
 Крошеное.... рожновое куря....
 Иль рябъ подъ сливами.... я все умѣю!

КАЛАЧНИКЪ.

Одинъ подшѣлъ, починъ пошѣлъ, горячихъ!
 Не обожгись, смотри!

ТОРГОВКА, съ грешневиками.

Напѣкъ, нажарилъ
 Кривой хозяинъ, — съ криву не видалъ,
 Большихъ давалъ. Подуйте, да и жуйте!

ПОВАРЪ.

Опять же гусь, и лебедь, и журавъ...

Какъ хочешь ихъ... и шtroхи и крылья...
 Въ разсолъ могу инбирный съ огурцы.... (Выходитъ: СТРАН-
 НИКЪ и молодой СТРѢЛЕЦЪ; ихъ окружаетъ всякій народъ.)

СТРАННИКЪ.

Онъ воръ прямой! Я лгать тебѣ не стану;
 Убей меня Господь на этомъ мѣстѣ!
 Какая стать природному царю
 Законъ мѣнять, а онъ его мѣняетъ.
 Не то что царь, а мы, простые люди....
 Примѣрно ты — пойдешь ли ты вѣнчаться
 Подъ пятницу, подъ вешняго Николу?

СТРѢЛЕЦЪ.

Болтай еще! Какая мнѣ неволя!

СТРАННИКЪ.

А кто его неволилъ!.... Это разъ!
 Другой тебѣ: вѣнчался съ некрещеной.

СТРѢЛЕЦЪ.

А патриархъ?

СТРАННИКЪ.

Игнатій - то? Потатчикъ,
 И пьяница, и еретикъ извѣстный....
 А вотъ тебѣ и третій: въ банѣ не былъ
 До сей поры, не мывшись въ церковь ходить.

СТРѢЛЕЦЪ.

Да правда ль, другъ?

СТРАННИКЪ.

Спроси другихъ. Съ царицей
 По пятницамъ телятину ѣдятъ.

ПОВАРЪ, прислушиваясь.

Телячьихъ мясъ я жарить не согласенъ

По пятницамъ... и что за сласть тава! Показана тебѣ въ писаньи пища...

СТРѢЛЕЦЪ.

Ты кто таковой, пріятель?

ПОВАРЪ.

Царскій поваръ.

СТРАННИКЪ.

Ну вотъ, спроси!

СТРѢЛЕЦЪ.

Скажи, дружокъ, по чести, Темлять у васъ къ столу цареву носить?

ПОВАРЪ.

Неужто жъ нѣтъ! Нарядятъ, изуврасятъ
Всего, какъ есть, съ рогами постаноятъ,
Да такъ и жрутъ. Поганая Марина
И поваровъ изъ Польши привезла,
А насъ прогнали, другъ; — мы не умѣемъ....
Гуляй теперь по всей Москвѣ, гдѣ знаешь. (Входятъ СТАРИКЪ.)

БАЛАЧНИКЪ — старикъ.

А, дѣдушка! Отколь Господь несетъ?

СТАРИКЪ.

Изъ Углича, родимый, поклониться
Угодникамъ московскимъ.

БАЛАЧНИКЪ.

Дѣло вздумалъ!
Честной народъ, подвиньтесь - во поближе!
Намъ дѣдушко про Угличъ поразскажетъ. (Народъ окружаетъ старика.)
Ты въ Угличѣ Дмитрія видалъ ли

Царевичемъ? А буде не случалось,
Такъ погляди его царемъ у насъ!

СТАРИКЪ.

Сто лѣтъ живу, изъ Углича ни шагу
Не выходя: царя Ивана помню.
Назадъ тому лѣтъ будетъ полусотня,
Онъ былъ у насъ въ гостяхъ, у брата Юрья
Василича, и съ нимъ на богомолье
Въ обители окрестныя ходили.
А Дмитрія царевича, не то что
Я видывалъ, и няньчить приходилось.
Кораблики ему, бывало, строилъ
Лубочные — потѣшиться: по Волгѣ
Любилъ пускать....

ГОЛОСЪ ИЗЪ ТОЛПЫ.

Ступай въ нему; онъ вспомнить,
Пожалуетъ тебя.

СТАРИКЪ.

Кривить душою
Въ мои лѣта какая мнѣ неволя!
Царевичъ жилъ и росъ въ моихъ глазахъ.
Я, въ самый день безбожнаго убійства,
Его живого видѣлъ у обѣдни;
Къ убитому всѣхъ прежде прибѣжалъ,
Стоялъ надъ нимъ, зарѣзаннымъ, и плагалъ.
При мнѣ его въ могилу опустили.
И съ той поры нашъ Угличъ запустѣлъ;
Унесъ съ собой царевичъ наше счастье.

ГОЛОСА ВЪ ТОЛПѢ.

Болтай еще! Въ застѣнкѣ побываешь!
Пойдемте прочь; мы глухи, не слышали.

СТАРИКЪ.

Ни въ милостяхъ его я не нуждаюсь,
Ни гнѣва не боюсь! Сто лѣтъ я прожилъ,

Еще ста лѣтъ не проживу; о лишнемъ
Десяткѣ дней и спорить нѣтъ расчета.

ДЕСЯТСКІЙ.

Вязать его! Робята, помогите!
Десятскіе!

КАЛАЧНИКЪ.

Кричи, собирай десятскихъ!
Помогутъ ли они тебѣ, посмотримъ!
Ты лѣтъ не чтишь, ты, слуру, поднялъ руки
На старика сѣдого! Ну, такъ стой же!
Учливости я выучу тебя. (Хватаетъ его за воротъ.)

ДЕСЯТСКІЙ.

Ты что шумишь? Ты самъ - то что за птица?

КАЛАЧНИКЪ.

Что я - то?! Я — не сыщикъ, не доносчикъ;
Я — весь народъ московскій; вотъ — кто я!
Ты радуйся, что мы покуда тихи.
Берись за умъ, одну съ народомъ пѣсню
Затягивай! А то бѣды дождешься;
Возьмемъ дубье, и вамъ, съ панамы вмѣстѣ,
Достанется, басмановскіе псы!

ДЕСЯТСКІЙ.

Тебя, дружокъ, вязать - то! Эй, робята,
Держи его!

КАЛАЧНИКЪ.

Убью тебя на мѣстѣ,
Анаема! Зубами загрызу! (Роняетъ Десятскаго.)
Давайте ножъ! Берите, братцы, колья!
Убьемъ его до смерти! Жилъ собакой,
И умирать ему собачей смертью!

ДЕСЯТСКИЙ.

Да смилуйся! И самъ не стану трогать
Честной народъ, и закажу другимъ.

ГОЛОСА.

Убей его! Туда ему дорога!
Кончай его скорѣй!

ДЕСЯТСЫЕ.

Пустите душу

Покаяться!

КАЛАЧНИКЪ.

Ну, чортъ съ тобой! Смотри же,
Держи языкъ на привязи! Своруешь —
Вездѣ найду, и не проси пощады!
Не жить тебѣ! (Входитъ ЮРОДИВЫЙ въ польской шапкѣ.)

ГОЛОСЪ ИЗЪ ТОЛПЫ.

Аюня, ты отколѣ?

ЮРОДИВЫЙ.

На сватьбѣ былъ и медъ и пиво пилъ.
Не весело!

ГОЛОСЪ.

Зачѣмъ ты въ польской шапкѣ?

ЮРОДИВЫЙ.

Надѣнемъ всѣ. Митрополитъ казанскій
Не захотѣлъ надѣть, его сослали —
Сослали, да! Въ цѣпяхъ и въ заключены
Томать его.

КАЛАЧНИКЪ.

Садись со мной, убогій!
Сыграемъ въ вернь! Покажемъ православнымъ,

Какой игрой своихъ поляковъ тѣшить
Московскій царь, чтобъ имъ не скучно было.

На тебѣ шапка кругла,
На четыре угла;
Ты будешь полякъ,
А я русакъ —
И будетъ дѣло такъ.

Мы, на-перво, на Новгородъ сыграемъ! (Играють вмѣсто костей
каменными.)

Ну, Новгородъ тебѣ я проигралъ.
Теперь на Псковъ.... (Народу.) Да что же это, братцы!
Никакъ ему и Псковъ я проигралъ.
Куда ни шло, на Сѣверскую землю!...
Ахти бѣда! Совсѣмъ я проигрался.
Осталось мнѣ московскіе соборы
Проигрывать полякамъ. (Вбѣгаетъ КУПЕЦЪ.)

КУПЕЦЪ.

Защитите,
Родимые! Напали полячишки!
Проклятые, отбили силой дочку.

КАЛАЧНИКЪ.

А гдѣ они?

КУПЕЦЪ.

Да вонъ бѣгутъ! Родную
Къ себѣ тащатъ. (Поляки съ дѣвшкой у воротъ дома, гдѣ стоитъ Виш-
невскій.)

КАЛАЧНИКЪ.

Денной разбой, робята!
На выручку! Работай, чѣмъ попало. (Разбиваетъ разножки, на
которыхъ ставятъ лотки, и обломками дерутся съ поляками. Отбиваетъ
дѣвшку. Изъ воротъ выходятъ люди Вишневецкаго съ ружьями.)

КАЛАЧНИКЪ.

Съ пиццалями?! Съликая народъ, робята!

ГОЛОСЪ.

Вались народъ! Обидѣли поляки! (Прибѣгаютъ нѣсколько человекъ
и ИВАНЪ-дурачокъ.)

МАЛЬЧИШКИ.

Иванушко! Иванушко - дуракъ!

КАЛАЧНИКЪ.

Иванушко! кричи, что силы хватитъ;
Съзывай народъ! Кричи: поляки бьютъ!

ИВАНЪ.

Поляки бьютъ! Поляки нашихъ бьютъ! (Сбѣгается народъ, слуги
Вишневецкаго стрѣляютъ холостыми зарядами, уходятъ въ ворота и за-
пираютъ ихъ.)

КАЛАЧНИКЪ.

Давай сюда камней, полѣньевъ, бревенъ! (Несутъ бревно.)
Берись дружнѣй, высаживай ворота!
Раскачивай! Затягивай дубинку! (Нѣсколько человекъ загвѣаютъ
лѣсно: «Ахъ ты, дубинушка, ухни!» раскачиваютъ бревно и бьютъ въ во-
рота; дуракъ кричать. Показывается рота нѣмцевъ съ КАПИТАНОМЪ
и начинаютъ напирать на народъ.)

КАПИТАНЪ — народу.

Пошолъ домой! Ходи домой! Ihr, Schurken!

КАЛАЧНИКЪ, прятаясь за дурака.

Иванушко, сучи кулакъ на нѣмцевъ!

ИВАНЪ, засучивъ рукавъ.

Ну, выходи!

КАЛАЧНИКЪ.

Ругни ихъ хорошенько!

ИВАНЪ.

Проклятые, съ своимъ царемъ проклятымъ!

КАПИТАНЪ.

Бери его! Вязи! Das ist ihr Hauptmann! (Весь народъ разбѣ-
гается. Дурака уводятъ нѣмцы.)

СПЕНА ПЯТАЯ.

Л И Ц А :

ДМИТРІЙ.

МАРИНА.

ОЛЕСНИЦКІЙ, каштелянъ мологоскій; посолъ Сигизмунда.

ШУЙСКІЙ.

ГОЛИЦЫНЪ.

ЮРІЙ МНИШЕКЪ.

ВИШНЕВЕЦКІЙ, Константинъ.

БУЧИНСКІЙ.

ИВАНЪ, дуракъ.

Музыканты, гѣсельники, стража; ПОЛЯКИ и ПОЛЬКИ, родственники МАРИНЫ, и гости.

Зала въ новомъ дворцѣ.

(13 мая 1606 года.)

Выходятъ: ДМИТРІЙ и ОЛЕСНИЦКІЙ; за ними бояре: ШУЙСКІЙ, ГОЛИЦЫНЪ; иныи: МНИШЕКЪ, ВИШНЕВЕЦКІЙ и другіе. МАРИНА, съ своей святой.

ДМИТРІЙ.

Панъ мологоскій! брата Сигизмунда
Сомнительно ко мнѣ расположенъе.
Не вижу я любви его. Скитальцемъ
Я въ Краковѣ почету больше видѣлъ,
Чѣмъ здѣсь теперь, когда я сѣлъ на царства
Великія, когда страны полночной
Единымъ обладателемъ я сталъ.
По-братски ли не признавать титуловъ,
Наслѣдственныхъ, отъ Бога нашимъ предкамъ
Дарованныхъ? Титулы много значать,
Когда они дѣйствительны: не словомъ,
А дѣломъ я коронами владѣю
Великихъ царствъ. Мы брата Сигизмунда
Наслѣдственныхъ титуловъ не лишаемъ
И королемъ наслѣднымъ свейскимъ пишемъ,
А онъ король — лишь только на бумагѣ.
Дивлюсь ему! Имѣть въ своемъ титулѣ
Наслѣдныя права, и спать спокойно!
Имѣй-ко я хоть тѣнь такого права,
Я бъ свейскую корону съ боя отнялъ.

ОЛЕСНИЦКІЙ.

У насъ земля свободная: не могутъ,
Для личныхъ правъ и выгодъ, короли
Покой страны и подданныхъ нарушить.

ДМИТРИЙ.

А если такъ, я бѣ вашу Польшу бросилъ,
Безъ васъ бы отнялъ свейскую корону,
Потомъ бы сталъ и Польшу доставать....
А впрочемъ, панъ, оставимъ разговоры.
Мы вечеръ посвящаемъ на забавы.
Я утромъ — царь, а вечеромъ — любовникъ,
Вдыхающій у ногъ своей богини.

МАРИНА.

Мы танцовать хотимъ!

ДМИТРИЙ.

Здѣсь, ваша воля —
Законъ для насъ. Эй! Музыку и пѣсенъ!

(Музыка. Царь съ царидей и поляки танцуютъ польскій.)

ОЛЕСНИЦКІЙ — Василію Шуйскому.

Москва шумитъ, поляковъ обижаютъ.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Вельможный панъ боится хлоповъ глухихъ?

ОЛЕСНИЦКІЙ.

Вельможный панъ боится, или нѣтъ,
Онъ знаетъ самъ про то; а Шуйскій знаетъ,
Что чернь въ Москвѣ не даромъ зашумѣла.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Пословъ не бьютъ.

ОЛЕСНИЦКІЙ.

Пока страна покойна.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Скажи царю, просите для защиты
Стрѣльцовъ себѣ!

ОЛЕСНИЦКІЙ.

Царю мы говорили;
Не вѣрять намъ.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Басманову скажите!

ОЛЕСНИЦКІЙ.

Покойнѣй намъ, вѣрнѣе, если Шуйскій
Поручится за нашу безопасность.
Дай руку, панъ!

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Изволь! Ручаюсь Богомъ,
Что волосомъ тебя нието не тронеть.

ОЛЕСНИЦКІЙ, показывая на Юрія Мнишка.

Безъ шапки воевода сендомирскій,
И спину гнетъ на старости кольцомъ.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Тебѣ примѣръ даетъ.

ОЛЕСНИЦКІЙ.

Я понимаю. (Проходятъ.)

ВИШНЕВЕЦКІЙ. — Мнишку.

Случись еще подобная тревога,
Я молнѣрамъ стрѣлять велю.

МНИШЕКЪ.

Потише!

Мы гости здѣсь.

ВИШНЕВЕЦКІЙ.

Тѣмъ хуже! Царь московскій
 Не выдавай гостей своихъ въ обиду!
 Кацаповъ глухихъ тысячи четыре
 Вчера сошлось съ дубьемъ къ моимъ воротамъ.
 Аль царь забылъ, — такъ я ему напомяну
 И подданнымъ его, что Вишневецкимъ
 Онъ самъ служилъ холопомъ при конюшнѣ.
 Онъ долженъ бы беречь моихъ холоповъ,
 Они ему товарищами были.

МНИШЕКЪ.

Не обижай меня и дочь - царицу,
 Прошу тебя! Мы послѣ, Вишневецкій,
 Поговоримъ съ царемъ наединѣ,
 И выпросимъ охраны понадежнѣй. (Подходятъ Шуйскій и Голицынъ.)

ГОЛИЦЫНЪ.

У васъ паны мазурку лихо пляшутъ,
 Глядѣть на васъ потѣшно.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Не мѣшаетъ

И намъ себѣ завести табую пляску,
 Особенно на сватбахъ.

ВИШНЕВЕЦКІЙ.

Мы, поляки,
 Когда у насъ нѣтъ дѣла иль войны,
 Хоть каждый день плясать готовы.

ГОЛИЦЫНЪ.

То же

И мужики у насъ: какъ пьянъ, такъ праздникъ,
 И заплясалъ.

ВИШНЕВЕЦКІЙ.

Вамъ надо поучиться
У рыцарей и дѣлу, и забавамъ.

ГОЛИЦЫНЪ.

Ну, дѣло-то мы знаемъ безъ ученья,
А пляскамъ вотъ нехудо поучиться.
Да только мы, паны, не будемъ сами
Боярскихъ ногъ ломать другимъ въ потѣху:
Холоповъ мы по-польски изнарядимъ
И забавлять себя велимъ мазуркой.

ВИШНЕВЕЦКІЙ — Мнишку.

Moskiewskie barbarzyństwo! (Отходятъ.)

ГОЛИЦЫНЪ.

Такъ - то лучше!

БАСМАНОВЪ — Шуйскому.

Скажи мнѣ, князь Василій, ты московскій
Простой народъ, какъ на ладони видишь,
Откуда въ немъ такая перемѣна?

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

А какъ мнѣ знать! Съ утра до поздней ночи
Я во дворцѣ толкусь, у государя;
Сегодня пьянъ, а завтра сплю съ похмѣлья —
Я ничего не вижу и не слышу.

БАСМАНОВЪ.

Мятежъ въ Москвѣ.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Ты что жъ не унимаешь!

БАСМАНОВЪ.

Унять народъ легко — добратся нужно,
Кто возмутилъ, это вѣсти распускаеть.

ГОЛИЦЫНЪ.

Разыскивай!

БАСМАНОВЪ.

Сказать ли государю,
Иль подождать?

ВАСИЛІЙ ШУЙСКИЙ.

Скажи, правѣе будешь. (Басмановъ тихо говоритъ
съ Дмитріемъ.)

ГОЛИЦЫНЪ — Мняшку.

Вельможный панъ, ты видишь, мы хлопочемъ
О тишинѣ и вашемъ успокоѣ.

МНИШЕГЪ.

Dziękuję, панъ Голицынъ; мы за ласку
Заплатимъ вамъ.

ВИШНЕВЕЦКІЙ.

Мы васъ за то похвалимъ
Передъ царемъ, котораго изъ Польши
Мы дали вамъ.

ГОЛИЦЫНЪ.

А изъ чего жъ мы бьемся. (Дмитрій и Басмановъ
подходятъ.)

ДМИТРІЙ — Мняшку и Вишневецкому.

Мой глазъ вездѣ, мнѣ тотчасъ все извѣстно;
Безъ вѣдома и воли нашей, царской,
Ничто въ Москвѣ не можетъ совершиться.
Вамъ можно спать спокойно. Мы за это
Поручимся. Развѣдайте, бояре,
О чемъ шумить народъ, чего онъ хочетъ?

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Признаться, я большой бѣды не вижу
Отъ драки пьяныхъ польскихъ челядинцевъ
Съ торговцами московскими. Однакожь,
И разыскать виновныхъ не мѣшаетъ.

ВИШНЕВЕЦКІЙ.

Вдвоемъ, втроемъ, дерутся — будетъ драка;
А въ тысячахъ, не драка ужъ, а — бунтъ.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Пословица такая есть: «У страха
Глаза велики», панъ ясновельможный!

ДМИТРИЙ.

Народный шумъ гостей моихъ пугаетъ;
Увѣрьте ихъ, бояре, что я принялъ
Свою державу врѣзкою рукой.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Богъ далъ, у насъ народъ, не то что въ Польшѣ:
Земля царю, а царь народу вѣрить.
У васъ мятежъ и рокошъ каждый день.
А если вамъ и тутъ все ровошъ снится, —
Для вѣрности, прикажемъ днемъ и ночью
По улицамъ стрѣльцамъ ходить дозоромъ....
Не разберешь, кто правъ, кто виновать!
Вчера, въ ночи, поляки на Никитской
Боярыню насильно изъ повозки
Уволокли.

ДМИТРИЙ.

Вы слышите, паны!
Все разыскать и наказать виновныхъ!
Потачки нѣтъ ни русскимъ, ни полякамъ. (БУЧИНСКІЙ входитъ.)
Ты, Янъ, зачѣмъ?

БУЧИНСКІЙ.

Отъ нѣмцевъ съ донесеньемъ.

ДМИТРІЙ.

О чемъ еще?

БУЧИНСКІЙ.

Они увѣдомляютъ
О мятежѣ въ Москвѣ.

ДМИТРІЙ.

Вы надобли
Мнѣ съ мятежемъ.

БУЧИНСКІЙ.

Мятежниковъ прогнали,
Разбили въ-пухъ. Зачинщикъ - предводитель
Попался въ плѣнъ и приведенъ сюда.
Онъ поносилъ тебя позорной бранью.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Дивовина! Оттуда только смѣлость
Доносчики берутъ царя тревожить
Въ такіе дни! У государя гости,
Онъ цѣлный годъ царицу ждалъ въ Москву;
Привелъ Господь, соединилъ ихъ бракомъ;
На первыхъ дняхъ медовыхъ другъ на друга
Глядѣть бы имъ да любоваться только,
А нѣмцы тутъ съ доносами. Басмановъ,
И ты туда жъ! Да развѣ нѣтъ боярства!
Иль думы нѣтъ у цесаря! Не хуже
Басманова мы бережемъ его!
Скажите намъ, мы разберемъ въ чемъ дѣло,
Не доводя напрасно до кручины
Державную чету.

ДМИТРІЙ.

Скажите нѣмцамъ,
Что вѣрности ихъ вѣрю и доволенъ
Ихъ службою, за преданность хвалю;
Но если преданность еще покажутъ
Такую же, велю ихъ — батогами.
Пойдемъ, паны, и снова отдадимся
Веселію — тяжелой заботы

Правленія на вѣрныхъ слугъ возложимъ.
 Бояре, вы сейчасъ же допросите
 Измѣнника и разберите дѣло! (Шуйскій и Голицынъ уходятъ.)

ВАСМАНОВЪ — Дмитрію.

Темна вода во облацѣхъ небесныхъ!
 Не Шуйскій ли затѣйщикъ этой смуты?

ДМИТРІЙ.

Подозрѣвать бояръ своихъ ближайшихъ,
 И каждый часъ беречься ихъ измѣны —
 Такъ жить нельзя. Ты выведи мнѣ ясно
 Измѣнниковъ, я ихъ не пожалѣю, —
 Не только Шуйскихъ, половину думы
 Казнить велю сейчасъ; а безъ улики
 Они — друзья мои, и я имъ вѣрю....
 Басмановъ! намъ съ тобой бояре нужны.
 Правители плохіе мы: не знаемъ
 Цѣны казнѣ, цѣны своимъ рѣчамъ —
 Мы воины. Снаровка вѣковая,
 Боярская, за насъ управить землю,
 Поддержать честь ея въ дѣлахъ посольскихъ;
 А мы съ тобой все лѣто воевать,
 А зиму всю гулять да пировать. (Жметъ ему руку.)

МАРИНА — Дмитрію.

Какой-то бунтъ, я слышала, бояре
 Затѣяли. О чемъ они бунтуютъ,
 Вели спросить да запереть ихъ вѣрше,
 И танцовать начнемъ съ тобою снова.

ДМИТРІЙ.

Иду, иду! Живѣе намъ мазурку!
 (Музыка. Танцы и пѣсни. ШУЙСКІЙ и ГОЛИЦЫНЪ входятъ.)

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ — Дмитрію.

Великій царь, мятежника я видѣлъ
 И опросилъ. И смѣхъ и горе съ нимъ:
 Дуракъ и пьянъ!

ГОЛИЦЫНЪ.

Мотаешь головою

И языкомъ лепечеть, какъ съ просонковъ;
Не разберешь. Глядѣть и слушать дивно.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

И трезвый онъ умнѣй того не будетъ,
Каковъ теперь. Вели его покливать,
Изволь взглянуть! Увидишь, что не стоить
И гнѣва онъ.

ДМИТРІЙ.

Позвать его сюда! (Вучинскій уходитъ.)

МАРИНА.

Зови гостей ко мнѣ, въ мои покои,
Я приказала маски приготовить.

(Стража вводитъ дурака ИВАНА; онъ хохочетъ, мотаешь
головой и показывается на всѣхъ пальцами.)

Прогнать его!

ДМИТРІЙ.

Освободить! (Дурака выводить.)

А нѣмцамъ,

За глупость ихъ, построже пригрозить!
Такъ вотъ чего, паны, вы испугались!....

Пойдемте всѣ въ царицны покои;
Она своихъ гостей потѣшить хочетъ
Невиданной еще въ Москвѣ утѣхой.

(Мария)

Краса моя, я счастливъ безконечно!
Моя любовь достигла торжества.
Она меня звѣздою путеводной
Къ величію и трону привела;
Безумную, кипучую отвагу
Вливала въ грудь. И стала мнѣ знакома
Безмѣрная та сила Александра
И Цезаря, которая героямъ
Владычество надъ міромъ даровала!
Ты, гордая красавица, простила

У бѣднаго, бездомнаго скитальца
 Вѣнца себѣ. Тебя короновалъ я
 И посадилъ царицей странъ полночныхъ.
 Я самъ сковалъ себѣ свое блаженство,
 И тѣмъ оно дороже для меня!
 Героємъ я рожденъ! Великой долъ
 И доблести завидовать лишь можно,
 Отнять нельзя — отниметъ только смерть!

(Всѣ уходятъ за царицей, кромѣ Дмитрія и Басманова.)

ДМИТРІЙ — Басманову.

Голицына и Шуйскаго безъ шуму,
 Когда пиры мы кончимъ, посадить
 За-приставы, всю ихъ родню, знакомыхъ,
 И близкихъ имъ! Не подавай и виду:
 Пусть думаютъ, что мы не бережемся.
 У нихъ въ глазахъ не доброе!

БАСМАНОВЪ.

Исполню.

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

Л И Ц А:

ДМИТРІЙ.
 БАСМАНОВЪ.
 ШУЙСКІЕ, Василій и Дмитрій.
 ГОЛИЦЫНЪ.
 КУРАКИНЪ.
 ТАТИЩЕВЪ.
 МОЛЧАНОВЪ.
 ВАЛУЕВЪ и ВОЕЙКОВЪ, дворяне.
 КАЛАЧНИКЪ.
 СОТНИКЪ стрѣлецкій.
 Стрѣльцы; нѣмецкая стража; народъ.

Передняя зала съ выходомъ на галерею въ новомъ дворцѣ.

(17 мая 1606 года.)

Выходить БАСМАНОВЪ.

БАСМАНОВЪ.

А солнце ужъ высоко поднялось!
 Со свадьбой мы все время перебили,
 Смотали съ ногъ дворцовую прислугу;
 Коморники встаютъ позднѣ насъ —
 Ни одного въ покояхъ. (Набать.) Ударяютъ!
 Что рано такъ? Аль праздникъ гдѣ? Сегодня
 Андроника, Стефана... Гдѣ-то близко...
 Нивагъ набать? И-то набать! Вотъ горе!
 Пожаръ теперь — бѣда! Перепугаетъ
 Гостей у насъ; Москва горѣтъ горазда:
 Какъ примется и не уймешь, покуда
 Не выгоритъ поболѣ половины. (Повсемѣстный набать.)
 По всѣмъ церквамъ! Ужасенъ звонъ набата,
 Отрывистый и частый! За ударомъ
 Гудитъ ударъ и обливаетъ сердце
 Томительной тоской передъ бѣдою
 Невѣдомой! (ДМИТРИИ входятъ.)

ДМИТРИЙ.

Басмановъ, что такое?

БАСМАНОВЪ.

Должно, пожаръ.

ДМИТРИЙ.

Поди, узнай скорѣе. (Басмановъ уходитъ на галерею.)

БАСМАНОВЪ, съ галереи.

Бояре! Эй! Бояре!.... За набатомъ
Рѣчей не слышно.... Ась!.... Зачѣмъ въ набатъ
Ударили?

ГОЛОСЪ за сценой.

Горитъ не подалеку.

БАСМАНОВЪ.

Кричатъ: горитъ! а дыму не видать.

(Дмитрію)

Ни какъ въ Кремль! Чу! Слышишь, зашумѣли,
Валятъ толпы народныя.

ДМИТРИЙ, у окна.

Развѣдай,

Куда бѣгутъ они, зачѣмъ, откуда? (Басмановъ уходитъ.)

Не шумъ, а вопль несется. Нѣтъ, со страха

Не такъ шумятъ. Оружіе! Угрозы!

Ужель мятежъ? Ужель Басмановъ правъ?

Ужели смерть и страшный судъ такъ близко!

Застыла кровь и каждый волосъ дыбомъ

Становится. Не страхъ ли то? О нѣтъ,

Не робокъ я; зачѣмъ же, противъ воли,

Прошедшее толпой тѣснится въ грудь?

И юности моей бродячей годы

Встаютъ теперь въ моемъ воспоминаньи,

Самборскій пиръ и кievская келья,

Московскій Кремль, народа ликование,

И битвы шумъ и звонъ колоколовъ,

Вѣнчаніе и, наконецъ, побѣда

Надъ гордостью красавицы любимой! (Входитъ БАСМАНОВЪ,
десятка три пѣвцевъ съ алебардами. Звонъ оружія и крики.)

БАСМАНОВЪ.

Ахти, бѣда! Спасайся, государь!
Я говорилъ не разъ; ты мнѣ не вѣрилъ.

ДМИТРІЙ.

Измѣнники, бояре, вы согнали
Во львиное гнѣздо овечье стадо!
Крамольники! Своими головами
Заплатите за кровь невинной черни.
Я съ висѣлицъ высокихъ васъ заставлю
Пересчитать всѣ жертвы мятежа!

БАСМАНОВЪ.

Бѣги скорѣй! Внизу дерутся нѣмцы,
А этихъ здѣсь поставимъ у дверей. (Вбѣгаетъ МОЛЧАНОВЪ.)

МОЛЧАНОВЪ.

Мятежъ! Мятежъ! Я кое-какъ пробился....
Москва идетъ на насъ, купцы, бояре.

ДМИТРІЙ.

Собрать скорѣй всѣхъ нѣмцевъ и поляковъ
И вѣрныхъ намъ стрѣльцовъ. Микулинъ гдѣ?

МОЛЧАНОВЪ.

Пройти нельзя: всѣ заняты ворота.

ДМИТРІЙ.

Кто занялъ ихъ? Басмановъ, не робѣй!

МОЛЧАНОВЪ.

Мятежниковъ, стрѣльцовъ новгородскихъ,
Впустили въ городъ ночью. Много ихъ.

ДМИТРІЙ.

Проклятые! Басмановъ, будемъ тверды!

МОЛЧАНОВЪ.

И видимо-невидимо народу
Московского сошлось со всѣхъ сторонъ.

ДМИТРИЙ.

А предводитель кто?

МОЛЧАНОВЪ.

Василій Шуйскій,
Съ крестомъ въ одной рукѣ, съ мечомъ въ другой.

ДМИТРИЙ.

Коварный плутъ святыней прикрываетъ
Свой замыселъ, достойный сатаны.
Подайте мечъ! (Береть мечъ.)

БАСМАНОВЪ.

Мятежъ во всемъ разгарѣ:
Тамъ адъ кипитъ! Куда ты, государь?
Остановись!

ДМИТРИЙ.

Пусти, меня, Басмановъ!
Я умереть хочу съ мечомъ въ рукахъ. (Выбѣгаетъ на галерею.)
Зачѣмъ вы здѣсь? Крамольники, злодѣи,
Измѣнники! Я вамъ не Годуновъ!
Поклонами холопскими, слезами
Угланяли его да умолили, —
На царство сѣсть, и сами же спихнули!
Не вы меня на царство посадили,
Я съ бою взялъ его и васъ, холоповъ.

ГОЛОСА.

Руби его! Стрѣляй! Да бейте нѣмцевъ. (Выстрѣлы.)
Что ихъ жалѣть! Чего они мѣшпаютъ! (Дмитрій входитъ въ ком-
нату. Врывается ОСИПОВЪ.)

ОСИПОВЪ.

Проспался ль ты, безвременный-царекъ!
Пооди сюда! Покайся предъ народомъ! (Басмановъ бросается на
него и убиваетъ. На галереѣ показывается ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ народъ.

ДМИТРІЙ бросается съ мечомъ.

Тебя - то мнѣ и нужно!

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Я не прячусь,
Я самъ тебя ищу.

ДМИТРІЙ.

Вамъ нуженъ Грозный!
Тавъ знай же ты, что я съумѣю быть
Грознѣй его.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Про то мы сами знаемъ,
Бто нуженъ намъ, да только лишь не воръ.
(Дмитрій бросается на Шуйскаго, народъ загоразиваетъ его. Басмановъ насильно уводитъ Дмитрія, нѣмцы загоразиваютъ собою дверь, запираютъ ее и заваливаютъ мебелью.)

ДМИТРІЙ, съ отчаяніемъ.

Не воръ! Не воръ! О! wszyscy djabli! Знали
И прежде вы... Зачѣмъ же я на тронѣ!
Зачѣмъ меня вы прежде не убили,
Пока я былъ ничтоженъ, какъ и вы!
Зачѣмъ меня на царство допустили
И дали мнѣ извѣдать сладость власти,
Начать дѣла геройскія и славу
Побѣдъ своихъ заранѣ предвѣшвать!
И наканунѣ подвиговъ всемірныхъ
Пришли въ глаза мнѣ бросить слово: «воръ!»
Вы дали мнѣ забыться на престолѣ,
Вы опьянили раболѣпствомъ вашимъ,
Ласкательствомъ и лестью и земными
Поклонами! Вы дали львиной силѣ
Уснуть у ногъ небесной красоты!

ГОЛОСА, за дверями.

Ломайте дверь! Рубите топорами!

БАСМАНОВЪ.

Бѣги! Бѣги!

ДМИТРИЙ.

Марина! Ахъ, Марина!

(Убѣгаетъ. Разламываютъ двери. Нѣмцы отбиваются. За дверями видны бояре: В. и Д. ШУЙСКІЕ, ГОЛИЦЫНЪ, КУРАКИНЪ, ТАТИЩЕВЪ и другіе, всѣ въ кольчугахъ. КАЛАЧНИКЪ предводительствуетъ толпой.)

БАСМАНОВЪ.

Опомнитесь, бояре! Чтò вамъ нужно!
 Зачѣмъ народъ вы подняли? (Нѣмцамъ) Держитесь,
 Друзья мои! (Боярамъ) Просите государя,
 Онъ васъ проститъ и все, чего хотите,
 Пожалуетъ, лишь чернь остановите! (Толпа опрокидываетъ нѣмцевъ. Бояре входятъ въ комнату.)

ГОЛОСА.

Показывай, гдѣ царь твой самозванный!
 Давай его! Веди его къ народу!

ТАТИЩЕВЪ.

Сначала пса убьемъ сторожевого,
 Къ хозяину тогда добаться легче! (Ударяетъ Басманова ножомъ,
 тотъ падаетъ).
 Бросай его съ крыльца долой, на копыа
 Стрѣлецкія! (Басманова уносятъ. Толпа бросается въ царскіе покои.)

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Проворнѣе, ребята!
 Не забывать за чѣмъ пришли! Пограбить
 Успѣете. Ищите намъ разстригу!
 Уйти нельзя. Тащите къ намъ живого,
 Иль мертваго! Обезоружьте нѣмцевъ!
 Не трогать ихъ, они впередъ годятся.
 Спасайте бабъ! Возьми, Татищевъ, стражу,
 Поставь при нихъ; царицны покои
 Оберегай! Не съ бабами воюемъ!

КУРАБИНЪ.

Побережетеъ!.... Пусты козла въ капусту.

ТАТИЩЕВЪ.

Инь самъ бы шель! (Уходятъ.)

КАЛАЧНИКЪ, вбѣгая.

Бѣда! Нигдѣ не сыщемъ
Еретива!

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Ищите, какъ иголку.
Уйдетъ отъ насъ, тогда не ждаты пощады,
Огнемъ спалитъ, живыхъ зароетъ въ землю.

ГОЛОСА на галереѣ.

Онъ тамъ, внизу на житномъ. — Оступили
Его стрѣльцы московскіе; народу
Пищальми грозятся. — Чу! Стрѣляютъ!
Народъ бѣжитъ.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ, хватаясь за Голицына.

Земля заколебалась
Подъ нашими ногами. Ну, Голицынъ,
Пропали мы! Давно живу на свѣтѣ,
А въ первый разъ колѣни задрожали....
Народъ, за мной! Робята, выручайте!

КАЛАЧНИКЪ.

Пусты меня впередъ! За мной, робята!
До насъ дошло; пришла къ рукамъ работа.
Не страшны намъ пищальные орѣхи:
За ними шли! (Шуйскій и Калачникъ съ толпой народа уходятъ.)

БУРАКИНЪ, у окна.

Народу прибываетъ!
Какъ вкопаны стрѣльцы, — не подаются.

Стѣной стоятъ. Вотъ наши подоспѣли
 Съ Калачниковъ и Шуйскимъ, пошатнули,
 Попятили стрѣльцовъ, въ крыльцу прижали,
 На лѣстницу ихъ гонять. Отбиваясь,
 Стрѣльцы царьба несутъ съ собой въ повои.

(Входятъ СТРЕЛЬЦЫ: одни вносятъ ДМИТРИЯ, другіе удерживаютъ народъ.)

ДМИТРИЙ подаетъ руку нѣмцамъ обезоруженнымъ.

Благодарю, друзья!.... Въ очахъ темнѣетъ! (Въ обморогѣ, его
 кладутъ на скамью.)

СТРЕЛЬЦЫ, окружающіе Дмитрія.

Осаживай!

ДРУГІЕ СТРЕЛЬЦЫ.

Не подходите близко!
 Стрѣлять начнемъ, не разбирая. — Право,
 Хорошаго не много: братъ на брата!...
 Крещеные! — Заставите неволей,
 Такъ на себя пеняйте! — Отойдите!
 Начнемъ стрѣлять: пожалуй, и боярамъ
 Достанется.

БАЛАЧНИКЪ.

Ну, выстрѣли! живому
 Не быть тебѣ! Положимъ всѣхъ на мѣстѣ.

СОТНИКЪ СТРЕЛЦЕВЪЙ.

Грозить еще задумалъ! Цѣловали
 Мы врестъ ему, не побоимся смерти,
 На то стрѣльцы; такая наша служба,
 Что умирать.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Да было бѣ за кого!
 Чего же вамъ! Съ царицей говорили;
 Голицынъ къ ней ходилъ Иванъ Василичъ;
 Не признаетъ своимъ, сказать велѣла:
 «Не сынъ онъ мнѣ!» — Пожалуй, умирайте;
 И мы не прочь! А что угоднѣй Богу,

За вѣру умереть, или за разстригу,
Еретика? Москвы не удержатъ мнѣ!
На чьей душѣ кроворазлитыя будутъ?

СОТНИКЪ.

Да какъ - то все, бояринъ... Нѣтъ, ты лучше
Посторонись!

СТРѢЛЬЦЫ.

Убьемъ, не лезьте близко!

БАЛАЧНИКЪ.

Да что жъ вы, псы!... Вались гурьбой, робята,
Въ стрѣлецу! Душите ихъ отродье!

(Стрѣльцамъ)

Вы стойте здѣсь, разстригу берегите!
А мы дѣтей и женъ изгубимъ вашихъ,
И на - вѣтеръ подыдемъ ваши дома!

СОТНИКЪ.

Постой, постой! Бояринъ, мы повѣримъ
Словамъ твоимъ; а на - душу возьмешь ли
Ты грѣхъ за насъ?

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Возьму.

СОТНИКЪ.

Теперь въ отвѣтъ
Предъ Господомъ не мы. — За мной, робята! (Уходить.)

ДМИТРІЙ, очнувшись.

Зачѣмъ я здѣсь! Ахъ, ногу! грудь!... Бояре,
Крамольники!

ДМИТРІЙ ШУЙСКІЙ.

Очнулся? Говори же,
Ты кто таковъ?

ДМИТРІЙ.

Я сынъ царя Ивана
Василича, твой царь и повелитель.
Ты не узналъ меня, холопъ! (Василію Шуйскому)
Ты, Шуйскій,
Мятежниковъ собралъ! Пойдемъ къ народу,
На Лобное, къ мятежникамъ твоимъ!....
Я не боюсь, я правъ; пускай разсудятъ
Меня съ тобой! Я отдаюсь на волю
Народную.... Боишься ты, не смѣешь
Своей души народу обнажить?
Я все скажу! И пусть народъ узнаетъ
Что я честнѣй тебя, неблагодарный
Клятвопреступникъ!

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Намъ судиться поздно!
Ты осужденъ!.... Кончайте съ нимъ, робята!
(Нагибаясь къ Дмитрію самованцу)
У насъ народъ для звѣря ямы роетъ
И въ ямѣ бьетъ, а выпусти — уйдетъ! (Д. Шуйскому)
Ты, Дмитрію, здѣсь побудь и пригляди. (Уходитъ. Одинъ изъ мятежниковъ замахивается на Дмитрія.)

ДМИТРІЙ.

Остановись! Ты видишь, безоруженъ
И раненъ я.... (Въ бреду) Подайте мечъ!.... Шварцгофъ!
Мой мечъ, Шварцгофъ!.... За мной, за мной, казаки!....
Вы видите, вдали бѣлѣютъ стѣны!
Возьмите ихъ. (Всѣ окружаютъ его и смотрятъ съ изумленіемъ. Входятъ
ТАТИЩЕВЪ и ведетъ за собой дворянъ: ВАЛУЕВА и ВОЕЙКОВА.)

ТАТИЩЕВЪ — народу.

Чего же вы стоите!
Народу тьма сошлось, ни вѣсть отколѣ,
Спасать царя бѣгутъ. Сболтнулъ имъ кто-то,
Что бьютъ его поляки.

ДМИТРІЙ ШУЙСКІЙ, въ окно народу.

Эй! Винится!
Во всемъ, во всемъ разстрига повинился.

ГОЛИЦЫНЪ, отворачиваясь.

Кровавый день!

ДМИТРІЙ, въ бреду.

Несись мой конь ретивый,
Несись быстрѣй! До цѣли недалеко.
Труба гремитъ....

ТАТИЩЕВЪ — Валуеву и Воейкову.

Вы что жь остановились?
Зачѣмъ пришли? Кончай его скорѣе!

ДМИТРІЙ, въ бреду.

Смѣлѣй, въ проломъ! Къ стѣнамъ давайте лѣстницъ!
Ворота сбить!....

ВАЛУЕВЪ.

Благословить ужь развѣ
По своему тебя, свистунъ!

ДМИТРІЙ.

Ворота!....
Олеговъ щить!.... Ворота Цареграда.... (Валуевъ стрѣляетъ.
Дмитрій падаетъ ницъ.)

ДМИТРІЙ ШУЙСВІЙ, въ окно.

Покончили!

ТОЛПА окружаетъ Дмитрія.

Тащи его, ребята,
Къ народу внизъ!

ГОЛИЦЫНЪ.

Я слышу крикъ народный!

Нѣсколько голосовъ, за сценой.

Храни тебя Господь на многи лѣта!

Великій князь и государь Василій
Ивановичъ!

ГОЛОСЪ КАЛАЧНИКА.

Кричите: многи лѣта
Великому царю и государю!

ГОЛИЦЫНЪ.

Не рано ли?

БУРАКИНЪ.

Пораньше-то вѣрнѣе,
Пова съ умомъ собраться не успѣли.

ГОЛИЦЫНЪ.

Крамольникъ онъ отъ головы до пятокъ!
Бояриномъ ему бѣ и оставаться,
Крамольнику не слѣдъ короноваться.
Крамолой сѣлъ Борисъ, а Дмитрій силой:
Обоимъ тронъ московскій былъ могилой.
Для Шуйскаго примѣровъ недовольно;
Онъ хочетъ сѣсть на царство самовольно, —
Не царствовать ему! На тронъ свободный
Садится лишь избранникъ всенародный.

А. Островскій.

31 мая 1866 г.

III.

К Н Я З Ъ

АНТЮХЪ КАНТЕМИРЪ ВЪ ЛОНДОНЪ.

(Изъ біографіи Кантемира: 1732 — 1738.)

I.

Назначеніе Кантемира резидентомъ въ Англію. — Переѣздъ въ Лондонъ. — Россія и русскій дворъ того времени по депешамъ англійскаго резидента. — Положеніе русскаго резидента въ Лондонъ. — Предшественники Кантемира. — Англійскіе министры. — Характеристика англійскаго правительства по депешѣ Кантемира. — Хлопоты о жалованьи. — Русскіе, жившіе въ Лондонѣ. — Переговоры о назначеніи посла въ Петербургъ. — Переговоры по поводу польской войны и о союзѣ съ Швеціей. — Донесенія объ англійской королевѣ.

Въ концѣ 1731 года, князь Антіохъ Кантемиръ былъ назначенъ резидентомъ въ Лондонъ для возстановленія добраго согласія между дворами русскимъ и великобританскимъ, какъ говоритъ Бантышъ-Каменскій. Въ этомъ фактѣ намъ не ясно дошедшее до насъ объясненіе причинъ дипломатической карьеры нашего сатирика. Говорятъ, что милости, оказанныя императрицею Анною юному Кантемиру, будто бы встревожили князя Дмитрія Михайловича Голицына (одного изъ членовъ бывшаго верховнаго совѣта), который сталъ опасаться, чтобы Кантемиръ

не затѣялъ дѣла о своемъ потерянномъ наслѣдствѣ¹⁾. Желая устранить эту непріятность, Голицынъ придумалъ средство лишить князя Антіоха возможности начать опасный для его зятя искъ — удалить его почетнымъ образомъ изъ Россіи. Для этого будто бы онъ сталъ хлопотать, чтобы Кантемира отправили къ какому-нибудь европейскому двору въ качествѣ министра. Но дѣло будто бы не вдругъ устроилось. Голицыну возражали, что Кантемиръ еще слишкомъ молодъ, и что такой постъ ему не по силамъ. Однако, сторону Голицына взялъ графъ Биронъ, въ то время уже начинавшій играть важную роль при дворѣ. Онъ замѣтилъ, что знаетъ князя Антіоха и отвѣчаетъ за его способности. За этимъ ручательствомъ и послѣдовало назначеніе, къ величайшему удовольствію Голицына.

Въ это время, положеніе самого Голицына при дворѣ было весьма шатко; онъ едва-едва уцѣлѣлъ, ожидая себѣ участи Долгорукихъ; слѣдственно, интриговать противъ кого бы то ни было ему было крайне опасно, тѣмъ болѣе противъ человѣка, которому высказывали такъ много расположенія всѣ сильные тогдашняго двора. Всѣ знали его отношеніе къ Антіоху Кантемиру; какимъ же образомъ онъ могъ хлопотать за обиженного имъ князя безъ его вѣдома? а если бы Кантемиру самому захотѣлось получить это мѣсто, то вѣрно бы онъ обратился съ просьбою не къ нему, а къ тѣмъ, кто былъ и посильнѣе его и по своимъ чувствамъ ближе къ молодому писателю. Зная ненависть Бирона къ Голицыну, мы не можемъ себѣ объяснить, какимъ образомъ тотъ могъ взять сторону этого послѣдняго и способствовать его планамъ. Намъ кажется, онъ долженъ былъ скорѣе помѣшать дѣлу для того только, чтобы досадить Голицыну. Съ другой стороны, во главѣ иностранной коллегіи стояли князь Черкасскій и графъ Остерманъ, политическіе враги Голицына; отъ нихъ главнымъ образомъ зависѣли дипломатическія назначенія. Могъ ли Голицынъ тутъ что-нибудь сдѣлать со своими хлопотами и просьбами? Вѣроятно же всего, что покровители Кантемира сами задумали ему устроить хорошую карьеру и съ его согласія выбрали ему видный постъ, такъ какъ назначеніе на посольскія мѣста было въ ихъ рукахъ. Очень можетъ быть, что при этомъ былъ вопросъ о молодости

¹⁾ По завѣщанію молдавскаго господаря Дмитрія Кантемира, наслѣдство отъ него должно было перейти къ тому изъ троицъ его сыновей, который окажется искуснѣйшимъ въ наукахъ, что исполнить и предоставлялось монаршей власти. Но сильнѣйшій изъ членовъ верховнаго совѣта, князь Д. М. Голицынъ, въ царствованіе малолѣтняго Петра II, сумѣлъ устроить все дѣло такъ, что наслѣдство перешло въ руки его зятя князя Константина Кантемира, женатаго на его дочери, а не въ руки искуснѣйшаго въ наукахъ, которымъ, по справедливости, былъ нашъ сатирикъ.

кандидата-посланника, потому что ему въ самомъ дѣлѣ было только двадцать-два года; очень пемудрено, что Биронъ, покровительствуя юному князю, ручался за его зрѣлость и сказалъ тѣ слова, которыя ему приписываютъ; но подозрѣвать князя Голицына въ этомъ дѣлѣ едва ли возможно.

Въ началѣ царствованія Анны Ивановны, произошла перемяна пословъ при нѣкоторыхъ европейскихъ дворахъ. Ея коронованіе было ознаменовано торжественными празднествами при всѣхъ русскихъ посольствахъ, для чего были ассигнованы русскимъ правительствомъ особыя суммы.

Русскій посланникъ въ Парижѣ, графъ Иванъ Головкинъ, сынъ канцлера, получилъ для праздника шесть тысячъ рублей, какъ свидѣтельствуемъ Минихъ-сынъ, причисленный къ русскому посольству въ Парижѣ, гдѣ онъ изучалъ французскій языкъ ¹⁾. Вслѣдъ за тѣмъ, графъ Головкинъ переведенъ былъ посломъ въ Голландію, а вмѣсто него повѣреннымъ въ дѣлахъ во Франціи былъ оставленъ молодой графъ Минихъ, которому въ то время было только двадцать-два года; ему назначено было три тысячи годового жалованья, по триста рублей на посылки курьеровъ, конвертовъ и пр., и тысяча рублей на собственныя надобности.

Бестужевъ-Рюминъ, бывшій посолъ въ Голландіи, былъ перемѣщенъ въ качествѣ чрезвычайнаго посланника въ Гамбургъ и въ нижній саксонскій округъ, а вскорѣ въ томъ же званіи къ копенгагенскому двору, гдѣ онъ еще при Петрѣ Великомъ былъ нѣсколько лѣтъ резидентомъ. Къ прусскому двору былъ назначенъ графъ Ягужинскій, женатый на меньшей дочери канцлера, графинѣ Аннѣ, которой впоследствии пришлось пострадать въ известномъ дѣлѣ Лопухиныхъ въ началѣ царствованія Елисаветы Петровны.

Такимъ образомъ, посольскія назначенія получали или близкіе родственники канцлера графа Головкина, или люди съ сильнымъ покровительствомъ. Бестужеву-Рюмину благоволилъ самъ Биронъ, за молодого Миниха предстателемъ былъ его отецъ. На лѣта, какъ видно, обращалось здѣсь не много вниманія. Если при одномъ изъ первыхъ европейскихъ дворовъ и притомъ самомъ блистательномъ былъ назначенъ повѣреннымъ въ дѣлахъ двадцатидвухлѣтній юноша, то, конечно, вопросъ о молодыхъ годахъ Кантемира не могъ имѣть важнаго значенія. Князь Черкасскій, товарищъ канцлера и вице-канцлера по кабинету, считая Антиоха женихомъ своей дочери, легко могъ опредѣлить его на почетный постъ, какъ графъ Головкинъ опредѣлялъ своего зятя,

¹⁾ Записки графа Миниха.

а Минихъ — сына. Для исполненія желанія такихъ вельможъ была бы найдена вакансія, если бы ея на ту пору даже и не было, — а тутъ не нужно было и искать: при англійскомъ дворѣ не было никакого повѣреннаго въ дѣлахъ со стороны Россіи.

Аббатъ Венути, въ біографіи Кантемира, пишетъ по этому случаю слѣдующее: «Князь Кантемиръ съ радостью принялъ свое назначеніе, понимая, какую пользу можетъ ему принести путешествіе въ чужія страны, гдѣ онъ надѣялся обогатиться новыми познаніями; въ разговорѣ объ этомъ, онъ признавался мнѣ, что убѣдился собственнымъ опытомъ, при какихъ условіяхъ можно извлечь изъ путешествія какую-либо пользу: непременно нужно черезъ хорошее воспитаніе и образованіе прежде познакомиться съ науками и принять извѣстные принципы, иначе путешествіе скорѣе принесетъ вредъ какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи — вотъ отчего столько молодыхъ людей, путешествовавшихъ за границу, привозили въ свое отечество только одни пороки, которыхъ довольно въ другихъ странахъ»¹⁾.

Что нашъ сатирикъ былъ съ большими научными познаніями и успѣлъ уже выработать себѣ опредѣленные взгляды и твердыя убѣжденія, это доказываютъ его литературные труды, — и очень понятно, что путешествіе и заграничная жизнь привлекали его не тѣмъ, на что бросались другіе русскіе, оставивъ за собою свое отечество: онъ дѣйствительно думалъ удовлетворить своей благородной страсти къ наукамъ.

1 января 1732 года, Кантемиръ выѣхалъ изъ Москвы по дорогѣ къ прусской границѣ, прожилъ нѣсколько дней въ Берлинѣ у русскаго посла графа Ягужинскаго, который сдѣлалъ ему весьма радушный пріемъ, и затѣмъ отправился въ Гагу; тамъ ему нужно было условиться въ дѣйствіяхъ съ опытнымъ русскимъ посломъ графомъ Головкинымъ, который своими совѣтами могъ ему быть очень полезенъ. Аббатъ Венути, говоря о переѣздѣ Кантемира изъ Россіи въ Англію, замѣчаетъ, что дорогою онъ не пропускалъ ничего, что сколько-нибудь могло привлечь глазъ наблюдателя. Въ Голландіи прежде всего онъ позаботился сдѣлать хорошій выборъ книгъ и въ то же время поручилъ книгопродавцу Гайэ напечатать книгу его отца: «Историческое и географическое описаніе Молдавіи». Другія подробности объ его путешествіи намъ неизвѣстны.

Чтобы живѣе представить ту сферу, гдѣ пришлось тогда дѣйствовать еще неопытному юношѣ-посланнику, намъ нужно сдѣлать небольшое отступленіе. Всего любопытнѣе при этомъ

¹⁾ Satyres de M-r le pr. Cantem. Londre. 1749.

вопросъ: какой долженъ былъ образоваться взглядъ у государственныхъ людей Англїи того времени на государство, которое употребляло всѣ силы, чтобы стать на ряду съ могущественными европейскими землями, и которое ничего не щадило, лишь бы только убѣдить ихъ въ своей способности къ европейской цивилизаціи?

Англійскій резидентъ при русскомъ дворѣ той эпохи, Рондо, нѣсколько лѣтъ сряду сообщалъ въ своихъ депешахъ въ Лондонъ извѣстія о всѣхъ политическихъ событіяхъ и придворныхъ переломахъ, бывшихъ въ его время въ Россіи. Онъ подробно описывалъ и личности, игравшія какую-либо роль при русскомъ дворѣ. По этимъ донесеніямъ и описаніямъ, русское государство, въ глазахъ англійскихъ министровъ, могло представляться лишь неустроеннымъ, невѣжественнымъ, полуазиатскимъ царствомъ; русское правительство — собраніемъ нѣмецкихъ выходцевъ, изъ которыхъ каждый заботился болѣе всего о своихъ личныхъ выгодахъ, а не объ интересахъ государственныхъ и народныхъ; русское дворянство — нисколько неразвитое политически и издавна привыкшее къ рабству; русскій народъ — безсловесною массою, которая существуетъ только для потребностей казны и обогащенія нѣсколькихъ личностей. Какъ политическое тѣло, Россія, по этимъ донесеніямъ, должна была казаться Англїи ничтожнымъ и непрочнымъ, жертвою интригъ разныхъ честолюбцевъ: сегодня управляютъ ею одни, завтра берутъ верхъ другіе и ссылаютъ въ Сибирь первыхъ; все это не предвѣщало и въ будущемъ важнаго европейскаго значенія, которое могло бы привлекать вниманіе государственныхъ людей. Изъ всѣхъ русскихъ дѣятелей англійское министерство могло имѣть въ виду только одного, какъ болѣе талантливаго, въ сношеніяхъ съ которымъ нужна была нѣкоторая осторожность. Это былъ Остерманъ. О немъ, еще въ 1728 году, Рондо писалъ:

«Остерманъ одинъ даетъ направленіе всѣмъ дѣламъ (разумѣется, въ сношеніяхъ Россіи съ иностранными государствами); онъ сумѣлъ сдѣлаться до того необходимымъ, что его товарищи (въ верховномъ совѣтѣ) не могутъ обойтись безъ него; когда онъ чѣмъ недоволенъ, то дѣлается больнымъ и объявляетъ, что не можетъ явиться на совѣтъ; и лишь только оба Долгорукіе, Апраксинъ, Головкинъ и Голицынъ сойдутся, а Остермана нѣтъ, они принимаются за воду, а потомъ поневолѣ отправляются ухаживать за Остерманомъ, чтобы привести его въ хорошее расположеніе духа. Такими средствами онъ заставляетъ ихъ соглашаться на все, что ему угодно.»

Черезъ два года тотъ же Остерманъ былъ обрисованъ такими чертами:

«Его умъ и способности, дѣйствительно, заслуживаютъ вниманія; но онъ чрезвычайно хитеръ, лукавъ и фальшивъ, способенъ на измѣну; уклончивый и вкрадчивый въ своихъ поступкахъ и въ разговорахъ, онъ всегда раскланивается и расшаркивается, что у русскихъ считается лучшею политикою, и въ этомъ достоинствѣ онъ беретъ верхъ даже надъ русскими. Онъ любитъ погулять и пожить эпикурейцомъ, иногда выказывается великодушнымъ, но рѣшительно не способенъ быть благодарнымъ и признательнымъ. Когда Меншиковъ и Головкинъ поклялись погубить Шафировъ, онъ присоединился къ нимъ противъ своего покровителя и благодѣтеля. Шафировъ впалъ въ немилость и былъ сосланъ въ Архангельскъ, но такъ какъ не было никого, кто бы хорошо понималъ иностранные языки, то Остерманъ, спустя нѣсколько времени, былъ пожалованъ въ вице-канцлеры по рекомендаціи князя Меншикова, что, однакожь, ему не помѣшало, какъ всѣмъ извѣстно, быть однимъ изъ самыхъ ревностныхъ въ заговорѣ на погубель Меншикова¹⁾.»

Донесенія Рондо могли также внушать мысль, что недалека новая придворная революція, въ которой, можетъ быть, придется поплатиться очень дорого иностранцамъ, торжествующимъ при русскомъ дворѣ. «Дворянство, писалъ Рондо, кажется, очень недовольно, что ея величество употребляетъ столько иностранцевъ при своей особѣ. Курляндецъ Биронъ, прибывшій съ нею, сдѣланъ оберъ-камергеромъ; равнымъ образомъ, въ большой милости и многія другія лица изъ той же страны. Старые русскіе, ожидавшіе, что царица предпочтетъ ихъ передъ тѣми, очень сердятся». Въ другой депешѣ онъ же доноситъ: «Дворяне, желавшіе ограничить царскую власть, призамолкли. Между тѣмъ въ тайнѣ между собою они не перестаютъ пронырствовать въ пользу принцессы Елизаветы, къ которой очень расположено большое число офицеровъ изъ любви къ памяти царя Петра I. Главная цѣль этихъ замысловъ—обязать царицу назначить при своей жизни принцесу Елизавету своей наслѣдницей, между тѣмъ какъ царица выказываетъ больше предпочтенія въ своей племянницѣ, дочери герцогини мекленбургской».

Извѣстія изъ другихъ источниковъ также могли наводить на мысль о скорой гибели иностранцевъ въ Россіи. Такъ, леди Рондо, описывая свирѣпый характеръ Бирона, прибавляетъ: «Онъ презираетъ всѣхъ русскихъ, и такъ явно и открыто выказываетъ

¹⁾ «La cour de Russie il y a cent ans».

это передъ самыми знатными при всякомъ случаѣ, что, рано или поздно, это будетъ причиною его гибели, несмотря на его неизмѣнную вѣрность къ ея величеству и на сердечныя заботы о счастіи своей партіи ¹⁾».

Присоединимъ къ этому описаніе придворной жизни, сдѣланное англійскимъ резидентомъ: «Вы не можете себѣ вообразить, какъ великолѣпнень сдѣлался этотъ дворъ съ начала новаго царствованія, хотя въ казнѣ нѣтъ ни одного шиллинга, и вслѣдствіе этого никому не платятъ, что еще увеличиваетъ общее неудовольствіе. Не смотря на такой недостатокъ денегъ, всѣ придворныя истрачиваютъ огромныя суммы на великолѣпныя платья для предстоящаго маскарада. Съ каждымъ днемъ ожидаютъ труппу комедіантовъ, посланную польскимъ королемъ для забавы ея величества; она же думаетъ только объ этомъ, да еще о томъ, какъ бы обогатить и окружить почестями графа Бирона и его брата ²⁾».

Принимая все это въ соображеніе, Англія уже не имѣла причинъ такъ опасаться Россіи, какъ опасалась-было еще недавно, когда Петръ I сталъ впервые заявлять въ Европѣ русскую силу. Англія всегда была не прочь извлекать изъ невѣжественнаго Московскаго государства коммерческія выгоды, но въ то же время всегда старалась вредить ей въ политическомъ ростѣ. Послѣ 1720 года, когда англійскій флотъ стоялъ въ Финскомъ заливѣ, безуспѣшно угрожая русскому царю, между Россіею и Англіей не было дружескаго сближенія до 1726 года, когда была составлена декларация о дозволеніи Великобританскимъ купцамъ производить въ Россіи свободную торговлю. Выгода Англіи заключалась не въ привозѣ англійскихъ, а въ вывозѣ русскихъ товаровъ, которые ей были необходимы какъ для собственнаго флота, такъ и для обширной торговли съ Индіей и съ Италіей. Изъ привоза своихъ товаровъ она пока еще не извлекала большихъ выгодъ, такъ какъ этихъ товаровъ требовалось не слишкомъ много. Это очень не нравилось англичанамъ: имъ казалось, что они обогащаютъ Россію, покупая у нея товары, вмѣсто того, чтобы исключительно обогащаться самимъ на счетъ русскихъ. Они говорили, что только по необходимости, а не изъ выгоды должны поддерживать коммерческія сношенія съ Россіею ³⁾.

При такомъ отношеніи Англіи къ государству, стремившемуся поставить себя на ряду съ другими европейскими дер-

¹⁾ *Lettres d'une dame anglaise residente en Russie—1776.*

²⁾ «*La cour de Russie*» etc.

³⁾ *Memoires sur la Russie, par Manstein.*

явами, русскій резидентъ при лондонскомъ дворѣ не могъ имѣть большого значенія. Здѣсь все зависѣло болѣе отъ личности того, кто будетъ исполнять эту должность. Выгода Россіи отчасти заключалась въ личной дружбѣ ея резидента съ англійскими министрами, чтобы чрезъ нее поддерживать соглашеніе между правительствами: другихъ особенныхъ политическихъ дѣлъ пока еще не представлялось между обоими государствами. Русскому резиденту нужно было только удерживать англійское правительство отъ союза съ явными врагами Россіи, а это возможно было при благопріятныхъ личныхъ отношеніяхъ между нимъ и англійскими министрами. Ему нужно было утвердить въ нихъ вѣру въ прочность русскаго правительства, безъ чего невозможно было добиться признанія императорскаго титула за Россіей со стороны Англии; а этого-то именно очень настойчиво добивался тогда русскій дворъ у всѣхъ европейскихъ дворцовъ.

Что касается русскихъ личностей, съ которыми до сихъ поръ приходилось англійскому правительству имѣть непосредственное сношеніе, то первое мѣсто между ними занимаетъ Алексій Бестужевъ - Рюминъ, впоследствии графъ и канцлеръ, игравшій весьма важную роль въ правительственной средѣ императрицы Елизаветы. Двадцатилѣтнимъ юношею онъ обратилъ на себя вниманіе ганноверскаго курфирста въ то время, когда былъ за границую, состоя при посольствѣ на Утрехтскомъ конгрессѣ. Замѣтивъ въ немъ большія дипломатическія способности, курфирстъ предложилъ ему службу при ганноверскомъ дворѣ. Такое предложеніе было лестно какъ юношѣ, такъ и Петру Великому, который много старался, чтобы подданные его выказывали себя съ лучшей стороны передъ Европою.

Съ его согласія Бестужевъ - Рюминъ въ 1713 г. вступилъ въ ганноверскую службу, получивъ чинъ старшаго подполковника и тысячу талеровъ ежегоднаго жалованья. Провозглашенный черезъ нѣсколько мѣсяцевъ англійскимъ королемъ, подъ именемъ Георга I, курфирстъ взялъ его съ собою въ Лондонъ въ качествѣ своего камеръ-юнкера, и вслѣдъ затѣмъ отправилъ его въ Петербургъ уполномоченнымъ посломъ извѣстить русскаго царя о своемъ вступленіи на англійскій престолъ. Петръ Великій былъ очень доволенъ такимъ посольствомъ и писалъ королю: «Вашему величеству я дружелюбно братски благодарствую, что вы особливимъ отправленіемъ помянутаго вашего камеръ-юнкера о томъ (о восшествіи на престолъ) объявить изволили». Въ знакъ своего особеннаго расположенія царь подарилъ юному послу свой миниатюрный портретъ, украшенный брилліантами, и послѣ аудіенціи отправилъ его обратно въ Лондонъ съ поздра-

вительною грамотою къ королю. Около трехъ лѣтъ прослужилъ Бестужевъ-Рюминъ при лондонскомъ дворѣ, и, заявивъ себя, какъ русскій, съ самой лучшей стороны, возвратился снова на службу къ Петру, который и не замедлилъ употребить въ дѣло его способности. Молодому дипломату скоро представился случай доказать той же Англїи, что онъ не напрасно провелъ время между ея умными министрами и искусными дипломатами. Въ 1720 году, Англїя, боясь возрастающаго могущества Россїи въ борьбѣ со Швеціей и не довѣряя Петру, отстала отъ союза съ нимъ и начала ссорить съ нимъ другихъ его союзниковъ, распространяя разныя подозрѣнія на русскаго царя.

Чтобы уладить все это дѣло, царь послалъ сперва въ Копенгагенъ, потомъ въ Лондонъ, Бестужева-Рюмина, который лучше чѣмъ кто-либо изъ русскихъ дипломатовъ зналъ Англїю и потому смѣлѣе и успѣшнѣе могъ дѣйствовать противъ замысловъ англійскаго короля и его министровъ. Въ Копенгагенѣ онъ передъ всѣми раскрывалъ тайныя стремленія Англїи, которая добивалась владычества, опаснаго для Европы; доказывалъ, что Англїя, подъ видомъ защиты правъ ганноверскаго курфюрста, хлопочетъ о своихъ собственныхъ выгодахъ, простирая свои виды на другія нѣмецкія земли. Копенгагенскій дворъ убѣдился представленіями русскаго посла и, къ неудовольствію Англїи, снова вступилъ въ союзъ съ Петромъ.

Явившись въ Лондонъ, Бестужевъ-Рюминъ сталъ открыто опровергать всѣ козни англійскихъ дипломатовъ, несмотря на свои недавнія близкія отношенія къ королю и его министрамъ. Съ другой стороны, онъ доказывалъ честность поступковъ русскаго царя и поставилъ лондонскій кабинетъ въ такое положеніе, что тотъ ничего не могъ возразить ему. Бестужева-Рюмина только обвинили, будто онъ оскорбилъ англійскихъ министровъ и ихъ государя, за что предписали ему оставить Лондонъ въ теченіе восьми дней. Русскій посланникъ съ своей стороны, представивъ, что дѣйствія англійскихъ министровъ оскорбительны для русскаго кабинета, поступавшаго прямодушно, поспѣшилъ оставить Лондонъ раньше назначеннаго срока ¹⁾.

Все это было памятно въ Лондонѣ, когда Кантемиръ явился туда русскимъ резидентомъ. Если англійскіе министры не могли сомнѣваться въ дипломатическихъ способностяхъ русскихъ са-

¹⁾ «Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россїи», Терещенко, ч. II, стр. 64—66.—Вантышъ-Каменскій, въ своемъ «Словарѣ достопамятныхъ людей», приписываетъ этотъ послѣдній поступокъ брату Алек. Бестужева. На чьей сторонѣ правда—мы теперь не беремъ рѣшать.

новниковъ, то и не могли, изъ прежнихъ же опытовъ, не заключать объ ихъ настойчивости и рѣзкости, какія выказалъ Бестужевъ-Рюминъ.

Въ это время во главѣ англійскаго правительства стояли братья Вальполи—Робертъ и Горацій. Первый отличался довольно скуднымъ научнымъ образованіемъ, но, за то, лучше всѣхъ былъ знакомъ съ собственною націею, съ дворомъ, съ палатою общинъ и съ казначействомъ. Объ иностранныхъ дѣлахъ онъ зналъ мало, но за то былъ превосходный парламентскій боецъ и дѣловой человѣкъ. На его памяти не лежитъ ни одного пятна измѣны или жестокости, что для того времени было рѣдкимъ почетнымъ отличіемъ въ сферѣ государственной дѣятельности, тѣмъ болѣе, что борьба партій въ Англии долго велась съ свирѣпостью, недостойною образованнаго народа. Робертъ Вальполъ далъ правительству тотъ характеръ кротости, который оно съ тѣхъ поръ стало сохранять. Его нельзя было подкупить деньгами, но, съ другой стороны, самъ онъ управлялъ парламентомъ подкупами въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ; за это, впрочемъ, строго нельзя судить его: онъ не могъ стоять выше своего вѣка, когда и невозможно было управлять иначе. Властолюбіе было господствующею его страстью; съ нею онъ соединялъ свое любимое правило: «не нарушай покоя». Но онъ заботился о мирѣ собственнаго управленія, а не о мирѣ страны. Хотя онъ отлично понималъ интересы Англии, но преслѣдовалъ ихъ только тогда, когда они согласовались съ интересами его собственнаго властолюбія. Онъ ревностно отстаивалъ свою власть и хотѣлъ имѣть или все или ничего. Щедрый во всемъ другомъ, онъ былъ скупъ только на власть. Онъ не хотѣлъ уступить ни одной частички власти, чтобы получить защитниковъ для всего остального. И онъ бодро боролся съ возрастающимъ строемъ своихъ враговъ, находя гораздо лучшимъ, чтобы они нападали на его власть, нежели раздѣляли ее. Онъ весь былъ преданъ этой страсти, и когда не говорилъ о политикѣ, то могъ говорить только о женщинахъ; на эту любимую свою тему онъ распространялся съ вольностью, которая поражала даже то откровенно говорившее поколѣніе, и которая совершенно не шла къ его лѣтамъ и положенію.

Братъ его, Горацій, былъ самымъ эксцентричнымъ, самымъ искусственнымъ, самымъ брюзгливымъ и самымъ капризнымъ изъ людей. Его черты были покрыты маскою подъ маской, и никогда нельзя было сказать, что вы видите передъ собою настоящаго человѣка. Онъ игралъ безчисленныя роли и всегда преувеличивалъ ихъ. Складъ его ума былъ таковъ, что все мелочное ему казалось

великимъ, и все великое—мелочнымъ. Дѣла, которыя онъ называлъ политическими и въ которыхъ принималъ самое живое участіе, едва ли заслуживаютъ названія политическихъ: ворчанье Георга II, кокетничанье принцессы Эмилии, любовныя дѣла принца Фридриха, несогласія между наставниками принца Георга—вотъ предметы, которые занимали его вниманіе. Борьбу партій, по его собственнымъ словамъ, онъ любилъ какъ развлеченіе. Любя ссору, онъ любилъ и покой, и постоянно подстерегалъ удобные случаи, чтобы разомъ удовлетворить своему двойному вкусу. Онъ успѣвалъ иногда, не показываясь лично, разстраивать ходъ министерскихъ переговоровъ и распространять смятеніе въ политическихъ кругахъ. О политикѣ же, въ высокомъ значеніи слова, онъ ничего не зналъ и нисколько не заботился. Даже любовь его къ французскому языку была совершенно особаго рода. Онъ любилъ этотъ языкъ, какъ языкъ насмѣшки, анекдота, корреспонденціи. Высшимъ значеніемъ его онъ совершенно пренебрегалъ, и нап्राженно изучалъ сплетни стараго французскаго двора.

Братья Вальполи тѣсно были связаны съ государственнымъ секретаремъ, герцогомъ Нью-Кэстлемъ. Въ немъ было такъ сильно развито честолюбіе, что замѣняло ему таланты, и даже глупость перераждало въ хитрость. Онъ можетъ служить рѣзкимъ примѣромъ того, что можетъ быть сдѣлано человѣкомъ, который все свое сердце и душу безъ остатка посвящаетъ одной дѣли, хотя бы онъ не отличался ни умомъ, ни образованіемъ, никакими талантами. О невѣжествѣ Нью-Кэстля осталось много анекдотовъ. И не смотря на все это, онъ былъ почти тридцать лѣтъ государственнымъ секретаремъ, и почти десять лѣтъ—первымъ лордомъ казначейства. Огромное состояніе, сильныя наслѣдственные связи и большое парламентское вліяніе только отчасти могутъ объяснить этотъ фактъ. Всѣ способные люди его времени смѣялись надъ нимъ, какъ надъ неучемъ, какъ надъ простакомъ, какъ надъ ребенкомъ, который никогда не зналъ чего хочетъ, а онъ перехитрялъ всѣхъ ихъ; подъ личиною легкомыслія у него была бездна вѣроломства и зависти: онъ завидовалъ всѣмъ сотоварищамъ, даже своему брату. И этому человѣку и его капризамъ должны были подчиняться такіе люди, какъ Робертъ Вальполь, потому что безъ него не могли бы удержать своей власти.

Что касается самого короля Георга II, то онъ былъ человѣкъ довольно ограниченный и весьма капризный. Какъ и у другихъ королей его времени, у него были свои привилегированныя любовницы, но королева, жена его, сохраняла надъ нимъ большую власть до самой своей смерти. Робертъ Вал

поль былъ въ такой же дружбѣ съ нею, какъ и съ любовницами короля. Еще при жизни королевы, одна изъ нихъ, мистрисъ Гоуэрдъ, получила титулъ графини Суффолькъ и при торжественныхъ случаяхъ занимала мѣсто между женами лордовъ, а, по смерти королевы, баронесса фонъ-Вальмоденъ, съ титуломъ графини Ёрмаутъ, почти открыто торговала мѣстами и будто бы продавала даже званіе лорда ¹⁾.

Вотъ, въ какой сферѣ очутился Кантемиръ, и вотъ съ какими людьми ему нужно было поладить. Намъ неизвѣстно, какими словами описывалъ Кантемира въ своихъ депешахъ англійскій резидентъ Рондо при назначеніи юнаго князя въ Лондонъ, но едва ли онъ могъ сказать что-нибудь опредѣленное объ его характерѣ, хотя и долженъ былъ повторить общую молву объ его талантахъ и образованіи. Намъ также неизвѣстна инструкція, данная Кантемиру при его отправленіи, но, соображая дальнѣйшія обстоятельства, мы можемъ сказать, что ему не было поручено никакого важнаго дѣла, для чего выбрали бы не столь юнаго и болѣе испытаннаго дипломата. Главное его назначеніе, какъ мы уже замѣтили, было—поддерживать согласіе между двумя дворами, что много зависѣло отъ осторожнаго его поведенія и искуснаго обращенія съ министрами. Здѣсь для него была первая дипломатическая школа, гдѣ онъ долженъ былъ сдѣлаться дипломатомъ и въ то же время сохранить прямоту характера и честность въ поступкахъ, а эти качества въ то время не считались достоинствами дипломатовъ. Кантемиръ же не могъ отступить отъ нихъ, такъ какъ онъ уже выработалъ себѣ разумныя убѣжденія и нравственныя основанія жизни, которыя и были имъ заявлены въ его литературныхъ опытахъ.

Вотъ, тотъ очеркъ характера государственныхъ людей Англии, равно какъ и всего правительства, сдѣланный Кантемиромъ, который писалъ донесеніе русскому двору послѣ шестилѣтняго знакомства съ страной, оставляя въ 1738 году Лондонъ и переселяясь въ Парижъ ²⁾.

¹⁾ Эту характеристику англійскихъ министровъ и двора мы составили по новѣйшимъ европейскимъ историкамъ—Маколену и Шлоссеру, выставляя въ особенности тѣ черты, которыя удачно въ нихъ подмѣтилъ и Кантемиръ, какъ увидитъ читатель далѣе.

²⁾ Вантышъ-Каменскій, въ своемъ «Словарѣ», приводитъ все это описаніе, но перемѣняетъ по своему каждую его фразу, вѣроятно, изъ желанія подновить слога. Черезъ это, разумѣется, пострадалъ языкъ Кантемира. Для сравненія, приведемъ начало описанія: «Король честенъ, праводушенъ, вѣренъ въ словѣ и былъ бы неизмѣненъ въ поступкахъ, если бы нужда здѣшнихъ законовъ и часто совѣты министровъ

«Его королевское величество, какъ я многожды вашему императорскому величеству имѣлъ честь доносить, государь весьма честнаго характера и въ словѣ своемъ примѣтнаго постоянства, если бы нужда здѣшнихъ законовъ и часто совѣты министровъ къ противному его величеству не понуждали. Вспылчивый его величества нравъ причину подалъ къ несогласію съ сыномъ, который, съ своей стороны, можетъ быть, болѣе, нежели прилично, съ противниками его величества сообщается, и пока его высочества поступокъ въ семь не отмѣнится, мало согласія съ отцемъ въ семь ожидать можно. Господа Вальполи безсумнительно всю силу здѣшняго правленія въ своихъ рукахъ имѣютъ. Большой братъ Робертъ, человекъ весьма добрый и остраго ума, и по своему авторитету въ парламентѣ видно, что къ внутреннимъ дѣламъ много искусства имѣетъ, и, зная совершенно склонность своей націи, куда хочетъ ихъ влечь, наипаче употребляя къ тому *золотую* узду. Въ дѣлахъ чужестранныхъ, какъ всѣ генерально здѣсь признаютъ, немного знанія имѣетъ, и потому особливо брата своего почитаетъ, чая, что многія посольства, въ которыхъ онъ обрѣтался, дали ему способъ въ томъ искуситься. Я не могу сказать, праведно ли то его мнѣніе или нѣтъ, понеже за многословіемъ, которое господинъ Горасъ (Вальполь) въ своихъ разговорахъ употребляетъ, основательное разсужденіе почти оными подавлено, и удача въ его негоціаціяхъ мало въ его пользу показываетъ, хотя впрочемъ и онъ не лишается остроты ума и пріятнаго обхожденія. Оба брата, опасаяся отъ войны приумноженія непріятелей своихъ или раздѣленія власти своей во многія руки, тишину любятъ, и потому многіе авантажи потерять лучше склонятся, чѣмъ навестъ себѣ оное опаство; потому при правленіи ихъ трудно ожидать отсюда какого смѣлаго дѣйства. Дюкъ Ньюкастль, статскій секретарь полуденныхъ дѣлъ, имѣетъ великую понятность и память, но весьма мало атенціи къ чужестраннымъ дѣламъ даетъ. Будучи непрестанно въ своей деревнѣ и упражняяся приумножать себѣ въ провинціяхъ друзей, которыми и мѣсто свое сохраняетъ. Великія его вотчины, число друзей и родни даютъ ему нѣсколько голосовъ въ парламентѣ, что понуждаетъ господъ Вальполевъ не учинить себѣ его не-

не отвлекали его въ противную сторону. Вспылчивость короля подала поводъ къ раздору съ сыномъ. Принцъ погрѣшаетъ тѣмъ, что сообщается съ противниками его», и пр. Точно также онъ измѣнял и всѣ другія рѣчи, приведенныя въ его «Сювартъ». Въ настоящемъ видѣ описаніе англійскаго двора было напечатано въ 1804 г. въ журналѣ «Другъ Просвѣщенія» № 12, и отсюда перепечатано Перевѣскимъ въ избранныхъ сочиненіяхъ Кантемира. Мы пользовались оригинальною рукописью въ Моск. арх. иностр. дѣлъ и нашли нѣкоторыя неточности въ печатной редакціи.

пріятелемъ, а инако давно бы свой чинъ потерялъ. Милорда Гаринтона, статскаго секретаря сѣверныхъ дѣлъ, можно взять образцомъ честнаго и добраго человѣка, который снабденъ природными основательными разсужденіями и многими искусствами. Обѣ здѣшнія противныя стороны равно его любятъ и почитаютъ; нѣтъ такого, чтобъ былъ имъ недоволенъ; нраву весьма тихаго, малорѣчивъ, не лукавъ, и столько недругъ всякихъ замѣшательствъ и высокомыслія, что хотя его королевское величество къ нему гораздо милостивъ, кавалеръ Вальполь ему не ревнуетъ, и, подлинно, способнѣйшаго онъ, Вальполь, себѣ прискаты не могъ бы. Понеже милордъ, кромѣ своей должности, ни въ какія дѣла не вступаетъ, зачѣмъ я надѣюсь, что онъ мѣсто свое сохранить, совсѣмъ тѣмъ, что Горасъ Вальполь горячо желалъ бы оное себѣ присвоить. О членахъ тайнаго совѣта не упоминаю, понеже ни силы никакой не имѣютъ, ни господину Вальполю противиться отважны. Ничего также примѣчать можно прочихъ придворныхъ, которые ни въ какія дѣла не вступаются, развѣ когда господинъ Вальполь кому что позволить и его величество ни которому изъ нихъ отмѣнную милость не являетъ ¹⁾».

Всѣ эти отзывы, какъ мы сказали—плодъ шестилѣтнихъ наблюденій Кантемира. Здѣсь особенное вниманіе обращаетъ на себя отношеніе его къ Горасу Вальполю: «За многословіемъ, которое онъ въ своихъ разговорахъ употребляетъ, основательное разсужденіе почти оными подавлено»; онъ видимо не одобряетъ въ немъ такого качества, хотя въ то время оно считалось однимъ изъ важныхъ и необходимыхъ въ личности истиннаго дипломата. Эта преднамѣренная запутанность и часто лживость въ рѣчахъ были въ высшей степени развиты и у Остермана, котораго всѣ иностранцы того времени называютъ умнѣйшимъ и искуснѣйшимъ дипломатомъ. Манштейнъ говоритъ о немъ: «Онъ такъ странно изъяснялся, что очень немногіе могли похвалиться, что понимаютъ его. Часто иностранные министры въ теченіе двухъ часовъ проговорятъ съ нимъ и по выходѣ изъ его кабинета знаютъ не больше того, сколько знали, входя туда. Что онъ ни писалъ, что ни говорилъ, могло пониматься двояко. Тонкій и притворный, онъ умѣлъ владѣть своими страстями и въ случаѣ нужды даже разнѣжиться до слезъ. Онъ никогда не смотрѣлъ никому въ глаза и изъ страха, чтобъ его глаза не измѣнили ему, онъ умѣлъ держать ихъ неподвижно» ²⁾.

¹⁾ Москов. архивъ иностр. дѣлъ. Англійскія дѣла 1738 г.

²⁾ Memoires sur la Russie, par Manstein. p. II.

Вѣроятно, съ улыбкой Остерманъ читалъ депешу Кантемира, въ которой дипломатъ описывалъ Гораса Вальполя. Въ немъ онъ не могъ не видѣть своего собственнаго отраженія. Особенное сочувствіе Кантемиръ высказываетъ къ Гарингтону; съ нимъ онъ чаще чѣмъ съ кѣмъ-нибудь имѣлъ сношенія какъ съ статсъ-секретаремъ, въ вѣдѣніи котораго находились иностранныя дѣла сѣверныхъ государствъ. Открытый умъ, честность, прямота, трудолюбіе безъ лишнихъ словъ, тихость нрава, вотъ—качества, которыя особенно уважалъ Кантемиръ въ чловѣкѣ, и которыя старался развивать и въ себѣ. Поэтому очень естественно, что онъ сразу сошелся съ лордомъ Гарингтономъ, который также не могъ не оцѣнить нравственныхъ достоинствъ молодого русскаго президента.

30 марта 1732, Кантемиръ прибылъ въ Лондонъ и на другой же день послалъ депешу въ Петербургъ съ извѣстіемъ о своемъ благополучномъ прибытіи, сообщая при этомъ, что на будущей недѣлѣ намѣренъ требовать аудіенціи у короля, «а между тѣмъ буду стараться о приуготовленіи моего экипажа и наипаче чтобъ прилежно извѣститься о здѣшнихъ обычаяхъ при дворѣ.»

Съ этихъ поръ Кантемиръ начинаетъ описывать въ своихъ депешахъ все, что находитъ достойнымъ вниманія русскаго двора, касаясь преимущественно политическихъ слуховъ, своихъ отношеній къ разнымъ министрамъ, и давая отчеты въ исполненіи тѣхъ порученій, какія ему присылались изъ Петербурга. Извѣстія, болѣе важныя и секретныя, передавались шифрованнымъ письмомъ. Но и оно, какъ видно, не всегда могло сохранять тайну. Распечатывать и читать чужія письма въ дипломатіи не считалось постыднымъ дѣломъ. На второй годъ своего пребыванія въ Лондонѣ, Кантемиръ узнаетъ, что англійское министерство имѣетъ обыкновеніе «всѣхъ чужестранныхъ министровъ письма распечатывать», и для этого содержитъ искусныхъ людей, чтобы разбирать «цифири на всякомъ языкѣ». Вслѣдствіе этого, въ депешѣ отъ 1 мая 1733 года, онъ пишетъ: «Прошу прислать мнѣ новый цифирный ключъ, въ которомъ бы одной литеры разныя были фигуры и много пустыхъ.» Иногда онъ получалъ выговоры отъ петербургскаго кабинета за отступленіе отъ нѣкоторыхъ формъ, какъ напр., выговоръ за то, что на конвертѣ депешъ не написалъ *въ собственныя руки*, «чѣмъ пренебрегъ высочайшій указъ» (19 іюня 1733).

На первыхъ же порахъ по своемъ приѣздѣ въ Лондонъ, Кантемиръ увидѣлъ, что назначеннаго ему жалованья будетъ слишкомъ недостаточно для приличнаго содержанія. «Изъ 3,000 руб. жалованья, писалъ онъ отъ 6 іюня, по векселю имѣлось утраты

500 руб.; за карету плачу слишкомъ 600 руб., большое жалованье людямъ, чрезмѣрная дороговизна пищи; на всякій королевскій и королевы праздникъ долженъ вновь дѣлать платье, понеже таковъ здѣсь обычай: въ старомъ платьѣ въ тѣ дни ко двору показаться не можно; на письма приходится около 500 руб.; данныя деньги на экипажъ половину издержалъ на худую дорогу, изъ другой сдѣлалъ себѣ платье и прочія малыя въ домѣ нужды ¹⁾».

Въ поясненіе къ этому прибавимъ, что на пересылку депешъ и писемъ было ассигновано Кантемиру 300 руб. въ годъ, а на проѣздъ изъ Москвы въ Лондонъ и на покупку экипажа — 2,000 руб. Эта сумма оказалась слишкомъ недостаточною, что привело русскаго резидента въ затруднительное положеніе. Уже въ первой депешѣ онъ просилъ прислать ему денегъ, если петербургскій кабинетъ найдетъ нужнымъ, чтобы онъ сопутствовалъ королю вмѣстѣ съ другими министрами въ Ганноверъ, куда король намѣревался отправиться. Но приказъ, чтобы онъ оставался въ Лондонѣ, не успокоилъ его, такъ какъ ему приходилось прибѣгать къ займу для удовлетворенія текущихъ расходовъ. Представляя счетъ расходамъ, онъ просилъ императрицу удвоить ему жалованье хотъ на первый годъ, высказывая боязнь впасть въ долги, и затѣмъ рѣдкій мѣсяць проходилъ безъ того, чтобы къ своимъ депешамъ онъ не присоединялъ особаго прошенія о прибавкѣ жалованья, умоляя обратить вниманіе на его стѣснительное положеніе; но никогда не получалъ отвѣта на свои прошенія. «Посланникъ долженъ давать обѣды, пишетъ онъ, отъ 29-го декабря того же года, такъ какъ самъ бываетъ у другихъ, а у меня даже нѣтъ серебрянной посуды, тогда какъ безъ нея знатнымъ людямъ обойтись нельзя. Я не въ состояніи никакое здѣсь обходительство завести, признавая быть весьма неприлично, когда всѣ прочіе чужестранные министры и малѣйшихъ государствъ серебрянные сервизы имѣютъ, чтобы я, имѣя счастье служить столь великой государынѣ, употреблялъ олово на столѣ своемъ». Чтобы не уронить чести императорскаго имени, онъ проситъ прислать ему 700 фунт. стер. на посуду для 12 персонъ, и въ то же время, желая удалить отъ себя подозрѣніе въ корысти, общается, по возвращеніи въ отечество, возвратитъ въ казну купленное серебро.

Не получая прямыхъ отвѣтовъ изъ иностранной коллегіи, Кантемиръ обращался въ частныхъ письмахъ къ разнымъ влиятельнымъ личностямъ въ Петербургѣ, чтобы черезъ нихъ получать

¹⁾ Московск. арх. иностр. дѣл. Ачл. дѣла 1732.

удовлетвореніе своимъ официальнымъ просьбамъ, и между прочимъ въ графу Михаилу Головкину, отецъ котораго былъ государственнымъ канцлеромъ. Молодой Головкинъ, дѣлая Кантемиру мелочныя порученія—выслать изъ Лондона разныя необходимыя ему вещицы, прибавляетъ, что «просилъ батюшку о прибавкѣ ему жалованья и тотъ обѣщалъ въ томъ помочь»; но помощи никакой ни откуда не являлось.

Такимъ образомъ, Кантемиръ не могъ выйти изъ матеріальнаго стѣсненія и устроить свое хозяйство. Конечно, ему много помогали доходы съ собственнаго его имѣнія, хотя и не очень большіе; но безъ нихъ ему рѣшительно было бы невозможно исполнять свою посольскую должность.

Въ первые же дни своего пребыванія въ Лондонѣ, Кантемиръ обратилъ вниманіе на жившихъ тамъ русскихъ. Почти всѣ они были посланы изъ Россіи въ Англію или въ другія чужестранныя земли по распоряженію Петра Великаго, съ тѣмъ, чтобы учились разнымъ наукамъ и ремесламъ¹⁾; но послѣ его смерти, а нѣкоторые даже и при немъ, были забыты и брошены на произволъ судьбы. Имъ перестали высылать жалованье, и они должны были сами заботиться о своемъ пропитаніи. Не имѣя возможности возвратиться на родину, иные изъ нихъ оставили и мысль объ этомъ, нашли себѣ кое-какія занятія и въ нѣсколько лѣтъ такъ натурализировались въ Англіи, понявъ выгоды ея гражданской жизни, что наконецъ добровольно отказались отъ своего отечества: на предложеніе Кантемира возвратиться въ Россію, они отвѣчали отказомъ. Другіе, вытерпѣвъ разныя невзгоды и ведя нищенскую жизнь, просили русскаго резидента дать имъ возможность выѣхать изъ Англіи. Кантемиръ доносилъ о двоиxъ изъ нихъ—Третьяковѣ и Афанасьевѣ. Первый былъ посланъ Петромъ I, въ 1715 году, для обученія пушечному дѣлу; но такъ какъ парламентскій актъ запрещалъ учить этому искусству чужестранцевъ, то онъ переѣхалъ въ Голландію и остался

¹⁾ Въ «Запискахъ Манштейна» мы читаемъ: «Петръ Первый поручилъ Прокоповичу позаботиться о школахъ. Прокоповичъ началъ обученіемъ многихъ молодыхъ людей въ школѣ, устроенной имъ въ собственномъ его домѣ. Тѣхъ, которые выказывали въ-которые успѣхи, онъ отсылалъ въ иностранныя университеты съ тѣмъ, чтобы тамъ приобрѣли они познанія и чтобы потомъ могли быть профессорами или учителями въ школахъ и въ академіяхъ, которыя будутъ основаны въ Россіи. Въ ожиданіи этиxъ новыхъ заведеній, онъ продолжалъ обученіе юношества въ монастыряхъ, гдѣ ихъ учили по-латыни и первымъ началамъ философіи. Прокоповичъ успѣлъ только отчасти. Большая часть изъ посланныхъ въ чужія земли тамъ и оставалась, а тѣ, которые возвращались въ Россію, не оказывались на столько знающими и даровитыми, чтобы можно было имъ поручить образованіе юношества».

тамъ служить у русскаго посла Бориса Куракина. Затѣмъ, царскимъ указомъ было повелѣно ему снова ѣхать въ Лондонъ и тамъ заняться архитектурою, военною и гражданскою. Неизвѣстно, съ какимъ успѣхомъ онъ занимался, такъ какъ русское правительство перестало слѣдить за нимъ, не высылало ему жалованья и, наконецъ, совсѣмъ забыло о немъ. Онъ запутался въ долгахъ, попалъ въ тюрьму, и хотя потомъ былъ освобожденъ, взятый къ-то на поруки, но оставить Англии не могъ, не заплативъ всѣхъ долговъ.

Афанасьевъ сначала служилъ при русскомъ резидентѣ въ Лондонѣ, Веселовскомъ, потомъ, неизвѣстно по какимъ причинамъ, отсталъ отъ него, но за недостаткомъ денегъ не могъ уѣхать изъ Англии, прожилъ тамъ десять лѣтъ, женился, накопилъ до 240 фун. стер. долгу, и «теперь, пишетъ Кантемиръ, находится въ великой скудности, такъ что помираетъ почти голодною смертію, живетъ милостынею, умѣетъ не много по-аглици»¹⁾.

Безъ особеннаго вниманія оставлена и эта просьба Кантемира о русскихъ несчастныхъ, до которыхъ не было никакого дѣла счастливымъ нѣмцамъ, стоявшимъ тогда во главѣ русскаго правительства. Такъ какъ приходилось не только перевозить ихъ изъ Лондона въ Петербургъ, но и платить за нихъ значительные долги, то, конечно, казалось выгоднѣе отречься отъ нихъ и бросить ихъ на произволъ судьбы. Имя Третьякова, вѣроятно того же самаго, встрѣчается въ числѣ посольскихъ лицъ при Кантемирѣ въ 1733 г. Мы не знаемъ, что окончательно случилось съ другими, но только можемъ замѣтить, что не они одни были жертвами правительственнаго разчета: такъ погибло не мало русскихъ силъ.

Нашелся въ Лондонѣ и забытый русскій священникъ, котораго Бантышъ-Каменскій называетъ грекомъ Варфоломеемъ Касано; онъ говорилъ по-англійски какъ природный англичанинъ, разумѣлъ языки латинскій и французскій, носилъ монашеское платье, и черною своей одеждою, равно какъ и бородою, привлекалъ множество любопытныхъ, лишь только показывался на улицахъ. О немъ Кантемиръ писалъ слѣдующее: «Въ 1726 году, былъ посланъ изъ Россіи въ Лондонъ русскій священникъ Варфоломей, для служенія въ русской церкви, которая великодушіемъ Петра Великаго основана. По его трудамъ нѣсколько англичанъ приняли православіе; онъ каждое воскресенье проповѣдуетъ имъ на аглицкомъ языкѣ и служить службу; теперь пришелъ въ крайнюю скудость.» На прошеніе Кантемира—пособить

¹⁾ Моск. арх. иностр. дѣлъ, 1732 г. 18 апр.

ему со стороны русскаго двора, было назначено Варфоломеево жалованье. Англичанъ, принявшихъ греческую вѣру, было тогда въ Лондонѣ десять человекъ. Не смотря на значительное число русскихъ, встрѣченныхъ Кантемиромъ въ Лондонѣ, онъ нуждался въ переводчикахъ съ русскаго на англійскій языкъ, тѣмъ болѣе, что и самъ только-что начиналъ учиться по-англійски. А между тѣмъ петербургскій кабинетъ часто присылалъ ему манифесты и разныя объявленія для печатанія въ англійскихъ газетахъ. Кантемиръ былъ вынужденъ просить, чтобы всѣ такія объявленія переводили въ самой Россіи на французскій языкъ, «а съ русскаго на англійскій, замѣчалъ онъ, въ Лондонѣ переводить некому ¹⁾».

Длинную переписку съ Петербургомъ имѣлъ Кантемиръ еще объ одномъ русскомъ, по имени Левкинъ, который былъ присланъ въ Лондонъ учиться монетному дѣлу и вообще медальерному искусству. Въ Лондонѣ объявили, что воспрещено закономъ учить чужестранцевъ этому искусству, изъ опасенія, чтобы не явились поддѣльватели англійской монеты. Кантемиръ узналъ, что есть возможность въ Женевѣ приобрести нужныя свѣдѣнія для чеканки монеты, и предложилъ отправить туда и Левкина. Получивъ изъ Петербурга согласіе на это, онъ вступилъ въ сношеніе съ женецемъ Дассье (Dassier), который и писалъ ему, что въ Женевѣ берутся выучить Левкина, требуя за квартиру, столъ и стирку бѣлья 30 фунтовъ стерлинговъ въ годъ, да за выучку медальерному искусству со всѣмъ тѣмъ, что къ нему относится, 200 фунтовъ, изъ нихъ половину уплатить въ началѣ года, а другую въ концѣ. Когда и на это предложеніе въ Петербургѣ были согласны, то Левкинъ былъ отправленъ въ Женеву. Но тѣмъ переписка не кончилась. Когда вышелъ срокъ ученія, Левкинъ объявилъ, что онъ не хочетъ оставить Женеву, ссылаясь, между прочимъ, на свои долги, которыхъ онъ не въ состояніи былъ уплатить. Это—обыкновенная пѣсня почти всѣхъ русскихъ, которыхъ посылали учиться за границу; имъ забывали во-время высылать деньги на содержаніе; они прибѣгали къ займамъ, приучались жить въ долгъ, и, наконецъ, такъ запутывались, что или попадали въ тюрьму, или не имѣли возможности оставить мѣсто своего жительства, связанные долгами, и ожидали, когда ихъ выкупитъ русское правительство; но оно не всегда торопилось сдѣлать это. Впрочемъ, съ Левкинымъ случилось не совсѣмъ такъ. Вѣрно, медальеръ былъ очень нуженъ въ Петербургѣ, гдѣ извѣстіе объ отказѣ Левкина возвратиться въ

¹⁾ Тамъ же, отг. 9 іюня.

Россію произвело непріятное впечатлѣніе. Директоромъ надъ монетною канцеляріей и денежными дворами въ Россіи въ то время былъ графъ Михайлъ Головкинъ. По своей должности онъ уже прежде не разъ сносился съ Кантемиромъ. Такъ, въ 1732 году отъ 28 октября, онъ писалъ ему, прося «сдѣлать вызовъ лондонскихъ купцовъ для поставки тысячи пудъ серебра на петербургскій монетный дворъ, такъ какъ русскіе купцы ставятъ весьма высокую цѣну ¹⁾). Распоряженія о Левкинѣ выходили также отъ него. Въ письмѣ къ Кантемиру онъ высказываетъ свои подозрѣнія, что Левкинъ нарочно дѣлаетъ долги, чтобы имѣть предлогъ не ѣхать въ Россію, и совѣтуетъ заманить его какъ-нибудь въ Гагу или въ Лондонъ общаніемъ императорской милости, и оттуда уже черезъ посольство отправить на корабль въ Петербургъ. «Долги его, замѣчаетъ онъ, можно заплатить послѣ его отъѣзда изъ Женевы, поручившись за него, лишь бы только заставить его возвратиться въ Россію». Что стало съ Левкинымъ потомъ, намъ неизвѣстно.

Помня совѣтъ русскаго посла въ Голландіи, графа Ивана Головкина, при личномъ ихъ свиданіи въ Гагѣ, — сойтись съ цезарскимъ посломъ въ Англіи, графомъ Кинскимъ, Кантемиръ послѣднимъ, на другой же день по своемъ прибытіи въ Лондонъ, сдѣлать ему визитъ «нартикулярно», имѣя къ нему письмо отъ его брата. Графъ Кинскій на слѣдующій же день отдалъ ему визитъ и затѣмъ постоянно былъ съ нимъ въ дружеской связи, чего требовали и политическіе виды обѣихъ имперій. Но не такъ скоро произошло сближеніе Кантемира съ другими иностранными послами. Они требовали отъ него перваго визита, онъ же находилъ это предосудительнымъ для русскаго имени и выжидалъ ихъ визитовъ; однимъ словомъ, и здѣсь повторилось то же самое, что случалось и прежде съ русскими послами. Пустой вопросъ о визитахъ всегда былъ первымъ вопросомъ, какъ какое-нибудь важное политическое дѣло, и возбуждалъ многіе споры.

Первые переговоры русскаго резидента съ англійскимъ министерствомъ касались императорскаго титула, котораго Англія не признавала за русскими государями, и назначенія знатной особы со стороны Англіи посломъ въ Петербургъ. Вопросъ о «титулатурѣ» безпрестанно отклонялся англійскими министрами, не смотря на то, что Кантемиръ часто возобновлялъ его, побуждаемый къ тому русскимъ дворомъ. Что же касается назначенія посла, то, послѣ долгихъ переговоровъ и обѣщаній, которыми выполнялись депеши Кантемира, наконецъ, онъ могъ

¹⁾ Москв. арх. ин. дѣл. Англ. дѣла 1732 г. № 12.

объявить, 13 октября 1732 г., что назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ къ русскому двору милордъ Форбесъ (Forbes), капитанъ морского флота, но съ условіемъ, чтобы и въ Лондонъ со стороны Россіи былъ назначенъ также чрезвычайный посолъ. Черезъ мѣсяцъ послѣ того (10 ноября), Кантемиръ, описывая свое отношеніе къ лондонскому двору, замѣчаетъ: «Съ самаго моего приѣзду до сегодни какъ отъ короля, такъ и отъ всей королевской фамиліи получаю всегда благосклонный пріемъ.» Тогда послѣдовалъ къ нему вопросъ изъ Петербурга: будетъ ли пріятно лондонскому двору назначеніе Антиоха чрезвычайнымъ посланникомъ? На это Кантемиръ успѣшилъ отвѣтить слѣдующее: «Гаринтонъ и Горасъ Вальполь сказывали, что король писалъ къ Рондау, своему министру (въ Петербургѣ), чтобы представилъ императрицѣ, что онъ отправленіемъ Кантемира къ английскому двору весьма доволенъ, и что ему будетъ пріятно, если онъ же будетъ и чрезвычайнымъ посланникомъ.» При этомъ Кантемиръ объявляетъ, что онъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Горасомъ Вальполемъ, что они часто посѣщаютъ другъ друга; «то же самое можно бѣ дѣлать и съ его братомъ, прибавляетъ онъ, еслибы тотъ зналъ по французски.» Другими словами: у нихъ не было общаго языка, на которомъ они могли бы свободно говорить, такъ какъ Кантемиръ еще не успѣлъ научиться по-английски. Скоро послѣ того, Кантемиръ былъ объявленъ чрезвычайнымъ русскимъ посломъ при лондонскомъ дворѣ; но объ увеличеніи содержанія при этомъ не было и рѣчи. Хотя чести прибыло, но матеріальное положеніе русскаго посланника нисколько не улучшилось. Милордъ Форбесъ долго медлилъ явиться къ русскому двору, за что Кантемиру приходилось оттуда получать выговоры.

Въ 1733 году, начинаются въ Европѣ споры за польскій престолъ. Россія становится во враждебныя отношенія къ Франціи, которая вооруженною рукою поддерживала Станислава Лещинскаго. Русскому правительству нужно было вступить съ Англійей въ болѣе тѣсныя отношенія, чтобы привлечь ее на свою сторону противъ Франціи, и въ случаѣ нужды воспользоваться ея помощью. Объ этомъ Кантемиру пришлось вести длинныя переговоры, но такъ какъ для Англійи не было никакой выгоды приставать къ той или другой сторонѣ (ей только нужно было держать во враждебныхъ отношеніяхъ Францію съ Россіей), то лондонскій кабинетъ ограничивался неясными отвѣтами и двусмысленными обѣщаніями, и, увѣряя русскаго посланника въ расположеніи и дружбѣ, не принималъ въ дѣлѣ такого участія, какого хотѣлось русскимъ министрамъ. Имъ было нужно пособіе

въ англійскомъ флотѣ въ то время, когда Франція выслала свою эскадру въ Балтійское море. Петербургскій флотъ оказался въ такомъ упадкѣ и въ такой неисправности, что нужно было много трудовъ и усилий, чтобы привести его въ удовлетворительное состояніе и дать ему возможность выдти изъ Кронштадта. А между тѣмъ время не терпѣло замедленія. Кантемиръ не разъ начиналъ рѣчь съ Вальполемъ и Гарингтономъ о томъ, чтобы Англія съ своей стороны поспѣшила выслать эскадру въ Балтійское море, представляя тѣ выгоды, которыя Англія могла бы извлечь, имѣшавшіеся въ дѣло. Ему какъ будто общали, но въ то же время медлили и чего-то выжидали. Русское правительство раздражалось въ нетерпѣливомъ ожиданіи, посылало своему послу депешу за депешами, но онъ болѣе ничего не могъ сдѣлать.

7 мая 1734 года, Остерманъ писалъ Кантемиру: «Мы получили черезъ нарочнаго извѣстіе, что французскіе корабли на Гданскомъ рейдѣ уже показались, и потому рекомендую вашей свѣтлости свои домогательства объ отправленіи англійской эскадры въ море Балтическое какъ возможно возобновить; и подлинно есть, что ежели намѣреніе есть противъ Франціи себя дешировать, то имѣется нынѣ случай — съ великимъ авантажемъ вдругъ дѣло въ Сѣверѣ окончить и Франціи знатный ущербъ учинить разореніемъ сей эскадры, которая будто въ мѣшкѣ имѣется и спастись не можетъ, а наша эскадра къ выходу совсѣмъ готова 1).»

Эти послѣднія слова о нашей эскадрѣ должны были имѣть значеніе въ домогательствѣ Кантемира передъ англійскими министрами, но на самомъ дѣлѣ они не представляли никакой силы. Въ какомъ несчастномъ положеніи былъ въ это время русскій флотъ, сообщаетъ намъ Манштейнъ въ своихъ «Запискахъ». «Въ царствованіе Екатерины I, говоритъ онъ, флотъ сталъ падать, а при Петрѣ II онъ былъ совсѣмъ заброшенъ. Анна, по воцареніи, хотѣла привести его въ лучшее состояніе и съ этою цѣлью назначила особую комиссію. Но дѣло такъ мало подвинулось впередъ, что, когда въ 1734 году хотѣли запереть Данцигъ со стороны моря, адмиралтейство во всемъ увидѣло недостатковъ и только съ большимъ трудомъ въ состояніи было вооружить пятнадцать линейныхъ кораблей, которые адмиралъ Гордонъ повелъ къ Данцигу, да и эти корабли были еще въ такой неисправности, что если бы Франція имѣла въ морѣ съ этой стороны восемь или девять кораблей, то по всей вѣроятности

1) Москов. арх. иностр. дѣл. Англ. дѣла. 1734 г.

сти русскій флотъ не посмѣлъ бы выйти изъ Кронштадтскаго порта»¹⁾).

Когда адмиралтейство, въ 1733 году, приступило къ исправленію флота, то оказался крайній недостатокъ въ капитанахъ, знающихъ свое дѣло, такъ что оно принуждено было обратиться къ Кантемиру съ порученіемъ ангажировать въ русскую морскую службу иностранцевъ, предлагая жалованья сверхъ штата по сорока рублей въ мѣсяць²⁾. Штатное жалованье капитанамъ кораблей было три тысячи рублей. Но вдругъ трудно было найти нужное число даже при выгодныхъ предложеніяхъ.

Кантемиръ, видя малый успѣхъ переговоровъ съ англійскимъ министерствомъ, выражалъ петербургскому кабинету сомнѣніе въ возможности извлечь какую-либо существенную пользу и полагаться на неопредѣленные обѣщанія. «Я одного съ вашею свѣтлостію въ томъ мнѣніи—писалъ ему Остерманъ, отъ 4 іюня 1734 г.—и по всѣмъ происхожденіямъ видно, что пока Англія прямо противъ Франціи въ войнѣ участія не восприметь, то до тѣхъ мѣстъ о ближайшемъ соединеніи съ нами вовсе уповать невозможно.»

Скоро Россія кончила войну, безъ постороннихъ пособій, взятіемъ Данцига. Англія принесла ей ту пользу, что не мѣшала ей и не пугала союзомъ съ ея врагами. Но польское дѣло совершенно еще не кончилось. Между Австріею и Франціею возгорѣлась война, въ которой Станиславъ Лещинскій могъ надѣяться на нѣкоторый успѣхъ. Россія продолжаетъ опасаться, чтобы морскія державы (Англія, Голландія, Швеція) не приняли въ этомъ дѣлѣ какого-либо вреднаго для нея участія, что и выразилось въ рескриптѣ Кантемиру отъ 18 января 1735 г.:

«Станислава Лещинскаго, яко древняго и явнаго нашего непріятеля, возведеніе на польскій престолъ никогда допустить не можемъ, но паче законно-избраннаго короля Августа III со всею силою на польскомъ престолѣ содержать должны, и отъ таково своего твердаго намѣренія никогда не отступимъ. Но понеже морскія державы до сего времени не токмо при своихъ добрыхъ офиціяхъ остаются, но сколь видно, и съ немалою горячностію оныя въ дѣло и въ дѣйство производить стараются, о польскихъ дѣлахъ къ министрамъ нашимъ отозваться и объ нихъ будто о такихъ, которыя возстановленію покоя главнымъ препятствіемъ быть могутъ, толковать начинаютъ и едва ли не о какомъ мирномъ планѣ между собою согласуются; и съ другой стороны,

¹⁾ «Mémoires sur la Russie», par Manstein. Supplement.

²⁾ Моск. арх. Мин. ин. дѣл. Англ. д. 1733 г. № 14.

Франція, можетъ быть, всягдѣ неосновательныя внушенія обыкновенными своими интригами о нашихъ въ тѣхъ польскихъ дѣлахъ намѣреніяхъ учинить не оставляетъ, и для того только и наче потребно со всякимъ прилежаніемъ и ревностію предостерегать, чтобъ оныя державы особливо въ польскихъ дѣлахъ ни къ чему себя склонить не допустили, ниже сами чего постановили, еже бѣ вышеписанному нашему намѣренію противно быть могло.»

Далѣе, объявляется Кантемиру, что привязано графу Головкину, русскому послу въ Голландіи, «гдѣ нынѣ негоціація» происходитъ, чтобъ обо всѣхъ дѣлахъ, касающихся до тамошняго двора, «съ вами всегда надлежащее сношеніе имѣлъ.» Въ другихъ рескриптахъ, отъ 5 и 15 апрѣля, повторяются подобныя же объявленія, что графу Головкину посланы «изъясненія мнѣнія о поступахъ съ вашей стороны, касающихся до предложеннаго отъ морскихъ державъ извѣстнаго примирительнаго плана», и что повелѣно послу переслать Кантемиру коши съ подробнѣйшими при томъ наставленіями, «какъ онъ самъ въ Голландіи, а вамъ при англійскомъ дворѣ, въ томъ поступать заблагоразсудитъ, дабы въ обоихъ мѣстахъ поступки ваши сходны и согласны быть могли.»

Такимъ образомъ, главный интересъ польскаго вопроса теперь сосредоточился въ Голландіи. Русскому послу при лондонскомъ дворѣ оставалось еще одно дѣло: добиться того, чтобъ получить отъ англійскаго короля обѣщаніе не противиться участію русскихъ министровъ «въ генеральной мирной негоціаціи и конгрессѣ», на которомъ предполагалось, между прочимъ, устроить и польскія дѣла. Король обѣщалъ Кантемиру свое содѣйствіе.

Другое дѣло, занимавшее въ это время русское правительство, было — стремленіе разорвать союзъ Швеціи съ Франціею, союзъ, который казался опаснымъ для Россіи, такъ какъ Франція была болѣе всего извѣстна русскому кабинету со стороны своихъ интригъ, направленныхъ противъ выгодъ русскаго государства: она легко могла подбить Швецію къ войнѣ съ Россіей, чего никакъ не могло желать русское правительство. Оно боялось движенія со стороны Швеціи во время польскаго дѣла, такъ какъ шведскій флотъ могъ бы сильно повредить ему. Теперь намѣреніе его было склонить Швецію къ заключенію союза съ Англійей, которой и совѣтовало умножить шведскія субсидіи. Англія была не прочь отъ союза, но дѣйствовала такъ нерѣшительно, что Россія одна заключила оборонительный союзъ съ Швеціей и, сдѣлавъ Англійѣ въ родѣ упрека, прекратила съ нею объ этомъ дѣло. Вотъ, объявленіе, присланное Кантемиру русскимъ правительствомъ; послѣ извѣстія объ оборонительномъ

союзѣ, заключенномъ съ Швеціею посломъ Бестужевымъ, слѣдуетъ: «И для полученія сего намѣренія, на все то поступили, что съ шведской стороны только отъ насъ востребовано было, и хотя при томъ къ дачѣ такихъ субсидій не обязались, однакожь платежъ нѣкотораго знатнаго имѣющаго отъ голландцевъ на Швецію долгу на себя перенимаемъ и на многія иныя Швеціи весьма полезныя кондиціи соизволили, и что мы сіе не для чего иного учинили, окромѣ того, чтобъ оную корону какимъ ни есть способомъ удержать, дабы она, какъ джокъ Нейкастль не безъ основанія самъ опасался (по донесенію Кантемира), во все себя французамъ въ руки не отдала, толь наипаче, когда съ англійской стороны къ преклоненію оной въ свой союзъ столь малою ревностію поступлено, что едино отъ того Франція случай получила свой трактатъ съ нею заключить¹⁾».

Не смотря на то, что нѣкоторыя дѣла съ Англіею не удавались такъ, какъ хотѣлось бы русскому правительству, Кантемира не обвиняли въ этомъ; имъ были, повидимому, довольны. Съ другой стороны, и въ Лондонѣ къ нему относились съ уваженіемъ, особенно въ королевскомъ семействѣ, гдѣ онъ принималъ участіе въ собраніяхъ и бесѣдахъ. Каждый разъ онъ передавалъ въ своихъ депешахъ тѣ рѣчи, которыя касались русской императрицы.

Такъ, вскорѣ послѣ своего приѣзда въ Лондонъ, онъ доносилъ, что англійская королева, бесѣдуя съ нимъ, спрашивала его о здоровьѣ императрицы и совѣтовала ей прохаживаться, «понеже я слышу, что мало пѣшкомъ гуляетъ, а движеніе то весьма здравію полезно²⁾». Затѣмъ королева разспрашивала его о возрастѣ, о лицѣ, о правахъ Анны, и въ разговорѣ, воснущись Петра Великаго, замѣтила, что предпочитаетъ его всѣмъ государямъ.

Намъ извѣстно, что императрица Анна съ своей стороны также много интересовалась англійскою королевою. Леди Рондо, въ одномъ изъ своихъ писемъ, излагая свою бесѣду съ нею, прибавляетъ: «Императрица много разспрашивала меня объ Англіи, особенно же о королевѣ. Она сказала, что весьма хотѣла бы ее видѣть и очень охотно отправилась бы на встрѣчу ей, чтобы устроить свиданіе на половинѣ дороги³⁾».

Въ 1734 году, королева даже выразила желаніе начать переписку съ Анною, указавъ при этомъ на тѣ мелкія затрудне-

¹⁾ Моск. арх. ин. дѣлъ. Анг. д. 1735 г.

²⁾ Тамъ же, 1732 г. 1 авг.

³⁾ *Lettres d'une dame anglaise*. 1776, p. 63.

ніа, которыя до сихъ поръ удерживали ее отъ исполненія ея намѣренія. По этому случаю императрица писала Кантемиру: «Что вамъ лордъ Форбесъ сообщилъ о намѣреніи королевы о начатіи съ нами корреспонденціи, токмо что ея величество не знаетъ, на какой бумагѣ къ намъ писать. Вы можете черезъ Форбеса или черезъ кого другаго дать знать, что намъ весьма пріятно будетъ, ежели она изволитъ писать къ намъ отъ себя партикулярно граматы не токмо на почтовой, но хотя бы и на простой бумагѣ, а, напротивъ того, взаимно ея величеству надлежащимъ образомъ отвѣтствовать не оставимъ; а въ титулатурѣ нашей императорской при томъ никакого затрудненія быть не надѣмся, понеже и отъ самого короля въ граматахъ оный намъ дается ¹⁾».

Намъ неизвѣстно, была ли послѣ этого частная переписка между обѣими государынями.

II.

Переписка о сочиненіяхъ противъ Россіи. — «Московскія письма». — Тревога Остермана. — Графъ Локателли, и описанныя имъ бѣдствія его въ Россіи. — Характеристика русскихъ министровъ. — Народные нравы. — Ошибочный взглядъ иностранцевъ на Россію. — Сношеніе Остермана съ послами объ уничтоженіи «Московскихъ писемъ». — Деша Кантемира объ авторѣ «Писемъ» и объ единственномъ средствѣ наказать его.

Въ сношеніяхъ Кантемира съ русскимъ дворомъ и министрами обращаетъ особенное на себя вниманіе переписка о сочиненіяхъ, которыя печатались въ Европѣ противъ Россіи. Вскорѣ послѣ своего пріѣзда въ Лондонъ, Кантемиръ получилъ отъ Остермана слѣдующее письмо (16 мая): «Предъ недавнимъ временемъ, въ нѣкоторой аглинской печатной газетѣ, называемой *Evening Post*, отъ 6 апрѣля нынѣшняго (1732) года, экстрактъ изъ одного секретнаго изъ Берлина письма, зловымышленною и весьма предосудительною вѣдомостію о нѣкоторой чрезъ господъ графовъ Левенвольдовъ и Ягужинскаго (русскаго посланника въ Пруссіи) въ Берлинѣ будто введенной негоціаціи внесень, при чемъ и противъ здѣшняго министерства и всего государства непристойныя и прöderзностныя экспрессіи употреблены. Я не могъ оставить къ вашей свѣтлости о томъ писать...» Далѣе, Остерманъ требуетъ узнать, во что бы то ни стало, хотя бы съ издерж-

¹⁾ Моск. арх. ин. дѣль. Англ. д., 1735 г. янв. 18.

ками, объ авторѣ письма ¹⁾. Въ тонѣ министра слышится неудовольствіе, что Кантемиръ проглядѣлъ эту статью и не донесъ о ней русскому двору, который узналъ о ней изъ другихъ источниковъ. Принявъ все это за выговоръ, Кантемиръ старался оправдаться въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 9 іюня: «Трудно знать все то, что въ семь городѣ повсядневно печатается... Все мнѣ одному высматривать невозможно, наипаче что не весьма по англицки разумѣю и человекъ къ тому способнаго при себѣ не имѣю. Однако, по силѣ и возможности стану искать способъ, чтобъ объ артикулахъ, предосудительно двора нашего касающихся, впередъ лучше былъ я увѣдомленъ, понеже уже указъ вашего сіятельства имѣю таковыя вѣдомости опровергать... Да и то, сіятельный графъ (прошу прощенія смѣлости моей), державо сказать, что не весьма легко то учинити можно, и не знаю, будетъ ли гораздо полезно, потому что здѣшній народъ воленъ и убѣждается болѣе о томъ говорить, что говорить запрещено...»

Кантемиръ, дѣйствительно, употребилъ большія старанія, чтобы узнать имя автора упомянутой статьи, но все было напрасно. Онъ даже призывалъ къ себѣ редактора газеты и требовалъ, чтобъ тотъ назвалъ ему автора и показалъ бы письмо; но редакторъ уклонился отъ этого, увѣривъ, что письмо прислано безъ подписи, и обѣщалъ, по словамъ Кантемира, впередъ быть осмотрительнѣе и не печатать подобныхъ «оскорбительныхъ для русскаго двора писемъ».

По этому дѣлу Кантемиръ писалъ въ Остерману нѣсколько писемъ и, наконецъ, успокоилъ министра.

Еще болѣе хлопотъ надѣлало Кантемиру другое сочиненіе, уже не газетная статья, а цѣлая книга, которая сильно возмутила русскихъ министровъ.

14 ноября 1735 года, Кантемиръ писалъ Остерману: «На сихъ дняхъ явилась здѣсь въ осьмушку книга, печатная на французскомъ языкѣ въ Парижѣ чрезъ Huart l'ainé: «Lettres moscovites», о которой нужно мнѣ показалось вашему сіятельству покорно донести, понеже на сколько я ни видалъ изданныхъ до сихъ поръ сатиры, сія съ крайнѣйшею безстыдностію и продерзостию порекаетъ двухъ министровъ и весь народъ російскій, одну высочайшую ея императорскаго величества и принцевъ крови особъ выключая. Авторова имя утаено, только довольно обстоятельствъ въ книгѣ находится, которыя въ С.-Петербургѣ будучи извѣстны, легко по онимъ его дознаться. Для того при семъ нѣкоторыя опишу: 1) называется онъ итальянцемъ,

¹⁾ Моск. арх. ин. дѣлъ. Англ. д. 1732 г.

именемъ подложнымъ Рокафортомъ; 2) прѣхалъ онъ въ С.-Петербургъ 1733 г., гдѣ знакомъ былъ графу Савѣ Владиславичу ¹⁾, котораго много хвалить, купцу Мариоти и профессору Денлию ²⁾, у котораго, сказывается, и въ домѣ жилъ; 3) при отправленіи профессоромъ въ Камчатку ³⁾, онъ съ ними ѣхалъ до Казани, гдѣ отъ губернатора яко спіонъ (шпіонъ) французскій заарестованъ и присланъ въ С.-Петербургъ, гдѣ довольно держался. Я надѣюсь, что ваше сіятельство соизволите меня наставить, какимъ образомъ съ моей стороны я долженъ поступать въ опроверженіи сей книги, которая наипаче вашего сіятельства и другихъ господъ чужеземныхъ въ російской службѣ касается, которыхъ самъ авторъ неслыханными порекаетъ бранью, а издатель въ приложенномъ предисловіи именно грозитъ, что если на него будетъ какая отъ васъ жалоба, то намѣренъ печатать особливую недѣльную газету, въ которой всю жалчь свою испуститъ имѣть. Если ваше сіятельство за благо приметъ изволите, то я могу чрезъ кардинала Шавиньи (французскаго посла въ Лондонѣ) привести нужныя жалобы кардиналу де-Флери (первому министру во Франціи), который, надѣюсь, что издателю не оставитъ сію продерзость безнаказанною, что все смѣлость имѣю вашему сіятельству предлагать для показанія моей ревности въ защищеніе славы моего отечества и партикулярно въ предостереженіи вашего сіятельства чести, будучи чистосердечно и съ искреннимъ почтеніемъ и пр.»

Можно себѣ представить, какъ взволновало самолюбиваго Остермана извѣстіе о книгѣ, хотя онъ еще и не зналъ подробностей ея содержанія. Онъ тотчасъ же приказалъ навести справку объ авторѣ по тѣмъ примѣтамъ, которыя были выставлены Кантемиромъ, и отвѣчалъ ему слѣдующимъ письмомъ:

«Ваше сіятельство сами весьма изрядно разсудить изволите, необходимо нужно, чтобъ оное бездѣльное изданіе, яко пасквильной *либелъ* не токмо немедленно опровержено и конфисковано, но извѣстной онаго авторъ за такую его безстыдную и злостную продерзость чувствительно и жестоко наказанъ былъ... Ваше сіятельство по собственному своему благоразсужденію всякимъ образомъ какъ чрезъ упомянутаго въ письмѣ вашемъ французскаго въ Лондонѣ министра Шавиньи, также и чрезъ другіе вашему сіятельству наилучше извѣстные способы стараніе свое прилагать будете, дабы чрезъ такую пасквильную книгу противъ

¹⁾ Рагузинскому.

²⁾ De l'Isle, профессоръ астрономіи при Академіи наукъ.

³⁾ Извѣстная камчатская экспедиція.

здѣшняго двора показанная продервостная наглость, при французскомъ дворѣ въ достойное разсужденіе взята, и оной пасквильной либелъ, какъ съ такими изданіями обменовенно чинится, надлежащимъ образомъ конфискованъ и публично сожженъ, а авторъ по достоинству его жестоко наказанъ былъ, и яко такіа продерзости нигдѣ не допускаются и безъ наказанія не оставляются, тако и здѣшній дворъ отъ французскаго въ томъ съклонную атенцію ожидать имѣеть, понеже не токмо всѣ понимѣ бывшіа несогласія общимъ примиреніемъ совершенно прекращены, но и съ здѣшней стороны освобожденіемъ маркиза Демонтія ¹⁾ дѣйствительно уже учиненными учрежденіями особливаго къ французскому двору консидація довольно засвидѣтельствована, яко по отправленнымъ отсюда указамъ оной Монти нынѣ уже безъ сумнѣнія въ свободности находится, хотя по воинскому резону довольное право имѣлось его до совершеннаго мира заключенія не отпускать.»

Едва Остерманъ отправилъ это письмо, какъ получилъ отъ Кантемира другое, столь же неприятое. Русскій посланникъ пишетъ, что книга эта уже переведена и на англійскій языкъ «съ прибавкою нѣвазкихъ толкованій и скоро въ печать будетъ издана, которая въ здѣшнемъ народѣ вѣрою можетъ учинить импрессию, зачѣмъ трудно будетъ вызывать отсюда мастеровыхъ людей въ службу; чего ради вашему сіятельству покорно доношу, что нужно сдѣлать на оную потребное опроверженіе.»

Это извѣстіе еще болѣе возмутило Остермана. Въ отвѣтной депешѣ, отъ 13 декабря, уже отъ имени императрицы онъ пишетъ Кантемиру, не иначе называя «Lettres moscovites» какъ книжкою «предосудительными противъ нашего государства, ложными и злостными вымышленіями наполненной». Затѣмъ высказываетъ догадку, что авторъ этой книжки есть «извѣстный тотъ обманщикъ, который въ 1733 г. за весьма подозрительные его поступки здѣсь задержанъ былъ». Наконецъ, требуется отъ Кантемира приложить всевозможныя старанія, «чтобы изготовленный на англійскій языкъ съ оной книжки переводъ къ напечатанію и опубликованію въ народъ допущенъ не былъ; но паче оная книга, яко пасквиль, надлежащимъ образомъ и подъ жестокииъ наказаніемъ конфискована и запрещена была, о томъ именемъ нашимъ всякія пристойныя и удобныя представленія при англійскомъ дворѣ и министерствѣ употреблять надлежитъ.»

¹⁾ Французскій посолъ при польскомъ дворѣ маркизъ Монти, взятый въ плѣнъ Минихомъ при сдачѣ Данцига. Вместе съ своимъ секретаремъ Терсею онъ содержался 18 мѣсяцевъ сперва въ Мариенбургѣ, потомъ въ Торнѣ.

Но въ этомъ дѣлѣ гнѣвъ уже слишкомъ далеко завелъ министра, и поставилъ его въ прямое противорѣчiе съ истиною. Эпитетъ «извѣстный обманщикъ», отнесенный къ автору книги, никакъ не согласуется съ сдѣланными о немъ справками, которыя были приложены къ депешѣ, и по которымъ видно, что онъ былъ оправданъ судомъ русскихъ сенаторовъ отъ взведенныхъ на него подозрѣнiй. Для большей ясности дѣла, мы приведемъ и самыя справки въ той формѣ, въ какой онѣ были сдѣланы.

«Въ 1733 г. декабря 13, присланъ изъ Москвы, изъ сенатской конторы, въ сенатъ итальянецъ графъ Локателли, о которомъ объявлено, что онъ въ ту контору присланъ отъ казанскаго губернатора, а въ Казани его, Локателли, объявилъ профессоръ Делаacroеръ ¹⁾, а въ допросахъ въ Казани и въ сенатѣ показалъ, что побѣхалъ онъ изъ Парижа въ томъ же году въ генварѣ мѣсяцѣ отъ приневоленной ему женитьбы въ Россiю чрезъ Гданскъ (Данцигъ) подъ чужимъ пашпортомъ для того, что онъ впалъ въ бѣдность и не признали бѣ, что онъ воинскiй человекъ, ибо генераль-фельдмаршала графа фонъ Миниха сынъ ²⁾ въ Парижѣ во многихъ мѣстахъ его видалъ, и жилъ въ С.-Петербургѣ не тайно. А какъ академiи профессеры отправились въ Камчатку, то и онъ съ ними до Казани по просьбѣ, объявивъ о себѣ купецкимъ человекомъ, побѣхалъ; а отъ Казани намѣренъ былъ ѣхать въ низовый корпусъ, гдѣ обрѣтался генераль-лейтенантъ, ландграфъ князь Гесенъ-Гомбургскiй ³⁾, для принятiя вашего императорскаго величества службы и въ Казани губернатору о настоящемъ своемъ имени, чтобы ему туда ѣхать было свободно, объявилъ.... По разсужденiю сенатскому, подозрѣнiя за нимъ не признаются: ежели бы онъ, Локателли, выѣхалъ для какого шпионства, то бѣ онъ для корреспонденцiи жилъ въ С.-Петербургѣ, или бѣ побѣхалъ на Украину и въ Польшу, изъ чего видно, что онъ ѣхалъ въ низовый корпусъ для принятiя той службы въ такое отдаленное мѣсто, гдѣ шпионства или переписокъ въ европскiя государства чинить не можно и опасности бѣ оттого не было. Того ради сенатъ вашему императорскому величеству всеподданнѣйше доносить, не соизволить ли ваше императорское величество указать онаго Локателли по желанiю его опредѣлить въ службу въ низовый корпусъ или изъ Россiи его выслать на корабляхъ, куда онъ ѣхать похочетъ. Юля 28.» На томъ донесенiи написано: «От-

¹⁾ Откомандированный Академiею наукъ въ камчатскую экспедицiю.

²⁾ Русскiй повѣренный въ дѣлахъ во Францiи.

³⁾ Командующiй низовыми войсками

пустить изъ Россіи на корабляхъ и дать ему на дорогу сто рублевъ. *Анна*. Октября 15 дня 1734 1).

При допросѣ, Локателли показаль о себѣ:

«Францискъ Андреевъ сынъ графъ Локателліи родился въ Бергоме, 43 лѣтъ, до 15 лѣтъ жилъ въ ономъ городѣ, а потомъ ѣздилъ во итальянскихъ и французскихъ городахъ при войскахъ валентиромъ (волонтеромъ), а въ 710 или въ 711 году отъ французскаго короля пожалованъ во французскій драгунской Бозелій полкъ капитаномъ, а въ 718 или въ 719 году опредѣленъ былъ въ драгунскіе же полки за полковника.

«А во взятыхъ у него письмахъ явилось писанное по французски описаніе мѣсть около Волги, описаніе отъ Нижняго Нова-города разныхъ мѣсть и городовъ, на какихъ мѣстахъ и какъ построены и разстояніе отъ мѣста до мѣста и подъ какимъ градусомъ и пр.

«О принятіи въ службу въ С.-Петербургѣ не просилъ, потому что онъ о чинѣ своемъ никакого свидѣтельства и абшеть не имѣеть, и увидалъ, что безъ того принять не будетъ.»

Здѣсь же приложены и жалобы Локателли изъ-подъ ареста на крайне дурное содержаніе, причемъ онъ просить освободить его и, доказывая свою невинность, описываетъ свою жизнь въ Петербургѣ по прибытіи изъ-за границы подъ именемъ бунца Рокафорта 2).

Чтобы понять то раздраженіе, которое возбудила книга Локателли въ русскихъ дипломатахъ того времени, преимущественно же въ нѣмцахъ, бывшихъ въ русской службѣ, считаю необходимымъ познакомить читателей съ ея содержаніемъ. Мѣткія замѣчанія автора о нѣкоторыхъ сторонахъ русской жизни XVIII-го вѣка обращаютъ на себя особенное вниманіе; желчность же его словъ объясняется тѣмъ положеніемъ, въ которое онъ былъ поставленъ несправедливымъ годичнымъ арестомъ. Русскіе министры, зная за собою множество грѣховъ, боялись всякой печатной рѣчи о себѣ за границей; тѣмъ болѣе должна была ихъ встревожить такая рѣчь, за которой они не могли не признать много правды; и тѣмъ труднѣе было опровергнуть ее, тѣмъ больше злобы противъ автора книгѣю въ нихъ самихъ.

Въ предисловіи 3) въ своей книгѣ, авторъ извиняется передъ

1) Копія съ сенатскаго донесенія императрицѣ.

2) Моск. арх. иностр. дѣл. Анг. дѣла, 1735 г.

3) На заглавномъ листѣ книги стоитъ слѣдующій эпиграфъ изъ Лукреція:

Suave, mari magno turbantibus aequora ventis
Et terra magnum alterius spectare laborem.

своими читателями за неисправный французскій слогъ, называя себя человѣкомъ военнымъ и итальянцемъ, и замѣчая, что онъ предпринялъ этотъ маленькій трудъ единственно для удовлетворенія любопытства одного изъ своихъ задушевныхъ друзей. Этимъ онъ оправдываетъ форму своего сочиненія: оно состоитъ изъ писемъ къ пріятелю; но тонъ ихъ говоритъ не объ удовлетвореніи пріятельскаго любопытства, а о мщеніи, которое онъ ставилъ цѣлью своего труда. Въ книгѣ его должно различать его собственныя наблюденія отъ выводовъ и догадокъ, которыя онъ дѣлалъ по описаніямъ и разсказамъ другихъ иностранцевъ, встрѣчавшихся съ нимъ въ Россіи, особенно профессоровъ Академіи наукъ. Эти выводы сдѣланы наскоро изъ поверхностныхъ наблюденій, безъ основательнаго знанія русской земли, и потому большею частію невѣрны; они интересны развѣ только въ томъ отношеніи, что знакомятъ со взглядомъ на Россію иностранцевъ, неприннадлежавшихъ къ русской администраціи, но жившихъ въ ней по своимъ, болѣе частнымъ интересамъ. Зато, собственныя наблюденія и замѣчанія Локателли живо и, по большей части, вѣрно рисуютъ намъ тѣ стороны русской административной жизни и русскаго быта, которыхъ мало касались иностранцы, писавшіе о Россіи. Авторъ находился въ таковой исключительной обстановкѣ, въ какой другимъ не приходилось быть. Конечно, раздражительное состояніе иногда воспламеняло его воображеніе и заставляло на нѣкоторые факты смотрѣть въ увеличительное стекло; но для насъ важенъ не взглядъ его, а самыя факты, которые рисуютъ намъ интересныя картины нашего прошедшаго, и которымъ мы сами сумѣемъ дать настоящій ихъ смыслъ. Русскій, въ глазахъ Локателли, былъ хуже черемиса и татарина, потому что онъ на послѣднихъ посмотрѣлъ только мелькомъ и издали, а съ русскими цѣлый годъ былъ въ близкихъ и самыхъ непріятныхъ сношеніяхъ. Имѣя въ виду его несчастное положеніе, мы извиняемъ его пристрастный и злобный взглядъ и оправдываемъ его сочиненіе отъ названія «злонамѣреннаго пасквиля»: онъ является здѣсь писателемъ озлобленнымъ, но не безчестнымъ; съ намѣреніемъ онъ ничего не преувеличивалъ, а писалъ такъ, какъ ему представлялись факты, сообразно съ его европейскими понятіями о жизни и объ отношеніяхъ между людьми: они оскорбляли и возмущали его, а въ такомъ положеніи человѣкъ хладнокровно и безпристрастно не можетъ относиться къ фактамъ. Мѣстами, впрочемъ, въ немъ видна нѣкоторая сдержанность: онъ какъ будто боится, чтобы его не назвали пасквилянтомъ; такъ, онъ восхваляетъ императрицу Анну, хотя въ доказательство своихъ похвалъ и не пред-

ставляетъ ни одного факта. «Она достойна управлять другими народами, которые сьумѣли бы понять и почувствовать счастье въ ея обладаніи, и изъ которыхъ могли бы явиться при ея дворѣ другіе подданные, чтобъ помогать ей нести тяжесть таковаго обширнаго управленія.» Такимъ образомъ, онъ отдѣляетъ личность императрицы отъ ея правительства и, какъ намъ кажется, съ намѣреніемъ и неискренно употребляетъ эти льстивыя фразы, чтобъ смягчить то преслѣдованіе, которое могло поднять русское правительство именемъ императрицы: въ ея личности онъ относился съ уваженіемъ и съ любовью; слѣдственно, ей не было и причины преслѣдовать его. Здѣсь мы видимъ только умъ и ловкость автора, рѣшившагося мстить словомъ правды, такъ какъ никакого другого средства мести у него не было.

Впрочемъ, передъ публикою авторъ выступаетъ въ роли издателя, замѣчая, что всѣ эти письма попались ему въ руки послѣ кораблекрушенія, и что, вѣроятно, автора ихъ уже нѣтъ въ живыхъ. Цѣль изданія ихъ—удержать каждаго честнаго человѣка отъ путешествія въ Московское государство, гдѣ онъ рискуетъ попасть въ подобное же трагическое положеніе, о которомъ говоритъ «нашъ итальянецъ». Въ этой мысли—объявить автора лицомъ уже умершимъ, видна также уловка отдалить отъ него преслѣдованіе со стороны сильныхъ, а объявленная благонамѣренная цѣль изданія писемъ должна была издателя ихъ выставить съ лучшей стороны въ глазахъ Европы. «Если можно дать вѣру всему тому, говоритъ издатель, что рассказываетъ авторъ этихъ писемъ, то какое понятіе должно себѣ составить о тѣхъ иностранцахъ, которые руководятъ дѣлами этой страны и которые такимъ недостойнымъ образомъ обманываютъ довѣріе лучшей въ свѣтѣ государыни. Неужели довольно только поставить ноги въ Московское государство, чтобы сдѣлаться совершеннымъ москвитомъ (pour devenir tout moscovite). Мнѣ было не совсѣмъ безъизвѣстно поведеніе этихъ министровъ, но я никогда не могъ бы подумать, что они зайдутъ такъ далеко. Я хорошо зналъ, что они стараются только наполнять свои швагулки, чтобъ потомъ уйти въ безопасное убѣжище отъ всякаго рода событій, и, можетъ быть, въ этомъ они правы, потому что легко предсказать, не будучи извѣстнымъ астрологомъ, въ какомъ положеніи они очутятся, если умретъ императрица, которая ихъ теперь поддерживаетъ. Между тѣмъ, какія мѣры они тамъ ни предпринимаютъ, я очень сомнѣваюсь, что имъ удастся избѣжать грозы, которая угрожаетъ имъ, если когданибудь призвуть на тронъ славную принцессу (Елизавету), имѣющую неоспоримыя права на эту корону. Какъ съ нею обращаются эти

министры, уже это одно вопіеть о мщеніи, потому что вмѣсто того, чтобы на нее смотрѣть какъ на несомнѣнную наслѣдницу обширной имперіи, ее довели до того, что ей не чѣмъ поддерживать своего достоинства, ни содержать своихъ старыхъ слугъ, которые соглашаются лучше влечить несчастную жизнь, чѣмъ оставить свою службу. Къ ней до того жестокосерды, что ее держатъ даже въ нѣкоторомъ родѣ рабства, боятся позволить ей составить свой дворъ, такъ что она видитъ себя оставленною всѣми. Виновники всѣхъ этихъ золъ — господа министры-иностранцы, и такъ какъ они чувствуютъ свои вины передъ принцесою, то можно думать, что они приложатъ всѣ старанія, чтобы удалить ее отъ престола. Но, не смотря на всѣ ихъ усилія, сомнительно, чтобы они успѣли. Правда, теперь они — господа, и распоряжаются всѣмъ какъ имъ угодно; но они очень легко могутъ лишиться власти, которая у нихъ въ рукахъ, и которою они такъ безнаказанно злоупотребляютъ, лишь только поднимется вопросъ о такомъ важномъ дѣлѣ, которое должно заинтересовать всѣ европейскія государства. Вотъ, такимъ-то образомъ московиты могутъ вырваться изъ рабства, которому ихъ предали, и я увѣренъ, что они воспользуются такимъ благопріятнымъ случаемъ.»

Послѣдующія событія отлично оправдали такое предположеніе, даже безъ участія европейскихъ государствъ. Тонъ всего этого предисловія нисколько не отличается отъ самыхъ писемъ; вотъ отчего мы предполагаемъ, что его писалъ тотъ же Лователли, объявившій себя умершимъ и назвавшійся здѣсь только издателемъ. Притомъ же дѣлать подобныя предсказанія и съ такою самоувѣренностію могъ только иностранецъ, нѣсколько времени прожившій въ Россіи и имѣвшій досугъ близко наблюдать тамъ всю администрацію и ея обстановку. Издатель старается показать, что онъ знаетъ Россію только по слухамъ, но этимъ онъ хочетъ только замаскировать себя, какъ автора писемъ.

Теперь обратимся къ самымъ письмамъ и сдѣлаемъ изъ нихъ болѣе интересныя извлеченія, такъ какъ самая книга въ настоящее время составляетъ библиографическую рѣдкость, и, сколько намъ извѣстно, о ней еще не говорилось въ нашей литературѣ.

Въ первомъ письмѣ, повторяются почти тѣ же факты, которые намъ извѣстны по сенатскому донесенію о Лователли. Въ маѣ мѣсяцѣ 1733 года, онъ отправился моремъ изъ Данцига въ Петербургъ подъ именемъ итальянскаго купца Роккафорты. Послѣ шестинедѣльнаго затруднительнаго плаванія, онъ наконецъ прибылъ въ русскую столицу, гдѣ, познакомившись съ купцомъ Маріотти, узналъ, что предполагалась война съ Поль-

шею. Вслѣдствіе этого, онъ отдумалъ записаться въ Петербургѣ въ русскую службу, такъ какъ ему пришлось бы идти въ Польшу и сражаться съ французскими войсками, противъ которыхъ онъ не хотѣлъ обнажать шпаги, какъ онъ говоритъ, изъ уваженія къ французской націи. Тогда онъ задумалъ ѣхать къ русскимъ войскамъ, направленнымъ въ Персію подъ предводительствомъ принца Гессенъ-Гомбургскаго, у котораго и записаться на службу. Въ то же время онъ узнаетъ, что петербургская Академія наукъ снаряжаетъ въ Камчатку экспедицію, которая должна отправиться въ непродолжительномъ времени. Познакомившись съ академическими профессорами астрономіи Делилемъ (de l'Isle), и анатоміи — Вернуа, онъ при ихъ помощи нашелъ возможность присоединиться къ откомандированнымъ въ экспедицію и доѣхать съ ними до Казани. Описывая свои сборы, онъ жалуется, съ какимъ большимъ трудомъ получаютъ иностранцы паспорта на выѣздъ изъ Петербурга, замѣчая, что нѣкоторыхъ даже и совсѣмъ не выпускаютъ. Коснувшись Академіи наукъ, онъ прибавляетъ, конечно, повторяя слова знакомыхъ ему профессоровъ, что она находилась въ страшномъ безпорядкѣ и что главные члены, ее составлявшіе, уже требовали себѣ отставки. Благодаря этимъ безпорядкамъ, отправленіе экспедиціи должны были откладывать со дня на день, такъ какъ ничего не было готового. «Уже таковъ обычай страны, при этомъ вѣрно замѣчаетъ онъ: ничего не дѣлается *сегодня*, а все откладывается до *завтра*; испытывать это къ сожалѣнію мнѣ приходилось очень часто: я пробовалъ эти *сегодня* и *завтра* въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ.» Наконецъ, вся компанія отправилась, и Локателли заключаетъ свое первое письмо краткимъ описаніемъ путешествія до Казани водою на лодкахъ.

Во второмъ письмѣ, Локателли извѣщаетъ, что въ Казань прибыли 20 октября при страшномъ холодѣ. Онъ хотѣлъ-было продолжать путь водою до Астрахани; но друзья отговорили его, и онъ рѣшился направиться сухимъ путемъ. Чтобы получить паспортъ, онъ пошелъ къ губернатору, который, по его словамъ, казался человѣкомъ порядочнымъ, путешествовалъ и понималъ по-французски и по-итальянски. Къ нему то нашъ авторъ обратился съ такою рѣчью: «Милостивый государь, я увѣренъ, что если позволительно вводить въ заблужденіе публику по причинамъ, которыя касаются меня одного, то не простиительно обманывать особу съ вашимъ положеніемъ и достоинствомъ. Вотъ мой паспортъ, который выдаетъ меня за купца подъ вымышленнымъ именемъ, тогда какъ я человѣкъ военный. Мое намѣреніе отправиться въ Персію къ принцу Гессенъ-

Гомбургскому, чтобы служить подъ его начальствомъ въ войскѣ ея величества. Прошу васъ, милостивый государь, оказать мнѣ милость и дать конвой, чтобы я могъ продолжать путь въ совершенной безопасности». Я не замедлилъ сказать ему свое настоящее имя, продолжаетъ Локателли, и сообщилъ причины, которыя меня заставили скрыть его. Онъ мнѣ отвѣчалъ довольно вѣжливо, но съ видомъ очень смущеннымъ: «Мнѣ жаль васъ, сказалъ онъ, въ вашемъ несчастіи, и я постараюсь, при первой представившейся okazji, отправить васъ». Послѣ того, спросивъ меня еще разъ о моемъ настоящемъ имени, записалъ его. Его рѣчь была очень обязательна, но, видя, что ей не соотвѣтствуетъ его голосъ и видъ, я ему возразилъ: «Милостивый государь, такъ какъ моя личность можетъ казаться вамъ двусмысленною, то вотъ моя шпага, и я готовъ остаться тамъ, гдѣ вамъ заблагоразсудится, пока вы не узнаете, кто я такой и какого доведенія». На это онъ отвѣчалъ мнѣ: «Не опасайтесь ничего: по вашему виду и по вашей рѣчи я признаю васъ за того, кѣмъ вы себя объявляете; не беспокойтесь ни о чемъ и рассчитывайте на первое мѣсто на корабль, который пойдетъ въ Астрахань.» Послѣ этого я ушелъ отъ него, не зная, впрочемъ, что будетъ; та мгновенная переменна, которую я замѣтилъ въ немъ, не предвѣщала мнѣ ничего добраго.

Локателли поспѣшилъ къ профессору де-ла-Кроеру (Croyere), чтобы рассказать ему о всемъ случившемся, но вслѣдъ за нимъ является плацъ-маіоръ съ шестью солдатами, арестуетъ его и затѣмъ везетъ къ нему на квартиру, гдѣ дѣлается самый строгій осмотръ всѣмъ его вещамъ; затѣмъ, запираютъ его на гауптвахтѣ и приставляютъ у двери солдата съ обнаженною саблею. Послѣ такого поступка, Локателли уже не удерживаетъ своей желчи, и казанскому губернатору въ этомъ письмѣ достается отъ него порядочно.

Черезъ два дня, арестантъ былъ отправленъ обратно въ Петербургъ съ двумя солдатами, но уже сухимъ путемъ. Здѣсь начинается новое описаніе путешествія отъ Казани до Петербурга, только авторъ обращаетъ свою наблюдательность совсѣмъ на другіе предметы. Онъ безпрестанно высказываетъ негодованіе на невѣжество и нечестность правительственныхъ лицъ, жалуется на поведеніе солдатъ, везшихъ его, примѣняя къ нимъ латинскій стихъ: *Quid domini facient, audent cum talia servi!*

«Я долженъ былъ проѣзжать черезъ страну почти совсѣмъ неизвѣстную, сидя въ саняхъ на дощечкѣ, посреди снѣгу, одѣтый подобно дикарю, не находя въ этой обширной пустынѣ ни

что пить, ни что ѣсть.» Проѣзжая черезъ черемисскую деревню, онъ даетъ предпочтеніе черемисамъ, съ которыми на его глазахъ русскіе обращались варварски на томъ основаніи, что тѣ — нехристи. Во всѣхъ этихъ невзгодахъ, прибавляетъ онъ, нѣсколько утѣшало меня только то, что люди, приставленные ко мнѣ, держали себя какъ слуги передъ господиномъ. Я былъ точно ихъ начальникъ и хозяинъ, а не арестантъ, и всегда былъ такъ счастливъ, что могъ сохранять нѣкоторую власть надъ моими стражами и надъ всѣми тѣми, съ кѣмъ мнѣ приходилось имѣть дѣло съ начала и до конца моего увнечества. Московиты по природѣ весьма звѣрскіе, но въ то же время пугливы и трусливы, и лишь только увидятъ, что имъ даютъ отпоръ, они больше уже ничего противъ васъ не посмѣютъ. Трусь обыкновенно — и измѣнникъ, но чтобы не имѣть нужды его бояться, не слѣдуетъ его щадить.» 23 ноября, они прибыли въ Москву. «Здѣсь можно бы полагать, замѣчаетъ Локателли, что я найду губернатора просвѣщеннѣе, справедливѣе и человѣколюбивѣе казанскаго, и что поэтому я скоро получу свободу или по крайней мѣрѣ со мною будутъ обращаться такъ, какъ прилично моему званію. Но московиты вездѣ одни и тѣ же, и въ Москвѣ найдете точно такихъ же, какихъ видѣли въ Казани».

Въ третьемъ письмѣ, Локателли описываетъ свое пребываніе въ Москвѣ. Его привезли въ Кремль въ полицію. «Какъ московиты — заклятые враги остального рода человѣческаго, замѣчаетъ онъ, то арестантъ-иностранецъ былъ для нихъ пріятнымъ зрѣлищемъ, и въ полицію стали приходиться чаще обыкновеннаго.»

Онъ отданъ былъ подъ стражу офицера, вапрала и шести старыхъ солдатъ. Помѣщеніе дано ему въ углу общей залы. Наконецъ, онъ былъ приведенъ къ допросу, но не хотѣлъ отвѣчать стоя, какъ отъ него требовали, такъ что должны были согласиться посадить его. Онъ жалуется, что ему не приносили ѣсть, что поэтому онъ принужденъ былъ покупать пищу на собственныя деньги, поручая одному изъ своихъ стражей, при чемъ его немилосердно обсчитывали и обирали. 27 ноября, его приводили къ губернатору, который только посмотрѣлъ на него и принужденъ былъ выслушать его требованіе, чтобы съ нимъ обращались лучше и дали бы ему другое помѣщеніе. Губернатору, по догадкѣ Локателли, хотѣлось только изъ любопытства взглянуть на него, а не облегчить его участь. Впрочемъ, послѣ жалобы его перевели въ какую-то избу. Сюда же ему принесли одинъ рубль отъ имени императрицы. При видѣ такой милостыни, понятная гордость заговорила въ арестантѣ, и онъ не

хотѣлъ взять денегъ, хотя солдаты простодушно говорили ему: «возьми, возьми, глупый—ты». 2 декабря, онъ былъ отправленъ изъ Москвы въ Петербургъ. Дорогою онъ захворалъ, и подозрѣваетъ, что ему дали ядъ съ намѣреніемъ избавиться отъ него.

Въ слѣдующемъ письмѣ Локателли подробно описываетъ свою арестантскую жизнь въ Петербургѣ. Онъ былъ помѣщенъ въ какой-то сенатской передней и безпрестанно былъ на виду у всѣхъ проходящихъ. На другой день по пріѣздѣ, его повели во дворецъ для допроса. «Меня ввели въ кабинетъ, описываетъ Локателли, гдѣ сначала я увидѣлъ двухъ господъ (seigneurs), сидящихъ за столомъ, и нѣсколько отступя отъ стола еще одно лицо, также сидящее на табуретѣ. Первые были два главные министра ея величества царицы, одинъ иностранецъ, другой — москвитъ ¹⁾; третій, находившійся въ сторонѣ, былъ генераль-прокуроръ. Я подошелъ къ столу съ увѣренностью, какъ только могли это позволить мнѣ мои ноги, потому что онъ съ трудомъ повиновались мнѣ. Иностранный министръ, человекъ довольно статный, заговорилъ первый, спросивъ меня, кто я такой. Я сказалъ ему свое имя и въ то же время выразилъ свое замѣшательство, являсь передъ нимъ въ такомъ непривлекательномъ видѣ. Потомъ онъ сдѣлалъ мнѣ нѣсколько другихъ не важныхъ вопросовъ, на которые я отвѣчалъ, какъ нашелъ приличнымъ. Пока иностранный министръ говорилъ со мною, москвитъ хранилъ глубокое молчаніе и не поднималъ глазъ. Это человекъ необыкновенно толстый въ крошечномъ парикѣ съ кошелькомъ. Такой маленькій парикъ на головѣ такого могучаго тѣла представлялъ столь уморительную фигуру, что въ другомъ положеніи я навѣрно разразился бы смѣхомъ. Что касается до прокурора, то кажется у него не было другого дѣла, какъ слушать то, что говорилось.....

«Извѣстно, что всѣ важныя дѣла, о которыхъ трактуютъ въ настоящее время при русскомъ дворѣ, находятся въ рукахъ министровъ-иностранцевъ, и только для приличія въ нимъ приобщаютъ двоихъ или троихъ изъ русскихъ, но можно сказать навѣрное, что вся сила заключается въ первыхъ. Эти министры-иностранцы такъ крѣпко ухватились за свою власть и такъ умѣютъ поддерживать другъ друга, что на господъ москвитовъ смотрятъ какъ на своихъ подвластныхъ, и тѣ никогда не смѣютъ ничего предпринять, не получивъ прежде согласія другихъ. Иностранный министръ, предлагавшій мнѣ вопросы—первый изъ всѣхъ въ дѣлѣ разсужденій и совѣщаній; но я не думаю, чтобы рѣшеніе важныхъ дѣлъ принадлежало ему одному, хотя онъ и при-

¹⁾ Остерманъ и князь Черкасскій.

нималъ въ нихъ важное участіе. Другіе — придворные господа, они засѣдаютъ на совѣтахъ, на конференціяхъ, на аудіенціяхъ иностранныхъ пословъ; съ ними совѣтуются во всѣхъ скольконибудь важныхъ дѣлахъ. Такъ какъ московиты по природѣ подозрительны, недоувѣрчивы, и думаютъ, что нѣтъ въ мірѣ челоувѣка, на котораго можно бы было положиться съ доувѣрчивостію, то у нихъ всегда и вездѣ назначается какойнибудь надсмотрщикъ, отчего дѣла даже такія, которыя требуютъ величайшей тайны, у нихъ разсматриваются въ присутствіи многихъ лицъ. Я знаю только то, что ни одинъ челоувѣкъ въ Московіи, какими бы талантами ни обладалъ онъ, при самомъ лучшемъ расположеніи оказывать народу услугу, никогда не будетъ въ состояніи успѣть въ своемъ намѣреніи, развѣ съ большими усиліями, потому что постоянными подозрѣніями и недоувѣрчивостію быстро обезкуражатъ его, такъ что онъ потеряетъ свободу духа, которая необходима для дѣлъ, требующихъ скорого исполненія.»

Далѣе, авторъ говоритъ объ устройствѣ сената, о коллегіяхъ, и бранитъ всю администрацію, подчиненную иностранцамъ-министрамъ. Здѣсь конечно, онъ повторяетъ многое съ чужихъ словъ, такъ какъ самъ не имѣлъ возможности наблюдать надъ всѣмъ. «Можетъ быть въ послѣдствіи, продолжаетъ онъ, московиты свергнуть его, которое наложили на нихъ иностранцы, и тогда увидятъ «московскія вечерни», какъ нѣкогда видѣли «вечерни сицилійскія». Ихъ ненависть къ иностранцамъ зашла такъ далеко, что, въ случаѣ подобнаго событія, не останется въ живыхъ ни одного иностранца. Исполнить такое предпріятіе было бы тѣмъ легче, что вся власть иностранцевъ основана только на робости и рабствѣ, въ которое погруженъ весь народъ.»

Помѣщенный, какъ мы сказали, въ сенатской передней и не имѣя покоя, Локателли просилъ черезъ переводчика дать ему лучшее содержаніе. Черезъ три дня его перемѣстили въ секретарскую комнату, гдѣ ему стало покойнѣе отъ людей, но за то его одолѣли разныя насѣкомыя и крысы. Болѣзнь его съ каждымъ днемъ увеличивалась; ему не давали ни пищи, ни доктора, ни цирюльника, который бы обрилъ ему бороду, ни даже его чемодана. Онъ уже сталъ подозрѣвать, что всѣ его вещи украдены. «Всѣмъ извѣстно, замѣчаетъ онъ, что воровство—общая черта между московскимъ народомъ, такъ что никто даже и не стыдится въ этомъ. Большіе и малые, мужчины и женщины безъ стѣсненія присвоиваютъ себѣ чужое добро, только бы попалось подъ руку. Вотъ, почему здѣсь всѣ держатъ себя всегда на сторожѣ и всѣ выказываютъ такое постоянное недоувѣріе другъ къ другу. Петръ Первый обыкновенно говорилъ, что если бы

онъ вдумалъ перевѣшать всѣхъ воровъ въ своемъ государствѣ, то остался бы безъ подданныхъ.»

Въ пятомъ письмѣ, Локателли сообщаетъ, что наконецъ ему прислали доктора, который говорилъ только по-латыни, и не понимая, чѣмъ больной боленъ, ушелъ. Арестантъ продолжаетъ думать, что онъ отравленъ и наполняетъ письмо догадками и доказательствами отравленія. Въ пылу гнѣва онъ даже пускается въ ученныя доказательства, что москвиты происходятъ отъ скифовъ.

Въ шестомъ письмѣ читаемъ, что несчастный узникъ нашелъ возможность вступить въ сношеніе съ профессоромъ Делилемъ, какъ съ своимъ старымъ знакомымъ, жена котораго приняла въ немъ участіе и ежедневно присылала ему обѣды, такъ какъ казенной пищи все еще ему не давали, хотя и обѣщали то отъ имени императрицы. Отъ нечего дѣлать Локателли сталъ царапать ключемъ на столѣ разные бранчивыя итальянскія стихи на русскіихъ, отъ стола перешелъ къ двери и къ стѣнамъ ¹⁾.

Наконецъ, чемоданъ былъ возвращенъ, но запечатанный. Тогда Локателли во время сна своихъ сторожей ухитрился распороть дно чемодана, досталъ изъ него ножницы и обстригъ себѣ бороду, которая уже давно мѣшала ему, непривыкшему носить ее. Сторожа, проснувшись и увидѣвъ его безбородого, пришли въ крайнее смущеніе и повѣрили, что то сдѣлалось колдовствомъ. Подобными комическими сценами со своими сторожами арестантъ тѣшилъ себя и разнообразилъ скучное время затворничества.

Въ слѣдующемъ письмѣ, говоря о подкупности русскихъ людей, онъ прибавляетъ: «Нѣтъ ничего легче какъ узнать тайны кабинета... Я вамъ расскажу, какимъ образомъ вы должны поступать, чтобы похитить всѣ бумаги изъ секретарской комнаты и потомъ положить ихъ на то же мѣсто, такъ что никто о томъ

1) Вотъ образчикъ этихъ стиховъ:

Signori secretari,
 Che il barbiero negate
 Ed il medico non date,
 Siete cervelli rari,
 Voi dite barbier nò.
 Ce ucciderti vò.
 Ma il medico? Io'l sò
 Perche sanarmi può
 O ridicolo absurdo: in fede mio
 Ignorate esser forza questa porta
 Aperta o chiusa sia.

и не узнаеть. Нѣтъ ни одного писца, которымъ бы вы не могли воспользоваться ¹⁾, только поднесите ему стаканъ водки или дайте полтину денегъ. Сторожа-солдаты рѣдко исполняютъ свои обязанности съ должной исправностью: почти всегда найдете ихъ спящими... Но, что еще лучше, эти животныя всегда пьяны, отчего происходятъ между ними постоянная брань и беспорядки. Я часто видалъ за разъ до полудюжины писцовъ въ оковахъ за то, что небрежно исполняли свои обязанности, что впрочемъ ни сколько не мѣшало имъ отлично тѣшиться надъ другими. Кандалы въ Московіи ни по чемъ; чуть кто немного провинится, тотчасъ заковываютъ, такъ что онъ не можетъ двигаться. Утомленный ожиданіемъ своей участи и неизвѣстностью, Локателли нашель, наконецъ, средство тайно отъ своей стражи написать къ министрамъ письмо, въ которомъ, изложивъ свою жизнь, умоляя освободить его. Письмо было передано, но участь узника не облегчилась. Его только перевели въ новую тюрьму и усилили стражу. Въ порывѣ гнѣва онъ снова накидывается на русское правительство и даже доказываетъ полное безсиліе Россіи: «Я очень хорошо знаю, говоритъ онъ, что если судить по извѣстіямъ, которыя печатаются въ нѣкоторыхъ газетахъ, то можно подумать, будто Московія дѣйствительно имѣетъ на готовѣ превосходныя арміи, всѣ составленныя изъ регулярнаго войска. Но повѣрьте мнѣ, всѣ эти извѣстія не имѣютъ никакого основанія и годны на то, чтобъ поугатъ какихъ-нибудь деревенскихъ дворянъ. Я хотѣлъ бы, чтобъ мнѣ показали, гдѣ находятся всѣ эти войска. Въ 1733 году, я видѣлъ, въ какомъ состояніи московское войско, и если оно теперь доходитъ до ста тысячъ, то должно полагать, что его значительно увеличили. Но предположимъ даже, что въ настоящее время въ Московіи дѣйствительно это самое число регулярнаго войска, такъ не принуждена ли она раздѣлить и размѣстить его въ разныхъ мѣстностяхъ? Вамъ хорошо извѣстно, что значительное число требуется для Персіи, и что даже во время мира было бы опасно вывести оттуда войско.»

Въ восьмомъ письмѣ Локателли сообщаетъ, что онъ снова нашель возможность написать письмо въ императорскій кабинетъ, за что стража его опять получила нагоняй. Бумага его была возвращена ему; тогда онъ тихонько выбросилъ пакетъ за окно, предполагая, что кто-нибудь подниметь и передастъ письмо по адресу. Здѣсь же онъ говоритъ о слухахъ, какіе въ нему доходили объ

¹⁾ Въ 1788 году, французскій агентъ Дали писалъ: «Нѣтъ ни одного присутственнаго мѣста въ Петербургѣ, которое бы устояло противъ самаго скромнаго подкупа».

осадѣ Данцига, о польскихъ дѣлахъ, о вооруженіи Швеціи противъ Россіи, и расчитываетъ, что Россія ни за что не уступитъ. «Развѣ между нынѣшнимъ московскимъ войскомъ и тѣмъ, которое было въ нарвскомъ сраженіи, нѣтъ никакой разницы? спрашиваетъ онъ. Какъ не быть! согласенъ: разница есть; но здѣсь вопросъ—въ чемъ она заключается? Въ настоящее время, москвиты лучше одѣты, лучше вооружены чѣмъ въ послѣднюю войну, но люди все тѣ же, ни больше, какъ прежде, храбрости, ни опытности. Повѣрьте мнѣ, москвиты бы пропали, если бы шведы захотѣли дѣйствовать. Для нихъ бы было слишкомъ—сопротивляться непріятелю, который столько разъ побуждалъ ихъ, и распорядиться въ Польшѣ. Еслибы шведы побольше обращали вниманіе на свои интересы, то Петербургъ перешелъ бы въ ихъ власть, и ни одинъ изъ важныхъ проектовъ московскихъ никогда бы не исполнился. Вамъ известно, что въ петербургскомъ адмиралтействѣ заключается все, что составляетъ московскія морскія силы. Если бы эта столица попала во власть шведовъ, то какую пользу могъ бы принести Кронштадтъ со всѣми своими кораблями? Конечно, взятіе этого города повлекло бы за собою потерю всѣхъ завоеваній, сдѣланныхъ москвитами, и необходимо снова бы втѣснило ихъ въ границы, въ которыя запереть ихъ—въ интересъ многихъ государей, чтобы не сказать всей Европы.»

Это мнѣніе о Россіи повторяли многіе иностранцы, жившіе въ то время въ Петербургѣ, и, по всей вѣроятности, Локатели здѣсь является только ихъ отголоскомъ.

Далѣе онъ рассказываетъ, что приставленныхъ къ нему солдатъ взяли отъ него, такъ какъ ихъ полкъ отправлялся въ походъ, а вмѣсто нихъ къ нему приставили мужиковъ, которыми онъ остался очень недоволенъ. «Я замѣтилъ, пишетъ онъ, нѣкоторую разницу между народами этой обширной имперіи. Жители Москвы и ея окрестностей на пятьдесятъ верстъ въ окружности нисколько не сообщительны и едва заслуживаютъ, чтобы на нихъ смотрѣли какъ на людей. Но по мѣрѣ того, какъ удаляешься отъ этой мѣстности, находишь народъ не такой грубый, болѣе человѣчный и поэтому болѣе достойный пользоваться жизнію, чѣмъ жители Москвы. Менѣе варвары тѣ, которые живутъ въ самыхъ отдаленныхъ лѣсахъ, и которыхъ руководитъ въ поступкахъ простой инстинктъ, данный имъ природою.»

Отъ скуки арестантъ часто смотрѣлъ въ окно своей тюрьмы, откуда былъ виднѣнъ кадетскій корпусъ. «Я имѣлъ удовольствіе, пишетъ онъ, всѣ дни смотрѣть на военное ученіе этого юношества; но я потомъ узналъ, что вообще нисколько не заботятся дать ему приличное воспитаніе, почему и не извлекаютъ изъ

этого заведенія той пользы, какую бы можно было ожидать. Московиты грубо ошибаются, воображая, что для того, чтобъ быть хорошимъ солдатомъ и великимъ капитаномъ, довольно умѣть дѣлать эсерципіи и знать всѣ движенія, которыя преподаеть тактика. Всѣ способные въ военномъ искусствѣ должны были черпать многое изъ другихъ источниковъ и получили начала весьма отличныя отъ тѣхъ, какія даютъ въ Москвитіи. На что первые министры никогда не обращали достаточнаго вниманія, такъ это на то, что они всегда слишкомъ забѣгаютъ впередъ и хотять идти, такъ сказать, гигантскими шагами во всѣхъ новыхъ учрежденіяхъ, отчего происходитъ, что часто пренебрегаютъ самымъ существеннымъ. вмѣсто того, чтобъ основывать Академію наукъ и заводить кадетскій корпусъ, слѣдовало бы распространить школы для обученія религіи и нравственности. Съ этого бы нужно было начать задуманную реформу; и въ самомъ дѣлѣ, если юношеству не даютъ хорошаго воспитанія, то возможно ли какимъ нибудь образомъ вывести народъ изъ варварства, въ которое онъ погруженъ столько вѣковъ?»

Въ остальныхъ трехъ письмахъ, Локатели говорятъ о послѣднемъ времени своего заключенія и пребыванія въ Россіи. 18 іюня, его повели въ сенатское присутствіе, состоявшее изъ семи или осми человекъ. Всѣ они сидѣли вокругъ стола и, казалось, по словамъ арестанта, дожидали съ какимъ-то нетерпѣніемъ его прихода. Локатели настоялъ, чтобъ ему позволили написать оправданіе, чѣмъ и занялся онъ уже свободно по возвращеніи къ себѣ въ тюрьму, изложилъ всю исторію своего путешествія и объяснилъ свое поведеніе. Но за бумагой къ нему пришли уже черезъ день. «Такъ все идетъ въ Москвитіи, замѣчаетъ онъ, все дѣлается тамъ съ безпримѣрной медленностью, и я былъ еще счастливъ, что не отложили этого дѣла на нѣсколько недѣль.»

Въ тюрьму доходятъ слухи о взятіи Данцига. Локатели радражается, узнавъ, что русскіе исполнили не всѣ статьи капитуляціи, привеза военноплѣнными въ Кронштадтъ французскій отрядъ ¹⁾ и арестовавъ маркиза Монти, не смотря на его честный

¹⁾ При высадкѣ десантныхъ войскъ, французской флотиліи удалось овладѣть русскимъ фрегатомъ «Митавою», отдалившимся отъ своего флота. Фремери, капитанъ этого фрегата, при встрѣчѣ съ французскою эскадрою, былъ приглашенъ начальникомъ ея, Барелемъ, на корабль. Не зная ничего о разрывѣ съ Франціею, Фремери принялъ приглашеніе, но едва вступилъ на корабль, какъ его фрегатъ былъ окруженъ французскою эскадрою, грозившею потопить его. Силы были слишкомъ несоразмѣрны. Фремери сдался... Три французскіе баталіона, расположившіеся подъ защитою Вейксельмюндскаго укрѣпленія, много терпѣли отъ русской артиллеріи. Графъ Минихъ предложилъ начальникамъ французскаго отряда и укрѣпленія—сдаться. Вслѣдствіе переого-

характеръ. За тѣмъ снова разсматриваетъ русское войско и сильно порицаетъ его духъ. «Если бы въ такіа сильныя тѣла, говорить онъ, возможно было вложить другія души, то изъ нихъ можно бы было образовать превосходное войско... Если какой либо генералъ, хотя нѣсколько⁶ познакомится съ русскими войсками, ему не много будетъ стоить труда побѣдить ихъ. Здѣсь весь вопросъ въ томъ, чтобы быстро напасть на нихъ и тѣснить, не давая времени имъ образумиться, наконецъ разстроить ихъ маршами и контр-маршами, которые должны ихъ сбить съ толку. Нужно ихъ утомлять, дразнить, не давать имъ переводить духу день и ночь въ теченіе нѣкотораго времени, и скоро вы увидите этихъ травоядныхъ, хотя и крѣпкихъ, на землѣ, предавшихся сну. Нѣтъ въ мірѣ народа, который бы чувствовалъ такую потребность спать часто и долго, какъ москвиты. Я увѣренъ, что если утомить ихъ движеніемъ и потомъ вдругъ согласно напасть на нихъ, то они всѣ окажутся спящими. Такъ какъ они знаютъ свою слабость, то обыкновенно хорошо укрѣпляются и выбираютъ себѣ для стоянокъ выгодныя мѣста. Въ этомъ случаѣ, искусство генерала, который бы хотѣлъ атаковать ихъ, состоитъ въ томъ, чтобы выманить ихъ и привлечь въ такое мѣсто, гдѣ бы можно было съ ними сдѣлаться. Послѣ того останется только гордо идти на нихъ со шпагою въ рукѣ и безпощадно нападать на нихъ, не поддаваясь страху отъ ихъ перваго огня. Этимъ средствомъ можно привести ихъ въ разстройство и лишить возможности вновь соединиться...»

Еще четыре мѣсяца послѣ сенатскаго допроса продержали Локателли въ тюрьмѣ, и наконецъ, 18 октября, ему дали свободу, вручивъ сто рублей на дорогу отъ имени императрицы и сказавъ, что онъ можетъ ѣхать изъ Россіи не иначе, какъ моремъ. Но такъ какъ до 26 ноября ему не дали возможности оставить Петербургъ, то за позднимъ временемъ года его отправили сухимъ путемъ, прибавивъ еще десять рублей. Такимъ образомъ, Локателли оставилъ Россію съ полнымъ презрѣніемъ ко всему русскому. Конечно, ему было отчего негодовать и досадовать, но въ личныхъ его чувствахъ для насъ важны отго-

воровъ было сдѣлано взаимное условіе, чтобы французскія войска вышли изъ своего лагера со всеми военными почестями и были посажены на русскіе корабли, гдѣ обязывались сложить оружіе до высадки ихъ въ какой-либо портъ Балтійскаго моря, назначеніе котораго должно было зависѣть отъ русскихъ адмираловъ. Но онъ не былъ наименованъ, потому ихъ и высадили въ Кронштадтѣ какъ въ возмездіе за вѣроломство при захватѣ русскаго фрегата. Пребываніе ихъ въ Россіи продолжалось до возвращенія сказаннаго корабля. («Обзоръ главнѣйшихъ происшествій въ Россіи», соч. Рейсмейера. Ч. II. стр. 18—21.)

лоски чувствъ большей части иностранцевъ, бывшихъ въ Россіи. Имъ всѣмъ казалось, что она недолговѣчна, не можетъ развиваться и идти впередъ, не можетъ устоять противъ силъ Европы и погибнетъ въ собственныхъ переворотахъ. Такой взглядъ распространялся въ Европѣ; его усвоивали и иностранныя правительства, находя сходство съ нимъ и въ донесеніяхъ своихъ агентовъ. Они знали о ненависти русскихъ къ иностранцамъ, ждали взрыва и переворота въ русскомъ правительствѣ и только стерегли минуту, когда все то совершится, чтобы воспользоваться наиболѣе выгоднымъ для себя образомъ. Все это и высказалось въ инструкціи французскому послу, когда, въ концѣ царствованія Анны, между русскимъ и французскимъ дворами возобновились сношенія, и изъ Парижа въ Петербургъ былъ отправленъ посоль. Объ этомъ мы еще будемъ говорить впоследствии. И не смотря на такую видимую слабость Россіи, она все продолжала усиливаться и приобретать болѣе и болѣе политическаго значенія въ Европѣ. Вотъ это-то особенно и удивляло и даже озлобляло Европу. Все, кажется, соединилось въ томъ полуавіатскомъ государствѣ, чтобы обезсилить и уничтожить его: и крайнее невѣжество народа, и общая безнравственность, и неспособность большей части корыстолюбивыхъ правителей, угнетавшихъ народъ, и тайная вражда русскихъ къ иностранцамъ, которые завладѣли правленіемъ, и роскошь двора, поглощавшая большую часть государственныхъ доходовъ, и пустота казны, и народная нищета. И, между тѣмъ, дѣйствительно, совершались перевороты, а государство не падало и не дало ни одному иностранному правительству овладѣть своими интересами, а, напротивъ, устраивалось, усиливалось и даже грозило сильной Европѣ.

Все это показываетъ, что иностранцы слишкомъ поверхностно наблюдали надъ этимъ государствомъ, за его недостатками не умѣли видѣть ничего, и дѣлали слишкомъ быстрыя, а потому и ошибочныя заключенія. Они не видѣли, что господство иностранцевъ въ Россіи есть заключительный актъ той революціи, которая возбудила народныя силы, привела ихъ въ соприкосновеніе съ силами чужеземными, и которая послѣ Петра вступила въ новый фазисъ: она выразилась въ явной борьбѣ между партіями; восторжествовавшая партія дала иностранцамъ возможность усилиться на счетъ русскихъ силъ и завладѣть правленіемъ. Если бы имъ въ самомъ дѣлѣ пришлось управлять народомъ слабымъ и бессмысленнымъ, то тѣмъ бы драма и кончилась, царство ихъ продолжилось бы на много лѣтъ. Но возбужденныя общественныя силы не замерли, не замолкли,

иначе и самая революція не имѣла бы никакого значенія; напротивъ, эти силы чувствовали сами иностранцы и предсказывали катастрофу; но они не видѣли, что это — развязка всей полудѣловой драмы, что эти самыя силы, наконецъ, восторжествовавъ надъ нѣмецкимъ гнетомъ и, выказавъ себя установленіемъ новаго правительства, должны будутъ выказаться и въ другихъ дѣлахъ. Вѣра въ свои общественныя силы, возбужденныя Петромъ — вотъ тотъ рычагъ, который двинулъ впередъ русское государство и сообщилъ ему политическое могущество. Этого то не замѣчали иностранцы и продолжали только указывать на русское невѣжество, безнравственность, неустройство, неспособность, грубость, и предсказывать самому государству въ такой обстановкѣ недолгое существованіе. Только одинъ Манштейнъ, болѣе другихъ проникательный, да и ближе знакомый съ русскимъ народомъ, произнесъ надъ нимъ совсѣмъ другой судъ и болѣе приблизился къ истинѣ:

«Многіе писатели, говоритъ онъ, утверждаютъ, что русскіе до Петра Перваго были вообще погружены въ самое грубое невѣжество, что это были люди, мало отличившіеся отъ звѣрей, — все это совершенная ложь, которую очень легко опровергнуть. Кто хочетъ узнать объ этомъ безъ предубѣжденія и составить себѣ болѣе вѣрное понятіе, пусть прочтаетъ только исторію XVII столѣтія, когда честолюбіе Годунова и польскія интриги раздѣлили народъ на нѣсколько партій и довели это государство почти до гибели. Шведы владѣли Новгородомъ, а поляки Москвою, столицей царства. Не смотря на столько невыгодъ, русскіе сами собою сумѣли отогнать отъ себя силы двухъ непріятелей, и такихъ могущественныхъ, какъ въ то время были шведы и поляки. Менѣе чѣмъ въ пятьдесятъ лѣтъ, они возвратили себѣ всѣ области, которыя у нихъ были отторгнуты въ смутныя времена, не имѣя въ то время ни одного министра, ни одного иностраннаго генерала для веденія ихъ дѣлъ, кабинетныхъ и военныхъ. Обсудивъ эти событія, должно согласиться безъ труда, что такія важныя предпріятія никогда не могли бы быть задуманы и исполнены тупыми людьми. Вообще у русскихъ нѣтъ недостатка въ умѣ. Старанія Петра Перваго объ образованіи никогда не распространялись на мѣщанъ и на крестьянъ, а между тѣмъ пусть попробуютъ обратиться съ какимъ-нибудь вопросомъ къ любому изъ этого класса: почти всегда найдутъ въ немъ здравый смыслъ. Само собою, не должно его спрашивать о предметахъ, относящихся къ правительству или его религіи, потому что объ этомъ онъ остается всегда въ предрасудкахъ своего дѣтства. Но о всемъ остальномъ онъ будетъ отвѣчать точно. У

него большая способность схватывать ужомъ все то, что ему представляютъ; онъ умѣетъ легко найти средства устроиться и подстерегаетъ съ какою-то пронизательностью лучшіе случаи въ достиженіи своей цѣли. Наконецъ, я всегда находилъ большіе размышленія у русскаго престога народа, чѣмъ у другихъ народовъ изъ того же состоянія. Но такъ какъ нельзя дѣлать никакихъ изслѣдованій въ этомъ родѣ безъ знанія мѣстнаго языка, и такъ какъ у очень немногихъ иностранцевъ была охота учиться ему, то отсюда произошли всѣ тѣ смѣшныя расказы, которые сочиняли объ этомъ народѣ, чему и онъ, съ своей стороны, много способствовалъ своимъ презрѣніемъ къ иностранцамъ и во всему тому, что имѣло видъ чужеземнаго. Прибавимъ къ этому, что въ началѣ настоящаго (XVIII) столѣтія нравы и обычаи русскіхъ такъ много отличались отъ другихъ европейскіхъ народовъ, что имъ вообще неввѣстны были всѣ правила приличія; наконецъ, народное право и прерогативы иностранныхъ министровъ, признанныя при всѣхъ европейскихъ дворахъ, имъ были совершенно незнакомы ¹⁾...»

Всѣхъ этихъ качествъ у русскіхъ не замѣчали другіе иностранцы, и потому сужденія ихъ во многомъ были поверхностны и ошибочны. Впрочемъ, нельзя сказать, что лучше смотрѣли на русскій народъ и иностранцы, принадлежавшіе къ русской администраціи. Въ ихъ глазахъ русскіе были такіе же звѣри, какими они казались и Локателли, и иностранцы вѣрно не подумали бы вступить за обруганный народъ, если бы въ его книгѣ ничего не было о нихъ самихъ. Понятно, что она должна была сильно ихъ обезпечить, во-первыхъ, потому, что подрывала въ глазахъ Европы вѣру въ ихъ силу и въ достоинство того счастья, которое будто бы они приносили Россіи, тѣмъ болѣе, что все ихъ стараніе было направлено къ тому, чтобы пускать Европѣ какъ можно болѣе пыли въ глаза; во-вторыхъ, та же книга, описывая яркими и непривлекательными красками частную жизнь иностранца въ Россіи, неогражденную правосудіемъ правительства, среди варварства, отнимала охоту у другихъ иностранцевъ-спеціалистовъ переселиться въ Россію. А между тѣмъ, ей была крайняя нужда въ подобныхъ работникахъ. Такъ, напримѣръ, Кантемиру безпрестанно писали изъ Петербурга, чтобы онъ приглашалъ вступать въ русскую службу «разныхъ мастеровыхъ, тимермановъ, капитановъ», на выгодныхъ для нихъ условіяхъ. Кто же захотѣлъ бы ѣхать туда, имѣя въ виду такую перспективу, какую рисовалъ Локателли?

¹⁾ Mémoires sur la Russie, par Manstein. Supplement.

Остерманъ горячо принялся за дѣло. Онъ писалъ и въ Вѣну въ русскому посланнику Лачинскому ¹⁾, чтобы тотъ сдѣлалъ тамъ такое же представленіе французскому послу, какое поручено было Кантемиру сдѣлать въ Лондонѣ: въ то время при французскомъ дворѣ еще не было русскаго посла по причинѣ неустоявшихся дипломатическихъ сношеній между обѣими дворами послѣ польскихъ несогласій. Главное дѣло было—остановить книгу въ продажѣ, чтобы не дать ей возможности распространиться въ публикѣ; но въ Англіи сдѣлать это было весьма трудно, о чемъ уже и прежде писалъ Кантемиръ. Между тѣмъ, оказалось, что во Франціи не существуетъ такой книги, нѣтъ и означеннаго въ ней издателя. Тогда Кантемиръ сталъ розыскивать въ самомъ Лондонѣ, но не могъ напасть на слѣдъ. Ему только внушили подозрѣніе, что, вѣроятно, книга печатана въ Голландіи, гдѣ въ то время свободно печаталось все, что было почему-либо неудобно напечатать во Франціи. Кантемиръ снесся съ русскимъ посланникомъ при голландскомъ дворѣ, графомъ Головкинымъ, и поручилъ ему развѣдать дѣло; но и старанія Головкина остались безъ успѣха. Въ письмѣ къ Кантемиру онъ опровергалъ подозрѣніе на голландскихъ писателей, говоря, что въ такомъ случаѣ о книгѣ кто-либо зналъ бы въ Амстердамѣ или Гагѣ, а напротивъ, онъ у кого о ней ни спрашивалъ, ни отъ кого не могъ ничего услышать: никто тамъ о ней и не слыхалъ; даже книжники не могли ничего сказать ему, а они, если бы имъ принадлежало изданіе, вѣрно позаботились бы распространять его. Надо полагать, замѣчаетъ онъ, что лондонскіе издатели съ намѣреніемъ сваливали на голландскихъ, чтобы отклонить отъ себя подозрѣніе.

Наконецъ, послѣ многихъ стараній, Головкину удалось достать одинъ экземпляръ «Lettres moscovites». Онъ отозвался о книгѣ какъ о такой нелѣпости, которая даже не заслуживаетъ того, чтобы о ней много хлопотали, и что русскому правительству не слѣдуетъ обращать на нее даже и вниманія. А между тѣмъ, книга была имъ послана въ русскому посланнику въ Берлинъ, чтобы тотъ поторопился переслать ее въ Петербургъ.

Послѣдовали ли совѣту Головкина и нашли ли книгу несоющею публичнаго опроверженія, котораго сначала требовалъ Кантемиръ, намъ неизвѣстно; по крайней мѣрѣ, изъ той переписки, которая была у меня подъ руками, ничего не видно. По всей вѣроятности, нашли щекотливымъ опровергать нѣкоторые

¹⁾ Москов. арх. ин. дѣл. Анг. д. 1735 г. № 6.

дѣйствительные факты и почли за лучшее прекратить дѣло, не давая книгъ большой гласности.

Но этимъ переписка совершенно еще не кончилась.

Слишкомъ черезъ два года, 23 мая 1738 г., Кантемиръ писалъ въ Петербургъ слѣдующую депешу на имя императрицы: «За нѣсколько мѣсяцевъ появился здѣсь итальянецъ, именемъ Лователли, за которымъ я нарочно людей приставилъ, чтобы извѣститься, кто онъ таковъ и откуда, сумнѣваясь, что онъ самый авторъ книги подъ титуломъ «*Lettres moscovites*». Черезъ нихъ я напоследокъ увѣдомленъ, что онъ былъ въ Россіи и что больше подозрительно, съ великими похвалами о всѣхъ тамошнихъ дѣлахъ говорить, чтобы тѣмъ больше прикрыть изданныя отъ себя письменныя хулы. Человѣкъ онъ ростомъ не великъ, лѣтъ около пятидесяти, ни сухъ, ни жиренъ, смугль собою, большой носъ, черные глаза и черныя широкія брови, и здѣсь продаетъ разные медицинскіе секреты. Я у искусныхъ здѣсь юрисконсультовъ постороннимъ образомъ доузнавался, можно ли бы его арестовать и наказать за сочиненіе помянутой книги; но признаютъ, что того учинить не можно, понеже нельзя доказать, что та книга здѣсь писана и печатана, а вины, въ другомъ государствѣ учиненныя, здѣсь наказывать не можно, понеже и самымъ убійцамъ всякое государство защитой обыкло быть, когда къ нему прибѣгаютъ изъ мѣста, гдѣ убійство учинили; и кромѣ того вольность здѣшняго народа, который на всякій день въ безстыдныхъ пасквинатахъ противъ самаго короля и министровъ показывается, толь велика, что никогда чрезъ судъ въ подобныхъ дѣлахъ сатисфакцію получить не можно. Потому къ наказанію его, Лователли, одинъ способъ остается, чтобы своевольнымъ судомъ чрезъ тайно посланныхъ гораздо побить, и буде ваше императорское величество тотъ способъ апробовать изволить, то я оный въ дѣйство произведу, но нужно прежде всемилостивѣйше рассмотреть описанный отъ меня его портретъ, сходенъ ли съ тѣмъ человѣкомъ, который держанъ подъ арестомъ 1733 года...»

Конечно, страннымъ покажется, что такой образованный и въ то же время мягкій человѣкъ, какъ Кантемиръ, могъ рѣшиться на подобное самоуправство вопреки законамъ той страны, гдѣ онъ представлялъ собою лицо царствующей императрицы.

Можетъ быть, это-то послѣднее обстоятельство и побудило его къ такой ревности, а впечатлѣнія дѣтства и юности, которыя онъ провелъ въ виду полнаго самоуправства, не могли еще въ немъ совершенно изгладиться подѣ влияніемъ англійскихъ понятій о свободѣ и правахъ личности. Представляя мо-

варшуйскую особу, онъ считалъ въ этомъ случаѣ неумѣстнымъ подчиняться чужимъ законамъ, и въ то же время не хотѣлъ оставить безнаказаннымъ поступокъ, который, по его мнѣнію, требовалъ наказанія за оскорбленіе русскаго народа и правительства. Оставалось одно: распорядиться такъ, какъ обыкновенно распоряджались тогда дома, — вооружить собственную руку и натѣшиться вдоволь помимо законовъ. Трудно сказать, что вышло бы изъ всего этого, если бы изъ Петербурга пришло согласіе на предложеніе Кантемира; но, къ счастью, оттуда резолюціи никакой не послѣдовало. Тѣмъ все дѣло и кончилось.

В. Стодникъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

IV.

ТИЛЬЗИТСКІЙ

МИРЪ *).

... Какъ обыкновенно бываетъ въ первыя минуты послѣ проиграннаго сраженія, послѣдствія битвы подъ Фриландомъ казались участникамъ невзгоды болѣе гибельными, нежели были въ дѣйствительности. Беннигсенъ, изможденный болѣзною, подавленный бременемъ лежавшей на немъ отвѣтственности, писалъ къ Государю, что, «по его мнѣнію, необходимо вступить въ переговоры съ непріятелемъ, чтобы выиграть время, нужное для вознагражденія понесенной нами потери.» Тогда же находившійся въ главной квартирѣ арміи чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ Цисмеръ, извѣщая своего начальника барона Будберга о потерѣ сраженія, представилъ положеніе дѣлъ въ самомъ мрачномъ видѣ. Незнакомый съ военными опасностями, Цисмеръ, будучи пораженъ зрѣлищемъ обычныхъ ужасовъ битвы, писалъ, что наша армія пришла въ совершенное разстройство, и что намъ не оставалось ничего болѣе, какъ заключить миръ.

Императоръ Александръ, прочитавъ оба донесенія, предоставилъ завѣдывавшему тогда интендантскою частью арміи, тайному совѣтнику Попову, рѣшить вопросъ—дѣйствительно ли наши войска были такъ разстроены, что уже не могли продолжать дѣй-

*) Изъ незаданнаго сочиненія М. И. Богдановича: «Исторія Императора Александра I и Россіи въ его время». Другія извлеченія изъ того же труда см. въ 1896, т. I, отд. I, стр. 155, и т. II, отд. I, стр. 130.

ствій? Удостоенный высокими знаками монаршей довѣренности, Поповъ заслуживалъ ихъ прямодушiемъ и способностями, но, какъ человѣкъ не военный, принужденъ былъ обсуживать положенiе дѣлъ, смотря на него, такъ сказать, чужими глазами. Главная квартира нашей армiи была полна людей, наскучившихъ войною въ опустошенной странѣ и вспоминавшихъ съ ужасомъ необычайные труды и лишенiя зимней кампанiи; многiе изъ нихъ давали своему нетерпѣнiю видъ заботливости о государственной пользѣ, по словамъ ихъ, настоятельно требовавшей прекращенiя губительной войны. Самъ цесаревичъ (нелюбившiй войны, хотя и ученикъ Суворова) уѣхалъ, послѣ гейльсбергскаго сраженiя, изъ армiи въ Тильзитъ и горячо убѣждалъ государя открыть переговоры съ Наполеономъ¹⁾. Пораженiе подъ Фридрихсдорфомъ послужило новымъ доводомъ поборникамъ мира.

Собственноручное письмо государя Попову было слѣдующее: «Съ фельдъегеремъ получилъ я прилагаемый при семъ въ копіи рапортъ отъ генерала Беннигсена. Вы легко можете вообразить то чувство, которымъ чтенiе онаго было сопровождается. Не имѣвъ еще ни одной строки отъ васъ и опасаясь потерять драгоценное время, рѣшился я послать къ вамъ нарочнаго фельдъегера съ письмомъ симъ. Мнѣ не остается другаго, какъ положить на ваше безпристрастное сужденiе. Если вы находите, что обстоятельства таковы, какъ генераль Беннигсенъ ихъ описываетъ, что необходимо нужно войти въ переговоры съ Бонапартиемъ, то вручите ему прилагаемое при семъ письмо на его имя, которымъ я ему позволяю трактовать отъ своего имени о перемирiи съ Бонапартиемъ. Письмо мое подъ открытою печатью, и я желаю, чтобъ вы оно прочитали. За симъ вслѣдъ придетъ генераль-лейтенантъ князь Лобановъ, котораго я избралъ для послышки отъ главнокомандующаго къ Бонапартию. Онъ съ вами лично обо всемъ переговоритъ. Ожидаю съ нетерпѣнiемъ извѣстiй отъ васъ. Прилагаю при семъ равномерно копію съ письма къ Будбергу отъ чиновника его департамента, находящагося при Беннигсенѣ. Оно обстоятельнѣе еще генеральскаго рапорта²⁾.» Въ рескриптѣ къ Беннигсену, государь писалъ: «Вѣривъ вамъ армiю прекрасную, явившую столь много опытовъ храбрости, весьма удаленъ я былъ ожидать извѣстiй, какія вы мнѣ нынѣ сообщили. Если у васъ, кромѣ перемирiя, нѣтъ другаго средства выйдти изъ затруднительнаго положенiя, то раз-

1) Wolkogen, Memoiran. 43.

2) Письмо императора Александра къ тайному совѣтнику Попову, отъ 4-го iюня 1807 года.

рѣшаю васъ на сіе, но съ условіемъ, чтобъ вы договаривались отъ имени вашего. Отправляю къ вамъ князя Лобанова-Ростовскаго, находя его во всѣхъ отношеніяхъ способнымъ для всѣхъ скользкихъ переговоровъ. Онъ донесетъ вамъ словесно о данныхъ ему мною повелѣніяхъ. Переговоря съ нимъ и съ Поповымъ, отправьте его къ Бонапартію. Вы можете посудить, сколько тяжко мнѣ рѣшиться на таковой поступокъ¹⁾.» Прибывшій въ главную квартиру Беннигсена, князь Дмитрій Ивановичъ Лобановъ былъ снабженъ, на случай, если онъ будетъ отправленъ въ главную квартиру французской арміи, высочайшимъ повелѣніемъ: «стараться заключить перемиріе на мѣсяць, во время коего обоюднымъ войскамъ оставаться на занимаемыхъ ими мѣстахъ; не предлагать мира, но когда французы изъявятъ первые наклонности кончить войну, отвѣчать, что императоръ Александръ равномѣрно желаетъ примиренія, а если французы спросятъ, дана ли ему власть на переговоры, предъявить подписанное императоромъ полномочіе²⁾.» Довольно трудно объяснить, почему князь Лобановъ, храбрый воинъ, но незнакомый съ дипломатіей, необладавшій счастливою вѣжностью, человекъ довольно грубый, съ угловатыми манерами, получилъ такое порученіе; по всей вѣроятности, государь, тогда уже неблаговолившій къ Будбергу, не хотѣлъ ввѣрить ему негоціацію съ французами, а подъ рукою никого не случилось, кромѣ Лобанова.

Такимъ образомъ, открытіе переговоровъ зависѣло исключительно отъ Попова. Возможно ли было, чтобы онъ, находясь подъ вліяніемъ главнокомандующаго и его миролюбивой главной квартиры, отважился подать голосъ въ пользу продолженія военныхъ дѣйствій, и принялъ на себя отвѣтственность передъ государемъ и Россіей въ послѣдствіяхъ такого смѣлаго шага? Поповъ донесъ государю о необходимости прекратить на время дѣйствія, и вручилъ Беннигсену высочайшій рескриптъ. На слѣдующій день, 7-го (19-го) іюня, отправили маіора Шёпинга къ маршалу Бертъе, съ письмомъ, въ коемъ Беннигсенъ предложилъ, отъ своего имени, вступить въ переговоры о перемиріи. Спустя нѣсколько часовъ, явился въ нашу главную квартиру капитанъ Перигоръ, племянникъ Талейрана, съ словеснымъ отвѣ-

¹⁾ Высочайшій рескриптъ генералу Беннигсену, отъ 4-го іюня 1807 года.

²⁾ Полномочіе князю Лобанову было слѣдующаго содержанія :

Le prince Lobanoff, lieutenant-général de mes armées, est autorisé à entrer en pour-parlers pour la conclusion d'une paix avec celui qui sera nommé par le gouvernement français. Il s'en acquitera avec toute la loyauté et la franchise d'un brave militaire, en foi de quoi je le munis de cette autorisation. Schawl. Le 6 juin.

Alexandre.

томъ Наполеона — о желаніи его положить конецъ кровопролитію и о назначеніи для переговоровъ маршала Бертьё. Дерзкій французъ велъ себя надменно, и даже за обѣдомъ у Беннигсена не снялъ съ головы медвѣжьей шапки. Послѣ обѣда, князь Лобановъ отправился вмѣстѣ съ Перигоромъ въ Тильзитъ, къ Бертьё, который принялъ его съ замѣтнымъ удовольствіемъ, очень вѣжливо, увѣряя, что Наполеонъ желаетъ примириться съ нашимъ государемъ. «Императоръ Александръ — сказалъ Лобановъ — при всемъ желаніи мира, не приметъ оскорбительныхъ для его достоинства условій, и тѣмъ паче не потерпитъ малѣйшаго измѣненія въ границахъ Россіи.» Бертьё отвѣчалъ, что о томъ не можетъ быть и рѣчи. Насчетъ перемирія не могли согласиться, потому что Бертьё домогался немедленной уступки французамъ крѣпостей Пиллау, Кольберга и Грауденца, еще занятыхъ прусскими войсками. Князь Лобановъ уѣхалъ въ главную квартиру нашей арміи, а въ ночь на 8-е (20-е) іюня прибылъ туда оберъ-гофмаршалъ Наполеона, Дюрокъ, съ предложеніемъ отъ своего государя — заключить перемиріе тотчасъ, если мы уступимъ помянутыя крѣпости, либо немедленно откроемъ переговоры о мирѣ. Императоръ Александръ, тогда находившійся вмѣстѣ съ королемъ прусскимъ въ Шавляхъ, получивъ, черезъ пріѣхавшаго изъ главной квартиры арміи цесаревича, донесеніе Беннигсена о домогательствахъ французовъ, отвѣчалъ ему: «Кольбергъ, Грауденцъ и Пиллау не принадлежать мнѣ, и потому я не могу уступить ихъ. Пошлите съ симъ отвѣтомъ князя Лобанова къ маршалу Бертьё, и прикажите сказать ему, что я готовъ заключить миръ и что князь Лобановъ уполномоченъ вести переговоры, воль скоро будетъ утверждено перемиріе на одинъ мѣсяць».

Изъявляя согласіе начать переговоры о мирѣ, императоръ Александръ зналъ, что Наполеонъ хотѣлъ заключить его, безъ участія Англіи. Но всѣ поступки сенъ-джемсаго кабинета оправдывали отложеніе Россіи отъ коалиціи. Вѣнскій дворъ отсрочилъ свое содѣйствіе союзникамъ на цѣлые два года: слѣдовательно, Россіи приходилось сражаться одной противъ Франціи, поддержанной силами почти всей западной Европы. Таковы были обстоятельства, побудившія нашего государя къ прекращенію борьбы, которая бесполезно истощала средства Россіи. Нельзя оставить безъ замѣчанія, что Беннигсенъ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ пораженія подъ Фридландомъ, считавшій невозможнымъ продолжать борьбу съ Наполеономъ, измѣнилъ, нѣсколько дней спустя, свое мнѣніе. Сдѣлавъ смотръ вѣренной ему арміи, и найдя ее въ превосходномъ состояніи, готовою снова

сразиться съ непріателемъ, главнокомандующій писалъ государю: «Фридландская неудача не уменьшила храбрости войскъ. Если обстоятельства востребуютъ, армія будетъ такъ же сражаться, какъ сражалась она всегда. Она уже забыла фридландскую битву. Долгомъ поставляю увѣрить въ томъ ваше величество, дабы при возникшихъ переговорахъ не согласились на какія-либо излишнія требованія Бонапарта». Это донесеніе, посланное въ то время, когда Беннигсенъ могъ обсудить положеніе дѣлъ хладнокровнѣе, нежели въ первый день послѣ фридландской битвы, должно было разсѣять опасенія императора Александра; но лица, тогда бывшія въ главной квартирѣ арміи, увѣряютъ, что Беннигсенъ, изъ угожденія великому князю Константину Павловичу, стоялъ во главѣ партіи мира и продолжалъ выставлять предъ всѣми, кромя государя, положеніе арміи въ самомъ мрачномъ видѣ ¹⁾).

Главнокомандующій, получивъ разрѣшеніе государя отереть переговоры о мирѣ, послалъ князя Лобанова вторично въ Тильзитъ. Въ тотъ же день, 10-го (22-го) іюня, было подписано нашимъ уполномоченнымъ и маршаломъ Бертье перемиріе на слѣдующихъ условіяхъ: 1) прекратить военныя дѣйствія на мѣсяць; 2) если которая-либо изъ договаривающихся сторонъ пожелаетъ прервать перемиріе, то обязана предупредить о томъ за мѣсяць; 3) настоящія условія не относятся къ Пруссіи, съ которою будетъ заключено особое перемиріе; 4) назначить, въ кратчайшемъ, по возможности, времени, полномочныхъ для переговоровъ о мирѣ и комиссаровъ для размѣна плѣнныхъ, и 5) черту разграниченія (демаркаціонную линію) провести отъ Куришь-Гафа по Нѣману до истоковъ Бобра, далѣе по Бобру до впаденія сей рѣки въ Наревъ и по Нареву ²⁾).

Въ тотъ же день, Наполеонъ, приказавъ пригласить князя Лобанова къ обѣду, обошелся съ нимъ весьма ласково; повторилъ нѣсколько разъ, что онъ всегда былъ преданъ императору Александру и всегда уважалъ его; предложилъ князю выпить вмѣстѣ по бокалу шампанскаго за здоровье нашего государя, и въ заключеніе сказалъ, что настоящая естественная граница Россіи должна проходить по рѣкѣ Вислѣ ³⁾. Впослѣдствіи князь Лобановъ рассказывалъ, что, когда за обѣдомъ зашла рѣчь о императрицѣ Екатеринѣ, и при воспоминаніи о ней, на гла-

¹⁾ Schlagen, Preussen in den Jahren 1806 und 1807. — Hopfner, Der Krieg von 1806 und 1807. III. 702.

²⁾ Конвенція о перемиріи, хранящаяся въ архивѣ Министерства иностранныхъ дѣлъ.

³⁾ Изъ донесенія государю князя Лобанова, отъ 9-го іюня 1807 года.

Слѣзъ у него навернулись слезы, Наполеонъ, схвативъ за руку сидѣвшаго вождя его, своего гофмаршала, сказалъ ему: «*Regardez, regardez, Ducos, comme les Russes aiment leurs souverains*». (Смотрите, смотрите, Дюрокъ, какъ Русскіе любятъ своихъ государей¹⁾.)

Король прусскій, получивъ въ Мемелѣ извѣстіе о фридландскомъ сраженіи, принялъ мѣры къ отправленію въ Ригу супруги и дѣтей своихъ. Казну и драгоцѣнныя вещи предполагали отправить моремъ также въ Россію. Получивъ приглашеніе императора Александра — пріѣхать къ нему въ Шавли, король, вмѣстѣ съ нашимъ государемъ, отправился оттуда чрезъ Юрбургъ въ селеніе Пиктупененъ, близъ главной квартиры Беннигсена, и послалъ фельдмаршала графа Калькрейта къ Наполеону, для переговоровъ о перемиріи, которое, по неосторожности уполномоченнаго, было заключено на весьма невыгодныхъ для Пруссіи условіяхъ. Положено, чтобъ войска Блюхера въ Помераніи прекратили военныя дѣйствія. Въ отношеніи къ Кольбергу, Грауденцу, Пиллау и силезскимъ крѣпостямъ, еще занятымъ прусскими войсками, условлено оставить все въ такомъ положеніи, въ какомъ застанетъ обѣ стороны извѣстіе о перемиріи; но Калькрейтъ, изъявивъ согласіе, чтобы эти крѣпости не были снабжаемы провіантомъ въ продолженіе перемирія, не озаботился объ опредѣленіи участи гарнизоновъ, въ случаѣ, когда они голодомъ будутъ принуждены къ сдачѣ²⁾. Когда графъ Калькрейтъ сообщилъ маршалу Бертье желаніе короля, чтобы Гарденбергъ принялъ участіе въ переговорахъ, Наполеонъ, грозно топнувъ ногою, сказалъ: «Не хочу знать Гарденберга и готовъ вести войну еще сорокъ лѣтъ, чтобы не допустить его къ переговорамъ». Король прусскій, извѣщая о прекращеніи военныхъ дѣйствій короля Густава IV, писалъ ему: «Обстоятельства побудили императора Александра заключить перемиріе съ Наполеономъ. Считаю излишнимъ предоставлять на судъ вашему величеству, могъ ли я, въ ужасномъ моемъ положеніи, отдѣлиться отъ Россіи. Съ душевнымъ прискорбіемъ уступая тяжелой необходимости, я подписалъ перемиріе и назначилъ уполномоченныхъ, для веденія, купно съ союзникомъ моимъ, переговоровъ о мирѣ³⁾».

1) Слышано отъ князя Дмитрія Ивановича Лобанова княземъ П. А. Вяземскимъ.

2) Конвенція о перемиріи, заключенная 18 (25) іюня, за подписью маршала Бертье и фельдмаршала Калькрейта.

3) «..... et d'autres circonstances ont engagé l'empereur Alexandre à conclure avec Napoléon un armistice, qui a pour but le rétablissement de la paix. Je n'ai pas be-

По ратификаціи съ обѣихъ сторонъ перемирія, послѣдовало свиданіе императора Александра съ Наполеономъ. Свидѣтели этого событія не говорятъ опредѣлительно — это первый изъ нихъ изъявилъ желаніе лично узнать своего противника. Находившійся при нашемъ государѣ, графъ Ливень, писалъ, что оберъ-гофмаршалъ Дюрокъ, 12 (24) іюня, отъ имени Наполеона, поздравилъ императора Александра съ прекращеніемъ военныхъ дѣйствій и предложилъ свиданіе; французы, съ своей стороны, увѣряютъ, будто бы князь Лобановъ, прибывъ 24 іюня н. ст. въ Тильзитъ, говорилъ Наполеону о желаніи нашего государя видѣть великаго человѣка, располагавшаго судьбами Франціи, и объясниться съ нимъ прямо и искренно, и что Наполеонъ принялъ свиданіе, предложенное на слѣдующій день, 25 іюня. Не подлежитъ сомнѣнію, что оба могучіе соперника равно желали узнать другъ друга, и что слѣдствіемъ того была встрѣча въ Тильзитѣ, имѣвшая столь же важное вліяніе на судьбы міра, какъ нѣкогда встрѣча Октавія и Антонія. Но здѣсь, на берегахъ Нѣмана, не было слабаго, безхарактернаго Антонія: съ одной стороны былъ повелитель Франціи, тогда еще непобѣдимый воинъ, возстановитель алтарей, мудрый законодатель; съ другой — монархъ юный, но уже испытанный невзгодами, объявившій во всеуслышаніе своему народу готовность идти по стопамъ Великой Екаторины, самодержецъ, врагъ произвола, явно признавшій господство закона надъ своею властью, непобѣдимый силою своего плѣнительнаго обращенія.

Наполеонъ, желая придать свиданію съ русскимъ монархомъ приличную торжественность, приказалъ генералу Ларибуасьеру построить на большомъ плоту посреди Нѣмана два павильона, обтянутые бѣлымъ полотномъ: одинъ, назначенный для государей, былъ обширнѣе и красивѣе, а другой, для свиты ихъ — поменьше. На фронтонахъ были нарисованы, съ нашей стороны огромное *A*, а со стороны, обращенной къ Тильзиту, таковой же величины *N*. На лѣвомъ берегу стояла наполеонова гвардія, фронтомъ къ рѣкѣ; тысячи французовъ и тильзитскихъ жителей покрывали берегъ. На правой сторонѣ рѣки, близъ разоренной корчмы Мамельшентъ-Кругъ, находились два взвода кавалергардовъ и эскадронъ прусской кавалеріи.

soin de demander à V. M. si, dans la situation affreuse où je me trouvais, je pouvais me séparer de la Russie. Ce n'est pas sans une vive anxiété que j'ai cédé à la dure nécessité, signé un armistice et nommé des ministres qui, conjointement avec S. M. I-le, mon allié, doivent traiter de la paix». Изъ письма короля Фридриха-Вильгельма III, отъ 30 іюня н. ст. 1807 года.

Около полудна, императоръ Александръ, въ преображенскомъ мундирѣ, шарфѣ и андреевской лентѣ, подѣхалъ къ Мамельшенъ-Кругъ, съ королемъ прусскимъ, въ сопровожденіи многочисленной свиты, и, войдя въ корчму, сѣлъ у окна. Комната наполнилась генералами, прибывшими съ государемъ. Всѣ молчали. Черезъ полчаса, стоявшій на берегу флигель-адъютантъ, торопливо отворивъ дверь корчмы, сказалъ: «Ѣдетъ, ваше величество!» Государь тихо вышелъ изъ комнаты. На другой сторонѣ рѣки, Наполеонъ, въ лентѣ почетнаго легіона, съ сопровождавшимъ его конвоемъ, быстро скакалъ верхомъ между рядами гвардіи, сопровождаемый восклицаніями своихъ воиновъ. Какъ только онъ достигъ берега, Александръ и Наполеонъ сѣли въ лодки. При нашемъ государѣ находились: цесаревичъ, Беннигсенъ, баронъ Будбергъ и генералы: Ливенъ, Уваровъ и князь Лобановъ-Ростовскій; при Наполеонѣ: Мюратъ, Бертъе, Бессьеръ, Дюрокъ и Коленкуръ. Въ часъ по полудни, отчалили обѣ лодки. Наполеонъ, приставъ къ плоту, спѣшилъ на встрѣчу Александру. Когда они подали одинъ другому руки, съ обѣихъ береговъ Нѣмана раздались радостные крики войскъ и жителей страны, свидѣтелей міроваго зрѣлища. Не произнеся ни слова, Александръ и Наполеонъ вошли въ павильонъ. Тамъ они бесѣдовали вдвоемъ впродолженіе почти двухъ часовъ: императоръ Александръ говорилъ о всѣхъ поводахъ къ неудовольствію, поданныхъ ему Англіей; Наполеонъ старался убѣдить нашего государя, что Россія, поддерживая германскія державы, дѣйствовала противъ собственныхъ выгодъ, и что союзъ съ Франціей ей можетъ принести не менѣе славы и болѣе пользы. Зная дружбу нашего государя съ королемъ прусскимъ, Наполеонъ спѣшилъ завѣрить Александра, что союзникъ его получитъ значительную часть потерянныхъ имъ владѣній. При взаимномъ представленіи монархами прибывшихъ съ ними лицъ, Наполеонъ говорилъ болѣе всѣхъ съ Беннигсеномъ, и, между прочимъ, сказалъ ему: «J'ai toujours admiré votre prudence... Vous avez été bien méchant à Eylau». (Я всегда удивлялся вашему благоразумію... Вы были очень злы подъ Эйлау.) Во все время свиданія нашего государя съ Наполеономъ, король прусскій стоялъ на берегу съ княземъ Волконскимъ. Зная, что въ этотъ роковой часъ рѣшалась судьба его монархіи, король постоянно смотрѣлъ на плотъ, и, волнуемый нетерпѣніемъ, даже вѣхалъ въ воду, по шею своей лошади. Императоръ Александръ, возвратясь на правый берегъ, отправился съ королемъ въ свою главную квартиру. Сначала Наполеонъ вовсе не хотѣлъ видѣть Фридриха-Вильгельма, но потомъ, убѣжденный настоятельными просьбами Алек-

сандра, согласился принять несчастнаго короля. Наполеонъ, для доставленія возможности императору Александру вести съ нимъ лично переговоры, предложилъ ему переѣхать въ Тильзитъ, объявивъ нейтральнымъ сей городъ. По изъявленіи согласія на то нашимъ государемъ, положили раздѣлить Тильзитъ на двѣ части: одну для русскихъ, а другую для французовъ, и ввести въ городъ по одному баталіону русской и французской гвардіи и по нѣсколькѣ человекъ конницы ¹⁾.

На слѣдующій день, 14 (26) іюня, императоръ Александръ поѣхалъ къ Наполеону съ королемъ прусскимъ. Свиданіе происходило опять на плоту. Король держалъ себя достойно своему сану, не унижая себя предъ высокоумнымъ побѣдителемъ, и старался доказать, что причиною его разрыва съ Франціей было нарушеніе нейтралитета Пруссіи занятіемъ аншпахской области. Наполеонъ, напротивъ того, приписывалъ всѣ бѣдствія, постигшія Пруссію, проискамъ англичанъ, порицалъ прусское гражданское управленіе, говорилъ съ пренебреженіемъ о прусскихъ войскахъ. Глубоко оскорбленный приѣмомъ Наполеона, король возвратился на правый берегъ Нѣмана, а императоръ Александръ отправился въ Тильзитъ. Какъ только государь ступилъ на лѣвый берегъ, французская артиллерія привѣтствовала его шестидесятью выстрѣлами. Наполеонъ провожалъ его до своего дома, чрезъ ряды французскихъ войскъ, отдававшихъ почести Александру и преклонявшихъ предъ нимъ знамена. Обѣдъ, начавшійся въ семь часовъ, продолжался до девяти. Затѣмъ, Александръ отправился въ назначенный для жительства его домъ, тотъ самый, который занималъ онъ во время своего пребыванія въ Тильзитѣ ²⁾. Комендантомъ нашей половины Тильзита, гдѣ были расположены, кромѣ перваго баталіона преображенцевъ, нѣсколько кавалергардовъ, лейбъ-гусаръ и лейбъ-казаковъ, государь назначилъ полковника Козловскаго, а комендантомъ другой половины города, занятой баталіономъ французской гвардіи, былъ Бальи-де-Монтионъ. Условлено, чтобы пароли, отзвы и лозунги были общіе русскимъ и французскимъ войскамъ. Въ день прибытія государя въ Тильзитъ, отданы были Наполеономъ пароль, отзвъ и лозунгъ: «Alexandre, Russie, Grandeur» (Александръ, Россія, Величіе), а на другой день нашимъ государемъ: «Napoléon, France, Bravoure» (Наполеонъ, Франція, Храбрость). Потомъ условились, чтобы ихъ отдавалъ Наполеонъ.

¹⁾ Генералъ Михайловскій-Данилевскій. «Описаніе войны 1806 и 1807 годовъ».

²⁾ Письмо генерала Будберга къ товарищу министра иностранныхъ дѣлъ, графу Александру Николаевичу Салтыкову, отъ 15 (27) іюня 1807 года. (Арх. Минист. иностр. дѣлъ).

Вмѣстѣ съ императоромъ Александромъ прибыли въ Тильзитъ: цесаревичъ Константинъ Павловичъ, Будбергъ, оберъ-гофмаршалъ графъ Толстой, Поповъ, генералъ-адъютанты: Ливень, князь Волконскій и князь Трубецкой, генералъ-лейтенантъ князь Лобановъ и генералъ-маіоръ Фуль (послѣдній считался большимъ стратегомъ и занимался составленіемъ проектовъ по военной части). Впослѣдствіи получили повелѣніе пріѣхать въ Тильзитъ: посоль въ Вѣнѣ, князь Куракинъ ¹⁾, бывшій генералъ-прокуроръ Беклешовъ, генералы Сухтеленъ и Уваровъ, тайный совѣтникъ Лопшаревъ, камергеры Рибопьеръ и графъ Нессельроде.

Наполеонъ не хотѣлъ, чтобы прусскій король жилъ въ Тильзитѣ, и, лишь по неотступнымъ домогательствамъ императора Александра, согласился на пребываніе въ городѣ короля и небольшой части прусскаго пѣхотнаго полка принца Генриха, для карауловъ. Никому изъ русскихъ не было дозволено ѣздить въ Тильзитъ, кромѣ адъютантовъ, посылаемыхъ изъ главной квартиры къ императору Александру; но любопытство видѣть Наполеона заставляло нашихъ генераловъ и офицеровъ посѣщать городъ въ партикулярномъ платьѣ.

Императоръ Александръ и Наполеонъ жили одинъ отъ другого шагахъ въ пяти стахъ. Утромъ гофмаршалы графъ Толстой и Дюровъ являлись спросить — первый о здоровьѣ Наполеона, а второй о здоровьѣ нашего государя. Часу въ пятомъ, императоры вмѣстѣ, иногда съ королемъ, прогуливались верхомъ, либо присутствовали на смотрахъ и ученіяхъ французскихъ войскъ. Наполеонъ обыкновенно скакалъ во всю прыть, кратчайшимъ путемъ, по полямъ и черезъ овраги, и потому государь назначилъ въ свой конвой лейбъ-гусаръ. Императоръ Александръ всегда обѣдалъ у Наполеона. Иногда приглашали къ обѣду короля прусскаго, цесаревича и Мюрата. Потомъ государь уходилъ къ себѣ, а въ десять часовъ вечера навѣщалъ его Наполеонъ, пѣшкомъ, одинъ, въ сѣромъ сюртукѣ и треугольной шляпѣ. Бесѣда ихъ вдвоемъ продолжалась далеко за полночь ²⁾.

Переговоры о мирѣ были ведены съ нашей стороны Куракинымъ и Лобановымъ, а со стороны французовъ Талейраномъ ³⁾.

¹⁾ Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ; товарищъ юности великаго князя Павла Петровича, былъ, незадолго предъ тѣмъ, назначенъ посломъ въ Вѣну, на мѣсто графа Андрея Кирилловича Разумовскаго.

²⁾ Большая часть подробностей о пребываніи императора Александра въ Тильзитѣ навлечена изъ сочиненія генерала Данилевскаго, которому онѣ были сообщены современниками тильзитскаго мира.

³⁾ Наполеонъ не согласился вести переговоры совокупно съ Россіей и Пруссіей,

Но хотя они были снабжены полномочіями, однакожь, всё важнѣйшіе вопросы рѣшались въ вечернихъ бесѣдахъ императора Александра съ Наполеономъ. Эти бесѣды остались на вѣки тайною, и мы можемъ лишь поднять край покрывающей ихъ завѣсы, изложивъ то, что впослѣдствіи было открыто монархами ихъ приближеннымъ, и, указавъ на нѣсколько писемъ, посланныхъ другъ къ другу обоими государями, по утрамъ, въ дополненіе ихъ обычныхъ совѣщаній. Въ пяти письмахъ Наполеона, видимъ соображенія его касательно Ионическихъ Острововъ, а также постановленія границы Россіи по теченію Нѣмана, до устья этой рѣки, и границы земель, состоящихъ подъ вліяніемъ Франціи, до Эльбы, такимъ образомъ, чтобы земли, лежація между Нѣманомъ и Эльбою, составляли какъ-бы преграду, недопускающую столкновенія между двумя великими державами. Кромѣ того, Наполеонъ полагалъ, что, въ случаѣ разрыва Россіи съ Англіей, слѣдовало издать о томъ манифестъ въ декабрѣ: какъ тогда останется до весны пять мѣсяцевъ — писалъ Наполеонъ — то англичане будутъ имѣть время одуматься и принять сдѣланныя имъ предложенія, и къ тому же стоящая у Корфу эскадра Сенявина успѣетъ возвратиться въ Россію. Въ сохранившихся доселѣ трехъ собственноручныхъ письмахъ императора Александра, находимъ свидѣтельства его безкорыстія и усилій — имъ сдѣланныхъ въ пользу своихъ союзниковъ, королей прусскаго и неаполитанскаго ¹⁾).

Вообще отношенія между императорами, бывшими соперниками, были, или, по крайней мѣрѣ, казались дружественными, душевными. Нетрудно было Наполеону, съ его знаніемъ людей, съ его опытностью, съ его своеобразною діалектикою, увлечь впечатлительнаго Александра, обворожить его, обратить въ восторгъ естественное всякому развитому челоуѣку уваженіе къ гению. Въ особенности же были обаятельны для русскаго монарха вниманіе и угодливость къ нему Наполеона послѣ Аустерлица и Фридланда. Повидимому, Наполеонъ не гордился этими побѣдами, но желалъ сдѣлать Александра участникомъ своихъ успѣховъ, предлагалъ ему расширить владѣнія Россіи, манилъ его въ будущемъ увлекательными призраками величія и славы. «Съ такими солдатами, каковы русскіе — говорилъ На-

и потому въ Тильзитѣ заключенъ былъ миръ на основаніи двухъ отдѣльныхъ трактатовъ.

¹⁾ При письмахъ Наполеона къ императору Александру были приложены проекты мирнаго и союзнаго договоровъ и двѣ записки: 1) объ Ионическихъ Островахъ, и 2) о границѣ Россіи по р. Нѣману.

полеонъ, можно завоевать весь свѣтъ... Соединимся, и совершимъ величайшіе подвиги нашего времени ¹⁾». Конечно, личные качества Александра могли внушить къ нему привязанность и сдѣлать бывшего врага другомъ, но Наполеонъ, неспособный къ безотчетной преданности, руководился холоднымъ расчетомъ. Онъ зналъ, что продолженіе войны съ Россіей, войны, требовавшей огромныхъ средствъ, которыя у него еще не были готовы, не обѣщало ему никакихъ выгодъ. Для приведенія въ дѣйствіе задуманныхъ имъ гигантскихъ плановъ, для поработенія Европы, ему нуженъ былъ на время союзникъ, который, содѣйствуя ему на твердой землѣ и враждуя Англій, не позволилъ бы образоваться никакой коалиціи противъ Франціи. Таковы были поводы, заставлявшіе Наполеона ласкать самолюбіе Александра, дѣлать ему существенныя уступки и подавать въ будущемъ надежды огромныхъ выгодъ. Но эти уступки и надежды (какъ увидимъ впоследствии) должны были послужить не въ пользу, а во вредъ Россіи.

За нѣсколько дней до заключенія мира, явилась въ Тильзитъ королева прусская — Луиза. Совѣтники короля надѣялись, что присутствіе женщины, одаренной высшими качествами ума и сердца, смягчитъ желѣзную волю раздраженнаго побѣдителя и сдѣлаетъ условія, имъ предписанныя, менѣе тяжкими для Пруссіи. Королева была принуждена преодолѣть отвращеніе свое отъ свиданія съ человѣкомъ, ей ненавистнымъ, но она превозмогла это чувство. «Одинъ Богъ знаетъ мои страданія», сказала великодушная Луиза на пути изъ Мемеля въ Тильзитъ. 24 іюня (6 іюля), она прибыла туда, въ великолѣпной каретѣ, запряженной цугомъ въ восемь лошадей, въ сопровожденіи конвоя французскихъ драгунъ. Наполеонъ приказалъ своимъ войскамъ встрѣтить ее съ почестями и, чрезъ часъ по ея прибытіи, прискакалъ въ дому, занимаемому королемъ. Тамъ у входа ожидали его Фридрихъ-Вильгельмъ и прусскіе принцы. Наполеонъ, не выпуская изъ руки хлыста, сухо раскланялся имъ и вошелъ по лѣстницѣ въ покои королевы. Первымъ словомъ его былъ вопросъ: «Какъ могли вы начать со мною войну?» — «Государь, отвѣчала Луиза, намъ простительно увлечься славою Фридриха и обмануться насчетъ силъ своихъ». Наполеонъ ежедневно угощалъ короля и королеву, но отклонялъ всякое

¹⁾ Thiers, Hist. du Consulat et de l'Empire, Ed. de Brax. VII, 702.

ходатайство ихъ объ уступкѣ областей, которыя онъ хотѣлъ отнять у Пруссіи, и сказалъ прусскому уполномоченному, графу Гольцу, на отрѣзъ, что все сказанное имъ королевѣ — не что иное, какъ фразы, ни къ чему его необязывавшія: «il faut en finir; je dois retourner à Paris» (пора кончить; я долженъ возвратиться въ Парижъ), сказалъ онъ. На прощаньи съ королевою, онъ поднесъ ей розу необычайной красы. Несчастная Луиза медлила принять подарокъ, и, наконецъ, взяла розу, сказавъ: «du moins, avec Magdebourg» (по крайней мѣрѣ, съ Магдебургомъ). Наполеонъ, нехотѣвшій возвратить Пруссіи этотъ важный пунктъ, ключъ теченія Эльбы, грубо отказалъ Луизѣ. «Крѣпости — не игрушки», сказалъ онъ въ послѣдствіи женѣ своей, Иозефинѣ, величаясь твердостью, выказанною имъ въ Тильзитѣ 1).

Тильзитскій миръ, подобно тому, какъ и перемиріе, былъ заключенъ Наполеономъ отдѣльно съ каждою изъ воевавшихъ противъ него державъ. По трактату съ Россіею, подписанному 25 (7) и ратификованному 27 іюня (9 іюля), условлено: 1) «императоръ Наполеонъ, изъ уваженія къ императору всероссійскому и во изъявленіе своего искренняго желанія соединить объ націи узамъ довѣренности и непоколебимой дружбы, соглашается возвратить королю прусскому, союзнику его величества императора всероссійскаго, всѣ завоеванныя страны, города и земли, ниже сего означенные». (Затѣмъ слѣдовало исчисленіе этихъ областей). (Ст. IV.) 2) Изъ большей части польскихъ областей, принадлежавшихъ Пруссіи, составлено Варшавское герцогство, отданное королю саксонскому. (Ст. V) 2.) Данцигъ объявленъ вольнымъ городомъ, подъ покровительствомъ королей прусскаго и саксонскаго. (Ст. VI.) Для постановленія, по возможности, естественной границы между Россіею и Варшавскимъ герцогствомъ, присоединена къ Россіи Бѣлостокская область. (Ст. IX.) 3) Герцогамъ саксенъ-кобургскому, ольденбургскому и мекленбургъ-шверинскому возвращены ихъ владѣнія, съ тѣмъ, чтобы гавани двухъ послѣднихъ были заняты французскими войсками до заключенія мира между Англіей и Франціей. (Ст. XII.) 4) Наполеонъ согласился на посредничество императора Александра въ примиреніи Франціи съ Англіей, съ тѣмъ, что оно будетъ принято Англіей въ продолженіе мѣсяца со дня размѣна рати-

1) Scherr, Blücher und seine Zeit. II, 302 — 304.

2) Въ началѣ этой статьи, собственноручно вычеркнуты императоромъ Александромъ слова: «Par une suite du désir exprimé en l'article précédent, S. M. l'Empereur Napoléon consent à ce que»... (Вслѣдствіе желанія, изъявленнаго въ предыдущей статьѣ, е. в. императоръ Наполеонъ согласенъ, чтобы.....).

фикаціи тильзитскаго трактата. (Ст. XIII.) 5) Императоръ Александръ признавалъ братьевъ Наполеона королями: Иосифа — неаполитанскимъ (Ст. XIV), Лудовика — голландскимъ (Ст. XV) и Иеронима — вестфальскимъ (Ст. XVIII и XIX), а равно титулы и владѣнія, какъ настоящихъ, такъ и будущихъ членовъ рейнскаго союза. (Ст. XV.) 6) Императоръ Александръ уступилъ королю голландскому Іеверское княжество ¹⁾, между восточною Фрисландіею и герцогствомъ Ольденбургскимъ. (Ст. XVI.) 7) Императоръ Александръ принялъ посредничество Наполеона въ примиреніи Россіи съ Портою. Положено русскимъ войскамъ очистить Молдавію и Валахію, а туркамъ не занимать этихъ областей до заключенія мира между Россіею и Турціею. (Ст. XXI — XXIII.) 8) Императоръ Александръ и Наполеонъ взаимно ручались за цѣлость владѣній, какъ своихъ, такъ и тѣхъ, кои содержатся въ семъ трактатѣ. (Ст. XXIV и XXV.) 9) Церемонія дворовъ с.-петербургскаго и тюльрійскаго установлена на положеніи совершеннаго равенства. (Ст. XXVIII) ²⁾.

По отдѣльнымъ секретнымъ статьямъ, въ тильзитскому трактату, постановлено: 1) передать французскимъ войскамъ область Катаро; 2) уступить Наполеону въ полное обладаніе республику Семи-острововъ; 3) Наполеонъ обязался не преслѣдовать тѣхъ подданныхъ Порты, кои участвовали въ дѣйствіяхъ противъ французовъ ³⁾; 4) императоръ Александръ обязался признать короля неаполитанскаго Иосифа, королемъ Обѣихъ Сицилій, какъ только неаполитанская династія Бурбоновъ получитъ въ вознагражденіе Балеарскіе острова, либо Кандію; 5) принцамъ, лишеннымъ владѣній, а равно и супругамъ ихъ, если онѣ переживутъ мужей своихъ, производить пенсіи, именно: курфирсту гессенъ-кассельскому 200,000 голл. гульденовъ, герцогу брауншвейгскому 100,000 и принцу оранскому 60,000: первымъ двумъ отъ вестфальскаго короля Иеронима, а послѣднему отъ великаго герцога бергскаго Мюрата; 6) вдовствующей герцогинѣ ангальтъ-цербетской, пользовавшейся доходами Іеверскаго

¹⁾ По пресѣченіи мужскаго потомства ангальтъ-цербетскаго дома въ 1798 году, княжество іеверское досталось императрицѣ Екаторинѣ II, которая дозволила владѣть имъ вдовѣ послѣдняго князя.

²⁾ Черновой тильзитскій мирный трактатъ, съ собственноручными поправками императора Александра и Наполеона, за подписью князя Куракина, князя Лобанова-Ростовскаго и Талейрана, принца беневентскаго, хранится въ Архивѣ минист. иностр. дѣлъ.

³⁾ При этомъ, русское правительство преимущественно имѣло въ виду обезопасить черноморцевъ.

княжества, производить пенсію въ 60,000 голл. гульденовъ, отъ голландскаго короля Лудовика ¹⁾.

Одновременно съ изложеннымъ договоромъ, былъ заключенъ между Россією и Францією союзный трактатъ, оборонительный и наступательный, слѣдующаго содержанія: 1) императоръ Александръ и Наполеонъ обязывались дѣйствовать за-одно, на сушѣ и на морѣ, во всякой войнѣ, которую Франція или Россія будутъ вести противъ какой-либо европейской державы. Въ случаѣ таковой войны, они заключаютъ особенное условіе о числѣ выставляемыхъ ими войскъ и мѣстахъ дѣйствій; если же обстоятельства потребуютъ, употребить, для взаимнаго содѣйствія, всѣ свои силы (ст. I и II). 2) Вести военныя дѣйствія по взаимному соглашенію и не заключать отдѣльнаго мира (ст. III). 3) Если Англія не приметъ посредничества Россіи, либо, принявъ его, не заключить къ 1 ноября мира, признавъ независимость всѣхъ державъ на моряхъ и возвративъ колоніи, завоеванныя ею съ 1805 года у Франціи и ея союзниковъ, то императоръ Александръ велитъ подать сенъ-джемскому кабинету ноту съ положительнымъ объявленіемъ (*déclaration positive et explicite*), что если къ 1 декабря Англія не дастъ удовлетворительнаго отвѣта, то русскій посланникъ немедленно потребуетъ свои паспорта (ст. IV). 4) При отказѣ Англіи, Россія и Франція одновременно пригласятъ копенгагенскій, стокгольмскій и лиссабонскій дворы—запереть англичанамъ свои гавани и объявить имъ войну; если же который-либо изъ сихъ дворовъ не согласится на такое предложеніе, то Россія и Франція объявятъ ему войну, и, въ случаѣ разрыва съ Швеціей, заставятъ Данію воевать противъ шведовъ (ст. V). 5) Россія и Франція настоятельно пригласятъ Австрію приступить къ IV статьѣ сего договора (ст. VI). 6) Если Англія, въ опредѣленный срокъ и на помянутыхъ условіяхъ, заключитъ миръ, то возвратитъ королю великобританскому Ганноверъ, въ замѣнъ французскихъ, испанскихъ и голландскихъ колоній (ст. VII). 7) Если Порта не приметъ посредничества Франціи въ примиреніи съ Россіей, либо, принявъ его, не заключитъ мира въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, то императоръ Александръ и Наполеонъ избавятъ отъ ига и притѣсненій турокъ всю Европейскую Турцію, оставя султану только Константинополь и Румелію. (... les deux hautes parties contractantes s'entendront pour soustraire toutes les provinces de l'Empire Ottoman en Europe, la ville

¹⁾ Секретныя статьи, присоединенныя къ тильзитскому мирному трактату, за подписью Куракіна, Лобанова и Талейрана, хранятся въ Арх. минист. иностр. дѣл.

Constantinople et la province de Romélie éxceptées au joug et aux vexations des Turcs) (ст. VIII). 8) Настоящій трактатъ останется въ тайнѣ, и проч. (ст. IX) ¹⁾.

Тильзитскій трактатъ нисколько не унижилъ достоинства Россіи, но заключалъ въ себѣ многія условія, клонившіяся къ тому, чтобы нанести ей вредъ и приуготовить ея паденіе. Учрежденіе Варшавскаго герцогства было первымъ шагомъ къ возстановленію Польши, государства, издревле враждебнаго Россіи; въ этомъ новомъ созданіи своей макиавеллической политики, Наполеонъ видѣлъ орудіе, послушное руцѣ его при всякомъ столкновеніи Франціи съ русскимъ колоссомъ. Императоръ Александръ, не смотря на всѣ дружественныя увѣренія Наполеона, проникавшій его виды, былъ недоволенъ этимъ распоряженіемъ; но Наполеонъ старался разсѣять его сомнѣнія, увѣряя, что «Россія, со стороны запада, должна ограничиться Нѣманомъ, чтобы не возбудить опасеній Европы, и что для императора Александра выгодно обратить свою дѣятельность на сѣверъ — въ Финляндію, и на востокъ — въ Турцію, и даже въ Индію» ²⁾.

Желая поселить раздоръ между Александромъ и Фридрихомъ-Вильгельмомъ, взаимно связанными столько же политикою, сколько дружбою, Наполеонъ объявилъ, что онъ возвращаетъ королю прусскому большую часть завоеванныхъ у него областей единственно изъ уваженія къ императору Александру, и уступилъ Россіи Бѣлостокскую область, принадлежавшую Пруссіи. Первое глубоко оскорбило гордость прусскаго народа, а второе выказывало Александра присвоителемъ страны, отнятой у его союзника и сподвижника. Александръ, въ высшей степени обладавшій чувствомъ нравственнаго приличія, отказывался отъ пагубнаго дара, ему предложеннаго, но Наполеонъ успокоилъ его совѣсть, поставя ему на видъ, что Бѣлостокская область, въ случаѣ его отказа, не будетъ возвращена королю прусскому, а послужитъ къ увеличенію Варшавскаго герцогства ³⁾. Тѣмъ не менѣе, однакожь, присоединеніе Бѣлостокской области, нисколько неувеличившее могущества Россіи, дало поводъ иностраннымъ публицистамъ порицать императора Александра и внушать недовѣріе къ русскому правительству ⁴⁾.

Наполеонъ, ненавидя короля шведскаго, Густава IV, непри-

¹⁾ Traité d'alliance offensive et défensive, conclu à Tilsitt, le 25 juin (7 juillet) 1807, за подписью князя Куракина, князя Лобанова и Талейрана (Арх. минист. иностр. дѣлъ).

²⁾ Thiers. VII, 733 — 734.

³⁾ Thiers. VII, 734.

⁴⁾ F. v. Smitt. Zur näheren Aufklärung über den Krieg von 1812. p. 134.

миримаго врага своего, и не имѣя возможности вредить прямо Швеціи, возбудилъ противъ нея російскаго монарха. Для этого онъ, въ бесѣдахъ съ Александромъ, выказывалъ короля опаснѣйшимъ непріателемъ Россіи, постоянно угрожавшимъ нашей сѣверной столицѣ. «Возьмите Финляндію — говорилъ онъ — въ вознагражденіе издержекъ войны, которую вамъ придется вести противъ Швеціи. Король шведскій вамъ зять и вашъ союзникъ, но именно потому онъ и долженъ слѣдовать вашей политикѣ, либо понести наказаніе за свое упрямство. Шведскій государь можетъ быть вашимъ родственникомъ, союзникомъ, въ настоящую минуту, но *онъ вамъ непріатель географическій*. Петербургъ слишкомъ близокъ къ финляндской границѣ. Пусть прекрасныя жительствоны Петербурга не слышатъ болѣе изъ дворцовъ своихъ грома шведскихъ пушекъ»¹⁾. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что приобрѣтеніе Финляндіи, не смотря на бѣдность ея, было весьма полезно для Россіи и желательно Александру; но самое географическое положеніе этой страны, отрѣзанной отъ Швеціи Ботническимъ заливомъ, способствовало русскимъ завоевать ее, и это, рано или поздно, совершилось бы непременно и безъ внезапной перемѣны отношеній нашего государя къ его союзнику, соединенному съ нимъ узами родства. Матеріальная выгода присоединенія Финляндіи была сопряжена съ упадкомъ нравственнаго вліянія императора Александра и поселила надолго въ шведахъ недоброжелательство къ Россіи.

Еще важнѣе для Наполеона было то, что война Александра съ Швеціей могла ускорить явный разрывъ Россіи съ Англіей. Доселѣ эти державы были постоянно соединены тождествомъ политическихъ видовъ и выгодами обмѣна русскихъ продуктовъ на англійскіе колоніальныя и мануфактурныя товары. Наполеонъ, желая расторгнуть эту связь, поставилъ главнымъ условіемъ своего союза съ императоромъ Александромъ прекращеніе торговли съ англичанами, что повлекло за собою упадокъ народнаго богатства и финансовый кризисъ въ Россіи. Война съ Англіей была въ высшей степени противна нашему общественному мнѣнію, и Наполеонъ, возбуждая ее, надѣялся

¹⁾ «prenez la Finlande, comme dédommagement de la guerre que vous aurez été amené à faire contre la Suède. Le roi de Suède, il est vrai, est votre beau-frère et votre allié; mais puisqu'il est votre beau-frère et votre allié, qu'il suive les changemens de votre politique, ou qu'il subisse les conséquences de sa mauvaise volonté». «La Suède, répéta souvent Napoléon, peut être un parent, un allié du moment, mais c'est l'ennemi géographique. Petersbourg se trouve trop près de la frontière de Finlande. Il ne faut plus que les belles Russes de Pétersbourg entendent de leurs palais le canon des Suédois». Thiers, VII, 721.

не только разсорить своихъ опаснѣйшихъ враговъ, но и покорить въ русскомъ народѣ преданность правительству.

Такимъ образомъ, всѣ уступки, надежды, обѣщанія, данныя Наполеономъ императору Александру, клонились къ ослабленію Россіи и къ отторженію отъ нея союзниковъ. Пока Наполеонъ надѣялся уловить въ разставленные имъ сѣти сильнаго соперника, до тѣхъ поръ съ самодовольствіемъ выказывалъ передъ своими приближенными Александра молодымъ, неопытнымъ человекомъ, неустоявшимъ противъ обаянія его могучей рѣчи; когда же онъ убѣдился, что Александръ не позволилъ ему обмануть себя, тогда сталъ жаловаться на двуличіе осторожнаго противника и называть его «грекомъ восточной имперіи» (*Grec du Bas-Empire*). Изъ этого видно, что Наполеонъ, не соблюдая прямоты въ сношеніяхъ съ императоромъ Александромъ, допускалъ только возможность обмануть его, либо самому быть обманутымъ.

И Наполеонъ, въ угоду Александру, пожертвовалъ своими союзниками — турками, которыхъ самъ увлекъ въ войну противъ Россіи надеждою возвращенія Крыма и обѣщаніями содѣйствія. Онъ обязался отстаивать ихъ интересы при заключеніи мира, но, съ обычною ему изворотливостію, воспользовался паденіемъ Селима, чтобы нарушить данное имъ слово. «Само Провидѣніе — сказалъ онъ императору Александру — освободило меня отъ обязательствъ въ отношеніи къ Портѣ. Мой союзникъ, мой другъ, султанъ Селимъ низверженъ съ престола въ оковы. Я думалъ, что можно сдѣлать что либо изъ турокъ, возстановить ихъ духъ, употребить въ пользу ихъ врожденное мужество: это — мечта. Пора кончить съ государствомъ, которое не можетъ существовать, и не позволить Англій воспользоваться этою добычею»¹⁾.

Ежели тильзитскій миръ, заключенный между императоромъ Александромъ и Наполеономъ на основаніяхъ совершеннаго равенства, былъ столь невыгоденъ для Россіи, то чего могла ожидать Пруссія отъ высокочернаго завоевателя? «Горе побѣжденнымъ!» сказалъ некогда вождь грубыхъ галловъ. Предводитель величающагося своимъ просвѣщеніемъ народа поступилъ не лучше съ Пруссіею. По приказанію Наполеона, Талейранъ объявилъ прусскимъ уполномоченнымъ условія мира, назначенныя императоромъ французамъ. Оставалось исполнить волю побѣдителя.

Потери Пруссіи были неисчислимы: по трактату, подписанному 27 іюня (9 іюля), она утратила около половины своихъ

¹⁾ Thiers. VII, 717.

подданныхъ, именно 4,600,000 ч.; всѣ прусскія области по лѣвую сторону Эльбы, и почти вся страна, приобрѣтенная при раздѣлахъ Польши, были у ней отняты въ пользу короля саксонскаго, новаго короля вестфальскаго и Россіи; чрезъ прусскую Силезію, между Саксоніей и Варшавскимъ герцогствомъ, проложены военныя дороги, по которымъ проходили саксонскія, польскія и французскія войска; король прусскій обязался закрыть свои гавани для англійскихъ судовъ и торговли; наконецъ, очищеніе прусскихъ крѣпостей отъ французскихъ войскъ было опредѣлено конвенціей, заключенною въ Кенигсбергѣ, 30 іюня (12 іюля), которая подавала французамъ, подъ предлогомъ взиманія военной контрибуціи съ Пруссіи, поводъ ко всевозможнымъ притѣсненіямъ и произвольнымъ поборамъ ¹⁾. Почти до половины 1808 года, жители этой несчастной страны были принуждены содержать на свой счетъ отъ ста до двухъ сотъ тысячъ французовъ и войскъ рейнскаго союза. И какъ будто бы всѣхъ этихъ золъ было недостаточно для подавленія Пруссіи, Наполеонъ счелъ нужнымъ обязать короля Фридриха-Вильгельма, чтобы, въ продолженіе десяти лѣтъ, вооруженныя силы прусской арміи не превосходили сорока двухъ тысячъ человѣкъ ²⁾.

Въ настоящее время, когда память о невзгодахъ при Аустерлицѣ и Фридландѣ, и тильзитскаго мира, изгладилась отечественною войною и торжествомъ Александра надъ его противникомъ, любопытно прослѣдить, какое впечатлѣніе сдѣлалъ этотъ неожиданный миръ на русскихъ, принявшихъ за два года лишь предъ тѣмъ на себя роль защитниковъ угнетенной Европы? Наполеонъ, побудивъ насъ сдѣлаться сподвижниками своей политики, щадилъ всевозможно и нашу народную гордость, и самолюбіе нашего государя, который, съ своей стороны, оказывалъ бывшему врагу знаки искренняго уваженія. Въ самый день ратификаціи мирнаго и союзнаго трактатовъ, 27 іюня (9 іюля), императоръ Александръ и Наполеонъ обмѣнялись орденами. Государь пожаловалъ андреевскія ленты: Мюрату, Талейрану и Бертѣе, а Наполеонъ — Почетнаго Легіона: цесаревичу Константину Павловичу, князю Куракину, князю Лобанову и барону

¹⁾ *Traité entre la France et la Prusse, conclu de la part de la France par M. Ch. Maur. Talleyrand, prince de Bénévent, et de la part de la Prusse par M. le feld-marchal Kalkreuth et M. le comte de Goltz, le 9 juillet, et ratifié à Königsberg la 12 de même mois.*

²⁾ *Höpfner. III, 709 — 711.*

Будбергу. Тогда же Наполеонъ изъявилъ намѣреніе пожаловать орденъ Почетнаго Легіона храбрѣйшему изъ русскихъ солдатъ. Полковникъ Козловскій вызвалъ изъ рядовъ преображенскаго баталіона перваго по ранжиру солдата, Лазарева. Наполеонъ снялъ съ себя крестъ Почетнаго Легіона, надѣлъ его на Лазарева и приказалъ выдавать ему ежегодно по 1,200 франковъ. Императоръ Александръ, съ своей стороны, послалъ Наполеону знавъ отличія военнаго ордена для храбрѣйшаго изъ французскихъ солдатъ. (Впослѣдствіи, Коленкуръ, будучи посломъ въ Петербургъ, приглашалъ Лазарева къ себѣ на балы и обѣды.) Въ тотъ же день, баталіонъ наполеоновой гвардіи угощалъ на полѣ обѣдомъ всѣхъ солдатъ преображенскаго баталіона, на серебряныхъ приборахъ. Императоръ Александръ хотѣлъ также угостить французскихъ гвардейцевъ, но у насъ не нашлось приборовъ. Государь, узнавъ о томъ, сказалъ съ неудовольствіемъ оберъ-гофмаршалу графу Толстому: «возьми хоть по 25 червонцевъ на человѣка, но сдѣлай обѣдъ». Графъ Толстой, съ отличавшею его рѣзкою откровенностью, отвѣчалъ государю: «такъ развѣ прикажете положить эти червонцы передъ каждымъ солдатомъ? Приборовъ у насъ всего двѣнадцать; вы сами не велѣли больше брать съ собою въ походъ». Вообще, во все время пребыванія въ Тильзитѣ, русскіе были гостями французовъ¹⁾.

Императоръ Александръ зналъ настоящую цѣну угожденіямъ Наполеона, хотя нѣкоторые изъ русскихъ, тогда находившихся въ Тильзитѣ, были ослѣплены шумихою лести. Генералъ Будбергъ писалъ, между прочимъ, товарищу министра иностранныхъ дѣлъ, графу Александру Николаевичу Салтыкову: «Судя по тому, что произошло здѣсь до сихъ поръ, можемъ надѣяться, что это достопамятное событіе будетъ имѣть самыя удовлетворительныя послѣдствія»²⁾. Князь Лобановъ до того чванился своимъ участіемъ въ заключеніи тильзитскаго мира, что приобрѣлъ нелепное для себя прозваніе «князя мира». Но ближайшіе сподвижники государя смотрѣли иначе на внезапную перемѣну нашей политики; въ особенности же Новосильцовъ, постоянный поборникъ союза съ Англіей, не скрывалъ, что новая политическая система русскаго правительства была противна его убѣжденію: когда императоръ Александръ, увидѣвъ Новосильцова, сказалъ ему: «Ну, я принялъ Почетный Легіонъ», онъ отвѣчалъ государю: «Теперь, оставаясь на службѣ, я могъ бы повредить новому союзу вашего величества и новой вашей ца-

¹⁾ Генералъ Михайловскій-Данилевскій.

²⁾ Изъ письма отъ 15 іюня ст. ст. 1807 года.

литивѣ. Наполеону извѣстны моя личная къ нему вражда и моя пріязнь къ Англіи; слѣдственно, покажѣсть я при васъ, онъ не можетъ полагаться на искренность вашихъ чувствъ, а потому, чтобы упрочить довѣріе новаго вашего союзника, вамъ **нигда** нельзя долѣе держать меня при себѣ. Вы, напротивъ, должны меня прогнать, и прогнать гласно». Императоръ Александръ не сдѣлалъ этого, но, тѣмъ не менѣе, Новосильцовъ постепенно лишился всѣхъ своихъ докладовъ государю и доступа къ нему; считая себя обиженнымъ, онъ гласно порицалъ податливость нашего двора Наполеону и разрывъ съ Англіей. Нѣсколько неосторожныхъ словъ; имъ сказанныхъ гдѣ-то на публичномъ обѣдѣ, переполнили мѣру терпѣнія снисходительнаго Александра, и Новосильцовъ былъ принужденъ уѣхать за-границу. Кочубей, въ ноябрѣ 1807 года, получилъ увольненіе, подъ предлогомъ болѣзни, въ безсрочный отпускъ. Графъ Строгановъ, вида невозможность оставаться въ прежнихъ отношеніяхъ къ государю, предпочелъ мечъ перу, еще при началѣ 1807 года, и, получивъ, въ чинѣ тайнаго совѣтника, за блистательный подвигъ въ отрядѣ Платова, орденъ Георгія 3 класса, по заключеніи тильзитскаго мира былъ переименованъ въ генералъ-маіору и пожалованъ въ генералъ-адъютанты. Причину удаленія товарищей юности Александра слѣдуетъ приписать не столько измѣненію его внѣшней политики, сколько нравственному перевороту, происшедшему въ немъ самомъ, послѣ тильзитскаго свиданія. Многократныя продолжительныя бесѣды съ тѣмъ, кого современники наперерывъ провозглашали величайшимъ изъ смертныхъ, должны были развить самостоятельность Александра и показать ему въ настоящемъ видѣ благородныхъ, но мало опытныхъ и не всегда дальновидныхъ совѣтниковъ, которыхъ прежде считалъ онъ умами превосходными. Впослѣдствіи, они снова были призваны къ государственной дѣятельности, но прежнее высокое значеніе ихъ при государѣ уже никогда не возобновлялось.

Паденіе этихъ любимцевъ и перемѣна нашей внѣшней политики на первый разъ увеличили и безъ того уже сильное вліяніе графа Николая Александровича Толстаго и его приверженцевъ. Болѣзнь барона Будберга послужила предлогомъ къ его увольненію. Министерство иностранныхъ дѣлъ, послѣ краткаго управленія князя Александра Николаевича Салтыкова, было ввѣрено, сперва временно (въ сентябрѣ 1807 г.), а потомъ и окончательно (въ февралѣ 1808 года) графу Николаю Петровичу Румянцеву, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, сохранилъ и прежнее свое министерство коммерціи. Его назначеніе было новымъ торжест-

комъ для французской партіи и для всѣхъ тѣхъ, которые, увлекаясь фетишизмомъ къ Наполеону, считали всякую борьбу съ нимъ невозможною. Напротивъ того, гласъ народа, не всегда—гласъ Божій, но тогда вѣрно сознававшій силы и средства Россіи, желалъ, чтобы смыто было пятно тильзитскихъ уступокъ. Оскорбленная народная гордость требовала новой войны, а благопріятное расположеніе къ Франціи графа Румянцева подавало лицу неудовольствію и насмѣшкамъ. Присланный Наполеономъ, въ качествѣ резидента при нашемъ дворѣ, генералъ Савари былъ принятъ съ ледяною холодною въ высшемъ обществѣ Петербурга, и только лишь ласковое обращеніе съ нимъ императора Александра, сдѣлавшагося, или казавшагося, вполне преданнымъ Наполеону, заставило нашу аристократію измѣнить обращеніе съ клеветомъ ненавистнаго русскимъ «Бонапарте».

Неудачныя войны и, еще болѣе, неудачный тильзитскій миръ усилили общее неудовольствіе на благонамѣренныя, но, большею частію, безуспѣшныя реформы императора Александра. Однѣ изъ нихъ затрогивали частныя интересы многихъ лицъ; другія, будучи искажены плохимъ выборомъ дѣятелей и превратнымъ исполненіемъ задуманныхъ соображеній, возбуждали невыгодныя толки о видахъ правительства и, преимущественно, о самомъ Александрѣ¹⁾. Шведскій посланникъ Штедингъ доносилъ своему государю: «Вообще, неудовольствіе противъ императора болѣе и болѣе возрастаетъ, и на этотъ счетъ говорятъ такія вещи, что страшно слушать. Люди, преданные государю, въ отчаяніи, но между ними нѣтъ никого, кто бы сумѣлъ пособить бѣдѣ и отважился объяснить ему вполне опасность его положенія. Не только въ частныхъ бесѣдахъ, но и въ публичныхъ собраніяхъ толкуютъ о перемѣнѣ правленія», и проч.²⁾ И Вигель, въ своихъ «Запискахъ», не всегда безпристрастный въ отношеніи лицъ, но почти всегда справедливый въ изображеніи общества, говоритъ: «На Петербургъ, на Москву, на всѣ тѣ мѣста, воихъ просвѣщеніе наиболѣе коснулось, тильзитскій миръ произвелъ самое грустное впечатлѣніе: тамъ знали, что союзъ съ Наполеономъ не что иное, какъ признаніе его надъ собою власти». Затѣмъ, упомянувъ о внезапномъ измѣненіи въ народѣ чувства нѣжной любви къ обожаемому доселѣ Александру, Вигель справедливо порицаетъ такое непостоянство. По словамъ его: «Все, что человѣкъ, нерожденный полководцемъ, можетъ сдѣлать, все то сдѣлалъ Императоръ Александръ: что оставалось ему, когда

¹⁾ Изъ записокъ б. М. А. К.

²⁾ Mémoires du comte de Stedingk. II. 355—356. (Письмо его къ королю Густаву IV, отъ 28-го сентября ст. ст. 1807 года).

онъ увидѣлъ безчисленную рать непріятельскую, разбитое свое войско, подерѣвленное одною только свѣжею, новосформированною дивизіею князя Лобанова, — и всѣмъ ужаснаго Наполеона, стоящаго уже на границѣ его государства? Чтò сказали бы рускіе, еслибъ за нее впустилъ онъ его? И въ этомъ, тяжкомъ для его сердца примиреніи, развѣ не сохранилъ онъ своего достоинства? Развѣ не умѣлъ онъ, побѣжденный, стать совершенно наравнѣ съ побѣдителемъ, и тутъ явиться еще покровителемъ короля прусскаго? Такимъ ли бѣдствіямъ, такимъ ли униженіямъ подвергалъ себя императоръ Францъ II-й? Чтò дѣлали его подданные? Дѣлили съ нимъ горе и съ каждымъ новымъ несчастіемъ крѣпче тѣснились къ нему и сыновнѣе его любили». Необходими были неслыханныя бѣдствія и вѣчная слава отечественной войны, чтобы снова привлечь къ Александру сердца его подданныхъ!

Императоръ Александръ, при заключеніи тильзитскаго мира, могъ сдѣлать ошибки. Какъ человѣкъ неопытный въ трудномъ дѣлѣ войны, онъ могъ ошибиться въ расчетѣ всѣхъ вѣроятныхъ послѣдствій вторженія Наполеона въ Россію. Полководецъ, коему суждено было играть важную роль въ событіяхъ 1812 года, еще до переговоровъ въ Тильзитѣ, указывалъ вѣрнѣйшій способъ дѣйствій къ истребленію наполеоновыхъ полчищъ въ Россіи. По мнѣнію Барклая-де-Толли, надлежало русскимъ арміямъ, по переходѣ французовъ черезъ Нѣманъ, отступать къ Москвѣ, опустошая пройденную страну и избѣгая генеральнаго сраженія, до тѣхъ поръ, пока непріятель, ослабленный труднымъ походомъ, найдетъ другую Полтаву ¹⁾. Такой планъ дѣйствій могъ быть исполненъ въ 1807 году, когда Наполеонъ считалъ въ рядахъ своихъ не болѣе 200,000 человѣкъ, съ большею вѣроятностью успѣха, нежели въ 1812 году, противъ полумилліонной арміи. Но императоръ Александръ обсуживалъ это дѣло не съ хладнокровіемъ закалившагося въ бояхъ полководца, а съ горячими чувствами любви и состраданія къ своимъ подданнымъ. Если бы даже ему былъ извѣстенъ планъ Барклая, то едва ли бы онъ рѣшился его исполнить. Его нѣжная душа была бы растерзана картиною неминуемаго разоренія многихъ областей, пожара цвѣтущихъ городовъ и мирныхъ селъ, гибели цѣлыхъ семействъ, лишенныхъ крова! Александръ предупредилъ всѣ эти бѣдствія, отсрочилъ на годы развязку міровой драмы, и не намъ упрекать его память въ невыгодныхъ послѣдствіяхъ тильзитскаго мира.

М. Богдановичъ.

¹⁾ Это мнѣніе, изъявленное Барклаемъ-де-Толли знаменитому Нибуру, изложено въ сочиненіи генерала Дюма: *Précis des événemens militaires*. XIX. 447 — 448.

V.

МАТЕРІАЛЫ

ВЪ

РУССКОЙ ИСТОРИИ

XVIII ВѢКА.

(1788 г.)

Во все продолженіе царствованія Екатерины II, цесаревичъ и великій князь Павелъ Петровичъ, какъ извѣстно, оставался совершенно въ тѣни. Одаренный съ ранняго дѣтства блестящими способностями, добрымъ сердцемъ и острымъ умомъ, — питомецъ графа Н. И. Панина, одного изъ замѣчательнѣйшихъ государственныхъ людей своего времени, великій князь Павелъ Петровичъ не былъ приближенъ своею великою матерью въ ряды ближайшихъ и довѣренныхъ сотрудниковъ ея въ вершеніи дѣлъ государственныхъ, и не имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи, сколько-нибудь самостоятельномъ, ни одной изъ болѣе важныхъ отраслей государственнаго управленія.

Въ отечественной исторіи XVIII в. много пробѣловъ, — много событій и явленій ожидаетъ самыхъ обстоятельныхъ изслѣдованій, и въ числу такихъ-то предметовъ, безъ сомнѣнія, принадлежить жизнь или, лучше сказать, положеніе великаго князя Павла Петровича при дворѣ его матери. Притомъ, въ то время,

когда въ массѣ всевозможныхъ трудовъ о царствованіи Екатерины II, въ грудѣ изданныхъ матеріаловъ, драгоценныхъ для изученія характера этой государыни, образъ Екатерины II выростаетъ предъ нами необыкновенно рельефно, со всеми своими достоинствами и недостатками, — личность Павла до сихъ поръ остается во многихъ отношеніяхъ загадочною. Пересматривая все, что писано о Екатеринѣ и ея царствованіи, много ли находимъ мы свѣдѣній о наслѣдникѣ ея престола? Мы встрѣчаемъ указанія на участіе Павла Петровича въ тѣхъ или другихъ официальныхъ торжествахъ, — находимъ не мало анекдотовъ (зачастую сомнительной вѣрности) о своеобразной жизни великаго князя и оригинальномъ его препровожденіи времени въ уединенномъ Павловскѣ или въ мѣстѣ его добровольнаго заточенія — въ ничтожномъ тогда селѣ Гатчинѣ. Перечитывая эти анекдоты, слѣдя за потѣхами великаго князя Павла, не совсѣмъ ясно узнаешь въ этой личности тѣ прекрасныя свойства души и сердца, ту необыкновенную остроту ума, какую являлъ Павелъ въ годы своего дѣтства и юности. Невольно задаешь вопросъ: неужели гатчинскій затворникъ оставался безучастнымъ зрителемъ всѣхъ тѣхъ реформъ внутренняго строя Россіи, какія происходили вокругъ него? Неужели онъ былъ холоденъ къ событіямъ, совершавшимся въ сферѣ внѣшнихъ отношеній его отечества къ прочимъ государствамъ? Могло ли быть, чтобы человекъ, хорошо образованный, — какимъ былъ Павелъ Петровичъ, — съ тою страстью къ кипучей дѣятельности, какую онъ явилъ впоследствии въ четырехлѣтнее свое царствованіе, — въ бытность свою великимъ княземъ не вдумывался въ событія, вокругъ него совершавшіяся, не разбиралъ ихъ критически, не вырабатывалъ себѣ ностепенно наиподробнѣйшей и самой опредѣлительной программы порядка управленія государствомъ на то время, когда Провидѣнію угодно будетъ предоставить ему бразды правленія въ имперіи?

Нѣтъ; потѣхи гатчинскія не заполонили, да и не могли совершенно заполнить такую личность, — какъ Павелъ. Матеріалы, издаваемые нами въ настоящей статьѣ, какъ нельзя лучше свидѣтельствуютъ, что наслѣдникъ престола, занятаго Екатериной II, въ тиши своей уединенной жизни, вдали отъ двора, пытливымъ окомъ слѣдилъ за всѣмъ, что дѣлалось, какъ въ сферѣ внутренняго управленія, такъ и въ области внѣшнихъ отношеній Россіи къ другимъ государствамъ; онъ самостоятельно изучалъ разныя отрасли управленія, видѣлъ ихъ недостатки, замѣчалъ большыя мѣста государственнаго организма, и, задолго

до своего востшествія на престолъ, выработалъ себѣ программу управления Россіей и ясно опредѣлилъ цѣль этого управления.

Материалы, приводимые нами въ настоящей статьѣ, суть—копіи съ завѣщаній Павла Петровича, написанныхъ имъ на 34 году отъ рожденія и за *восемь* лѣтъ до востшествія его на престолъ. При какихъ обстоятельствахъ и по какому поводу составлены были эти завѣщанія? Въ какой степени вѣрны и какъ дошли до насъ копіи съ этихъ актовъ?— вотъ вопросы, на которые мы должны дать отвѣты прежде, нежели приведемъ самые акты.

1788-й годъ безспорно принадлежитъ въ славнѣйшимъ годамъ царствованія Екатерины II, въ дѣлѣ ея виѣшней политики. Россія, возвеличенная цѣлымъ рядомъ самыхъ блистательныхъ побѣдъ, одержанныхъ «екатерининскими орлами» въ первое десятилѣтіе царствованія этой государыни, широко раздвинувъ свои предѣлы на западъ и югъ, находилась, въ 1788 г., въ новой и упорной борьбѣ съ Оттоманскою Портою, возбуждаемою и руководимою Англіей и Пруссіей.... Въ то время, когда великолѣпный князь Тавриды, вмѣстѣ съ Суворовымъ съ одной стороны, а герой Кагула, графъ П. А. Румянцевъ съ другой— великую счастливую борьбу съ турками, на другомъ концѣ Россіи, почти у самыхъ воротъ ея столицы— явился новый врагъ, врагъ самоудѣянный, хвастливый, тѣмъ не менѣе энергическій и предприимчивый: то былъ Густавъ III, король шведскій. Вѣсти о замыслахъ короля воспользоваться, какъ онъ думалъ, удобнымъ временемъ для отторженія отъ Россіи Петровыхъ завоеваній,— рано достигли петербургскаго двора, и Екатерина, при всей увѣренности въ собственныя силы и при всемъ презрѣніи къ такому ничтожному противнику, какимъ былъ въ ея глазахъ Густавъ III, приняла, однако, заблаговременно мѣры для встрѣчи и отраженія врага, какъ на сушѣ, такъ и со стороны моря. Большая часть русскихъ войскъ была отвлечена войною съ Турціею на югъ, и на сѣверо-западѣ Россіи оставались силы весьма малочисленныя; безъ сомнѣнія, для приданія этимъ войскамъ выщей бодрости— государыня, послѣ нѣкотораго колебанія, разрѣшила наслѣднику цесаревичу, по его настоятельнымъ просьбамъ, принять личное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ со шведами, но не во флотѣ, генераль-адмираломъ котораго великій князь считался еще съ 1762 года, а на сухомъ пути, въ Финляндіи. Надобно полагать, что вопросъ о дозволеніи Павлу Петровичу отправиться на театръ военныхъ дѣйствій былъ рѣшенъ Екатериной, по крайней мѣрѣ, за полгода до объявленія самой войны Швеціи. Такъ можно судить изъ слѣдующихъ обстоятельствъ:

1 января 1788 года, мы видимъ государя цесаревича съ его супругою, Марією Ѳеодоровною, во дворцѣ государыни на торжественномъ выходѣ императрицы по случаю празднованія Нового года ¹⁾).

Надо думать, что именно теперь, т. е. между увеселеніями, сопровождавшими наступленіе Нового года, государыня объявила великому князю, что онъ приметъ личное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, въ случаѣ, если произойдетъ разрывъ съ Швеціей. По крайней мѣрѣ, Павелъ Петровичъ уже 4-го января 1788 года, въ Петербургѣ — безъ всякаго сомнѣнія, безъ вѣдома Екатерины — пишетъ три завѣщательныя письма къ своей супругѣ, затѣмъ одно письмо къ дѣтямъ (великимъ князьямъ Александру и Константину) и особый наказъ, или, какъ самъ Павелъ Петровичъ назвалъ этотъ документъ, — «предписаніе» о порядкѣ управленія Россіей. Каждый изъ первыхъ четырехъ документовъ помѣченъ «4 январемъ 1788 года», пятый актъ не имѣетъ помѣтки, но, какъ можно полагать, написанъ въ одинъ день съ письмами.

Замѣчательна поспѣшность, съ какою составлены эти акты: цесаревичъ пишетъ ихъ въ одинъ день, пишетъ, какъ будто бы завтра выступаетъ въ походъ, а между тѣмъ самая война еще и не объявлена Швеціи. 15 января того же года, въ Петербургѣ же, Павелъ Петровичъ составилъ еще одинъ актъ: это—официальное завѣщаніе, долженствовавшее быть представленнымъ Екатеринѣ и, безъ сомнѣнія, своевременно представленное ей,—о распредѣленіи всѣхъ недвижимыхъ и движимыхъ его имуществъ, въ случаѣ его смерти, между членами семьи, друзьями, приближенными и служителями Павла Петровича.

Между тѣмъ, только 21 іюня 1788 года, шведы открыли военныя дѣйствія въ Финляндіи, и великій князь Павелъ Петровичъ поспѣшилъ 1 іюля отправиться въ дѣйствующую армію ²⁾. Кампанія сего года ограничилась нѣсколькими незначительными стычками и пріостановилась къ сентябрю 1788 года отступленіемъ шведовъ ³⁾.

¹⁾ «Санктпетербургскія Вѣдомости». 1788 г. № 1, стр. 1—2.

²⁾ Зап. Храповицкаго, стр. 71—73. Достоинно замѣчанія, что ни объ отъѣздѣ великаго князя въ дѣйствующую армію, ни о пребываніи его тамъ, нѣтъ извѣстій въ русскихъ газетахъ того времени. Мы, по крайней мѣрѣ, не нашли этихъ извѣстій въ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1788 года, въ которыхъ, между тѣмъ, помѣщено много свѣдѣній по поводу разрыва и затѣмъ войны Россіи съ Швеціей; см. №№ 52, 54, 55; Прибавл. къ № 57, № 58, Прибавл. къ № 63 и проч.

³⁾ «Описаніе военныхъ дѣйствій въ Финляндіи въ 1788—90 г.»—статья А. А. Ск. въ «Морск. Сборн.» 1857 г. № 9.

Во всю бытность свою въ арміи, великій князь дѣятельно переписывался съ матерью и съ супругою и писалъ, между прочимъ, что 21 іюля онъ въ первый разъ видѣлъ непріятеля и нюхалъ его порохъ, т. е. рекогносцировалъ шведскія укрѣпленія, причемъ шведы встрѣтили русскихъ пальбою ¹⁾. Вообще, однако, какъ пишутъ нѣкоторые современники, великій князь Павелъ Петровичъ, если не имѣлъ случая показать какія-нибудь особыя воинскія дарованія, то явилъ въ этомъ походѣ храбрость и присутствіе духа ²⁾. Тѣмъ съ бѣльшимъ неудовольствіемъ долженъ онъ былъ получить приказаніе своей матери вернуться въ Петербургъ. Приказаніе это состоялось довольно скоро, и вотъ по какому случаю: герцогъ Карлъ Зюдерманландскій, главнокомандующій шведской арміей ³⁾, убѣдительно и нѣсколько разъ приглашалъ Павла Петровича съѣхаться съ нимъ для переговоровъ; императрица, получивъ о томъ извѣстіе отъ цесаревича, запретила ему ѣхать на это свиданіе, а для отвращенія самой возможности такового съѣзда, государыня написала 8-го сентября къ сыну, чтобы тотъ вернулся въ Петербургъ. 18 сентября 1788 года, наслѣдникъ былъ уже въ Петербургѣ; затѣмъ великому князю не пришлось принять участія въ военныхъ операціяхъ, возобновленныхъ въ 1789 году, и онъ вновь былъ вынужденъ углубиться въ свою обыденную, тихую жизнь въ Гатчинѣ, причемъ, время отъ времени, по прежнему являлся при дворѣ для участія въ разныхъ официальныхъ торжествахъ. Такъ проходили годы. Завѣщанія, нѣкогда столь быстро заготовленные Павломъ, лежали въ шкатулѣхъ. Составитель завѣщаній не отступился, однако, отъ взглядовъ, выраженныхъ въ нихъ въ 1788 году; и, по восшествіи на престолъ, 6 ноября 1796 года, Павелъ I весьма горячо, хотя и крайне своеобразно, принялся за осуществленіе ихъ на дѣлѣ.... Въ ночь на 12 марта 1801 года Павла I не стало. Новый государь поручилъ вѣрнѣйшему другу своего родителя, вице-канцлеру князю Александру Борисовичу Куракину, разобрать бумаги покойнаго государя ⁴⁾. При

¹⁾ Зап. *Храповицкаго*, стр. 92, 97, 98, 102, 105, 108 и 109.

²⁾ Жизнь Павла I, императора и самодержца всероссійскаго. Перев. съ нѣмецкаго В. *Кряжева*. Москва. 1805, стр. 16.

³⁾ Братъ короля Густава III, царствовавшій впоследствии въ Швеціи подъ именемъ Карла XIII, род. 1748, ум. 1818.

⁴⁾ Оставшіяся отъ князя А. Б. Куракина его частныя архивы представляетъ, въ нѣнѣйшемъ своемъ видѣ, 100 томовъ различнаго рода бумагъ, и перешелъ, по наслѣдству, отъ князя А. Б. Куракина къ барону Михаилу Николаевичу Сердобину. Благодаря обязательности барона Михаила Николаевича, которому свидѣтельствуемъ глубочайшую признательность, мы получили теперь возможность весьма близко ознакомиться съ

исполненіи этого порученія, Куракинъ нашель, какъ самъ свидѣтельствуеть, «въ собственной шкатулѣ» покойнаго императора, завѣщанія Павла, написанныя имъ въ 1788 г. Свято чья память своего друга и повелителя, Куракинъ, прежде чѣмъ передать подлинники завѣщаній кому слѣдовало, собственноручно снялъ копии съ этихъ бумагъ и затѣмъ озаботился оставленіемъ

этимъ драгоценнымъ собраніемъ матеріаловъ для исторіи послѣднихъ лѣтъ царствованія Екатерины II и всего царствованія Павла I.

Списокъ съ завѣщаній этого государя, снятый рукою Куракина, помѣщенъ сими послѣднимъ въ особомъ томѣ его архива; томъ этотъ, in-folio, переплетенъ въ красный сафьянъ, и на корешкѣ вытиснена надпись: «Къ вѣчному храненію». Эти же слова собственною рукою князя Куракина повторены на первой страницѣ книги. Затѣмъ въ сборникѣ (прошнурованномъ и скрѣпленномъ красною сургучною печатью князя Куракина), вписаны копии съ слѣдующихъ шести актовъ, сверхъ акта (№ 1) о происхожденіи рода Мусиныхъ-Юрьевыхъ (21 февраля 1801 г.):

I. Письмо великаго князя Павла Петровича къ великой княгинѣ Маріи Феодоровнѣ (4 января 1788 года).

II. Второе письмо Павла къ ней же (4 января 1788 года).

III. Третье письмо его же и къ ней же (4 января 1788 года).

IV. Письмо Павла къ дѣтямъ его (4 января 1788 года).

V. Духовное завѣщаніе Павла, въ 45 пунктахъ, о распредѣленіи движимаго и недвижимаго имущества, — написано 15 января 1788 года въ С.-Петербургѣ и начинается словами: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа».

VI. Наказъ или предписаніе о порядкѣ управленія въ 83 пунктахъ, составленный Павломъ для дѣтей. Пункты эти не имѣютъ въ оригиналѣ общаго заглавія, и подъ ними не выставлено числа, когда они составлены.

Документъ о происхожденіи рода Мусиныхъ-Юрьевыхъ писанъ почеркомъ не куракинскимъ, — затѣмъ всѣ остальные, поименованные нами шесть актовъ, писаны рукою самого князя А. Б. Куракина. Далѣе, въ томъ же сборникѣ, и уже другою рукою, написаны реестры драгоценнымъ вещамъ императора Павла I; списки эти составлены уже послѣ его смерти, — первые листы ихъ обведены чернымъ бордюромъ; вещи распредѣлены такъ, какъ онѣ завѣщаны разнымъ лицамъ въ 1788 г.; и дѣйствительно, по смерти Павла въ 1801 г. — вещи его (преимущественно драгоценныя и разные ордена) были розданы такъ, какъ это предназначено было имъ въ завѣщаніи 1788 г. Первый изъ этихъ списковъ вмѣщаетъ въ себя вещи, предназначенныя «Его императорскому величеству», т. е. Александру I; другой списокъ — «Ея императорскому величеству (Маріи Феодоровнѣ) и ихъ императорскимъ высочествамъ великимъ князьямъ»; затѣмъ идутъ: «Опись образамъ, хранящимся въ гардеробѣ блаженной памяти государя императора Павла Петровича»; «Опись (рука Куракина) казеннымъ бриллиантовымъ вещамъ, хранящимся въ гардеробѣ блаженной памяти государя императора». Далѣе, въ сборникѣ помѣщенъ новый рядъ описей разнымъ драгоценнымъ вещамъ Павла, съ заглавіями: «Ихъ императорскимъ высочествамъ великимъ князьямъ», и «Разнымъ особамъ»; при этомъ, противъ многихъ вещей, значущихся въ описяхъ, сдѣланы отиѣтки, нерѣдко рукою Куракина, кому отдана или куда употреблена та или другая вещь. Сборникъ (состоящій изъ 62 полулистовъ, изъ которыхъ довольно много неписанныхъ) оканчивается описью на двухъ полулистахъ руки Куракина: «Сундукъ въ зеленомъ кабинетѣ подъ литерою А, въ коемъ хранятся отобранныя отъ Новикова бумаги».

у себя еще одной копии. Оба списка всѣхъ шести актовъ, составляющихъ рядъ завѣщаній великаго князя Павла Петровича, помѣщены были Куракинымъ въ различные томы собранія его бумагъ, какъ служебныхъ, такъ и семейныхъ.

Въ изданіи приводимыхъ за симъ памятниковъ мы сохраняемъ въ точности орфографію вн. А. Б. Куракина, предъ глазами котораго, какъ мы замѣтили, лежалъ оригиналъ.

Изъ описаннаго нами тома мы для настоящей статьи извлекаемъ вышепоименованные (№№ 2 по 7) документы. Копіи съ этихъ актовъ мы находимъ также въ другомъ томѣ собранія бумагъ князя Куракина. Этотъ томъ, также въ переплетѣ краснаго сафьяна; на доскѣ переплета вытиснено золотомъ: «Au prince Alexandre de Kouzakine»; на корешкѣ: «Копіи съ завѣщаній покойнаго государя императора Павла». На первомъ листѣ сборника (in-folio, 62 полулиста) надпись: «Копіи съ завѣщаній покойнаго государя императора Павла I и списокъ о милостяхъ имъ взятымъ въ день его коронованія. На вѣчную о немъ память». На слѣдующемъ листѣ рукою князя Куракина написано: «Копіи съ завѣщаній покойнаго государя императора Павла I, имъ сдѣланныхъ, отъѣзжая въ походъ противъ шведовъ въ 1788 году, и мною въ его собственной печати при порученномъ мнѣ разборѣ бумагъ его, послѣ его кончины, найденныхъ, въ мартѣ 1801 года». Въ самыхъ копіяхъ, при считаніи ихъ со спискомъ собственной руки князя Куракина, оказались нѣкоторые, впрочемъ, весьма незначительныя описки и пропуски, которыя мы исправили при печатаніи по куракинскому списку. Вслѣдъ за «копіями», въ настоящемъ томѣ собранія бумагъ князя Куракина помѣщена копія же съ указа Павла отъ 20 февраля 1801 г. о вступленіи вице-канцлеру князю Куракину «по прежнему въ должность, по его званію»; далѣе, два письма князя Куракина къ государю цесаревичу (первое 7 августа 1791 года); далѣе, какъ значится изъ надписи руки Куракина: «Выписка изъ Mémoire du Baron de Brilefeldt, сдѣланная мною, по повелѣнію покойнаго государя императора Павла I, въ его почтительной и на его собственномъ бюро, наканунѣ несчастнаго дня его кончины, 10 марта 1801 года, дабы по оной учредить церемоніаль для приема ожидаемыхъ тогда депутатовъ изъ Грузіи, въ день ихъ торжественной аудіенціи и присяги». Вслѣдъ за выпиской идетъ дивный списокъ, озаглавленный княземъ Куракинымъ такъ: «Списокъ о всѣхъ милостяхъ, взятыхъ покойнымъ государемъ императоромъ Павломъ I, въ день его коронаціи 5-го апрѣля 1797 года, благотворность и щедрость его великаго души ознаменовавшихъ, и примѣра себѣ ни въ Россіи ни въ какомъ другомъ государствѣ не имѣющихъ!» Списокъ симъ заканчивается настоящей томъ куракинскаго архива.

Мы привели возможно обстоятельное описаніе тѣхъ томовъ куракинскаго архива, изъ которыхъ заимствуемъ въ настоящей статьѣ шесть актовъ; затѣмъ необходимо оговориться, что при чтеніи ихъ, въ особенности при чтеніи нѣкоторыхъ статей «предписанія» (актъ VI), обороты рѣчи до того тяжело и странно изложены, что самый смыслъ ея является довольно темнымъ: эта темнота текста принадлежитъ или оригиналу (котораго мы не имѣли случая видѣть), или переписчику его, князю Куракину.

I.

Любезная Жена моя!

Отъѣзжая въ походъ, необходимымъ нашелъ, по долгу закона и обязательствамъ званія своего, равновѣрно и Союза Нашего, оставить тебѣ сіе письмо, какъ той особѣ, которая всю мою довѣренность преимущественно имѣешь, какъ по положенію Своему, такъ и качествамъ души и разума, мнѣ столь извѣстнымъ и драгоцѣннымъ.

Призываю благословеніе Божіе на тебя и на Себя, оставляю здѣсь дѣтей своихъ подъ очами Любезнѣйшей Матери своей и твоими, съ полнымъ слѣдственно удостовѣреніемъ, о ихъ сохраненіи и безопасности.

Ты знаешь мое сердце и душу, и что я ни въ чемъ другомъ не полагаю истиннаго моего удовольствія и верховной должности бытія моего, какъ въ общемъ благѣ и его цѣлости.

Сіе чувство руководствовало и всегда руководствовать будетъ всѣми Моими дѣлами. Оно, соединясь съ Сыновнею Любовію, заставляетъ меня желать усердно, чтобъ съ настоящимъ царствованіемъ продолжилось, сколь возможно долѣе, благоденствіе Отечества.

Но природной мой предъ нимъ долгъ, и сердечная къ нему привязанность столь велики, что одно Его обезпѣченіе занимаетъ теперь всю мою душу и стало поводомъ сего письма моего къ тебѣ, любезная жена моя.

Воображая возможность произшествій, могущихъ случиться въ мое отсутствіе, ничего для меня горестнѣе, а для Отчества чувствительнѣе себѣ представить не могу, какъ если бы вышнимъ провиденіемъ суждено было въ самое сіе время лишиться мнѣ матери, а Ему Государыни.

Такое произшествіе было бы истинное на Насъ посѣщеніе Божіе.

Признаюсь тебѣ, что считаю оное такимъ ударомъ, котораго возможность удалил бы я со всѣмъ изъ своей мысли для своего спокойствія, если бы любовь моя къ Отечеству, и долгъ мой предъ нимъ не налагали на совесть мою обязательства огорчить себя воображеніемъ возможности сего произшествія для того, чтобы цѣлостъ Его и безопасность въ толь несчастной моментъ непоколебимы остались.

Вотъ все мое намереніе; а какъ основано оно на единой предосторожности, то и не хочу я волю свою, теперь тебѣ открываемую, прежде времени облѣпить формою Государскаго повѣденія.

Я скажу тебѣ только мѣры, которыя признаю надобными на сей несчастной случай, исполненіе же которыхъ съ полною довѣренностію, поручаю тебѣ, которой любовь ко мнѣ и усердіе къ Отечеству и мнѣ, и Ему столь извѣстны.

Въ правотѣ души твоей и совѣтахъ находилъ я всегда прямую отраду и пользу; и такъ погрѣшилъ бы я предъ Отѣчествомъ и предъ собою, если бы не препоручилъ особенно тебѣ исполненія всего того, что въ отсудствіе мое на таковой случай за нужно поставляю.

Во первыхъ, поручаю тебѣ, какъ скоро постигъ бы моментъ сего несчастнаго случая, немедленно объявить Сенату, Синоду и первымъ тремъ Коллегіямъ сіе мое къ тебѣ письмо, котораго содержаніе въ тотъ же самой часъ и возымѣетъ силу Моей точной воли и повеленія, которыми утверждаю тебя правительницею на время моего отсудствія, почему и обнародуй сіе несчастное произшествіе, а письмо сіе объяви въ Сенатѣ при увереніи о моемъ благоволеніи всѣхъ и каждаго. Прикажи отъ имени Моего Синоду, Сенату и первымъ тремъ Коллегіямъ о принятіи отъ всѣхъ должной присяги мнѣ и Сыну моему Александру, какъ наследнику, обладажа неприменностію попеченія моего о истинномъ всѣхъ благосостояніи. Объяви Синоду, Сенату и тремъ Коллегіямъ, чтобъ остались въ прежней своего званія власти, относительно до упражненія по Государственнымъ тѣвущимъ дѣламъ.

Сенатъ, Синодъ, три первыхъ Коллегіи, всѣ прочія гражданскія, военныя и судебныя мѣста, шефы разныхъ командъ и установленій, словомъ сказать всѣ мѣста и всѣ шефы, безъ изыятія, должны, безъ малѣйшей остановки, отправлять, по ихъ званіямъ, всѣ обыкновенныя текущія дѣла, на узаконенныхъ уже основаніяхъ, которыя всѣ имѣютъ оставаться до моего возвращенія точно въ прежнемъ положеніи, не вводя въ нихъ никакихъ и ни малѣйшихъ новостей (и) переменъ, по какимъ бы то причинамъ и поводу ни было.

Тебѣ, какъ Правительницѣ, смотрѣть бдѣннымъ окомъ, чтобъ оно вездѣ, и во всей точности наблюдаемо было.

Тебѣ, Любезная Жена, препоручаю особенно въ самой моментъ предполагаемаго несчастія, отъ котораго удали насъ боже, весь собственной Кабинетъ и бумаги Государынины, собравъ при себѣ въ одно мѣсто, запечатать Государственною печатью, приставить къ нимъ надежную стражу, и сказать волю Мою, чтобъ наложенныя печати оставались въ цѣлости до Моего возвращенія.

Будѣ бы въ какомъ нибудь правительствѣ, или въ рукахъ частнаго какого человѣка, остались мнѣ неизвѣстныя, какія бы то ни было повѣленія, указы, или распоряженія въ свѣтъ неизданные, онымъ, до моего возвращенія, остаться не только безъ всякаго и малѣйшаго дѣйствія, но и въ той же непроницаемой тайнѣ, въ какой по тотъ часъ сохранялись.

Со всякимъ же тѣмъ, кто отважится нарушить, или подастъ на себя

справедливое подозрѣніе въ готов(н)ати преступить сію волю мою, имѣешь поступить по обстоятельствамъ, какъ съ сущимъ, или какъ съ подозрѣваемомъ Государственнымъ Злодѣемъ, предоставляя конечное судьбы его рѣшеніе самому мнѣ по моему возвращеніи; затемъ пребываю твоимъ вѣрнымъ Твой вѣрной

ПАВЕЛЬ.

С.-Петербургъ. Января 4 дня, 1788 года.

II.

Любезная Жена моя!

Богу угодно было на свѣтъ меня произвѣсть для того состоянія, котораго хотя и недостигъ, но не менѣе во всю жизнь свою тщился здѣлаться достойнымъ. Промысль Его соединилъ меня съ тобою, Любезнымъ супругомъ, въ такое время для насъ обѣихъ, которое никакое человеческое проищаніе предназначить не могло, и тѣмъ самымъ показалъ на насъ обѣихъ непосредственнымъ образомъ волю Свою, и запечатлѣлъ ее, исполнивъ Нашъ союзъ Любви и Согласія, и давъ намъ Залогъ оной, дѣтей Любезныхъ Намъ. Таковой Его особливой Милости мы ни чѣмъ не заслужили, а относить ее должно къ попеченію Его о отечествѣ. О великія обязательства возложены на Насъ! Обѣихъ ихъ тебѣ, о дражайшая Супруга, исполнять, а мнѣ тебѣ, при последнемъ моемъ часѣ, совѣтами помогать. Но прежде нежели приступлю къ сему важному вспоможенію, долженъ тебѣ отворить сердцѣ свое. Тебѣ самой извѣстно, сколь я тебя любилъ и привязанъ былъ. Твоя чистѣйшая душа предъ богомъ и человѣки стоила не только сего, но почтенія отъ меня и отъ всѣхъ. Ты мнѣ была первою отрадою и подавала лучшіе совѣты. Сими признаніемъ долженъ предъ всѣмъ свѣтомъ о твоёмъ благоразуміи. Привязанность къ дѣтямъ, залогомъ привязанности и любви ко мнѣ была. Однимъ Словомъ не могу довольно тебѣ благодарности за все сіе сказать, равновѣрно и за терпеніе твое, съ которымъ сносила состояніе свое, ради меня и по человѣчеству случающіяся въ жизни Нашей скуки и прискорбіи, о которыхъ прошу у тебя прощанія и за всѣ сіе обязанъ тебѣ слѣдующими совѣтами. Будь тверда въ Законѣ, которой ты воспріяла и старайся о соблюденіи непорочности Его въ Государствѣ. Не безпокой совести ни чѣей. Государство почитаетъ тебя своею, ты сіе заслуживаешь, и ты Его почитай отечествомъ. Люби Его и споспешествуй благу его. Я преподаю тебѣ средства къ тому. Ты прочти мои бумаги и въ нихъ найдешь

то, чего я отъ тебя желаю и отъ дѣтей своихъ, и по тому исполняй. Здѣсь предстоитъ награжденіе добродѣтелей твоихъ наибольшее, слава, которую ты приобрѣтешь, дѣлая то для Отечества, что тебѣ остается и на которое намереніе ты съ таковою решимостію и охотою поступила. Благоразуміе твое тебя наставитъ на путь правый и богъ благословитъ твои добрыя намѣренія. Старайся о благѣ прямою всѣхъ и cadaго. Дѣтей воспитай въ страхѣ Божіи, какъ началъ Премудрости, въ добродѣтѣхъ, какъ основаніи всѣхъ добродѣтелей. Старайся о ученіи ихъ наукамъ, потребнымъ къ ихъ званію, какъ о томъ, что преподавая знаніи открываешь разумокъ. Не пренебрегай и телесныхъ выгодъ, ибо отъ нихъ здоровье къ понесенію трудовъ и наружность благообразная, плѣняющая глаза. Все сіе клони къ послѣдствованію бодрости и твердости духа, которой будучи напряженъ къ добру всѣмъ качествамъ души. Укрѣпи ихъ въ намѣреніи моемъ о наслѣдствѣ и законѣ онаго, и въ приведеніи въ порядокъ прочихъ частей, но старайся ихъ внушить, что человекъ всякой долженъ подчинять себя разумку, а особливо такой, которой Богомъ призванъ подчинять страсти другихъ и управлять людьми и цѣлымъ Государствомъ и Народомъ. Такимъ только себя подчиненіемъ можетъ удержать другихъ во оноу, а особливо своихъ собственныхъ потомковъ, подавая имъ примѣръ, а свою же совесть усюкоть. Отличай тѣхъ, кто намъ вѣрные были и привязаны. Тебѣ ихъ имена извѣстны, равномерно какъ и подвиги. Будь милостива и снисходительна и слѣдуй въ семъ Своей душѣ благодѣтельной. Награди всѣхъ тѣхъ, кто у насъ служили. Воспитавшихъ и тебя и меня особливо награди. Въиѣствѣ съ симъ получишь ты волю мою о дѣтяхъ и прочіи распоряженіи. Ты все сіе разбери и въ свое время дѣлай, а между тѣмъ укрѣпляйся терпѣніемъ и добродѣтелями. Богъ да благословитъ всю жизнь твою. Прости другъ мой, помни меня, но не плачь о мнѣ; повинуйся волѣ того, которой къ лутчему все направляетъ. Прими мою благодарность. Твой всегда вѣрный Мужъ и другъ

ПАВЕЛЬ.

С.-Петербургъ. Генвара 4 дня, 1788 г.

III.

Любезная Жена моя!

Совесть моя, долгъ предъ богомъ и Государствомъ и обязательства званія моего, равномерно и союза нашего побудили меня оставить тебѣ сію волю мою, какъ той особѣ, которая всю мою довѣренность преиму-

щественно заслуживаешь, какъ по положенію своему, такъ и качествами души и разума, мнѣ столь извѣстнымъ и драгоценнымъ.

Призываю благословленіе Божіе на тебя.

Ты знаешь мое сердце и душу, и что я ни въ чемъ другомъ ни полагаю истиннаго моего удовольствія и верховной должности бытія моего, какъ въ общѣмъ благѣ и Его цѣлости.

Сіе чувство руководствовало всегда всѣми моими дѣлами. Оно соединясь съ сыновною любовію заставляетъ меня вънутри души моей желать усердно, чтобъ съ настоящимъ царствованіемъ продолжилось, сколько возможно долѣе, благоденствія отечества.

Но природной предъ нимъ долгъ и сердечная къ нему привязанность столь велики, что одно Его обезпеченіе занимаетъ теперь всю мою душу, и стало поводомъ сего письма моего къ тебѣ.

Воображая возможность происшествій могущихъ случится, ничего горестнѣе и чувствительнѣе себѣ и для отечества представить не могу, какъ если бы вышнимъ провидѣніемъ суждено было лишиться матери моей Государынѣ Императрицы. Такое происшествіе было бы истинное посѣщеніе божіе.

Такую возможность отдалить бы я со всѣмъ отъ своей мысли, если бы любовь моя къ отечеству и долгъ мой предъ нимъ не налагали на совесть мою обязательства огорчить себя воображеніемъ возможности сего происшествія для того, чтобы цѣлость Его и безопасность въ столь несчастной моментъ, непоколебимы остались.

Такое происшествіе можетъ послѣдовать равномерно и послѣ моей смерти, то тѣже самыя обязательства налагаютъ на меня равной долгъ предосторожности, открывая тебѣ тѣ мѣры, которыя признаю надобными на таковой случай, исполненіе же которыхъ съ полною довѣренностію поручаю тебѣ, которой Любовь ко мнѣ и усердіе къ отечеству столь извѣстны.

Въ правотѣ души твоей и совѣтахъ находилъ я всегда прямую отраду и пользу; и такъ погрѣшилъ бы я предъ отечествомъ и предъ собою, если бы не препоручилъ особенно тебѣ исполненія всего того, что на оба случая за нужно поставляю.

Симъ долженъ предъ всѣмъ свѣтомъ быть тебѣ.

Поручаю тебѣ тогда немедленно объявить Императоромъ сына нашего большаго Александра, и сіе мое къ тебѣ письмо Сенату, Синоду и тремъ первымъ Коллегіямъ. Если сынъ мой большой останется малолѣтнѣмъ, то поручаю тебѣ правительство, какъ правительницѣ, и со онымъ опѣку дѣтей нашихъ до совершенно-лѣтія, сего требуетъ порядокъ и безопасность Государства. При тебѣ быть совѣту Правительства, которому нѣтъ дѣла до опѣки. Совѣту сему состоять изъ шести особъ первыхъ двухъ классовъ по выбору Твоему. Въ сей совѣтъ правительства входитъ всѣмъ дѣламъ, подлѣжающимъ рѣшенію самаго Госу-

даря, и всёми тѣми, которые, какъ къ нему, такъ и въ совѣтъ его вступаютъ; однако ты имѣешь, какъ Правительница, во всякомъ случаѣ господство рѣшительной. Совершенно-лѣтіе начинается шестнадцать лѣтъ. Жениться и замужъ идти дѣтямъ нашимъ не позволяю иначе, какъ съ воли твоей, и, во всякомъ случаѣ, надѣюсь отъ дѣтей своихъ и сверхъ сего повѣлеваю, отдавать тебѣ, которая достоинствами и добродѣтелями преисполнена, которую любилъ, какъ самаго себя, и ни въ чемъ съ собою не разлучалъ, подолгу къ тебѣ большому, нежели ко мнѣ, ибо ты ихъ на свѣтъ произвѣла, и помня нашъ союзъ и Любовь; то, чѣмъ они мнѣ должны были, любить и почитать тебя и согласоваться съ волею твоею. Тѣмъ болѣе должны они тебѣ всёми симъ, что ты помогла утвердить на предбудущія вѣки тишину и спокойствіе и тѣмъ самымъ блаженство Государства. Ихъ долгъ удвоить Любовь и благодарность свою къ тебѣ, сохранять свято противу тебя то, что Господь Богъ въ Заповѣдяхъ и святомъ Писаніи предписалъ дѣтямъ къ родителямъ и посвятить на то жизнь свою. Я не сумнѣваюсь, чтобъ они не соблюли сего свято, помня Законъ божій, отеческую волю и долгъ сыновей, облѣгая повѣденіемъ своимъ печаль твою о мнѣ.

Тебѣ оставляю, какъ виновницѣ блаженства вѣковъ, всё преимущества, каковыми бы при жизни моей пользовалась, миліонъ доходу, исключая содержанія Двора, мѣсто предъ снохою, равномерно и знаки орденовъ св. Андрѣя и св. Александра.

Симъ письмомъ исполнивъ долгъ званья своего, совѣсти и Любви моей къ тебѣ, пребываю твоимъ вѣрнымъ

ПАВЕЛЬ.

С.-Петербургъ. Января 4 дня. 1788 года.

IV.

Любезныя дѣти мои!

Достигъ я до того часа, въ которой угодно всевышнему было положить предѣлъ жизни моей. Иду отдать отчетъ всёхъ дѣлъ своихъ строгому судіи, но правосудному и Милосердому. Сей отчетъ тѣмъ важнѣе, чемъ труднѣе исполненіе должностей и обязательствъ посланія, на которое призванъ былъ Святою волею Его. Конецъ жизни моей, приближившійся прежде начала посланія моего, побуждаетъ меня сложить всё обязательства и должности по лутчему разумнѣію моему и чистой совѣсти на васъ, дѣтей моихъ. Вы теперь обязаны предъ Престоломъ Вышняго посвященіемъ жизни вашей отъчеству, заслуживать и за меня и за

себя, что избралъ онъ насъ и предъопредѣлить. Сии причины побудили меня вамъ сію послѣднюю мою волю написать. Живите между собою мирно, помните всё, что одна въ васъ кровь.

Большой любви своихъ меньшихъ и помни, что если богъ предъопредѣлилъ тебѣ прежде на свѣтъ произойти, то сими самыми приближить тебя къ престолу, возложилъ большее обязательство Любви и снисхожденія къ брату твоему, которой твой лутчей другъ. Меньшой любви равноѣрно большаго своего и помни, что предопредѣлено Богомъ тебѣ второе мѣсто; и такъ имѣй свято почтеніе къ волѣ Божіей, сохраняя оное къ брату твоему. Помните оба, что вы посланы отъ Всевышняго къ Народу, а не народъ къ вамъ, и для его блага; и такъ покитесь о немъ, сохраняя его, а лутчее сохраненіе тишина, которой пригѣръ подавайте вы между собою, ибо вы пригѣръ всёму, а нигдѣ оное столь не нужно, какъ въ нашемъ Государствѣ, которое не наслаждалось много плодами тишины. Осталась у васъ Мать вселюбезнѣйшая, достоинствами и добродѣтелями премоленная, которую я любилъ, какъ самаго себя и ни въ чемъ ее съ собою не различалъ, то, по долгу къ ней большому, не жели ко мнѣ, ибо она васъ, на свѣтъ произвѣла, и, помня нашъ союзъ и любовь, отдавайте ей то, чѣмъ вы мнѣ должны были. Любите и почитайте ее и согласуйтесь во всемъ съ волею Ея. Тѣмъ болѣе вы должны Ей всёми сими, что она помогла согласіемъ своимъ утвердить на предбудущіе вѣки тишину и спокойствіе, и тѣмъ самымъ блаженства Государства, въ образѣ, порядкѣ и правѣ наслѣдства; и слѣдственно помогла утвердить судьбу и состояніе не только ваше, но Сыновъ сыновъ вашихъ. О, великія новыя обязательства возложены на васъ къ ней! Вы Ей не только жизнію одолжены, но и состояніемъ. И такъ удвойте любовь и благодарность вашу теперь къ ней. Сохраняйте свято противу ее то, что Господь Богъ въ заповѣдяхъ и Святомъ Писаніи предписалъ дѣтямъ къ родителямъ и посвятите всю свою жизнь на то. Я не сумнѣваюсь, чтобъ не соблюли свято сего, и помня Законъ Божій, Отческую волю и долгъ сыновей, облегчайте повѣденіемъ своимъ печаль Ее о моей смерти. Я вамъ все сіе повѣлеваю и заклинаю васъ именемъ Божиимъ. Вамъ вручить жена моя отъ меня протчія распоряженіи мои въ свое время.

Призываю на васъ благословеніе Божіе во всѣхъ вашихъ дѣлахъ, согласныхъ съ Святымъ Закономъ Его.

Вдовѣ моей, какъ виновницѣ блаженства предбудущихъ вѣковъ, оставляю всё преимущества, каковыми при жизни моей пользовалась бы, миліонъ доходу, исключая дворъ и мѣсто предъ снохою. Равноѣрно за подвигъ Ее, знаки ордена св. Андрѣя и Александра, которые самъ носилъ.

Вы получите сію мою волю, когда вы возмужаете. Когда Богъ окончитъ жизнь ¹⁾ Бабки вашей, тогда тебѣ, старшему, вступить по ней и

¹⁾ Въ другомъ спискѣ: «дик».

волю мою при коронованіи твоемъ объявить и присягнуть въѣхѣствъ со всею націею, въ соблюденіи Святомъ Права наслѣдства и обязательствъ, до сего касающихся, за которымъ и установи самодержавство, основанное на законахъ, которые утверди по лутчему твоему разумнію. Нѣтъ мнѣ нужды говорить о выгодахъ таковаго правленія, симъ дамъ лутчей залогъ любви къ Отечеству и дѣтямъ, способствуя къ доброму управленію, чрезъ что обвѣщиваю совесть каждаго изъ своихъ потомковъ; и тѣмъ самымъ утверди все состояніи и дай имъ бытіе и существованіе. Симъ долженъ былъ предъ Создателемъ отечеству, роду своему и потомкамъ.

☩ Призываю на всехъ сихъ благословленіе Божіе и Имя Святое Его. Да направитъ онъ стопы ваши на путь истинны. Да пошлѣтъ вамъ духъ Разума, Премудрости и Ангела мирна, вѣрна наставника и Хранителя души и телесъ вашихъ.

Исполнивъ долгъ мой послѣдній, дамъ вамъ свое благословленіе. Простите меня, если въ чемъ волею, или неволею согрѣшилъ; я же прошу васъ отъ чистаго моего сердца. Будьте счастливы, щастіемъ земли вашей и Спокойствіемъ души вашей. Богъ вамъ да дастъ Его, какъ меня сподобилъ въ жизнь свою онымъ наслаждаться. Вашъ навсегда благо-склонной

ПАВЕЛЬ.

С.-Петербургъ. Генваря 4 дня. 1788 года.

V.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

†

Отъѣзжая въ Армію на случай тотъ, что тамъ Всемогущему Богу угодно будетъ въѣкъ мой прекратить, почитаю долгомъ моимъ противъ самаго себя и противъ тѣхъ, съ коими во связи крови, дружбы и иныхъ обязательствъ состою, о распоряженіи моего движимаго и недвижимаго имѣнія, теперь въ моемъ дѣйствительномъ владѣніи находящагося, слѣдующую послѣднюю волю мою начертать, прося Ея Императорское Величество Государыню Мать мою, чтобъ послѣднимъ знавомъ Ея любви и благоволенія ко мнѣ онуя бы Желѣіи моею точно и непремѣнно исполнить позволила:

1) Гатчину со дворцомъ и находящимся въ немъ съ садомъ, звѣриномъ и протчими принадлежностями и селеніями Гатчинскую волость саму по себѣ состояющими, отдаю я женѣ моей.

2) Каменной Островъ, со дворцомъ и находящимся въ немъ, отдаю

старшему Моему Сыну, на томъ же точно основаніи какъ самъ онымъ владѣль; Арсеналь во дворцѣ онаго находящейся Ему же.

3) Протчія волости Гатчинскаго вѣдомства отдаю Сыну Моему Константину.

4) Всѣ мои картины и статуи въ Зимнемъ дворцѣ въ С.-Петербургѣ находящіяся отдаю Женѣ моей.

5) Каменной домъ мой, что въ Луговой Миліонной съ большою бібліотекою и инструментами въ ономъ находящимися отдаю Сыну Моему Константину, исключая картинъ, которыя въ другихъ мѣстахъ не бывъ помѣщенными въ ономъ же хранятся; ихъ отдаю Женѣ моей.

6) Въ Зимнемъ дворцѣ находящуюся бібліотеку мою отдаю Сыну моему Александру, равношрно и планы, хранящіяся, какъ у Плещѣва, такъ и у Малте.

7) Въ Зимнемъ дворцѣ находящейся Кабинетъ моихъ Естамповъ, собственнаго моего приобрѣтенія, прошу Государыню Мать мою принять, какъ знакъ моей всегда невредимо къ ней хранившейся любви и преданности.

8) Павловскую больницу, что въ Москвѣ, препоручаю Женѣ моей, а Каменно-островскихъ Инвалидовъ Сыну моему Александру.

9) Гардеробъ мой изъ платья здѣланнаго, также белье и кружева мои и обувь, раздѣлить на три равныя части по жеребью между моими тремя камердинарами: Петромъ Жванцовымъ, Михайломъ Бендерскимъ и Васильемъ Бутайсовымъ; а всѣ куски разныхъ парчей и матерій моего гардероба отдаю камердинеру моему Ивану Бутайсову.

10) Исключая перстеней, шпагъ, знаковъ разныхъ орденовъ и Аметистова прибора на фракъ отъ Жены моей шедшаго, всѣ мои протчія бриліантовья вѣщи и жемчуги отдаю я тремъ дочерамъ моимъ, Александрѣ, Еленѣ и Маріи, раздѣля оныя между ими по ровну целыми сортами по жеребьямъ; а означенной аметистовой, отъ жены моей шедшей приборъ на память Ея ко мнѣ Любви, отдаю старшему моему Сыну въ Первородство съ заступленіемъ.

11) Всѣ бриліантовья шпаги мои раздѣлить поровну и по жребью между моими Сынвьями, исключая шпаги Петра II-го, которую оставляю Сыну моему Константину и его Роду въ фидей-комисъ.

12) Золотую мою шпагу, которую ежеднѣвно самъ носилъ и мѣдную отъ моего Отца Петра III-го идущую, отдаю на память мою Сыну Моему Александру.

13) Звѣзду Андрѣевскую со крестомъ бриліантовымъ отдаю Сыну моему Александру, а жемчужную звѣзду сыну моему Константину.

14) Звѣзду и крестъ прусскаго ордена Чернаго орла бриліантовья, шпагу французскую, идущую отъ графа д'Артуа и золотыя мои пряжки, которыя всякой день ношу, отдаю моему вѣрному другу Князю Александру Буракину. .

15) Крестъ Анненской брилiантовой, которой носилъ на шеѣ, оставлю участвовавшему въ моемъ воспитанiи Тимофею Ивановичу Остерваду.

16) Перстень брилiантовой съ портретомъ покойнаго Короля прусскаго отъ него собственноручно мною полученный, отдаю я на память Мою Сыну Моему Александру.

17) А трость съ костенымъ набалдашникомъ, точенымъ Женою моею, которою ежедневно же употреблялъ, отдаю Сыну Моему Константину.

18) Три картины сухими красками Женою моею писанныя, и въ разныя времена отъ нее полученныя, памятыя вѣщи, такъ какъ и часовыя цѣпочки, отдаю на ровныя части и по жребью Моимъ дочерьямъ.

19) Анненской крестъ простой золотой, которой всякой день носилъ, отдаю я Николаю Ивановичу Салтыкову.

20) Четыре кованныя серебряныя звѣзды, которыя всегда носилъ, отдаю двѣ Андрѣевскiя, одну графу Валентину Платоновичу Мусину Пушкину ¹⁾, другую князю Ивану Сергѣевичу Барятинскому; а двѣ Володимирскiя Карлу Ивановичу Сакену и Петру Ивановичу Пастухову.

21) Митрополиту Московскому отдаю трость съ изумруднымъ набалдашникомъ и мою двумѣстную красную карету, въ которой всегда ѣздилъ.

22) Весь мой экипажъ, т. е. городовныя и дорожныя кареты со всѣми цуковыми лошадьми и приборами отдаю Женѣ моей.

23) Тестю Моему отдаю всѣ мои турецкiя палатки, а тещѣ столовой синей фарфоровой сервизъ, которой при Каменно-островскомъ дворцѣ.

24) Моихъ верховыхъ лошадей, собственнаго сѣдла моего, отдаю я здѣсь оставшихся двухъ — князю Алексѣю Куракину, двухъ — Григорью Кунялеву, послѣднюю — Экипажъ-мейстеру Василию Маркову и ему же двухъ кавалерскихъ по его выбору; а изъ протчихъ верховыхъ и молодыхъ въ ученiи находящихся, по двѣ — подполковнику моего полка Кноррингу и капитану Штейнъ-вѣру; да свѣрхъ того Кунялеву, Кноррингу и Штейнъ-вѣру, каждому изъ нихъ по два изъ богатыхъ моихъ конскихъ уборовъ. Обозъ мой отдаю камеръ-геру Федору Вадковскому, ему же половину моего сѣдла верховыхъ лошадей и подъемныхъ со мною въ походѣ бывшихъ; а другую половину тѣхъ и другихъ — полковнику Христофору Бенкендорфу.

25) Палатки и конскiе уборы, что со мною въ походѣ, отдаю князю

¹⁾ Генераль-Аншефъ графъ В. П. Мусинъ-Пушкинъ (род. 1735, ум. 1804 г.) былъ назначенъ 23 июня 1788 г. главнокомандующимъ русскою армiею въ Финляндiю въ войнѣ противъ шведовъ. Малоуспѣшность кампанiи сего года Екатерина II приписывала вялости и непредпрiимчивости гр. Мусина-Пушкина. См. «Записки Храповицкаго. М. 1862, стр. 69 — 71 и 100.

Решину съ исключеніемъ моею собственной палатки, которую на память оставляю женѣ моею.

26) Серебряной походной сервизъ мой отдаю лейбъ-медику моему Крузу.

27) Чайной походной серебряной сервизъ мой отдаю лейбъ-хирургу Блоку.⁴⁾

28) Фарфоровой десертной столовой сервизъ, что шель отъ гер. Курляндскаго, въ ежедневномъ употребленіи моего стола служившій, отдаю лейбъ-хирургу моему Веку.

29) Въ родѣ графовъ Паниныхъ отдаю я перо бриліантовое съ бантомъ, что на Андрѣевской шляпѣ носилъ, и портретъ мой, котораго вручить Жена моя на память моею любви къ покойному воспитателю моему; и еще возлагаю на моего старшаго Сына и всѣхъ моихъ Потомковъ наблюденіе долга моею благодарности противу рода означеннаго воспитателя моего покойнаго графа Никиты Ивановича Панина, котораго краткость моего вѣка не дозволила мнѣ имъ доказать.

30) Плещѣву отдаю уборы со всѣхъ моихъ нелюповъ.

31) Лафермиеру и Николаю, двое столовыхъ часовъ, золотомъ оправленныхъ изъ камня ониксъ, и Лафермиеру еще перстень бриліантовой, Королеми Шведскимъ мнѣ подаренной съ моими портретами; а Николаю перстень отъ Государыни моею Матери мнѣ пожалованной подъ № 27, также съ моими портретами; и еще каждому по двѣ тысячи рублей.

32) Если когда Жена моя отъ бремени разрѣшится, и Богъ даруетъ мнѣ третьяго Сына, то предписываю, чтобъ назначенныя въ 3-тей статьѣ Сыну моему Константину Гатчинскія волости были между ими пополамъ раздѣлены, наблюдая, чтобъ новыя Скворицы достались Сыну моему Константину, а старыя Скворицы третьему моему Сыну, и чтобъ число душъ на ровную часть каждаго достоящихся были бы къ одному мѣсту отвѣдены.

33) Если же родится у меня четвертая дочь¹⁾, тогда предписываю, съ отвѣною 10-той статьи, чтобъ всѣ бриліантовыя вѣщи мои въ оной означенныя, были раздѣлены таковымъ же образомъ, какъ въ оной изъяснено, на четыре равныя части, и, по жеребью, между моими четырьмя дочерями; а тогда Гатчинскія волости въ дѣлежъ нейдуть, и остаются одному Сыну моему Константину.

34) Два конскія убора, работы жены моею, такъ какъ и нѣсколько валтраповъ, Ея же трудовъ, раздѣлить обѣимъ моимъ Сновьямъ Александру и Константину по поламъ и по жеребью.

¹⁾ Родилась дочь — Екатерина, 10 мая 1788 г., въ С.-Петербургѣ. (См. въ Зап. Хронописца о рожденіи Екатерины Павловны на стр. 61.) Великая княжна Екатерина — бывшая впоследствии въ замужствѣ за принцемъ Петромъ Ольденбургскимъ, а потомъ за королемъ Виртембергскимъ, ум. въ 1818 г.

35) Генераль-Маюритъ Швеховой, при воспитаніи моихъ дочерей находящейся, отдаю крестъ бриліантовой, которой на Андрѣвской шляпѣ самъ носилъ.

36) Бриліантовныя, собственныя мои пражки, отдаю третьему моему Сыну, если онъ родится; а если Богъ мнѣ не даруетъ, то она и пражку португейную бриліантовую орденскую отдаю герцогу Петру Голитинскому Епископу Любскому.

37) Государыню мать мою прошу пожаловать сто тысячъ рублей на дачу въ построенныя мною церкви на Каменномъ Острову и въ Павловскомъ, на раздѣленіе между нищими и на награжденіе служившимъ при мнѣ придворнымъ конюшеннымъ и собственнымъ людямъ моимъ, съ пристойнымъ раздѣленіемъ сей суммы на сіи три предѣла.

38) Еще же Государыню Мать мою прошу вмѣсто Меня продолжить пенсіи, мною даваемыя каждому по смерти его.

39) Женѣ моей препоручаю Имянемъ моимъ раздать рядовымъ моего Кирасирскаго полка и баталіона моего каждому по одному рублю, а офицерамъ моего баталіона тысячу рублей.

40) Женѣ моей поручаю купить для Елинуса табакерку съ бриліантами, въ тысячу рублей; капитану Штейн-вѣру табакерку въ такую же цѣну и она и мнѣ отъ меня вручить; Елинусу же отдаю еще мои бриліантовныя запонки.

41) Золотыя запонки и галстунную золотую пражку, ежедневно мною употребляемыя, оставляю я на память мою Женѣ моей.

42) Шкатулку медью оправленную, отъ покойной Ландъ-Графини мнѣ доставшуюся, оставляю старшему моему Сыну и по немъ въ родѣ для соблюденія бумагъ, въ оной хранящихся.

43) Виблію жемчугами унизанную, отъ Петра II-го идущую, оставляю старшему моему Сыну и въ его родѣ.

44) Подковницѣ Банкендорфовой поручаю старшему моему Сыну въ свое время купить тысячу душъ.

45) Въ заключеніи же всего прошу Государыню Мать мою оставить Жену мою въ тѣхъ покояхъ Зимняго дворца, въ коихъ я съ нею столь долго и счастливо жилъ.

ПАВЕЛЬ.

С.-Петербургъ. Генвара 15. 1788.

VI.

НАКАЗЪ.

1.

Предмѣтъ каждаго общества блаженство — каждаго и всѣхъ. Общество не можетъ существовать, если воля каждаго не будетъ направлена въ общей цѣли. Для того правительство, правительства разнаго рода. Лучше то, которое ближайшимъ способомъ преимущественно достигаетъ до своего предмѣта. Изъ того разныя роды правленія рождаются. Чемъ больше земля, тѣмъ способы исполненія труднѣе, слѣдственно первое попеченіе должно быть облегчать ихъ. Самое простое облегченіе сего рода препорученіе исполненія одному, но связано съ неудобствами человечества.

2.

Положивъ правила еѣмъ землѣ быть управляемой, должно сказать, что нѣтъ лучшаго образа какъ самодержавной, ибо соединяетъ въ себѣ силу Законовъ и скорость власти одного.

3.

Для того положить Законъ кому имянно быть Государемъ.

4.

Законы у насъ есть, но въ порядокъ привести въ ихъ смыслѣ. Новыхъ не дѣлать, но сообразить старыя съ государственными внутренними положеніемъ, а указы почитать просто Учрежденіями, а не Законами.

5.

Законы для наблюденія. За наблюденіемъ должно смотрѣть. Государь, будучи человекъ, за всѣмъ усмотрѣть не можетъ, хотя бы и не имѣлъ страстей; то для того и другаго надобны правительства. Таковъ Сенатъ, прѣдчїе судебныя мѣста и проч.

6.

Государь будучи надъ всѣмъ, смотрѣть (sic) за разными частями, и для того въ облегченіе не только ума Его, но и совести имѣть Ему со-

ВЪТЬ, составленной изъ особъ, которымъ поручено смотрѣть за разными частями и родами дѣлъ государства.

7.

Въ государевъ совѣтъ всѣ дѣла входятъ по всѣмъ частямъ, слѣдственно отъ всѣхъ частей главному быть въ немъ. Я разумѣю дѣла до государственнаго правленія касающіяся, а не текущія по законамъ и безъ того. Сія главныя суть: канцлеръ юстиціи, канцлеръ иностранныхъ дѣлъ, вице-канцлеръ юстиціи, вице-канцлеръ иностранныхъ дѣлъ, военной министръ, морской министръ, финанцъ - министръ, коммерцъ-министръ, и государственной казначей.

8.

Сказавъ о способахъ непосредственныхъ къ достиженію предмѣта общества т. е. блага утвержденіемъ законовъ, — сказать должно: сіе состояніе законы утверждаютъ. Таковое перьвое дворянство. Оно подпора государства и государя и для того придать ему уваженія, не допуская въ него лишнихъ членовъ или не достойныхъ и имѣя съ государемъ равный интересъ должно его на службу обращать.

9.

Второе Духовенство, котораго святость должностей дѣлаетъ столь уваженія достойна и для того заслуживаетъ особливаго вниманія и при-смotra, дабы понятию о богѣ учили въ прямой силѣ, а не суевѣрію.

10.

Средіе состояніе, котораго промыслы, торговля и руководліе здѣлали необходимымъ для нуждъ въ обществѣ, должно заниматься такъ и при томъ отдѣлено быть, чтобъ общество ни въ чемъ недостатка не имѣло, а чтобъ промыслы свободно текли для государства и для нихъ собственно, и тѣмъ самымъ распространять въ немъ изобилія.

11.

Крестьянство содержитъ собою всѣ прочія части и своими трудами, слѣдственно особаго уваженія достойно и утвержденія состоянія не подверженнаго нынѣшнимъ перемянамъ его, изъ благодарности Отечества и для того, чтобъ тѣмъ лутче трудились и государство имѣло тѣмъ вѣрнѣе снабженіе.

12.

Но сего предписанія не довольно, ибо исполненіе потребно; а прежде онаго быть не можетъ, пока каждое состояніе и каждой онаго членъ не узнаеть воспитаніемъ пространства своихъ должностей, къ первому предмету благу общества, а сего достигнуть не можно безъ воспитанія, отъ котораго понятіе прякое закона, самаго себя и вѣщей и слѣдственно нравы, безъ которыхъ опять общество бѣдствѣнно, ибо члены развратны.

13.

Для сего школы и училища, основанныя на правилахъ правленія, дабы воспитаніемъ влагалось понятіе вѣщей къ назначенной цѣли и напряженіи каждаго, по мѣрѣ состоянія, исполненіемъ должностей къ общей цѣли общества.

14.

Торговля, служа къ богатству земли, сводитъ народы и тѣмъ самимъ полируетъ нравы и открываетъ новыя стѣзи смыслу человѣческому и способамъ государственнымъ.

15.

Мануфактуры, фабрики и ремеслы — отрасли сего, сила и слѣдственно и цѣлостъ общества, — и такъ о нихъ дѣишься отиѣнно, а особливо у насъ, гдѣ сія часть запущена.

16.

Сюда къ промышленности принадлежитъ вино и соль. Последняя запущена и такъ стараться исправить, а первое основано на злоупотребленіи, ибо коронной монополъ развратительной для нравовъ; и такъ искать сей доходъ не прибавлять, а убавлять, замѣня прилежаніемъ въ другихъ отрасляхъ.

17.

Руды и заводы, будучи свойства промышленности, о нихъ я понимаю, — какъ о средствахъ государственныхъ, которымъ предѣлъ положе, дабы имѣть иные въ запасъ, а не въ разработываніи на нужду; надлежитъ уважить состояніе принисныхъ къ нимъ крестьянъ, ихъ судьбу перемѣнить и разрѣшить.

18.

Такимъ образомъ, проходя всѣ части, въ предметъ блаженства общаго, не меньшаго частнаго уваженія заслуживаютъ государственные кре-

стѣяне, однодворцы, черносошные и нахотные, которыхъ свято, по ихъ назначеніямъ, оставлять, облегчая ихъ судьбу. Они прямыя государственныя. — Экономическіе оставить на ихъ нынѣшнемъ основаніи, но доходы съ нихъ нигуда не опредѣлять, какъ на монастыри и богоугодныя заведенія, а за сямъ, что останется на прямыя, государственныя необходимости, ибо ихъ назначеніе отдатѣлей на богоугодныя дѣла. Дворцовые остаются на содержаніе Двора, на государскія жалованья и на удѣлы фамильные.

19.

Доходы государственныя—Государства, а не Государя, и составляя богатства его, составляютъ цѣлость и такъ знакъ, и способъ благополучія Земли. Они двоякіе: или съ земли, или съ промысла. Первые держатъ соразмѣрно возможности съ надобностію, ибо удѣляются отъ имѣній частныхъ людей. Другіе поощряютъ, ибо основаны на трудахъ и прилежаніи, всегдашніе средства силы и могущества земли. Поощреніе сіе одобреніе и способствованіе.

20.

Изображеніе всякаго товара и вѣщи торговой — дѣяги, а торгъ или промыслъ основанъ на трудѣ, и такъ деньги представляютъ промыслъ и трудъ; чѣмъ больше сего, тѣмъ больше онаго, и такъ держатъ ихъ въ сей тройной пропорціи, популяціи, труда и сношенія съ другими землями чрезъ торговлю.

21.

Когда сія пропорція прямо сыскана, тогда имѣеть Государство прямо кредитъ, ибо вѣщь всякая торговая въ своей прямой цѣвѣ и слѣдственно согласно съ доброю вѣрою, и для того монета должна, вошедъ однажды въ свою пропорцію, никогда не переменяться. То по сѣму нынѣшнему тотчасъ привѣсти, нечувствительно, въ сей балансъ.

22.

Долги государственныя и партикулярныя выводятъ вѣщи сіи изъ баланса, и такъ ихъ, мало по малу, истребляютъ, а особливо послѣдніи, ибо разоряютъ частныхъ людей, происходятъ отъ роскоши и порчи нравовъ, и такъ все сіе разомъ прекращать, одно для другаго, зачиная съ корня.

23.

Разходы размѣрять по приходамъ и согласовать съ надобностями государственными, и для того вѣрно однажды расписать такъ, чтобъ

никакъ не отягчать земли, но помнить, что можетъ быть случай, гдѣ нужна оставить большій расходъ дѣлать, и такъ не въ плоть и обрѣзъ власть, и притомъ нѣкоторое количество имѣть въ казнѣ, но не большое, дабы не отвратить онаго отъ нужнаго теченія.

24.

Распорядясь, какъ сказалъ выше, не можетъ не произойти моральнаго и физическаго равновѣсія, доводящаго до общей доброй вѣры во всѣхъ частяхъ. За которую смотрѣть, ибо основаніе тишины и блаженства каждаго и всѣхъ, и достиженіе цѣли закона Божія, предмѣта первѣйшаго.

25.

Для достиженія таковаго предмѣта и сохраненія его — необходимо стараться постановить правила общей безопасности, рождающейся отъ стѣженія всѣхъ вѣщей къ одному предмѣту и для соблюденія оной учредить земскую и городовую полицію.

26.

Показавъ, что составляетъ по частямъ внутреннее, непоколебимое и твердое состояніе государства, основанное на предмѣтѣ первомъ общества, блаженствѣ каждаго и всѣхъ, показать надлежитъ, что для сего потребно, для того же предмѣта, съ внѣшнихъ сторонъ, что разумѣется подъ политическимъ внѣшнимъ положеніемъ. Оно должно быть сообразно съ положеніемъ физическимъ и моральнымъ всякаго государства, въ разсужденіи сосѣдей своихъ, которымъ стараться наибольше дѣлать добра. Намъ большой нужды нѣтъ въ чьей либо помощи. Мы довольно сильны сами собою, если захотимъ пользоваться своею силою.

27.

Чтобъ сіе равновѣсіе соблюсти надлежитъ намъ смотрѣть прилѣжно съ кѣмъ прилично быть въ связи и въ какой. Связи суть разныя, обязательствъ, которыя вѣчны быть не могутъ, а по обстоятельствамъ государственнымъ переменяются, и для того ихъ никогда таковыми не дѣлать. Нужды, которыя сами собою рядаются по разнымъ случаямъ. Родства, которыя никогда не должны заставлять забывать примаго, государственнаго интереса и суть послѣднія всегда, ибо обыкновенно идутъ на персону.

28.

Изъ сего видно, что первой политической предмѣтъ требуетъ, чтобъ не давать никому надъ собою воли и не входить ни въ чьи интересы и виды слепо, желая, чтобъ соседи наши были въ равновѣсїи, дабы никто не могъ угрожать вольности другаго; а соблюдать безпристрастіемъ и поведеніемъ, основанномъ на правосудїи, благоразумїи и твердости, уваженіе и довѣренность къ Государству. За сими слѣдуетъ прямое, политическое благосостояніе.

29.

Показавъ такимъ образомъ въ чемъ политическая цель состоитъ, теперь должно сказать какъ до сего предмѣта достигъ можно. Доброю вѣрою въ повѣденїи, которое на первѣе быть должно на честности основано. Союзамъ въ северѣ съ державами, которымъ больше въ насъ нужды, а мѣстничества съ нами имѣть не могутъ; военною силою привѣдя въ непоколебимое сильное состояніе пропорціональнымъ количествомъ и дисциплиною; не входя нигдѣ въ дѣло прежде времени и за другихъ.

30.

Ясно видно, что если нравы нужны для внутренняго благополучїя государства политическаго, то столь же оно нужно для наружной безопасности. Они залогъ и основанїе всему, и такъ достиженїемъ до сего доходить государство до перваго предмѣта блаженства каждаго и всѣхъ.

31.

Въ 29-мъ пунктѣ говорено о надобности военной силы; нѣтъ нужды болѣе о семъ распространяться, ибо каждый знаетъ на какой конецъ военная сила въ обществѣ; говорено то же о пропорціи, въ какой ей быть, и что ее душа. Здѣсь однако же должно о ней сказать, что пространство земли нашей требуетъ большую оборонительную силу, а тѣмъ паче и наступательную; но препятствуетъ сему малое количество жителей по таковому пространству, и такъ, заключааясь въ возможности, должно государство имѣть военную силу свою расположенною по четыремъ главнымъ границамъ и внутри. Имѣть ихъ, въ сообразность сосѣдей, достаточно всѣмъ нужнымъ снабженнымъ всегда комплектныхъ, ибо отъ некомплекта земля большой уронъ терпитъ, или должнымъ счетомъ обороны или безвременнымъ, скорымъ и сильнымъ наборомъ.

32.

Государство, будучи окружено со многихъ сторонъ морями, необходимо надобенъ ему флотъ на каждомъ изъ сихъ морей, которой столь же

надобенъ въ своемъ употребленіи, сколько надобны сухопутныя силы. Для обѣихъ сихъ военныхъ частей надобны арсеналы, запасы всему во разнымъ частямъ и школы для военныхъ наукъ. Притомъ войски и флоты учить, и Государю смотрѣть.

33.

Когда всѣ части государства будутъ приведены порядкомъ до равновесія, въ которомъ должны быть, чтобъ оное могло не разрушимо и не вредимо стоять, тогда можно будетъ сказать, что прямо направлено общество на прямой путь свой блаженства каждаго и всѣхъ, что согласно съ законамъ Божиимъ и слѣдственно не можетъ не имѣть благословѣнья во всемъ Его вышней Десницы.

ПАВЕЛЬ.

Приведенные нами акты важны, какъ для характеристики Павла I, такъ еще болѣе для уясненія многихъ законоположеній, обнародованныхъ этимъ государемъ въ теченіе четырехлѣтняго его царствованія. — Предоставляя изслѣдователямъ царствованія Павла I и жизнеописателямъ сего государя указать все значеніе приведенныхъ нами документовъ и разобрать ихъ строго критически, — мы укажемъ лишь на нѣкоторые указы и законоположенія императора Павла, которые представляютъ прямое развитіе мыслей, высказанныхъ имъ въ 1788 году.

Въ обращеніяхъ къ Маріи Ѳеодоровнѣ нельзя прежде всего не остановиться на томъ глубокомъ чувствѣ любви, дружбы и высочайшаго довѣрія, какимъ исполнены всѣ строки писемъ великаго князя Павла. Великая княгиня была истиннымъ другомъ своего супруга; она была его совѣтникомъ, была опорой во многія тяжкія минуты его жизни.

«Не могу довольно тебѣ благодарности за все сіе сказать», — говоритъ Павелъ во второмъ письмѣ къ ней, отъ 4 января 1788 г. — равнодѣрно и за терпеніе твое, съ которымъ сносила состояніе свое, ради меня, и по человѣчеству случающіяся въ жизни нашей скуки и прискорбія»

Тѣмъ не менѣе, однако, при всей безпредѣльной любви, связующей двухъ супруговъ, Павелъ Петровичъ, для «блаженства» всего государства, призвалъ Марію Ѳеодоровну на «великій подвигъ», какъ онъ самъ выражается; онъ рѣшилъ, что она должна отстранить отъ себя всякую мысль о восшествіи

на престолъ послѣ его смерти, а предоставитъ этотъ престолъ старшему своему сыну... Марія Теодоровна, оправдывая любовь и довѣріе къ себѣ супруга, подвинулась на этотъ подвигъ, — о чемъ и свидѣтельствуесть самъ Павелъ Петровичъ. Фактъ этотъ весьма знаменателенъ. Кто не знаетъ, какъ тяжело пришлось Россіи по смерти Петра Великаго, впродолженіе полу-столѣтія, оттого, что не было точнаго, твердаго закона о престолонаслѣдїи? Павелъ Петровичъ, на самомъ себѣ испытавшій всю настоящую необходимость установленія такого закона, какъ видно изъ приведенныхъ нами документовъ, весьма рано сталъ готовиться къ осуществленію важной мысли — установить порядокъ престолонаслѣдїя на самыхъ незыблемыхъ основахъ. Мысль о семъ предметѣ, назрѣвавшая въ головѣ Павла въ теченіе многихъ лѣтъ уединенной жизни, выразилась, наконецъ, по вступленіи его на престолъ, извѣстнымъ «Актомъ, Высочайше утвержденнымъ въ день священной коронаціи (5 апрѣля 1797 года) Его Императорскаго Величества, и положенный для храненія на престолѣ Успенскаго собора»¹⁾. Этотъ актъ, опредѣлившій порядокъ престолонаслѣдїя въ нашемъ отечествѣ и легшій однимъ изъ краеугольныхъ камней всего строя государственнаго управленія, изданъ, какъ извѣстно, съ слѣдующимъ вступленіемъ:

«Мы, Павелъ, Наслѣдникъ, Цесаревичъ и Великій Князь, и Мы, — супруга Его, Марія, Великая Княгиня.

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

«Общимъ Нашимъ добровольнымъ и взаимнымъ согласіемъ, по зрѣломъ разсужденіи и съ спокойнымъ духомъ постановили сей актъ Нашъ общій, которымъ по любви къ Отечеству избираемъ Наслѣдникомъ, по праву естественному, послѣ смерти Моей, Павла, Сына Нашего большаго, Александра, а по немъ все Его мужское поколѣніе.»

Далѣе въ актѣ изложены «всѣ правила престолонаслѣдства и объяснены причины оныхъ»; затѣмъ актъ устанавливаетъ порядокъ учрежденія правительства и опеки на случай малолѣтства государя, при этомъ нѣкоторыя мѣста цѣликомъ взяты изъ приведенныхъ нами писемъ в. к. Павла Петровича къ Маріи Теодоровнѣ: таковы постановленія о времени совершеннолѣтія государя, о назначеніи совѣта правительства, о числѣ его членовъ, о порядкѣ рѣшенія въ немъ дѣлъ, и проч. Подлинный актъ подписанъ Павломъ и Маріей, съ приложеніемъ печатей, и затѣмъ выставлено число: «Санктпетербургъ. Генваря 4-го, 1788 года.» Былъ ли этотъ актъ въ томъ видѣ, какъ онъ обнародованъ въ

¹⁾ П. С. З. т. XXIV. № 17,910.

1797 году, составленъ въ 1788 году. мы не знаемъ. но вся сущность его, дѣйствительно, заключается въ трехъ письмахъ Павла къ Маріи Теодоровнѣ отъ 4-го января 1788 года, и, следовательно, означенный печатный актъ служить наисильнѣйшимъ доказательствомъ полной достовѣрности приведенныхъ нами документовъ.

Тогда же, въ 1788 году, государь, какъ видно изъ приведеннаго нами завѣщанія его дѣтямъ (актъ IV) — завѣщая своей супругѣ «за подвигъ ея, знаки ордена Св. Андрея и Александра, которые самъ носилъ». Павелъ успѣлъ при жизни возложить орденъ Св. Андрея на свою супругу; звезда жемчужная св. Апостола Андрея съ брильянтами, какъ видно изъ отчета мѣтки вн. А. Б. Куракина въ спискѣ орденовъ имп. Павла (списокъ сохранился въ Куракинскомъ архивѣ); пожалована была Маріи Теодоровнѣ 1 января 1799 года; назначеніе сего ордена особѣ женскаго пола было исключеніемъ изъ общаго правила такъ какъ, по установленію о російскихъ императорскихъ орденахъ, утвержденному императоромъ Павломъ 5 апрѣля 1797 года ¹⁾, — для особъ женскаго пола былъ только одинъ орденъ св. Еватерины. — Точно также Павелъ, по воцареніи, подтвердилъ волю свою, выраженную въ 1788 году, о ежегодномъ отпускѣ Маріи Теодоровнѣ по 1 мил. руб. въ годъ ²⁾. . . .

Но наиболѣе интереса; въ ряду приводимыхъ нами выше актовъ, заключается въ наказѣ или «предписаніи» великаго князя Павла Петровича о порядкѣ управленія Россіи и указанія его на тѣ вопросы, какіе, по его мнѣнію, наиболѣе всего требовали разрѣшенія. Почти каждый пунктъ этого наказа послужилъ зерномъ многихъ законоположеній, изданныхъ впоследствии времени императоромъ Павломъ, — въ этомъ мы убѣдились при тщательномъ пересмотрѣ болѣе 2,200 указовъ, разныхъ уставовъ и положеній, обнародованныхъ въ періодъ времени съ 7 ноября 1796 по 11 марта 1801 года и нашедшихъ себѣ мѣсто въ Полномъ Собраніи Законовъ».

Остандвимся, напр., на пар. 8-мъ наказа: въ немъ выраженъ взглядъ Павла на то высокое значеніе, какое должно имѣть дворянство, и для поддержки котораго, по мнѣнію составителя наказа, необходимо: «придать ему (т. е. дворянству) уваженія, не допуская въ него лишнихъ членовъ или не достойныхъ». . . . Взглядъ этотъ проведенъ въ указахъ императора Павла: отъ 4 декабря 1796 г.,

¹⁾ П. С. З. т. XXIV, № 17,908.

²⁾ П. С. З. т. XXIV, № 17,908: «Учрежденіе объ Императорской фамиліи 5 апрѣля 1797 г., см. примѣч. а, къ п. 1, § 77.

о запрещеніи правительствамъ самимъ собою вводить въ дворянское достоинство и выдавать на оное грамоты безъ Высочайшаго утвержденія»¹⁾—и отъ 20 января 1797 г., «о составленіи бщяго дворянскихъ родовъ гербовника»²⁾.—Затѣмъ мы видимъ ѣсколько постановленій, изданныхъ Павломъ и клонящихся къ возвышенію дворянства, либо къ улучшенію матеріальнаго быта его сословія. Укажемъ на нѣкоторыя изъ сихъ постановленій въ хронологическомъ порядкѣ ихъ обнародованія: Высочайшимъ указомъ, 14 декабря 1797 года, дворянамъ, опредѣляющимся въ военную службу, повелѣно отправлять службу рядового не олѣе трехъ мѣсяцевъ³⁾; причемъ, 17 апрѣля 1798 г., государь строго-на-строго запретилъ представлять унтеръ-офицеровъ не въ дворянъ, не только въ оберъ-офицеры, но даже въ португей-прапорщики и въ подпрапорщики⁴⁾. Манифестомъ, 18 декабря того же года, объявлено объ учрежденіи государственнаго вспомогательнаго банка для дворянства. Этотъ замѣчательный актъ милости Павла къ передовому сословію государства заключается слѣдующими словами: «Основавъ такимъ образомъ праша мѣсту... ласкаемся Мы пріятною надеждою, что дворянство всей Нашей имперіи, ощутивъ истинную цѣль благихъ Нашихъ намѣреній, во спасенію ихъ самихъ и ихъ потомства стремящихся, обратитъ щедроту Нашу во благо, изкупить имѣнія свои изъ рукъ корыстолюбивыхъ ростовщиковъ, заплатитъ всѣ свои долги, и тѣмъ возвращая доброе имя и полное къ себѣ довѣріе, усугубитъ попеченія свои на распространеніе всякаго юда полезнаго хозяйства, а паче и паче сокращая въ домахъ своихъ излишества, роскошію внушаемая, прилѣпится къ повальской умѣренности» и проч.⁵⁾. Въ этихъ словахъ такъ и видѣнъ Павелъ съ своею строгою умѣренностью въ жизни, съ своимъ нерасположеніемъ къ той роскоши, которая такъ запоянула и разорила руссійское дворянство въ эпоху царствованія Екваторины⁶⁾.

Если не маловажны законоположенія, изданныя императоромъ Павломъ съ цѣлью, такъ сказать, возвеличенія дворянства и упро-

¹⁾ П. С. З. т. XXIV, № 17,608.

²⁾ П. С. З. т. XXIV, № 17,749; см. тамъ же, по сему предмету указы: 19 марта 1797 г. (№ 17,881);—7 авг. 1797 г. (№ 18,081);—т. XXV: маниф. 1 янв. 1798 г. (№ 18,302);—указы: 22 июля 1798 г. (№ 18,595);—31 янв. 1799 г. (№ 18,834);—31 дек. 1799 г. (№ 19,238); т. XXVI, №№ 19,432, 19,531 и 19,647.

³⁾ П. С. З. т. XXIV, № 18,267.

⁴⁾ П. С. З. т. XXV, № 18,486.

⁵⁾ П. С. З. т. XXIV, № 18,274.

⁶⁾ Сравни при этомъ п. 22-й Наказа Павла (см. актъ VI).

ченія его матеріальнаго быта, то несравненно важнѣе мѣры того же государя относительно улучшенія крайне печальнаго состоянія крестьянъ помѣщичьихъ. Мѣры эти суть прямое развитіе того, что было выражено Павломъ по сему вопросу въ 1788 году: «крестьянство — писалъ цесаревичъ великій князь въ своемъ наказѣ дѣтямъ особаго уваженія достойно и утвержденія состоянія, не подверженнаго нынѣшнимъ переменамъ его.» Павелъ, по восшествіи своемъ на престолъ, не замедлилъ выразити это «уваженіе» къ сословію, которое, по его мнѣнію, «содержитъ собою всѣ прочія части... своими трудами.» Такимъ образомъ, преемникъ той самой государыни, которая, при всей великости ума и при всей своей энергіи, не нашла возможнымъ что-либо предпринять въ улучшенію крайне бѣдственнаго положенія крестьянъ, манифестомъ 5 апрѣля 1797 года установилъ трехдневную барщину и запретилъ въ остальные четыре дня принуждать крестьянъ работать на своихъ владѣльцевъ ¹⁾; около того же времени государь особымъ указомъ ²⁾ запретилъ продажу дворовыхъ людей и крестьянъ безъ земли съ молотка, а 16 октября 1798 года состоялась высочайшая резолюція о непродажѣ малороссійскихъ крестьянъ безъ земли ³⁾. Ранѣе того сенатскимъ указомъ ⁴⁾: «людямъ ищущимъ вольности» предоставлено право апелляціи на рѣшенія присутственныхъ мѣстъ, хотя бы со стороны «Уѣздныхъ стряпчихъ и было на тѣ рѣшенія удовольствіе». Изъ числа прочихъ законоположеній императора Павла, направленныхъ къ «благодворенію» сельскому населенію, назовемъ слѣдующія: отмѣну подати, собираемой съ поселянъ хлѣбомъ — (налога крайне отяготительнаго для крестьянъ) и установленіе вмѣсто того сбора въ казну денегъ, по 15 коп. за каждый четверикъ ⁵⁾; — запрещеніе «включать въ отдачу помѣщикамъ тѣхъ изъ казенныхъ крестьянъ, которые прежде состоянія о пожалованіи высочайшаго указа подали просьбы о запискѣ въ купечество» ⁶⁾; запрещеніе начальникамъ губерній отягощать обывателей не нужными работами ⁷⁾. Указомъ 3 декабря 1797 года ходатайство и переносъ дѣлъ о людяхъ, ищущихъ вольности, возложено на прокуроровъ, и хотя крестьяне, по силѣ

¹⁾ П. С. З. т. XXIV, № 17,909.

²⁾ П. С. З. т. XXIV, № 17,809, им. ук. отъ 16 февр. 1797 года.

³⁾ П. С. З. т. XXV, № 18,706.

⁴⁾ П. С. З. т. XXIV, № 17,583 — 27 ноября 1796 г.

⁵⁾ П. С. З. т. XXIV, № 17,628 — ук. 10 дек. 1796 г., также ук. 18 дек. 1796 г., № 17,661.

⁶⁾ П. С. З. т. XXIV, № 17,880 — ук. 19 марта 1797 г.

⁷⁾ П. С. З. т. XXIV, ук. 5 мая 1797 г., № 17,956.

сего указа, должны были оставаться, до окончательнаго рѣшенія ихъ дѣлъ, въ полномъ повиновеніи у помѣщиковъ, но послѣдніе обязывались подпискою никакихъ наказаній сего рода людямъ безъ вѣдома земской полиціи не дѣлать ¹⁾; въ тѣхъ же случаяхъ, «когда губернскіе прокуроры апробуютъ рѣшенія палятъ относительно утвержденія крестьянъ, ищущихъ свободы, во владѣніи помѣщиковъ», означеннымъ крестьянамъ, указомъ 29 ноября 1798 года, предоставлено было право самимъ апеллировать въ высшія учрежденія ²⁾. Бѣдственное положеніе крестьянъ приписанныхъ къ различнымъ заводамъ, также весьма рано обратило на себя вниманіе Павла Петровича. Будучи еще наследникомъ престола, онъ, въ приведенномъ нами выше наказѣ, писалъ: «надлежитъ уважить состояніе приписныхъ къ нимъ (т. е. заводамъ) крестьянъ, ихъ судьбу переменить и разрѣшить ³⁾». По восшествіи на престолъ, Павелъ I, хотя и не успѣлъ въ кратковременное царствованіе свое сдѣлать что-либо существенное къ «перемѣнѣ и разрѣшенію судьбы» приписныхъ къ заводамъ крестьянъ, тѣмъ не менѣе, кое-что въ этомъ направленіи все-таки было имъ предпринято; такъ, напр., указомъ 16 марта 1798 года, Павелъ хотя и разрѣшилъ покупку крестьянъ къ заводамъ и фабрикамъ, но онъ это сдѣлалъ въ видахъ устраненія множества злоупотребленій, вытекавшихъ изъ прежнихъ запрещеній таковыхъ покупокъ собственно для купцовъ-заводчиковъ и фабрикантовъ, причемъ относительно производства работъ распространилъ на заводскихъ крестьянъ всю силу манифеста 5 апрѣля 1797 года о трехдневной барщинѣ, и постановилъ немедленно отбирать крестьянъ въ казну въ случаѣ закрытія тѣхъ заводовъ или фабрикъ, къ которымъ крестьяне покупались ⁴⁾.

Павелъ обратилъ также вниманіе на улучшеніе быта мастеровъ

¹⁾ П. С. З. т. XXIV, № 18,261.

²⁾ П. С. З. т. XXV, № 18,768. Мѣры, какія принималъ Павелъ для улучшенія быта крестьянъ, какъ ни были онѣ значительны по сравненію съ тѣми, что было сдѣлано до него и даже послѣ него въ первую четверть XIX вѣка, не достигали, однако, своей цѣли; но въ этомъ едва ли можно винить государя, искренно желавшаго положить конецъ злу. Какъ бы то ни было, но между крестьянами, болѣе чѣмъ когда-либо, стали ходить толки и слухи о полномъ освобожденіи ихъ отъ крѣпостнаго ига, — такъ — что правительство, далекое еще отъ столь рѣшительнаго шага, вынуждено было прибѣгнуть къ мѣрамъ укрощенія крестьянъ и подчиненія ихъ помѣщикамъ. См. сего рода указы и манифесты имп. Павла въ П. С. З. т. XXIV: №№ 17,638; 17,780; 17,769; 17,958; — т. XXVI: № 19,479. См. также указы императора Павла въ П. С. З. т. XXV, №№ 18,358; 18,396; т. XXVI, №№ 19,250 и нѣк. другіе, упрочивавшіе силу крѣпостнаго ига.

³⁾ См. выше актъ VI, п. 17.

⁴⁾ П. С. З. т. XXV, № 18,442.

выхъ людей казенныхъ горныхъ заводовъ, вслѣдствіе чего и былъ утвержденъ имъ докладъ сената: «о правилахъ довольствованія провіантомъ Екатеринбургскаго вѣдомства горныхъ заводовъ и монетнаго дѣла мастеровыхъ людей и объ увольненіи ихъ отъ вычетовъ на госпиталь и лазаретъ, а также и отъ процентовъ за вещи и одежду, для нихъ заготовляемая ¹⁾».

Болѣе существенныя мѣры приняты были въ обозрѣваемые нами періодъ времени, съ конца 1796 по начало 1801 года, относительно улучшенія быта казенныхъ крестьянъ, «облегчить судьбу» которыхъ Павелъ Петровичъ также ставилъ, въ 1788 г., въ число завѣтныхъ своихъ желаній ²⁾. Такимъ образомъ, тѣ изъ нихъ, которые не имѣли въ своемъ владѣніи 15 десятинъ на душу, надѣлены Павломъ I землею въ означенномъ размѣрѣ, а «гдѣ оброчныхъ земель оказывалось столь мало, что и чрезъ отдачу всѣхъ ихъ того количества не составитя, тамъ указывалось отдавать крестьянамъ всѣ земли оброчныя, сколько ихъ есть: ибо — такъ гласилъ докладъ сената — чрезъ таковое удовлетвореніе крестьяне, землями скудные, придуть въ лучшее состояніе ³⁾...»

Экономическіе крестьяне также не были забыты: 28 января 1798 года, императоръ Павелъ далъ слѣдующій указъ сенату: «по дошедшему до насъ свѣдѣнію, что во многихъ губерніяхъ крестьянамъ экономическимъ разныя чинятся притѣсненія, повелѣваемъ Сенату Нашему, обратить на сіе вниманіе свое, и, въ отвращеніе таковаго зла, наблюдать за управляющими въ губерніяхъ, на отчетѣ коихъ останется преступленіе, частными начальниками, вѣдомству ихъ подчиненными, учиненное; обличившагося въ ономъ, немедленно предать суду ⁴⁾...»

«Законы у насъ есть, писалъ Павелъ въ 1788 году: но (надобно) въ порядокъ привести въ ихъ смыслѣ...» и проч. ⁵⁾. Вѣрный этой мысли, Павелъ, восемь лѣтъ спустя, въ первые

¹⁾ П. С. З. т. XXV, № 18,965 — 14 мая 1799 г.

²⁾ См. выше, актъ VI, п. 18.

³⁾ П. С. З. т. XXIV, № 18,256, 27 ноября 1797 г.; см. также сен. ук. 19 авг. 1798 г. (т. XXV, № 18,638): «о учиненіи казеннымъ палатамъ уравнительной разверстки земель между казенными поселянами вообще по губерніи...» Благодѣтельное дѣйствіе указа 27 ноября 1797 г., о назначеніи казеннымъ крестьянамъ 15 десятинъ на душу, было нѣсколько умалено указомъ 7 апрѣля 1799 г. (т. XXV, № 18,925); см. также относительно устройства быта казенныхъ крестьянъ указы: 10 янв. 1800 г. (т. XXVI, № 19,244): «объ отдачѣ мельницъ, построенныхъ изъдвеніемъ казенныхъ крестьянъ, въ ихъ владѣніе безоброчно;» отъ 27 іюня 1800 г. (№ 19,462);—ук. 27 янв. 1801 г.: о правилахъ надѣленія и уравниенія казенныхъ крестьянъ землями» (№ 19,735) и проч.

⁴⁾ П. С. З. т. XXV, № 18,352.

⁵⁾ См. выше актъ VI, п. 4.

же дни по восшествіи на престоль, даетъ указъ генераль-прокурору: «собрать въ Уложенной Коммисіи и во всѣхъ архивахъ издавныя дотолѣ узаконенія и составить изъ нихъ три книги законовъ Россійской имперіи: уголовныхъ, гражданскихъ и казенныхъ дѣлъ»; и въ тотъ же день (16 декабря 1796 г.) государь повелѣлъ Сенату разсматривать вносимыя отъ генераль-прокурора оканчиваемыя въ Уложенной Коммисіи узаконенія ¹⁾....

Мы сдѣлали лишь самыя бѣглыя указанія на нѣкоторыя законоположенія, обнародованныя императоромъ Павломъ, чтобъ показать ту связь, какая существуетъ между идеями, положенными въ основаніе этихъ указовъ, и тѣми мыслями, какія высказывалъ Павелъ въ то время, когда въ своемъ уединеніи, будучи еще наслѣдникомъ престола, онъ подготавливалъ себя къ тяжкому труду управленія государствомъ. — Ни мѣсто, ни самая цѣль нашей статьи не позволяютъ намъ изложить дальнѣйшія сравненія мыслей, выраженныхъ Павломъ въ 1788 году и проводимыхъ имъ въ указахъ съ конца 1796 по 11 марта 1801 г. Мы, напр., не упомянемъ здѣсь — о мѣрахъ императора Павла, принятыхъ имъ въ развитіе своихъ мыслей, высказанныхъ въ 1788 г., относительно лучшаго устройства государственныхъ финансовъ: увеличенія доходовъ, уменьшенія расходовъ и установленія надлежащаго соотвѣтствія между тѣми и другими ²⁾; относительно дѣла питейнаго и продажи соли ³⁾; о развитіи горнаго дѣла, фабричной промышленности и торговли ⁴⁾; относительно устройства войска и флота и проч. и проч. Таковой трудъ, вмѣстѣ съ надлежащимъ и всестороннимъ обсужденіемъ всего значенія напечатанныхъ нами документовъ, необходимо представить тому, кто возьметъ на себя задачу составить исторію царствованія императора Павла I, на основаніи обстоятельно

¹⁾ П. С. З. т. XXIV, №№ 17,652; 17,654; 17,697.

²⁾ Ср. пар.: 21, 22 и 23 акта VI (см. выше) съ ук. имп. Павла I: П. С. З. т. XXIV, №№ 17,609; 17,614; 17,627; 17,797; т. XXV: №№ 18,763; 18,864, и друг.

³⁾ Ср. п. 16 акта VI (см. выше) съ указами имп. Павла I: въ П. С. З. т. XXIV, №№ 17,815; 17,826; 17,954; 17,957, т. XXV № 18,399. Изъ сихъ послѣднихъ указовъ (5 мая 1797 г.: о назначеніи общаго срока, къ явкѣ желающимъ для произведенія въ Камеръ-Коллегіи торговъ какъ на винную поставку, такъ и на питейный откупъ — и 25 февр. 1798 г. о повсемѣстномъ распубликованіи условий на питейный откупъ съ 1799 года) между прочимъ видно, что императоръ Павелъ не нашелъ, какъ надо думать, удобнымъ и своевременнымъ осуществить замѣчательную мысль, высказанную имъ въ 1788 г. относительно питейнаго дохода; — см. также указы Павла въ П. С. З. т. XXIV: №№ 18,044; 18,084; 18,250; т. XXV: №№ 18,399; 18,703 и друг.

⁴⁾ Ср. въ актѣ VI пар.: 14, 15, 17, съ указами имп. Павла I въ П. С. З. т. XXIV: №№ 17,567; 17,604; 17,607; 17,678 и друг.

и возможно полно собранныхъ матеріаловъ, какъ печатныхъ, такъ (и это гораздо важнѣе) до сихъ поръ не изданныхъ.

Будемъ же надѣяться, что близко время, когда отечественная исторія обогатится такого рода въ высшей степени важнымъ и полезнымъ трудомъ, и личность императора Павла, до сихъ поръ столь мало разъясненная, выяснится вполне.

М. СЕМЬВСКІЙ.

8 января, 1867 г.
С.-Петербургъ.

VI.

Э П О Х А

КОНГРЕССОВЪ.

III.

Ахенъ. — Карлсбадъ. — Вопросъ о вмѣшательствѣ по поводу нѣмецкихъ дѣлъ. — Ходъ конституціоннаго дѣла во Франціи послѣ ахенскаго конгресса. — Вопросъ о вмѣшательствѣ по поводу французскихъ дѣлъ.

Если мы внимательно взглянемъ въ движенія, происходившія на памяти исторіи въ человѣческихъ обществахъ, то главную причину этихъ движеній найдемъ въ стремленіи опредѣлить отношенія личности къ обществу. Природа человѣка требуетъ жизни въ обществѣ; но, входя въ общество, человѣкъ долженъ отказаться отъ извѣстной доли своей самостоятельности и свободы въ пользу другихъ, въ пользу общества. «Отъ извѣстной доли», — но именно отъ какой?... Вотъ вопросъ, который и рѣшается въ продолженіе всей исторіи человѣчества, ибо для успѣховъ человѣческой, т. е. общественной жизни, личность должна сохранять извѣстную и значительную долю самостоятельности и свободы. Для охраненія своей самостоятельности и свободы, личность имѣетъ прежде всего свою внутреннюю, духовную природу, посредствомъ которой сносятся съ высшимъ міромъ, гдѣ находятъ высшую повѣрку всѣмъ дѣйствіямъ и отношеніямъ; понятно, какъ вѣрованіе въ загробную жизнь, въ вѣчное существованіе каждой отдѣльной личности способствуетъ къ тому, чтобъ дать послѣдней свободное и независимое положеніе; по-

нятно, какія средства даетъ ей это вѣрованіе въ борьбѣ съ матеріальною силою и случайностями. Кромѣ религіи, кромѣ вѣрованія въ вѣчное самостоятельное существованіе личности, послѣдняя, для своей охраны, имѣетъ еще семейство и собственность, которыя даютъ ей возможность устроить въ обществѣ свой особый и самостоятельный міръ. Такимъ образомъ, религія, семейство и собственность составляютъ три крѣпости, посредствомъ которыхъ личность отстаиваетъ свою свободу и самостоятельность; и общество, для правильнаго установленія своихъ отношеній къ личности, не должно касаться этихъ твердынь ея; когда же онѣ подкапываются разными способами, когда личность выманивается изъ нихъ обѣщаніемъ большей свободы и независимости, которыми прикрывается стремленіе къ порабощенію личности, то происходитъ смута, могущая прекратиться только съ возстановленіемъ твердынь, охраняющихъ личность.

На поприщѣ болѣе обширномъ мы видимъ движеніе, столкновеніе народныхъ личностей. Очевидно, что благородная натура европейско-христіанскихъ народовъ влечетъ ихъ къ жизни сообща, вслѣдствіе чего, международныя отношенія сильно измѣнились, особенно въ теченіе послѣднихъ вѣковъ. По единству интересовъ, по возможности наблюдать за жизнью другъ друга, не разъ являлись у народовъ общія дѣйствія, общія распоряженія; народная личность почувствовала со стороны общества народовъ посягновенія на свои права, на свободу и независимость дѣйствій. Народъ объявляетъ другому войну; но нѣсколько другихъ народовъ вмѣшивается и требуетъ прекращенія войны, выставляя общій интересъ, сохраненіе политическаго равновѣсія и т. п. Свобода народной личности явно ограничивается обществомъ народовъ, интересами этого общества. Но этого мало, что свобода ограничивается дѣйствіями извѣстной народной личности по отношенію къ другой личности; одинъ народъ вмѣшивается во внутреннія дѣла другого народа, наприм., протестантскіе государи считаютъ своимъ правомъ и обязанностью поддерживать протестантскихъ подданныхъ другихъ державъ противъ ихъ правительствъ; наконецъ, государства, на основаніи общей пользы и безопасности, на основаніи политическаго равновѣсія, начали считать себя въ правѣ, съ общаго согласія, дѣлить владѣнія извѣстнаго государства, какъ, наприм., раздѣлены были владѣнія Испаніи. Разумѣется, что, при такомъ движеніи международной европейской жизни, народная личность должна была протестовать, и необходимо поднимался вопросъ о вмѣшательствѣ и невмѣшательствѣ чужихъ державъ въ дѣла извѣстнаго государства, вопросъ — на сколько народная личность должна отва-

заться отъ своихъ правъ въ пользу общей международной жизни, гдѣ должны быть поставлены границы вмѣшательству? Разумѣется, рѣшенія такихъ вопросовъ нельзя ожидать въ скоромъ времени. Событія конца XVIII и начала XIX вѣка преимущественно содѣйствовали поднятію вопроса о вмѣшательствѣ: революціонная пропаганда, войны французской республики, и, особенно, завоевательныя стремленія имперіи повели къ образованію коалицій, изъ которыхъ послѣдняя самая обширная, побѣдивъ французскую имперію, естественно, сочла себя въ правѣ распорядиться такъ, чтобы бѣдствія, испытанныя европейскими народами отъ Франціи, больше не повторялись. Такимъ образомъ, насилія, какія позволилъ себѣ одинъ сильный народъ противъ другихъ, повели къ тѣсному и продолжительному союзу между послѣдними. Общая опасность отъ Франціи поддерживала союзъ, вела къ общимъ мѣрамъ; представители союзныхъ державъ въ Парижѣ составляли постоянныя конференціи, совѣщались о мѣрахъ, какія нужно предложить французскому правительству для внутренняго успокоенія страны; войска союзниковъ занимали французскія крѣпости: никогда еще Европа не видала подобнаго явленія, подобнаго вмѣшательства. Но это вмѣшательство должно было окончиться; признано было нужнымъ освободить отъ него Францію, чтобъ дать ббльшую силу ея правительству, и теперь рождался вопросъ: долженъ ли вмѣстѣ съ этимъ кончиться союзъ, уже шестой годъ соединявшій сильнѣйшія европейскія державы?

Вопросъ рѣшался различно этими державами. Еще въ 1805 г., предлагая Англій союзъ для положенія предѣловъ усиленію военной французской имперіи, русскій императоръ предлагалъ вмѣстѣ съ тѣмъ послѣ мира заняться трактатомъ, «который ляжетъ въ основаніе взаимныхъ отношеній европейскихъ государствъ; здѣсь дѣло идетъ не объ осуществленіи мечты вѣчнаго мира, однако, будетъ что-то похожее, если въ этомъ трактатѣ опредѣлятся ясныя и точныя начала народнаго права.» Не въ 1805, а въ 1815 году, императору Александру удалось осуществить первую часть своего плана—избавить Европу отъ Наполеона; но онъ не забылъ и второй части плана и спѣшилъ положить начало ея осуществленію въ священномъ союзѣ между Россіею, Австріею и Пруссіею, государи которыхъ соединились «узами неразрывнаго братства, обязывались оказывать другъ другу во всякомъ случаѣ, во всякомъ мѣстѣ, взаимную помощь и доброжелательство; подданныхъ же своихъ считать какъ бы членами одного семейства и управлять ими въ томъ же духѣ братства, для охраненія вѣры, правды и мира.» Но русскій императоръ

не хотѣлъ ограничиваться союзомъ между тремя державами; онъ хотѣлъ призвать къ нему всѣ европейскія державы и, такимъ образомъ, осуществить то, что въ 1805 году было осторожно названо «чѣмъ-то похожимъ на вѣчный миръ». Со стороны короля прусскаго, безгранично преданнаго императору Александру, нельзя было ожидать сопротивленія этому плану; но и въ Пруссіи уже начала высказываться неприязнь къ Россіи: въ самомъ началѣ 1816 года въ Петербургѣ знали, что знаменитый генералъ Гнейзенау толковалъ объ опасности, которая грозитъ Пруссіи со стороны Россіи, и о необходимости во-время принять мѣры къ предотвращенію этой опасности. Гораздо громче толковали въ Вѣнѣ объ опасности, которая грозитъ Австріи отъ Россіи, ибо въ Вѣнѣ понимали, что пестрая австрійская монархія вся состоитъ изъ слабыхъ мѣстъ, и страхъ былъ господствующимъ чувствомъ вѣнскаго кабинета, особенно страхъ предъ Россіею по племенной связи ея съ многочисленными славянскими подданными Австріи. Не смотря на то, что императоръ Францъ былъ членомъ священнаго союза, опытные и внимательные дипломаты подмѣчали въ 1816 году, что австрійское правительство ведетъ съ Россіею подземную войну, сначала ищетъ ей непріятелей, а когда число ихъ будетъ достаточно, то предоставитъ себѣ удовольствіе нанести ударъ льву ослинымъ копытомъ. Австрія старалась быть со всѣми правительствами въ сношеніяхъ дружественныхъ или даже очень дружественныхъ. Говорили, что князь Меттернихъ имѣлъ искусство устроить себѣ изъ дипломатическаго корпуса въ Вѣнѣ настоящій мужской сераль; и горе тому дипломату, который не хотѣлъ обожать вѣнскаго Далай-Ламу; въ этой, совершенно *физической* странѣ, въ этомъ *царствѣ желудка*, какъ уже тогда отзывались объ Австріи, нравственныя правила и побужденія считались старомоднымъ явленіемъ, и дипломатъ, хотѣвшій поддержать свое значеніе, долженъ былъ прежде всего запастись хорошимъ поваромъ. Но хорошіе обѣды не могли заглушить опасеній насчетъ различныхъ народностей, смотрящихъ въ разныя стороны: Иллирій былъ данъ титулъ королевства изъ страха предъ Россіею, предъ сочувствіемъ къ ней славянъ; католицизмъ явился готовымъ и надежнымъ орудіемъ для ослабленія этого сочувствія, и началось сильное движеніе противъ православія. Много было также хлопотъ и съ итальянцами, которыхъ надобно было онѣмечить. Недовольные говорили, что въ итальянскихъ владѣніяхъ Австріи надобно было не только жить, но и умирать по-нѣмецки, отъ нѣмецкой руки, потому что Ломбардія была наводнена медведами, высланными туда изъ нѣмецкихъ владѣній Австріи.

Опасаясь болѣе всего Россіи, видя въ ея императорѣ второго Наполеона, только подъ благородными формами, вѣнскій кабинетъ подозрительно смотрѣлъ на всѣ планы русскаго императора; въ его либеральныхъ стремленіяхъ онъ видѣлъ исканіе средствъ пріобрѣсти расположеніе дѣтей революціи, людей, ей сочувствующихъ; въ желаніи императора Александра—вести въ священный союзъ всѣ, и второстепенныя государства, вѣнскій кабинетъ видѣлъ желаніе пріобрѣсти въ этихъ мелкихъ государствахъ послушныя орудія для господства, для управленія дѣлами Европы,—желаніе, тѣмъ болѣе опасное для вѣнскаго кабинета, что эти мелкія державы были самыя податливыя на либеральныя перемѣны, посредствомъ которыхъ могло усиливаться революціонное движеніе, столь страшное для рухлаго зданія австрійской имперіи. Въ виду конгресса, на которомъ долженъ былъ рѣшиться вопросъ о характерѣ союза, Меттернихъ построилъ свою систему, которая состояла въ слѣдующемъ: «Наполеонъ поставилъ свой тронъ на революціи, не сокрушивши ея. Когда этотъ тронъ разрушился, революція снова появилась; съ знаменитой эпохи Ста дней начинается расширеніе революціонныхъ принциповъ, болѣе или менѣе распространенныхъ въ каждомъ государствѣ. Явится ли новый владыка, котораго призовутъ для удержанія этого зла? Нѣтъ, прежде всего возможность этой роли не находится въ характерѣ и принципахъ ни одного изъ царствующихъ государей, на столько сильныхъ, чтобы принять ея на себя. Состояніе Европы требуетъ власти: при Наполеонѣ эта власть была деспотическая. Если не хотятъ, чтобъ она стала демократическою, то она должна быть сохранена и поддержана четырьмя великими державами, поставленными въ челѣ европейской системы; съ теченіемъ времени къ нимъ можно присоединить пятую державу—Францію. Пусть зависть называетъ эту систему аристократическою: слова не значатъ ничего, лишь бы достигались благія цѣли и зло было сдержано; впрочемъ, для того, чтобъ эта система продолжалась и имѣла вліяніе, которое одно можетъ сдѣлать ее полезною, необходимо согласіе въ принципахъ и доктринахъ, отреченіе отъ частныхъ видовъ и соперничества и согласіе относительно исполненія.» Послѣдними словами Меттернихъ намекалъ на русскаго императора, котораго принципы разнились отъ принциповъ вѣнскаго кабинета. За-то послѣдній былъ согласенъ съ охранительною политикою торійскаго кабинета въ Англіи.

Конгрессъ собрался въ Ахенъ, осенью 1818 года. Различіе въ принципахъ немедленно обнаружилось на конференціяхъ: Англія и Австрія настаивали на необходимости продолженія чет-

верного союза (Россія, Англія, Австрія и Пруссія); Россія настаивала на союзѣ общемъ, европейскомъ, или великомъ союзѣ, братскомъ и христіанскомъ. Обнаружилась тѣсная связь между кабинетами лондонскимъ и вѣнскимъ; главною причиною этой связи была ревность, страхъ, возбужденный колоссальнымъ величіемъ Россіи, вмѣшательствомъ ея кабинета во всѣ европейскія отношенія. Было замѣчено съ русской стороны, что Англія и Австрія стремились, во-первыхъ, чтобъ держать Францію въ продолжительномъ несовершеннолѣтіи; во-вторыхъ, слѣдовать той же политикѣ и относительно Испаніи; въ-третьихъ, держать Нидерланды и Португалію въ зависимости отъ Англіи; въ-четвертыхъ, государства итальянскія держать въ такой же зависимости отъ Австріи; въ-пятыхъ, вооружить германскую конфедерацію для удержанія Россіи въ завоевательныхъ замыслахъ; въ-шестыхъ, установить прямыя сношенія между Германіею и Оттоманскою Портою, съ цѣлю дѣйствовать на Россію, не нарушая, повидимому, четверного союза; въ-седьмыхъ, вмѣшиваться въ отношенія сѣверныхъ государствъ; въ-осьмыхъ, вмѣшиваться также въ отношенія Россіи къ Персіи и Турціи. Австрійскій и англійскій уполномоченные, Меттернихъ и Кесльри, съ своей стороны, внимательно слѣдили на конгрессѣ за императоромъ Александромъ. Результаты наблюденій оказались успокоительнаго свойства, и Кесльри писалъ Ливерпулю: «Мнѣ кажется, русскій императоръ думаетъ, что между Великобританіею и Австріею существуетъ тайное соглашеніе; но, не смотря на всѣ эти идеи, дѣйствующія на его нѣсколько подозрительный умъ, я убѣжденъ, что онъ намѣренъ преслѣдовать мирную политику; онъ стремится къ власти, но у него нѣтъ желанія перемѣнить союзниковъ, или дать революціонному духу въ Европѣ болѣе движенія; напротивъ, онъ расположенъ наблюдать за нимъ.» Даже подозрительность Меттерниха успокоилась насчетъ властолюбивыхъ замысловъ самого императора Александра; но такъ какъ Россія и завоевательная политика — были понятія нераздѣльныя въ умѣ знаменитаго придворнаго и государственнаго канцлера, то онъ направилъ свою подозрительность на дѣйствія русскихъ агентовъ; онъ объявилъ Кесльри, что личный характеръ императора представляетъ для Европы единственную гарантію противъ опасности отъ русскаго могущества.

Главное дѣло, для котораго собрался аженскій конгрессъ — рѣшеніе вопроса объ отношеніи союзныхъ державъ къ Франціи, кончилось согласно желанію русскаго императора: Франція была освобождена отъ опеки четырехъ державъ и ея государственная область была очищена отъ иностранныхъ войскъ. Россія домо-

галась этого, какъ средства усилить нравственно королевскую власть во Франціи, усилить министерство Ришельё, сдѣлать его популярнымъ, ибо старанію герцога, его вліянію на русскаго императора должны были приписать освобожденіе Франціи изъ-подъ опеки; съ поднятіемъ значенія Ришельё естественно усиливалась связь Франціи съ Россією; не говоримъ уже о личномъ расположеніи императора Александра къ французскому народу, о желаніи приобрѣсти благодарность и привязанность любимаго народа. Со стороны Англій не могло быть противо-дѣйствія: вмѣшательство во внутреннія дѣла Франціи скрѣпляло непріятный для Англій союзъ континентальныхъ державъ, который императоръ русскій старался все болѣе и болѣе распространить и усилить, и въ которомъ преобладаніе Россіи было ощутительно; очень было важно ослабить этотъ союзъ отстраненіемъ главной причины общаго дѣйствія; укрѣпленіе же русскаго вліянія во Франціи, при тамошнихъ отношеніяхъ и движеніяхъ, не обѣщавшихъ прочности кабинету, еще не могло считаться вѣрнымъ. Меттернихъ представлялъ на видъ рановременность очищенія Франціи отъ союзныхъ войскъ при усиленіи революціоннаго духа; но его одиночное сопротивленіе не могло помѣшать дѣлу: Пруссія держалась Россіи.

Но кромѣ дѣла объ очищеніи Франціи отъ иностранныхъ войскъ, были еще два другіе важнѣйшіе вопроса: о продолженіи союза и общаго дѣйствія державъ и объ отношеніяхъ Франціи къ этому союзу и общему дѣйствію. Россія настаивала на укрѣпленіи и расширеніи союза и общаго дѣйствія, и на безусловномъ участіи въ нихъ Франціи; но встрѣтила противодѣйствіе со стороны Англій, за спиною у которой стояла Австрія и дѣйствовала въ томъ же духѣ. Чтобъ дать укрѣпиться, пустить поглубже корни общему дѣйствію, общему управленію дѣлами Европы, Россія требовала, чтобъ конгрессы, съѣзды государей или министровъ ихъ происходили періодически, собирались въ известное опредѣленное время, въ известныхъ мѣстностяхъ. Лордъ Кесльри, пообжившійся на континентѣ, очень полюбилъ конгрессы, очень понравилось ему это участіе, и, благодаря значенію Англій, сильное участіе въ улаживаніи европейскихъ дѣлъ, блестящая роль въ собраніи государей, на которое были обращены глаза всѣхъ. Кесльри писалъ съ ахенскаго конгресса Ливерпулю: «Вообще, дѣла идутъ какъ нельзя лучше, и намъ остается только поощрять чувства привязанности, которыя государи расточаютъ другъ передъ другомъ, и которыя, думаю, въ эту минуту, искренни. Я вполне убѣжденъ, что привычка къ общему дѣйствію, общая слава и эти случайные съѣзды служатъ

для Европы лучшими обеспеченіями въ продолжительности мира. » Въ другомъ письмѣ Кесльри говоритъ: «Пріятно замѣчать, какъ мало замѣшательства и какъ много прочнаго добра произтекаетъ отъ этихъ собраній, которыя издали кажутся такими страшными. Конгрессъ представляется мнѣ новымъ изобрѣтеніемъ въ европейскомъ правительствѣ, уничтожающимъ паутину, которою дипломатія затемняетъ горизонтъ, представляющимъ всю систему въ настоящемъ свѣтѣ, и дающимъ совѣтамъ великихъ державъ дѣйствительность и почти простоту одного государства.» Но этихъ взглядовъ на конгрессъ не раздѣляли люди, смотрѣвшіе на него издали. По поводу вопроса о періодическихъ конгрессахъ, Каннингъ заявилъ въ кабинетѣ мнѣніе, что система такихъ періодическихъ собраній представителей четырехъ великихъ державъ для обсужденія общихъ европейскихъ дѣлъ — новость, польза которой подлежитъ большому сомнѣнію; что она глубоко втянетъ Англію въ политику континента, тогда какъ настоящая англійская политика состоитъ въ томъ, чтобъ не вмѣшиваться въ дѣла континента, исключая случаевъ нудящей необходимости. Всѣ другія государства должны протестовать противъ таковаго покушенія поработить ихъ; конгрессы могутъ сдѣлаться сценами кабалъ и интригъ; въ англійскомъ народѣ возбудится опасеніе насчетъ его свободы, если англійскій дворъ согласится участвовать въ сѣздахъ съ неограниченными монархами, разсуждать, въ какой степени революціонный духъ можетъ вредить общественной безопасности и требовать вмѣшательства союза для его подавленія. Другіе члены кабинета, не соглашаясь вполне съ Каннингомъ, прежде всего, однако, имѣли въ виду свои отношенія къ парламенту, прежде всего задавали себѣ вопросъ: какое впечатлѣніе произведетъ на парламентъ рѣшеніе насчетъ періодическихъ конгрессовъ? Задавали вопросъ, что, если многіе изъ членовъ парламента посмотрятъ на дѣло такъ, какъ взглянулъ на него Каннингъ? что, если оппозиція станетъ въ парламентѣ развивать тѣ же мысли, какія Каннингъ развивалъ въ кабинетѣ? изъ-за чего подвергать министерство таковой опасности? Лордъ Батурстъ писалъ Кесльри: «Зачѣмъ преждевременно представлять новому, сомнительнаго характера парламенту, систему, которая, если бы дѣйствительно была хороша, должна установиться сама собою такимъ образомъ, чтобъ каждый конгрессъ обусловливалъ слѣдующій при видимой пользѣ, обнаруживающейся при каждомъ сѣздѣ; а такъ какъ всякая политическая система имѣетъ свое время, то конецъ этой системы будетъ менѣ замѣтенъ, если періодическіе конгрессы не будутъ заранѣе установлены.»

Также несочувственно принята была англійскимъ кабинетомъ и мысль о включеніи Франціи въ союзъ, и также причиною отстраненія ея была выставлена отвѣтственность кабинета передъ парламентомъ. Лордъ Ливерпуль писалъ Кесльри по этому случаю: «Прежде всего здѣсь не практической вопросъ, это болѣе споръ о словахъ, чѣмъ о дѣлѣ. Мы всѣ довольны нашими существующими обязательствами. Взгляды русскаго императора не могутъ быть допущены. Мы должны сказать одно, что мы остаемся вѣрными нашимъ существующимъ трактатамъ и обязательствамъ, и что, если когда-нибудь государи или министры ихъ будутъ имѣть случай совѣщаться сообща о какихъ-нибудь дѣлахъ, имѣющихъ возникнуть изъ условій послѣдняго мира, французское правительство будетъ приглашено къ участию въ совѣщаніяхъ. Если сочтутъ полезнымъ, въ виду удержанія Франціи въ порядкѣ, назначить время, когда государи опять соберутся, то мы не видимъ препятствія къ этому; но часто бываетъ также неблагоприятно смотрѣть слишкѣмъ далеко въ будущее, какъ и стуживать границы нашего кругозора. Мы должны сами помнить и нашимъ союзникамъ дать почувствовать, что всѣ эти вопросы отзовутся въ британскомъ парламентѣ; что у насъ будетъ новый, сомнительнаго характера парламентъ, непривышій смотрѣть на вопросы внѣшней политики, какъ прежніе парламенты, находившіеся подъ давленіемъ великой опасности извнѣ. Дайте понять русскимъ, что у насъ — парламентъ и публика, передъ которыми мы отвѣтственны, и что мы не можемъ вовлечься въ виды политики, которая совершенно не соотвѣтствуетъ духу нашего правительства.»

Оба вопроса были рѣшены соотвѣтственно взглядамъ лондонскаго кабинета. Въ протоколѣ конференціи 15 ноября было объявлено, что дворы, подписавшіе протоколъ: во 1) твердо рѣшились ни въ отношеніи другъ къ другу, ни въ отношеніи къ другимъ государствамъ, не отступать отъ принципа тѣснаго союза, принципа, господствовавшаго до сихъ поръ въ ихъ сношеніяхъ и общихъ интересахъ; союзъ этотъ сталъ крѣпче и неразрывнѣе вслѣдствіе узъ христіанскаго братства, которыми связали себя государи; 2) союзъ этотъ, заимствующій свою дѣйствительность и прочность отъ того, что держится не на какомъ-нибудь отдѣльномъ интересѣ, не на какихъ-нибудь временныхъ, случайныхъ соображеніяхъ, имѣетъ одну цѣль — поддержаніе всеобщаго мира, основанное на религіозномъ уваженіи къ обязательствамъ, внесеннымъ въ трактаты, и ко всѣмъ правамъ, отсюда проистекающимъ; 3) Франція, присоединенная къ другимъ державамъ вслѣдствіе возстановленія монархической власти,

законной и конституціонной, обязывается содѣйствовать съ этихъ поръ поддержанію и утвержденію системы, которая дала миръ Европѣ и одна можетъ обусловить его продолженіе; 4) если, для лучшаго достиженія означенной цѣли, державы пайдуть необходимымъ установить особыя собранія, или между самими государями, или между министрами и уполномоченными, для разсужденія сообца о ихъ собственныхъ интересахъ, то время и мѣсто этихъ собраній будутъ заблаговременно опредѣлены посредствомъ дипломатическихъ сообщеній, и если эти собранія будутъ имѣть предметомъ дѣла, связанныя съ интересами другихъ державъ европейскихъ, то они будутъ имѣть мѣсто не иначе, какъ по формальному приглашенію со стороны этихъ державъ, при чемъ необходимо, чтобъ послѣднія участвовали въ нихъ или прямо или посредствомъ уполномоченныхъ.

Такимъ образомъ, на ахенскомъ конгрессѣ было остановлено развитіе общаго управленія европейскими дѣлами посредствомъ конгрессовъ. Небывалое прежде общее дѣйствіе государей съ 1813 года естественно и необходимо вело къ общему управленію посредствомъ конгрессовъ; но предстояло сдѣлать новый шагъ — узаконить это общее правленіе и его форму постановленіемъ, что конгрессы должны быть періодическими. Но сильный протестъ изъ Лондона — и предложеніе о періодическихъ конгрессахъ взято назадъ. Роль Англій въ этомъ случаѣ замѣчательна въ двухъ отношеніяхъ: по самому островному положенію своему, Англія — отрѣзанный ломоть отъ континентальной Европы; ни въ какомъ случаѣ ея интересы не могутъ быть такъ тѣсно связаны съ интересами континентальныхъ державъ, какъ связаны интересы послѣднихъ между собою; отсюда у Англій всегда своя особая политика, крайне осторожная относительно вмѣшательства, допускаемого только въ крайнихъ случаяхъ, когда столкновенія интересовъ на континентѣ прямо грозятъ интересамъ Британіи. Съ конца XVIII вѣка, интересы континентальныхъ государствъ тѣсно связаны вслѣдствіе революціоннаго движенія, причемъ революціонное движеніе Франціи служитъ источникомъ и поддержкою революціоннаго движенія повсюду; но Англія и тутъ въ сторонѣ; формы ея политической жизни установились гораздо прежде, независимо отъ континентальныхъ движеній, вслѣдствіе двухъ своихъ революцій; и хотя демократическія движенія континента и находятъ отголоски въ Англій, хотя эти отголоски могутъ становиться все сильнѣе и сильнѣе и очень озабочивать англійскихъ государственныхъ людей охранительнаго направленія, однако, дѣло вовсе не такъ близко касается Англій, какъ державъ континентальныхъ. Такимъ образомъ, Англія,

но своему географическому положенію и по своей исторіи, способны всѣхъ другихъ странъ поддерживать принципъ невмѣшательства. Но, при поддержаніи этого принципа, Англія выставила вопросъ чрезвычайной важности, именно вопросъ объ отношеніи конституцій различныхъ державъ къ этому общему управленію дѣлами Европы на конгрессахъ. Русскій императоръ требовалъ, чтобъ всѣ европейскія государства вошли въ великій союзъ и улаживали свои отношенія на конгрессахъ; но спрашивалось: государи неограниченные и министры ихъ, не отвѣчающіе за свои рѣшенія ни передъ кѣмъ, будутъ ли одинаково поставлены на конгрессахъ съ государями конституціонными и министрами ихъ, имѣющими извѣстныя отношенія къ своему народному представительству? Такимъ образомъ, большее развитіе извѣстныхъ народныхъ личностей, различіе въ формахъ политической жизни у разныхъ европейскихъ народовъ, становились помѣхою для утвержденія общаго управленія дѣлами Европы.

Мысль о періодическихъ конгрессахъ не была осуществлена; положено собирать конгрессы по требованію обстоятельствъ. Обстоятельства требовали конгрессовъ.

Такъ-называемая новая исторія Европы представляетъ намъ два великія движенія, надолго опредѣлявшія важнѣйшія явленія въ жизни народовъ и имѣвшія тѣсную связь между собою: это—церковная реформа въ XVI, и французская революція въ концѣ XVIII вѣка. Какъ всѣ явленія европейской жизни въ XVI и первой половинѣ XVII вѣка болѣе или менѣе относятся къ церковной реформѣ, такъ въ XIX вѣкѣ отцы наши жили и мы живемъ среди ряда событій, которыя ясно указываютъ на свой общій источникъ—французскую революцію: не говоря уже объ исторіи Франціи въ XIX вѣкѣ, которая есть не иное что, какъ исторія революцій, многочисленнаго потомства 1789 года,—вопросы германскій, испанскій, итальянскій, польскій, восточный въ своемъ новомъ видѣ, въ видѣ движенія народовъ, находившихся подъ турецкимъ игомъ, — всѣ эти вопросы имѣютъ очевидную связь съ движеніемъ 1789 года. Германія, сильно развитая въ умственномъ отношеніи къ концу XVIII вѣка, была задерживаема въ развитіи политическомъ раздѣленіемъ своимъ на слишкомъ триста владѣній. Конвульсивное движеніе пробѣжало по этому странному средневѣковому тѣлу, когда послышались первые восторженные клики французской революціи. Но мечты, возбужденныя этими вликами, были жестоко обмануты: люди, провозгласившіе себя освободителями народовъ, явились за Рейномъ страшными ихъ утѣснителями; на словахъ отъ потомковъ Бренна слышалось: «свобода угнетеннымъ, война двор-

цамъ, миръ хижинамъ!» а на дѣлѣ выходило старинное: «горе побѣжденнымъ!» Ни одинъ европейскій народъ не испылъ такой полной чаши стыда, униженія и матеріальныхъ лишеній, какъ нѣмцы отъ революціонной и императорской Франціи. Но эта чаша выпита была на здоровье; Пруссія заявила свою жизненность, свое первенство въ Германіи необыкновенно быстрымъ восстановленіемъ нравственныхъ и матеріальныхъ силъ послѣ необыкновенно быстрого паденія; Германія приготовилась въ великимъ событіямъ 1812 и 13 годовъ, къ участию въ борьбѣ народовъ. Борьба кончилась въ 1815 году, но возбужденныя ею силы не могли вдругъ успокоиться; въ продолженіе послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ было такъ много передумано и перечувствовано въ Германіи! Возбужденіе силъ выразилось прежде всего въ широкомъ научномъ движеніи, какъ и слѣдовало ожидать, ибо и прежде, за отсутствіемъ политическаго развитія, германскій народъ развивался преимущественно въ этомъ направленіи, слѣдовательно, почва была приготовлена. Если во Франціи неудачи опытовъ революціи, неудачи въ построеніи государственнаго зданія на общихъ теоретическихъ началахъ безъ историческаго фундамента заставили обратиться къ внимательному изученію своей непосредственной старины, заставили обратиться къ изученію этихъ варварскихъ среднихъ вѣковъ, столь долго пренебрегаемыхъ, — то въ Германіи сильное возбужденіе народнаго чувства, вслѣдствіе борьбы за народную независимость, за народное значеніе, необходимо заставило обратиться къ своему, къ своей старинѣ, въ ней искать разрѣшенія важныхъ вопросовъ настоящаго для ума, въ ней искать оживленія и укрѣпленія своего народнаго чувства. Отсюда великое научное движеніе; отсюда ясное сознаніе великаго значенія исторической науки; отсюда господство историческаго метода; отсюда стремленіе къ изученію народности, изученію самому подробному, микроскопическому; отсюда признаніе односторонности стремленія XVIII вѣка, стремленія къ общечеловѣческому съ отстраненіемъ народнаго; отсюда движеніе народнаго духа, заявленіе правъ народностей всюду, гдѣ не изсякли родничи народной жизни; отсюда освобожденіе европейской мысли, европейской науки отъ преобладающаго вліянія классической древности; исчезла въ этомъ отношеніи односторонность, исчезло рабство, и немедленно явились благія слѣдствія свободныхъ отношеній: изученіе классической древности не ослабѣло, напротивъ усилилось и, получивъ должное мѣсто въ расширившемся кругу историческаго знанія, внесло новыя, неизсякаемыя средства къ пониманію полноты жизни человѣчества, ея органическаго развитія. Разумѣется, какъ

дое челоѣческое дѣло имѣеть свою темную сторону, каждое направленіе имѣеть крайности, увлеченія: такъ и при означенномъ великомъ движеніи XIX вѣка мы видимъ крайности и увлеченія въ романтизмѣ и въ этомъ чрезмѣрномъ прославленіи германской народности, которымъ страдаетъ западная историческая наука.

Но, возбужденныя великою борьбою, силы въ Германіи не могли найти себѣ упражненія въ одной умственной, научной дѣятельности; онѣ были возбуждены для праѣтической дѣятельности, для рѣшенія великаго вопроса о свободѣ, самостоятельности и значеніи отечества; въ манифестѣ изъ Калиша, прусскій король, призывая подданныхъ къ оружію, обѣщаль восстановленіе единой свободной имперіи. Дѣйствительно, во время французскаго преобладанія, нѣмцы испытали очень хорошо вредныя слѣдствія раздѣленія и безсилія своего отечества, и поняли, что самое вѣрное средство—не испытывать впередъ подобныхъ бѣдствій, состояло въ объединеніи Германіи. Патриоты ждали этого объединенія отъ конгресса, который долженъ былъ начертать новую карту Европы; но конгрессъ собрался для того, чтобъ успокоить Европу послѣ революціи и ея слѣдствій, а не возмутить Европу новою страшною революціею, какой потребовало бы объединеніе Германіи. Возможное начало этому объединенію, чрезъ присоединеніе Саксоніи къ Пруссіи, было предложено на вѣнскомъ конгрессѣ, но встрѣтило неодолимые препятствія. Издавна прусско-саксонскій вопросъ имѣеть важное значеніе въ исторіи Германіи по отношенію къ ея единству. Когда, послѣ тридцатилѣтней войны, австрійскіе Габсбурги потеряли средства преобладанія въ Германіи, и Франція достигла своей цѣли, получивъ безопасное, выгодное сосѣдство съ раздробленной, слабой Германіей, готовой всегда подчиняться французскому вліянію,—въ это время только въ двухъ изъ ея государствъ происходитъ движеніе, внутренняя работа, стремленіе къ усиленію себя; эти два государства — Саксонія и Бранденбургъ. Судьба видимо благопріятствуетъ послѣднему, давши ему великаго курфирста, который создаетъ для своей страны матеріальныя средства, даетъ ей чрезъ это важное значеніе, перестаетъ быть вассаломъ Польши за Пруссію, и сынъ его, Фридрихъ I, принимаетъ титулъ короля прусскаго. Въ то же самое время и Саксонія не остается въ бездѣйствіи: ея курфирстъ Августъ становится также королемъ — польскимъ, и у этого курфирста-короля обширные замыслы для своего усиленія: какъ польскій король, онъ хочетъ отнять у шведовъ Ливонію, но не для Польши, а для себя, какъ саксонскаго курфирста; королю

Августу не нравится ограниченность его власти въ Польшѣ, и онъ не прочь подѣлиться Польшею съ сосѣдами, лишь бы въ оставшейся ему части владѣть такъ, какъ владѣлъ въ Саксоніи. Но обстоятельства не благоприятствуютъ королю Августу, и личные средства не соотвѣтствуютъ властолюбивымъ замысламъ. Карлъ XII шведскій выгоняетъ его изъ Польши, заставляетъ отказаться отъ ея престола; возстановленный Петромъ, Августъ не умѣетъ идти рядомъ съ нимъ, не умѣетъ быть ни другомъ, ни врагомъ, и выходитъ ни съ чѣмъ изъ великой сѣверной войны. А, между тѣмъ, Пруссія, при Фридрихѣ I и при знаменитомъ скопидомѣ Фридрихѣ-Вильгельмѣ I, ведетъ себя ловко, осторожно, умѣетъ пользоваться обстоятельствами для своего усиленія, не сдѣлаетъ шагу, чтобъ ей не заплатили чѣмъ-нибудь за него, и не сводить глазъ съ своей соперницы—Саксоніи. Саксонія остается въ соединеніи съ Польшею и при наслѣдникѣ Августа II, Августѣ III; но это соединеніе не увеличиваетъ ея силъ, особенно при отсутствіи личныхъ средствъ у короля-курфюрста; притомъ же, принятіемъ католицизма для польской короны саксонскіе курфюрсты поставили себя въ ложное положеніе, отказывались отъ представительства сѣверной протестантской Германіи, и, естественно, танули къ католической Австріи. А, между тѣмъ, на прусскомъ престолѣ явился Фридрихъ II. Первые удары его были направлены на Австрію, у которой онъ отнимаетъ Силезію; но эта область нужна ему для другой, ближайшей цѣли: владѣя Силезіею, онъ становится между Саксоніею и Польшею; ему непремѣнно хочется порвать связь между ними; онъ интригуетъ для этого въ Польшѣ; но его замыслы идутъ дальше: онъ хочетъ овладѣть Саксоніею, хочетъ овладѣть Богеміею и Моравіею и помѣняться этими землями съ курфюрстомъ саксонскимъ. Семилѣтняя война сдержала Фридриха II; онъ остался при одной Силезіи, но не хочетъ этимъ удовольствоваться. Не удалось усилиться на счетъ Саксоніи, онъ хочетъ усилиться на счетъ Польши, къ чему первымъ шагомъ служитъ порваніе связи между Польшею и Саксоніею по смерти Августа III; первый раздѣлъ Польши не замедлитъ. Движенія Пруссіи, средства, ею употребляемыя, разумѣется, должны были возбудить соревнованіе въ Австріи; Иосифъ II не скрывалъ своего стремленія подражать Фридриху II; Австрія вошла въ виды раздѣла Польши, и если Пруссія билась около Саксоніи, то Австрія стала биться около Баваріи: надобно промѣнять отдаленное владѣніе (Бельгію) на ближайшее (Баварію), надобно *окрулиться*. Но что значило это *окруленіе* для будущности Германіи? Округленіе Пруссіи Саксоніею, Австріи Баваріею было очень понятно для всѣхъ, было очень понятно

Для средних и мелких владѣльцевъ германскихъ, и Фридрихъ II легко нашелъ въ нихъ союзниковъ, при своемъ противодѣйствіи австрійскимъ замысламъ на счетъ Баваріи. Зашумѣли бури французской революціи; единую и нераздѣльную республику смѣнила имперія; войско, считавшее себя непобѣдимымъ по старой памяти Фридриха II, исчезло послѣ двухъ пораженій, и французскій императоръ не довольствовался тѣмъ, что уничтожилъ войско Фридриха II; ему нужно было, чтобъ въ Германіи, для безопасности и силы Франціи, не было такого сильнаго государства, какъ Пруссія, и что жъ онъ дѣлаетъ? онъ хочетъ раздѣлать дѣло Фридриха II, стремится восстановить положеніе дѣлъ, какъ оно было въ половинѣ прошлаго вѣка: изъ польской Пруссіи онъ образуетъ герцогство Варшавское и соединяетъ его — съ Саксоніею! Такъ было на первый разъ въ Тильзитѣ; возвратившись во Францію, Наполеонъ взглянулъ внимательно въ карту и спохватился: основное дѣло Фридриха II не было раздѣлено; Силезія, раздѣляющая Саксонію отъ Польши, осталась за Пруссіею; Наполеонъ начинаетъ требовать отъ Россіи, чтобъ она согласилась на отнятіе Силезіи у Пруссіи; говорить русскому посланнику Толстому: «Если вы хотите, чтобъ я вамъ пожертвовалъ своимъ союзникомъ (султаномъ), то справедливость требуетъ, чтобъ вы пожертвовали мнѣ своимъ (королемъ прусскимъ) и не противились отнятію у него Силезіи, тѣмъ болѣе, что она далека отъ вашихъ границъ. Силезію я хочу взять не для себя, не для какого-нибудь родственника моего: я отдамъ ее такому государству, которое будетъ благодарно мнѣ (Саксоніи), и ослаблю Пруссію, которой я сдѣлалъ столько зла, что уже разсчитывать на нее не могу.» Для Наполеона, вѣрнаго исконной и естественной политикѣ Франціи, было нужно, чтобъ Германія была раздѣлена, чтобъ въ ней не было одного сильнаго государства съ стремленіемъ *округляться*, и наконецъ, округлиться на счетъ всей Германіи, а потому нужно было поддѣ уменьшенной въ своемъ объемѣ Пруссіи поднять Саксонію, усиленную на счетъ послѣдней. Наполеонъ палъ; съ нимъ падала его система и давался просторъ противоположнымъ стремленіямъ. Пруссія объявляетъ притязанія на Саксонію, снова предлагаетъ мѣну, предлагаетъ помѣстить саксонскаго короля гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. И противъ этого явнаго начала объединенія Германіи, естественно, возстаютъ второстепенные германскіе государи, возстаетъ Франція, Австрія, къ нимъ присоединяется Англія, по связи саксонскаго вопроса съ польскимъ, изъ страха предъ усиленіемъ Россіи. Австрія, поддерживая второстепенныя государства германскія, оплачиваетъ теперь Пруссіи за фюр-

стенбундъ Фридриха II, направленный противъ *окрумеція* Австріи Баваріею. Но Пруссія все же въ выигрышѣ, все же дѣлаетъ шагъ впередъ въ своемъ постепенномъ и постоянномъ движеніи: если не вся Саксонія, то значительная ея часть присоединяется къ Пруссіи. Такимъ образомъ, на вѣнскомъ конгрессѣ, съ одной стороны, усиливается Пруссія въ Германіи, не въ примѣръ передъ другими германскими государствами; съ другой стороны, Австрія не усиливается въ Германіи, остается при ослабляющемъ и пестромъ составѣ своемъ, оттягивается къ Италіи, въ этой львиной пещерѣ для германскихъ императоровъ. Такимъ образомъ, начало было положено....

Но германскіе патріоты не были довольны этимъ началомъ: они не замѣчали его; имъ хотѣлось невозможнаго, хотѣлось вдругъ, такъ или иначе, достигнуть объединенія Германіи. И недовольные патріоты волновались. Но былъ еще другой, сильно волнующій вопросъ, вопросъ о свободныхъ учрежденіяхъ. Въ калишской прокламаціи прусскаго короля эти учрежденія были обѣщаны, что сильно обезпечило Австрію. Когда надобно было приступить къ исполненію обѣщанія, то сочли естественнымъ и достаточнымъ обратиться въ той формѣ представительности, которая существовала искони въ германскихъ земляхъ и исчезла въ XVII вѣкѣ предъ усилившимся монархическимъ началомъ, — въ земскимъ чинамъ. При установленіи германскаго союза, въ 13-мъ параграфѣ союзнаго акта обѣщаны были земскіе чины всѣмъ государствамъ, вошедшимъ въ союзъ; но обѣщаніе сдѣлано въ общихъ выраженіяхъ, безъ изложенія принциповъ, способовъ приведенія въ исполненіе, и времени, къ которому правительства обязаны были ввести это учрежденіе. Нѣкоторые государства южной и средней Германіи ввели у себя представительство въ формѣ земскихъ чиновъ на болѣе или менѣ либеральныхъ основахъ; но въ двухъ самыхъ сильныхъ государствахъ, Австріи и Пруссіи, оказывалось рѣшительное нерасположеніе правительствъ двигаться по новой дорогѣ. Пруссія, которая, послѣ іенскаго погрома, обнаружила такіе сильные признаки жизненности, которая, благодаря Штейну съ товарищами, такъ быстро пошла по дорогѣ преобразованій, которая, въ 1813 году, такъ высоко подняла знамя свободы и независимости Германіи, Пруссія, послѣ 1815 года, ограничилась провинціальными совѣщательными чинами безъ гласности. Король, тяжелый на всякое движеніе, на всякій выходъ изъ привычныхъ формъ, только неминуемо бѣдою принужденный дать волю преобразователю, Штейну съ товарищами, — теперь, когда борьба кончилась, когда все, повидимому, вошло въ прежнюю колею, слѣ-

нѣхъ удовлетворить требованіямъ своей природы и предаться спокойствію, гоня отъ себя тяжкую мысль о всякомъ новомъ движеніи, о всякой переменѣ, снова отворачиваясь отъ людей движенія, которые, въ его глазахъ, были революціонерами, республиканцами. Это отчужденіе прусскаго правительства отъ людей самыхъ популярныхъ въ Германіи по своей дѣятельности въ послѣднее время — усиливало неудовольствіе людей, обманувшихся въ своихъ ожиданіяхъ, а толпу, жаждущую продолженія движеній и волненій, прельщало мыслию, что ея дѣло есть дѣло лучшихъ людей. Такъ какъ въ Германіи описываемаго времени научный интересъ былъ сильнѣе другихъ, такъ какъ жизнь особенно прилиwała къ школьнымъ университетскимъ кругамъ, то понятно, что наибольшее участіе въ волненіяхъ, по поводу неудовольства настоящимъ положеніемъ страны, принимала университетская молодежь. Въ раздражающихъ явленіяхъ не было недостатка. На западѣ, во Франціи, — сильное движеніе по поводу конституціонныхъ вопросовъ; на востокѣ, русскій императоръ даетъ либеральную конституцію Польшѣ. Австрія дѣйствуетъ систематически и открыто: императоръ Францъ и канцлеръ князь Меттернихъ прямо провозглашаютъ, что революція не кончилась, что обязанность всѣхъ правительствъ дружно, всѣми средствами ей противоборствовать, охраняя существующія формы; Австрія дѣйствуетъ явно и наступательно противъ либеральнаго движенія. У прусскаго короля нѣтъ системы, онъ не любитъ движенія по природѣ своей. Вслѣдствіе этой же природы короля, прусское правительство отвернулось отъ двигателей, не благоприятствуетъ движенію, но и не дѣйствуетъ противъ него наступательно, обнаруживаетъ ту терпимость, къ которой никогда нѣтъ сочувствія отъ людей, ею пользующихся, за которую никогда не благодарятъ; а, между тѣмъ, въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ государствахъ правительства поддерживаютъ либеральное движеніе, ища популярности.

Новое направленіе, обращеніе къ народной старинѣ, исканіе для всего исторической основы также употреблено было неудовольными, согласно съ ихъ цѣлями. Въ 1817 году, въ протестантской Германіи, съ великимъ торжествомъ праздновали трехсотлѣтіе реформаціи. 18-го октября, студенты и нѣкоторые профессора собрались близъ Эйзенаха, въ историческомъ замкѣ Вартбургѣ, говорились зажигательныя рѣчи, пѣлись зажигательныя пѣсни, и дѣло кончилось тѣмъ, что, по примѣру Лютера, сжегшаго папскую буллу, сожжены были сочиненія, написанныя въ консервативномъ духѣ, направленныя противъ либеральнаго движенія. Судъ и приговоръ былъ произнесенъ надъ сочине-

нiями — одинъ только шагъ къ исполненiю приговора и ея сочинителями. Много ненависти скопилось надъ головою Августа Коцебу, извѣстнаго драматическаго писателя и журналиста. Коцебу былъ ревностный консерваторъ, но не это одно возбуждало противъ него ненависть: никто такъ безпощадно не осмѣивалъ странность нѣмецкаго либеральнаго движенiя, этого ребра чувствъ и ума въ новомъ дѣлѣ, къ которому было такъ мало приготовления; ничто такъ не раздражаетъ, какъ любовь насмѣшка, попадающая въ цѣль, и раздраженiе противъ Коцебу было страшное. Коцебу былъ въ русской службѣ, имѣлъ русскiй чинъ, имѣлъ порученiе сообщать русскому правительству о всѣхъ политическихъ сочиненiяхъ, выходящихъ въ Германiи. Либералы догадывались, въ какомъ тонѣ Коцебу дѣлалъ свои сообщенiя. «Коцебу — русскiй шпионъ, Коцебу — измѣнникъ отечества!» Вотъ судъ, произнесенный людьми, считавшими себя представителями свободной Германiи, и между распаленными студентами нашелся человекъ, который рѣшился казнить такого страшнаго преступника, измѣнника отечеству, въ утрашенiи другихъ подобныхъ. Въ мартѣ 1819 года, въ Мангеймѣ, студентъ Зандъ закололъ Коцебу кинжаломъ.

Извѣстное направленiе можетъ быть терпимо въ обществѣ сознательно или безсознательно, по расчету или по слабости, но можетъ быть терпимо только до тѣхъ поръ, пока не принимается наступательнаго движенiя. Поступокъ Занда извѣстивъ объ опасности, о врагѣ. Принимаются средства къ оборонѣ, которая, естественно, въ подобныхъ случаяхъ переходитъ въ наступленiе. Прежнее нерадѣнiе, отсутствiе разумнаго сдерживанiя и направленiя заставляють спѣшить мѣрами обороны, усиливать ихъ, и въ этому усиленiю побуждаетъ еще неизвѣстность о средствахъ врага. Уже давно знали, что всѣ нѣмецкiе университеты обхвачены тайнымъ обществомъ, носящимъ названiе *Тевтонiя*; говорили, что общество имѣло цѣлю превратить всю Германiю въ республику единую и нераздѣльную, свергнуть государей и вмѣсто нихъ установить военную демократiю. Теперь эта таинственная «Тевтонiя» высказалась; чрезъ нѣсколько недѣль, послѣ убiйства Коцебу, было произведено покушенiе на жизнь Ибели, министра герцога нассаускаго; преступникомъ оказался также студентъ; сочувствiе, обнаруженное молодежью къ этимъ явленiямъ, заставляло предполагать соумышленничество, систему. Въ такихъ обстоятельствахъ особенное вниманiе заслужилъ голосъ тѣхъ людей, которыхъ нельзя было упрекнуть въ нерадѣнiи и недалекновидности, которые предвидѣли, предсказывали, предостерегали. Въ челѣ этихъ людей былъ канцлеръ Австрiи; без-

Генералъ Занда выставило въ яромъ свѣтѣ мудрость Меттерниха и приготовило ему важную роль; при страшной тревогѣ должны были необходимо обратиться къ человѣку, который оказался мудрѣ другихъ, довѣриться его руководству. Тревога была сильная. Штейнъ, котораго прусскій король называлъ республиканцемъ, — Штейнъ писалъ великому герцогу веймарскому, какъ его печалитъ усиленіе дурного направленія въ Германіи; онъ просилъ великаго герцога обратить особенное вниманіе на брошюру подъ заглавіемъ: *Книжка вопросовъ и ответовъ* ¹⁾, на которую Штейнъ смотрѣлъ какъ на катехизисъ нѣмецкаго явобинства, заключающій въ себѣ почти всѣ принципы бывшаго тогда въ ходу либеральнаго ученія, но приспособленные къ понятіямъ простаго народа и подтверждаемые мѣстами св. писанія; въ основаніи былъ выставленъ принципъ полновластія народа; послѣ сильной выходки противъ германскихъ государей, высказывалось, что всѣ бѣды Германіи происходятъ отъ того, что она не едина. Невозмутимый и сильно дорожившій своимъ спокойствіемъ, Гете былъ также встревоженъ состояніемъ умовъ въ Германіи; по его мнѣнію, неустановленность и волненія, господствующія здѣсь, не позволяютъ рассчитывать на слѣдствія мѣръ, которыя хотятъ принять, не позволяютъ предугадывать, какія мѣры поведутъ къ добру и какія ко злу; убійство Коцебу внезапнымъ впечатлѣніемъ, какое оно произвело, и сильными мѣрами, къ какимъ должно повести, можетъ породить благоприятное для общественнаго порядка направленіе, если правительство съумѣетъ принять мѣры разумныя и согласныя съ общественнымъ настроеніемъ.

Для принятія сильныхъ мѣръ положено было министрамъ главныхъ германскихъ дворовъ собраться лѣтомъ въ Карлсбадъ; должны были пріѣхать министры иностранныхъ дѣлъ — австрійскій, прусскій, баварскій, саксонскій, ганноверскій, виртембергскій, баденскій, мекленбургскій и нассаускій. Но прежде пачатія дѣла въ Карлсбадѣ, Меттернихъ свидѣлся съ прусскимъ королемъ въ Теплицѣ, гдѣ между двумя главными германскими государствами было улажено насчетъ мѣръ, которыя должно было предложить въ Карлсбадѣ. 7-го августа начались конференціи въ Карлсбадѣ и окончены были въ двадцать дней. Меттернихъ, съ особеннымъ искусствомъ, отличавшимъ его, изложилъ въ чемъ дѣло; указалъ на необходимость принять быстрыя и дѣйствительныя мѣры для предохраненія германской

¹⁾ Frage-und-Antwort. Büchlein über allerlei was in Deutschland besonders Noth that.

конфедерации вообще и каждого государства, ее составляющаго въ особенности, отъ опасностей, которыми грозятъ революціонныя движенія и демагогическія общества. Члены союза, обязанные взаимною защитою и помощію, имѣютъ полное право принимать общія мѣры для поддержанія внутренняго спокойствія въ Германіи. Это спокойствіе можетъ быть нарушено не однимъ матеріальнымъ движеніемъ кого-нибудь изъ членовъ союза противъ другого: оно можетъ быть нарушено и нравственнымъ дѣйствіемъ одного правительства на другое, также движеніемъ партіи, которая найдетъ терпимость и покровительство въ одномъ или многихъ государствахъ союза. Въ этомъ случаѣ, спокойствіе самой конфедерации подвергается опасности, и государь, который будетъ терпѣть подобные безпорядки, явится виновнымъ въ измѣнѣ противъ союза. Печать въ Германіи стала исключительнымъ достояніемъ партіи, враждебной всякому общественному порядку, всякому существующему учрежденію, и столь могущественна, что могла заставить молчать всѣхъ благонамѣренныхъ писателей. Общность языка и другія многоразличныя отношенія державъ союза не позволяютъ ни одной изъ нихъ оцѣпить свои границы отъ заразы, которая началась въ другихъ государствахъ: ясно, слѣдовательно, что если одно государство, даже самое малое, откажется содѣйствовать общепринятымъ мѣрамъ для прекращенія зла, то отъ него будетъ зависть заразить всю конфедерацию. Такой порядокъ вещей невозможенъ; конфедерация имѣетъ право принять оборонительныя мѣры противъ злоупотребленій печати и принудить всѣхъ своихъ членовъ сообразоваться съ ними; параграфъ союзнаго акта, обещающій Германіи общій уставъ о свободѣ печати, долженъ быть понимаемъ въ этомъ смыслѣ; для достиженія этого однообразія нужно или уничтожить цензуру и тамъ, гдѣ она существуетъ, или возстановить ее въ тѣхъ государствахъ, гдѣ ее уничтожили; первое изъ этихъ средствъ неисполнимо: государства, сохранившія цензуру—самыя многочисленныя и самыя значительныя; остается достигнуть обѣщаннаго однообразія возстановленіемъ цензуры тамъ, гдѣ она уже не существуетъ, тѣмъ болѣе, что правительства, послѣдившія уничтожить цензуру, превысили свою власть; ибо сейму принадлежитъ власть изъяснять и приводить въ исполненіе параграфа союзнаго договора. Въ союзномъ актѣ существовалъ еще параграфъ 13-й, обѣщавшій введеніе конституціи съ земскими чинами. Меттернихъ считъ нужнымъ распространиться и насчетъ этого параграфа. По его мнѣнію, выраженіе: *конституція съ земскими чинами*—было употреблено въ противоположность выраженію: *конституція представительная*.

Первая изъ этихъ правительственныхъ формъ была болѣе сродна древнимъ обычаямъ германскимъ, болѣе національна, чѣмъ другая форма, пришедшая изъ-за границы, созданная революціями. Первая форма состоитъ въ правѣ членовъ или депутатовъ существующихъ корпорацій участвовать въ законодательной дѣятельности; а, въ конституціяхъ представительныхъ, лица, призванныя къ прямому участию въ законодательствѣ и важнѣйшихъ дѣлахъ правительственныхъ, не обязаны защищать исключительно интересы извѣстныхъ сословій или корпорацій, но представляютъ цѣлый народъ. Конституція съ земскими чинами, защищая всѣ права и вольности, оставляетъ неприкосновенными существенныя прерогативы государей; но конституція представительная основана на ложномъ началѣ народнаго полномочія: она постоянно стремится—призвать мнимой національной свободы, т. е. общенародной воли, поставить на мѣсто общественнаго порядка и подчиненности, и химеру общаго равенства передъ закономъ—на мѣсто различія состояній и правъ, различія, установленнаго самимъ Богомъ.

Внушенія Меттерниха производили тѣмъ болѣе впечатлѣніе, что министры, собравшіеся въ Карлсбадѣ, не могли чувствовать себя очень покойно и удобно. Ни одинъ изъ нихъ, не исключая и самого Меттерниха, не могъ найти въ своемъ департаментѣ или въ своей странѣ человѣка, на убѣжденія котораго можно было бы положиться, и которому можно было бы довѣрить тайны совѣщаній, такъ что сами министры должны были исполнять должность секретарей, вести протоколы и переписку со своими дворами. Революціонная партія въ Германіи, чувствуя, что ей готовится бѣда въ Карлсбадѣ, дѣйствовала устрашеніемъ: министръ герцога нассаускаго получилъ эстафету отъ редактора *Рейнскаго Листка*, который извѣщалъ, что отказывается отъ редакціи журнала и проситъ для себя охраны, чтобъ быть безопасно отъ страшныхъ угрозъ, которыя онъ слышитъ въ собственномъ семействѣ и получаетъ въ анонимныхъ письмахъ; революціонная партія грозила ему за то, что онъ аристократъ, а, между тѣмъ, въ Австріи его журналъ былъ запрещенъ, какъ слишкомъ либеральный. Все это помогло Меттерниху провести пять предложеній, которыми ограничивалось полномочіе отдѣльныхъ державъ союза и усиливалось значеніе сейма, ограничивалась свобода печати на пять лѣтъ, устанавливался надзоръ надъ университетами, учреждалась въ Майнцѣ слѣдственная комиссія съ цѣлію открытія демагогическихъ заговоровъ. 20 сентября, эти предложенія были переданы франкфуртскому сейму, и сеймъ утвердилъ ихъ. Въ ноябрѣ, навна-

чены были конференціи въ Вѣнѣ для пересмотра и уясненія параграфовъ союзнаго акта. Нѣкоторые германскіи правительства были недовольны карлсбадскими и франкфуртскими рѣшеніями и спѣшили заявить на дѣлѣ свое несогласіе съ принципами, провозглашенными Меттернихомъ, но это не помѣшало реакціи. Государственные люди, сочувствовавшіе движенію, должны были поплатиться за его крайности, за то, что не умѣли и не могли направить его, должны были отказаться отъ общественной дѣятельности и уступить мѣсто другимъ, которыхъ убѣжденія или отсутствіе убѣжденій приходились теперь во времени. Профессора, пасторы, извѣстные привычкою подмигивать политикѣ въ лекціи и проповѣди, были отставлены или отданы подъ строгій надзоръ; школы гимнастики были закрыты, потому что здѣсь былъ главный притонъ революціоннаго духа: въ приведенной выше книжкѣ «Вопросовъ и отвѣтовъ» говорилось: «Въ мирное время солдатъ не нужно; каждый съ молоду долженъ упражняться въ военномъ дѣлѣ». Отсюда — особенное значеніе, какое получили въ это время въ Германіи гимнастическія школы. Схваченъ былъ профессоръ Янъ, пользовавшійся особенною популярностію между университетскою молодежью, одинъ изъ передовыхъ людей въ патріотическомъ движеніи 1813 года; въ Берлинѣ, Боннѣ, Гессенѣ захвачены были студенты, военные, горожане, извѣстные крайностію своихъ мнѣній. Этими мѣрами превращена была нѣмецкая фронда, движеніе школьной молодежи, разыгравшейся съ 1813 года въ политикѣ и патріотизмѣ.

Меттернихъ достигалъ своей цѣли. Нѣмецкія правительства, подъ вліяніемъ страха, прижимались другъ къ другу и готовы были слушаться опытнаго вождя, котораго мудрая предусмотрительность была оправдана событіями; благодаря вліянію Меттерниха, усилилось и вліяніе Австріи на дѣла германскаго союза. Но кромѣ этого союза существовалъ еще другой союзъ, — и что скажетъ главный членъ его, императоръ русскій? Прежде, его взглядъ сильно рознился отъ взгляда австрійскаго канцлера; останется ли онъ и теперь при этомъ взглядѣ и своимъ могущественнымъ вліяніемъ остановить реакцію, которая пошла такъ успѣшно? Этотъ вопросъ сильно безпокоилъ Меттерниха. Германскія волненія, поступокъ Занда огорчали императора Александра болѣе, чѣмъ кого-либо. Онъ надѣялся, что революціонное движеніе прекратится всеобщимъ миромъ и дарованіемъ новыхъ либеральныхъ началъ для народной жизни. Тяжело было обманываться въ этой надеждѣ, тяжело было привывать къ мысли, что направленіе, освященное его именемъ, начинается слѣтъ несостоятельнымъ; тяжело обмануться, еще болѣе тяжело счи-

таться обманувшимся, и высота положенія усиливаетъ эту тяжесть. Въ юнѣ 1819 года, русскіе министры при германскихъ дворахъ получили слѣдующее наставленіе: «Если таковы результаты ученій, преподаваемыхъ въ германскихъ университетахъ; если осмѣливаются употреблять во зло религію, благотѣлницу человѣчества; если такова, наконецъ, цѣль, указываемая свободѣ: то не настоятъ ли нужда задушить зло при его рожденіи? Не надлежитъ ли общими мѣрами утвердить господство принциповъ, которыхъ государи и народы не могутъ забывать безнаказанно? Во время своего пребыванія въ Веймарѣ, императоръ обратилъ вниманіе великаго герцога на эти великія и спасительныя истины. Продолжайте эти внушенія, поддерживайте вашимъ кредитомъ мѣры, которыя Австрія предложитъ въ этомъ отношеніи, сообща съ другими нашими союзниками, но не берите на себя инициативы въ вопросѣ, который относится преимущественно къ германской конфедераціи.» Эта сдержанность не могла нравиться Меттерниху. Ему нужно было, чтобъ императоръ Александръ, считавшійся главною опорою либеральнаго направленія, объявилъ торжественно народамъ Европы, что онъ отступается отъ этого направленія, одобряетъ мѣры, принимаемыя германскими правительствами подъ руководствомъ Австріи: тогда либеральное направленіе, лишенное поврительства могущественнѣйшаго изъ государей, получило бы самый тяжелый ударъ. Въ Карлсбадѣ, когда приняты были мѣры, имъ предложенныя, Меттернихъ, въ разговорѣ съ однимъ изъ русскихъ дипломатовъ, выразилъ желаніе, чтобъ императоръ Александръ высказалъ публично, при первомъ удобномъ случаѣ, свое сочувствіе принятымъ мѣрамъ: «Демагоги въ Баваріи и въ Баденѣ часто употребляли во зло августѣйшее имя императора, безстыдно проповѣдая, что конституція, дарованная имъ Польшѣ, есть самая либеральная, какою только можно придумать. Я думаю, когда нѣмцы узнаютъ изъ газетъ, что императоръ торжественно высказался о мудрости принятыхъ теперь нами мѣръ, то у революціонеровъ отнимется предлогъ употреблять его имя для поддержанія своего дѣла.» Но на это предложеніе не было обращено вниманія; въ началѣ октября, императорскіе министры при германскихъ дворахъ получили новое наставленіе: 1) удерживаться отъ всякаго участія во внутреннихъ дѣлахъ Германіи; 2) отзываться самымъ благосклоннымъ, искреннимъ и честнымъ образомъ о тѣхъ внутреннихъ дѣлахъ, которыя надѣются уладить чрезвычайными мѣрами, и не отдавать предпочтенія никакой системѣ; 3) что касается

самихъ этихъ чрезвычайныхъ мѣръ и вопросовъ, съ ними связанныхъ — то не высказывать никакого мнѣнія, пока не будутъ спрошены, и въ послѣднемъ случаѣ высказывать мнѣніе, основанное на принципахъ права, достоинства государей и благосостоянія народовъ. Истинное благосостояніе народовъ истекаетъ исключительно изъ нравственной силы правительствъ.

Нѣмецкіе министры, собравшіеся въ концѣ 1819 года въ Вѣнѣ, были въ отчаяніи отъ этого поведенія русскаго кабинета, тѣмъ болѣе, что послѣдній высказывалъ явное неодобреніе *диктаторской власти*, какою они хотѣли облечь сеймъ. Нѣмецкіе министры приписывали это не личному взгляду императора, но взгляду его министра, Каподистріа, что видно изъ письма прусскаго канцлера Гарденберга лорду Кесльри, въ декабрѣ 1819 года: «Г. Каподистріа, котораго софизмы мы всѣ знаемъ, и который надѣлалъ намъ столько хлопотъ въ Ахенѣ, взялъ себѣ въ голову, что мы хотимъ измѣнить актъ германской федераціи, гарантированный державами; что Австрія и Пруссія хотятъ посягнуть на свободу и полновластіе малыхъ или меньшихъ государствъ германскихъ; онъ боится уменьшенія русскаго вліянія и почерпаетъ свои извѣстія и свои доказательства изъ газетъ революціонной партіи французской и нидерландской, наполненныхъ ложью. Говорить не благосклонно о мѣрахъ, принятыхъ въ Карлсбадѣ, питать этимъ неудовольствіе, которое Баварія и Виртембергъ съ самаго вѣнскаго конгресса не перестаютъ поддерживать въ видахъ своего честолюбія, давать инструкціи русскимъ министрамъ за границую въ духѣ, противномъ видамъ, которые мы раздѣляемъ съ Австріею и съ большею частію государствъ германскихъ, — видамъ, вполне чистымъ и согласнымъ съ договорами и обстоятельствами, — такое поведеніе можетъ быть только вредно для общаго блага.» Другіе нѣмецкіе министры толковали, что цѣль Россіи — произвести *всеобщую смуту*, и что спокойствіе Европы не можетъ быть обезпечено, пока у Россіи такая громадная армія, готовая двинуться по первому мановенію. Англійскіе дипломатическіе агенты доносили своему кабинету, что главная цѣль русскихъ министровъ при германскихъ дворахъ состоитъ въ уничтоженіи вліянія Австріи и Англии, въ замѣнѣ этого вліянія вліяніемъ Россіи. Но нѣмецкіе министры жестоко ошиблись въ своихъ расчетахъ насчетъ Англии! Лордъ Кесльри ясно высказалъ взглядъ своего правительства относительно вмѣшательства по внутреннимъ вопросамъ: «Мы должны симпатизировать другъ другу въ усиліяхъ, какъ симпатизируемъ въ опасностяхъ, ибо нѣтъ сомнѣнія, что революціонеры всѣхъ

странъ подають другъ другу руки и дѣйствуютъ сообща. Ихъ успѣхи или неудачи въ одной странѣ будутъ необходимо имѣть вліяніе на ихъ движенія во всѣхъ другихъ. Эта общая опасность, безъ сомнѣнія, объединяетъ интересы всѣхъ правительствъ; но она не должна объединять ихъ дѣйствія: дѣйствіе должно оставаться въ совершенной особности и быть національнымъ. Намъ опасно казаться въ союзѣ, потому что это будетъ союзъ правительствъ противъ народовъ, и съ этихъ поръ паденіе первыхъ будетъ неизбѣжно. Вслѣдствіе этого, наше собственное благо предписываетъ намъ оставаться совершенно нейтральными и чуждыми мѣрь, принятыхъ германскими государствами для своей безопасности, и британское правительство особенно должно удерживаться даже въ произнесеніи своего приговора насчетъ ихъ, ибо въ этомъ оно должно будетъ отдать отчетъ своему парламенту; самое спокойствіе Германіи требуетъ, чтобъ всякой споръ объ этомъ предметѣ былъ удаленъ отъ парламента, чтобъ отнять у нѣмецкой революціонной партіи это средство публичности, ибо другія средства у нея отняты франкфуртскими постановленіями. Мы, съ своей стороны, рѣшились бороться съ нашимъ домашнимъ зломъ со всею требуемою энергіею, и думаемъ, что этою борьбою дѣятельно служимъ общему дѣлу; но для успѣха здѣсь никакая чуждая опора, вліяніе или даже совѣтъ не должны находить къ намъ доступа.» Тотъ же лордъ Кесльри, въ письмѣ къ графу Ливену, приглашалъ императорскій кабинетъ къ совершенному безучастію въ дѣлахъ Германіи, съ явною цѣлію, чтобы Россія не противоудѣйствовала австрійскому вліянію: «Изъ мнѣній его величества императора русскаго принцъ-регентъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ увидалъ согласіе въ видахъ и принципахъ дворовъ лондонскаго и петербургскаго относительно дѣлъ германскихъ. Оба двора одинаково избѣгаютъ всякаго вмѣшательства въ эти дѣла—вмѣшательства, на которое можно было бы смотрѣть, какъ на нарушеніе правъ и независимости германской конфедераціи. Этотъ принципъ опредѣлилъ поведеніе с.-жемскаго кабинета, когда дворы вѣнскій и берлинскій дали ему знать о сущности мѣрь, принятыхъ въ Карлсбадѣ и Франкфуртѣ. Хотя эти сообщенія могли оправдать и даже вызвать публичное заявленіе чувствъ принца-регента, однако, его королевское высочество не счелъ приличнымъ ни въ собственныхъ нотахъ означеннымъ дворамъ, ни въ инструкціяхъ дипломатическимъ агентамъ за-границею, выразить свое мнѣніе о постановленіяхъ германскаго сейма. Принцъ-регентъ взглянулъ на нихъ, какъ на акты иностранныхъ, независимыхъ пра-

вительствъ, изданные для установленія ихъ частныхъ дѣлъ и внутренняго управленія. Этотъ принципъ невмѣшательства, руководившій принцемъ-регентомъ, не исключаетъ всякой мысли о возможности вмѣшательства; очень можетъ быть, что раздоры между государствами, составляющими германскую конфедерацию, примутъ характеръ столь опасный для ихъ собственнаго спокойствія, а, слѣдовательно, и для спокойствія Европы, что будетъ законно со стороны дружественныхъ и союзныхъ державъ (особенно, если онѣ будутъ призваны господствующимъ мнѣніемъ въ Германіи), сдѣлать нѣсколько осторожныхъ шаговъ въ видахъ примиренія: но такихъ явленій теперь вовсе нѣтъ, и если мы обратимъ вниманіе на то, сколько разъ одного ожиданія иностраннаго вмѣшательства было достаточно для замедленія переговоровъ самыхъ важныхъ и даже для воспрепятствованія окончательному рѣшенію дѣлъ, то ваше сіятельство позволить мнѣ представить ему чрезвычайную важность, какую нашъ дворъ полагаетъ въ томъ, чтобъ употреблять такой языкъ, который уничтожалъ бы въ Германіи всякое подозрѣніе въ возможности подобнаго вмѣшательства.»

Англія старалась болѣе всего объ устраненіи вмѣшательства, причемъ, въ описываемое время, вмѣшательство представлялось для нея всегда русскимъ вмѣшательствомъ; но Австрія, которую она поддерживала въ стремленіи играть первенствующую роль въ Германіи и поднять свое значеніе въ Европѣ, Австрія не думала ограничиваться видами англійской политики. Австрія желала вмѣшательства Россіи, но съ тѣмъ, чтобъ русскій императоръ при этомъ вмѣшательствѣ измѣнилъ свое прежнее направленіе. Меттернихъ не терялъ надежды произвести это измѣненіе даже и относительно Германіи, состояніе которой онъ описывалъ такимъ образомъ: «Наблюдая съ нѣкоторымъ вниманіемъ внутреннее состояніе Германіи, открываемъ и здѣсь, какъ въ большей части другихъ государствъ европейскихъ, тѣ же элементы разрушенія, которые гложатъ связи общественнаго тѣла, ту же слабость верховной власти, ту же игру партій; наконецъ—ту же тупость въ массахъ. Единственная особенность, но рѣзко выдающаяся, представляемая федераціею, состоитъ въ томъ, что только въ Германіи находимъ мы монархическія правительства, которыхъ вся дѣятельность направлена на поддержаніе либерализма, которыя покровительствуютъ политическимъ сектамъ, спекулируютъ на произведенія нравственнаго оболъщанія и ведутъ себя такъ, какъ будто результаты такого порочнаго поведенія не окажутъ своего гибельнаго вліянія на ихъ собственную

судьбу. Эти маленькія государства чувствуютъ себя сильными вслѣдствіе покровительства, которымъ они пользуются, въ силу федеральныхъ гарантій и подъ эгидою консервативнаго начала, служащаго основаніемъ политики великаго союза. Безпокойный духъ маленькаго двора, освобожденнаго отъ важной отвѣтственности политической, заставляетъ его искать ложной популярности. Покровительствуя революціоннымъ ученіямъ, онъ воображаетъ, что играетъ въ вѣрную игру и обезпечиваетъ себѣ успѣхъ во всякомъ случаѣ: восторжествуетъ ли монархическое начало, или партія либеральная возьметъ верхъ. Первое революціонное движеніе началось въ прусской монархіи. Это движеніе, которое, между 1812 и 1815 годами, сообщилося и нѣкоторымъ другимъ сосѣднимъ государствамъ, съ теченіемъ времени до такой степени ослабѣло въ Пруссіи, что это государство можно теперь считать однимъ изъ самыхъ обезпеченныхъ относительно будущихъ волненій. Великое герцогство веймарское, изъ всѣхъ малыхъ государствъ, было первое, которое послужило очагомъ самому рѣзкому радикализму. Опытъ способствовалъ его потушенію. Убіеніе Коцебу открыло глаза покровителямъ горячки нѣмецкаго юношества, и карлсбадскія конференціи положили конецъ важной роли, которую играла Іена. Баварія, вводя къ себѣ представительную систему, смѣшивая форму преимущественно нѣмецкую провинціальныхъ чиновъ съ порядкомъ вещей, существенно чуждымъ германской почвѣ и духу ея народовъ, причинила зло. Гибельный примѣръ, поданный Баваріею, скоро увлекъ дворы баденскій и гессенскій. Карлсбадскій съѣздъ, обнародованіе его рѣшеній во Франкфуртѣ, особенно же установленіе центральной слѣдственной комиссіи въ Майнцѣ, нанесли рѣшительный ударъ дѣятельности себѣ, университетскимъ заговорамъ и усиліямъ либерализма вводить всюду представительную систему. Новая эра началась для Германіи съ осени 1819 года. Правительственное содѣйствіе императора всероссійскаго окончательно дастъ средства небольшому числу германскихъ дворовъ возвратиться съ ложной дороги, по которой они до сихъ поръ слѣдовали. Обязанность членовъ великаго союза—указать имъ правый путь; это указаніе станетъ легко съ того дня, когда министры союзниковъ заговорятъ однимъ языкомъ о важныхъ вопросахъ, обозначенныхъ въ настоящемъ мемуарѣ. Учрежденіе слѣдственной комиссіи оказало существенныя услуги Германіи, устрашая, сбивая съ дороги заговорщиковъ, обрывая нити множества скрытыхъ во мракѣ проектовъ, которые, созрѣвши, могли бы имѣть самыя гибельныя послѣдствія; новый уставъ университетской

полиціи, уничтожая тайныя общества, въ которыя вовлечена была разгоряченная молодежь, возстановилъ порядокъ и спокойствіе, на сколько можно было это сдѣлать въ такое бурное время; но нельзя сказать того же о законахъ, которые должны были обуздать злоупотребленія печати. Законъ 1819 года, возлагая на германскія правительства обязанность возстановить мудрую и умѣренную цензуру, обезпечивалъ имъ то, что всего лучше могло содѣйствовать ихъ безопасности и спокойствію. Нѣкоторые изъ германскихъ правительствъ, не испытавшія до сихъ поръ революціонныхъ потрясеній, задремали среди обманчивой безопасности. Между этими правительствами должно прежде всѣхъ поименовать правительство саксонское. Непонятное нерадѣніе, съ которымъ это правительство, вопреки многочисленнымъ представленіямъ, получаемымъ отъ другихъ дворовъ, смотрѣло на вопіющія злоупотребленія печати, было тѣмъ болѣе вредно, что Саксонія принадлежитъ въ тѣмъ германскимъ странамъ, гдѣ больше всего пишутъ и печатаютъ, и что Лейпцигъ служитъ главнымъ складочнымъ мѣстомъ для книжной нѣмецкой торговли. Зло, причиненное саксонскимъ правительствомъ въ этомъ отношеніи, частію, какъ кажется, вслѣдствіе денежныхъ расчетовъ, слишкомъ мелкихъ въ подобномъ вопросѣ, — это зло усилилось тѣмъ, что послужило примѣромъ и предлогомъ для мелкихъ государствъ, окружающихъ королевскую Саксонію. Другія правительства, и особенно тѣ, которыя звели у себя конституцію, руководились, относительно печати, внушеніями страха. Эти правительства думали, что, стѣсняя слишкомъ свободу писателей, они подвергнутся крикамъ, упрекамъ, быть можетъ — протестамъ, чего они боялись гораздо больше, чѣмъ законовъ безсильнаго сейма и неудовольствія государей, соблюдающихъ эти законы. Впрочемъ, существуетъ замѣчательное различіе въ поведеніи дворовъ, находящихся въ этой категоріи. Баварскій дворъ, если не всегда владѣетъ необходимою энергіею, чтобъ дѣйствовать согласно съ своимъ убѣжденіемъ, по крайней мѣрѣ, отличается честностью и благоумѣренностію. Такъ, журналы и брошюры баварскія хотя издаются, нельзя сказать, чтобъ въ хорошемъ духѣ, сохраняютъ, однако, умѣренность, которую надобно приписать единственно личнымъ чувствамъ министра, управляющаго политикою Баваріи. Дѣйствіе цензуры благоумѣренной, хотя боязливой и часто слабой, оказывается даже на редакціи знаменитой «Аугсбургской Газеты». Преданная, вообще, либерализму, хотя и не отвергая сеобщеній, дѣлаемыхъ въ противоположномъ смыслѣ, эта газета, странная смѣсь статей всякаго направленія и цвѣта, должна

была, по крайней мѣрѣ, поддерживать этотъ характеръ ложнаго нейтралитета, которому обязана отчасти своею репутаціею; но репутацію эту она не заслужила ни чистотою принциповъ, ни достовѣрностію своихъ извѣстій. Идя почти одною дорогою съ баварскимъ правительствомъ, правительство баденское даетъ еще менѣе поводовъ къ жалобамъ. Но въ великомъ герцогствѣ гессенскомъ цензура существовала только по имени. Эта страна наводнена зажигательными памфлетами, и «Майнцкая Газета» каждый день обличаетъ въ ничтожествѣ или злонамѣренности правительство, ее терпящее. Наконецъ, въ Германіи есть правительство, по принципу враждебное всякой мѣрѣ, клонящейся къ удержанію потока своеволія. Въ другихъ странахъ нѣмецкихъ, неутомимые враги мира и общественнаго порядка только терпимы: въ Виртембергѣ они пользуются покровительствомъ, ихъ ласкаютъ и явно поддерживаютъ. Главнымъ арсеналомъ для нихъ служить газета, издающаяся въ Штутгардѣ подъ именемъ «Неккарской Газеты.»

Такимъ образомъ, Меттернихъ былъ доволенъ, или, по крайней мѣрѣ, объявлялъ себя довольнымъ результатами майнцкой слѣдственной коммисіи и уставомъ университетской полиціи; не былъ доволенъ только слабостью цензуры и считалъ нужнымъ обратить на это вниманіе русскаго императора, взывая къ его нравственному содѣйствію для обращенія германскихъ дворовъ на правый путь. Слѣдовательно, въ то время, какъ Англія хлопотала, чтобъ отклонить императора Александра отъ вмѣшательства въ германскія дѣла, Меттернихъ хлопоталъ о томъ, чтобъ затянуть его въ это вмѣшательство, воспользоваться его могущественнымъ вліяніемъ для сдержанія и подавленія революціонныхъ движеній, неизбежныхъ спутниковъ представительныхъ учрежденій. Причины этого различія во взглядахъ лондонскаго и вѣнскаго кабинетовъ ясны: не смотря на всю консервативность тогдашняго торійскаго министерства Англіи, на его отвращеніе, страхъ предъ революціонными движеніями и полное отъ того сочувствіе австрійской политикѣ, островное государство все-же смотрѣло издали и холодно на внутреннія континентальныя движенія, слѣдствія которыхъ хотя и могли оказать свое вліяніе за проливомъ, но не скоро и не въ такой степени; глядѣть же напряженно впередъ считалось въ англійской политикѣ также неразумнымъ, какъ и вовсе ничего не предусматривать; но понятно, что это отвращеніе отъ соображенія дальнихъ послѣдствій извѣстныхъ движеній, это стремленіе руководиться осязательнымъ фактомъ происходило въ англійской политикѣ отъ остров-

ной разобщенности, отъ отсутствія непосредственныхъ сопряженій съ континентальною жизнью, отъ происходящей отъ сферности сферы. Если ближайшее государство увеличиваетъ свои военныя силы, то сейчасъ же забить тревогу и спѣшить усиленіемъ средствъ защиты своего острова — это по-англійски, и потому что тутъ дѣло ясное; но соображать возможныя слѣдствія такихъ-нибудь внутреннихъ континентальныхъ движеній, и на этомъ соображеніяхъ составлять планы, входить въ союзы, связывать себѣ руки на будущее, подвергаясь риску повредить какому-нибудь ближайшему своему интересу — на это лондонскій кабинетъ не согласится, тѣмъ болѣе, что все это нужно будетъ объяснять въ парламентѣ и выдержать бурю. Такъ и въ описываемое время англійскій кабинетъ обращалъ преимущественное вниманіе на внѣшнее, близкое и очевидное, оставляя внутреннее, ненаходящееся въ непосредственной связи съ англійскими интересами; внѣшнее, близкое и очевидное было могущественное вліяніе Россіи; слѣдовательно, всѣ усилія должны быть направлены на то, чтобъ ослаблять это вліяніе, вытѣснять его отовсюду, не давая пускаться ворней. Задача очень простая; ея рѣшенію чрезвычайно помогаетъ теорія невмѣшательства, хотя нѣтъ правила безъ исключенія: гдѣ интересы Англій потребуютъ, тамъ можно и вмѣшаться. Рѣзкое различіе въ положеніи Англій и Австріи условливало различіе взглядовъ, не смотря на симпатію ихъ кабинетовъ по нѣкоторымъ вопросамъ. Австрія — держава континентальная, нераздѣльная часть европейскаго политическаго организма, подверженная непосредственному вліянію внѣшнихъ и внутреннихъ движеній; притомъ Австрія, не смотря на свои видимыя крупныя размѣры, была держава крайне слабая по своему внутреннему пестрому составу. Сознаніе этой слабости должно было изощрять вниманіе австрійскихъ государственныхъ людей относительно всѣхъ движеній, внѣшнихъ и внутреннихъ: движеніе, которое могло только поколебать, взволновать временно другое, болѣе сильное государство, могло разрушить Австрію. Внѣшняя опасность прекратилась, по крайней мѣрѣ, чрезвычайно ослабѣла съ паденіемъ Наполеона; но немедленно явилась другая опасность, внутренняя — революціонныя движенія, которыя, если заразятъ Австрію, могутъ слодать ея слабое тѣло скорѣе, чѣмъ всякое другое. Отсюда главная забота Меттерниха противодействовать этому революціонному движенію всюду, преимущественно въ странахъ ближайшихъ. Такъ, естественно, должны были порозниться стремленія Англій и Австріи, изъ которыхъ первая преслѣдовала преимущественно внѣшнее, вторая — внутрен-

де. Отсюда же и различіе отношеній ихъ къ Россіи. Австрія рано также противно было могущественное вліяніе Россіи: она имѣла еще больше причинъ, чѣмъ Англія, бояться Россіи, особенно по отношенію къ своему славянскому народонаселенію; но вопросъ внѣшней безопасности стоялъ теперь для нея на заднемъ планѣ, а для удовлетворительнаго рѣшенія внутренняго, необходимо было содѣйствіе могущественной Россіи. Господствующее стремленіе Австріи, какъ державы слабой, было стремленіе употреблять чужія силы для своихъ цѣлей, для своего поддержанія. Меттернихъ не боялся усилить вліяніе Россіи на дѣла Европы, если это вліяніе будетъ служить его цѣлямъ, если успѣетъ направить его противъ революціонныхъ движеній; притомъ, сила Россіи и не будетъ опасна, когда ея правительство будетъ занято какимъ-нибудь внутреннимъ европейскимъ вопросомъ, и противодѣйствуя революціонному движенію, явится съ строго охранительнымъ характеромъ: Австрія будетъ безопасна и будетъ играть важную роль, какъ разумная сила, направляющая силы матеріальныя для охраненія спокойствія и общественнаго порядка; инициатива дѣла у нея, а всякое дѣло мастера боится.

Цѣль, разумѣется, не могла быть достигнута вдругъ; она достигалась исподоволь, при содѣйствіи обстоятельствъ. Волненія нѣмецкой школьной молодежи, скоро успокоенныя, и либеральныя статьи «Неккарской Газеты» не могли имѣть важнаго вліянія на направленіе русской политики; но конституціонное дѣло идетъ дурно въ Польшѣ, не по мысли государя, давшаго конституцію; Франція сильно волнуется, скоро взволнуются Испанія, Италія....

Мы оставили Францію въ опасномъ положеніи, когда слабое правительство, не сумѣвъ сдержать своихъ естественныхъ защитниковъ, разорвало съ ними и стало опираться на либераловъ; но за либералами, которые были рады поддерживать конституціонный тронъ Бурбоновъ, стояли люди изъ другихъ лагерей — республиканцы, бонапартисты, которые сначала всѣ смѣшались въ общей оппозиціи крайнимъ роялистамъ, всѣ одинаково привѣтствовали правительство, разорвавшее съ послѣдними; всѣ казались одинаково ему преданными; но потомъ, когда поднялись и стали на ноги, опираясь на руку, протянутую имъ правительствомъ, то распустили свои знамена и стали дѣйствовать противъ правительства, которое, стремясь себя *популяризировать* и *націонализировать*, разнуздывало ихъ все болѣе и болѣе; сюда присоединялась новость конституціоннаго дѣла во Франціи и страсть французовъ къ игрѣ въ оппозицію; сюда присоеди-

лось и то, что либеральные приверженцы Бурбоновъ ослаблись тревогою относительно скорого будущаго, когда тронъ долженъ будетъ перейти къ принцу, явно стоявшему въ челѣ крайнихъ роялистовъ. Думали, что рѣшеніе Ахенскаго конгресса, очищеніе Франціи отъ иностранныхъ войскъ, освобожденіе ея отъ опеки союзниковъ послужатъ средствомъ къ *популяризированію* и *націонализированію* правительства, особенно къ популяризированію герцога Ришельё, которому, послѣ императора Александра, Франція преимущественно была обязана за ахенскія рѣшенія. Но вышло иначе, и Ришельё не долго пробылъ министромъ по возвращеніи изъ Ахена. Ришельё понималъ опасность шага, какой сдѣлало правительство, разрывая съ ультрароялистами и сближаясь съ либералами; видѣлъ и слѣдствія этого шага — усиленное движеніе въ рядахъ враговъ династїи, жаловался, протестовалъ, требовалъ, чтобъ не очень отдалялись отъ правой стороны, не очень враждебно относились къ ней и не очень потворствовали лѣвой; но все это были слова, а не дѣло, для котораго, какъ въ высшей степени труднаго, у Ришельё не было средствъ; бѣльшими способностями къ дѣлу, бѣльшею энергіею отличался министръ полиціи Деказь, который владѣлъ полною довѣренностью и волею короля; но мы уже видѣли, по какой дорогѣ пошелъ Деказь. Ришельё не нравилась эта дорога, и, чувствуя разладъ между собственными взглядами и взглядами товарищей, Ришельё тяготился своимъ положеніемъ и желалъ выйти въ отставку по окончаніи того дѣла, которое считалъ своимъ призваніемъ — дѣла очищенія Франціи отъ иностраннаго войска; но императоръ Александръ уговорилъ его остаться, при чемъ опирался также и на желаніе короля Людовика XVIII. Въ Ахенѣ, Ришельё еще болѣе былъ обезпокоенъ насчетъ ложнаго пути, которымъ слѣдовало правительство, ибо государи и министры ихъ въ одинъ голосъ указывали ему на опасное положеніе Франціи. Подъ вліяніемъ этихъ внушеній, Ришельё писалъ изъ Ахена въ Парижъ сильныя письма, возбуждая товарищей къ наступательному движенію противъ ультралибераловъ: «Времѣ либеральныхъ уступокъ прошло; мы сдѣлали ихъ довольно и все понапрасну: обратили ли мы хотя одного изъ этихъ негодяевъ? Схватимся, наконецъ, съ нашими настоящими врагами! Мы побили правое крыло, теперь соединимъ наши силы противъ лѣваго крыла, гораздо болѣе страшнаго по сильнымъ резервамъ, которые сзади его». Но Деказь не раздѣлялъ воинственнаго настроенія главы кабинета: съ правымъ крыломъ онъ покончилъ безвозвратно, а лѣвое бить боялся, чтобъ не остаться совер-

шенно безъ помощи. Что намъ пріятно и легко, то обыкновенно кажется разумнымъ и необходимымъ; такъ и Деказу единственно разумнымъ и необходимымъ казалось популяризировать и націонализировать правительство посредствомъ сближенія съ либералами: это была его система; самолюбіе требовало ея поддержанія, и на воинственныя выходки стараго Ришельё молодой Деказь отвѣчаетъ представленіями о необходимости дѣйствовать обдуманно, осторожно, не пугаясь, не торопясь, — совѣты, которые, смотря по человѣку, иногда обличаютъ опытность и мудрость, а иногда — безсиліе, робость, неспособность къ мѣрамъ рѣшительнымъ. По возвращеніи Ришельё изъ Ахена, глава кабинета все болѣе и болѣе расходился съ министромъ полиціи: Ришельё настаивалъ на необходимость сближенія съ правой стороной, Деказь держался крѣпко стороны популярной, остальные министры дѣлились между ними. Съ такимъ раздвоеніемъ кабинетъ существовать не могъ. Беспокойство овладѣло всѣми, ибо всѣ интересы были затронуты; биржевой барометръ то опускался, то поднимался въ самое короткое время. Ришельё, больной нервами отъ страшнаго безпокойства, лишившійся сна, подалъ въ отставку; упрасиваемый королемъ не покидать его, угрожаемый, что, въ случаѣ выхода его изъ министерства, король долженъ призвать на его мѣсто Талейрана, онъ соглашался на одномъ непремѣнномъ условіи, чтобъ Деказь вышелъ изъ министерства. Людовикъ XVIII расплакался, но рѣшился принести эту жертву. Ришельё началъ составлять новый кабинетъ, и никакъ не могъ сладить съ этимъ дѣломъ: тутъ онъ представилъ королю невозможность для себя оставаться долѣе министромъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, представилъ, что нѣтъ никакой необходимости призывать и Талейрана. Начали искать, кого бы назначить главою кабинета, и нашли генерала Дессоля, человѣка не безъ способностей, уживчиваго, монархиста и либерала, лично извѣстнаго и пріятнаго императору Александру; послѣднее обстоятельство было очень важно, ибо знали, какъ дурно будетъ принято въ Петербургѣ извѣстіе о выходѣ герцога Ришельё изъ министерства. Дессоль принялъ предложеніе безъ всякаго затрудненія, и, съ своей стороны, предложилъ Деказу остаться въ министерствѣ; тотъ объявилъ, что никакъ на это не согласится, если король не прикажетъ; король, разумѣется, приказалъ. Деказь сталъ членомъ новаго кабинета съ портфелемъ внутреннихъ дѣлъ, вмѣсто полиціи: 30-го декабря 1818 года, публика узнала о новомъ кабинетѣ, въ которомъ самымъ виднымъ членомъ былъ не президентъ Дессоль, но министръ внутреннихъ дѣлъ — Деказь.

Выходъ Ришельё, стремившагося къ сближенію съ правою стороною, и образованіе новаго министерства съ Дезазомъ, стремившимся къ популяризованію и націонализированію правительства, были торжествомъ либеральной партіи. Но это торжество, это упроченіе системы, противъ которой высказались четыре главныя державы, не могло не встревожить ихъ представителей въ Парижѣ; изъ нихъ одинъ только былъ радъ перемѣнѣ — англійскій посланникъ Стюартъ, который въ выходѣ Ришельё изъ министерства видѣлъ конецъ русскому вліянію. Стюартъ не умѣлъ скрыть своего восторга и бросился къ новому министерству съ распростертыми объятіями, надѣясь получить при немъ то же значеніе, какое Поццо-ди-Борго имѣлъ во время министерства Ришельё. Русскій, австрійскій и прусскій посланники имѣли причину тревожиться: военное министерство осталось за маршаломъ Гувіономъ С.-Сиромъ, который находился подъ явнымъ вліяніемъ бонапартистовъ и демократовъ. Хранитель печати (министръ полиціи) Десерръ, человекъ съ блестящими талантами, но увлекающійся и страстный, сильно тянулся къ лѣвой сторонѣ и вслѣдствіе недавней ожесточенной борьбы своей съ правою, и вслѣдствіе особенной дружбы своей съ учеными представителями либеральной партіи или такъ-называемыми доктринерами. Глава кабинета, маркизь Дессоль, повидимому, такой умѣренный, уживчивый со всѣми, не имѣлъ яснаго сознанія своего положенія и положенія страны, не былъ самостоятеленъ и постоянно подчинялся вліянію людей, болѣе сильныхъ нравственными средствами; общество наполеоновскихъ генераловъ, которымъ онъ былъ всегда окруженъ, также не оставалось безъ вліянія на его образъ мыслей. Три континентальныя союзныя державы—Россія, Австрія и Пруссія, сочли нужнымъ прибѣгнуть къ вмѣшательству; предлагалось возобновить прежнія конференціи посланниковъ четырехъ союзныхъ дворовъ въ Парижѣ, какъ то было до Ахенскаго конгресса, представить французскому правительству о необходимости уволить военнаго министра С.-Сира, или, вообще, сдѣлать коллективное предложеніе французскому правительству о необходимости перемѣнить систему. Но Англія и тутъ выставила неодолимое сопротивленіе. Лордъ Кесльри объявилъ австрійскому посланнику въ Лондонѣ, Эстергази, что государство не имѣетъ никакого права наблюдать за ходомъ внутреннихъ дѣлъ въ другомъ государствѣ; революціонеры воспользуются этимъ, чтобъ начать еще сильнѣе кричать противъ правительства и даже предпринять что-нибудь поважнѣе. Кесльри высказалъ при этомъ, что

же изгнаніе Бурбоновъ онъ не считаетъ поводомъ къ вѣдательству, и четверной союзъ противъ Франціи примѣнительнъ только къ слѣдующимъ предположеніямъ: 1) нападеніе со стороны Франціи; 2) неминуемая опасность для Европы вслѣдствіе внутренняго состоянія Франціи; 3) возвращеніе Наполеона. Англійскому посланнику въ Вѣнѣ Кесльри писалъ: «Министры принца-регента видятъ ясно ошибки французскаго правительства, видятъ ясно опасности, которыя могутъ, рано или поздно, произстечь для Европы отъ внутреннихъ волненій этой страны, и отъ опасныхъ замысловъ, питаемыхъ здѣсь нѣкоторыми партіями; но англійскій кабинетъ всегда сомнѣвался и теперь сомнѣвается, можетъ ли вѣдательство со стороны союзниковъ служить къ предотвращенію опасности? Если бы король французскій или министры его, среди запутанностей и затрудненій, съ которыми безпрестанно борятся, могли по своему произволу направлять ходъ дѣлъ, тогда лондонскій кабинетъ согласился бы съ петербургскимъ, что торжественное заявленіе серьезныхъ тревогъ, которыми объаты союзные дворы, могло быть полезно; но намъ всегда казалось, что препятствія, которыя во Франціи встрѣчаютъ установленіе мудраго и твердаго правительства, происходятъ отъ другихъ причинъ, а не отъ отсутствія добрыхъ намѣреній или частныхъ расположеній королевскихъ министровъ. Эти препятствія британское правительство находитъ болѣе въ продолжительныхъ слѣдствіяхъ революціи, въ настоящемъ составѣ законодательной власти, въ новости для Франціи представительной системы. Трудность, при такихъ условіяхъ, вести дѣла посредствомъ министра, посредствомъ партіи какой-нибудь, или посредствомъ сліянія партій, — эта трудность недостаточно признается и оцѣнивается; наконецъ, эти препятствія заключаются, болѣею частію, въ избирательномъ и рекрутскомъ законахъ, бывшихъ слѣдствіемъ уступки желаніямъ арміи и народа; законы эти изданы, безъ сомнѣнія, съ самыми чистыми намѣреніями, но они не перестаютъ явственнымъ образомъ обезсиловать власть короля, и, къ несчастію, ихъ гораздо легче было издать, чѣмъ теперь измѣнить. Министры принца-регента убѣждены, что вѣдательство иностранныхъ державъ только усилитъ опасности положенія». Русскому посланнику Кесльри говоритъ: «Франція заключаетъ въ себѣ гораздо болѣе сѣмень демократіи, чѣмъ Англія. Послѣдніе выборы дали тому доказательство. Это расположеніе сдѣлаетъ ее жадною ко всякому предлогу мятежа; ея первыя усилія будутъ направлены къ тому, чтобы уничтожить тронъ, который мы хотимъ защищать, и первый предлогъ къ

тому — вліяніе иностранныхъ правительствъ на французское. Политическая система Европы измѣнилась сильно съ 1815 года. Введеніе конституціи въ Германіи и Бельгіи, общее либеральное стремленіе возбудили въ сосѣднихъ странахъ сильное сочувствіе въ Франціи; подданные теперь не пойдутъ за правительствами противъ нея. Правительства не водятъ болѣе народъ на войну, не сказавъ имъ напередъ, за что они будутъ биться. Только причина законная и очевидная можетъ теперь оправдать призывъ къ оружію.

Такимъ образомъ, и по французскимъ дѣламъ, какъ и по германскимъ, вопросъ о вмѣшательствѣ былъ рѣшенъ отрицательно. Но скоро поднимутся бури съ юга, и опять будетъ поставленъ роковой вопросъ.

С. СОЛОВЬЕВЪ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

VII.

ДРЕВНОСТИ МОСКВЫ

и

ИХЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Москва. Подробное историческое и археологическое описание города. Изд. А. Мартынова. Текстъ составленъ И. М. Снегиревымъ при сотрудничествѣ издателя. Москва, 1865.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Подробное историческое и археологическое описание нашихъ старыхъ городовъ представляетъ, по нашему мнѣнію, одну изъ самыхъ необходимѣйшихъ задачъ для современныхъ русскихъ историческихъ и археологическихъ изслѣдователей. Мы придаемъ этой задачѣ особенно важное значеніе потому, что она, исполненная и разрѣшенная болѣе или менѣе успѣшно, во всякомъ случаѣ должна раскрыть и освѣтить темныя украины нашей исторіи, *мѣстныя*, частныя *свойства* и *силы* нашего историческаго развитія, безъ чего, какъ всѣ, конечно, согласятся, никогда не будутъ вѣрно поняты и оцѣнены по достоинству и общія наши историческія свойства и силы. Теперь больше, чѣмъ когда-либо, намъ нужно знать уже не Европу только, а нужно и крайне необходимо знать себя, знать, что именно кроется внутри насъ, на чемъ мы стоимъ, чѣмъ именно держимся и живемъ?

Только *подробнымъ* осмотромъ и разслѣдованіемъ *мѣстныхъ* областныхъ памятниковъ отжившаго быта, — будутъ ли то мону-

ментальные памятники, зданія, разнаго рода сооружеія, начная отъ кургановъ и городищъ, также памятники *вещные* (всякая вещь), или же памятники слова устнаго и письменнаго, памятники угасшей народнои мысли, угасшихъ народныхъ представлений и вѣрованій, — только подробнымъ описаніемъ и разслѣдованіемъ всѣхъ этихъ почтенныхъ остатковъ старины мы достигнемъ возможности выяснитъ себѣ наши областныя исторіи, а вмѣстѣ съ ними и главный существенный вопросъ нашего современнаго сознанія, который неумолкаемо слышится въ каждомъ испытующемъ русскомъ умѣ, именно вопросъ о томъ, въ чемъ истинный разумъ, и въ чемъ истинная сила русской жизни, въ чемъ существо русской народности? Теперешнимъ ходомъ нашей внутренней жизни мы поставлены въ рѣшительную необходимость знать это не на словахъ, а на самомъ дѣлѣ. Теперь царство фразы окончилось (и дай Богъ, чтобъ навсегда), теперь наступаетъ царство дѣла. Это всѣ очень хорошо чувствуютъ. Но трудно дѣлать дѣло, и особенно народное дѣло, когда не сознаешь вполнѣ, въ чемъ его истина и гдѣ его ложь. А такое сознаніе только и можетъ дать народная исторія. Общее историческое наше русло мы извѣдали на столько, что заблудиться едва ли можемъ; но остаются еще во множествѣ разные заливы, и плёсы, и лиманы, съ которыми мы еще очень мало знакомы; а безъ такого знакомства и наше плаваніе по жизненной исторической нашей рѣкѣ будетъ, если не опасно, то трудно, тягостно, и можетъ потребовать излишнихъ и напрасныхъ усилій, напрасной траты времени и народныхъ дарованій, можетъ разстроить доброе народное дѣло. Мы должны хорошо и въ подробности знать — откуда мы плывемъ, гдѣ и куда плывемъ. Исторія, одна исторія, разработанная въ своихъ мѣстныхъ подробностяхъ, можетъ подать самый *дѣльный*, основательный и разумный голосъ, не только при разрѣшеніи перваго вопроса, но даже при разрѣшеніи и двухъ остальныхъ, и повторимъ: именно, исторія, разработанная въ своихъ мѣстныхъ, областныхъ подробностяхъ. Мы вообще думаемъ, что до тѣхъ поръ, пока областныя исторіи съ ихъ памятниками не будутъ раскрыты и подробно рассмотрѣны, до тѣхъ поръ всѣ *наши общія* историческія заключенія о существѣ нашей народности и ея различныхъ историческихъ и бытовыхъ проявленій будутъ голословны, шатки, даже легкомысленны, чему легко указать множество примѣровъ.

Такъ, мы не находимъ, напр., и малѣйшихъ историческихъ основаній для распространеннаго уже взгляда, по которому къ московскому періоду нашей исторіи иные почитаютъ какъ бы долгомъ относиться съ какою-то брезгливостью, если не со враж-

ДОЮ. Москва, по этому взгляду, рисуется чуть не «татарскою ордою»; между тѣмъ, вся вина Москвы (если есть тутъ въ самомъ дѣлѣ вина) заключается лишь въ томъ, что она, по неизбѣжному закону историческаго развитія русской народности, явилась наиболѣе сосредоточеннымъ и сильнымъ выразителемъ самаго основнаго и первоначальнаго начала старой русской жизни, а именно, выразителемъ *идеи самовластия*, господствовавшей прежде и въ нашемъ частномъ, и въ общественномъ быту, носившейся всюду по русской землѣ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ и затѣмъ слившейся въ одно цѣлое, которому имя было — *Москва*. Когда изъ хаоса частныхъ самовластныхъ отношеній, ничѣмъ не опредѣленныхъ, вращавшихся безъ всякаго плана, а, стало быть, и безъ общей единой цѣли, возникъ вполне законченный, живой, вполне опредѣленный типъ самовластия, тогда только, и именно посредствомъ этого живого типа, почувствованы были и всѣ общія цѣли и задачи народнаго развитія. Народъ такъ и понялъ этотъ новый фазисъ жизни. Ея не могли понять лишь тѣ частныя сферы бытія, которыя продолжали по-прежнему преслѣдовать свои частныя цѣли, вовсе не имѣя никакихъ представлений о цѣляхъ общенародныхъ. Въ этомъ смыслѣ, Москва явилась знаменемъ общихъ цѣлей; она крѣпко держала это знамя, постоянно была съ нимъ впереди, и своею исторіею доказала, что эти цѣли были существенныя, потому что онѣ были общенародныя. Другое дѣло—разсуждать о томъ, какъ могло бы быть.

Если *идея самовластия* повергла наше древнее общество въ безысходное броженіе всяческой розни междуособія, княжескихъ и вѣчевыхъ крамоль, отъ которыхъ «погибала жизнь, вѣки человѣкамъ сокращались», то въ какой же иной формѣ могла придти эта жизнь, какъ не въ той же формѣ самовластия? Преимущество послѣдней предъ своими родоначальниками, частными мелкими формами самовластия, конечно, заключается въ ея единствѣ а единство, во всякомъ случаѣ, есть сила; съ силою же можно было добраться, по крайней мѣрѣ, до того, что мы есть. Москва вынесла всю невыносимую, страшную тяжесть такого именно хода нашей исторіи. Она вынесла всѣ страшныя боли общаго органическаго разстройства. Какъ только это разстройство нашло себѣ исходъ, такъ въ той же Москвѣ послѣдовали, одинъ за другимъ, переломы къ здоровью, къ здравствованію всей земли, а не какой-либо ея части. Мы никакъ не можемъ понять, за что вообще такъ ребячески сердиться на историческую Москву? Чтобы вѣрно оцѣнить ея историческое значеніе, каково бы оно ни было, необходимо хорошо и основательно ознакомиться съ тѣмъ, что было до нея и по сторонамъ ея. Вотъ, почему мы

искренне желаемъ, чтобы *областная мѣстная* исторія сдѣлалась такимъ же насущнымъ вопросомъ въ нашихъ работахъ, каковымъ во время-дно былъ пресловутый *варяжскій* вопросъ.

Въ настоящее время для этого существуютъ даже практическія средства: существуютъ, напр., губернскіе статистическіе комитеты, члены которыхъ могли бы принести великую пользу, обративъ усиленное вниманіе на собраніе, за-одно съ статистическими, и историческихъ и археологическихъ свѣдѣній, актовъ, преданій, всякихъ записокъ и описаній, касающихся ихъ мѣстной исторіи и древностей, вообще областного быта, прожитого и проживаемаго теперь. Нѣкоторые комитеты уже успѣли оказать въ этомъ отношеніи значительныя услуги и въ «Памятныхъ» губернскихъ книжкахъ дали образцы очень любопытныхъ и основательныхъ трудовъ по разработкѣ мѣстной исторіи. Но, къ великому сожалѣнію, эти книжки издаются только для официальной среды и затѣмъ скоро исчезаютъ, вовсе не поступая въ оборотъ ученой изыскательности. Ихъ очень трудно доставать, хотя бы и за дорогую цѣну.

Статистическіе комитеты могли бы оказать великую услугу для русской исторической науки собраніемъ въ одну книгу, каждый по своей губерніи, всего того, что въ разное время печаталось по исторіи, археологіи, этнографіи въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ», которыхъ точно также достать теперь уже нельзя. Необходимо же когда-либо подумать о томъ, что каждая мѣстность есть живая часть общаго цѣлаго, а не какое-нибудь департаментское отдѣленіе; что, какъ живая часть, каждая мѣстность имѣетъ самостоятельный, своеобразный смыслъ, который обнаруживается не только въ экономическихъ, но и въ историческихъ ея условіяхъ. Раскрыть и надлежащимъ образомъ освѣтить этотъ смыслъ можетъ только исторія этой мѣстности, или области. Безъ исторіи, и этнографическіе и даже статистическіе факты остаются нѣмыми памятниками. Мы увѣрены, что, современемъ, не обойдутъ этой мысли и наши земскія собранія, которыя могутъ выразить свою готовность пособить этому дѣлу назначеніемъ, напр., премій за обработку своей мѣстной исторіи. Денежныхъ средствъ на это понадобится, сравнительно съ другими расходами, самая малая доля. Къ сожалѣнію, имѣя и въ виду и на самомъ дѣлѣ достаточныя практическія средства для обработки областной исторіи, мы не слишкомъ богаты для этого средствами чисто-научными. Совѣстно сказать: у насъ до сихъ поръ не изданы наши лѣтописи, т. е. изданы не всѣ, даже не всѣ тѣ, какія лѣтъ за тридцать тому назначались къ изданію Археологическою Коммиссіею, и именно самый важнѣйшій въ настоя-

цемъ случаѣ ихъ отдѣлъ — *областные летописи*. Сколько, въ дѣйствительности, эти послѣднія важны и какое значеніе имѣютъ даже и для выясненія и исправленія общей исторіи, это показали счастливымъ случаемъ явившіяся на свѣтъ *Тверская летопись* (Полн. Собр. Рус. Лѣтоп. т. XV) и еще раньше изданный *Летописецъ Переяславля Суздальскаго* (Времен. № 9).

Но еще стыднѣе намъ сказать: мы не имѣемъ не только обстоятельныхъ, но и никакихъ *указателей* даже и въ тѣмъ летописямъ, которыя уже изданы. Эти два обстоятельства такъ полнобѣсны по своему значенію, что намъ нечего упоминать о другихъ, побочныхъ, хотя также очень сильныхъ матеріальныхъ затрудненіяхъ, съ которыми принужденъ бороться, чуть не на каждомъ шагу, каждый изслѣдователь русской древности. Одни упомянутыя два обстоятельства образуютъ такую твердую и стойкую плотину, что, по милости ея, движеніе нашей изслѣдовательности едва замѣтно, и, большею частію, все вертится на одномъ мѣстѣ. За примѣрами ходить недалеко. Вотъ книга г. Барсова: *Матеріалы для историко-географическаго словаря Россіи. I. «Географическій словарь русской земли (IX — XIV ст.)»*. Трудъ почтенный, вполне заслуживающій признательности науки, — трудъ, на который авторъ употребилъ и много времени, и много вopotливыхъ работъ, занимался имъ съ любовью и обстоятельно. Однакожъ, въ сущности, трудъ г. Барсова есть не что иное, какъ *географическій указатель* въ изданнымъ летописямъ и актамъ за IX — XIV ст., гдѣ, вмѣстѣ съ именами, приведены и самыя тексты. Мы понимаемъ, какъ тяжела была такая работа теперь, безъ средствъ, о которыхъ мы говоримъ, и можемъ понять, какъ была бы легка, еслибъ при летописяхъ существовалъ *указатель*; она тогда упростилась бы до обыкновенной переписки летописнаго текста по указаннымъ именамъ, факты сами собою разставились бы хронологически, словомъ — все дѣло могъ бы исполнить, подъ руководствомъ автора, простой понимающій переписчикъ. Во всякомъ случаѣ, дѣло не потребовало бы и десятой доли тѣхъ работъ, какія, по необходимости, долженъ былъ исполнить авторъ; и, безъ малѣйшаго сомнѣнія, эти девять-десятыхъ труда авторъ непременно употребилъ бы на дальнѣйшую разработку выписаннаго текста и не окончилъ бы тамъ, гдѣ оканчивается дѣло только указатель. Въ добавокъ, при теперешнихъ средствахъ и способахъ работы, самъ авторъ по необходимости долженъ былъ чувствовать, что трудъ его все-таки не полонъ, какъ въ дѣйствительности и оказывается ¹⁾. А мы все-таки должны быть очень

¹⁾ Напр. имена: Ладога, Москва, Кучково, Жовскій Лѣсъ, Гму-Тараганъ и нѣкоторые другія, какія случайно удалось намъ рассмотреть.

признательны автору за его подвигъ, проложившій хоть какой-нибудь путь въ непроходимыхъ дебряхъ лѣтописнаго текста.

Сколько труда и копотливыхъ работъ долженъ былъ употребить г. Аристовъ по обработкѣ своего вопроса: «Промышленность древней Руси»!

Сколько почтеннаго труда положилъ еще гораздо прежде г. Погодинъ въ своихъ «Исслѣдованіяхъ» объ удѣльномъ періодѣ (напр., томы 5, 6 и 7-й)!

Вообще, сколько труда бѣдный русскій изслѣдователь долженъ употреблять совѣмъ непроизводительно, исполняя всяческія подготовительныя работы, самъ составляя указатель къ книгѣ, самъ же, иной разъ, приводя въ порядокъ уже чисто издательскую сторону книги, простое, такъ сказать, типографическое удобство пользоваться ею, ибо невниманіе къ читателю и изслѣдователю превосходить у насъ всякую мѣру; у насъ есть и такія книги, гдѣ не существуетъ, напр., оглавленія, а если оно есть, — такъ нѣтъ указанія страницъ. Мы иногда, и очень справедливо, жалуемся на невниманіе къ публикѣ на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ, пароходахъ, на станціяхъ и т. п., но тѣмъ же самымъ мы грѣшимъ и въ наукѣ, гдѣ изслѣдователь очень часто принужденъ бороться съ смѣшными и, оттого, слишкомъ горькими неудобствами и затрудненіями. Все это, конечно, обозначаетъ молодость нашей науки, ея малоопытность, отсутствіе въ ней ея же элементовъ — обстоятельности, основательности, точности и отчетливости, и тому подобныхъ научныхъ приемовъ, которые еще далеко не вошли въ наши ученые нравы и привычки.

Вообще, должно сказать, что русская научная изслѣдовательность находится въ такомъ же невыгодномъ положеніи, въ какомъ находится и нашъ экономическій, хозяйственный бытъ. Для той, какъ и для другого, не существуетъ самаго главнаго: хорошихъ путей сообщенія, къ которымъ, не нарушая внутренней правды, мы относимъ указатели, алфавиты и всѣ подобныя средства науки. Нѣтъ этихъ путей, и оттого — недостатокъ жизненнаго движенія въ наукѣ, напрасная трата времени и трудъ, напрасная пагуба таланта и дарованій, постоянныя ошибки, недостатки, пропуски, торопливыя и потому ложныя заключенія и выводы, лживыя тенденціи и взгляды, цѣлыя теоріи, исполненныя легкомыслія и фразерства, и все оттого, что нѣтъ прямой, основательной и обстоятельной дороги къ самымъ матеріаламъ изслѣдованія. Вотъ, почему изданіе указателей къ лѣтописямъ и другимъ многотомнымъ собраніямъ памятниковъ, указателей не только *именныхъ*, но вмѣстѣ съ тѣмъ и *предметныхъ*, мы, безъ шутокъ, можемъ сравнить съ проложеніемъ желѣзной

Ороги по какому-либо главному, столбовому пути. Неисчислимо-
 ыгодныя и самыя плодотворныя послѣдствія такого дѣла не
 амедлили бы обнаружиться вскорѣ. Припомнимъ, какое живое
 движеніе въ нашей наукѣ было возбуждено однимъ только из-
 казаніемъ первыхъ лѣтописей и актовъ? (Послѣдніе, въ великому
 долженію, явились тогда съ указателемъ.) Съ тѣхъ поръ, наши
 требованія и запросы выросли, взгляды значительно расшири-
 лись; теперь намъ нужна полнота, круглота, обстоятельность и
 основательность, — качества, которыя возможны только при ука-
 занныхъ путяхъ сообщенія. И потому великую услугу русской
 наукѣ оказалъ бы тотъ, кто принялъ бы на себя трудъ — проло-
 жить эти пути. Его трудъ, по своему значенію, въ истинномъ
 смыслѣ могъ бы равняться нѣсколькимъ десяткамъ диссертаций
 и изслѣдованій, ибо въ немъ, по естественной причинѣ, на са-
 момъ дѣлѣ лежали бы фундаменты всевозможныхъ диссертаций
 и статей. То, что по справедливости заслуживаетъ теперь нашей
 признательности и особеннаго уваженія за понесенныя работы,
 тогда обратилось бы въ непреложное требованіе съ одной сто-
 роны, и въ простой трудъ постраничнаго выписыванія — съ другой.

Изслѣдователи, имѣя въ рукахъ почти готовый основной ма-
 териалъ, могли бы съ болѣшими выгодами для науки направить
 свою изыскательность къ дальнѣйшимъ цѣлямъ, могли бы са-
 мые вопросы ставить полнѣе, многостороннѣе.

До тѣхъ же поръ, пока такія необходимѣйшія научныя сред-
 ства не будутъ намъ даны, мы все будемъ, какъ говорится, пе-
 реваливать черезъ пень колоду — выраженіе, хотя и рѣзкое, но
 вполне и со всѣхъ сторонъ характеризующее нашу теперешнюю
 дѣятельность и въ общей сложности, и въ ея частностяхъ. И съ
 особенною силою смыслъ этого выраженія будетъ высказываться
 въ разработкѣ *областной* исторіи, въ разработкѣ всѣхъ част-
 ныхъ и мѣстныхъ вопросовъ.

Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, требовать отъ членовъ губерн-
 скаго статистическаго комитета или отъ другихъ лицъ въ про-
 винціи, желающихъ посвятить свой досугъ изысканіямъ объ исто-
 ріи своего мѣстожителства, чтобы они, по поводу какого-либо
 мѣстнаго и мелкаго географическаго или археологическаго во-
 проса, прочитывали постранично всю массу изданныхъ лѣтопи-
 сей и актовъ, съ напряженіемъ отыскивая, когда и какъ въ пер-
 вый разъ упоминается какое-либо имя или слово, очень важное
 для ихъ изысканій. Имъ нужна лишь справка, а, между тѣмъ,
 эта справка становится тяжелымъ, скучнымъ, очень продолжи-
 тельнымъ и, по результатамъ, совершенно непроизводительнымъ
 трудомъ. Нельзя требовать и напрасно ожидать такого само-

отверженія отъ людей, вовсе не имѣющихъ намѣренія дѣлаться присяжными историками или археологами. Да по правдѣ связать, и послѣдніе очень рѣдко пускаются въ подобныя путешествія за какою-либо частною, мелкою справкою и, большею частію, оставляютъ дѣло въ такомъ видѣ, къ какому приводятъ его случайно попавшіеся подъ руку факты, повторяя затѣмъ одно и то же нѣсколько лѣтъ сряду. Эта истина подтверждается чуть не каждый день, а самый яркій и объемистый примѣръ тому мы можемъ видѣть въ обработкѣ древностей Москвы, начатой очень давно, обильной всякими книгами и статьями, славной уже своими авторитетами, и все-таки, именно за отсутствіемъ указанныхъ научныхъ средствъ, неподвигающейся впередъ ни на шагъ.

Недавно, разслѣдованіе московскихъ древностей обогатилось новымъ трудомъ, который, судя по заглавію, долженъ совокупить или переработать въ себѣ все то, что до сихъ поръ сдѣлано по этому предмету. Уже одна такая мысль заслуживала бы особенное вниманіе науки.

Свести счеты по исторіи и археологіи Москвы, значить—указать и съ точностью опредѣлить мѣсто, какое принадлежит исторической и археологической Москвѣ среди областной исторіи и археологіи; значить—раскрыть своеобразныя силы Москвы не только въ исторіи, гдѣ онѣ, впрочемъ, достаточно раскрыты, но, главнымъ образомъ, въ ея частномъ быту, т. е. въ сферѣ ея мѣстнаго, областнаго или собственно «московскаго» творчества художественнаго, ремесленнаго, промышленнаго, общественнаго, или, въ тѣсномъ смыслѣ, городского, также сельскаго и т. д.; словомъ сказать—раскрыть историческое и древне-бытовое значеніе Москвы въ ряду другихъ областей и городовъ русской земли. И въ самомъ дѣлѣ, сколько самаго живого интереса заключалось бы въ разсмотрѣніи и посильномъ разрѣшеніи такихъ, напр., запросовъ и вопросовъ нашей современной изыскательности: чѣмъ Москва обязана Новгороду въ своемъ внутреннемъ развитіи, именно со стороны художественнаго, ремесленнаго, промышленнаго творчества; какое наслѣдство, въ этомъ смыслѣ она приняла изъ Суздальской земли, а черезъ нее, быть можетъ, и отъ болгаръ волжскихъ и, главнымъ образомъ, изъ древняго Кіева? Какое, вообще, вліяніе оказывали на Москву каждый старый городъ, каждая сторона древней Руси? Москва создавалась на старой почвѣ, уже значительно подготовленной въ этомъ отношеніи развитіемъ областнымъ, мѣстнымъ, украиннымъ. вмѣстѣ съ политическими идеями, Москва тянула въ себя и все то, чѣмъ красна и славна была частная, такъ сказать, домашняя жизнь

каждой украинны, именно стороною народнаго творчества, къ формамъ котораго, въ отношеніи, напр., зодчества, иконописи съ ихъ сопутниками, Москва, по естественнымъ причинамъ, оказывала благочестивое уваженіе, воспроизводя свои памятники по образцамъ Суздаля, Новгорода и другихъ старыхъ городовъ. Сліяніе въ Москвѣ областныхъ творческихъ народныхъ силъ образовало ли въ ней что оригинальное, своеобразное, самобытное, чисто-московское; шла ли въ этомъ смыслѣ Москва дальше своихъ предшественниковъ или въ ней совсѣмъ заглохло и то, что было собрано и постоянно собиралось отъ старшихъ братьевъ, по обычаю времени — путемъ захватовъ и насилій?

Изъ всѣхъ подобныхъ запросовъ выясняется лишь одно, что разработка древностей Москвы находится въ полной зависимости отъ разработки областныхъ древностей. Существующій въ наукѣ пробѣлъ по этому дѣлу, конечно, долженъ очень невыгодно отражаться и на новѣйшихъ трудахъ; поэтому, наши запросы и не могутъ къ нимъ относиться. Мы здѣсь желали только намекнуть на тѣ задачи, которыя предстоятъ и сами напрашиваются для изслѣдованій. Въ отношеніи же новѣйшихъ трудовъ мы должны ограничиться лишь тѣмъ, что есть, что возможно сдѣлать при существующихъ условіяхъ науки.

Въ самое послѣднее время, трудъ — исторически и археологически подробно описать Москву, взяли на себя лица, которыя уже достаточно поработали прежде на томъ же поприщѣ. Текстъ описанія составленъ г. Снегиревымъ, при сотрудничествѣ самого издателя, г. Мартынова.

Г. Снегиревъ принадлежитъ къ немногимъ ветеранамъ нашей археологической науки. Онъ началъ свое изыскательное поприще еще во времена Карамзина. Онъ уже очень давно пользуется авторитетомъ перваго знатока и ученаго изслѣдователя московскихъ древностей, по преимуществу. Можно сказать со всею справедливостью, что это одинъ изъ первоначальныхъ, самый трудолюбивый и до сихъ поръ почти единственный изыскатель и описатель памятниковъ московской старины. Его большой трудъ «памятники московской древности» (М. 1842—1845), вызванный на свѣтъ достойнымъ доброй памяти содѣйствіемъ вн. Д. В. Голицына (тогдашняго начальника Москвы), и Общества исторіи и древностей, положилъ прочную основу заслуженной извѣстности автора. Вслѣдъ за тѣмъ, г. Снегиревъ нашелъ ревностнаго и неутомимаго издателя для своихъ послѣ-

дующихъ изысканій въ лицѣ г. Мартынова, котораго «Русская Старина» и «Русскія Достопамятности» наполнялись, по большей части, описаніемъ московскихъ же памятниковъ, такъ что значительною долею служили продолженіемъ перваго и главнаго труда. Такииъ же продолженіемъ этого труда были описанія «Древностей Россійскаго Государства», послужившія теистомъ къ извѣстному великолѣпному изданію, подъ тѣмъ же заглавіемъ (отд. I, IV и VI), и многія мелкія статьи, которыя авторъ печаталъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и въ другихъ повременныхъ изданіяхъ, передѣлывая и обрабатывая старое, или знакомя впередъ съ своими новыми изысканіями, которыя потомъ входили въ составъ упомянутыхъ изданій.

Характеръ и достоинство этихъ археологическихъ трудовъ г. Снегирева наука также давно опредѣлила, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ, общихъ чертахъ. Она не могла не оцѣнить большой начитанности автора, значительнаго знакомства съ архивными матеріалами, этой неутомимости въ собираніи многообразныхъ данныхъ, массою которыхъ авторъ приводилъ всегда въ изумленіе обыкновеннаго читателя, въ первый разъ встрѣчавшаго столько старыхъ словъ, столько новыхъ фактовъ.... Но вмѣстѣ съ тѣмъ наука раскрыла также и важнѣйшій, самый существенный недостатокъ этого безмѣрнаго и не всегда толковаго собирательства, а именно, отсутствіе всякой критики, отсутствіе руководящей, объединяющей, послѣдовательной мысли, при обработкѣ не только цѣлаго, но и каждой отдѣльной его части, каждаго частнаго отдѣльнаго вопроса. Наука указала на очень выдающееся отсутствіе самыхъ обыкновенныхъ критическихъ приемовъ въ выборѣ, сличеніи и сообщеніи разнообразныхъ фактовъ и всякихъ свидѣтельствъ, въ ихъ должной оцѣнкѣ; указала на великую сбивчивость и несвязность изложенія, на небрежность, съ какою авторъ всегда почти относится и къ текстамъ, къ подлиннымъ словамъ, и къ ссылкамъ на эти слова, какъ бы вовсе не оцѣнивая, и даже какъ бы не понимая ихъ важности въ подобныхъ копотливыхъ и мелочныхъ работахъ, опуская и текстъ и ссылки, всегда важнѣйшія, тамъ, гдѣ они настоятельно нужны, и обозначая ихъ, всегда не важные, тамъ, гдѣ онѣ вовсе не были нужны. Вообще, наука отмѣтила, что археологическіе труды г. Снегирева, не смотря на видимую эрудицію, на весь внѣшній образъ учености, значительно слабы именно въ ученое отношеніи. Говоря такъ, мы имѣемъ въ виду, конечно, не восхвалительныя рекламы, которыя, особенно въ началѣ, щедро сыпались на упомянутыя изданія; мы имѣемъ въ виду, хотя и короткіе, но дѣльные, въ полномъ смыслѣ ученые

отзывы о трудах г. Снегирева, принадлежащіе, напр., г. Погодину (Москвитянинъ, 1842 г. № 2 и др.). Вотъ, почему труды г. Снегирева, пользуясь большимъ уваженіемъ въ средѣ непосвященныхъ, обыкновенныхъ читателей, вообще не столько цѣнились изслѣдователями, заинтересованными непосредственно и ближайшимъ образомъ въ тѣхъ вопросахъ, которыхъ касался и которые обработывалъ авторъ, а потому и входившими въ самое близкое знакомство съ его изысканіями.

Изслѣдователи не находили въ нихъ именно того, что даетъ сочиненію крѣпость и твердость, надежную опору для дальнѣйшихъ изысканій, не находили въ нихъ основательности, отчетливости, точности, не только исторической, т. е. фактической, но даже и логической; вовсе не находили этого важнѣйшаго и существеннѣйшаго свойства всякой ученой работы, именно непрестанной провѣрки и самыхъ фактовъ, и своихъ соображеній по поводу сообщенія и сличенія этихъ фактовъ. Изслѣдователи, послѣ долгихъ и очень тяжелыхъ, трудныхъ операцій надъ сочиненіями г. Снегирева, могли вынести одно только непреложное убѣжденіе, что пользоваться этими сочиненіями нужно съ великою осмотрительностью и осторожностью, что несравненно легче, плодотворнѣе для себя и во всѣхъ смыслахъ полезнѣе имѣть дѣло прямо съ самыми источниками, чѣмъ изучать сочиненіе, котораго почти каждую строку приходится очищать критикою, провѣрять съ тѣми же источниками, большею частію всѣмъ доступными. Самыя архивныя свидѣтельства, приводимыя авторомъ изъ первыхъ рукъ, сообщались въ такомъ видѣ и съ такимъ невниманіемъ къ цѣнности подлинныхъ словъ, особенно, когда они появляются въ первый разъ, что изслѣдователи почти всегда имѣли достаточно причинъ сомнѣваться въ отчетливой достовѣрности сдѣланныхъ указаній или выписокъ.

Все это въ работающей средѣ ставило труды г. Снегирева какъ бы внѣ науки, внѣ ея границъ. Они не попадали въ ея общее теченіе, въ ея общій оборотъ, не сливались органически съ новыми, дальнѣйшими работами, какія предпринимались по тѣмъ же вопросамъ другими изыскателями, что должно бы непременно случиться, даже противъ воли и желанія этихъ изыскателей; ибо *каковъ бы ни былъ ученый трудъ, но если онъ исполненъ дѣйствительно научно, если онъ носитъ въ себѣ животворныя начала науки, онъ всегда невидимо проникаетъ во всякую вновь начинаемую, послѣдующую работу, во всякое новое изслѣдованіе, какъ бы оно ни разнилось во взглядахъ и приемахъ съ своимъ предшественникомъ. Труды г. Снегирева, наоборотъ, положительнымъ путемъ никогда и нигдѣ не дѣйствовали въ научной обработкѣ*

нашихъ древностей. Ихъ связь съ этою обработкою обнаружилась всегда только *отрицательно*, выражала только неизбежную полемику съ ними, неизбежную ихъ перевѣрку, что въ видахъ рѣшительной бесполезности и излишняго труда нередко даже совсѣмъ оставлялось изслѣдователемъ.

Самою обработкою исторіи и древностей Москвы, которую по преимуществу, славятся труды г. Снегирева и которой онъ дѣйствительно посвятилъ самую наибольшую долю своей археологической дѣятельности, — самою этою обработкою авторъ не внесъ въ науку ничего яснаго, опредѣлительнаго, отчетливаго, ничего такого, чѣмъ она могла бы пользоваться, какъ прочнымъ основаніемъ въ дальнѣйшемъ ходѣ своей изслѣдовательности. Въ результатѣ, эта обработка представляетъ объемистую массу свѣдѣній, въ которой нѣтъ свѣта ни историческаго, ни критическаго, которая подлежитъ необходимой, совершенно неизбежной очисткѣ и повѣркѣ, а, стало быть, совершенной переработкѣ, такъ что древности Москвы, имѣя уже авторитетнаго изслѣдователя, все-таки и до сихъ поръ не имѣютъ, соотвѣтственнаго своему значенію, описанія; все-таки изысканія объ нихъ исполнены самыхъ спорныхъ и противорѣчивыхъ заключеній и соображеній и даже противорѣчивыхъ свидѣтельствъ и фактовъ. Однимъ словомъ, не смотря на давнишніе труды г. Снегирева, Москва до сихъ поръ остается безъ описанія, которое соотвѣтствовало бы значенію города и значенію его древностей, которое давало бы полное, отчетливое и законченное представленіе о томъ, что и какъ было, и что осталось теперь.

Руководясь, быть можетъ, мыслью о необходимости составить такое описаніе, о необходимости привести въ нѣкоторую стройность и порядокъ даже и обработанный уже матеріалъ, г. Снегиревъ предпринялъ, въ настоящее время, обширное сочиненіе, подъ заглавіемъ: «*Москва, подробное историческое и археологическое описаніе города*», раздѣливъ свои труды съ самимъ издателемъ, г. Мартыновымъ. Мы не знаемъ, въ какой мѣрѣ и въ чемъ именно заключалось сотрудничество г. Мартынова, но, судя по характеру и всему складу сочиненія, можемъ сказать, что оно вполне напоминаетъ прежніе труды г. Снегирева, особенно «*Памятники Московской Древности*», которые послужили какъ бы прототипомъ и для этого изданія, даже и съ внѣшней его стороны. Здѣсь мы встрѣчаемся съ старыми знаемыми, о которыхъ только-что говорили.

Первый томъ содержитъ въ себѣ «*Исторію Москвы*» и «*Урочища Москвы*». Послѣдняя статья дѣлится не-то на три, не-то на два отдѣла,—такъ сбивчиво обозначены ея части: Отдѣлъ

I — Московскія урочища въ хронологическомъ ихъ отношеніи; Отдѣлъ II — Старыя и новыя урочища отъ XVII до XVIII вѣка; потомъ, опять Отдѣлъ II — Московскія урочища, по отношенію ихъ къ топографіи, этнографіи, исторіи и юридическому быту.

Уже одна первая страница, которою начинается *Исторія Москвы*, можетъ служить достаточною характеристикой всего труда. Начиная исторію Москвы 1147 годомъ, какъ первымъ лѣтописнымъ свидѣтельствомъ о ея существованіи, и упомянувъ о пиршествѣ, которое съ именемъ *сильнаго обѣда* давалъ въ этомъ году князь суздальскій Юрій своему союзнику черниговскому князю Святославу, авторы обозначаютъ это событіе слѣдующею фразою: «Это былъ первый союзъ сѣверной и южной Руси въ лицѣ ихъ князей». Фраза эта совсѣмъ лишена исторической правды и даетъ только ложное, натянутое представленіе о событіи, которое нисколько не выражало общихъ историческихъ отношеній въ княжескихъ дѣйствіяхъ и относится къ безчисленному ряду частныхъ междокняжескихъ дѣлъ. Затѣмъ, подтвердивъ связаніемъ «Пролога», что Москва существовала и раньше этого года, т. е. при Владимирѣ Мономахѣ, въ чемъ нельзя было сомнѣваться уже по упомянутому лѣтописному свидѣтельству, авторы довольно положительно говорятъ, что «на мѣстѣ ея было *нѣсколько селъ и городищъ*, которыми владѣлъ бояринъ Стефанъ Кучко». По теченію рѣчи, можно думать — это было именно при Владимирѣ Мономахѣ или даже и раньше, что утверждается и соображеніемъ о томъ, что между новгородскими земцами встрѣчается подобное имя (вогда?), и что, стало быть, Кучко былъ выходецъ изъ Новгорода. Ниже, стр. 103, авторы подробнѣе входятъ въ разсужденіе о томъ, что Кучко былъ новгородецъ, и предполагаютъ даже, не была ли Москва новгородскою колоніею, основываясь единственно только на сходствѣ именъ: Дорогомилowo, Варьская улица (въ Москвѣ Варварская, а въ Новгородѣ Варяжская), и вовсе упуская изъ виду, что на такомъ основаніи легко построить безчисленное множество догадокъ и соображеній о происхожденіи одного русскаго урочища, села или города отъ другого, особенно, напр., при помощи извѣстнаго «Словаря Урочищъ» Ходаковского ¹⁾.

¹⁾ Соображеніе о новгородскомъ происхожденіи Кучко и Москвы почерпнуто изъ П. кн. Временника Общ. И. и Д. Р., смѣсь, стр. 29, гдѣ редакторъ, г. Бѣльевъ, указывая, что легенда о началѣ Москвы и о московскихъ Кучковичахъ помѣщена въ новгородской (повдвѣйшей) лѣтописи, догадывается по этому поводу, что «Москва первоначально была построена въ новгородской землѣ; это подтверждается (будтобы) и свидѣтельствомъ перенесенной Новгородской книги 1500 г., по которой видно, что въ Новгородѣ еще въ XV вѣкѣ существовалъ родъ изъ старинныхъ новгородскихъ

Затѣмъ, авторы положительно утверждаютъ, что «тамъ (т. е. не въ Новгородѣ, а на мѣстѣ Москвы) *Кучко построилъ деревянный городокъ, назвавъ его по рѣкѣ Москвою*, потому (будто-бы), что не только многіе города, но и цѣлыя племена заимствовали свое имя отъ рѣкъ, на которыхъ стояли.» Свидѣтельство очень любопытное, доселѣ мало кому извѣстное, поэтому очень было бы желательно видѣть при этомъ и обстоятельное указаніе на источникъ, откуда оно заимствовано. Но авторы не почли надобнымъ сдѣлать хотя общее обозначеніе этого источника. Они оставили безъ всякаго отзыва и указанія и всѣ легенды о *зачатъ Москвы*, которыя появились въ XVI и XVII ст., и въ которыхъ все-таки нельзя отрицать нѣкоторой, если не чисто-исторической, то, по крайней мѣрѣ, *эпической* основы, чтò очень важно и должно было бы занять подобающее мѣсто въ *подробномъ* историческомъ и археологическомъ описаніи города. Тѣмъ непонятнѣе таковой пропускъ, что авторы удѣляютъ въ своей книгѣ не мало мѣста новѣйшимъ сказкамъ и сочиненнымъ преданіямъ о значеніи разныхъ урочищъ. Въ настоящемъ случаѣ очень важно именно то, что эпоха *зачала* Москвы была, по всему вѣроятію, пропѣта народною пѣснью, былиною. Доказательствомъ этому служатъ упомянутыя легенды и сказанія, записанныя въ XVI и XVII ст. Еще Карамзинъ замѣтилъ, что одна изъ такихъ легендъ, самая обстоятельнѣйшая, писана *размѣромъ старинныхъ русскихъ сказокъ*. Но не одинъ ея складъ, а самое содержаніе даетъ намъ понятіе именно о ея эпическомъ народномъ происхожденіи. Карамзинъ, вообще, не давалъ никакой цѣны этимъ легендамъ, выставляя на видъ ихъ *анахронизмы* и *нелѣпости*. Но точка зрѣнія Карамзина оправдывается состояніемъ нашей исторической науки въ его время. Онъ взглянулъ на нихъ, какъ на рассказы лѣтописные, и, конечно, долженъ былъ отвергнуть даже и малѣйшее ихъ значеніе для собственно-историческаго матеріала по тогдашнимъ понятіямъ. Но съ того времени наука успѣла выяснить, что и эпическій, или легендарный рассказъ есть также достояніе исторіи; что онъ есть первая страница въ ней, на которой хотя и нѣтъ мѣста ни для хронологіи, ни для историческаго факта въ строгомъ смыслѣ, но есть всегда то, чтò можно обозначить выраженіемъ: дыханіе исторіи.

По изложенію Карамзина, одна легенда рассказываетъ слѣдующее:

вотчинниковъ *Кучковичей*, у которыхъ были деревни въ Келтушскомъ погостѣ и одна изъ нихъ называлась *Кучково*.» Повторимъ: у Ходаковскаго существуетъ изобильный матеріалъ для подобныхъ сближеній и рассужденій!

Былъ на великомъ княженіи въ Кіевѣ сынъ Владимира Мономаха, князь Юрій. Своего старшаго сына, Андрея, онъ посадилъ въ Суздаль. Въ 1158 г., ѣхалъ Юрій изъ Кіева во Владимиръ къ сыну Андрею и наѣхалъ по дорогѣ мѣсто, гдѣ теперь Москва. Тутъ были села, которыми владѣлъ нѣкій богатый бояринъ, именовъ Кучко Ивановъ. Кучко встрѣтилъ князя гордо и недружелюбно, «возгордѣвся зѣло, не почте его и поносилъ ему.» Не стерпя хулы, князь предаеть его смерти. У Кучко остаются два сына, «млады суци и лѣпы зѣло (Петръ и Иоакимъ) и дщерь благообразна» (Улита), которыхъ князь отсылаетъ во Владимиръ къ сыну Андрею. Послѣ того князь Юрій «взыде на гору и обозрѣ очима своима сѣмо и овамо, по обѣ стороны Москвы рѣки и за Неглинною, возлюби села оныя и повелѣ вскорѣ сдѣлати малъ древянъ градъ и прозва его Москва градъ.» Потомъ князь ѣдетъ во Владимиръ къ Андрею, женить его на дочери Кучко и заповѣдуетъ ему—Москву «людьми населити и распространити».

Карамзинъ замѣтилъ, что эта *сказка, вѣроятно*, основана на древнемъ истинномъ преданіи. Дѣйствительно, несомнѣнныя свидѣтельства лѣтописей указываютъ, что бояре Кучковичи существовали, и именно въ большемъ приближеніи у князя Андрея Боголюбскаго. Въ 1155 г., они переманили его переѣхать изъ Кіева въ Залѣсскій Владимиръ, «безъ отча повелѣнія, лестію подъяша»; а въ 1174 г., они являются главными руководителями заговора противъ Андрея—и его убійцами. Тверская лѣтопись рассказываетъ нѣсколько иначе это событіе. Она говоритъ, что Андрей былъ убитъ отъ «*своихъ бояръ отъ Кучковичевъ*, по наученію своей жены, которая, однакожъ, была не Кучковна, какъ говорятъ приведенная легенда и позднѣйшія лѣтописи, а болгарка родомъ и держала на князя злую мысль особенно за то, что онъ много воевалъ болгарскую землю «и сына своего посылалъ туда (Мстислава, въ 1172 г.), и много зла учини болгаромъ,» — такъ что она является мстительницею за разореніе своей родины, что весьма вѣроятно. Княгиня жаловалась на князя втайнѣ *Петру*, Кучкову зятю... слѣдовательно, она была въ томъ же злодѣйскомъ заговорѣ противъ князя. Ближайшею причиною заговора и злодѣяства лѣтопись обозначаетъ то, что Андрей казнилъ одного изъ Кучковичей, именно брата своего возлюбленнаго слуги, *Якима* Кучковича ¹⁾. Якимъ и рѣшаетъ дѣло. На пиру у Петра, Кучкова зятя, онъ поднимаетъ всѣхъ

¹⁾ Иначе: *Кучковитина*, Лѣт. Воскр. 89, что можетъ указывать на его землячество изъ *Кучкова*, рекше изъ Москвы.

рѣчью: «Что намъ дѣлать съ княземъ? вчера онъ брата моего казнилъ, а нынче, пожалуй, казнить и насъ. Промыслимъ о своей жизни.» Такимъ образомъ, Якимъ Кучковичъ, упоминаемый въ легендѣ, является мстителемъ за смерть своего брата, имени котораго (Петръ, по легендѣ) лѣтопись не называетъ, но указываетъ, что месть совершена въ Петровъ день, на другой день послѣ казни.

Если по лѣтописи существовали двое Кучковичей, указанныхъ легендою, то могло случиться и событіе, въ ней описанное. Невѣренъ только годъ. Въ 1158 г., Юрія уже не было въ живыхъ: онъ умеръ въ 1157 г. Но-за то въ Тверской же лѣтописи находимъ весьма любопытное свидѣтельство. Въ 1156 г., «Князь великій Юрій Володимеричъ заложилъ градъ Москву на устниже (на устьѣ и ниже) Неглинны, выше рѣки Аузы ¹⁾.» Ошибка въ годѣ незначительна, но весьма значительно обстоятельство, что Кучковичи (млады сущи, по легендѣ, въ годъ построения Москвы), еще въ 1155 г., переманиваютъ Андрея во Владимиръ, дѣйствуя противъ воли его отца. Итакъ, хронологія оказывается несостоятельною въ точномъ опредѣленіи легендарнаго событія. Тѣмъ не менѣе, это событіе, на основаніи лѣтописныхъ свидѣтельствъ, становится очень вѣроятнымъ. Зерно легенды заключается въ томъ, что основаніе, построеніе Москвы, а еще вѣрнѣе, прибрѣтеніе ея въ княжескую собственность, связано съ убійствомъ ея прежняго владѣльца изъ-за женщины, изъ-за любовныхъ связей. У Татищева находимъ новый вариантъ легенды, который въ основѣ нисколько не противорѣчитъ первому и дѣлаетъ указаніе очень важное въ хронологическомъ отношеніи. «Татищевъ, ссылаясь на мнимую раскольничью лѣтопись — говоритъ Карамзинъ — прибавляетъ, что Георгій любился съ женою Стефана Кучко *тысячскаго*; что мужъ, пользуясь отсутствіемъ князя, увезъ жену въ деревню на берегъ Москвы-рѣки и хотѣлъ бѣжать къ Изяславу; что Георгій, оставивъ подъ Торжскомъ войско, спѣшилъ избавить любовницу, убилъ мужа, дочь его выдалъ за Андрея и заложилъ городъ Москву.» Здѣсь для насъ важно указаніе, что Юрій пріѣхалъ въ Москву изъ-подъ Торжка. Это было въ 1147 г., именно въ годъ перваго лѣтописнаго свидѣтельства о Москвѣ: «Въ лѣто 6655, иде Гюрги воевать Новгородской волости, и пришедеъ взя *Новый торгъ* и Мьсту всю взя, а ко Святославу присла Юрьи, повелѣ ему Смоленскую волость воевати... и приславъ Гюрги и рече: приди ко мнѣ, брате, въ *Московъ* (въ Москову). Святославъ же ѣха

¹⁾ П. С. Р. I. XV, 225.

всѣ ему съ дѣтатемъ своимъ Олгомъ, въ малѣ дружинѣ, пойма съ собою Володимира Святославича; Олегъ же ѣха напередъ къ Гюргеви, и да ему пардусъ. И прѣйха по немъ отецъ его Святославъ, и тако любезно цѣловастанася, въ день пятоу, на похвалу св. Богородици, и тако быша весели. Наутрѣи же день повелѣ Гюрги устроить *обѣдъ силенъ*, и створи честь велику имъ, и да Святославу дары многи, съ любовію, и сынови его Олгови и Володимиру Святославичу, и мужѣ Святославлѣ учреди и тако отпусти ѡ...» Не смотря на отзывъ Карамзина, разсказъ Татищева еще болѣе вѣроятенъ, чѣмъ разсказъ первой легенды. Выборъ мѣста для «сильнаго обѣда» показываетъ, что Москва въ то уже время представляла всѣ необходимыя удобства для княжескаго пированія. А такъ какъ мы не знаемъ, была ли она до того времени княжескою вотчиною, и получаемъ, напротивъ, извѣстіе, что она была вотчиною тысяцкаго Кучки, перваго человека въ княжеской дружинѣ, знатнаго и необходимо богатаго, то съ большою вѣроятностію и можемъ предположить, что легендарное событіе могло случиться именно въ это время. Въ такомъ случаѣ, всѣ хронологическія данныя могутъ быть поставлены на своихъ мѣстахъ. Два сына Кучки — Петръ и Якимъ, явившіеся дѣйствителями кроваваго замысла противъ сына Юрьева Андрея въ 1174 г., — въ 1147 г., могли дѣйствительно быть дѣтьми. Сначала и Андрей могъ быть женатъ на Кучковнѣ, и болгарка могла быть его второю женою, которую онъ могъ привести плѣномъ въ первый разгромъ Волжскихъ болгаръ въ 1164 г., когда былъ взятъ и главный ихъ городъ Бряхимовъ. Впрочемъ мы, къ случаю, дѣлаемъ только пробу розысканій, которыми, по нашему мнѣнію, должно бы начинаться это подробное историческое и археологическое описаніе Москвы.

Есть еще вариантъ той же легенды, передѣланный, по всему вѣроятію, книжникомъ изъ старинной народной былинны, которая нѣкогда воспѣвалась или сказывалась народными пѣвцами. Она начинается такъ:

«Почему было на Москвѣ царствомъ быти, и это про тое вѣсть, что Москвѣ государствомъ слыти». Были на томъ мѣстѣ красныя села боярина Степана Ивановича Кучки. У боярина было *два сына*, вельми красны. Свѣдалъ про нихъ князь суздальскій Данила Александровичъ и началъ просить ихъ у боярина къ себѣ во дворъ; просить съ пригрозюю, хочеть мечемъ его побить и села его пожечь, если не отдасть сыновей. Кучко, убоися страха, отдалъ сыновей. Князю Данилу они очень полюбились, онъ пожаловалъ одного въ стольники, другого въ чашники. Полюбились юноши и княгинѣ Даниловой, *Улитъ Юрьев-*

нѣ, «возлюби красоту лица ихъ и діаволимъ разженіемъ смѣсися любезно». Затѣмъ умыслили они съ княгинею умертвить Данила, позвали его въ поле на охоту за зайцами и тамъ хотѣли исполнить свое злодѣйство. Но Данило убѣжалъ въ лѣсъ на конѣ, потомъ бросилъ коня и побѣжалъ вдоль Оки рѣки; встрѣтилъ перевозъ, но перевозникъ безъ платы перевозить не хочетъ, жалуется, что все его обманываютъ. Данило обѣщаетъ ему вмѣсто денегъ свой золотой перстень. Перевозникъ, коварно выманивъ перстень, отвалилъ отъ берега. Князь побѣжалъ опять вдоль Оки. Наступила ночь, и негдѣ ему было въ глухой дебри открыться. Случайно находитъ онъ струбець малъ, подъ которымъ былъ погребенъ кто-то мертвый человѣкъ. Забывши страхъ отъ мертвыхъ, онъ прачется на ночь въ этотъ струбець. Между тѣмъ Кучковичи оставались въ большой печали, что упустили изъ рукъ свою жертву. Они уже раскаявались и ожидали себѣ бѣды, когда Данила прибѣжитъ во Владимиръ и расскажетъ все брату Андрею Александровичу. Княгиня придумала средство отыскать князя. Она открываетъ Кучковичамъ, что есть у князя любимый песь, *выжлецъ*, который такъ любитъ князя, что гдѣ бы ни было найдетъ его слѣдъ. Побѣжалъ песь-выжлецъ, а за нимъ Кучковичи. Скоро они нашли Данила въ струбцѣ, убили его и въ этомъ же струбцѣ схоронили. Послѣ Данилы остался малолѣтній сынъ Иванъ Даниловичъ на рукахъ дядьки Давыда Тудермива ¹⁾. Спустя 2 мѣсяца по смерти отца, дядька тайно увозитъ малютку во Владимиръ къ дядѣ Андрею, и рассказываетъ про смерть Данилы. Андрей собираетъ войско (5,000 вой), идетъ на Суздаль. Кучковичи бѣгутъ къ отцу. Суздальцы выдаютъ свою княгиню Улиту. Андрей казнитъ ее и съ 3,000 суздальцевъ идетъ на Кучка, беретъ его въ плѣнъ и съ дѣтьми и казнитъ ихъ въ 1289 году, марта 17. Отомстивъ кровь брата, Андрей завладѣваетъ селами и слободами Кучки и остается жить въ нихъ, взявъ къ себѣ и малолѣтняго племянника Ивана. Потомъ онъ строитъ небольшой деревянный храмъ Благовѣщенія Богородицы, основываетъ около селъ городъ, назвавши его, по рѣкѣ Москвѣ, Москвою. А состроенъ градъ въ лѣто 1291 іюля 27. При постройкѣ ему способствуютъ суздальцы, владимирцы, ростовцы и всѣ окрестные.

Есть еще сказаніе, по которому основаніе Москвы припи-

¹⁾ Быть можетъ, это испорчено изъ *Тютрюмова*: «Въ 1405 году бысть чюдо на Москвѣ въ дому *Тютрюмовъ*: иде муро отъ иконы св. Богородицы и отъ чюд. Николы». (П. С. Р. Л. VIII. 78). Этотъ домъ могъ принадлежать потомку сказаннаго Давыда Тютрюма.

сывается князю Данилу Ивановичу. Поѣхалъ князь Данила изыскивать мѣсто, гдѣ бы создать себѣ градъ престольный, и взялъ съ собою нѣкоего гречина Василья, мудра и вѣдуща чему и впредь быти. И вѣхалъ съ нимъ въ *островъ* темень, непроходимъ, въ немъ же болото велико и толко, и посреди острова и болота узрѣлъ Данила звѣря превеликаго троеглаваго и видомъ прекраснаго. Гречинъ Василій заявилъ, что на семъ мѣстѣ созиждется градъ великъ и распространится царство треугольное... Князь Данила наѣхалъ въ томъ острову посреди болота *островецъ* малъ, а на немъ хижина, живетъ пустынный, емя ему Букаль и хижина словеть Букалова, и нынѣ на томъ мѣстѣ царскій дворъ ¹⁾. Послѣ того князь Данила наѣхалъ горы (крутицы), а въ горахъ хижину, а въ хижинѣ живетъ человекъ римлянинъ, имя ему Подонъ... на томъ мѣстѣ князь Данила восхотѣ домъ себѣ устроить... Подонъ же рече: здѣсь созиждутъ храмъ Божій и пребудутъ архіереи. Князь Данила, въ шестое лѣто, на хижинѣ Букаловѣ заложилъ градъ и нарече имя ему Москва, а въ седьмое лѣто на горахъ подонскихъ, на хижинѣ Подоновѣ, заложилъ церковь Спаса... Такъ фантазировали о зачатѣ Москвы въ XVII вѣкѣ. По всему вѣроятію, это сказаніе сочинено на Крутицахъ какимъ-либо досужимъ церковникомъ или монахомъ. Книжники и ученые XVII вѣка возводили начало Москвы во времена Мосоха, сына Іафеева...; другіе, болѣе скромные, во времена перваго князя Олега... Все это показываетъ, что умы XVII ст. интересовались происхожденіемъ этого сильнаго и славнаго города Москвы, ея зачатомъ, и рѣшали вопросъ каждый по своему. Но это были уже ученые, книжныя разсужденія, соображенія и догадки, все больше и больше удалявшіяся отъ эпической, древнѣйшей основы разсказовъ, присутствіе которой такъ замѣтно въ первыхъ легендахъ. Московскій эпосъ сохранилъ, да и не могъ забыть имена первыхъ своихъ героев князей Юрья, Андрея, Данила, Ивана, и боярина тысяцкаго, Степана Кучки; онъ только забылъ совсѣмъ года, смѣшалъ событія и самыя лица, и помнилъ одно, что городъ основанъ на крови, что кровь пролита по случаю любовныхъ связей. Столько же любопытны и народныя пѣсни о *Москвѣ-рыпкѣ-Смородинѣ*, которой одна изъ нихъ даетъ мифическій образъ красной дѣвицы ²⁾.

Какъ бы ни было, но первая страница исторіи Москвы должна начинаться изслѣдованіемъ именно объ этомъ любопытномъ

¹⁾ Въ 1615 году мая 31, упоминается церковь Воскресенія Христова, что на Букаловѣ. А. О. П. № 896.

²⁾ Лѣтописи русской литературы и древности, т. IV, статья г. Буслаева. Стр. 15—18.

эпическомъ времени ея происхожденія. Авторы какъ будто и не знаютъ о существованіи приведенныхъ легендъ, хотя съ ними легко было бы ознакомиться въ примѣчаніяхъ во 2-му тому «Исторіи» Карамзина. Одна изъ легендъ напечатана также въ XI книгѣ Временника Общ. И. и Д. Р. Такое молчаніе тѣмъ болѣе непонятно, что авторы упоминаютъ же о бояринѣ Степанѣ Кучкѣ и даже указываютъ новую легенду, будто онъ построилъ деревянный городокъ, назвавъ его, по имени рѣки, Москвою; упоминаютъ о пустынникѣ Буколѣ или Вуколѣ, говоря положительно, что на мѣстѣ его хижины срублена деревянная церковь въ честь Боголѣпнаго Преображенія (Т. II, 28)¹⁾, и вовсе не указываютъ на источникъ этихъ любопытныхъ свидѣній, вовсе не обозначаютъ даже времени, хотя бы приблизительно, когда жили этотъ Кучко и этотъ Буколь, и не раскрываютъ, по какой причинѣ ихъ имена занимаютъ мѣсто въ текстѣ сочиненія. Намъ кажется, что все это заслуживало болѣе внимательнаго обслѣдованія; но крайней мѣрѣ, эта статья въ исторіи Москвы несравненно важнѣе, чѣмъ напыщенная, хотя тоже довольно старая, явившаяся, вѣроятно, еще въ XVII ст., мысль называть Москву *седмихолмною*, уподоблять ее, по этой причинѣ, Риму и Византіи, мысль, которая не оставляетъ авторовъ въ статьяхъ перваго тома (стр. IV, 86), переносится во второй (стр. 2), и заставляетъ ихъ съ какою-то особенною заботливостію украшать свои разсужденія о ней самыми подробными ссылками на писателей, касавшихся, иной разъ по необходимости, какъ и мы въ настоящемъ случаѣ, этого пустого вопроса (стр. IV), или, вѣрнѣе сказать, этой пустой археологической фразы. Но таковы, вообще, приемъ ученой работы авторовъ. Они, напр., дѣлая ссылку, сравнительно очень значительную, въ три слишкомъ строки о томъ, какъ думали о семи холмахъ г. Сенковскій и г. Погодинъ, оставляютъ вовсе безъ разъясненія слѣдующую фразу: «Самая природа дала мѣсту Москвы *тройственное раздѣленіе, какое имѣли древніе города*; оно обозначалось тремя рѣками» и проч. Но какое же тройственное раздѣленіе имѣли древніе города, и какое тройственное раздѣленіе имѣла Москва соотвѣтственно своимъ тремъ рѣкамъ?

Мысль о семихолмн Москвы помѣшала авторамъ внести на свое мѣсто весьма важное свидѣтельство лѣтописи, что первый

¹⁾ При разсмотрѣніи этого сочиненія, мы имѣли возможность пользоваться также и первыми пятью листами втораго тома, еще незаданнаго, который начинается описаніемъ Кремля и заключаетъ, въ первыхъ пяти листахъ: I. Общее обозрѣніе; II. Церковь рождества Іоанна Предтечи; и III. Спасъ на Бору.

городъ въ Москвѣ, именно Кремль, построенъ княземъ Юріемъ въ 1156 году, какъ мы упоминали выше. Авторы совсѣмъ пропустили этотъ существенный для исторіи Москвы фактъ. За-то они за положительное рассказываютъ, что на трехъ рѣкахъ Москвы было множество мостовъ, роши (и это въ древнѣйшую эпоху) и *курени лѣса*¹⁾. О множествѣ мостовъ, да еще въ древнѣйшую первую эпоху Москвы, мы можемъ судить отчасти даже и по теперешнему состоянію города, въ которомъ пути сообщенія чрезъ рѣки, за исключеніемъ Неглинной, совсѣмъ покрытой мостовою, вообще не богаты мостами, отчего въ весенній разливъ, напр., на Москвѣ-рѣкѣ, подъ Дорогомиловымъ, и москвичи и особенно пріѣзжіе крестьяне положительно бѣдствуютъ и, въ ожиданіи перевоза на паромѣ, проѣдаютъ всѣ вырученныя на торгу деньги. Въ XVII ст., трудно было перебраться даже и чрезъ Неглинную. Въ 1642 году, новопоставленный патриархъ Іосифъ долженъ былъ, по тамошнему обычаю, совершать обхождение вокругъ всѣхъ городскихъ стѣнъ Москвы. Пришлось обходить Бѣлый-городъ: когда шествіе отъ Петровскихъ воротъ приблизилось къ Трубѣ и къ Неглинной, — «и чрезъ Неглинну мосту не было», патриархъ пошелъ вверхъ по рѣкѣ и перешелъ ее подъ Троицкою слободою (у Самотеки, Троица въ Троицкой—Вивл. VI, 253). Въмѣсто рошей и куреней лѣса, гораздо положительнѣе можно было бы сказать о *борѣ*, который дѣйствительно покрывалъ и окружалъ кремлевскую мѣстность, что засвидѣтельствовали древнія урочища, и о чемъ, однакожь, авторы промолчали въ своемъ короткомъ обозначеніи характера московской, т. е. собственно кремлевской мѣстности въ первую ея эпоху. Должно замѣтить, что о кремлевской мѣстности авторы даютъ самыя смутныя и невѣрныя представленія.

На V стр., они пишутъ: «На *гребнѣ* (любимое слово) *холма*, въ дѣтинцѣ (въ Кремлѣ), подъ боромъ при церкви Рождества Предтечи... срубленною (ѣ) въ бору, находился дворъ первосвятителя...» и ниже: «на *гребнѣ кремлевскихъ горъ*, на *бору* (воздвигнуть соборъ Архангельскій)». То холмъ, то горы и неизмѣнный гребень; то *подъ боромъ*, то *въ бору* и *на бору*. Неужели все это безразлично? Подъ боромъ значитъ въ концѣ бора, какъ именовалась замоскворѣцкая церковь Іоанна Предтечи, а

¹⁾ Выраженіе *курень лѣса* употребляется авторами довольно часто и, какъ намъ кажется, неправильно. Курень—слово областное, и въ отношеніи лѣса означаетъ лѣсокъ (Иркут.) и мѣсто, гдѣ вырубленъ лѣсъ. Правильнѣе было бы сказать—*острова*, *островы*, если авторы желали обозначать отъемныя части лѣса, какъ это обозначаетъ и приведенная легенда. См. Опытъ Об. словаря, Опытъ Термин. словаря и Толковый словарь, Дала.

на этой сторонѣ Ивановскій монастырь. На бору, какъ и въ бору, значитъ въ самомъ бору, какъ обозначалась кремлевскій церковь Іоанна Предтечи. Въ добавокъ, эта церковь никогда не стояла на *ребнѣ*, если разумѣть подь этимъ словомъ край, кручу холма или даже крутицу горъ, а такъ, видимо, разумѣютъ авторы, обозначая мѣсто Архангельскаго собора (см. выше). Она стояла по самой срединѣ, можно сказать въ центрѣ площади Боровицкаго крутого мыса ¹⁾, который образовался сляніемъ *рѣкъ* Москвы и Неглинной. Площадка эта въ діаметрѣ имѣла около 50 сажень и къ югу и къ западу спускалась кручами, а къ сѣверу и востоку соединялась на-ровни съ остальною площадью кремлевскаго крутого берега. Вся площадь кремлевской горы образуетъ мысъ по направленію отъ с.-в. къ ю.-з. или острый треугольникъ, вершина котораго направляется къ ю.-з., къ устью Неглинной, а основаніе примыкаетъ къ с.-в., гдѣ и сходится отлого къ Красной площади Китай-города. Какъ вершина, такъ и стороны образуютъ береговья кручи. Въ центрѣ вершины, на самомъ видномъ и казистомъ мѣстѣ, стояла древняя церковь Предтечи. Такое положеніе храма вполне оправдываетъ свидѣтельство лѣтописи, что это былъ первый по времени храмъ Москвы. Онъ, безъ сомнѣнія, построенъ былъ посрединѣ древнѣйшаго городища Москвы, именно того городища, которое срубилъ, въ 1156 году, кн. Юрій, какъ говоритъ лѣтопись, на устьѣ Неглинной, слѣдовательно, на самомъ кремлевскомъ мысу, о которомъ мы ведемъ рѣчь. Впослѣдствіи, посрединѣ же распространеннаго уже Кремля, при Калитѣ, построенъ соборъ Успенскій. Надо вообще замѣтить, что соборные храмы древнѣйшихъ городовъ, — кремлей или крѣпостей, всегда занимали срединное въ нихъ мѣстоположеніе.

Дальше (томъ II, стр. 2) авторы говорятъ, что одинъ изъ семи холмовъ, Боровицкій, находится, на трехъ рѣкахъ; на Москвѣ, Неглинной и Яузѣ, что онъ съ *косокурами* и *оврагами*. Боровицкимъ холмомъ сами же авторы (стр. IV) справедливо называютъ собственно кремлевскую гору. Какимъ же образомъ этотъ Боровицкій холмъ лежитъ, между прочимъ, и на Яузѣ? Напротивъ, онъ, пройдя кручею по Варваркѣ и вообще въ Зарядьѣ, удаляется на сѣверъ и образуетъ къ Москвѣ-рѣкѣ и устью Яузы обширную низину, чуть не на квадратную версту. На этой

¹⁾ *Остр-роид*, какъ въ старину обозначали такіа мѣстности. Всѣ древнѣйшія наши городища насипаны именно на такихъ «острогахъ», такъ что впослѣдствіи *городовъ* (Ходаков.), собственно укрѣпленіе, и *островы* стали синонимами, и острогами стали называться уже вообще укрѣпленныя мѣста, гдѣ бы такіа ни устранились.

изинѣ построенъ Воспитательный Домъ; въ старину же эта мѣстность называлась Васильевскимъ-Лугомъ, на которомъ былъ расположенъ государевъ загородный садъ, также называвшійся Васильевскимъ. Вообще, разстояніе отъ восточнаго ската Кремлевской горы и до устья Яузы простирается на цѣлую версту, даже слишкомъ; слѣдовательно, Кремлевскій собственно холмъ или Боровицкій, какъ одинъ изъ семи, на Яузѣ не лежитъ. Въ отношеніи кремлевскихъ овраговъ, авторы (т. II, стр. 2), продолжая свою рѣчь объ этомъ, свидѣтельствуютъ, что положеніе *оттинца*¹⁾, т. е. древнѣйшаго Кремля, «было неровное; холмы и косогоры тамъ смѣнялись оврагами и полными мѣстами...» Все это соображенія, ни на чемъ не основанныя, въ сущности однѣ только фантазіи, вызванныя лишь тѣмъ обстоятельствомъ, что будто бы «большая часть Кремля состоитъ изъ насыпи на грунтѣ...» Дѣйствительно, по случаю современныхъ намъ построекъ, обнаруживались въ разныхъ мѣстахъ кремлевской площади значительные пласты насыпной земли; но припомнимъ, что въ Кремлѣ люди жили и строились въ теченіе 700 лѣтъ; фундаменты, погребя и проч., впослѣдствіи заваленные и выровненные, остаются до сихъ поръ свидѣтелями, что въ Кремлѣ не осталось, быть можетъ, мѣста, гдѣ бы не жили люди. Очень понятно, что люди не одинъ разъ пересыпали съ мѣста на мѣсто верхній материкъ кремлевскаго холма и образовали почти всюду слой насыпной земли. Но даетъ ли это поводъ представлять себѣ древнѣйшій Кремль, какъ мѣстность холмистую и даже изрытую оврагами? даетъ ли это поводъ выражаться, наприм., такъ: «Когда еще холмы и овраги кремлевскіе покрывалъ дремучій боръ... на мѣстѣ хижины... пустынива Букола... срублена... церковь Спаса на бору» (т. II, стр. 28); или: «на гребнѣ одного изъ кремлевскихъ холмовъ, лежащихъ къ юго-западу, подъ боромъ, срублена была церковь Рождества Предтечи» (т. II, стр. 22)? Выше мы указали, что въ дѣйствительности было на этой мѣстности, и могла ли быть она отдѣльнымъ холмомъ, эта площадка въ 500 сажень въ діаметрѣ.

Мы ознакомились съ первыми тремя страницами сочиненія, и полагаемъ, что этого достаточно. Трудно исчерпать матеріалъ,

¹⁾ Не помнимъ, чтобы въ лѣтописныхъ или другихъ древнихъ текстахъ Кремль былъ названъ гдѣ-либо *оттинцемъ*. Если же онъ такъ не назывался, то едва ли требуется употреблять безразлично это древнее слово, содержащее въ себѣ свой особый смыслъ, который свойственъ лишь до-московской древности.

который даютъ авторы для критическаго разбора ихъ неточностей, невѣрностей, разныхъ обмолвокъ и недомолвокъ. Послѣдуемъ за ними въ ихъ изложеніи собственно исторіи Москвы.

Намъ кажется, что, приступая къ изложенію исторіи Москвы, авторы не трудились выяснить себѣ вообще задачу ея исторіи. Что такое исторія Москвы? Въ чемъ заключается смыслъ такой исторіи? Авторы, въ заглавіи своего труда, опредѣляютъ исторію Москвы, какъ исторію города. Но въ чемъ же должна заключаться исторія города, въ добавокъ, города первопрестольнаго, столицы обширнаго государства, города, который легъ краеугольнымъ камнемъ въ основаніе этого государства. Очевидно, Москва, какъ городъ, имѣетъ въ своей исторіи великій политическій смыслъ, котораго нельзя обойти даже въ мелочныхъ изысканіяхъ о какомъ-либо ея историческомъ урочищѣ. Что способствовало развитію Москвы, что способствовало ей изъ мелкой князей вотчины сдѣлаться центромъ, живымъ и сильнымъ центромъ всей русской земли? Не торговля, конечно, не образованность и никакія другія частныя условія народнаго развитія. Она развилась общимъ земскимъ дѣломъ, великимъ дѣломъ народнаго единства, великимъ политическимъ движеніемъ народа къ сознанію своей исторической цѣли. Если было такъ, то Москва должна была выразить, и въ дѣйствительности выразила, въ каждой линіи, въ каждомъ направленіи своихъ стѣнъ, улицъ и переулковъ, — великую народную, а не царскую только, идею политическаго единства. Она росла и развивалась по мѣрѣ того, какъ росла и развивалась въ народѣ эта идея. Каждый новый твердый шагъ этой идеи оставлялъ неизгладимый слѣдъ въ собственномъ ея гнѣздѣ, въ городѣ Москвѣ. На это укажетъ намъ исторія постройки московскихъ *городовъ*, т. е. собственно стѣнъ Кремля, Китая, Бѣлаго, Свородома или Деревянаго, впоследствии Земляного. Какая же реальная сила была представителемъ, олицетвореніемъ этой идеи? Какая реальная сила двигала ростомъ и развитіемъ города, какою закономъ управлялъ его постепеннымъ, такъ сказать, органическимъ распространеніемъ, его постепеннымъ заселеніемъ, самою конструкціею его плана? Какая стихія управляла жизнью города, именно въ смыслѣ его развитія, какая стихія давала питаніе ему, отчего онъ годъ отъ году добрѣлъ, наперекоръ врагамъ, наперекоръ чуть не ежедневнымъ пожарамъ, оставившимъ нерѣдко лишь одну обгорѣлую почву, голую, обезображенную землю, на которой снова возрождался городъ, какъ будто выросталъ изъ самой этой пережженной земли, какъ будто жизненныя силы его крылись въ этой закаленной почвѣ? Мы желаемъ указать

только на наличную, такъ сказать, первоначную силу, которая непосредственно создавала Москву, и вовсе не думаемъ оспаривать участіе въ ея развитіи другихъ народныхъ силъ, явившихся по необходимости сопутниками первой. Такою реальною силою былъ царь, представитель великой идеи народнаго единства. Москва въ сущности была царскою вотчиною, вотчинниковымъ дворомъ — посреди служебныхъ ему селъ и деревень, ставшихъ потомъ городомъ. Въ этомъ весь смыслъ ея исторіи. Съ первыхъ своихъ дней, пожалуй, хоть со временъ Степана Кучки и до Петра I, она остается *вотчиною* и тянетъ многими своими слободами и деревнями вотчинную службу лично на царя, какъ на своего помѣщика. Вотъ, прямой и непосредственный источникъ ея развитія историческаго и топографическаго. Она получаетъ жизнь вотчинниковымъ дворомъ, она развивается, растетъ и добрѣетъ изъ вотчинникова двора, какъ изъ своего сѣмени. Она, въ своемъ ростѣ изъ вотчины, становится государствомъ, царствомъ, вполне сохраняя въ этомъ высшемъ своемъ цвѣтѣ весь свой вотчинный типъ, т. е. всѣ соки, которыми въ теченіе вѣковъ держалась ея жизнь, и которые отсюда разливались по всей землѣ. Русское государство, это, по преимуществу — *вотчинное* государство, которое очень соотвѣтственно называлось, большею частію, *московскимъ* — вотъ плодъ жизненнаго развитія Москвы, вотъ та высшая историческая цѣль, которой принадлежало все ея существованіе. Совершивъ свой жизненный подвигъ, она осталась на покоѣ. Но и до сихъ поръ народъ живо чувствуетъ въ ней мать своего единства, и куда бы еще ни пошла русская жизнь, народъ никогда не охладѣетъ къ своей старой матушкѣ-Москвѣ, ибо ея только онъ возродился для государственнаго, а, стало быть, и для общечеловѣческаго развитія.

Итакъ, основной смыслъ исторіи Москвы есть *вотчинность*, единодержавіе, самодержавіе, что въ сущности одно и то же. Исторія московскаго вотчинника будетъ въ то же время и исторією Москвы. Если мы пожелаемъ узнать, *какъ* жилъ этотъ вотчинникъ, то мы тутъ же узнаемъ, *какъ* устроивалась и выростала Москва. Нужды, потребности вотчинника, его намѣренія и стремленія, его вѣрованія, его печали и радости — весь онъ самъ выразился самымъ осязательнымъ, нагляднымъ образомъ въ этомъ его старомъ дѣдовскомъ жилищѣ, въ этомъ его *дворѣ*, который мы зовемъ Москвою. Здѣсь мы въ его домѣ, здѣсь мы всюду съ нимъ встрѣтимся: и въ памятникѣ водчества, и въ мелкой вещицѣ домашняго обихода, и въ расположеніи и планѣ этого обширнаго его жилища, и въ имени мѣстности,

обозначившемъ не только роды, но и виды разныхъ службъ хозяину дома. Намъ кажется, что въ Москвѣ, и именно въ старой, древней, до-петровской Москвѣ, ничего другого нельзя было и замѣтить, какъ ея царя-хозяина, ея вотчинника. Все остальное имѣло относительный, такъ сказать, прикладной смыслъ. Все остальное являлось по тому, что такъ нужно было вотчиннику, являлось, какъ необходимое условіе его жизни, какъ потребность этой жизни, — являлось, однимъ словомъ, для удовлетворенія нуждъ, стремленій, желаній, вѣсусовъ, намѣреній вотчинника. А патриархъ, возразить намъ, а церковность? развѣ она не была такою же дѣйствующею силою въ созданіи Москвы? Церковность, дѣйствительно, была сильною силою въ развитіи не одной Москвы, но каждаго стараго города. Соборный храмъ былъ всегда сердцемъ такого города: св. Софія въ Новгородѣ, св. Троица въ Псковѣ, — сливали во-едино высшіе интересы горожанъ, единили ихъ патриотическія сердца, направляли дѣла всей области. Но такъ было именно въ тѣхъ городахъ, начало которыхъ и ихъ развитіе совсѣмъ было иное, нежели начало и развитіе Москвы. Такъ было въ городахъ по преимуществу *отчезыхъ*. Въ Москвѣ, церковность занимаетъ все-таки второстепенное мѣсто, подлѣ государя-вотчинника. Главнымъ и непосредственнымъ дѣятелемъ города является *онъ*, вотчинникъ, а не архіепископъ, какъ, напримѣръ, въ извѣстное время въ Новгородѣ. Въ этомъ и состоитъ различіе исторіи Москвы отъ исторіи старыхъ вѣчевыхъ городовъ.

Но какъ бы ни было, нашъ вопросъ въ томъ, замѣтили ли авторы въ исторіи Москвы главную силу ея жизни и развитія, главное, первое лицо ея исторической повѣсти? Излагая — подробно ли, въ очеркѣ ли — исторію такого города, какъ Москва, нельзя же не напасть на эту силу, на это лицо, нельзя же было не почувствовать присутствія этой силы, и остаться съ мыслью, что Москва росла такъ-себѣ, сама собою, отъ разныхъ историческихъ случайностей и событий. Но напрасны наши ожиданія! Авторы какъ будто живутъ назадъ тому лѣтъ 50, какъ будто они не слышали и не видѣли всего того, что произошло въ теченіи этого пятидесятилѣтія въ наукѣ русской исторіи. Время ихъ — еще до-карамзинское время. Они не усвоили себѣ не только никакого *историческаго* взгляда на свой предметъ, даже и карамзинскаго, но не усвоили и тѣхъ научныхъ приемовъ, которые легли въ основу труда нашего, по истинѣ, бессмерт-

лаго историка, и безъ которыхъ невозможна никакая историческая, ни археологическая работа. Хотя и должно замѣтить вообще, что трудъ Карамзина — мы говоримъ особенно о примѣчаніяхъ къ «Исторіи» — по характеру своихъ критическихъ требованій, по своей отчетливости, точности, ясности, изыскательности, по ширинѣ взгляда на предметъ, остается среди нашихъ генерешнихъ трудовъ какимъ-то недосягаемой высоты памятникомъ, — однако, съ того времени наука успѣла уже многимъ воспользоваться, многое она приняла, такъ сказать, въ свои нравы, въ свои обычаи, и было бы, по меньшей мѣрѣ, удивительно — не слѣдовать этимъ почтеннымъ и вполне наукою оправданнымъ нравамъ и обычаямъ. По крайней мѣрѣ, если не всякому подъ силу воздвигнуть себѣ такой памятникъ, то каждому изъ насъ весьма полезно почаще разглядывать, какъ и изъ чего онъ сложенъ, почаще смотрѣть въ него, дабы усвоить и своему труду тотъ строго-научный и многосторонній взглядъ, по поводу всякаго, даже и исключительно мелочнаго розысканія. Въ своей «Исторіи», Карамзинъ, конечно, во многомъ уже устарѣлъ, отсталъ, но въ своей критической изыскательности, въ ученоемъ тактѣ, въ археологическомъ чутьѣ, если можно такъ выразиться, съ которыми онъ велъ комментарий къ своей «Исторіи», — онъ все еще молодъ, все еще впереди насъ, все еще указываетъ намъ путь; хотя, по правдѣ, мы очень рѣдко ему слѣдуемъ. И лучшимъ доказательствомъ этому служить подлежащее сочиненіе.

Въ изложеніи исторіи Москвы авторы нисколько не обнаружили никакого знакомства съ современнымъ состояніемъ русской исторической науки, съ тѣми ея приобрѣтеніями, которыя совершены въ послѣднія 20 — 30 лѣтъ. Они нигдѣ не обнаружили никакого знакомства съ усвоенными уже наукою общими выводами о существенномъ смыслѣ нашей исторіи и, особенно, въ ея московскій періодъ. Мы не говоримъ уже о совершенномъ отсутствіи какого-либо связнаго взгляда вообще на задачу исторіи. Для нихъ исторія есть простой, хронологическій пересказъ по княженіямъ и царствованіямъ всего того, что касается, а въ иныхъ случаяхъ даже и того, что вовсе не касается Москвы, т. е., по крайней мѣрѣ, ея исторіи. Они не сумѣли отличить простой, сырой историческій или археологическій матеріалъ отъ исторіи, и потому назвали исторією — одно лишь хронологическое размѣщеніе этого матеріала, размѣщеніе, большею частью, не совсѣмъ складное, вовсе необнаруживающее критической научной работы и обозначившее только стремленіе занести на страницу все, годное и негодное, что случайно попало подъ руку.

Ни одинъ вопросъ, не то, что не обследованъ, а даже и не обставленъ матеріаломъ сколько-нибудь полно и кругло. Что случайно попало, то и вмѣщалось въ страницу и, очень нерѣдко, съ совершеннымъ abruptly, съ неожиданнымъ обрывомъ, безъ малѣйшей связи, безъ всякаго соотношенія съ предъидущимъ и неслѣдующимъ. Для доказательства, указываемъ на любую страницу, гдѣ именно сводятся разнородныя указанія и факты.

Въ исторіи Москвы одно изъ видныхъ мѣстъ занимаетъ ея распространеніе и, стало быть, постепенное размноженіе ея населенія. Взглянемъ, какимъ образомъ выясненъ авторами этотъ интересный вопросъ. Выдавъ за положительное, что деревянный городокъ Москву построилъ Кучко (стр. III), они ни слова не сказываютъ о томъ, сколько именно мѣста могъ занимать этотъ первый городокъ; все ли пространство теперешняго Кремля онъ занималъ, или только часть его, и какую часть, и гдѣ именно, ибо нынѣшній Кремль обширенъ. Недостаточно сказать: на Боровицкомъ холмѣ, надъ Москвою-рѣкою. Лѣтопись, относя постройку перваго города къ кн. Юрію и къ 1156 г., прямо указываетъ, что — на устьѣ Неглинной, слѣдовательно, въ ю.-в. углу нынѣшняго Кремля, на мысѣ Кремлевской горы. Но авторамъ совсѣмъ не было извѣстно это важное свидѣтельство. Затѣмъ, по порядку слѣдовало бы ожидать розысканій о первыхъ церквахъ Москвы, тѣмъ болѣе, что на церкви почти исключительно устремлены изысканія и указанія авторовъ. Но, упоминая о *множествѣ* мостовъ, о *седми* холмахъ, они не говорятъ о церквахъ ни слова и начинаютъ свои указанія о нихъ только съ обзоренія времени Ивана Калиты. Положимъ, что извѣстія объ этомъ очень скудны, но нельзя же оставлять здѣсь пробѣла, не объяснивъ даже, почему долженъ существовать такой пробѣлъ. Уже въ нашествіе Батые, въ 1237 г., а не въ 1238 г., какъ говорятъ авторы, Москва является довольно значительнымъ городомъ. Вотъ, что говоритъ лѣтописецъ: «А татарове идоша въ Мосевѣ. Тое же зимы взяша Москву татарове, а воеводу убиша Филипа Няна за правовѣрную хрестыанскую вѣру, а князя Володимера яша руками, сына Юрьева, а люди избивша отъ старьца и до сущаго младенца, а *градъ и церкви святыя* огневи предаша, и *монастыри* вси и села пожгоша, и много имѣнья вземше отъидоша». (П. С. Р. Л. I, 196). Авторы же указываютъ только, что Москва испытала въ то время одинаковую участь со всею Россіею. Не въ участіи дѣло, и не объ этомъ должна идти главная рѣчь. Дѣло въ томъ, *какова* была Москва въ это нашествіе. Она была *градъ*, въ ней были *церкви* и даже *монастыри*, — вотъ что важно и чего вовсе не

замѣтили авторы. Упоминають же они о московскомъ князѣ **Михаилѣ** Хоробритѣ. Позволительно, даже необходимо было сдѣлать догадку: не онъ ли въ честь своего ангела построилъ церковь св. Михаила, которая, впоследствии, стала Архангельскимъ соборомъ. Такія догадки въ нашей исторіи почти всегда оправдываются самымъ дѣломъ, ибо извѣстно, что созиданіе храмовъ въ честь своихъ тезоименитыхъ ангеловъ было въ древней Руси дѣломъ общаго благочестиваго обычая. Упоминають авторы, что преемникомъ Хоробрита былъ Даниилъ, сынъ Невскаго, тогда какъ Хоробритъ былъ убитъ Литвою, по ихъ же словамъ, въ 1248 г., а Даниилъ только родился въ 1261 г., слѣдовательно, его преемникомъ уже никакъ быть не могъ.

Одна изъ легендъ о началѣ Москвы упоминаетъ, напримѣръ, что кн. Андрей Александровичъ, братъ Даниила, воздвигъ деревянную церковь Благовѣщенія (соборъ Благовѣщенскій) въ 1291 г., «невелику сущу, построилъ градъ и устроилъ Божія церкви многи». Положимъ, что объ этомъ говоритъ легенда, сказаніе сомнительное; но все же было необходимо критически оцѣнить такое свидѣтельство, тѣмъ болѣе, что въ немъ, какъ увидимъ, есть много правды. Въ 1293 г., Москва взята татарами; но въ 1308 году, она снова является крѣпкимъ городомъ, ибо тверской князь Михаилъ приходилъ тогда въ ней ратью со мноюю силою, «и бысть бой у Москвы... а града не взя и не успѣвъ ничто же, возвратися». (П. С. Р. Л. VII, 185.)

О церквахъ, ихъ количествѣ, мы можемъ судить по извѣстіямъ о пожарахъ. Подъ 1343 г., лѣтописецъ замѣчаетъ: «Мая 31, погорѣ городъ Москва, церковей изгорѣло 28, въ пятнадцать лѣтъ (1328 — 1343), се уже на Москвѣ четвертый пожаръ бысть великой». Дѣйствительно, въ 1337 г., «бысть пожаръ на Москвѣ (Москва вся погорѣ), згорѣ церковей 18; въ 1331 г. мая 3, бысть пожаръ на Москвѣ, погорѣ городъ Кремль» (П. С. Р. Л. VII). Этихъ свидѣтельствъ не приведено вовсе у авторовъ, но они важны, ибо даютъ понятіе, что и до времени Калиты, еще при его братѣ Юрьѣ, Москва, судя по числу церковей, была уже достаточно населена. Они же служатъ подтвержденіемъ свидѣтельству о церквахъ Москвы, разоренной, опустошенной Батыемъ. Пропустивъ эти первыя свидѣтельства о количествѣ церковей въ древней Москвѣ, авторы (стр. VI) совершенно случайно, обрывочно, упоминають, что, въ 1354 г., въ ней сгорѣло 13 церковей. Это событіе случилось уже не при Калитѣ, какъ помѣщаютъ его авторы, а при другомъ сынѣ Калиты, Иванѣ. О немъ лѣтописецъ говоритъ такъ: «Погорѣ городъ Москва *Кремникъ* весь, церковей сгорѣло 13» (П. С. Р. Л.

VIII). Итакъ, для характеристики Москвы въ первую ея эпоху, до Калиты, авторы не собрали даже очень извѣстныхъ и притомъ очень необходимыхъ свидѣтельствъ. Очень естественно, поэтому, что они не могли замѣтить и общаго смысла въ дѣятельности Калиты.

Иванъ Даниловичъ Калита, въ отношеніи устройства Москвы, является такимъ же неустаннымъ дѣтелемъ, какимъ въ концѣ XV вѣка былъ его достойный потомокъ в. к. Иванъ Васильевичъ. Онъ строитъ (1326 г.) *первую каменную* церковь Успенія (соборъ) *на площади*; тамъ же строитъ (1329) каменную же церковь Іоанна Лѣствичника (Иванъ Великій). Въ 1330 г., онъ строитъ *близъ своего двора каменную* церковь Спаса и учреждаетъ при ней монастырь. Это — Спасъ *на Бору*. Обозначеніе урочища на Бору можетъ указывать, что и эта церковь одна изъ древнѣйшихъ въ Москвѣ, ибо во время Калиты едва ли оставался здѣсь боръ, когда вблизи была *площадь* и дворъ в. князя. Лѣтомъ 1333 г. (а не 1330, какъ сказано авторами, стр. V) онъ строитъ *каменную* церковь Архангела Михаила (Архангельскій соборъ), а въ зиму 1339 — 1340 г. (а не въ 1346 г., какъ сказано на стр. VI) обноситъ городъ, т. е. Кремникъ, *дубовыми* стѣнами, чрезъ два года послѣ пожара, когда сгорѣла *вся* Москва. Такимъ образомъ, Иванъ Калита *камнемъ* утверждаетъ вѣковѣчныя мѣста и донинѣ существующихъ всѣхъ почти главныхъ зданій Кремля; онъ чертитъ окончательный планъ будущаго Кремля. Объ этихъ постройкахъ упоминаютъ и авторы, но упоминаютъ безъ всякаго единства мысли, безъ всякой связи, размѣщаютъ эти извѣстія между различными фразами, изъ которыхъ одна, на примѣръ, свидѣтельствуетъ, что Москва была *«посредницею (при Калитѣ!) торговыхъ оборотовъ съверо-востока съ юго-западомъ...»* Авторы какъ будто не понимаютъ всей важности таковаго замѣчанія именно для исторіи Москвы. Но это только фраза. Во фразахъ потонуло и главное дѣло — личность Калиты, какъ строителя и устроителя Москвы, какъ перваго начинателя той московской политики, преданіями которой жило его потомство и со славою окончило свое поприще, объединивъ окончательно русскую землю. Неужели общее и потому слишкомъ безцвѣтное замѣчаніе, что *«Калита заботился о распространеніи своихъ владѣній, о населеніи своей отчины Москвы и умноженіи своихъ доходовъ»* (стр. VI), можетъ хоть сколько-нибудь характеризовать его настоящую дѣятельность? Если и время Калиты въ исторіи Москвы не получило у авто-

ровъ надлежащей выпуклости, то что же говорить о ближайших его преемниках? «Два кратковременныя княженія Іоанна II и Симеона — говорятъ авторы, ставя почему-то имена не хронологически — не оставили слѣдовъ въ Москвѣ». Однакожь, время Симеона, который, какъ старшій сынъ, непосредственно слѣдовалъ за отцомъ своимъ, Калитою, очень замѣчательно по дѣятельности другого рода. При немъ всѣ выстроенныя Калитою церкви были украшены стѣннымъ иконописаніемъ. Въ 1344 г., на другое лѣто послѣ пожара, когда въ Москвѣ сгорѣло 28 церквей и когда, вѣроятно, были возобновлены оставшіяся церкви каменные, «початы быша подписывати двѣ церкви: Успеніе Пречистыя и Архангелъ Михаилъ». Пречистую подписывали греки, иконописцы митрополита Теогноста, и окончили свое дѣло въ одно лѣто; а Архангела — «подписывали Рустіи писци и ни половины не кончили, величества ради церкви тоя». На другое лѣто, въ 1345 г., «почана подписывати Спаса въ монастырѣ (на бору)», а мастеромъ былъ старѣйшина Гойтанъ, также русскій, ученикъ грековъ (гойтанъ, значитъ — шуръ, поясъ, гашникъ). На третье лѣто, въ 1346 г., кончали подписывать три церкви — Спаса, Архангела и Іоанна Лѣствичника. И тогда же были слиты три волокола большихъ, да два малыхъ, а лилъ мастеръ Бориско, который слилъ «волоколъ великъ» и для новгородской св. Софіи. Такимъ образомъ, первые годы княженія Симеона служатъ какъ бы продолженіемъ дѣятельности Калиты и оставляютъ память въ исторіи водвореніемъ въ молодой Москвѣ иконописнаго и литейнаго художествъ. Оставить безъ вниманія такое обстоятельство, какъ это сдѣлали авторы, по нашему мнѣнію, не позволила самая задача ихъ труда.

Въ обзорѣніи княженія Ивана Калиты авторы касаются древнѣйшаго состава города и говорятъ, что, «въ концѣ XIV вѣка, Москва уже состояла изъ *города* или дѣтинца, загородка и зарѣчья». Первое свѣдѣніе о составѣ города мы получаемъ изъ лѣтописнаго свидѣтельства о пожарѣ Москвы въ 1365 г., гдѣ сказано: «Загорѣся городъ Москва отъ Всѣхъ Святыхъ¹⁾ сверху (рѣки Москвы) отъ Чертольа (Пречистенки) и погорѣ *посадъ* весь и *Кремль* и *Зарѣчье*...» Вотъ, точное и правильное обозначеніе состава древней Москвы, которымъ, къ сожалѣнію, авторы не пользуются и употребляютъ, вмѣсто *посадъ* — загоронокъ, слово, не точно выражающее сущность дѣла. Неизвѣстно, на какомъ основаніи они говорятъ тутъ же, что, при построеніи дубоваго города

¹⁾ Церковь, бывшая у городской стѣны, *от саюу*, (XVII ст.) и разобранныя по случаю постройки храма Христа-Спасителя.

при Калитѣ, *главными възвѣдными воротами* были *боровицкіе*, а не томъ фроловскіе или спасскіе. Главными воротами Кремля *всегда* были и есть одни спасскіе, ибо они вели съ *торгу* или съ *большого посада*, а боровицкіе всегда имѣли значеніе дворцовое, *имѣя* болѣе значеніе калитки Кремля, чѣмъ воротъ, ибо они вели въ *всѣмъ* хозяйственнымъ и служебнымъ слободамъ и мѣстамъ *княжескаго* дворца, да и въѣздъ въ нихъ былъ до крайности *крутъ* даже еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Чтò же было при Калитѣ? Изъ нихъ хорошо было *вѣдять* на *подолъ* Кремля, въ житному двору. Они и построены собственно въ стѣнѣ, *калиткою*, а не въ башнѣ, т. е. не *воротами* городовыми въ *прямомъ* значеніи, каковы были трое настоящихъ воротъ: спасскіе, *никольскіе*, *троицкіе*.

Давая подобныя невѣрныя указанія, авторы все-таки ни слова не сказываютъ о пространствѣ, какое занимала Москва Калиты, съ своимъ посадомъ и зарѣчьемъ; гдѣ были концы, предѣлы этого посада и этого зарѣчья; какую окружность представляло тогдашнее населеніе Москвы?

Послѣ великаго пожара, на другой же годъ, въ 1366 г., в. к. Дмитрій замыслилъ поставить городъ Москву *камень*. «Въ ту зиму и камень повезоша ко граду, а весною 1367 начали ставить». Замыселъ былъ необходимый. Каменные стѣны тотчасъ же пригодились для защиты и отъ другого врага. Послѣ сорокалѣтней тишины, Москва при Донскомъ испытала, въ 1368 г., *первое зло* отъ Литвы. Приходилъ Олгердъ; внезапно явился и сталъ около города. Москвичи, однакожъ, успѣли выжечь посадъ, боясь *примету*, т. е. приступу. Три дни и три ночи простоялъ Олгердъ, но города не взялъ, за-то остатокъ посада «пожже и монастыри и церкви и волости и села попали»... Въ 1370 г., Олгердъ снова подошелъ въ Москвѣ, стоялъ 8 дней и только *посады* «пожже, но не весь, а волости повоева и пожже...» Въ 1382 г. августа 26, Москва-городъ былъ взятъ, *разоренъ* и сожженъ царемъ ордынскимъ Тактамышемъ. Сказаніе объ этомъ событіи указываетъ на устройство крѣпости: *въ ней* были *забрама* градныя, стѣны каменныя, а врата желѣзныя, стрѣльницы (башни), около рвы.... Нельзя пройти молчаніемъ и того обстоятельства, что, на время осады, «*книиз* толико множество снесено со всего города и изъ загорожья и изъ сель, и въ соборныхъ церквахъ до тропа (стропа, свода) наметано, съкраненья ради спроважено, — то все безъ вѣсти створиша, все пропало, *пожжено* огнемъ». Вообще, сказаніе о нашествіи Тактамышя раскрываетъ и богатство и населенность города, *ибо*, по его свидѣтельству, когда окончилось бѣдствіе, горожане похоро-

или будто бы 24,000 труповъ. «Быль дотолѣ градъ Москва великъ и чуденъ и много людей въ немъ княше богатствомъ и славою, превзыде вся грады въ рустѣй земли честію многою...» Жизнь Москвы, однакожъ, въ это уже время такъ крѣпко сложилась, что ни эти страшныя нашествія, отъ которыхъ гибло, было уводимо въ плѣнъ столько людей, ни пожары, сопровождавшіе такія нашествія или же очень часто отъ домашнихъ причинъ возникавшіе и истреблявшіе столько богатства, столько накопленнаго труда, — ничто не могло ослабить, обезсилить этотъ зародышъ нашей политической жизни. Москва снова молодѣла, снова крѣпла въ своихъ силахъ, послѣ каждаго такого событія. Даже внѣшнимъ своимъ видомъ она становилась красивѣе, богаче. Все крѣпче и прочнѣе она создала свой внѣшній образъ, свою скорлупу, если возможно такъ выразиться, эту видимую оболочку своей внутренней невидимой исторической силы. Сколько разъ мѣстность ея поливалась сплошь кровью, выгорала до почвы... Школа Москвы есть школа великихъ бѣдствій, великихъ ужасовъ и несчастій, которыя, падая на даровитую почву, возбуждали только еще больше силъ и стремленій.

И вотъ черезъ, 8 лѣтъ послѣ нашествія Тавтамыша, когда на мѣстѣ Москвы, и посада и Кремля, ничего иного не было видно, какъ дымъ и земля, «трупія мертвыхъ многихъ лежаща, церкви запалены и падошася, каменные выгорѣвша внутрѣ и огорѣвша внѣ... и все бяше видѣти пусто, ни единого челоуѣка видѣти по пожару ходяща...» Послѣ такого несказаннаго бѣдствія, чрезъ 8 лѣтъ, мы слышимъ отъ лѣтописца, что, въ новый пожаръ 22 іюня 1390 г., на *посадѣ* Москвы *нѣколко тысячъ дворовъ сгорѣ*. Затѣмъ чрезъ 5 лѣтъ на томъ же *посадѣ* снова *сгорѣ нѣколко тысячъ дворовъ* (П. С. Р. Л. VIII, 60—65). Такимъ образомъ, достаточно было пяти-шести лѣтъ, чтобы *посадѣ* снова молодѣлъ свѣжими постройками, тысячами дворовъ. Явилась мысль оградить его, по крайней мѣрѣ, ровомъ, на случай приступа враговъ, а, быть можетъ, и съ цѣлію охранить отъ частыхъ пожаровъ. Въ 1394 г., осенью, «замыслиша ровъ копати и почаша съ *Кучкова поля*, а конецъ въ Москву рѣку, шириною въ сажень, глубиною въ ростъ челоуѣка. Много бысть убытка людямъ, потому что поперекъ дворовъ копаша и много хоромъ разметоша, а не учиниша ничтоже, а ничего не достыша.» Вотъ все, что по этому поводу сказано въ лѣтописи, которая при этомъ свидѣтельствуетъ, что замысль почему-то не удался, не довелъ до цѣли (быть можетъ относительно сооруженія укрѣпленій) и былъ оставленъ, ибо *посадѣ*, какъ увидимъ, остался все-таки безъ защиты. Не такъ выходитъ по словамъ авторовъ.

Они присовокупляютъ отъ себя, что ровъ былъ конанъ, мѣсто прочтѣмъ, для *расширенія* посада, и, не сказавъ ни слова о томъ, что «замысломъ ничего не доспѣша», положительно утверждаютъ слѣдующее: «Ближній посадъ, примыкавшій къ каменному городу, укрѣпленъ былъ *деревянными стѣнами одамъ большаго устья* по берегу Москвы-рѣки, Яузы и Неглинной» (стр. VIII). Откуда все это взято — Богъ-вѣсть! Какая это *большая улица*, которая тянулась по берегу Москвы-рѣки, по берегу Яузы, по берегу Неглинной? Очевидно, что авторы говорятъ объ основаніи *деревянныхъ стѣнъ* кругомъ всего Китай-города. Лѣтописецъ объ этомъ молчитъ, а топографія указываетъ каждому, что стѣны Китая и теперь отстоятъ отъ устья Яузы больше, чѣмъ на полверсты, а отъ ея потока больше чѣмъ на версту, ибо ея потокъ идетъ почти перпендикулярно къ стѣнамъ Китая и только устьемъ подходитъ къ нимъ на указанное разстояніе. Извѣстно, что, только въ 1534 г., «сдѣланъ бысть градъ на Москвѣ *земляной* по тому мѣсту, гдѣ «мыслилъ ставити в. к. Василій Ивановичъ», въ тотъ годъ умершій, что сдѣланъ градъ *на большее пространство* Москвы, что «хитрецы устроиша его вельми мудро, наченъ отъ каменныя большія стѣны (отъ Кремля) *исплеташу тонкій мѣсъ* около большаго древія и внутрь насыпаху землю и вельми крѣпко утвержаху и ведоша по рѣцѣ Москвѣ и приведоша къ той же каменной стѣнѣ (со стороны Неглинной) и на версѣ устроиша градъ *древяный* по обычаю (т. е. помость съ кровлею, для защиты)... и нарекоша граду имя *Китай*»¹⁾; что на постройку града былъ сборъ серебра съ боярства, духовенства и всѣхъ торговыхъ людей; что въ томъ же году, а, по другой лѣтописи, на другой годъ, на большее утвержденіе граду, в. к. Елена съ сыномъ повелѣла заложить вокругъ града Китая каменную стѣну, «повелѣла градъ *каменъ* ставити *подлѣ земляной городъ*». Тогда же, 16 мая 1535 г., по освященіи мѣста, подошву градную основалъ мастеръ Петръ Малой Фрязинъ. (Сравни., стр. XV).

Время Василья Дмитриевича также извѣстно украшеніемъ иконописью возобновленныхъ послѣ пожаровъ, а частію и вновь сооруженныхъ церквей. При немъ построена и подписана (1393—1395 года) церковь Рождества Богородицы (впослѣдствіи у

¹⁾ Прозваніе *Китай*, по всему вѣроятію, значитъ: *плетенный*; ибо *китай* есть веревка, сплетенная или свята изъ травы; *китай* — плетенница, витумка, веревка изъ травы, соломы, изъ хворосту, которою вяжутъ одонья, кровли; *китай*, *китай*, вообще означаютъ длинный стебель, и также соломенную веревку. Описанное устройство китай-городскихъ первыхъ стѣнъ вполне можетъ подтверждать такой смыслъ этого прозванія. *Толковый Словарь Даля*.

(арицы-на-сѣнехъ), подписаны соборы Архангельскій (1399 г.) и Благовѣщенскій (1405 г.). Мастерами, при расписываніи первыхъ двухъ церквей, были: Теофанъ Гречинъ, Семенъ Черный, съ ихъ учениками, въ числѣ которыхъ находился, какъ можно предполагать, и знаменитый *Андрей Рублевъ* (Радонежскій), расписывавшій, въ 1405 г., соборъ Благовѣщенскій, вмѣстѣ съ старцемъ (монахомъ) Прохоромъ съ Городца (Радонежа?), и въ 1408 г. великую церковь Владимірскую, вмѣстѣ съ иконикомъ Даниломъ. Около того же времени (1404 г.), великій князь поставилъ на своемъ дворѣ часы чудны вельми и съ луною, устроенные Лазаемъ Сериномъ.

Изъ этихъ свидѣтельствъ мы справедливо можемъ заключать, что, вопреки нѣкоторымъ мнѣніямъ, иконописное искусство, безъ сомнѣнія, рядомъ съ другими, не только не было чуждо Москвѣ, а, напротивъ, въ лицѣ Андрея Рублева, монаха Сергиевскаго монастыря, достигло такой высоты, на которую указывалъ, какъ на образецъ, даже XVI-й вѣкъ (Стоглавъ), которую и теперь знатоки признаютъ выше всего, что осталось въ этомъ отношеніи отъ русскаго древняго искусства. Стало быть, въ это время въ Москвѣ процвѣтала очень замѣчательная иконописная школа, и потому, намъ кажется, что Андрей Рублевъ съ своимъ искусствомъ имѣютъ несравненно больше историческаго права быть упомянутыми на своемъ мѣстѣ въ подробной исторіи Москвы, чѣмъ, напримѣръ, Эдигей, нашествіе котораго окончилось ничѣмъ: сожженъ былъ, по обыкновенію, самими же жителями только посадъ. Авторы вообще съ большою охотою рассказываютъ подробности *событій*, которыя иной разъ совсѣмъ не касаются исторіи Москвы, какъ города. Такъ, они подробно излагаютъ междоусобіе Василія Темнаго съ дядею и братьями, которое, какъ фактъ, для исторіи Москвы-города, не имѣетъ ни малѣйшей цѣны. Въ противномъ случаѣ, пришлось бы пересказывать весь московскій періодъ русской исторіи.

Обозрѣвая княженіе Темнаго, авторы отмѣчаютъ, что «митрополитій дворъ съ прежняго мѣста *подъ боромъ* перенесенъ ближе къ великокняжескому двору и Успенскому собору (XI). Но когда это послѣдовало? При Темномъ? Въ это время, въ 1450 г., митрополитъ Іона выстроилъ только на *своемъ дворѣ* палату камену, а въ ней церковь Положенія Ризы Богородицы. Митрополитій дворъ при Петръ-митрополитѣ находился близъ церкви Іоанна Предтечи *на бору*, а не *подъ боромъ*, — первой соборной церкви въ Москвѣ, и перенесенъ оттуда не при Темномъ, ибо нѣтъ свидѣтельствъ на это, а, по всему вѣроятію, еще при Калитѣ, когда былъ выстроенъ новый соборъ Успенскій, подлѣ

котораго и основался митрополитъ съ сѣверозападной стороны. Въ Нивоновской Лѣтописи даже прямо сказано, что митрополитъ Петръ «заложи на Москвѣ, на площади, у своего двора, церковь первую каменну» и проч. (Ник. III, 130).

Подобными неточностями разбираемое сочиненіе, можно сказать, изобилуетъ. Такъ, приступая къ обзорѣнію государственнаго в. в. Ивана Васильевича, авторы отмѣчаютъ: «Въ Кремлѣ, мѣсто Ордынскаго подворья заступила церковь Николая Гостунскаго, а мѣсто Ханскаго конюшеннаго двора — Чудовъ-монастырь» (стр. XII). Читатель будетъ введенъ въ заблужденіе, ибо извѣстно, что Чудовъ-монастырь основанъ митрополитомъ св. Алексіемъ, за 12 лѣтъ до его кончины; въ 1377 г., въ годъ кончины, онъ и погребенъ тамъ въ церкви Михаила-Чуда. Въ 1501 г., Иванъ Васильевичъ разобралъ ветхую церковь, построенную Алексіемъ, и выстроилъ новую, освятивъ ее въ 1503 году.

Должно быть изъ желанія вывезать болѣе и безъ того очевидныя заслуги вел. кн. Ивана Васильевича, авторы свидѣлствуютъ, что при немъ «*весьма немногія* церкви въ Кремлѣ были каменные, а *большая часть* деревянныя» и проч. Напротивъ, ко времени Ивана, въ Кремлѣ почти всѣ извѣстныя и важнѣйшія церкви были уже каменные; деревянныя же, если и равнялись числомъ съ каменными, то были такъ незначительны, что мы не знаемъ даже ихъ именъ и можемъ только догадываться, что это были большею частію церкви домовыя боярскія и *застѣнныя*, т. е. придѣльныя къ каменнымъ, какія тогда устраивали нерѣдко. Въ пожаръ 1476 г., обгорѣло каменныхъ 11 церквей и 10 *застѣнковъ* или придѣловъ, а деревянныхъ сгорѣло 12 церквей и 2 *застѣнка*, придѣланныхъ къ Архангельскому каменному собору. Это едва ли не все, что оставалось въ Кремлѣ деревяннаго изъ церквей. Такіе *застѣнки*, каменные, и теперь еще существуютъ у Архангельскаго собора, пристроенныя къ алтарнымъ стѣнамъ, одинъ во имя Покрова, другой во имя Юанна Предтечи, гдѣ находится гробница Скопина-Шуйскаго.

Далѣе: «Для расширенія города велѣно снести за Неглинную (откуда — изъ Кремля?) церкви и дворы, чтобы между городскими стѣнами и строеніемъ оставалось полое мѣсто, застѣнье, во 110 сажень». Лѣтопись говоритъ подъ 1493 г.: «Церкви сносиша и дворы за Неглинною» (т. е. на посадѣ, въ Занеглинненьѣ, а не изъ Кремля); что было сдѣлано не для расширенія, а для охраненія города отъ пожаровъ, точно такъ, какъ въ 1495 г., «князь великій повелѣ снести церкви и дворы за рѣкою Москвою, противъ города и повелѣ на тѣхъ мѣстехъ чинити садъ», также съ цѣлію отдалить отъ Кремля опасность пожара, кото-

рыи въ 1493 г., начавшись именно за Москвою-рѣкою, опустошилъ почти весь городъ. Противъ такой *нечести государственной великой*, что церкви старыя, извѣчныя, выношены изъ города вонъ, да и монастыри старыя, извѣчныя, съ мѣста переставлены, — возставалъ новгородскій архіепископъ Геннадій, указывая, что и общественное мнѣніе было на его сторонѣ, что даже въ Кіевѣ шелъ слухъ, что князь великій на Москвѣ церкви *естъ выметалъ вонъ* (Авт. Арх. Эвсп. I, 481). Основаніемъ такой молвы была, вообще, непомерная строительная дѣятельность Ивана Васильевича, почти сплошная перестройка всего города, всѣхъ старыхъ зданій города. Само собою разумѣется, что, при постройкѣ каменныхъ стѣнъ Кремля, нѣкоторыя малыя церкви были переставлены на новыя мѣста, а иныя и совсѣмъ перенесены изъ города (Кремля) вонъ. Но все это дѣлалось не по случаю одного только распространенія города, а, главнымъ образомъ, по случаю его совершеннаго обновленія. Со стороны Неглинной, Кремль, дѣйствительно, былъ нѣсколько распространенъ, когда въ 1495 г. здѣсь заложены каменные стѣпы — «не по старой основѣ, а града прибавиша». Но все-таки нѣтъ извѣстія, чтобы кремлевскія церкви были вынесены за Неглинную, а были переставлены церкви за Неглинной, подальше отъ города.

Хотя авторы и говорятъ, что государствованіе Ивана III составляетъ важнѣйшую эпоху въ исторіи Москвы, однако, въ своемъ изложеніи этой исторіи въ его время нѣсколько не выделяютъ дѣйствительной важности и особаго значенія этой замѣчательной эпохи. Казалось бы, въ подробномъ историческомъ описаніи Москвы, на чемъ больше и остановиться, какъ не на времени Ивана III. Между тѣмъ, авторы удѣляютъ на всю исторію этого времени только три страницы, XII — XIV. На одной, XII, обозначаютъ голыми, часто неточными, какъ указано, фразами строительную дѣятельность Ивана Васильевича; на другой — описываютъ пожары, и при нихъ ни одного года не ставятъ вѣрно (вмѣсто 1442, слѣдуетъ 1472; вм. 1475, слѣд. 1476; вм. 1481, слѣд. 1488). Тутъ же поставляютъ слово *Скородомъ*, не давая ему вѣрнаго объясненія: «На пожарищахъ ставились готовые срубы. Такое *строе* называлось Скородомомъ». — *Скородомомъ* назывался весь деревянный посадъ, лежавшій за стѣнами Бѣлаго-города и за Москвою-рѣкою, противъ Кремля и Китая. При Федорѣ Ивановичѣ онъ былъ обнесенъ деревянною стѣною, и, по всему вѣроятію, съ этого только времени сталъ обозначаться именемъ *Скородома*, т. е. съ того именно времени, какъ получилъ значеніе города отъ постройки стѣнъ. Не *строе*, слѣдовательно, а самая значительная часть города, вся

совокупность улицъ и слободъ (съ XVII ст. и донинѣ: *Земляной городъ*) называлась Скорodomомъ, и называлась такъ потому, что ставила *скоро дома*, большею частію избы, которыя готовыми срубамъ продавались въ лѣсныхъ рядахъ или станахъ; скоро обновляла свои постройки послѣ каждаго пожара. Затѣмъ, неправильно авторы называютъ *рогатками* уличныя *рѣшетки*, устроенныя въ 1504 г. Рогатка и рѣшетка не одно и то же. Рогатка — брусъ съ острыми спицами, а рѣшетка — крѣпкій заборъ съ воротами, запиравшійся рѣшетчатыми щитами, которые собственно и составляли рѣшетку.

На третьей полстраницѣ авторы замѣчаютъ, что «внѣшнее устройство города не могло обойтись безъ внутренняго»; говорить, что большія улицы *закрывались* крестцами; что «на Ивановской площади совершались акты и во-всю ивановскую объявлялись указы», т. е. крикомъ; что «на городской площади казнили предъ судными приказами» (гдѣ именно?); что «въ Кремлѣ находились тюрьмы у Благовѣщенскихъ воротъ на житномъ дворѣ и на посадѣ... въ городскихъ стѣнахъ застѣнки... одна изъ башенъ называлась *ныточною*...» Въ заключеніе отмѣчаютъ: «таково было судопроизводство (!) въ Москвѣ въ XV вѣѣ, о чемъ свидѣлствуютъ намъ имена самыхъ урочищъ». Но никакого судопроизводства читатель здѣсь не видитъ. Все это изложеніе о судопроизводствѣ или, собственно, о тюрьмахъ и застѣнкахъ и объ Ивановской площади съ большею точностію должно быть отнесено въ XVII ст. Авторы не потрудились доказать, что всѣ эти тюрьмы и застѣнки действительно существовали и въ XV вѣѣ, а въ этомъ можно крѣпко сомнѣваться. Благовѣщенскія ворота, напр., стали такъ называться по церкви Благовѣщенія, выстроенной въ 1737 г., а въ XVII ст. извѣстны были подъ именемъ *Портомоинныхъ*. Существовали ли онѣ въ XV вѣѣ, вовсе неизвѣстно.

Такимъ, сбивчивымъ и, подчасъ, очень фразистымъ путемъ авторы доводятъ насъ, наконецъ, до XVI ст., и все-таки мы не получаемъ никакого яснаго представленія о томъ, какова была Москва, наприм., хоть въ эту важнѣйшую эпоху ея исторіи. Какъ великъ былъ городъ, какъ пространны были его посады, гдѣ были границы этихъ посадовъ, гдѣ проходила черта, обозначающая населенность города Москвы въ это время и отдѣлявшая его отъ подгородныхъ селъ и волостей; что собственно называлось *Москвою*? Авторы упоминаютъ только, что «при Васильѣ (Ивановичѣ) въ Москвѣ считалось 41,500 домовъ, а жителей болѣе ста тысячъ». Можно было бы ожидать затѣмъ опредѣленія ея овраины, розысканія о томъ, на какомъ именно про-

странствѣ помѣщалась эти 41¹/₂ т. домовъ. Но авторы тотчасъ съ обрывомъ отмѣчаютъ: «При немъ рвы около Кремля обложены были камнемъ». Нужно замѣтить, что подобными обрывами характеризуется изложеніе всей книги и, особенно, разсматриваемой теперь «исторіи». Вслѣдъ затѣмъ читаемъ: «Съ разводами изъ Москвы (?), какъ сказано, великаго Новгорода, Пскова (?) и другихъ городовъ, изъ которыхъ выводились въ нее лучшіе люди семействами, въ Москвѣ умножились потребности городской и государственной жизни. *Старое мѣсто* слишкомъ стѣсняло господаря московскаго въ его правахъ и доходахъ; найдено необходимымъ *расширить стѣны* города при соединеніемъ къ старому новаго» (стр. XV). Таково предисловіе къ тому простому обстоятельству, что при Васильѣ Ивановичѣ Большой посадъ былъ обнесенъ каменною стѣною и названъ Китаемъ. Найдено необходимымъ не расширить стѣны, а распространить и укрѣпить торговый посадъ, обезопасить его стѣною и отъ нашествій татарскихъ и отъ пожаровъ посадскихъ, о чемъ мы уже достаточно говорили.

Обозначивъ мѣсто торговъ въ Китай-городѣ при Васильѣ, въ началѣ XVI вѣка, авторы вдругъ обрывомъ вставляютъ слѣдующую рѣчь: «Около 1596 года (слѣд. при Феодорѣ уже), окончено было въ Китай-городѣ строеніе дворовъ и каменныхъ лавокъ, которыхъ въ самомъ началѣ XVII вѣка считалось, по сказанію Самуила Маскевича, до сорока тысячъ». Читатель недоумѣваетъ, съ какой стати это свѣдѣніе должно относиться къ началу XVI вѣка и когда же началось строеніе, если оно въ 1596 году окончено. Затѣмъ авторы указываютъ, что было среди торговъ китай-городскихъ, не разбирая, что многія изъ этихъ указаній обозначаютъ мѣста, о которыхъ свидѣтельства относятся только къ XVII вѣку, и отмѣчая, между прочимъ, съ обрывомъ, что «въ Китаѣ появился въ 1608 году книжный рядъ, гдѣ священники цѣнили книги». Нельзя понять, какъ все это прилагается къ обзорнiю времени Василья Ивановича, тѣмъ болѣе, что вслѣдъ затѣмъ авторы по порядку переходятъ ко времени Грознаго. Здѣсь, между прочимъ, они отмѣчаютъ, что слѣды ненавистной для Москвы причины «остались только въ названіяхъ урочищъ царскаго обихода и въ преданіяхъ народныхъ, таковы: Поварская, Хлѣбная, Калачная, Скатертная, Трубная, Кречетники, Курьи-Ножи, Конюшенныя и проч. Тамъ поселены были служители царскаго двора (стр. XIX)». Какъ будто до опричины царскому двору не было надобности въ этихъ служителяхъ, давшихъ имена слободамъ и улицамъ. Извѣстно, что эта часть города отъ Чертольи и Стоженки и до Нивит-

свой потому и отдѣлена была къ царской опричинѣ, что она искони была заселена служителями двора, по той причинѣ, что и самый государевъ дворъ въ Кремлѣ примыкалъ къ этой мѣстности, сообщался съ нею двумя воротами Боровицкими и Троицкими; по той причинѣ, однимъ словомъ, что эта вся мѣстность лежала ближе къ государеву двору, чѣмъ всякая другая. Еслибъ государевъ дворъ находился въ сѣверозападномъ углу Кремля или въ юговосточномъ, тогда въ служебное отношеніе къ нему непременно отошли бы и близлежащія къ тѣмъ угламъ мѣстности города. Какое ложное понятіе и объ опричинѣ и о царскомъ дворѣ даетъ подобная отмѣтка! Но авторы повторяютъ ее еще и на стр. 170-й, положительно утверждая, что «о царскомъ обиходѣ въ опричинѣ московской свидѣлствуютъ намъ существующія донныя тамъ урочища»...; слѣдуютъ тѣ же имена, съ прибавленіемъ, что «повара, хлѣбники, калачники, скатертники жили въ устроенныхъ тамъ *дворцахъ* хлѣбномъ, сытномъ и кормовомъ», тогда какъ никакихъ подобныхъ дворцовъ тамъ не бывало, а были они только въ Кремлѣ, подлѣ хоромъ государя.

Распространяясь въ подобныхъ сочиненіяхъ, повторяя ихъ по нѣсколько разъ, авторы рѣдко останавливаютъ должное вниманіе на предметахъ, вполне заслуживающихъ подробнаго обозначенія и раскрытія ихъ важности. Такъ, въ обзорѣннѣи времени Грознаго мы не находимъ весьма важнаго, для исторіи Москвы, извѣстія о постройкѣ Покровскаго собора, знаменитаго «Василія Блаженнаго», какъ онъ до сихъ поръ слыветъ въ народѣ. Голое свидѣтельство о немъ запрятано въ такое мѣсто, что читателю трудно обратить на него вниманіе. На XVI стр. идетъ рѣчь о мѣстахъ Китай-города и въ томъ числѣ о *Лобномъ* мѣстѣ. Вѣрные своему сбивчивому, обрывочному характеру описаній и пересказовъ, авторы продолжаютъ: «предъ ступенями его (Лобнаго мѣста) на лобной площади казнили преступниковъ. Тогда уже были въ Москвѣ четыре главныхъ чети, или приказа: посольскій, разрядный, помѣстный и казанскій, между прочимъ бражныя тюрьмы, какъ мѣры исправленія отъ пьянства, на Васильевскомъ лугу. Взятіе Казани царемъ Иваномъ Васильевичемъ ознаменовано сооруженіемъ, противъ Лобнаго мѣста, диковиннаго Покровскаго собора, болѣе извѣстнаго подъ названіемъ Василія Блаженнаго; присоединеніе Смоленска (которое, однакожь, случилось еще при отцѣ Грознаго) въ Московскому государству—церковью Спаса Смоленскаго и Москворѣцкихъ воротъ; начало сношеній Москвы съ Англіею—англійскимъ дворомъ на Варварѣ; а съ Даніею—печатнымъ дворомъ на Никольской».... Потомъ сейчасъ: «въ Китаѣ, въ 1608 году, появился книжный

рядъ» и т. д. Есть ли возможность связать какъ-нибудь въ **памяти** такую путаницу разнородныхъ фактовъ и отмѣтить свидѣтельство о Васильѣ Блаженномъ? Между тѣмъ этотъ замѣчательный памятникъ до сихъ поръ служитъ *типическою чертою* самой Москвы, не говоря о его значеніи для исторіи нашего **водчества**. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи Василій Блаженный **есть** самое характерное произведеніе своего вѣка. Въ немъ въ **полной мѣрѣ** выразился тотъ архитектурный стиль, которымъ **запечатлѣны** почти всѣ московскіе и подмосковные храмы, строенные съ нимъ одновременно, т. е. въ половинѣ XVI ст., и который можетъ быть признанъ стилемъ чисто-русскимъ, стилемъ **русскаго** замышленія, оригинальнымъ свидѣтельствомъ самостоятельности русскаго водчества вообще и каменнаго въ особенности. Постройка его въ память казанскаго, а затѣмъ и астраханскаго **взятія**, начата съ 1553 года деревянною церковью Св. Троицы, къ которой потомъ прибавленъ былъ храмъ Покрова съ **придѣлами**, а въ 1555 году заложенъ каменный храмъ Покрова о *девяти верхахъ*, овоенный уже въ 1559 году, да и то не **совсѣмъ**; большая церковь, средняя, Покрова оставалась **осенью**, къ 1 октября этого года, еще несовершенною. Лѣтописецъ записалъ слѣдующее о постройкѣ этого храма: «Въ лѣто 7068 октября, совершена бысть на Москвѣ церковь Покровъ Богородицы, что у Троицы на рву, и послѣ того сотворена бысть тое церковь тутъ же у Св. Троицы *различными образы и многими переводы*, на одномъ основаніи девять престоловъ **совершено**». Мы, вообще, полагаемъ, что постройка Василя Блаженнаго въ исторіи Москвы должна занять очень видное мѣсто, какъ наилучшее доказательство, что существовало и русское своеобразное архитектурное искусство.

Далѣе, не встрѣчаемъ также на своемъ мѣстѣ отмѣтки, что память о казняхъ Грознаго на Красной площади Китай-города оставалась въ церквахъ, построенныхъ «на костехъ казенныхъ и убиенныхъ и на крови», передъ торгомъ, вдоль кремлевской стѣны, по рву, между спасскими и нивольскими воротами. (И. Г. Р. IX, пр. 309). Тамъ стояло пятнадцать малыхъ церквей, разобранныхъ уже въ XVIII ст. и перенесенныхъ престолами въ соборъ Покровскій (Вас. Блаж.). Авторы приводятъ даже списокъ этихъ церквей, при обзорѣніи царствованія Михаила Ѳеодоровича (стр. XXIV) и въ другой разъ при обзорѣніи урочища *на рву*, стр. 18, упоминая о нихъ и въ другихъ мѣстахъ, стр. LV.

Царствованія Ѳедора Ивановича и Бориса Годунова (конецъ XVI вѣка) примѣчательны въ исторіи Москвы тѣмъ, что въ это время она, какъ городъ, получаетъ послѣднія законченныя черты

своего топографическаго распространенія, одѣвается новыми стѣнами по Бѣлому-городу и Скородому. Вѣроятно, еще при Грозномъ, быть можетъ, въ нашествіе или послѣ нашествія Девлет-Гирея въ 1571 году, вокругъ посадовъ, окружавшихъ Кремль (Старый большой городъ) и Битай, былъ насыпанъ земляной валъ, отчего эта мѣстность могла прозываться *Иванъ-городомъ*, какъ зоветъ Бѣлый-городъ Маскевичъ; въ современныхъ же официальныхъ запискахъ она называется *Землянымъ городомъ*. Окружность этого первоначальнаго Бѣлгорода была меньше теперешней, ибо Рождественскій монастырь въ то время находился еще за Землянымъ городомъ. (Доп. къ Акт. Истор. № 131). Вокругъ этого вала, какъ по новой, но уже совсѣмъ закончившей городское селеніе чертѣ, въ 1587 году, воздвигнуты каменные стѣны. Новому городу дано названіе: *Царевъ бѣлой каменной городъ*. Бѣлымъ онъ названъ отъ бѣлыхъ стѣнъ, ибо Китай имѣлъ стѣны красныя и назывался *Красною стѣною*. Лѣтъ черезъ пять, вскорѣ по уходѣ отъ Москвы крымскаго хана и изъ боязни новаго его прихода, обнесены были и всѣ остальные загородныя посады деревянными стѣнами, съ башнями и воротами, весьма красивыми, какъ отзывается Маскевичъ, стоившими многихъ трудовъ и времени. Стѣны эти построены въ 1591—1592 годахъ. Съ того времени здѣшніе посады, ставшіе городомъ, начали обозначаться однимъ именемъ *Скородома*, о чемъ мы уже говорили. Въ московскую *разруху* 1611 года, деревянные стѣны Скородома погорѣли до тла; вмѣсто ихъ, при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ насыпанъ высокій *земляной валъ*, отъ чего Скородомъ сталъ называться *Землянымъ городомъ*. Въ половинѣ XVII ст. мы здѣсь видимъ, однакожъ, опять деревянные стѣны съ башнями и воротами. Въ этой чертѣ какъ бы замкнулась древняя за-петровская исторія Москвы, исторія развитія ея самодержавія, ея политическаго могущества. Это была послѣдняя черта, которою Москва обозначила, такъ сказать, свое живое мѣсто, свое городское существо, потребовавшее охраны отъ враговъ. Авторы, однакожъ, вовсе не упоминаютъ о постройкѣ деревянныхъ стѣнъ при Ѳедорѣ. Въ XVIII ст., новыя, болѣе обширныя очертанія города сначала надолбами, а потомъ камеръ-коллежскимъ валомъ произведены уже въ интересахъ компанейщиковъ виннаго откупа.

Въ обзорѣніи царствованія Михаила Ѳеодоровича мы опять встрѣчаемся, и точно также обрывомъ, съ отмѣткою, что «съ открытіемъ книжной торговли, появляется книжный рядъ въ Москвѣ 1608 года; «тогда книги цѣнили *книжного ряду помъ Семень, дьяконъ Истома*» (стр. XXII). Какъ будто о книжномъ

рядѣ въ Москвѣ только одно это извѣстіе, и существуетъ какъ будто книжная торговля въ Москвѣ и въ самомъ дѣлѣ открыта только въ 1608 году! И что такое *попъ книжнаго ряду*? Что можетъ думать объ этомъ читатель?

Говоря о времени Алексѣя Михайловича и о томъ, что онъ ревновалъ о построеніи новыхъ церквей, авторы неправильно обозначаютъ, что дворцовою церковью апостола Петра и Павла увѣковѣчено будто бы *рожденіе Петра I* (стр. XXVI). Эта церковь построена не при Алексѣѣ, а уже въ 1684 году и не на память рожденія Петра, а въ честь его тезоименитства. «*О присоединеніи же Малороссіи къ Московскому государству* свидѣтельствуетъ половина Покровской улицы, отмѣчаютъ авторы, куда переведены были малороссіяне и отъ фартины или шинка малороссіянки, названной (кто же назвалъ?) *малороссійскою* или *маросійскою*; тамъ... находилось *малороссійское подворье*». Прозваніе Маросѣйки отъ фартины, а фартины отъ малороссійскаго подворья можно почитать вполнѣ достовѣрнымъ. Но когда же переведены были въ Москву и именно сюда малороссіяне? Они имѣли здѣсь подворье, пріѣзжее мѣсто — и только. Авторы помнятъ, что были переведены новгородцы, псковичи, а потому слѣдовало быть переведеннымъ и малороссамъ.

«За землянымъ городомъ на сѣверъ лежали бѣлыя и черныя земли, занятыя ямскими или гонными, дѣловыми и оброчными слободами, въ которыхъ находились *братскіе дворы*, или общіе. Тамъ селились кирпичники и простирались огороды» (стр. XXXI). А развѣ не то же было на югъ, западъ и востокъ? Но что же значили эти *братскіе* или *общіе* дворы, для какой цѣли они существовали? Можно думать, что они строились, въ нихъ жили *сообща, братствомъ*? Авторы оставляютъ ихъ безъ всякаго объясненія, указывая только, что «до нынѣ въ Таганеѣ, въ Дурномъ, прежде Чертовомъ, переулкѣ находится *братскій дворъ*» и опять-таки не объясняя, что это такое? Для внутренней исторіи Москвы *братскіе дворы* имѣютъ очень важный интересъ. Это были центры мѣстнаго самоуправленія. Извѣстно, что посады Москвы состояли изъ *слободъ*, что она, такъ сказать, разрасталась слободами; *слобода* была ея растительною кѣлочкою. Состоя подъ началомъ *Земскаго приказа* или *Двора*, каждая слобода, однакожь, во внутреннихъ своихъ дѣлахъ управлялась сама собою, для чего выбирала себѣ старосту, десятскихъ, цѣловальниковъ и другихъ подобныхъ лицъ, смотря по своему назначенію въ устройствѣ города или же въ хозяйствѣ государя. Всѣ слободскія дѣла рѣшались сходками на *братскомъ дворѣ*, который, безъ сомнѣнія, строился на общій слободской счетъ, и, какъ должно

полагать, по преимуществу вблизи приходской церкви, которая также составляла главное мѣсто въ каждой слободѣ, ибо около церкви помѣщалось всегда и слободское кладбище, гдѣ хоронились *родители* слобожанъ. Приведемъ нѣкоторыя позднѣйшія указанія о слободскихъ братскихъ дворахъ. 1698 года февраля 7-го: «Казенныя слободы староста и всей той казенной слободы тяглецы, выбрали мы на *братскомъ дворѣ со всею брацкою соту* въ цѣловальничи тое жъ казенныя слободы тяглеца челоуѣка добраго и пожиточнаго Федора Иванова, что быть ему у приему и у раздачи в. г. хлѣбнаго жалованья преображенскаго и семеновскаго полковъ пѣхотнаго строю и всякихъ чиновъ людей на 206 годъ...» 1699 года октября 17-го: «Въ Тулѣ казенныя кузнецкія слободы кузнецъ Иванъ Баташевъ, въ казенной кузнецкой слободѣ на *братскомъ дворѣ* передъ старостомъ Михаиломъ Устиновымъ и лучшими людьми противъ челобитья Пантелея Пыхулина сказалъ: на *братской дворѣ* его сына Дмитрія привелъ... на улицу за ноги съ братскаго двора не таскивалъ и не бивалъ на улицѣ противъ братскаго двора; только де его на братскомъ дворѣ бранилъ и воромъ называлъ и сюрилъ...» Такіе братскіе дворы назывались также *связскими* дворами. Память о московскихъ слободскихъ братскихъ дворахъ сохраняется до сихъ поръ въ Москвѣ въ названіи полицейскихъ частныхъ домовъ *связскими* домами; также въ женскомъ родѣ *связская*, разумѣя часть; идти, вести на *связку*. Вообще, очень жаль, что авторы не обратили должнаго вниманія на внутреннее городское устройство старой Москвы. Они раскрыли бы тогда, что братскіе дворы существовали не только за Землянымъ, но и въ самомъ Земляномъ и даже въ Бѣломъ городѣ, вездѣ, гдѣ населеніе жило и управлялось слободою. Должно предполагать, что такіе же дворы были и въ сотняхъ. Да и не въ одной Москвѣ такъ было, а по всей великорусской землѣ. Въ новгородской области, писцовыя книги 1615 — 1617 годовъ о церквахъ нѣкоторыхъ погостовъ отмѣчаютъ: «Да у тѣхъ же церквей на церковныхъ земляхъ 2 избы большія, за трапезы мѣсть, гдѣ сходятся по воскресеньямъ крестьяне... да на погостѣ жъ изба схожая, а сходятся въ ней крестьяне по воскресеньямъ» (Неволинъ, о Пятинахъ и Погостахъ, стр. 105).

Опредѣляя, наконецъ, пространство Москвы при царѣ Алексѣѣ (стр. XXXII), авторы черпаютъ свои свѣдѣнія изъ иностранныхъ писателей, но, главнымъ образомъ, изъ книги г. Костомарова: *Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа*, стр. 20, выписывая даже, какъ результатъ своихъ изысканій, отзывъ по этому вопросу г. Костомарова, что «изъ иностранныхъ извѣ-

стѣй можно только приблизительно и не вполне представить себѣ величину древней столицы и проч.; между тѣмъ какъ величина тогдашняго города и до сихъ поръ очевидна для всякаго, ибо очертаніе его крайнихъ стѣнъ сохраняется въ такъ называемомъ и теперь *Земляномъ валѣ* или Садовой. Свѣдѣніе о свободахъ за Землянымъ городомъ также можно добыть изъ домашнихъ источниковъ. Другое дѣло вопросъ о числѣ жителей, о количествѣ населенія. Въ сочиненіи г. Костомарова этотъ вопросъ былъ совершенно побочнымъ, поэтому авторъ и не могъ удѣлить ему слишкомъ значительнаго мѣста. Здѣсь же, въ разбираемомъ сочиненіи, въ подробномъ историческомъ и археологическомъ описаніи города, это вопросъ прямой, существенный, требующій неизбѣжнаго, подробнаго и полнаго разслѣдованія, какъ мы уже сказали. Авторы, однакожь, уклонились отъ всякаго разслѣдованія и сообщаютъ скудные крохи, заимствованныя случайно, тамъ и сямъ, въ то время, какъ передъ ними лежалъ весьма обильный матеріалъ не только въ сказаніяхъ иностранцевъ, но и въ домашнихъ источникахъ. Въ отношеніи иностранныхъ писателей, насущный вопросъ самаго этого сочиненія объ исторіи Москвы заключался въ томъ, чтобы сдѣлать сводъ всѣхъ сказаній о Москвѣ, всѣхъ извѣстій собственно о ней, съ перваго и до послѣдняго времени. Это сдѣлать легко, по крайней мѣрѣ, по переведеннымъ уже текстамъ этихъ писателей, на которыхъ авторы любятъ ссылаться, выписывая даже ихъ подлинныя латинскія, нѣмецкія, англійскія заглавія. Въ такомъ случаѣ мы получили бы очень любопытную компиляцію, если не изслѣдованіе, которая нарисовала бы намъ старую Москву несравненно осязательнѣе, чѣмъ всѣ эти поверхностныя, отрывочныя и обрывочныя, безсвязныя заимствованія изъ той или другой книги, неимѣвшей цѣли дѣлать подобныя изслѣдованія. Мы полагаемъ, что авторы обязаны были выработать такую статью, черпая матеріалы непосредственно изъ самыхъ источниковъ.

Но, можетъ быть, они возразятъ намъ, что мы не имѣемъ права ставить подобныя задачи, что розыскатель обыкновенно слѣдуетъ собственному плану и не долженъ его измѣнять соотвѣтственно разнымъ, иногда совершенно излишнимъ, требованіямъ критика. Но именно этотъ планъ, принятый авторами для своего труда, и заставляетъ насъ предложить упомянутое требованіе. Только съ точки зрѣнія этого плана мы и разсматриваемъ теперь ихъ сочиненіе. Они ведутъ свой рассказъ хронологически по княженіямъ и царствованіямъ и, можно даже сказать—только по именамъ государей, ибо непременно заносятъ эти имена на свои страницы, хотя бы все дѣло оканчивалось только коронаціею

или даже однимъ именемъ, что послѣ такого-то государя слѣдоваль такой-то. Затѣмъ они рассказываютъ о событіяхъ, случившихся при томъ государѣ, рассказываютъ о пожарахъ и другихъ бѣдствіяхъ (подробнѣе), о постройкахъ (короче) и, наконецъ, о томъ, гдѣ и что было; усиливаются описать состояніе и положеніе города въ то время. Хотя въ этомъ рассказѣ они не слѣдуютъ никакому порядку, даже нерѣдко и хронологическому, набрасывая только въ кучу, другъ на друга, случайно собранныя разнородныя, а часто и разновременныя свѣдѣнія, — однако, и въ этомъ хаосѣ свидѣтельствъ видимо желаніе обрисовать состояніе Москвы въ данное время. Что же можетъ быть удобнѣе въ этомъ случаѣ, какъ не воспользоваться, особенно для XVI и XVII ст., описаніемъ путешественника - очевидца, который живыми глазами смотрѣлъ на древнюю Москву и, конечно, въ своихъ запискахъ могъ сохранить только самыя характерныя, такъ сказать основныя, а вмѣстѣ и каковыя черты, какія собственно и нужны для подобнаго изображенія. Стоить только провѣрить и пополнить эти указанія домашними свидѣтельствами, и очеркъ готовъ, полный и круглый, по крайней мѣрѣ удобопонятный, который можно прочесть безъ отягощенія головы.

О пространствѣ или величинѣ города, о числѣ населенія, о числѣ домовъ или дворовъ и церквей, показанія иностранцевъ довольно разнорѣчивы, какъ и слѣдовало ожидать, ибо всякій изъ нихъ мѣрилъ своею мѣрою, такъ сказать, глазомѣрно, или пользуясь тоже не очень точными свѣдѣніями, какія сообщали москвичи, сами едва ли опредѣлительно знавшіе всѣ эти числа. Окружность города иностранцы приблизительно полагали въ XVI вѣкѣ въ 30 миль (англійскихъ, у Флетчера), около 45 верстъ; но какую черту назначали они для этой окружности — неизвѣстно. Англичанамъ Москва казалась величиною съ Лондонъ (1553 г.), а Флетчеръ (1588 г.) говоритъ, что она даже больше Лондона. Иные (1517 г.) связывали, что она вдвое больше Флоренціи и богемской Праги. Въ XVII ст., Буссовъ, (Беръ) считалъ окружность Москвы по чертѣ стѣны Землянаго города въ 4 мили; Олеарій — почти въ 3 мили, замѣтивъ при этомъ, что городъ прежде, вѣроятно, былъ вдвое больше, что и несомнѣнно, ибо въ 1611 году, при Буссовѣ, онъ былъ выжженъ поляками. Олеарію сказывали, что еще въ его время можно было насчитать до 40 тысячъ пожарищъ! Во второй половинѣ XVII ст., Мейербергъ считаетъ окружность Москвы въ 38 верстъ, включая, безъ сомнѣ-

ним, подобно Флетчеру, и всё подгородныя слободы и села, которыя дѣйствительно и были отнесены къ городу въ XVIII ст., такъ что теперешній камеръ-коллежскій валъ, опредѣляющій черту города и простирающійся слишкомъ на 32 версты, можетъ указывать и на тѣ его предѣлы, какіе обозначались иностранцами XVI и XVII ст. Число строеній, т. е. большею частію избъ, въ эти два вѣка иностранцы показываютъ почти одинаково отъ 40 до 42 тысячъ. Страусъ (въ половинѣ XVII вѣка) говоритъ даже о 95 тысячахъ, но эта цифра, по всему вѣроятію, ошибочная. О числѣ жителей иностранцы уже никакъ не могли имѣть вѣрнаго свѣдѣнія, потому что едва ли такое свѣдѣніе имѣли и сами москвичи. Достоверно лишь то, что городъ былъ (особенно по временамъ) очень многолюденъ и своимъ многолюдствомъ заставлялъ до невѣроятныхъ размѣровъ увеличивать цифру населенія; напр., въ смутное время поляки думали о миліонѣ; другіе, спустя лѣтъ 50, полагали отъ 500 до 600 тысячъ.

Иностранцы очень изумлялись также великому множеству церквей, а москвичи и до сихъ поръ говорятъ о *сорока сорокахъ* своихъ церквей! Дѣйствительно, Олеарій показываетъ, что въ его время всѣхъ церквей считали до *двухъ тысячъ*. Эта цифра вполне достоверная. Въ первомъ изданіи своего сочиненія Олеарій упомянулъ, что число церквей простирается до 1,500. Его землякамъ это число показалось удивительнымъ и невѣроятнымъ. Онъ навелъ болѣе точныя справки и убѣдился, что и нѣмцы-москвичи и русскіе-москвичи насчитываютъ ихъ до 2,000. Въ смутное время, до сожженія Москвы, ихъ было по одному свидѣтельству (Беръ), по крайней мѣрѣ, 3,000, по другому около 4,500, а во второй половинѣ XVII ст., 1,700; въ концѣ же этого столѣтія Корбъ говоритъ только о 200, что ближе къ правдѣ, ибо онъ разумѣетъ дѣйствительно однѣ только церкви, между тѣмъ какъ писатели первой половины XVII ст., а съ ними и Олеарій, въ число церквей полагали и всѣ часовни. Олеарій при этомъ отмѣчаетъ, что у cadaго пятаго дома въ Москвѣ можно встрѣтить часовню. Немногія изъ такихъ часовенъ уцѣлѣли и до сихъ поръ. Въ томъ же смыслѣ должно принимать и иносказательное теперь преданіе о сорока сорокахъ.

Вообще, изъ рассказовъ иностранцевъ выясняется настоящая дѣйствительность древней Москвы. Это былъ городъ не только *деревянный*, но и вполне *деревенскій*. Это былъ городъ очень красивый издали по живописности мѣстоположенія, по множеству церквей, блиставшихъ золотыми маковками и золотыми главами, по великому множеству садовъ (почти у cadaго дома былъ садъ) и луговъ, по оригинальности, своеобразію большихъ построекъ,

по необыкновенному простору, съ которымъ онъ раскидывался во всѣ стороны. Это былъ городъ, подъѣзжая къ которому, благочестивые нѣмцы говаривали, что это Иерусалимъ, и потомъ, въѣхавши въ его деревенскія улицы, убѣждались, что это скорѣе Вилеемъ, или простѣе сказать—громадная деревня, отличавшаяся всѣми качествами настоящей великорусской деревни.

Но возвратимся къ тексту авторовъ. При обзорѣни царствованія Ѳедора Алексѣевича, они упоминаютъ, между прочимъ, что «на рѣчкѣ Прѣснѣ выкопаны патриархомъ Іоакимомъ пруды» (XXXIII). Читатель можетъ думать, что съ этого времени положено начало извѣстнымъ Прѣсенскимъ прудамъ, въ настоящее время особенно замѣчательнымъ для москвичей по недавно открытому тамъ зоологическому саду. Между тѣмъ, пруды на Прѣснѣ были устроены еще въ началѣ XVII ст. Еще въ 1632 г., плотиннаго дѣла мастеръ Петръ Фефиловъ сдѣлалъ тамъ *каменную плотину* (Арх. О. П. № 1,089). Но и это едва ли первое ихъ устройство. Въ концѣ XVII ст., прѣсенская средняя плотина называлась *красною*, по красотѣ постройки. Патриархъ Іоакимъ, по всему вѣроятію, выкопалъ такъ называемыя *патріаршіе пруды* (остался одинъ) въ своей слободѣ на Козьемъ болотѣ, откуда текъ ручей также въ Прѣсню. Онъ могъ выкопать по этому ручью, еще ближе къ Прѣснѣ, и другіе пруды; но дѣло въ томъ, что Прѣсенскіе пруды всегда были царскими. Въ 1681 г. (при патр. Іоакимѣ), на Прѣснѣ былъ построенъ деревянный загородный государевъ дворецъ, а на дворцѣ каменная церковь живоноснаго Христова Воскресенія, отъ чего новое государево село стало называться Новымъ Воскресенскимъ. Въ томъ же году и въ томъ же селѣ была поставлена старая деревянная церковь Николая Чудотворца, перенесенная сюда съ *Курпей-Ножки*, изъ города, за чтѣ въ приходѣ, на постройку новой церкви, выдано изъ каменнаго приказа по оцѣнѣ старой церкви въ 63 р. 22 алт. 4 д., кирпичемъ по указной цѣнѣ¹⁾. Въ 1722 г., эта церковь обозначена на новомъ Ваганьковѣ, которое было подлѣ самаго Воскресенскаго.

И основатели села Ѳедоръ Алексѣевичъ, а послѣ него Петръ, часто тѣшились въ Воскресенскомъ на прудахъ фейерверками. Въ 1692 г. января 30 и февраля 1, въ Воскресенское на Прѣснѣ къ потѣшному гранатному строенью отпущено три блюда

¹⁾ Дѣла дворц. приказовъ. XVII ст.

деревянныхъ большой руки (чтобъ больша тѣхъ не было), сто сорокъ бочекъ дегтярныхъ или смоляныхъ, 4 чаши деревянныхъ самыхъ большихъ, 5 ф. проволоки, гвоздей и проч.

Въ обзорѣннѣ правленія царевны Софьи авторы слишкомъ выдвигаютъ дѣятельность кн. В. В. Голицына, который будто бы «построилъ каменныя палаты для присутственныхъ мѣстъ, докончилъ каменный мостъ, сдѣлалъ деревянные мостовыя въ столицѣ» (XXXIV). Эти свѣдѣнія почерпнуты изъ Невила, котораго необходимо было повѣрить съ своими домашними свидѣтельствами, ибо онъ говоритъ, напримѣръ, что при Голицынѣ въ Москвѣ построено больше 3,000 каменныхъ домовъ! Цифра изумительная для тогдашнихъ хозяйственныхъ средствъ и, особенно, для семи лѣтъ голицынскаго управленія. Палаты для присутственныхъ мѣстъ, т. е. для приказовъ, были построены при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, а указъ о постройкѣ былъ еще его отца царя Алексѣя. Въ 1670 г., кремлевскія палаты разныхъ приказовъ «обветшали гораздо и порушились во многихъ мѣстахъ, сидѣть въ нихъ было опасно»; почему приказы и съ дѣлами были переведены изъ Кремля въ Китай и Бѣлый-городъ и размѣщены тамъ въ разныхъ мѣстахъ. Въ 1675 г., еще при Алексѣѣ, каменный приказъ началъ постройку новыхъ приказовъ въ Кремлѣ по горѣ, начиная отъ Архангельскаго собора къ Спасскимъ воротамъ. По чертежу, каковъ былъ присланъ 7 мая изъ посольскаго приказа, предполагалось выстроить разрядъ, посольскій съ четвертьми, большую казну, помѣстный, стрѣлецкій, казанскій дворецъ. Денегъ на постройку по смѣтѣ исчислено 24,806 руб. 3 алт. 5 ден. Въ 1677 г., построены были только нижнія *житыя* (этажи), всего 28 палатъ. Царь Ѳеодоръ, 10 дек. 1677 г., указалъ на нижнихъ житыяхъ построить на ту же смѣту верхнія, мѣрою противъ нижнихъ и къ тѣмъ верхнимъ палатамъ перила и крыльца, а на проѣзжихъ воротахъ церковь Трехъ Исповѣдниковъ. Въ 1680 г. фев. 13, царь Ѳеодоръ указалъ въ новопостроенныхъ палатахъ учинить приказы: отъ Архангельскаго собора посольскій съ четвертьми, разрядъ (4 палаты), у проѣзжихъ воротъ большая казна и новгородскій съ четвертьми. На мстиславскомъ дворѣ отъ проѣзжихъ воротъ помѣстный (4 палаты), рядомъ казанскій дворецъ (въ одной палатѣ этого приказа находился колодезь); въ крайнихъ палатахъ къ помѣстному, стрѣлецкій приказъ. Надъ проѣзжими воротами въ 1682 г. существовалъ уже соборъ Александра Невскаго. Теперь все это мѣсто занято площадью, плацъ-парадомъ предъ николаевскимъ дворцомъ.

Каменный мостъ черезъ Москву-рѣку Голицынъ докончить

не могъ, ибо постройка его хотя и начата при Голицынѣ въ 1687 году, когда онъ былъ въ крымскомъ походѣ, но тогда сдѣланъ былъ только одинъ столбъ (былъ) каменный; всего тотъ мостъ дѣланъ 5 лѣтъ ¹⁾, слѣдовательно, доконченъ въ 1692 г., а Голицынъ палъ въ 1689 году. Неправильное свидѣтельство о каменномъ мостѣ внесено авторами изъ ихъ же прежняго изданія «Русская Старина», годъ 3, стр. 195, гдѣ авторъ сочинилъ, что «строеніе возобновилось въ 1682 г. и довершено въ 1687 г., по мостовому образцу Крестлера, какъ свидѣлствуютъ намъ Желябужскій и Голиковъ». А Желябужскій, стр. 18, и Голиковъ (Допол. къ Дѣян. IV, 53) обстоятельно говорятъ только одно, что въ 1687 г. мостъ начать строиться.

О томъ же, что Голицынъ *сдѣлалъ* деревянныя мостовыя въ столицѣ, какъ-то странно читать, ибо въ Москвѣ искони, по крайней мѣрѣ въ XVI и XVII ст., дѣлались деревянныя мостовыя, для чего земскій приказъ собиралъ со всѣхъ жилищъ мѣсть *мостовыя денги*. Невиль говоритъ, что по распоряженію Голицына *весь* городъ былъ вымощенъ досками, и что послѣ него мостовая поддерживалась только на большихъ улицахъ. Если и не весь городъ, то при Голицынѣ дѣйствительно могли быть вымощены вновь нѣсколько улицъ, пролежавшихъ въ тѣмъ или другимъ загороднымъ мѣстамъ, куда сталъ *онось* выѣзжать раздѣлившійся тогда на нѣсколько особыхъ семей царскій домъ. О существованіи мостовыхъ въ Москвѣ, еще въ XVI вѣкѣ, говорятъ иностранцы, напримѣръ, Флетчеръ, и описываютъ даже способъ мощенья. Эти мостовыя устраивались изъ бревенъ, тесанныхъ съ наружной стороны, по которой слѣдовало ѣздить. Иногда вляли и кругляки, поперегъ улицы, а поверхъ ихъ, вдоль улицы, байдачныя, барочныя доски и даже брусья, на важнѣйшихъ царскихъ проѣздахъ. Точное понятіе о такомъ устройствѣ мостовыхъ въ старой Москвѣ и о великихъ ея грязяхъ, можно было получить по случаю недавнихъ уличныхъ раскопокъ для укладки трубъ текучаго газа, которымъ стала теперь освѣщаться Москва. На большихъ улицахъ старинныя деревянныя мостовыя, какъ обнаружилось, лежать въ два и даже въ три яруса, имѣя между собою разстоянія отъ $\frac{1}{2}$ и до цѣлаго аршина, а въ иныхъ мѣстахъ и больше, такъ что самая древнѣйшая мостовая находится почти вездѣ на глубинѣ двухъ аршинъ. Поверхъ ея, въ аршинъ толщины, слой самой московской грязи, затѣмъ опять пласть мостовой и опять слой грязи, и, наконецъ, насыпь теперешней каменной мостовой. Вообще должно

¹⁾ Желябужскій, въ изд. Языкова, стр. 18.

полагать, что деревянные мостовыя существовали въ Москвѣ, разумѣется, по главнымъ улицамъ, съ того времени, какъ она построилась городомъ, т. е., по крайней мѣрѣ, съ половины XIV вѣка. Между тѣмъ, изъ указанія авторовъ читатель можетъ и въ самомъ дѣлѣ подумать, что деревянные мостовыя явились въ Москвѣ только по мысли Голицына, и тѣмъ легче можетъ принять это заблужденіе, что до этой страницы (XXXIV) авторы ни слова не говорятъ о способѣ мощенія улицъ въ древней Москвѣ.

Также точно, въ первый разъ, о *набатѣ* во время пожаровъ они упоминаютъ только на стр. L, въ обзорѣ царствованія Елисаветы, какъ будто до того времени Москва вовсе не знала пожарнаго набата, этого, единственнаго въ древнее время, средства огласить опасность и вызвать въ городѣ предосторожность и защиту отъ нея. Набатъ, сверхъ того, отличался особымъ характеромъ звона; горожане очень хорошо различали его отъ звона или собственно благовѣста обыкновеннаго, церковнаго. Въ Кремлѣ особыя набатныя колокола висѣли съ трехъ его сторонъ, гдѣ находились и городскіе башенные часы: 1) у Спасскихъ (въ XVI в. Фроловскихъ) воротъ, на малой, нарочно для того построенной башнѣ; этотъ колоколъ назывался *спасскимъ набатомъ*; 2) въ Замоскворѣчью на тайницкой башнѣ, (называвшейся въ XVI в. *Водяными воротами у тайника*); и 3) въ Занеглиненью на Троицкомъ мосту, на Троицкихъ (въ XVI ст. Ризположенскихъ) воротахъ. Царь Алексѣй, въ 1668 г. января 6, назначилъ кремлевскому набатному звону такой порядокъ: «Будетъ загорится въ Кремлѣ, бить во всѣ три набата въ оба края, по-свору. Будетъ загорится въ Китаѣ, бить въ одинъ спасской набатъ въ одинъ край, скоро же. Будетъ — въ Бѣломъ городѣ, въ спасской набатъ въ оба края потише и въ набатъ, что на Троицкомъ мосту, въ оба края, потише. Въ Земляномъ городѣ, въ набатъ на тайницкой башнѣ, въ одинъ край, тихимъ обычаемъ, бить *разваломъ*, съ разстановкою».

Намъ остается теперь перейти къ Москвѣ петровскаго времени, обзоръ котораго авторы начинаютъ страннымъ указаніемъ, что «воздвигнутая въ 1692—1695 г. Сухарева башня... предшествовала основанію Петербурга и мореплаванія» (XXXIV). Затѣмъ, сказавши, что «постоянное пребываніе въ Москвѣ царскаго двора содѣйствовало къ ея распространенію, населенію и обогащенію, украсило ее памятниками художествъ», авторы,

противъ всякаго ожиданія, начинаютъ обрисовывать какъ бы запущеніе Москвы въ началѣ XVIII ст., т. е. при Петрѣ: улицы стѣснены и обезображены шалашами, мазанками и печурами, бѣдность построеній, нищія, крестецкіе попы и дьяконы, колодники, языки, слово и дѣло, казни, вѣуть, плети, четвертованье, колесованье, отрубленныя головы, желѣзные рожны и т. п. (XXXIV, XXXV). Въ заключеніе, какъ бы для усиленія всего связаннаго, они повѣствуютъ: «Гдѣ прежде стояли *между пятнадцатью церквами* на этомъ городскомъ торгѣ (Красной площади) богадѣлennyя и зяблыя избы и больницы, вторыхъ было на Покровской и Срѣтенской улицахъ 12 избъ, тамъ при Петрѣ I построена *Комидіальная храмина*» и проч. Трудно понять, какъ была она построена между пятнадцатью церквами, и какъ сюда же относятся 12 избъ покровскихъ и срѣтенскихъ?

И. Завѣлинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА.

I. НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА РУССКОЙ ИСТОРИИ.

Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Соч. Сергія Соловьева. Т. XVI, стр. 408. Москва. 1866.

Появленіе новаго тома «Исторіи Россіи» каждый годъ совершается съ рѣдкою правильностью, и каждый годъ доставляетъ ту же здоровую пищу нашей любознательности. Много томный трудъ достопо-чтеннаго московскаго профессора безспорно оставляетъ за собою всѣ явленія въ наукѣ отечественной исторіи въ послѣднія два десятилѣтія. Всегда съ запасомъ невнесенныхъ до него въ науку фактическихъ свѣдѣній, добытыхъ изъ архивныхъ источниковъ, всегда съ невозму-тимымъ безпристрастіемъ, несклоняющимся ни передъ какими мимо-проходящими теоріями и навѣянными современною модою направле-ніями, съ добросовѣстностью, неподкупною ни чувствомъ, ни вообра-женіемъ, — авторъ идетъ къ своей цѣли съ возрастающимъ для чита-телей интересомъ. Его изложеніе въ первыхъ томахъ находили нѣ-сколько сухимъ и тяжелымъ, но за-то въ послѣднихъ оно будетъ всѣми признано живымъ и занимательнымъ и удовлетворитъ какъ по-требности строгаго знанія, такъ и общедоступности чтенія.

Шестнадцатый томъ ¹⁾ изображаетъ замѣчательную эпоху событій послѣ полтавской битвы. Но собственно изъ трехъ главъ только вто-рая исключительно принадлежитъ былевой исторіи: первая и третья от-носятся болѣе къ бытовой, захватывая время ранѣе полтавской эпохи, именно съ 1705 года. Мысль читателя невольно останавливается на томъ обстоятельствѣ, что тогда рядомъ со внутренними преобразованіями

¹⁾ Томы XIII, XIV и XV того же труда подали поводъ къ статьѣ К. Д. Кавелина: «Мысли и замѣтки о русской исторіи», извѣстной нашимъ читателямъ (1866, т. II, отд. II, стр. 325—404).

шла разорительная для края, тяжелая Сѣверная война; для ея веденія Петру нужны были денежные средства, а это влекло къ отягощенію народа налогами и возбуждало ропотъ и неудовольствія. «Правительство—говоритъ С. М. Соловьевъ—брало вездѣ, гдѣ только можно было взять, чтобы вынести тяжкую войну, предпринятую для пріобрѣтенія средствъ къ народному обогащенію: брали съ бородъ, съ дегтя, коломази, мѣлу, жиру, смолы, бань, брали съ подателей милостыни, брали дубовые гробы изъ лавокъ и продавали вчетверо—все было на откупъ. Пускали въ народъ мѣдныя деньги, а выбирали отъ народа хорошую монету на жалованье разнымъ людямъ и на политическія издержки. Кроме того, народъ обременяли всевозможными работами. При такомъ состояніи дѣлъ понятно, если въ народѣ родилась ненависть ко всѣмъ нововведеніямъ и преобразованіямъ, исходившимъ отъ правительства, когда эти нововведенія и преобразованія давались ему знать разомъ съ тягостями, которыя налагали на его трудъ и жизнь. Неудовольствіе это возвысилось до того, что самого царствовавшего тогда царя считали за антихриста... «Въ міру у насъ—говорилъ какой-то сельскій священникъ одному отставному прапорщику Аникѣ Акимичу Попову—стало нынѣ тяжело; прежнія подати берутъ сполна, да сверхъ того приблѣщники стали брать съ бань, съ избъ, съ мельницъ, съ пчель деньги; лѣсовъ рубить и въ водахъ рыбы ловить не велятъ: въ книгахъ писано, что антихристъ скоро родится отъ племени Данова». Аника отвѣчалъ: «Антихристъ уже есть у насъ въ царствѣ,—не государь царствуетъ—антихристъ, знай себѣ; именуется Даново племя царскимъ племенемъ, а государь родился не отъ первой жены—отъ другой, такъ и стало, что родился онъ отъ блуда, потому что законная жена бываетъ первая». Священникъ замѣтилъ: «Въ книгахъ писано, что при антихристѣ людямъ будутъ великія тягости, и нынѣ міру очень тяжело стало; того и гляди, что отъ Бога стануть отвращать». Игуменъ троickaго смоленскаго монастыря говорилъ: «Государь безвинно людямъ божиимъ кровь проливаетъ и церкви божиі разоряетъ; куда ему шведское царство подъ себя подбить?! Чтобъ и своего царства не потерялъ!» По доносу духовника, тяглецъ Садовой слободы, Василій Волкъ, винился: онъ при исповѣди царское величество называлъ антихристомъ, потому что велѣлъ бороды брить и платье нѣмецкое носить и службы великія, и податями и наборами солдатскими и иными нападкамі народъ весь разоренъ и въ приказахъ судьи дѣлають неправды и берутъ многія взятки; и онъ, государь, судей отъ того не унимаетъ и за ними не смотритъ, и въ податяхъ милости нѣтъ, и пишутъ гербъ орла двоеглаваго, а о двухъ головахъ орла не бываетъ, а двоеглавый змѣй, т. е. антихристъ, и пришло это ему въ мысль потому, что слыхалъ въ евангеліи и въ другихъ книгахъ читали (самъ грамотѣ не умѣетъ): въ послѣднія времена возстанетъ царство на

царство и народится антихристъ; и самъ онъ по дѣламъ разоренъ и указу ему не чинятъ въ земскомъ приходѣ; учинилось ему убитковъ 200 р., и доправлена на немъ вѣть безвинно; а когда онъ государь прямой царь, а не антихристъ, и судей въ неправдѣ унимаетъ, и ему Богъ въ помощь, а ему Василью дѣла нѣтъ». Попъ Будаковскій говоритъ: «Какой онъ царь?! лучшихъ бояръ велѣлъ посадить на колья; Петербургъ одѣлъ въ сапоги и вызолотилъ, а Москву одѣлъ въ лапти; но Москва у насъ безъ государя не будетъ». — Подобные случаи, которыхъ можно, конечно, отыскать множество въ народной жизни въ петровскую эпоху и послѣ нея, служатъ нагляднымъ указаніемъ того, что эпоха преобразования возбуждала противъ себя противоборство и недовольство въ народѣ тѣмъ, что эти преобразованія шли нераздѣльно съ народнымъ отягощеніемъ, происходившимъ, главнымъ образомъ, отъ продолжительной шведской войны, которую велъ царь Петръ. Народъ русскій, какъ мы знаемъ его и насколько можемъ узнать изъ сопоставленія прошедшихъ и современныхъ явленій, вовсе не такъ упрямъ, какъ то кажется, и была бы клевета на него, если бы мы за-урядъ съ иными нѣмцами видѣли въ немъ тупую привязанность къ буквѣ старины и слѣбое непониманіе пользы умственного развитія, вражду къ просвѣщенію, противъ которой приходилось долго бороться просвѣтительной власти. Явленія, подающія поводъ къ отысканію такихъ качествъ въ русскомъ народѣ, дѣйствительно, были, но они исходили не изъ внутреннихъ свойствъ народа. Впрочемъ, мы никакъ не хотимъ, ради своелюбія, отыскивать у себя какія-нибудь счастливыя особенности; чтò принадлежитъ русскому народу, то, при своеобразныхъ видоизвленіяхъ, подлежитъ законамъ общимъ для всѣхъ народовъ, исключая развѣ такихъ условій, когда народъ переживаетъ время паденія и разложенія; а въ такомъ состояніи, конечно, русскій народъ не былъ. Относительно привязанности къ старинѣ и способности усвоивать новизну (въ послѣдней способности, разумѣется, сущность человѣческаго преуспѣянія), можно приходитъ часто къ разнымъ противоположнымъ между собою заключеніямъ; одинъ скажетъ: народъ охранителевъ, народъ упрямъ стоитъ за старое; другой находитъ, напротивъ, что народъ уже черезъ-чуръ легкомысленно хватается за новое и скоро забываетъ старое: и тотъ и другой найдутъ себѣ подтвержденіе въ событіяхъ, но и тотъ и другой, приходя къ такимъ выводамъ, докажутъ, что они только скользятъ по внѣшнимъ явленіямъ, не углубляясь въ ихъ суть. Противоборство новому, конечно, лежитъ въ человѣческой природѣ, какъ сила самосохраненія; но на сколько это противоборство должно быть сильно, продолжительно и плодотворно, — это измѣряется тою степенью выгодъ, съ которыми новое входитъ въ жизнь. Русская пословица справедливо и вовсе не консервативно говоритъ: «рыба ищетъ гдѣ глубже, человѣкъ — гдѣ лучше».

Если народъ держится крѣпко своихъ обычаевъ, то это потому, что еще не испытывалъ вліянія такихъ, которые лучше прежнихъ обставляють его жизнь; онъ привыкаетъ къ своимъ изъ рода въ родъ, не зная о чужихъ, и свои въ его понятіи и воображеніи окружаются сіяніемъ святости; но это благочестивое поклоненіе старинѣ не сильнѣе для него сознанія житейскихъ выгодъ; какъ только онъ познакомится съ новизною, какъ только почувствуетъ, что съ новымъ лучше живется—никакія патріархальныя чувства не помогутъ, никакія правоученія и ироніи строгихъ Катоновъ и Ювеналовъ не предохраняють его отъ искушенія. Отъ этого въ исторіи нерѣдки примѣры, что народы измѣняютъ быстро свои обычаи, вѣру, народность, самый языкъ, перерождаются въ другихъ и, вообще, начинаютъ жить такъ, что предки въ нихъ не узнали бы своихъ потомковъ. Защитниками старинныя являются обыкновенно люди, которымъ въ ущербъ большинству было очень хорошо съ прежнимъ порядкомъ вещей, или же, вообще, такіе, которые почему-нибудь не могли еще испытать превосходства новизны; но, разумѣется, ихъ противоборство тѣмъ слабѣе, чѣмъ съ большею громадою своихъ собратій имъ приходится бороться.

Совсѣмъ другое мы видимъ тогда, когда новое соприкасается съ народною жизнью такъ, что народъ не видитъ въ немъ улучшенія своей судьбы, а иногда, напротивъ, чувствуетъ отъ него собственное отягощеніе и ухудшеніе своего быта. Тогда, естественно, онъ является упорнымъ защитникомъ стараго порядка и вооружается подъ знаменемъ святости старинныя. Славянскую натуру русскаго народа скорѣе можно упрекнуть въ легкой усвойчивости чужого и новаго, чѣмъ въ противоположной приверженности къ своему старому, и если, такъ называемое, петровское преобразование встрѣтило въ русской жизни себѣ сопротивленіе, то не отъ того, чтобы народу были, по существу его, противны всякіе иные порядки, а именно отъ того, что, по стеченію обстоятельствъ, народъ не видѣлъ отъ новаго ничего для себя выгоднаго, и большая часть распоряженій правительства оказывалась въ ближайшемъ воздѣйствіи на народное благосостояніе такими явленіями, которыя никакъ не могли расположить громаду въ ихъ пользу. Еслибъ дѣло шло противнымъ путемъ, еслибы народъ чувствовалъ, что, съ водвореніемъ признаковъ новаго строя, ему живется легче, чѣмъ жалось прежде—ничего бы не могли сдѣлать никакія охранительныя попытки, и самый великорусскій расколъ, такъ удобно примкнувшій къ оппозиціи противъ государственныхъ и общественныхъ преобразованій Петра Великаго, не имѣлъ бы и сотой доли того значенія, какое ему суждено было имѣть на много лѣтъ до нашихъ дней въ русской исторіи.

Обозрѣвая внутреннія дѣла Петра Великаго, мы видимъ повсюду, что главное вниманіе преобразовательнаго правительства обращено

было на увеличеніе доходовъ, истощавшее народныя силы, неосвобожденные еще отъ гнета старинной лѣни и невѣжества, и между тѣмъ, по причинѣ войны, поглощавшей большую часть сборовъ, недостижавшее своей цѣли. Съ народа брали постоянно всевозможными средствами, а расходы постоянно превышали приходы. Такъ, въ 1710 г., государь велѣлъ въ первый разъ сличить приходъ съ расходомъ: оказалось во всѣхъ губерніяхъ дохода 3,051,796 р., расходъ же на армію простирался до 1,252,525 р., на флотъ до 447,288 р., на разныя по-сольскія дачи до 198,031 р., на артиллерію и припасы до 221,799 р., рекрутамъ 30,000 р., на оружейныя дѣла 89,104 р., гарнизоннымъ служителямъ 977,896 р., на разныя дачи (царевичамъ, царикамъ, царевнамъ, на дворцовые расходы, аптекарскаго чина людямъ, на покупку лекарствъ, духовенству, русскимъ плѣннымъ въ Стокгольмѣ, приказнымъ, мастеровымъ и дворцовымъ людямъ, кормовщикамъ, руж-никамъ, ямщикамъ, на постройки) 675,775 р., итого: 3,834,418 р. А вотъ донесеніе Зотова въ 1718 году: «Въ недосылѣ изъ губерній денегъ съ 714 г. по нынѣшній близъ 1 милліона рублей; за эти и за нынѣшныя неисправы положено было штрафовъ 31,687 р., изъ котораго числа взято 3,368 р., да до указа отсрочено 5,613 р., сложено 2,834 р., не взято 19,841 р.» Такъ-то расходы значительно превышали доходы; оставались значительныя недоимки на многіе годы, и собираемыя деньги шли преимущественно по такимъ путямъ, которые не вели непосредственно къ увеличенію народныхъ средствъ благосостоянія; главное — онѣ шли на войну, продолжительную, тяжелую войну съ упрямымъ шведскимъ королемъ, не хотѣвшимъ добровольно разсчитаться съ Россіею за тѣ захваты, которые Швеція отъ нея приобрѣла въ смутное время. «Денегъ какъ возможно болѣе собирать» — писалъ Петръ новоучрежденному имъ сенату — «понеже деньги суть артерію войны». Но, съ другой стороны, сборъ денегъ съ народа можно сравнить съ кровопусканіемъ, которое бываетъ здорово въ извѣстной мѣрѣ и степени. Цвѣтъ народа постоянно отрывался отъ домашняго очага, чтобы погибать въ нуждѣ и подъ непріятельскимъ оружіемъ, приобретаая для Россіи Балтійское побережье. Ненавистное народу петербургское болото поглощало много трудовъ по волѣ государя, вздумавшаго воздвигнуть новую столицу, долженствовавшую потоптать величіе одрагѣвшей Москвы. Великій государь работалъ для своего государства, прозрѣвалъ въ далекую будущность — у него были великіе планы, но народъ не могъ ни его понимать, ни ему сочувствовать; страданія живыхъ не могли усладиться надеждами, что отъ нихъ будетъ пріятно нерожденнымъ потомкамъ; для текущей народной жизни не представлялось особеннаго счастья отъ того, если царь будетъ владѣть балтійскимъ побережьемъ и плавать по балтійскимъ волнамъ на своихъ корабляхъ. Шведская война, по взгляду русскаго человѣка того времени,

была не болѣе какъ тягость, зло, несчастіе, а вмѣстѣ съ нею тяжкими являлись ему внутреннія нововведенія, исходившія отъ того же царя, который народными силами велъ эту ненавистную войну. Замѣчательно написанное, по приказанію Петра, Шафировымъ разсужденіе, какія законныя причины его царское величество имѣлъ къ началу войны противъ Карла XII. Въ немъ есть такого рода объяснительное мѣсто: «Понеже ведомая война въ настоящее время не можетъ сладости приносить, но тягость, того ради многіе о той тягости негодуютъ: одни для незнанія; другіе по прелестнымъ словамъ ненавистниковъ, зря отечество наше возвышеннымъ Богомъ; третьи, понеже тунеядцы». Последнихъ двухъ не считаютъ достойными отвѣта, но первымъ отъ имени Петра «пространно повѣствуется и толкуется». Тутъ-то приводятся слова, которыя Петру слѣдовало опровергать: «и аще бы (говорить царь) изъ сихъ негодователей желалъ со мною преніе имѣть, мнѣ не вѣщае бы двухъ словъ вопрошалъ: Для чего сія война начата? Для чего такъ долго продолжается? лучше бы мирится, хотя бы и съ великою уступкою». Здѣсь Петръ угадываетъ, что скажетъ народъ, еслибы онъ позволилъ народу гласно заговорить, и, предупреждая его рѣчь, говоритъ самъ устами народа. Такъ, дѣйствительно, народъ и разсуждалъ. Затѣмъ слѣдуютъ доказательства о приобрѣтеніи Россіею чести и славы, паче же безопасности. Но народъ, занятый насущными потребностями, едва ли могъ тогда разсуждать о чести и славѣ и вообще объ отвлеченныхъ понятіяхъ государственной крѣпости и величія: ему ближе всего были тягости, нужды, разоренія, постигавшія многихъ въ угоду тому, что было далеко отъ сферы его текущей жизни. Петръ хотѣлъ во что бы то ни стало добыть побольше доходовъ для веденія войны противъ Карла XII и долженъ былъ бороться съ дурными общественными наклонностями, которыя мѣшали ему собирать доходы и въ особенности съ казнокрадствомъ. Но этотъ порокъ, укоренившійся въ Московскомъ государствѣ, былъ въ немъ такимъ же явленіемъ, какъ побѣги и шатанія съ цѣлію уклоненія отъ повинностей, какъ развитіе казачества на окраинахъ государства: все это были своего рода приемы оппозиціи власти, когда тягость ея чувствовалась. У русскихъ, временъ Московскаго государства, еще не сложилось того единственно человѣчески-правильнаго воззрѣнія на казенные сборы, что это не что иное, какъ собираемыя съ народа средства увеличить благосостояніе того же народа; для нихъ казна было нѣчто чуждое, съ нихъ тянущее и имъ за-то ничѣмъ не воздающее — однимъ словомъ, что-то въ родѣ гарача, который бы платилъ покоренный народъ покорителямъ. «Казна съ насъ со всѣхъ дереть — могъ говорить тогда русскій — почему же и мнѣ, когда случай есть, не подрать эту казну»; и казнокрадство за преступленіе признавалось только тогда, когда его нужно было признать преступленіемъ офиціозно, а оно не было

преступленіемъ по совѣсти. Казнокрадъ воображалъ себѣ тайкомъ, что ему можно быть хорошимъ человѣкомъ, пользуясь на казенный счетъ. Почти также, хоть и въ меньшей степени, русскій человѣкъ относился и къ міру, къ обществу, потому что этотъ міръ былъ для него также одною изъ функцій той же власти. Совѣсімъ иное понятіе было у русскаго о церковномъ достоиніи. Украсть у церкви былъ тяжкій грѣхъ: онъ лежалъ на совѣсти, хотя бы его не открылъ законъ и не преслѣдовалъ — и такого рода преступленіе преслѣдовалось общимъ мнѣніемъ, какъ и церковью; казнокрадъ же, напротивъ, съ усердіемъ удѣлялъ на церковь украденное у государства, и въ кругу своихъ ближнихъ и знакомыхъ могъ пользоваться добрымъ о себѣ мнѣніемъ. Уваженіе къ церковному достоинію происходило оттого, что церковь успѣла за многіе вѣка сосредоточить въ себѣ все нравственное и умственное воспитаніе народа, и бытіе ея сознавалось имъ гораздо болѣе, чѣмъ бытіе государства, и она гораздо болѣе, чѣмъ послѣднее, поддерживала связь и единеніе русскаго народа. Это, какъ нельзя яснѣе, видимъ мы въ великую эпоху смутнаго времени; тогда церковь, и только одна церковь, могла спасти потрясеніе и разлагавшееся государство. Казнокрадство было скорѣе порокомъ заблужденія, чѣмъ порокомъ развращенія. Казнокрадъ въ сущности могъ быть очень честный человѣкъ въ своихъ связяхъ съ людьми; этому примѣровъ можно было видѣть много; русскій человѣкъ, которому нипочемъ было надуть казну или міръ — вообще власть, — былъ нерѣдко безукоризненно честенъ, когда входилъ въ добровольныя сдѣлки и согласія по какимъ бы то ни было дѣламъ съ своими соотечественниками.

Чтобы прекратить этотъ порокъ, нуженъ былъ одинъ путь: внушить и укрѣпить понятіе о святости казны, а для этого необходимо, чтобы народъ возымѣлъ сознаніе, что казенные сборы идутъ на народное благосостояніе, что это собственность всѣхъ; тогда хоть бы и были казнокрады, но они, точно также какъ частные воры и разбойники, сознавали бы въ совѣсти, что поступаютъ дурно, тогда какъ совѣсть казнокрадовъ не только до Петра, при Петрѣ, но и послѣ Петра, оставалась нѣмою противъ своихъ незаконныхъ дѣяній. Петръ хотѣлъ искоренить казнокрадство однимъ страхомъ суроваго наказанія, но такъ какъ страхъ безъ нравственнаго убѣжденія ведетъ отнюдь не къ искорененію порока, а только къ осторожности, то Петръ, зная это, старался изыскивать средства, чтобы преступникамъ трудно было прятать концы въ воду, и учредилъ систему фискальства и оберъ-фискальства. Мы не станемъ винить великаго государя за эти мѣры, потому что онъ, при всемъ своемъ геніи, былъ сынъ своего вѣка и своей страны; но фискальство есть, вообще, ошибка въ общечеловѣческомъ смыслѣ, къ чему бы его ни прилагали. Преслѣдуя преступленія, считаемыя безнравственными, здѣсь употребляются средства, развращаю-

щія общество, а тѣмъ самымъ это общество дѣлается еще болѣе способнымъ къ появленію въ своей средѣ всякихъ безнравственныхъ личностей и, слѣдовательно, преступленій. Система фискальства всегда употреблялась многими правительствами часто съ очень доброю и безкорыстною цѣлію; это было легчайшее средство, къ которому прибѣгали, потому что не видѣли или не хотѣли избрать гораздо труднѣйшаго, но и вѣрнѣйшаго пути. Съ нимъ можно еще помириться въ томъ случаѣ, когда, напримѣръ, идетъ дѣло о поимкѣ совершившихъ уже извѣстный преступный фактъ, и полиція должна бываетъ въ громадѣ общества искать скрывающихся преступниковъ; но въ такомъ случаѣ полиція укрывается только отъ немногихъ лицъ, которыхъ поступки осуждаются обществомъ, и гдѣ общество своими силами только помогаетъ полиціи для собственнаго огражденія; тамъ же, гдѣ идетъ дѣло объ истребленіи вредныхъ направленій или пороковъ, пустившихъ въ обществѣ болѣе или менѣе глубокіе корни, объ отысканіи и отиѣтѣй правительственнымъ подозрѣніемъ людей, противъ которыхъ за убѣжденія и дѣла правительство должно будетъ принимать мѣры,—тамъ фискальство не можетъ принести столько добра, сколько зла, потому что фискаль, для открытія какихъ-нибудь противоправительственныхъ поступковъ или убѣжденій, приводящихъ къ такимъ поступкамъ, долженъ необходимо прибѣгать къ притворству, двуличности, коварству. Одобрѣя подобныя качества, правительство тѣмъ самымъ размножаетъ людей съ такими дарованіями, а кто же не способенъ на всѣ пороки и преступленія, какъ не люди съ такими качествами? Фискаль, видящій для себя награду за отысканіе преступленій, очевидно, желаетъ, чтобы было не менѣе, а болѣе преступленій. Такимъ образомъ, его желанія идутъ въ разрѣзъ, не только съ желаніями доброй части общества, но и съ желаніями правительства, которому онъ думаетъ угождать. Въ этомъ — прямое противорѣчіе должности фискала въ томъ видѣ, въ какомъ она существовала у насъ при Петрѣ, съ обязанностями полиціи вообще. Полиція блюдетъ порядокъ и поставляетъ свою славу въ томъ, чтобы въ ея вѣдомствѣ какъ можно менѣе совершалось преступленій; бдительность полиціи выражается болѣе тѣмъ, чтобы не допускать до возможности совершаться преступленіямъ, чѣмъ тѣмъ, чтобы совершившіяся были открыты; напротивъ, дѣятельность фискала петровской эпохи тогда только и могла показаться во всемъ блескѣ ревностнаго исполненія службы, когда былъ урожай на преступленія. Фискаламъ давалось широкое поле. «Должность ихъ (гласитъ распоряженіе 17 марта 1714 г., состоявшее уже въ качествѣ ограниченія ихъ произвола и злоупотребленій), состоитъ въ взисканіи всѣхъ безгласныхъ дѣлъ, т. е.: 1) всякое преступленіе указамъ; 2) всякія взятки и кража казны и прочее, что ко вреду государственнаго интереса быть можетъ; 3) прочія дѣла народныя, въ которыхъ

нѣтъ челобитчиновъ, напр., ежели какого прѣзжаго человѣка убьютъ, или наслѣдникъ послѣдній въ своей фамилии въ младенчествѣ умретъ безъ завѣщанія предковъ его, и т. п. Во всѣхъ этихъ дѣлахъ фискалу надлежитъ только провѣдывать, доложить и при судѣ обличать, а самому ничѣмъ ни до кого, также и въ дѣла голось въ себѣ имѣющія, отнюдь ни тайно, ни явно не мѣшаться подъ жестокимъ штрафомъ или разореніемъ или ссылкой. Если фискаль на кого и не донесетъ всего, то ему въ вину не ставить, ибо невозможно о всемъ томъ аккуратно вѣдать; а если ни въ маломъ не уличить, но всѣ доносы его будутъ неправы, однако ежели фискаль сдѣлалъ это не изъ корысти и не по злобѣ, то взять съ него штрафъ легкій, дабы впредь доносили съ большимъ осмотрѣніемъ.» Правда, если фискаль затѣвалъ ложный доносъ по злобѣ или изъ корысти, его постигало наказаніе; но вѣдь нужно было еще доказать, что онъ дѣйствовалъ именно по такимъ побужденіямъ, а это не всегда было можно; тогда какъ кака-нибудь малѣйшая черта, которая не правила правительству, открытая фискаломъ, можетъ быть, по злобѣ, клеймила человѣка на всю жизнь и ставила его передъ властію уже въ невыгодное положеніе. Но достигало ли притомъ фискальство при Петрѣ всегда своей цѣли, на это мы находимъ отвѣтъ въ доносѣ одного фискала на другихъ (стр. 241). Одинъ изъ фискаловъ «Нестеровъ (говоритъ г. Соловьевъ) жаловался на фискаловъ московскихъ, которые далеко отставали отъ него въ усердіи»; но если плохи были фискалы московскіе, то въ другихъ губерніяхъ еще хуже. «А въ другихъ губерніяхъ и спрашивать уже нечего (писалъ Нестеровъ): многіе фискалы по городамъ ничего не смотрятъ и ни съ кѣмъ оступы принять не хотятъ, добились черезъ оберъ-фискала своихъ мѣстъ, чтобы отбыть службы и посылки, и живутъ какъ сушіе тунейдцы въ своихъ деревняхъ. Я наложилъ на нихъ штрафы, а оберъ-фискаль сложилъ, потому что у нихъ общая дворянская компанія, а я между ними замѣшался одинъ только съ сыномъ моимъ, котораго обучаю фискальству.» Чтò же это такое? Здѣсь сказываются тѣ самые пороки, для искорененія которыхъ фискальство было учреждено. Но можетъ быть эти тунейдцы, предпочитавшіе исполненію новой должности прадѣдовскій обычай отлынивать отъ службы государству и отъ повинностей, еще менѣе были вредны, чѣмъ тѣ, которые исполняли свою должность? Самъ Петръ, впоследствии, долженъ былъ сознаться, что «земскаго фискала чинъ тяжелъ и ненавидимъ». Вотъ какъ отозвался объ учрежденіи фискаловъ одинъ изъ достойныхъ уваженія людей того времени, Стефанъ Яворскій, митрополитъ рязанскій, въ одной изъ своихъ проповѣдей: «Законъ Господень непороченъ, а законы человѣческіе бываютъ порочны, а какой то законъ, напримѣръ, поставити надзирателя надъ судами и дати ему волю кого хочеть обличати—да обличить, кого хочеть обезчестити—да обез-

честить, а когда того не доведетъ, о чемъ на ближняго своего влещеть, то за вину ему не ставить, а такъ ему и слова не говорить, вольно то ему! Не тако подобаетъ симъ быти; искалъ онъ моея головы, поклепъ на меня вложилъ, а не довелъ,—пусть положитъ свою голову; сѣтъ мнѣ скрыль,—пусть самъ ввязнетъ въ узкую; ровъ мнѣ ископалъ,—пусть самъ впадетъ въ оныя.> Смѣлая выходка митрополита не осталась вовсе безъ вниманія; вслѣдствіе ея явилось вышеприведенное распоряженіе 1714 г., нѣсколько стѣснявшее безнаказанность фискальства, но все-таки еще представлявшее фискаламъ много простору вредить ближнимъ, а, главное, одно уже ихъ учрежденіе было вредно, какъ развратительное въ обществѣ.

Но, повторяемъ, мы далеки отъ того, чтобы обвинять Петра, зачѣмъ этотъ великій человекъ не былъ выше предрасудковъ и ошибокъ своего вѣка и края; не только онъ, но и многіе другіе умные люди того времени не старались, чтобы отъ ихъ преобразованій народъ тотчасъ чувствовалъ себѣ облегченіе, а сила государственная тогда только бываетъ прочна, когда народъ, составляющій государственный матеріалъ, пользуется довольствомъ и благосостояніемъ. Эпоха внутреннихъ преобразованій не должна была быть эпохой войны: это значитъ, по евангельскому изреченію, двумъ господамъ служить. Всякая война, хотя бы самая справедливая и неизбѣжная, всегда есть время тягости для народа, а время преобразованій, чтобы они были успѣшны, должно быть временемъ мира, льготъ, для того, чтобы народъ сочувствовалъ этимъ преобразованіямъ и усваивалъ ихъ добровольно, ощущая на своей жизни ихъ благодѣтельность.

Въ наше время вошло уже въ научный обычай подвергать преобразованія Петра строгой критикѣ, и много мы слышали и читали голосовъ противъ того, что Петръ въ своихъ преобразованіяхъ мало обращалъ вниманія на сообразность или несообразность этихъ преобразованій съ народными привычками. Это замѣчаніе мы позволили бы себѣ уяснить. Не то ошибка, если власть хочетъ ввести что-нибудь новое, хотя бы и чужое и несообразное съ прежними, хотя бы и вѣковыми, народными привычками и приѣмами народной жизни. Если народъ не привыкъ, то можетъ привыкнуть къ новому. Успѣхи и легкость усвойчивости нововведеній зависятъ отъ того, сколько преобразователи имѣютъ въ виду дѣйствительную, ощутительную и ближайшую для живущаго поколѣнія пользу; въ преобразованіяхъ же Петра являются не только такіа нововведенія, которыя безъ пользы оскорбляли народныя привычки, но даже такіа, которыя, будучи противны народнымъ привычкамъ и народному быту, въ то же время не только никогда не могли принести ему пользы, но еще были сами по себѣ человѣчески несправедливы. Въ первомъ случаѣ мы уважемъ хоть на бороды, которыя ненавидѣлъ великій государь до такой степени; рус-

скій народъ свылся съ бороδοю; у него ее отнимали, но черезъ это непосредственно онъ не приобрѣталъ и не могъ приобрести никакой пользы для себя; и если бритье бородъ въ тѣ времена входило въ число наружныхъ признаковъ западнаго европейства, съ которыми сблизить Россію хотѣлось царю, то стоило только позволить брить бороды вмѣсто того, чтобы приказывать ихъ брить, и выгоды казаться европейцами сами собою привели бы русскихъ къ усвоенію этого признака. Во второмъ случаѣ, укажемъ хоть на маіоратство. Этотъ порядокъ, явившійся на западѣ вслѣдствіе историческихъ обстоятельствъ, не могъ привиться къ Россіи и принести здѣсь пользу, не смотря на нѣкоторыя видимыя выгодныя стороны, прельстившія Петра; этотъ обычай былъ здѣсь неумѣстенъ уже потому, что русскій народъ въ обычаяхъ наслѣдства руководствовался болѣе человѣчными и справедливыми понятіями, чѣмъ Западъ съ своимъ маіоратствомъ, и, слѣдовательно, русскій народъ стоялъ въ этомъ отношеніи выше западныхъ народовъ. Петръ не понялъ этого, какъ и многого не понялъ онъ подобнаго. То же можно сказать относительно ревизіи и подушнаго оклада; какъ ни несовершенна, какъ ни недостаточна была прежняя система распредѣленія и взиманія налоговъ и повинностей въ Московскомъ государствѣ, но все же она гораздо болѣе опиралась на законахъ общечеловѣческой справедливости, чѣмъ введенная преобразователемъ, хотя преобразователь въ этомъ случаѣ былъ логиченъ съ своей точки зрѣнія. Нужно было большей правильности, однообразія и, тѣмъ самымъ, вѣрности сбора податей и налоговъ; система петровская для казны имѣла видимое преимущество передъ прежнею, но была несправедлива и потому отяготительна для народа, а, слѣдовательно, служила къ обѣднѣнію края, что, вмѣстѣ съ другими подобными для народа учрежденіями, сказывалось очень часто недоимками и невозможностью казнѣ получить то, что ей получить хотѣлось. Отъ этого, въ видахъ соболѣзнованія къ народному отягощенію, не разъ правительство принуждено было разомъ прощать накопившіяся недоимки. Но важнѣйшее неудобство такихъ мѣръ, гдѣ обращается болѣе вниманія на увеличеніе казенныхъ доходовъ, безъ соблюденія въ способѣ ихъ взиманія справедливости, состоитъ въ томъ, что оно препятствуетъ поддержанію и развитію чувства и твердаго сознанія справедливости въ подвластныхъ.

Изъ политическихъ событій чрезвычайно любопытны и важны отношенія Россіи къ Польшѣ. Уже въ то время послѣдняя начала подчиняться вліянію первой, и русское правительство поддерживало на тронѣ ея короля и вступало въ посредничество по дѣлу о спорахъ между королемъ Августомъ и чинами Рѣчи Посполитой. А извѣстно, что государство, какъ скоро дозволяетъ вмѣшиваться друзьямъ своимъ въ свои внутреннія дѣла и опирается на помощь сосѣда, то оно

уже недолговѣчно. Сѣверная война, тяжелая для Россіи во время ея веденія, окончившаяся, благодаря непоколебимой настойчивости Петра, для нея со славою, а для Швеціи съ потерями, для Польши была предвѣстницею гибели въ будущемъ. Петръ и здѣсь, какъ во многомъ другомъ, проложилъ путь Екатеринѣ.

Графъ Блудовъ и его время. (Царствованіе императора Александра I). *Е. Ковалевскаго. Стб. 1866. Стр. 259.*

Графъ Блудовъ принадлежитъ къ такимъ историческимъ личностямъ, которыхъ значеніе столько же важно по многолѣтней государственной дѣятельности, сколько и по личнымъ качествамъ, имѣвшимъ большое вліяніе на близкую ему среду. Понятно, какъ замѣчательно явленіе біографіи такого человѣка. Авторъ совершенно справедливо не ограничивается только тѣмъ, что непосредственно относится къ жизнеописанію Блудова, но обращается къ событіямъ и лицамъ, въ средѣ которыхъ графъ Блудовъ жилъ и дѣйствовалъ.

Жизнеописаніе начинается генеалогіею Блудова, котораго производятъ отъ того Блуда, который, въ 981 году, умертвилъ предательски великаго князя кіевскаго Ярополка въ угоду брату его Владимиру. Этого Блуда жизнеописатель графа Блудова называетъ Блудомъ. Пусть специально занимающіеся археологическими родословіями повѣрятъ справедливость такого вывода... Графъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ родился въ 1785 году въ Шуйскомъ уѣздѣ въ своемъ родовомъ имѣніи, лишился отца въ младенчествѣ, воспитался подъ надзоромъ матери, переехалъ съ нею въ Москву, служилъ въ Архивѣ иностранныхъ дѣлъ, и въ 1818 году уѣзжалъ въ Англію, чтобъ слѣдить за направленіемъ англійской и американской журналистики, и тамъ пробылъ болѣе двухъ лѣтъ. Послѣ смерти императора Александра, онъ былъ дѣлопроизводителемъ верховнаго суда надъ обвиненными по событію 14 декабря. По этому поводу жизнеописатель старается опровергнуть порицанія, обращаемыя на графа Блудова Тургеневымъ въ книгѣ «La Russie et les Russes». Въ трудѣ г. Ковалевскаго есть много интересныхъ свѣдѣній, относящихся къ императору Александру, особенно въ послѣдніе его дни, и къ нѣкоторымъ государственнымъ дѣятелямъ его времени: Поццо ди-Борго, Каподистрии, фельдм. Каменскому, Аракчееву, а также и къ писателямъ-современникамъ Блудова — Озерову, Шишкову, Жуковскому, Карамзину, отчасти и другимъ. Съ Жуковскимъ и Карамзинымъ Блудовъ былъ особенно близокъ. «Одинаковый образъ мыслей (говоритъ біографъ Блудова), одни и тѣ же стремленія въ жизни, связывали тѣсно эти три личности. Возьмите на выдержку изъ ихъ сочиненій того времени любое мѣсто, которое только носило бы отпечатокъ чувствъ и отличалось полнотою мысли — то же стремленіе жить для добра, для истины,

которая одна служитъ основою счастья и просвѣщенія. Карамзинъ въ письмѣ своемъ къ Тургеневу говорить: «Жить есть не писать исторіи, не писать трагедіи или комедіи, а какъ можно лучше мыслить, чувствовать, дѣйствовать, любить добро, возвышаться душой къ его источнику; все другое, любезный мой пріятель, есть шелуха, не исключая моихъ восьми или девяти томовъ; чѣмъ долѣе живемъ, тѣмъ болѣе объясняется для насъ цѣль жизни и совершенство ея: страсти должны не счастливить, а разрабатывать душу... любите добро, а что есть добро — спрашивайте у совѣсти.» Вотъ, что писалъ Жуковскій къ тому же А. И. Тургеневу (1812 г. 4 авг.). «Помнишь ли, что говорилъ Миллеръ: «*Lesen ist nichts; lesen und denken—etwas; lesen, denken und fühlen — die Vollkommenheit.* На мѣсто *lesen* поставить *leben*...»; и далѣе: «великія мысли усовершенствуютъ великія чувства, удерживаютъ ихъ на ихъ полетѣ; произведеніе всего этого — счастье.» Приводимъ, наконецъ, выписку изъ письма Блудова къ женѣ: «Правда! правда! Она всего дороже въ мірѣ. Служеніе ей — служеніе Богу; и я молю Его, чтобы наши дѣти во всю свою жизнь были ея обожателями, исповѣдниками, а буде нужно и страдальцами.»

Книга г. Ковалевскаго написана ясно и читается съ большимъ удовольствіемъ. Къ ней приложено нѣсколько записокъ изъ бумагъ Блудова; изъ нихъ нѣкоторыя относятся къ русской исторіи XVIII вѣка: судъ надъ графомъ Девьеромъ и его соучастниками, о самозванцахъ, явившихся при Екатеринѣ II въ Воронежской губерніи, бунтъ Беньювскаго въ Большерѣцкомъ островѣ (объ этомъ была подробная статья въ «Русскомъ Архивѣ» за прошлый годъ), дневныя записки князя Меншикова, заговоръ и казнь Мировича.

Если это сочиненіе вызвало въ нашей журналистикѣ столкновеніе надъ головою почтеннаго автора, если нашлись люди, которые увидѣли возможность, по поводу труда нѣсколькихъ годовъ, высказать свои минутныя убѣжденія, то такое явленіе не ново и нисколько не касается самого автора: самое сочиненіе прочтутъ и тогда, когда давно имена его порицателей будутъ забыты.

Николай Михайловичъ Карамзинъ, по его сочиненіямъ, письмамъ и отзывамъ, современниковъ. Матеріалы для біографіи съ примѣчаніями и объясненіями. *М. Погодина*. Т. I. стр. 397; Т. II, стр. 506. Москва. 1866.

Письма Н. М. Карамзина къ Н. Н. Дмитріеву, съ примѣчаніями и указателемъ, составленнымъ *Я. Гротомъ* и *П. Пекарскимъ*. Къ письмамъ приложены снимки почерка и портретъ Карамзина. Спб. 1866 стр. 488. Примѣч. стр. 0214.

Столѣтній юбилей рожденія Карамзина, какъ и слѣдовало ожидать, подалъ поводъ къ составленію сочиненій, относящихся къ этой знаменитой личности. Первое мѣсто занимаетъ въ этомъ отношеніи книга г. Погодина. Это преимущественно—сборникъ писемъ и отрывковъ Ка-

рамзина, а также лицъ, писавшихъ къ нему, съ нѣкоторыми замѣчаніями самаго издателя. Въ первомъ томѣ излагается дѣтство и юность Карамзина, его воспитаніе, его путешествіе въ чужіе края, причѣмъ приводится, для характеристики, много мѣстъ изъ «Писемъ Русскаго Путешественника», первые литературные опыты, изданіе «Московского Журнала» и сборниковъ.

Въ этотъ періодъ Карамзинъ является исключительно, какъ литераторъ, во вѣшнемъ смыслѣ этого слова. Заботы его — о языкѣ и слоги; содержаніе часто бѣдно; его опыты носятъ отпечатокъ упражненій и сильно пропитаны сентиментальностью, которая въ тѣ времена нравилась. Заслуги его для обработки русскаго языка въ тотъ періодъ были уже значительны. Новая эпоха въ его жизни и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ русской литературѣ началась съ «Вѣстника Европы». Это былъ первый учено-литературно-историческій журналъ въ Россіи; можно сказать, что только съ него русская письменность надлежащимъ образомъ ступила, съ пути литературныхъ упражненій, на путь жизненныхъ вопросовъ. Только въ основанномъ имъ «Вѣстникѣ» Карамзинъ начинаетъ быть тѣмъ, съ чѣмъ достигъ безсмертной славы — историкомъ, политикомъ, гражданиномъ, мыслителемъ, цѣнителемъ и судьей общественныхъ требованій и вопросовъ. Здѣсь онъ помещаетъ свои первые этюды по русской исторіи, такъ сказать, прообразующіе будущее его твореніе; здѣсь онъ разсуждаетъ о просвѣщеніи Россіи, о книжной торговлѣ, о патриотизмѣ, о крестьянскомъ дѣлѣ; здѣсь онъ толкуетъ о значеніи французской революціи и указываетъ ея хорошія слѣдствія, происшедшія изъ отрицанія этого зла, и проч. «Вѣстникъ Европы» для Карамзина былъ его вступленіемъ въ высшую дѣятельность, какъ и самъ журналъ для всей русскаго журналистики былъ первымъ признакомъ періода возмужалости. Карамзинъ этимъ журналомъ только отворилъ ворота на свѣтъ русской литературѣ и оставилъ его продолжать другимъ, для того, чтобы самому сдѣлаться исключительно отечественнымъ историкомъ.

Второй томъ матеріаловъ, изданныхъ г. Погодинымъ, обвиняетъ тотъ періодъ жизни Карамзина, когда дѣятельность его была посвящена преимущественно своей «Исторіи Государства Россійскаго», отъ вступленія въ званіе исторіографа до смерти *). Нельзя не обратить вниманія на то, что Карамзинъ принялся — было за свой трудъ съ тою самонадѣянностью съ какою нерѣдко и теперь принимается русскій человекъ за важныя дѣла; онъ не хотѣлъ совѣтоваться со Шлецеромъ; онъ не изъявлялъ охоты руководиться его осторожными приемами; онъ мало цѣнилъ историческую критику, не сознавалъ томи-

*) Исслѣдованіе М. П. Погодина о томъ, когда родилась, и какъ развивалась мысль Карамзина писать русскую исторію — см. выше, 1866, т. II, отд. I, стр. 164.

тельного труда, потребнаго для великаго дѣла; его занимало преимущественно не дѣло научной обработки, а рассказъ,—и въ пять, въ шесть лѣтъ, онъ надѣялся дописаться до Романовыхъ. Не такъ случилось. «Онъ» — говоритъ г. Погодинъ — «проработалъ безпримѣрно двадцать пять лѣтъ и все еще не дошелъ до Романовыхъ.» Въ первые годы своего труда онъ проживалъ въ Остафьевѣ, селѣ своего тестя, князя Вяземскаго. Г. Погодинъ посѣщалъ это мѣсто, и краснорѣчиво описалъ его съ собственными воспоминаніями. Скоро здравый умъ указалъ Карамзину его заблужденіе насчетъ скорости, съ какою онъ думалъ писать исторію. «Онъ увидалъ» — говоритъ г. Погодинъ — «нужду, почувствовалъ необходимость останавливаться на буквахъ, о коихъ прожужжалъ уши досадный Шлеперъ; онъ увидѣлъ невозможность ступить ни шагу безъ утомительныхъ изслѣдованій объ одномъ словѣ, объ одномъ имени, числѣ; но желѣзная воля, но здравый умъ, но внутренній смыслъ ему помогали; онъ сдѣлался самъ строгимъ критикомъ, многостороннимъ ученымъ, противъ воли, самъ не примѣчая того, и доходилъ до удачныхъ результатовъ.» Изъ приведенныхъ отрывковъ къ Муравьеву, къ своему брату и къ Александру Ивановичу Тургеневу, можно прослѣдить, шагъ за шагомъ, составленіе «Исторіи Государства Россійскаго» въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Въ 1809 году началось его знакомство съ великою княгиней Екатериною Павловною, жившею въ Твери; она полюбила его и покровительствовала ему: черезъ нее онъ сталъ извѣстенъ лично императору Александру и былъ имъ обласканъ. Попечитель московскаго университета, Кутузовъ, написалъ на него доносъ: «Не могу — выражался этотъ сановникъ — глядѣть равнодушно на распространяющееся у насъ уваженіе къ сочиненіямъ г. Карамзина. Вы знаете, что они исполнены вольнодумческаго и яковинскаго яда. Но его послѣдователи и одобрители подняли теперь еще болѣе голову, ибо его сочиненія одобрены пожалованіемъ ему ордена и рескриптомъ, его сопровождавшимъ. Карамзинъ явно проповѣдуетъ безбожіе и безначаліе. Не орденъ ему надобно дать, а давно бы пора его запереть, не хвалить его сочиненія, а надобно бы ихъ сжечь; и Вы (онъ обращается къ министру народнаго просвѣщенія, графу Разумовскому) и я дадимъ отвѣтъ передъ судомъ Божиимъ, когда не ополчимся противъ сего яда, во тѣмъ пресмыкающагося, и не поставимъ оплота сей тлетворной водѣ, всякое благочестіе потопить угрожающей. Ваше есть дѣло открыть государю глаза и показать Карамзина во всей его гнусной наготѣ, яко врага Божія и врага всякаго блага и яко орудіе тьмы.» Доносъ этотъ не имѣлъ дѣйствія, но, тѣмъ не менѣе, Карамзинъ вошелъ скоро, если не въ немилость, то въ охлажденіе къ императору, совершенно по другой, можно сказать, противоположной этому причинѣ. По желанію великой княгини, онъ составилъ свою извѣстную «Записку» о древней и новой Россіи. Она

была написана въ духѣ тогдашней московской охранительной партіи, недовольной либерализмомъ и охотою къ преобразованіямъ императора Александра. Записка эта представлена была императору въ 1811 г., послѣ того, какъ Карамзинъ читалъ государю свою исторію и видѣлъ отъ него большую благосклонность. «Записка» измѣнила расположеніе императора. Александръ разгнѣвался на Карамзина, пришелъ въ негодование. Ему не понравилось оужденіе его дѣятельности и задуманныхъ стремленій. Странное событіе! Карамзинъ передъ самодержавнымъ государемъ защищаетъ самодержавіе и порицаетъ намѣреніе ввести конституцію въ Россіи, стоитъ вообще за охранительныя начала, и за то — самодержавный государь на него гнѣвается. Нѣсколько бурныхъ для Россіи лѣтъ прошло послѣ того. Въ 1816 г., Карамзинъ отправился въ Петербургъ представить государю восемь томовъ своей «Исторіи» и выхлопотать себѣ средства для печати. Обласканный императрицами, матерью и супругою, Карамзинъ, однако, чувствовалъ нѣсколько времени, что государь продолжаетъ еще оказывать къ нему свою давнюю холодность. Долго его не пускали на глаза; въ письмахъ Карамзина онаго времени господствуетъ досада и раздражительность: онъ хотѣлъ уже возвращаться въ Москву безъ успѣха. Нужно было важнаго посредничества Аракчеева, чтобъ добиться свиданія. Но потомъ все обошлось какъ нельзя лучше. Карамзинъ былъ принятъ милостиво, остался въ Петербургѣ, проживалъ лѣтомъ близъ высокой фамиліи въ Царскомъ Селѣ. Пошло печатаніе. Карамзинъ тѣготился корректурами. Наконецъ, 28 января 1818 г., Карамзинъ поднесъ государю экземпляръ отпечатанной «Исторіи». Г. Погодинъ при этомъ распространяется, вообще, объ извѣстныхъ достоинствахъ «Исторіи Государства Россійскаго». Но если Карамзинъ своими строго охранительными убѣжденіями навлекъ-было на себя гнѣвъ самодержавнаго государя, то какъ было не раздражить ему тогдашнихъ молодыхъ людей, воспитанныхъ на разнообразныхъ отголоскахъ французской революціи, то-и-дѣло что мечтавшихъ видѣть въ Россіи конституціонный порядокъ, уравненіе сословій; какъ могъ онъ имъ понравиться съ своимъ поклоненіемъ самодержавію Россіи, съ своими похвалами крѣпостному праву, и мудрено ли, если молодой Пушкинъ «не могъ» (говоритъ г. Погодинъ) «преодолѣть искушенія сказать «острое слово и выразить общее настроеніе окружавшей его передовой молодежи такъ:

«Въ его «Исторіи» изящность, простота
 «Доказываютъ намъ, безъ всякаго пристрастья,
 «Необходимость самовластія
 «И прелести кнута».

«Но не только молодежь, а и изъ вельможныхъ стариковъ были недовольные приверженностью Карамзина къ самодержавному строю, графъ Румянцовъ-канцлеръ и еще какой-то старый знакомецъ... по-жѣднѣй принималъ Карамзина очень холодно и объявлялъ, что знаетъ его образъ мыслей *contraire aux idées libérales* (должно быть Козо-царевъ).» Онъ жалуется—писалъ объ немъ Карамзинъ Дмитріеву— что я хвалю самодержавіе, а не либеральныя идеи, т. е. хвалю печи виною въ сѣверномъ климатѣ.»

Вотъ, какъ отвѣчалъ Карамзинъ вообще либераламъ своего времени:

«Либералисты! Чего вы хотите? Счастія людей? Но есть ли счастье тамъ, гдѣ есть смерть, болѣзни, пороки, страсти? Основаніе гражданскихъ обществъ неизмѣнно. Можете низъ поставить на верху, но будетъ всегда низъ и верхъ, и воля и неволя, богатство и бѣдность, удовольствіе и страданіе. Для существа нравственнаго нѣтъ блага безъ свободы, но эту свободу даетъ не государь, а каждый изъ насъ самому себѣ съ помощью Божіею. Свободу мы должны завоевать въ своемъ сердцѣ миромъ совѣсти и довѣренностью къ Провидѣнію.»

А, между тѣмъ, тотъ же Карамзинъ, невыносившій мысли о конституціи въ Россіи, нетерпѣвшій современныхъ либеральныхъ предположеній, по отношенію вообще къ цѣлому человѣчеству, не показывалъ вражды къ гражданской и политической свободѣ. «Мнѣ гады лакеи и низкіе честолюбцы и низкіе корыстолюбцы (писалъ онъ къ Дмитріеву). Дворъ не возвыситъ меня. Люблю только государя. Къ нему не лезу и не ползу. Не требую ни конституціи, ни представителей, но по чувству останусь республиканцемъ и притомъ вѣрнымъ подданнымъ царя русскаго.»

При такихъ строго-охранительныхъ убѣжденіяхъ, понятно, какъ волновала Карамзина мысль о восстановленіи Польши, занимавшая императора Александра. Въ Запискѣ по этому вопросу, поданной государю императору, 17 октября 1817 г., Карамзинъ говоритъ:

«Можете ли съ совѣстію отнять у насъ Бѣлоруссію, Литву, Волынію, Подолію, утвержденную собственностью Россіи еще до вашего царствованія? Не клянутся ли государя блюсти цѣлость своей державы? Сія земля уже были Россіею, когда митрополитъ Платонъ вручилъ вамъ вѣнецъ Мономаха, Петра и Екатерины, которую вы сами назвали великою. Скажутъ ли, что она незаконно раздѣлила Польшу? Но вы поступили бы еще незаконнѣе, если бы вздумали загладить ея несправедливость раздѣломъ самой Россіи. Мы взяли Польшу мечьемъ: вотъ наше право, коему всѣ государства обязаны бытіемъ своимъ, ибо всѣ составлены изъ завоеваній. Екатерина отвѣтствуетъ Богу, отвѣтствуетъ исторія за свое дѣло, но оно сдѣлано, и для васъ уже свято. Для васъ Польша есть законное руссійское владѣніе. Ста-

рыхъ крѣпостей нѣтъ въ политикѣ; иначе мы должныствовали бы возстановить и Казанское и Астраханское Царство, Новгородскую Республику, Великое Княжество Рязанское и такъ далѣе. Къ тому же и по старимъ крѣпостямъ Бѣлоруссія, Волинія, Подоля вмѣстѣ съ Галиціею были нѣкогда кореннымъ достояніемъ Россіи. Если вы отдадите ихъ, то у васъ потребуютъ и Кіева и Чернигова и Смоленска, ибо они также принадлежали враждебной Литвѣ. Или все, или ничего.» Замѣчательнъ взглядъ Карамзина, историка и археолога, на этотъ предметъ. Историческія и археологическія доказательства, которыя въ наше время у многихъ публицистовъ и мыслителей въ этомъ вопросѣ занимаютъ главное мѣсто и нерѣдко служатъ къ поднятію на дыбы исторической правды, у Карамзина отнесены далеко назадъ, хоть онъ и понималъ исторію и археологію не хуже нашихъ современниковъ. Онъ болѣе практиченъ и логиченъ, болѣе прямъ и широкъ во взглядѣ; онъ смотритъ на этотъ вопросъ не съ точки зрѣнія мелочныхъ изыскателей, ищущихъ въ старомъ мусорѣ гнилыхъ подпорокъ тому, что стоитъ и безъ нихъ твердо на новомъ фундаментѣ, ищущихъ для того, чтобы высокомерно похвастать своими великими подвигами на пользу отечества. Карамзинъ слишкомъ уменъ для этого; онъ обнимаетъ важнѣйшій вопросъ политической жизни Россіи, какъ мыслитель и гражданинъ, съ точки зрѣнія на законы человѣческихъ обществъ вообще; онъ опирается на силу вещей. Далѣе, въ той же Запискѣ, его неумолимая, безошадная и неоспоримая логика является еще сильнѣе, разбивая чувствительныя надежды на братское соединеніе поляковъ съ русскими.

«Возстановленіе Польши — говоритъ Карамзинъ — будетъ паденіемъ Россіи, или — сыны наши обогрять своею кровью землю польскую и снова возьмутъ штурмомъ Прагу». Такъ и случилось. Великіе умы бывають пророками для потомковъ. «Нѣтъ, государь — продолжаетъ Карамзинъ — никогда поляки не будутъ нашими искренними братьями, ни вѣрными союзниками. Теперь они слабы и ничтожны; слабые не любятъ сильныхъ, а сильные презирають слабыхъ; когда же усилить ихъ, то они захотятъ независимости, и первымъ оплотомъ ихъ будетъ отступленіе отъ Россіи, конечно, не въ ваше царствованіе, но вы, государь, смотрите далѣе своего вѣка, и если не безсмертны тѣломъ, то безсмертны славою. Въ дѣлахъ государственныхъ чувства и благодарность безмолвны, а независимость есть главный законъ гражданскихъ обществъ. Литва, Волинь желаютъ Королевства Польскаго, но мы желаемъ одной Имперіи Россійской. Чей голосъ долженъ быть слышнѣе для вашего сердца? Они, въ случаѣ войны, впрочемъ, ни мало невѣроятной (ибо кому теперь возстать на Россію), могутъ измѣнить намъ: тогда накажемъ измѣну силою и правомъ; право всегда имѣетъ особенную силу, а бунтъ какъ незаконіе отнимаетъ ее

Поляки, закономъ утвержденные въ достоинствѣ особеннаго державнаго народа, для насъ опаснѣе поляковъ-россіянь». Подобныя смѣлыя противорѣчія еще разъ не понравились благодушному императору. Карамзинъ, какъ онъ самъ сообщаетъ о томъ Дмитріеву, сказалъ императору по французски: «Государь! У васъ много самолюбія. Я не боюсь ничего. Мы всѣ равны передъ Богомъ; что говорю я вамъ, то сказалъ бы и вашему родителю, государь! Я презираю либераловъ нынѣшнихъ, а люблю только ту свободу, которой никакаго тиранъ у меня не можетъ отнять».

Но гдѣ причины такого отвращенія Карамзина ко всему новому, либеральному, когда оно касалось его отечества? Не знаемъ навѣрное. Но не придется ли, быть можетъ, поискать ихъ въ томъ обстоятельстве, общемъ почти всякой эпохѣ либеральныхъ движеній, что послѣднія раздѣляются толпою личностей, которыя способны своимъ неблагодаруміемъ, незнаніемъ дѣла, неумѣньемъ поворотиться около него, и, наконецъ, нечистотою помысловъ своихъ скорѣе унижить, опозилить и затемнить добрые начатки, чѣмъ развить и уяснить ихъ. Исторія показываетъ много тому примѣровъ, какъ въ подобныхъ обстоятельствахъ люди здравомыслиціе придерживаются охранительной стороны, потому что за нею болѣе видятъ логичности, хотя бы и со старыми предразсудками,—все-таки, за послѣдними остается историческая почва дѣйствительности и привычки, тогда какъ на противной сторонѣ они видятъ одни только мыльные пузыри. Это неизбежно при отсутствіи истинно призванныхъ натуръ, умѣющихъ поставить неясныя идеи на твердую практическую почву. Можетъ быть, Карамзинъ былъ умнѣе, проникательнѣе и, можетъ быть, искреннѣе многихъ либераловъ своего вѣка, а потому и не могъ идти съ ними по одной дорогѣ. Могло быть такъ; не зная хорошо закулисныхъ тайнъ того круга, въ которомъ вращался Карамзинъ, не беремъ утверждать, чтобы это было дѣйствительно такъ. Несомнѣнно, что Карамзинъ, окунувшись на всю жизнь въ придворную петербургскую атмосферу, остался въ душѣ истиннымъ москвичемъ: стоялъ за самодержавіе, за крѣпость сдѣланныхъ государствомъ приобрѣтеній, за ненарушимость государственныхъ и общественныхъ учреждений и стародавнихъ отношеній сословныхъ, и, будучи близкимъ къ особамъ императорскаго дома, не сдѣлался царедворцемъ.

Г. Погодинъ щедро сообщаетъ свѣдѣнія о распредѣленіи работъ у Карамзина при составленіи послѣднихъ томовъ его «Исторіи», его препровожденіи времени, его любимомъ чтеніи, въ числѣ котораго были романы Вальтеръ-Скотта, о его отношеніяхъ къ друзьямъ: Жуковскому, Дмитріеву, Тургеневу, Блудову, Малиновскому, братьямъ Румянцевымъ, императрицамъ Маріи и Елисаветѣ, отъ которыхъ постоянно видѣлъ не только благосклонность, но дружеское расположеніе, къ графу Ка-

подистріи, Аракчееву, Пушкину, котораго журилъ за либерализмъ и находилъ, что въ его сочиненіяхъ нѣтъ искуснаго расположенія частей, нѣтъ ни мало интереса, все составлено на живую нитку. Со Сперанскимъ Карамзинъ не могъ никогда сойтись. Отобѣдавши съ нимъ однажды у императора, онъ писалъ: «Сперанскій холоденъ со мною какъ ледъ, едва говоритъ и то уже въ случаѣ необходимости; къ намъ не ходитъ, и я къ нему не хожу». Немудрено, когда строго охранительныя убѣжденія Карамзина встрѣчались непріязненно съ либеральнымъ направленіемъ Сперанскаго.

Карамзинъ, всегда послѣдовательный, какъ въ своихъ сочиненіяхъ, такъ и въ своей жизни, въ отношеніи къ своимъ собственнымъ крестьянамъ при своемъ благодушіи показывалъ тѣ же начала, которыхъ желали для цѣлой Россіи въ политическомъ отношеніи, и только такимъ образомъ можно объяснить, почему Карамзинъ такъ стоялъ за крѣпостную зависимость: онъ видѣлъ, судя по самому себѣ, возможность добра при старомъ порядкѣ вещей, и опасался новыхъ золъ, которыя, казалось ему, не исключались нововведеніемъ.

Отношенія Карамзина къ его крестьянамъ видны наглядно изъ слѣдующаго письма къ бурмистрамъ:

«Села и деревни Макателемовъ бурмистру Николаю Иванову и всему міру приказъ:

«28 ноября, 1820. Пишешь ты ко мнѣ, бурмистръ, что хотя я и приказалъ женить крестьянскаго сына Романа Осипова на дочери бывшаго повѣреннаго Архипа Игнатѣева, но міромъ крестьяне того не приказали. Кто же изъ васъ смѣетъ противиться господскимъ приказаніямъ? И какъ ты, бурмистръ, смѣешь такъ писать ко мнѣ? Думаю, что это по глупости вашей и для того вамъ на сей разъ слушаю, но снова приказываю вамъ непремѣнно женить упомянутаго Романа на дочери Архиповой и не отдавать его въ рекруты. А если впередъ осмѣлятся міръ не исполнить въ точности моихъ предписаній, то я не оставлю сего безъ наказанія. Всякія господскія повелѣнія должны быть святы для васъ. Я вамъ отецъ и судья. Мое дѣло знать, что справедливо и для васъ полезно».

Послѣ смерти императора Александра, Карамзинъ къ своей Запискѣ о Польшѣ приписалъ слѣдующія строки, которыя, по справедливому замѣчанію г. Погодина, принадлежать не только къ биографіи Александра и Карамзина, но и къ исторіи:

«Я ошибся: благоволеніе Александра ко мнѣ не измѣнилось, и въ теченіе шести лѣтъ (отъ 1819 до 1825) мы имѣли съ нимъ нѣсколько подобныхъ бесѣдъ о разныхъ важныхъ предметахъ. Я всегда былъ чистосердеченъ; онъ всегда терпѣливъ, кротокъ, любезенъ неизъяснимо, не требовалъ моихъ совѣтовъ, однакожъ слушалъ ихъ, хотя имъ по большей части не слѣдовалъ, такъ что нынѣ, вмѣстѣ съ Рос-

сією, оплакивая кончину его, не могу утѣшить себя мыслию о десятилѣтней милости и довѣренности ко мнѣ столь знаменитаго вѣнценосца, ибо эта милость и довѣренность остались безплодны для любезнаго отечества. Правда, Россія удержала свои польскія области; но болѣе счастливыя обстоятельства, нежели мои слезныя убѣжденія, спасли Александра отъ дѣла, равно бѣдственнаго и несправедливаго; по крайней мѣрѣ такъ сказалъ онъ мнѣ въ ноябрѣ 1824 года. Я не безмолвствовалъ о налогахъ въ мирное время, о нелѣпой Г.... системѣ финансовъ, о грозныхъ военныхъ поселеніяхъ, о странномъ выборѣ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ сановниковъ, о министерствѣ просвѣщенія или затмѣнія, о необходимости уменьшить войско, воюющее только Россію, о мнимомъ исправленіи дорогъ, столь тягостномъ для народа,—наконецъ, о необходимости имѣть твердые законы гражданскіе и государственные. Въ послѣдней моей бесѣдѣ съ нимъ, 28 августа, отъ 8 до 11½ часовъ вечера, я сказалъ ему какъ пророкъ: «Sire, vos années sont comptées, vous n'avez plus rien à remettre et vous avez tant de choses à faire pour que la fin de votre règne soit digne de son beau commencement». Движеніемъ головы и милою улыбкою онъ изъявилъ согласіе, прибавилъ и словами, что непременно все сдѣлаетъ: дастъ коренные законы Россіи. Если не я, то другіе увидятъ скоро, для чего Богъ внезапно отнялъ Александра у Россіи. Мнѣ хочется болѣе плакать, нежели писать о немъ. Я любилъ его искренно и нѣжно, иногда негодовалъ, досадовалъ на монарха и все любилъ человѣка, красу человѣчества своимъ великодушіемъ, милосердіемъ, незлобіемъ рѣдкимъ. Не боюсь встрѣтиться съ нимъ на томъ свѣтѣ, о которомъ мы такъ часто говорили, оба не ужасаясь смерти, оба вѣра Богу и добродѣтели.»

«Разразилось 14 декабря», говоритъ г. Погодинъ: мы знаемъ уже изъ всей жизни Карамзина, какое мнѣніе онъ имѣлъ о всѣхъ насильственныхъ переворотахъ, о либерализмѣ новаго времени, не только въ Россіи, но и въ Европѣ, объ образѣ правленія, необходимомъ для Россіи, и потому можемъ судить, какое впечатлѣніе было произведено въ его душѣ петербургскимъ сматеніемъ. Онъ былъ во дворцѣ. Желая собственными глазами удостовѣриться, гдѣ государь, чтобы потомъ успокоить императрицу Марію, вышелъ изъ дворца на Адмиралтейскую площадь, искалъ его глазами, принужденъ былъ вмѣшаться въ толпу народа и лично подвергался оскорбленіямъ людей, которыхъ старался образумить. Здѣсь-то онъ, будучи, по тогдашнему обычаю, въ чулкахъ и башмакахъ, получилъ ту простуду, которая разрушила окончательно его здоровье.

«Это нездоровье побудило его предпринять путешествіе за границу. Императоръ Николай Павловичъ пожаловалъ ему 50,000 р. въ годъ съ тѣмъ, чтобы сумма эта была обращена въ пенсіонъ и была про-

изводима по смерти его женѣ и дѣтямъ: сыновьямъ до вступленія въ службу, а дочерямъ до замужества послѣдней изъ нихъ. Благодарственное за эту милость письмо государю было послѣднимъ его литературнымъ произведеніемъ. Не успѣвши отправиться за границу, онъ скончался 22 мая 1826 года. Его похоронили 25 мая того же года на новомъ кладбищѣ Невскаго монастыря; погребаль его греческій митрополитъ Макарій Суццо. «Инымъ — говорить г. Погодинъ — казалось странно, что не отпѣваетъ его митрополитъ Евгеній, извѣстный своими историческими трудами; другимъ, напротивъ, было пріятно видѣть при этомъ священнодѣйствіи участіе греческой церкви въ молитвахъ за того, кто бралъ живѣйшее душевное участіе въ судьбѣ несчастныхъ грековъ».

Содержаніе писемъ Карамзина къ Дмитріеву, изданныхъ Академіею Наукъ, обнимаетъ время жизни нашего историографа отъ 1787 по 1826; кромѣ дружескихъ отношеній, они касаются литературныхъ занятій обоихъ писателей и круга, въ которомъ они вращались. Въ нихъ попадаются и стихи. 11 сентября 1781 года, Карамзинъ писалъ по-русски: *симбирскаго уезда всело Знаменское паппортъ взялъ подпрапорщикъ Николасъ Карамзинъ*. Когда сообразимъ, что такъ по-русски писалъ въ пятнадцать лѣтъ возраста человекъ, который въ шестьдесятъ лѣтъ оставилъ свѣтъ великимъ историкомъ, критикомъ, археологомъ, филологомъ, то тѣмъ съ бѣльшимъ благоговѣніемъ почтимъ его высокій талантъ и крѣпкую волю, обращенную всю къ умственному саморазвитію и къ пользѣ своей страны. Замѣчательны въ послѣднемъ отношеніи строки Карамзина, писанныя къ задушевному другу: «Изъ Венеціи прислали ко мнѣ манифестъ о новомъ итальянскомъ переводѣ: «*Storia dell'impero della Russia scritta dal Consigliere di Karamsin*». Москвини и Гамба переводятъ ее съ французскаго. Вода къ водѣ, ошибка къ ошибкамъ. Я писалъ для русскихъ, для купцовъ ростовскихъ, для владѣльцевъ валмыцкихъ, для крестьянъ Шереметева, а не для западной Европы». Правду сказать, языкъ Карамзина не совсѣмъ могъ быть понятенъ для пересчитанныхъ здѣсь родовъ читателей, но нельзя не признать, что только тотъ русскій писатель и останется плодотворнымъ, который, при талантѣ, такъ смотритъ на свое дѣло. Примѣчанія, которыми снабдили гг. издатели этихъ писемъ, объясняя многое, касающееся литературы и обстоятельствъ жизни нѣкоторыхъ замѣчательныхъ личностей онаго времени, иногда важнѣе самихъ писемъ. Кромѣ писемъ Карамзина Дмитріеву, приложены письма супруги и дочерей его послѣ его смерти, письма Карамзина къ Калайдовичу, статьи П. П. Пекарскаго о годѣ рожденія Карамзина и о наследственномъ его имѣніи. Между прочимъ, мы узнаемъ археологическія свѣдѣнія о его предкахъ. Происхожденіе его, какъ многихъ дворянскихъ фамилій восточной полосы Россіи, не славянское, а татарское. Родъ симбирскихъ дворянъ

Карамзинныхъ происходитъ отъ татарскаго мурзы Кара-мураы, который при царяхъ поступилъ на службу Москвы, принялъ крещеніе и получилъ земли въ Нижегородской губерніи. Какъ это было — не говорится. Изъ изслѣдованія, представленнаго г. Пекарскимъ, основаннаго на дѣлахъ герольдіи, видно, что въ 1606 г., слѣдовательно, въ эпоху смутнаго времени, пращуръ нашего исторіографа, Дмитрій Семеновичъ, былъ уже русскій, владѣлъ помѣстными землями въ Нижегородскомъ уѣздѣ и писался «нижегородецъ». Прадѣдъ его, Петръ Васильевичъ, имѣлъ помѣстье въ Симбирскомъ уѣздѣ въ 1710 г. Въ 1725 г., дѣдъ его, Егоръ Петровичъ, владѣлъ въ этомъ уѣздѣ селами Карамзинимъ и Алексѣевкою. Отцу Николая Михайловича, Михаилу Егоровичу, отведены земли въ Оренбургской губерніи.

Закавказье отъ 1803 — 1806 года. *И. Дубровина*. Спб. 1866, стр. 542.

Послѣ того, какъ великая борьба русско-славянскаго племени за обладаніе кавказскимъ краемъ завершилась и передъ нами открылась трудная и богатая для человѣческаго развитія задача населенія и культуры покореннаго края, естественно является насущною потребностью, какъ для науки, такъ и для общественной любознательности, основательное знакомство съ минувшею полувѣковой борьбою, этою гомерическою эпохою новѣйшихъ временъ, гдѣ нѣтъ недостатка ни въ Ахиллесахъ, ни въ Терситахъ. Поэтому, явившаяся подъ приведеннымъ названіемъ книга, какъ мы увѣрены, будетъ принята читателями съ жадностью, тѣмъ болѣе, что, касаясь весьма возбуждающаго общаго участіе предмета, она составлена на основаніи необнародованныхъ еще подлинныхъ источниковъ и потому имѣетъ характеръ свѣжести, написана ясно, связано, съ признаками историко-описательнаго таланта.

Авторъ, коснувшись слегка древнихъ отношеній Закавказья къ Россіи, описываетъ послѣднія два присоединенія Грузіи: при Иракліѣ и при Георгіѣ, занятіе русскими края въ 1801 г. — слѣдствіе отдачи Грузіи русскому престолу ея послѣднимъ владѣльцемъ, и представляетъ въ сжатомъ видѣ администрацію и юридическій бытъ прежней Грузіи, какъ ее застали русскіе. «Сложившіеся вѣками (говоритъ авторъ, на стр. 37) народныя обычаи должны были теперь подвергнуться переработкѣ и перейти на иной путь, незнакомый народу необразованному и грубому. Измѣненіе народныхъ нравовъ и обычаевъ должно бы было совершиться постепенно, исподоволь, а не просто ломкою стараго и заведеніемъ новаго порядка. Въ этомъ и была ошибка тѣхъ, которые полагали, присоединивъ Грузію къ Россіи, сдѣлать изъ нея губернію и ввести между грузинами управленіе, основанное на совершенно тѣхъ же началахъ, на которыхъ управлялись и прочія губерніи Россіи. Грузины отстаивали старыя порядки, наше правленіе»

тельство требовало повиновенія новому. Отъ этого съ самаго же начала, почти со дня объявленія манифеста, стали высказываться недоразумѣнія и народное неудовольствіе. Жители Кахетіи хотѣли устранить русское правительство и согласились сами управлять собою. Татары, непривычные къ военному постою, были недовольны тѣмъ, что у нихъ расположены были войска. Въ самомъ Тифлисѣ были волненія. Все дворянство недовольно ужаснѣйшимъ образомъ трактованіемъ дѣлъ — писалъ генераль Лазаревъ.* Этимъ воспользовались царевичи, члены бывшей царской семьи, естественно жалѣвшіе о потерянныхъ правахъ. Двѣ царицы, Дарья — жена Ираклія, большая интригантка, и Марья, жена послѣдняго царя Георгія, братья Георгія: Вахтангъ, оставшійся при матери Дарьи, Александръ, Іулонъ, Парнаозъ, ушедшіе въ Имеретію царевичи сыновья Георгія, Давидъ, бывшій въ русской службѣ, но не любившій Россіи, братъ его Теймуразъ — были главными лицами, около которыхъ соединялись не такъ видныя, но дѣятельныя особы того же дома и князья, составлявшіе всегда силу націи; неприязнь ихъ къ Россіи должна была увеличиться послѣ того, какъ тотчасъ же послѣ присоединенія Грузіи, трехъ сыновей Георгія, призванныхъ въ Петербургъ, не отпустили оттуда; остальные, естественно, боялись, чтобы и съ ними того же не было. Эти царевичи, впрочемъ, ни по ихъ личнымъ достоинствамъ, ни по преданіямъ не могли бы расположить къ себѣ сочувствіе народа, и быть очень опасны Россіи. Во-первыхъ, эти царевичи, по обычаю предковъ, болѣе склонны были къ взаимнымъ междоусобіямъ, чѣмъ къ согласной дѣятельности; во-вторыхъ, отъ нихъ громада грузинскаго народа не испытывала ничего, кромѣ своевольтвъ и притѣсненій. По грузинскому обычаю, каждый царевичъ, каждая царица, всякій родственникъ царскій давалъ такъ-называемый барать (указъ) на право вѣять у купца или у крестьянина лучшее изъ всего, что онъ имѣлъ. Также точно князья и помѣщики грузинскіе давали себя помнить народу только притѣсненіями, гибельными для народа междоусобіями, необузданнымъ своеволіемъ и продажей людей въ турецкое рабство. Русскіе пришли въ такую страну, гдѣ для нихъ было самое надежное орудіе спокойнаго обладанія, и гдѣ это обладаніе было бы несказаннымъ благодѣяніемъ для туземцевъ; нужно было только относиться благо-разумно съ уваженіемъ къ народнымъ обычаямъ, стать защитниками и облегчителями участи народа и, вмѣстѣ съ тѣмъ, приняться за его первоначальное нравственное и умственное образованіе, которое пошло бы не безуспѣшно, какъ скоро, увидѣвши свою выгоду въ соединеніи съ Россією, народъ отнесся бы съ довѣрчивостію ко всѣмъ дѣйствіямъ русскихъ въ краѣ. Но трудно было ступить русскимъ на такой благой путь обращенія съ приобрѣтенною страной въ тѣ времена, когда нѣдръ самой Россіи процвѣтало во всемъ развитіи крѣпостное

право и налагало на нашихъ отцовъ и дѣдовъ такой отпечатокъ, который мало дѣлалъ ихъ способными быть цивилизаторами другихъ народовъ. Присланный туда начальникъ, Коваленскій, принадлежалъ къ тому типу русскихъ чиновниковъ, у которыхъ въ *широкой* (по удачному выраженію автора относительно Коваленскаго) русской натурѣ совмѣщались мыльные пузыри западнаго просвѣщенія съ азіятскими привычками хищничества и своеволія. Завождая училище съ такимъ обширнымъ кругомъ научнаго образованія, что можно было думать, какъ будто онъ хочетъ сдѣлать сразу изъ грузинъ французовъ или нѣмцевъ, Коваленскій употребилъ свое начальническое положеніе для набитія себѣ кармана, не пренебрегалъ никакими средствами; также поступали и его родственники и креатуры, которыхъ онъ повсюду размѣстилъ. «Злоупотребленія чиновниковъ (говоритъ авторъ) доводили до крайнихъ предѣловъ общее озлобленіе, и несостоятельность тамошняго правительства все болѣе и болѣе обнаруживалась. Въ присутственныхъ мѣстахъ, грузинъ не только бранили публично, но даже били. По одному подозрѣнію ихъ хватали, связывали назадъ руки, накидывали на шею петлю и, какъ уголовныхъ преступниковъ, отводили пѣшкомъ за 50 верстъ и далѣе. Чиновники и офицеры увозили силою женщинъ и дѣвицъ изъ селеній и насиловали ихъ. Чтò же мудренаго, что послѣ того лица царской фамиліи, лишившіяся своего владѣчества въ Грузіи, пользовались этимъ временемъ какъ самымъ удобнымъ къ приведенію въ исполненіе своихъ цѣлей? Къ счастью, скоро свѣдѣніе объ управленіи въ новопріобрѣтенной странѣ дошло до императора Александра. Коваленскій былъ отозванъ къ другимъ дѣламъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ удаленъ съ Кавказа главнокомандующій Кноррингъ. Мѣсто послѣдняго заступилъ, въ концѣ 1802 года, Павелъ Дмитріевичъ Циціановъ, мѣсто Коваленскаго—Тучковъ, а черезъ малое время—князь Волконскій. Циціановъ былъ, по происхожденію, грузинъ знатнаго, но обрусѣлаго рода, свойственникъ царей грузинскихъ, но вѣрный слуга Россіи, человекъ энергической, рѣшительный, крутой, дѣятельный, умный, знавшій и понимавшій восточную жизнь, среди которой долженъ былъ дѣйствовать. Отъ него начинается замѣчательная эпоха силы русскаго владѣчества за Кавказомъ. Онъ прибылъ въ такую пору, когда особы царскаго рода сносились съ сосѣдними мусульманскими владѣтелями и возстановляли со всѣхъ сторонъ бури на русскихъ въ Грузіи, а внутри страны хотѣли возбудить бунтъ. Циціановъ, видѣвшій прямо цѣль и не останавливавшійся предъ средствами, сообразилъ, что надобно вывезти царевичей, царицъ и царевенъ изъ Грузіи въ Россію и подчинить сосѣднія владѣнія Россіи; безъ чего она не могла бы владѣть одною Грузіею: для русскихъ оставалось тогда или убираться изъ Закавказья или овладѣть всецѣло всѣмъ, чтò входило въ пространство между Каспійскимъ и Чернымъ

морями. Циціановъ рѣшился на послѣднее, но погибъ, не успѣвъ вести свое дѣло до конца.

Характеръ Циціанова изображенъ авторомъ очень выпукло и особенно оригинальны его письма къ ханамъ, отличающіяся вѣстными восточными приѣмами похвалы, угрозъ и задаванія уваженія къ себѣ. Самъ азіатецъ по происхожденію, Циціановъ зналъ съ кѣмъ имѣлъ дѣло. Талантъ Циціанова вполне окажется понятнымъ, когда мы примемъ во вниманіе, что онъ дѣйствовалъ съ очень малыми средствами, а политическія обстоятельства не дозволили Россіи, угрожаемой съ запада, сосредоточить больше силъ въ Закавказскомъ краѣ. По извѣстіямъ автора, Циціановъ имѣлъ много благихъ предположеній относительно развитія промышленности, торговли и просвѣщенія въ Закавказскомъ краѣ, но все это осталось только въ проектахъ. Въ Имеретіи и Мингреліи повелѣно, подѣ страхомъ жестокаго тѣлеснаго наказанія, прекратить обычную издавна торговлю плѣнными. По его предположеніямъ была расширена власть главноуправляющаго кавказскимъ краемъ. Въ нравственномъ вліяніи власти, по мнѣнію Циціанова, должны прежде всего имѣть значеніе страхъ силы, строгость и безкорыстіе. «Въ азіатцѣ ничто такъ не дѣйствуетъ, какъ страхъ, естественное послѣдствіе силы», говорилъ онъ. Для спокойствія края, всѣхъ царевичей и царевенъ, женъ убѣжавшихъ царевичей вывели въ Россію и положили правиломъ не дозволять болѣе пребывать въ Грузіи членамъ царствовавшаго тамъ дома. Впрочемъ, Россія поступила съ ними какъ нельзя болѣе милостиво и всѣхъ надѣлила сотнями и тысячами своихъ собственныхъ крѣпостныхъ душъ. Въ избѣжаніе издержекъ при подчиненіи вновь приобрѣтаемыхъ земель русскому управленію, Циціановъ думалъ оставлять до поры до времени принимавшихъ русское подданство хановъ при ихъ власти, отнимая у нихъ, однако, судъ надъ уголовными преступниками по причинѣ жестокости такого суда. По его мнѣнію, «русское правленіе не могло быть тотчасъ привито къ народу дикому, но должно быть введено съ благоразуміемъ, постепенно въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ.» Циціановъ, въ свое трехлѣтнее управленіе, какъ бы нагнѣтилъ русскія границы Закавказскаго края въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ образовались впоследствии, и къ чему приводило край стеченіе историческихъ обстоятельствъ.

Къ сочиненію «Закавказье» приложено нѣсколько объяснительныхъ актовъ. Прочтеніе этой книги заставляетъ искренно желать, чтобы авторъ не остановился на этомъ, но обработалъ и изложилъ послѣдующую исторію покоренія и управленія Кавказскаго края. О вѣрности сообщенныхъ имъ свѣдѣній мы, не имѣя поводовъ не довѣрять имъ, не можемъ судить, особенно, когда они основаны на недоступныхъ для насъ источникахъ. Это лежитъ на обязанности тѣхъ, кото-

рымъ практически могли быть извѣстны дѣла и обстоятельства Закавказскаго края въ оное время. Однако, желательно, чтобы авторъ болѣе обращалъ вниманія на критику извѣстій, которыми пользовался, и знакомилъ бы читателей вообще съ существующими источниками описываемой эпохи. Все это, не обременяя текста его историческаго повѣствованія, могло быть описано въ примѣчаніи, какъ это дѣлалъ Карамзинъ въ своей исторіи.

Война Россіи съ Турціей и нольскими конфедератами съ 1769—1774 г. Составлено преимущественно изъ неизвѣстныхъ по сіе время рукописныхъ матеріаловъ генеральнаго штаба капитаномъ *П. Петровымъ*. Т. I, стр. 332; т. II стр. 431. Сбл. 1866 г.

Въ предъидущемъ номерѣ нашего журнала, по поводу сочиненія г. Ойрсова, мы высказали свой взглядъ на поступательное движеніе Россіи на востокъ, какъ на одну изъ главныхъ задачъ ея исторической дѣятельности. Почти то же приходится намъ сказать и о движеніи ея на Дунай и Балканскій полуостровъ. Начало этого движенія также выходитъ изъ незапамятныхъ временъ и теряется въ доисторическомъ сумракѣ. Вытѣсненные съ береговъ Дуная, славяне заселили сѣверъ, но, въ то же время, не отрекались отъ права на землю своихъ отцовъ и дѣдовъ, и въ разныя эпохи силились овладѣть ею снова и удержать за своимъ племенемъ. До какой степени это стремленіе было успѣшно, показываетъ значительное присутствіе славянской стихіи до нашихъ дней на пространствѣ Балканскаго полуострова. Съ призваніемъ варяжскихъ князей, само собою выпуклѣе обозначились тѣ направленія, по которымъ суждено было идти нашей исторіи. И мы видимъ, что какъ только Русь стала Русью — тотчасъ же двинулась на Балканскій полуостровъ. Словно невѣдомая судьба толкала туда, однѣ за другими, дружины Аскольда и Дира, Олега, Игоря, Святослава, Владимира, Ярослава. Намъ трудно теперь объяснить это явленіе, потому что мы только въ несвязныхъ отрывкахъ знаемъ кое-что изъ того, что дѣлалось въ русской славянщинѣ до того времени; но причины его не въ однѣхъ только воинственныхъ привычкахъ варяговъ, пришедшихъ къ намъ черезъ - чуръ въ маломъ числѣ, чтобы можно было имъ исключительно приписать двухвѣковое стремленіе такой огромной страны; причины эти должны скрываться въ давнихъ побужденіяхъ и стремленіяхъ славянъ, не забывшихъ предковскихъ отношеній къ Балканскому полуострову и теперь возбужденныхъ и ободренныхъ къ болѣе широкой дѣятельности происшедшею перемѣною въ ихъ судьбѣ, соединившею ихъ разрозненныя передъ тѣмъ силы. Не даромъ берега Дуная не выходили изъ ихъ пѣсенъ и сказокъ; на этихъ завѣтныхъ берегахъ водружились, хотя не надолго, славянскія знамена побѣдителя Святослава. Принятіе христіанства прекратило эту воинственную тату на Балканскій полуостровъ, но не прекратило

славянскаго стремленія къ общенію съ краемъ, напротивъ, дало ему другой путь. Русскіе славяне вошли въ болѣе близкое отношеніе съ византійскимъ міромъ, чѣмъ могли поставить ихъ къ нему походы Олеговъ и Святославовъ, даже успѣшныя. Перестали набѣгать туда толпами для грабежей, но ходили на богомолье да за товарами; приходили и сюда греки съ проповѣдью креста; русскіе не завоевали и не подчинили себѣ земель имперіи, какъ покушался Святославъ, за то греки покорили Русь нравственно и умственно. Новоустроенная русская церковь на многіе вѣка была подъ властью греческой, а церковь для Руси совмѣщала въ себѣ все ея духовное и нравственное бытіе. Не однимъ кругомъ благочестія ограничивался пріемъ византійскихъ началъ въ русскую жизнь: юридическія, политическія, научныя понятія, приходи съ кормчими, хронографами, палееми, житіями, поучительными словами, легендами и повѣстями, при постоянномъ посѣщеніи греками земли русской, перерабатывали русскій мозгъ и русское сердце лицъ, стоявшихъ такъ или иначе на челѣ громады и выдававшихся изъ нея. На Балканскомъ полуостровѣ для Руси былъ завѣтный очагъ правды, знанія и святости. Вліяніе Византіи на Русь было до того велико, что иногда кажется, будто Русь находилась у ней какъ бы въ ленной зависимости, и только слабость императоровъ и упадокъ политической энергіи препятствовали закрѣпить этотъ узелъ тѣснѣе. Много внесла Византія добраго въ Русь, много и затаила. Подъ ея нравственнымъ вліяніемъ Русь возрастала и развивалась, но Византія же и мѣшала этому развитію. Разслабленная, истощенная, она не могла вполне передать и помочь Руси усвоить тѣ сокровища, которыя хранились у ней отъ предковъ, уже бесполезно для потомковъ. Но и того, что Русь получила отъ нея, было для Руси не мало. Роковой часъ насталъ для Византіи. Она пала подъ ударами турокъ въ то самое время, когда Русь освободилась отъ ига родственныкъ имъ татаръ. Какъ Греція не могла помочь Руси въ ея невзгодѣ, такъ и Русь, въ свою очередь, не могла спасти Грецію отъ гибели. Но вмѣстѣ съ рукою греческой царевны московскому государю перешли, на будущія времена, права павшаго на востокѣ православнаго престола. Московскіе государи стали преемниками цареградскихъ. Москва стала именоваться новымъ Константинополемъ, третьимъ Римомъ. Естественно, къ ней одной, а не къ кому другому, должны были обращаться симпатіи и упованія поработенныхъ единовѣрцевъ, и тѣмъ болѣе единовѣрцевъ единоплеменныхъ. На свѣтѣ было только одно независимое православное государство; для христіанскаго востока не было народа родственнѣе и ближе русскаго; никакой другой такъ безкорыстно, такъ искренно не могъ принять къ сердцу освобожденія православныхъ народовъ изъ-подъ гнета мусульманства. У всего остальнаго европейскаго христіанства съ идеею освобожденія восточныхъ хри-

стіанъ соединялся давній церковный споръ западной церкви съ восточной, который хотѣлось рѣшить въ пользу первой. За громкими и безплодными возгласами объ изгнаніи турокъ изъ Европы всегда скрывалось желаніе поработить совѣсть освобожденныхъ.

Только отъ одной Руси единовѣрной нельзя было опасаться заднихъ видовъ. Съ возрастаніемъ и усиленіемъ Руси возрастали надежды христіанскаго востока на свое спасеніе, и за то всегда, какъ только Русь призывалась къ обширнѣйшей дѣятельности, въ ней тотчасъ выказывалось стремленіе возбудить отъ рабскаго сна православный міръ. Туда прежде всего обратилась дѣятельность Великаго Петра; голосъ его возвѣстилъ спавшимъ славянамъ и грекамъ зарю освобожденія, блистающую на сѣверѣ; за нимъ пошли преемники Петра. Съ развитіемъ русскаго государственнаго могущества развивалось, уяснялось и облекалось въ рядъ событій давнее желаніе освобожденія востока; блистательной русскою побѣдѣ надъ невѣрными была посвящена первая ода русской литературы. Настало громкое и плодоносное великими дѣлами царствованіе Екатерины, и вотъ, подготовленный предшественниками восточный вопросъ вышелъ на политическій горизонтъ во всей ясности: смыслъ его, освобожденный отъ дипломатическихъ завитковъ, былъ таковъ—свобода православнаго востока отъ мусульманскаго гнета, доставленная русскою силою; отсюда выходило само собою естественное слѣдствіе господства Россіи на востокѣ; а это возбуждало противодѣйствіе всего запада и, такимъ образомъ, борьба за освобожденіе востока становилась борьбою уже не съ однимъ мусульманствомъ, но и со всѣмъ западнымъ христіанствомъ. Это высказалось тотчасъ же непріязненнымъ положеніемъ, въ какое поставила себя первоначально Франція къ Россіи, и положено было начало тѣмъ тяжелымъ препятствіямъ, которыя суждено было испытать Россіи. Россія испытала пять войнъ, оставившихъ печать славы на ея исторіи, но всѣ онѣ не довели до желаннаго конца. Не смотря, однако, на всѣ неудачи, не смотря на горькія ошибки наши въ послѣднее время, отодвинувшія на неопредѣленное время разрѣшеніе великой исторической задачи нашей и заставившія поработанныхъ братья нашихъ, единовѣрныхъ и единоплеменныхъ, ожидать своей судьбы въ далекомъ грядущемъ, призваніе наше не снято съ насъ, потому что историческое призваніе народовъ прекращается не отъ внѣшнихъ потерь и неудачъ, а отъ внутренняго нравственнаго и экономическаго ослабленія; пока на Руси хранится православная вѣра, пока русскіе люди не потушатъ въ сердцахъ своихъ благородныхъ члвчнхъ стремленій, пока, наконецъ, русскій народъ не перестанетъ трудиться и добывать себѣ богатства—до тѣхъ поръ Русь останется надеждою христіанъ востока; такъ или иначе, тѣмъ или другимъ путемъ, а Русь пойдетъ къ совершенію своего историческаго призванія.

При такихъ отношеніяхъ Руси къ Балканскому полуострову и ко всему христіанскому міру на востоѣ, понятво значеніе, какое должны занимать въ отечественной исторіи монографіи нашихъ прошедшихъ войнъ и сношеній съ турецкою имперією. Это не область порѣшеннаго, это не археологія. Изучать прошедшее мы должны и для будущаго. Только зная и понимая, какъ мы дѣйствовали, можемъ уяснить себѣ, какъ намъ слѣдуетъ дѣйствовать. Поэтому, появленіе исторіи, обнимающей два года первой войны Екатерины съ Турцією, мы можемъ привѣтствовать съ желаніемъ, чтобы за нимъ послѣдовалъ рядъ хорошо обработанныхъ и осмысленныхъ сочиненій.

Авторъ начинаетъ описаніемъ состоянія Польши, повѣствуетъ объ избраніи Станислава Понятовскаго, о диссидентахъ, о радомской и барской конфедерации, о роковомъ дѣлѣ въ Балтѣ, подавшемъ ближайшій поводъ къ войнѣ съ Турцією. Съ этихъ поръ идетъ рѣчь преимущественно о турецкихъ дѣлахъ.

Второй томъ представляетъ въ себѣ болѣе, чѣмъ первый, интереса, касаясь знаменитыхъ подвиговъ при Ларгѣ, Кагулѣ, Бендерахъ и пр. При составленіи книги, источниками служили многіе рукописные документы изъ Публичной бібліотеки и изъ архивовъ разныхъ военныхъ вѣдомствъ. Изложеніе военныхъ дѣйствій очень подробно; для удобства читателей многое, относящееся собственно къ мелочамъ, слѣдовало бы помѣстить подъ чертою или въ примѣчаніяхъ; помѣщенное въ текстъ, оно не позволяетъ читателю сразу объять предметъ и отдѣлить важное отъ подробностей, нужныхъ только для поясненія важнаго. Въ тѣхъ переводахъ, которые сдѣланы изъ разныхъ намъ знакомыхъ источниковъ, замѣтна небрежность и неточность; вся книга переполнена типографическими, орфографическими и синтаксическими ошибками, а потому нельзя ручаться за строгую вѣрность передачи тѣхъ свѣдѣній, которыя почерпаются изъ неизвѣстныхъ источниковъ, тѣмъ болѣе, что объ источникахъ не предпослано ничего, что бы могло сколько-нибудь дать о нихъ понятіе.

Малороссійскіе несполитые крестьяне. (1648—1788). Историческо-юридическій очеркъ по архивнымъ источникамъ. *Ал. Лазаревскаго.* Черниговъ. 1866. Стр. 152.

Авторъ пользовался непочатыми источниками. «Мы нашли — говоритъ онъ въ короткомъ предисловіи — особенное богатство свѣдѣній, для исторіи внутренней жизни малороссійскаго общества, въ архивѣ губернскаго правленія; здѣсь хранится, такъ называемый, архивъ малороссійской коллегіи, заключающій въ себѣ архивы малороссійскихъ административныхъ учреждений XVIII вѣка, перевезенные изъ Глухова. Не смотря на то, что изъ сего архива много бумагъ утрачено, онъ все еще заключаетъ въ себѣ богатые источники для бытовой исторіи Малороссіи XVIII вѣка. Другой архивъ, доставившій намъ также не мало

свѣдѣній для исторіи крестьянства, хранится въ Черниговской казенной палатѣ: онъ состоитъ преимущественно изъ монастырскихъ земельных документовъ, поступившихъ въ палату вмѣстѣ съ отображеніемъ въ казну имѣній малороссійскихъ монастырей; кромѣ того, здѣсь же находится знаменитая генеральная опись Малороссіи, составленная по распоряженію Румянцова. Почти исключительно въ этихъ двухъ архивахъ мы нашли всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя дали намъ возможность уяснить судьбу малороссійскаго крестьянства, если не совершенно, то по крайней мѣрѣ на столько, что исторія его закрѣпощенія не будетъ уже представляться какъ послѣдствіе административныхъ распоряженій русскаго правительства, а явится естественнымъ послѣдствіемъ внутренней жизни гетманской Малороссіи».

Авторъ не разсматриваетъ состоянія крестьянъ до Хмельницкаго, подъ литовскимъ и польскимъ владычествомъ,—состоянія, которое вызвало эпоху Хмельницкаго, и изъ котораго, послѣ его разложенія, возникли послѣдующія условія. Возстаніе казацкое перевернуло все вверхъ дномъ въ Малороссіи, но какъ только оно начало улегаться — стихіи прежняго строя появлялись снова и производили явленія, сходныя съ прежними, хотя во многомъ и отличныя отъ нихъ. Равенство, охватившее весь малороссійскій народъ во время возстанія противъ Польши, не могло долго удержаться; Хмельницкій его вызвалъ, самъ же первый Хмельницкій его и подрывалъ. Сначала для него было нужно какъ можно болѣе разной силы, и онъ всѣхъ зывалъ въ казаки; почувши призывъ казацкаго предводителя, всѣ хотѣли сдѣлаться казаками, то-есть вольными людьми, ибо воля не представлялась народу въ иномъ видѣ, какъ только въ казацкомъ. Но такое состояніе, естественно, не могло продолжаться многіе годы. Съ понятіемъ казака соединялось понятіе о воннѣ. Не могли всѣ быть воинами и, вмѣстѣ, привилегированнымъ сословіемъ, какъ того требовало уваженіе къ воинскому званію. Отъ этого, еще при жизни Хмельницкаго, лишь только война у него съ поляками прекращалась, Хмельницкій оставлялъ въ казачествѣ извѣстное ограниченное число, а всѣхъ другихъ обращалъ въ «поспольштво», которое должно было заниматься работами и промыслами. Съ каждымъ возобновленіемъ войны, поспольштву опять давалось дозволеніе наполнять казацкіе ряды, и съ каждымъ прекращеніемъ войны опять эти ряды замыкались ограниченнымъ числомъ. Народу не хотѣлось этого; всякій желалъ быть лучше казакомъ, чѣмъ посполитымъ: отсюда безпрестанныя народныя недовольства, волненія и нестроенія, наполнявшія всю эпоху Богдана Хмельницкаго и времена, послѣдовавшія за нимъ. Хмельницкій былъ хотя заклятый врагъ Польши, но тѣмъ не менѣе во многомъ не могъ освободиться отъ польскаго воспитанія. Это проявилось въ немъ тотчасъ послѣ первой войны, окончившейся Зборовскимъ договоромъ, когда онъ удовольство-

вался возведеніемъ въ казацкое привилегированное званіе сорока тысячъ и дозволилъ панамъ воротиться въ свои имѣнія. Извѣстно, что въ этомъ случаѣ воля гетмана пошла въ разрѣзъ съ волею и надеждами народной громады. Хмельницкій долженъ былъ, уступая послѣдней, идти снова на войну, которая уже не была для него такъ счастлива, какъ прежняя. Казацество было уменьшено на половину противъ прежняго; народъ былъ еще болѣе недоволенъ; толпы переходили въ Московское государство; Хмельницкій рубилъ головы, сажалъ на колъ непокорныхъ, и черезъ годъ опять принужденъ былъ воевать противъ поляковъ и принимать въ казаки всѣхъ и каждаго. Исходъ новой, третьей войны, тяжелый для поляковъ, былъ нерадостенъ и для Малороссіи. Татары опустошали ее съ дозволенія самихъ поляковъ, купившихъ себѣ миръ подъ Жванцемъ именно на такомъ условіи. Хмельницкій отдался московскому государю на условіяхъ, носившихъ въ главныхъ чертахъ признаки Зборовскаго договора, то-есть, съ раздвоеніемъ народа на казаковъ, въ смыслѣ привилегированнаго военнаго сословія, и на посольство. Сверхъ того, Хмельницкій допустилъ въ Малороссіи шляхтъ, «якую Богъ всемогущій до войска запорожскаго наклонилъ, маестностей и крентовъ ихъ власныхъ уживать, якъ издавна они уживали».

Прежняя борьба народнаго стремленія къ равенству, со стремленіемъ водворить въ Малороссіи и упрочить это раздвоеніе, продолжалась долго и послѣ Хмельницкаго и была одною изъ важнѣйшихъ причинъ разоренія и упадка края,—той эпохи, которая прозвана въ народѣ «руиною». Съ изгнаніемъ польскихъ пановъ, говорить г. Лазаревскій, право послѣднихъ на поземельную собственность перешло къ войску; гетманъ, будучи представителемъ послѣдняго, могъ раздавать войсковую землю старшинѣ и рядовому товариществу за ихъ войсковую службу. Посольство, жившее на такой землѣ, съ переходомъ самой земли во владѣніе одного лица, становилось въ обязательныя отношенія къ послѣднему, т. е. должно было пользоваться землею и отдавать державцѣ (владѣльцу) ея извѣстную часть своего труда. Изъ такого посольства впоследствии образовалось малороссійское крестьянство, какъ сословіе несвободное. Народъ, такимъ образомъ, въ сокращеніи изображалъ всю исторію, какъ осѣли люди послѣ Хмельницкаго: «вотъ» (говорили въ 1729 году спрошенные по дознанію старожилы одного села) «тогда можнѣйшіе пописались въ казаки, а подлѣйшіе остались въ мужикахъ». Долго эти сословія, не смотря на постоянное стремленіе ихъ разграничить, смѣшивались: казаки переходили въ мужики, а мужики дѣлались казаками. Этому примѣровъ представлено довольно. Въ универсалахъ Хмельницкаго и Выговскаго на пожалованныя ими населенныя земли, не говорится о послушенствѣ крестьянствѣ, которые владѣли землями, но съ 1662 года крестьянамъ пред-

писывается быть послушными владѣльцу маестности и отбывать въ его колызу *звычайную* (обычную) повинность. Затѣмъ въ гетманскихъ универсалахъ послѣдующаго времени посполитые крестьяне безъ всякаго исключенія обязываются послушаніемъ владѣльцу населенной ими мѣстности. Поземельныя права землевладѣльцевъ основывались, преимущественно, на такъ-называемой займанщинѣ, то-есть произвольномъ захватѣ и слѣдующей затѣмъ давности владѣнія. Права эти были, разумѣется, шаткими и подавали поводъ къ нескончаемымъ распрямъ; крестьяне упрямылись, считали себя свободными, а гетманы и старшины ихъ принуждали къ повинновенію; суды были въ рукахъ старшины, составленной изъ владѣльцевъ имѣній,—и потому, естественно, юридическій путь наклонялъ споръ крестьянъ съ владѣльцами не къ пользѣ крестьянъ.

Повинности, требуемыя владѣльцами съ крестьянъ, основываясь на обычаяхъ, были очень разнообразны. Въ очеркѣ г. Лазаревскаго приводится нѣсколько, относящихся къ концу XVII и къ XVIII вѣкамъ. Собственно, узаконенная повинность ограничивалась опредѣленіемъ панщины двухъ дней въ недѣлѣ, но сверхъ того на крестьянъ налагалась дача владѣльцу въ извѣстномъ количествѣ разныхъ «сельскихъ произведеній». Другіе же «сидѣли на чиншѣ», т. е. платили оброкъ. Имѣнія нерѣдко переходили отъ владѣльцевъ къ владѣльцамъ по пожалованію, что особенно возможно было при политическихъ потрясеніяхъ, какія испытывала Малороссія, такъ, напр., село Домышлинѣ, находившееся въ концѣ XVII вѣка во владѣніи Ивана Курочка, было отобрано Мазепою и отдано Орлаку, а послѣ измѣны послѣдняго Петръ I пожаловалъ его Полуботку, черниговскому полковнику, а отъ него оно досталось Полуницкому, и тогда, смотря по нраву преемника, наборы были или тяжелѣе или легче. Г. Лазаревскій приводитъ нѣсколько очень интересныхъ крестьянскихъ жалобъ на утѣсенія: замѣчательно, что, въ монастырскихъ имѣніяхъ, крестьянъ за уклоненія отъ повинностей наказывали отлученіемъ отъ церкви. Всѣ эти жалобы какъ ни выпуклы, но надобно замѣтить, что вопросъ о справедливости жалобъ и, слѣдовательно, о мѣрѣ утѣсенія народнаго былъ бы только тогда близокъ къ разрѣшенію, еслибы вполне выяснилось, чѣмъ пользовался крестьянинъ, обязанный державцѣ повинностями. Всякая повинность должна разсматриваться какъ плата или вознагражденіе за получаемыя выгоды. Такъ, на примѣръ, повинности, какія обозначены на стр. 37—38, гдѣ показано сколько посполитые такихъ-то сель давали владѣльцу разными естественными продуктами, ничего не показываютъ, когда мы не знаемъ, чѣмъ пользовались крестьяне отъ владѣльцевъ, не знаемъ и условій, какія существовали при этомъ. Мы узнаемъ, что каждый крестьянинъ долженъ былъ доставлять владѣльцу по одному гарнцу орѣховъ, когда бываетъ на нихъ урожай. Если орѣш-

никъ росъ недалеко отъ села — повинность вовсе не отягчительная можно было послать туда дѣтей и гарнецъ орѣховъ набрать можно въ одинъ часъ. Но если за этими орѣхами нужно было идти верста за пять, значеніе повинности измѣняется. Вообще, жалоба сама по себѣ еще не можетъ служить историческимъ свидѣтельствомъ о дѣйствительной несправедливости того, на кого жалуются, тѣмъ болѣе въ Малороссіи въ отношеніяхъ владѣльцевъ къ крестьянамъ, гдѣ стремленіе освободиться отъ мужицкаго состоянія и сравниться съ казаками, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вражда къ знатымъ, сильнымъ и богатымъ, были уже политическимъ признакомъ дѣлаго вѣка. Что касается такихъ обвиненій, какъ, напр., обвиненіе пани Милорадовичъ въ варварскомъ истязаніи дѣвушки (стр. 66) — это случай исключительный, хотя возможный при оныхъ условіяхъ жизни; но, зависѣвшій вполнѣ отъ личности обвиняемаго лица, онъ можетъ служить доказательствомъ не всеобщаго утѣсненія народнаго, а относительной грубости нравовъ и воспитанія, дозволявшей показываться такимъ явленіямъ.

Вообще же, для уразумѣнія степени народнаго состоянія подъ властью владѣльцевъ, нужно знать: какія выгоды получали земледѣльцы отъ послѣднихъ и, сверхъ того, критически оцѣнить степень вообще справедливости тогдашнихъ подобныхъ жалобъ.

По изслѣдованію г. Лазаревскаго, малороссійскій крестьянинъ избавлялся отъ обязательныхъ отношеній къ владѣльцу своему переходомъ въ казачество или переходомъ въ слободы или, наконецъ, переходомъ въ подсосѣдки. Переходъ въ казаки былъ, естественно, самымъ желаемымъ дѣломъ для народа, но это дѣло было трудное и удавалось рѣдко. Переходъ въ слободы былъ легче въ то время. Въ Малороссіи было много такъ-называемыхъ лѣзныхъ (гулящихъ) людей, бездомовныхъ. Малороссія была привольнымъ краемъ и туда переходили и бѣжали изъ сосѣднихъ странъ, — на сѣверъ Малороссіи преимущественно. Разсматриваемые въ предлагаемомъ сочиненіи переселенцы приходили изъ Литвы и (менѣе чѣмъ изъ Литвы) изъ Великороссіи; число ихъ увеличивалось туземными жителями, которые имѣли юридическое право перехода. Право это было ограничено у большихъ владѣльцевъ тѣмъ, что такой владѣлецъ, составляя въ краю силу, всегда могъ найти законные поводы къ удержанію у себя крестьянъ, но зато помѣщики средней руки иногда сами старались выжить отъ себя крестьянъ, въ надеждѣ приманить на оставленные грунты бездомовныхъ, которые, находясь въ нуждѣ, охотно подчинялись какому угодно условіямъ.

Обстоятельства плодили въ Малороссіи гулящій народъ и вмѣстѣ съ тѣмъ умножались слободы. Заводить слободы было юридическою привилегією, которая снискивалась отъ малороссійскаго правительства; существуютъ универсалы на позволеніе населять слободы. За-

Въгнать слѣдуетъ, что въ концѣ XVII вѣка право называть людей на слободы давалось уже съ ограниченіемъ; такимъ образомъ, мы встрѣваемъ примѣры, что такое дозволеніе давалось только съ тѣмъ, чтобы называть и принимать однихъ гулящихъ людей, а не имѣющихъ рунты; въ другихъ случаяхъ позволялось населять заводимыя слободы исключительно пришлыми изъ-за предѣловъ Малороссіи, а не туземцами. Но, такъ какъ умноженіе лѣзныхъ людей давало возможность вообще населять пустыя земли, то въ числѣ лѣзныхъ, селившихся въ слободахъ, не было недостатка и въ туземцахъ. Условія поселившихся въ слободахъ были иные, чѣмъ у тѣхъ, которые жили на прежнихъ грунтахъ, назывався тяглыми. У послѣднихъ собственно грунтъ, обрабатываемый мужикомъ, тому же мужику и принадлежалъ по праву собственности, но онъ обязанъ былъ нести съ него повинности господину. Въ слободѣ же земля принадлежала исключительно владѣльцу и поселенные на ней крестьяне оставались все-таки по праву безземельными. Отъ этого сначала, нѣсколько первыхъ лѣтъ, поселеннымъ въ слободахъ обыкновенно было легче, чѣмъ тяглымъ, ибо владѣльцы слободъ давали новопоселеннымъ льготы, но, по прошествіи болѣе или менѣе значительнаго времени, состояніе слобожанъ дѣлалось часто тяжелѣе состоянія тяглыхъ. Вотъ, какъ говорится объ этомъ въ разбираемой нами книгѣ:

«Слободы были только временнымъ убѣжищемъ отъ панскихъ насилій; льготное время дѣйствительно болѣе или менѣе обезпечивало отъ произвола какъ личность, такъ и трудъ крестьянъ слобожанъ; но за окончаніемъ слободы (т. е. льготы) для нихъ настаивали времена и худшія, чѣмъ тѣ, которыя заставляли ихъ бросить ихъ родныя пещища. На слобожанина—державца смотрѣлъ далеко уже не тѣми глазами какъ на тяглаго крестьянина; послѣдній протестовалъ противъ его насилій, доказывая, что если онъ и обязанъ пану послушаніемъ, то послушаніе это должно быть *мягкое*, такъ какъ онъ сидитъ на своемъ грунтѣ, которымъ владѣетъ отъ дѣда и прадѣда—а что могъ возразить слобожанинъ, когда начиналъ его давить державца? Всякое сопротивленіе при этомъ панской власти могло окончиться тѣмъ, что его выгонятъ съ семьей безъ куска хлѣба, и ему придется обзаводиться тѣмъ, чѣмъ онъ только что обзавелся.... Слобожанинъ въ глазахъ державцы былъ безответенъ, потому что онъ самъ добровольно обзавывался бытъ его всегдашнимъ подданнымъ». На стр. 97, говорится: «положительно можно сказать, что слободская живнь положила основаніе отношеніямъ державцевъ къ крестьянамъ, которыя потомъ довольно естественно обратились въ вѣрностное право». У г. Лазаревскаго не объяснена дѣйствительность договоровъ, которые давались съ обязательствомъ находиться вѣчно у насъ въ слободѣ, и распространеніе этого обязательства на потомство. Съ слободами со-

единается важнѣйшая часть народной исторіи южно-русскаго племени— это колонизація его на востокъ. Въ книгѣ г. Лазаревскаго объ этомъ нѣтъ почти ничего.

Сословіе подсосѣдковъ было въ малороссійской жизни явленіе, помогавшее крестьянамъ избавляться отъ обязательныхъ отношеній. Подсосѣдки были люди, не имѣвшіе грунта, не занимавшіеся обязательно обработкою полей, а проживавшіе въ чужихъ избахъ на условіяхъ работы. Нерѣдко крестьянинъ продавалъ свой грунтъ иногда самому же владѣльцу имѣнія, которому этотъ грунтъ принадлежалъ, и шелъ «въ сусѣди» иногда къ казакамъ, иногда къ другимъ помѣщикамъ, и въ послѣднемъ случаѣ подчинялся условіямъ его вѣсти. Сословіе подсосѣдковъ стало-было очень распространяться, потому что подсосѣдки не отбывали повинностей, подъ тѣмъ предлогомъ, что не имѣли полей, но на самомъ дѣлѣ иные, числясь подсосѣдками, приобрѣтали грунты и жили зажиточно, пока правительство не замѣтило этой уловки и не обязало ихъ повинностями. Подсосѣдки также какъ и слобожане, мало по малу подчинялись большей зависимости отъ владѣльцевъ и вмѣстѣ съ слобожанами полагали основаніе будущему закрѣпощенію.

Половина XVIII вѣка была временемъ наибольшаго шатанія народнаго. Охота искать приволья и переселяться дошла у народа до большей степени. Крестьянинъ все думалъ о волѣ, искалъ воли и двигался все далѣе и далѣе на востокъ; избавлялись такими эмиграціями не только отъ панщины мужики, но и казаки отъ службы. У народа былъ неопредѣленный идеалъ свободной привольной земли и, разумѣется, онъ не находилъ его нигдѣ, а все продолжалъ двигаться и искать своего идеала. Такимъ-то образомъ заселялись широкія степи на востокъ и югъ отъ предѣловъ старой гетманщины до Волги и моря. Естественно, при такомъ направленіи, экономической бытъ гетманской Малороссіи не могъ быть въ цвѣтущемъ состояніи; это и было поводомъ къ разнымъ ограничивающимъ мѣрамъ и, наконецъ, къ закону 1783 года, запретившему вольный переходъ и обязавшему крестьянъ находиться навсегда на своихъ мѣстахъ въ повинненіи помѣщичьихъ.

Настоящее сочиненіе имѣетъ значеніе какъ подготовительный матеріалъ и пособіе для того, кто захочетъ написать систематическую полную исторію крестьянства въ Малороссіи; такого труда въ настоящее время всего умѣстнѣе ожидать отъ самого г. Лазаревскаго, хорошо знакомаго и съ бытомъ Малороссіи вообще, и съ малороссійскими архивами.

Историческое описаніе московскаго Знаменскаго монастыря, что на старомъ государевомъ дворѣ. Изданіе А. Мартынова. Москва. 1866, стр. 131. Прил. стр. 98.

Весьма полное и подробное описаніе какъ настоящаго состоянія

того монастыря, такъ и его исторіи. Относительно историческихъ подробностей замѣтимъ, что нѣкоторыя, основанныя то на преданіяхъ, о нѣ такихъ сочиненіяхъ, которыя почерпали свои свѣдѣнія изъ источниковъ намъ неизвѣстныхъ въ первоначальномъ видѣ, не могутъ нами ни быть отвергаемы, ни принимаемы за безусловно несомнѣныя. Къ книгѣ приложено хорошее хромофотографическое изображеніе плана Знаменскаго монастыря.

Русскій Архивъ, издаваемый при Чертковской библиотекѣ. Годъ четвертый. Москва. 1866. № 12.

Между документами, относящимися къ исторіи XVIII вѣка, помѣщено начало перевода Германа исторіи царствованія Анны Иоанновны (1, 2, 5, 10, 11 и 12). Г. Игнатьевъ составилъ очеркъ изъ жизни княгини Екатерины Долгорукой, государыни-невѣсты императора Петра II (№ 1). Это— время ея заключенія въ Горлицкомъ монастырѣ, въ лѣсной утробной мѣстности близъ Кириллоблзовскаго монастыря. «Въ этомъ монастырѣ у выхода на такъ называемый черный дворъ, гдѣ была конюшня, хлѣвъ и коровникъ, стоялъ небольшой деревянный домикъ съ малыми отверстиями вмѣсто оконъ; наружная дверь, окованная желѣзомъ, день и ночь была заперта внутреннимъ, да еще висячимъ замкомъ. Здѣсь содержались секретныя колодницы, нигѣмъ невиданныя, кромѣ настоятельницъ и приставницъ; только развѣ когда которая изъ колодницъ опасно занемогала, тогда призывался для совершенія требъ монастырскій священникъ... Въ тѣ времена въ монастыряхъ съ колодницами не церемонились; для усмиренія ихъ и для острастки были кододеи, кандалы, мѣшечки, набитые мокрымъ пескомъ, четки иногда замѣняли плетку». Въ этомъ заточеніи Долгорукая пробыла почти три года. При Елисаветѣ ее выпустили; она вступила въ бракъ съ Брюсомъ, но скоро умерла. Изъ документовъ того же періода укажемъ на донесеніе подполковника князя Шаховскаго, просившаго, чтобъ опредѣлять на офицерскія вакансіи не нѣмцевъ, а русскихъ, потому что нѣмцы были изъ мѣщанъ, а полковые штабъ-офицеры, происходя изъ шляхетства, жаловались, что мѣщанамъ неприлично быть въ гвардіи. Императрица Анна повелѣла производить нѣмцевъ, имѣя въ виду жаловать «по состоянію каждого службѣ и достоинству, не взирая на породу». Фактъ замѣчательный, показывающій, что предпочтеніе иностранцевъ русскимъ въ извѣстной степени шло объ руку съ предпочтеніемъ дарованій и заслугъ родовымъ преимуществамъ. Любопытно письмо (№ 2) сосланнаго въ Пелымъ Миниха къ канцлеру Бестужеву-Рюмину, гдѣ онъ, касаясь прежнихъ событій, представляетъ разные проекты и проситъ освобожденія. Въ № 11 — 12 напечатаны бумаги, относящіяся къ его сыну. Въ № 3, ссылка графа Санти въ Сибирь, въ 1727 г., за участіе въ заговорѣ

графа Толстаго, имѣвшемъ цѣлю доставить, по смерти Екатерины I, престоль Аннѣ Петровнѣ. Въ № 5, бумаги по дѣлу объ убіеніи шведскаго майора Сивлера въ 1739 г., совершенномъ на дорогѣ въ Силезію, по которому подозрѣвали русскихъ. Въ №№ 11 — 12, любопытенъ совѣтъ императрицѣ Елисаветѣ, сообщенный Фридрихомъ Великимъ чрезъ Чернышева, еще до семилѣтней войны. Онъ поручалъ передать императрицѣ искренній совѣтъ свой удалить въ Лифляндію находящуюся нынѣ фамилію брауншвейгскую, въ такія мѣста, чтобъ никто знать не могъ, гдѣ и куда она дѣлась, «а тѣмъ бы ону фамилію въ Европѣ совсѣмъ въ забытіе привести, дабы болѣе объ оной памятовано не было».

Изъ документовъ, относящихся къ царствованію императрицы Екатерины II, укажемъ на ея «Записки» (№№ 1, 3) и письма. Подобно тому, какъ въ прошлогоднемъ «Архивѣ», здѣсь помѣщена ея замѣтка о разныхъ неурядицахъ предшествовавшаго ей царствованія и исправленіяхъ, сдѣланныхъ ею самою. Въ числѣ писемъ Екатерины замѣчательно одно отъ 25 іюня 1772 года, гдѣ она говоритъ, что три крестьянина Царскаго Села дерзнули подать ей жалобу, именовъ всѣхъ приписанныхъ къ Царскому Селу крестьянъ, и оуждали въ ней размежеваніе крестьянскихъ земель «толкую оное во вредъ, хотя мы, напротивъ того, предвидя ихъ же собственную пользу, оное размежеваніе учредить повелѣли»; сверхъ того, крестьяне представляли государынѣ, что для нихъ отяготителенъ платежъ почтовыхъ, почивка внутри дачъ, царскосельскихъ дорогъ и рытье карантинныхъ рвовъ и содержаніе рогатокъ, «кои (говоритъ государыня) изъ попеченія отъ насъ для безопасности отъ заразительной болѣзни учреждены». За это прошеніе императрица повелѣла, «сыскавъ помянутыхъ трехъ мужиковъ, такъ какъ и тѣхъ кто имъ прошеніе писалъ и руки прикладывалъ, при собраніи всѣхъ крестьянъ наказать тѣлесно и сослать ихъ на поселеніе, дабы они, а на нихъ смотря и другіе, не отважились впредь утруждать насъ такими невозвольтельными, дерзкими и не дѣльными прошеніями, а тѣмъ меньше толковать во вредъ чинили нашимъ повѣленіямъ учрежденія, коимъ повиноваться должны». Такимъ образомъ, крестьяне эти пострадали единственно за то, что осмѣлились представить своей государынѣ, что для нихъ тяжело то, что власть считала легкимъ и полезнымъ. Такой поступокъ Екатерины черезъ-чуръ идетъ въ разрѣзъ съ ея гуманнымъ «Наказомъ». Издатель «Русскаго Архива» замѣтилъ: «Читатели помнятъ, что за 10 мѣсяцевъ передъ симъ возмущалась московская чернь изъ-за мѣръ противъ заразительной болѣзни, почему строгость императрицы исполнѣ понятна». Но въ Москвѣ было возмущеніе, и понятно, что власть находится въ необходимости наказывать возмущеніе, а царскосельскіе крестьяне только просили.

Въ № 3, помѣщена записка Екатерины II о мѣрахъ къ восстановленію во Франціи королевскаго правительства. Она писана въ 1792 г., и тогда уже, когда король Людовикъ XVI сидѣлъ въ Тамплѣ. Замѣчательно, какъ великіе умы ошибались въ свое время; шло дѣло о вторженіи во Францію иноземныхъ войскъ съ французскими принцами и бѣжавшимъ за предѣлы Франціи французскимъ дворянствомъ. Русская государыня въ то время пишетъ, что достаточно будетъ десяти тысячъ человекъ, чтобы пройти Францію отъ одного конца до другого. Она думала, что это войско можетъ удобно содержаться денежными средствами, которыя ему будутъ доставлять французскія провинціи, которыя и покорятся и будутъ послушны, какъ только на французской землѣ явится войско. Переворотъ, уничтожившій во Франціи монархическое правленіе, казался роковымъ ударомъ для Франціи. Императрица говоритъ: «Королевская фамилія въ темницѣ, и французское государство приближается къ совершенному разложенію». Императрицѣ казалось, что видимый беспорядокъ во Франціи даетъ уже ручательство за успѣхъ предпріятія съ малыми силами. Императрица вѣрила, что анархія всегда и вездѣ ведетъ къ гибели, видѣла во Франціи анархію и смѣло заключала, что Франція на краю гибели. Но императрица не сообразила, что общественное броженіе, производящее анархическое состояніе страны, бываетъ двухъ родовъ: одно съ избытками жизни, сдавленными старыми историческими путями, которыя общество пытается съ себя сбросить, другое — съ признаками неизлечимой и старческой болѣзни и близости смерти, когда въ разслабленномъ общественномъ организмѣ возникаетъ стремленіе освободиться отъ недуга: оно также бесплодно, какъ желаніе старика помолодѣть. Екатерина видѣла подѣ бокомъ у Россіи подобное послѣднее въ Польшѣ и приняла за то же совершавшееся во Франціи: во во Франціи была тогда эпоха обновленія, а не смерти; этого не поняла Екатерина. Въ № 7, напечатана инструкція Екатерины отправленному въ Средиземное море, въ 1778 г., генералъ-поручику Заборовскому, гдѣ ему поручалось набрать войско изъ албанцевъ и славянъ, а также въ виду былъ наборъ и изъ грековъ, — и вообще расположить христіанское населеніе Турціи въ пользу Россіи. Въ № 6, напечатаны проекты Мельгунова о проведеніи каналовъ въ сѣверовосточной Россіи между рѣками сѣвѣрною и вѣжною Кельтмами, и письма Екатерины по этому поводу. Въ №№ 11 — 12, письма Я. И. Булгакова изъ Цареграда и въ томъ числѣ изъ Семибашенной крѣпости; въ особенности замѣчательно письмо отъ 21 января 1789 г., гдѣ сообщается планъ, поданный французскимъ министромъ Шуазелемъ Капитанъ-пашѣ о войнѣ съ Россією. Французъ указываетъ турку большую опасность въ будущемъ отъ Россіи, и совѣтуетъ заключить миръ съ нѣмцами императоромъ, хоть бы и съ уступками, лишь

бы обратить силы на Россію. Въ № 4—извлеченіе изъ дневника лорда Мальмсбюри, напечатаннаго въ Англии въ 1745 году; здѣсь идетъ дѣло о неудавшихся попыткахъ заключить союзъ Англии съ Россіею. Есть нѣкоторыя частности, относящіяся къ біографіи лицъ, окружавшихъ Екатерину: Алексѣя Орлова, Потемкина, Горача, Панина, и другихъ.

Въ №№ 8 — 9, помѣщенъ разсказъ генерала Бутлубицкаго о временахъ императора Павла Петровича, сообщающій біографическія и придворныя частности. Въ № 1, біографія Лагарпа и отрывки изъ записокъ воспитателя Александра Павловича въ дѣтствѣ. Въ № 5, документы къ исторіи 1812 г., распоряженія Ростопчина и замѣтки и письма А. Я. Булгакова. «Русскій Архивъ» даетъ возможность поставить въ параллель два схожія событія, гдѣ выказались извѣстными стороны русскаго быта. Это—чума 1771 г. въ Москвѣ (№ 3) и холерное возмущеніе на Сѣнной площади при императорѣ Николаѣ (*ibid.*), о которомъ напечатано письмо Жуковскаго къ прусской принцессѣ Луизѣ. Въ обоихъ происшествіяхъ дѣйствовало одно и то же противодѣйствіе началъ старомосковской жизни европейскимъ понятіямъ. Старое хотя и казалось придавленнымъ и уступало силѣ новаго, которое имѣло на своей сторонѣ не одно нравственное, но и матеріальное могущество, однако, при случаѣ, въ силахъ было заявить свою живучесть. Въ 1771 г., народъ былъ недоволенъ тѣмъ, что ему не дали искать помощи у чудотворной иконы, изъ опасенія естественныхъ послѣдствій распространенія заразы отъ соприкосновенія. Съ старой точки зрѣнія, это было несправедливо: народъ видѣлъ въ этомъ преступную скудость вѣры и упованія на Божіе всемогущество и милосердіе, и непокорность Божіей волѣ. То же чувство волновало народъ при холерномъ возмущеніи. Народъ вооружался противъ докторовъ, потому что, въ силу прадѣдовскихъ убѣжденій, долженъ былъ ненавидѣть ихъ и видѣть въ нихъ орудіе суемудрія и непокорства Богу. Люди грамотные могли читать въ старыхъ книгахъ и рукописныхъ поученіяхъ, что св. отцы не велѣли ходить къ врачамъ, и врачество считалось грѣхомъ наравнѣ съ волшебствомъ; это дѣлается понятіемъ, когда вспомнимъ, что врачебная наука введена къ намъ властію: большинство врачей были иностранцы; они выказывали свое искусство народу никакъ не подѣ покровомъ православныхъ взглядовъ, а чаще въ разрѣзъ съ ними.

«Русскій Архивъ» сообщилъ документы, относящіеся къ біографіямъ Кутузова (№ 3), А. В. Суворова и Аракчеева (№ 7); а также много матеріаловъ, касающихся нашихъ писателей: первое мѣсто занимаетъ здѣсь разсказъ о Пушкинѣ — Липранди (№ 10). Любопытны письма разныхъ нашихъ литераторовъ александровскаго вѣка, почерпнутыя изъ старыхъ бумагъ Остафьевскаго архива (№№ 2, 3, 7), письма къ

А. И. Тургеневу (№ 4), и Ив. Ив. Дмитріеву (№№ 11, 12), очень характеристическое письмо гр. Бенкендорфа къ Н. А. Полевому (№№ 11, 12). Статьи: «Воспоминанія И. М. Снегирева» (№№ 4, 5), рассказы елецких старожиловъ (№ 3) изъ семейной памяти Кичеева (№ 2), біографія Лабзина (№ 6), принадлежать къ такому роду историческихъ источниковъ, которые представляютъ важность потому, что знакомятъ съ духомъ времени; проникнувшись ими, получаешь болѣе вѣрный взглядъ на явленія жизни того времени, которому они принадлежатъ. Интересующіеся расколомъ останутся (№ 4) на двухъ статьяхъ о сектѣ странниковъ: одна изъ нихъ г. Трефолова, другая И. С. Атакова; послѣдняя отличается замѣчательно вѣрнымъ и здравымъ взглядомъ не только на секту странниковъ, но и вообще на весь расколъ. Вообще, «Русскій Архивъ» и въ томъ году не переставалъ быть важнымъ сборникомъ матеріаловъ для будущихъ историковъ послѣднихъ временъ русской исторіи.

Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей российскихъ при московскомъ университетѣ. Книги 1, 2, 3. Москва. 1866 *).

Въ отдѣлѣ историческихъ изслѣдованій помѣщается пятидесятилѣтіе бородинской битвы, извлеченное исключительно изъ иноземныхъ писателей, съ примѣчаніями И. П. Липранди. Оно раздѣлено на три отдѣленія: *наканунъ битвы*, *день битвы* и *на другой день битвы*. Способъ изложенія состоитъ въ приведеніи и сопоставленіи извлеченій изъ всевозможнѣйшихъ историковъ, описывавшихъ бородинскую битву и, вообще, касавшихся событій этого времени. Нельзя не признать пользы такого сочиненія для удобства повѣрки критикою событій. «Какая же другая кампанія нашего времени, говоритъ г. Липранди, имѣетъ болѣе надобности быть очищеною критикою, какъ не кампанія 1812 года, въ особенности для насъ? Какая другая болѣе изобилуетъ историками и такимъ множествомъ рѣзкихъ разнорѣчій? Не требуетъ ли все согласованія, поясненій, коллегіальнаго разсмотрѣнія и опредѣленія различныхъ эпизодовъ этой борьбы гигантовъ, какъ выразился Наполеонъ? **»). Во второй книгѣ помѣщена статья Вельмана «Донъ», гдѣ доказывается, что мѣсто ссылки Овидія было въ Танаисѣ, и тамъ въ ранніе вѣка христіанства существовала

*) Наша хроника была уже готова, когда мы получили опоздавшій выходомъ, четвертый и послѣдній за 1866 г. томъ «Чтеній». Укажемъ на важнѣйшія части его состава. Въ четвертомъ томѣ, между прочимъ помѣщены: 1) Матеріалы для исторіи Сибири. Сообщ. Г. А. Потанинъ; 2) Дневникъ І. Г. Корба, перев. съ латинскаго Б. Женева и М. Семевскаго; 3) Записки Штелна о Петрѣ III; 4) Допросы Костюшкѣ, Нѣмцевичу и ихъ показанія; 5) Дѣло о Верещагинѣ и Мѣшковѣ (1812 г.) и проч.

**) Въ томѣ IV, помѣщено къ этому изслѣдованію «Заключеніе и Алфавитный списокъ» сочиненій, которыя послужили автору матеріаломъ.

митрополю. Во второй книгѣ начались печататься «Записки Ермолова во время управленія Грузіа»; объ этомъ интересномъ явленіи мы позволимъ себѣ говорить, когда печатаніе ихъ окончится и, вѣроятно, явится въ свѣтъ особою книжкою. Въ отдѣлѣ матеріаловъ славянскихъ, кромѣ продолжающихся (книга 2) славянскихъ житій Кирилла и Меѳодія, напечатаны въ первой книгѣ пѣсни угорской Руси, собранныя Таланкевичемъ, а въ 3-й книгѣ — обранныя пѣдсни въ окрестностяхъ Збруча въ селлахъ Дубковцахъ, Роштовцахъ и Сорокѣ, собранныя Игн. Галькомъ, съ краткимъ поясненіемъ обрядовъ. Къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы такой способъ изданія пѣсенъ былъ вполне безукоривненъ для науки. Если здѣсь стоитъ заглавіе: пѣсни угорской Руси, то мы вправѣ искать того, что пѣсни эти имѣютъ въ себѣ самобытнаго и чѣмъ отличаются отъ пѣсенъ другой какой-либо Руси. Первое здѣсь дѣло — нарѣчіе и выговоръ. Но пѣсни эти не вполне знакомятъ съ тѣмъ и другимъ. Желаетъ, на примѣръ, знать, — слова, кончающіяся на букву *и*, принимаютъ послѣ нея твердый или мягкій знакъ? На стр. 545 (т. I) напечатано *стмечь*, а на стр. 535 *комець*. Желаетъ знать: въ прошедшемъ глаголовъ, кончающихся на *иць*, удерживается ли такое окончаніе, или, по-малорусски, буква *ь* превращается въ *е* (или правильнѣе въ *ѣ*)? На стр. 571 — *любивъ*, а на стр. 544 — *любиль*. Сохраненіе буквъ *и* и *ь*, означающихъ одинъ и тотъ же звукъ твердаго *и*, а также сохраненіе буквы *ь* (сколько можно думать произносимаго за мягкое *и*, а если нѣтъ, то объ этомъ нигдѣ не сказано) и мягкаго *и* въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно по-малорусски выговаривается мягко — путаютъ выговоръ. Если гдѣ, то въ народныхъ пѣсняхъ удобнѣе всего писать по выговору, разъ условившись въ знакахъ; здѣсь точность выговора первое дѣло; не только для южнорусскихъ, но и для великорусскихъ пѣсенъ, какъ кажется, слѣдовало бы принять правописаніе по выговору, тогда только мы узнаемъ русскую рѣчь во всѣхъ ея измѣненіяхъ, а то привычка удерживать этимологическое правописаніе уже не одно собраніе русскихъ пѣсенъ лишила строгой научной точности; въ томъ числѣ и драгоценный сборникъ Рыбникова, при всѣхъ его богатствахъ, страдаетъ тою же неточностью. Слѣдовало бы также ставить ударенія. Равнымъ образомъ, было бы не лишнимъ, издавая пѣсни угорской Руси и вообще Галиціи, прилагать словарь хотя бы самыхъ необщезвѣстныхъ словъ; въ пѣсняхъ этихъ встрѣчаются слова, непонятныя даже и для малоруссовъ, а для великоруссовъ подавно, а «Чтенія» издаются для цѣлой Руси. Не всякій малоруссъ знаетъ, что *издовати* значить обзаводиться хозяйствомъ, *чижми* значить башмаки, *юць* — молодець; а что значить, на примѣръ, *ряхтяна зъзднця*?

Въ отдѣлѣ матеріаловъ иностранныхъ продолжается печатаніе полезнаго перевода хроники Петрея. Отдѣлъ «Смѣся» въ «Чтеніяхъ» давно

уже и постоянно представляеть статьи любопытныя. Въ первой книгѣ обращаетъ на себя вниманіе очеркъ исторіи псковской семинаріи включительно до 1817 г., составленный г. Князевымъ. Это немаловажный матеріалъ для исторіи просвѣщенія по богатству данныхъ, хотя авторъ и мало занимается причинами и соотношеніями приводимыхъ имъ явленій. Этотъ очеркъ выигралъ бы больше, еслибъ въ немъ не было вовсе темноты и неточностей въ такомъ родѣ; наприм., на стр. 29 сказано, что въ 1743 г. въ псковской школѣ было 272 ученика, а на стр. 40, что въ томъ же году однихъ казеннокоштныхъ воспитанниковъ было въ ней 942. Въ второмъ томѣ помѣщенъ очеркъ состоянія московскаго публичнаго книгохранилища и написанное г. О. В. опроверженіе академика Рупрехта подъ заглавіемъ: «Трудно защищать дѣло, которое само себя не защищаетъ». Идетъ дѣло о давно уже существующемъ у насъ вопросѣ преобразованія Академіи наукъ изъ иностраннаго учрежденія, каковымъ оно преимущественно до сихъ поръ было, въ русское. Академикъ Рупрехтъ опровергалъ докладъ, сдѣланный комиссією, разсматривавшею проектъ устава и штатовъ Императорской Академіи наукъ. Онъ находилъ, вообще, совершенно правильнымъ господство иностранныхъ языковъ передъ русскимъ въ Академіи на томъ главномъ основаніи, что Академія есть общеученое и, какъ онъ называетъ, международное учрежденіе, и прежде всего для ней важно быть въ постоянной связи со всѣми учеными Европы, которые незнакомы съ русскимъ языкомъ. На это въ «Чтеніяхъ» возражаютъ ему: «Хорошее, не безпокойтесь, проложить себѣ путь и за рубежъ, особливо въ вѣкъ такого общенія и сообщенія мыслей и дѣйствій, каковъ нашъ, а посредственность, будетъ ли она выражена по-нѣмецки или по-французски, останется такою навсегда и, конечно, для нея же лучше, чтобъ она тамъ и гробъ нашла гдѣ родилась». Вполнѣ соглашаясь съ послѣднимъ, мы, однако, позволимъ себѣ замѣтить, что общедоступность и распространенность языка, если, не придаетъ достоинствъ ученому труду, то все-таки способствуетъ знакомству съ нимъ и, слѣдовательно, пользѣ, какую онъ можетъ принести въ дѣлѣ всеобщаго образованія, которому служить должна наука; съ другой стороны, хотя хорошее, будучи написано на малозвѣстномъ языкѣ, и пробьетъ себѣ дорогу, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, будетъ встрѣчать и препятствія на этой дорогѣ. Мы вполнѣ согласны и убѣждены, что русскій языкъ долженъ быть исключительно господствующимъ въ Академіи наукъ, коль скоро признаемъ полезнымъ и своевременнымъ имѣть Россіи *свою* академію; во всякомъ учрежденіи, чѣмъ бы оно ни было, если оно касается всего русскаго государства, а не одной его провинціи, и содержится на счетъ всего государства, не можетъ и не долженъ господствовать иной языкъ, кромѣ языка страны. Иначе, мы не видимъ причины, почему

бы и въ русскихъ университетахъ, которые также, какъ и академія, содержатся на счетъ государства, не допустить чтеній лекцій на нѣмецкомъ или французскомъ языкѣ? Благо, нѣмцевъ много; профессоровъ изъ нихъ набрать можно, а нѣмецкій языкъ преподается же въ заведеніяхъ: на это послѣднее обстоятельство налагаетъ академикъ Рупрехтъ. Но оставляя законное и обязательное господство за русскимъ языкомъ въ Академіи наукъ, не мѣшало бы ей издавать и на одномъ изъ общедоступныхъ европейскихъ языковъ обзорніе выходящихъ не только въ академіи, но и вообще въ русской литературѣ замѣчательныхъ трудовъ. Г. Рупрехтъ, напротивъ, именно эту мѣру, очень удобную въ академіи для иностранцевъ, предоставляетъ для русскихъ, увѣряя, что академія довольно сдѣлала для Россіи, сообщая на русскомъ языкѣ свѣдѣнія о своей дѣятельности. Г. Рупрехтъ *«все усилія употребляетъ доказать, что можно быть вполне русскимъ, не говоря и не пиша по русски, а тѣмъ не менѣе даже превосходить самыхъ русскихъ въ благонамѣренности, привязанности, любви, пользѣ и т. п.»* Мы, съ нашей стороны, совершенно соглашаемся въ этомъ съ почтеннымъ академикомъ, но думаемъ, что и онъ, съ своей, согласится съ нами, что русскимъ ученымъ нельзя быть, не говоря и не пиша по русски, а академикъ въ Россіи, ей принадлежащій, ея содержимый, долженъ быть не иначе какъ русскій ученый, также какъ академикъ въ Парижѣ долженъ быть — французскій ученый, академикъ въ Берлинѣ — нѣмецкій. Чтобъ избѣгнуть пристрастія къ живымъ иноземнымъ языкамъ, почтенный академикъ находитъ, что всего лучше ввести въ Академію наукъ господствующимъ языкъ латинскій. На это можно повторить только сказанныя въ «Чтеніяхъ» г. О. Б. слѣдующія слова: «было красно да полиняло; умно да поветшало; новое настало. Пришли времена и лѣта нонѣшняго свѣта!» Въ кн. 3-й напечатано дѣло о санктпетербургскомъ университетѣ въ 1821 г. Это процессъ профессоровъ Германа, Раупаха, Галича и адъюнкта Арсеньева, уже давно извѣстный читателямъ «Чтеній» 1862 года и еще полнѣе изложенный въ «Матеріалахъ для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе Александра I», изданныхъ въ Санктпетербургѣ въ 1866 году.

Любопытна помѣщенная въ I книгѣ въ «Смѣси» статья протоіерея Васильева: «Поѣздка въ Англію для собесѣдованія о соединеніи англиканской церкви съ православною». Въ послѣдніе годы, какъ извѣстно, слухъ о желаніи англичанъ соединиться съ православною церковью наполнялъ насъ разными надеждами, но въ какой степени и чего можно было надѣяться? По прочтеніи статьи г. Васильева, можно сказать: скорѣе ничего, чѣмъ чего-нибудь, особенно чего-нибудь прочнаго и важнаго. Существенная пропасть между восточнымъ православіемъ и англиканизмомъ не въ догматахъ, не въ іерархическихъ

условіяхъ, и даже не въ обрядахъ, а въ духѣ, исторически усвоенномъ тою и другою церковью. Восточная церковь основала свой нравственный благочестивый идеалъ на самолишеніи, постѣ, презрѣніи къ земнымъ благамъ, нищелюбіи и молитвенномъ подвижничествѣ; англиканская—самымъ возникновеніемъ своимъ обязана стремленію земныхъ побужденій освободиться отъ духовныхъ узъ, и съ тѣхъ поръ постоянно держится принципа, чтобъ идеалъ небснаго блаженства не мѣшалъ идеаламъ земного благополучія. Описанный у о. Васильева архіепископъ, украшающій свой дворецъ роскошными картинами, за роялемъ потѣшающій гостей звуками романсовъ, конечно, можетъ быть хорошимъ человѣкомъ и христіаниномъ, но надобно согласиться, что эта обстановка слишкомъ далека отъ идеала архіерея восточной церкви. Еслибъ въ самомъ дѣлѣ могло осуществиться предполагаемое соединеніе восточной церкви съ англиканскою, то оно могло быть только формальное, и скорѣе представители и исповѣдники восточной церкви, смѣшавшись съ англиканами, обратятъ духъ своей церкви въ притворство, чѣмъ англиканская церковь усвоитъ духъ восточной. Конечно, у человѣка невозможно, у Бога же все возможно, но, судя по-человѣчески, т. е. судя исторически, эта идея не представляется осуществимою, и поѣдка о. Васильева наглядно показываетъ ея несостоятельность.

Сочиненія, письма и избранные переводы Дениса Ивановича фонъ-Визина. Съ портретомъ автора, со статьею: «О жизни и сочиненіяхъ фонъ-Визина», А. П. Пятковского, съ пояснительными примѣчаніями къ тексту и съ библиографическими объясненіями. Изд. И. И. Глазунова. Ред. П. А. Ефремова. Спб. 1866. Стр. 691. Ц. 2 р.

Всякій разъ, когда мы сами жалуемся или слышимъ жалобы отъ другихъ, что нигдѣ, какъ у насъ, не расходятся люди пера и люди дѣла, литераторы и практическіе дѣятели,—мы должны сознаться, что справедливость требуетъ,—не распространять этихъ жалобъ на прежнія наши времена. Въ прошедшемъ столѣтіи и даже въ началѣ нынѣшняго гораздо чаще, нежели нынѣ, служебныя занятія, даже высокое официальное положеніе не мѣшали людямъ не только любить литературу, но и посвящать ей собственный трудъ. Это обстоятельство придаетъ нашей старой литературѣ весьма важное историческое значеніе, и даже провведенія съ бельетристическимъ характеромъ могутъ послужить у насъ къ изученію нравовъ, быта, степени умственного и нравственного развитія предшествующихъ намъ эпохъ. Вотъ одно изъ тѣхъ соображеній, которыя, вѣроятно, заставятъ съ благодарностью встрѣтить настоящее предпріятіе извѣстнаго нашего издателя-книгопродавца И. И. Глазунова; онъ имѣетъ въ виду собрать сочиненія «Русскихъ писателей XVIII и XIX столѣтій», воспользовавшись при этомъ всѣми средствами, какія доставляетъ къ тому наше время, и пригласивъ къ выполненію

своего предвѣрія лица, спеціально занимавшіяся исторією русской литературы. Издатель началъ съ сочиненій фонъ-Визина; за ними уже печатаются сочиненія князя А. Д. Кантемира и В. И. Майкова, а сочиненія В. В. Капниста, М. В. Милонова, А. А. Дельвига и друг. прилагаются къ печати.

Мы вполне раздѣляемъ мнѣніе г. редактора изданія, что «подробное и болѣе близкое изученіе писателя, являющагося во всей полнотѣ своей литературной дѣятельности, конечно, послужитъ къ устраненію скороспѣлыхъ и неосновательныхъ сужденій и теорій, основанныхъ или на поверхностномъ знакомствѣ съ нѣкоторыми, немногими сочиненіями писателя, или просто-принятыхъ на вѣру со словъ другихъ лицъ.» Что въ послѣднее время развилось не мало «скороспѣлыхъ и неосновательныхъ сужденій и теорій» относительно предшествующихъ намъ эпохъ,—противъ этого спорить нельзя, и остается только желать, чтобы настоящее изданіе окончилось также благополучно, какъ оно теперь начато, и съ той же отчетливостью и соблюденіемъ всѣхъ правилъ издательскаго искусства, какъ оно понимается въ настоящее время.

На издателя дѣлались прежде небольшія требованія; издавать сочиненія значило почти не болѣе, какъ обнаруживать, напечатать ихъ; имнѣ отъ изданія требуютъ большой предварительной работы: свѣрять прежнія изданія, по возможности, съ рукописями авторовъ, снабдить ихъ, по мѣрѣ надобности, примѣчаніями и поясненіями, составить жизнеописаніе автора, изъ котораго можно было бы видѣть его отношеніе къ своему обществу, источникъ его идей и образовательныя средства, общественныя связи и отношенія и т. д.

Настоящее изданіе сочиненій фонъ-Визина поставило себѣ задачей именно удовлетворить всѣмъ этимъ требованіямъ, и потому оставивъ позади себя всѣ предъидущія собранія не однимъ тѣмъ, что въ нижнѣшнемъ помѣщено большое число трудовъ фонъ-Визина, не вошедшихъ въ послѣднее изданіе Смирдина. Въ началѣ тома помѣщена обширная и весьма обстоятельная біографія писателя, направленная именно къ объясненію вышеуказанныхъ вопросовъ. Текстъ снабженъ примѣчаніями автора біографіи и бібліографическими замѣтками редактора и совершенно исправленъ по рукописямъ, хранящимся въ Публичной бібліотекѣ и бібліотекѣ Академіи наукъ. Мы не возволили бы себѣ выразить одно желаніе, которое было бы не трудно исполнить при послѣдующихъ выпускахъ, а именно: пользованіе такого рода собраніями было бы значительно облегчено, если бы надъ каждой страницей помѣщалось оглавленіе печатаемой статьи (колонтитулъ) а съ другой стороны—если это комедія, или драма—обозначались дѣйствіе и сцена. Такой способъ изданія облегчаетъ справки.

Статьи, написанныя для произнесенія въ торжественномъ собраніи Казанскаго университета въ столѣтній юбилей Карамзина. Казань. 1866. стр. 225.

Столѣтній юбилей рожденія Н. М. Карамзина въ концѣ прошедшаго года содѣлалъ, можно сказать, цѣлый отдѣлъ литературы. Не было города, гдѣ не сказали бы рѣчи или не прочли какого-нибудь воспоминанія о нашемъ знаменитомъ исторіографѣ. Тотъ оказалъ бы не маловажную услугу, кто собралъ бы и издалъ отдѣльною книгою, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ подобныхъ работъ, какъ, наприм., рѣчь С. М. Соловьева о Н. М. Карамзинѣ, Я. Е. Грота, М. П. Погодина, Н. Г. Устрялова, К. Н. Бевстужева-Рюмина и др.

Въ одномъ Казанскомъ университетѣ было приготовлено, по случаю юбилея, пять статей. Изъ нихъ обращаютъ на себя особенное вниманіе: «Віографическій очеркъ Карамзина и развитіе его литературной дѣятельности»—Н. Н. Булича, и «Карамзинъ объ исторіи сѣверо-восточной Россіи»—Н. А. Ойрсова. Трудъ г. Булича, не смотря на свою форму очерка, весьма обстоятельно и съ достаточною подробностью излагаетъ жизнь юбиляра, особенно въ первой ея половинѣ, до начала главнаго подвига Карамзина. Автора, конечно, нельзя винить, что онъ не воспользовался новыми матеріалами, изданными въ декабрѣ: его трудъ составленъ одновременно съ работами гг. Грота, Пекарскаго и Погодина. Г. Ойрсовъ избралъ въ дѣятельности Карамзина ту сторону, которая не могла не занять автора изслѣдованія: «Положеніе сѣверо-восточной Россіи въ Московскомъ государствѣ»¹⁾. Г. Ойрсовъ отдаетъ полную справедливость Карамзину и въ этомъ отношеніи: если при Карамзинѣ наука не давала еще средствъ положительно отвѣчать на поднятые въ настоящее время вопросы, то нельзя сказать, чтобы Карамзинъ не чувствовалъ важности въ русской исторіи изслѣдованія объ инородцахъ, чтобы онъ не понималъ, что вопросъ объ инородцахъ составляетъ самую свѣтлую сторону исторіи нашей народности.

«Не надобно быть русскимъ—говорилъ онъ—надобно только мыслить, чтобы съ любопытствомъ читать преданія народа, который смѣлостью и мужествомъ снискалъ господство надъ седьмою частью міра, открылъ страны, никому дотолѣ неизвѣстныя, внесъ ихъ въ общую систему географіи, исторіи, и просвѣтилъ божественною вѣрою, безъ насилія, безъ злодѣйствъ, употребленныхъ другими ревнителями христіанства въ Европѣ и Америкѣ, но единственно примѣромъ лучшаго.»

Г. Ойрсовъ весьма удачно воспользовался настоящимъ случаемъ, чтобы развить программу вопросовъ, которые предстоитъ изслѣдовать въ отечественной исторіи относительно инородцевъ. Мы не раздѣляемъ нѣкоторыхъ изъ его взглядовъ, высказанныхъ и въ вышешприведенномъ со-

¹⁾ См. выше, 1866. Т. IV, отд. III, стр. 3.

чиненіи объ инородцахъ, но тѣмъ не менѣе принадлежить къ числу тѣхъ, которые ожидаютъ въ будущемъ отъ автора значительныхъ вкладовъ въ нашу историческую литературу.

О статьѣ г. Шестакова: «Мысли Н. М. Карамзина о воспитаніи» — мы можемъ сказать, что она была нами прочитана прежде, нежели написана авторомъ. «Нашъ небольшой трудъ — говоритъ авторъ — представить родъ мозаичной работы, изъ разныхъ кусочковъ (sic!) слагающей нѣчто цѣлое». Это «нѣчто», сложенное изъ разныхъ «кусочковъ», есть не что иное, какъ вырѣзки изъ различныхъ сочиненій Карамзина, при чемъ не обращалось вниманія, къ какой эпохѣ жизни Карамзина принадлежить то или другое его разсужденіе, тотъ ли другой его взглядъ. Вотъ, почему мы, читавшіе Карамзина, имѣли право сказать, что мы читали статью г. Шестакова прежде, нежели она была написана, или — говоримъ словами автора — сложена изъ разныхъ кусочковъ. Впрочемъ, авторъ въ первой главѣ сдѣлалъ нѣчто въ родѣ попытки поставить вопросъ и самостоятельно рѣшить его. Г. Шестаковъ былъ неприятно пораженъ, найдя, что Карамзинъ отзывался съ восторгомъ о Ж.-Ж. Руссо и считалъ его гениемъ, наставникомъ людей, которому памятникъ

Есть чувство вѣжныхъ душъ и счастье дѣтей!

Какъ это могло случиться?! какъ Карамзинъ могъ отнестись съ уваженіемъ къ «женевскому гражданину, который въ жизни отцомъ не былъ, а отдавалъ своихъ дѣтей — въ воспитательный домъ» (этотъ доводъ противъ Ж.-Ж. Руссо авторъ повторяетъ, неизвѣстно почему, нѣсколько разъ)? Г. Шестаковъ, для объясненія такой аномаліи, рѣшился объявить, что Карамзинъ былъ очень добродушенъ и «думалъ о другихъ хорошо по себѣ». Но Карамзинъ не оставилъ безъ отвѣта вышеприведенные вопросы и показалъ, что вовсе не одно добродушіе заставляло его съ уваженіемъ относиться къ Ж.-Ж. Руссо: «Жанъ-Жакъ нѣтъ уже на свѣтѣ — вослищааетъ Карамзинъ: на что безповоитъ прахъ его? Творца нѣтъ на свѣтѣ, но твореніе существуетъ, и *нельзя* читать его...» Итакъ, зло не въ Ж.-Ж. Руссо, а въ невѣжествѣ иныхъ читающихъ его произведенія. Карамзинъ не считалъ, да и не могъ себя считать невѣждою, а потому не опасался громко заявлять свое уваженіе къ Ж.-Ж. Руссо. Въ приведенныхъ словахъ, Карамзинъ, какъ бы предвидя недоумѣніе своего будущаго оратора, далъ ему приличный отвѣтъ и назиданіе.

Впрочемъ, г. Шестаковъ мало позволялъ себѣ разсуждать и ограничивался, большею частью, сложеніемъ кусочковъ въ нѣчто цѣлое. «Кто хочетъ до всего дойти собственнымъ умомъ — такъ заключаетъ г. Шестаковъ свою замѣчательную рѣчь — тотъ не прогрессистъ, а жалкій рутинеръ!» Послѣ этого мы нисколько не удивляемся, что г. Ше-

стаковъ въ такомъ вопросѣ, какъ вопросъ о воспитаніи, не желалъ быть жалкимъ рутинеромъ, т. е. пустить въ ходъ свой собственный умъ, и ограничился весьма строго представленіемъ намъ дѣйствительно прекрасныхъ образчиковъ превосходнаго ума Н. М. Карамзина. Позволимъ, въ заключеніе, замѣтить г. Шестакову, что «отвергать авторитеты» и «хотѣть доходить до всего своимъ собственнымъ умомъ»—вовсе не составляетъ, какъ онъ думаетъ, неизбежнаго выбора для людей, и какъ авторъ желаетъ насъ въ томъ увѣрить. Можно имѣть глубокое уваженіе къ авторитету, особенно такому, какъ Карамзинъ, и въ то же время позволить себѣ желаніе доходить до всего собственнымъ умомъ. Самъ Карамзинъ намъ служить тому доказательствомъ: онъ умѣлъ уважать генія, въ лицѣ Ж.-Ж. Руссо, и позволялъ себѣ, независимо отъ него, самостоятельныя взгляды. Но таково свойство великаго ума и честнаго сердца: Карамзинъ не соглашался во многомъ съ Ж.-Ж. Руссо, но, при своей гениальности, не могъ не чувствовать родства съ другимъ геніемъ. Мелкимъ, ничтожнымъ натурамъ этого не дано. Изъ уваженія къ памяти Н. М. Карамзина, ограничимся сказаннымъ, и пожелаемъ, чтобы это драгоценное имя ни кѣмъ не было больше употреблено всуе.

ПО ПОВОДУ БРОШЮРЫ Н. И. ТУРГЕНЕВА:

О разноплеменности населенія въ русскоѣмъ государствѣ. Парижъ. 1866.

Н. И. Тургеневъ, живя постоянно въ Парижѣ, провелъ въ Россіи гѣто 1864 года. Результатомъ его наблюденій и впечатлѣній, «какъ отрадныхъ, такъ и тяжелыхъ», было сочиненіе, подъ заглавіемъ: «Чего желать для Россіи». По совѣту близкихъ автору лицъ, этотъ трудъ не былъ напечатанъ, и настоящая брошюра составляетъ только небольшое изъ него извлеченіе. Н. И. Тургеневъ считаетъ выдѣленный имъ предметъ «тѣмъ болѣе важнымъ, что отъ мѣрь, нынѣ предпринимаемыхъ относительно западнаго края, будетъ необходимо зависѣть будущая участь сей значительной части русскаго государства». Сравнивая смуты въ западномъ краѣ 1830 года съ послѣдними смутами, авторъ весьма справедливо указываетъ на огромное различіе въ результатахъ ихъ укрощенія: въ 1830 году, Россія, по усмиреніи возстанія, не обратила почти никакого вниманія на судьбу западнаго края, между тѣмъ какъ нынѣшній разъ это же самое дѣло обратилось не только въ правительственный, но и въ общественный вопросъ. Причина такого различія заключается въ различіи самаго положенія

Россіи въ тридцатыхъ и шестидесятыхъ годахъ. Послѣднія смуты нашли наше общество, его мысль, его слово несравненно болѣе свободными, потому это общество не осталось празднымъ зрителемъ борьбы правительства съ возставшимъ сословіемъ въ западномъ краѣ. Это объясненіе составляетъ само по себѣ историческій фактъ, совершившійся на нашихъ собственныхъ глазахъ; онъ важенъ, какъ основаніе для послѣдующихъ выводовъ: только въ дальнѣйшемъ развитіи свободы мысли, слова и дѣятельности нашего общества лежатъ гарантіи къ тому, чтобы прежнія событія не повторялись, чтобы въ западномъ краѣ повторилась на оборотъ стародавняя его исторія: выгоды экономическія, гражданскія заставляли прежде даже русскихъ людей сливаться съ польскою цивилизаціею и склоняться къ ней; очевидно, необходимо теперь учреждать въ западномъ краѣ такой порядокъ, чтобы даже и наносный польскій элементъ успѣвши распуститься въ общемъ русскомъ порядкѣ.

Авторъ не безъ основанія настаиваетъ на томъ, что одно усиліе русскаго землевладѣнія, привлеченіе русскихъ къ приобрѣтенію въ этомъ краѣ поземельной собственности, посредствомъ различныхъ льготъ и денежныхъ пособій со стороны правительства, могутъ служить только палліативными мѣрами, при которыхъ приходится усиливать одно на счетъ другого: денежные пособия есть средства страны; направить ихъ въ увеличенномъ размѣрѣ на одно мѣсто, значитъ лишить ихъ другія мѣста. Западный край страдаетъ не малочисленностью русскаго населенія: оно и безъ того преобладающее; заботиться объ одномъ численномъ его ростѣ походило бы на то, если бы мы стали носить дрова въ лѣсъ. Нельзя не согласиться съ авторомъ и въ томъ, что колонизація русскими и безъ того русскаго края произвела бы еще ожидаемый эффектъ, если бы число новыхъ русскихъ землевладѣльцевъ въ западномъ краѣ увеличилось въ огромной массѣ и притомъ одновременно, или иначе, они, вступая въ польское шляхетство по-одиночкѣ, будутъ поглощаться имъ прежде, нежели получать силу, какъ ведро воды, вылитое въ огонь каплями. Потому авторъ полагаетъ, что надобно не столько заботиться о численномъ увеличеніи русскаго населенія западнаго края имперіи, сколько о поднятіи уровня той массы, которая уже существуетъ тамъ на мѣстѣ.

Но какимъ образомъ произошло то, что эти массы такъ глубоко пали? Отвѣтъ на этотъ вопросъ лежитъ въ самой исторіи вообще присоединеній и возвращеній поземельныхъ, какъ они совершались у насъ въ прежнее время. Обращаясь къ отдѣльному примѣру западныхъ губерній, авторъ спрашиваетъ: «что случилось съ этимъ западнымъ краемъ при воссоединеніи его къ Россіи въ концѣ прошлаго столѣтія? Русское правительство признало всѣхъ помѣщиковъ и всѣхъ вообще шляхтичей русскими дворянами. Простой же народъ, русскій и православ-

ный, остался въ прежнемъ рабствѣ. Здѣсь мы не можемъ, продолжаетъ авторъ, не напомнить мимоходомъ, что русское правительство, какъ извѣстно, съ самаго присоединенія западныхъ губерній къ Россіи, начало сотнями, тысячами и десятками тысячъ дарить крестьянъ русскимъ сановникамъ всякаго рода; а въ послѣдствіи, когда такое закрѣпощеніе было отмѣнено, оно отдавало крестьянъ, въ видѣ арендъ, во владѣніе русскимъ чиновникамъ, гражданскимъ и военнымъ. Спрашивается: какое вліяніе подобнаго усиленія русскаго элемента въ западномъ краѣ имѣло на судьбы его? Sapienti sat!»

Въ западномъ краѣ, вслѣдствіе его историческихъ бѣдствій, произошло то, что въ основу происхожденія сословій легли не экономическія или интеллектуальныя и нравственныя данныя, но завладѣніе одной національности другою; такимъ образомъ, тамъ сословія не были ни степенями, ни частью одного цѣлаго, но двумя различными національностями. Н. И. Тургеневъ говоритъ, что если бы споръ и борьба, завязавшіяся въ западномъ краѣ между русскимъ населеніемъ и польскимъ элементомъ, могъ рѣшиться борьбою рукопашной, «то не было бы сомнѣнія въ исходѣ: семеро противъ одного скоро рѣшили бы дѣло.» Но пришлось бороться не числу противъ числа, а бѣдности, нищетѣ, безправности и невѣжеству, поддерживаемому въ большинствѣ искусственно, съ богатствомъ, капиталами, знаніемъ меньшинства. «Правительство — говоритъ Н. И. Тургеневъ — не можетъ дать тотчасъ же русскому народу въ западномъ краѣ такой же образованности, какую имѣетъ высшее сословіе (иноплеменное), не можетъ дать ему такихъ же имуществъ, капиталовъ, какими располагаютъ помѣщики (иноплеменные); но оно можетъ дать русскимъ крестьянамъ тѣ же гражданскія права, какими пользуются польскіе землевладѣльцы и польскіе горожане.»

Во второй главѣ своего изслѣдованія, авторъ переходитъ отъ частнаго случая къ общему строю государственной жизни, и задается вопросомъ: можно ли успѣшно дѣйствовать, даже слѣдуя указанному имъ пути, если хотятъ достигнуть цѣли въ отдѣльномъ случаѣ, безъ того, чтобы не заботиться о развитіи всей государственной жизни въ томъ же самомъ смыслѣ, а именно, пробуждая народныя силы и самосознаніе повсюду? Можно ли думать, что прежній порядокъ вещей, когда пассивныя массы направлялись бессознательно для самихъ себя, что такой порядокъ вещей усиливаетъ правительство, какъ внутри, такъ и въ отношеніи къ сосѣдямъ, при столкновеніи съ которыми намъ приходится имѣть дѣло не съ одними ихъ правительствами, но и съ ихъ массами, которыя тамъ не безгласны и живутъ гражданскою жизнью? Внутри, при такомъ порядкѣ, правительство рискуетъ попасть въ руки своей же администраціи и платить за ошибки послѣдней, а во внѣшней борьбѣ бой всегда окажется весьма не равнымъ.

Заключеніе, къ которому долженъ былъ прійти авторъ, относительно поставленныхъ выше вопросовъ, легко предвидѣть, если мы припомнимъ все вышесказанное:

«Единство государства, единство гражданской жизни народа, единство духа народнаго!... восклицаетъ нашъ авторъ—все это звучитъ пріятно для русскаго сердца. Но относительно иностранцевъ и иноплемениковъ, спрашивается: къ чему, къ какому единству они могли и могутъ примкнуть? Мы знаемъ положеніе массъ народныхъ: можно ли применить, можно ли слиться съ тѣмъ, что не имѣетъ полной жизни, что мертво? Единственный элементъ живой и дѣйствующій, дворянство, само такъ слабо, что не будучи въ возможности исполнить всѣ гражданскія и государственныя отправленія, оно само примкнуло къ элементамъ иностраннымъ, тѣмъ болѣе, что у насъ—впрочемъ, весьма естественно — хотѣли европейскіхъ порядковъ.»

Н. И. Тургеневъ не можетъ не признать, и дѣйствительно признаетъ, что хотя весьма еще недавно, но у насъ сдѣланъ значительный шагъ къ созданію «единства государства, единства гражданской жизни народа и единства духа народнаго». Такимъ шагомъ онъ считаетъ наши юныя «земскія учрежденія», могущія вызвать къ себѣ вражду только со стороны тѣхъ, которые хотѣли бы говорить противъ единства государства, противъ независимости правительства отъ своей собственной администраціи. Указывая на наши земскія учрежденія, авторъ заключаетъ выраженіемъ изумленія, какимъ образомъ могли такъ легко произойти у насъ такое умиротвореніе между бывшими владѣльцами и бывшими почти рабами: «Не правы тѣ, говоритъ онъ, кои изъявляютъ опасеніе на счетъ какихъ-либо неудобствъ отъ распространенія правъ русскаго народа. Они грѣшатъ и предъ своею совѣстью, и предъ Богомъ.»

О разноплеменности въ Россіи можно говорить собственно менѣе, нежели въ какомъ-нибудь другомъ государствѣ: едва ли гдѣ этотъ вопросъ такъ ничтоженъ, какъ у насъ, гдѣ представляется огромная сплошная масса единоплеменниковъ. Западная Европа страдаетъ въ отношеніи насъ, по этому вопросу, или умысленнымъ или круглымъ невѣжествомъ. Мы же страдаемъ болѣе отъ разномысленности, чѣмъ отъ разноплеменности, и вообще отъ непостоянства въ системахъ и въ идеяхъ. Исторія возвращеній собственной же нашей территории или присоединеній, вызванныхъ какъ безопасностью нашего личнаго существованія, такъ и дальнѣйшимъ развитіемъ нашего историческаго значенія, — эта исторія, дѣйствительно, такъ мало походитъ на тѣ факты въ другихъ странахъ, что на западѣ легко могла затѣяться и въ національности противъ насъ, и мы только платились за то, что бываю иногда великодушны въ тѣхъ случаяхъ, когда достаточно было

цного благоразумія, которое также не чуждо великодушія, но подъ своими условіями.

А.

Берлинъ, 10/28 января, 1867.

II. НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ.

А. РУССКАЯ.

О народномъ представительствѣ. *Б. Чичерина*. Москва. 1866, стр. 552. Ц. 3 р.

Авторъ «Областныхъ учрежденій Россіи въ XVII вѣкѣ» въ настоящемъ своемъ новомъ трудѣ поднялъ вопросъ о предметѣ несравненно большей важности и предположилъ себѣ самую широкую программу. Последнее сочиненіе г. Чичерина состоитъ изъ предисловія и четырехъ отдѣловъ: опредѣливъ *существо и свойства народнаго представительства*, авторъ исчисляетъ различные *виды представительства* въ республикахъ, въ монархіяхъ, говоритъ о совѣщательныхъ собраніяхъ и сословныхъ, о конституціонной монархіи и о представительствѣ въ сложныхъ государствахъ; приводитъ *историческое развитіе представительныхъ учрежденій въ Европѣ*, и въ заключеніе анализируетъ *условія народнаго представительства*, причины, которыя ускоряютъ или задерживаютъ введеніе народнаго представительства, и способы происхожденія конституцій.

«Русскій писатель — говоритъ авторъ въ своемъ предисловіи — въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, находится въ счастливомъ положеніи касательно всѣхъ этихъ вопросовъ. У насъ они до сихъ поръ не имѣли практическаго значенія, а потому мы можемъ относиться къ нимъ вполне безпристрастно. У насъ нѣтъ и тѣхъ одностороннихъ взглядовъ, которые вырабатываются историческою жизнью народа. Наконецъ, мы не причастны тѣмъ глубокимъ предубѣжденіямъ, которыя раздѣляютъ нѣмцевъ, французовъ и англичанъ. Въ качествѣ постороннихъ зрителей, мы можемъ спокойно сравнивать исторію всѣхъ представительныхъ государствъ и дѣлать изъ нея выводы, не искаженные народнымъ самолюбіемъ или односторонними практическими цѣлями. Къ этимъ даннымъ мы можемъ присоединить и собственный свой историческій опытъ, который даетъ намъ по крайней мѣрѣ отрицательные результаты. Русскому человѣку невозможно становиться на точку зрѣнія западныхъ либераловъ, которые даютъ свободѣ абсолютное значеніе и выставляютъ ее непремѣннымъ условіемъ всякаго гражданскаго развитія. Признать это, значило бы отречься отъ всего своего прошедшаго, отвергнуть очевидный и всеобъемлющій фактъ нашей

исторіи, которая доказываетъ яснѣе дня, что самодержавіе можетъ вести народъ громадными шагами на пути гражданственности и просвѣщенія. Мы болѣе, нежели кто-нибудь, должны быть убѣждены, что образъ правленія, установленный въ государствѣ, зависитъ отъ свойствъ и требованій народной жизни, и что безусловнаго правила здѣсь быть не можетъ. Но самая эта точка зрѣнія должна привести насъ къ болѣе точному и многостороннему изслѣдованію условій различныхъ образовъ правленія. Въ этомъ отношеніи, наше прошлое не должно суживать наши взгляды. Русская исторія не мѣшаетъ намъ любить свободу, къ которой, какъ въ высшему идеалу, стремится всякая благородная душа. Особенно въ настоящее время, это началу намъ нѣтъ чуждо, нежели когда-либо. Во имя свободы разрѣшаются вѣковыя связи; великія преобразованія вносятъ ее въ нашъ гражданскій бытъ, въ суды, въ мѣстное управленіе, наконецъ, въ самую печать. Какъ нѣкогда, державною рукою Петра, насаждалось у насъ европейское просвѣщеніе, такъ нынѣ, либеральныя идеи, выработанныя европейскою жизнью, водворяются въ нашемъ отечествѣ. Мы усвоиваемъ ихъ себѣ, приравнивая ихъ къ собственнымъ нашимъ потребностямъ, въ тѣхъ размѣрахъ, какіе допускаются нашею исторіею и жизнью. Добытое трудомъ и борьбою достается намъ безъ потрясеній и переворотовъ».

Мы находимъ, что авторъ преувеличилъ выгоды положенія русскаго писателя объ избранномъ имъ предметѣ, и простицающееся отсюда преимущество его труда предъ всѣми подобными трудами западныхъ ученыхъ. Доказательства тому, помимо всего прочаго, мы находимъ на страницахъ его же предисловія, гдѣ онъ выражаетъ то «чувство радости, съ которымъ онъ издаетъ свою книгу». «Я невольно вспоминаю — продолжаетъ авторъ — что десять лѣтъ тому назадъ, я издавалъ диссертацию объ областныхъ учрежденіяхъ Россіи въ XVII вѣкѣ, сочиненіе чисто ученаго содержанія, въ которомъ не было ни одного политическаго намека; а между тѣмъ, въ теченіе двухъ лѣтъ, факультетская цензура затруднилась ее пропускать, — таково было тогдашнее настроеніе. Уже въ 56-мъ году, когда русской литературѣ предоставлено было болѣе свободы, я могъ ее напечатать, и то, благодаря либеральному цензору, который въ то время былъ приближеннымъ злополучныхъ писателей¹⁾». Мы несравненно болѣе согласны съ авторомъ относительно предостереженія, съ которымъ онъ обращается къ русскому писателю, и чего онъ не могъ и самъ не имѣть въ виду для себя, а именно, онъ выражаетъ мысль, что «наше прошлое не должно суживать нашихъ взглядовъ». Приведенные нами общія идеи и взгляды автора, весьма естественно, не остались безъ

¹⁾ «Н. О. фонъ-Крузе».

последствій для его труда, и эти послѣдствія на столько выгодны для него и невыгодны, на сколько справедливы или несправедливы тѣ общія идеи и взгляды. Въ числу невыгодныхъ мы причислимъ его отношенія, въ которыя онъ становится къ западнымъ ученымъ. Признавая всю свою личную выгоду заниматься предметомъ, незнакомымъ ему изъ практики своей общественной жизни, онъ, очевидно, узналъ его изъ трудовъ западныхъ ученыхъ, работавшихъ въ самой средѣ конституціонныхъ учреждений; оставшись членомъ нашего общества, онъ путемъ науки самъ вошелъ въ жизнь западныхъ народовъ и не могъ не почувствовать въ то же время симпатій къ однимъ ученіямъ, и антипатій къ другимъ. Однимъ словомъ, онъ не могъ не пристать къ какой-нибудь уже существующей на западѣ школѣ. Между тѣмъ, нашъ читатель изъ словъ г. Чичерина долженъ невольно заключить, что *есть* западные либералы стоятъ на точкѣ зрѣнія, съ которой «свободѣ дается абсолютное значеніе» и «свобода становится непремѣннымъ условіемъ всякаго гражданскаго развитія». Г. Чичерину, болѣе нежели кому другому, извѣстно, что въ западной литературѣ есть также мнѣнія и взгляды, которые весьма близки къ его собственнымъ взглядамъ. Вотъ, потому мы считаемъ существеннымъ недостаткомъ труда г. Чичерина — отсутствіе въ немъ какого-нибудь критическаго обзора литературы своего богатаго предмета; такой обзоръ тѣмъ болѣе необходимъ въ нашей литературѣ, что вопросъ о народномъ представительствѣ у насъ какъ говорится, непочатый уголь, если исключить вышедшее въ прошедшемъ году изданіе покойнаго барона Гакстгаузена ¹⁾ о томъ же предметѣ. Буквально въ нѣсколькихъ строкахъ г. Чичеринъ упомянулъ только о двухъ капитальныхъ трудахъ Токвиля и Гнейста, и оцѣнилъ, въ особенности послѣдняго, далеко ниже его достоинства. Всего менѣе о Гнейстѣ можно сказать, что онъ не имѣлъ въ виду ничего другого, какъ только «изъ англійской жизни извлечь урокъ для своихъ соотечественниковъ». Трудъ Гнейста такъ основателенъ и глубокъ, такъ добросовѣстенъ, что не только его соотечественники, но и сами англичане слѣшаютъ знакомиться съ нимъ; самъ авторъ, безъ сомнѣнія, не обошелся безъ того, чтобы взять урокъ у Гнейста. Мы никогда не одобряли привычки нашихъ многихъ писателей пользоваться особеннаго рода выгодами своего положенія, и обращаться легко съ западными авторитетами науки, зная, что въ большинствѣ читателей каждое наше слово можетъ быть легко принято за чистую монету.

Мы имѣемъ надежду представить нашимъ читателямъ, современемъ,

¹⁾ Конституціонное начало, его историческое развитіе и его взаимодѣйствіе съ политическимъ и общественнымъ бытомъ государствъ и народовъ. Изд. барономъ Авг. Гакстгаузеномъ. Перев. съ нѣм. В. Утина и К. Кавелина. Спб. 1866. Съ предисловіемъ переводчиковъ. См. 1866, т. III, отд. III, стр. 145.

подробную критическую статью, которой вполне заслуживаетъ почтенный трудъ г. Чичерина; теперь ограничимся нѣсколькими библиографическими замѣтками. Въ сочиненіи г. Чичерина мы считаемъ особенно важными и интересными два отдѣла, а именно отдѣлъ о земскихъ соборахъ въ Россіи (стр. 355—385), къ сожалѣнію, слишкомъ краткій, и заключительное изслѣдованіе условій народнаго представительства.

Въ противность мыслямъ, выраженнымъ въ предисловіи о нашей политической дѣятельности, и совершенно, полагаемъ, сообразно съ истиною, авторъ признаётъ, что Россія прошла вмѣстѣ съ западною Европою всѣ фазисы представительства со всею его обстановкою. «Это среднее, параллельное теченіе жизни, которое не повторяется ни у какихъ другихъ народовъ древняго и новаго міра (у древнихъ народовъ не было понятія о представительствѣ, у нихъ было непосредственное участіе ничтожнаго меньшинства всѣхъ гражданъ въ правительствѣ, обусловленное рабствомъ большинства населенія), доказываетъ яснѣе дня, какъ справедливо выражается авторъ, что Россія—страна европейская, которая не вырабатываетъ невѣдомыхъ міру началъ, а развивается, какъ и другія, подъ вліяніемъ силъ, властвующихъ въ новомъ человѣчествѣ». Но, высказавъ эту истину, авторъ спѣшитъ какъ бы отказать отъ нея и употребляетъ всѣ усилія, чтобы доказать, что Россія не могла имѣть европейской исторіи, что ея «ширь», «пустыня», заставляла человѣка теряться въ пространствѣ (стр. 356), что «татары помогали естественному ходу исторіи» (стр. 361) и т. д. И «татары» и «ширь» служатъ у насъ часто аргументами при объясненіи историческихъ событій, благодаря тому, что въ своей древней исторіи мы изучали до сихъ поръ преимущественно государственное начало, что служить часто доказательствомъ не того, чтобы государственное начало у насъ было всегда преобладающимъ, а скорѣе того, что исторіей начали у насъ заниматься въ эпоху, когда государственное начало приобрѣло громадное значеніе, а потому и въ древностяхъ отыскивали преимущественно его слѣды. Говорятъ, что въ нашихъ пустыняхъ терялся человѣкъ — это повторяетъ и г. Чичеринъ—но, читая трудъ покойнаго С. В. Ешевскаго: «Русская колонизація сѣверо-восточнаго края»¹⁾, мы невольно приходимъ совершенно къ иной мысли объ отношеніи личности нашихъ предковъ къ этой «шири»: личность человѣка не только не поглощалась, но вырабатывалась въ постоянной борьбѣ съ природою. Говорятъ о вліяніи татаръ, чуть не о ихъ заслугахъ, но забываютъ другую сторону того же дѣла: конечно, татары оставили слѣды на нашей жизни, но еще болѣе мы оставили слѣдовъ на жизни татаръ, вырвавъ ихъ изъ варварства и введя въ семью рода человѣческаго. Нашъ авторъ, въ своихъ объясненіяхъ особенностей развитія у насъ народнаго пред-

¹⁾ См. 1866, т. I, отд. I, стр. 285 и слѣд.

ставительства, незамѣтно для самого себя, приблизился къ нѣкоторымъ западнымъ теоріямъ относительно судебъ русской исторіи. Не далѣе, какъ двѣсти лѣтъ тому назадъ, все XVII столѣтіе русской исторіи наполнено земскими соборами. Между нами и XVI столѣтіемъ нѣтъ татаръ, вліяніемъ которыхъ мы могли бы объяснить ихъ прекращеніе. Авторъ усиливается, по крайней мѣрѣ, доказать, что эти земскіе соборы не могутъ быть сравниваемы съ собраніемъ государственныхъ чиновъ той же эпохи въ западной Европѣ. Но мы должны будемъ ему напомнить начало правленія Генриха IV во Франціи, которое совершенно совпадаетъ съ нашимъ «смутнымъ временемъ» или эпохою самозванцевъ. Крамолы нашихъ бояръ ни лучше, ни хуже по сравненію съ крамолами васалловъ французскаго короля и лигистовъ; точно также на улицахъ Парижа, какъ на улицахъ Москвы, рѣшается судьба цѣлой страны; чѣмъ были для насъ поляки, тѣмъ были тогда для французовъ испанцы. Правленіе Генриха IV и Ришельё было далеко менѣе благопріятно для дальнѣйшаго развитія народнаго представительства во Франціи, нежели при ихъ современникѣ Михаилѣ Феодоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ въ Россіи; и въ 1638 году, на который указываетъ авторъ, народное представительство у насъ не было ниже, чѣмъ во Франціи. Это былъ почти тотъ самый годъ, когда Франція была отягощена борьбою съ Испанією, какъ мы съ Польшею; приходитъ въ Парижъ извѣстіе о военныхъ неудачахъ; не хватаетъ денегъ въ казнѣ; Ришельё своею властью облагаетъ податью владѣтелей феодровъ и даже духовенство. Роптали—но воля Ришельё была выполнена. Совершенно другую картину и около того времени представляетъ подобное же дѣло у насъ.

Земскій соборъ 1642 года, по поводу разрыва съ Турцією и необходимыхъ субсидій на военныя издержки, представляетъ въ идеяхъ того времени много замѣчательнаго. Мнѣніе дворянъ и дѣтей боярскихъ изъ городовъ Суздаля, Юрьева, Переяславля, Бѣлой, Костромы, Смоленска, Галича, Арзамаса, Великаго Новгорода и др. было ново и для западной Европы того времени: они совѣтовали правительству держать Азовъ, подъ опасеніемъ навлечь на себя гнѣвъ Божій, а относительно денегъ, необходимыхъ для войны, разсуждали, что денегъ могутъ дать «бояре и ближніе люди, которые нинѣ пожалованы многими помѣстьями и вотчинами. Точно также дьяки и подъячіе нажились и разбогатѣли неправеднымъ издоимствомъ, настроили себѣ дома, палаты каменные, такія, что неудобъ сказаемыя, какихъ прежде не бывало и у великородныхъ людей. Затѣмъ указывали на духовенство и монастыри: надобно велѣть описать ихъ вотчины съ большимъ допросомъ, а кто изъ нихъ утантъ крестьянъ, велѣть указъ учинить по уложенію и обратитъ крестьянъ въ казну». Они не забыли и своихъ дворянъ: «которые наша братія отяжелѣли и обогатѣли большимъ

гатствомъ и съ тѣхъ брать деньги и людей». Авторъ видитъ во всемъ этомъ одну слабость представительства у насъ; но онъ не можетъ не сознаться, что подобныя рѣчи мы нашли бы и во французскихъ *État-généraux*, если бы они не прекратились во Франціи прежде, нежели исчезли наши земскіе соборы, а именно въ 1614 году. Однимъ словомъ, въ XVII столѣтіи представительство въ западной Европѣ и у насъ одинаково было неполное и страдало одними и тѣми же недостатками: что составляло содержаніе рѣчей средняго сословія на собраніи Штатовъ 1614 года? Почти буквально то же, что говорили въ 1642 году у насъ бояре и дѣти боярскіе изъ Суздаля, Юрьева, Галича, Арзамаса и др. Со стороны средняго сословія требуютъ уничтоженія такъ-называемыхъ *répvisions*, которыми пользовались дворяне; со стороны дворянъ предлагается уничтожить наследственность должностей — преимущество средняго сословія, въ которомъ преобладали судейскія лица, адвокаты и т. д. И при всемъ томъ, у насъ мы далеко не находимъ такой глубокой ненависти сословія, какъ во Франціи, гдѣ дворяне не хотѣли даже сидѣть въ одномъ залѣ съ представителями средняго сословія.

Не раздѣляя многихъ взглядовъ автора на предшествовавшую русскую исторію, мы за-то согласны въ его послѣднемъ заключеніи. «Только въ настоящее время, съ освобожденіемъ крестьянъ, Россія стала совершенно на новую почву. Теперь она устраиваетъ свой гражданскій бытъ на основахъ всеобщей свободы и права. Это та почва, на которой стоятъ (замѣтимъ: также весьма недавно) всѣ европейскіе народы; она только можетъ дать настоящіе элементы для представительныхъ учреждений. Но политическая свобода не прямо вытекаетъ изъ свободы личной. Менѣе всего она доступна народу, только что выходящему изъ подчиненія, едва начинающему становиться на собственныя ноги. Политическая свобода требуетъ общественныхъ условій, которыя вырабатываются медленно, труднымъ жизненнымъ путемъ, и безъ которыхъ введеніе представительнаго устройства можетъ породить только смуту».

Потому авторъ и посвящаетъ особый отдѣлъ разсмотрѣнію такихъ общественныхъ условій. Этотъ отдѣлъ безспорно лучшій во всемъ трудѣ г. Чичерина, не смотря на возраженія, которыя можно сдѣлать въ частностяхъ, и которыя нисколько не препятствуютъ и намъ смотрѣть на новую книгу, какъ на одно изъ самыхъ крупныхъ явленій нашей политической литературы за нѣсколько послѣднихъ лѣтъ. Можно раскочкаться во многомъ съ авторомъ, можно желать, чтобъ его трудъ былъ дополненъ критикою различныхъ теорій, но и въ настоящемъ своемъ видѣ онъ послужитъ превосходною руководящею нитью, и во всякомъ случаѣ первымъ опытомъ у насъ изложить въ системѣ вопросъ, о которомъ часто являются самыя хаотическія и сбивчивыя понятія.

Повторяемъ нашу надежду поговорить о немъ еще разъ во второмъ отдѣлѣ нашего журнала.

Обзоръ сельско-хозяйственныхъ учреждений въ Англіи, Франціи, Бельгіи, Голландіи, Германіи и Италіи. Составленъ В. Весинтовымъ. Спб. 1866, стр. 787 и приложения.

Можно сказать, что только въ нынѣшнемъ столѣтїи село съ своими обитателями вступило въ область исторіи и обратило на себя болѣе серьезное вниманіе какъ науки, такъ и правительства. Въ прежнія времена, это населеніе, если и являлось на сценѣ исторической, то имѣло значеніе развѣ несчастнаго случая и вызывало только одну мысль о необходимости усилить его оковы, чтобъ предупредить на будущее время какую-нибудь новую «крестьянскую войну» или «жаккерію». Мы не говоримъ о томъ, что во Франціи, въ послѣдніе годы, такъ-называемый *suffrage universel* построилъ на сельскомъ сословіи главныя основы политическаго порядка вещей,—во многихъ государствахъ были выдѣлены особыя *министерства земледѣлія*, подъ различными названіями, а именно во Франціи, Австріи, Пруссіи и Италіи. При всемъ томъ, чуть не до половины нынѣшняго столѣтїа, положеніе сельскаго населенія почти нигдѣ въ Европѣ не могло быть нормальнымъ. Вопросъ, рѣшенный такъ недавно у насъ, вовсе не старъ и для Европы; личное освобожденіе крестьянъ, право ихъ владѣть поземельною собственностью принято болѣе или менѣе давно во всей Европѣ, но устройство поземельныхъ отношеній между крестьянами и владѣльцами продолжало до нашихъ дней носить различныя отпечатки средневѣковой эпохи, выразившіяся въ особыхъ сервитутахъ, которыми остались обязаны крестьяне по отношенію большихъ землевладѣльцевъ. Во многихъ странахъ западной Европы это «регулированіе», въ формѣ выкупа, не окончено и до сихъ поръ.

Авторъ вышеприведеннаго обширнаго труда посвятилъ цѣлую и весьма любопытную главу описанію именно этого устройства поземельныхъ отношеній между крестьянами и землевладѣльцами во всѣхъ странахъ западной Европы, изложивъ эти отношенія въ ихъ историческомъ развитіи, начиная съ самыхъ отдаленныхъ временъ. Для ознакомленія съ настоящимъ положеніемъ какъ этого вопроса, такъ и вообще всего, что сдѣлано правительствами и обществами для упорядоченія экономической, интеллектуальной и промышленной жизни сель—авторъ, по порученію г. министра государственныхъ имуществъ, предпринялъ путешествіе за границу, и настоящій его трудъ заключаетъ въ себѣ результаты обширныхъ наблюденій, изложенныхъ въ видѣ обзора сельско-хозяйственныхъ учреждений въ Англіи, Франціи, Бельгіи, Голландіи, Германіи и Италіи. Пожелаемъ, чтобы этотъ прекрасный и добросовѣстный трудъ не остался безъ послѣдствій въ

практикѣ для того предмета, который у насъ представляеть болѣе интереса, нежели гдѣ-либо.

Сборникъ статей по еврейской исторіи и литературѣ, издаваемый *Обществомъ для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи*. Книга I. Выпускъ I. Спб. 1866. Съ изображеніемъ памятника солдатамъ-евреямъ, павшимъ за отечество, при оборонѣ Севастополя во время войны 1854—55 гг.

Цѣль этого сборника—привзвать русскихъ евреевъ къ литературной дѣятельности на языкѣ той страны, которой они считаютъ себя гражданами, въ которой они еще такъ недавно были призваны къ гражданской и политической жизни, а вмѣстѣ ознакомить насъ съ историческимъ ходомъ и современнымъ состояніемъ еврейской образованности. Излишне было бы распространяться о пользѣ подобной цѣли: она вполне говоритъ сама за себя. Редакціонная коммиссія въ своемъ первомъ выпускѣ, по недостатку мѣста, не могла исполнить всей своей программы: такъ, опущенъ обѣщанный библиографическій отдѣлъ. Въ составъ перваго выпуска вошло, между прочимъ, изслѣдованіе нашего почтеннаго профессора Хвольсона: «Восемнадцать еврейскихъ надгробныхъ надписей изъ Крыма», о которыхъ мы уже говорили по поводу особаго изданія его труда*). Весьма любопытенъ, по своему содержанію, переводъ г. Левина изъ Мишны, древнѣйшей части Талмуда. Это, дѣйствительно, *первый шагъ* въ удовлетворенію настоятельной потребности русскихъ евреевъ, осужденныхъ до сихъ поръ довольствоваться объясненіемъ книгъ св. писанія или на жаргонѣ, испорченномъ еврейскомъ языкѣ, или на нѣмецкомъ. «Пиркэ-Аботъ», т. е. изрѣченія отцовъ синагоги или трактатъ о принципахъ, составляетъ сборникъ афоризмовъ и нравственныхъ поученій, сложившихся отъ III вѣка до Р. Х., и до III вѣка по Р. Х. Это самая популярная книга между евреями, и до сихъ поръ она не имѣла для себя почти одного русскаго перевода. Для насъ «Пиркэ-Аботъ» можетъ служить источникомъ къ ознакомленію съ міросозерцаніемъ древнихъ евреевъ, съ ихъ практическою мудростью, иногда высокою, иногда подавленною мѣстными обстоятельствами и историческимъ положеніемъ народа; то еврейскій мудрецъ превозноситъ знаніе: «Кто не умножаетъ своихъ познаній — тотъ уменьшаетъ ихъ; кто не передаетъ своихъ познаній другимъ — недостойнъ жизни», и т. д., то въ другомъ мѣстѣ предостерегаетъ противъ знанія: «Грѣйся у огня мудрецовъ, но берегись ихъ жара, чтобъ не обжечься, ибо ихъ укушеніе есть укушеніе лисицы, ихъ жало — жало скорпіона, ихъ шипѣніе — шипѣніе змѣи, и всѣ ихъ слова — раскаленные уголья». Но вообще, всѣ нравственныя правила «Пиркэ-Аботъ» проникнуты практическимъ духомъ, какъ, напримѣръ:

*) См. 1866, т. IV, отд. III, стр. 80.

«Не презирай никого и ничего не отрицай: каждый человек имѣетъ свой часъ (т. е. нѣтъ такого ничтожнаго человѣка, который въ иную минуту не былъ бы полезенъ), и нѣтъ вещи, которая не имѣла бы своего мѣста (т. е. не могла бы къ чему-нибудь пригодиться)». Или: «Упреждай cadaго привѣтствіемъ; лучше быть послѣднимъ между львами, нежели первымъ между лисицами».

Уважемъ еще на статью г. Оршанскаго: «Талмудскія сказанія объ Александрѣ Македонскомъ». Это — народныя легенды, въ которыхъ прославляется память Александра Великаго за пощадку Храма, во время войны съ персами: Александръ рѣшаетъ споры евреевъ съ египтянами, требовавшими у первыхъ выдачи золота и серебра, унесенныхъ ими изъ Египта при Моисеѣ, — или бесѣдуетъ съ еврейскими мудрецами, или рассказываются преданія о его войнахъ съ амазонками и жителями Африки. Вездѣ Александръ является героемъ.

При дальнѣйшемъ своемъ развитіи, новый органъ еврейской литературы на русскомъ языкѣ обѣщаетъ познакомить насъ со многими фактами еврейской цивилизаціи, которая, по своему продолжительному вліянію на общую судьбу образованности, никогда не утратитъ своего интереса для изслѣдователя источниковъ многихъ нашихъ идей и вѣрованій.

Взглядъ на статистику въ историческомъ и современномъ ея развитіи, и статистическое возрѣваніе на характеръ и значеніе Европы. *Н. Сухомлина*. Спб. 1866, стр. 326.

Самое заглавіе и необширный объемъ сочиненія г. Сухомлина, показываютъ, что мы будемъ имѣть дѣло не съ массою цифръ — а съ одними выводами изъ статистическихъ данныхъ. Дѣйствительно, г. Сухомлинъ поставилъ себѣ задачею уяснить своему читателю значеніе вопросовъ, занимающихъ статистику, и ихъ систематическую связь. При совершенныхъ и совершающихся у насъ реформахъ, особенно въ дѣлѣ земскомъ, успѣхъ котораго во многомъ зависитъ отъ успѣха отечественной статистики и здраваго пониманія ея задачъ, трудъ г. Сухомлина является весьма кстати, тѣмъ болѣе, что мы не имѣемъ почти ничего въ этомъ отдѣлѣ научной литературы. Мы сожалѣемъ только, что авторъ ограничился однимъ «взглядомъ» и «возрѣваніемъ», что оставляетъ читателя при однихъ слишкомъ общихъ понятіяхъ, и желаемъ, чтобы настоящій трудъ автора послужилъ бы ему только программой для дальнѣйшихъ работъ.

В. ИНОСТРАННАЯ.

1) Французская.

Correspondance secrète inédite de Louis XV sur la politique étrangère avec le comte de Broglie, Tercier etc. et autres documents relatifs au ministère secret, publiés d'après les originaux conservés aux archives de l'Empire et précédés d'une étude sur le caractère et la politique personnelle de Louis XV, par M. Boutaric, Archiviste aux 'Archives de l'Empire. 1866. T. I. p. 301; T. II. p. 527 in 8°.

Авторъ, обнародывая интимную и тайную переписку Людовика XV, полагаетъ, что она должна послужить къ измѣненію до сихъ поръ существовавшаго мнѣнія о Людовикѣ XV. Авторъ находитъ, что Людовикъ XV, къ удивленію многихъ, является государемъ съ опредѣленными политическими идеями: австрійскій союзъ былъ его дѣломъ, онъ серьезно занимался управленіемъ, вопреки своимъ министрамъ и метрессамъ, и имѣлъ тайное министерство, во главѣ котораго былъ графъ Брольи.

Къ неизданнымъ письмамъ Людовика XV, которыхъ автографы хранятся въ архивахъ имперіи, авторъ присоединилъ различные документы, относящіеся къ тайному министерству и обнародованные въ другихъ сочиненіяхъ.

Въ своемъ этюдѣ «о характерѣ и личной политикѣ Людовика XV» авторъ полагаетъ, что Людовикъ былъ строго судимъ, что въ немъ порочили болѣе чловѣка, чѣмъ государя, обращали вниманіе только на безнравственность, послужившую гибельнымъ примѣромъ. Не старались розыскать, былъ ли онъ способенъ къ управленію или также небреженъ, какъ казался съ перваго взгляда? Сужденіе объ немъ было произнесено въ концѣ прошлаго вѣка въ то время, какъ свѣжее воспоминаніе объ его порокахъ, слабость его преемника, катастрофа, постигшая династію Бурбоновъ, мѣшали безпристрастно оцѣнить его царствованіе. Теперь же это время, по мнѣнію автора, настало вслѣдствіе удаленія отъ той эпохи, съ обнародованіемъ важнѣйшихъ документовъ, съ изученіемъ источниковъ еще неизданныхъ, съ развитіемъ исторической критики и съ политической оштанностью, добытою въ позднѣйшее время. Съ болѣею независимостью и вѣрностью въ настоящее время можно изобразить роль, какую игралъ Людовикъ XV.

Мы не нашли, съ своей стороны, убѣдительными доводы автора, тѣмъ болѣе, что въ его перепискѣ не выразилось особеннаго пониманія Людовиномъ государственнаго управленія.

Воспитанный въ старческой школѣ Флѣри, онъ рано усвоилъ привычку къ интригѣ и притворству, согласовавшіяся съ основнымъ его характеромъ. Никто, за исключеніемъ Флѣри, не внушалъ къ себѣ его полной довѣренности. Онъ любилъ мелкія средства и непрямия

дороги. Кромѣ официальныхъ донесеній, доставляемыхъ ежедневно полиціею и имѣющихъ предметомъ рассказы, недостойные вниманія короля, которыми, однако, удовлетворялась его страстность, онъ имѣлъ агенто́въ въ Парижѣ и Версалѣ, которые сообщали ему политическія интриги и тайны частной жизни. Комнатный служитель собиралъ и передавалъ своему господину свѣдѣнія изъ такого нечистаго источника.

Всякое воскресенье, управляющій почтой сообщалъ королю открытія «чернаго кабинета», въ которомъ невидимые агенты вскрывали письма и переписывали болѣе интересныя изъ нихъ. Никто не укрывался отъ такого изслѣдованія, и Людовикъ XV, не краснѣя, пользовался свѣдѣніями такимъ образомъ добытыми. Вслѣдствіе перехваченнаго письма къ другу, графъ д'Аржансонъ, военный министръ, попалъ въ немилость и былъ изгнанъ. «Черный кабинетъ» стоилъ огромныхъ суммъ. Онъ получилъ новую дѣятельность подъ управленіемъ Жаннея и при участіи М-ме Помпадуръ.

Въ первое время царствованія Людовика XVI, распространился въ публикѣ слухъ, что покойный король имѣлъ за границей корреспонденто́въ, передававшихъ ему политическія новости и получавшихъ отъ него приказанія чрезъ посредство особыхъ довѣренныхъ лицъ. Еще въ 1773 году, д'Эгильонъ, министръ иностранныхъ дѣлъ былъ на самомъ дѣлѣ удивленъ сношеніями такого рода и открылъ, что графъ Брольи, братъ маршала, былъ довѣреннымъ лицомъ короля. Людовикъ XV, вмѣсто того, чтобы заставить молчать д'Эгильона и прикрыть Брольи своимъ авторитетомъ, пожертвовалъ имъ для вида, послалъ его въ ссылку, но продолжалъ до своей смерти переписываться съ нимъ. При вступленіи Людовика XVI, графъ Брольи протестовалъ противъ ссылки, не желая оставаться подъ обвиненіемъ въ интригахъ и даже измѣнѣ, бывшей предлогомъ его изгнанія, требовалъ изслѣдованія своего поведенія и подалъ королю самыя приказанія Людовика XV, приказанія, доказывавшія, что онъ долженъ былъ повиноваться и во многихъ случаяхъ былъ жертвою произвола. Онъ передалъ въ то же время черновыя со всѣхъ депешъ, отправленныхъ, съ королевскаго одобренія, къ тайнымъ агентамъ за границей, и депешы, полученные отъ этихъ лицъ. Мюи и Верженнь, уполномоченные Людовикомъ XVI рассмотреть эти бумаги, не колеблясь, объявили, что графъ велъ себя, какъ вѣрный и скромный подданный, и вмѣсто раскрытія тайны своего повелителя, рѣшился подвергнуться безропотнѣ ссылке, положившей пятно на его честь. Людовикъ XVI оправдалъ Брольи письмомъ, сдѣлавшимся скоро извѣстнымъ, но приказалъ уничтожить корреспонденцію.

Брольи воспротивился и требовалъ сохраненія документовъ, имѣвшихъ, съ политической точки зрѣнія, большое значеніе и доказывавшихъ его ревность и искусство. Людовикъ XVI, убѣжденный этими

достоинствами, отмѣнилъ свое первое рѣшеніе и отослалъ въ архивъ иностранныхъ дѣлъ депеши, касавшіяся внѣшней политики. Это приказаніе исполнили. Напрасно думаютъ, что эти бумаги сожжены. Вопреки тайнѣ, скрывающей доступъ въ архивъ иностранныхъ дѣлъ для публики, извѣстно, что иностранная корреспонденція Людовика XV въ немъ сохраняется. Къ счастью, другіе документы, предложенные Брولى королю, были найдены въ 1792 г. въ кабинетѣ Людовика XVI, въ Тюльери, и обнародованы въ слѣдующемъ году. Болѣе 300 писемъ Людовика XV къ Терсе и графу Брولى были найдены во время революціи среди бумагъ графа и отосланы въ государственный архивъ. Эти-то письма и изданы Бутарикомъ съ присоединеніемъ разныхъ документовъ изъ напечатанныхъ сочиненій.

Аббатъ Жоржель, бывшій секретарь вѣнскаго посольства, приписываетъ происхожденіе этой тайной заграничной корреспонденціи недобѣрчивости короля собственнымъ силамъ, недостатку воли и чрезмѣрному любопытству.

Мы ничего не прибавили отъ себя, мы рассказывали со словъ автора разбираемаго сочиненія тѣ факты, которыми онъ хочетъ выказать въ новомъ свѣтѣ Людовика XV и его образъ дѣйствія. Предоставляемъ самому читателю ближе познакомиться съ этимъ изданіемъ, нисколько не отнимая значенія у документовъ, могущихъ послужить къ составленію особеннаго взгляда.

Le roi chez la reine, ou histoire secrète du mariage de Louis XIII et d'Anne d'Autriche d'après le journal de la vie privée du roi, les dépêches du nonce et des ambassadeurs et autres pièces d'état, par Armond Baschet. 2 édition, augmentée d'un nombre important de curieux documents. Paris. 1866.

Людовикъ XIII долгое время оставался дитятей. Воля его впервые высказалась въ смѣломъ поступкѣ: въ убійствѣ маршала д'Ангра. Если о немъ судить только по смѣлости и насилію этого событія молодыхъ его лѣтъ, можно легко ошибиться. Ничего не было пылаго, ничего увлекательнаго въ его характерѣ. Въ день, предшествовавшій убійству перваго министра и любимца королевы-матери и въ послѣдующій за нимъ, молодой король спалъ и пробудился, по обыкновенію, также спокойно, не смотря на то, что ему пришлось быть главнымъ дѣятелемъ въ этой луврской драмѣ, и онъ далъ свое согласіе любимцу Люину. Буллетени объ его здоровьи и ежедневныя замѣтки объ его жизни, внимательно составляемые его домашнимъ докторомъ¹⁾,

¹⁾ Иоаннъ Геруардъ, сеньоръ Вогриньезъ, первый медикъ Людовика XIII былъ при дофинѣ со времени его рожденія, 27 сентября 1601, и съ чрезвычайною правильностью велъ ежедневный рукописный журналъ состоянія здоровья и мелкихъ фактовъ изъ жизни своего царственнаго кліента. *Vie particulière du Roi Louis XIII de 1605 à 1628, par Jean Herouard, seigneur de Vaugrigneuse, son premier médecin. Bibliothèque impériale, manuscrits 4022 — 4027.*

служать тому неоспоримымъ свидѣтельствомъ. Едва ли можно узнать въ этомъ бессильномъ и меланхолическомъ королѣ — сына Генриха IV, отличавшагося веселостію, ловкаго въ отвѣтахъ, славнаго доблестями.

О Людовикѣ XIII трудно, рѣшительнымъ образомъ, произнести правильное сужденіе. Онъ имѣлъ на своей сторонѣ всю внѣшность, почти всѣ высокія и блестящія качества, въ сущности же не обладалъ ни однимъ. Онъ не былъ очень уменъ, но нельзя сказать, что у него былъ недостатокъ въ умѣ. Онъ имѣлъ высоекое понятіе о своей чести и своемъ санѣ, но въ дѣйствительности никогда не управлялъ ничѣмъ, какъ только своимъ птичникомъ и охотой. Его игры, вкусы, церемоніи были странны, но не давали повода къ осмѣянію. На лошади онъ представлялъ собою изящную и величественную фигуру, — довольно взглянуть на современныя гравюры и портреты. Не смотря на то, интересъ, имъ возбуждаемый, есть смѣсь любопытства и удивленія. Внимательно разсматривая его и слѣдя за нимъ со времени его совершеннолѣтія до смерти, мы не найдемъ его властелиномъ ни другихъ, ни самого себя. Онъ всегда былъ лицомъ страдательнымъ и совершенно исключительнымъ по своему значенію и темпераменту, не смотря на королевское достоинство. Въ дѣлахъ онъ не имѣлъ инициативы; иногда у него являлась мысль, но никогда не было рѣшительности. Рожденный повелѣвать, онъ былъ всегда рабомъ кого-нибудь, прежде Люина, потомъ Ришелье. Онъ любилъ перваго, боялся втораго; одинъ умѣлъ владѣть имъ чрезъ свою грацію, другой — силою своего генія. Въ его привязанности не было никакого живого и горячаго впечатлѣнія, никакого огня; покинуть любимца не оставляло слѣдовъ въ его забывчивомъ характерѣ. Холодность, молчаливость, составляющія иногда политическія качества государя, были въ немъ природными послѣдствіями его характера и нрава. Онъ не горячился при неожиданныхъ событіяхъ, и казался равнодушнымъ. Какъ бы они ни были чрезвычайны, счастливы или гибельны для его престола или лица, онъ относился къ нимъ такъ странно, что трудно было сказать: былъ ли онъ тутъ въ роли философа, или человѣка равнодушнаго или флегматика, ничѣмъ не возмущаемаго, но тѣмъ не менѣе способнаго къ глубокимъ мыслямъ и отдаленнымъ дѣлямъ. Во всемъ онъ выказывалъ медленность: въ разговорѣ, въ походѣ; это не было опять послѣдствіемъ сознанія своего достоинства или стремленія усвоить себѣ видъ принужденнаго величія, оно было въ немъ врожденно. На охотѣ съ собаками при всемъ своемъ превосходствѣ и страсти, онъ оставался церемоннымъ и молчаливымъ. Любилъ ли онъ кого-нибудь, онъ дѣйствовалъ, какъ дитя: ему нравилась внѣшняя сторона чувства, которая тотчасъ и заглушалась другою заботливостію, столь же мимолетною. Въ его сердцѣ не было ни бури, ни желаній, ни сожалѣній, только иногда закрадывались мученія: «его лю-

бовъ была странною любовью», говоритъ Таллемаиъ: «онъ не имѣлъ ничего отъ влюбленнаго, кромѣ ревности.» Людовикъ XIII составляетъ предметъ любопытный для наблюдений, розысканій, анализа.

Авторъ взялся за его изученіе со стороны очень деликатной. Дѣло идетъ о бракѣ и преимущественно объ исходѣ брака Людовика XIII. Никогда еще не представлялось въ жизни такого полного равнодушія, никогда не встрѣчалось въ мужѣ такого почти отвращенія къ своей молодой женѣ. Людовикъ XIII съ церемоніями и большою пышностію вступилъ въ бракъ съ Анной Австрійской въ 1615 году, но когда онъ сдѣлался ея супругомъ, и цѣною какихъ совѣтовъ и увѣщаній! Необыкновенное отношеніе Людовика XIII къ своей женѣ обратило это обстоятельство въ вопросъ государственный. Испанскій царственный домъ, изъ котораго происходила королева, видѣлъ въ этомъ охлажденіи короля призываеъ презрѣнія, почти обиду. Папскій нунцій дѣйствовалъ при этомъ съ чрезвычайнымъ умомъ и ловкостію, какъ тому служатъ доказательствомъ самыя акты, приведенныя въ разбираемомъ сочиненіи. Посолъ испанскій выражаетъ въ точныхъ и часто повторяемыхъ выраженіяхъ оскорбленіе, какое переноситъ его гордая и надменная душа при видѣ пренебреженной красивой инфанты, сдѣлавшейся королевой «только» по имени. Стремленіе видѣть ее на самомъ дѣлѣ женою даетъ ему право живо касаться этого вопроса на аудіенціяхъ съ молодымъ и равнодушнымъ мужемъ. Но въ этомъ случаѣ его превзошелъ умомъ, граціею, легкимъ краснорѣчіемъ, папскій нунцій Гвидо Бентиволио, который для успѣха этого безгранично деликатнаго дѣла употребилъ всѣ самыя любезныя качества умнаго дипломата. Когда же, наконецъ, король, по прошествіи четырехъ лѣтъ, «рѣшился», благодаря нунцію, Люину, испанскому послу, дѣвицѣ Вандомъ, сдѣлавшейся г-жею Эльбѣфъ, благодаря стеченію обстоятельствъ совершенно частныхъ,—его рѣшеніе сдѣлалось столь торжественнымъ событіемъ, что, по приказанію короля, на утро всѣ посланники были извѣщены церемоніеймейстеромъ. Каждый отослалъ депешу къ своему правительству, многіе отправили нарочныхъ курьеровъ, и вся Европа знала также, нѣсколько дней спустя послѣ событія, что «христіаннѣйшій король Людовикъ, тринадцатый по имени, послѣ четырехъ лѣтъ брака, 25 января 1619 г. исполнилъ актъ супружества съ королевою христіаннѣйшею Анною Австрійскою, дочерью католическаго государя.»

Авторъ пользовался не только депешами папскаго нунція и другихъ пословъ, но и бумагами симанкского архива въ Испаніи и другими государственными актами. Болѣе всего онъ руководствовался замѣтками доктора Геруарда, въ продолженіе 29 лѣтъ съ удивительнымъ терпѣніемъ ведшаго журналъ о здоровьи и поступкахъ царственного больного.

Романическое заглавіе, данное авторомъ своему сочиненію, не отнимаетъ у него значеніе серьезнаго изслѣдованія и только указываетъ на ту легкую, изящную форму, въ которую авторъ мастерски облекъ столь щекотливый предметъ своей исторической задачи. Быстрое исчезновеніе перваго изданія (1864 г.) и появленіе новаго, лучшаго, обогащеннаго значительнымъ числомъ любопытныхъ историческихъ документовъ, болѣе всего доказываетъ интересъ разбираемаго сочиненія.

Авторъ, въ описаніи характера Людовика предъ его совершеннолѣтіемъ (р. 59), приводитъ любопытные факты, характеризующіе и самую личность короля и тогдашнія привычки.

Въ день помазанія короля на царство, въ церкви, когда ему поднесли скипетръ, очень тяжелый отъ золота и серебра и множества драгоценныхъ камней, его украшающихъ, рука короля затряслась. Привіцъ Конде, бывшій при королѣ въ качествѣ перваго принца крови, хотѣлъ, поддерживая его руку, помочь ему держать скипетръ, но король, живо обратившись, съ неудовольствіемъ сказалъ: «нѣтъ, нѣтъ, я хочу его носить одинъ, я не хочу товарищей ¹⁾». Эти слова въ устахъ несовершеннолѣтняго короля, обращенныя къ принцу, извѣстному своимъ честолюбіемъ, имѣли самое колкое значеніе, но послѣдствія показали, что предзнаменованіе, изъ него выведенное, было очень ошибочно, потому что король менѣе всего обходился безъ товарища въ управленіи своимъ государствомъ. Въ молодости и дѣтствѣ, король былъ находчивъ и иногда изобрѣтателенъ; скука, впоследствии овладѣвшая его умомъ и душою, не проявлялась тогда ни въ чемъ. Онъ имѣлъ въ то время походя легкую и живую, былъ проворенъ въ упражненіяхъ, имѣлъ наклонности великаго воина и замѣчательнаго гражданина, изучалъ крѣпости, занимался артиллеріей, охотой съ собаками и со стрѣльбою, игрою въ мячъ, но наравнѣ съ этими привычками были и другія очень дѣтскія — точеніе мелкихъ вещей изъ слоновой кости, раскрашиваніе бумаги, приспособленіе клѣтокъ, сооруженій карточныхъ замковъ, позволеніе летать маленькимъ птицамъ въ своей комнатѣ и преслѣдованіе ихъ желтымъ попугаемъ.

Кромѣ, того онъ любилъ, изучалъ музыку, находилъ удовольствіе предсѣдательствовать въ маленькихъ концертахъ, изучалъ церковное пѣніе и пѣлъ въ хорѣ. Особенною же его страстію была птичья охота. Она развилась еще при жизни короля Генриха. Послѣ смерти стараго короля, при устройствѣ соколиной охоты, для Людовика

¹⁾ Relazione di Francia, di Andrea Gussoni e di Agortino Noni ambasciatori. Fraordinarii a Luigi XIII e Maria di Medici, 1610. Raccolta Barozzi e Berchet. Tomo 1. Francia.

понадобился особый, свѣдущій сокольничій. Соперничающіе царедворцы представили юному королю Лююна. Присутствіе птицъ въ комнатахъ короля давало право и требовало даже частаго присутствія птичника — Лююнь понялъ всю выгоду своей новой должности и съ любовью тонкаго царедворца овладѣлъ привязанностію короля. По замѣткамъ Геруарда, король даже во снѣ призывалъ по имени своего любимца, полагая его въ отсутствіи; Людовикъ бредилъ Лююномъ.

Въ статьѣ «Дворъ въ Бордо, свадьба короля» 1615 г., любопытно первое свиданіе короля со своей невѣстой, на дорогѣ въ Бордо, и то сближеніе молодыхъ, которое устроила королева-мать послѣ торжественной свадьбы для политическихъ цѣлей, сближеніе, сдѣлавшее короля равнодушнымъ къ своей молодой женѣ впродолженіе четырехъ лѣтъ и смутившее дружественные дворы. Для насъ же чрезвычайно важно извѣстіе о принятіи королемъ въ Бордо на аудіенціи, предъ возвращеніемъ въ Парижъ, пословъ московскихъ, пріѣзжавшихъ во Францію искать дружбы христіаннѣйшаго короля и предложить ему дружбу своего царя. Вотъ, какъ говорится объ этомъ въ медицинскомъ журналѣ: «È arrivato qui un Ambasciatore con una gran troppa mandato a questo Re Christianissimo dal Moscovito. Sua Maestà gli ha dato una sola publica audienza con la Regina Madre et con la Regina moglie, havendolo per i negotii rimesso poi a Ministri. Et egli ha presentato al Re tre mazzi di pelle che dicono essere di gran valuta.» Archivio Mediceo. Dépêches de France. Décembre. 1615.

Къ описанію этого же русскаго посольства можетъ послужить брошюра очень рѣдка: «Le Persée francais. Au Roy, par le sieur Morillon, avec le mariage et entrée royale à Bourdeaux. Imprimé en 1615. Bourdeaux, Choert-Vernoü». Именно, на страницѣ 449, помѣщено описаніе московскаго посольства и обычаевъ его страны (Description de l'ambassade du Moscovite et des moeurs de son pays).

Histoire de la vie militaire, politique et administrative du Maréchal Davout, duc d'Auerstädt, prince d'Eckmüll. (D'après les documents officiels) par Gabriel de Clénier. Paris. 1866, in 8°, p. 744.

Однимъ изъ свѣтилъ первой имперіи былъ, безъ сомнѣнія, маршалъ Даву. Послѣ 1815 года, стали иначе понимать этого отважнаго война: появились нападки на его благородный и честный характеръ, на значеніе его талантовъ и принциповъ. Духъ партій не прощалъ ему независимости и осторожности въ поступкахъ. Обвиненіе преимущественно заключалось въ бесполезныхъ жестокостяхъ, имъ употребленныхъ при защитѣ Гамбурга. Авторъ разбираемаго сочиненія хотѣлъ, на основаніи официальныхъ документовъ, возстановить истину. Эта біографія представляетъ много интереснаго. Даву является хорошимъ админи-

страторомъ, искуснымъ вождемъ, выказываетъ преданность, вѣрность, храбрость, а, въ нѣкоторыхъ случаяхъ—рѣдкое величіе души. Во время реставраціи онъ не хотѣлъ вмѣшиваться въ борьбу страстей того времени и остался чуждымъ всѣхъ интригъ. Почетное удаленіе ему казалось лучше всѣхъ обязанностей, при исполненіи которыхъ онъ, можетъ быть, принужденъ былъ бы измѣнить своимъ убѣжденіямъ и служить видамъ другихъ лицъ. Въ палатахъ, двѣ партіи, враждебныя императору, не скрывали своего отвращенія отъ князя экмюльскаго: роялисты и либералы. Первые видѣли въ немъ человѣка принциповъ 1789 г. и одного изъ знаменитыхъ воителей, содѣйствовавшихъ величію и славѣ Наполеона; вторые, во главѣ которыхъ былъ генераль Лафайетъ, смотрѣли на него, какъ на приверженца монархическихъ принциповъ императорской династіи и очень склоннаго къ идеѣ военнаго управленія.

Во время движенія умовъ, въ концѣ прошлаго вѣка, 10 мая 1770 года, родился Людовикъ-Николай Даву. Отецъ его началъ службу въ Семилѣтнюю войну.

Фамилія Даву была самою древнею и знаменитою среди лучшихъ домовъ бургундскихъ. Сынъ-первенецъ нашель въ своей семьѣ всѣ нѣжныя заботы матери и бабки. Первое образованіе юный Даву получилъ въ оксерской военной школѣ, и въ 1785 г. вступилъ въ парижскую Военную школу въ то время, какъ изъ нея вышелъ молодой Бонапартъ. При началѣ революціи, Даву, кавалерійскій офицеръ, едва избѣжалъ смерти, угрожавшей ему за честную защиту напрасно обвиненныхъ солдатъ, и предпочелъ спокойную жизнь въ Бургундіи со своей матерью. Въ іюнѣ 1791 года, Учредительное собраніе издало декретъ, призывающій изъ всей Франціи 300 тысячъ гражданъ для защиты отечества отъ вторженія иностранныхъ войскъ. Каждый департаментъ организовалъ эти батальоны волонтеровъ, которые оказали большія услуги войскамъ и сдѣлались разсадникомъ великихъ вождей, удивившихъ Европу своими талантами и безстрашіемъ. Изъ этихъ рядовъ вышли: Массенá, Морó, Клеберъ, Ожерó, Ланнъ, Лекурбъ, Гошъ, Сультъ, Журданъ, Марсо и Даву.

John Forster Kirck. Histoire de Charles le Téméraire, duc de Bourgogne. Traduction de l'Anglais par Ch. Flor O'Squarr. Tome 3. Paris. 1866, p. 376.

Третій томъ *) перевода исторіи Карла Смѣлаго у Форстера Кирка доведенъ до объявленія войны Карлу швейцарцами. Авторъ подробно анализировалъ характеръ герцога Бургундскаго и изобразилъ его красками, отличными отъ обыкновенныхъ. Извѣстно, что успѣхъ служить

*) О первомъ и второмъ томѣ см. выше, 1866, т. II, отд. III, 174 стр., и т. III, отд. III, 60 стр.

мѣриломъ опредѣленія, значенія и таланта индивидуумовъ. Это, естественно, отчасти и справедливо. Истинный успѣхъ, когда человекъ осуществилъ все, что предпринялъ, когда онъ достигнулъ предложенной цѣли, не есть одинъ случайный результатъ; но и неуспѣхъ предпріятія доказываетъ, что, при всемъ проявленіи таланта и энергіи, предприниматели были ниже своихъ усилій, къ большому стремились, нежели могли осуществить, худо употребили свои стремленія, оказался недостатокъ предвидѣнія, ловкости или усердія.

Четыре столѣтія Карлъ слылъ представителемъ безстрашія, надменности, упрямства и високомѣрія, упорства непостижимаго для разума, насилія неспособнаго къ размышленію, недоступнаго истинѣ, равнодушнаго къ послѣдствіямъ ¹⁾).

Послѣ столь долгаго промежутка времени, не расположены и теперь сдѣлать возраженія или начать изслѣдованіе. Затѣмъ отвергать мнѣнія, такъ хорошо украшающія драматическій рассказъ, или уяснить исключительный характеръ? Желаніе новизны имѣетъ свое значеніе, но, отдаваясь ей, мы можемъ навлечь на себя тяжкое наказаніе. При увѣренности найти опору, можно легко отважиться на борьбу, но трудно оставаться подъ бременемъ одному или съ нѣсколькими ранеными товарищами ²⁾. Колеблются, боятся, огорчены при необходимости представить даже безъ комментарій рассказъ событій, находящихся въ противорѣчій съ принятымъ толкованіемъ или усвоеннымъ мнѣніемъ. Можно чрезъ это рисковать потерю довѣрія своихъ читателей, когда такъ легко его приобрѣсть повтореніемъ исторій, столь часто слышанной, и подтвержденіемъ мнѣній давно извѣстныхъ.

Если намъ нужно высказать, замѣчаетъ биографъ, рѣшительное мнѣніе о существующихъ понятіяхъ насчетъ характера Карла, мы должны сказать, что всѣ они преувеличены и, по большей части, совершенно ложны. Мы не желали бы замѣнить невѣрный портретъ рисункомъ вовсе непохожимъ. Мы охотно оставили бы существованіе портретовъ, представляющихъ его человекомъ не возвышеннаго генія или не гибкихъ дарованій; мы готовы признать, что его мысли превосходили часто способности къ ихъ выполненію, что ему недоставало умѣнья принаровить свою политику и свой образъ дѣйствія къ расположенію и требованію другихъ или требованіямъ минуты, — умѣнья, столь необ-

¹⁾ Общее мнѣніе и довольно еще благосклонное точно выражается у автора въ слѣдующемъ извлеченіи: «Этотъ государь имѣлъ достоинства солдата: былъ честолюбивъ, силенъ, беспорядоченъ, самоуправенъ, врагъ мира, алченъ до крови. Онъ уронилъ свой родъ безумными предпріятіями, составилъ несчастье своихъ подданныхъ и заслужилъ свое.»

²⁾ Родтъ, Зельвегеръ, Женженъ и другіе новѣйшіе писатели были раскритикованы за противорѣчіе народному толкованію происхожденія войны между герцогомъ Бургундскимъ и швейцарцами.

ходимаго для управленія людьми и для хода дѣлъ ¹⁾, въ чемъ особенно превосходитъ его великій противникъ. Мы допускаемъ также его безпокойную гордость, излишнюю самоувѣренность, непреклонный характеръ, горячую запальчивость, сопровождаемую быстрымъ успокоеніемъ.

Но мы не можемъ, при прямыхъ проявленіяхъ и ясныхъ доказательствахъ противнаго, допустить изображеніе его человѣкомъ посредственнаго ума, замѣчательнымъ только по гигантской глупости своего честолюбія и безразсудству своего паденія.

Мы не можемъ утверждать, что онъ былъ увлекаемъ буйствомъ своихъ страстей, что его мысли закутаны, планы нуждались въ смыслѣ и солидности, что онъ безъ всякой мысли бросался въ затрудненія, которыхъ онъ легко могъ избѣжать, пренебрегалъ всѣми препятствіями, всѣми увѣщаніями политики и справедливости, и палъ жертвою своей бессмысленной жажды къ пустой славѣ. Тѣмъ менѣе мы должны признать истину такого описанія, гдѣ во многихъ отношеніяхъ наши впечатлѣнія рѣшительно противоположны. Намъ кажется, его взглядъ, въ ограниченномъ размѣрѣ, былъ единственно свѣтлымъ; если онъ не имѣлъ ни глубокой мудрости, ни неистощимой находчивости своего соперника, за-то его мыслящія силы были удивительны, его начала къ дѣйствию были логичны и здравы. При всей пылкости и суровости характера, онъ руководствовался во всѣхъ обстоятельствахъ чувствомъ справедливости, которое еще болѣе оцѣняется чрезъ сравненіе съ поведеніемъ его противниковъ и съ обычнымъ направленіемъ того вѣка и слѣдующихъ за нимъ вѣковъ. Его стремленія слишкомъ обширны, чтобы они могли осуществиться въ продолженіе человѣческой жизни; они имѣли опредѣленную цѣль, и если бы его проекты исполнились, они уменьшили бы и смягчили послѣдующія столкновенія. Неудачи, вмѣсто того, чтобы сломить и истощить, побудили его къ отчаянію, не изъ гордости, безумія и несправедливости, но въ припадкѣ негодованія и ожесточенія, ибо онъ долженъ былъ пасть подъ ударами имъ не вызванными, которыхъ онъ избѣгалъ по возможности и которые произошли изъ ничтожныхъ причинъ, изъ самыхъ дурныхъ поводовъ. Онъ имѣлъ достоинства, отличавшія его между государями: воздержность, трезвость, удивительную дѣятельность, суровую экономію, строгое безпристрастіе, отвращеніе отъ сикофантовъ и паразитовъ, легкій доступъ къ себѣ, посѣпшность къ окончанію всѣхъ своихъ дѣлъ. Всѣ эти качества были признаны даже и тѣми, которые винили его въ недостаткѣ сужденія, въ крайнихъ фантазіяхъ и въ безмѣрномъ эгоизмѣ. Эти недостатки, впрочемъ, не исключали тѣхъ достоинствъ. Самые строгіе критики, самые пылкіе враги не оспаривали

¹⁾ Отсюда, вѣроятно, замѣчаніе Коммина, что Карлъ нуждался въ «здравомъ смыслѣ».

его искренности. Они даже видѣли въ томъ ничтожество его мысли-щей силы, сравнивая ее съ гениальною двуличностію его соперника. Мы же расположены видѣть въ этой искренности, была ли она недостатокъ или достоинство, средоточіе,—гармоническое началo его умственной и нравственной природы. Мы въ ней находимъ разъясненіе частной силы его побужденій, правоты воззрѣній, твердости усилій, вѣрности друзьямъ и непримиримаго ожесточенія противъ враговъ, его торопливости дать и настойчивостію получить что нужно, логической гармоніи его идей, равно какъ силы и глубины его душевныхъ волненій. При контрастѣ между его поведеніемъ и современныхъ ему государей, мы найдемъ всѣ его дѣйствія въ согласіи съ извѣстными понятіями о правѣ. Понятія могли быть тѣсны, право могло быть доведено до крайности, но убѣжденія были честны, признаніе свободно, и извиненіе, даже при недостаточности, было, по крайней мѣрѣ, ясно, тогда какъ французскій король, побуждаемый простымъ инстинктомъ приобрѣтенія, неумѣраемымъ благородіемъ, непрерывно избиралъ не проложенныя, кривыя дороги, не одобряя своихъ собственныхъ дѣйствій, своихъ собственныхъ агентовъ, покидая или обманывая своихъ союзниковъ, скрываясь за облаками софизмовъ или находя убѣжище въ счастливомъ молчаніи. Можемъ ли мы надѣяться, заключаетъ авторъ, что намъ простятъ, если мы, увлеченные ревностію біографа, скажемъ, что человѣкъ, котораго жизнь мы рассказываемъ, былъ существомъ организованнымъ, одареннымъ умственными способностями въ той же мѣрѣ, какъ физическими? ¹⁾

Эти разсужденія тѣмъ болѣе извинительны, что для послѣдней части карьеры Карла нѣтъ разсказа, имѣющаго какое-нибудь значеніе, ни записокъ, написанныхъ съ знаніемъ его чувствъ и идей. Всѣ свѣдѣнія объ немъ происходятъ изъ непріязненныхъ источниковъ; его собственныя признанія тщательно уничтожены; мотивы и акты его враговъ осторожно скрыты или удивительнымъ образомъ искажены. «Обвиненный побѣжденъ и осужденъ, нѣтъ ничего сообразнѣе высказать, что можетъ быть сказано для его защиты или оправданія, если согласились бы насъ выслушать».

Изъ всего этого можно видѣть, съ какою осторожностію англійскій историкъ старается внести въ убѣжденіе публики новыя понятія о характерѣ своего героя, съ какою горячностію беретъ на себя трудъ очистить его отъ пятенъ, наброшенныхъ и временемъ и врагами.

¹⁾ Не всегда допускали такое мнѣніе. Новѣйшій французскій писатель сказалъ въ видѣ эпиграммы, что современники герцога Бургундскаго называли его «грозынымъ», потомство дало прозваніе «снѣгаго», но исторія съ большею справедливостію назвала бы его Карломъ-«сидютомъ».

Arène Neussau. *Notre-Dame de Thermidor, histoire de Madame Tallien. Portraits, gravures, autographes.* Paris. 1866. p. 496.

Авторъ сдѣлалъ все, чтобы представить героиню своего сочиненія въ увлекательномъ видѣ. Испанка графиня Тереза Кабаррю, бывшая маркизою Фонтеней, а во время террора—примѣнявшая свой титулъ маркизы на скромное названіе—жены гражданина Талльена и сошедшая въ могилу подъ именемъ княгини Шиме, является богатымъ предметомъ для кисти художника и литератора. Годы ея молодости, ея политическаго вліянія въ бордосской рѣвнѣ, въ погибели Робеспьера, въ освѣженіи санекулотскаго общества, останутся на долго въ памяти французскаго народа. Заключенная въ тюрьму дозорительнымъ представителемъ Конвента, суровымъ въ отношеніи женщинъ—Робеспьеромъ, она прислала свой кинжалъ гражданину Талльену и тѣмъ указала на необходимость низверженія тяготѣвшей надъ народомъ власти. Авторъ, доказывающій, что революція еще не имѣетъ пока своего историка, а только своихъ знаменитыхъ защитниковъ, ожидаетъ чрезъ сто лѣтъ, въ 1893 г. писателя, который съ характеромъ голой истины коснулся бы этого важнаго періода французской исторіи. До сихъ поръ, Тьеръ принималъ сторону Дантона; Луи Бланъ—поддерживалъ Робеспьера; Минье былъ на сторонѣ разума; Мишле—на сторонѣ челоуѣчности; Эдгаръ Кине защищалъ жирондистовъ; Эскиросъ—монтаньяровъ; Ламартино, начавшій съ жирондистовъ и окончившій монтаньярами, склонился въ пользу величія и идеала. Были и порицатели, кидавшіе повсюду свои возгласы, но не было безпристрастныхъ историковъ.

Отъ такого сужденія автора, отъ стремленія его къ отысканію исторической истины, можно было ожидать, что и самая исторія гражданки Терезы Талльенъ будетъ живою истинною безъ всякой поэтической обстановки. Но художническому дарованію автора не нравился спокойный разсказъ интересныхъ событій: онъ придалъ ему художественную форму. Обаятельная личность красавицы Терезы, ея обворожительные глаза, плѣняющая наружность должны были затмить въ авторѣ его историческое чутье и замѣнить его роскошнымъ художническимъ жаромъ. Въмѣсто исторіи, читатель найдетъ пышныя фразы, вмѣсто спокойнаго изложенія—страстныя сцены. Онъ будетъ взволнованъ и непременно пожелаетъ прочесть болѣе основательное изложеніе послѣ восторженнаго художническаго очерка кисти Арсенія Гуссѣ. Для того, чтобы наши слова не показались бездоказательными, приведемъ одну сцену изъ разсматриваемаго сочиненія. Тереза Кабаррю, бывшая маркиза Фонтеней, предложила Конвенту быть помощницею больныхъ и несчастныхъ въ ихъ убѣжищахъ горести и бѣдности. Конвентъ, не удивлявшійся ничему, ни доблести, ни преданности, ни краснорѣчію, съ сочувствіемъ выслушалъ рѣчь молодой патріотки и отослалъ ее въ комитеты образованія и народнаго здравія «съ почетнымъ упомина-

ниемъ». Робеспьеръ не позволилъ Терезѣ посѣщать жилища бѣдности и страданій, а приказалъ ее тайно арестовать и заключить въ тюрьму. Талльенъ, утромъ 4 термидора, таинственнымъ образомъ получаетъ кинжалъ. Записки не было, не видали и человѣка, его принесшаго. Оружіе явилось на столѣ во время получасоваго отсутствія хозяина. Онъ узналъ кинжалъ; драгоценный камень испанскій указывалъ на его обладательницу. Это было краснорѣчивое приказаніе!

Въ тотъ же день Талльенъ встрѣтилъ Робеспьера, разговаривавшаго съ Давидомъ предъ общиной. — Три повозки съ осужденными прошли предъ ихъ глазами. Это были осужденные утромъ, такъ какъ трибуналъ вставалъ рано. Робеспьеръ отвернулся. «Это ужъ слишкомъ, сказалъ онъ. Ахъ, если бы всѣ люди были добродѣтельными, можно бы сжечь гильотину. Это моя мечта. Но революція уничтожена ея врагами. Когда я подумаю, что Фрероны, Фуше, Било-Варенны, Калло-д'Эрбоа, Талльены...» Четвертая повозка проѣзжала. — Ты говоришь о Талльенѣ, спросилъ Давидъ, не онъ ли идетъ? — «Да, красивый Талльенъ! какъ всѣ женщины зовутъ его.»

Робеспьеръ, чрезвычайно заботившійся о своемъ туалетѣ, не могъ простить Талльену, Фрерону, Шенъе, Баррасу, всей будущей «золотой-молодежи, ихъ красивый видъ и блестящій нарядъ. Талльенъ, проходившій въ это время по той же улицѣ, съ безпокойствомъ осматривалъ четвертую повозку, полную женщинъ. Онъ увидѣлъ Робеспьера и Давида, хотѣлъ пройти мимо, но рѣшился заговорить: «Прекрасное солнце», говоритъ онъ, протягивая руку и притворяясь спокойнымъ.

Робеспьеръ далъ свою гордую руку, но не пожалъ руки Талльена; хотѣлъ ли онъ этимъ показать разстояніе между патрищемъ и плембеемъ или желалъ выразить свою ненависть? «Да, прекрасное солнце, говоритъ онъ, махая платкомъ вмѣсто вѣера, изъ моего презрѣнія къ людямъ я возвращаюсь въ среду полей.» — «Робеспьеръ, говоритъ Талльенъ взволнованнымъ голосомъ, какъ будто сердце хотѣло говорить, доставь мнѣ милость.» — «Милость? отъ меня, Робеспьера? Какая же моя власть? Я гражданинъ на службѣ республики.» — «Дурная служба, неблагоприятно говоритъ Талльенъ, указывая на послѣднюю повозку съ осужденными, если, всякій день, представляется такое зрѣлище.» — «Кто же даетъ такое зрѣлище?» восклицаетъ Робеспьеръ, ударя ногою. — «Не я — отвѣчаетъ Талльенъ. — «Можетъ быть, я.» — «Можетъ быть, Робеспьеръ? говоритъ Давидъ, искоса поглядывая на Талльена. — «Я не говорю этого, но кто-нибудь да дастъ.» — «Справедливость народа.» — «Нѣтъ, тутъ не справедливость, не народъ! Одна ненавистная машина движется, и мы всѣ пройдемъ чрезъ нее, если ты не скажешь морю крови библейскія слова.» — «Море крови, ворчалъ Робеспьеръ, ты его знаешь.» Робеспьеръ взглянулъ на сентябрьскаго участника, какъ будто разглядывалъ, не въ крови ли ноги Талльена? — «Я не слыхалъ, что

ты сказать, возразил Талльенъ. Я не пришелъ къ тебѣ для насмѣшки. Это не время. Я пришелъ. — Талльенъ не смѣлъ произнести имя м-мъ Фонтеней — я пришелъ заклинать тебя не призывать болѣе женщинъ къ революціонному трибуналу.» — «Талльенъ правъ», замѣтилъ Давидъ. Мы какъ будто боимся женщинъ, развѣ мы не римляне.» Робеспьеръ сдержалъ неудовимую улыбку на своихъ насмѣшливыхъ губахъ.

«Я не понимаю, сказалъ онъ. Я зналъ тебя женственнымъ, но не считалъ за глупаго.» — «Глупаго? Почему? Потому что я считаю безуміемъ, страшнымъ безуміемъ посылать всякій день двадцать пять женщинъ на гильотину?» — «Зачѣмъ же убивали женщинъ 2-го сентября. Зачѣмъ?» Талльенъ гордо посмотрѣлъ на Робеспьера, какъ будто отражая этотъ грубый ударъ. — «Зачѣмъ? началъ онъ твердо, ты это знаешь хорошо.» — «Я, сказалъ Робеспьеръ, беря подъ руку Давида, я знаю только законъ.» — «Хорошо, сказалъ Талльенъ, удерживая его, именемъ закона возвратите свободу гражданъ. Богарне, незаконно задержанной.» — «Никто не задержанъ незаконно; я не министръ полиціи, я не знаю гражданки. Богарне.»

Талльенъ не смѣлъ произнести имя м-мъ Фонтеней, а Робеспьеръ медленностию, съ какою произнесъ имя Богарне, хотѣлъ доказать, что его трудно обмануть. Талльенъ не отчаявался и ласково сказалъ: — «Я знаю бѣдныхъ женщинъ, ничего не замышлявшихъ, но осужденныхъ на смерть, потому что нужна работа палачу. — Пойдемъ со мною въ тюрьмы, это долгъ члена конвента знать истину. — Хорошо, я отправляюсь теперь въ Шарентонъ, но обѣщаю когда-нибудь отправиться съ тобою въ тюрьму Кармелитовъ, гдѣ гражданка. Богарне, если я хорошо помню.»

Робеспьеръ имѣлъ хорошую память.

Талльенъ отвѣчалъ съ горечью: — «Иди, но сколько отправится на эшафотъ, если ты не возвратишься завтра!» — «Но еще разъ, развѣ я располагаю судьбою людей?» — «Да, располагаешь, ты держишь Конвентъ и комитеты въ твоей рукѣ. Берегись, тебя обвинять во злѣ, когда ты можешь сдѣлать добро.» — «Но я не имѣю часа покоя. Развѣ ты думаешь, что я иду въ Шарентонъ удить рыбу. Я не имѣю времени открыть окно, чтобы полюбоваться небомъ и природой.» — «Къ чему вся эта работа, если республика заставляетъ бояться всѣхъ?» — «Республика страшна только врагамъ, говоритъ задумчиво Давидъ. Я нахожу, что Талльенъ съ друзьями не имѣетъ священнаго огня.» — «Священнаго огня?» — закричалъ Талльенъ. Онъ хотѣлъ разразиться, но удержался. «Ты развѣ не замѣчаешь, сказалъ Робеспьеръ, представляя изъ себя греческаго мудреца, что Талльенъ, Фреронъ, Шенъ — не люди съ тѣхъ поръ, какъ влюблены.» — «Влюбленіи сказалъ Талльенъ, да, мы влюблены въ республику побѣдоносную и милостивую, мы ненавидимъ

республику въ красномъ колпагѣ, утопающую въ крови, вакханку, опьянѣлую отъ мщенія, которая поражаетъ беззащитныхъ женщинъ.»— «Женщинъ, говоритъ Робеспьеръ, ты ихъ не знаешь. Это все наши враги, онѣ любятъ только оргіи. Черезъ женщину погибнетъ республика».

Робеспьеръ, боявшійся женщинъ, хотѣлъ удалиться. — «Это послѣднее твое слово?» — кричалъ ему вслѣдъ Талльенъ. Робеспьеръ увлекъ Давида и молча привѣтствовалъ своего врага. «Это привѣтствіе, говорилъ проконсулъ Бордо, было остро и ледяно, какъ лезвее гильотины. Да, ты сказалъ, постыдный и храбрый тиранъ, черезъ женщину погибнетъ республика.»

Талльенъ дошелъ до конца улицы, извлекъ кинжалъ Терезы, показавъ его солнцу, какъ бы желая приготовить къ той отчаянной борьбѣ, которую онъ долженъ былъ вести. — «Это будетъ мое послѣднее слово!» — сказалъ онъ со страстью. Осмотрѣвшись, онъ поцѣловалъ лезвее.

Такими сближеніями наполнено все сочиненіе Гуссе, который, какъ видно, не усвоилъ твердаго мнѣнія о важнѣйшей эпохѣ французской исторіи. Впрочемъ, для исторіи правовъ конца XVIII и начала XIX вѣка рассказъ его важенъ по тѣмъ выпискамъ, которыя онъ дѣлаетъ изъ разныхъ записокъ и современнаго «Монитѣра».

Судьба важнѣйшихъ лицъ этого сочиненія возбуждаетъ интересъ. М-мъ Талльенъ сдѣлалась княгинею Шиме и, не смотря на сильное желаніе быть допущенной ко двору нидерландскому, при которомъ ея новый мужъ занималъ важныя должности, не могла достигнуть его исполненія. Самъ же Талльенъ, участвовавшій въ числѣ ученыхъ въ египетской экспедиціи Наполеона и потомъ назначенный консуломъ въ Алиантъ, влачилъ послѣдніе дни своей жизни въ страшной бѣдности. Для своего пропитанія онъ вынужденъ былъ продать единственный у него оставшійся экземпляръ журнала: «L'Ami des Citoyens». Дантонъ былъ первый подписчикъ на этотъ журналъ, а послѣдній экземпляръ его, какъ говорятъ, достался министру полиціи при Людовикѣ XVIII, Пакье. По докладу министра о нищетѣ, постигшей знаменитаго дѣятеля временъ республики, Людовикъ XVIII назначилъ ему, какъ литератору, изъ собственной казны пенсіонъ въ 160 лундоровъ. Талльенъ не могъ отказать отъ такой милости, но смерть не позволила ему воспользоваться ею.

Сочиненіе снабжено двумя превосходными портретами м-мъ Талльенъ и другими современными рисунками.

Charles de Mazade. *Deux femmes de la révolution*. Paris. 1866, p. 271.

Это сочиненіе составляетъ перепечатку изъ *Revue de deux Mondes* двухъ статей публициста Мазада. Марія-Антоанетта, дочь Марин-Терезы, королева французская, жертва судьбы, которая преслѣдовала ее

за самыя невинныя женскія слабости, представляетъ трогательное олицетвореніе падающаго величія. Г-жа Роландъ, молодая эмансипированная патріотка, выражающая собою гордость и силу новаго поволенія, стремившагося къ власти, служить энергическимъ и увлекательнымъ изображеніемъ того нарождающагося порядка, который освѣщается бурей. Обѣ онѣ отправились изъ Версаля съ равнымъ мужествомъ окончить свою жизнь на эшафотѣ и, по странному стеченію обстоятельствъ, онѣ обѣ нашли въ настоящее время историковъ, бросающихъ новый свѣтъ на ихъ различныя назначенія, нашедшія такой ужасный конецъ.

Жирондистъ Бюзю пробудилъ въ сильной душѣ г-жи Роландъ могущественное чувство любви. Но эта запоздалая, жгучая страсть явилась не задолго до ея смерти. Когда ей прочитали смертный приговоръ, она гордо отвѣчала: «Вы меня считаете достойною раздѣлить судьбу великихъ людей, убитыхъ вами, я постараюсь принести на эшафотъ то же мужество, которое они выказали.» Дѣйствительно, въ процессіи на смерть 8 ноября (18 Брюмера) 1793 г., въ четыре съ половиною часа вечера, г-жа Роландъ явилась улыбающеюся и важною безъ слабости и безъ хвастовства. Ея лицо, полное свѣжести и блеска, не носило на себѣ слѣдовъ волненія, она была одѣта въ бѣлое платье, усыянное цвѣтами. Послѣдній взглядъ ея былъ брошенъ на колоссальную статую свободы и вызвалъ слова: «Свобода, какъ насмѣялись надъ тобою!» Еще мгновеніе и все было кончено.

Послѣднее утѣшеніе Маріи - Антоанетты заключалось въ молодой дѣвушкѣ, прислужницѣ тюремщика, оказывавшей нѣмощное вниманіе королевы удовлетвореніемъ ея вкуса чистоты и любви цвѣтовъ. При допросѣ королева сохранила полное спокойствіе. Однажды только она возмолвала при постыдномъ обвиненіи въ попыткѣ развращенія своего сына. Тогда, не отвѣчая, несчастная мать встаетъ и взываетъ къ другимъ матерямъ.

Изъ всѣхъ обвиненій, брошенныхъ революціею на Марію - Антоанетту, ни одно не оправдалось серьезно. Ея вина состояла въ томъ, что она была королевою, несла на себѣ тяжесть всего прошедшаго. Она умерла отъ придворной клеветы, разрушившей ее нравственно, и отъ народной ненависти, встрѣтившейся съ нею на ея дорогѣ жизни. Съ такимъ взглядомъ на событія революціи описана жизнь этихъ двухъ знаменитыхъ женщинъ.

Histoire des États-Unis depuis les premiers essais de colonisation jusqu'à l'adoption de la constitution fédérale 1620 — 1789, par Edouard Laboulaye. Tome I. Histoire des colonies, p. 532. T. II. Histoire de la révolution, p. 448. T. III. Histoire de la constitution, p. 574. Paris. 1866.

По цѣли этого сочиненія и по судьбамъ, которыя постигали его, можно судить и о положеніи современной Франціи и о тѣхъ затруд-

вещяхъ, которыя въ ней иногда представляются людямъ науки. Истинный ученый Лабулэ въ 1849 г. былъ назначенъ профессоромъ въ Collège de France и тотчасъ же принялся за обработку труда, соответствующаго и его убѣжденіямъ, и потребности того времени. Франція страдала тогда отъ недостатковъ дурнаго государственнаго устройства и съ ужасомъ представляла будущность, приготовляемую ей законодателями. Выйти изъ пропасти, которую безпокойство и страсти каждый день увеличивали, было желаніе націи, и авторъ присоединился къ общему дѣлу. Какъ профессоръ, онъ обратился къ исторіи, чтобы въ ней отыскать прочныя условія правильной политической жизни и указать націи, страдающей отъ анархіи, какими образомъ она можетъ преобразовать свои учрежденія безъ уничтоженія народной жизни, безъ униженія предъ потомствомъ.

Въ февралѣ, авторъ уже искалъ утѣшенія и совѣтовъ у своихъ книгъ. Америка давно его занимала. Вашингтонъ былъ его любимымъ героемъ. Банкрофтъ сдѣлался его опорой для исторіи колоній, неслужившей предметомъ содержанія первой части его сочиненія; Сторидля исторіи государственнаго устройства страны. Таково было содержаніе лекцій профессора. Въ 1851 г., онъ хотѣлъ напечатать свой курсъ, но обстоятельства были неблагоприятны, и въ 1855 году была напечатана только первая часть труда: «Исторія колоній», въ томъ видѣ, какъ она была прочитана въ курсахъ 1849 года. Въ то же время было возвыщено о скоромъ выходѣ «Исторіи революціи 1776 г.» и «Исторіи устройства Соединенныхъ Штатовъ».

Разнообразныя и болѣе снѣжныя работы задержали автора отъ исполненія своего обѣщанія.

Въ 1863 и 1864 годахъ, возобновленныя лекціи во Французской Коллегіи дали ему возможность провѣрить свои изслѣдованія предъ многочисленною публикою. Всеобщій восторгъ совершенно увѣнчалъ труды скромнаго ученаго. Необходимо было имѣть большую смѣлость, чтобы избрать такое содержаніе для лекцій въ 1863 г.: кризисъ волновалъ Соединенные Штаты; гражданская война раздирала Америку; тысячи людей гибли изъ-за желанія сохранить или разрушить дѣло Вашингтона; въ Европѣ многіе государственные люди казались счастливыми и гордо пророчили разрушеніе союза. Эта ранняя радость, эти рискованныя надежды, все это волненіе, весь этотъ шумъ—не колебали старыхъ убѣжденій автора, убѣжденій, укоренившихся съ возрастомъ и размышленіемъ. Онъ боялся за Соединенные Штаты, вида успѣхи, смѣняемые неудачами, но находилъ въ историческихъ законахъ утѣшеніе, что судьба не покинетъ народъ, сражающійся за освобожденіе четырехъ милліоновъ людей. Желая послужить Соединеннымъ Штатамъ издали, онъ раздѣлилъ свои убѣжденія съ тѣми, которые не позволили себѣ увлечься успѣхами дня, а продолжали

вѣрить, согласно съ профессоромъ, въ окончательное торжество справедливости.

«Америка, говорятъ Гёте: ты счастливѣе стараго свѣта, ты не имѣешь готическихъ замковъ, развалинъ, твоя жизнь не возмущена бесплодными воспоминаніями и пустыми спорами. Наслаждайтесь настоящимъ, американцы, а если когда-нибудь ваши дѣти будутъ поэтами, да пощадитъ ихъ счастливая судьба отъ исторіи рыцарей, разбойниковъ и привидѣній.»

Авторъ находитъ скрытый смыслъ въ этихъ словахъ. Для народовъ западной Европы, дѣтей крестоносцевъ или дѣтей революціи, тяжело прошедшее, воспоминаніе убиваетъ ихъ. Въ настоящее время занятій торговлею и промысломъ, въ вѣкъ работы и соединеннаго съ нимъ спокойствія, мы парализированы поэтическимъ удивленіемъ къ заблужденіямъ и ошибкамъ нашихъ предковъ. «Подвиги средневѣковые, слава и побѣды Людовика XIV и Наполеона, вѣковое соединеніе церкви и государства, единство римской администраціи, облагороженіе праздности, униженіе механическаго труда — вотъ заблужденія, насъ поработающія! Идеалъ нашихъ государственныхъ людей, нашихъ писателей, нашихъ поэтовъ — прошедшее.

«Ничего нѣтъ лучше силы, славы и побѣды! Требовать, чтобы народъ, живущій промысломъ, устраивалъ самъ свои дѣла, значить гоняться за ложною популярностію!»

Таково, говорятъ авторъ, наше положеніе. Что бы ни сказала критика о частностяхъ труда г. Лабулэ, но никто ему не откажетъ въ добросовѣстности, въ глубинѣ убѣжденій, въ солидномъ талантѣ и познаніяхъ; видно вездѣ, что идеи автора пережиты у него горькимъ опытомъ, и любовь безпредѣльная къ истинѣ одна руководитъ его перомъ.

При первомъ случаѣ, мы постараемся познакомить читателя ближе съ этимъ произведеніемъ г. Лабулэ въ нашемъ второмъ, критическомъ отдѣлѣ.

Tableau historique des Beaux-Arts depuis la renaissance jusqu'à la fin du dix-huitième siècle, par M. M. Louis et René Ménard. Ouvrage couronné par l'Académie des Beaux-Arts. Paris. 1866, p. 412. 8°.

При изученіи искусствъ и преимущественно живописи, отъ времени возрожденія до XVIII вѣка, авторъ имѣлъ въ виду розыскать причины ихъ успѣховъ и упадка. Въ 1865 году, этотъ вопросъ, предложенный на конгрессѣ академіею изящныхъ искусствъ, возбудилъ всеобщій интересъ, потому что безъ обработки искусствъ нѣтъ истиннаго образованія. Чтобы лучше оцѣнить значеніе началъ, составляющихъ преданіе искусства, авторъ разработалъ свой вопросъ на исторической почвѣ. Каждая теорія можетъ быть изслѣдована въ тотъ же

моментъ, какъ она образуется, и такимъ образомъ, разсматриваемы въ приложеніяхъ, она будетъ обсуждаться по тѣмъ плодамъ, которыя она принесла. Историческимъ путемъ можно болѣе вѣрно опредѣлить, нежели чисто теоретическимъ, какой дорогѣ можно съ дѣйствительностію отнынѣ слѣдовать въ искусствѣ, какихъ препятствій должно избѣгать. На такихъ прочныхъ началахъ авторъ основалъ свою исторію искусствъ и удостоился назначенной преміи.

Сочиненіе начинается превосходнымъ обзоромъ византійской живописи и искусствъ въ средніе вѣка. Здѣсь разбирается то блестящее и вмѣстѣ разрушительное вліяніе, какое имѣло на искусство новое рожденное христіанское ученіе и то участіе, то воспоминаніе прошедшаго, которое перешло къ обновленному человѣчеству отъ постепенно исчезающей жизни до-христіанскихъ народовъ. Роскошь, замѣнявшая искусство въ Византійской имперіи, получила въ это время неслыханное развитіе. Константинъ показывался народу въ одеждѣ тканой золотомъ, въ браслетахъ, въ ожерельѣ, въ коронѣ изъ жемчуга и драгоценныхъ камней, которые украшали даже и обувь. Если, по мнѣнію нѣкоторыхъ, вкусъ къ пышности достаточенъ для развитія искусствъ, то никогда они не могли бы болѣе процвѣтать, какъ при первыхъ христіанскихъ императорахъ. При основаніи новой столицы, Константинъ хотѣлъ затмить старую великолѣпнѣе зданій. Значительное число художниковъ всякого рода соединилось въ Константинополь, но ни одинъ изъ обширныхъ проектовъ, предложенныхъ къ украшенію города, не представился достаточно роскошнымъ. Церкви, предназначенныя новому культу, должны были своимъ величіемъ изгладить все чудесное, соединенное въ храмахъ древнихъ боговъ. Безчисленное множество изображеній, барельефовъ, представляющихъ Христа, Божію Матерь, святыхъ и апостоловъ, портреты государей и значительныхъ лицъ въ имперіи распространялись въ изобиліи, какъ будто тѣмъ желали отстранить образцы искусства, привезенные изъ Рима, Греціи и Азіи. Мраморныя ломки были истощены на постройку четырнадцати дворцовъ, назначенныхъ для императора и членовъ его фамиліи, двухъ великолѣпныхъ площадей, опоясанныхъ портиками, гипподромовъ, публичныхъ бань, триумфальныхъ арокъ. Константинъ самъ наблюдалъ за работами, и его преемники вмѣнили себѣ въ славу еще большее украшеніе новаго города, основаннаго первымъ христіанскимъ императоромъ съ цѣлію сдѣлать изъ него столицу перерожденнаго человѣчества. Юстиніанъ, не менѣе Константина, любилъ огромныя предпріятія. Онъ считалъ самого себя архитекторомъ и увѣрялъ, что планы ему сообщаются ангелами.

Въ памятникахъ этого времени чудная роскошь золоченія замѣнила благородную простоту античнаго стиля. Мозаика смѣнила живопись, потому что къ ней присоединили драгоценные камни.

золото, сурикъ, мраморъ всѣхъ цвѣтовъ покрыли стѣны, потолоки, полы церквей. Изображенія фигуръ употреблялись на украшеніяхъ; охотники, убивающіе дикихъ звѣрей, даже историческія картины являлись повсюду не только на зданіяхъ, но на мебели, свадебныхъ сундукахъ и даже на одеждѣ.

Съ этой-то византійской эпохи, во время которой государи замышляютъ и приводятъ въ исполненіе гигантскіе проекты, во время которой господствуетъ глубокой и общій энтузіазмъ къ искусству, начинается эра великаго упадка искусствъ. Это видимое противорѣчіе происходитъ отъ многихъ причинъ: первая и самая важная — забвеніе преданій древности. Епископы совершенно запретили христіанскимъ художникамъ подражать и даже смотрѣть на статуи древнихъ боговъ; онѣ были нечистые идола, обитаемые демонами; у одного художника отсохли руки за изображеніе чертъ Спасителя, сходныхъ съ древнимъ Юпитеромъ.

Со времени усвоенія христіанствомъ характера государственной религіи, четыре эдикта, послѣдовательно одинъ за другимъ, приказывали разрушеніе произведеній греческаго искусства.

Это разрушеніе особенно исполнялось при Θεодосіѣ, со временъ великаго преслѣдованія язычества. Повелѣнія императоровъ исполняли правители провинцій, епископы, монахи. Ревность ихъ, по словамъ Евнапія, вознаграждалась сама собою грабежомъ.

Въ то же время, какъ разрушали статуи, — соскабливали манускрипты, потому что пергаменъ продавался дороже книгъ, и произведеніямъ великихъ писателей древности предпочитались богословскіе споры. Видѣніе св. Иеронима, такъ часто появлявшееся на картинахъ XV вѣка, выражаетъ идеи того времени: взятый на воздухъ и перенесенный предъ судъ Всевышняго, онъ былъ сильно укоряемъ за профанирующее чтеніе. Картина въ Луврѣ представляетъ его наказаннаго розгами отъ ангеловъ, тогда какъ Богъ, на судѣ, говоритъ: «ты — ученикъ Цицерона, а не Христа». Одинъ голосъ протестовалъ противъ такого всеобщаго умственного затмѣнія, и то былъ голосъ — варвара, гота Θεодорика.

Онъ установилъ порядокъ для храненія существующихъ памятниковъ: «какимъ образомъ, писалъ онъ Симмаху, мы не удивляемся такимъ превосходнымъ произведеніямъ, имѣя удовольствіе ихъ видѣть? Сохраняя ихъ, непрерывно наблюдай, поврежденіе такихъ чудныхъ образцовъ должно печалить общество» (Кассіодоръ VII).

Однако, очень возможно предположеніе, что первые христіанскіе художники, воспитанные въ язычествѣ, должны были до своего обращенія, копировать съ греческихъ статуй и рисовать съ натуры. Ничто не препятствуетъ допустить, что и сами христіане иногда употребляли языческихъ художниковъ, указывая имъ на предметы, которые

они должны были изобразить. Это доказывается большим количеством произведений, въ которыхъ религіозныя преданія политически соединены съ христіанскою идеей. Въ катакомбѣ св. Каликста можно видѣть Гермеса, ведущаго души въ видѣ покрытыхъ женщинъ предъ судъ Христа и Божіей Матери. Очень часто, преимущественно въ первыя времена, Христосъ былъ представленъ подѣ чертами Орфея, съ фригійской шапкой на головѣ и съ лирой въ рукахъ. Звуки плѣнили все твореніе. Существуетъ картина, на которой надъ Орфеємъ изображеніе св. Дѣвы съ младенцемъ Иисусомъ. Это доказываетъ ея принадлежность къ V вѣку, ибо до этого времени изображали Богородицу стоящую, одна рука на груди, другая поднята къ небу. Послѣ эфесскаго собора (въ 431 году) начали представлять св. Дѣву съ младенцемъ Иисусомъ на колѣняхъ.

Много интереса представляетъ для читателя ученое и вмѣстѣ популярное изложеніе историческаго развитія искусства со времени возрожденія до конца XVIII вѣка.

Предшественныя эпохи возрожденія, возрожденіе искусства въ Италиі, флорентинская, римская, ломбардская, венеціанская школы, итальянское искусство въ XVII вѣкѣ, упадокъ его въ Италиі, искусство въ Испаниі, возрожденіе его на сѣверѣ, въ Нидерландахъ, возрожденіе и упадокъ искусства во Франціи составляютъ содержаніе всего сочиненія.

Въ заключеніе, приложены выписки изъ разныхъ сочиненій, служащія подтвержденіемъ положеній автора.

2) Нѣмецкая.

Geschichte des neunzehnten Jahrhunderts seit den Wiener Verträgen. Von G. Gerwinus. Achter Band Erste u. zweite Hälfte. IX Geistige Bewegungen im dritten Jahrzehnt X. Die Julische Revolution und ihre unmittelbaren Folgen. Leipzig. 1866. S. 384).*

Восьмой томъ исторіи XIX вѣка Гервинуса заключаетъ въ себѣ анализъ умственнаго движенія въ третьемъ десятилѣтіи нашего столѣтія, июльскую революцію и ея непосредственныя слѣдствія.

Статья «Наука въ Германіи» обнимаетъ область богословія, философіи, исторіи, древностей. Шлейермахеръ, Гегель, Нибуръ, Савиньи, Гумбольдтъ, братья Гриммы охарактеризованы и въ ихъ личной и въ ихъ общечеловѣческой дѣятельности.

Отдѣлъ «Романтическая поэзія и ея внутреннія измѣненія при

* ВЪ третьемъ томѣ прошедшаго года, отд. II, стр. 327, мы уже помѣстили нѣчто болѣе подробнаго обзора этого новаго выпуска сочиненія Гервинуса въ статьѣ «Западная Европа наканунѣ тридцатыхъ годовъ». По недостатку мѣста, окончаніе этой статьи отложено опять до слѣдующаго тома журнала. — *Ред.*

распространеніи въ Европѣ» подробно касается всѣхъ странъ, но особенно останавливается на первостепенныхъ представителяхъ: Ламартины, Викторъ Гюго, лордъ Байронъ, Бёрне, Гейне, Беранже.

Глава «Наука во Франціи» развиваетъ теорію социалистическаго ученія, движеніе въ духовномъ мірѣ (Ламенне), тенденціозное направленіе въ исторіи (Тьеръ и Минье).

Изъ политическихъ лицъ и событій Гервинусъ очертилъ герцога Орлеанскаго, управленіе Полиньяка, «великую іюльскую недѣлю», орлеанскую династію, возстаніе и освобожденіе Бельгіи, распространеніе представительной системы на сѣверѣ Германіи, реформу управленія въ Швейцаріи, попытки испанскихъ бѣглецовъ, паденіе тори въ Англии, возстаніе въ Польшѣ, въ средней Италіи, въ Греціи, отреченіе бразильскаго императора Донъ-Педро.

Ueber Nithards vier Bücher Geschichte. Der Bruderkrieg der Söhne Ludwigs des Frommen und sein Geschichtshreiber, von Gerold Meyer von Knonau. Leipzig. 1866. S. 152, in 4°.

«Въ маѣ 841 года предъ вѣздомъ въ Шалонъ на Марнѣ, во время борьбы съ братомъ Лотаромъ за существованіе, король Карлъ Лысый, внукъ Карла Великаго, поручилъ своему боевому товарищу и родственнику графу Нитгарду написать исторію въ его время совершавшихся событій. Охотно, но не безъ раздумья, какъ это видно изъ предисловія первой его книги, взялъ на себя Нитгардъ это порученіе. Но скоро онъ убѣдился, что краткое изложеніе событій съ 814 г. необходимо для пониманія повдѣйшаго хода дѣлъ. Потому, въ первой своей книгѣ современный лѣтописецъ представилъ очеркъ управленія Людовика Благочестиваго, въ царствованіе котораго подготовилась вражда братьевъ.»

«Какимъ образомъ удалось лѣтописцу, какъ онъ выражается: «сдѣлать яснѣе дня для всякаго читателя истинное содержаніе спора Карла» — составляетъ задачу настоящаго сочиненія.»

Такъ авторъ самъ опредѣляетъ свою мысль и критически слѣдитъ за всякимъ рассказомъ лѣтописца. Обширная начитанность автора и замѣчательныя сочиненія о томъ же времени современныхъ ученыхъ, Дюмилера, Вайтца, Венка, и др. дали возможность сообщить этому ученому труду возможную полноту и снабдить его замѣчаніями и спеціальными изслѣдованіями (экскурсами). Въ первомъ отдѣлѣ разсматриваемаго сочиненія разобрана, съ различныхъ точекъ зрѣнія, первая книга Нитгарда. Второй, болѣе обширный отдѣлъ посвященъ остальнымъ тремъ книгамъ. Исторія трехъ сыновей Людовика Благочестиваго разъяснена и сравнена съ другими матеріалами, относящимися къ промежутку времени отъ 840 до 843 года. Достоинства и извѣстные характеристическіе признаки Нитгардова рассказа выдаются впе-

редь, чрезъ него можно ближе уяснить событія братской войны и развить поводы къ вердюнскому дѣлежу.

Въ третьемъ отдѣлѣ изложенъ результатъ всѣхъ этихъ разнообразныхъ сличеній, очень выгодный для сочиненія Нитгарда. Нѣкоторые отдаленные выводы разбросаны въ замѣчаніяхъ, другіе помѣщены въ особыхъ изслѣдованіяхъ.

При окончаніи печатанія своего труда, авторъ познакомился только что съ вышедшею диссертацию Петца о жизни и достовѣрности Нитгарда. Съ радостію онъ указываетъ въ заключеніи своего сочиненія на то, что въ общихъ и главныхъ пунктахъ онъ сошелся съ авторомъ диссертациі.

По ученому содержанію и той строгой критической формѣ, въ которую облечено разбираемое нами сочиненіе, оно мало доступно для большинства читающей публики.

Die Anfänge des Karolingischen Hauses, von H. Ed. Bonnell. Berlin. 1863. VIII S. 233.

Не такъ давно были изданы въ Бельгій два обширныя сочиненія о династіи Карловингской во Франціи (*Histoire des Carolingiens de Warnkoenig et Gerard.* Bruxelles. 1862. 2 vol. in 8°; *Histoire des Francs d'Austrasie.* Bruxelles. 1864. 2 vol. in 8°); авторъ разбираемаго сочиненія принялъ ихъ во вниманіе при изложеніи содержанія своей книги и подвергнулъ серьезной критикѣ и самыя источники, которыми пользовались авторы упомянутыхъ сочиненій, и ихъ способъ сужденія. Съ глубокою ученостію прослѣдилъ авторъ происхожденіе карловингскаго дома со времени его историческаго дѣйствія до смерти второго Пипина въ 714 г. Двѣ главныя части составляютъ содержаніе книги: критическое изслѣдованіе начала Карловингской династіи и исторіи Франкской монархіи съ Клотаря II до смерти второго Пипина. Множество отдѣльныхъ диссертациій или экскурсовъ сопровождаетъ все сочиненіе. Авторъ хотѣлъ дать совершенно иной видъ существующимъ понятіямъ о началѣ карловинговъ и подвергнулъ подробному изслѣдованію всѣ данныя, доставленныя исторіею, историческою географіею и памятниками. Онъ не пренебрегъ ни самымъ ничтожнымъ отрывкомъ для разъясненія дѣла. Самымъ лучшимъ критическимъ образцомъ служитъ разборъ «Метцкихъ лѣтописей» (*Annales Mettenses*). Сужденія Перца, Рота, Ваттенбаха объ этомъ источникѣ карловингской исторіи подвергнуты имъ анализу и сдѣлано заключеніе, что они составлены въ Лаонѣ, мѣстопробыванія послѣднихъ Карловинговъ, въ концѣ X вѣка, страстнымъ сторонникомъ законныхъ государей, безъ всякаго сомнѣнія старымъ приверженцемъ герцога Карла Лотарингскаго. Сочиненіе кончается географическою таблицею дробленія Франкской монархіи во время Меровинговъ.

Die Slavererei. Eine von der Haages Gesellschaft zur Vertheidigung der Christlichen Religion gekrönte Preisschrift von D-r Wissemann. Leiden. 1866. S. 196.

Между различными задачами, предложенными ученымъ обществомъ Гааги на 1864 годъ, преимущественно одна возбудила особенный интересъ: «Рабство — зло, терпимое только при обстоятельствахъ религіею и разумомъ. Оно исчезнетъ, какъ только удастся народу достигнуть высшей степени религіознаго и нравственнаго образованія и высшей степени благосостоянія.»

Война, возгорѣвшаяся между Сѣверными и Южными Штатами, давала еще большее значеніе вопросу. Явились двѣ партіи: одна въ защиту негровъ, другая ихъ повелителей. Все, что прежде писалось въ защиту или противъ несвободнаго состоянія, было снова повторено. Среди основаній, на которыхъ опираются защитники рабства, важное мѣсто занимаютъ книги священнаго Писанія. «Гагское общество», въ виду такихъ обстоятельствъ, потребовало основательнаго разъясненія замѣчательныхъ мѣстъ ветхаго и новаго завѣта, относящихся къ рабству и вмѣстѣ съ буквальной изложеніемъ желало изложенія и евангельскаго духа. Современность вопроса въ связи съ постояннымъ интересомъ, который возбуждается къ нему наукою и жизнію, побудили автора приняться за его обработку, и разбираемое сочиненіе сдѣлалось послѣдствіемъ такого стремленія. Авторъ пытался разрѣшить: чему библія учитъ касательно рабства, согласуется ли буква и духъ христіанства между собою, справедливо ли защитники рабства пользуются священнымъ Писаніемъ.

Все сочиненіе носитъ на себѣ историко-философскій характеръ и вполне достойно той награды, которое присудило ему ученое общество Гааги.

Studien zur Geschichte des zweiten Kreuzzuges, von D-r B. Kugles, Privat-docenten der Geschichte an der Universität zu Tübingen. Stuttgart. 1866. S. 222.

Сочиненіе это подробно обнимаетъ состояніе св. земли предъ 2-мъ крестовымъ походомъ, вооруженіе на западѣ, походъ крестоносцевъ до Константинополя, чрезъ Малую Азію, Сирію и возвращеніе государей. Самый интересный отдѣлъ книги представляетъ сжатый критическій обзоръ содержанія источниковъ съ Оттона Фрейзингенскаго до Никиты Хонскаго. Читатель въ одно время знакомится съ содержаніемъ сочиненія и имѣетъ полное понятіе о характерѣ тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ оно заимствовано, съ изложеніемъ взгляда современныхъ писателей на тѣ же событія.

Die Geheimnisse des Sächsischen Cabinets. Ende 1745 bis Ende 1756. Archivarische Vorstudien für die Geschichte des Siebenjährigen Krieges. Zweiter Band. Stuttgart. 1866. S. 468.

Въ нашемъ обзорѣ *) содержанія перваго тома «Тайнъ Саксон-

*) См. 1866, т. III, отд. III, стр. 77.

скаго кабинета въ Семилѣтнюю войну», составленномъ еще до совершившихся недавнихъ военныхъ событій, доставившихъ перевѣство прусскому оружію, мы указали на планъ Фридриха II, какъ бы осуществляемый современною берлинскою политикою. Дѣйствительно, Пруссія заняла первое мѣсто въ Германіи, и второй томъ «Тайны Саксонскаго кабинета» уже болѣе не тайна, а анохранизмъ для настоящаго времени. При обзорѣ этой книги одинъ ученый журналъ выразился такъ: «Мы признаемъ въ дѣлахъ Фридриха Великаго всемірно-историческое, полноправное основаніе къ измѣненію нѣмецкой судьбы, которое, наконецъ, въ новѣйшее время рѣшительно переходитъ въ жизнь».

Послѣ такого окончательнаго признанія за современными событіями значенія идеи Фридриха Великаго, едва ли можетъ понравиться антиквистамъ прусскаго возвышенія содержаніе означеннаго тома.

Въ пятомъ этюдѣ описывается пирнскій лагерь, въ шестомъ — отсюда возникшія сношенія, въ седьмомъ — битва при Лобозницѣ, въ восьмомъ — обзоръ переговоровъ, имѣвшихъ послѣдствіемъ сдачу саксонской арміи, въ девятомъ и послѣднемъ этюдѣ представляется критическій взглядъ на описанныя событія, извлеченный изъ писемъ и корреспонденцій фельдмаршала графа Рутовскаго съ графомъ Брюлемъ, съ попавшими въ плѣнъ генералами и съ Фридрихомъ II. Матеріалъ для исторіи того времени превосходный, но взглядъ издателя, основанный на пониманіи саксонскихъ очевидцевъ за столѣтъ предъ нами, не можетъ удовлетворить нашихъ современниковъ. Фридрихъ II является посягателемъ на господство въ Германіи и законодательство, между тѣмъ онъ былъ ни болѣе, ни менѣе, какъ вассалъ императора, имперскій князь, подданный императора и имперіи. Онъ хотѣлъ, по отзыву автора, водворить вмѣсто господствовавшего права свою силу, вмѣсто имперскаго устройства — свою волю, вмѣсто свободы и привилегій государей и народовъ Германіи — военный деспотизмъ коронованнаго предводителя наемниковъ. Эта дѣль была и осталась, по выраженію автора, недостигаемою мечтою, пока Габсбургско-лотарингскій домъ охраняетъ имперію. Но обстоятельства измѣнились, Габсбургско-лотарингскій домъ устраненъ отъ Германіи, и Пруссія осуществляетъ казавшуюся неисполнимою мечту Фридриха Великаго.

3) Англійская литература.

Denmark in the early Iron age, illustrated by recent discoveries in the peat-mosses of Slesvig. By Conrad Engelhardt, late director of the museum of northern antiquities at Flensborg. Williams and Norgate. 1866. p. 80. Pl. 18. 4°.

Это сочиненіе представляетъ Данію въ ранній желѣзный вѣкъ. Раздѣленіе до-историческаго періода Даніи на три отдѣла: каменный,

бронзовні и желѣзныі, такъ названныя отъ различнаго матеріала, употребляемаго для вооруженія и остраго орудія въ различныхъ эпохи каменнаго образованія, въ первый разъ было предложено въ 1836 г. покойнымъ Томсеномъ, знаменитымъ директоромъ копенгагенскаго музея сѣверныхъ древностей. Это дѣленіе и соотвѣтствующая классификація предметовъ древности дѣйствительно выражаетъ вѣрный способъ развитія образованности въ скандинавскихъ странахъ и, съ нѣкоторыми измѣненіями, въ большей части Европы; на самомъ же дѣлѣ подтверждается результатами всѣхъ послѣдующихъ археологическихъ изысканій. Хотя эти три періода различны другъ отъ друга по самой сущности и характеризуются послѣдовательнымъ употребленіемъ камня, бронзы и желѣза для извѣстныхъ предметовъ, но отсюда не слѣдуетъ, чтобы всѣ каменные предметы приписывались каменному періоду или всѣ бронзовые предметы — бронзовому періоду. Напротивъ, въ датскихъ музеяхъ находятся многочисленныя каменные топоры, дѣйствительно сдѣланные въ то время, когда бронзовое оружіе было во всеобщемъ употребленіи и большое число бронзовыхъ булавокъ узора, неизвѣстнаго народу бронзоваго вѣка, но относящагося къ желѣзному вѣку.

Когда же желѣзо было исключительно употребляемо для вооруженія и остраго орудія, бронза еще употреблялась для украшенія на ножнахъ, щитахъ и проч., также какъ въ каменный вѣкъ, при исключительномъ употребленіи камня для вооруженія, кость и янтарь служили для мелкихъ и тупыхъ орудій и для украшенія; подобно тому, какъ дерево, безъ сомнѣнія, во всѣ времена обыкновенно употреблялось для домашнихъ предметовъ.

На этомъ основаніи желѣзныі вѣкъ Даніи подраздѣляется на три раздѣла: ранній желѣзныі вѣкъ съ 250 по 450 по Р. Х., переходныі періодъ до конца VII столѣтія, и поздній желѣзныі вѣкъ, оканчивающійся введеніемъ христіанства около 1000 года.

Великолѣпное изданіе, разсматриваемое нами, заключаетъ предметы, относящіеся, по мнѣнію Энгельгардта, извѣстнаго датскаго археолога, къ раннему желѣзному вѣку. Изъ всѣхъ раскопокъ, сдѣланныхъ въ южной Ютландіи или Шлезвигѣ, особенно обратили вниманіе археологовъ два изслѣдованія въ Торсбергѣ и Нидамѣ. Они производились глѣтомъ съ 1858 по 1863 годъ на счетъ датскаго правительства подъ управленіемъ Энгельгардта и были прерваны австро-прусскимъ вторженіемъ въ 1864 году. Энгельгардтъ обнародовалъ свой отчетъ на датскомъ языкѣ, по разбираемое сочиненіе есть англійскій переводъ, болѣе обширный, съ отличными рисунками, исполненными въ Копенгагенѣ.

Особенное значеніе этого сочиненія состоитъ въ этихъ многочисленныхъ и превосходныхъ гравюрахъ различныхъ предметовъ, най-

денныхъ въ торфическихъ мхахъ (peat-mosses) Торсберга и Нидамъ. Они состоятъ изъ предметовъ разнообразнаго характера. Въ Нидамъ отысканы остатки трехъ хорошо сдѣланныхъ лодокъ: одна изъ дуба, семидесяти семи футовъ длины, почти двадцати ширины и имѣетъ мѣста для 28 весель; другая изъ ели; дубовая лодка была пробуралена и очевидно съ намѣреніемъ затоплена. Большая часть предметовъ вооруженія найдена въ Торсбергѣ. Въ обѣихъ раскопкахъ отыскалось много украшеній и предметовъ туалета.

Сѣверные антикваріи различно предполагали, какимъ образомъ эти разные предметы попались въ эти мѣста, но ни одна изъ этихъ теорій не оказалась удовлетворительною. Болѣе приближается къ истинѣ объясненіе, что эти мѣста прежде были священными озерами, въ которыя эти предметы были положены, какъ дары божествамъ, которымъ посвящены и самыя озера.

Въ самомъ дѣлѣ доказано, что вещи въ большей части случаевъ находятся въ связкахъ, которыя обернуты въ холстину или въ кожу, и что значительная часть ихъ затоплена въ лодкахъ.

Критикъ этого сочиненія въ «Атенеѣ» (№ 2,017, іюля 23) предполагаетъ, что это была часть добычи изъ воинственныхъ экспедицій, принесенная въ жертву богамъ. Позднѣйшая изъ извѣстныхъ римскихъ монетъ, найденныхъ въ Шлезвигѣ, относилась къ раннему времени третьяго вѣка и дала поводъ сѣвернымъ антикваріямъ заключить, что эти древности принадлежатъ къ третьему вѣку по Р. Х. и представляютъ «ранній желѣзный вѣкъ». Датскіе археологи, какъ мы видѣли, не удовольствовались основнымъ дѣленіемъ до-историческаго періода и ввели три подраздѣленія въ желѣзный вѣкъ.

Выводъ о времени, къ которому относятся эти вещи, сдѣланный на основаніи монетъ, очень обманчивъ. Монета, сама по себѣ, опредѣляетъ только время въ одномъ направленіи; вещи не могутъ быть положены ранѣе того государя, при которомъ монета выбита, но отчего же онѣ не могутъ быть положены въ послѣдующій періодъ? Мы не имѣемъ права, безъ внѣшней очевидности, принимать такое опредѣленіе времени. Римская монета не вызвала въ обращеніе конкуренціи въ замѣнъ себя, но продолжала находиться въ обращеніи не только въ продолженіе всего римскаго періода на западѣ, но много лѣтъ послѣ. Она была, безъ сомнѣнія, въ общемъ употребленіи въ Англіи во время англосаксовъ, которые брали обыкновенно, что находили въ обращеніи, и прибавляли различные склады отъ древнихъ временъ, которые постоянно выкапывались изъ земли и служили имъ въ употребленіи вмѣстѣ съ монетами извѣстнаго періода. Число монетъ, найдшихся въ это время въ обращеніи въ Англіи, болѣе всего принадлежало къ фамиліи Константина Великаго, такъ какъ самое большее количество этихъ монетъ было пущено въ Британію.

Римскія же монеты, находимыя въ англосаксонской могилѣ, имѣютъ изображенія раннихъ императоровъ.

При открытіи склада римскихъ монетъ, содержащаго большое число монетъ, обращавшихся въ то время, когда онъ былъ сдѣланъ, можно предположить, что складъ былъ сдѣланъ не задолго послѣ числа, выставленнаго на послѣдней монетѣ, потому что можно смѣло утверждать, что человекъ, собиравшій такое количество монетъ, не могъ не положить одну или двѣ изъ послѣднихъ, если не самыхъ новыхъ, въ его время обращавшихся монетъ.

Касательно же предметовъ, опредѣляемыхъ Энгельгардтомъ, если всѣ монеты были положены въ одинъ складъ, нельзя сказать, чтобы складъ былъ сдѣланъ тотчасъ за числомъ означеннымъ на послѣдней изъ нихъ. Необходимо прибѣгнуть къ другимъ средствамъ, для опредѣленія точнаго времени вещей, но не къ римскимъ монетамъ.

Затѣмъ англійскій критикъ означеннаго сочиненія обращается къ лицамъ, имѣющимъ солидныя и обширныя познанія въ археологіи, и обращаетъ ихъ вниманіе на значительное сходство найденныхъ въ Шлезвигѣ предметовъ съ англосаксонскими остатками языческаго періода, относящимися ко времени отъ пятаго до седьмого вѣка.

Тамъ точно, такая же смѣсь предметовъ изъ разнаго класса, чисто римскаго характера съ тевтонскимъ, времени римскаго упадка съ подражаніемъ римскому. Стиль подражанія есть тотъ родъ измѣненія, который соотвѣтствуетъ въ восточной римской имперіи византійскому стилю, и наступаетъ со времени исчезновенія чисто римскаго искусства. Это такая же смѣсь, которая найдена въ гробницахъ франкскихъ, аллеманскихъ или германскихъ и легко объясняется слѣдующимъ образомъ:

Когда варвары нападали, все равно, дѣлались ли они осѣдлыми или удалялись изъ римскихъ провинцій, они завладѣвали, какъ законною добычею, всякимъ предметомъ какой-нибудь цѣнности. Среди этой добычи встрѣчались особенно вещи изъ драгоцѣнныхъ металловъ: украшенія и домашняя утварь, также и то, что они могли употребить съ выгодой. Чеканная монета, по всей вѣроятности, составляла послѣднюю часть добычи: во-первыхъ, потому, что она, сравнительно, не такъ нужна была нападающимъ и только бралась какъ предметъ любопытства; во-вторыхъ, народъ, въ моментъ нападенія, зарывалъ и пряталъ свои деньги. Такимъ образомъ, сѣверные народы, хотя знакомые съ римской монетой въ періодъ, къ которому относятся и шлезвигскія древности, такъ мало понимали ея назначеніе, что никогда не старались подражать ей и дѣлать свою монету до одиннадцатаго вѣка по Р. Х. То же можно сказать и о германскихъ народахъ, не оставшихся въ предѣлахъ имперіи. Франки, напротивъ, сдѣлавшись осѣдлыми въ границахъ римской провинціи, Галліи, научились употреб-

ленію денегъ и въ подражаніе римлянамъ начали чеканить свои собственныя. То же было въ Британіи съ англосаксами. Въ этой странѣ, падающее римское денежное производство, грубая копія или подражаніе римской монеты, тотчасъ явилось въ обращеніи, производимое явно городами, испытывающими недостатокъ въ малой конкуренціи и, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежащими къ исходу римскаго періода. Въ Британіи это случилось въ промежутокъ между концомъ римскаго управленія и побѣдою англосаксовъ, въ періодъ нѣкоторой независимости, въ которомъ города римскіе, по характеру и управленію, играли главную роль. Когда нація впадаетъ въ политическое несчастіе, монета является рѣдко, потому что господствуетъ всеобщее безпокойство въ обладаніи ею и желаніе накопить и скрыть ее, и послѣ уничтоженія императорской власти образовавшаяся пустота не могла быть наполнена привозомъ изъ Галліи. При такихъ обстоятельствахъ, города въ Британіи выпускали эти грубыя копіи со старыхъ римскихъ монетъ. Двѣ монеты этого описанія, относящіяся ко времени упадка, найденныя въ двухъ разныхъ мѣстностяхъ и исчисляемныя Энгельгардтомъ среди шлезвигскихъ древностей, принадлежать къ этому періоду и заставляютъ относить шлезвигскія древности къ тому же вѣку, какъ англосаксонскія древности могилъ, т. е. приписывать ихъ къ пятому или шестому столѣтію, не къ третьему.

Послѣ доказательства тождества самыхъ вещей шлезвигской раскопки съ англосаксонскими и разбора сдѣланныхъ на нихъ надписей, критикъ такъ кончаетъ свою замѣчательную статью: «Картины Энгельгардта чрезвычайно важны, потому что это самая цѣнная часть книги. Текстъ имѣетъ значеніе только потому, что это добросовѣстное описаніе найденныхъ предметовъ, но мы не согласны съ авторомъ касательно характера и времени найденныхъ вещей и сожалѣемъ, что книга имѣетъ заглавіемъ «Данія въ ранній желѣзный вѣкъ».

Съ своей стороны мы должны прибавить, что какъ ни важны замѣчанія англійскаго критика, все-таки трудъ Энгельгардта нисколько отъ того не теряетъ. Это замѣчательное явленіе въ археологическомъ значеніи.

History of Scandinavia, from the early times of the Northmen the Seakings and Vikings to the present day. By Professor Paul Sinding. First english edition, thoroughly revised and largely augmented. London. 1865, p. 471.

Авторъ этого сочиненія, бывшій профессоръ скандинавскаго языка и литературы въ нью-іоркскомъ университетѣ, рѣшился ознакомить американскую публику съ исторіею скандинавскихъ государствъ и пополнить недостатокъ ея въ американской литературѣ. Какъ природный датчанинъ, онъ далъ болѣе обширное мѣсто исторіи своего отечества. Раздѣленіе его исторіи не имѣетъ положительныхъ основаній и не гармонируетъ въ частяхъ,

Баснословный періодъ вводитъ читателя во внутреннюю жизнь страны, въ религиозное и бытовое состояніе ея жителей.

Первый періодъ, отъ 811 — 1241 г. по Р. Х., обнимаетъ время сліянія отдѣльныхъ частей въ одну страну и первыхъ попытокъ введенія христіанства до смерти Вольдемара II побѣдителя и изданія ютландскаго закона.

Второй періодъ, отъ 1241 — 1536 по Р. Х., простирается до введенія реформациі.

Третій періодъ, отъ 1536 — 1660, отъ признанія ученія Лютера до введенія неограниченной власти.

Четвертый періодъ, отъ 1660 — 1863, отъ введенія неограниченной власти до конца войны съ восставшими герцогствами.

Событія изложены кратко и очень не ясно. Выдающіяся личности не обрисованы надлежащимъ образомъ. Приложена карта трехъ государствъ, но имена государей не уяснены таблицами родословными, чрезвычайно полезными для такого сжатаго историческаго труда. Литературныя имена не забыты, но и адѣсь преимущество на сторонѣ Даніи. Должно надѣяться, что это первое англійское изданіе исторіи Скандинавіи будетъ улучшено впоследствии времени.

Haydn's Dictionary of Dates, related to all ages and nations for universal reference. Twelfth edition, corrected to february, 1866. By Benjamin Vincent. London. 1866, p. 833. in 8°.

Знаменитый лексиконъ важнѣйшихъ событій, относящихся ко всѣмъ вѣкамъ и народамъ, Гейдена, выходитъ уже двѣнадцатымъ изданіемъ подъ новою редакціею Винцента.

Необходимыя исправленія и прибавленія сдѣланы въ этомъ первоначальномъ изданіи. Множество новыхъ географическихъ, біографическихъ, литературныхъ и научныхъ данныхъ прибавлено вмѣстѣ съ таблицей народонаселенія и управленія въ разныхъ частяхъ свѣта. Указатель въ концѣ книги значительно увеличенъ числами, касающимися историческихъ личностей прошедшаго и настоящаго времени. Къ настоящему изданію прибавлена таблица европейскихъ государей со времени норманскаго завоеванія. Эти прибавленія потребовали значительнаго расширенія книги и сжатости многихъ статей. Цѣль новаго издателя была — представить публикѣ не только лексиконъ важнѣйшихъ данныхъ, но энциклопедію замѣчательныхъ событій, понятное содержаніе каждой отрасли исторіи человѣчества.

Первое изданіе этого сочиненія вышло въ 1841 году изъ рукъ самаго составителя Гейдена, умершаго 19 января 1856 года. Намѣреніе его было дать англійской публикѣ справочную книгу, необходимую для всякаго образованнаго человѣка.

Статьи составлены изъ историковъ перваго разряда и по лѣтопи-

самъ совершенно достовѣрнымъ, замѣняютъ рѣдкія и многотомныя сочиненія. Читатель легко помогаетъ своей памяти и находитъ всѣ подробности какого-нибудь замѣчательнаго событія.

Сочиненіе состояло въ первомъ изданіи изъ 15,000 статей, алфавитно расположенныхъ и, по выбору матеріала, было необходимо всякому англичанину, ученому и неученому, занимающемуся профессурою и посвященному въ торговлю.

Источники у составителя были очень значительны; изъ классиковъ достаточно упомянуть: Геродота, Ливія, Плинія и Плутарха; для общей хронологіи — Петавій, Эшеръ (Usher), Блеръ, Придо и аббатъ Ленгле Дюфреноа; для иностранной исторіи — Гено, Вольтеръ, Лаконбъ, Ролленъ, Мельхиоръ Адамъ, «Nouveau Dictionnaire» и другіе. По предмету общей литературы: Кэвъ (Cave Historia Literaria), Морери, Бэль, Пристлей и др., служили авторитетами. Англійскія событія заимствованы изъ Кемдена, Стау, Геля, Бекера, Голлиншеда, Чемберлейна, Решина, Юма, Гиббона, Гольдсмита и проч.; въ другихъ случаяхъ авторъ пользовался Чемберсомъ, Еспиномъ, Битсономъ, Эндерсономъ, Бекманомъ и разными энциклопедіями.

Дѣйствительно, событія англійской исторіи обработаны превосходно и чрезвычайно подробно, многіе факты всеобщей исторіи изложены отчетливо; но статьи: «Россія», «Русско-турецкая война» и друг. разработаны не безъ значительныхъ ошибокъ.

«Успѣхи русскаго могущества во время Петра Великаго и Екатерины II, по своей быстротѣ, безпримѣрны во всемирной исторіи. Господствующая религія въ Россіи — греческая съ терпимостью всѣхъ другихъ сектъ, даже магометанской. Указомъ императора въ 1802 году основаны шесть университетовъ: въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Вильнѣ, Дрѣптѣ (въ Ливоніи), Харьковѣ и Казани, но литература сдѣлала не много успѣховъ: самостоятельныхъ произведеній очень мало, и лучшія книги составляютъ переводы. Русскій языкъ, отличающійся изящностью, очень труденъ для иностранца по выговору; число буквъ съ двухгласными 42. Число народонаселенія въ 1865 г. 80,255,430.»

За этимъ краткимъ вступленіемъ слѣдуетъ сжатое изложеніе событій съ «376 года, нападенія на Россію гунновъ» до «сентября 13 1865 г., когда цензура ослаблена — начинается дѣйствіе закона.»

The operations of war explained and illustrated by Edward Bruce Hamley. Edinburgh and London. 1866, p. 438. in 4°.

Бывшій преподаватель тактики и военной исторіи, Гемлей, авторъ «Севастопольской кампаніи» (The story of campaign of Sebastopol. Written in the camp), издалъ интересное и для историковъ сочиненіе о военныхъ дѣйствіяхъ, подкрѣпленное примѣрами изъ событій новѣйшей исторіи.

«Имѣя въ виду, говоритъ авторъ, необходимость для историка понимать войну въ отвлеченномъ значеніи, чтобы правильно судить объ ея дѣйствіяхъ, которыя входятъ въ его занятія, я избѣгаю употребленія технической фразеологіи въ своемъ сочиненіи, отчасти же изъ убѣжденія въ ея несостоятельности.»

Такъ какъ невозможно слѣдить за ходомъ кампаній по обыкновеннымъ картинамъ, то къ сочиненію приложены ясныя карты мѣстности и расположенія войскъ.

Изъ войнъ преимущественно разъяснены: 1) Ричмондская кампанія 1861—1864 г.; 2) въ Италіи въ 1796, 1800, 1849 и 1859 г.; 3) Саламанкская 1812 г.; 4) іенская; 5) на Дунаѣ 1800 г.; 6) кампанія эрцгерцога Карла въ 1796 г. и походъ Наполеона къ Дунаю въ 1805 году, и 7) кампанія 1800 года въ Германіи и другія.

The treasury of geography, physical, historical, descriptive and political designed and commenced by the late Samuel Mawnder, continued and completed by William Hughes, professor of geography in King's college. London. 1866, p. 892.

Въ Англіи много появляется книгъ ученаго содержанія для популярнаго употребленія. Къ числу такихъ сочиненій должно отнести разбираемую нами географію.

Начало ей положилъ извѣстный изданіемъ разныхъ популярныхъ сборниковъ (Treasures), Мондеръ, — окончаніе дѣла принялъ на себя профессоръ географіи въ королевской коллегіи въ Лондонѣ и составитель географическаго учебника Вильгельмъ Гёгесъ.

Черезъ десять лѣтъ является новое изданіе, въ которомъ статистическія данныя исправлены, многіе отдѣлы вновь написаны и, вообще, все сочиненіе заботливо провѣрено по послѣднимъ географическимъ свѣдѣніямъ. Описаніе Италіи и Даніи съ измѣненіемъ ихъ предѣловъ по послѣднимъ политическимъ событіямъ, новыя открытія въ Африкѣ и Австраліи, увеличенный объемъ физическаго географіи доказываютъ, что издатель заботился оправдать довѣріе своихъ читателей и сдѣлать свое изданіе вполне современнымъ. Кромѣ таблицъ, картъ, полнаго указателя, приложены еще 16 видовъ, наглядно представляющихъ важнѣйшія и исключительныя воды природы. Статьи составлены очень хорошо. Къ сожалѣнію, и здѣсь не довольно посчастливилось Россіи: при описаніи Петербурга и Москвы приведены цѣлыя страницы изъ англійскаго перевода француза Кюстина; южный край представленъ по сочиненію Брукса (The Russians of the South. By Shirley Brooks. London. 1854). Крымъ — по сочиненію лэди, жившей вблизи Альмы (The Crimea, etc. by a lady, resident near the Alma. London. 1855).

При описаніи Туркестана приведена статья извѣстнаго русскаго моряка Бутакова «Описаніе Аральскаго моря» (изъ записокъ королевскаго географическаго общества vol. XXIII), сочиненія Вамбери (Гра-

vels in Central Asia by Vamberg. London. 1864) и Аткинсона (Travels in Regions on the Upper and Lower Amoor etc. by T. W. Atkinson. London. 1860). Статья оканчивается слѣдующимъ пророчествомъ: «Судя по ходу новѣйшихъ событій, нельзя сомнѣваться, что цѣлыя области, обмыаемыя Аму и Сыръ, назначены перейти, въ недалекий періодъ времени, подъ власть царя.»

Сибирь описана по путешествію Гилля (Travels in Siberia. By S. S. Hill. London. 1854), замѣткамъ Виттинггама (Notes on the late Expedition against the Russian Settlements in Eastern Siberia. By Capt. Whittingam. London. 1856); Кавказъ — по сочиненію Гакстаузена (Travels in Caucasia by Baron von Haxthausen. London. 1854). Недостатокъ очень важный рассматриваемаго нами сочиненія—чрезвычайно мелкая печать, требующая сильнаго зрѣнія.

Lectures on the Study of History, delivered in Oxford, 1854—1861 by Goldwin Smith, regius professor of modern history in the university of Oxford. Second edition. Oxford and London. 1865, p. 190.

Профессоръ исторіи въ Оксфордскомъ университетѣ, Смитъ, выпускаетъ вторымъ изданіемъ лекціи, читанныя имъ въ промежутокъ времени отъ 1859 — до 1861 года.

Собственно объ изученіи исторіи въ его сочиненіи двѣ статьи; въ первой доказывается, что исторія — наука, т. е. слѣдуетъ необходимымъ законамъ; во второй, что наши дѣйствія подчинены причинной связи, какъ событія физическаго міра. Въ чемъ Альфредъ болѣе подчиненъ нравственной оцѣнкѣ, какъ хороший урожай, или Фидий II болѣе отвѣтственъ за безнравственныя свои дѣйствія, какъ моровая язва? Обширное введеніе трагуетъ о кафедрѣ новой исторіи въ Оксфордѣ и объ отношеніяхъ этой кафедры къ самому изученію. Статья о нѣкоторыхъ предполагаемыхъ послѣдствіяхъ доктрины историческаго прогресса заканчиваетъ объясненіе сущности исторической науки. Авторъ разъясняетъ будущее значеніе христіанства и предсказываетъ, что папство погибнетъ и съ нимъ погибнетъ огромное препятствіе къ примиренію и воссоединенію христіанства. Оно погибнетъ не одно, но увлечетъ, рано или поздно, въ своемъ паденіи всѣ причины раздѣленія, существующія единственно по антагонизму и по ихъ прямому, хотя и не признанному, влиянію на остальной церковный міръ.

Въ заключеніе авторъ представилъ антикритику «О нравственной свободѣ человѣка» противъ статьи «Вестминстерскаго обозрѣнія» (октябрь 1861 года) «Гольдвинъ Смитъ въ изученіи исторіи». Это возраженіе авторъ первоначально помѣстилъ въ газетѣ «Daily News», 20 ноября 1861 г., въ видѣ письма къ издателю. Онъ отстаиваетъ свободу человѣка отъ отрицаній Канта, отъ его положенія, что нрав-

ственный, или какъ его называетъ, общественно-логичный (Sociological) мiръ отличается отъ физическаго только болѣею сложностью явленій и болѣею трудностью, вслѣдствіе такой сложности, разрѣшенія этихъ явленій по ихъ необходимымъ законамъ.

«Едва ли можетъ быть сомнѣніе, говоритъ Смитъ, что Кантъ, къ концу своей жизни, покинутый Милемъ и другими мыслящими учениками, былъ сумасшедшій. Не трудно открыть и источники его безумія. Это былъ эгоистъ, неудержимый мыслию о высшей власти въ своемъ предсмертномъ раздраженіи и успокоенный вліяніемъ религіи.»

Любопытно сужденіе автора о Бромвелѣ, какъ о покровителѣ Оксфордскаго университета (р. 5 и др.).

A new history of painting in Italy from the second to the sixteenth century. By J. A. Crowe and G. B. Cavalcaselle. Vol. III. London. 1866. 8°, p. 618.

Вышелъ третій томъ новой исторіи живописи въ Италіи со II-го по XVI столѣтіе, составленный по новымъ матеріаламъ и новѣйшимъ розысканіямъ въ итальянскихъ архивахъ.

Къ нему присоединены 30 иллюстрацій для произведеній маэстро, упоминаемыхъ въ этомъ томѣ. Пятнадцатое столѣтіе, приготовившее Рафаэля Урбинскаго, составляетъ главное содержаніе разсматриваемаго сочиненія.

Лука Синьорелли и аренцкая школа, успѣхи умбрійскихъ школъ въ XV столѣтіи, перуджинская школа и знаменитый Петро Перуджино съ его послѣдователями, сіенская школа, какъ отрасль перуджинской, рабобраны съ величайшею подробностію съ ссылками на лучшія современныя сочиненія.

Послѣднія главы относятся къ описанію флорентинской школы въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка и заканчиваются жизнью Андрея дель-Сарто.

Кромѣ интереснаго описанія любопытной дѣятельности на поприщѣ искусства знаменитыхъ художниковъ, любитель искусства найдетъ въ этомъ сочиненіи указанія на мѣста храненія лучшихъ произведеній. Въ Россіи эрмитажъ, галерея герцога Лейхтенбергскаго, графовъ Строгановыхъ, князя Горчакова, княгини Кочубей представляютъ источники для изученія произведеній итальянскихъ живописцевъ, упоминаемыхъ въ третьемъ томѣ нами обозрѣваемаго сочиненія.

A history of the city of Rome, its structures and monuments. From its foundation to the end of the middle ages by Thomas H. Dyer. London. 1865, p. 415.

Въ концѣ прошлаго года въ англійской литературѣ явилось первое, единственное на англійскомъ языкѣ, сочиненіе, представляющее связную исторію города Рима. Источники, которыми пользовался авторъ, обозначены въ концѣ страницъ; кромѣ того, онъ употреблялъ

и новѣйшія сочиненія о томъ же предметѣ доктора Папенвордта, Грегоровіуса и покойнаго Ампера.

Авторъ помѣстилъ въ введеніи нѣсколько доводовъ, на основаніи которыхъ древняя исторія Рима не представляется столь крайне вымышленною, какъ обыкновенно нынѣ думаютъ. Онъ надѣется, что самое опроверженіе его доводовъ можетъ быть еще болѣе полезно для результатовъ новѣйшей критики.

Цѣль всего сочиненія описать въ небольшомъ размѣрѣ возникновеніе, успѣхи и паденіе города Рима, происхожденіе и исторію самыхъ замѣчательныхъ памятниковъ безъ углубленія въ политическія дѣйствія и превратности города, причиненныя или внутреннимъ раздоромъ, или нападеніемъ внѣшняго непріятели. Впродолженіе среднихъ вѣковъ древній Римъ или, лучше сказать, его остатки главнымъ образомъ имѣются въ виду. Невозможно, при опредѣленныхъ границахъ сочиненія, дать описаніе новаго города христіанскаго въ противоположность языческому. По этому случаю только нѣкоторыя изъ главныхъ церквей замѣчены, именно тѣ, которыя, по времени происхожденія, отъ Константина I или нѣсколько позже, могутъ быть разсматриваемы, какъ принадлежащія къ древнему, не къ новому городу. Чтобы придать болѣе интереса содержанію сочиненія, авторъ сдѣлалъ описаніе нѣкоторыхъ поразительныхъ сценъ, которыхъ Римъ былъ театромъ, и коснулся жизни и пребыванія тѣхъ лицъ, которыя украсили его своимъ гениемъ или прославили своимъ благодѣтельнымъ участіемъ въ его дѣлахъ.

Analysis of the history of Germany, with brief extracts from Standard authorities. Continued down to the present time by Dawson W. Turner. London. 1866, p. 196.

При изученіи исторіи чрезвычайно важно имѣть конспектъ связанный и подробный, который заключалъ бы въ себѣ не только вѣрную группировку и характеристику фактовъ, но могъ указать на лучшія сочиненія и даже привести изъ нихъ отрывки, преимущественно относящіяся къ данному времени.

Такою полезною мыслью осуществилъ Тёрнеръ въ своемъ анализѣ исторій Англіи, Франціи, Рима и Греціи и въ вышедшемъ недавно анализѣ исторіи Германіи. Трудъ автора, выразившійся въ отчетливомъ, сжатомъ очеркѣ, подкрѣпленномъ краткою, но удачною характеристикой изъ лучшихъ компетентныхъ ученыхъ сочиненій, такъ удовлетворилъ англійскую публику, что авторъ рѣшился продолжать свой первоначальный опытъ въ отношеніи другихъ странъ.

Къ сожалѣнію, въ анализѣ германской исторіи, среди извлеченій изъ знаменитыхъ историческихъ писателей, Ранке, Гиббона, Меривэля, Алисона, Боуля и другихъ встрѣчаются статьи изъ журналовъ англійскихъ: Вестминстерскаго, Единбургскаго, Національнаго, Трехмѣсячнаго обзорній.

Намъ казалось невозможнымъ соединити серъязность изданія съ скоропреходящимъ характеромъ журнальныхъ статей, съ ихъ страннымъ, не всегда дѣльнымъ взглядомъ.

Таковы, особливо, статьи «Эдинбургскаго Обозрѣнія» касательно взгляда на нашу великую Екатерину, приведенныя на стр. 108-й разсматриваемаго сочиненія. Взглядъ на дѣйствія императрицы Екатерины II въ Польшѣ совершенно измѣнился послѣ сочиненія Зибеля, а ученый авторъ цитуетъ раздражительную журнальную статейку, полную общихъ фразъ. Даже взглядъ Меривэля на нашу императрицу, хотя и журнальный, но болѣе правильный, высказанный въ его историческихъ этюдахъ, изъ которыхъ очень незначительный отрывокъ помѣстилъ авторъ въ прибавленіяхъ къ своему анализу, долженъ былъ бы удержать его отъ помѣщенія раздражительнаго, бездоказательнаго сужденія.

За исключеніемъ такого страннаго урваненія журнальныхъ статей съ капитальными сочиненіями, разбираемый трудъ англійскаго писателя, а, въ особенности, его основная мысль заслуживаетъ вниманія ученыхъ, занимающихся историческою наукой.

A Selection from the miscellaneous inscriptions of Assyria. Prepared for publication, under the direction of the Trustees of the British Museum, by Major-General Sir H. C. Rawlinson assisted by Edwin Norris. Также подъ заглавіемъ The cuneiform inscriptions of Western Asia. Vol II, London, lithographed by R. Bowler. 1866, р. 8 и 70 большихъ листовъ.

Первый томъ этого сочиненія появился въ 1851 году. Управленіе Британскаго музея, съ просвѣщенной ревностью заботящееся объ успѣхахъ наукъ, обнародовало нынѣ, для свободнаго употребленія всѣхъ ученыхъ, этотъ второй томъ, состоящій изъ многихъ новыхъ драгоценныхъ надписей, которыми такъ богатъ Британскій музей. Важность содержанія и заботливость при изданіи этого тома были тѣ же, какъ и при первомъ.

Первый томъ вполнѣ заключалъ большое количество ассирійскихъ клинообразныхъ надписей, второй только на 67 листѣ сообщаетъ надпись короля Тиглатъ Пилезара II. Другіе же большіе листы этого тома заключаютъ только сопоставленіе нѣкоторыхъ отрывковъ изъ ассирійскихъ клинообразныхъ надписей, выбранныхъ такъ, чтобы онѣ отчасти своею извѣстностью, отчасти нагляднымъ сопоставленіемъ, облегчали и подтверждали работу разборки другихъ надписей.

70-й, какъ послѣдній листъ, представляетъ нѣкоторыя финикійскія (или, какъ обыкновенно говорятъ, семитическія) надписи, которыя были найдены вмѣстѣ съ ассирійскими клинообразными. При дешифрировкѣ этихъ надписей важное значеніе имѣетъ сравненіе подобныхъ знаковъ и группъ; теперь, при этомъ изданіи такое сравненіе, столь равнообразное и въ столькихъ многочисленныхъ случаяхъ, значительно

облегчается. Кроме того, Раулинсонъ нашелъ множество мелкихъ надписей съ объяснительнымъ, въ нѣкоторомъ родѣ, исчисленіемъ различныхъ словъ на двухъ или трехъ языкахъ. Съ ихъ помощью онъ разобралъ многія подробности, потому давно желательно было, чтобы эти надписи могли служить для увѣренности въ пониманіи его и другихъ дешифрировокъ и были обнародованы. Теперь это желаніе исполнено. Можно надѣяться, что оно послужитъ дальнѣйшимъ поводомъ къ новымъ историческимъ трудамъ.

A manual of Roman antiquities by William Ramsay, Professor of humanity in the university of Glasgow, with numerous illustrations. 7 edition revised and enlarged. London. 1866. p. 514.

Вотъ уже седьмое изданіе «Руководства къ римскимъ древностямъ» профессора Глазговскаго университета Вильгельма Рамзая.

Первое изданіе вышло въ 1851, а за нимъ быстро слѣдовали и остальные. Авторъ старался представить въ связной формѣ свѣдѣнія о топографіи Рима, образованіе и постепенное развитіе римскаго устройства, общественный и домашній бытъ римскаго народа. Кроме англійскихъ сочиненій, авторъ пользовался нѣмецкими сочиненіями Беккера «Галломъ» и «Руководствомъ римскихъ древностей». Въ случаѣ желанія англійскихъ читателей расширить свои познанія, онъ рекомендуетъ имъ: «Словарь греческихъ и римскихъ древностей», доктора Вильгельма Смита (*Dictionary of Greek and Roman Antiquities*).

По нашему мнѣнію, означенное руководство само въ себѣ уже включаетъ обширныя и ясныя познанія о римскомъ обществѣ со времени его основанія до перваго вѣка послѣ Р. X. Подробныя отдѣлы состоятъ изъ частей, представляющихъ особенное цѣлое, объясненное и текстами изъ источниковъ и приложенными въ самомъ текстѣ иллюстраціями.

Studies in Parliament. A series of sketches of leading politicians. By R. H. Norton. London. 1866, p. 208.

Нельзя ожидать, чтобы эти этюды представили полное число современныхъ государственныхъ людей Англій. Авторъ въ этомъ случаѣ руководствовался болѣе случайностью, выдвинувшею впередъ многія личности, или совершенно спеціальнымъ политическимъ ихъ значеніемъ. Два государственныхъ мужа, недавно умершіе, вошли также въ это число, какъ лица, которыхъ вліяніе не перестанетъ чувствоваться еще долго въ англійской политикѣ. Эти обзоры не претендуютъ на полную законченность въ своемъ содержаніи, хотя и представляютъ мнѣнія, несгѣшно составленныя наблюдателемъ политическихъ событій.

Лордъ Джонъ Россель, третій сынъ Джона, герцога Бедфордъ, родился 19-го августа 1792 г. и считался нѣкогда твердою опорой въ

мысли и довѣренности англійскаго народа. Пережѣна народнаго вкуса, замѣнившая лорда Джона Росселя лордомъ Пальмерстономъ, сдѣлавшимся національнымъ героемъ, произошла задолго раньше окончательной славы послѣдняго въ 1860 году. Нѣтъ сомнѣнїя, что этотъ кризисъ совершился во время крымской войны, когда лордъ Джонъ оставилъ своихъ товарищей въ критическую минуту и совершилъ значительную дипломатическую ошибку на конференціи въ Вѣнѣ. Это обстоятельство нанесло ударъ чувству полуфамиліарнаго уваженія, съ какимъ смотрѣло на него предшествовавшее поколѣніе. Уже предъ крымскою войною замѣтна была пережѣна въ политическомъ идеалѣ средняго англійскаго класса. Покойный сиръ Робертъ Пиль, не бывшій никогда такимъ идеаломъ народной мысли, какимъ былъ лордъ Джонъ Россель, далъ возможность замѣтить въ талантахъ лорда Джона недостатокъ финансовой способности въ соединеніи съ коммерческою и промысловую сторону мысли народной, но не уменьшилъ этимъ полнаго удовольствія, съ какимъ народъ взиралъ на особенное выраженіе въ характерѣ своего политическаго героя. Его неоспоримое усердіе, строгость убѣжденій, внушающая довѣріе, смѣлый способъ выраженій, дѣлающій изъ него любимый образъ, безъ оскорбленія народнаго вкуса — всѣ эти качества были въ большемъ требованіи у народа во время господства лорда Джона Росселя, чѣмъ при Пальмерстонѣ. Послѣдній сдѣлался любезнымъ народному чувству на столько же, на сколько имъ былъ его предшественникъ, и «старый Памъ» провозносилось въ послѣдніе годы его жизни съ тою же милою непринужденностью, какъ «маленькій Джонни», четверть столѣтія тому назадъ. Первое управленіе Росселя относится къ 1846 году, послѣ отъеза сира Роберта Пила. Характеристическое различіе двухъ этихъ лицъ, Пальмерстона и Росселя, въ глазахъ народа состояло въ томъ, что образъ одного всегда соединялся съ чѣмъ-то шуточнымъ, образъ другого былъ мѣтко обозначенъ рѣзко начертанной политическою нравственностью или порицаніемъ.

Одно изъ самыхъ поразительныхъ качествъ лорда Росселя, сдѣлавшее его такъ рано популярнымъ, есть извѣстная англійская «нагота мысли» (baldness of mind), которая помогаетъ ему кратко высказывать свои быстрыя убѣжденія, но такъ наглядно для лицъ всякаго класса, какъ не всегда это бываетъ при выраженіяхъ въ болѣе украшенномъ видѣ. Въ случаяхъ, требующихъ особенной мѣткости, лордъ Россель неподражаемъ.

Съ такою же простотою и наблюдательностью составлены характеристика Гладстона, Кардвелля, д'Израэли, лорда Дерби, лорда Станлея, лорда Кренборна, лорда Гренвилля, графа Грея, лорда Вестбюри, лорда Бругама, Стансфелда, Гошена, Форстера, Брайта, Кюбдена и лорда Пальмерстона.

The conversion of the northern nations. The Boyle lectures for the year 1865, delivered at the chapel royal, Whitehall. By Charles Merivale, rector of Lawford, chaplain to the speaker of the house of commons. London. 1866, p. 217.

Настоящее сочиненіе знаменитаго историка представляетъ восемь лекцій, читанныхъ имъ въ королевской церкви Уайтгалла. Оно служить продолженіемъ лекцій 1864 года объ обращеніи въ христіанство римской имперіи (The Conversion of the roman empire). Справедливо было замѣчено, что, въ первомъ курсѣ своихъ лекцій, авторъ преимущественно разсуждалъ о приготовленіи языческаго міра къ принятію христіанства и очень мало сказалъ объ успѣхѣ мысли и мнѣній среди самихъ христіанъ. Въ настоящемъ сочиненіи онъ посвятилъ четыре главы на развитіе христіанскаго ученія въ связи съ религиознымъ переворотомъ, и потомъ изложилъ обращеніе въ христіанство сѣверныхъ народовъ. Два эти сочиненія, по мысли автора, составляютъ одно подъ общимъ заглавіемъ: «Обращеніе древняго язычества въ христіанство».

Главная задача обоихъ курсовъ лекцій была—напечатлѣть въ слушателяхъ или читателяхъ убѣжденіе, которое должно всегда представляться мысли того, кто изучаетъ широкую будущность человѣческой исторіи, о постепенномъ и постоянномъ приготовленіи человѣчества, съ отдаленныхъ извѣстныхъ періодовъ древности, къ полному развитію религиозной жизни подъ откровеніемъ Иисуса Христа. Наша религія есть вмѣстѣ и историческая, она есть исторія религиознаго прогресса. Вѣтхій и новый завѣтъ доказываютъ постепенное развитіе божественной истины. Истины, сообщенныя патриархамъ, служатъ уже основаніемъ христіанской религіи; религиозныя понятія язычества, которыя кажутся искаженіемъ истинъ, сообщенныхъ патриархамъ, или тусклымъ отблескомъ свѣта, который свѣтитъ всякому человѣку, заслуживаютъ быть разсмотрѣны съ интересомъ, критикованы съ любовію и даже съ уваженіемъ. Какъ въ своихъ первыхъ лекціяхъ, авторъ считалъ вѣрнымъ и справедливымъ указать, сколько возможно, на элементы истины и добра, разсѣянные среди застигнутыхъ питомцевъ древнихъ школъ и храмовъ, такъ и въ этихъ лекціяхъ онъ не уклонился отъ указанія связи нравственнаго религиознаго чувства, которое проходитъ чрезъ суевѣріе и умственную темноту сѣверныхъ варваровъ.

Съ чрезвычайною ясностью и большою увлекательностью составлены эти лекціи. Замѣчанія и поясненія, приложенныя въ концѣ, указываютъ, откуда авторъ сдѣлалъ свои заимствованія, и чѣмъ подтверждаются его выводы.

Шмидтъ, Беньо, Озанамъ, Шатобрианъ, Крафтъ и др. служатъ ему пособіемъ, своими изслѣдованіями христіанскаго переворота. Каждая страница дышетъ первымъ временемъ христіанства, хорошо изученнаго англійскимъ историкомъ.

Первая лекція. Философскій взглядъ на Откровеніе: Юстинъ-мученикъ и Климентъ Александрійскій.

Вторая лекція. Практическій взглядъ на Откровеніе: Тертуліанъ и Оригенъ.

Третья лекція. Догматическія понятія объ Откровеніи: Аѳанасій и Августинъ.

Четвертая лекція. Упадокъ христіанской вѣры и жизни.

Пятая лекція. Приготовленіе сѣверныхъ народовъ къ принятію христіанства.

Шестая лекція. Обращеніе въ христіанство сѣверныхъ народовъ.

Седьмая лекція. Понятія сѣверныхъ народовъ о личномъ отношеніи къ Богу.

Восьмая лекція. Понятія сѣверныхъ народовъ о равенствѣ мужчины и женщины.

The history of India, The Hindu and Mahometan periods by the Hon. Mounstuart Elphinstone. Fifth edition, with notes and additions by E. B. Cowell, M. A. Late principal of the Sanscrit College, Calcutta. London. 1866, p. 790.

Извѣстное ученое сочиненіе «Исторія Индіи» Эльфинстона, вышедшее въ первый разъ въ 1839 году, достигло, въ настоящее время, пятаго изданія. Превосходство его труда предъ сочиненіями о томъ же предметѣ, написанными по европейскимъ источникамъ, состоитъ въ томъ, что онъ производился подъ руководствомъ впечатлѣній, полученныхъ въ Индіи. Выводы его должны быть также различны, такъ какъ они возникли изъ особеннаго источника. Умное, оригинальное и обработанное сочиненіе Милля оставляетъ много для сомнѣній и споровъ; талантливые труды Муррея и Глейга могутъ также удовлетворить всякаго читателя, но ни одно изъ этихъ сочиненій въ обширности, учености и характерѣ изысканій не можетъ сравниться съ сочиненіемъ Эльфинстона.

Вся исторія Индіи можетъ быть раздѣлена на 4 части, характеризующія бѣльшею или меньшею силою доказательствъ. Самая ничтожная—легендарный періодъ, въ которомъ все—недоказанное преданіе; слѣдующая—полуисторическій періодъ, въ которомъ главный элементъ все-таки преданіе, но имѣются также современные памятники, на которые можно положиться; позднѣйшая—исторія въ собственномъ смыслѣ, въ которой масса матеріаловъ достовѣрныхъ и современныхъ, только меньшаго или большаго достоинства, какъ оставшіяся воспоминанія, дошедшія до насъ съ одной стороны, или, какъ въ новой исторіи, ясно выражающія каждую партію и заключающія въ себѣ всякаго рода не прямыя и прямыя доказательства.

Можно смѣло сказать, что исторія древней Индіи есть почти исключительно мифическая и легендарная: древній индусъ никогда не обла-

далъ вѣрнымъ «историческимъ смысломъ». Заслуга индусскаго періода «Исторіи» Эльфинстона та, что онъ старается, сколько возможно, миновать всѣ легендарныя подробности и ограничиться тѣми достовѣрными отрывками, которые могутъ быть собраны изъ существующихъ еще памятниковъ. Его «индусскій періодъ» почти совершенно незнакомъ съ гигантскими призраками Паураникской мифологіи; но въ четырехъ книгахъ заключается только необходимое для лицъ изучающихъ и для общихъ познаній читателя. Другое достоинство этой части сочиненія выражается въ сердечной симпатіи автора и въ усвоеніи народнаго характера, который видѣнъ во всемъ сочиненіи, и отсутствіе котораго много вредитъ краснорѣчивому сочиненію Милли. «Магометанскій періодъ» совершенно другого характера. Здѣсь мы имѣемъ достовѣрныя современныя свидѣтельства, обращаемся съ плотью и кровью, не съ призраками, и «Исторія» Эльфинстона, въ своихъ ясныхъ разсказахъ, въ немалой степени, заключаетъ въ себѣ такія же характеристики, какимъ мы удивляемся въ «Исторіи Греціи» Грота. Авторъ такъ долго занимался индійской политикою, что онъ могъ углубиться въ нее и уничтожить всѣ тѣ безконечныя подробности, которыя дѣлаютъ азіятскую исторію сбивчивою и трудною. Въ этомъ случаѣ «Исторія» Эльфинстона незаменима.

Для индусскаго періода Эльфинстонъ употребилъ всѣ источники, находившіеся въ его обладаніи, но изученіе санскрита дѣлаетъ постоянные успѣхи (особенно относительно Ведъ), почему знатокъ индійской литературы, Коуэль, снабдилъ новое изданіе многочисленными учеными замѣчаніями и пятью прибавленіями касательно важнѣйшихъ подробностей средневѣковой Индіи, дополненныхъ свидѣніями отъ китайско-буддистскихъ путешественниковъ.

W. W.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Историческій взглядъ на связь школьнаго образованія съ служебными преимуществами. — Учительская дѣятельность и учительская служба. — Различныя новѣйшія мѣры и предположенія вообще по учебной части. — Новыя книги.

Въ одномъ весьма древнемъ обществѣ слѣдовали правилу — до тѣхъ поръ не допускать ничего новаго, при всей его видимой пользѣ, пока не были исчерпаны всѣ доводы въ пользу стараго порядка вещей. И совершенно правильно! Старое, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, имѣетъ всегда одно важное и только ему свойственное преимущество, а именно — имѣетъ всегда свою исторію, привычку, механическую ловкость, которыя долго могутъ замѣнять ему отсутствіе внутреннихъ силъ; между тѣмъ, новое, при всѣхъ своихъ преимуществахъ, неволью страдаетъ отъ того, что къ нему не привыкли; у него нѣтъ насиженнаго мѣста, и потому защитники стараго такъ часто находятъ случай съ торжествомъ указать на несостоятельность новаго; отсюда колебанія, отрицанія новаго, быстрый поворотъ къ старому, но уже распатанному и потерявшему свою силу отъ временнаго перерыва; затѣмъ, опять неизбѣжно еще болѣе сильное, горячее стремленіе къ новому, и опять — задній ходъ! Все это неудобно, и вотъ почему — мы согласны — надобно всегда осторожно отказываться отъ стараго и доходить до полноты убѣжденія въ его негодности.

Какъ ни говорятъ много о нашей исторической зрѣлости, но отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы мы не имѣли у себя различнаго рода древностей въ своихъ привычкахъ, обычаяхъ, учрежденіяхъ. Последнія реформы во многихъ существенныхъ отправленияхъ нашей гражданской и общественной жизни внезапно обратили многое въ древность, что, пожалуй, само по себѣ долго не было бы еще древнимъ. Это явленіе — весьма естественно во всѣ переходныя эпохи: организмъ цѣлаго общества не растетъ съ такою равномерностью, какъ тѣло отдѣль-

наго человѣка, а потому въ эпоху реформъ, эпоху роста человѣческихъ обществъ, нерѣдко случается иному обществу походить на руку, у которой мизинецъ совершенно взрослога человѣка, а указательный палецъ — младенца.

Говоря такъ, мы думали собственно объ историческомъ зачаткѣ, дальнѣйшемъ развитіи и современномъ состояніи нашей общественной образованности и ея первоначальномъ и существенномъ органѣ — школѣ, принимая это слово въ его самомъ обширномъ смыслѣ. Какъ современники, мы знаемъ болѣе или менѣе настоящее состояніе упомянутого нами предмета; а еслибъ намъ случилось и не знать, то мы могли бы относительно нѣкоторыхъ сторонъ этого вопроса положиться на современную лѣтопись одного изъ официальныхъ и вмѣстѣ специальныхъ журналовъ, гдѣ сообщили намъ недавно «мѣры и предположенія по учебной части», и гдѣ говорится о «частныхъ, случайныхъ и временныхъ погрѣшностяхъ» въ высшемъ управленіи народнаго образованія, какъ бы въ оправданіе крайне неудовлетворительнаго состоянія нашихъ школъ. Та же хроника утѣшаетъ насъ тѣмъ, что эти «частныя, случайныя и временныя погрѣшности» ровно ничего не значатъ рядомъ съ великою просвѣтительною ролью правительства; мы будемъ тѣмъ же самымъ утѣшаться и въ будущемъ, когда придется намъ еще разъ встрѣтиться съ новыми частными, случайными и временными погрѣшностями. Но мы вовсе не объ этомъ думали говорить; мы послѣ обратимся къ новымъ мѣрамъ и предпріятіямъ по учебной части, а теперь выскажемъ только то, что, каково бы ни было различіе взглядовъ, всегда останется неопровержимой истиною, а именно, что у насъ *государственность* почувствовала, прежде *общественности*, настоятельную потребность въ образованныхъ, разумныхъ силахъ. Это большая заслуга нашей государственности; и всѣ мы обязаны признать великую просвѣтительную силу нашего правительства. Вслѣдствіе той же причины и западная Европа познакомилась съ нашею государственностью несравненно прежде, чѣмъ съ нашимъ народомъ, о которомъ тамъ и до сихъ поръ имѣютъ смутное понятіе, а потому и до сихъ поръ въ Россіи не хотятъ видѣть ничего, кромѣ государства. Подъ вліяніемъ всего того, ходъ образованности, устройство школъ, и, въ особенности, права получившихъ образованіе въ школахъ — весьма справедливо примѣнены у насъ къ потребностямъ этой государственности. Иначе и не могло бы быть. Государственности, для охраненія существованія самаго народа, необходимо было сгруппировать около себя лучшія общественныя силы, заботиться не столько о *среднемъ уровнѣ* образованности, сколько о высшемъ образованіи, или специальномъ въ видахъ той же государственности. И государственность была права: вмѣсто того, чтобы задаваться теоріями, можетъ быть, наилучшими, она инстинктивно гналась за дѣлсообразнымъ и

требуемъ данною минутою съ опредѣленною цѣлю. Государственность нуждалась на первый разъ въ чиновникахъ, въ офицерахъ и т. д., которые не уступали бы подобнымъ же органамъ въ западно-европейскихъ государствахъ, и такимъ образомъ государство, можетъ быть и сознавая искусственность своей жизни, въ то же время видѣло, что можно погибнуть вмѣстѣ съ народомъ, слѣдуя нравственнымъ теоріямъ, прежде, нежели онѣ осуществятся на дѣлѣ. Въ настоящее время, наша государственность видитъ, что въ западной Европѣ правительства нашли себѣ сильнаго союзника въ общественной дѣятельности; что Австрія немного сдѣлала съ Пруссіею, противопоставивъ ей свои порядки; что Пруссія одержала побѣду не одною матеріальною силою, но отличнымъ народнымъ хозяйствомъ; что народное хозяйство можетъ быть ведено съ успѣхомъ только самимъ же народомъ, а народъ нуждается для того въ хорошемъ среднемъ уровнѣ образованности. Потому всѣ наши прежніе приемы, благотѣльные для своего времени, обратились бы теперь противъ насъ. Остановимся на одномъ изъ такихъ приемовъ, а именно на особыхъ отношеніяхъ, въ которыхъ поставлено наше школьное воспитаніе къ государственной службѣ.

Болѣе правильное школьное воспитаніе, по западнымъ образцамъ, у насъ началось съ эпохи Петра Великаго; до того времени у насъ, какъ и въ западной Европѣ, одна церковь чувствовала потребность образованности, и потому она одна несла на себѣ заботы объ охраненіи и поддержаніи образованія, впрочемъ, съ своею спеціальною цѣлю. Послѣ Петра Великаго, государство смѣнило въ этомъ отношеніи церковь и задалось несравненно шире. Но, какъ мы выше объяснили, государство начало прямо съ высшаго и средняго образованія, заботясь несравненно менѣе объ общенародномъ образованіи. Надобно было снабдить съ поспѣшностью наше правительство всѣми органами, какими владѣли современныя ему правительства въ западной Европѣ, а въ ту эпоху и западныя правительства имѣли далеко не совершенные органы. Во всякомъ случаѣ, у насъ было неизбежно примѣнить образованіе ближайшимъ образомъ къ государственной службѣ. Отсюда, между прочимъ, вытекли права учебныхъ заведеній — сообщать служебныя преимущества. Это продолжается и до настоящаго времени. Но въ настоящее время, намъ кажется, оттого страдают и самыя интересы службы, и общественные интересы. Служба притянула къ себѣ болѣе силъ, нежели ей нужно; лишнія силы должны были возвратиться въ общество, но онѣ такъ спеціально подготовлены, что для общества дѣлаются только бременемъ; притомъ онѣ приступаютъ къ общественной дѣятельности съ идеями служебной карьеры и сами тяготятся общественною дѣятельностью. Сверхъ того, образованіе человѣка есть плодъ извѣстнаго затраченнаго капитала на него, и потому часто государство приобретаетъ себѣ весьма дорогаго дѣятеля, безъ того, чтобы то требовалось

сущностью самаго дѣла. Наконецъ, въ послѣдніе годы открылось обширное поприще судебной и земской службы, которая требуетъ преимущественно дѣятелей мѣстныхъ, людей выросшихъ въ своей средѣ, можетъ быть невооруженныхъ высокими дипломами, но которые, при хорошемъ состояніи народнаго образованія, могли бы, какъ люди знакомые хорошо съ своимъ краемъ, дѣйствовать, напримѣръ, въ должности мирового судьи, несравненно лучше, нежели человѣкъ высшаго образованія. Говоря такъ, мы вовсе не думаемъ объ уменьшеніи уровня специальныхъ свѣдѣній: напротивъ, мы желали бы только удобнѣе помѣстить каждую специальность, и именно слѣдующимъ образомъ.

До сихъ поръ, по причинамъ историческимъ и потому уважительнымъ, образованіе въ нѣколѣ сопряжено было съ служебными преимуществами. Но это учрежденіе, имѣвшее смыслъ тотъ, чтобы привлечь силы къ выработывавшейся государственности, обратилось послѣ въ обузу для государства и въ препятствіе. Въ Пруссіи, напримѣръ, государственность сама считаетъ себя специальностью, на ряду съ прочими специальностями, и потому никакой университетскій дипломъ не даетъ еще права на государственную службу, какъ не можетъ сдѣлать никого дипломъ д-ра философіи годнымъ въ капитаны корабля. Для поступленія на службу необходимъ, по той же причинѣ, специальный экзаменъ, *Staats-Examen*, служебный экзаменъ. Это учрежденіе могло бы еще съ большею пользою найти примѣненіе у насъ. Особенно, такіе экзамены облегчили бы у насъ земское дѣло и связанный съ нимъ мировой институтъ; установивъ экзаменъ на мирового судью, напримѣръ, открылась бы возможность допускать къ этой должности многія уважаемыя личности, но невыполнившія болѣе высшихъ условій общаго образованія. Мы увѣрены, что и самое общее образованіе получить иной смыслъ въ глазахъ нашего общества, если оно обратится въ фундаментъ всякой дѣятельности, безъ всякихъ отношеній къ государственной службѣ.

Измѣненіе тѣхъ условій гражданской и общественной жизни, изъ которыхъ мы вышли, и соблюденіе прежнихъ порядковъ во многомъ, при новыхъ условіяхъ, всего болѣе невыгодно отразилось на сословіи учащихъ. Учительская дѣятельность, на ряду съ прочими, была прежде всего службой, и по важности этой дѣятельности, учительская служба была поставлена такъ, что немногіе другіе роды службы, особенно въ началѣ карьеры, могли выдерживать съ нею конкуренцію съ точки зрѣнія служебныхъ преимуществъ. Но учительская дѣятельность, искусственно подпираемая служебными преимуществами, страшно утратила свое значеніе при новой обстановкѣ вещей, и въ этомъ заключается главная причина, почему въ настоящее время раздаются со всѣхъ сторонъ жалобы на опустѣвшія вакансіи учительскихъ

мѣсть. Что этой бѣдѣ старались помочь и не безъ значительныхъ пожертвованій, — мы это знаемъ, но извѣстно также и то, что всѣмъ этимъ дѣло не подвинулось ни на шагъ. Законъ конкуренціи одерживаетъ верхъ надъ всѣми усиліями и денежными пожертвованіями. Выводъ практической изъ послѣдняго опыта очень простъ: очевидно, что дѣло не въ однихъ денежныхъ пожертвованіяхъ. Приходится не только бороться съ цѣлымъ строемъ жизни, но даже съумѣть воспользоваться имъ, чтобы обратить въ пользу своего дѣла то, что, повидимому, наноситъ ему вредъ, какъ бываетъ возможно, при противномъ вѣтрѣ, хотя медленно, но подвигаться впередъ силою этого же самаго вѣтра. Необходимо, при новомъ теченіи вещей, найти средство въ этомъ же новомъ теченіи поднять интересъ къ званію учителя и устранить причины, отклоняющія людей въ другія стороны.

Въ вопросѣ объ учителяхъ надобно отличать двѣ стороны: какъ образовать учителя, и какъ, образовавъ его, удержать, или, лучше сказать, какъ сдѣлать то, чтобы учителя добровольно и охотно сами оставались въ своемъ званіи? Относительно первой стороны вопроса, мы имѣли уже случай высказать свое мнѣніе: учрежденіе учительскаго института для насъ есть дѣло первой необходимости; въ этой идеѣ насъ пугаетъ воспоминаніе о прежнемъ Главномъ педагогическомъ институтѣ, и пугаетъ справедливо, если бы было доказано, что учительскій институтъ нельзя устроить иначе, какъ возвратившись вполне къ Главному педагогическому институту. Но мы нигдѣ не видимъ такой необходимости; продолжать же разсчитывать на историко-филологическій факультетъ, по прежде указаннымъ нами причинамъ нельзя; да и безъ этихъ причинъ мы ясно видимъ, что историко-филологическіе факультеты у насъ существуютъ, а учителей нѣтъ! Итакъ, оба факта стоятъ вмѣстѣ, и одно другому не помогаетъ. Мы впередъ согласны, что новый учительскій институтъ можно устроить и хорошо, и худо; но опять не видимъ причины, почему непременно нужно устроить его худо, когда можно сдѣлать то же самое и хорошо.

Между тѣмъ, мы узнаемъ, что новѣйшія «мѣры и предположенія по учебной части», если только сообщавшія ихъ самъ понялъ то, что предпринимается и предполагается, — направлены прямо къ противоположному. Министерство народнаго просвѣщенія поставило себѣ благою цѣль еще не такъ давно — въ мартѣ 1865 и въ январѣ 1866 года — учредить *пятнадцать* учительскихъ семинарій въ пяти округахъ, и имѣло счастье получить на то Высочайшее разрѣшеніе. Прошелъ годъ, и мы читаемъ у людей, если не ошибаемся, свѣдущихъ: *«Забота и приготовленіе учителей для начальныхъ народныхъ училищъ не можетъ быть признана въ настоящее время маюю заботою министерства народнаго просвѣщенія, и еще менѣе должна она занимать и тревожить земскія учрежденія. И министерство народнаго*

просвѣщенія и земство могутъ послужить дѣлу начальнаго народнаго образованія *ими* (!) способами, находящимися въ ихъ распоряженіи». Оказывается, что эти *ими* способы суть слѣдующіе: земство должно ограничиться одною ролью сборщика денегъ, и брать къ себѣ на жалованье готовыхъ народныхъ учителей, какими почитаются воспитанники заведеній нашего духовенства. Возраженія противъ этого мѣропріятія не упустили предвидѣть: эти возраженія у каждаго на языкѣ, — но какъ на нихъ отвѣчаютъ! Курсъ проектируемыхъ учительскихъ семинарій, вполне благоустроенныхъ — говорятъ намъ — предполагается *трехлѣтній*, а воспитанникъ духовнаго вѣдомства проходитъ полный курсъ въ *двенадцать* лѣтъ! Какъ же — продолжаютъ разсуждать — сравнить *трехлѣтнее* обученіе съ *двенадцатилѣтнимъ*, которое сами тутъ же признаютъ (впрочемъ не безъ снисхожденія) только «далеко неудовлетворительнымъ»?! Но чего нельзя доказать, если захотятъ доказывать подобными способами?! И неужели нѣтъ способа провести 12 лѣтъ совершенно безплодно, или, какъ выражаются иныя, «далеко не удовлетворительно», между тѣмъ, какъ можно и три года употребить съ совершенною пользою и весьма удовлетворительно. Мы остаемся при убѣжденіи, что и министерство и земство не согласятся такъ легко съ мнѣніями той современной хроники, о которой мы упомянули выше, и рѣшатся выполнить свое призваніе: земство имѣетъ предъ собою Высочайше утвержденныя Положенія 1 января, и сочтетъ своею обязанностью руководиться ими, а не совѣтами хроникѣровъ — сдѣлаться простымъ сборщикомъ податей; и министерство въ нынѣшнемъ году, какъ и въ прошедшихъ, будетъ продолжать считать своею главною заботою — приготовленіе учителей.

Другой вопросъ — какъ удержать приготовленныхъ учителей? — не можетъ быть рѣшенъ иначе, по крайней мѣрѣ, въ настоящую минуту, какъ увеличеніемъ удобствъ, но опять не однихъ денежныхъ. Къ такимъ неденежнымъ удобствамъ, но весьма цѣннымъ порядочными людьми, мы относимъ независимость положенія учителя; — мы говоримъ не о той независимости, которая даетъ человѣку возможность дѣлать зло, а о другой, которая доставляетъ ему полную свободу быть полезнымъ и дѣлать добро. Какъ бы ни былъ благодѣтеленъ послѣдній уставъ въ этомъ отношеніи, на дѣлѣ же внутренняя жизнь учащаго сословія, особенно въ провинціи, оставляетъ многого желать, и на это-то обстоятельство слѣдуетъ обратить все вниманіе, безъ всякихъ заднихъ мыслей. Но и въ этомъ отношеніи новѣйшія «мѣры и предположенія по учебной части» иначе смотрятъ на этотъ предметъ, и ставятъ людей, интересующихся подобными вопросами, въ тяжелое недоумѣніе отсутствіемъ откровенности и запутанностью выраженій. «Было время — говорятъ намъ какъ бы съ ужасомъ — когда учитель

гимназій не имѣлъ права ни на іоту отступить въ своемъ преподаваніи отъ предписаннаго ему учебника, хотя бы и весьма неудовлетворительнаго, и отъ чрезвычайно подробной программы, составленной на основаніи параграфовъ этого учебника. Дѣло преподаванія обращалось, такимъ образомъ, въ дѣло механическое, и учителямъ нерѣдко приходилось вести его вопреки требованіямъ науки и педагогикъ, вопреки своему лучшему разумѣнію и своей, такъ сказать, научной совѣсти. По счастью, этотъ тягостный порядокъ (благодаря, конечно, новому уставу) миновался, и, какъ должно сознаться, навсегда и безвозвратно; но..... Такъ мы дошли до неизбежнаго «но», за которымъ легко уже предвидѣть все остальное, а именно, что слова: *навсегда* и *безвозвратно*, — не должно понимать очень строго; что «порядокъ вещей (установленный новымъ уставомъ относительно внутренней жизни и дѣятельности учащаго сословія) слишкомъ похожъ на полный беспорядокъ и безурядицу»; что «директоръ и инспекторъ (какъ во времена феодализма) являются не болѣе какъ *primi inter pares* (первые между равными), нежели какъ лица, власть имѣющія» и т. д. Мы вполне раздѣляемъ вышесказанное мнѣніе, что недостатокъ стараго порядка вещей состоялъ именно въ томъ, что учителямъ приходилось жить и дѣйствовать «вопреки своему лучшему разумѣнію и своей, такъ сказать, научной совѣсти». Въ этомъ состоитъ величайшая опасность въ положеніи педагога и всей школы; потому нужно заботиться всѣми мѣрами только объ одномъ, чтобы учителя имѣли и могли имѣть «лучшее разумѣніе и научную совѣсть», а вовсе не о томъ, чтобы это лучшее разумѣніе и эту научную совѣсть мало по малу замѣнять «лицами, властью имѣющими». Не въ этомъ состоитъ улучшеніе нравственнаго быта учителей и средство привлечь чловѣка къ такой тяжелой обязанности!

Мы находимъ, что йовый уставъ, Высочайше утвержденный 19 ноября, весьма оживилъ сословіе учителей, именно потому, что онъ обратился довѣрчиво къ ихъ разумѣнію и къ ихъ научной совѣсти: для нарушающихъ совѣсть и злоупотребляющихъ свободою есть суды и кара, а писать уставы съ цѣлью уничтожить самую возможность злоупотребленій,—это значить, или принудить къ скрытному образу дѣйствія, или помѣшать двумъ злымъ, но вмѣстѣ остановить и парализовать сотню добрыхъ людей. Главнымъ признакомъ оживленія нашихъ преподавателей и, вообще, дѣла преподаванія мы считаемъ, между прочимъ, признаки участія ихъ въ литературномъ трудѣ. Многие начали заниматься составленіемъ руководствъ или педагогическихъ изслѣдованій. Но и въ этомъ опять видятъ увеличившуюся возможность появленія недобросовѣстныхъ составителей и издателей, и въ число «мѣръ и предположеній по учебной части» помѣщаютъ слѣдующее: установить (въ противоположность, конечно, общимъ правиламъ

Высочайше утвержденнаго устава о цензурѣ, 6 апрѣля) при министерствѣ народнаго просвѣщенія *предварительную цензуру* для учебныхъ книгъ. Эта мысль не выражена такъ просто, но ее не трудно понять, такъ какъ далѣе говорится, что «этимъ путемъ училища всѣхъ вѣдомствъ и наименованій были бы наилучше ограждены отъ плохихъ и вредныхъ учебныхъ книгъ, и этимъ способомъ было бы предотвращено и самое ихъ *появленіе*». А предотвратить *появленіе* книги возможно только при предварительной цензурѣ, слѣдовательно, дѣло идетъ о ней. Но предварительная цензура осуждена такою компетентною властью, что всякое разсужденіе съ нашей стороны было бы совершенно излишне въ настоящемъ случаѣ, по поводу новыхъ мѣръ и предположеній по учебной части. Возвратимся къ нашему предмету.

Настаивая на цѣль добраго устройства педагогической жизни преподавателей, какъ на лучшемъ средствѣ къ поднятію уровня этого званія и къ привлеченію въ него лучшихъ силъ, мы, однако, не отвергаемъ важности и матеріальныхъ улучшеній. Къ числу такихъ улучшеній мы отнесли бы не одно увеличеніе жалованья, но и сокращеніе срока учительской службы, а именно 25-ти лѣтъ. Эта цифра прежде выражала весьма правильно степень преимуществъ учительской службы предъ общею гражданскою. Теперь обстоятельства измѣнились: гражданская служба, при новыхъ порядкахъ, ослабила преимущества учительскаго званія, а потому не было ли бы справедливо, въ виду настоящихъ обстоятельствъ, сократить еще болѣе срокъ учительской службы? У насъ иностранный актеръ, если не ошибаемся, получаетъ полную пенсію за 15 лѣтъ службы; мы ничего не говоримъ противъ этого, но справедливость требуетъ замѣтить, что, при всемъ важномъ значеніи службы актера, срокъ его службы определенъ вовсе не по одной этой важности; при назначеніи такого срока, вѣроятно, принято въ соображеніе и то, что общественное положеніе актера далеко не соотвѣтствуетъ общественному значенію его службы, и что нужно имѣть много таланта, любви къ дѣлу, чтобы, при выборѣ такой дѣятельности, разсчитывать не по пальцамъ и находить удовлетвореніе въ самомъ званіи, дополняя тѣмъ то, чего недостаетъ въ матеріальномъ вознагражденіи.

Въ послѣдніе годы, мы уже замѣтили, при всѣхъ жалобахъ на запускъ учителей казедръ, было, однако, замѣтно значительное оживленіе въ сословіи учащихся. Этому много могли, сверхъ указанныхъ нами причинъ, содѣйствовать, хотя и немногіе, учительскіе съѣзды. Обмѣнъ мыслей, нѣкоторая публичность обсужденій возбуждали интересъ къ вопросамъ педагогическимъ; лучшимъ знаніемъ того мы считаемъ появленіе трудовъ въ области педагогіи, предпринятыхъ людьми, практически занятыми самымъ дѣломъ воспитанія. Такъ, въ

последнее время явились почти одновременно два сочинения по педагогикѣ, одно — продолженіе еще прежде начатаго труда, а другое — начало:

Очеркъ исторіи воспитанія и обученія съ древнѣйшихъ временъ. Для педагоговъ и родителей составилъ (по Шмидту, Раумеру и др.) *Л. Модзалевскій*. Выпускъ второй. Слб. 1867. Стр. 335 — 727. Ц. 1 р. 25 коп.

Очерки науки о воспитаніи. Часть I. Педагогика. Состав. *П. Тимошенко*. Харьковъ. 1866. Стр. 254.

Мы уже имѣли случай (см. 1866, т. II, отд. IV, стр. 16) познакомить своихъ читателей вратцѣ съ трудомъ г. Модзалевскаго, съ тою цѣлью, которую онъ себѣ поставилъ, и средствами, при которыхъ онъ думалъ достигнуть этой цѣли. Теперь появился второй выпускъ того же сочиненія, гдѣ интересъ къ вопросамъ педагогическимъ значительно возросъ, такъ какъ авторъ вступилъ въ новое время. «Книги, фразы, слова—говоритъ авторъ въ началѣ второго выпуска— вотъ что составляло предметъ школьнаго изученія въ продолженіе всего абстрактно-теологическаго періода въ исторіи воспитанія». А именно, этотъ-то періодъ и остается теперь позади автора, вышедшаго изъ среднихъ вѣковъ. Второй выпускъ начинается изложеніемъ борьбы реалистическо-философскихъ системъ за свободу воспитанія, поднятой Монтанемъ, Бэкономъ Веруламскимъ, Джономъ Локкомъ, Вольфгангомъ Ратихомъ и Амосомъ Коменскимъ, въ XVII вѣкѣ, когда школы дошли, даже въ Германіи, до глубокаго паденія, не смотря на предшествовавшую имъ реформацію.

Единовременно съ оппозиціею реалистическо-философскихъ системъ, противъ схоластики образовалась оппозиція и со стороны идеалистовъ, въ формѣ пѣтизма въ протестантствѣ и яansenизма въ католичествѣ. Потому и авторъ переходитъ къ изложенію этой замѣчательной оппозиціи, во главѣ которой во Франціи стоялъ Фенелонъ, въ Англии — Мильтонъ, и въ Германіи — извѣстный Франке, живымъ памятникомъ котораго и теперь стоитъ въ Галле институтъ его имени. Такимъ образомъ, схоластика должна была уступить мѣсто двумъ направленіямъ — реализму и гуманизму; но торжествующія начала не замедлили вступить въ междоусобную борьбу, которая, можно сказать, не окончилась и до настоящаго времени, какъ знакъ того, что ни реализмъ, ни гуманизмъ не выработались еще вполне, и что ихъ настоящее мѣсто, форма дѣйствія кроются и до сихъ поръ не вполне объясненными. Среди этой новой борьбы выдѣлились и новыя направленія, между которыми преобладали направленія деистическое въ Англии, которое выразилось пластически въ популярнѣйшемъ сочиненіи Дефоя: «Робинзонъ Крузе»; — материалистическое во Франціи, для котораго Ж.-Ж. Руссо создалъ «Эмиля»; и, наконецъ, филантро-

пическое въ Германіи, основателемъ котораго былъ Базедовъ, устрившій извѣстный институтъ въ Дессау, *Филантропикъ*, цѣль котораго состояла въ томъ, чтобы «изъ богатыхъ людей за хорошую плату воспитывать хорошихъ людей, а изъ бѣдныхъ на гроши готовить хорошихъ учителей». Самое большое и солидное вліяніе на ходъ воспитанія и обученія оказалъ Базедовъ, найдя себѣ всадѣ многочисленныхъ послѣдователей, изъ которыхъ первое мѣсто принадлежитъ прусскому Рохову. Роховъ весьма ясно выразилъ главную и основную цѣль дѣятельности филантропической системы: «Первое, чтб, по моему мнѣнію, говорилъ онъ, долженъ сдѣлать каждый хорошій правитель, искренно желающій дѣйствовать въ духѣ христіанской вѣры, это — учреждать въ своей странѣ заведенія для приготовленія хорошихъ учителей, безъ которыхъ не будетъ ни хорошихъ школъ, ни правильнаго народнаго образованія.»

Вся эта борьба педагогическихъ мнѣній, тяжелые уроки опыта, быстрое торжество той или другой системы и такое же быстрое разочарованіе — должны были, наконецъ, вывести на настоящую дорогу, и новымъ вожаемымъ явился Песталоцци. Съ него авторъ начинаетъ нашъ современный періодъ, названный имъ періодомъ христіанско-гуманнаго воспитанія. «Со времени Песталоцци — говоритъ авторъ — семья и народная школа въ ея обширномъ, возвышенномъ смыслѣ сдѣлались главнѣйшимъ предметомъ педагогической теоріи и педагогическаго искусства, т. е. педагогика въ ея практическомъ отношеніи нашла себѣ должное и единственное основаніе.» Очеркомъ жизни Песталоцци и принципа его педагогической дѣятельности, легшаго въ основаніе всѣхъ современныхъ теорій и системъ, авторъ заключаетъ собственно историческую часть своего труда. Затѣмъ онъ останавливается на двухъ вопросахъ, а именно: 1) на вопросѣ о современномъ состояніи народныхъ, городскихъ и благотворительныхъ школъ, учительскихъ семинарій, дѣтскихъ садовъ, гимназій, педагогической семинаріи въ Іенѣ, и весьма коротко объ университетахъ—все это въ одной Германіи; и 2) о новѣйшей теоретической разработкѣ педагогики въ Германіи, въ лицѣ такихъ дѣятелей, какъ Нимейеръ, Шварцъ, Динтеръ, и, въ особенности—Дистервегъ, которому посвящена обширная глава.

Въ третьемъ выпускѣ, который обѣщаетъ выйти въ непродолжительномъ времени, будутъ указаны иностранныя и русскія статьи, вошедшія въ составъ очерка. Мы, съ своей стороны, напомнимъ автору данное имъ еще въ первомъ выпускѣ обѣщаніе—приложить къ своему труду, какъ продолженіе, «Исторію воспитанія въ Россіи».

Въ нашу эпоху броженія педагогическихъ идей, мы считаемъ книгу г. Модзалевскаго съ историческимъ изложеніемъ дѣла, слѣдовательно, наиболѣе объективнымъ, весьма полезнымъ явленіемъ. Исторія — да

простятъ намъ фигуральное выраженіе—часто служить зеркаломъ, въ которомъ мы можемъ видѣть свое изображеніе, или тѣмъ храмомъ Лейбница Теодицеи, гдѣ всякій можетъ увидѣть не только себя, но и свою будущую судьбу, если онъ послѣдуетъ по той или другой дорогѣ. Въ трудѣ г. Модзалевскаго, напримѣръ, весьма поучителенъ отдѣлъ, гдѣ изложено зарожденіе и послѣдующая судьба классицизма, какъ основы воспитанія. Мы занимались въ прошедшемъ году не мало анализомъ состоянія этого вопроса у насъ и за-границею, и потому теперь, въ дополненіе, уважемъ только на тѣ же «мѣры и предположенія по учебной части», о которыхъ говорили выше, и именно, по отношенію къ вопросу о классицизмѣ. «Дѣло возсозданія (классическаго образованія)—замѣчаютъ тамъ—уже предпринято, и можно надѣяться, что оно увѣнчается полнымъ успѣхомъ». Впрочемъ, слѣдуетъ оговорка изъ извѣстнаго мѣста Тацита: «Умы и науки легче подавить, чѣмъ вновь призвать къ жизни». Эту истину мы испытали не разъ, и теперь можно думать, что высказавшіе ее не упустятъ сами того же изъ виду. Никто, какъ мы, не радуется тому, что, наконецъ, насъ увѣряютъ въ томъ, что обученіе классическимъ языкамъ увѣнчается, послѣ столькихъ напрасныхъ усилій, полнымъ успѣхомъ. Но и въ этомъ случаѣ мы опять встрѣчаемся съ старою аргументаціею въ пользу классическихъ языковъ: вездѣ «мѣстное населеніе, которое было спрошено, не высказалось въ пользу преобразованія существующихъ гимназій въ *такія заведенія, которыя не принимали бы и не вѣли бы къ университету*». Очевидно, мѣстныя населенія выражались, при этомъ suffrage universel, крайне уклончиво и осторожно: они не объявили себя въ пользу классическихъ гимназій, но въ пользу «такихъ заведеній, которыя принимали бы къ университету»; если это будутъ классическія, всѣ будутъ въ пользу ихъ, — если эти заведенія будутъ реальныя — въ пользу реальныхъ. Все это ничего не доказываетъ, или доказываетъ то, что подобные вопросы не должны рѣшаться подачею голосовъ. Вотъ, что несомнѣнно и справедливо: «Въ настоящее время яснѣе, чѣмъ когда-либо, обнаружилось, что основы *народнаго* просвѣщенія въ Россіи должны быть тѣ же, что и въ другихъ странахъ Европы». Но разсуждающіе о «мѣрахъ и предположеніяхъ по учебной части», весьма мало знакомы съ предметомъ сравненія. Мы указывали не разъ на прошлогодній циркуляръ г. Дюрюи, министра народнаго просвѣщенія во Франціи, изъ котораго видно, что классическое образованіе въ этой странѣ далеко не служитъ основою народнаго просвѣщенія, что «оно приноситъ пользу для тѣхъ, которые имѣютъ время и деньги пройти его отъ начала до конца, т. е. сдѣлать значительное пожертвованіе временемъ и деньгами». Далѣе, замѣчаетъ г. Дюрюи, что «время настало торопиться» прочь отъ прежнихъ схоластическихъ идей; что «въ мир-

ной, но безпощадной борьбѣ, которая завязалась между промышленными народами, побѣда предназначена той націи, среди которой трудящійся классъ будетъ имѣть болѣе благоустройства, смысла и познаний». Вотъ, что говорятъ въ западной Европѣ, между тѣмъ, какъ насъ усердно увѣряютъ, что тамъ ничему не учатъ кромѣ древнихъ языковъ. Мы еще болѣе были изумлены, узнавъ, что у насъ, вслѣдствіе особенности нашихъ народныхъ началъ и преданій, даже и классическіе языки должны быть изучаемы не такъ, какъ въ западной Европѣ, но наоборотъ, а именно, если, напримѣръ, въ западной Европѣ на латинскій языкъ посвящаютъ 6 уроковъ въ недѣлю, а на греческій 3, то у насъ слѣдуетъ — на латинскій 3, а на греческій 6. Послѣ этого, намъ ничего не остается, какъ выразить надежду, что распространеніе въ нашемъ обществѣ правильныхъ историческихъ понятій о ходѣ просвѣщенія у другихъ народовъ положитъ предѣлъ всякимъ мечтаніямъ и празднымъ соображеніямъ на-угадъ. Тогда, быть можетъ, и мы начнемъ дѣйствовать и говорить «въ духѣ полного уваженія къ насажденіямъ и созиданіямъ предшествовавшихъ поколѣній», какъ того требуютъ разсуждающіе о «мѣрахъ и предположеніяхъ по учебной части», забывая, впрочемъ, что часто истины, высказываемыя въ пользу ближнихъ, могутъ неожиданно пригодиться и намъ самимъ.

Г. Тимошенко, авторъ «Очерковъ науки о воспитаніи», взялъ на себя трудную задачу: ему предстояло не исторически излагать развитіе педагогическихъ вопросовъ, но составить систематическую программу ихъ рѣшенія педагогикою, какъ они выработаны современною наукою. Авторъ избралъ въ основу — точку зрѣнія опытной психологіи, и былъ совершенно правъ по отношенію къ поставленной имъ цѣли сообщить своимъ слушательницамъ такія свѣдѣнія, которыя легко могли бы применитъ къ знанію, уже приобрѣтенному ими. Послѣ общаго введенія, въ первой части, а именно въ педагогикѣ, авторъ, сообразно съ избранной имъ точкою зрѣнія, говоритъ о физическомъ воспитаніи въ первый и во второй періодъ, когда духъ человѣка, такъ сказать, воспитывается тѣлесно, когда являются еще вопросы объ уходѣ за младенцемъ, объ одеждѣ и пищѣ ребенка, когда няня, игрушка, вообще—игры являются первымъ проводникомъ образованія; потомъ, онъ переходитъ къ главной части своего очерка, и излагаетъ ее въ трехъ отдѣлахъ: воспитаніе познавательной способности, воспитаніе чувствительной способности и воспитаніе желательной способности. Таково содержаніе «Педагогики», имѣющей въ виду изслѣдовать законы, по которымъ совершается въ воспитанникѣ развитіе возможнаго для человѣка совершенства. Затѣмъ послѣдуетъ особенная часть, подъ названіемъ «Дидактики», которая имѣетъ цѣлью возможно большее совершенство познаний.

Вообще, мы должны отдать справедливость автору, что онъ не гнался за тѣмъ, чтобы быть оригинальнымъ во что бы то ни стало, и потому весьма добросовѣстно, при каждомъ изслѣдованіи отдѣльнаго вопроса, приводилъ мнѣнія различныхъ авторитетныхъ педагоговъ, и въ самомъ началѣ указалъ тѣ пособія, которыми онъ пользовался. Мы должны автору замѣтить только одно, а именно, что въ выборѣ имъ пособій и даже въ порядкѣ ихъ исчисленія имъ руководила—можно подумать—чистая случайность. Такъ, у него рядомъ поставлены г. Весель и Ж.-Ж. Руссо, между тѣмъ, какъ послѣдній, по нашему мнѣнію, не можетъ быть даже отнесенъ къ числу пособій по педагогикѣ: «Эмиль» скорѣе долженъ разсматриваться, какъ источникъ для историческихъ изслѣдованій состояніи педагогическихъ понятій въ извѣстную эпоху. Съ другой стороны, въ этомъ спискѣ мы не находимъ классическихъ и общеизвѣстныхъ иностранныхъ руководствъ и изслѣдованій по педагогикѣ, и которыя не могли не быть извѣстны автору.

Рядомъ съ книгами чисто-педагогическаго содержанія, въ послѣднее время начали являться произведенія, назначенныя для чтенія, доступнаго большинству, и предметъ котораго заимствованъ изъ наукъ. Мало распространять грамотность: необходимо позаботиться и о томъ, чтобы было на что употребить знаніе грамоты, чтобы грамота дѣлалась проводникомъ полезныхъ свѣдѣній. Въ этомъ отношеніи надобно отдать полную справедливость заботамъ «Комитета грамотности,» который въ 1865 году объявилъ конкурсъ на составленіе двухъ книгъ для народа. Результатомъ этого конкурса было появленіе книги для чтенія взрослымъ простолюдиамъ, подъ заглавіемъ:

Разказы про старое время на Руси, отъ начала русской земли до Петра Великаго. А. Петрушевскаго. Спб. 1867. Изданіе второе. Стр. 276. Ц. 50 к.

Трудъ г. Петрушевскаго былъ удостоенъ первой преміи, и новое изданіе его является значительно дополненнымъ. Не смотря на то, «Комитетъ грамотности» на-дняхъ объявилъ второй конкурсъ для составленія новой книги для чтенія взрослымъ простолюдиамъ, которая «должна быть научнаго содержанія и представлять стройное и послѣдовательное изложеніе существенныхъ свѣдѣній изъ отечественной географіи, или отечественной исторіи, или естествознанія, или изъ всѣхъ трехъ наукъ вмѣстѣ.» Полная премія въ 500 рублей не отнимаетъ у автора права на изданіе сочиненія, но, намъ кажется, что такая премія должна налагать нѣкоторыя обязательства на автора, а именно, позаботиться о томъ, чтобы книга, предназначаемая для взрослыхъ простолюдиновъ, носила на себѣ цѣну, удобную для простолюдиновъ. Если «Комитетъ грамотности» опредѣляетъ объемъ книги не свыше 20 печатныхъ листовъ, то было бы возможно также опредѣлить и продажную цѣну листа, выше которой не простираются права

автора. Что трудъ г. Петрушевскаго удовлетворилъ существующимъ въ публикѣ требованіямъ, это доказывается необыкновенно скорымъ появленіемъ второго изданія, не смотря на довольно высокую его цѣну; пониженіе цѣны увеличило бы только запросъ, но не уменьшило бы дохода издателя. Но это и все, что мы хотѣли бы сказать противъ книги г. Петрушевскаго, которая вполнѣ стоитъ того, чтобы позаботиться о ея общедоступности. Изъ всего, что мы до сихъ поръ встрѣчали въ этомъ родѣ, едва ли мы найдемъ что-нибудь лучше задуманное и такъ превосходно выполненное. Задача для автора трудная: языкъ долженъ быть простъ, но безъ поддѣлки; каждый фактъ долженъ быть изложенъ научно, но безъ педантства, безъ излишнихъ тонкостей, а, главное, внѣ какой-нибудь теоріи. Авторъ весьма счастливо разрѣшилъ всѣ эти вопросы, и, особенно, въ отношеніи языка: онъ нашелъ средство ввести въ текстъ чисто-народный языкъ, но не вымышленный, не поддѣльный, а языкъ старинныхъ пѣсенъ, въ которыхъ народъ самъ сохранилъ воспоминаніе о многихъ историческихъ событіяхъ. Такимъ образомъ, простолюдинъ непрерывно встрѣчаетъ на страницахъ своего чтенія свои старыя, знакомыя ему идеи и формы. Мысль — необыкновенно счастливая. Мы жалѣемъ только, что авторъ недовольно широко ею воспользовался. Такъ, напр., въ отдѣлѣ: «Татарскій погромъ», гдѣ онъ обозрѣваетъ сначала эпоху междоусобицъ потомства Владимира и войнъ съ половцами, слѣдовало бы приурочить «Слово о полку Игоревѣ». Точно также, во второмъ отдѣлѣ: «Владимиръ Красное-Солнышко», необходимо было долѣе остановиться на нашей древней эпохѣ, богатой легендами. У автора же мы находимъ только двѣ-три строчки: «Сто лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ началась русская земля; въ это время княжили Рюрикъ, Олегъ, Игорь, жена его Ольга и сынъ ихъ Святославъ.» Такой перечень именъ неудовлетворителенъ тѣмъ болѣе, что эта эпоха представляетъ много матеріаловъ для народнаго чтенія и случаевъ для ознакомленія съ ея нравами. О Ярославѣ-Мудромъ (стр. 27) сказано: «Таковъ былъ Ярославъ, сынъ Владимировъ!» а передъ тѣмъ общее замѣчаніе, что въ удѣльную эпоху были и такіе князья, которые «умѣли хранить миръ и ладъ въ русской землѣ.» Все это мы замѣчаемъ не въ укоръ автору, а въ надеждѣ, что, при дальнѣйшихъ изданіяхъ, онъ, быть можетъ, найдетъ возможность многое дополнить. Подобнаго рода книги слѣдовало бы издавать съ иллюстраціею, но мы боимся и настаивать на этомъ: книга и безъ того дорога, а съ иллюстраціею она сдѣлается рѣшительно недоступною.

Post-scriptum. Мы обѣщали сообщить подробности о торжествѣ пятидесятилѣтняго юбилея Л. Ранке, какъ доктора; но наша хроника была уже отпечатана, когда намъ прислали изъ Берлина подробное описаніе дня $\frac{9}{20}$ февраля. Слѣшимъ сдѣлать, по крайней мѣрѣ, извлеченіе.

Торжество открылось утреннимъ пѣніемъ питомцевъ Фридрихъ-Вильгельмской гимназіи. Затѣмъ, начали собираться на квартиру юбиляра первые гости, и были поднесены адреса отъ нѣсколькихъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній; утреннее поздравленіе заключилось пѣснопѣніемъ: «Nun danket Alle Gott!». Въ 10 часовъ, прибылъ министръ народнаго просвѣщенія, Мюлеръ, съ поздравленіемъ отъ короля, и вручилъ Ранке орденъ краснаго орла 2-й степени. Королева прислала собственноручное письмо; король баварскій — орденъ св. Михаила и телеграмму съ поздравленіемъ. Между тѣмъ собрались остальные гости, депутаціи отъ академіи, университетовъ, и многочисленныя ученики Ранке. Отъ имени послѣднихъ проф. Кѡнке поднесъ юбиляру подарокъ, сдѣланный по подпискѣ, а за нимъ подходили депутаты и говорили рѣчи, или читались адреса, присланныя изъ-за границы. Изъ русскихъ университетовъ, одинъ дерптскій прислалъ Л. Ранке свое поздравленіе. Юбильяръ находилъ возможность отвѣчать каждому изъ депутатовъ, съ чрезвычайнымъ разнообразіемъ и необыкновенною находчивостію. Укажемъ, въ особенности, на его отвѣтъ одному изъ депутатовъ Академіи наукъ въ Берлинѣ, въ рѣчи котораго былъ упомянуть Лейпцигъ, гдѣ за 50 лѣтъ предъ симъ Ранке получилъ свой докторскій дипломъ:

«Позвольте мнѣ, глубокоуважаемый collega, выразить вамъ благодарность за тѣ слова, съ которыми вы отнеслись къ Лейпцигу. Я получилъ тамъ степень доктора при Готфридѣ Германнѣ, къ которому вы (Гауптъ) сами стояли такъ близко, и который составлялъ главную силу университета въ области классическихъ древностей. Въ то время, въ Лейпцигѣ не было историческаго изученія въ моемъ смыслѣ; изучали только одно, а именно филологію: я также предавался ей и съ нее началъ. Главнымъ образомъ, я занимался филологіею, когда жилъ въ своей маленькой комнаткѣ, въ Hainstrasse. Первый великій историкъ, поразившій меня до глубины, былъ Фукидидъ; предъ его бюстомъ и предъ бюстомъ Геродота мы стоимъ въ эту минуту. Могущественно подѣйствовалъ онъ на меня, и чтенію его исторіи я предавался съ величайшимъ усердіемъ. Извлеченія, которыя я изъ него дѣлалъ, сохраняются у меня до сихъ поръ, и они для меня имѣютъ цѣну. За Фукидидомъ слѣдовалъ Нибуръ, произведенія котораго я изучалъ съ такою же ревностію: также и изъ нихъ извлеченія храню до сихъ поръ; тамъ вы видите его бюстъ. Другое

«направленіе повело меня къ трудамъ Лютера; ихъ я изучалъ также «всесторонне, и они дали мнѣ не малый толчокъ. Вотъ, тѣ три духа, «которымъ я обязанъ существенными основами, на которыхъ я ко- «строилъ позже свое историческое изученіе. Если бы мнѣ нужно было «назвать еще четвертаго, то это былъ бы Фихте, сочиненія котораго «я также много изучалъ. Мнѣ удалось, въ своихъ историческихъ за- «нятіяхъ, какъ мнѣ то говорятъ, глубоко подѣйствовать на истори- «ческую науку, но силы свои я почерпалъ именно изъ тѣхъ источни- «ковъ.»

Вотъ, вся, краткая, но выразительная и прелестная въ своей про- стотѣ автобіографія духа Леопольда Ранке.

Въ 4 часа, друзья и ученики Ранке собрались въ Hôtel de Londres за столомъ. Во время обѣда, тостъ въ честь Ранке провозгласилъ 86-ти- лѣтній Несторъ нѣмецкой историографіи — Раумеръ. Мы сожалѣемъ, что время и мѣсто не позволяютъ намъ привести въ переводъ рѣчь Раумера и, въ особенности, отвѣтъ Леопольда Ранке, въ которомъ онъ развивалъ свои мысли о значеніи народности въ исторіи. Мысли Ранке, по этому поводу, такъ замѣчательны, что мы, при первомъ же случаѣ, познакомимъ съ ними нашихъ читателей.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Мартъ, 1867.

Въ послѣднія времена, рубежъ гражданскаго года, по какому-то установленному однимъ обычаемъ порядку, сдѣлался вмѣстѣ и точнымъ рубежомъ общей политической жизни европейскихъ государствъ: въ теченіе декабря и января, во всѣхъ европейскихъ государствахъ происходитъ нынѣ одно и то же явленіе, совершается одно и то же событіе, а именно: мы видимъ повсюду и одновременно сессіи парламентовъ, палаты депутатовъ, кортесовъ, сеймовъ. Такъ начался и нынѣшній годъ: у насъ — сеймъ въ Финляндіи; немного позже, немного раньше открывались палаты въ Англіи, въ Пруссіи, во Франціи, въ Австріи, въ Италіи, въ Испаніи, и, наконецъ, въ новорожденномъ государствѣ, которымъ надѣлилъ насъ прошедшій годъ — въ сѣверной Германіи. Обыкновенно, при этомъ случаѣ, правительства излагаютъ съ своей стороны, какъ была выполнена ими прошлогодняя программа, и очерчиваютъ свои планы въ будущемъ; представители населеній, тамъ, гдѣ существуютъ адреса, выражаютъ въ отвѣтъ свои мысли и желанія, какъ относительно прошедшаго, такъ и того, чтб имъ обѣщаютъ въ будущемъ. Любопытно бываетъ впослѣдствіи наблюдать за различіемъ, которое обнаруживается между тѣмъ, чтб человекъ предполагаетъ, и какъ исторія въ дѣйствительности располагаетъ.

Возвратимся за годъ, просмотримъ различные органы общественнаго мнѣнія, послушаемъ, какія надежды возлагались тогда на истекшій нынѣ 1866 годъ, чего хотѣли отъ него, чего ожидали, судя по завѣщанію его предшественника; затѣмъ, припомнимъ факты, совершившіеся въ теченіе года, и сравнимъ то и другое. Начнемъ съ себя. Прощаясь съ 1865 годомъ и иди на встрѣчу 1866 году, мы поручали ему сдѣлать важный шагъ въ исторіи нашей гражданственности: тогда новому, а нынѣ уже старому году предстояло восполь-

зоваться краткимъ опытомъ своего предшественника и вести дѣло земскихъ учреждений не совсѣмъ уже новичкомъ. Въ Россіи образовалось тогда до 250 управъ; до 10,000 гласныхъ приняли въ нихъ участіе. Казалось бы, въ земскихъ учрежденіяхъ должно было встрѣтиться главное затрудненіе въ ихъ собственной средѣ: сословія, столбѣтими раздѣленные другъ отъ друга, даже какъ бы подчиненныя одно другому, должны были соединиться вмѣстѣ для общаго дѣла. Легко вѣчаться сословнымъ раздорамъ, соперничеству, высокоумію съ одной стороны, утѣсненію для другой. Годъ прошелъ и доказалъ, что въ этомъ отношеніи нечего было серьезно опасаться, между тѣмъ, какъ это могло быть опасеніемъ такого рода, которое трудно бываетъ устранить положительнымъ законодательствомъ, такъ какъ приходится бороться съ антипатіями, говорить страстямъ. За-то отношенія администраціи къ земству гораздо менѣе удовлетворили первоначальныя ожиданія. Земство, по своей идеѣ, было призвано къ облегченію администраціи, которая до того времени несла на себѣ всѣ тяжкія заботы о народномъ хозяйствѣ; земство предназначалось, такимъ образомъ, быть благомъ для администраціи, сдѣлать то, что администраціи обходилось бы слишкомъ дорого, а подѣ-часъ и невозможно. Казалось бы, столкновенія между ними невозможны, потому что и земство, и администраціи существуютъ и дѣйствуютъ не для себя, а для пользы одного и того же государства, для котораго существуютъ и земскія, и административныя учрежденія; это не что-нибудь совершенно разнородное, что можетъ имѣть личные интересы, вѣдъ государства, и потому можетъ стеленываться. И земство, и администрація работаютъ для одной и той же среды; каждый имѣетъ свою опредѣленную область и назначеніе; казалось бы, сословныя распри въ средѣ самого земства были бы скорѣе возможны, нежели недоумѣніе между земствомъ и администраціею... Нельзя притомъ сказать, чтобы земскія учрежденія были бы у насъ совершенною новостью, которая не имѣла себѣ въ нашей прежней жизни ничего себѣ подобнаго. Хотя и не такъ давно, но и не вчера, такая единица, какъ городъ, вела, до нѣкоторой степени, сама свое хозяйство и имѣла для того думу. Но городъ—центръ губерніи, и его хозяйство еще ничтожно по сравненію съ цѣнностью всего губернскаго хозяйства, а потому, дѣйствительно, нельзя было, наконецъ, не поставить на ту же дорогу большія единицы, на которой были уже поставлены сравнительно малыя. Отношеніе губернскихъ управъ въ администраціи является потому почти такимъ же, въ какомъ слѣдовало бы стоять и городскимъ думамъ. Въ жизни города нельзя считать его благомъ—торжество городской полиціи надъ думой, или торжества думы надъ городской полиціею; сама той и другой, каждая въ своей сферѣ, составляетъ условіе благоденствія города; точно также и въ хозяйственной жизни цѣлой губерніи дѣло не мо-

желать или ни о торжествѣ администраціи надъ землею управою, ни о торжествѣ земской управы надъ администраціею: надобно желать, чтобы и та и другая отиравались совершенно свободно, каждая въ своей сферѣ. Никому не можетъ придти въ голову считать силу своего ногъ опасною для своихъ же собственныхъ рукъ, если только эти руки и ноги принадлежать одному и тому же организму. Впрочемъ, мы согласны, что физическій организмъ, гармонія котораго установлена, поими воли человѣка, представляетъ въ себѣ болѣе ручательствъ прочности, нежели общественные организмы, въ жизни которыхъ принимаютъ большое участіе ясное и сбивчивое сознание, добрая и злая воля человѣка. Людямъ остается, въ этомъ отношеніи, одно средство — подражать до нѣкоторой степени физическимъ организмамъ, а именно употребить свою волю на созданіе закона, которому подчинялась бы и самая воля. Положенный такимъ образомъ законъ всегда имѣетъ ту выгоду, что онъ одинъ способенъ останавливать во всякой силѣ то, что составляетъ ее заблужденіе, не касаясь самой сущности силы, не уничтожая ее; между тѣмъ какъ, поими закона, всегда необходимо для искорененія злоупотребленій силы прибѣгнуть къ уничтоженію ее самой, а, слѣдовательно, и къ собственному обезоруженію. Изъ приводимыхъ ниже двухъ статей, читатель увидитъ, что представители нашего городского и губернскаго хозяйства, т. е. думы и управы, стараются не только ходатайствовать о болѣе возможности для себя быть полезными мѣстному хозяйству, но и, не ограничиваясь выжиданіемъ этихъ лучшихъ условій для своей дѣятельности, спѣшатъ сдѣлать, по крайней мѣрѣ, то, что не превышаетъ настоящихъ ихъ средствъ. Мы, съ своей стороны, даже думаемъ, что послѣдняя часть дѣятельности думъ и управъ несравненно выше и полезнѣе первой: люди всегда справедливо дѣляютъ дѣятельность не за то, какія она успѣла приобрести себѣ права, но за дѣйствительныя услуги, оказанныя ею, хотя бы и при небольшихъ правахъ. Оказывать безпрестанно услуги, убѣдить людей въ своей полезности—все это составляетъ вѣрнѣйшую дорогу къ приобретенію правъ и вмѣстѣ ставить въ необходимость — прежде трудиться, работать, а потомъ говорить. Чтò бы ни думали о земскихъ учрежденіяхъ за прошедшій годъ, но никто не будетъ отвергать того, что мы и въ первый годъ успѣли уже приобрести чрезъ нихъ не малую сумму полезностей. Эти «полезности», какова бы ничтожнаго размѣра онѣ ни были, служатъ лучшимъ отвѣтомъ на всѣ возраженія тѣхъ, которые въ великой реформѣ 1864 года, положившей начало правильному устройству губернскаго и уѣзднаго хозяйства, ищутъ однихъ недостатковъ. Впрочемъ, ни одна реформа никогда не проходила безъ того, чтобы не вызывать себѣ противниковъ; но за-то о каждой реформѣ можно сказать — *mutatis mutandis*, то, чѣмъ Петръ

Великій отвѣчалъ своимъ противникамъ, по поводу вопроса о войнѣ со шведами: «Понеже реформа въ настоящее время не можетъ сла-дости приносить, но тягость, того ради многіе о той тягости него-дуютъ: одни для незнанія; другіе по прелестнымъ словамъ ненави-стниковъ, зря отечество наше возвышеннымъ Богомъ; третьи—понеже тунядцы.»

Въ началѣ прошедшаго года, мы посвящали себя исключительно внутренней политикѣ, и состояніе западной Европѣ удостовѣряло насъ въ продолжительности мира; къ концу года событія свели насъ незамѣтно на внѣшнюю политику, и многіе находятъ, не безъ осно-ванія, что внутренняя и внѣшняя политика связаны слишкомъ тѣсно между собою, чтобы можно было исключительно предаваться которой-нибудь изъ нихъ. Мы начинаемъ думать, что внутренніе успѣхи хо-роши только потому что они придаютъ государству внѣшнее значе-ніе, и хорошее внѣшнее положеніе необходимо, чтобы помогать вну-треннему развитію страны. Наше прежнее пристрастіе къ внѣшней политикѣ весьма естественно и понятно: мы прожили большой періодъ одного чисто-внѣшняго величія, не подкрѣпленнаго внутреннимъ раз-витіемъ страны; мы ударились въ другую крайность и стали думать, что одно внутреннее развитіе есть все, что внѣшняя политика есть правдное дѣло, вовлекающее страну въ непродуманныя издержки. Всѣ западныя событія 1866 года, какъ они ни были многозначительны, не отвлекли насъ отъ самихъ себя; но событія на Востокѣ заставляли насъ подумать иначе и придти къ справедливому заключенію, что раз-дѣленіе политики на внутреннюю и внѣшнюю представляетъ удобство систематики, но, въ дѣйствительной жизни народа, и внутренняя дѣ-тельность и внѣшнее значеніе тѣсно связаны другъ съ другомъ и очень часто обусловливаются взаимно.

Въ западной Европѣ, истерія распорядилась еще менѣе ожидаемо. Въ началѣ 1866 года, императоръ французскій возвѣстилъ о близ-комъ окончаніи мексиканскаго вопроса, конечно, не въ такомъ смѣ-слѣ, какъ онъ кончается, или почти - что кончился теперь; въ Гер-маніи, мы видѣли довольно обыкновенныя тамъ препирательства по случаю гастейнскаго договора Австріи съ Пруссіей; если что осо-бенно занимало, то это вопросъ: чѣмъ кончится столкновеніе либе-рального большинства палаты депутатовъ съ министерствомъ Бис-марка, который еще съ 1849 года былъ такъ извѣстенъ враждою къ стремленіямъ франкфуртскаго сейма объединить Германію? Италія, подавленная издержками своего возстановленія, годъ тому назадъ, въ январѣ, серьезно думала объ уменьшеніи расходовъ, и было уже опре-дѣлено сократить флотъ и армію до размѣровъ, какіе они имѣли въ Сардиніи до присоединеній. Подъ вліяніемъ такихъ фактовъ, опытный публицистъ въ *Revue des deux Mondes*, Форкадъ, рассуждалъ такъ: «Ита-

ли не имѣть теперь надобности въ большой арміи ни для наступленія, ни для обороны. На самомъ дѣлѣ, ясно, что Италия въ эту минуту не можетъ думать объ отвѣтѣ Венеціи у Австріи силою оружія; очевидно также и то, что Австрія не была бы въ состояніи нарушить итальянское *status quo*, безъ того, чтобы не навлечь на себя враждебныхъ дѣйствій Франціи и не подвергнуться величайшимъ опасностямъ. Здравый смыслъ, политическій разумокъ, состояніе Европы — все это не дозволяетъ ни одной изъ этихъ державъ наступательнаго движенія. Сравните все это съ совершившимися фактами: возможно ли было заключить отъ мелкихъ несогласій Пруссіи съ Австрією, по мелочамъ въ исполненіи гастейнскаго договора, къ открытію въ нынѣшнемъ году парламента Германіи—государства, о которомъ никто и не думалъ годъ тому назадъ — къ освобожденію Венеціи, къ настоящему положенію французовъ въ Мексикѣ? Невзмѣнными остались бурбонская Испанія, римскій папа и константинопольскій султанъ. Испанія начала 1866 годъ смутами и кончила тѣмъ же съ тѣми же результатами. Изъ Рима выведенъ французскій гарнизонъ, но для Италиіи явился новый и противоположный вопросъ: какимъ образомъ сдѣлать папу однимъ изъ итальянскихъ епископовъ и въ то же время удержатъ за нимъ ключи св. Петра? Восстаніе въ Кандіи — одно изъ тѣхъ явленій, которое сдѣлалось въ Портѣ неизбежной принадлежностью ея государственнаго организма — вызвало прежде всего мысль: встрѣтитъ ли въ Европѣ этотъ старый вопросъ — новая идея? Пока каждый отвѣчаетъ себѣ такъ, какъ онъ желалъ бы его рѣшить для себя; но кто будетъ имѣть силу исполнить свое желаніе, и будетъ ли это желаніе лучшимъ и удобнымъ для другихъ?.... Желательно было бы одно, чтобы 1867 годъ въ этомъ отношеніи походилъ на своего предшественника, и сдѣлалъ бы возможнымъ то, о чемъ теперь нельзя, повидимому, и думать, какъ нельзя было въ январѣ 1866 года составить карту Германіи — годную на цѣлый годъ.

I.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРИИ ЗЕМСТВА ВЪ 1866 ГОДУ.

«Новгородское земство полутора-годовымъ образомъ, къ величайшему своему удовольствію, удостоилось, что можно вести земское дѣло безъ связи съ администраціей: для этого слѣдуетъ обнѣжаться сторонамъ только строго исполнять одно правило, — дѣлать каждому свое дѣло и не вторгаться въ области распоряженій, ему не принадлежащихъ».

Заключеніе въ отчетъ новгород. управы 2.° министру внутреннимъ дѣламъ.

Очеркъ первый.

Задача настоящихъ очерковъ. — Расширеніе и ограниченіе правъ земскаго избирательства. — Сохраненіе непроеводительныхъ расходовъ и передача земскихъ капиталовъ. — Правительственныя указанія по составленію земскихъ расходовъ.

Перваго января 1866 года, одна изъ петербургскихъ газетъ такъ провожала старый и пріветствовала наступающій новый годъ: «Прошлый годъ можно по справедливости назвать *годомъ земскихъ учрежденій*: они составляли повсемѣстно самый яркій и насущный интересъ. Начало ихъ исполнено хорошихъ надеждъ, и мы слѣдили за нимъ съ самымъ отраднымъ чувствомъ: въ нихъ слышалось что-то живое, что-то народное, — они обѣщаютъ намъ пробужденіе отъ долговременной привычной апатіи. Но что скрывается далѣе за этимъ хорошимъ началомъ? Есть ли это только одинъ изъ тѣхъ мимолетныхъ порывовъ, какими и прежде отличалось наше молодое общество, съ увлеченіемъ бросавшееся на всякую новизну? Обнаружатся ли и на этотъ разъ та непривычка къ усидчивому и постоянному труду, то отсутствіе настойчивости и безсиліе въ исполненіи трудныхъ, серьезныхъ задачъ, которыя до-сихъ-поръ справедливо ставились въ вину русскому обществу, и что предрекаютъ скептики земскому дѣлу? Этого не можетъ быть, мы этому не вѣримъ: такой исходъ земскаго дѣла, — еслибъ и не отнялъ всей будущности у русскаго народа, то свидѣтельствовалъ бы о какой-то печальной незрѣлости, для которой пора созрѣванія отодвигается въ туманную, безнадежную даль! Теперешнее земское дѣло не имѣетъ ничего общаго съ прежними неудачными попытками пробудить русское общество. Земскія учрежденія подготовлены вели-

вою реформой освобождения крестьянъ, которая вдругъ сильно подвинула впередъ цѣлый народъ, совершенно измѣнивъ отношенія прежняго общественнаго строя. До освобожденія, русское земство не существовало; послѣ освобожденія, оно, разъ созданное, не можетъ заглохнуть и превратиться въ пустую, безжизненную форму.»

Настала пора дать отвѣтъ на поставленные вопросы; убѣдиться, на сколько надежды и ожиданія осуществились въ дѣйствительныхъ результатахъ. Средство для исполненія этой задачи подъ руками: декабрь мѣсяцъ весь исключительно посвященъ былъ очереднымъ губернскимъ собраніямъ, подведенію итога за первый *полный* годъ земской дѣятельности. Къ сожалѣнію, сборники послѣднихъ губернскихъ собраній еще не опубликованы, и мы не имѣемъ возможности положить въ основаніе своихъ настоящихъ очерковъ самыхъ послѣднихъ данныхъ: мы отлагаемъ это до слѣдующихъ томовъ нашего журнала, но за-то мы надѣемся покончить старые счеты. Въ прежнихъ своихъ обзорѣніяхъ *) — таково было, по крайней мѣрѣ, наше намѣреніе — мы старались выбрать главные вопросы, разрѣшеніе которыхъ зависѣло отъ земства или было ему указано и — на сколько это было для насъ возможно — мы сводили, по этимъ рубрикамъ, разнообразныя помысли мѣстныхъ собраній въ общіе итоги. Но много другихъ важныхъ вопросовъ, возбужденныхъ въ одной или нѣсколькихъ губерніяхъ, — оставлены были нами въ сторонѣ, такъ что для сколько-нибудь полнаго обзора дѣятельности первыхъ губернскихъ земскихъ собраній многого недоставало. Этотъ пробѣлъ мы постараемся пополнить хоть краткимъ указаніемъ вопросовъ, затронутыхъ земствомъ при самомъ первомъ его открытіи, въ концѣ 1865, и до конца 1866 года: тогда у насъ будетъ твердое основаніе, чтобы судить о дальнѣйшемъ развитіи земскихъ учрежденій. Мы увидимъ, на сколько земство подвинулось въ разрѣшеніи задачъ, поставленныхъ имъ себѣ съ самаго начала, чего оно достигло, отъ чего оно отказалось, вслѣдствіе или независящихъ отъ него обстоятельствъ или по собственному соображенію, и на сколько дѣятельность его сказалась благотворными результатами для всего народа и для отдѣльныхъ мѣстностей.

На рубежѣ закончившейся и снова начавшейся годичной дѣятельности земскихъ учрежденій — преобладающее значеніе имѣютъ вышедшія въ истекшемъ году правительственныя распоряженія, отъ характера которыхъ зависитъ направленіе земства въ ту или другую сторону, ростъ тотъ или другой земскихъ учрежденій.

Главную потребность для земскихъ учрежденій составляютъ *моды*: въ послѣднее время; запросъ на людей на столько великъ, что удо-

*) См. выше, 1866 г. II, отд. V, стр. 14 и слѣд.; т. III, отд. V, стр. 5 и слѣд.; т. IV, отд. V, стр. 7 и слѣд.

влетворить ему представляется весьма затруднительнымъ, и потому все, что расширяетъ условія поступления въ земство избранныхъ имъ достойныхъ людей, способствуетъ развитію земскихъ учреждений, и наоборотъ. Правительство, въ этомъ смыслѣ, сдѣлало одинъ шагъ къ расширенію правъ земскаго избирательства: по единогласному ходатайству всѣхъ губернскихъ земскихъ собраній, разрѣшено избирать въ члены управъ, наравнѣ съ другими гласными, уполномоченныхъ отъ лицъ женскаго пола и отъ недостигшихъ положеннаго 25-ти лѣтняго возраста, а равно опекуновъ и попечителей, участвующихъ въ земствѣ за малолѣтнихъ, несовершеннолѣтнихъ и состоящихъ въ опеку, хотя бы изъ числа этихъ лицъ уполномоченные за женщины не имѣли личнаго права участія, по неизмѣннѣ у нихъ самихъ цензоваго имуществва. Но за-то права земскаго избирательства подверглись ограниченію съ другихъ сторонъ. Въ правилахъ о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе Положенія о земск. учред. существовала статья (77, прим.), по которой избранные въ председатели и члены губернской управы гласные сохраняли за собою права губернскихъ гласныхъ, но теряли право на званіе уѣднаго гласнаго; на мѣсто же ихъ поступали установленнымъ порядкомъ другія лица. Псковское губернское собраніе 2-й сессіи возбудило вопросъ: «имѣютъ ли право лица, занимавшія должности председателя и членовъ губернской управы и оставившія ихъ по собственному желанію, быть вновь уѣдными гласными, на основаніи произведенныхъ уже выборовъ, по которымъ они участвовали въ губернскомъ собраніи и были избраны въ члены управы?» Между тѣмъ, тоже собраніе, вмѣстѣ съ с.-петербургскимъ, харьковскимъ, смоленскимъ, вяткоградскимъ, рязанскимъ и другими, ходатайствовало, чтобы членамъ губернскихъ управъ разрѣшено было оставаться уѣдными гласными и участвовать въ уѣдныхъ собраніяхъ, подобно тому, какъ члены уѣдныхъ управъ, избранные въ губернскіе гласные, присутствуютъ въ губернскомъ собраніи; правительствующій сенатъ разрѣшилъ первый вопросъ тѣмъ, что лица, выбывшія изъ членовъ губернской управы, не только не поступаютъ снова въ уѣдные гласные, но теряютъ даже и права свои на званіе губернскихъ гласныхъ. Нѣкоторыя губернскія управы (напримѣръ, смоленская) видятъ въ такомъ законодательномъ разъясненіи что-то въ родѣ кары, постигшей гласныхъ, такъ какъ, вслѣдствіе личныхъ причинъ, принудившихъ ихъ оставить должность свою въ губернской управѣ, они лишаются права на участіе въ земскомъ самоуправленіи, къ которому призваны общественнымъ довѣріемъ. Но съ легальной точки зрѣнія, пока существуетъ примѣчаніе къ 77-й ст. прав. прив. въ дѣйствіе Пол. о зем. учр.—разъясненіе, данное сенатомъ, не лишено юридическаго основанія. Что лица, избранные въ члены губернской управы и потому самому замѣняемые другими въ званіи уѣдныхъ гласныхъ, оставивъ по собственному произволу свою земскую службу, не могутъ,

имѣтъ съ тѣмъ, возвратитъ свое утраченное право на званіе уѣздныхъ гласныхъ и тѣмъ вѣтѣснитъ поступившихъ уже на ихъ мѣста, — это понятно само собою, ибо никто не можетъ быть лишень своихъ правъ или своего званія по личнымъ обстоятельствамъ, касающимся другого лица. Между тѣмъ, лица, оставившія свою должность въ губернской управѣ и не состоящія въ числѣ уѣздныхъ гласныхъ, — терпятъ послѣднюю свою живую связь съ земскими учрежденіями и представляютъ собою въ земскомъ дѣлѣ «особую функцію», — губернскихъ гласныхъ, не связанныхъ ни съ мѣстнымъ уѣзднымъ земствомъ, ни съ центральною распорядительною средою, какою является губернская управа. Такимъ образомъ, сенатъ имѣлъ полное право не признавать необходимости въ земствѣ этой особой функціи, настоятельность которой не указывалась жизнию. Но, съ точки зрѣнія необходимости не отнимать у земства достойныхъ дѣятелей, въ которыхъ и безъ того ощущается невосполнимый недостатокъ, гораздо важнѣе разрѣшеніе второго, общаго вопроса, при которомъ рассмотрѣнный нами частный уже не имѣетъ мѣста: дозволеніе членамъ губернской управы сохранить званіе какъ губернскаго, такъ и уѣзднаго гласнаго. Въ члены губернской управы поступаютъ, разумѣется, люди достойнѣйшіе; такимъ образомъ, уѣздъ, выбравшій лучшихъ представителей, можетъ по этой именно причинѣ лишиться ихъ, какъ скоро ихъ избираютъ въ члены губернской управы. Можетъ случиться и дѣйствительно случается, что въ члены губернской управы поступаютъ лица изъ одного и того же уѣзда, и, вслѣдъ за тѣмъ, такой уѣздъ лишается большинства своихъ представителей. Можно себѣ представить положеніе подобнаго уѣзда, зная, что, при господствующей у насъ привычкѣ жить внѣ дома (абсентеизмъ), рѣдко, въ одномъ и томъ же уѣздѣ, можно набрать, — съ одинаковой надеждой на успѣхъ земскаго дѣла, двойной комплектъ гласныхъ. Между тѣмъ, ничто рѣшительно не мѣшаетъ членамъ губернской управы отлучаться на 10 дней въ свое уѣздное собраніе, гдѣ они могутъ быть вдвойнѣ полезны, какъ довѣренные представители своего мѣстнаго земства, съ которымъ ихъ связываютъ имущественные ихъ интересы, и какъ проводники разумной земской централизаціи, ибо, стоя въ фокусѣ земскаго дѣла, они ближе знакомы и съ административными взглядами и съ тѣми необходимыми общими задачами и приемами, которые вырабатываются одновременно и однородною мѣстною дѣятельностію уѣздныхъ земскихъ учрежденій. Но, напротивъ, изъ отвѣта г. министра внутреннихъ дѣлъ нижегородскому земству явствуетъ, что въ виду вообще неудобствъ измѣненія недавно изданнаго закона, а также принимая во вниманіе, что означенное измѣненіе, какъ можно заключить по числу полученныхъ въ министерствѣ заявленій, не вызывается общою потребностію, министръ не находитъ возможнымъ, до дальнѣйшихъ указаній опыта,

представлять объ этомъ ходатайствѣ. — Впрочемъ, не смотря на то, нижегородское экстренное собраніе (въ іюнѣ прошлаго года) признало необходимымъ повторить свое ходатайство.

Еще большее значеніе въ этомъ смыслѣ имѣеть другое распоряженіе правительства, — именно *запрещеніе выдавать отъ земства какое-либо пособіе губернскимъ и уѣзднымъ гласнымъ*. Съ самаго открытія земскихъ учреждений, большинство уѣздныхъ собраний, особенно отдаленныхъ отъ губернскаго города, сознали необходимость выдавать отъ земства пособіе губернскимъ гласнымъ, а въ нѣкоторыхъ и уѣзднымъ изъ крестьянъ. Не было ни одной губерніи, въ которой нѣсколько уѣздовъ не сочли бы этой мѣры настоятельно необходимою; во многихъ губерніяхъ расходъ на гласныхъ достигнул довольно крупной цифры; напримѣръ, въ Самарской губерніи на губернскихъ и уѣздныхъ гласныхъ по 3 уѣздамъ 2,115 руб., въ Нижегородской по 3 уѣздамъ 1,780 руб., въ Костромской по 6 уѣздамъ 4,705 руб., въ Полтавской 5,540 руб., и т. д. Взглядъ на это дѣло со стороны самихъ земскихъ учреждений и высшаго правительства былъ до сихъ поръ различный. Одни губернскія земскія собранія (какъ, напр., рязанское) признали, что уѣздныя собранія имѣютъ право назначать пособіе изъ земскихъ суммъ, какъ губернскимъ, такъ и уѣзднымъ гласнымъ; другія (напримѣръ, ярославское и костромское) раздѣляютъ это мнѣніе только въ отношеніи къ губернскимъ гласнымъ, но содержаніе уѣздныхъ гласныхъ возлагаютъ на тѣ общества, которымъ гласные служатъ представителями. Начальники губерній вездѣ опротестовали назначеніе пособія губернскимъ и уѣзднымъ гласнымъ изъ суммъ земскаго сбора; но правительствующій сенатъ, по перешедшимъ туда, вслѣдствіе протеста начальника губерніи, смѣтамъ на уѣздныя земскія повинности, по Костромской губерніи, въ одномъ случаѣ разрѣшилъ этотъ расходъ, въ другомъ отмѣнилъ. Въ виду этого, костромское губернское собраніе 2-й сессіи возбудило въ законодательномъ порядкѣ вопросъ «о дозволеніи уѣзднымъ собраніямъ назначать пособія губернскимъ гласнымъ въ видѣ прогонныхъ и порціонныхъ денегъ.» При этомъ костромское собраніе заявило, что, по его мнѣнію, назначеніе пособія уѣзднымъ гласнымъ должно зависѣть отъ ихъ выборщиковъ, и что земскія собранія, въ видѣ указанія, могутъ опредѣлить только наибольшій размѣръ этого пособія, не стѣсня, впрочемъ, свободы дѣйствія выбирающихъ. Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служитъ новая законодательная мѣра, запрещающая *всякій расходъ* въ пользу губернскихъ и уѣздныхъ гласныхъ изъ суммъ земскаго сбора, и позволяющая пособія не только уѣзднымъ, но и губернскимъ гласнымъ отъ обществъ, ихъ выбирающихъ. Въ такомъ видѣ, законоположеніе это равносильно запрещенію выдавать какое-либо пособіе гласнымъ, или, другими словами, равносильно обязательному назначенію гласныхъ изъ

достаточныхъ лицъ, помимо ихъ способностей, нравственныхъ качествъ и общественнаго къ нимъ довѣрія, ибо, при удаленіи нашихъ уѣздныхъ городовъ и дороговизнѣ жизни въ нихъ, при всякомъ случайномъ наплывѣ завѣжныхъ лицъ, принятіе на себя званія губернскаго гласнаго для недостаточныхъ людей невозможно, безъ явнаго расстройства своего состоянія, вслѣдствіе мѣсячнаго отсутствія изъ дому. Оставляя въ сторонѣ то обстоятельство, что губернской гласный есть безусловный представитель уѣзднаго земства, и потому самому едва ли можетъ, по смыслу дѣйствующаго положенія, получать пособіе отъ общества, его избирающаго, тѣмъ болѣе, что избираетъ его сословіе уѣздныхъ гласныхъ in corpore, безъ раздѣленія по обществамъ и сословіямъ, — мы знаемъ что $\frac{1}{10}$ губернскихъ гласныхъ избраны изъ дворянъ-землевладѣльцевъ, — между тѣмъ уѣзднаго дворянскаго общества *малѣнко* не существуетъ, губернска же дворянска собранія созываются не ежегодно, а разъ въ три года: спрашивается, какимъ образомъ могутъ получить пособіе эти $\frac{1}{10}$ губернскихъ гласныхъ, изъ которыхъ для многихъ срокъ службы оканчивается прежде созыва дворянскихъ собраній, и притомъ собраній, которыя едва ли вправѣ разсуждать о чисто-уѣздномъ дворянскомъ вопросѣ? Къ этому должно присовокупить, что многіе изъ этихъ гласныхъ — лица недостаточныя, принявшія на себя это званіе въ виду обѣщаннаго отъ земства пособія. Что же будетъ ближайшимъ слѣдствіемъ подобнаго порядка? Губернскіе гласные отдаленныхъ уѣздовъ, не получающіе пособія, лишены будутъ возможности явиться на губернское собраніе, и, такимъ образомъ, установленная пропорція гласныхъ нарушится естественно и неизбѣжно въ пользу ближайшихъ къ губернскому городу уѣздовъ, имѣющихъ весьма часто совершенно противоположныя интересы съ отдаленными. Такой порядокъ вытѣсненія удаленныхъ уѣздовъ ближайшими, — легко можетъ сохраниться и на будущее время, когда, напримѣръ, въ такихъ отдаленныхъ уѣздахъ, какъ Ветлугскій (въ 330 верст. отъ Костромы), Варнавинскій (412 оттуда же) вовсе нѣтъ достаточныхъ людей изъ мѣстныхъ живущихъ землевладѣльцевъ, знающихъ мѣстныя условія, и такихъ, — которымъ состояніе позволяло бы мѣсячную отлучку за 300—400 верстъ безъ расстройства своего состоянія. Замѣна дворянъ-землевладѣльцевъ губернскими гласными изъ крестьянъ отдаленныхъ уѣздовъ неудобноисполнима по двумъ причинамъ: 1) крестьяне рѣшительно не могутъ ѣхать въ губернский городъ безъ пособія, а до сихъ поръ крестьянскія общества на-отрѣзъ отказываются давать какое-либо пособіе даже уѣзднымъ гласнымъ изъ своей среды; и 2) крестьяне гласные, въ губернскомъ собраніи, гдѣ обсуждаются вопросы болѣе общіе, а не мѣстные, близко ихъ касающіеся и имъ знакомые, — всегда чувствуютъ свою несостоятельность, происходящую отъ малой подготовки къ дѣлу, и поддаются вліянію

людей, пользующихся ими, какъ послушнымъ орудіемъ, для своихъ личныхъ или мѣстныхъ цѣлей. Они сами это очень хорошо сознаютъ, и потому, не уступая ни на шагъ гласнымъ изъ другихъ сословій и своемъ уѣздномъ собраніи, они посылаютъ дворянъ-землевладѣльцевъ сознательно за себя въ губернское собраніе, а сами отказываются туда ѣхать, даже при условіи совершенно вознаграждающаго ихъ денежнаго пособія. Такимъ образомъ, настоящее законоположеніе самымъ рѣшительнымъ образомъ ограничиваетъ права земскаго избирательства, въ однихъ случаяхъ лишая цѣлые уѣзды представительства, въ размѣрѣ отведенномъ для нихъ Положеніемъ, а въ другихъ обязательно передавая эти права въ руки крупныхъ землевладѣльцевъ, исключая всѣхъ остальныхъ, призываемыхъ къ высокому и почетному званію земской службы и личными достоинствами, и общественнымъ довѣріемъ, — но не владѣющихъ въ достаточномъ количествѣ прародительскимъ наслѣдствомъ.

Вторая важнѣйшая потребность земскихъ учреждений есть возможность разумной бережливости и свободное пользованіе принадлежащими земству капиталами. Въ первой нашей статьѣ мы напомнимъ, на сколько всѣ губернскія собранія большинство *обязательныхъ*, т. е. прежде возложенныхъ на земство расходовъ, признаютъ излишними, непроизводительными, и въ этомъ смыслѣ ходатайствуютъ объ ихъ сокращеніи. Нѣкоторыя изъ этихъ ходатайствъ получили удовлетвореніе или приняты во вниманіе высшимъ правительствомъ: такъ земельно-таксаторскія классы предположено уничтожить, по окончаніи въ нихъ курса настоящими воспитанниками, и приѣмъ въ нихъ новыхъ приостановленъ; составляются въ межевомъ корпусѣ предположенія объ упраздненіи посредническихъ комиссій и посредниковъ по полюбовному размежеванію; внесено предположеніе министра внутреннихъ дѣлъ въ государственный совѣтъ о прекращеніи выписки «Сенатскихъ и Губернскихъ Вѣдомостей» для приходовъ; постепенно сокращается составъ губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій и мировыхъ посредниковъ. Другія ходатайства до сихъ поръ остаются отложенными или вовсе отстранены: таковы ходатайства о прекращеніи содержанія на земскія суммы статистическаго комитета; упраздненіе членовъ отъ правительства при мировыхъ съѣздахъ; прекращеніе высылки въ министерство внутреннихъ дѣлъ денегъ по осло-прививанію; упраздненіе канцелярій и самой комиссій народнаго продовольствія, освоенныхъ комитетовъ и комитетовъ народнаго здравія въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, на томъ основаніи, что дѣла по народному продовольствію и охраненію народнаго здравія перешли въ завѣдываніе земскихъ учреждений. Къ числу средствъ сбереженія земскихъ сборовъ и капиталовъ, чрезъ приумноженіе ихъ получаемыхъ на нихъ доходовъ, — можно отнести и разрѣшеніе отсылать на текущій предѣльный и

безпроцентный счетъ земскія суммы въ государственный банкъ, его конторы и городскіе банки, разрѣшенные вслѣдствіе ходатайствъ харьковскаго, с.-петербургскаго, казанскаго и рязанскаго губернскихъ собраній. Въ связи съ этимъ состоитъ и вопросъ о вознагражденіи губернскихъ и уѣздныхъ казначействъ за сохраненіе земскихъ суммъ и веденіе земскаго счетоводства, еще совершенно не уясненный и не выработанный земскими собраніями.

Въ прошедшемъ году, правительство опредѣлило средства, передаваемые имъ земству, или, другими словами, размѣръ предоставленныхъ ему капиталовъ продовольственнаго и общественнаго призрѣнія. Продовольственный капиталъ опредѣленъ къ передачѣ земству, какъ извѣстно, въ размѣръ 48 коп. на рязанскую душу, съ оставленіемъ болѣе половины его въ распоряженіи министерства внутреннихъ дѣлъ; но онъ пока не переданъ еще въ наличности всѣмъ земскимъ собраніямъ. Что касается благотворительнаго капитала, обращавагося въ приказахъ общественнаго призрѣнія до времени ихъ упраздненія, то капиталъ этотъ, прежде окончательнаго своего распредѣленія, только признанъ состоящимъ въ пользованіи тѣхъ губерній, приказамъ которыхъ онъ принадлежалъ. Изъ смѣтъ по содержанію богоугодныхъ заведеній въ различныхъ губерніяхъ—видно, что въ нѣкоторыхъ (какъ напр. въ Ярославской, Костромской, Полтавской) капиталы бывшихъ приказовъ на столько велики, что проценты съ нихъ, вмѣстѣ съ другими постоянными источниками доходовъ въ пользу богоугодныхъ заведеній, могутъ покрыть всѣ расходы, не требуя отъ земства, по крайней мѣрѣ на первое время, на содержаніе этихъ заведеній никакихъ пожертвованій. Въ другихъ губерніяхъ, капиталовъ такъ мало и проценты съ нихъ такъ ничтожны, что заведенія приказа немедленно требуютъ отъ земства серьезнаго пожертвованія, вмѣстѣ пособій, прежде получавшихся приказами отъ городовъ и отъ казны. Такъ: орловскій приказъ получалъ отъ казны пособіе въ 27,773 руб. ежегодно; по смѣтѣ на содержаніе калужскихъ богоугодныхъ заведеній открылся на 1866 годъ значительный дефицитъ въ 23,421 руб., такъ какъ капитала, принадлежавшаго калужскому приказу общественнаго призрѣнія— всего 50,409 руб., и кромѣ того на приказъ числится долгъ въ 10,925 руб., о сложеніи котораго со счетовъ земства ходатайствуетъ калужское губернское собраніе. Въ виду этой неравномѣрности средствъ приказовъ на покрытіе расходовъ по содержавшимся на ихъ счетъ богоугоднымъ заведеніямъ и вѣроятнаго прекращенія пособій со стороны казны и городовъ при поступленіи этихъ заведеній въ завѣдываніе земства, возникаетъ серьезный вопросъ: будутъ ли всѣ губерніи предоставлены собственнымъ средствамъ по содержанію богоугодныхъ заведеній, или капиталы бывшихъ приказовъ будутъ распредѣлены возможно уравнительно, т. е. съ отчисленіемъ отъ губерній наиболѣе изо-

блгующихъ этого рода капиталами въ пользу губерній, получающихъ ихъ въ самомъ, сравнительно, незначительномъ количествѣ и обремененныхъ долгами, какъ Калужская? Принципъ земскаго хозяйства, какъ мѣстнаго, предполагаетъ первый способъ, т. е. передачу въ распоряженіе каждой мѣстности всѣхъ числящихся на счету ея капиталовъ, безъ дальнѣйшаго разсужденія о сравнительномъ избыткѣ или недостаткѣ предназначенныхъ на извѣстную потребность и передаваемыхъ съ этою цѣлю средствъ; тѣмъ болѣе, что основанія для справедливаго и равномернаго распредѣленія капиталовъ общественнаго призванія между губерніями—подыскать весьма трудно, по неизмѣннѣ точныхъ и вѣрныхъ данныхъ о потребностяхъ по содержанию богоугодныхъ заведеній въ равныхъ губерніяхъ и необходимыхъ для того расходахъ, предстоящихъ на сколько-нибудь продолжительный срокъ. Нижегородская губернская управа, докладывая о средствахъ, переданныхъ приказомъ земству, пришла къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) что капиталы приказа въ настоящее время не только истощены, но и передаются земству съ неуплаченными за прошедшее время долгами, а заведенія требуютъ денежныхъ расходовъ, на покрытіе которыхъ никакой новый сборъ невозможенъ при нынѣшнихъ трудныхъ обстоятельствахъ; 2) что ежегодные расходы приказа на благотворительныя заведенія простирались до 65,000 руб., размѣра же будущихъ непрѣмѣнныхъ доходовъ, по уничтоженіи кредитной части и по невзвѣстности разчета съ государственнымъ банкомъ, съ точностію опредѣлить нельзя; 3) на бумажные знаки (облигаціи желѣзныхъ дорогъ), подверженныя неизбѣжному колебанію, земство расчитывать никакъ не можетъ; 4) приказы, кромѣ кредитныхъ операцій, имѣли еще и другія финансовыя привилегіи, собственно въ пользу благотворительныхъ заведеній, теперь навсегда прекратившіяся. Въ виду этихъ затрудненій, по предложенію управы, нижегородское собраніе рѣшило ходатайствовать, «чтобы въ замѣнъ кредитныхъ прибылей бывшаго приказа назначенъ былъ постоянный и всегда опредѣленный размѣръ ежегодныхъ субсидій отъ казны, на содержаніе благотворительныхъ заведеній, ассигнуемыхъ, впредь до окончательнаго прекращенія сихъ пособій. Вообще, капиталы общественнаго призванія, обращенные въ облигаціи Главнаго общества желѣзныхъ дорогъ и другія акціи, переданы земству безъ купоновъ, и проценты на нихъ платятся правительствомъ по номинальной цѣнѣ, лишая земство всѣхъ выгодъ при продажѣ купоновъ на биржѣ, вслѣдствіе повышенія курса (премій) на всѣ металлическія бумажки при сильномъ паденіи вексельнаго нашего заграничнаго курса. Не смотря на неопредѣленность имѣющихся въ рукахъ земства средствъ, многими изъ губернскихъ управъ приняты уже дѣятельныя мѣры къ улучшенію поступившихъ въ ихъ заведенія богоугодныхъ заведеній; для примѣра укажемъ на нижегородскую управу, заимствуя съ-

дѣнія изъ представленнаго ему доклада г. министру внутреннихъ дѣлъ, во время посѣщенія имъ Новгорода, для присутствованія при открытїи волновской земской богадѣльни (19-го октября 1866 года). На отлученную г. министромъ сумму 20,000 руб. устроена лечебница для больныхъ, одержимыхъ душевными болѣзнями на 40 человекъ (стоила 18,801 руб.), и при богоугодныхъ заведеніяхъ начато устройство фруктового сада и огорода, обведеннаго землянымъ валомъ, съ устройствомъ новаго пруда и очисткою стараго (4,071 руб.). Потребность въ разведеніи этого сада, новгородская управа объясняетъ слѣдующимъ образомъ:

«Губернской управѣ извѣстно, какихъ огромныхъ суммъ стоитъ государству содержаніе призрѣваемыхъ и вообще заключенныхъ; съ открытїемъ новаго судопроизводства, большая часть наказаній будетъ состоять въ заключеніи, и это удвоитъ непроеводительный расходъ. Губернская управа изыскивала средства сдѣлать возможно-производительными силы призрѣваемыхъ, и пришла къ заключенію, что это возможно исполнить нижеслѣдующимъ способомъ и тѣмъ возвращать хотя часть расходовъ, на нихъ употребляемыхъ: въ Новгородѣ и его окрестностяхъ довольно развиты садоводство и огородничество; близость Петербурга даетъ возможность сбывать произведенія, и многіе садоводы и огородники получаютъ хорошій доходъ, такъ, напримѣръ, монастырскій юрьевскій садъ даетъ дохода около 2,000 руб. Призрѣваемые не могутъ исполнять трудныхъ работъ, но поливать деревья и огородъ, полоть сорныя травы и, вообще, обрабатывать фрукты и овощи, не только могутъ, но и занятія эти принесутъ пользу ихъ здоровью; губернская управа полагаетъ, что на эти занятія можно употребить даже умаленныхъ, конечно, по назначенію и подъ наблюденіемъ врача. При разсмотрѣнїи съ этой точки зрѣнїя призрѣваемыхъ, оказывается, что соединенныя силы призрѣваемыхъ (около 140 человекъ) дадутъ возможность содержать значительный садъ и огородъ, который не только удовлетворитъ собственнымъ потребностямъ заведеній (теперь покупаемымъ), но, съ помощію Божіей, впоследствии можетъ дать доходъ. Для исполненія этихъ предположеній, губернская управа подготовила мѣстность для яблоннаго сада и огорода (всего до 6 десятинъ)».

При этомъ губернская управа обратила вниманіе и на острогъ, въ которомъ заключено до 500 силъ здоровыхъ и способныхъ работать, которыя томятся недостаткомъ дѣятельности; вокругъ же огорода расположены прекрасныя городскія земли, лежащія впустъ и ожидающія только рукъ. Управа полагала бы, что стоитъ соединить эти двѣ бездѣйствующія силы, и результаты будутъ крайне полезны. Со времени поступленія заведеній приказа въ распоряженіе новгородскаго земства (1½ года), управа сдѣлала слѣдующія распоряженія: она, «принявъ въ свое завѣдываніе благотворительныя заведенія 1-го мая прошлаго года,

первоначально обратила вниманіе на правильное распредѣленіе больныхъ и приврѣваемыхъ по соответствующимъ заведеніямъ. Въ больницѣ оказался значительный процентъ неизлечимо больныхъ, которые переведены въ богадѣльню, гдѣ пользуются медицинскою помощію. Этимъ распоряженіемъ очистились мѣста для временно-поступающихъ въ больницу, и управа получила возможность помѣщать всѣхъ доставляемыхъ къ ней больныхъ, и затѣмъ постоянно оставались свободны кровати, слѣдовательно, увеличилось число лицъ, получающихъ пособіе.

«На этомъ основаніи, при губернской земской больницѣ открыть ежедневно пріемъ приходящихъ за медицинскими совѣтами, что исполняетъ старшій земскій врачъ, г. Аренскій, безвозмездно и чрезвычайно добросовѣстно; недостаточнымъ больнымъ тутъ же выдаются безденежно лекарства, приготовляемыя въ больничной аптекѣ, а медикаменты покупаются у дрогистовъ по значительно меньшей цѣнѣ, чѣмъ у аптекарей, что дало возможность, не выходя изъ смѣтнаго на этотъ предметъ назначенія, помогать большому числу больныхъ. Число приходящихъ за временнымъ пособіемъ увеличивается, но желательно, чтобы оно было еще значительнѣе; къ величайшему сожалѣнію, народъ не любитъ больницы и предпочитаетъ медицинской помощи совѣты знахарей и своихъ сельскихъ лекарей. Только приведеніе земскихъ больницъ въ порядокъ, доступность для полученія совѣтовъ, безвозмездное полученіе лекарствъ и время могутъ уничтожить это предубѣжденіе.

Свидѣтельство публичныхъ женщинъ производится также въ губернской земской больницѣ. Еженедѣльный осмотръ ихъ далъ возможность короче узнать этихъ несчастныхъ; изъ числа ихъ оказались такія, которыя сознаютъ всю гнусность своего ремесла, но не имѣютъ возможности его оставить. Чтобы быть исключенной изъ списка публичныхъ женщинъ, нужно представить доказательства, что имѣются средства зарабатывать честными трудами пропитаніе и, кромѣ того, ручательство кого-нибудь изъ благонадежныхъ жителей. Исполненіе каждаго изъ этихъ условій до чрезвычайности затруднительно, но губернской управѣ, при тепломъ содѣйствіи медика г. Аренскаго, удалось устроить нѣсколькихъ несчастныхъ.

Земство, сознавая крайнюю необходимость доставить сельскому населенію знающихъ свое дѣло повивальныхъ бабокъ, вывало изъ крестьянокъ желающихъ, и помѣстило въ Петербургѣ въ родовспомогательномъ заведеніи 11 воспитанницъ съ платою за каждую по 75 руб. въ годъ. Въ мартѣ настоящаго года будутъ помѣщены еще 11 воспитанницъ, и этотъ комплектъ будетъ содержаться до тѣхъ поръ, пока уѣзды не получатъ достаточнаго числа бабокъ. Земскими воспитанницами начальство заведенія довольно, и, въ свою очередь, воспитанницы довольны своимъ положеніемъ; онѣ возвратятся домой, не утративъ

крестьянского характера, а потому можно надѣяться, что получать до-
вѣріе крестьянскихъ родильницъ.

Недостатокъ въ селеніяхъ фельдшероѵ также крайне ощутителенъ. Губернское собраніе предполагало устроить фельдшерское училище, но губернская управа, составивъ предварительный проектъ, увидѣла, что это потребуетъ большихъ средствъ и не достигнетъ желанныхъ результатовъ. Опытъ доказалъ, что всѣ сельскіе специалисты, какъ школьные учителя, фельдшера и повивальныя бабки, не найдутъ столько дѣла, чтобы оно могло занять все ихъ время, а чрезъ это своею спеціальностью не могутъ прокормить себя, и отъ нужды и праздно-
ности будутъ нравственно портиться. Чтобы избѣжать этого, необходимо, чтобы всѣ эти занятія были прибавкою къ главному, основному — крестьянскому. По этимъ соображеніямъ, губернская управа проситъ разрѣшенія у губернскаго собранія: фельдшероѵ отправить въ Петербургъ для обученія въ фельдшерское училище на короткій срокъ, но съ тѣмъ, чтобы они не потеряли крестьянскаго характера.

Въ домѣ умалишенныхъ часть больныхъ состоитъ изъ впавшихъ въ идиотизмъ или неизлечимыхъ, но совершенно покойныхъ и безопасныхъ. Больныхъ этихъ управа предполагаетъ перевести также въ богадѣльню, гдѣ будетъ приспособлена одна изъ камеръ, и за этими призрѣваемыми будетъ усиленъ надзоръ. Распоряженіемъ этимъ управа увеличитъ помѣщеніе для временно поступающихъ, такъ что устроеннаго дома на 40 человекъ на первое время будетъ достаточно для помѣщенія поступающихъ, какъ для наблюденія, такъ и для леченія. Важность устройства удобнаго дома для умалишенныхъ, съ введеніемъ судебной реформы, выставляется еще рѣзче. При гласномъ судопроизводствѣ часто будутъ являться случаи сомнѣнія въ умственныхъ способностяхъ подсудимыхъ или прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ, которыя будутъ отправляемы въ больницу. Возможно скорое и вѣрное опредѣленіе умственнаго состоянія этихъ лицъ будетъ имѣть большое вліяніе на дѣйствіе самаго закона; одинаково опасно невѣрное заключеніе, какъ утвердительное, такъ и отрицательное. Обстоятельство это выставляетъ крайнюю необходимость имѣть при заведеніяхъ опытнаго психіатра, хотя расходъ на этотъ предметъ будетъ значителенъ. По этому предмету губернская управа вошла съ нѣкоторыми лицами въ переписку.

Новгородская губернская управа, кромѣ того, обратила вниманіе, по содержанію богоугодныхъ заведеній, еще на одинъ важный предметъ: губернской управѣ извѣстно, что военное министерство предполагаетъ устроить во всѣхъ главныхъ городахъ военные госпитали и больницы, для отдѣльнаго леченія военныхъ больныхъ, и предвидитъ отъ этого устройства для *военнаго отдомства* значительную экономію.

Губернская управа убѣждена, что экономіи отъ отдѣленія леченія

военныхъ больныхъ положительно не будетъ, а содержаніе вообще городскихъ и земскихъ больницъ потребуетъ значительнаго пособія отъ правительства, безъ котораго онѣ не будутъ въ состояніи существовать.

За больныхъ военного вѣдомства, помѣщаемыхъ въ земскихъ и городскихъ больницахъ, платятъ то, *что дѣйствительно стоитъ содержаніе и леченіе больного*; для этого повсемѣстно собираются свѣдѣнія о цѣнахъ и опредѣляется эта стоимость. Средняя цифра содержанія и леченія больного военного вѣдомства въ мѣсяцъ составляетъ околом 15 рублей, а плата за больного гражданского вѣдомства взимается только по 7 руб. 50 коп., плата видимо недостаточная, и ежели къ этому прибавить недоимки, содержаніе и леченіе бѣдныхъ больныхъ гражданского вѣдомства бесплатныя, то плата эта еще значительно уменьшается. Изъ всего этого слѣдуетъ, что ежели военное министерство отдѣлится своихъ больныхъ, то единственно существующія земскія и городскія больницы потребуютъ пропорціональной экономіи и пособія или прекратятъ свое существованіе, и города, по примѣру уѣздовъ, останутся безъ всякой медицинской помощи.

Во многихъ губерніяхъ (напримѣръ, Харьковской, Нижегородской и др.), при приемѣ богоугодныхъ заведеній оказалось, что они требуютъ капитальныхъ сооруженій и исправленій, къ чему земствомъ и приступлено. Кромѣ того, земство увеличило жалованье медиковъ, усилило ихъ составъ (въ Костромской губерніи), измѣнило порядокъ содержанія больныхъ, увеличило составъ кроватей въ больницахъ, соразмѣрно дѣйствительной потребности (въ Нижнемъ на 100 кроватей), открыло бесплатныя кровати для неимущихъ (въ Нижнемъ до 100/0, т. е. 40 кроватей, въ Ветлугѣ 4 кровати на 40), сдѣлало опытъ замѣны въ больницахъ мужской прислуги женскою (въ Самарской губ.). Въ Черниговѣ губернская управа нашла возможнымъ въ теченіе года значительно улучшить содержаніе и одежду больныхъ и престарѣлыхъ, произвести большой ремонтъ зданій, и притомъ не только не вышла изъ прежнихъ смѣтъ, но сберегла 9 тыс. руб., и т. д.

Нижегородское собраніе, по предложенію управы, дабы дать средства больницъ удовлетворить всѣмъ необходимымъ расходамъ, признало необходимымъ увеличить доходы больницъ слѣдующимъ образомъ:

- 1) Привлечь городъ къ участію въ содержаніи бесплатныхъ кроватей.
- 2) Привлечь къ участію Нижегородскій уѣздъ, такъ какъ онъ болѣе другихъ, по близости, пользуется больницею и не несетъ расходовъ на содержаніе уѣздныхъ больницъ, обязательныхъ для другихъ городовъ.
- 3) Установить сборъ съ чернорабочихъ при предъявленіи паспортовъ:

съ трехмѣсячнаго 30 коп. сер., полугодоваго 60 коп., и годового 1 руб. 20 коп. За-то чернорабочіе, по примѣру столичныхъ больницъ, пользуются правомъ бесплатнаго помѣщенія, въ случаѣ болѣзни.

4) Установить сборъ съ публичныхъ женщинъ, вдвое противъ чернорабочихъ, такъ какъ онѣ поступаютъ въ больницу съ упорными болѣзнями.

Заговоривъ о земской бережливости, мы не можемъ не обратить вниманія нашихъ читателей еще на одинъ предметъ, поставленный въ зависимость, въ одинаковой степени, отъ заботливости самаго земства и отъ вниманія къ его ходатайству со стороны правительства.

Около 450,000 руб. сер. тратится земствомъ на содержаніе одного губернскаго управленія. Если предположить, что стоимость уѣздныхъ земскихъ управленій не превосходитъ 45,000 руб. на губернію ¹⁾, что составитъ 1,170,000 на всѣ 26 губерній, и что весь земскій бюджетъ составляетъ не свыше 7,000,000 руб. по 26 губерніямъ, мы увидимъ, что содержаніе самыхъ земскихъ учрежденій поглощаетъ болѣе 23%, т. е. *около четверти* всего земскаго бюджета. Надъ такимъ фактомъ стоитъ призадуматься, особенно, когда крайнія пробы оказались совершенно несостоятельными, когда стало равно очевидно, что лучшія силы не привлекаются чрезмѣрно возвышенными окладами, а безвозмездное служеніе земству такъ же бесплодно, какъ и ничтожное вознагражденіе, напоминающее всякіе копѣчные расчеты. На первое время, самымъ удобнымъ средствомъ представляется сокращеніе числа членовъ губернскихъ управъ, *соразмерно дѣйствительной потребности*, о чемъ уже ходатайствовали ярославское и владимирское собраніе. Въ послѣднемъ собраніи, гласный г. Солопниковъ совершенно справедливо выразился, что «нужды и требованія земства каждой губерніи разнообразны: если для одной губерніи достаточно 6 членовъ, то для другой будетъ мало или много. Одинъ только опытъ или развитіе дѣятельности губернскихъ управъ можетъ указать дѣйствительно потребное число чиновъ губернскихъ управъ». Впрочемъ, требованіе закона о 6 членахъ въ губернской управѣ на практикѣ уже обойдено многими управами, гдѣ за выѣздомъ членовъ не оказывается желающихъ занять вакансія: такъ, менѣе 6 членовъ въ Ярославлѣ, Костромѣ, Псковѣ и др. Съ этой точки зрѣнія нельзя не пожелать, чтобы ходатайство владимирскаго губернскаго собранія — о предоставленіи губернскому земскому собранію съ будущаго трехлѣтія права назначать число членовъ губернской управы по усмотрѣнію собранія — получило правительственное утвержденіе.

¹⁾ Въ дѣйствительности эта цифра чрезчуръ низкая: содержаніе губернскихъ управъ стоитъ въ Самарской губерніи 67,605 руб. (по 7 уѣздамъ), въ Нижегородской — 88,880, въ Полтавской — 84,440 руб. Симбирской — 52,120 руб., Харьковской — 62,415 руб. За то въ Пензенской — 42,457 руб.

Третью важнѣйшую потребность земскихъ учреждений составляетъ сохраненіе справедливости и равномѣрности въ составленіи земскихъ раскладокъ между различными предметами обложенія. До сихъ поръ въ составленіи раскладокъ, земскія собранія пользовались полною свободою, лишь бы показана была цѣнность и доходность облагаемыхъ предметовъ. Начальники губерній въ частныхъ случаяхъ протестовали противъ той или другой системы, но въ большей части случаевъ они соглашались съ окончательнымъ заключеніемъ губернскихъ собраній, и въ послѣднее время рѣдко переносили протесты свои въ правительствующій сенатъ, то утверждавшій постановленія губернскихъ собраній, то соглашавшійся съ губернаторами. Никакихъ опредѣленныхъ правилъ еще не существовало, да и некогда было еще имъ выработаться. Раскладка, по существу своему, есть дѣло чисто мѣстное, неподходящее ни подъ какія общія правила и основанное на возможно вѣрномъ, приблизительномъ исчисленіи относительной доходности различныхъ предметовъ обложенія. Пока такого математическаго исчисленія не существуетъ,—она удобнѣе всего замѣняется привычнымъ глазомѣромъ той среды, которая непосредственно участвуетъ въ мѣстномъ хозяйствѣ. Точно также, какъ для измѣренія земли можно руководствоваться или инструментомъ или глазомѣромъ опытнаго земледѣльца, но нельзя составить общихъ правилъ, дающихъ величину площади сколько-нибудь приблизительно, помимо двухъ этихъ средствъ,—точно также весьма трудно составить для раскладки общія нормы, помимо сравнительно-статистическаго изученія различныхъ губерній или самостоятельной оцѣнки самыхъ уѣздныхъ собраній. Въ этихъ трудахъ уѣздныхъ собраній замѣчалась пестрота и своеобразность, поразительныя при сравнительномъ ихъ изученіи,—но это было, отчасти, результатомъ разнообразія и пестроты мѣстныхъ условій, отчасти—послѣдствіемъ стараній различными фекціями объяснить тотъ инстинктивный глазомѣръ, который, при своей вѣрности, не поддается легко сознательному объясненію. Крестьянинъ-лѣсопромышленникъ, обойдя дачу, чрезвычайно вѣрно оцѣниваетъ ея стоимость; но попробуйте спросить его про тотъ умственный путь, которымъ онъ достигъ до объявляемой имъ цифры? Точно также многія уѣздныя собранія, при объясненіи раскладокъ, вводили данныя, явно невѣрныя и даже невозможныя, а между тѣмъ результатъ—распредѣленіе налога между предметами обложенія выходилъ на практикѣ довольно уравнивательный и ни съ чьей стороны не возбуждалъ жалобы. Очевидно, что такой результатъ распредѣлялся инстинктивно, *по мѣстнымъ соображеніямъ*, и къ нему уже послѣ поддѣлывалась объясняющая его фекція, выдуманная въ одномъ мѣстѣ ловко и сообразно съ дѣломъ, въ другомъ неловко, грубо и съ явными промахами. Таковъ былъ до сихъ поръ общій смыслъ земскихъ раскладокъ. Были между ними основанныя на

тщательной разработкѣ данныхъ, справедливыя и уравнительныя, которыя могли служить образцами; были, наоборотъ, на-скоро составленныя, съ явнымъ пристрастіемъ или съ нарушеніемъ равномерности, вслѣдствіе излишне тяжелаго обложенія какой-нибудь одной отрасли промышленности, — но это были исключенія въ хорошую или дурную сторону, и притомъ послѣднія могли быть легко направляемы путемъ, указаннымъ въ земскомъ положеніи: или посредствомъ протеста административной власти, или жалобой самой обиженной стороны. До послѣдней ноябрьской законодательной мѣры, высшее правитель-ство или, лучше сказать, законодательная власть вовсе не вмѣшивалась въ составленіе земскихъ раскладокъ. Въ ноябрѣ опубликовано Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта объ измѣненіи 9-й и 10-й статей временныхъ правилъ, въ слѣдующемъ видѣ:

Ст. 9. Губернскія и уѣздныя собранія могутъ назначать земскіе сборы только съ слѣдующихъ предметовъ: а) съ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ и уѣздахъ, какъ то: съ земель, жилыхъ домовъ, фабричныхъ, заводскихъ и торговыхъ помѣщеній и, вообще, всякаго рода зданій и сооружений; б) съ свидѣтельствъ на право торговли и промысловъ, билетовъ на торговые и промышленныя заведенія, и съ патентовъ на винокуренные заводы и заведенія для продажи питей.

Ст. 11. Общимъ основаніемъ размѣра обложенія служитъ цѣнность и доходность облагаемыхъ имуществъ. При обложеніи упомянутыхъ въ пун. А, ст. 9-я, фабричныхъ, заводскихъ и торговыхъ помѣщеній надлежитъ принимать въ расчетъ цѣнность и доходность *только самихъ помѣщеній*, не вводя въ оцѣнку ни находящихся въ нихъ предметовъ и издѣлій торга или промысла, ни торговыхъ и промышлен-ныхъ оборотовъ. Сборъ съ упомянутыхъ въ пун. Б, той же ст., сви-дѣтельствъ, билетовъ и патентовъ, опредѣляется процентами съ цѣны, платимой за тѣ свидѣтельства, билеты и патенты въ казну. Размѣръ этихъ процентовъ опредѣляется по усмотрѣнію земскихъ собраній, но въ общей сложности на губернскія и уѣздныя потребности не дол-женъ превышать: съ каждаго гильдейскаго свидѣтельства (1 и 2-го раз-рядовъ), а также патента на винокуренные заводы и заведенія для продажи питей 25% цѣны, вносимой съ нихъ въ казну, а со всѣхъ прочихъ торговыхъ и промысловыхъ свидѣтельствъ и билетовъ на со-держаніе открытыхъ торговыхъ и промышленныхъ заведеній 10% той цѣны.

Итакъ, новое законоположеніе вводитъ совершенно инныя основа-нія въ систему земскихъ раскладокъ вообще, и въ отношеніи къ про-мышленности въ особенности. Вообще оно, — сохраняя въ отношеніи ко всѣмъ прочимъ предметамъ обложенія колебанія, вызываемыя по-стояннымъ увеличеніемъ земскихъ сборовъ вслѣдствіе возрастающихъ расходовъ, — выгораживаетъ только промышленность и торговлю, для

которой опредѣленъ законодательный рубежъ или *обязательная сѣшая норма*, независимо отъ самыхъ земскихъ учреждений. Не взымаютъ ли эта мѣра установленія, законодательнымъ порядкомъ, относительной нормы и для всѣхъ другихъ предметовъ обложенія? или, — для разрѣшенія того же самаго вопроса другимъ путемъ — обязательнаго сокращенія земскихъ расходовъ въ предѣлахъ, принаровленныхъ къ установленной высшей нормѣ, въ отношенія къ промышленности и торговли? Въ частности, по этимъ двумъ отраслямъ производства возникаетъ цѣлый рядъ вопросовъ, требующихъ внимательнаго разрѣшенія:

1) Если есть возможность опредѣлить доходность *торговыхъ заведеній* «въ смыслѣ помѣщеній» по *наемной цѣнѣ* подобныхъ заведеній тутъ же или въ ближайшей мѣстности, то весьма трудно опредѣлить доходность въ этомъ смыслѣ *промышленныхъ заведеній* (куда относятся, между прочимъ, мельницы и маслобойни): промышленныя или фабричныя заведенія ббльшую частію не отдаются въ наймъ, а строятся самимъ фабрикантомъ и, слѣдовательно, наемной цѣны, какъ масштаба опредѣленія доходности, для нихъ не существуетъ. Въ глазахъ самаго фабриканта, они — не имущество, приносящее доходъ, и даже не предметъ пользованія, а чистая *затрата*, издержка производства, постоянное погашеніе которой онъ вводитъ въ свой коммерческій расчетъ. И потому единственный исходъ есть оцѣнка этихъ зданій *по стоимости затраченнаго капитала для ихъ возведенія*. Но такая оцѣнка далеко неуравнительна; объясню примѣромъ: я — ювелиръ, живу скромно въ небольшомъ домѣ, работаю вмѣстѣ съ 5—6 мастерами въ одной комнатѣ, а въ залѣ поставлю шкафы съ вещами и продаю дома тысячь на 100, чистаго дохода получаю тысячь 20; для ювелира 20%, вовсе немного при хорошей продажѣ. У сосѣда кожевенный заводъ, на которомъ работаетъ до 60 рабочихъ, и помѣщается онъ въ нѣсколькихъ каменныхъ корпусахъ; производство завода тоже на 100,000, чистой прибыли 10,000. Съ моего дома земство не имѣетъ права взять больше, чѣмъ со всѣхъ остальныхъ небольшихъ домовъ, а если оно возьметъ съ моего сосѣда за всѣ его каменные корпуса, по стоимости ихъ возведенія, то онъ, пожалуй, не досчитается своихъ 10% чистаго дохода. Въ лѣсоизобильныхъ мѣстностяхъ есть весьма значительные заводы, напримѣръ, смоляные и дегтярные, устраиваемые почти подъ открытымъ небомъ, но, тѣмъ не менѣе, приносящіе значительный доходъ. Такъ, въ Петербургѣ доходъ съ фабричныхъ помѣщеній опредѣляемъ былъ по соображенію: во что обошелся бы наемъ строения, если бы оно отдѣлено было для жилья. По этому случаю г. Веселовскій ¹⁾

¹⁾ «Зал. Р. Геогр. Общ.», кн. III. Статистика недвижимыхъ имуществъ въ С.-Петербурѣ.

замѣчаетъ (стр. 79 и 80), что «въ отношеніи къ промышленнымъ помѣщеніямъ, доходность была опредѣлена сравнительно ниже другихъ статей, ибо наемъ фабричнаго строенія всегда дороже, чѣмъ наемъ одной съ нимъ величины жилого дома». Такой способъ опредѣленія доходности промышленныхъ помѣщеній явно несправедливъ въ отношеніи къ другимъ домохозяевамъ, а для болѣе точнаго — нѣтъ никакого руководящаго правила. Если допустить, что основаніемъ оцѣнки долженъ служить употребленный матеріалъ, а для опредѣленія доходности — наемная плата, какая могла бы быть получена владѣльцемъ, при передачѣ зданія подъ фабрику другому лицу, то въ первомъ случаѣ пришлось бы брать налогъ съ *цѣнности* фабрикъ и заводовъ недѣйствующихъ, а во второмъ опредѣлять *доходность* зданія или совершенно фактивно, или на основаніи доходности самой фабрики, такъ какъ, чѣмъ она доходнѣе, тѣмъ большую *могъ бы дать* наемную плату владѣлецъ фабрики собственнику зданія, еслибъ это были равныя лица. Но при послѣднемъ основаніи, недѣйствующія фабрики вовсе не подлежали бы обложенію, какъ *недоходныя*, не смотря на огромное, быть можетъ, количество кирпича, которое на нихъ пошло, а это противорѣчило бы необходимости принимать въ расчетъ *цѣнность* зданій, и т. д.

Наконецъ, если говорить о *доходности* помѣщеній подъ фабрики и заводы, то такой доходности почти не существуетъ, такъ какъ нерѣдко, когда фабрика, по невозможности вести дѣла, закрывается, то помѣщеніе ея продается... по цѣнѣ остающагося годнымъ кирпича. Такимъ образомъ, понижая до самой незначительной цифры сборъ съ торговыхъ свидѣтельствъ, фабрикъ и заводовъ, новый порядокъ какъ бы выдѣляетъ изъ среды земства цѣлый торгующій классъ, а, между тѣмъ, представители этого класса, пользуясь одинаковыми со всѣми другими правами, могутъ настаивать на введеніи тѣхъ другихъ или земскихъ расходовъ, въ которыхъ они такъ мало будутъ участвовать своими денежными средствами.

2) Если земская раскладка сбора съ промышленниковъ и торгующихъ лицъ *подчинена* дѣйствующему положенію о пошлинахъ за право торговли и другихъ промысловъ, и не можетъ идти въ разрѣзъ съ съ нимъ, то лица, имѣющія по тому уставу право на производство торговли и промысловъ *безъ платежа пошлины*, не могутъ быть привлечены къ земскимъ сборамъ иначе, какъ *въ качествѣ владѣльцевъ недвижимой собственности*. Такими лицами являются:

а) Производящіе оптовый и мелочный торгъ съ воезвѣ, судовъ и лодокъ, на рынкахъ, площадяхъ и пристаняхъ—льномъ, пенькою, хлѣбомъ, скотомъ, птицею, лѣсомъ, дровами и другими произведеніями, — не платятъ никакихъ пошлинъ въ казну, слѣдовательно, земство можетъ получить доходъ только съ владѣльца площади в пристани, если

эти мѣстности доставляютъ ему какой-нибудь доходъ. Между тѣмъ, въ лѣсныхъ губерніяхъ, гдѣ торговля лѣсомъ производится въ большихъ размѣрахъ и составляетъ единственный *промыслъ* всего населенія, во многихъ уѣздахъ введенъ двойной налогъ: *поземельный* съ числа десятины лѣсной дачи, и *польский*, съ количества выработке лѣсныхъ издѣлій. На основаніи этого налога владѣльцы значительныхъ лѣсныхъ дачъ, получающіе отъ 10 — 15,000 *валового* дохода, платятъ въ земскій налогъ до 3,000 р., а торговцы рогожами, напримѣръ, привозящіе сырье изъ другихъ уѣздовъ и занимающіе тысячи ружь точкою этого матеріала, отправляемаго за предѣлы уѣзда, — не смотря на то, что производятъ такимъ образомъ на сотню тысячъ и получаютъ десять тысячъ *чистаго* дохода — не платятъ ничего.

б) Землевладѣльцы въ своихъ имѣніяхъ могутъ на землѣ у нихъ въ собственности, въ пользованіи или въ арендѣ содержать безъ платежа въ казну склады, дворы, амбары и лавки для продажи изъ нихъ предметовъ своего хозяйства: лѣсу, хлѣба и пр. Слѣдовательно, эти заведенія могутъ быть обложены земскимъ налогомъ, только какъ предметъ недвижимой собственности. Къ этой же категоріи относятся: а) ремесленные, фабричныя и сельско-хозяйственные заведенія, а также всякаго рода мельницы, въ уѣздахъ содержимыя на своихъ земляхъ или крестьянами въ предѣлахъ ихъ надѣла, если имѣютъ не болѣе 16 работниковъ и не приводятся въ движеніе паровыми двигателями (Полож. ст. 6, 7 и 8); б) механическія заведенія и химическіе заводы (ст. 4, п. ж.), книжные магазины (тамъ же п. з.) Въ напечатанной мною послѣдней статьѣ о «городскомъ хозяйствѣ» («Вѣстн. Евр.» № IV за 1866 г.) я на основаніи «частныхъ положеній о городскихъ доходахъ» доказалъ, что

1) Вниманіе сборовъ въ пользу городовъ, промышленныхъ и торговыхъ заведеній, а равно предметовъ торга на площадяхъ, пристаняхъ и базарахъ, — началось съ обложенія этихъ заведеній въ качествѣ *недвижимыхъ зданій*, и предметовъ торга и *посаженной почвы за занимаемое пространство*. Жизнь тотчасъ же указала всю несправедливость такого обложенія, и позднѣйшія частныя положенія ввели уже оцѣнку промышленныхъ заведеній въ смыслѣ оборотовъ известнаго промысла, на основаніи количества выдѣляемыхъ продуктовъ, размѣровъ производства или назначенія общей нормы, смотря по роду дѣятельности завода. При неопредѣленности статей земскаго положенія, земскія учрежденія прямо и приступили къ этой системѣ обложенія, признанной законодательствомъ для городовъ, — какъ болѣе справедливой и уравнительной. Новое законоположеніе вводитъ для земскихъ учрежденій основанія, уже признанныя несостоятельными для городовъ и лишаящія земство значительной части дохода, вмѣстѣ

съ лишеніемъ возможности справедливаго и уравнительнаго распре- дѣленія налога между плательщиками.

2) Что существующій у насъ промышленный сборъ всею своею тяжестью лежитъ на мелкихъ промышленникахъ.

Достаточно сказать, что, напримѣръ, въ Петербургѣ купецъ, тор- гующій на милліоны, можетъ заплатить въ казну:

За свидѣтельство 1-й гильдіи	265 р.
За билетъ на торговое заведеніе	30 »
Итого.	295 р.

Мѣщанинъ, торгующій въ овощной лавочкѣ на нѣсколько сотъ рублей, долженъ заплатить:

За свидѣтельство на мелочной торгъ	20 р.
За билетъ на лавку	10 »
Итого.	30 р.

т. е. милліонеръ платитъ только въ десять разъ больше мелочнаго торговца, выручающаго только на скудный прожитокъ съ семьей. Пока земство имѣло право рассчитывать свой налогъ пропорціонально опредѣленному имъ размѣру торговыхъ оборотовъ, оно могло сколько-нибудь уравнивать платежъ съ крупныхъ торговцевъ, какъ въ отно- шеніи къ мелкимъ, такъ и въ отношеніи къ землевладѣльцамъ. Те- перь же, когда земскій налогъ опредѣленъ съ свидѣтельствъ 1 и 2-го разрядовъ не свыше 25% (73 р. 75 к. въ приведенномъ выше слу- чаѣ), земству приходится воспользоваться разрѣшеніемъ возвысить до 10% налогъ съ мелкихъ торговцевъ, и затѣмъ дефицитъ по раскладѣ, недостающій съ крупныхъ торговцевъ и промышленниковъ, перенести на земли, т. е. на предметы и безъ того обложенные во многихъ гу- берніяхъ самыми тяжелыми повинностями, и все это для того, чтобы облегчить лица, наименѣе привлеченныя изъ всѣхъ платящихъ со- словій къ государственнымъ платежамъ. Если бы земскимъ собраніямъ прямо предоставлено было право облагать и свидѣтельства, и про- мышленные обороты, то налогъ на торговый классъ, въ общей слож- ности далеко не особенно тяжелый, падалъ бы на лица, имѣющія пол- ную возможность выносить его. Между тѣмъ, установленіе нормы на- лога для одного торговаго сословія можетъ повлечь за собою то, что земство, считая торговый классъ какъ бы выдѣленнымъ изъ своей среды, будетъ смотрѣть на налогъ, имъ платимый, какъ на субсидію изъ посторонняго источника, и всегда будетъ брать maximum налога, независимо отъ размѣра обложенія другихъ предметовъ. Тогда въ нѣ- которыхъ мѣстностяхъ налогъ на торговый классъ безъ надобности увеличится и, притомъ, неравномѣрнымъ образомъ, такъ какъ сборъ

съ фабрикъ и заводовъ перейдетъ на торговня сандѣтельства, за которыя и богатый и бѣдный платитъ одинаково. Законъ 21-го ноября не замедлилъ вызвать протестъ со стороны земскихъ учреждений (въ новгородскомъ, московскомъ, с.-петербургскомъ, тамбовскомъ и др. собраніяхъ).

Въ Московской губерніи, для уравнительнаго обложенія фабрикъ была составлена губернскою управой, изъ людей спеціально знакомыхъ съ предметомъ, особая коммиссія, которая рассчитывала окончить свои занятія къ январю 1867 года. Высшимъ налогомъ были обложены питейныя заведенія, какъ наименѣе полезныя для народа. Коммиссія для пересмотра уѣздныхъ смѣтъ раздѣлила расходы на три разряда: обязательные (содержаніе учреждений и должностей), необходимые (содержаніе уѣздныхъ управъ, уплата долговъ по холернымъ расходамъ и по устройству дорогъ), и — полезные (развитіе матеріальнаго и нравственнаго благосостоянія жителей, каковы, напримѣръ, народное образованіе и врачебная часть). Примѣняя новыя условія закона 21-го ноября для уѣздныхъ смѣтъ, она нашла, что въ четырехъ уѣздахъ не покрываются первые два разряда расходовъ, въ четырехъ другихъ уѣздахъ не покрываются необходимые расходы; наконецъ, полезные расходы, не смотря на исключеніе уплаты долговъ изъ всѣхъ смѣтъ, не покрываются во всѣхъ 13 уѣздахъ. При новомъ перенесеніи налога, фабрики, заводы и другія строенія въ расчетъ приняты не были, за невозможностью произвести въ короткое время переоцѣнку. Поэтому средняя цифра поземельнаго налога по губерніи, за исключеніемъ частныхъ и натуральныхъ повинностей, достигла до 12 к. съ десятины.

Потому московское собраніе признало:

1) Вслѣдствіе новаго закона, правильное и равномерное распределеніе земскаго сбора между предметами, подлежащими обложенію, становится невозможнымъ. 2) Вслѣдствіе этого измѣненія и въ виду могущихъ произойти другихъ еще измѣненій, земство Московской губерніи принуждено будетъ оставить нѣкоторые предметы безъ обложенія на 1867 годъ, не будучи въ состояніи отнестись къ такому обложенію съ тою безусловною справедливостію, которая обязательна при земскихъ сборахъ. 3) Земство принуждено ограничить свою дѣятельность однимъ своевременнымъ покрытіемъ обязательныхъ и необходимыхъ расходовъ, сокративъ до крайнихъ предѣловъ всякіе полезные расходы по губерніи, между тѣмъ, какъ эти именно расходы должны были по возможности удовлетворить тѣмъ надеждамъ, которыя были возбуждены повсемѣстно земскими учреждениями. 4) Новый законъ, измѣняющій редакцію 9 и 11-й статей Высочайше утвержденныхъ «временныхъ правилъ 1-го января 1864 г.», вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняетъ, по самому существу, и все «Положеніе о земскихъ учрежденияхъ».

Новгородское собраніе нашло, что если обложить земли и другіе

предметы соответственно налогу, опредѣленному новымъ закономъ для торговаго класса, то получится 193,481 р., тогда какъ однихъ обязательныхъ расходовъ предстоитъ къ выполнению въ 1867 г. 412,604 р. Чтобы сохранить равновѣрность обложенія, собраніе должно было прибѣгнуть къ слѣдующимъ мѣрамъ: 1) По дорожной повинности не производить новыхъ сооруженій, и ограничиться ремонтомъ и исправленіемъ дорогъ, нѣмѣ лежащихъ на губернской сборѣ, и имѣть это въ виду и при исполненіи расходовъ, назначенныхъ по смѣтѣ 1867 г.; 2) проектированное уравненіе дорожной повинности и перечисленіе на губернской денежный сборъ нѣкоторыхъ дорогъ, мостовъ и перевозовъ по ходатайству уѣздныхъ собраній, отмѣнить, оставляя ихъ на уѣздной повинности, денежной или натуральной; 3) исключить изъ смѣты расходы по народному образованію (на женскую гимназію, читальню въ Новгородѣ и лютеранскую школу), по народному здравію (содержаніе врача при губернской управѣ и пансіонерокъ въ родовспомогательномъ институтѣ) и на мѣры противъ повальныхъ болѣзней, и 4) наконецъ, имѣть въ виду сокращеніе расходовъ на жалованье членовъ губернской управы и другія надобности.

Эта инструкція новгородскаго собранія получаетъ особенный смыслъ, если принять въ соображеніе, что и другія губернскія и уѣздныя собранія самою силою вещей будутъ вынуждены къ подобному образу дѣйствій.

Съ другой стороны, земскія учрежденія обратили вниманіе на весьма важный вопросъ: *изысканіе новыхъ предметовъ обложенія*, не указанныхъ дѣйствующимъ положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ. Одни (с.-петербургское и смоленское губернскія собранія) оставили этотъ вопросъ открытымъ, другія прямо указали эти новые источники:

1) Многія собранія (калужское, нижегородское 1-е тверское, псковское 2-е) указываютъ на необходимость *обложенія проходящихъ гуртовъ*, какъ это допускается уже во многихъ городахъ по частнымъ положеніямъ о городскихъ доходахъ. Основанія для обложенія гуртовъ, высказанныя въ земскихъ собраніяхъ, были: 1) что гурты главнымъ образомъ разносятъ скотскую заразу по трактамъ, укореняющуюся въ мѣстностяхъ, гдѣ они проходятъ, и оттуда распространяющуюся по цѣлымъ губерніямъ; 2) что гурты портятъ дороги и мосты и тѣмъ возвышаютъ издержки подорожной повинности; а потому и сборъ съ нихъ предназначается различными собраніями на улучшеніе путей сообщенія, устройство ветеринарной полиціи и т. д. Но, въ виду возраженій, что налогъ съ гуртовъ подниметъ цѣну на говядину—предметъ необходимаго потребленія, вопросъ о налогѣ съ гуртовъ не былъ разрѣшенъ окончательно собраніями.

2) *Сборъ съ судовъ*. Вслѣдствіе наблюденія, что скотскія заразы

главнымъ образомъ развиваются на путяхъ бичевой тяги судовъ, въ ярославскомъ собраніи, по предложенію гласнаго г. Фогеля, и въ новгородскомъ, возбужденъ былъ вопросъ объ обложеніи сборомъ судовладельцевъ, на предметъ вознагражденія пострадавшихъ отъ скотскихъ падежей и на устройство ветеринарной полиціи.

3) *Сборъ съ мостовъ и переправъ*, для пособія къ ихъ устройству. Вопросъ этотъ былъ возбужденъ въ калужскомъ, нижегородскомъ и псковскомъ 2-мъ собраніяхъ. Въ нижегородскомъ, гласный крестьянинъ Богдановъ протестовалъ противъ его незаконности и обременительности для населенія. Въ калужскомъ и нижегородскомъ, вопросъ этотъ остался нерѣшеннымъ. Въ псковскомъ возникъ вопросъ: отмѣнять ли ст. 68 полож. о зем. учрежд., дозволяющая назначеніе сборовъ съ проходящихъ и проѣзжающихъ по земскимъ мостамъ 841 ст. I ч. XII т. уст. пут. сообщ., по которой запрещается взимать какой-либо сборъ съ проѣзжающихъ чрезъ мосты *постоянные* каменные или деревянные и разрѣшается сборъ ст. 543-й только съ пловучихъ мостовъ. Въ самарскомъ 2-мъ собраніи, напротивъ, возникъ вопросъ о принятіи на земство моста чрезъ рѣку Самару и перевоза, на томъ только основаніи, чтобы уничтожить сборъ, установленный городомъ. Воронежское собраніе, по заявленію гласнаго Фирсова, поручило управѣ распорядиться о прекращеніи противозаконныхъ сборовъ съ проѣзжающихъ по мостамъ и плотинамъ, отнесеннымъ къ натуральной повинности мѣстныхъ жителей по Острогожскому уѣзду.

4) *Вопросъ о сборѣ со льна*, отправляемаго за границу, въ размѣрѣ 1% съ рубля стоимости, возникшій въ псковскомъ 2-мъ собраніи, отложенъ до слѣдующей сессіи.

5) *Обложеніе помѣщичьихъ оброковъ*. Вопросъ этотъ возбужденъ былъ въ ярославскомъ собраніи по поводу могольской раскладки, и потомъ въ костромскомъ и новгородскомъ. Мѣстные обстоятельства, вызвавшія его, таковы: земля, оставшаяся за надѣломъ въ сѣверной полосѣ, не имѣетъ никакой цѣнности, и потому часть земскаго налога, распределяемая между мѣстными землевладѣльцами по пространству принадлежащей имъ дачи, ложится очень тяжело и неравномѣрно. Многие богатые землевладѣльцы, имѣвшіе мало земли, при населенныхъ имѣніяхъ, сдали ее «въ цѣлости крестьянамъ»; бѣдные землевладѣльцы, напротивъ, имѣли много земли, много удержали поэтому за собою послѣ нарѣзки крестьянамъ и обязаны платить значительный налогъ въ пользу земства, не получая съ земель дохода. Чтобы разравнять часть земскаго налога, падающую на долю землевладѣльцевъ, могольское собраніе привлекло и помѣщичьи оброки, въ смыслѣ поземельной ренти. Могольская раскладка, въ виду мѣстныхъ обстоятельствъ, утверждена единогласно ярославскимъ собраніемъ (2-й сессіи), гдѣ большинство были сами землевладѣльцы; но подобное предложеніе, возбужденное

при тѣхъ же самыхъ условіяхъ въ костромскомъ и новгородскомъ собраніяхъ, было отвергнуто значительнымъ большинствомъ. По протесту начальника Ярославской губерніи, мологская раскладка, утвержденная губернскимъ собраніемъ, кассирована правительствующимъ сенатомъ.

Мы коснулись пока однихъ условій дѣятельности земства за истекшій годъ; въ слѣдующей статьѣ приступимъ къ очерку дѣятельности земскихъ учреждений по главнымъ предметамъ, которые поручены ихъ заботливости самымъ «Положеніемъ», и начнемъ, именно, съ уравниенія натуральныхъ повинностей.

Н. БОЮПАНОВЪ.

II.

ГОРОДСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ОБЩЕСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНІЕ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Статья первая.

Постоянные дефициты въ городскомъ бюджетѣ. — Мнѣніе государственнаго совѣта 1863 г. — Становленіе думы привести городское хозяйство въ порядокъ. — Городскіе доходы въ 1867 году. — Источники доходовъ. — Недвижимыя имущества. — Промыслы. — Предложеніе г. губернатора о возвышеніи пошлины за мелочной торговлѣ въ разность. — Случайные доходы. — Сборъ съ промышленныхъ заведеній. — Причины упадка трактирныхъ заведеній. — Сборъ съ городскихъ общественныхъ имуществъ. — Косвенные налоги. — Доходы вспомогательные. — Вопросъ о питательной торговлѣ въ экономическомъ и нравственномъ отношеніи. — Городскіе расходы въ 1867 году. — Невычисленные, дополнительные и посторонніе расходы, и ходатайство думы по поводу послѣднихъ. — Несоразмѣрность въ распредѣленіи всего расхода. — Становленіе думы къ его уменьшенію. — Новые штаты петербургской полиціи. — Расходы по строительнымъ работамъ. — Устройство Сѣнной площади и городской скотобойни. — Причины дороговизны мяса. — Городское освѣщеніе и наблюденіе за нимъ.

Ознакомивъ читателей въ общихъ чертахъ съ нашимъ современнымъ городскимъ общественнымъ управленіемъ *), мы намѣрены теперь приступить къ обзору дѣятельности нашего самоуправления въ Петербургѣ, Москвѣ и Одессѣ, преимущественно за послѣднее время.

Обращаясь прежде всего къ Петербургу, какъ старѣйшему изъ городовъ, надѣленныхъ преобразованнымъ въ 1846 году городскимъ устройствомъ, и его хозяйству, мы не ошибемся, если скажемъ, что главнѣйшею задачею, занимавшею все время городскую думу, было — *возможное приведеніе въ равновѣсіе городскихъ доходовъ и расходовъ*. Дѣло это, конечно, не легкое въ виду того, что въ теченіе 14 лѣтъ, съ 1850 по 1864 годъ, ни разу городскіе доходы не оказывались до-

*) См. выше, 1866, т. III, отд. V, стр. 58 и слѣд.

статочными для удовлетворенія расходовъ, и въ результатъ ежегодно являлся дефицитъ самаго почтеннаго размѣра. Такъ, въ теченіе этихъ 14 лѣтъ, мѣнимымъ дефицита доходилъ въ 1855 году до 85,646 р., и наибольшимъ простирался въ 1859 году до 1,127,689 рублей. На это обратило наконецъ вниманіе и правительство.

Государственный совѣтъ, при разсмотрѣніи городской росписи на 1863 годъ, въ мнѣніи, Высочайше утвержденномъ, выразилъ, «что ежегодно повторяющіеся дефициты въ бюджетахъ здѣшней столицы, дальнѣйшее допущеніе коихъ неизбѣжно повело бы къ совершенному истощенію городскихъ неприкосновенныхъ капиталовъ, имѣющихъ особня назначенія, очевидно указываютъ на необходимость въ принятіи неотложныхъ мѣръ къ восстановленію, по возможности, равновѣсія въ городскихъ доходахъ и расходахъ; но мѣры эти, по мнѣнію государственнаго совѣта, должны заключаться не столько въ увеличеніи налоговъ существующихъ и въ учрежденіи новыхъ, сколько въ сокращеніи производимыхъ изъ городской казны расходовъ вообще. Какъ извѣстно, возвышеніе налоговъ, въ какихъ бы видахъ оно ни происходило, всегда болѣе или менѣе сопряжено съ увеличеніемъ цѣнъ на всѣ предметы потребленія, а слѣдовательно, и на тѣ, которые входятъ въ кругъ городского хозяйства. Посему при существующей уже у насъ всеобщей дороговизнѣ, къ увеличенію городскихъ сборовъ можно приступить только съ крайнею осторожностью тѣмъ болѣе, что въ недавнее время въ пользу государственнаго казначейства учрежденъ сборъ съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ, простиравшійся по Петербургу до 300,000 р. въ годъ. Напротивъ того, соблюденіе въ городскихъ расходахъ должной экономіи и устраненіе по возможности расходовъ, прямо къ обязанности города не относящихся, безъ сомнѣнія, представляютъ надежнѣйшій путь къ достиженію успѣшнаго въ семь дѣлѣ результата.» Поправлять разстроенное хозяйство — дѣло не легкое. Прежде всего, конечно, большое значеніе въ хозяйствѣ имѣютъ источники доходовъ и самый способъ ихъ вниманія. Но если въ нашемъ государственномъ хозяйствѣ источники доходовъ не опредѣлены до сихъ поръ вполне правильно и рационально, то трудно требовать, чтобы Петербургъ являлся какимъ-то счастливымъ оазисомъ, въ которомъ вдругъ явилось бы правильное хозяйство, сообразное со всѣми выводами экономической науки.

Однако, городское управленіе сознало, наконецъ, необходимость преобразованій въ этомъ отношеніи, и уже въ 1863 году образована была *Комmissia для пересмотра источниковъ городскихъ доходовъ*. Докладъ этой комиссіи еще не разсмотрѣнъ весь общаю думою, а потому оставимъ его пока въ сторонѣ, и постараемся предварительно уяснить себѣ, что сдѣлала петербургская дума къ улучшенію своего хозяйства съ 1863 года, когда оно, по мнѣнію государственнаго совѣта,

было такъ разстроено. Приступимъ прямо къ обобрянію городскихъ доходовъ и расходовъ Петербурга на 1867 годъ, въ связи съ различными вопросами, которые по нимъ возникали. Хотя, конечно, доходы и расходы, вносимые въ роспись, еще государственнымъ совѣтомъ не утвержденную, представляются не болѣе, какъ исчисленіями предположительными, но, такъ какъ предположенія эти основаны, или на заключенныхъ городомъ контрактахъ, или на основаніи трехлѣтней сложности дѣйствительно произведенныхъ издержекъ и полученныхъ доходовъ, то смѣтные исчисления могутъ дать близкое понятіе о дѣйствительныхъ расходахъ и доходахъ столицы вообще, а, слѣдовательно, характеризировать положеніе ея хозяйства.

По смѣтнымъ предположеніямъ на 1867 годъ, исчислено всего городскихъ доходовъ на *3,091,495 рублей*, главнымъ образомъ по слѣдующимъ статьямъ: 1) по сбору съ городскихъ общественныхъ имуществъ и оброчныхъ статей 323,323 р.; 2) по отдѣльному сбору съ частныхъ недвижимыхъ имуществъ 1,245,671 р.; 3) по налогамъ на промышленниковъ 483,170 р.; 4) съ торговыхъ и промышленныхъ заведеній 351,316 р.; 5) по налогамъ косвеннымъ 232,723 р.; 6) по доходамъ вспомогательнымъ 85,172 р.; и 7) по доходамъ случайнымъ 423,439 рублей.

Изъ всѣхъ приведенныхъ доходныхъ статей первое мѣсто, по значительности своей, занимаетъ сборъ съ частныхъ недвижимыхъ имуществъ. Сборъ этотъ составляетъ 10% отъ чистаго дохода съ недвижимыхъ имуществъ, и онъ, быть можетъ, не былъ бы тяжелъ, если бы, кромѣ него, недвижимыя имущества не платили еще большого государственнаго налога. Но въ 1863 году, послѣдовалъ Высочайшій указъ о налогѣ съ недвижимыхъ имуществъ въ пользу государственной казны до 329,000 р. въ годъ. Налогъ этотъ былъ объявленъ сначала временнымъ, но затѣмъ обращенъ въ постоянный. Такимъ образомъ, въ настоящее время сборъ съ недвижимыхъ имуществъ столицы въ пользу города и государственной казны составляетъ до 13% съ чистаго дохода. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что въ пользу города ничего не платятъ имущества, принадлежащія казенному, дворцовому и другимъ вѣдомствамъ, хотя они пользуются всѣми, если еще не бѣлыми, удобствами городской жизни, и общая дума еще въ 1861 и 1864 годахъ признала необходимымъ подчинить отдѣльному, въ пользу города, сбору всѣ недвижимыя имущества, отъ которыхъ получается казенными и другими вѣдомствами доходъ, наравнѣ съ частною собственностью, распространивъ это правило на отдаваемые въ наемъ зданія, принадлежащія какъ православнымъ и иновѣрческимъ церквамъ, такъ и духовнымъ лицамъ, безъ различія исповѣданій. Почти одновременно съ новымъ государственнымъ налогомъ на частныя недвижимыя имущества, послѣдовало пониженіе доходовъ съ этихъ иму-

щество, какъ отъ чрезмѣрнаго увеличенія новыхъ домовъ, такъ и отъ того, что значительная часть землевладѣльцевъ, жившихъ въ Петербургѣ, съ разрѣшеніемъ крестьянскаго вопроса, уѣхали въ свои деревни. Очень естественно, что все это вмѣстѣ поставило въ затрудненіе многихъ домовладѣльцевъ, и первымъ послѣдствіемъ этого было быстрое увеличеніе недоимокъ по городскому сбору, цифра которыхъ, въ теченіе трехъ лѣтъ, съ 374,000 р. возрасла до 614,000. Хотя относительно взыскапія налога въ государственную казну установлены строгія мѣры, но и по этому налогу за 1865 годъ оказалось въ недоимкѣ около 15,000 рублей. Вообще, недвижимая собственность въ Петербургѣ съ нѣкотораго времени отъ различныхъ причинъ не доставляетъ даже тѣхъ умѣренныхъ, болѣе или менѣе положительныхъ доходовъ, на которые прежде могли рассчитывать владѣльцы, и потому самая продажа домовъ стала затруднительна даже при значительно понизившихся цѣнахъ, и, вообще, являются рѣдко лица, желающія затрачивать свои капиталы на приобрѣтеніе недвижимой собственности въ Петербургѣ.

Вторымъ, по значительности собираемой суммы, представляется налогъ на промышленниковъ, исчисленный на 1867 годъ въ размѣрѣ 483,170 р. Эта сумма налога распредѣляется между пятнадцатью разнородными сборами, изъ которыхъ болѣе крупныя цифры представляютъ: сборы съ купцовъ около 124 тысячъ; сборъ съ лицъ, живущихъ по адреснымъ билетамъ, около 180 тысячъ; сборъ съ промышленяющихъ извозомъ—61,587 р.; и сборъ съ временно-цеховыхъ ремесленниковъ—28,298 р. Изъ всѣхъ этихъ сборовъ самымъ тяжелымъ представляется сборъ съ адресныхъ билетовъ, какъ налогъ на личный трудъ, тягостный для бѣднаго класса жителей, съ котораго онъ преимущественно взимается, а потому и петербургская общая дума не только не полагаетъ его увеличить, но желаетъ его отменить при первой возможности. Доходъ съ купеческихъ свидѣтельствъ, представляющій теперь весьма почтенную цифру, едва ли можетъ еще увеличиться при настоящемъ положеніи торговой дѣятельности, въ которой скорѣе можно замѣтить упадокъ, нежели какіе-либо признаки развитія. Сборъ съ промышленяющихъ извозомъ также не можетъ увеличиться, какъ потому, что размѣръ платы съ извозничьей лоннади, постепенно увеличивавшійся съ 1863 года отъ 3 до 4 рублей, достигъ теперь уже высшей нормы, далѣе котораго плата возвышаться не можетъ, такъ и потому, что, съ развитіемъ желѣзно-конныхъ дорогъ, число лицъ, промышленяющихъ извозомъ, непременно должно уменьшиться. Наконецъ, что касается сбора съ ремесленниковъ, то, на основаніи новаго положенія о торговлѣ, ремесленная промышленность обложена уже сборами, въ нѣсколько разъ превышающими повинно-

сти, которыя до этого времени съ трудомъ несло ремесленное сословіе.

Говоря о налогѣ съ промышленниковъ и о возможности уменьшенія получаемого съ этой статьи дохода въ будущемъ, нельзя обойти молчаніемъ данное въ 1867 году г. петербургскимъ губернаторомъ предложеніе думѣ объ увеличеніи, платимой нынѣ городу за право мелочной торговли въ разность, пошлины по 2 р. 85 к. для здоровыхъ «мужчинъ» на 28 р. 50 к., оставивъ прежній размѣръ пошлины въ 2 р. 85 к. съ «женщинъ и престарѣлыхъ людей», и запретивъ вовсе мальчикамъ торговать на улицахъ. Предложеніе это было основано на запискѣ г. петербургскаго оберъ-полиціймейстера, въ которой, между прочимъ, приведены слѣдующія соображенія, на основаніи которыхъ можетъ быть и полезно и справедливо брать съ женщинъ и престарѣлыхъ людей по 2 р. 85 к., а съ мужчинъ по 28 р. 50 к.:

«Эта ничтожность пошлины (за мелочную разносную торговлю) помогла наводнить столицу множествомъ здоровыхъ сельскихъ сель, продающихъ ничтожные предметы, какъ-то: яблоки, рѣшета, спички, конверты и т. п., и въ то же время отняла у ремесленниковъ: портныхъ, сапожниковъ, столяровъ, маляровъ и т. п., множество рабочихъ людей; дѣти ремесленниковъ не хотятъ слѣдовать по трудовому, часто наслѣдственному пути отцовъ; правильная отдача на обученіе ремеслу на извѣстные годы прекращается: есть средства зашибить копѣйку, ничему не учась и ничего не дѣлая. Неужели нужна такая масса свѣжаго, молодого народа для продажи спичекъ и т. п. Не гроивтъ ли это нравственнымъ и физическимъ пролетаріатомъ изъ-за ничтожной прибыли городскаго дохода? Можетъ ли это сочувствовать этой мѣрѣ? Непонятно, чтобы здоровый мужчина могъ заработать себѣ насущный хлѣбъ, одежду, уголь—уплатить подати промышленностью столь ничтожною! Почти можно придти къ заключенію, что за этимъ промысломъ скрываются невидимыя и незаконныя средства къ существованію.» Нельзя, конечно, не признать справедливости выраженнаго г. оберъ-полиціймейстеромъ общаго мнѣнія о томъ, что у насъ здоровое мужское поколѣніе присвоиваетъ себѣ часто трудъ, не требующій вовсе силъ, которыя могли бы употребляться на болѣе полезную для общества дѣятельность. Мало ли, на примѣръ, у насъ должностей, которыя съ успѣхомъ и съ большей экономіей могли бы исполняться женщинами. Неужели, говоря словами г. оберъ-полиціймейстера, нужна такая масса свѣжаго и здороваго народа, на примѣръ, для пріема писемъ во всѣхъ почтовыхъ отдѣленіяхъ Россіи? Свѣсить письмо и получить деньги еще легче, нежели ходить съ лоткомъ на головѣ, а между тѣмъ для этого содержатся особые чиновники, получающіе, кромѣ жалованья, еще награды и знаки отличія. Все это, конечно, требуетъ измѣненія, и все это исчезнетъ при даль-

нѣйшемъ развитіи общества, но врядь ли тутъ можетъ принести какую-либо пользу мѣра, въ родѣ предложенной г. губернаторомъ, о стѣсненіи мелочной торговли въ разность. Поэтому мы полагаемъ, что дума едва ли согласится на предложенное увеличеніе или измѣненія налога, платимаго за право мелочной продажи въ разность, на томъ основаніи, что считаетъ пролетаріатъ послѣдствіемъ не неважнаго сбора за мелочную торговлю, а избытка рабочихъ рукъ; не видимъ въ такомъ возвышеніи налога средства къ народному обученію и образованію, и, наконецъ, не считаемъ возможнымъ уничтожить всю мелочную торговлю въ разность, которая, не подрывая лавочныхъ торговцевъ, доставляетъ удобство городскимъ обывателямъ и не можетъ не быть признана трудомъ; нельзя объявлять ее вредною и опасною только по одному предположенію, что за этимъ промысломъ скрываются невидимыя и незаконныя средства къ существованію.

Крупная, по внѣшнему виду, статья случайныхъ доходовъ въ суммѣ 423,439 р. представляется чисто фиктивною, такъ какъ въ суммѣ этой главную цифру составляетъ поступленіе недоимокъ на 300,000 р., что, конечно, никакъ не можетъ считаться за доходъ дѣйствительный. Затѣмъ, пеней и штрафовъ за невзносъ въ срокъ оброчной плати оцѣночнаго сбора и торговой пошлины предполагается къ поступленію въ 1867 году до 60,367 рублей. Но развѣ можно рассчитывать навѣрное на неисправность плательщиковъ или на бездѣятельность городского управленія, которое оттягивало бы самое взысканіе сбора для того, чтобы потомъ налагать пени и штрафы, какъ источники городскихъ доходовъ?

Сборъ съ торговыхъ и промышленныхъ заведеній, исчисленный на 1867 годъ въ размѣрѣ 351,316 рублей, главнымъ образомъ падаетъ на трактирныя заведенія, съ которыхъ предполагается къ поступленію 237,575 рублей. Сумма эта по всѣмъ даннымъ не только не можетъ увеличиться, а скорѣе уменьшится, такъ какъ дальнѣйшее возвышеніе акциза (средній акцизъ опредѣленъ въ 425 р. въ годъ) рѣшительно немислимо при томъ количествѣ трактирныхъ заведеній, которыя явились съ уничтоженіемъ откуповъ, далеко превышая дѣйствительныя потребности города. Цифры въ этомъ случаѣ представляютъ весьма краснорѣчивыя данныя. До 1863 года, въ Петербургѣ существовало 312 трактирныхъ заведеній; въ 1863 году, ихъ уже было 469; въ 1864 году 509; въ 1865 году 549, и въ 1866 году 559. При этомъ, въ первый же 1863 годъ закрыто трактирныхъ заведеній 59, а въ 1864 году — 29.

Трактирной промышленности въ Петербургѣ угрожаетъ еще другого рода опасность, это — превращеніе трактировъ въ увеселительныя заведенія и развитіе танцклассовъ, гдѣ наша jeunesse dorée свободно предается разврату и разгулу. Не касаясь нравственной стороны этого

дѣла, а также вопроса о томъ: на сколько полезны или необходимы подобнаго рода заведенія для столичнаго населенія, трактирные промышленники въ поданной городскому головѣ запискѣ, переданной на обсужденіе общей думы, видятъ въ превращеніи трактировъ въ увеселительныя заведенія вредное вліяніе для трактирнаго промысла въ отношеніи экономическомъ. «Въ числѣ существенныхъ преобразованій, донуженныхъ въ производствѣ трактирной промышленности послѣднимъ положеніемъ 4 іюля 1861 года — говорилось въ запискѣ трактирныхъ промышленниковъ — заключается предоставленное трактирнымъ заведеніямъ право имѣть равныя дозволенныя закономъ игры и музыку. Правомъ этимъ содержатели трактирныхъ заведеній пользуются чрезвычайно разнообразно. Въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ ограничиваются содержаніемъ однихъ только билліардовъ и съ давняго времени вошедшихъ въ употребленіе музыкальныхъ машинъ, такъ-называемыхъ органовъ. Въ другихъ же, наоборотъ, кромѣ всевозможныхъ игръ, весьма часто имѣющихъ даже характеръ азартныхъ, какъ, напримѣръ, особаго устройства бивса, называемаго волчкомъ, музыка и прочія увеселенія допускаются во всякихъ видахъ: арфистки, пѣлне хоры музыкантовъ, пѣсенниковъ, пляски, танцы, акробатическія представленія и т. п. При такихъ заведеніяхъ весьма нерѣдко содержатся женщины вольнаго обращенія, обязанность которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы вовлекать посѣтителей въ разгулъ и вызывать ихъ къ мотовству. Женщины эти очень часто входятъ въ составъ хоровъ пѣсенниковъ и всевозможными безобразными плясками доканчиваютъ живую картину разврата. Въ хорахъ этихъ весьма часто встрѣчаются даже дѣти, которыхъ нравственность разстѣвается для выгодъ содержателей и въ угожденіе пьяныхъ посѣтителей подобнахъ мѣстъ. Такимъ образомъ, разрѣшеніе въ трактирныхъ заведеніяхъ имѣть музыку, рѣзкою чертою разграничиваетъ трактирныя заведенія въ здѣшней столицѣ на два, совершенно различныя рода: одни, неуклонно слѣдуя указанному закону назначенію, составляютъ удовлетвореніе необходимой потребности населенія, а другія обратились въ пріюты праздности и разгула». При такомъ положеніи, настоящія трактирныя заведенія стали падать, а заведенія, прибѣгающія къ торговлѣ совсѣмъ не трактирнаго производства, стали увеличиваться и процвѣтать. Трактирная депутація съ своей сторонѣ употребляла всѣ старанія, чтобы остановить дальнѣйшее искаженіе трактирнаго промысла, понижая акцизы тѣхъ заведеній, гдѣ производится правильная харчевая торговля, и увеличивая трактирныя повинности тѣхъ, которые торгуютъ разгуломъ; но всѣ усилія ея оказались тщетными, и число этихъ послѣднихъ заведеній съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе возрастаетъ. Въ первый годъ новаго трактирнаго положенія ихъ было 9, въ 1864 году число ихъ увеличилось до 13, а въ концѣ 1865 года, при составленіи на 1866 годъ раскладки, децу-

тація насчитала ихъ уже до 70. Поэтому, трактирные промышленники въ видахъ улучшенія общественной нравственности, такъ и въ видахъ экономическихъ, предложили общей думѣ «ходатайствовать, и примѣру Москвы: 1) чтобы всякая другая музыка, кромѣ музыкальныхъ машинъ, или органовъ, въ городскихъ трактирахъ Петербурга была воспрещена, безъ распространенія этого запрещенія на тѣ заведенія, которыя расположены въ окрестностяхъ и городскихъ общественныхъ садахъ, служащихъ мѣстомъ публичныхъ гуляній; 2) чтобы изъ числа игръ и развлеченій допущена была одна только игра въ биллиардъ, безъ распространенія этого правила на проживающихъ въ номерахъ, которые подчиняются, въ этомъ случаѣ, общему полицейскому порядку; 3) чтобы заведенія, устроенныя для танцклассовъ, не были открываемы подъ названіемъ трактирныхъ, но чтобы буфеты ихъ, слѣдуя настоящимъ правиламъ, оставлены были въ общей трактирной раскладкѣ, и 4) чтобы въ заведеніяхъ этихъ, кромѣ буфетовъ и общихъ приемныхъ залъ, никакихъ отдѣльныхъ помѣщеній, а тѣмъ менѣе номеровъ для ночлега, не допускалось, и самая торговля въ нихъ начиналась не ранѣе 8 часовъ вечера». По всей вѣроятности, предложеніе это будетъ принято общаю думою, которая, вообще, не склонна покровительствовать появившимся у насъ въ послѣднее время «невиннымъ удовольствіямъ», въ родѣ танцклассовъ, азартныхъ игръ и т. п. Такъ, еще въ 1865 году, дума не только отвергла проектъ о взиманіи въ пользу города особаго сбора съ карточной игры и съ лото въ собраніяхъ и клубахъ, но даже исходатайствовала, въ видахъ общественной пользы, запрещеніе въ собраніяхъ и клубахъ игры въ стуолку и домино-лото, какъ приносящихъ явный вредъ посѣщающимъ эти учрежденія, не только въ матеріальномъ, но и въ нравственномъ отношеніи.

Исчисленная по смѣтѣ сумма въ 323,323 р., по сбору съ городскихъ общественныхъ имуществъ и оброчныхъ статей, главнымъ образомъ зависить отъ дохода съ городскихъ амбаровъ за склады въ нихъ всякаго товара, какъ-то: пеньки, льна, сельдей, масла, керосина и другихъ, легко воспламеняющихся веществъ. Увеличеніе доходовъ съ этой статьи зависить только отъ развитія торговли и, преимущественно — отпускнуой, на что если и есть надежды, то въ далекомъ будущемъ. Но если къ тому счастливому времени у насъ разовьются и желѣзныя дороги, то даже съ усиленіемъ торговли доходъ города съ амбаровъ не увеличится, такъ какъ товары, привозимые по желѣзнымъ дорогамъ, или вовсе не будутъ складываться въ городскихъ амбарахъ, или будутъ въ нихъ оставаться самое короткое время. Увеличить же плату за пользованіе амбарами при всеобщемъ сознаніи о необходимости облегчить отпускеную нашу торговлю, — невозможно. Остальныя оброчныя статьи не представляютъ также какихъ-либо

даннѣхъ, по которымъ можно было бы надѣяться на увеличеніе городскаго дохода.

Косвенныхъ налоговъ исчислено на 1867 годъ—232,723 р.; въ этой суммѣ большая половина, а именно 161,538 рублей, рассчитывается къ поступленію съ засвидѣтельствованія разныхъ договоровъ и долговыхъ обязательствъ. Количество этого дохода зависитъ отъ числа торговыхъ сдѣлокъ, которыя, въ свою очередь, зависятъ отъ развитія промышленной дѣятельности. Къ тому же, со введеніемъ въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 года, едва ли можно ожидать увеличенія явочныхъ документовъ въ виду того, что уставы не отвергаютъ и значенія актовъ домашнихъ, требуя лишь взысканія тройной цѣны гербовой бумаги, на которой слѣдовало написать обязательство. При этомъ пропадаетъ, конечно, платимая при явкѣ акта у маклера пошлина въ пользу города.

Другую значительную статью косвенныхъ налоговъ составляетъ сборъ съ привозимыхъ въ Петербургъ хлѣбныхъ товаровъ въ суммѣ 40,267 р. Само собою разумѣется, что малѣйшее увеличеніе налога на хлѣбные товары имѣло бы непосредственное вліяніе на вздорожаніе первой жизненной потребности и повлекло бы за собою одинъ вредъ. Увеличеніе городскаго дохода по этой статьѣ ожидается другимъ способомъ, именно—возвращеніемъ городу принадлежащаго ему права на полный сборъ за причалъ хлѣбныхъ барокъ къ пристани, половина котораго до настоящаго времени поступаетъ въ пользу Александровской лавры, хотя это не согласно ни съ уставомъ о городскомъ хозяйствѣ, ни съ самымъ назначеніемъ лавры, какъ учрежденія, чуждаго всему суетному и матеріальному. Объ измѣненіи этого порядка дума ходатайствовала въ первый разъ въ 1857 и затѣмъ повторила свое ходатайство въ 1867 году.

Доходовъ вспомогательныхъ исчислено на 1867 годъ къ поступленію 85,172 рубля. Изъ этой суммы 57,258 руб. поступаютъ отъ разныхъ вѣдомствъ за освѣщеніе и содержаніе фонарей противъ зданій, имъ принадлежащихъ, и 10,914 руб. выплачивается изъ государственнаго казначейства въ замѣнъ процентнаго сбора съ питейнаго дохода. Субсидія эта выплачивается Петербургу съ 1841 года, когда она была установлена. На сколько она представляется въ настоящее время справедливою, объ этомъ «Комиссія, образованная для пересмотра доходовъ Петербурга», выразилась слѣдующимъ образомъ: «Если считать субсидію, которую получаетъ Петербургъ отъ казны въ возмездіе законнымъ образомъ принадлежащаго ему дохода съ этого источника, то это было бы явнымъ нарушеніемъ всякой справедливости, такъ какъ въ этомъ случаѣ городу пришлось бы довольствоваться среднимъ числомъ съ каждаго изъ заведеній, продающихъ акцизные пивы (число которыхъ въ 1868 году прости-

ралось до 3,570), и совершающаго годовой, столь выгодный оборотъ на 4,274 руб. — получениемъ городскихъ повинностей не болѣе 3 руб. 6 к., и въ то же время съ торгующихъ въ разность пряниками и коврижками, или выброшенными изъ лавокъ апельсинами, безпрерывно требовать уплаты 2 руб. 86 коп. за жестяной знакъ и 86 коп. адреснаго сбора, а всего 3 руб. 72 коп. Если даже смотрѣть на субсидію эту, какъ на обезпеченіе казеннаго дохода, то и въ этомъ случаѣ подобная мѣра пережила уже свое время. Она имѣла значеніе тогда, когда доходъ казны былъ тѣсно связанъ съ интересами откупщиковъ, и потому, когда всякое постороннее вмѣшательство въ дѣла откупщиковъ уменьшало ихъ самовластіе въ ихъ распоряженіяхъ и тѣмъ самымъ могло давать имъ поводъ къ пониженію контрастныхъ цѣнъ. Но теперь, когда успѣхъ питейной торговли основанъ на общихъ коммерческихъ расчетахъ, едва ли возможно допустить, чтобы умѣренное обложеніе ея, наравнѣ съ прочими отраслями свободной торговой дѣятельности, сколько-нибудь препятствовало дальнѣйшему ея процвѣтанію. Возможно ли, чтобы сокращеніе чистой прибыли въ коммерческомъ дѣлѣ, равняющейся 237% затрачиваемаго капитала, на какія-нибудь самыя незначительныя доли — могло остановить общій ходъ этой торговли. Въ самомъ дѣлѣ, представляется совершенно невозможнымъ, почему городъ не приобретаетъ рѣшительно никакого дохода отъ питейной торговли, пользующейся явными выгодами и преимуществами, тогда какъ въ то же время отъ платежа городскихъ повинностей не ускользаетъ даже и личный трудъ, оплачивая его подъ видомъ адреснаго большого сбора. Общая дума не оставила безъ вниманія этого важнаго вопроса; сначала онъ былъ рассмотрѣнъ въ комиссіи, которая предположила взимать налогъ съ питей, во-первыхъ, въ видѣ городского патентнаго сбора, оплачиваемаго при ежегодномъ возобновленіи въ думѣ свидѣтельствъ на содержаніе питейныхъ заведеній, и, во-вторыхъ, въ видѣ градусаго акцизнаго сбора, платимаго одновременно съ казеннымъ, при продажѣ вина изъ оптовыхъ складовъ въ мѣста раздробительной торговли. Патентный сборъ въ доходъ города предположенъ комиссіею въ слѣдующемъ размѣрѣ: 1) съ заведеній для выдѣлки питей и другихъ издѣлій изъ вина и спирта: а) съ пивоваренныхъ заводовъ за каждые 50 ведеръ ёмкости котловъ и заторныхъ чановъ по 20 руб.; б) съ медоваренныхъ заводовъ, за каждые 15 ведеръ ёмкости котловъ по 5 руб.; в) съ водочныхъ заводовъ 75 руб.; г) съ заводовъ, выдѣлывающихъ лагъ, политуру, духи, одеколонъ и освѣтительную жидкость 5 руб. — и 2) съ заведеній для продажи напитковъ: а) съ оптовыхъ питейныхъ складовъ 50 руб.; б) съ погребовъ за продажу на выносъ 50 руб.; в) съ допускающихъ же и распивочную продажу дополнительно 50 руб.; г) съ питейныхъ домовъ (заведеній, допускающихъ продажу распивочно и на выносъ)

50 руб.; г) съ штофныхъ лавокъ (заведеній, допускающихъ одну только продажу на выносъ) 25 руб.; и д) съ портерныхъ и пивныхъ лавокъ 25 руб. По акцизу же, съ количества продаваемыхъ въ Петербургѣ питей, по предложенію комиссіи, въ городской доходъ должны платить: а) оптовые питейные склады — по полукопѣйкѣ съ cadaго градуса вина и спирта, выпускаемаго въ раздробительную продажу; б) пивоваренные заводы — по полукопѣйкѣ съ cadaго ведра ёмкости котловъ и чановъ, употребляемыхъ для затора за каждый день вари; и в) медоваренные заводы — по пяти копѣекъ съ ведра медовареннаго котла, за каждый день вари. Всѣ эти предположенія комиссіи обсуждены общемо думомъ, которая, 18-го октября 1866 г., и постановила: о приведеніи въ дѣйствіе предположеній комиссіи, какъ относительно лучшаго устройства сбора съ пивоваренія, такъ и объ установленіи городского акциза съ торговли хлѣбнымъ виномъ въ столицѣ, — ходатайствовать, въ установленномъ порядкѣ, предъ высшимъ правительствомъ, представивъ на его благоусмотрѣніе и проектъ самыхъ правилъ о порядкѣ взиманія того и другого, составленный комиссіею, занимавшеюся составленіемъ проекта Положенія о городскихъ сборахъ петербургской столицы вообще.

Какая судьба постигнетъ это ходатайство, — предсказать трудно. Во всякомъ случаѣ, пройдетъ не мало времени прежде, нежели дума узнаетъ о судьбѣ, постигшей ея предположенія, по которымъ не одна сотня тысячъ рублей перешла бы въ городскую казну на удовлетвореніе многихъ настоятельныхъ нуждъ городского населенія. Быть можетъ, впрочемъ, дума и скоро получить отвѣтъ на свое ходатайство въ виду послѣдовавшаго вскорѣ послѣ того Высочайше утвержденного, 21-го ноября 1866 года, мнѣнія государственнаго совѣта, конимъ разъ навсегда опредѣленъ размѣръ налога, которымъ могутъ облагать губернскія и уѣздныя собранія, а, слѣдовательно, и петербургская общаа дума, винокуренные заводы и заведенія для продажи питей. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, на основаніи ли ходатайства думы или на основаніи мнѣнія государственнаго совѣта, 21-го ноября, платимая городу государственнымъ казначействомъ незначительная субсидія въ 10 тысячъ рублей должна замѣниться правильнымъ сборомъ въ пользу города. Быть можетъ, въ тому времени, когда это предположеніе осуществится, разрѣшится и другое постановленіе петербургской думы — о налогѣ на собакъ ¹⁾, состоявшееся еще въ январѣ 1865 года, и тогда,

¹⁾ Въ европейскихъ городахъ налогъ на собакъ давалъ слѣдующій доходъ: въ Берлинѣ, по бюджету 1861 г. — 3,300 тал., въ Дрезденѣ, по бюджету 1862 г. — 5,200 тал., а въ Парижѣ, по бюджету 1864 года — 415,000 франковъ.

Съ іюня 1864 года, налогъ на собакъ введенъ въ Ригѣ и Митавѣ въ размѣрѣ: въ Ригѣ по 3, а въ Митавѣ по 2 руб. за каждую собаку въ годъ.

Въ Петербургѣ налогъ этотъ предполагается въ размѣрѣ 1 руб. за собаку въ годъ.

быть можетъ, съ улучшеніемъ положенія городской казны освободили отъ налога личный трудъ и облегался другіе плательщики, ели выносящіе тяжесть государственныхъ и другихъ налоговъ.

Торговля акцизными питеями обратила на себя вниманіе петербургской думы не съ одной, впрочемъ, финансовой стороны, а такія беспорядками и вреднымъ вліяніемъ на населеніе, которое производили питейныя заведенія торговлю, несогласною съ установленными для нея правилами. Для изслѣдованія этого вопроса образовалась, въ 1865 году, особая коммиссія изъ гласныхъ, которая собрала чрезвычайно интересныя статистическія свѣдѣнія о положеніи торговли акцизными питеями въ Петербургѣ и Петербургской губерніи. Изъ доклада этой коммиссіи становится совершенно яснымъ, до какой степени излишества достигло распространеніе заведеній, торгующихъ акцизными питеями. Такъ, по 1-е іюля 1865 г., заведеній, производившихъ эту торговлю во всѣхъ ея видахъ и проявленіяхъ, въ Петербургѣ состояло 3,519, такъ что приходилось одно такое заведеніе на каждыя 5,639 квадрат. сажень пространства и 153 потребителя; въ нѣкоторыхъ же отдѣльныхъ мѣстностяхъ, число потребителей уменьшалось до поразительной цифры, такъ, напримѣръ: въ 3 кварталѣ Выборгской части на каждое заведеніе приходилось всего только 30 потребителей. Что касается всей Петербургской губерніи, то на каждое изъ такихъ заведеній приходилось по 24 дома и по 181 человѣку потребителей. Наибольшее число заведеній питейной промышленности принадлежитъ торговлѣ раздробительной: число этихъ заведеній въ Петербургѣ простиралось до 3,394; изъ нихъ питейныхъ домовъ или кабаковъ было 1,840, такъ что приходится одинъ кабакъ на 4 дома и на 293 человѣка. Уже одни эти числовыя данныя вполне доказываютъ, что торговля акцизными питеями достигла въ Петербургѣ видимо-невидимыхъ размѣровъ. Это подтверждается и сравненіемъ питейныхъ заведеній съ тѣми, въ которыхъ продаются предметы первѣйшей насущной потребности. По свѣдѣніямъ губернскаго статистическаго комитета, за 1864 годъ, заведеній этого послѣдняго рода расположено было въ частныхъ домахъ: мясныхъ лавокъ 169, мелочныхъ 1,165, мучныхъ лавокъ 244. Чтобы еще яснѣе убѣдить, до какого излишества умножилось число заведеній раздробительной продажи собственно по торговлѣ водкою, и какія вредныя послѣдствія проистекають изъ этого на самую нравственность массы потребителей, коммиссія вывела отношеніе числа этихъ заведеній къ населенію Петербурга. Такъ, минуя портерныя лавки (ихъ было въ 1865 г.—399), гдѣ торговля водкою не допускается вовсе, минуя погреба безъ распивочной продажи (99) и трактирныя заведенія (563), гдѣ водка не составляетъ исключительнаго предмета торговли, наконецъ, минуя временныя выставки, какъ открывающіяся только въ дни народныхъ гуляній, — остальныхъ за-

заведеній, производивших торговлю собственно питьями изъ спирта и хлѣбнаго вина (штофныхъ лавокъ, питьевныхъ домовъ, постоянныхъ дворовъ и погребовъ съ распивочною продажей) было—2,311, что составляетъ по одному заведенію на 233 человекъ населенія столицы, считая въ томъ числѣ и малолѣтнихъ. При такомъ ограниченномъ числѣ потребителей, подобнымъ заведеніямъ существовать невозможно одною лишь торговлею виномъ. Поэтому, въ большинствѣ случаевъ, «питьевныя заведенія» — одна только фирма, вывѣска, подъ которой, въ сущности, производилась торговля далеко не виномъ и, вообще, не акцизными питьями, а, напротивъ того, подъ этимъ названіемъ открываются заведенія совсѣмъ иныхъ промысловъ и, нерѣдко, даже преслѣдуемыхъ закономъ. «Въ укрытыхъ отъ надзора помѣщеніяхъ» — говорится въ докладѣ комиссіи — «торговля производится почти во всю ночь и производится всѣми предметами трактирной промышленности: кромѣ всякаго рода яствъ, не допускаемыхъ въ питьевныхъ заведеніяхъ, въ погребахъ съ распивочною продажей готовятъ пуншъ, чай и почти открыто играютъ въ кости, въ шашки, въ домино, а, нерѣдко, даже и въ карты. На постоянныхъ дворахъ, носящихъ одну только фирму этой торговли, вмѣсто общихъ для ночлега комнатъ, устроены отдѣльные номера, и тутъ нарушеніе порядка и благочинія превышаетъ всякую мѣру и доходитъ даже до непотребства.» Для прекращенія этихъ беспорядковъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и для того, чтобы уничтожить излишество въ питьевныхъ заведеніяхъ, комиссіа признала единственнымъ средствомъ, — установленіе прочнаго и правильнаго надзора за порядкомъ производства торговли акцизными питьями. Что касается самой системы этого надзора, то комиссіа пришла къ убѣжденію, что нельзя ожидать всесторонняго сочувствія къ этому дѣлу ни въ одномъ изъ учреждений, которымъ до сихъ поръ былъ порученъ этотъ надзоръ, потому что акцизные учрежденія постоянно будутъ имѣть на первомъ планѣ финансовыя интересы государства, а полицейскія власти болѣе всего сосредоточать свое наблюденіе на однихъ лишь наружныхъ, видимыхъ признакахъ благочинія. «Только тотъ надзоръ коснется самой сущности въ этомъ дѣлѣ» — говорится въ докладѣ комиссіи — «который учрежденъ будетъ отъ общества. Кому же, какъ не самому обществу, наиболѣе чувствительны язвы, порождаемыя этою распущенностью въ общественной нравственности? Одно только общество, въ надзорѣ этомъ, способно отрѣшиться отъ всякихъ побочныхъ, служебныхъ ли, или денежныхъ интересовъ, и направить свое наблюденіе не на тѣхъ, которые предаются чрезмѣрному употребленію вина, но на тѣхъ, которые не коснулись еще этого порока. Никакое учрежденіе внѣ общества, на которое возложены будутъ подобнаго рода дѣйствія, не принесетъ ожидаемой пользы, и въ такомъ только случаѣ желаемая цѣль будетъ достигнута, если надзоръ этотъ вполнѣ будетъ

общественный.» Для этого надзора, который, впрочемъ, не исключаетъ ни полицейскаго присмотра, ни наблюденія со стороны другихъ управленій, коммиссія полагала учредить комитетъ, состоящій изъ гласныхъ и выборныхъ по избранію общей думы, назначаемыхъ въ каждую полицейскую часть столицы по мѣсту постоянного жительства или по торговой осѣдлости избираемыхъ лицъ, и на этотъ комитетъ возложить наблюденіе въ томъ: 1) чтобы торговля въ заведеніяхъ раздробительной продажи акцизныхъ питей производилась сообразно тѣмъ правиламъ и въ тѣхъ самыхъ предѣлахъ, которые установлены изданными на каждый родъ законоположеніями, какъ въ промышленномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніяхъ; 2) чтобы точнымъ исполненіемъ этихъ правилъ были совершенно ограждены какъ поступающіе по этимъ промысламъ городскіе акцизы, такъ и торговые интересы ихъ содержателей, и 3) чтобы торговля акцизными пиятіями производилась людьми вполне благонадежными, и чтобы тѣ изъ нихъ, которые, не смотря на сдѣланныя предупрежденія, будутъ снова изобличаемы въ нарушеніи установленныхъ порядковъ, не допускались къ дальнѣйшему производству этой торговли. Общая дума въ собраніи, 11 февраля 1866 года, вполне одобрила предложенія коммиссіи и объ утвержденіи ихъ вошла съ ходатайствомъ въ установленномъ порядкѣ.

Изъ сдѣланнаго нами короткаго обзора источниковъ городскихъ доходовъ становится очевиднымъ, что всѣ эти источники, за исключеніемъ лишь одного, обѣщаютъ въ будущемъ не увеличеніе, а уменьшеніе доходовъ. При такомъ положеніи городского хозяйства, — что же оставалось дѣлать думѣ для улучшенія этого хозяйства? Ей оставалось, какъ указалъ и государственный совѣтъ въ 1863 г., подвергать строгому разбору предметы городскихъ расходовъ и заботиться о томъ, чтобы расходы, ложащіеся на городъ, были для него наиболѣе производительны. На сколько это зависитъ отъ самаго городского общественнаго управленія, мы то увидимъ при разсмотрѣніи смѣты городскихъ расходовъ.

Общая сумма расходовъ, по утвержденной общемою думою смѣтѣ на 1867 годъ, составляетъ 3,065,665 рублей. Сумма эта распределяется на различные предметы слѣдующимъ образомъ:

1) Уплата долговъ	24,265 р.
2) Содержаніе городского общественнаго управленія	228,287 >
3) Содержаніе по управленію петербургскаго губернатора	5,630 >
4) Содержаніе Управы благочинія	110,064 >
5) Содержаніе Адресной экспедиціи	22,146 >
6) Содержаніе наружной полиціи	475,836 >

7) Содержаніе пожарной части	111,407 р.
8) Содержаніе полицейскаго врачебнаго управленія	32,070 >
9) Содержаніе мировыхъ судебныхъ учреж- деній и другихъ судовъ	191,283 >
10) Содержаніе городской тюрьмы	31,400 >
11) Содержаніе дома неисправныхъ долж- никовъ	13,756 >
12) Пенсіи и пожизненныя пособія лицамъ, служившимъ по город. вѣдомству	5,911 >
13) По строительной части	617,352 >
14) Освѣщеніе столицы	424,232 >
15) Содержаніе казармъ, переданныхъ въ военное вѣдомство	40,915 >
16) Содержаніе казармъ и другихъ зданій въ петербургской крѣпости	14,841 >
17) Содержаніе ордонансъ-гауза и караулъ- ныхъ домовъ	17,801 >
18) Выдача квартирныхъ денегъ и наемъ воинскихъ помѣщеній для лицъ, имѣющихъ пра- во на полученіе квартиры отъ города	83,341 >
19) Содержаніе учебныхъ заведеній	27,564 >
20) Содержаніе благотворительныхъ заведе- ній	234,018 >
21) Пособіе постороннимъ вѣдомствамъ	43,521 >
22) Мелочныя и непредвидѣнныя издержки	12,551 >

Прежде всего нужно сказать, что годовая смѣта, въ настоящемъ ея видѣ, далеко еще не показываетъ всѣхъ издержекъ, лежащихъ на счету города. Такъ, городъ въ разное время затратилъ значительныя капиталы на покупку и постройку зданій; всѣ эти зданія заняты разными учрежденіями, но стоимость этихъ помѣщеній не показывается въ городскомъ бюджетѣ. Поэтому, чтобы имѣть положительныя данныя о томъ, съ какими издержками сопряжено для города содержаніе того или другого учрежденія, а съ тѣмъ вмѣстѣ, чтобы составить себѣ хотя приблизительное понятіе о степени производительности капиталовъ, заключающихся въ городскихъ зданіяхъ, дума, въ собраніи 9-го декабря 1866 года, признала необходимымъ поручить городской хозяйственно-строительной комиссіи, совмѣстно съ комиссіею, состоящею при распорядительной думѣ для оцѣнки недвижимыхъ имуществъ, привести въ положительную извѣстность, какъ стоимость самыхъ зданій, такъ и дохода, который они могли бы приносить при отдачѣ ихъ въ наемъ, принимаясь къ цѣнамъ сосѣднихъ обывательскихъ построекъ. Такая оцѣнка, будучи произведена по частямъ зданія, занятымъ разными лицами и учрежденіями, покажетъ вмѣстѣ съ тѣмъ: всѣ ли городскія зданія занимаютъ сообразно дѣйствительной потребности, и опредѣлить ту невидимую нынѣ въ смѣтахъ издержку, которую городъ

несетъ независимо отъ суммъ, показываемыхъ въ ежегодныхъ городскихъ бюджетахъ.

Но и кромѣ того, смѣта расходовъ не представляетъ вовсе исчисления всѣхъ издержекъ, которыя городъ сдѣлаетъ въ 1867 году. Необходимость нѣкоторыхъ новыхъ расходовъ откроется уже послѣ утверждения смѣты, и потому объ нихъ составится дополнительная смѣта, иногда довольно почтенныхъ размѣровъ; такъ, напримѣръ, смѣта *дополнительныхъ расходовъ* на 1866 годъ простиралась до 200,000 руб. Кромѣ необходимыхъ для города издержекъ, въ эту дополнительную смѣту вносятся еще расходы, которые иногда постороннія вѣдомства относятъ на счетъ города даже безъ вѣдома думы. Признавая таковой порядокъ дѣйствія не соответствующимъ дѣйствительному характеру городского управления, — ибо если дума не имѣетъ права оцѣнивать пользу или вредъ предположеній не подчиненныхъ ей учреждений, то едва ли у нея можно отрицать право судить о правильности или неправильности производимыхъ на счетъ городскихъ суммъ расходовъ, — петербургская общая дума, по поводу назначенія добавочнаго жалованья одному лекарю жандармскаго дивизиона, 17 сентября 1865 года, постановила: ходатайствовать, черезъ кого слѣдуетъ, о томъ, чтобы вмѣнено было всѣмъ правительственнымъ мѣстамъ и лицамъ въ обязанность, чтобы они всѣ свои предположенія, сопряженные съ расходами на счетъ города, сообщали городской думѣ, для разсмотрѣнія единственно вопроса о предполагаемомъ расходѣ, и чтобы только по полученіи отзыва думы, вышесказанныя предположенія вносимы были на дальнѣйшее разсмотрѣніе и утвержденіе порядкомъ, въ законѣ указаннымъ, но не иначе, однако, какъ съ приложеніемъ подлиннаго отзыва думы. Ходатайство это не получило, однако, дальнѣйшаго хода, такъ какъ, по мнѣнію министра внутреннихъ дѣлъ, не предстояло къ тому повода потому, что содержаніе чиновъ жандармскаго дивизиона лежитъ на обязанности городской казны. Но общая дума, основываясь на томъ, что она, не касаясь разсмотрѣнія частнаго вопроса о добавочномъ жалованьи лекарю жандармскаго дивизиона, представляла общее ходатайство о порядкѣ назначенія впредь расходовъ изъ городскихъ суммъ, въ собраніи 9 декабря 1866 года, положила: возобновить вышеупомянутое ходатайство и просить, чтобы, для положительнаго разрѣшенія настоящаго вопроса, этому дѣлу былъ данъ установленный закономъ ходъ.

Но обратимся къ разсмотрѣнію бюджетныхъ расходовъ.

При первомъ взглядѣ на городскую роспись, каждаго, конечно, поразитъ несообразность расходовъ по различнымъ предметамъ. На содержаніе учебныхъ заведеній 24,000 р., на освѣщеніе города 400,000 р., а на полицію (считая вмѣстѣ пожарную часть, Управу благочинія,

Адресную экспедицію и врачебно-полицейскую часть) болѣе 800,000 рублей.

Такой несоразмѣрности въ расходахъ не найти намъ ни въ одной странѣ, гдѣ дошли до сознанія необходимости составлять ежегодные бюджеты. Въ видѣ крайности, діаметрально противоположной бюджету Петербурга, можно, пожалуй, припомнить бюджеты Сѣверо-американскихъ штатовъ. Такъ, напримѣръ — въ штатѣ Массачузетъ, гдѣ вся смѣта расходовъ простиралась въ 1850 г. до 500,000 долларовъ ¹⁾, и гдѣ, въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, съ 1838 до 1850 года, штатъ издержалъ 2,200,000 долларовъ на устройство школъ. Впрочемъ, напрасно, быть можетъ, брать примѣры по ту сторону Океана, гдѣ, вообще, люди понимаютъ свои интересы и нужды не такъ, какъ привыкли ихъ понимать въ Европѣ. Но, сравнивая расходы Петербурга, въ которомъ 25% всей суммы городскихъ доходовъ поглощаются полиціею, даже съ хозяйствами Берлина и Вѣны, мы увидимъ, что, по отношенію къ общей суммѣ городскихъ расходовъ, издержки на полицію составляютъ въ Берлинѣ 3%, а въ Вѣнѣ до 8%, и что далеко не все содержаніе тамошней полиціи падаетъ, какъ въ Петербургѣ, на счетъ городскихъ средствъ, а напротивъ: въ Вѣнѣ, изъ общаго на этотъ предметъ расхода въ 480,000 р., удовлетворяется изъ городскихъ суммъ только 186,000 р.; а въ Берлинѣ еще менѣе: изъ 533,000 р. падаетъ на городъ только 97,000 рублей; въ Парижѣ $\frac{1}{3}$ и проч. Остальная же сумма на содержаніе полиціи въ этихъ городахъ отпускается изъ государственныхъ источниковъ, на томъ основаніи, что столичная полиціа существуетъ не для однихъ только городскихъ обывателей, и не имѣетъ исключительно муниципальнаго характера, а необходима въ равной степени, если не въ болѣшей, для общихъ государственныхъ потребностей.

Трудно, конечно, себѣ представить, чтобы этого всего не знала петербургская общая дума. Напротивъ того, она знала это давно и тотчасъ же, вслѣдъ за указаніемъ государственнаго совѣта, въ 1863 году, дозволившаго, въ видахъ приведенія городского хозяйства въ порядокъ, устранить расходы, прямо къ обязанности города не относящіяся, уже въ 1863 и 1864 годахъ ходатайствовала о сокращеніи городскихъ расходовъ на полицію. При этомъ дума просила также о томъ, чтобы вовсе исключить изъ городской росписи расходы: на содержаніе переданныхъ въ военное вѣдомство казармъ, на содержаніе зданій Петропавловской крѣпости, на пособія — дирекціи императорскихъ театровъ, Елисаветинскому училищу, комитету для разбора нищихъ, комитету общественнаго здравія, медико-филантропическому комитету, на содержаніе управленія гражданскаго губернатора, на содержаніе

¹⁾ Долларъ — 1 р. 88 к.

физиката, на леченіе нижнихъ чиновъ въ больницахъ Приказа общественаго призрѣнія. Наконецъ, городская дума находила справедливымъ сократить расходы: на содержаніе дома военнаго генераль-губернатора и врачебно-полицейскихъ учрежденій, на тюремный замокъ и тюрьму для пересыльныхъ арестантовъ, на квартирное довольствіе воинскихъ чиновъ, на ордонансъ-гаузъ, комиссію для разбора дѣлъ между рядчиками и рабочими, и проч. Если бы ходатайство думы было уважено, то общая цифра предполагаемаго уменьшенія расходовъ Петербурга составила бы болѣе 200,000 рублей. Но мы видимъ, изъ росписи на 1867-й годъ, что большая часть расходовъ, прежде лежавшихъ на городъ, осталась на немъ и теперь. Даже уничтоженіе управленія петербургскаго военнаго генераль-губернаторства, послѣдовавшее въ 1866 году, не уменьшило городского расхода на содержаніе дома, въ которомъ это управленіе помѣщалось, такъ какъ домъ этотъ переданъ г. петербургскому оберъ-полиціймейстеру.

Измѣнившись въ своемъ личномъ составѣ въ 1865 году, петербургская общая дума не перемѣнила своего взгляда о необходимости освободить городъ отъ расходовъ, прямо не относящихся къ его обязанности. Напротивъ того, мнѣніе это она выражала еще яснѣе и высказывала его постоянно, особенно же относительно расходовъ на полицію, когда на обсужденіе общей думы поступило предложеніе губернатора о назначеніи добавочной суммы на содержаніе петербургской полиціи, согласно разсмотрѣнному въ комитетѣ министровъ и Высочайше одобренному проекту штатовъ. По этому проекту, какъ сказано въ предложеніи г. губернатора городскому головѣ, признано необходимымъ сумму, нынѣ отпускаемую на содержаніе полиціи въ 300,000 р., увеличить до 871,000 р., изъ которыхъ 143,000 р. будутъ отпускаться изъ государственнаго казначейства, изъ доходовъ полицейской типографіи, и изъ сборовъ за прописку паспортовъ предполагается выручить до 80,000 р., что составитъ, съ нынѣ отпускаемыми 300,000 р., сумму въ 523,000 р.; остальные же добавочныя деньги, т. е. до 348,000 р., должны быть отнесены на счетъ города. По прочтеніи этого предложенія начальника губерніи, гласный графъ А. П. Шуваловъ объяснилъ собранію, что указываемое сокращеніе расходовъ по содержанію комиссіи рядчиковъ и Управы благочинія уже имѣлось въ виду при назначеніи суммы на содержаніе столичныхъ мировыхъ учрежденій; точно также онъ доказывалъ невозможность, какъ предлагалось, обратить въ постоянный налогъ съ петербургскихъ жителей сумму, которую они до сихъ поръ противозаконно жертвовали въ пользу чиновъ полиціи въ видѣ праздничныхъ, либо ввести какой-нибудь новый налогъ на городскихъ жителей, и предложилъ собранію: передать на предварительное обсужденіе финансовой комиссіи вопросъ объ изысканіи источниковъ для покрытія новыхъ расходовъ по

полиции, поставивъ условіемъ, чтобы, для покрытія этого расхода, не было комиссіею устанавливаемо новаго сбора. Это предложеніе было единогласно принято собраніемъ.

Финансовая комиссія, приступивъ къ исполненію возложеннаго на нее порученія, прежде всего обратила вниманіе на то крайнее затрудненіе, въ которое ставится городская дума, при внезапномъ требованіи отъ нея новаго значительнаго расхода, что лишаетъ ее возможности сохранять возможное равновѣсіе между расходами и финансовыми средствами города, и, въ заключеніе, пришла къ тому положительному убѣжденію, что «удовлетвореніе добавочнаго расхода по содержанію столичной полиціи можетъ быть достигнуто развѣ въ такомъ только случаѣ, если безотлагательно будутъ сокращены и обращены на другіе источники всѣ тѣ расходы, о сложеніи которыхъ съ городской казны общая дума вошла уже съ представленіемъ къ высшему начальству, хотя и эти расходы дума имѣла уже въ виду для удовлетворенія многихъ производительныхъ издержекъ и существенныхъ потребностей города.»

Весь этотъ докладъ финансовой комиссіи, разосланный заблаговременно всѣмъ гласнымъ, обсуждался въ собраніи общей думы 26-го января 1867 года, и безъ измѣненія утвержденъ думою.

Еще прежде, при старомъ штатѣ полиціи, въ думѣ дѣлалось сравненіе расходовъ по полиціи въ Петербургѣ, Берлинѣ и Вѣнѣ, представившее слѣдующія данныя:

	Вѣна.	Берлинъ.	Петербургъ.
Пространство полицейскихъ округовъ (въ десятинахъ)	11,439	10,000	8,268 ¹⁾
Домовъ собственно въ городѣ	9,704	11,620	8,771
Народонаселеніе полицейскихъ округовъ	680,000	602,000	532,000
Составъ полиціи (безъ пожарной команды)	1,637	1,442	2,530
Чиновниковъ для письменныхъ дѣлъ	221	226	556
1 полицейскій приходится } на число	415	416	210
1 чиновникъ для письменныхъ дѣлъ. } всѣхъ жителей.	3,077	2,246	956
Весь размѣръ на содержаніе полиціи, за исключеніемъ:			
Пожарной команды	479,427 р.	533,150 р.	769,766 р.
Въ томъ числѣ изъ городскихъ суммъ	186,000 р.	97,260 р.	769,766 р.

Эти числовыя данныя, между прочимъ, приведены были въ думѣ для опроверженія того существующаго предубѣжденія, что будто бы

¹⁾ Въ томъ числѣ и острова, изъ которыхъ Крестовскій занимаетъ 230 дес., Елагинъ 81 дес., Голодай 180 и т. д.

въ Петербургѣ, по большому пространству, представляется болѣе затрудненій для полиціи. Если бы эти данныя о полиціи въ Вѣнѣ и Берлинѣ показались недостаточно убѣдительными, такъ какъ у насъ болѣе привыкли обращаться за примѣрами къ Лондону и Парижу, то обратимся и мы къ этимъ городамъ.

Въ Лондонѣ полицію составляютъ 6,251 чел. на 2,803,000 жителей: т. е., 1 полицейскій приходится на 433 чел. жителей; издержки на полицію простираются до 3,125,000 р., или на одного жителя приходится 1 р. 10 коп. издержекъ, собственно же изъ городскихъ доходовъ только 80 к.

Въ Парижѣ муниципальную полицію составляютъ 4,616 агентовъ всякаго рода на 1,694,141 чел. населенія: т. е., по 1 агенту на 367 жителей; издержки на всю полицію простираются до 1,883,297 р., или около 1 р. 10 к. на одного жителя.

Въ петербургской полиціи предполагается наружную полицію организовать изъ 2,283 чел. при 530,000 жителей, что составитъ: 1 полицейскій на 232 человѣка; предполагаемая издержка на полицію въ 870,789 р. составитъ 1 р. 64 к. на одного жителя. Если же присоединить къ тому расходы на Управу благочинія, жандармскій дивизионъ, пожарную и врачебно-полицейскую часть, а также на адресную экспедицію, — то расходъ на полицію составитъ 1,146,477 р. 81 к., или болѣе 2 руб. на одного жителя.

Такимъ образомъ, оказывается, что на содержаніе полиціи въ одномъ Петербургѣ требуется болѣе 1 милліона руб., тогда какъ на содержаніе уѣздной полиціи (которая почти вездѣ соединена съ городскою) во всей имперіи отпускается 4,170,475 руб.

Вторымъ, по значительности своей, послѣ содержанія полиціи, представляется въ бюджетѣ на 1867 годъ расходъ на строительныя работы, простирающійся до 617,352 р. Судя по громадности этой суммы, можно было бы предположить, что петербургская дума только тѣмъ и занимается, что приукрашаетъ городъ новыми зданіями. Ничего подобнаго въ дѣйствительности нѣтъ. Съ тѣхъ поръ, какъ учрежденная въ 1865 году временная строительная коммиссія, состоящая изъ гласныхъ по выбору общей думы, приняла въ свое завѣдываніе городскія зданія и сооруженія, — она, главнымъ образомъ, занимается только исправленіемъ тѣхъ поврежденій и беспорядковъ въ городскихъ зданіяхъ, которыя приняты ею въ наслѣдство отъ округа путей сообщенія. Съ передачею городской строительной части въ завѣдываніе самой думы, округъ путей сообщенія сохранилъ за собою лишь наблюденіе за обывательскими постройками и содержаніе Николаевскаго моста, на что ему и ассигновано, на 1867 годъ, около 25,000 р. Всѣ же остальные зданія и сооруженія завѣдываются хозяйственно-строительною коммиссіею и на ремонтъ ихъ въ 1867 году ассигновано

313,617 руб. Цифра не малая,—это правда; но чтобы судить о томъ, не слишкомъ ли она велика, слѣдуетъ привести количество зданій и сооружений, принятыхъ въ 1865 году городскою комиссiею въ свое завѣдыванiе: зданій и сооружений 351, пловучихъ мостовъ 3, постоянныхъ мостовъ 174, набережныхъ и пристаней 21,147 пог. саж., парковъ и скверовъ 7, бульваровъ 1,579 пог. саж., шоссе 64,909 кв. саж., дорогъ 2,255 пог. саж., мостовыхъ 226,642,208 кв. саж. Что же касается новыхъ работъ, то онѣ въ 1867 году будутъ заключаться, главнымъ образомъ, въ капитальныхъ исправленiяхъ мостовъ, въ положенiи подземныхъ трубъ и устройствъ мостовыхъ преимущественно въ тѣхъ мѣстностяхъ, обыватели которыхъ наиболѣе нуждаются въ означенныхъ устройствахъ, а также въ очисткѣ Фонтанки; на два послѣднiе предмета ассигновано только по 50,000, въ виду недостаточности денежныхъ средствъ города на удовлетворенiе даже и насущныхъ потребностей его обывателей.

Но если, какъ мы сказали, городское управленiе постоянно старается отклонять производство такихъ сооружений, въ которыхъ не предстоитъ столь существенной надобности, какъ въ устройствѣ хлѣбныхъ и другихъ пристаней, въ углубленiи своихъ рѣкъ и каналовъ, въ устройствѣ мостовыхъ и подземныхъ трубъ, то оно не можетъ, конечно, отвергать расходовъ на такiя постройки, которыя необходимы для города. Къ числу такихъ необходимыхъ построекъ принадлежать: рынокъ на Сѣнной площади и скотобойня.

Вопросъ объ устройствѣ Сѣнной площади давно интересуетъ городское общественное управленiе, и не одна комиссiя уже занималась этимъ предметомъ. Наконецъ, послѣдняя комиссiя, которой поручено было, въ 1865 году, составить предварительныя соображенiя о мѣрахъ въ устройствѣ этой площади, нашла ее въ слѣдующемъ видѣ: «Площадь постоянно покрыта грязью, и отъ разлагающихся и испаряющихся на ней нечистотъ воздухъ портится и всюду распространяется зловонiе. Въ эту зараженную атмосферу ежедневно свозятъ, для продажи, значительное количество легко подвергающихся порчѣ жизненныхъ припасовъ: мяса, рыбы, молока, творогу, зелени, кромѣ другихъ разнородныхъ предметовъ, и тутъ же продовольствуются бѣдные и рабочiе люди такъ-называемыми маркитантскими закусками и теплою пищею. На одной сторонѣ площади торгуютъ этими припасами въ кое-какъ сколоченныхъ балаганахъ и лачугахъ, между которыми съ трудомъ можно пробраться по скользкой, неровной и грязной мостовой и деревянной настилкѣ, подъ которой свопляются грязь и нечистоты; на другой сторонѣ Сѣнной, подъ открытымъ небомъ, безъ всякой защиты отъ дождя и непогоды, торгуютъ овощами, стеклянною и фаянсовою посудою, башмаками, рукавицами и т. п.» Что Сѣнная площадь не могла оставаться въ такомъ видѣ, въ какомъ изо-

бразила ее городская комиссія, — въ этомъ, конечно, дума не сомнѣвалась. Сначала нужно было приняться за очистку площади, сдѣлавшейся, наконецъ, просто резервуаромъ мiazмовъ, наполнявшихъ даже и сосѣднія улицы. Съ этою цѣлью, часть торговцевъ была временно переведена на другую мѣстность, и самая площадь вычищена и просушена. Затѣмъ, городскому управленію предстояло устроить Сѣнную площадь и самую торговлю на ней, производящуюся подъ открытымъ небомъ, и притомъ устроить такъ, чтобы она по-прежнему доставляла возможность недостаточному классу населенія приобрѣтать предметы ежедневной насущной потребности по такимъ дешевымъ цѣнамъ, какія недоступны для нихъ на другихъ рынкахъ. Услужливые иностранцы представляли множество блистательныхъ, на первый взглядъ, проектовъ крытыхъ рынковъ въ видѣ кристалльныхъ дворцовъ, обѣщая громаднѣйшіе доходы городу въ будущемъ. Но въ настоящемъ, всѣ эти красоты имѣли блистательную сторону только для самихъ прожектеровъ. Такъ, въ 1865 году, представлены были на разсмотрѣніе думы проекты архитектора Жоффріо, который хотѣлъ выстроить рынокъ на Сѣнной площади слишкомъ за 2 милліона руб., и бельгійскаго инженера Брора, предлагавшаго выстроить рыночныя помѣщенія на площади за 140,000 фунтовъ стерлинговъ. Оба эти проекта дума отвергла въ виду ихъ дороговизны, а также того, что высокая плата за помѣщеніе въ этихъ рынкахъ упала бы на потребителей, и дума остановилась, повидимому, на мысли—устроить на счетъ городскихъ средствъ на площади крытый рынокъ на каменномъ фундаментѣ и чугунныхъ столбахъ, съ хорошимъ освѣщеніемъ, обильнымъ притокомъ свѣжаго воздуха и проводомъ воды, но съ соблюденіемъ величайшей простоты, соотвѣтственно предполагаемой въ немъ торговли самыми обыкновенными предметами ежедневной необходимости.

Другая капитальная постройка, необходимость которой признаетъ общая дума съ 1848 года, — это постройка новыхъ скотобоевъ, такъ какъ существующія городскія скотобойни представляютъ въ своемъ родѣ тѣ же неудобства, грязь и неустройство, какія были годъ тому назадъ на Сѣнной площади. Самое предположеніе думы объ этой застройкѣ такъ долго не получало осуществленія потому, что производилась переписка съ различными вѣдомствами сначала о мѣстѣ, на которомъ должны быть построены скотобойни, а потомъ о самыхъ условіяхъ, по которымъ дума находила нужнымъ выстроить скотобойни. Наконецъ, условія эти, по которымъ предполагается, за сумму около 300,000 рублей, выстроить новыя городскія скотобойни, вполне соотвѣтствующія своей цѣли какъ въ хозяйственномъ, гигиеническомъ, такъ и въ архитектурномъ отношеніяхъ, сообразно съ современнымъ состояніемъ естественныхъ и строительныхъ наукъ, — получили утвержденіе, и, въ іюнѣ 1865 года, былъ объявленъ конкурсъ на составленіе про-

екта устройства новых городских скотобоевъ. Въ теченіе года поступило семь проектовъ, изъ которыхъ, избранная думою изъ спеціалистовъ комиссія, признала три—заслуживающими особеннаго вниманія, но какъ въ нихъ оказались равносильные недостатки и достоинства, то комиссія и нашла справедливымъ выдать имъ всѣмъ тремъ по второй преміи. Это предположеніе дума, 11-го ноября 1866 года, утвердила и поручила той же комиссіи, разсматривавшей проекты, составить и окончательный проектъ скотобоевъ. Быть можетъ, по составленіи этого окончательнаго проекта, онъ опять пойдетъ на окончательное утвержденіе и, такимъ образомъ, новыя скотобойни еще не скоро будутъ выстроены. А, между тѣмъ, ихъ вѣроятно съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаютъ торгующіе скотомъ и мясомъ, въ надеждѣ, хотъ въ Петербургѣ найти нѣкоторое удобство для своей торговли какъ бы въ вознагражденіе за тѣ невзгоды, которыя они терпятъ на протяженіи всей Россіи съ юга до Петербурга.

Въ этомъ отношеніи, положеніе скотопромышленниковъ дѣйстви-тельно заслуживаетъ особеннаго вниманія, такъ какъ оно и остается главною причиною непомернаго возвышенія цѣнъ на мясо въ Петербургѣ, чтó, конечно, имѣетъ большое вліяніе на распространеніе въ немъ большей и большей смертности въ нуждающемся и, преимущественно, въ рабочемъ классѣ населенія. Комиссія, избранная изъ гласныхъ, которой общей думою въ 1865 году было поручено изслѣдовать причины возвышенія въ Петербургѣ цѣнъ на мясо, пришла къ положительному заключенію, что возвышеніе цѣнъ никакъ нельзя приписывать произволу или злоупотребленію со стороны торговцевъ, и было бы совершенно ошибочно предполагать, что удешевленія мяса можно достигнуть какими-либо ограниченіями въ производствѣ торговли, какъ, на примѣръ, восстановленіемъ прежнихъ таксъ. Замѣчаемая дороговизна имѣетъ причины совсѣмъ другія и, между ними, кромѣ паденія цѣнности бумажныхъ денегъ, главнѣйше составляютъ тѣ затрудненія, которыя встрѣчаетъ у насъ почти повсемѣстно торговля мясомъ. Начиная съ крайнихъ пунктовъ отправленія скота до пригона его въ столицу, промышленники подвергаются, чуть не на каждомъ шагу, разнаго рода неудобствамъ и стѣсненіямъ, которыя отражаются, естественно, самымъ неблагоприятнымъ образомъ на ихъ промыслѣ. Полицейскіе осмотры гуртовъ служатъ поводомъ или къ задержкѣ прогоняемыхъ быковъ, или къ неправильнымъ поборамъ; дурное состояніе дорогъ изнуряетъ скотъ и замедляетъ прогонъ его, а дороговизна провоза по желѣзнымъ дорогамъ или увеличиваетъ цѣнность быковъ, или заставляеть, по необходимости, выбирать другіе пути сообщенія, хотя совершенно неудобные, но болѣе выгодные, въ отношеніи издержекъ за прогонъ скота.

Сумма въ 424,232 руб. 50 коп., ассигнованная на 1867 годъ на освѣщеніе Петербурга, въ будущемъ непремѣнно должна увеличиваться

по мѣрѣ распространения газоваго освѣщенія на самыя отдаленныя части города. Но, вѣдь, одно ассигнованіе денегъ на освѣщеніе еще не значитъ, чтобы городъ дѣйствительно былъ освѣщенъ. Поэтому, нужно еще наблюдение за освѣщеніемъ и за исполненіемъ контрактовъ со стороны лицъ, обязавшихся освѣщать городъ. Прежде, для этого наблюденія дума выбирала особую комиссію въ многочисленной составѣ, на разѣзды и расходы которой тратилась ежегодно довольно значительная сумма. Но послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, дума убѣдилась, что какъ бы многочисленъ ни былъ составъ комиссіи, нельзя отъ членовъ ея требовать, чтобы они всѣ ночи на-пролетъ проводили въ разѣздахъ по городу; да даже, еслибы они и это дѣлали, то, не будучи вездѣсущими, они не могли ручаться за исправное горѣніе нѣсколькихъ десятковъ тысячъ фонарей, разсѣянныхъ на нѣсколько десятковъ верстъ. Поэтому, въ ноябрѣ 1865 года, общая дума, согласно предложенію князя Г. А. Щербатова, надзоръ за правильнымъ горѣніемъ фонарей предоставила всѣмъ вообще домовладѣльцамъ (безъ различія, — принадлежитъ ли домъ частному лицу, казѣ или учрежденію), каждому на пространствѣ принадлежащей ему земли; каждый домовладѣлецъ, въ случаѣ неисправности горѣнія фонарей, стоящихъ передъ его домою, записываетъ о томъ въ теченіе мѣсяца на особомъ листѣ, присылаемомъ ему изъ думы, и по истеченіи мѣсяца листъ этотъ съ своими замѣчаніями отправляетъ въ думу; по количеству такихъ заявленій о неисправности горѣнія фонарей, контрагентъ, обязавшійся освѣщать городъ, подвергается опредѣленному штрафу. Очевидно, что такой способъ наблюденія — самый удобный, не сложный и, навѣрное — самый дѣйствительный, не будучи въ то же время ни для кого обременительнымъ. Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что еще очень недавно, не далѣе, какъ въ 1863 году, городская дума, отпускавшая деньги на освѣщеніе города, лишена была права наблюдать за освѣщеніемъ, и эта обязанность исполнялась чиновниками, составлявшими особую комиссію при губернаторѣ. Въ 1863 г., вслѣдствіе дороговизны спиртоваго освѣщенія, крайней недостаточности маслянаго и отказа газоваго общества распротранить свое освѣщеніе на всѣ мѣста, освѣщавшіяся спиртомъ и масломъ, была, наконецъ, признана не только думою, но и подлежащими властями, необходимость новаго способа освѣщенія, и, послѣ множества опытовъ, остановились на керасиновомъ освѣщеніи. Одновременно съ этимъ установленъ и новый порядокъ хозяйственнаго завѣдыванія столичнымъ освѣщеніемъ непосредственно отъ самой думы. Съ тѣхъ поръ освѣщеніе города улучшалось съ каждымъ годомъ, а расходъ не только не возвышался, но уменьшался. Такъ, въ 1863 году въ Петербургѣ горѣло всего 10,940 фонарей (въ томъ числѣ мерцало масляныхъ 3,120), и городъ за это платилъ, не считая жалованья чиновникамъ, состоявшимъ при губернаторѣ въ осо-

Она комиссия для наблюдения за освещением — 391 тыс. руб. Въ 1867 году, городъ будутъ освѣщать около 13,000 фонарей, съ расходомъ, вмѣстѣ съ наблюдательною частью, около 360 тысячъ рублей.

L.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

III.

ПАДЕНІЕ ГЕРМАНСКАГО СОЮЗА.

Статья вторая *).

(1848 — 1852)

Одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій, предшествовавшихъ революціонному движенію 1848 г., это — небывалая дѣятельность и единомысліе, внезапно обнаруженныя въ Германіи, съ половины 1847 года, въ пользу національнаго дѣла ея, какъ нѣкоторыми правительствами, такъ и значительною частью ея общества. Въ то самое время, когда во Франціи все вниманіе публики было поглощено состязаніями блестящихъ, но пустословныхъ ораторовъ, и драматическими манифестациями либеральной *буржуазіи*, а политическія программы передовыхъ людей терялись въ социалистическихъ бредняхъ Фурье и Сень-Симона, въ мистическомъ коммунизмѣ Базара и Анфантена, или въ циническихъ проповѣдяхъ Барро (Barraut), — въ то самое время, въ недалекомъ разстояніи отъ праваго берега Рейна, подъ вліяніемъ свѣтлой, практической мысли Гервинуса, созрѣвала и обуславливалась цѣлая, стройная политическая программа, очертившая главные основанія всѣхъ реформъ, составляющихъ нынѣ источникъ силы и величія Пруссіи. Впродолженіе 1847 года, само прусское правительство, служившее предметомъ неизмѣнныхъ надеждъ передовыхъ людей (*Fortschrittsmänner*) Германіи, какъ будто стало заимствовать свою постановку у программы гейдельбергскихъ патріотовъ, и даже опередило ихъ возжеленія рѣшительностью заявленій генерала Радовица князю Меттерниху. Не трудно представить себѣ, въ какой мѣрѣ этотъ патріотическій *ultimatum* Пруссіи ободрилъ надежды и вѣру патріотовъ въ близость успѣшной развязки вопроса о преобразованіи федеральнаго договора, въ смыслѣ совершенно противоположномъ всѣмъ принципамъ, положеннымъ въ основаніи политической системы Вѣнскаго

*) См. предъидущее выше, въ 1866 г. томъ III, отд. V, стр. 168—183.

конгресса 1815 года. Такимъ образомъ, выходитъ, что громовыи ударъ февральской революціи 1848 года, заставъ Францію подъ вліяніемъ самыхъ скороспѣлыхъ и непрактическихъ мечтаній, погрузившихъ ее въ дикія и кровопролитныя междоусобія, — Германію застала совершенно приготовленною къ самымъ радикальнымъ преобразованіямъ. По сознанію самихъ нѣмцевъ, февральская революціи оказала имъ значительную услугу, хотя бы однимъ страхомъ, наведеннымъ ею на общество, но, еще болѣе, на правительства Германіи. Дѣйствительно, не только для нѣмцевъ, но и для самихъ французовъ, провозглашеніе республики, въ Парижѣ, казалось, въ то время, неразлучнымъ съ немедленнымъ приведеніемъ въ дѣйствіе воинственной революціонной пропаганды за-границею. Опасенія эти не могли не способствовать успѣху дѣла германскихъ патріотовъ, весьма искусно воспользовавшихся извлечь изъ нихъ пользу, въ смыслѣ ускоренія совокупнаго развитія свободы и единства Германіи. Гейдельбергская *Нѣмецкая Газета*—Гервинуса, смѣло и ясно заявила всѣ свои воззрѣнія и надежды. Необузданность революціоннаго движенія и дикія требованія социализма должны были, по ея мнѣнію, парализовать всю внѣшнюю дѣятельность Франціи. Наивныя заявленія платонической любви Ламартина «къ угнетеннымъ народамъ» и бессмысленныя бредни социалистовъ Люксембургскаго дворца въ одинаковой мѣрѣ подвергались язвительнымъ и меткимъ насмѣшкамъ Гервинуса. Съ замѣчательною вѣрностію взгляда предсказывалъ онъ Франціи, что въ неминуемыхъ, междоусобныхъ кровопролитіяхъ погибнуть всѣ добытыя ею свободы, такъ какъ этими междоусобіями неизбѣжно выработается лишь какое-нибудь диктаторство, для котораго постоянный рядъ внѣшнихъ войнъ сдѣлается необходимою, дабы отвлечь вниманіе французовъ отъ систематическаго угнетенія всѣхъ пріобрѣтенныхъ ими правъ и свободъ. И Германіи, и всей Европѣ, говорилъ Гервинусъ, слѣдовало спѣшить воспользоваться промежуткомъ времени между этими неизбѣжными двумя фазами французской революціи, для сплоченія своихъ силъ, для укрѣпленія, *свободою*, связи между народами и правительствомъ, для оживленія, *свободою же*, всѣхъ производительныхъ силъ первыхъ и могущества послѣднихъ, и для приготовленія себя, такимъ образомъ, къ близкому и грозному столкновенію.

Тяжелая, осмысленная опытность доказала нынѣ всей Европѣ вѣрность предсказаній гейдельбергскаго мыслителя. Но, въ то время, правительствамъ ея, разумѣется, было не до того, чтобы внять голосу нѣмецкаго ученаго, и многіе изъ нихъ уже заплатились въ эту минуту за свою презрительную самонадѣянность, составлявшую отличительную черту правительственной системы, развившейся подъ вліяніемъ князя Меттерниха. За то предсказаніямъ Гервинуса внялъ нѣмецкій народъ. Собравшись на площади, утромъ 5 марта 1848 года, *платъ-*

Десять одинъ достойнѣйшихъ гейдельбергскихъ гражданъ положили, что «въ самый короткій срокъ должно быть созвано собраніе представителей цѣлой Германіи, для отвращенія внутреннихъ и внѣшнихъ опасностей и для развитія всѣхъ силъ нѣмецкой національности.» Это было первое проявленіе въ Германіи той грозной силы, насильственное подавленіе которой, въ цѣлой Европѣ, составляло первую цѣль системы князя Меттерниха, подпертой почти повсемѣстною пропагандой іезуитскаго ученія, искусно проводимаго, въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, личнымъ вліяніемъ, интригами, рѣчами и сочиненіями графа де-Мэстра. Суетность этихъ усилій, шаткость этой системы изобличились въ цѣлой Германіи, при первыхъ перекатахъ громового удара, разразившагося въ Парижѣ 24 февраля 1848 года. Подъ вліяніемъ торжественнаго заявленія гейдельбергскихъ патріотовъ, 13 марта вспыхнула революція въ Вѣнѣ; 18 марта — въ Берлинѣ. Фридрихъ-Вильгельмъ IV, издавая «патентъ» новой конституціи, торжественно заявилъ, что *Пруссія должна слиться съ Германіею*, и что, для прочности этого сліянія, необходимо, для цѣлой Германіи, одно центральное народное представительство, основанное на избирательномъ началѣ и на свободѣ печати, ограниченной лишь тѣми предѣлами, которые потребуются безопасностью «общаго отечества». Вслѣдъ затѣмъ, не только въ Пруссіи, но даже и въ Австріи, сами правительства нашлись вынужденными способствовать ускоренію выборовъ, такъ-что, въ отвѣтъ на призывъ 51 гейдельбергскихъ *бюргеровъ*, 19 мая 1848 г., во Франефуртѣ, въ первый разъ открыты засѣданія нѣмецкаго *народнаго* парламента.

Предсѣдателемъ парламента былъ избранъ почтенный ветеранъ ватерлооской битвы, баронъ Генрихъ Гагернъ (Gagern), одна изъ замѣчательнѣйшихъ личностей перваго національнаго движенія Германіи, въ 1813 году. «Насталъ часъ», сказалъ баронъ Гагернъ, открывая засѣданіе парламента, «когда въ первый разъ, послѣ многихъ вѣковъ, нѣмецкій народъ призванъ къ надѣленію себя правительствомъ, для управленія дѣлами *общаго отечества*. *Единство Германіи*, существовавшее до сихъ поръ лишь въ глубинѣ нашихъ совѣстей, *сдѣлается фактомъ и займетъ свое мѣсто въ мірѣ*». Затѣмъ, 12 іюля, произошло формальное отреченіе тридцати-трехлѣтняго германскаго сейма. Со дня заключенія пресбургскаго мира (1806), въ первый разъ произнесено при этомъ слово *Германская Имперія*, и усиліями приверженцевъ Австріи, составлявшихъ большинство при открытіи засѣданій нѣмецкаго парламента, австрійскій эрцъ-герцогъ Іоаннъ провозглашенъ *викаріемъ* имперіи. Дѣло прошлаго рушилось почти безъ сопротивленія; мѣсто было очищено отъ развалинъ; настало время приступить къ сооруженію новаго зданія.

Извѣстно, что на этомъ поприщѣ франкфуртскій парламентъ под-

вергался до сихъ поръ нескончаемымъ упрекамъ и беспощаднымъ насмѣшкамъ цѣлой Европы. Но, прежде чѣмъ признать его рѣшительно несостоятельнымъ и неспособнымъ къ основанію чего-нибудь прочнаго, слѣдовало бы принять въ соображеніе многостороннія, безвыходныя, почти непреодолимыя трудности его положенія. Пренія его происходили посреди самаго необузданнаго разгара революціоннаго пожара и безъ всякаго прикрытія какой-нибудь матеріальной власти и силы, способныхъ — не только настоять на исполненіи его приговоровъ, но даже и оградить личную безопасность членовъ его, равно какъ и независимость, достоинство его засѣданій. Каждый день прибывали свѣдѣнія о какомъ-нибудь новомъ, непредвидѣнномъ усложненіи и безъ того уже запутанныхъ дѣлъ цѣлой Германіи; каждый день получались извѣстія о какой-нибудь новой революціи, то въ Вѣнѣ, то въ Дрезденѣ, то въ Берлинѣ, то въ Баденѣ. При этомъ необходимо вспомнить, что члены франкфуртскаго парламента были далеко не зачатые, кровожадные революціонеры, подобно вожакамъ уличныхъ титановъ первой французской революціи; они не мечтали ни о социальномъ переворотѣ, ни о всемірной республикѣ, ни о воинственной пропагандѣ дѣла освобожденія человѣчества. Они гнушались всякаго насилія, и искренно презирали всякое дѣйствіе, имѣвшее цѣлью произвести уличную схватку. Человѣческую кровь признавали они святинею, и покуда парижскіе уличные «преобразователи человѣчества», по примѣру ихъ любимаго поэта, Августа Барбье, воспѣвали свободу въ видѣ безнравственной женщины, «наслаждающейся объятіями окровавленныхъ рукъ», франкфуртскіе миролюбивые революціонеры представляли ее себѣ не иначе, какъ въ строгихъ чертахъ древнихъ стоеиковъ республиканскаго Рима, съ примѣсю витійства нѣмецкихъ докторовъ. Всѣ эти стремленія франкфуртскаго парламента объяснились самимъ составомъ его, такъ какъ члены его, но большей части, были весьма просвѣщенные и почтенные, но словоохотливые и восторженные адвокаты, журналисты, профессора и даже землевладѣльцы, проникнутые чувствомъ законности, весьма умѣренныя въ своихъ требованіяхъ, одушевленные единственно страстью къ объединенію «великаго нѣмецкаго отечества», но, къ несчастію своему, не имѣвшіе никакого случая пріобрѣсть какую-нибудь опытность въ дѣлѣ самоуправленія. Этимъ — то добродушнымъ и просвѣщеннымъ, но совершенно не практичнымъ гражданамъ, располагавшимъ никакою матеріальною властью, пришлось бороться, почти одновременно, со страстными требованіями крайней революціонной партіи, съ возбужденіями и колебаніями то робкаго, то предприимчиваго честолюбія Пруссіи, съ притязаніями консерваторовъ, подпертыхъ всѣмъ вліяніемъ второстепенныхъ правительствъ, и съ ухищреніями и насиліями рѣшительныхъ, опытныхъ и даровитыхъ австрійскихъ

дипломатовъ. Понятно, что, при этой обстановкѣ, едва ли можно было справедливо требовать отъ нѣмецкаго парламента созданія какого-нибудь прочнаго и сильнаго новаго порядка; но исторія не можетъ не отдать ему справедливости въ томъ, что онъ первый постановилъ задачи, выполненіемъ которыхъ нынѣ гордится Пруссія, не смотря на то, что если эти задачи не были выполнены уже въ 1848 году, то виною этому были, не столько франкфуртскій парламентъ, какъ нерѣшительность и безпрестанныя колебанія самого берлинскаго кабинета.

Къ тому же, съ перваго шага своего на поприщѣ политической дѣятельности, франкфуртскому парламенту было суждено встрѣтить постановленный непреодолимыми требованіями общественнаго мнѣнія, грозный и многосложный вопросъ, составляющій первый стихъ извѣстной національной пѣсни Арндта: «*Was ist des Deutschen Vaterland?*» (что — отечество нѣмца?) — «Отечество нѣмца», отвѣчала сама пѣсня, «вездѣ, гдѣ раздается (*klings*) нѣмецкій языкъ!» Понятно, что франкфуртскій парламентъ, имѣвшій одну опору въ общественномъ мнѣніи Германіи, не могъ, въ этомъ отношеніи, дать другого отвѣта, какъ ея національная пѣсня, безспорно служившая самымъ вѣрнымъ выраженіемъ общественнаго мнѣнія. Парламентъ единодушно призналъ, что отечество нѣмца вездѣ, гдѣ идетъ дѣло о защитѣ «нѣмецкой чести», «нѣмецкихъ интересовъ», «нѣмецкой будущности», «нѣмецкаго призванія» и проч. Въ первые моменты восторга, франкфуртскій парламентъ до такой степени увлекся теоріею восторженнаго поэта, что объявленіе, будто рѣка Минціо составляетъ истинную границу Германіи съ Италіею, было принято имъ съ единодушными рукоплесканіями; депутатъ Эйзенманъ сталъ умолять собраніе не забывать «Альзасскихъ братьевъ»; а такъ какъ чехи предпочли собрать своихъ представителей въ Прагѣ, чѣмъ посылать ихъ во Франкфуртъ, для засѣданія въ нѣмецкомъ парламентѣ, то, при извѣстии о бомбардированіи Праги княземъ Виндишгрецомъ, весь парламентъ единодушно рѣшилъ: торжественно благодарить князя за защиту «нѣмецкихъ интересовъ», что нисколько не помѣшало этому австрійскому фельдмаршалу разстрѣлять перваго попавшагося ему въ руки члена національнаго парламента Германіи, прибывшаго въ Вѣну съ официальнымъ порученіемъ.

При этомъ, впрочемъ, надо замѣтить, что самый вопросъ этотъ былъ вызванъ притязаніями познанскихъ поляковъ. Заявленіе этихъ притязаній не могло не возбудить сильнаго противодѣйствія со стороны депутатовъ Пруссіи, не упусавшихъ изъ виду, что, кромѣ Познани, вся восточная Пруссія, древняя королевская и герцогская Пруссія, вся Померанія и вся Силезія были нѣкогда достоинствами королевственной - республики, и что, поэтому, свойственное полякамъ, отыскиваніе «своихъ братьевъ» неизбѣжно влекло за собою распаденіе

прусской монархіи. Парламентъ единогласно объявилъ, вслѣдствіе этого, что онъ не находитъ ни полезнымъ, ни даже возможнымъ, «осуждать на *распаденіе Германію*, въ пользу *возрожденія Польши*».

Рѣшеніе это понятно, такъ какъ здѣсь дѣло шло только о защитѣ права, уже приобрѣтеннаго Германіею четырехсотлѣтнимъ бесилиемъ Польши—противостоять тому нравственному и экономическому завоеванію, которое характеризуется въ Германіи выраженіемъ: *Drang nach Osten*. Подъ вліяніемъ латинской церкви и германскаго общества, Польша, съ самаго начала своего существованія, не переставала отдѣляться отъ своего славянскаго начала, и терять всякое сознаніе самостоятельной національности. Уже въ XIV вѣкѣ двѣ значительныя области ея, Силезія и Померанія, уступлены Германіи, безъ всякой реакціи національнаго чувства ихъ населеній, и на развалинахъ этой, рѣшительно несостоятельной вѣтви славянской народности, сложилась мощная прусская монархія, стремящаяся къ предводительству цѣлою германскою народностью, не смотря на то, что въ сущности, она, по большей части, составлена изъ *отъмечившихся славянъ*, какъ выражались про нее австрійскіе публицисты. Возстановленіе польской народности было бы не что иное, какъ распаденіе Пруссіи, единственнаго мощнаго, объединительнаго звена раздробленной германской народности; поэтому, что бы ни говорили озлобленные поляки противъ смертнаго приговора, произнесеннаго франкфуртскимъ парламентомъ надъ ихъ дряхлою и несостоятельною народностью, но этотъ приговоръ, во всѣхъ отношеніяхъ, достоинъ оправданія и одобренія всякаго безпристрастнаго историка.

Уже до 1848 года было достаточно доказано, до какой степени была успѣшна, въ цѣлой Германіи, многолѣтняя, неотступная и искусная пропаганда Дальмана, Дройзена, Вайца и всѣхъ ихъ ученыхъ и даровитыхъ послѣдователей и пособниковъ. Въ 1848 году, еще разъ подтвердилась великая истина, что, благодаря этой пропагандѣ, такъ слѣпо покровительствуемой самимъ правительствомъ Даніи, всякое пробужденіе національнаго чувства Германіи было неразлучно съ пробужденіемъ болѣзненнаго раздраженія противъ Даніи. Оба эти чувства слились до такой степени, что всякое проявленіе одного изъ нихъ неизбежно влекло за собою и обнаруженіе другого. Не останавливаясь на вопросѣ о томъ, гаванямъ ли Германіи не доставало кораблей, или кораблямъ ея недоставало гаваней, нѣмцы не безъ зависти вспоминали, что лучшая гавань *одного изъ ихъ морей* принадлежала не имъ, а незначительной датской монархіи; что эта незначительная монархія имѣла флотъ, еще недавно стоявшій на ряду съ первоклассными флотами Европы, тогда какъ «великое нѣмецкое отечество» не имѣло ни военной, ни купеческой морской силы. Зависть и алчность—таковы чувства, которыя легли, такимъ образомъ, въ

основаніи отношеній «великой Германіи» къ ея незначительному, но бойкому сосѣду. Жажда единства — единства чувствъ, за невозможностью достигнуть единства политическаго — Германія воспользовалась первымъ представившимся случаемъ слиться мыслями и чувствами, хотя бы чувствами общей зависти и ненависти къ сосѣду другого племени.

Въ 1848 году, франкфуртскій парламентъ считалъ себя представителемъ, осуществленіемъ этого единства; само собою разумѣется, что, служа выраженіемъ національнаго чувства Германіи, онъ не могъ оставаться равнодушнымъ къ тому вопросу, который столько лѣтъ служилъ единственнымъ проявленіемъ этого чувства. Шлезвигъ-голлштейнское дѣло дѣйствительно явилось на первомъ планѣ, какъ только былъ постановленъ вопросъ: «Что составляетъ отечество нѣмца?» Приобрѣтеніе датскихъ герцогствъ казалось парламенту краеугольнымъ камнемъ «морскихъ интересовъ» Германіи; не говоря уже о томъ, что въ Шлезвигѣ также было не малое число «угнетенныхъ братьевъ». Правда, что и въ Альзасѣ, и въ балтійскихъ губерніяхъ Россіи нѣмцамъ легко можно было отыскать еще несравненно большее число такихъ «братьевъ»; но, *до поры до времени*, франкфуртскому парламенту, по справедливости, казалось и сподручнѣе, и безопаснѣе озаботиться исключительно освобожденіемъ Шлезвигъ-Голштейна. На этотъ же путь, впрочемъ, направляли его и систематическія возбужденія Пруссіи, пользовавшейся, съ самаго начала, безграничною преданностью самой дѣятельной и искусной части франкфуртскихъ законодателей. Пруссіею, въ этомъ случаѣ, руководила не только надежда на легкое завоеваніе, но также и желаніе отвлечь Германію отъ всякаго помысла подать помощь видимо распадающейся австрійской монархіи, и приобрѣсть для себя какой-нибудь болѣе или менѣе благовидный предлогъ къ отказу въ этой помощи. Къ тому же, подъ постояннымъ вліяніемъ измѣннической пропаганды принца Ноэръ и его брата, герцога августенбургскаго, въ Голштейнѣ произошло возстаніе, и, благодаря систематическимъ возбужденіямъ мѣстнаго нѣмецкаго дворянства (*Ritterschaft*), возстаніе это быстро распространилось и въ южномъ Шлезвигѣ. При содѣйствіи сосѣдней Германіи, мятежники выставили значительныя военныя силы, но успѣхи датскаго генерала Меца очевидно грозили имъ неминуемымъ пораженіемъ. Въ цѣлой Германіи громко высказалось требованіе подачи помощи «бѣдствующимъ братьямъ»; Пруссія искусно воспользовалась этимъ движеніемъ и настоятельно потребовала объявленія войны Даніи. Увлеченный этими разносторонними побужденіями, нѣмецкій парламентъ рѣшился исполнить требованіе Пруссіи и общественнаго мнѣнія цѣлой Германіи, и поручилъ берлинскому кабинету предводительство въ «защитѣ нѣмецкихъ интересовъ» на берегахъ Эйдера.

Само собою разумѣется, что эта роль сильно способствовала распространенію и упроченію популярности прусскаго правительства. Кароль Фридрихъ - Вильгельмъ IV вскорѣ сдѣлался предметомъ общаго восторга германскихъ патріотовъ, являясь имъ въ видѣ каковой-то непропороченной личности, предназначенной самимъ Провидѣніемъ для осуществленія всѣхъ ихъ надеждъ. Уже 24 марта 1848 года, послѣ первыхъ потрясеній революціоннаго движенія въ Берлинѣ, прусскій король заявлялъ въ письмѣ своемъ принцу Христіану августенбургскому, что въ спорѣ между датскимъ правительствомъ и его за-эйдерскими подданными слѣдуетъ признать три непремѣнные принципа, а именно: что герцогства составляютъ самостоятельныя государства; что они должны быть неразрывно соединены между собою, и что одно мужеское колѣно имѣетъ право царствовать въ нихъ. Понятно, что разглашеніе этого письма возбудило до неистовства восторженный *германизмъ* и бунтливый неудовольствія сторонниковъ шлезвигъ-голштинизма. Дѣйствительно, взявъ въ свои руки шлезвигъ-голштейнское дѣло, Фридрихъ - Вильгельмъ IV, можетъ - быть и не совсѣмъ сознательно, сталъ во главѣ чисто-революціоннаго движенія, такъ какъ страсть Германіи къ герцогствамъ Эйдера и Эльбы, съ самаго проявленія своего, облеклась характеромъ чисто-революціоннымъ, проповѣдывая возстаніе Шлезвига противъ своего законнаго правительства, и составляя, кромѣ того, насильственную реакцію противъ порядка, установленнаго вѣнскими трактатами. Характеръ этотъ не ускользнулъ отъ проницательнаго взгляда князя Меттерниха, не перестававшаго, до самаго 1848 года, защищать, всѣми средствами, неоспоримыя права Даніи, и внушившаго приведенную выше революцію сейма въ 1823 году ¹⁾. Преемникъ князя Меттерниха, князь Шварценбергъ, выражался въ томъ же смыслѣ въ 1848 и 49 годахъ, громко порицая положеніе, принятое берлинскимъ кабинетомъ въ войнѣ Даніи съ шлезвигъ-голштейнскими мятежниками. Сама Пруссія, держась въ 1822 году консервативной политики, протестовала, во Франкфуртѣ, противъ домогательствъ голштейнскихъ агитаторовъ. Въ 1848 году, жаждая популярности, король Фридрихъ - Вильгельмъ IV внезапно измѣнилъ это многолѣтнее положеніе берлинскаго кабинета, къ великому негодованію прусской консервативно-феодальной партіи, оставшейся вѣрной политической программѣ Пруссіи 1822 и 23 годовъ. Негодованіе это выражено съ особенною силою, 21 апрѣля 1849 года, въ прусской палатѣ представителей, однимъ изъ ревностнѣйшихъ феодаловъ этой палаты, объявившимъ, что «прусскія королевскія войска поддержи-

¹⁾ См. о засѣданіи 17-го ноября 1823 года, когда сеймъ призналъ «неосновательную» жалобу *прелатовъ и рыцарей Голштейна*, изложенную ими въ прошеніи отъ 5-го декабря 1822 года, — въ статьѣ первой на стр. 180.

аютъ въ Шлезвигѣ возстаніе противъ законнаго государя»; что «споръ, связанный съ этимъ государемъ, не имѣетъ никакого основанія», и что война противъ него, въ герцогствахъ, есть «предпріятіе въ высшей степени незаконное, пустое и бѣдственное».

Заявленіе это особенно замѣчательно тѣмъ, что оно было сдѣлано бранденбургскимъ депутатомъ, Бисмаркомъ-Шёнгаузенъ, нынѣшнимъ предсѣдателемъ совѣта министровъ прусскаго короля.

Но протестъ прусскихъ феодаловъ, заявленный г. Бисмаркомъ-Шёнгаузенъ, не имѣлъ никакого дѣйствія. Прусское правительство, подъ вліяніемъ честолюбивой мечтательности наперсника короля, генерала Радовица, рѣшительно было намѣрено взять въ свои руки революціонное движеніе 1848 года и извлечь изъ него всевозможную пользу для интересовъ гогенцоллернской державы. Само собою разумѣется, что, вслѣдствіе этой рѣшимости, положеніе Даніи вдругъ сдѣлалось чрезвычайно труднымъ. Она обратилась съ просьбою о помощи къ Англіи и Россіи, напоминая имъ, что первая, актомъ отъ 20 іюля 1720 года, а вторая, трактатами отъ 22 апрѣля 1767 года и 21 и 31 мая 1773 года ¹⁾ гарантировали Даніи неотъемлемое владѣніе герцогствомъ Шлезвигъ. Къ несчастію Даніи, въ лондонскомъ кабинетѣ существовало въ то время значительное различіе воззрѣній на датско-нѣмецкій споръ. Съ одной стороны, принцъ Альбертъ Саксенъ-Кобургскій, подъ рукою склонялъ свою супругу, королеву Викторію, въ пользу такъ называемаго «*German influence*» (нѣмецкихъ вліяній), какъ выражались англичане; съ другой же стороны, лордъ Пальмерстонъ настаивалъ на необходимости выполнить обязательства, принятыя Англіею въ 1720 году. Невольно подчиняясь сначала придворнымъ вліяніямъ, лордъ Пальмерстонъ, въ засѣданіи парламента, 17 апрѣля 1848 года, на запросъ г. Дизраэли, отвѣтилъ, что гарантія, данная въ 1720 году, не относилась къ внутреннему спору между датскимъ правительствомъ и его подданными, и что, во всякомъ случаѣ, эта гарантія можетъ имѣть дѣйствіе только на Шлезвигъ, такъ какъ Голштейнъ составляетъ неотъемлемую часть Германскаго союза. То же самое повторилъ онъ 28 апрѣля въ разговорѣ съ г. Банксъ, посланникомъ Германскаго союза, и наконецъ, 4 мая, въ третій разъ, въ присутствіи палаты общинъ.

Но если первыя усилія Даніи снискать иностранную помощь не имѣли успѣха въ Англіи, то въ Россіи получили они совершенно другой исходъ. Императоръ Николай Павловичъ, имѣя можетъ быть въ виду также и подавленіе ненавистнаго ему революціоннаго движенія, а

¹⁾ См. циркулярную депешу шведскаго министра иностранныхъ дѣлъ отъ 29-го марта 1861 года къ посланникамъ въ С.-Петербургѣ, Лондонѣ и Парижѣ, *Staats Archiv von Aegidi und Kanhold, Juli-August-Heft.* (1863 года № 731; стр. 7).

не одно исполненіе обязательствъ 1721 года, уже на половину отиѣненныхъ постановленіями 1815—20 годовъ, успѣвшия оказать Даніи ходатайствуемое ею содѣйствіе. Не менѣе горячо взялась за это дѣло и Швеція; въ Англии же, настояніями с.-петербургскаго и стокгольмскаго кабинетовъ, принцыпы лорда Пальмерстона восторжествовали надъ личными сочувствіями супруга королевы. Такимъ образомъ, благодаря энергическому и совокупному вмѣшательству Россіи, Англии и Швеціи, 19 іюля 1849 года, между воюющими державами заключено перемиріе, вслѣдствіе котораго, 2 іюня 1850 года, между Германією и Данією заключенъ миръ въ Берлинѣ.

Но покуда шлезвигъ-голлштейнскій вопросъ служилъ, для цѣлой Европы, какъ бы предохранительнымъ клапаномъ противъ взрыва, давно подавленнаго чувства германской національности, во франкфуртскомъ парламентѣ съ каждымъ днемъ накоплялись новые элементы будущихъ смуть и междоусобій, подъ вліяніемъ заповѣднаго соперничества двухъ великихъ державъ, взаимно противопоставленныхъ общою федеральною организаціею. Впрочемъ, съ самаго начала не трудно было предвидѣть, что неизбѣжнымъ камнемъ преткновенія принциповъ, провозглашенныхъ франкфуртскимъ парламентомъ насчетъ предѣловъ «великаго германскаго отечества» и правъ германской національности, окажется многоязычная имперія Габсбурговъ. Еще въ 1847 году этотъ камень преткновенія былъ предвидѣнъ и предсказанъ *Нѣмецкою Газетою* Гервинуса. Не говоря уже о трудности соглашенія, въ той же федеральной организаціи, двухъ соперниковъ, подобныхъ Австріи и Пруссіи, главнымъ затрудненіемъ являлось, въ этомъ случаѣ, введеніе, въ составъ болѣе сосредоточенной и сплоченной Германіи, державы, владѣющей славянскими, мадьярскими, итальянскими и румынскими народами, которые всѣ, болѣе или менѣе, ненавидѣли другъ друга, но также всѣ ненавидѣли, еще болѣе, систематическое *отмеченіе*, провозглашенное самимъ парламентомъ за основаніе и непрямѣнное условіе существованія «великаго германскаго отечества». Къ тому же, Австрія, въ то время, грозило, повидимому, почти неминуемое распаденіе; а франкфуртскій парламентъ не обнаруживалъ особеннаго стремленія подѣлиться опасностями и издержками по войнѣ въ Италіи, въ Венгріи и въ Богеміи. Понятно, что подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ соображеній, новое центральное правленіе легко убѣдилось въ невозможности включить въ составъ предполагаемаго имъ союза всю австрійскую монархію; съ другой же стороны, ему казалось не болѣе возможнымъ включить въ составъ союза одну только нѣмецкую часть владѣній габсбургскаго дома. Оставалось третье средство, предложенное Гервинусомъ еще до 1848 года. Это средство было: вовсе исключить Австрію изъ Германскаго союза. Впрочемъ, на подобное рѣшеніе намекали уже въ 1815 году прусскіе

министры Штейнъ и Гарденбергъ. Между тѣмъ, какъ сказано было выше, австрійскій эрцъ-герцогъ Іоаннъ, въ великой досадѣ прусскаго правительства, былъ облеченъ центральной властью Германіи, съ званіемъ *сикарія* имперіи. Самое назначеніе это доказывало, до какой степени, въ то время, были сильны сочувствія парламента въ пользу Австріи, и дѣйствительно, объявивъ торжественно свое соболѣзнованіе къ участи «братъевъ», подвластныхъ не только Даніи, но и Франціи и Россіи, нѣмецкій парламентъ не могъ оставаться равнодушнымъ къ бѣдствіямъ «австрійскихъ братъевъ», въ борьбѣ со славянами, съ мадьярами и съ итальянцами.

Такимъ образомъ, понятно, что при первыхъ слухахъ о намѣреніи исключить Австрію изъ перерождаемой Германіи, въ самомъ парламентѣ образовалась партія «великой Германіи», преданная Австріи, въ противоположность партіи «малой Германіи», предводительствуемой Пруссіей. На сторонѣ послѣдней оказалась вся либеральная партія, тогда какъ къ первой присоединились всѣ абсолютисты, феодалы, партикуляристы и значительное большинство католиковъ. Эта же двойственность оказалась даже и въ прусской палатѣ депутатовъ, гдѣ самымъ энергическимъ и краснорѣчивымъ защитникомъ правъ Австріи—остаться въ составѣ Германскаго союза, явился, впоследствии, тотъ же бранденбургскій депутатъ, Бисмаркъ-Шенгаузенъ, который такъ блистательно защитилъ, въ 1849 году, права «законнаго государя» (датскаго короля) на Шлезвигъ и на Голштейнъ.

Само собою разумѣется, что какъ бы Австрія ни была озабочена въ то время возстаніями въ Италіи, въ Венеціи, въ Богеміи и даже въ самой Вѣнѣ, она не могла оставаться равнодушною къ разрѣшенію вопроса объ ея исключеніи изъ Германіи. Безпокойство ея выразилось депешей отъ 27 ноября 1848 года, въ которой австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, князь Шварценбергъ, заявилъ франкфуртскому парламенту, что «прочное существованіе австрійской монархіи, въ полномъ составѣ ея владѣній, составляетъ *непреложную* потребность и для Германіи, и для всей Европы». «Что же касается отношеній между Австріей и Германіей», присовокуплялъ австрійскій министръ, «то къ опредѣленію ихъ можно приступить лишь тогда, когда обѣ онѣ совершатъ свое перерожденіе и надѣлать себя прочными учрежденіями.» Но *перерожденіе*, совершавшееся въ то время въ Австріи, далеко не соотвѣтствовало видамъ и цѣлямъ, торжественно провозглашеннымъ нѣмецкимъ парламентомъ, такъ какъ, въ сущности, оно заключалось въ принужденной готовности ко всякаго рода уступкамъ напуганнаго австрійскаго правительства въ пользу самостоятельности національностей, возмущенныхъ противъ систематической германизации меттернихсовою внутренней политикой. Франкфуртскій парламентъ призналъ эти уступки *измѣнами* настоящему назначенію Австріи, состоя-

этому, по мѣнѣнію великогерманскихъ патріотовъ, въ распространеніи и упроченіи, на востокъ, преобладанія германскаго національнаго духа и въ поглощеніи и уничтоженіи всѣхъ инородныхъ элементовъ, подобно тому, что такъ успѣшно было совершено Пруссіею съ древнею Польшею. «Я вѣрю въ призваніе Германіи», воскликнулъ предсѣдатель Гагернъ, «я пересталъ бы гордиться своимъ званіемъ — нѣмца, если бы наше назначеніе состояло единственно въ созданіи конституціи, подѣ которой намъ оставалось бы лишь наслаждаться домашнимъ благополучіемъ. Германія имѣетъ призваніемъ просвѣтитъ востокъ, и народы береговъ Дуная, не достигнувшіе еще помалу самосознанія, должны быть нашими спутниками въ этомъ постоянномъ движеніи къ восточному міру.» Для выполненія этого призванія, Австрія, по мѣнѣнію предсѣдателя, необходимо было сосредоточить всѣ свои силы и пользоваться полною свободою дѣйствій; вслѣдствіе чего, торжественно опредѣлено: Австрію изъ Германскаго союза исключить, *покуда она не выполнитъ своего призванія*; послѣ чего, условія отношеній ея къ германской имперіи будутъ опредѣлены особеннымъ трактатомъ. Затѣмъ, 8 марта 1849 года, утверждена конституція, общая всей Германіи и довольно сходная съ программю, выраженною Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV при изданіи «патента», установившаго прусскую конституцію; а 28 марта, въ 196 засѣданіи парламента, постановлено, что:

«1) Національное собраніе приступить немедленно къ избранію императора;

«2) Избраніе совершится по большинству голосовъ;

«3) Каждый членъ національнаго собранія будетъ приглашенъ къ указанію того царствующаго принца Германіи, въ пользу котораго онъ подаетъ голосъ;

«4) Избраніе императора будетъ объявлено всенародно предсѣдателемъ національнаго собранія и отъ имени этого собранія.

«Вслѣдствіе чего, предсѣдатель обнародовалъ конституцію; затѣмъ открыто избраніе императора:

«290 членовъ подали голосъ въ пользу короля Пруссіи;

«248 членовъ воздержались отъ избранія.

«Король прусскій, Фридрихъ-Вильгельмъ IV, провозглашенъ императоромъ нѣмцевъ при общихъ возгласахъ собранія ¹⁾.»

Этою выпискою изъ протокола 196 засѣданія парламента опредѣляется огромный переворотъ, совершившійся подѣ влияніемъ Пруссіи въ убѣжденіяхъ національнаго собранія, со времени первыхъ засѣда-

¹⁾ Archives diplomatiques générales par Martens, Saalfeld et Frédéric Murhard. Tome II, années 1848—49; p. 457.

ий его. *Въ пользу Австріи не было подано ни одного голоса*; а между тѣмъ, для дѣйствительнаго исключенія ея изъ Германіи уже было упушено удобное время. Австрія видимо начала оправляться отъ першихъ своихъ пораженій; 23 марта, подъ Новаррою, она окончательно раздавила одного врага; вмѣшательство же Россіи въ дѣло Венгріи рѣдѣшало неминуемое паденіе и другого врага. Къ тому же, франкфуртскій парламентъ былъ созданъ революціею; а торжество Австріи, съ одной стороны, съ другой же стороны избраніе, состоявшееся во Франціи 2 декабря 1848 года, какъ бы указывали на неминуемую рѣзцію противъ всякаго революціоннаго начала. Но Германія была въ упоеніи восторга, возбужденнаго обнародованіемъ протокола 196 засѣданія ея національнаго собранія. Въ Дрезденѣ, въ Карлсруэ, въ Мюнхенѣ, мѣстныя палаты представителей провозгласили предводительство (*Hegetomie*) Пруссіи, принуждая свои правительства къ признанію императора и къ уступкѣ, въ пользу его, части своихъ правъ и власти. Въ Виртембергѣ эта борьба стала-было принимать довольно упорный характеръ.—«Не подчиняюсь дому Гогенцоллерновъ!» воскликнулъ престарѣлый король, по справедливости слышій однимъ изъ либеральнѣйшихъ государей Германіи. «Не подчиняюсь дому Гогенцоллерновъ! Къ этому обязываетъ меня моя страна, мой народъ; къ этому обязываетъ меня мой родъ, моя семья!» Тѣмъ не менѣе, черезъ нѣсколько дней, прокламаціею отъ 25 апрѣля 1849 г., виртембергское правительство обнародовало, что король, согласно съ своими министрами, подчиняется опредѣленію франкфуртскихъ законодателей.

Но куда Германія съ восторгомъ привѣтствовала избранника своего перваго національнаго собранія, въ прусскомъ правительствѣ—какъ бы предчувствуя неминуемость близкой реакціи консервативнаго начала, и подъ влияніемъ опасеній, возбужденныхъ либеральнымъ направленіемъ основныхъ законовъ, утвержденныхъ для будущей имперіи засѣданіемъ франкфуртскаго парламента, 23 декабря 1848 г.—въ прусскомъ правительствѣ совершился переворотъ мнѣній и убѣжденій, первое проявленіе котораго выразилось черезъ нѣсколько дней послѣ этого засѣданія, циркуляромъ г. Булова къ дипломатическимъ агентамъ берлинскаго кабинета. «Австрія», сказано въ этомъ циркулярѣ, «связана съ Германіею весьма древними узами, еще упрочившимися въ самое смутное время прошлаго года, управленіемъ нѣмецкими дѣлами принципомъ изъ австрійскаго императорскаго дома. Съ своей стороны, остальная Германія не можетъ отказаться отъ своего союза съ Австріею, а прусское правительство, менѣе всякаго другого, можетъ поддерживать проектъ, основанный на разрывѣ существовавшихъ досега узъ. Королевское правительство убѣдилось съ истиннымъ удовольствіемъ, что Австрія вмѣстѣ съ нами полагаетъ,

что *Германскій союзъ продолжаетъ существовать* 1)... Прусское правительство отрицало такимъ образомъ самое существованіе французскаго національнаго собранія; а между тѣмъ, въ отвѣтъ на поднесеніе ему короны, 3 апрѣля 1849 года, Фридрихъ-Вильгельмъ IV отвѣчалъ: «Нѣмецкое національное собраніе разсчитывало преимущественно на меня, при созданіи единства Германіи, и на *силы Пруссіи*. Я уважалъ его довѣріе; прошу васъ за него выразить парламенту мою признательность; я готовъ доказать ему дѣйствіями, что не ошиблись въ которые возложили свою твердую надежду на мою преданность, и вѣрность, мою любовь къ общему нѣмецкому отечеству. Но, *господи, я не оправдалъ бы вашего довѣрія, если, нарушая священныя права прежнія мои формальныя, торжественныя упрямія, я, безъ соборнаго согласія коронованныхъ главъ, принцевъ и вольныхъ государей Германіи, принялъ бы рѣшимость, которая имѣла бы самыя серьезныя послѣдствія для нихъ и для подвластныхъ имъ нѣмецкихъ князей* 2).» Тѣмъ не менѣе, за отказомъ эрцъ-герцога Юанна исполнить долге обязанности *викарія* имперіи, прусскій король согласился взять въ руки управленіе центральной исполнительной власти Германіи.

Но эти изысканныя сомнѣнія не одни руководили внезапною рѣшимостью Фридриха - Вильгельма IV — отказаться отъ предложенія ему императорской короны. По мнѣнію прусскихъ феодаловъ, упрямившихъ въ то время берлинскимъ кабинетомъ, громкому титулу императора не соответствовала сопряженная съ нимъ власть, и само принятіе этого титула и этой власти, изъ рукъ революціоннаго учрежденія, не подобало достоинству главы гогенцоллернскаго дома. Этотъ образъ мыслей былъ развитъ въ подробности 21-го апрѣля 1849 года brandenburgскимъ депутатомъ Бисмаркомъ-Шёнгаузенъ, при прочтеніи прусской представительной палатѣ королевскаго манифеста, обнаружившаго неожиданный отказъ Фридриха-Вильгельма IV, и кончившагося слѣдующимъ поэтическимъ восклицаніемъ: «Я признаю силу общественнаго мнѣнія; но это не причина, чтобы предаваться слѣпому теченіямъ и бурямъ; никогда такимъ образомъ корабль не достигнетъ гавани; никогда, никогда!» Не смотря на всеобщій крикъ негодованія, послужившій отвѣтомъ этому заявленію, г. Бисмаркъ, съ свойственными ему запальчивостью и надменностью, доказывая основательность этого отказа, воскликнулъ: «Какъ уроженецъ brandenburgской Марки, гдѣ прусская монархія сложилась и укрѣпилась кровью моихъ предковъ, я не пожелаю никогда, чтобы мой король сдѣлался *вассаломъ* г. Симсона 3).» Нѣтъ сомнѣнія, что эти убѣжденія феодальной партіи

1) *Mémoires diplomatiques*, отъ 24-го іюля 1866 г.; стр. 387.

2) *Archives diplomatiques générales* etc., Т. II; années 1848 — 49; стр. 458.

3) Симсонъ былъ провозглашенъ предсѣдателемъ собранія ностъ Гагерн, и назначеннаго государственнымъ министромъ имперіи, на мѣсто г. Шмерлинга, австрія.

уже всего лежали въ основаніи внезапной рѣшимости Фридриха-Вильгельма IV. Доказательствомъ этому можетъ служить послѣдовавшая вскорѣ за тѣмъ депеша прусскаго министра иностранныхъ дѣлъ уполномоченному берлинскаго кабинета во Франкфуртъ, съ объясненіемъ, что «безграничный избирательный законъ (всеобщей подачи голосовъ), лежащій въ основаніи франкфуртскаго собранія, способствуетъ лишь развитію революціонныхъ стремленій, и что, *поэтому*, в. формально отказывается отъ принятія императорской короны на словіяхъ, опредѣленныхъ конституціею 8 марта 1849 года ¹⁾». Сверхъ того, самъ король, еще за нѣсколько дней до пріѣзда въ Берлинъ депутации, поднесшей ему императорскую корону, писалъ про нее пѣвцу-патріоту 1813 года, престарѣлому Арндту: «Корона ли это — исчадіе революціи 1848 года? Оно не носитъ знаменія святаго креста, оно не общается челу печати *божіей милости*; это не корона, это — желѣзное юльцо, обрекающее на роль *раба революціи* сына двадцати четырехъ гурфирстовъ и королей, главу шестнадцати милліоновъ людей и саю храброй и преданной арміи цѣлаго свѣта...»

Таковъ былъ внезапный переворотъ, совершившійся въ положеніи, принятомъ берлинскимъ правительствомъ относительно національнаго движенія Германіи въ 1848—49 годахъ. Пруссія, способствовавшая сначала этому движенію, облеченному въ чисто-революціонныя формы, ставъ сама во главѣ его, покуда она признавала въ немъ безопасное и покорное орудіе своего господства надъ Германіею, — Пруссія вошла въ явный разрывъ съ нимъ, какъ только, съ одной стороны, Австрія стала въ состояніи отстаивать свои права, а съ другой, само національное собраніе, въ основаніи учреждаемой имъ имперіи, положило конституцію, краеугольнымъ камнемъ которой признано право народнаго самоуправленія. Эти соображенія объясняютъ всеобщее негодованіе, громко и грозно выразившееся въ цѣлой Германіи при извѣстіи «объ измѣнѣ» Пруссія — ею самою поощряемому и систематически возбуждаемому національному движенію. Роковая нерѣшительность, гибельныя колебанія берлинскаго правительства готовили для Пруссія продолжительную, мрачную годину тяжкихъ назиданій. Въ отвѣтъ на отказъ короля принять корону, франкфуртское собраніе, подчиняясь непреодолимымъ требованіямъ общественнаго мнѣнія, предписало королю Пруссія привести въ исполненіе конституцію; сама прусская палата, въ отвѣтъ на сообщеніе, отъ 21-го апрѣля, и не смотря на протесты феодаловъ, постановила, по предложенію депутата Родбертуса,

ревностнаго приверженца эрцъ-герцога Іоанна и всего габсбургскаго дома, и, по этому, подавшаго въ отставку по избраніи прусскаго короля Фридриха-Вильгельма нѣмецкимъ императоромъ.

¹⁾ *Mémoire diplomatique*, отъ 24-го іюня. 1866 года; стр. 387.

приказать министрамъ признать и принять въ руководство общегерманскую конституцію отъ 8-го марта 1849 года.

Но жребій былъ окончательно брошенъ прусскимъ правительствомъ не осмѣливаясь взять въ руки дѣло либеральнаго объединенія Германіи, цѣною борьбы съ воскресающею Австріею, — оно безвозвратно рѣшилось измѣнить свою политику, взявъ въ руки защиту интересовъ феодальной дробности Германіи. Не довѣряя народамъ, оно рѣшило заслужить довѣріе и преданность второстепенныхъ и мелкихъ владѣтелей Германіи, такъ какъ въ этомъ представлялся ей новый способъ борьбы противъ Австріи. Циркуляромъ, отъ 28-го апрѣля 1849 гм берлинскій кабинетъ увѣщевалъ другія правительства Германіи положить конецъ революціи, не пассивнымъ выжиданіемъ, не отдѣльными сопротивленіями, а совокупнымъ дѣйствіемъ ¹⁾. Для выполнения этой цѣли, Пруссія убѣждала прочія государства Германіи *послать* и *медленно своихъ уполномоченныхъ въ Берлинъ*, для обсужденія мѣръ принятія взаимныхъ обязательствъ, въ виду совокупнаго сопротивленія «захватамъ» франкфуртскаго собранія. Само собою разумѣется, что Австрія не была приглашена къ участію въ этомъ сопротивленіи. Зтѣмъ, 14 мая, король приказалъ прусскимъ депутатамъ воздержаться отъ всякаго участія въ совѣщаніяхъ національнаго парламента; 21-го апрѣля, такое же приказаніе отдано королемъ Саксоніи депутатамъ своего народа; при чемъ, семьдесятъ пять депутатовъ, сами собою послѣдовали примѣру представителей Пруссіи и Саксоніи. Въ дѣлѣ Германіи вспыхнули отертыя смуты, возстанія и уличныя схваты пользуясь всеобщимъ впечатлѣніемъ разочарованія, досады и негодованія, возбужденными новою обстановкою политики Пруссіи, крайніе революціонныя партіи вездѣ взяли за оружіе, подъ предлогомъ защиты постановленій центральной законодательной власти противъ «захватовъ» (*Einschreitungen*) правительствъ, которыя, подобно прусскому, не признавали приговоровъ этой власти. Не безъ прискорбія и досады, нерѣшительные и миролюбивые франкфуртскіе патріоты обращались, такимъ образомъ, въ орудіе ненавистой имъ соціальной революціи; но, сознавая отчаянность своего положенія и лишаясь самой здоровой и практической части своихъ членовъ, полупустѣвшее франкфуртское собраніе, въ засѣданіи 26 мая 1849 года, опредѣлило всеобщее поднятіе небывалыхъ войскъ миѣической имперіи противъ «мятежнаго» правительства Пруссіи. Этому бессмысленно-отчаянному приговору возразило нѣсколько робкихъ протестовъ; но демагоги рѣшительно одержали верхъ, и возраженія здраваго смысла заглушены трескомъ перестрѣлокъ и громомъ канонадъ въ Берлинѣ, Дрезденѣ, Штутгартѣ, Карлсруэ и Мюнхенѣ.

¹⁾ *Idem. ibidem.*

Не только въ сосѣднихъ державахъ, но и въ самыхъ отдаленныхъ ударствахъ Германіи, Пруссія, благодаря несвоевременному измѣненію своей политики, явилась, такимъ образомъ, защитникомъ дѣла правельствъ противъ народовъ, дѣла феодальной дробности Германіи тивъ дѣла ея либеральнаго объединенія. При рѣшительномъ, бездадномъ укрощеніи междоусобій, предпринятомъ берлинскимъ каиетомъ, выступила, въ первый разъ, на сцену политической дѣяльности весьма незамѣтная до тѣхъ поръ личность брата короля идриха-Вильгельма IV, наслѣднаго принца прусскаго Вильгельма. едводительствуя прусскими войсками въ Баденъ и во Франкфуртъ, лѣдникъ прусскаго престола оказалъ непоколебимую твердость, безличную преданность правамъ монархической власти и довольно активескій взглядъ на происходившія событія и на характеръ ихъ ятелей; но, для дѣлой Германіи, онъ неразлучно связалъ свое имя воспоминаніями о нещадномъ обращеніи съ побѣжденными, больнство которыхъ состояло изъ увлеченной молодежи университетовъ о-западной и центральной Германіи. 30 мая 1849 года, парламентъ, льшинствомъ 71 голоса противъ 64, опредѣлилъ перенести засѣданіе свои изъ Франкфурта въ Штутгартъ. При открытіи собранія въ олицѣ Виртемберга, на лицо оказалось всего 36 депутатовъ; перкъ дѣйствіемъ ихъ было заняться учрежденіемъ регентства, на всто отмѣняемой центральной исполнительной власти короля Прусии; но, въ силу рѣшительнаго требованія этой самой власти, 8-го мая, виртембергское правительство, не взирая на протесты членовъ собранія, потребовало удаленія несчастныхъ остатковъ нѣмецкаго парламента. Уступая силѣ, національное собраніе назначило слѣующее засѣданіе свое къ 25 іюня, въ Карлсруэ; но, какъ разъ, въ готъ самый день Карлсруэ былъ занятъ прусскими войсками, а за ѣмъ, несчастнымъ членамъ странствующаго перваго національнаго обранія Германіи осталось лишь озаботиться о своемъ личномъ спавеніи.

Между тѣмъ, берлинскій кабинетъ не терялъ времени, дабы воспользоваться выгоднымъ положеніемъ, созданнымъ для него чрезъ его провозглашеніе защитникомъ интересовъ германскихъ правельствъ. Положеніе это предоставляло ему возможность возвратиться къ заповѣдной политикѣ гогенцоллернскаго дома. Самъ великій Фридрихъ II, образовавъ, за годъ до своей кончины, отдѣльный, ограниченный, но тѣсный союзъ, подъ названіемъ *Fürstenbund* (союзъ принцовъ), служилъ, въ этомъ отношеніи, какъ бы примѣромъ и назиданіемъ для своихъ преемниковъ. Впослѣдствіи, по уничтоженіи Наполеономъ I-мъ священной Римской имперіи, Фридрихъ-Вильгельмъ III пытался также основать, на подобіе Рейнскаго союза, ограниченный союзъ, подчинявшій сѣверную Германію предводительству (*hegemonie*) прусскаго правельства.

Эта попытка не имѣла успѣха; но, тѣмъ не менѣе, самая ии Фридриха II и Фридриха-Вильгельма III не переставала руководит тайно всею политикою берлинскаго кабинета, не смотря на стн внушаемый ему преобладаніемъ меттернихской Австріи. Самое иудное и самое вліятельное изъ проявленій этой политики было, бн сомнѣнія, учрежденіе, въ 1833 году, Таможеннаго союза (*Zollverein* сѣверной Германіи, къ которой затѣмъ стали присоединяться, ии по малу, и государства центральной и западной Германіи. Сам этотъ оказалъ самое благодѣтельное вліяніе на развитіе благососн нія всѣхъ участвующихъ въ немъ населеній, вслѣдствіе чего сам мысль о прусскомъ предводительствѣ вскорѣ сдѣлалась неразлучн съ надеждами на успѣхи торговыхъ и промышленныхъ интересовъ Гц маніи. Благодѣанія Таможеннаго союза болѣе всего способствовали внушенію цѣлой Германіи того неограниченнаго довѣрія и глубокн уваженія къ прусскому правительству, которыя неоднократно высказ вались такъ ясно въ продолженіе существованія франкфуртскаго ии ламентана, и особенно предложеніемъ императорской короны королю Фридриху-Вильгельму IV. Упустивъ изъ рукъ эту корону и увиди

1) Первая мысль о Таможенномъ союзѣ германскихъ державъ была изложена в проектѣ, поданномъ въ 1819 году докторомъ Листою (List) Германскому сейму, и оставлена безъ послѣдствій, подъ вліяніемъ господствовавшаго въ то время мнѣн германскихъ и другихъ правительствъ объ «ограниченной поаятливости подданныхъ» (*beschränkte Unterthans-Verständniss*), какъ выражался въ то время берлинскій каб неть. Съ 1828 года, однако, начали образовываться, на основаніяхъ этого снзл проекта, три отдѣльные, взаимно соперничавшіе, союзы. Первый изъ нихъ образов вался 18-го января 1828 года, между Баваріей и Виртембергомъ; второй, съ 14-о февраля по 17-е іюля того же года, между Пруссіей, Великимъ Герцогствомъ Гес сенскимъ и Ангальтскими герцогствами; наконецъ, третій, въ центрѣ, 24-го сентябр 1828 же года, между Саксоніей, Ганноверомъ, Брауншвейгомъ и курфирнствомъ Гессенъ-Кассельскимъ. Изъ этихъ трехъ союзовъ, одинъ прусскій оказался состоятел нымъ. Берлинскій кабинетъ, мало по малу, привлекая къ своему союзу большую часл членовъ прочихъ союзовъ, убѣдилъ ихъ принять прусскіе умѣренные тарифы, прусское, чрезвычайнаго рациональное коммерческое законодательство и, частію, даже прусскія монетную систему, мѣры и вѣсы, подчиниться во всемъ коммерческому и, до н которой степени, военному предводительству (Hegemonie) Пруссіи. Предводительств это стало совершенно образовываться съ 1833 года; затѣмъ, въ 1859 году, возобло лень союзный договоръ. До конца австро-прусской войны, Таможенный союзъ Гер маніи раздѣлялся на *восточный*, съ 4,820 ⁴/₁₁ квадр. географ. миль и 17,208,694 ж телей, и на *западный*, съ 4,224 ²³/₁₀₀ квадр. географ. миль и 17,466,889 жителей. В составъ каждаго изъ этихъ отдѣловъ входила соответствующая ему часть прусской мо нархіи, самая дробность которой послужила ей, такимъ образомъ, къ распространенію на всю сѣверную Германію благодѣаній своего коммерческаго и нравственнаго пре обладанія. Министерство финансовъ каждаго члена этого союза завѣдуетъ мѣстныи административнымъ управленіемъ его; верховную же административную власть, общую всему союзу, составляетъ центральное бюро германскаго Таможеннаго союза въ Берлинѣ. (Dr. Viebahn: *Statistik des zollvereinten und nördlichen Deutschlands*. 1858. *At manach de Gotha*, année 1866).

уже поздно, гибельныя послѣдствія своей нерѣшительности, прусскій король пытался вознаградить эту потерю образованіемъ новаго *Fürstenbund*, основаннаго на представительныхъ учрежденіяхъ на общей всей Германіи потребности какого-нибудь, хотя бы и частаго, сосредоточенія ея силъ. Статья второго союзнаго договора 1815 г. азрѣшала державамъ Германскаго союза заключать между собою отдѣльные трактаты. Ссылаясь на эту статью, Фридрихъ-Вильгельмъ IV объявилъ, что онъ намѣренъ войти въ болѣе тѣсныя сношенія со всеми сосѣдями и образовать, такимъ образомъ, *ограниченный союзъ Union restreinte, beschränkter Bund*).

Эта новая попытка Пруссіи увѣнчалась не меньшимъ успѣхомъ, какъ и ея домогательства у франкфуртскаго парламента, не смотря на то, что въ 1848 г., во Франкфуртѣ, она обращалась къ собранію либеральныхъ патріотовъ-объединителей Германіи, а въ 1849 году, она имѣла дѣло съ самыми заклятыми врагами всѣхъ стремленій и дѣйствій этого самаго собранія. Понятно, до какой степени эта новая обстановка политики берлинскаго кабинета благоприятствовала завѣтнымъ стремленіямъ гогенцоллернскаго дома. Дѣйствительно, какъ только, на призывъ циркуляра отъ 28 апрѣля 1849 г., въ Берлинѣ собрались уполномоченные второстепенныхъ державъ Германіи, между Пруссіею, Ганноверомъ и Саксоніею заключенъ отдѣльный тѣсный союзъ, подъ названіемъ *Союза трехъ королей*, къ которому, впоследствии, присоединились 24 менѣе значительныхъ государствъ Германіи. Быстрое укрощеніе революціи со дня на день упрочивало и расширяло этотъ союзъ. Увлеченный первымъ успѣхомъ, берлинскій кабинетъ, мало по малу, сталъ высказывать сокровенную, окончательную цѣль своей роли *спасителя* погибающей феодальной дробности Германіи, и эта цѣль, оказалось, не иная, какъ сосредоточеніе, въ рукахъ своихъ, правъ внѣшняго представительства, объявленія войны и заключенія мира, а, особенно, права предводительствовать войсками державъ, входящихъ въ составъ Ограниченнаго союза. Въ этомъ, впрочемъ, заключались также главныя черты программы патріотовъ партіи Готы (*Gotha-Partei*), вліяніемъ которыхъ совершилось избраніе 28 марта 1849 года; тѣмъ не менѣе, эта самая программа заявлена въ довольно опредѣлительныхъ выраженіяхъ въ тронной рѣчи, произнесенной Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV, 7 августа 1849 г., при открытіи засѣданій прусской палаты. Цѣль Пруссіи, казалось, достигнута; ей оставалось сплотить силы этого союза, дабы оградить его противъ неминуемыхъ интригъ, протестовъ и насилій вѣнскаго кабинета, въ случаѣ, если окончательное подавленіе мадьярскаго возстанія возвратитъ ему полную свободу дѣйствій.

Къ несчастію Пруссіи, этотъ случай представился ранѣе, чѣмъ она думала и засталъ ее совершенно неприготовленною къ неминуемой борьбѣ; 13 августа 1849 г., у селенія Вилагосъ, произошла капиту-

ляція мадьярской арміи, подъ начальствомъ Георга. Избавясь отъ враговъ своихъ, на востокѣ и на югѣ, Австрія послѣшила перенести всю свою дѣятельность на западъ и на сѣверъ. Вслѣдствіе свиданія, состоявшагося 7 сентября между прусскимъ королемъ и императоромъ австрійскимъ, прусскій посланникъ въ Вѣнѣ получилъ приказаніе согласиться насчетъ учрежденія новаго временнаго, центрального правительства Германіи; 21 сентября, пала крѣпость Коморнъ, послѣдній оплотъ мадьярскаго возстанія, и уже 30 сентября между княземъ Шварценбергомъ и прусскимъ посланникомъ, графомъ Бернсторфомъ заключена конвенція, въ силу которой временное управление центральною властью Германіи (Interim) должно было производиться Австріей совокупно съ Пруссіей, срокомъ до 1 мая 1850 г.

Болѣе всего способствовалъ этому жалкому исходу домогательствъ Пруссіи неожиданный переворотъ, совершившійся въ то время въ отношеніяхъ къ ней членовъ *союза трехъ королей*. Напуганныя притязаніями политической программы, заявленной, 7 августа 1849 года, въ тронной рѣчи Фридриха-Вильгельма IV, большая часть второстепенныхъ правительствъ Германіи встрѣтила съ восторгомъ воскрешеніе силы и вліянія Австріи въ Германіи. Искусно пользуясь этими опасеніями представителей нѣмецкаго *партикуляризма*, даровитый, предприимчивый министръ императора Франца-Иосифа, князь Шварценбергъ, въ нѣсколько недѣль успѣлъ разрушить все дѣло, совершенное въ два года берлинскимъ кабинетомъ. Страхъ, наведенный на большую часть второстепенныхъ державъ Германіи успѣхами популярности и либерально-объединительными стремленіями Пруссіи, послужилъ Австріи первымъ орудіемъ противодѣйствія берлинскому кабинету. Болѣе прочихъ второстепенныхъ державъ Германіи отличалась Баварія своею завистью и недовѣріемъ къ Пруссіи; она же умѣла обойтись безъ содѣйствія Пруссіи, при усмиреніи революціоннаго движенія какъ въ Мюнхенѣ, такъ и въ прочихъ своихъ городахъ. Благодаря превосходству своихъ матеріальныхъ силъ, она естественно должна была стать въ головѣ реакціи второстепенныхъ правительствъ, противъ поглощенія большей части ихъ державной власти въ пользу Пруссіи. На нее, впрочемъ, какъ на естественную и самую мощную союзницу для совокупнаго противодѣйствія берлинскому кабинету, указывали Австрія и религіозныхъ интересовъ нѣмецкаго католицизма, состоящаго въ постоянной борьбѣ съ протестантизмомъ, предводительствуемымъ Пруссіею. Разсчитывая весьма вѣрно на всѣ эти обстоятельства, кн. Шварценбергъ не упускалъ ни одного случая сближенія съ Баваріею, и неуспѣшно поощрялъ и возбуждалъ честолюбивую и безпокойную дѣятельность ея перваго министра, г. фонъ-деръ Пфортена, замышлявшаго образованіе третьей группы нѣмецкихъ правительствъ, составленной единственно изъ второстепенныхъ державъ, подъ предводитель-

ствомъ Баваріи. Благодаря этимъ поощреніямъ, сначала произошло явное сближеніе между Баваріею и Виртембергомъ, переговаривавшимися тайно съ Саксоніею, вошедшею въ составъ *Союза трехъ королей*, но выжидавшюю лишь удобнаго случая, дабы отдѣлиться безнаказанно отъ принятыхъ ею обязательствъ относительно Пруссіи. Случай этотъ представился ей, какъ только Австрія, отдѣлвшись отъ внутреннихъ своихъ враговъ, стала озабочиваться восстановленіемъ своего великаго положенія въ Германіи. Дѣйствительно, какъ только стало обозначаться твердое намѣреніе Австріи не уступать Пруссіи своего многовѣкового первенства, Саксонія поспѣшила явно заявить свои сочувствія къ отдѣльному союзу однѣхъ второстепенныхъ державъ. 17 февраля 1850 года, этотъ союзъ формально заключенъ и обусловленъ трактатомъ между Баваріею, Виртембергомъ и Саксоніею, при полномъ одобреніи Австріи, послѣ чего и Ганноверъ, отдѣляясь, по примѣру Саксоніи, отъ *Союза трехъ королей*, внезапно заявилъ желаніе войти въ составъ отдѣльнаго союза, противопоставленнаго, кознями Австріи и честолюбивыми мечтами г. фонъ-деръ Пфордтена, *Ограниченному союзу*, предводительствуемому Пруссіею. Мало по малу, примѣру Саксоніи и Ганновера послѣдовали и многіе другіе члены прусскаго союза. Извѣстное довѣріе Фридриха-Вильгельма IV къ «доброй волѣ владѣтельныхъ принцевъ» — довѣріе, которому онъ такъ несвоевременно и неудачно пожертвовалъ довѣріемъ народнаго парламента Германіи — это довѣріе подверглось жестокому разочарованію.

Не признавая законности ни одного изъ этихъ отступничествъ, Пруссія не рѣшалась, однако, прибѣгнуть къ единственному средству, способному дать значеніе ея протестамъ — къ силѣ оружія, которой Австрія, въ то время, едва ли была въ состояніи оказать какое-нибудь серьезное и своевременное сопротивленіе. Но, убѣдясь въ томъ, до какой степени ему мало можно было полагаться на слово, на дружбу и на благодарность принцевъ, Фридрихъ-Вильгельмъ IV еще разъ пытался искать опоры въ сочувствіяхъ народовъ и въ довѣрїи либеральной партіи. Къ 20 марта 1850 г. созванъ въ Эрфуртѣ новый парламентъ изъ депутатовъ государствъ, оставшихся вѣрными *Ограниченному союзу*, съ цѣлію представить ему на разсмотрѣніе проектъ федеральной конституціи, выработанный при содѣйствіи двухъ королей, отступившихся отъ союза. Не лаская себя новыми несбыточными надеждами, патриоты партіи Гота печально съѣхались въ Эрфуртъ, преимущественно изъ платоническаго повиновенія чувству гражданскаго долга. Послѣ всего происшедшаго въ 1848 и 49 годахъ, имъ казалось невозможнымъ ожидать отъ Пруссіи какой-нибудь рѣшительной инициативы, какого-нибудь энергическаго дѣйствія. Первые засѣданія новаго парламента протекли въ слушаніи жалобъ прусскаго комиссара, генерала Радовица, на отступничество двухъ

королей сѣверной Германіи, на себялюбивый партикуларизмъ королей Виртемберга и Баваріи, на нерасположеніе Австрій къ дѣлу «общаго отечества». Затѣмъ послѣдовали, повидимому, неумѣстныя, но блестящія нападки противъ объединительныхъ стремленій, противъ новыхъ принциповъ и противъ конституціоннаго правленія; нападки эти имѣли цѣлью оспаривать и опровергать всѣ основанія конституціи, предложенной Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV; а между тѣмъ, личность, производившая эти нападки, Юлій Шталь ⁷⁾, слыла наперсникомъ самыхъ сокровенныхъ мыслей феодальной партіи, управлявшей совѣтами короля Пруссіи, и не могла въ этомъ случаѣ дѣйствовать иначе, какъ по порученію министровъ, а можетъ быть и самого короля!

Но какъ ни старались министры и повѣренные Фридриха-Вильгельма оспаривать и опровергать, по его порученію, имъ же предложенную конституцію, эрфуртскіе депутаты упорствовали въ своемъ убѣжденіи, весьма снисходительно находя ее во всѣхъ отношеніяхъ

⁷⁾ Юлій Шталь, скончавшійся 10-го августа 1861 года, составляетъ замѣчательнѣйшую личность реакціоннаго стремленія Пруссіи противъ національнаго движенія 1848 года. Родившійся въ Мюнхенѣ въ 1802 году, въ еврейскомъ законѣ, онъ уже въ юности принялъ лютеранскую вѣру и скоро составилъ себѣ имя въ ученѣмъ мірѣ. Онъ былъ вмѣстѣ и теологъ и юристъ; взаимное же вліяніе этихъ двухъ специальностей придадо всѣмъ его соображеніямъ характеръ поразительной оригинальности. Въ 1840 году, будучи назначенъ профессоромъ берлинскаго университета, онъ предался всею душою страстнымъ религіознымъ преніямъ, ознаменовавшимъ первые годы царствованія Фридриха-Вильгельма IV. Его блестящій и поэтический умъ доставилъ ему скоро расположеніе всего двора и довѣріе самого короля. Политическая дѣятельность его началась лишь въ 1848 году, рядомъ статей въ *Крестовой Газетѣ* «О революціи и о конституціонной монархіи». Ему принадлежитъ честь изобрѣтенія искусной тактики реакціонеровъ, состоящей въ соглашеніи оптомъ (*en bloc*) съ новыми порядкомъ дѣла, съ тѣмъ, чтобы разрушить его позже, по частямъ. Впродолженіе 12 лѣтъ, этотъ человѣкъ съ слабымъ тѣломъ, съ профилемъ, отмѣченной восточнымъ типомъ, съ живымъ и яркимъ взглядомъ, сталъ защитникомъ всѣхъ отсталыхъ мнѣній насчетъ государства и церкви, и посвятилъ свои блестящіе способности и неутомимую дѣятельность услугамъ интересовъ и предрасудковъ прусскаго *шляхетскаго сословія* (*ordre équestre*). Всѣ его парадоксы, впрочемъ, давно уже были развиты еще съ большою силой, но только гораздо короче, Жозефомъ де-Мэстромъ. Ограничимся замѣчаніемъ страннаго случая, сдѣлавшаго, изъ простолюдина, изъ сына своихъ дѣлъ и потомка обезродненнаго (*deshérité*) племени — *маистра* (*Magister*) и предводителя дѣла, основаннаго на преимуществѣ рожденія и на интересахъ касты, столь же высокомерной, какъ и лѣнливой. Это только случай; но можетъ быть и предопредѣленіе, полное назиданій. А, между тѣмъ, не заимствуютъ ли, въ наше время, французскіе легитимисты весь свой блескъ и всю свою славу отъ дарованія плебея (Берріа), согласившагося прикритъ ихъ — величіемъ своего краснорѣчія? Не имѣютъ ли также англійскіе *тори* своимъ *лидеромъ* (*leader*) человѣка, одно имя котораго (Дивраэли) напоминаетъ уже его одинаковое происхожденіе съ Юліемъ Шталемъ? Справедливость требуетъ замѣтить, однако, что въ этомъ состоитъ единственное сходство между величавою фалангой, управляемою г-мъ Дивраэли, и бранденбургскими и померанскими дворянчичами (*hobergaux*). См. *Revue des deux mondes*, t. 43; p. 272.

удовлетворительно. Все желаніе ихъ было осуществить хоть частное объединеніе Германіи, на основаніяхъ какого-нибудь народнаго представительства; поэтому, не обращая вниманія на ожесточенныя критики Штала, они поспѣшили одобрить предложенную Пруссіею конституцію. Но прусское правительство далеко не имѣло столь опредѣленныхъ предначертанныхъ намѣреній, какъ созданные имъ депутаты. Въ эрфуртскомъ собраніи видѣло оно не что иное, какъ средство поддержать свою падающую популярность; о дѣйствительномъ же объединеніи хотя бы части Германіи, особенно на основаніяхъ довольно либеральныхъ, оно не смѣло и мыслить, въ виду со дня на день болѣе грозной обстановки, принимаемой политикою вѣнскаго кабинета. Фридрихъ-Вильгельмъ IV разсчитывалъ, повидимому, на свойственныя преимущественно нѣмецкимъ представительнымъ собраніямъ медленность, словоохотливость и нерѣшительность. На дѣлѣ оказалось, что эрфуртское собраніе нельзя было винить ни въ томъ, ни въ другомъ, ни въ третьемъ недостаткахъ. Дѣло стало не за нимъ, а за прусскимъ правительствомъ. Фридриху-Вильгельму IV очевидно оставалось одно изъ двухъ: или провозгласить и выполнить немедленно и рѣшительно имъ же составленную и предложенную конституцію, или отступить отъ своего собственнаго творенія и сознаться, такимъ образомъ, въ своей совершенной неспособности, въ своей безвыходной немогущности выполнить какое-нибудь предпринятое имъ дѣло.

Такимъ образомъ объясняется то ужасное недоумѣніе, въ которое берлинскій кабинетъ былъ поставленъ быстротою блистательнаго успѣха своихъ собственныхъ домогательствъ передъ эрфуртскимъ парламентомъ. Изъ двухъ оставшихся ему крайнихъ дѣйствій, врожденная нерѣшимость короля не позволяла ему избрать первое, а весьма понятное самолюбіе не допустило его избрать второе; чтобы избавиться отъ этого дѣла, онъ изобрѣлъ третій способъ. Засѣданіе эрфуртскаго парламента бесрочно отложено; за тѣмъ, въ Берлинѣ созванъ конгрессъ принцевъ (*Fürstentag*), оставшихся вѣрными Союзу трехъ королей. Понятно, что, вслѣдствіе послѣдняго обращенія Пруссіи къ принцамъ и содѣйствію готасской партіи, число этихъ принцевъ было весьма ограничено. Нѣкоторые изъ нихъ явились по приглашенію Пруссіи; другіе даже не удостоили ее отвѣтомъ. Изъ всего этого конгресса публикѣ сдѣлалось извѣстно только то, что кратковременное засѣданіе его въ Берлинѣ ознаменовано самыми блистательными балами и празднествами, по окончаніи которыхъ, одинъ за другимъ, незамѣтно разъѣхались всѣ члены конгресса. Въ сущности, доказалъ онъ только одиночество Пруссіи, утратившей всякое довѣріе второстепенныхъ правительствъ. На этотъ счетъ не могло быть никакого сомнѣнія, но берлинскій кабинетъ, повидимому, надѣялся, что подъ вліяніемъ созванія конгресса принцевъ, общественное мнѣніе забудетъ

жалкое окончаніе эрфуртскаго парламента, а, что, затѣмъ, благодаря незначительности сѣзда, негласности засѣданій и незамѣтному исчезновенію самаго конгресса, оно также скоро и легко забудеть не менѣе жалкій переходъ этой послѣдней попытки Фридриха-Вильгельма IV осуществить завѣтное преданіе своего дома.

На дѣлѣ оказалось, напротивъ, что ничего не было забыто: общественное мнѣніе Германіи глубоко оскорбилось жалкою развязкою непрерывнаго ряда успѣховъ Пруссіи, которой такъ постоянно удавалось всё, что она ни предпринимала, и которую также постоянно пугалъ самый успѣхъ ея предпріятій. Съ другой стороны, съ конца 1849 г., для Пруссіи настало время разсчитываться съ мщеніемъ Австріи, вынесшей изъ событій 1848—49 годовъ самую глубокую вражду, самую непримиримую злобу къ своей соперницѣ на поприщѣ политической жизни германскаго народа. Впродолженіе отчаянной борьбы своей съ итальянцами, съ мадьярами и съ чехами, Австрія неоднократно обращалась къ Пруссіи съ просьбою о помощи. Всѣ эти просьбы были постоянно отвергаемы, подъ самыми неуважительными предлогами. Отказы Пруссіи принудили Австрію просить помощи у санктпетербургскаго кабинета; между тѣмъ, Пруссія слѣдила воспользоваться бѣдствіями Австріи, дабы исключить ее изъ германскаго союза, очернить и унижить ее предъ общественнымъ мнѣніемъ, и, наконецъ, усмиреніемъ революціи во многихъ государствахъ Германіи, перевести на свою сторону послѣднюю опору Австріи въ Германію: довѣріе второстепенныхъ правительствъ. Само собою разумѣется, что немедленно по избавленіи своемъ отъ борьбы съ инородными національностями, первымъ дѣломъ Австріи было возстановить въ Германіи свое нравственное вліяніе и свое политическое значеніе и, для этого, уронить въ глазахъ ея и значеніе и самое достоинство Пруссіи. Понятно, что эта задача была значительно облегчена вѣнскому кабинету впечатлѣніемъ, произведеннымъ всюду нерѣшительностью и шаткостью, оказанными, во всё это время, Пруссіею, до нѣкоторой степени уже утратившей разомъ, не смотря на блистательный успѣхъ всѣхъ своихъ предпріятій, — и довѣріе либеральныхъ патріотовъ, и уваженіе правительствъ Германіи. Для Австріи все дѣло состояло, слѣдовательно, въ томъ, чтобы выставить предъ Германіею всю слабость и несостоятельность берлинскаго кабинета, доказать ей, что онъ не въ силахъ защищать даже собственное свое достоинство, и лишить его главныхъ основаній его популярности. Цѣль эта блистательно выполнена сначала желчными, надменными, язвительными депешами, съ которыми князь Шварценбергъ обратился къ берлинскому кабинету, по поводу его попытокъ образовать *Ограниченный союзъ*, посреди общаго союза всей Германіи. По мнѣнію князя Шварценберга, эти попытки имѣли характеръ вѣроломнаго нарушенія всѣхъ обязательствъ,

принятых Пруссією относительно соплеменных ей союзниковъ, какъ усиліе завладѣть ихъ законными властью и правами, и, наконецъ, даже характеръ *изъяты* «великому германскому отечеству». Австрія, очевидно, возвращала Пруссію всѣ нареканія, внушенныя противъ нея франкфуртскому парламенту приверженцами берлинскаго кабинета; но возвращала ихъ не заочно, и не подъ рукою, а въ глазахъ ея, громко и открыто, въ виду всей Германіи и цѣлой Европы. Дерзость, язвительность и настойчивость этихъ нареканій, которымъ вѣнскій кабинетъ поспѣшилъ дать всевозможную гласность, рѣзко отличались отъ смущеннаго и нерѣшительнаго тона возраженій берлинскаго кабинета, и произвели на общественное мнѣніе Германіи впечатлѣніе, въ высшей степени неблагоприятное для Пруссіи. Не удовлетворяясь этимъ первымъ успѣхомъ, князь Шварценбергъ нашелъ новый поводъ къ спору съ Пруссією, въ вопросѣ о конституціонномъ разрывѣ, происшедшемъ въ курфиршествѣ Гессенъ-Кассельскомъ, отдѣлявшемъ восточную часть прусскихъ владѣній отъ западной. Самое положеніе это указывало Австріи на владѣнія гессенъ-кассельскія, какъ на самый сподручный центръ ея интригъ противъ Пруссіи. Курфиреть былъ въ явномъ разладѣ съ своимъ народомъ и съ его представителями. Необдуманная издержки, всякаго рода беспорядки и всѣмъ извѣстныя въ Германіи корыстолюбіе и недобросовѣстность министра Гассенфлуга, причинили курфирстскому бюджету значительные недочеты, для которыхъ курфиреть требовалъ полного довѣрія палаты (*vote de confiance*). По неоднократномъ отказѣ палаты представителей, курфиреть, не взирая на увѣщанія и протесты не только народа, но самой администраціи и даже войска, объявилъ свои владѣнія въ осадномъ положеніи. Первою жертвою этой крутой и необдуманной мѣры оказался самъ курфиреть: лишась поддержки и войска, и администраціи, и слѣпо упорствуя въ отказѣ удовлетворить справедливымъ домогательствамъ своего народа возстановленіемъ конституціи и требованіемъ строгой отчетности отъ министра Гассенфлуга, — онъ принужденъ былъ удалиться изъ Касселя и просить помощи у временнаго сейма (*Provisorium*), учрежденнаго и внушаемаго вліяніемъ Австріи, по окончаніи срока, назначеннаго для первоначальнаго *Interim*. Между тѣмъ, такъ какъ курфирество Гессенъ-Кассельское вошло въ 1849 г., въ составъ *Ограниченнаго союза* (трехъ королей), и Пруссія не признавала за курфирстомъ права отступаться отъ этого союза, по усмотрѣнію Австріи, то гессенъ-кассельскій народъ обратился въ Берлинъ съ жалобою на курфирста и на Австрію, принявшую его защиту.

Само собою разумѣется, что Австрія, олицетворенная франкфуртскимъ *провизоріумомъ*, поспѣшила принять сторону изгнаннаго курфирста; само собою разумѣется также, что достоинство прусскаго правительства не позволило ему отказать прибѣгнувшему къ нему народу

въ разсмотрѣніи его дѣла и въ защитѣ его правъ. Можно представить себѣ, до какой степени это одновременное вмѣшательство двухъ соперниковъ въ то же дѣло, и ихъ заступничество въ пользу двухъ спорящихъ сторонъ, усложнило и затруднило и безъ того уже въ высшей степени натянутыя отношенія, существовавшія между обѣими великими державами Германіи. До тѣхъ поръ, берлинскій кабинетъ выносилъ терпѣливо всѣ нападки князя Шварценберга; такое смиреніе до нѣкоторой степени объяснялось тѣмъ, что всѣ эти нападки относились къ событіямъ, болѣе или менѣе уже совершившимся, и къ домогательствамъ, въ близкій успѣхъ которыхъ самъ берлинскій кабинетъ уже переставалъ вѣрять. На этотъ разъ, напротивъ, дѣло завязалось о животрепещущемъ вопросѣ, отъ разрѣшенія котораго зависѣла участь гессенъ-кассельскаго народа и его правительства, а вмѣстѣ съ ними и участь дѣла либеральнаго развитія Германіи. Вся Германія, до нѣкоторой степени уже охладѣвшая къ внутреннимъ дипломатическимъ раздорамъ о преобразованіи кабинетовъ, и начинавшая привыкать къ постоянной несостоятельности, обнаруженной Пруссіею во всѣхъ спорахъ ея съ Австріею, — устремила трепетное вниманіе на новый, горячій фависъ этой войны на перьяхъ, въ которой постановлялись уже не одни вопросы кабинетнаго преобладанія, а самые животрепещущіе вопросы принциповъ гражданскаго и политическаго права. Въ самой Пруссіи общественное мнѣніе высказалось съ такою энергіею, что для берлинскаго правительства стало очевидно, что малѣйшая уступка его, въ области новаго спора съ Австріею, не можетъ обойтись безнаказанно для политическаго значенія Пруссіи, не только въ Германіи и въ цѣлой Европѣ, но даже относительно его собственныхъ подданныхъ. Генералъ Радовицъ — олицетвореніе дѣятельной предприимчивости, неоднократно обнаруженной политикою берлинскаго кабинета въ видѣ какихъ-то лихорадочныхъ припадковъ — сдѣлалъ все возможное, дабы убѣдить короля въ безотлагательной необходимости болѣе твердой и достойной обстановки положенія его политики относительно Австріи. Настоянія его увѣнчались успѣхомъ и, не смотря на возраженія барона Мантейфеля, предсѣдателя совѣта министровъ и живого олицетворенія реакціи, внезапной осторожности, постоянно прерывавшихъ припадки предприимчивости прусской политики ¹⁾, берлинскій

¹⁾ Все царствованіе Фридриха-Вильгельма IV протекало въ постоянной борьбѣ между этими двумя, совершенно противоположными стремленіями, олицетворенными въ личностяхъ генерала Радовица и барона Мантейфеля. Въ этой борьбѣ хранится главная причина жалкой роли, исполненной Пруссіею въ продолженіе всего царствованія Фридриха-Вильгельма IV, не смотря на то, что блестящіе умственные способности, прекрасное образованіе и возвышенныя чувства этого государя, повидимому, обѣщали ей совершенно противное. Кромѣ личныхъ сочувствій къ этимъ двумъ лагерникамъ и совѣникамъ своимъ, Фридрихъ-Вильгельмъ IV очевидно руководствовался, въ этомъ

кабинетъ, повидимому, принялъ твердую рѣшимость — не дѣлать болѣе никакихъ уступокъ дерзкимъ требованіямъ князя Шварценберга, и настоять, хотя бы цѣною войны съ Австріею, на неприкосновенности своего права вмѣшательства въ гессенъ-кассельское дѣло. Вся Европа обратила вниманіе на грозный оборотъ австро-прусскаго спора; для всякаго стало очевидно, что, въ этомъ спорѣ, Пруссія, *volens-volens*, защищаетъ дѣло народнаго права и либеральныхъ принциповъ, подавленныхъ въ цѣлой Европѣ; между тѣмъ, какъ Австрія еще разъ олицетворяетъ собою нравственно отжившіе принципы, въ силу которыхъ всякое право обязательно только для управляемыхъ, а не для правителей, и народы созданы для правительства, а не правительства для народовъ. Повидимому, война сдѣлалась неизбѣжною; генераль Радовицъ испросилъ у прусскихъ палатъ, на военныя приготовленія, кредитъ въ 14 милліоновъ талеровъ; самъ миролюбивый и благодушный Фридрихъ-Вильгельмъ IV произнесъ рѣчь довольно воинственнаго характера, и, съ обѣихъ сторонъ, войска стали стягиваться къ границѣ...

Между тѣмъ, покуда небывалая до тѣхъ поръ рѣшимость Пруссіи сосредоточивала на своей сторонѣ самыя горячія сочувствія и надежды либеральной Европы, Франція, вѣрная своей завѣтной политикѣ, въ Германіи, подъ рукою поощряла обѣ стороны къ открытію военныхъ дѣйствій. Парижское законодательное собраніе высказалось единогласно въ пользу безусловнаго нейтралитета Франціи; между тѣмъ, покуда ея министръ иностранныхъ дѣлъ, г. Друэнъ-де-Луи, не менѣе громко, заявлялъ свои сочувствія къ Австріи, глава французскаго правительства, президентъ Лудовикъ-Наполеонъ Бонапартъ, посылалъ къ королю Пруссіи своихъ наперсниковъ, съ совѣтомъ, не уступать требованіямъ Австріи и настоять на защитѣ достоинства Пруссіи и правъ несчастнаго гессенъ-кассельскаго народа ¹⁾.

случаѣ, мечтою, неоднократно обнаруженною многими государями, при отсутствіи министерской отвѣтственности предъ представителями края — а именно, что рѣзко противорѣчація между собою убѣжденія коронныхъ совѣтниковъ взаимно дополняютъ недостатки и сглаживаютъ преувеличенія каждаго изъ нихъ. Правлю, что въ нравственномъ мірѣ, въ противность физическому, *два половинки еще не составляютъ цѣлаго*, — постановлено, однако, уже Бэкономъ (Bacon), и, дѣйствительно, до сихъ поръ эта мечта многихъ государей не оправдалась нигдѣ и повела повсюду лишь къ безпрестаннымъ противорѣчіямъ, къ гибельнымъ недоразумѣніямъ, къ роковой безсвязности дѣйствій, вѣдѣннымъ подъ именемъ *административной анархіи*, въ которой, противодействуя одна другой, взаимно уничтожаются всѣ силы правительства, а за ними и самаго государства, приготовляя, такимъ образомъ, почву къ принатію и развитію всякаго зародыша революціи.

¹⁾ Объ этихъ тайныхъ сношеніяхъ Президента французской республики съ берлинскимъ кабинетомъ упоминается даже въ *Annuaire des deux mondes* за 1851 — 52 годъ, и въ *Revue des deux Mondes* отъ 1-го декабря 1862 года, стр. 559.

Всего этого было достаточно, чтобы доказать Пруссіи, что если французское правительство всѣми силами старается сдѣлать войну неизбежною, то это, безъ всякаго сомнѣнія, только для того, чтобы извлечь изъ нея пользу для себя и осуществить свои завѣтныя домогательства къ завладѣнію лѣвыми берегомъ Рейна.

Ловушка, подготовляемая Пруссіи притворными сочувствіями Франціи, была слишкомъ груба, чтобы ускользнуть отъ вниманія берлинскаго кабинета, и вся феодальная партія, служившая ему опорой, энергически стала оспаривать мнѣніе либераловъ прусской палаты депутатовъ, требовавшихъ, вмѣстѣ съ генераломъ Радовицемъ, чтобы берлинскій кабинетъ, во что бы то ни стало, оказалъ рѣшительное сопротивленіе вѣнскому, дабы воспользоваться предстоящею войною для окончательнаго исключенія Австріи изъ Германскаго союза. Ревностнѣе и искуснѣе прочихъ оказался, въ этомъ случаѣ, какъ защитникъ необходимости соглашенія съ Австріею и правъ ея занимать свое мѣсто въ «великой нѣмецкой семьѣ»,—бранденбургскій депутатъ, Бисмаркъ-Шёнгаузенъ, весьма краснорѣчиво развившій, въ засѣданіи 3 декабря 1850 г., убѣжденіе всей феодальной партіи, что «война между Пруссіей и Австріей послужитъ въ пользу *миръ президенту французской республики*, представляя ему случай *сходить въ Кельмъ за императорскою короной*».

Такимъ образомъ объясняется внезапная переимѣна, совершившаяся, въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1850 г., въ обстановкѣ политики берлинскаго кабинета относительно требованій Австріи. Военныя приготовленія были окончены; между австрійскими и прусскими передовыми постами уже произошла стычка (подъ Бронзелемъ), хотя и безвредная ¹⁾, но надѣлавшая не мало шума въ цѣлой Европѣ; какъ вдругъ, по полученіи высокоумнаго *ultimatum* вѣнскаго кабинета, Фридрихъ-Вильгельмъ IV приказалъ своему довѣренному министру феодальной партіи, барону Мантейфелю, просить свиданія съ княземъ Шварценбергомъ въ австрійскомъ пограничномъ городѣ Одербергѣ. Послѣшность короля окончить этотъ споръ была такъ велика, что даже до полученія отвѣта изъ Вѣны, баронъ Мантейфель увѣдомилъ, по телеграфу, австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, что, для свиданія съ нимъ, онъ, во исполненіе приказанія его величества короля, дождеть до Ольмюца, въ случаѣ если ему не удастся встрѣтить князя Шварценберга въ Одербергѣ. Повинуясь истиннымъ требованіямъ германскаго патриотизма, прусскій король предпочелъ пожертвовать временно значеніемъ Пруссіи въ Германіи, нежели подать поводъ къ корыстному вмѣшательству тюльрійскаго кабинета во внутреннія дѣла «великой нѣмецкой семьи».

¹⁾ Вся потеря состояла въ одной прусской каскѣ!

Само собою разумѣется, что этотъ патріотизмъ былъ далеко не безкорыстенъ, такъ какъ притязанія Франціи, прежде всего, посягали на цѣлость прусскихъ владѣній, на лѣвомъ берегу Рейна. Австрія, въ этомъ отношеніи, нечего было опасаться Франціи, и вотъ почему она, постоянно, не считала нужнымъ руководствоваться столь строгими правилами, какъ Пруссія, насчетъ недопущенія Франціи къ вмѣшательству въ дѣла Германіи. Напротивъ, въ постоянной борьбѣ своей съ Пруссіей, ея потомственной соперницею, Австрія обнаруживала какъ бы естественное стремленіе искать опору въ сочувствіяхъ Франціи. На принципѣ же невмѣшательства Франціи, Австрія настаивала, со всевозможною энергіею, не въ Германіи, а въ Италиі, подъ предлогомъ защиты «границъ Германіи на р. Минціо», и «интересовъ Германіи на Адриатическомъ морѣ». Какъ бы то ни было, но истиннымъ сторожемъ безопасности племеннаго достоянія *тѣмечкой народности* противъ притязаній ея наслѣдственнаго врага (*Erbfeind*), по самой обстановкѣ, данной центральной Европѣ вѣнскимъ конгрессомъ, являлась не Австрія, а Пруссія; постояннымъ же союзникомъ этого врага, во внутреннихъ междоусобіяхъ Германіи, должна была являться, никакъ не Пруссія, а Австрія. Это различіе въ стремленіяхъ обѣихъ великихъ державъ Германіи обнаружилось впервые еще въ 1814—15 годахъ, когда, на развалинахъ наполеоновской имперіи, въ Вѣнѣ только-что обуславливались основанія, на которыхъ предполагалось соорудить замысловатое зданіе новаго политическаго равновѣсія Европы¹⁾. Затѣмъ, до самаго 1848 г., неоспоримое преобладаніе Австріи надъ всею Германіею и послѣдовавшее за этимъ смиреніе Пруссіи, а также, постоянныя опасенія и неудовольствія Австріи противъ тюрингскаго кабинета, по поводу дѣлъ Италиі, — не представляли вѣнскому кабинету ни случая, ни необходимости, ни даже возможно-

¹⁾ Въ зиму 1814 на 1815 годъ, какъ только собрался въ Вѣнѣ ареопагъ для перекладки карты рухнувшей «Наполеоновской Европы», какъ называлъ ее принцъ Лудовикъ-Наполеонъ Бонапартъ, — покуда вся блестящая публика коронованныхъ главъ и всякаго рода претендентовъ на какую-нибудь корону, вмѣстѣ съ глубокомысленнѣйшими дипломатами міра, проводили время въ иршествахъ и балахъ, г. Талейранъ, полномочный тюрингскаго кабинета, успѣлъ на столько сойтись съ княземъ Меттернихомъ, возбуждая потомственное властолюбіе Австріи, что образовалъ тайный оборонительный и наступательный союзъ между Франціей, Австріей и Англіей, противъ Россіи и Пруссіи — главныхъ виновниковъ освобожденія Европы. Не смотря на вѣнское упоеніе торжества и беззаботную веселость, — домогательства, предстанныя Талейрану случаи и поводы къ образованію этого союза. приняли столь грозный оборотъ, въ началѣ 1815 года, что послѣдствіемъ ихъ неминуемо была бы новая война, еслибъ, при извѣстіи о внезапной высадкѣ Наполеона I съ острова Эльбы, Австрія, страхомъ, наведеннымъ на нее вторичнымъ провозглашеніемъ французской имперіи и бѣгствомъ Лудовика XVIII, не была принуждена отказаться отъ своихъ властолюбивыхъ козней и заискивать омытъ дружбы, союза и покровительства Россіи и Пруссіи.

сти обращаться къ содѣйствию «наслѣдственнаго врага Германіи». За обстановка измѣнилась совершенно вслѣдствіе событій 1848 и 1850 годовъ: Пруссію проявлены, въ то время, всѣ ея сокровенныя стремленія и средства къ успѣшному основанію своего преобладанія въ Германіи, и вѣнскій кабинетъ, вступая въ отчаянную борьбу съ берлинскимъ, немедленно успѣшилъ извлечь всевозможную пользу изъ естественныхъ и наслѣдственныхъ стремленій бонапартской Франціи возвратиться въ предѣлы, завѣщанные ей первою республикой. Не чувствуя себя въ силахъ противостоять, вмѣстѣ, требованіямъ, предъявленнымъ Австрію, и требованіямъ, предвидимымъ со стороны Франціи, берлинскій кабинетъ предпочелъ смириться предъ одноплеменницею Австріей, забрасывая, вмѣстѣ съ тѣмъ, на будущее время, въ сердца всѣхъ истинныхъ прусскихъ патриотовъ, зародыши самой непримиримой вражды, самаго безопаднаго мщенія противъ Австрійской имперіи, какъ главнаго члена и вожака Германскаго союза.

Таковы были тайныя причины внезапной рѣшимости Фридрих-Вильгельма IV войти въ немедленное соглашеніе съ Австрію, хотя бы цѣною окончательнаго отреченія Пруссіи отъ всѣхъ результатовъ, вынесенныхъ, въ пользу ея популярности, изъ послѣдняго фазиса борьбы ея съ Австрію. Свиданіе, испрашиваемое берлинскимъ кабинетомъ, произошло въ Ольмюцѣ, 29 ноября 1850 года. Разгадавъ истинную причину вынужденной уступчивости Пруссіи, Австрія успѣшила извлечь изъ этой обстановки все, что могло способствовать крайнему униженію политическаго значенія и самаго достоинства ея соперницы. Дѣйствительно, за неимѣніемъ никакихъ средствъ защиты, баронъ Мантейфель принужденъ былъ обѣщать не только то, что Пруссія формально согласится на возстановленіе Германскаго союза, но также и то, что она обяжется содѣйствовать Австріи въ возстановленіи курфюрста гессенъ-кассельскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ цѣлью лишить Пруссію одной изъ сильнѣйшихъ опоръ ея популярности, князь Шварценбергъ потребовалъ, чтобы Австрія была допущена, наравнѣ съ Пруссію, къ участию въ датско-нѣмецкомъ спорѣ, и чтобы мирный договоръ, заключенный Пруссію отъ имени Германіи съ Данією, былъ бы пересмотрѣнъ въ Вѣнѣ. Въ этомъ заключались главные прелиминаріи мира, предписаннаго Пруссіи злобною мстительностью Австріи; окончательное же заключеніе мира должно было произойти въ Дрезденѣ, на конгрессѣ всѣхъ членовъ Германскаго союза.

Такимъ образомъ, въ силу ольмюцкаго договора, Австрія приобрѣла право участвовать въ переговорахъ, продолжавшихся между Пруссіей и Данією даже и по заключеніи мира; вслѣдствіе же перенесенія этихъ переговоровъ изъ Берлина въ Вѣну, она надѣялась скорѣ, благодаря своему господству надъ учрежденнымъ ею *provisorіумомъ* сейма, дать этому дѣлу такой оборотъ, что истиннымъ «защитникомъ правъ

и интересовъ Германіи», окажется вѣнскій кабинетъ, а не берлинскій, какъ оно было до того. Между тѣмъ, цѣлой Европѣ было извѣстно, что Австрія неоднократно признавала неоспоримость правъ Даніи на Шлезвигъ и на Голштейнъ, въ предѣлахъ, опредѣленныхъ вѣнскими конгрессами 1815 — 20 годовъ, и что она постоянно выражала свои горячія сочувствія къ копенгагенскому кабинету. Такимъ образомъ, понятно, что сама Данія не признавала никакихъ причинъ опасаться вмѣшательства Австріи; напротивъ, она считала себя въ правѣ ожидать отъ этого вмѣшательства только улучшенія своей участи. Эти надежды казались тѣмъ болѣе основательными, что когда, 4 іюня 1850 года, въ Лондонѣ были созваны полномочные Даніи, Россіи, Пруссіи, Австріи, Англіи и Швеціи, для постановленія принципа сохраненія цѣлости датской монархіи, въ случаѣ пресѣченія царствующаго въ ней ольденбургскаго дома, Австрія немедленно подписалась подъ протоколомъ, опредѣлившимъ этотъ принципъ, между тѣмъ, какъ Пруссія явно отказалась отъ этой подписи, хотя, по завѣреніямъ г-на Лэйрда ¹⁾, она, еще прежде, подписала тайный договоръ, признававшій этотъ самый принципъ. Какъ бы то ни было, но Австрія, въ этомъ случаѣ, не скрывала, подобно Пруссіи, своего уваженія къ праву датской монархіи, а эта обстановка ея воззрѣній на датско-нѣмецкій споръ, не мало способствовала къ усиленію надежды копенгагенскаго кабинета на вмѣшательство ея въ сношенія

¹⁾ Только 8-го іюля 1864 года, въ засѣданіи англійской палаты общинъ, благодаря сообщеніямъ г. Лэйрда (*Layard*), товарища англійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, оказалось извѣстно, что хотя Пруссія *явно* отказалась отъ подписи лондонскаго протокола отъ 4-го іюля 1850 года, но еще *два дня до того*, 2-го іюля, въ Берлинѣ, была подписана Пруссіею *секретная* статья, приобщенная, вслѣдствіи, къ лондонскому протоколу и признававшая нераздѣльность наслѣдства датской монархіи. По мнѣнію г. Лэйрда, причиной этой двуличности было то, что прусскій полномочный, Бузенъ, былъ «отчаянный шлезвигъ-голштинецъ» (*violent Schleswig-Holsteiner*), и прусское правительство опасалось его отказа подписать этотъ протоколъ, а потому предпочло избавиться отъ подобной неприятности изъясненіемъ предварительнаго и секретнаго согласія на рѣшеніе лондонскаго протокола, противъ котораго официально протестовалъ въ Лондонѣ прусскій полномочный г. Бузенъ. Кажется, однако, что побудительными причинами этой двуличности были совершенно другія соображенія, ибо, допуская причину, придуманную г. Лэйрдомъ, поневолѣ рождается вопросъ: почему берлинскій кабинетъ не избралъ для этого дѣла другого полномочнаго? Но берлинскій кабинетъ находилъ нужнымъ поручить эти переговоры именно г-ну Бузену, а не кому другому, единственно потому, что онъ былъ, какъ говорилъ г. Лэйрдъ «*violent Schleswig - Holsteiner*», дабы заслужить этимъ выборомъ болѣе довѣренности и популярности въ кругу германскихъ патриотовъ; для этой же цѣли находилъ онъ полезнымъ скрыть данное тайное согласіе. Вѣстѣ съ г. Бузеномъ были обмануты, такимъ образомъ, всѣ германскіе патриоты, продолжавшіе свое слѣпое вѣрованіе въ мнимую непоколебимость, оказанную въ этомъ случаѣ Пруссіею въ защитѣ «нѣмецкихъ интересовъ». (*Times*, отъ 9-го іюля 1864 года.)

его съ Пруссіею, *дѣйствовавшей все время отъ имени и по порученію Германіи.*

Дѣйствительно, не прошло и семи мѣсяцевъ со дня подписанія ольмюцскихъ прелиминарій, и, благодаря раболѣпной поворности восстановленнаго Австріею сейма, шлезвигъ-голштейнское дѣло возбуждено вновь, и разрѣшеніе этого вторичнаго спора досталось въ руки Австріи; но Даніи, въ этомъ случаѣ, готовилось тяжкое, жестокое разочарованіе. Австрія не только не думала вступаться за Данію, но даже явилась несравненно болѣе взыскательною къ ней, чѣмъ Пруссія. Вышательство искусной и коварной дипломатіи вѣнскаго кабинета открыло въ шлезвигъ-голштейнскомъ вопросѣ, рѣшеніемъ котораго озабочивалась тогда вся Европа, широкое отверстіе для будущихъ кляузъ, недоразумѣній, придирокъ и споровъ всякаго рода.

Миромъ, заключеннымъ въ Берлинѣ 2-го іюля 1850 года между Германіею, представляемою Пруссіею, и Даніею, было постановлено простое возвращеніе воюющихъ сторонъ къ *statu quo ante bellum*, почти съ насмѣшливою оговоркою (4-я статья), что Даніи предоставлялось право *просить содѣйствія союза для умиротворенія Голштейна*. Шлезвигомъ, со дня заключенія перемирія, 14-го іюня 1849 года, управляли комиссары датскій, прусскій и англійскій; послѣдній въ качествѣ посредника. Голштейнъ, занятый непріятельскими войсками, по-прежнему оставался подъ управленіемъ мятежнаго временнаго правительства, что и послужило поводомъ къ введенію, въ мирный трактатъ отъ 2-го іюля, насмѣшливой оговорки его 4-й статьи, послужившей лишь предлогомъ къ продолженію занятія Голштейна, будто бы для окончательнаго «умиротворенія» его. Этому-то «умиротворенію», въ силу ольмюцскихъ прелиминарій, Австрія постѣдилась содѣйствовать своими войсками, и усилить, такимъ образомъ, разорительное и унижительное положеніе, созданное для Даніи коварнымъ введеніемъ 4-й статьи въ мирный договоръ отъ 2-го іюля 1850 года.

Дальнѣйшее веденіе шлезвигъ-голштейнскаго дѣла, заключившееся, какъ мы увидимъ, постановленіями Лондонской конференціи 8 мая 1852 года, еще болѣе обнаружило неискренность Австріи, но оно не исправило и дѣлъ Пруссіи. Тѣмъ не менѣе, Австрія являлась побѣдительницею Пруссіи, и на долю ея выпали вся сила, все вліяніе, все значеніе, упущенныя немощными руками берлинскаго кабинета. Для нея не только Эрфуртъ, Кассель и Ольмюць, но даже самая развязка шлезвигъ-голштейнскаго дѣла, давшая ей средство вырвать у Пруссіи одно изъ главныхъ основаній ея популярности — составили побѣды надъ ея затѣвливою, но слабою духомъ соперницею. Но если всѣ эти побѣды одобрялись подобострастіемъ правительствъ второстепенныхъ державъ, то, въ общественномъ мнѣніи, понемногу стало высказываться сознаніе, что всѣ побѣды Австріи надъ Пруссіею были,

вмѣстѣ съ тѣмъ, и побѣдами надъ самыми единодушными стремленіями германской національности.

Не обращая вниманія на эти заключенія, естественно выработывавшіяся при убѣжденіи въ «ограниченной понятливости подданныхъ», Австрія, немедленно послѣ дешевой побѣды своей въ Ольмюцѣ, поспѣшила пожать плоды непрерывнаго ряда своихъ дипломатическихъ успѣховъ. По мнѣнію князя Шварценберга, плодами этими должны были упрочиться поколебленные основанія многосложнаго политическаго зданія имперіи Габсбурговъ. Но событія 1848 и 49 годовъ вполне доказали, до какой степени, безъ Германіи, эти основанія были безсильны и шатки. Поэтому, вводя внутри имперіи систему строгой, объединительной централизаціи, — князь Шварценбергъ замыслилъ еще болѣе смѣлый проектъ: связать съ Германіею, федеральными узами, это насильно централизованное, но естественно разнородное политическое тѣло. Осуществленіемъ этого замысла долженъ былъ увѣнчаться рядъ дипломатическихъ побѣдъ предприимчиваго и даровитаго австрійскаго министра, а постановка его проекта должна была совершиться на конгрессѣ нѣмецкихъ принцевъ, созванныхъ въ Дрезденѣ къ 23 декабря 1850 года, для окончательнаго устройства Германіи на основаніяхъ ольмюцскихъ прелиминарій.

Но не одна Австрія являлась на дрезденскій конгрессъ съ намѣреніемъ постановить вопросъ о преобразованіи федеральной организаціи Германіи, опредѣленной въ главныхъ чертахъ федеральнымъ актомъ отъ 8 іюня 1815 года и заключительнымъ актомъ (acte final) вѣнскаго конгресса 1820 г., приведеннымъ же въ исполненіе въ засѣданіи сейма, 6 апрѣля 1818 г. Большая часть второстепенныхъ державъ Германіи, также какъ и Австрія, имѣли свои особенные виды на преобразование союза, и сама Пруссія, смиренно являясь на конгрессъ во исполненіе унизительныхъ условій, предписанныхъ ей въ Ольмюцѣ, тѣмъ не менѣе пыталась сокровенными, неопредѣленными надеждами на какой-нибудь благопріятный случай приступить еще разъ къ выполненію своихъ завѣтныхъ замысловъ. Замѣчательнѣе всего то, что всѣ эти разносторонніе и взаимно противорѣчащіе виды и надежды, въ сущности, хотя и разными путями, стремились всѣ къ одной и той же цѣли, а именно — достигнуть большей силы, большей плотности, большаго объединенія федеральной организаціи, при чемъ, разумѣется, авторъ каждой изъ этихъ комбинацій имѣлъ, прежде всего, въ виду интересы и значеніе своей мѣстной родины. Не трудно представить себѣ, до какой степени такая эгонистическая задняя мысль каждой изъ этихъ комбинацій усложняла и затрудняла успѣхъ общаго дѣла; особенно же оказалось, въ этомъ случаѣ, пагубнымъ, для какаго бы то ни было улучшенія и усиленія прежней организаціи союза — завистливое, себялюбивое соперничество обѣихъ великихъ державъ. Разсчитывая на

окончательное униженіе Пруссіи, Австрія надѣялась, что противодѣйствіе ея будетъ ничтожно, чѣмъ, на этотъ разъ, устранилось бы это неизбежное до сихъ поръ препятствіе не только къ объединенію, но даже къ какому бы то ни было сплоченію силъ федеральной Германіи.

Всѣ эти расчеты и надежды Австріи высказались при самомъ открытіи конгресса высококомѣрною, повелительною рѣчью князя Шварценберга. По мнѣнію австрійскаго министра, революціонный духъ времени, необузданныя стремленія массъ, поощряемыя честолюбивыми замыслами *нѣкоторыхъ правительствъ*, — таковы главные враги, о борьбѣ съ которыми, прежде всего, слѣдовало озаботиться всѣмъ правительствамъ Германіи. Единственное средство оказать сопротивленіе этимъ подземнымъ, разрушительнымъ силамъ, состояло въ усиленіи консервативнаго начала, а, слѣдовательно, и власти тѣхъ государствъ, которыя постоянно служили представителями этого начала, т. е. Австріи. Германіи необходимо сохранить федеральную организацію, но не иначе, какъ на основаніяхъ, которыя впредь сдѣлали бы невозможнымъ возобновленіе прискорбныхъ событій, пройденныхъ ею въ послѣдніе два года. Надменные выраженія и повелительный тонъ князя Шварценберга рѣзко отличались отъ смиренности и робости рѣчи, произнесенной послѣ него барономъ Мантейфелемъ, какъ бы въ подтвержденіе, хотя и въ болѣе умѣренномъ смыслѣ, всѣхъ принциповъ, изложенныхъ его соперникомъ. Замѣчательно въ этомъ засѣданіи было то, что одна Баварія рѣшилась высказать болѣе либеральное направленіе, требуя, чтобы въ основаніи предполагаемаго преобразованія федеральной организаціи былъ положенъ принципъ народнаго, избирательнаго собранія.

Главное достоинство рѣчи князя Шварценберга состояло въ томъ, что она, съ самаго начала, намекала на послѣднія цѣли его проекта. И дѣйствительно, съ начала января 1851 года, онъ сталъ развивать свои соображенія, стремившіяся, въ сущности, къ возстановленію принципа центральной власти, составленной изъ представителей однихъ правительствъ, къ совершенному почти уничтоженію вліянія незначительныхъ, и къ ограниченію вліянія второстепенныхъ государствъ, подъ предсѣдательствомъ одной Австріи. Едва выйдя изъ ужаснѣйшаго кризиса, въ которомъ одна помощь Россіи предохранила ее отъ неминуемаго распаденія, Австрія, благодаря ольмюцскому торжеству, пользовалась въ то время внѣшнимъ блескомъ и дѣйствительнымъ вліяніемъ, которые могли выдержать сравненіе съ самыми блестящими эпохами меттернихскаго господства. Покоряясь гнету этой тягостной обстановки, Пруссія, до тѣхъ поръ, едва возражала соображеніямъ своей соперницы; но къ требованію Австріи исключительнаго предсѣдательства въ центральной власти Германіи, она не могла остаться равнодушною. Такимъ образомъ, съ конца января, среди дрезденскаго конгресса, стала

возобновляться борьба, временно прекращенная въ Ольмюцѣ. Къ Пруссіи, разумѣется, стали примыкать нѣкоторые правительства, чувствовавшія себя обиженными проектомъ князя Шварценберга. Къ тому же, по примѣру Баваріи, король виртембергскій написалъ конгрессу письмо, съ весьма категорическимъ требованіемъ присоединенія народнаго представительнаго собранія въ центральной власти Германіи. Между тѣмъ, Австріи оставалось, не теряя времени, согласно обѣщанію, данному франкфуртскому парламенту депешю князя Шварценберга отъ 27 ноября 1848 года, приступить къ «опредѣленію ея отношеній къ Германіи». Эта самая депеша, очевидно, намекала на замыслы австрійскаго министра, заявляя, будто «существованіе Австрійской имперіи, въ *полномъ составѣ всѣхъ ея владѣній*, составляетъ, для Германіи, непремѣнную потребность». Дѣйствительно, убѣдясь въ неоспоримомъ преобладаніи Австріи и въ безпрекословномъ авторитетѣ своего слова, князь Шварценбергъ заявилъ въ Дрезденѣ предложеніе, чтобы всѣ владѣнія Австріи были включены въ составъ Германскаго союза, по примѣру того, какъ, въ 1848 году, по предложенію Пруссіи, Познань была причислена къ провозглашенной тогда Нѣмецкой имперіи.

Какъ ни очевидны были популярность и вѣсь австрійскаго министра среди покорной ему публики дрезденскаго съѣзда, но неожиданное, смѣлое предложеніе этого достойнаго преемника князя Меттерниха, не могло не привести членовъ конгресса въ неописанное недоумѣніе. Дѣйствительно, принятіемъ этого предложенія вся Германія обязывалась къ защитѣ притязаній Австріи надъ подчиненными ей иноплеменными народами, и обращалась, такимъ образомъ, въ орудіе ненасытнаго властолюбія историческихъ стремленій вѣнскаго кабинета. Съ другой стороны, употребляя силы Германіи для подавленія сопротивленія подвластныхъ ей иноплеменныхъ населеній, Австрія могла легко, въ случаѣ нужды, употребить, противъ самой Германіи, силы этихъ же иноплеменныхъ населеній, озлобленныхъ противъ всѣхъ нѣмцевъ за содѣйствіе, оказанное ими общему притѣснителю. Никогда самъ князь Меттернихъ не почувствовалъ себя довольно сильнымъ, чтобы заявить подобное предложеніе.

Тѣмъ не менѣе, въ 1850—51 годахъ возстановленное преобладаніе Австріи надъ всѣми правительствами Германіи достигло такой силы, что, не смотря на ясное сознаніе гибельныхъ послѣдствій принятія предложенія князя Шварценберга, конгрессъ не рѣшился оказать ему серьезнаго сопротивленія. Пренія происходили преимущественно о подробностяхъ новой организаціи сейма, предложенной княземъ Шварценбергомъ; сама Пруссія, упорно оспаривая вопросъ о предсѣдательствѣ предполагаемаго сейма, но опасаясь исключенія Познани, присоединенной къ союзу въ 1848 году, не рѣшалась оказать явнаго со-

противленія главному требованію Австріи и просила двухнедѣльнаго срока для объявленія своего мнѣнія.

Но и этой отсрочки едва ли было бы достаточно Пруссіи, чтобы надѣлать ее силою воли, необходимою для оказанія рѣшительнаго сопротивленія домогательствамъ Австріи. Къ счастью Германіи, въ разрѣшеніе этого «чисто нѣмецкаго вопроса», какъ выражался князь Шварценбергъ, нашли нужнымъ вмѣшаться и прочія великія державы Европы. Франція, Англія, а за ними и Россія громко выразили свое нерасположеніе къ предложенному Австріею коренному преобразованію главныхъ основъ германскаго сейма. «Посреди политическихъ столкновеній, разъединяющихъ Германію — говорилъ принцъ-президентъ Лудовикъ-Наполеонъ въ посланіи своемъ отъ 12-го ноября 1850 года — мы сохранили строгій нейтралитетъ. *Покуда не будутъ затронуты интересы Франціи*, мы будемъ продолжать политику, свидѣтельствующую о нашемъ уваженіи къ независимости нашихъ сосѣдей» 1). Этому завѣренію, до нѣкоторой степени, противорѣчило двучинное положеніе, принятое, въ то самое время, Франціею, въ спорѣ между Австріею и Пруссіею; тѣмъ не менѣе, нельзя не признать того, что, убѣдясъ въ неудачѣ своихъ попытокъ привести этотъ споръ къ кровавой развязкѣ, тюрингійскій кабинетъ, повидимому, остался равнодушнымъ зрителемъ событій, происходившихъ въ Германіи, выжидая удобнаго случая дать почувствовать ей силу своего слова. Предложеніе князя Шварценберга, по справедливости, должно было вывести Францію изъ ея *эмманельнаго нейтралитета*, такъ какъ присоединеніемъ къ Германіи 24 милліоновъ — *не-нѣмецкихъ* подданныхъ Австріи, очевидно, нарушались всѣ условія политическаго равновѣсія Европы, чѣмъ, разумѣется, «затрогивались» существенные «интересы Франціи». Соображенія эти, въ видѣ простыхъ представленій, были изложены, въ первый разъ, въ дипломатической нотѣ тюрингійскаго кабинета, отъ 31-го января 1851 года. Такъ какъ эта нота не произвела на Австрію ожидаемаго дѣйствія, то депешей отъ 23-го февраля 1851 года, французское правительство повторило ей свои предостереженія, но, на этотъ разъ, въ выраженіяхъ несравненно болѣе опредѣлительныхъ и твердыхъ. Князь Шварценбергъ, намекнувъ на право Германіи располагать своею судьбою независимо отъ всякаго вмѣшательства иностранныхъ державъ, отговаривался невозможностью согласовать предпринятое Австріею внутреннее объединеніе своихъ владѣній, съ политическимъ раздѣленіемъ ихъ на часть входящую и на часть не входящую въ составъ Германскаго союза, а также соображеніемъ, будто включеніе всѣхъ владѣній Австріи въ федеральную организацію Германіи не представляетъ никакой опасности ни для Россіи, ни для Франціи,

1) *Proclamations, discours et messages de l'Empereur*, p. 130.

такъ какъ, въ 1848 — 49 годахъ, Австрія не оказалась въ состояніи убѣдить Германію, вступить за нее ни въ Италиі, ни въ Венгрію, ни даже въ Богемію. Съ другой же стороны, слѣдствіемъ этого дѣла на дрезденскомъ съѣздѣ и справедливо расчитывая на страхъ, внушаемый второстепеннымъ державамъ господствомъ Пруссіи, Австрія рѣшительно заявила конгрессу, что она предпочитаетъ отдѣлиться отъ союза, скорѣе, чѣмъ согласиться на прежній порядокъ, по которому въ составъ входила только часть владѣній федеральной территоріи габсбургскаго дома. Наконецъ, предвидя, что это вмѣшательство Франціи неминуемо ободритъ Пруссію, и опасаясь новаго сближенія ея съ второстепенными державами подѣ влияніемъ неудовольствія и безпокойствъ, возбужденныхъ австрійскимъ проектомъ, князь Шварценбергъ, депешешъ отъ 2-го марта 1851 года, напомнилъ второстепеннымъ державамъ участь, ожидающую ихъ отъ Пруссіи, въ случаѣ выбитія Австріи изъ Германскаго союза, и не упустилъ ни одного средства, для возбужденія только-что притихнувшихъ опасеній ихъ со стороны берлинскаго кабинета.

Между тѣмъ, въ Дрезденѣ, продолжалось обсужденіе предложенія князя Шварценберга, какъ будто приведенію его въ исполненіе не предвидѣлось другихъ препятствій, кромѣ встрѣтившихъ это предложеніе со стороны нѣмецкихъ принцевъ. Этой благодушной увѣренности положилъ конецъ французскій *memorandum* отъ 5-го марта 1851 года ¹⁾, въ которомъ баронъ Бренъ, исправлявшій должность министра иностранныхъ дѣлъ французской республики, объяснялъ вѣнскому кабинету, что «учредительный актъ германскаго союза, даже въ самыхъ незначительныхъ подробностяхъ своихъ, составляетъ неотъемлемую часть общаго акта вѣнскаго конгресса, а потому, въ строгомъ значеніи принципа, *не можетъ подвергнуться ни малѣйшему измѣненію, безъ участія всѣхъ державъ, подписавшихъ этотъ актъ*». «Этотъ принципъ — продолжалъ *memorandum* — тѣмъ болѣе имѣетъ мѣсто, когда дѣло идетъ объ измѣненіи статьи 1-й этого акта, опредѣляющей и мѣсто и границы Германскаго союза въ Европѣ...» *Memorandum* напоминалъ, что статьею 1-ю федеральнаго акта (53-ю статьею общаго акта вѣнскаго конгресса) опредѣлено, что только тѣ владѣнія Австріи и Пруссіи входятъ въ составъ союза, которыя принадлежали нѣкогда германской имперіи. Сама Австрія признала этотъ принципъ, предложивъ исключеніе Ломбардіи, въ засѣданіи сейма, 6-го апрѣля 1818 года. Но Австрія въ то время старалась доказать Германію, какъ мало входило въ ея виды распространить за Альпы оборонительную линію Германіи... Если Австріи имѣя угодно совершать преобразование своего внутренняго устройства, то это еще не даетъ

¹⁾ *Annales des deux mondes*. Appendice, pages 958 — 957.

ей права требовать соотвѣтственнаго этимъ преобразованіямъ измѣненія самой природы союза. *Не болѣе этого имѣетъ она право выйти изъ союза, въ случаѣ, если бы желаніе ея не было исполнено*¹⁾. Рѣшивъ вопросъ о правѣ, *memorandum* разбираетъ самый фактъ выступленія Австріи изъ союза. Дерзко опровергая самую добросовѣстность и искренность этой угрозы Австріи, «можно утверждать, не колеблясь—говорить *memorandum*— что достигнетъ или не достигнетъ вѣнскій кабинетъ присоединенія своихъ владѣній, но, *добровольно, онъ никогда не отдѣлится отъ союза, надъ которымъ онъ имѣетъ вліяніе, составляющее одно изъ главныхъ основаній его политической силы*». «Объединенное существованіе Австріи», язвительно присовокупляя къ этому замѣчательнѣйшій французскій документъ, «еще не достигло такого безусловнаго характера, еще не составляетъ такого совершеннаго факта, чтобы не было возможности найти средство согласовать его съ оставленіемъ части этой имперіи внѣ союза, въ составъ котораго продолжала бы входить остальная часть ея».

Эта настойчивость требованій тюрльрійскаго кабинета, за которыми, 9-го іюля, появился еще болѣе строгаго характера *memorandum* Англій, при явномъ нерасположеніи къ замысламъ вѣнскаго кабинета какъ будто колебавшейся сначала Россія, доказали князю Шварценбергу, что онъ слишкомъ увлекся своими дешевыми услѣхами надъ Пруссіей: Надѣлавъ много шума и тревогъ не только Германіи, но и цѣлой Европѣ, дрезденскій конгрессъ, помощью котораго князь Шварценбергъ надѣялся преобразовать, въ пользу Австріи, федеральную организацію Германіи, въ сущности, ограничился возстановленіемъ германскаго сейма, упраздненнаго съ 1848 года. При этомъ, однако, замѣчательно было то, что Австрія, которая болѣе всѣхъ усиливалась сохранить существованіе сейма въ 1848 году и, повидимому, сама предприняла возстановленіе его учрежденіемъ въ *Interim* 1849 года и *Provisorium* 1850 года, — оказала весьма замѣчательное нерасположеніе къ возстановленію его въ 1851 году. Это нерасположеніе объясняется надеждами князя Шварценберга замѣстить этотъ союзъ предложенною имъ федеральною организаціею. Но рѣшительность и твердость, обнаруженныя какъ тюрльрійскимъ, такъ и лондонскимъ кабинетами относительно замысловъ Австріи, болѣе всего побудили князя Шварценберга искать опоры второстепенныхъ державъ, уступкою имъ возстановленія драгоцѣннаго для нихъ прежняго сейма,

¹⁾ Въ доказательство этого мнѣнія французскій *memorandum* приводитъ статью 53 общаго акта вѣнскаго конгресса 1815 года, постановляющаго, что «нѣмецкія державы учреждать между собою *тѣсный союзъ*», и статью 5-ю заключительнаго акта отъ 1820 года, «какъ бы предвѣдѣннаго настоящій случай», опредѣляя, что «союзъ не разрушимъ (*indissoluble*) въ силу самаго принципа своего учрежденія, такъ что ни одинъ изъ его членовъ не свободенъ отдѣлится отъ него».

какъ послѣдняго убѣжища ихъ противъ властолюбивыхъ замысловъ обѣихъ великихъ державъ Германіи. 30 мая 1851 года, состоялось торжественно это возстановленіе; послѣ чего, первая дѣятельность воскресшаго сейма обратилась въ самое безсознательное орудіе управляемой Австрією реакціи противъ движенія 1848 года. Первое проявленіе этой реакціи, въ засѣданіи сейма 11-го іюня 1851 года, было направлено противъ Пруссіи и мира, заключеннаго ею съ Даниею 4-го іюля 1850 г., по довѣренности отъ Германіи. Затѣмъ, въ засѣданіи 27-го сентября, постановленіемъ сейма отмѣнены «основныя права нѣмецкаго народа», провозглашенныя франкфуртскимъ собраніемъ 20 августа 1848 года. Но пока возстановленный сеймъ свирѣпствовалъ надъ послѣдними слѣдами грознаго для феодальнаго партикуларизма національнаго движенія Германіи, Франція и Англія продолжали свои дипломатическія предостереженія, по поводу домогательствъ князя Шварценберга. Можно было предвидѣть, что надменный австрійскій министръ не оставитъ безъ возраженія эти неотступныя нападки, и дѣйствительно, пользуясь вліяніемъ, произведеннымъ новыми домогательствами Англіи, по наущенію князя Шварценберга, и по предложенію уполномоченнаго Австрією предсѣдателя сейма, графа Туна, въ засѣданіи, 20 сентября 1851 года, постановлено, что «сеймъ не можетъ иначе взирать на содержаніе нотъ лондонскаго и парижскаго кабинетовъ, какъ на иностранное вмѣшательство *во внутреннія дѣла* Германскаго союза, и какъ на стремленіе присвоивать себѣ права и преимущества, которыя никогда не могутъ быть признаны, такъ какъ они противорѣчатъ опредѣленіямъ акта вѣнскаго конгресса. Сеймъ, слѣдовательно, не находитъ повода входить на этотъ счетъ въ болѣе подробныя объясненія. Онъ ограничивается ссылкой на постановленіе свое отъ 14 сентября 1834 года ¹⁾, сообщенное, въ то время, посланникамъ Франціи и Англіи, и которымъ опредѣляются, *разъ навсегда*, принципы, руководящія сеймомъ въ случаѣ вмѣшательства иностранныхъ державъ *во внутреннія дѣла союза*, или «стремленія этихъ державъ стѣснять вѣдомство сейма».

Для всякаго было очевидно, что это твердое и рѣзкое заявленіе

¹⁾ Это постановленіе, отъ 14-го сентября 1834 года, состоялось въ отвѣтъ на заявленное Францією и Англією, нотами отъ 30-го іюня и 10-го іюля того же года, и по поводу занятія Франкфурта австро-прусскими войсками, — притязаніе блюсти за точнымъ исполненіемъ основныхъ законовъ Германскаго союза. Единогласно принятою резолюціею сеймъ опредѣлилъ, что «подобное *вмѣшательство не согласно со статьями I, II, VI, VII, X и XI федеральнаго договора*, почему сеймъ уполномочиваетъ на будущее время своего предсѣдателя опровергать на этомъ основаніи всѣ возможные ноты иностранныхъ кабинетовъ, *не исправивая на то, каждый разъ, особеннаго разршенія сейма*».

могло быть внушено одною Австріей. Она, повидимому, вступалась за достоинство и независимость Германіи; въ сущности же, заявленіе это оградяло единственно надежды Австріи на достиженіе своихъ заповѣдныхъ цѣлей. Но тюрингійскій кабинетъ не могъ не различать разницы между вмѣшательствомъ во *внутреннія* дѣла сейма, и вопросомъ о *внѣшнемъ* расширеніи предѣловъ его власти. Сознаніе этого различія ясно выражено въ президентскомъ посланіи отъ 4 сентября 1851 года, въ которомъ сказано: «преобразованиемъ *внутренней организаціи* своей, германскій сеймъ старается оградить себя отъ новыхъ потрясеній. *Мы должны оставаться совершенно чужды (étranger) этому труду.* Одно время могли мы опасаться, чтобы франкфуртскій сеймъ не былъ призванъ къ обсужденію предложенія, которое *значительно измѣнило бы самое существо нѣмецкой конфедераціи, стремясь расширить ея предѣлы, измѣняя, такимъ образомъ, ея назначеніе, ея европейскую роль, и нарушая равновѣсіе Европы. Мы нашли нужнымъ заявить возраженія....* Къ счастью, мудрость германскихъ правительствъ не замедлила устранить этотъ случай столкновенія ¹⁾».

Итакъ, не смотря на мнимыя твердость и рѣшительность заявленной германскаго сейма въ отвѣтъ французскимъ и англійской депешамъ, принцъ, президентъ Лудовикъ-Наполеонъ, не призналъ принципа, постановленнаго федеральнымъ правительствомъ; на дѣлѣ же оказалось, что протестовъ Франціи и Англій было достаточно, дабы убѣдить сеймъ оставить безъ послѣдствій предложеніе, сдѣланное княземъ Шварценбергомъ дрезденскому конгрессу. Самъ вѣнскій кабинетъ, повидимому, отказался на время отъ дальнѣйшихъ усилій выполнить изобрѣтенную имъ комбинацію. Унизивъ Пруссію при помощи нравственнаго содѣйствія Франціи, вѣнскій кабинетъ, въ свою очередь, получилъ отъ послѣдней строгій и заслуженный урокъ, тѣмъ и опредѣлилось настоящее положеніе его на Лондонской конференціи 1852 года. Между тѣмъ, событія, совершившіяся въ Германіи въ 1850 и 51 годахъ, видимо начинали доказывать Европѣ, что политическая система новаго управленія, выработаннаго для Франціи междуособіями 1848 и 49 годовъ, зоркимъ окомъ слѣдитъ за всѣми дѣйствіями своихъ сосѣдей, не упускаетъ ни одного случая вмѣшиваться въ ихъ дѣла, и взираетъ на всякое международное столкновеніе, какъ на орудіе, могущее послужить къ выполненію ея собственныхъ цѣлей. По всему видно было, что предсказаніе Гервинуса начинало сбываться: въ нѣдрахъ междуособій Парижа выработалась военная диктатура, и 1-го декабря 1852 года во Франціи провозглашена имперія ²⁾. А. М.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Proclamations, discours etc., p. 178.

²⁾ Обыкновенно, 2-е декабря принимаютъ за день основанія имперіи, но соб-

IV.

СОВРЕМЕННАЯ ФРАНЦІЯ.

Очеркъ первый.

Чѣмъ больше живешь въ какой-нибудь средѣ, тѣмъ болѣе убѣждаешься и собственнымъ опытомъ, и наблюдениемъ надъ другими, какъ далеки отъ истины, какъ близоруки бываютъ мнѣнія, взгляды, общіе выводы, составленные огуломъ о цѣлой странѣ и ея обществѣ, при первомъ столкновеніи съ ними, по первому отъ нихъ впечатлѣнію. Какъ часто приходится, напримѣръ, слышать въ разговорѣ о французахъ, что нѣтъ народа на всѣхъ планетахъ вмѣстѣ, который былъ бы легкомысленнѣе, вѣтреннѣе, чуть не пустѣе ихъ! Этотъ взглядъ обратился въ какое-то повѣрье, источникъ котораго понять легко, но не такъ легко было бы искоренить самое убѣжденіе. Начнемъ съ того, что въ подобныхъ осужденіяхъ цѣлаго какого-нибудь общества занимаетъ не малое мѣсто самолюбіе посторонняго наблюдателя и его исключительное положеніе: на долю наблюдателя выпадаетъ критика, довольствующаяся иногда одною формальною истиною; наблюдатель, удовлетворивъ въ своихъ мысленіяхъ строгимъ законамъ мышленія, оцѣнивъ всякое явленіе съ точки зрѣнія высшей политики, расположенъ тѣмъ самымъ относиться съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ къ маленькимъ и большимъ бѣдамъ горькой дѣйствительности. Въ сужденіи специально о французахъ, намъ, людямъ сѣвера и вовсе не латинской расы, мѣшаетъ еще то обстоятельство, что во французѣ мы встрѣчаемъ нѣкоторыя общественныя качества, въ ихъ, такъ сказать, натуральномъ видѣ, а потому въ полномъ развитіи и повсемѣстно; среди насъ встрѣчаются эти же самыя качества, но какъ результатъ воспитанія, обученія, дрессировки, и потому мы относимся къ нимъ у себя съ нѣкоторою недоувѣрчивостію и почти съ осужденіемъ. Явившись во Францію, въ самое, такъ сказать, отечество всѣхъ этихъ общественныхъ качествъ, мы не можемъ долго отдѣлаться отъ недоувѣрія къ нимъ, которое они прежде внушали намъ у себя дома. Возьмемъ для примѣра французскую вѣжливость, *politesse*, которою во Франціи проникнуто все до глубины мозга, какъ въ разговорѣ, такъ и въ обращеніи. О французѣ можно сказать, что онъ вѣжливъ безъ всякой причины,

ственно Лудовикъ-Наполеонъ былъ провозглашенъ императоромъ наканунѣ, 1-го декабря, когда явился къ нему Законодательный корпусъ въ С.-Клу. «Мое правленіе, говорилъ Наполеонъ III въ своей рѣчи, 1-го декабря, гдѣ онъ объяснялъ свое наименованіе *третьимъ*, начинается не съ 1815 года, но съ этой минуты, когда вы мнѣ возвѣщаете волю народа.» (См. *Discours, Messages etc. Par. 1860, стр. 248 и слѣд.*) Въ отвѣтъ на эту рѣчь, раздались крики: *Vive l'Empereur! Vive Napoleon III!*

безъ задней мысли. Мы знаемъ также, что такое вѣжливость, но всегда невольно думаемъ, что человекъ не даромъ вѣжливъ, и потому всегда мы склонны искать причины вѣжливости, и даже подозрительные относиться къ ней. Во Франціи, мы видимъ себя вдругъ окруженными вѣжливостью повсюду, даже и въ такихъ случаяхъ, гдѣ казалось бы дѣло нейдетъ ни о вѣжливости, ни о невѣжливости; мы совершенно забываемъ, что находимся на родинѣ самой вѣжливости, что здѣсь вѣжливость не расчетъ, и мы дивимся, что цѣлый народъ страдаетъ какимъ-то легкомысліемъ въ обращеніи, не умѣетъ отличать людей и, по крайней мѣрѣ, встрѣчать по платю. Находя постоянно вѣжливое отношеніе ко всѣмъ безъ различія чѣмъ-то ненормальнымъ, мы почти неприятно поражаемся непрерывною деликатностью, граціозностью наружной оболочки, въ которую французъ обертываетъ свой разговоръ, свое сужденіе, даже опроверженіе мысли противника. Не будучи по природѣ французами, или, что еще хуже, бывая ими только искусственно, иногда въ противность своей природѣ, мы подозрительно относимся даже и къ произведенію французскаго пера, считая невозможнымъ, чтобы, подъ простымъ до художественности покровомъ, могла скрываться серьезная мысль, дѣльное и хорошо выработанное сужденіе.

Богѣ всего упрекаютъ французовъ за ихъ политическое легкомысліе... но въ этомъ отношеніи народу надобно предоставить оправдываться самому. Или всѣ мы опять ошибаемся, или 1866-й годъ составитъ въ лѣтописяхъ Франціи поворотную эпоху, эпоху пробужденія и началу расчета, послѣ котораго, можетъ быть, легкомысленнымъ окажется не французское общество, а тѣ, которые такъ долго злоупотребляли его правами. Какъ часто бываетъ въ подобныя эпохи, матеріальныя бѣдствія Франціи въ 1866 году являлись, словно нарочно, чтобы увеличить всеобщее неудовольствіе однихъ и тяжесть отвѣтственности другихъ. Наводненія, неурожай тяжело отозвались въ прошломъ году на всемъ населеніи Франціи; какъ ни случайны эти бѣдствія, какъ ни мало они зависятъ отъ воли чьей-нибудь, но тамъ, гдѣ господствуетъ французская новѣйшая система, всякій ударъ судьбы тяжелѣе для общества и затруднительнѣе для власти.

Послѣ наводненія 1856 года, казалось почти невозможнымъ, чтобы подобное что-нибудь повтѣрилось, да еще съ большею силою; 1866-й годъ доказалъ совсѣмъ противное. Четыре главные бассейна, четыре главные рѣчныя системы, которыя охватываютъ значительную часть всей Франціи, именно Гаронна, Лоара, Рона и Сена вышли изъ своихъ береговъ и затопили множество селеній, погубили, разрушили многія начатыя заботы, унесли съ собою милліоны и милліоны. Эти наводненія объяли просто ужасомъ цѣлую страну; всѣ съ безпокойствомъ спрашивали другъ друга: какъ обезпечить себя отъ подобнаго

бича, что дѣлать, если подобное несчастье станетъ повторяться все чаще и чаще? Назначено было множество комиссій для изслѣдованія этого вопроса, но всѣ комиссіи вмѣстѣ дали неудовлетворительные результаты. Суммы, потребныя для работъ, которыя предохраняли бы отъ подобнаго наводненія, громадны: такъ, напримѣръ, по вычисленію комиссіи одинъ бассейнъ Лоары потребовалъ бы болѣе 100 милліоновъ; конечно, сумма эта невелика, если бы была увѣренность, что такую затрату страна навсегда будетъ избавлена отъ такого несчастья; но сама комиссія говоритъ: «это не вѣрно!»

Какъ ни огромны были подписки, но и онѣ мало все-таки вознаградили пострадавшихъ, которые были повергнуты въ нищету! Если бы прошлый годъ далъ хорошій урожай, если бы хлѣбъ, эта основная пища всего работающаго міра, былъ дешевле, это хоть сколько-нибудь облегчило бы судьбу населенія. Но одно несчастье слѣдовало за другимъ, и хлѣбъ вздорожалъ неслыханно. Новыя комиссіи для изслѣдованія состоянія земледѣлія! Тѣ же жалкіе результаты! Главнымъ образомъ, сельское населеніе жалуется на то, что большіе города привлекаютъ слишкомъ значительную часть населенія, что земледѣліе нуждается въ рабочихъ рукахъ, а ихъ нѣтъ! Рядомъ съ этою жалобою сельскаго населенія, со всѣхъ сторонъ слышится жалоба промышленнаго класса, что нѣтъ достаточно работъ, что хозяева эксплуатируютъ ихъ, имѣя предъ собою слишкомъ большой выборъ рабочихъ безъ дѣла. Это искусственное притяженіе рабочаго элемента въ большіе города ведетъ за собою, такимъ образомъ, двѣ бѣды: во-первыхъ кризисъ въ земледѣліи, вслѣдствіе недостатка сельскаго населенія, и кризисъ въ мірѣ промышленности, вслѣдствіе обратной причины, т. е. слишкомъ большого наплыва рабочихъ! Этотъ промышленный кризисъ принималъ самыя большіе, обезпокоивающіе размѣры въ Лионѣ.

Другая причина жалобы сельскаго населенія, другая причина земледѣльческаго кризиса заключается въ томъ, что армія всасываетъ въ себя всѣ главныя силы страны. Во всѣхъ отчетахъ комиссій до того правильно, постоянно встрѣчается одно требованіе, что можно подумать, что все сельское населеніе сговорилось между собою. Мнѣніе, требованіе, которое ярко выдается, которое громко раздалось во всей Франціи, есть слѣдующее: «Мы не можемъ выносить такого устройства арміи, которое беретъ каждый годъ почти $\frac{2}{3}$ всего сильнаго, здороваго населенія Франціи; необходимо умѣрить контингентъ, смягчить конскрипцію, уменьшить наборъ во время войны, и сдѣлать освобожденіе, выкупъ—болѣе легкимъ!» Первымъ результатомъ такого бѣдственнаго состоянія земледѣлія является страшная дороговизна хлѣба, которая дошла здѣсь до 20 сантимовъ за фунтъ, что составляетъ истинное бѣдствіе для рабочаго населенія. Эта дороговизна

тѣмъ чувствительнѣе для народа, что она явилась въ такую минуту, когда всѣ работы были въ застоѣ, когда въ главномъ мануфактурномъ центрѣ — Лионѣ, свирѣпствовала жестокая кризисъ, который, можно смѣло сказать, продолжается съ нѣскольکو меньшей силой и до сихъ поръ.

Мнѣ случилось проѣзжать чрезъ Лионъ въ декабрѣ прошедшаго года, именно въ ту минуту, когда тамъ кризисъ уже значительно ослабѣлъ, когда умы уже нѣсколько успокоились, и менѣе раздражительно, я готовъ даже сказать, что совсѣмъ безъ раздраженія, отнесились къ своему положенію, когда, наконецъ, работа снова начинала приниматься. Вслѣдствіе всего этого, мои личныя наблюденія никакъ не могутъ носить на себѣ какого-нибудь оттѣнка крайности и минутнаго бѣдствія, изъ котораго не слѣдовало бы дѣлать никакихъ заключеній.

Кто слышалъ имя Лиона, тотъ слышалъ и имя Стоіх-Рувсе, т. е. той части города, того предмѣстья, которое составляетъ центръ всего рабочаго населенія. Какъ во всей Франціи, такъ и въ Лионѣ все ломаютъ, роютъ, строятъ, подводятъ подъ одну линію, подъ одну архитектуру, такъ что, если бы этотъ порядокъ продолжился еще какія-нибудь десять лѣтъ, то, вѣроятно, между всѣми городами Франціи не было бы возможности отыскать какое-либо, хотя мелкое различіе въ наружномъ видѣ, во внѣшности улицъ, домовъ, площадей и т. д. Мѣста, ознаменованныя какими-нибудь воспоминаніями предшешихъ тревогъ, первыя понесли на себѣ удары заступа и лома, и нервы уступили свое мѣсто широкимъ улицамъ, чтобы не сказать дорогамъ, и безконечнымъ казармамъ, которыя трудно назвать обыкновеннымъ домомъ. Стоіх-Рувсе, разумѣется, менѣе чѣмъ какой-нибудь другой кварталъ могъ быть оставленъ въ забвеніи: отсюда такъ часто раздавался крикъ: «работы и хлѣба!» *Vivre en travaillant ou mourir en combattant*. Но какъ ни роютъ, какъ ни ломаютъ, Стоіх-Рувсе продолжаетъ сохранять свой мрачный и грозный характеръ: длинныя, широкія и притомъ совершенно пустыя улицы, съ двумя безконечными рядами однообразныхъ темныхъ домовъ; изъ всѣхъ оконъ видѣются станки (*métiers*), не возмущающіе вашего спокойствія никакимъ шумомъ, потому что большая часть изъ нихъ заброшена, запущена, на нихъ никто не работаетъ.

Среди груды камней, среди искусственныхъ развалинъ, насильственной пустыни, добрался я до одной изъ широкихъ, но все-таки темныхъ и мрачныхъ улицъ, и до еще болѣе тусклаго и грустно мрачнаго дома. Въ качествѣ туриста, мнѣ хотѣлось поближе заглянуть во внутренность этихъ жилищъ и познакомиться съ обстановкою жизни и нравами ихъ обитателей. По узенькой, далеко не свѣтлой лѣстницѣ, поднялся я на верхъ и постучался къ одному работнику, на кото-

раго мнѣ указали какъ на болѣе значительнаго. Первое, что меня поразило въ большой комнатѣ, въ которую онъ меня ввелъ, были пять станковъ, изъ которыхъ на одномъ только намотанъ былъ шелкъ, всѣ же другіе не были заняты. Одинъ работникъ на всѣ пять станковъ!

— Я помѣшалъ вамъ работать,—началъ я.

— О нѣтъ, нисколько, сдѣлайте одолженіе войдите, отвѣчалъ мнѣ работникъ радушно; я можетъ быть и былъ бы радъ, если бы вы помѣшали, но, къ несчастію, это не такъ! Мнѣ ужъ давно никто не мѣшаетъ; вотъ больше трехъ мѣсяцевъ, какъ я не работаю!

— А это? спросилъ я его, указывая на станокъ, на которомъ былъ шелкъ.

— Это остатки отъ моей послѣдней работы, негодные остатки; можете взглянуть сколько тутъ пыли; не хочется только разбирать станка!

— Ну, а другіе станки?

— Другіе?—стоятъ себѣ прикрытые, и, Богъ знаетъ, сколько времени будутъ еще стоять! Продавать не хочется ихъ: все надѣешься, что авось набѣжитъ какъ-нибудь работа; правда, что надежда эта такъ и останется надеждой! Да главное, что и продавать-то не стоитъ; чтó за нихъ теперь дадутъ—какъ за дрова, не больше! Всѣ продаютъ свои станки; что дѣлать, жить нужно, о будущемъ настоящемъ не позволяетъ думать! А раньше, когда была работа, вы увидѣли бы здѣсь, по крайней мѣрѣ, семь или восемь человекъ и всѣ за работой; а теперь вотъ я одинъ, и живу себѣ безъ дѣла, безъ работы, можно просто подумать, что je suis un grand rentier!

Онъ замолчалъ, грустно улыбнувшись.

— Что же вы думаете дѣлать, началъ я: много ли времени это можетъ продолжиться?

— Я думаю, что все-таки придется кончить тѣмъ, что разберешь станки, продашь ихъ или употребишь на дрова, и потомъ, всю-то жизнь работавши за станкомъ, станешь искать другой работы! Лионская фабрика погибла! закончилъ онъ, вздохнувши.

Изъ своей мастерской онъ провелъ меня въ маленькую сосѣднюю комнату, гдѣ онъ сидѣлъ за книгой, когда я вошелъ.

— Можно посмотреть, чтó вы читаете? — Сдѣлайте одолженіе, отвѣчалъ онъ. — Я взглянулъ: это была маленькая книжонка, и не что иное, какъ «Organisation du Travail» Луи Блана.

— Чтó вы думаете объ этой книгѣ?

— Я думаю, отвѣчалъ онъ, что авторъ слишкомъ большой идеалистъ; довольно съ насъ государства; мы знаемъ, чтó значитъ его вмѣшательство, мы больше его не желаемъ!

— Государство, замѣтилъ я, это слово слишкомъ широкое!

— Чтобы его съюзить, нвольте я скажу: правительство....

— А правительства бываютъ различныя!

— Мы это слишкомъ ясно доказываемъ, и надѣюсь, что скоро докажемъ еще разъ! Но предположимъ республику, что же она сдѣлала въ 1848 году?

— Да, вы правы; но вы, можетъ быть, забываете, какіе люди стояли во главѣ его?

— А кто намъ поручится, что та же исторія не повторится еще разъ?

— Вы сами; я думаю, что хорошій урокъ рѣдко пропадаетъ даромъ!

— Пожалуй, что и такъ! Я сталъ бы отчаиваться въ нашей странѣ, если бы цѣлыя пятнадцать лѣтъ насъ не достаточно проучили.

Я привелъ этотъ подлинный разговоръ, такъ какъ онъ лучше всякаго описанія показываетъ образъ мыслей лонскаго рабочаго, хорошо знающаго, чего онъ не хочетъ, и блуждающаго еще въ разрѣшеніи социальна - политическаго вопроса, какъ, впрочемъ, блуждаетъ и вся передовая Франція.

Въ комнатѣ, гдѣ мы сидѣли, стоялъ еще шкафъ, полный книгъ. Признаюсь, что я никакъ не ожидалъ встрѣтить такую бібліотеку у простаго рабочаго, и потому невольно спросилъ:

— Всѣ эти книги принадлежатъ вамъ?

— О да, отвѣчалъ онъ: это почти мое главное богатство.

— И вы составляете, вѣроятно, въ этомъ отношеніи исключеніе?

— О нѣтъ! у многихъ, у очень многихъ изъ насъ есть книги; дорогихъ мы покупать не можемъ, а такъ, когда представится случай, оказія, мы покупаемъ за половину, за четверть цѣны.

Выборъ книгъ, которыя составляли эту маленькую бібліотеку, ясно и указывалъ на то, что человѣкъ покупалъ не сплошь да рядомъ, а что строгая мысль руководила въ его выборѣ! Были тутъ разрозненные томы Мишле, Луи-Блана, Прудона, Кабе, который, скажу между прочимъ, пользуется особенною любовью рабочихъ, и имя его много разъ и чаще всѣхъ другихъ я слышалъ у тѣхъ рабочихъ, съ которыми мнѣ удалось говорить; было нѣсколько словарей по исторіи, географіи, политической экономіи и два или три романа Сю!

Когда я узналъ его политическія убѣжденія, я оставилъ республиканца и снова обратился исключительно къ рабочему, къ экономическому вопросу.

— Чѣмъ же, однако, вы теперь живете, спросилъ я?

— Покамѣстъ, отвѣчалъ онъ, мы проживаемъ то, что успѣли скопить въ теченіе многихъ лѣтъ, а что будетъ потомъ—право не знаю!

— Да что — я! продолжалъ мой собесѣдникъ,—я принадлежу еще къ самымъ счастливымъ: я одинъ, у меня никого нѣтъ, но тѣ, кото-

рые обременены большими семействами, тѣ дѣйствительно страдают! Я даже не понимаю, какъ они живутъ!

— Однако, вѣдь это невозможно, чтобы всѣ были совсѣмъ безъ работы, какъ вы; неужели же у большинства станки стоятъ пусты?

На этотъ вопросъ онъ предложилъ мнѣ самому вмѣстѣ съ нимъ отправиться по мастерскимъ, говоря:

— Вы сами лучше поймете, что такое наша жизнь, наше положеніе, что такое лионскій рабочий, когда увидите и поговорите хоть съ нѣсколькими!

Разумѣется, я охотно принялъ его предложеніе и мы отправились. Вышедши на улицу, я сказалъ ему:

— Это правда, что улицы представляютъ какой-то печальный и мрачный характеръ, но я ожидалъ встрѣтить другое, я думалъ, что кризисъ сказывается болѣе внѣшнимъ образомъ: гдѣ же всѣ тѣ работники, которые сидятъ безъ дѣла, куда они скрылись? вашъ кварталъ гораздо болѣе походить теперь на кладбище, чѣмъ на центръ волнующейся, незанятой ничѣмъ массы.

— Въ этомъ-то и видна, отвѣтилъ онъ мнѣ: сила настоящего кризиса! Вы ничего не слышите? Ничего! ну, а въ обыкновенное время, когда нѣтъ кризиса, вы идете по улицѣ и слышите постоянный непрерывный шумъ работающихъ станковъ; теперь же нужно особенно прислушиваться, чтобы гдѣ-нибудь услышать ихъ стукъ! А что касается того, что улица пуста, то это потому, что первый періодъ кризиса уже прошелъ, когда каждый день бывають скопища, волненія; теперь всѣ болѣею частію сидятъ у себя и чѣмъ-нибудь заняты или спятъ, чтобы не думать о своемъ положеніи!

Цѣлые два дня я ходилъ по мастерскимъ, толкая, разспрашивая, разсуждая съ рабочими, и вотъ въ нѣсколькихъ словахъ то, что я вынесъ изъ этихъ разговоровъ, то, что я узналъ объ этомъ главномъ рабочемъ центрѣ всей Франціи; вотъ, скажу переданные результаты моего кратковременнаго сближенія съ однимъ изъ самыхъ важныхъ элементовъ современной Франціи — элементомъ рабочимъ.

Въ экономическомъ отношеніи, положеніе ихъ крайне бѣдственно! То, что мы видѣли у одного рабочего, то же самое, съ небольшою разницею, встрѣчаемъ мы у всѣхъ остальныхъ. Если не всѣ станки стоятъ пустыми, то, конечно, нѣтъ почти такого случая, чтобы всѣ работали. Большею частію изъ пяти-шести станковъ, которые помѣщаются въ большой комнатѣ, работаютъ два, рѣдко три, остальные же стоятъ себѣ, тяготя подъ густымъ слоемъ пыли. И это еще хорошо! Сколько разъ мнѣ приходилось заставать цѣлое семейство буквально безъ дѣла, безъ всякой работы, сидящимъ предъ пустыми станками! Сказать опредѣлительно: чѣмъ они существуютъ въ это время, чѣмъ питаются, я не беру, потому что достоинство, съ которымъ они переносятъ свое поло-

женіе, не позволяетъ сдѣлать имъ прямо такого вопроса. Гордость, которая у нихъ всѣхъ развита въ высшей степени, заставляетъ ихъ скрывать свою бѣдность, свою нищету. Часто, когда спрашиваешь ихъ о заработкѣ, они даютъ цифру большую, нежели получаютъ въ дѣйствительности, чтобы не показать только, до чего они въ крайности. Внѣшность, когда вы войдете въ квартиру рабочаго, точно также не поразитъ васъ своею нищетою — все чисто, все прибрано, нѣтъ лохмотьевъ, нѣтъ, однимъ словомъ, ничего такого, что заставляетъ вскрикивать тѣхъ, которые привыкли судить по одной наружности, по одному виду: «Боже, какой ужасъ!» Этого нѣтъ; но бѣдность однако не меньше для тѣхъ, кто умѣетъ видѣть и понимать. Нужно особенно чѣмъ-нибудь заслужить довѣріе рабочаго, чтобы онъ сдѣлался откровененъ, чтобы онъ открылся; и тогда, и только тогда можно понять, какимъ страданіямъ, какимъ глубокимъ оскорбленіямъ подвергаетъ его нищета, на которую онъ не позволяетъ смотрѣть, которую онъ тщательно прикрываетъ отъ глазъ посторонняго своимъ кажущимся спокойствіемъ, своею человѣческою гордостью! На вопросъ, зачѣмъ они такъ скрываютъ свое положеніе, развѣ въ немъ есть что-либо позорное для кого-нибудь, кромѣ самаго общества, они отвѣчаютъ: «Развѣ всѣ относятся къ нашему положенію съ участіемъ? большая часть съ простымъ только любопытствомъ!» И отъ такихъ людей, они конечно, стараются скрывать, что единственную ихъ пищу составляетъ салатъ, яблоки, да кусокъ хлѣба; что кроватью имъ служитъ голый полъ; что они не выходятъ на улицу, потому что все теплое платье продано; что они давно отказались какъ отъ теплой комнаты, такъ и отъ теплой пищи, потому что не на что купить топлива; что, наконецъ, они всѣ въ долгу и не видятъ возможности отъ него освободиться. Какъ утѣшительно при такомъ положеніи видѣть, что каждый день ломаются старыя и воздвигаются новыя великолѣпныя дома, что городъ украшается дорогами, но далеко не артистическими статуями, фонтанами, рѣшетками, что все вмѣстѣ ведетъ только къ двумъ завиднымъ результатамъ: увеличенію налоговъ, вздорожанію квартиръ и всѣхъ вообще потребностей жизни. Бѣдственное положеніе рабочихъ отзывается, конечно, и на домовладѣльцахъ Croix-Rousse, и въ нихъ точно также вызываетъ недовольство. Дома ихъ ничего не приносятъ имъ, потому что работники не имѣютъ чѣмъ платить, а выгонять ихъ нѣтъ никакой пользы, такъ какъ дома эти снова занялись бы рабочими, которые находятся въ одинаковомъ положеніи съ первыми и потому точно также не въ состояніи были бы платить. Вслѣдствіе этого, между домовладѣльцами и рабочими вѣчные счеты, тѣ и другіе находятся во взаимной кабалѣ, не имѣя возможности отъ нея освободиться. Такие нѣсколько мѣсяцевъ не только уносятъ все то, что съ величайшими лишеніями, жертвами было накоплено въ большой промежутокъ

времени, но на цѣлыя нѣсколько лѣтъ впередъ накладываютъ на нихъ цѣпи, и тяжелыя цѣпи кредиторовъ, ростовщиковъ и т. д.

Такъ какъ цифры всегда внушаютъ къ себѣ болѣе довѣрія, говорятъ болѣе убѣдительно, то я и обращаюсь къ нимъ, чтобы подтвердить все мною сказанное! Въ обыкновенное время, въ Лионѣ работаетъ 50,000 станковъ; въ декабрѣ же 1866 года, когда кризисъ уже значительно ослабѣлъ, насчитывалось всего до 5,000, т. е. всего $\frac{1}{10}$ часть; а во время самаго кризиса число работавшихъ *métiers* было отъ 1,500—2,000. Изъ этого слѣдуетъ, что если бы рабочее населеніе Лиона не превышало 100 тысячъ человѣкъ, то всего 10,000 человѣкъ были заняты, и то не въ минуту самаго кризиса, но когда онъ приходилъ уже къ концу; 90,000 же человѣкъ были безъ работы, а, слѣдовательно, и безъ средствъ къ жизни. Но если бы еще рядомъ съ этимъ уменьшеніемъ количества работы, цѣна ея не понижалась, то тѣ, которые имѣли ея, были бы, по крайней мѣрѣ, обеспечены. Но и этого, конечно, не могло быть. Такъ какъ явилось слишкомъ большое количество свободныхъ рукъ, то хозяева тотчасъ воспользовались, чтобы довести рабочую плату до баснословной ничтожности, и даже эту доведенную до *minimum* плату давали только тѣмъ работникамъ, которые были извѣстны, какъ лучшіе ткачи.

Одинъ изъ самыхъ хорошихъ ткачей, работая отъ 12 до 14 часовъ въ сутки, могъ зарабатывать всего отъ двухъ съ половиной до трехъ франковъ; въ обыкновенное же время, работая даже меньшее количество часовъ, онъ получалъ шесть и семь франковъ. Ткачи же, напримѣръ, тафты были счастливы, когда получали 10 су за метръ, а метровъ, при усердной работѣ, можно надѣлать отъ 4 до 5-ти. Сколько я ни добывался, сколько я ни спрашивалъ о причинѣ такого кризиса, я рѣдко слышалъ повтореніе одного и того же отвѣта. Одинъ даетъ одну причину, другой другую и т. д. На самомъ дѣлѣ, этихъ причинъ есть нѣсколько. Конкуренція Германіи и Англій главнымъ образомъ вызвала несчастное положеніе Лиона. Послѣдній коммерческій трактатъ съ Англійей много способствовалъ этому кризису. Экономисты, обращающіе вниманіе исключительно на валовой доходъ страны, и относящіеся съ презрѣніемъ къ его распредѣленію, любящіеся скопляющимся богатствомъ въ рукахъ большихъ собственниковъ, въ рукахъ буржуазіи, и отворачивающіе свои глаза отъ страданій работающаго населенія, для которыхъ «*проходящее стѣсненіе*» цѣлаго класса общества есть вздоръ, о которомъ не стоитъ и думать,—слишкомъ склонны воспѣвать, вообще, свободу торговли, которой время собственно еще далеко не пришло. Кромѣ заграничной конкуренціи, они обвиняютъ еще конкуренцію рабочихъ рукъ, которую имъ дѣлаетъ деревня. Вслѣдствіе земледѣльческаго кризиса, множество поселянъ, имѣя много свободного времени, являются за работой въ Лионъ, и отсюда каждый день цѣлыми во-

зани увозить необдѣланный шелкъ, который вернется въ видѣ готовыхъ матерій. Хотя поселяне совершенно непривычны къ такой работѣ, но такъ какъ, съ другой стороны, они исполняютъ ее за невозможно дешевую цѣну, то хозяйка съ радостью отдають имъ, не заботясь, что работа будетъ дурно исполнена. До чего деревня перетянула къ себѣ производство Лиона, видно изъ цифры работающихъ тамъ стажковъ: цифра эта переходитъ за 50,000 métiers! ¹⁾. Кромѣ этихъ двухъ причинъ, есть еще двѣ: во-первыхъ, переиѣна моды, то, что женщины оставили фасончатую матерію, которая составляла главную отрасль лионской фабрики, и стали преимущественно носить гладкія матеріи, которыя, не требуя такого искусства, могутъ ткаться съ одной стороны неопытными деревенскими руками, а съ другой, не требуя никакого вкуса, производятся въ огромномъ количествѣ английскими и нѣмецкими фабриками по болѣе дешевой цѣнѣ. Другая причина, по свидѣтельству рабочихъ, заключается въ томъ, что лионскіе фабриканты неопозволительно мошенничаютъ, и черезъ то роняють достоинство лионской фабрики. Мошенничество это заключается въ томъ, что они примѣшиваютъ къ шелку большое количество какой-то дряни, которая, при самомъ даже тканьи, разлетается, отрываясь отъ шелка! Вслѣдствіе этого, особенно черная шелковая матерія едва покупается на лионскихъ фабрикахъ. Благодаря всѣмъ этимъ причинамъ, рѣшительно нельзя сказать, когда можетъ окончиться такой кризисъ, но можно болѣе или менѣе гадать о томъ, когда чаша лионскихъ рабочихъ перепокинется. Трудно передавать тѣ отзывы рабочихъ о настоящемъ порядкѣ, которые я слышалъ; но «ненависть», какъ слово, мнѣ кажется слишкомъ мягко для выраженія того настроенія, которое господствуетъ въ этомъ классѣ общества. Чтобы мои слова не показались «фразой», я приведу одинъ фактъ, который имѣетъ свою цѣну. Въ Лионѣ существовала между работницами ассоціація, которой во время кризиса правительство подарило 660,000 франковъ для того, чтобы она могла дѣлать свои операціи въ большихъ размѣрахъ. Изъ 2,200 человекъ, которые составляли эту ассоціацію, цѣлая тысяча вышла немедленно, ничѣмъ не мотивируя своего выхода! Такой способъ дѣйствія можно назвать пассивнымъ, но чтобы дѣйствовать активно, рабочіе «чаютъ движенія воды» въ Парижѣ, куда я теперь и перенесусь, такъ какъ тутъ можно лучше всего слѣдить за развитіемъ политической жизни.

Оглядываясь назадъ, французы видятъ нѣсколько лѣтъ сряду однѣ неудачи, начиная съ виллафранкскаго мира; слава, утѣшавшая ихъ въ недостаткѣ свободы, сильно поблѣднѣла, и испуганному воображе-

¹⁾ По свидѣтельству рабочихъ, эта цифра еще выше, но откладывая то, что могло быть преувеличено недовольствомъ, все-таки можно быть увѣреннымъ, что цифра эта высока.

и Франціи представляется уже нашествіе сѣверныхъ варваровъ, имъ видятся уже приближающіеся шаги прусской арміи, имъ мерещится, что на парижскихъ бульварахъ расхаживаютъ уже побѣдоносные пруссаки, и ужасъ овладѣваетъ всѣмъ существомъ ихъ. Имъ невыносимо ихъ положеніе; они чувствуютъ свое униженіе; они не могутъ позабыть, что въ эту минуту въ Европѣ есть другая страна, которая можетъ быть сильнѣе ихъ, и одного этого сознанія слишкомъ много, чтобы возбудить въ нихъ негодованіе. Нѣтъ такого слоя общества, нѣтъ почти человѣка, который не чувствовалъ бы въ себѣ какой-то робости, какой-то неловкости! Всѣ какъ-то видятъ себя связанными въ своихъ движеніяхъ, точно чего-то недостаетъ, чего-то не хватаетъ! Эта неловкость въ самомъ правительствѣ, неловкость въ арміи, которая деморализована прусскими побѣдами, и давно требовала себѣ другого вооруженія, неловкость въ буржуазіи, въ простомъ народѣ, неловкость въ литературѣ, въ университетахъ, училищахъ, школахъ, однимъ словомъ, общая и повсемѣстная неловкость! Но если же ее чувствуютъ, то далеко не всѣ понимаютъ, гдѣ лежитъ ея главная причина и гдѣ кроется спасеніе отъ нея! Куда ни выйдешь, съ кѣмъ ни встрѣтишься, тотчасъ начинается разговоръ о будущей борьбѣ между Германіей и Франціей, о шансахъ удачи и неудачи, о томъ, что будетъ, если фортуна обратится противъ Франціи, и тутъ, вступая въ область предположеній, гипотезъ, буквально, уже нѣтъ конца! Трудно составить себѣ какое-нибудь полное понятіе, цѣльное сужденіе изъ всѣхъ этихъ безконечныхъ споровъ о будущемъ, предположеній, гаданій,—трудно, потому что, нужно сказать правду, между французами господствуетъ и до сихъ поръ та же безурядица въ мнѣніяхъ, убѣжденіяхъ, та же вражда между отгнѣнками одной и той же партіи, которая погубила республику 48 года. Безъ сомнѣнія, пятнадцать лѣтъ послужили къ успокоенію страстей, и тѣ, которыхъ оттолкнули отъ республики іюньскіе дни и внутренняя вражда въ самомъ правительствѣ, снова къ ней возвратились. Въ эту минуту республиканская партія можетъ быть самая значительная: она заключаетъ въ себѣ всѣ лучшія силы страны, самые свѣжіе соки Франціи; въ эту минуту люди этой партіи, одни умалчивая объ одномъ, другіе, скрывая другое, пожалуй даже согласны въ своихъ стремленіяхъ, потому что политическій вопросъ господствуетъ надъ всѣмъ остальнымъ, но и теперь уже видно, что между ними нѣтъ того строя, согласія, единства, безъ котораго невозможно перейти бурную эпоху. Соціальный вопросъ, по-прежнему, служить яблокомъ раздора! Другая живая еще партія, которая несравненно плотнѣе, дѣльнѣе партіи республиканской, это партія орлеанская, но за-то она и несравненно менѣе значительна. Но въ рѣшительную минуту гораздо важнѣе, гораздо скорѣе возьметъ верхъ горсть людей, дружно дѣйствующихъ

между собою, нежели огромная и разъединенная между собою партія. Орлеанская партія въ эту минуту молчить, какъ-то притаялась, но можетъ быть для того, чтобы съ большею силою явиться въ данную минуту. Итакъ, если, вслѣдствіе разницы мнѣній, разницы партій, разницы отгѣнковъ, вслѣдствіе нескончаемой безурядицы, нельзя вывести опредѣленнаго мнѣнія или, по крайней мѣрѣ, болѣе или менѣе вѣроятнаго предположенія о будущемъ, нельзя сказать съ большею или меньшею увѣренностію: что будетъ, и чего не будетъ,—то все-таки можно по этимъ безконечнымъ спорамъ въ разговорахъ и въ литературѣ сказать одно: Франція чувствуетъ себя слабою! Большинство, можетъ быть, не отдастъ себѣ хорошо еще отчета въ причинѣ этой слабости, и только тѣ, которые впродолженіе пятнадцати лѣтъ страдали бессонницею, и, представляясь спящими, зорко слѣдили за всѣми совершавшимися событіями, только тѣ видятъ въ этой слабости приговоръ всему настоящему порядку, и въ отвѣтъ на этотъ крикъ: «мы слабы», отвѣчаютъ крикомъ, требованіемъ свободы. Правительство же на это требованіе отвѣтило словами: «Организація арміи!» Итакъ, одни видятъ свое спасеніе въ противопоставленіи прусской арміи только одного бойца—свободы! другіе не хотятъ рѣшить поединокъ тѣмъ же орудіемъ и требуютъ съ народа болѣе милліона войска! Первое мнѣніе блистательно резюмировалъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ умовъ Франціи, Эдгаръ Кинэ, въ своей послѣдней брошюрѣ «France et Allemagne», другое мнѣніе резюмировалось въ проектѣ объ организаціи арміи.

Можно только удивляться глубокой проникательности зрѣлаго политическаго ума Кинэ, которая съ пророческою увѣренностію и съ математическою вѣрностію дала ему средство предсказывать событія на двадцать, на тридцать лѣтъ впередъ! Два самые крупные факта послѣдняго десятилѣтія—единство Италіи и сплоченіе Германіи, были предвидѣны имъ болѣе чѣмъ четверть столѣтія тому назадъ! Невольно поражаешься, когда читаешь одно изъ лучшихъ произведеній Кинэ: «Les révolutions en Italie»,—поражаешься, когда думаешь, съ какою непонятною точностію событія оправдали то, что онъ писалъ болѣе чѣмъ двадцать лѣтъ тому назадъ! Теперь, когда Италія уже готова, нѣтъ ничего легче какъ сказать: «развѣ это трудно было предвидѣть?» но, спрашивается, отчего же тогда, 25 лѣтъ назадъ, всѣ молчали и не предсказывали того, что было такъ очевидно? Точно также, какъ сбылись его пророчества объ Италіи, сбылось и все то, что онъ писалъ тридцать пять лѣтъ тому назадъ о Пруссіи и Германіи въ своей книгѣ: «Allemagne et Italie». Въ своей послѣдней брошюрѣ онъ дѣлаетъ небольшую выписку изъ этой книги, и, конечно, еслибъ на ней не стоялъ 1831 годъ, то трудно было бы повѣрить, что это не писано въ настоящую минуту. Вотъ, эти пророческія слова:

«Въ Пруссіи, политическій космополитизмъ и старинное безпристрастіе уступили свое мѣсто раздраженной и разгнѣванной національности. Въ Пруссіи, прежде всего, народная партія помирилась съ властью! Въ самомъ дѣлѣ, прусское правительство даетъ Германіи все то, чего она такъ жаждетъ: дѣятельность, дѣйствительную жизнь, общественную инициативу. Оно удовлетворяетъ ея внезапную страсть къ могуществу и къ матеріальной силѣ. Прусскій деспотизмъ безпокоенъ, предпримчивъ и разуменъ; ему недостаетъ такого человѣка, который узналъ и увидѣлъ бы въ полномъ свѣтѣ его збѣду; этотъ деспотизмъ питается наукой, на сколько другой невѣжествомъ. Между нимъ и народомъ есть тайное согласіе отодвинуть на время свободу и вмѣстѣ стараться объ увеличеніи наслѣдства Фридриха Великаго! Кромѣ того, онъ имѣетъ еще неоспоримое преимущество, которое вмкупаетъ тысячу недостатковъ — держать въ своихъ рукахъ униженіе Франціи и отплатить ей за продолжительный позоръ вестфальскаго мира, которому былъ нанесенъ рѣшительный ударъ при Ватерлоо.

«Единство, вотъ та сокровенная, постоянная, необходимая мысль, которая точитъ эту страну и проникаетъ во всѣ стороны ея жизни. Религія, право, промышленность, свобода, деспотизмъ, все это живетъ вмѣстѣ по ту сторону Рейна, все толкаетъ къ одной развязкѣ. Какая животрепещущая мысль таится въ настоящую минуту подъ каждою кровлею? Мысль эта — единство нѣмецкой отчизны; она сказывается въ крикѣ объ уничтоженіи искусственныхъ, произвольныхъ границъ, которыя отгораживаютъ и ихъ самихъ, и все ихъ производство!»

Далѣе продолжаетъ онъ: «Цѣлая германская раса становится подъ диктатуру одного народа, не потому, чтобы онъ сталъ выше всѣхъ остальныхъ по цивилизаціи, но потому, что онъ болѣе алченъ, болѣе требователенъ, болѣе привыченъ къ дѣламъ.... Сѣверъ избираетъ своимъ оружіемъ Пруссію.... и если бы только его допустить, онъ толкнетъ ее впередъ для нанесенія смертельнаго удара старой Франціи! Германскій міръ дожидается только случая! Понятно, говорить Кинэ, что Пруссія, которая держитъ у своего пояса ключи французской территоріи, слѣдитъ и выжидаетъ только, когда представится, наконецъ, этотъ случай!»

Приведа свои слова, сказанныя 35 лѣтъ тому назадъ, Э. Кинэ прежде всего спрашиваетъ себя: какой же это случай, котораго выжидала Пруссія, и отчего это грозное единство, которое такъ давно можно было предвидѣть, отчего оно до сихъ поръ не осуществилось? отчего Пруссія ранѣе не попробовала своего счастья? Отвѣтъ автора такъ простъ, такъ хорошо резюмированъ, что нельзя не дать ему мѣста. «То, что долго удерживала прусское правительство — говоритъ авторъ «France et Allemagne» — то, что отнимало у него охоту пробовать свое счастье, была боязнь встрѣтить гдѣ-нибудь свободу и революцію. Ослабленіе

общественной собственности, казалось, должно было быть заботою только для философа, на самомъ же дѣлѣ, эта нравственная пустота, увеличивающаяся съ каждымъ днемъ, приготовила, очистила поле для честолюбивыхъ замысловъ. Прусское правительство имѣло неоспоримое достоинство понять именно, что растлѣніе умовъ въ Европѣ повлекло за собою пониженіе всего нравственного уровня, что такая минута драгоценна, что ею нужно воспользоваться. Оно поняло, что всѣ умы обратятся къ побѣдителю, и что одинъ день успѣха рѣшить все; оно поняло, что самые закоренѣлые враги сдѣлаются мягче шелка подъ давленіемъ желѣзной руки. Прусское правительство сдѣлало первый шагъ, побѣдило, и единство Германіи, которое не въ состояніи было сформироваться подъ покровомъ справедливости и права, выгнулось изъ ненавистной войны, которой всѣ стали рукоплескать, какъ только убѣдились въ ея успѣхѣ!»

Если Франція такъ испугалась, такъ зашевелилась отъ образованія страшнаго германскаго единства, то только потому, что это единство было результатомъ силы, войны, грубаго деспотизма, военнаго насилія! Явись это единство результатомъ свободнаго развитія германской расы, его всѣ привѣтствовали бы какъ новую зарю, какъ шагъ впередъ цивилизаціи! Но страхъ, который овладѣлъ Франціею, долженъ былъ бы распространиться и на всю Германію, еслибъ умъ нѣмцевъ не затмился отъ прежнихъ побѣдъ. Опасность для германской расы велика, и ее наглядно рисуетъ Кинз, разбирая вопросъ съ нѣмецкой точки зрѣнія. Первый шагъ нѣмецкаго единства былъ не тотъ, котораго можно было желать, не тотъ, о которомъ мечтали нѣмецкіе философы, начиная съ Канта, проповѣдая свободную федерацію всѣхъ государствъ Германіи. Первый шагъ былъ—насиліе; Германія не могла возвыситься до единства, проходя черезъ свободу и справедливость. Но, къ счастью, что дорога къ достиженію цѣли не одна, и люди, которые съ слѣпымъ упорствомъ отклоняются отъ своей цѣли, удаляясь отъ прямой дороги, все-таки кончаютъ иногда тѣмъ, что достигаютъ ея, проходя всякими окольными дорожками, которыя, правда, оскорбляютъ всякую нравственность. Но если прусскій деспотизмъ не погубилъ еще будущаго Германіи и не нанесъ тяжелаго удара странѣ, до сихъ еще поръ служившей представительницею современной цивилизаціи, то тѣмъ не менѣе понятна боязнь тѣхъ, которые этого страшатся, и понятенъ тотъ вопросъ, который дѣлаетъ себѣ Эдгаръ Кинзъ.

«Будетъ ли вырвано прусскимъ деспотизмомъ—спрашиваетъ онъ—то движеніе идей, которое выработано германскою расою, и которое режюмируется однимъ словомъ: «нравственное величіе»; будетъ ли цѣлая нація доведена грубою силою до бесплодной плоскости, и забудетъ ли она, откажется ли въ одинъ день отъ всего того, что до

сихъ поръ составляло ея славу? Или, доканчиваетъ онъ, цѣлая нравственная жизнь, заключающаяся въ ея поэзи и философіи, сольется въ ея политическое будущее?»

Больше всего боится Кинэ, имѣя въ виду послѣднюю судьбу Франціи, чтобы прусскій деспотизмъ, который до сихъ поръ откровенно творилъ всякія насилія и несправедливости, не отравилъ своихъ орудій: смѣлость, самонадѣянность, презрѣніе къ другимъ, — не отравилъ бы ихъ ложью, не прикрылъ бы себя фальшью, обманомъ! Ложь, обманъ заражаютъ цѣлое будущее. Самый страшный моментъ еще впереди, когда деспотизмъ почувствуетъ необходимость прикрыться, драпироваться, принять другое имя, другой языкъ, однимъ словомъ — одѣть маску свободы и демократіи! Что станетъ тогда съ истинною нѣмецкою демократіею? Поддастся ли она на эту удочку и заключитъ ли союзъ, чтобы придать себѣ силы, съ этимъ замаскированнымъ деспотизмомъ? Если—да, тогда прощай нѣмецкая жизнь, прощай философское пониманіе, прощай нравственное величіе, прощай геній, слава германской расы! Опасность тѣмъ болѣе велика, что это единство, которое всѣ увидѣли въ очистившемся отъ пороха воздухѣ, основывается не на новыхъ принципахъ, а цѣликомъ усѣлось на подпорахъ стараго порядка! Такъ образовывались только большія старинныя государства XV и XVI вѣковъ, черезъ завоеванія, черезъ торгъ цѣлыми народами, по договорамъ правительствъ. Германія не должна была входить черезъ закрытыя двери XV столѣтія, ея единство не должно было сдѣлаться, какъ во времена Лудовика XI и Ришелье, черезъ принужденіе и силу. Явившись во имя силы, во имя побѣды, представляя собою гораздо скорѣе прусскую монархію, нежели нѣмецкую націю, это единство, въ образѣ миллионной арміи, легко можетъ вообразить своимъ назначеніемъ и почувствовать охоту, чтобы укрѣпить свою силу, отплатить тѣмъ, которые наносили Германіи такіе жестокіе удары. Успѣхъ упопителенъ и ударить свое копьё о копьё стариннаго врага—слишкомъ заманчиво!

Переходя къ разсмотрѣнію вопроса съ французской точки зрѣнія, Кинэ спрашиваетъ прежде всего, какимъ образомъ случилось то чудо, что Франція не замѣтила, что—называется—проспала образованіе нѣмецкаго единства, и какъ случилось еще другое, болѣе удивительное чудо, что она на минуту вообразила, что Пруссія становится однимъ изъ самыхъ сильныхъ государствъ Европы только для того, чтобы на случай нападенія защищать Францію отъ Россіи? Какъ могли французы вообразить, хотя бы на одно только мгновеніе, что эта защита—предохраненіе Франціи, есть дѣло германскаго единства? Такое страшное ослѣпленіе, такое чудовищное заблужденіе ясно указываетъ—говорить авторъ брошюры—на то, что французскій умъ много теряетъ въ своей силѣ, что идеи сдѣлались смутны, что ложная, фальшивая

способность задушила тотъ духъ, который спасаетъ и возвеличиваетъ націю.

Но, не смотря на то, что сила и побѣда главнымъ образомъ послужили къ образованію германскаго единства, было бы нелѣпо утверждать, что этому образованію не содѣйствовали также мысль, идея, стремленія огромнаго большинства нѣмецкаго народа; очень можетъ быть, и даже больше, чѣмъ вѣроятно, что стремленія этой массы и стремленія прусскаго правительства, которое воспламенило и опыянило ее своими побѣдами, что эти стремленія окажутся крайне противоположными, и что между ними, рано или поздно, завяжется борьба на жизнь и смерть; но тѣмъ не менѣе, сила Пруссіи заключается въ настоящую минуту главнымъ образомъ въ томъ духѣ, который воодушевляетъ германскую расу. Поэтому, такъ какъ мысль, идея единства, общаго отечества, сплоченной національности, главнымъ образомъ покачнула, чтобы употребить выраженіе Кинэ, вѣсы цивилизаціи, и даже перетянула ихъ на сторону Пруссіи, то на другую чашу нужно бросить, чтобы снова возстановить равновѣсіе, другую идею, равносильную первой. Никакія арміи, никакія присоединенія не способны дать этого результата. То, что нужно, и единственное, что можетъ спасти Францію, это—одной идеѣ противопоставить другую, одинаково желанную, одинаково вѣчно откладываемую и снова принимаемую, идею, благо которой для Франціи было бы то же, что единство для Германіи. Благо это — свободное развитіе внутреннихъ силъ страны.

«Очевидный результатъ этого—заключаетъ Кинэ—тотъ, что необходимо поднять общественный духъ, разбудить умъ, открыть глаза и уши, быть на-сторожѣ, когда новый міръ, легко намъ враждебный, окружаетъ насъ, снова возбудить въ себѣ жажду къ свѣту, очистить нашъ умъ отъ ржавчины, откинуть мелкія орудія и возвратиться къ большимъ, однимъ словомъ—нужно все то, чего невозможно достигнуть безъ свободы. Но если мы ничего изъ всего этого не сдѣлаемъ, тогда, нѣтъ сомнѣнія, что тѣ же причины дадутъ тѣ же результаты, — еще хуже: избѣжавъ первой казни, мы попадемъ на другую. Намъ не поможетъ миллионная армія, она не помѣшаетъ намъ еще разъ обмануться событіями! Никакія ружья въ мірѣ не извѣстятъ насъ и не будутъ глядѣть вмѣсто насъ! Привычка слѣдить за тяжелыми событіями, болѣе опытный общественный смыслъ, патриотизмъ, который снова долженъ сдѣлаться интересомъ и жизнью cadaго—вотъ, что можетъ только возвратить намъ все то, что мы потеряли въ Мексикѣ и на Рейнѣ... Нѣтъ, новая Германія предполагаетъ новую Францію, т. е. болѣе жизненную, болѣе просвѣщенную, болѣе открытую для мысли и чувства. Сдѣлаемъ же заключеніе, что свобода не есть для насъ только фантастическое украшеніе, или, какъ теперь говорятъ—вѣнецъ зданія; съ

Этой минуты она должна сдѣлаться нашимъ часовымъ, нашимъ убѣ-
жищемъ, нашимъ спасеніемъ; она является какъ необходимость.»

Всегда и вездѣ, а особенно въ Парижѣ, куда стекаются, какъ говорятъ, интересы всего свѣта, и, преимущественно, въ нашу странную эпоху, которую я готовъ назвать эпохою сюрпризовъ, потому что все, что мы ни узнаемъ, все мы узнаемъ случайно, вдругъ; все что мы ни получаемъ, мы получаемъ одинаково неожиданно, нежданно, и, какъ всевозможныя блага падаютъ здѣсь свыше въ видѣ манны небесной, такъ и кара обрушивается на голову людей безъ того, чтобы они знали даже за что; въ такую-то эпоху сюрпризовъ, болѣе чѣмъ когда-нибудь, можно судить о важности или значеніи совершившагося событія по одному мѣрилу, по одному градуснику, который рѣдко обманываетъ! Мѣрило это—то *количество времени*, которое посвящается извѣстному событію! Если оно не имѣетъ особенной важности, то о немъ въ Парижѣ пронесется только слухъ, и на слѣдующій день о томъ никто уже не вспоминаетъ; нужно, чтобы событіе имѣло очень большое значеніе, чтобы заставить Парижъ, питающійся исключительно только новизною, говорить о немъ, напр., въ продолженіе цѣлой недѣли. Для этого необходимо, по крайней мѣрѣ, или объявленіе европейской войны, заключеніе мира меньше, или кака-нибудь неожиданная дипломатическая *штука*, въ видѣ событія прошлаго года—уступка Венеціи Парижу, или, наконецъ, событіе еще болѣе важное—появленіе какой-нибудь крупной знаменитости женскаго рода на сценѣ того или другого театра въ роли полунагого амура, купидона или тому подобнаго! Въ послѣднемъ, впрочемъ, виновать не французскій Парижъ, а иностранный Парижъ, который скоро, я думаю, поглотитъ собою первый. Если подойти къ толпѣ, которая тѣснится и давится у дверей театра, гдѣ дебютируетъ такая подруга не жизни, но, пожалуй, нѣсколькихъ часовъ всего цвѣта всемірнаго общества, то три четверти, разумѣется, наберется иностранцевъ. Но недѣля проходитъ, и о новомъ купидонѣ никто больше и не думаетъ! Парижъ несется впередъ на всѣхъ парусахъ жизни, и нуженъ какой-нибудь страшный подводный камень, чтобы остановить, повлечь, повредить, наконецъ, этотъ неуправляемый корабль. Какой же чудовищной важности, какихъ небывалыхъ размѣровъ должно быть событіе, чтобы весь Парижъ, Парижъ французовъ, а за нимъ и вся Франція, говорила о немъ въ продолженіе мѣсяца, двухъ и даже..... больше! Послѣ 2-го декабря это казалось даже невозможнымъ, и вдругъ, черезъ пятнадцать лѣтъ, оно случилось! Вотъ уже два мѣсяца, организація арміи, явившаяся какъ послѣдствіе прусской войны, занимаетъ собою всѣ умы, и все это время, почти безъ перерыва, служитъ главнымъ центромъ, вокругъ котораго вертятся всѣ разговоры и всѣ заботы общества! Собственно, эти два событія, тѣсно переплетенныя между собою, главнымъ образомъ и подѣйствовали на пробужденіе

общества! Какъ передъ большой бурей проносится быстрый вѣтерокъ, и изъ спокойнаго, гладкаго моря дѣлаетъ его чѣмъ-то рябимъ, точно также и въ Парижѣ передъ свирѣпымъ проектомъ пронеслась молва, что готовится нѣчто, и эта молва взволновала въ одну минуту все общество! Въ одно сѣренькое декабрьское утро появился *Moniteur*, въ которомъ всѣ съ ужасомъ прочли: «Для сохраненія своего положенія въ Европѣ, Франція должна преобразовать свое военное устройство, что французская армія недостаточна.» Недостаточна! воскликнули въ одинъ голосъ всѣ французы: да возможно ли, чтобы наша чудная, удивительная армія, армія, которая насъ дѣлала первымъ народомъ въ мірѣ, армія, которая намъ стоила такихъ жертвъ, наша всюду побѣдоносная, непобѣдимая армія, которая, какъ насъ всегда увѣряли, такъ хорошо, такъ блистательно устроена, и мы, чтобы ни случилось въ Европѣ, всегда будемъ готовы — возможно ли, чтобы эта самая армія была недостаточна? Но дѣлать было нечего, нужно было *Moniteur* дочитать до конца! Я не стану разбирать подробно проекта новой организаціи, потому что, вѣроятно, въ немъ будетъ еще много измѣнено; но какія бы ни были измѣненія, сущность все-таки останется та же, т. е. постоянная армія будетъ увеличена почти вдвое, и потому большинство возраженій, которыя были имъ вызваны, и на которыя я, главнымъ образомъ, хочу обратить вниманіе, сохранять всю свою силу. Вотъ, въ двухъ словахъ, сущность этого проекта. Всѣ военныя силы Франціи должны быть раздѣлены на три категоріи: 1) дѣйствительная армія, 2) резервъ, 3) національная гвардія. Всякій здоровый и сильный французъ, по достиженіи 20-лѣтняго возраста, поступаетъ, по жребію, или въ дѣйствительную армію или въ резервъ. Какъ тутъ, такъ и тамъ срокъ службы былъ определенъ шестью годами (впослѣдствіи шесть лѣтъ было предложено самою комиссіею замѣнить пятью годами). По окончаніи этого срока, всякій, какъ находившійся въ дѣйствительной арміи, такъ и бывшій въ резервѣ, поступаетъ на три года въ національную гвардію. Резервъ раздѣляется на двѣ равныя части. Резервъ перваго разряда (*ban*), по первому проекту, зависѣлъ совершенно отъ распоряженій военнаго министра, а второй разрядъ резерва могъ быть собранъ по императорскому декрету. Бракъ позволялся въ резервѣ по истеченіи четырехлѣтняго срока. Избавленіе отъ службы допущено, и оно производится вслѣдствіе перемѣны вытѣщеннаго нумера, по которому слѣдовало идти въ дѣйствительную армію, съ тѣмъ, который получилъ № второго или перваго разряда резерва, или съ тѣмъ, который находится въ національной гвардіи. И такая перемѣна необходима только въ томъ случаѣ, когда число желающихъ избавиться отъ военной службы больше числа волонтеровъ, въ противномъ случаѣ избавленіе допущено въ силу извѣстной суммы денегъ. Предполагая, говорить

Moniteur, что изъ 320 тыс. человекъ, каждый годъ достигающихъ 20-лѣтняго возраста, 160 тыс. будутъ поступать на службу, и изъ нихъ 80 тыс. въ дѣйствительную армію и столько же въ резервъ, то, по истеченіи шестилѣтняго срока, за всевозможными исключеніями, будетъ полученъ слѣдующій результатъ:

Дѣйствительная армія . .	417,483	челов.
Резервъ перваго разряда . .	212,373	>
> втораго	212,373	>
Національная гвардія . .	389,986	>
Итого	1,232,215	>

Вотъ и весь проектъ. До сихъ поръ срокъ службы былъ семь лѣтъ, и каждый годъ поступало въ армію изъ 160,000 человекъ здоровыхъ и сильныхъ—100,000 человекъ. И изъ этихъ 100 тысячъ только 62,000 человекъ находилось въ рядахъ, остальные же были въ резервѣ. При такой организаціи въ рукахъ военнаго министра всегда была армія болѣе чѣмъ въ 400,000 человекъ. Если же и это устройство вызвало въ народѣ постоянныя жалобы, что армія отнимаетъ слишкомъ много рабочей силы страны, то понятно, какъ долженъ былъ возбудить противъ себя проектъ, по которому рѣшительно вся сильная и здоровая молодая часть населенія отрывается отъ производительнаго труда. Каждый годъ 160,000 французовъ достигаютъ зрѣлости и развитія, и всѣ эти 160,000 должны идти въ армію. И только слабые, больные, изуродованные, глухіе, нѣмые, слѣпые, остаются для обработки земли, для фабричнаго и ремесленнаго производства. Проектъ этотъ просто-на-просто показался, по выраженію одного публициста, какою-то мѣрою общественнаго спасенія въ ту минуту, когда правительство ничѣмъ не приготовило Францію къ какой-нибудь опасности ¹⁾. Съ какой стороны ни смотрѣли на увеличеніе постоянной арміи, вездѣ всѣ видѣли только бѣдственныя результаты. Правительство, замѣтивъ необходимость военнаго преобразованія, въ своемъ пылу забыло всѣ остальные социальныя вопросы; нельзя придумать было другой мѣры, которая такъ близко задѣла бы все населеніе, какъ новый законъ о рекрутствѣ. Увеличеніе арміи наноситъ слишкомъ чувствительный ударъ матеріальному благосостоянію народа, дѣйствуя, если не на полную остановку увеличенія населенія, то, во всякомъ случаѣ, на его

¹⁾ Напротивъ, изъ послѣдней рѣчи императора французовъ оказалось, что отъ него зависѣло остановить побѣдоносную Пруссію у самыхъ воротъ Вѣны. Не лучше ли было бы остановить ее еще раньше, если только распорядились такою силою, нежели теперь находить опасными побѣды Пруссіи? Или, быть можетъ, все это только такъ сказано, а на дѣлѣ Пруссія сама остановилась у воротъ Вѣны, чтобы не дѣлать лишнихъ маршей?

замедленіе. Всѣми экономистами давнымъ-давно признано, что главнымъ препятствіемъ къ быстрому увеличенію населенія служатъ отчасти и постоянныя арміи. Все сельское населеніе, большею частію, женится около двадцати лѣтъ, а, между тѣмъ, по новому проекту женитьба дозволена, и только половинѣ населенія, попадающей въ резервъ, по достиженію 24-хъ лѣтнаго возраста, остальной же половинѣ не старѣе 26 лѣтъ.

По этому поводу одинъ изъ критиковъ проекта предлагалъ замѣнить ту статью Наполеонова «Кодекса», которая говоритъ, что всякій французъ, по достиженіи 18-ти лѣтъ, имѣетъ право вступить въ законный бракъ, слѣдующею статьею: «Никто не имѣетъ права жениться ранѣе 24 лѣтъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые могутъ дать доказательства своей немощности и болѣзненности!» На самомъ дѣлѣ, оно выходитъ совершенно такъ, потому что только немощные французы избавлены отъ службы. Если на это можно возразить, что 24 года не есть еще слишкомъ поздній срокъ для женитьбы, то можно также отвѣтить и то, что человѣкъ, проведеній четыре года въ казармѣ — элементъ совершенно противномъ семейному, никогда такой человѣкъ не дастъ сильной и здоровой расы, какую можетъ дать человѣкъ, не выходявшій изъ деревни, полный силы, здоровья, и не прошедшій черезъ все то, черезъ что можетъ иногда проходить солдатъ. Если увеличеніе и безъ-того значительной постоянной арміи пагубно дѣйствуетъ на движеніе населенія, то еще пагубнѣе его дѣйствіе на матеріальное и нравственное благосостояніе, какъ сельскаго, такъ и городского рабочаго населенія. Именно, въ ту минуту, когда здоровый и сильный человѣкъ достигаетъ полной зрѣлости, когда работа его становится такъ плодотворна, онъ отрывается изъ своей среды и бросается на шесть лѣтъ въ совершенно противоположную сферу. Отслуживъ свой срокъ, эти люди, привыкнувъ уже къ другой жизни, усвоившись съ условіями военной службы, и погрязнувъ иногда въ городскомъ развратѣ, неохотно возвращаются въ деревню, или еще менѣе охотно принимаются за сельскую, или за фабричную работу. Если даже отставной солдатъ и принимается за работу, то въ немъ уже нѣтъ ни той ловкости, ни того приспособленія къ дѣлу, которыя пріобрѣтаются въ молодые годы. Ничто такъ не требуетъ здоровыхъ рукъ, свѣжихъ и молодыхъ силъ, какъ земледѣліе и, вообще — промышленность; а онѣ то именно и отнимаются. Народъ это хорошо понимаетъ, оттого-то и зоветъ *дурнымъ* билетомъ тотъ, который приговариваетъ человѣка на шесть, на семь лѣтъ военной службы, оттого-то онъ и считаетъ того человѣка погибшимъ, который вытасилъ такой билетъ. Французы любятъ славу, рассказы о побѣдахъ, о доблестныхъ подвигахъ; имъ пріятно поглядѣть на красивую форму, но только все это издали, а, въ сущности, они несравненно болѣе предпочитаютъ свой домашній очагъ всевоз-

возможным военным лагерямъ и казармамъ. На сколько это вѣрно, можно видѣть изъ того, что каждый глава семейства, имѣющаго хоть что-нибудь, считаетъ своимъ долгомъ выкунить своего сына, и если онъ этого не сдѣлаетъ, то считается дурнымъ отцомъ.

Оказывая, такимъ образомъ, крайне неудобное вліяніе на земледѣліе и на всѣ вообще ремесла, отнимая у нихъ всѣ сильныя и могучія руки, поглощая собою всѣ, рѣшительно всѣ свѣжія силы общества, увеличеніе арміи падаетъ еще на народъ другою тяжестью, именно,—тяжестью вѣчно увеличивающихся налоговъ. Если теперь военный бюджетъ доходитъ здѣсь до 500 милліоновъ франковъ, когда армія *есть* въ 400,000 человѣкъ, на сколько же долженъ увеличиться этотъ бюджетъ, когда она дойдетъ до 800,000 человѣкъ, не считая національной гвардіи?!...

Если вся Франція слилась въ одинъ дружный хоръ, чтобы протестовать противъ такого проекта, который останавливаетъ развитіе страны, мѣшая увеличенію населенія, являясь преградой для увеличенія матеріальнаго благосостоянія, такъ какъ главныя производительныя силы всей націи идутъ на служеніе Беллонъ; если Франція нападаетъ на проектъ, вызывающій увеличеніе денежныхъ тягостей, то, тѣмъ не менѣе, французы отлично понимаютъ, что оставаться въ настоящемъ ихъ положеніи, въ виду милліонной прусской арміи, имъ нѣтъ физической возможности. Они не хотятъ только такой системы, которая соединяла бы въ себѣ всѣ невыгоды постоянной арміи со всѣми невыгодами ландвера. Французское правительство, желая ввести у себя родъ прусской организаціи, забыло, что военное устройство страны должно соответствовать характеру націи, и что если *Landwehr* такъ хорошо принялся въ Пруссіи, освященный, по выраженію Кинз, 1813-мъ годомъ, страстнымъ желаніемъ освободить свою родину, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ принялся во Франціи, гдѣ хранится совсѣмъ другое преданіе. Чего же желаютъ французы, чего они требуютъ? Они требуютъ, вмѣсто увеличенія арміи, ея сокращенія до послѣднихъ предѣловъ; они желаютъ, чтобы главная оборонительная сила лежала не въ постоянныхъ арміяхъ, но во всеобщемъ народномъ ополченіи. Пусть—говорятъ они—пусть вся нація будетъ готова къ борьбѣ, къ своей собственной защитѣ; пусть вся молодежь будетъ подвергнута, въ извѣстное время года, военнымъ упражненіямъ, какъ то дѣлается въ Швейцаріи; пусть каждый гражданинъ будетъ готовъ, въ данную минуту, сдѣлаться солдатомъ, и, когда Франціи будетъ грозить опасность, вся нація встанетъ для ея защиты какъ одинъ человѣкъ. Для того, чтобы защищать свою родину, не нужно быть собственно солдатомъ, особенно если подъ нимъ разумѣть одно только выдрессированное существо, вырванное изъ нормальной жизни и брошенное совершенно въ особенную среду: для этого нужно только, чтобы вся

нація умѣла владѣть оружіемъ, а для этого пусть жертвуются нѣсколько недѣль въ году. Для оборонительной войны не нужно людей, которые не имѣли бы другого интереса, какъ интереса своего знамени, своей секты, не нужно людей, оторванныхъ отъ общества: напротивъ, тѣмъ сильнѣе связи, которыми люди связаны съ отечествомъ, тѣмъ дороже для нихъ ихъ интересы, тѣмъ лучше, тѣмъ съ большею страстью будутъ драться эти люди, тѣмъ охотнѣе они будутъ жертвовать собою. Неужели, спрашиваютъ, мужъ и отецъ будутъ драться хуже холостяка? Мы не хотимъ, говорятъ они, громадной постоянной арміи, которая изолируетъ отъ общества людей и обращаетъ ихъ въ массы, интересы которыхъ противоположны интересамъ народа. Мы не хотимъ, говорятъ они, ни такой непроизводительной затраты людей, ни такой непроизводительной затраты денегъ. А непроизводительною они называютъ ее потому, что большія постоянныя арміи рѣдко служатъ въ истинному благосостоянію народа.

Главный характеръ настоящаго настроенія общества, очевидно, заключается въ раздраженіи, въ натянутости, въ недовольствѣ, въ оппозиціи правительству. Если ни жалобы сельскаго населенія на бѣдственное состояніе земледѣлія, ни крики рабочаго населенія, требующаго труда, ни стоны буржуазіи, плачущей, что дѣла не идутъ, что торговля остановилась, что все натянуто и, потому, никто не хочетъ завязывать дѣла на долгій срокъ, — не могли убѣдить правительство въ силѣ этого недовольства, то ропотъ, раздавшійся во всей Франціи на увеличеніе арміи, явившійся какъ результатъ превращенія сосѣднаго государства въ сильную военную державу, долженъ былъ показать ему, что Франція просыпается, и что прошло уже то время, когда всякая правительственная мѣра принималась покорно и молчаливо. Чтобы успокоить это недовольство и задушить вызванное волненіе, правительство рѣшилось сдѣлать нѣкоторыя уступки и объявило о нихъ письмомъ императора къ государственному министру. Явились эти льготы годъ тому назадъ, онѣ вызвали бы всеобщій восторгъ; дарованныя же 19-го января 67-го года, онѣ произвели крайне слабое впечатлѣніе. Въ этомъ холодномъ приѣмѣ, который сдѣлало общество письму 19-го января, виновато, главнымъ образомъ, уничтоженіе адреса, отвѣта на тронную рѣчь, которому посвящалась довольно значительная часть сессіи, и которымъ французы очень дорожили, такъ какъ, по поводу этого адреса, депутаты лѣвой стороны задѣвали всѣ самые важные и самые неприятыя для правительства вопросы. Право адреса замѣнено правомъ интерпелляціи, которое рѣшительно вознаградило бы собою потерю адреса, и, разумѣется, дало бы еще гораздо большую выгоду оппозиціи, предоставляя ей возможность во все время сессіи требовать у правительства отчета въ его поведеніи по тому или другому вопросу, отчета въ ходѣ или положеніи того или дру-

того дѣла, если бы только это право интерпелляцій не было, какъ говоритъ это письмо, «sagement réglémenté», или, иначе, если бы оно не было стѣснено и не зависѣло совершенно отъ большинства. Серьезная выгода, которой, конечно, Франція можетъ только радоваться; это — уничтоженіе административнаго произвола во всѣхъ дѣлахъ печати. Съ этой минуты проступки прессы не будутъ составлять исключенія въ законодательствѣ, а, подобно всѣмъ другимъ проступкамъ; будутъ подлежать общему суду; уничтожаются, такимъ образомъ, всѣ зависѣвшія только отъ администраціи, отъ одного лица, предостереженія, временныя и окончательныя запрещенія. Нельзя говорить еще подробно о новомъ законѣ о печати, такъ какъ онъ еще не обнародованъ, но до сихъ поръ, однако, уже извѣстно, что съ этой минуты не нужно будетъ никакого позволенія для основанія журнала, и что всякій французъ, какой бы онъ ни былъ партіи, какія бы ни были его убѣжденія, будетъ пользоваться правомъ имѣть свой журналъ, свою газету, и говорить въ ней все, что ему угодно, не опасаясь гнѣва того или другого лица, и отвѣтствуя только и исключительно передъ закономъ. Кромѣ этой реформы печати, письмо 19-го января обѣщаетъ еще новый законъ, который долженъ расширить право собраній, столь необходимое для развитія политической жизни общества, и которое до сихъ поръ было слишкомъ ограничено. Вопросъ для Франціи заключается теперь только въ томъ: на сколько оно будетъ расширено, и приблизится ли оно хоть сколько-нибудь къ той свободѣ, которою пользуются въ этомъ отношеніи Англія, Італія и другія подобныя государства? Но, не смотря на эти относительныя выгоды, на эти обѣщанія, письмо 19-го января не произвело того дѣйствія, котораго ожидало правительство, и почти вся парижская и провинціальная пресса, за исключеніемъ, разумѣется, официальныхъ и офиціозныхъ органовъ, которые исправно исполняли свое дѣло, отнеслась къ нему крайне скептически. И — не безъ причины! Здѣсь слишкомъ хорошо понимаютъ, что извѣстный порядокъ вещей требуетъ извѣстныхъ условій, извѣстной атмосферы, выйти изъ которой ему нѣтъ возможности безъ того, чтобы не наложить на себя руки. Французы отлично научились различать маску отъ дѣйствительности, слово отъ дѣла, фальшь отъ истины, и они никогда не назовутъ бѣлымъ не только черное, но даже и сѣрое. Сдѣлалось крайне трудно провести ихъ, увѣрить въ противномъ и заставить радоваться и веселиться въ ту самую минуту, когда имъ ампутируютъ какую-нибудь часть тѣла. Имъ не пришлось расквашиваться въ своемъ скептицизмѣ относительно намѣреній, или, вѣрнѣе, чистоты либеральныхъ намѣреній правительства, такъ какъ не больше, какъ черезъ нѣсколько дней послѣ письма 19-го января, явился циркуляръ главноуправляющаго почтою, Вандаля, который предписывалъ почтамтскимъ чиновникамъ «убѣждаться»: не заклю-

чають ли приходящія во Францію письма какого-то посланія графа Шамборскаго, или, какъ его титулуесть партія легитимистовъ, Генрика V. Нужно было читать, слышать и видѣть, съ какимъ презрѣнiемъ, съ какою негодованiемъ отнеслась вся пресса и все общество къ авторамъ такого предложенiя, какъ вскрытiе частныхъ писемъ, нарушенiе частныхъ тайнъ, съ какимъ строгимъ упрекомъ обратилась вся Франція къ правительству, на которое падаетъ вся тягость этого распоряженiя. На нѣсколько дней все было забыто: всѣ журналы только и говорили объ этомъ поступкѣ правительства, всѣ громко требовали публичнаго отчета въ этомъ незаконномъ дѣйствiи. До сихъ поръ ничто не можетъ заставить забыть поднятый вопросъ о вскрытiи писемъ, и даже тронная рѣчь, провознесенная при открытiи законодательнаго корпуса 14-го февраля, не отодвинула этого дѣла на второй планъ. Правда, что послѣдняя тронная рѣчь не такого свойства, чтобы о ней можно было много говорить и много спорить. Она начинается съ объявленiя, «что важнiя событiя, случившiяся въ Европѣ, удивили весь свѣтъ своею быстротою и важностью своихъ результатовъ.» Чувствуя, что задѣвается некоеликий вопросъ, Наполеонъ III вызываетъ тѣнь Наполеона I для своего прикрытiя, и припоминаетъ слова, сказанныя имъ на о. св. Елены, по поводу соединенiя въ одну массу однихъ и тѣхъ же, но только разрозненныхъ, народовъ. Перемены, происшедшiя въ судьбахъ Италiи и Германiи, говоритъ онъ, осуществляютъ это провидѣнiе Наполеона I. Затѣмъ, переходя къ другому неприятному вопросу—къ несчастной мексиканской имперiи, императоръ вынужденъ прежде всего сдѣлать *amende honorable* всей наци за крайне грустный результатъ экспедицiи. Тутъ весьма любопытно провести сравненiе со словами прошлогодней тронной рѣчи. Вотъ, что говорилось тогда: «Въ Мексикѣ правительство, основанное волею всего народа, утверждается; диссиденты, побѣжденные и разсѣянные, не имѣютъ больше главныхъ начальниковъ; національное войско доказало свое достоинство и вся страна нашла прочныя гарантiи порядка и безопасности....» Вотъ, что говорятъ нынѣ: «Въ тотъ день, когда мнѣ показалось, что величина нашихъ жертвъ превысила тѣ интересы, которые призвали насъ по ту сторону Океана, я добровольно рѣшился отозвать нашъ корпусъ!» Эти слова вѣнчаютъ мексиканскую экспедицiю, которую погубило «несчастное соединенiе обстоятельствъ». Перечисляя затѣмъ остальные европейскiя государства, онъ говоритъ: «Я могу только похвалиться моими отношенiями съ иностранными державами», и это прямо ведетъ его къ увѣренiю, что миръ въ Европѣ не будетъ нарушенъ, что вездѣ господствуетъ гармонiя и единство. Но мы знаемъ, какую вѣру нужно давать такимъ пророчествамъ! Въ прошломъ году онъ началъ свою рѣчь словами: «Миръ проченъ вездѣ, потому что вездѣ ищутъ орудства дружески разрѣшать затрудненiя, вмѣсто того,

чтобы разсѣкать ихъ оружіемъ!» что, однако, нисколько не помѣшало, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, разыгратъ войнѣ. Послѣ всѣхъ увѣреній въ прочности мира, тронная рѣчь, однако, кончается слѣдующимъ: «Франція уважается извнѣ, армія показала свое достоинство; но такъ какъ условія войны измѣнились, то они требуютъ увеличенія нашихъ оборонительныхъ силъ; и мы должны дать такую организацію нашимъ силамъ, которая позволила бы намъ быть неуязвимыми», и черезъ нѣсколько строкъ... «вліяніе націи зависитъ отъ количества людей, которое она можетъ поставить подъ ружье!...» Такая тронная рѣчь, естественно, нисколько не успокоила умовъ, ни мало не уменьшила той натянутости, которая господствуетъ въ обществѣ. Единственнымъ ея результатомъ было—пониженіе биржи! До чего французы заняты своими внутренними и внѣшними дѣлами, заботою о будущемъ, можно заключить также и изъ того, что такое крупное событіе, какъ всемірная выставка, которая чрезъ мѣсяць должна уже открыться, оставляетъ ихъ совершенно холодными и спокойными, какъ будто бы они сомнѣваются въ ея благополучномъ исходѣ—такъ мало, относительно, они интересуются ею! Будь она два года тому назадъ, половина Франціи ходила бы теперь на головѣ, а теперь о выставкѣ даже мало и думаютъ.

В. О.

Парижъ. $\frac{2}{13}$ февраля, 1867.

V.

ВОЗСТАНИЕ НА ОСТРОВѢ КАНДИИ.

Причина кандійскаго возстанія.—Краткій обзоръ хода его.—Отношеніе къ нему греческаго правительства.—Отношеніе къ нему главныхъ европейскихъ державъ.

Въ то самое время, когда дѣла въ центральной Европѣ стали, по-видимому, улаживаться, когда только-что прекращена была непродолжительная, но кровопролитная австро-прусская война, начались уже переговоры о мирѣ между Австріей и германскими государствами съ одной стороны, и между Пруссіей и Италіей съ другой,—на другомъ пунктѣ стало подниматься новое облако, которое грозитъ снова затемнить собою политическій горизонтъ Европы: по устраненіи германскаго вопроса, на сцену явился восточный вопросъ. Дѣло попрежнему началось съ того, что одно изъ христіанскихъ племенъ Порты возстало противъ турецкаго деспотизма. Обитатели острова Кандія—греки по происхожденію и по языку, еще въ 1821 году принимали участіе въ войнѣ за освобожденіе Греціи, но европейская дипломатія не допустила ихъ соединиться съ Греціей. Европейская дипломатія имѣла тогда притязаніе—рѣшать всѣ возбуждаемые историческимъ ходомъ событій международ-

ные вопросы лучше, нежели сами заинтересованные въ рѣшеніи этихъ вопросовъ народы. Кабинетные дипломаты изъ школы Талейрановъ и Меттерниховъ глубоко убѣждены были, и до сихъ поръ еще убѣждены въ томъ, что они призваны для того, чтобы облагодѣтельствовать весь родъ людской, что безъ нихъ весь государственный строй Европы совершенно погнѣб бы, и что вся Европа покрылась бы развалинами, если бы они, благодѣтели челоуѣчества, не являлись постоянно въ ней на помощь. Поэтому, они вносятъ свое мертвящее начало въ рѣшеніе всѣхъ насущныхъ, жизненныхъ вопросовъ, поднимаемыхъ политической жизнью Европы. Такъ, они поступали въ 1815 году, и съ тѣхъ поръ событія обнаружили уже самымъ несомнѣннымъ образомъ, какъ ошибочны были побужденія, руководившія въ то время дипломатами при раздѣлѣ европейской территоріи: въ настоящее время, отъ трактатовъ 1815 года остались одни только клочки. Точно также европейская дипломатія поступала и въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, во время возстанія грековъ и другихъ христіанскихъ подданныхъ Турціи противъ турецкаго владычества. Въ возстаніи 1821 года принимали участіе и жители Пелопоннеза и Элады, и жители Фессалии и Эпира, и жители Кандіи и другихъ греческихъ острововъ архипелага. Казалось бы, что всѣ эти провинціи, принявшія участіе въ возстаніи, имѣютъ одинаковое право требовать отдѣленія своего отъ Турціи, или же всѣ онѣ не имѣютъ ни малѣйшаго права требовать этого отдѣленія. Но европейская дипломатія рѣшила дѣло иначе: послѣ 9-лѣтней геройской борьбы всего греческаго племени противъ турокъ, она пришла къ тому заключенію, что 800,000 грековъ Элады и Пелопоннеза могутъ быть отдѣлены отъ Турціи, и составить особое государство, а 200,000 другихъ грековъ, обитающихъ Ионическіе острова, по-прежнему должны оставаться подъ покровительствомъ Англіи, и болѣе 1 милліона грековъ, обитающихъ Фессалию, Эпиръ, Кандію и меньшіе острова Средиземнаго моря и архипелага, должны страдать подъ турецкимъ владычествомъ. Результатомъ этого мудраго рѣшенія было то, что восточный, или какъ его, вѣроятно, назовутъ вскорѣ, греко-славянскій вопросъ, сталъ хроническимъ зломъ Европы, который представляетъ постоянную опасность для политическаго ея спокойствія. На этотъ разъ мы намѣрены ограничиться въ этомъ вопросѣ однимъ очеркомъ того небольшого послѣдняго промежутка времени, который представляетъ намъ неизвѣстныя двѣ стороны давнишняго восточнаго вопроса: открытую и кровавую борьбу слабого съ сильнымъ, горсти кандіотовъ съ силами турецкой имперіи, и борьбу менѣе замѣтную съ предрасудками дипломатіи, которые, впрочемъ, на этотъ разъ значительно ослабили отъ многихъ совершившихся событій послѣдняго времени, и, притомъ, совершившихся наперекоръ всѣмъ древнимъ преданіямъ европейской дипломатіи.

Въ началѣ августа прошлаго года, въ иностранныхъ газетахъ появилось первое извѣстіе о томъ, что на островѣ Кандіи началось возстаніе, что христіанское населеніе острова взялось за оружіе, что оно требуетъ освобожденія острова отъ турецкаго владычества и присоединенія его къ Греціи. Сначала никто не обратилъ особеннаго вниманія на это извѣстіе, и не думалъ, чтобы это дѣло могло принять сколько-нибудь обширные размѣры. Всякій причислялъ эту вспышку къ тѣмъ частнымъ и незначительнымъ попыткамъ къ возстанію, которыя весьма часто случаются въ различныхъ мѣстностяхъ Турціи, и не ведутъ ни къ какимъ, особенно важнымъ результатамъ. И настоящему кандійскому возстанію придавали въ началѣ такое же значеніе. Особенно ревностно старалась дѣйствовать въ этомъ смыслѣ парижская полуофициальная пресса, которая съ самаго начала встала въ чрезвычайно враждебныя отношенія къ кандійцамъ. Она тотчасъ же начала увѣрять, что только небольшая партія на островѣ старается произвести смуты, и что ей удалось вооружить только самую незначительную часть населенія, что, вообще, она не находитъ опоры въ массѣ населенія, и т. д. Но факты не замедлили опровергнуть подобныя увѣренія. Скоро стали получаться извѣстія о томъ, что число вооруженныхъ инсургентовъ постоянно увеличивается, что имъ удалось занять важныя позиціи, что въ ихъ рукахъ находится уже большая часть острова, что раздраженіе ихъ противъ турокъ достигло высшей степени. Наличныхъ военныхъ силъ турокъ на островѣ оказалось недостаточнымъ для подавленія возстанія: изъ Турціи и изъ Египта стали посылаться войска на островъ Кандію. Однимъ словомъ, не подлежало уже ни малѣйшему сомнѣнію, что на островѣ Кандіи началось весьма серьезное движеніе, не похожее на тѣ отдѣльныя и бесплодныя попытки къ возстанію, которыя такъ часто случаются въ Турціи. Оказалось, что на этотъ разъ вопіющіе недостатки турецкаго управленія окончательно вывели изъ терпѣнія кандійскихъ грековъ, и самымъ серьезнымъ образомъ внушили имъ желаніе отдѣлаться во что бы то ни стало отъ турецкаго владычества, и присоединиться къ независимому греческому королевству.

Когда европейская дипломатія рѣшила, въ 1830 году, что Кандія не можетъ быть отдѣлена отъ Турціи, а должна оставаться, вопреки желанію населенія ея, подъ турецкимъ владычествомъ, то, для утѣшенія кандійцевъ, имъ даны были нѣкоторыя особенныя права—частію вслѣдствіе ходатайства покровительствующихъ державъ, частію по собственному побужденію султана. Но эти права, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, остались мертвою буквою. Христіанское населеніе острова Кандіи отправило 20 іюля нынѣшняго года прошеніе къ великому визирю. Въ этомъ прошеніи оно жаловалось на то, что права жителей постоянно нарушаются мѣстными властями.

Имъ отказывали въ признаніи равноправности ихъ вѣрн, въ обезпеченіи личной свободы ихъ, въ общинномъ самоуправленіи, въ употребленіи греческаго языка: оттоманскіе чиновники препятствовали своимъ вмѣшательствомъ въ дѣла церкви отправленію христіанскаго богослуженія. Христіанскому населенію острова приходилось, кромѣ того, платить такіе высокіе налоги, которые поглощали почти всё его средства. Еще въ мартѣ мѣсяцѣ прошлаго года жители нѣкоторыхъ изъ кандійскихъ округовъ отказались платить увеличенные налоги, подѣтъмъ предложомъ, что это произвольное увеличеніе налоговъ противно условіямъ договора, заключеннаго между Портою и покровительствующими державами. Наконецъ, когда они собрались самымъ мирнымъ образомъ, безъ оружія, чтобы потолковать о своихъ дѣлахъ, составить прошеніе къ турецкому правительству, сообщить ему объ истинномъ положеніи острова, и просить объ отмигнѣ налога на соль и на другіе продукты, турецкое министерство па-отрѣвъ отказалось удовлетворить этимъ требованіямъ. Въ то же время виновниковъ этой демонстраціи обвинили въ бунтѣ и разогнали силою. Въ прокламаціи, обращенной по этому случаю турецкими властями къ жителямъ острова, напоминалось, что султанъ не дозволилъ народныхъ сборницъ; а такъ какъ кандійцы не обратили вниманія на это запрещеніе, то сдѣлались бунтовщиками. «Слѣдовательно—сказано было далѣе въ этой прокламаціи—правительство имѣетъ право разгонять силою, и дѣйствительно будетъ разгонять всякое подобное собраніе; оно намѣрено преслѣдовать со всею строгостію законовъ зачинщиковъ бунта. Никто не смѣетъ давать имъ у себя убѣжище; никто не смѣетъ оказывать имъ какую-либо помощь. Жители не должны вѣрить ихъ ложнымъ увѣреніямъ, и дѣлаться жертвою ихъ интригъ. Они не должны слѣдовать за ними, а каждый долженъ, напротивъ, заниматься только своими собственными дѣлами, и заботиться о благосостояніи своего семейства. Тотъ, кто осмѣлится ослушаться этихъ приказаній, будетъ тоже сочтенъ за бунтовщика, и съ нимъ будетъ поступлено какъ съ таковымъ. Правительство будетъ, напротивъ, оказывать всякую защиту и покровительство жизни, имуществу и чести мирныхъ гражданъ».

Видя, что жалобы ихъ привели къ подобному результату, къ угрозамъ и наказаніямъ, кандійцы стали дѣйствовать рѣшительнѣе. Въ Канеѣ составилъ комитетъ для собранія всѣхъ жалобъ кандійскаго населенія въ одно прошеніе къ оттоманскому правительству. Но, въ дѣйствительности, комитетъ этотъ имѣлъ уже въ виду организовать народное возстаніе противъ турецкаго владычества. Большая часть другихъ округовъ послѣдовала примѣру Канеи. Повсюду состоялись формальные выборы народныхъ представителей, и по всему острову распространилось общество патріотовъ. Порта предвидѣла опасность, и стала дѣлать съ своей стороны приготовленія на случай возстанія. Губер-

наторъ острова издавать прокламацію за прокламаціей; константинопольскія власти прислали съ каждымъ пароходомъ предписанія губернатору наблюдать за всѣми подозрительными лицами. Не смотря на то, движеніе продолжало распространяться. Вожди его, наконецъ, отправили къ консуламъ европейскихъ державъ адресъ, въ которомъ они приглашали ихъ быть свидѣтелями того, что населеніе Кандіи вооружается только для своей защиты, и что вся отвѣтственность въ послѣдующихъ событіяхъ, въ той кровавой борьбѣ, которая можетъ произойти вслѣдствіе турецкихъ насилій, должна пасть исключительно на турецкое правительство. Отправивъ этотъ адресъ, предводители національнаго движенія объявили, что всякая попытка турецкихъ войскъ подавить движеніе — встрѣтитъ вооруженный отпоръ.

Затѣмъ, борьба дѣйствительно началась. Большая часть христіанскаго населенія острова Кандіи взялась за оружіе и возстала противъ турецкаго владычества. Инсургенты назначили временное правительство и національное собраніе, состоявшее изъ 85 членовъ, и собраніе, на первый разъ, въ городъ Сфакіи. Первымъ дѣломъ національнаго собранія было провозглашеніе независимости острова отъ турецкаго владычества и присоединеніе его къ Греціи. Провозглашеніе это произведено было въ слѣдующей формѣ: 1) Турецкое владычество надъ островомъ Кандіей уничтожено навсегда. 2) Кандія и принадлежачіе къ ней меньшіе острова неразрывнымъ образомъ и навсегда соединяются съ греческимъ королевствомъ подъ управленіемъ короля Георга I. 3) Исполненіе этого постановленія возлагается на доблестный кандійскій народъ; при этомъ кандійцы рассчитываютъ на содѣйствіе всѣхъ своихъ соплеменниковъ, всѣхъ друзей Греціи (филиллиновъ), а также на могущественное посредничество покровительствующихъ державъ и на милосердіе Божіе. Да будутъ нашимъ девизомъ слова: «независимость или смерть!»

Видѣвъ съ тѣмъ, временное правительство провозгласило отрѣшеніе отъ должности турецкаго губернатора и всѣхъ турецкихъ властей на островѣ. Турецкіе чиновники удалились въ главный городъ острова — Калаю, и въ другія мѣстности, занятія турецкими войсками. Провинціи же Кандіи управлялись комиссарами, назначенными отъ національнаго собранія. Инсургенты стали собираться въ горахъ, удаливъ, по возможности, свои семейства въ Грецію; турки уходили въ укрѣпленныя мѣстности, и въ скоромъ времени весь островъ, за исключеніемъ городовъ, имѣвшихъ турецкіе гарнизоны, находился въ рукахъ инсургентовъ. Уже около половины августа тогдашній губернаторъ острова, Иманлъ-паша, выступилъ противъ инсургентовъ съ 20 тысячнымъ отрядомъ, и въ то же время онъ потребовалъ изъ Константинополя еще новыхъ подкрѣпленій. Военныя дѣйствія, впрочемъ, начались не сразу, такъ какъ при первыхъ встрѣчахъ ни одна изъ сторонъ не захотѣла

принять на себя отвѣтственности за начатіе ихъ. Къ тому же, турецкое правительство предписало губернатору не прибѣгать покуда къ вооруженному подавленію возстанія, и послало туда своего чрезвычайнаго комиссара — Мустафа-пашу, съ обширными полномочіями, разсчитывая, очевидно, на то, что и теперь обѣщанія, не подкрѣпленныя дѣломъ, успокоятъ волненіе между христіанами. Какъ бы то ни было, но при первой встрѣчѣ оба отряда простояли нѣкоторое время другъ противъ друга, и разошлись въ разныя стороны. Турки ограничивались тѣмъ, что дѣлали, по различнымъ направленіямъ, рекогносцировки, не вступая еще въ открытую борьбу.

Но въ такомъ положеніи дѣла находились не долго. Число вооруженныхъ инсургентовъ постоянно увеличивалось; особенно важнымъ приобрѣтеніемъ для нихъ было то, что къ нимъ присоединилось воинственное племя сфакійцевъ. Вскорѣ, общая цифра вооруженныхъ силъ возстанія достигла, по приблизительному разсчету, 20,000 человекъ. Инсургенты раздѣлились на три отряда, и заняли ими различныя пункты острова. Турецко-египетскія военныя силы, вслѣдствіе получаемыхъ ими постоянно подкрѣпленій, тоже достигли, въ непродолжительномъ времени, цифры 50,000 человекъ. Наконецъ, на островъ прибылъ и чрезвычайный комиссаръ Порты, Киритли-Мустафа-паша, который прежде былъ въ теченіе 25 или 30 лѣтъ губернаторомъ острова. Онъ объявилъ кандійцамъ всеобщую амнистію, обѣщалъ имъ реформы, и далъ имъ пятидневный срокъ для изъявленія покорности. Но инсургенты были далеки отъ того, чтобы принять эти предложенія. Они давно уже утратили всякую вѣру въ турецкія реформы, и считали всякія подобныя обѣщанія крайне ненадежными и несбыточными; да къ тому же, они желали теперь уже не болѣе или менѣе широкихъ реформъ, а присоединенія къ Греціи, и поэтому турецкія обѣщанія, конечно, должны были показаться имъ крайне недостаточными. Они не вѣрили также обѣщаніямъ амнистіи, и уже одно это недоувѣріе должно было удержать ихъ отъ изъявленія покорности. Къ тому же, у кандійцевъ былъ еще на свѣжей памяти образъ дѣяствій того же Мустафа-паши, бывшаго губернаторомъ острова во время возстанія 1853 года. Тогда онъ тоже обѣщалъ инсургентамъ амнистію; нѣкоторые изъ нихъ повѣрили ему и положили оружіе, а Мустафа-паша велѣлъ схватить и повѣсить 40 изъ знатнѣйшихъ кандійцевъ, положившихъ оружіе въ полной надеждѣ на его торжественныя обѣщанія. Кандійское временное правительство тотчасъ же по прибытіи Мустафа-паши на островъ, не замедлило напомнить кандійцамъ о прежнихъ дѣяствіяхъ турецкаго комиссара, и предостеречь ихъ противъ того, чтобы они не вадумали и на этотъ разъ повѣрить лживымъ обѣщаніямъ чрезвычайнаго уполномоченнаго Порты. Кандійцы дѣйствительно отвѣчали на предложенія Мустафа-паши тѣмъ, что четыре восточные

округа Кандіа, которые доселѣ оставались спокойными, тоже встали за оружіе. Немного времени спустя, Мустафа-паша издалъ новую прокламацію, подобную первой, и далъ инсургентамъ новую отсрочку для изъявленія ими покорности своей; но и эта вторая попытка его была столь же неуспѣшна, какъ и первая. Тогда, съ первыхъ чиселъ сентября, начались военныя дѣйствія между турками и инсургентами, а 9 сентября произошло между ними первое значительное дѣло.

Съ самаго начала военныхъ дѣйствій между турками и кандійцами и до настоящаго времени, извѣстія, получаемыя съ театра военныхъ дѣйствій, отличаются однимъ общимъ характеромъ: послѣ каждого сраженія, или даже незначительной стычки, турки увѣряютъ, что они разбили на-голову инсургентовъ, а эти послѣдніе увѣряютъ, что они одержали важную побѣду надъ турками. Издали очень трудно составить себѣ вѣрное понятіе объ истинномъ положеніи дѣлъ на островѣ. Единственное средство получить хоть какое-нибудь понятіе о ходѣ борьбы на Кандіа, заключается въ томъ, чтобы слѣдить внимательно за всѣми передвиженіями воюющихъ сторонъ, и выводить изъ этого заключенія насчетъ того, черезъ какіе фазисы проходила борьба между турками и кандійцами. Постараемся представить нашимъ читателямъ краткій обзоръ полугодичной борьбы на островѣ Кандіа, на сколько можно судить о ней по сбивчивымъ и противорѣчивымъ извѣстіямъ, получаемымъ отсюда, и по передвиженіямъ воюющихъ сторонъ.

Первая встрѣча между инсургентами и турками, происходившая 9-го сентября у селенія Вриссоса, имѣла, повидимому, характеръ благопріятный для инсургентовъ. Они отгѣснили турокъ, желавшихъ проникнуть во внутрь острова, до ближайшихъ окрестностей столицы острова Кандіа, Каней, и заняли такъ-называемыя керумійскія высоты, простирающіяся къ югу отъ Каней, по направленію отъ запада къ востоку. По прибытіи значительныхъ турецкихъ подкрѣпленій, и по отверженіи инсургентами вторичнаго предложенія объ амнистіи, сдѣланнаго Мустафа-пашей, этотъ послѣдній снова двинулся изъ Каней съ значительными силами противъ инсургентовъ, и результатомъ этого вторичнаго похода его противъ кандійцевъ было четырехъ-дневное сраженіе на керумійскихъ высотахъ (съ 23-го до 26-го сентября). Исходъ этого сраженія былъ, повидимому, нерѣшителенъ, и оно кончилось тѣмъ, что обѣ стороны отступили на незначительное разстояніе. Кандійцы удалились съ керумійскихъ высотъ, и отступили по близости на югъ, къ городу Апокороносу; турки же не только не заняли покинутыхъ инсургентами высотъ, и не послѣдовали за ними къ Апокороносу, но, напротивъ, сами отступили снова къ Каней, и даже совершенно очистили тѣ пункты провинцій Селиносса, Киссамоса и Апокороноса, которые оставались еще доселѣ въ ихъ рукахъ. Въ другихъ же мѣстностяхъ, въ округахъ Ретимо, Гераклеѣ и пр., гдѣ турки не

имѣли такихъ значительныхъ силъ, какъ въ округѣ Канен, инсургенты одержали уже въ это время нѣкоторыя успѣхи. Не помогло туркамъ и то обстоятельство, что они объявили въ блокадѣ главные порты острова Кандіа; не смотря на то, къ кандіацамъ постоянно прибывали подкрѣпленія, и туркамъ съ каждымъ днемъ становилось все труднѣе и труднѣе подавить возстаніе. Только нѣскольео недѣль спустя послѣ сраженія на керумійскихъ высотахъ, Мустафа-паша, получивъ новыя подкрѣпленія, нашелъ возможнымъ двинуться опять изъ Канен къ Апокороносу. Но первая его попытка къ тому, сдѣланная около 10-го октября, не удалась, и онъ принужденъ былъ возвратиться къ Каней. Только въ концѣ октября попытка его—примкнуть къ Апокороносу, увѣнчалась, наконецъ, успѣхомъ. Занявъ Апокороносъ, Мустафа-паша двинулся дагѣ къ югу вслѣдъ за отступающими инсургентами. и у селенія Проснеро, 24-го октября, произошло новое (третье, послѣ начала восстанія) значительное сраженіе между турками и инсургентами. Въ этомъ сраженіи побѣда осталась несомнѣннымъ образомъ на сторонѣ турокъ, хотя побѣда и не столь рѣшительная, какою тѣ старались представить ее. Дѣло въ томъ, что въ сраженіи при Проснеро турки, напавъ врасплохъ на отрядъ инсурентовъ, состоящій изъ мѣстныхъ жителей и изъ греческихъ волонтеровъ, дѣйствительно уничтожили значительную часть его, и разогнали остальную часть въ разныя стороны. Такъ какъ султанъ незадолго передъ этимъ издалъ повелѣніе, чтобы кандійское возстаніе было непременно подавлено, и такъ какъ онъ объявилъ самымъ положительнымъ образомъ, что не хочетъ болѣе слышать о возстаніи, то Мустафа-паша и константинопольскіе министры успѣшили придать этому частному успѣху размѣры, которыхъ онъ вовсе не имѣлъ, и провозгласить возстаніе окончательно подавленнымъ.

Остатки отряда инсурентовъ, разбитаго при Проснеро, отступили по двумъ направленіямъ: одна часть его пошла къ югу, въ сфакійскій округъ; другая же часть отступила, для соединенія съ прочими силами инсурентовъ, на востокъ, въ округи Ретимо и Гераклею. Мустафа-паша съ главными силами своими послѣдовалъ сначала за первымъ изъ этихъ отрядовъ на югъ, къ Сфакіи, и дѣйствительно приблизился на весьма недалекое разстояніе къ этому городу. Но жители его, желая избавить себя и свои семейства отъ всѣхъ ужасовъ турецкаго нашествія, прислали къ нему депутатовъ и изъявили желаніе покориться. Мустафа-паша прервалъ свой походъ на Сфакію. Тогда-то константинопольская и значительная часть европейской прессы громче прежняго стала увѣрять, что кандійское возстаніе окончательно подавлено, и что всѣ бывшіе инсургенты изъявляютъ свою покорность и принимаютъ дарованную имъ амнистію. Кандійское временное правительство успѣшило обратиться къ европейскимъ державамъ съ

новымъ воззваніемъ, въ которомъ оно опровергало турецкія извѣстія о совершенномъ подавленіи возстанія, и увѣряло, что возстаніе не только не прекращено, но, напротивъ, продолжается съ новою силою. Событія доказали то же самое лучше всякихъ увѣреній временнаго правительства.

Первыя военныя дѣйствія Мустафа-паши въ округѣ Ретимо были столь же мало успѣшны, какъ и первыя дѣйствія его въ округѣ Анекоромосъ. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ встрѣчъ съ инсургентами, Мустафа-паша приступилъ, наконецъ, къ монастырю Аркадіонъ, гдѣ была главная квартира одного изъ предводителей инсургентовъ, полковника Коронеоса. 20-го ноября, турки сдѣлали первое нападеніе на означенный монастырь; но главныя силы отряда Коронеоса, занимавшія въ это время монастырь, отразили на первый разъ нападеніе турокъ. Однако, опасаясь быть окруженнымъ со всѣхъ сторонъ превосходящими силами турокъ, и опасаясь лишиться сообщеній съ остальною частью острова, Коронеосъ вывелъ послѣ этого главныя силы свои изъ монастыря, удалился съ ними на нѣкоторое разстояніе къ югу, а въ монастырь оставилъ только небольшой отрядъ вооруженныхъ кандійцевъ; кромѣ того, въ монастырь находилось нѣсколько монаховъ, а также нѣсколько сотъ женщинъ и дѣтей, искавшихъ убѣжища въ стѣнахъ монастыря. 26-го ноября, Мустафа-паша возобновилъ свое нападеніе на монастырь Аркадіонъ. Сначала горсть вооруженныхъ инсургентовъ, вмѣстѣ съ монахами монастыря, оказывала геройское сопротивленіе туркамъ, число которыхъ превышало ихъ число до 20 разъ. Но когда турецкой артиллеріи удалось пробить брешь въ стѣнахъ монастыря, когда уже значительное количество турокъ проникли въ ограду монастыря, когда не подлежало уже ни малѣйшему сомнѣнію, что дальнѣйшее сопротивленіе стало невозможнымъ, настоятель монастыря, архимандритъ Гавріилъ, собралъ всѣхъ защитниковъ монастыря, монаховъ, женщинъ и дѣтей, и въ немногихъ сильныхъ словахъ уговорилъ ихъ лучше взорвать на воздухъ стѣны монастыря и погибнуть подъ развалинами его, нежели отдаться живыми во власть турокъ. Энергическія увѣщанія героя-архимандрита подѣйствовали, и всѣ присутствующіе согласились на его предложеніе. Тогда архимандритъ Гавріилъ собственноручно зажегъ складъ пороха, находившійся въ подвалахъ монастыря, и монастырь взлетѣлъ на воздухъ вмѣстѣ со всѣми, которые находились въ то время въ стѣнахъ его. При этомъ погибло нѣсколько сотъ кандійцевъ разнаго пола и возраста, и значительное количество турокъ, числа которыхъ, впрочемъ, нѣтъ возможности опредѣлять съ точностью. Турки опредѣляютъ его небольшою какъ въ 120 или 150 человекъ, кандійцы же увѣряютъ, что при взрывѣ монастыря Аркадіона погибло до 2,500 турокъ. Сначала французскія газеты, ослѣпленныя неумѣреннымъ своимъ туркофильствомъ, пыта-

лись-было заподозрить справедливость этого трагическаго эпизода, который самымъ краснорѣчивымъ образомъ опровергалъ увѣренія ихъ, будто кандійцы взялись за оружіе скорѣе по принужденію и вслѣдствіе происковъ извнѣ, нежели вслѣдствіе глубокой ненависти къ турецкому владычеству. Французскія официальныя газеты напечатали даже, для подтвержденія подобныхъ увѣреній своихъ, какое-то донесеніе командира французскихъ морскихъ силъ въ кандійскихъ водахъ, контръ-адмирала Симона. Въ этомъ донесеніи рассказъ о геройскомъ поступкѣ защитниковъ аркадіонскаго монастыря прямо назывался вымышленнымъ; дѣло представлялось въ такомъ видѣ, что во время приступа турокъ къ монастырю случайно взорвана была одна подземная мина, и что этотъ случай подалъ поводъ къ возникновенію слуха о взорваніи инсургентами всего монастыря. Но, къ сожалѣнію, увѣренія черезъ чуръ усерднаго французскаго адмирала и французскихъ газетъ были опровергнуты въ самомъ непродолжительномъ времени самими турками, которые подтвердили рассказъ о взорваніи монастыря защитниками его, представивъ, конечно, дѣло въ возможно благоприятномъ для себя свѣтѣ.

Въ то время, какъ Мустафа-паша предпринималъ съ главными силами своими экспедицію въ округъ Ретимо, отряды инсургентовъ, находившіеся въ западныхъ округахъ острова, подъ главнымъ предводительствомъ греческаго полковника Зимвракакиса, одержали снова нѣкоторые частныя успѣхи надъ турками, и приближались даже на нѣсколько миль къ Канеѣ. Война, которую они вели здѣсь, имѣла совершенно партизанскій характеръ; часто случалось, что они въ теченіе самаго короткаго времени появлялись нѣсколько разъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ, дѣлали нападенія на турокъ, потомъ отступали, съ тѣмъ, чтобы черезъ нѣсколько времени снова появиться на томъ же мѣстѣ. Такъ, напр., во время экспедиціи Мустафа-паши въ округъ Ретимо близъ селенія Киссамось (въ западной половинѣ острова) происходило не менѣе четырехъ сраженій или стычекъ между инсургентами и турками. Эти частныя успѣхи, одержанные инсургентами въ западныхъ округахъ острова (покоренныхъ уже однажды, по словамъ турецкаго главнокомандующаго), побудили Мустафа-пашу объявить, послѣ возвращенія его изъ округа Ретимо въ Канею, что возстаніе подавлено на всемъ островѣ, за исключеніемъ только округовъ Киссамоса и Селиноса, и что онъ, поэтому, отправляется теперь въ эти мѣстности, для окончательнаго подавленія въ нихъ возстанія. Въ то же время турки съ особенною настойчивостью стали утверждать, что возстаніе поддерживается только прибывающими извнѣ волонтерами, и вслѣдствіе этого значительно усилена была эскадра, блокирующая Кандію. 9-го декабря, Мустафа-паша снова двинулся съ значительными силами изъ Канеи въ округи Селиносъ и Киссамось. Но первая

попытка его проникнуть через Апокоронось въ первую изъ означенныхъ провинцій сопровождалась рѣшительной неудачей: 12-го декабря турки напали близъ Кареса (въ провинціи Апокоронось) на позицію инсургентовъ, но были отражены, и должны были отступить по направленію къ Канеѣ. Мустафа-паша немного времени спустя снова двинулся (въ концѣ декабря) по направленію къ Селиносу. Нѣкоторые изъ кандійскихъ измѣнниковъ навели его отрядъ на то мѣсто, гдѣ расположенъ былъ небольшой отрядъ инсургентовъ, подъ предводительствомъ Суліотиса. Турки напали врасплохъ на этотъ небольшой отрядъ, и дѣйствительно нанесли ему рѣшительное пораженіе, хотя опять-таки это пораженіе не имѣло тѣхъ обширныхъ раздѣровъ и того важнаго значенія, которое старались придать ему турки. Инсургенты потеряли въ этомъ сраженіи до 200 человекъ убитыми и ранеными, оставшимися на полѣ сраженія. Остатки отряда Суліотиса частью отступили къ морскому берегу, и были увезены въ Грецію на русскомъ фрегатѣ «Генераль-Адмираль». (Число спасшихся такимъ образомъ инсургентовъ, судя по официальнымъ источникамъ, не превышало 90 человекъ, въ томъ числѣ около 70 раненыхъ; это не помѣшало, впрочемъ, туркамъ объявить, что «Генераль-Адмираль» увезъ изъ Кандіи въ Грецію за одинъ разъ 4,500 инсургентовъ.) Большая же часть разбитаго отряда Суліотиса отступила или на югъ, къ Сфакіи, для соединенія съ отрядомъ Зимвракакиса, или на востокъ, къ Ретимо, для соединенія съ отрядомъ Коронеоса. Турки заняли тѣ части округа Селиноса, которыя покинуты были инсургентами и мѣстными жителями, но не могли даже занять въ это время самаго города Селиноса, который уже гораздо позже былъ добровольно покинутъ инсургентами. Турки, по своему обыкновенію, представили этотъ частный успѣхъ, одержанный надъ небольшимъ отрядомъ инсургентовъ, рѣшительнымъ ударомъ, нанесеннымъ возстанію. Отъ 1,500 до 2,000 инсургентовъ, увѣряли константинопольскія газеты, погибли въ сраженіи; 4,000 до 4,500 увезены русскимъ фрегатомъ «Генераль-Адмираль», а остальные спѣшатъ изъявить свою покорность. Какъ мало, однакоже, кандійцы спѣшили изъявить свою покорность, видно, между прочимъ, изъ этого, что новая амнистія, обѣщанная въ это время Мустафа-пашею (четвертая по счету), опять-таки была отвергнута инсургентами. Напротивъ, озлобленіе ихъ противъ турокъ еще болѣе усилилось вслѣдствіе такихъ фактовъ, какъ, напр., варварскій поступокъ одного турецкаго военнаго судна съ кандійскими женщинами и дѣтьми, собравшимися на морскомъ берегу, около Селиноса; въ то время, какъ эти несчастныя жертвы кандійскаго возстанія расположились на берегу моря въ ожиданіи прибытія англійскаго или русскаго военнаго судна, которое перевезло бы ихъ въ Грецію, одно турецкое военное судно подошло подъ англійскимъ флагомъ къ самому берегу, и начало обстрѣливать

картечью несчастныхъ женщинъ, дѣтей и стариковъ, которые въ уездѣ постигли исцѣля убѣжища въ ближайшихъ горахъ, оставивъ, однакоже, на «мѣстѣ сраженія» множество убитыхъ и раненыхъ. Високонство, этотъ случай былъ объясненъ, по обыкновенію, недоразумѣніемъ.

Послѣ неудачнаго для кандійцевъ сраженія при Салиносѣ, предводители инсургентовъ рѣшились не прекращать борьбы, но измѣнить нѣсколько систему веденія войны. Они приняли послѣ этого за руководящее правило, что слѣдуетъ избѣгать покуда рѣшительныхъ встрѣчъ съ турками, но утомлять ихъ непрерывными нападеніями на нихъ незначительными отрядами, и появленіемъ въ разныхъ пунктахъ острова Кандія, гдѣ турки менѣе всего ожидаютъ ихъ. Не смотря на усиленіе турецкой блокады, греческіе пароходы продолжали привозить имъ вооруженія. Они раздѣлились на нѣсколько отрядовъ, и не безъ успѣха продолжаютъ партизанскую войну. Впрочемъ, имъ приходилось немало страдать отъ голода, преимущественно же отъ холода; но они твердо рассчитывали на то, что, съ наступленіемъ весны и теплой погоды, положеніе ихъ значительно измѣнится къ лучшему. Но и теперь уже инсургентамъ удалось одержать немаловажные успѣхи надъ турками.

По послѣднимъ извѣстіямъ, полученнымъ афинскимъ центральнымъ комитетомъ отъ кандійскаго національнаго собранія, общій численность вооруженныхъ силъ кандійцевъ можетъ быть опредѣлена приблизительно въ 15,000 человекъ; въ томъ числѣ считается до 3,000 отборныхъ волонтеровъ. Эти вооруженныя силы инсургентовъ распределены почти поровну въ восточныхъ и западныхъ округахъ Кандіи. Вооруженныя силы, находящіяся въ восточныхъ округахъ Ретимо, Василіссъ, Малевизи, Агіосъ и Темепо, состоятъ подъ начальствомъ мѣстнаго предводителя Коракоса и другихъ вождей изъ туземцевъ, а также подъ начальствомъ предводителей, прибывшихъ изъ Греціи: Короноса, Византиоса, Петропулакиса и Гениссарлиса. Отряды инсургентовъ, расположенные въ западной половинѣ острова, частью защищаютъ, подъ предводительствомъ Зимвракакиса и Криариса, важную стратегическую позицію при Агіа-Румелиссъ, частью же охраняютъ горные проходы, ведущіе въ сфакійскій округъ съ сѣвера, со стороны Канен.

Въ такомъ положеніи находится кандійское возстаніе въ настоящее время, послѣ полугодичной борьбы съ турками. Порта, при страшномъ напряженіи силъ своихъ, не только не была въ состояніи подавить возстаніе, но дождалась, напротивъ того, что возстаніе съ теченіемъ времени стало разгораться все съ большею и большею силою: попытка подавить возстаніе прежде, нежели на него обращено будетъ вниманіе Европы, рѣшительно не удалась, и теперь кандійское возстаніе изъ вопроса мѣстнаго сдѣлалось уже вопросомъ обще-европейскимъ.

Съ самаго начала кандійскаго возстанія по всему Архипелагу и во всемъ греческомъ королевствѣ обнаружилось сильное сочувствіе къ

кандііцамъ, и повсюду замѣтно было сильное броженіе умовъ. Греческая журналистика съ полнымъ единодушіемъ выказывала сочувствіе свое къ кандійскому возстанію, и съ самаго начала стала утверждать, что греческое правительство и общество въ равной мѣрѣ должны помогать своимъ угнетеннымъ одноплеменникамъ и единовѣрцамъ, поднявшимъ оружіе противъ турецкаго владычества. Крайне неудовлетворительное положеніе самой Греціи, и, въ особенности, крайняя финансовая неурядица,—наконецъ, различныя дипломатическія и международныя отношенія, мѣшали греческому правительству принимать особенно дѣлательное участіе въ этомъ событіи, и переходить къ фактическому выраженію своего сочувствія къ геройской попыткѣ кандііцевъ. Но нація, которая не была связана вышеупомянутыми соображеніями, отнеслась къ этому дѣлу совершенно иначе, и выказала полное свое сочувствіе къ своимъ соплеменникамъ, взявшимся за оружіе. Особенно сильно стало проявляться между греками движеніе въ пользу кандііцевъ, послѣ того, какъ кандійское національное собраніе обратилось къ греческому народу съ воззваніемъ, въ которомъ оно проситъ его помнить о томъ, что настоящая борьба есть продолженіе борьбы 1821 года, и что поэтому она касается не одной Кандіи, но всей Греціи. Дѣйствительно, греки такъ и смотрѣли на нее. Въ Аеннахъ съ самаго начала возстанія появилась прокламація, приглашавшая населеніе оказывать покровительство и помощь всѣмъ кандііцамъ и семействамъ ихъ, которые уже спаслись на греческую территорію, или тѣмъ, которые еще придутъ туда впослѣдствіи. Немедленно во всемъ греческомъ королевствѣ, а также между греками, живущими въ другихъ мѣстахъ Европы, начались денежные сборы, для оказанія помощи кандііскимъ бѣглецамъ и для поддержанія самаго возстанія. Деньги присылались отовсюду. Въ Аеннахъ образовался кандііскій вспомогательный комитетъ; подобныя же комитеты образовались въ Корфу, въ Сирѣ, и, наконецъ, почти во всѣхъ греческихъ городахъ; комитеты вспомошествованія стали организоваться и внѣ предѣловъ Греціи, напр., на островѣ Мальтѣ и въ Лондонѣ. Турецкое правительство жаловалось неоднократно на то положеніе, которое приняла греческая журналистика относительно возстанія, и на помощь, оказываемую возстанію греческими гражданами. Греческое правительство тогда же отвѣчало ему, что конституція не дозволяетъ ему принимать какія-либо мѣры строгости противъ греческихъ органовъ прессы или противъ греческихъ гражданъ за то, что тѣ или другіе выражаютъ сочувствіе свое къ возстанію. Оно разослало также (осенью прошлаго года) къ державамъ, покровительствующимъ Греціи, ноту, въ которой оно доказывало, что ему самому угрожала бы неминуемая опасность, если бы оно захотѣло остаться совершенно чуждымъ національному движенію, охватившему всю Грецію. Около того же времени, король Георгъ про-

изнесъ рѣчь, въ которой онъ сказалъ, что не считаетъ себя въ правѣ запрещать своимъ подданнымъ оказывать помощь кандійцамъ. При этомъ случаѣ онъ указалъ, между прочимъ, на то, что считаетъ себя не только королемъ Греціи, но и королемъ эллиновъ. Въ то же время, онъ пожертвовалъ изъ своей собственной шкатулки 40,000 драхмъ для оказанія помощи семействамъ кандійскихъ инсургентовъ. Подобныя слова и дѣйствія, конечно, не могли содѣйствовать къ тому, чтобы ослабить движеніе въ пользу кандійцевъ, охватившее всю Грецію, а, напротивъ, способствовали скорѣе еще большому усиленію его.

Греки не ограничивались тѣмъ, что оказывали денежное вспоможеніе кандійскимъ бѣглецамъ, и что посылали кандійскимъ инсургентамъ болѣе или менѣе значительныя денежные суммы. Они съ самаго начала возстанія стали оказывать своимъ кандійскимъ собратьямъ иную, гораздо болѣе дѣятельную и существенную помощь. Изъ Греціи послышалось въ Кандію оружіе, военные и съѣстные припасы, а также значительное количество волонтеровъ. На греческомъ островѣ Сирѣ образовалось какъ бы главное депо кандійскаго возстанія; тамъ формировались отряды волонтеровъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ, и потомъ отправлялись въ Кандію; туда же свозились, для дальнѣйшаго отправленія въ Кандію, всѣ тѣ запасы оружія и припасовъ, которые присылались изъ Греціи. Нѣсколько греческихъ пароходовъ постоянно занимались перевозкою изъ Сиры въ Кандію волонтеровъ, оружія и припасовъ; они съ необыкновенною смѣлостью и ловкостью умѣли прорываться съвозъ линію турецкихъ судовъ, блокирующихъ островъ Кандію, высаживать и выгружать тамъ то, что они привезли, и увозить оттуда кандійскія семейства. Особенную извѣстность приобрѣлъ, въ этомъ отношеніи, пароходъ «Панэлленіонъ», который не менѣе 11-ти разъ съѣздилъ благополучно изъ Сиры въ Кандію и оттуда обратно въ Сирю. Въ числѣ волонтеровъ, отправлявшихся изъ Греціи въ Кандію, было немалое число бывшихъ греческихъ офицеровъ, покинувшихъ ряды греческой арміи, для того, чтобы принять участіе въ борьбѣ кандійцевъ противъ турокъ. Наиболѣе шума надѣлалъ отъѣздъ въ Кандію двухъ лицъ, занимавшихъ высокіе посты въ греческой арміи, а именно: бывшаго военнаго министра, полковника Зимвракакиса, и начальника національной гвардіи всей Греціи, полковника Коронеоса. Турецкій посланникъ въ Афинахъ дѣлалъ представленія греческому правительству по поводу отъѣзда Коронеоса въ Кандію. Но греческое правительство отвѣтило ему, что тотъ до отъѣзда своего подалъ греческому правительству формальное прошеніе объ отставкѣ, и отправился туда не полковникомъ греческой службы, а частнымъ человѣкомъ. Вообще, греческое правительство во все время возстанія продолжало вести себя очень сдержаннымъ образомъ, относительно Турціи. Новые греческіе министры, вступившіе въ управленіе страной

въ концѣ декабря прошлаго года, тотчасъ же объявили о желаніи своемъ соблюдать самый строгій нейтралитетъ; впрочемъ, они опять-таки заявили вмѣстѣ съ тѣмъ, что греческое правительство не можетъ и не желаетъ скрывать своего сочувствія къ кандійцамъ, а еще менѣе можетъ запрещать своимъ подданнымъ выказывать это сочувствіе. Но не смотря на нейтралитетъ греческаго правительства, турецкое правительство все болѣе и болѣе раздражалось поддержкой, оказываемой кандійскому возстанію населеніемъ Греціи. Оно не разъ дѣлало представленія относительно этого предмета какъ самому греческому правительству, такъ и европейскимъ державамъ, покровительствующимъ Греціи. Жалобы Порты на греческое правительство были, между прочимъ, обстоятельно изложены въ циркулярной депешѣ турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ, Аали-паши, разосланной 26-го декабря къ державамъ, покровительствующимъ Греціи. Но греческое правительство постоянно отвѣчало въ одномъ вышеозначенномъ нами смыслѣ; покровительствующія же державы тоже не нашли возможнымъ идти далѣе совѣтовъ греческому правительству— не отступать отъ самаго строгаго нейтралитета. Нѣсколько разъ отношенія между Турціей и Греціей доходили уже до такого натянутого положенія, что окончательный разрывъ между ними считался дѣломъ неминуемымъ; но, впрочемъ, до сихъ поръ этого разрыва еще не послѣдовало. Турецкое правительство, однако, сосредоточило на греческой границѣ до 30,000 человекъ войска. Это не помѣшало ему, однакоже, жаловаться на то, что греческое правительство учредило на сѣверной границѣ своей три военные округа, и сосредоточило въ каждомъ изъ нихъ около 4,000 войска. Греческое правительство, разумѣется, отвѣчало на эту жалобу, что это дѣло внутренней администраціи Греціи, и что во всякомъ случаѣ 10—12,000 греческаго войска не могутъ представлять серьезной опасности для существованія турецкой имперіи. Въ виду постоянныхъ угрозъ Турціи, греческое правительство, однако, само нашло необходимымъ принять энергическія мѣры для своей обороны. Оно увеличило численность своей арміи до 31,000 человекъ, заказало шесть броненосныхъ военныхъ судовъ, объявило о намѣреніи своемъ заключить новый заемъ, и т. д. Въ рѣчахъ, произнесенныхъ при обсужденіи всѣхъ этихъ мѣръ въ греческой палатѣ, не только независимые депутаты, но и министры указывали на возможность близкой и серьезной борьбы, которую должна будетъ выдержать Греція. Въ то же время греческая революціонная партія сильно хлопотала о возбужденіи и о поддержкѣ возстанія въ провинціяхъ, сосѣднихъ съ Греціей, въ Фессаліи, въ Эпирѣ, въ Албаніи и т. д. Были также посланы особые греческіе эмиссары въ Черногорію, Боснію, Сербію. Однимъ словомъ, хотя дѣло не дошло еще въ настоящее время до открытаго разрыва между Гре-

цій и Турціей, однако, какъ-та, такъ и другая сторона считаютъ этотъ разрывъ неминуемымъ, и всячески готовятся къ борьбѣ.

Возстаніе на островѣ Кандіи, вызвавшее такое сильное движеніе въ жителяхъ греческаго королевства, не могло также не отозваться и въ другихъ христіанскихъ провинціяхъ Турціи. Между всѣми христіанскими подданными Турціи началось сильнѣйшее броженіе. Въ Эссалии и въ Эпирѣ, съ самаго начала кандійскаго возстанія, обнаружилось сильное волненіе, и, не смотря на значительное количество турецкихъ войскъ, сосредоточенныхъ въ этихъ провинціяхъ, это броженіе не замедлило перейти тамъ, въ началѣ декабря, въ фактическое возстаніе. Возстаніе въ Эссалии началось почти также, какъ началось, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, кандійское возстаніе. Христіанскіе жители эссалийскаго округа Аграфы, выведенные изъ терпѣнія турецкими насиліями, обратились, наконецъ, къ европейскимъ державамъ съ исчисленіемъ причинъ, заставлявшихъ ихъ взяться за оружіе. Причины эти, точно также, какъ и въ Кандіи, имѣли, преимущественно, фискальный характеръ, и заключались, главнымъ образомъ, въ невыносимомъ отягощеніи налогами, которому подвергались эссалийскіе христіане, и которые доводили ихъ до совершеннаго разоренія. Особенно возмущены были жители Эссалии наложеннымъ турецкимъ правительствомъ, въ концѣ прошлаго года, 30-процентнымъ сборомъ со всего ихъ имущества, который долженъ былъ идти на покрытіе расходовъ, причиненныхъ турецкому правительству подавленіемъ кандійскаго возстанія. Число вооруженныхъ эссалийскихъ инсургентовъ не превышало, въ началѣ, нѣсколькихъ сотъ человѣкъ. Этотъ небольшой отрядъ инсургентовъ встрѣтился съ мѣстными военными силами турокъ, отразилъ ихъ нападеніе и ушелъ въ горы, гдѣ къ нему стали приставать вооруженные христіане, и скоро число ихъ достигло цифры отъ 2 до 3 тысячъ. Но до сихъ поръ, по случаю зимняго времени, еще не было новыхъ встрѣчъ между турками и эссалийскими инсургентами. Впрочемъ, и въ Эссалии образовалось временное правительство, которое обратилось съ воззваніемъ ко всѣмъ эссалийцамъ, съ адресами къ греческому королю и къ другимъ европейскимъ державамъ, и т. д. Вообще, положеніе Эссалии и Эпира таково, что не нынче — завтра эти провинціи могутъ тоже перейти въ состояніе общаго возстанія. Не вдаваясь въ разсмотрѣніе положенія остальныхъ христіанскихъ провинцій турецкой имперіи, мы замѣтимъ здѣсь только, что всюду замѣтно сильное броженіе. Жители Босніи и Герцеговины снова помышляютъ о возстаніи. Даже самые смиренные и самые преданные Портѣ христіанскіе подданные ея — болгары, заговорили о независимомъ болгарскомъ княжествѣ, и уже выставили нѣсколько кандидатовъ въ князья или господари Болгаріи. Черногорцы потребовали отъ Турціи разрушенія турецкихъ блокгаузовъ, построенныхъ на черногорской

территоріи. Сербія настоятельно требуетъ очищенія всѣхъ сербскихъ крѣпостей, въ томъ числѣ и Бѣлграда, отъ турецкихъ войскъ, и, судя по послѣднимъ извѣстіямъ, Порта готова уступить этому требованію ея. Въ Албаніи, на островахъ Родосѣ и Самосѣ, въ Малой Азіи, въ Сиріи — всюду замѣтны болѣе или менѣе значительные признаки броженія въ христіанскомъ населеніи. Однимъ словомъ, послѣдствіемъ кандійскаго возстанія, начавшагося въ прошломъ году, уже теперь является то, что восточный вопросъ снова возстаетъ передъ Европой со всѣми своими опасностями и затрудненіями. Кандійскаго возстанія оказалось достаточнымъ для того, чтобы снова подвергнуть опасности самое существованіе турецкой имперіи, какъ будто обезпеченное трактатами 1856 года.

Европейская дипломатія очень хорошо понимала, что мѣстное возстаніе въ одной изъ областей турецкой имперіи можетъ повести къ такимъ важнымъ послѣдствіямъ, и, поэтому, она съ самаго начала кандійскаго возстанія думала игнорировать его, признавать его какъ бы несуществующимъ, а когда это стало уже невозможнымъ, когда факты опровергли официальные увѣренія турокъ, тогда западно-европейскіе дипломаты стали заботиться о скорѣйшемъ подавленіи возстанія, надѣясь этимъ способомъ устранить опасность, которая угрожала съ этой стороны Европѣ. Когда еще въ началѣ возстанія кандійцы обратились къ европейскимъ консуламъ въ Кандіи съ жалобами на притѣсненія турокъ, заставившія ихъ взяться за оружіе, консулы Англии и Франціи сочли нужнымъ поддержать строгія дѣйствія турецкихъ властей, а правительства означенныхъ державъ одобрили дѣйствія своихъ консуловъ. Нѣсколько недѣль спустя послѣ начала возстанія, кандійскіе инсургенты просили, чтобы представителямъ ихъ позволено было явиться на французское военное судно, стоявшее передъ Канеей, для того, чтобы принять участіе въ совѣщаніяхъ о средствахъ къ подавленію возстанія. Эта конференція дѣйствительно состоялась, и просьба кандійскихъ инсургентовъ о допущеніи ихъ къ участію въ совѣщаніяхъ дѣйствительно была уважена на этотъ разъ. Въ конференціи приняли участіе консулы главнѣйшихъ европейскихъ державъ, турецкія власти острова Кандія, а также представители кандійскихъ инсургентовъ. Европейскіе консулы объявили явившимся сюда представителямъ кандійцевъ, что они ручаются за исполненіе законныхъ требованій ихъ, за уменьшеніе налоговъ, и т. д. Но кандійцы замѣтили, что теперь уже поздно, что соотечественники ихъ не могутъ удовлетвориться этими частными уступками, а что они требуютъ совершеннаго отдѣленія отъ Турціи. Такимъ образомъ, эта конференція не повела къ желаемому результату, и надежды на мирное соглашеніе не осуществились. Турецкое правительство успѣло разослать всѣмъ европейскимъ державамъ меморандумъ, въ которомъ оно изъясняло, что Турція готова была сдѣ-

латъ всевозможныя уступки для прекращенія возстанія, но, что въ виду упорнаго отказа инсургентовъ отъ всякой амнистіи, она должна прибѣгнуть, для собственной своей обороны, къ предписываемымъ обстоятельствами мѣрамъ строгости. Французское правительство вполне одобрило это рѣшеніе Порты. Оно совѣтовало ей употреблять самыя энергическія мѣры для подавленія возстанія, для того, чтобы устранить отъ самой себя и отъ Европы угрожавшую имъ въ противномъ случаѣ опасность. Около того же времени кандійскіе инсургенты въ первый разъ обратились къ командирамъ европейскихъ судовъ, стоявшихъ передъ Канеей, съ просьбою, чтобы они помогли имъ переправить въ Грецію свои семейства. Но опасеніе европейскихъ державъ оказать какую бы то ни было, даже косвенную поддержку кандійскому возстанію, доходило въ это время до того, что всѣ командиры европейскихъ судовъ наотрѣзъ отказались отъ исполненія вышеозначенной просьбы кандійцевъ; они объявили, что исполнивъ эту просьбу, они нарушили бы нейтралитетъ свой относительно Турціи, и что, поэтому, они видятъ себя вынужденными отказать кандійцамъ въ ихъ просьбѣ. Этотъ жестокосердый отвѣтъ подалъ лучшимъ органамъ европейской прессы поводъ жаловаться на то равнодушіе, съ которымъ Европа относилась къ геройской попыткѣ кандійцевъ, и проводить неутѣшительную для настоящаго времени параллель между тѣмъ сочувствіемъ, съ которымъ отнеслась вся Европа къ греческому возстанію 1821 г., и настоящимъ равнодушіемъ. Только гораздо позднѣе, европейскія державы пришли къ тому убѣжденію, что, помогая безоружнымъ и беззащитнымъ кандійскимъ женщинамъ, дѣтямъ и старикамъ найти безопасное убѣжище въ Греціи, онѣ исполняютъ только долгъ челоуколюбія, и нимало не нарушаютъ нейтралитета своего относительно Турціи. Первый примѣръ отступленія отъ прежняго ошибочнаго взгляда на этотъ предметъ подалъ командиръ англійскаго военнаго судна «Ашюренсъ», капитанъ Пимъ, который перевезъ въ Пирей нѣсколько сотъ кандійскихъ женщинъ и дѣтей. Послѣ того и командиры русскихъ военныхъ судовъ стали перевозить греческія семейства изъ Кандіи въ Грецію. Затѣмъ, для той же цѣли прибыли къ берегамъ Кандіи сѣверо-американскія суда; и, наконецъ, уже Франція, увидѣвъ, что всѣ прежнія ея разглагольствованія о мнимомъ нарушеніи этимъ путемъ строгаго нейтралитета относительно Турціи ни къ чему не повели, сама посовѣтовала этой послѣдней державѣ изъявить свое согласіе на перевозку въ Грецію кандійскихъ семействъ. Вообще, изъ всѣхъ западно-европейскихъ державъ, гарантировавшихъ въ 1856 году нераздѣльность и неприкосновенность турецкой имперіи, Франція съ самаго начала относилась наиболѣе враждебнымъ образомъ къ попыткѣ кандійцевъ освободиться отъ турецкаго владычества, и ревностнѣе всѣхъ стояла за неприкосновенность правъ Турціи, забывая

при этомъ то, что она прежде любила выдавать себя за представительницу, «первую защитницу принципа національностей». Она съ одной стороны упорно отказывалась признать силу и размѣры кандійскаго возстанія и движенія, угрожавшаго охватить всю Турцію. Официальные органы ея постоянно отличались какимъ-то неумѣстнымъ оптимизмомъ во взглядѣ на кандійскія дѣла. Они постоянно увѣрили, что возстаніе поддерживается, главнымъ образомъ, какими-то космополитическими революціонерами и искателями приключеній, и что оно встрѣчаетъ мало поддержки въ туземномъ населеніи. Съ другой стороны, французскіе официальные и полуофициальные органы постоянно старались доказать, что турки и христіане очень легко могли бы ужиться вмѣстѣ, при нѣкоторыхъ реформахъ, которыя Турція готова дать христіанамъ. На этомъ основаніи они выводили заключеніе, что мысль кандійцевъ, ессалійцевъ и прочихъ христіанъ объ освобожденіи отъ турецкаго владычества — мысль въ высшей степени вредная, и нисколько не основанная притомъ на политической необходимости. Въ самомъ началѣ кандійскаго возстанія, другія двѣ державы, подписавшія вмѣстѣ съ Франціей трактатъ 15-го апрѣля 1856 года (которымъ гарантировалась неприкосновенность Турціи), а именно Англія и Австрія, повидимому, не отдѣляли своей политики въ этомъ вопросѣ отъ политики Франціи, и какъ будто относились къ возстанію такъ же враждебно, какъ Франція. Но уже въ скоромъ времени стало замѣтно, что не всѣ высокіе покровители турецкой имперіи, видѣвшіе прежде въ существованіи ея самое необходимое условіе для поддержанія европейскаго равновѣсія, убѣждены теперь въ важномъ значеніи принципа нераздѣльности Турціи; оказалось, что нѣкоторые изъ нихъ какъ будто стали сомнѣваться въ справедливости этого тезиса международнаго права. Такъ, напр., въ скоромъ времени обнаружилось, что Англія въ 1866-мъ году смотритъ на восточный вопросъ совершенно иначе, нежели какъ она смотрѣла на него въ 1854 или 1856-мъ году.

У всѣхъ еще въ свѣжей памяти роль Англіи въ восточномъ вопросѣ въ эпоху крымской войны, въ тѣ времена, когда лордъ Стратфордъ-Редклифъ былъ полновластнымъ руководителемъ турецкой политики. Въ то время, Англія горячо стояла за принципъ «неприкосновенности Турціи и верховныхъ правъ ея повелителя.» Въ то время Англія являлась гораздо большею ревнительницею неприкосновенности правъ Турціи, нежели Франція, и увлекала за собою Францію по этому пути. Поэтому, со стороны Англіи менѣе всего можно было ожидать сочувствія къ притязаніямъ и стремленіямъ турецкихъ христіанъ, представляющимъ опасность для неприкосновенности Турціи. Можно было ожидать, что если Франція, которая въ этомъ отношеніи всегда отставала отъ Англіи, относится такъ враждебно къ попыткѣ кандійцевъ, то Англія отнесется къ ней еще болѣе враждебнымъ образомъ.

Но, къ великому удивленію европейскаго политическаго міра, эти ожиданія не сбылись. Англійское правительство далеко не обнаружнло того рвенія въ пользу поддержанія неприкосновенности Турціи, какъ Франція. Очень скоро стало замѣтно, что знаменитое «сердечное согласіе» между Франціей и Англіей уже не существуетъ относительно восточнаго вопроса. Вообще, нынѣшнее торійское министерство постоянно держало и держитъ себя очень сдержанно въ восточномъ вопросѣ. Однако, оно не рѣшилось стать безусловно на сторону Турціи, и, напротивъ, нѣкоторыя изъ его дѣйствій имѣютъ характеръ явно благопріятный для кандійцевъ. Оно дозволило своимъ военнымъ судамъ перевозить кандійскія семейства изъ Кандіи въ Грецію, внушивъ только командирамъ ихъ, чтобы они не перевозили вооруженныхъ инсургентовъ, что составляло бы нарушеніе нейтралитета. Оно, наконецъ, недавно заявило (въ дипломатической депешѣ министра иностранныхъ дѣлъ лорда Стэнли къ англійскому посланнику въ Константинополѣ), что считаетъ необходимымъ самостоятельное управленіе для острова Кандія, назначеніе туда губернатора изъ христіанъ, смѣшаннаго совѣта изъ христіанъ и мусульманъ, и т. д. Но если уже англійское правительство, англійское торійское министерство рѣшилось выказывать довольно недвусмысленнымъ образомъ свое сочувствіе къ кандійцамъ, то большинство англійскаго общества и англійской прессы шло въ этомъ отношеніи гораздо далѣе своего правительства. Не только либеральныя газеты, въ родѣ «Daily-News», «Morning-Star» и др., но даже такая, крайне-консервативная газета, какъ «Times», выражали свое сочувствіе къ геройскимъ попыткамъ кандійцевъ, и совѣтовали Портѣ уступить Кандію греческому королевству, послѣдовавъ, въ настоящемъ случаѣ, примѣру Великобританіи, которая добровольно согласилась на присоединеніе драгоцѣнныхъ для нея Ионическихъ острововъ къ Греціи. Еще въ сентябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года, газета «Times» слѣдующимъ образомъ выражалась по поводу кандійскаго вопроса:

«Для старыхъ хирурговъ *больного чловѣчка* ничто не можетъ быть легче, какъ приостановить недугъ въ равнемъ періодѣ его развитія, посовѣтовавъ Турціи согласиться на ампутацію испорченнаго кандійскаго члена. Въ настоящемъ случаѣ, европейское внимательство было бы желательно, но не для поддержки грековъ или турокъ, а просто въ интересахъ чловѣчества. Если бы миръ возстановился вслѣдствіе быстрыхъ успѣховъ турецкаго оружія, или вслѣдствіе безумныхъ распрій между самими инсургентами, то все-таки слѣдовало бы положить конецъ борьбѣ исправленіемъ, въ 1866 году, погрѣшностей, совершенныхъ въ 1830, и дозволить кандійцамъ осуществить свои стремленія и соединить судьбу ихъ острова съ судьбами грековъ, подданныхъ короля Георга.» Въ противномъ случаѣ, «Times» увѣрена, что борьба или

продолжится долгое время, или начнется снова, спустя нѣсколько лѣтъ. «Times» не сомнѣвается также, «что дни турецкой имперіи въ Европѣ сочтены»; сомнительно только то, чѣмъ наполнится пустое мѣсто, послѣ изгнанія мусульманъ на ту сторону Босфора. Предоставить проливы въ руки короля Георга или какого-нибудь другого вождя греческой націи, по мнѣнію «Times», невозможно. Между тѣмъ, продолжаетъ она, «ни одна изъ европейскихъ газетъ еще не приготовилась стать лицомъ къ лицу съ ужаснымъ восточнымъ вопросомъ. Весьма сомнительно также, станутъ ли когда-нибудь подготавливаться къ рѣшенію его. По всей вѣроятности, онъ обрушится на нихъ внезапно, врасплохъ. Дѣло въ томъ, что разрѣшеніе этого вопроса повлечетъ за собою глубокую, всеобщую катастрофу въ Европѣ. Восточный вопросъ не допускаетъ мирнаго или дипломатическаго рѣшенія. Онъ будетъ рѣшенъ оружіемъ.» Нѣсколько времени спустя, по поводу перевозки кандійскихъ семействъ на англійскихъ военныхъ судахъ изъ Кандіи въ Грецію, та же самая газета выражалась слѣдующимъ образомъ о борьбѣ между греками и турками: «Относительно этой борьбы, мы можемъ только пожелать, чтобы сократилась ея продолжительность и чтобы борьба была сдержана, по возможности, въ тѣхъ границахъ человѣчности, переступить которыя столь способенъ восточный образъ веденія войны. Но — продолжаетъ органъ лондонскаго Сити — если дѣло дойдетъ до того, что война между Крестомъ и Луною превратится въ войну на жизнь или смерть, то мы никогда не забудемъ, что мы скорѣе христіане, чѣмъ мусульмане, скорѣе греки, нежели турки; что мы смотримъ на изгнаніе оттомановъ изъ Европы какъ на простой вопросъ о времени....»

Австрійское правительство тоже относится къ кандійскому вопросу иначе, чѣмъ Франція, и тоже не выказываетъ того пристрастія къ туркамъ, и того безусловнаго нерасположенія ко всякимъ попыткамъ турецкихъ христіанъ, которое замѣтно во французской политикѣ. Заботясь, по-прежнему, о сохраненіи турецкой имперіи, оно, однако же, намѣрено содѣйствовать, повидимому, по возможности къ измѣненію настоящихъ отношеній турецкихъ христіанъ къ мусульманскимъ ихъ повелителямъ. Еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, вѣнская газета, «Debate», которая находится въ связи съ нѣкоторыми изъ членовъ австрійскаго министерства, выражалась положительно о восточномъ вопросѣ и о средствахъ къ разрѣшенію его:

«Восточный вопросъ будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать турецкая держава въ Европѣ. Для послѣдователей Магомета, борьба съ невѣрными составляетъ священнѣйшую обязанность; поэтому Порта можетъ заключать перемирія съ христіанскими государствами Европы, но прочнаго мира между ними никогда быть не можетъ.

«Турція становится все менѣе и менѣе опасною для Европы. Ея слабость перешла уже въ совершенное изнеможеніе; теперь Европа имѣетъ дѣло уже не съ больнымъ, а съ умирающимъ. Но, между тѣмъ, Порта обладаетъ такими богатствами, она занимаетъ въ Европѣ такое выгодное географическое положеніе, что вопросъ о наслѣдствѣ послѣ нея представляется вопросомъ первостепенной важности для всей Европы; нѣтъ ничего труднѣе, какъ разрѣшить вопросъ о наслѣдствѣ этомъ сообразно съ желаніемъ всѣхъ большихъ государствъ Европы.

«Турецкое государственное устройство не можетъ быть преобразовано, потому что все это государственное зданіе основано на неподвижномъ религиозномъ фундаментѣ. Поэтому, всѣ обѣщанія и повелѣнія Порты, имѣвшія цѣлью улучшеніе участи христіанскаго населенія Турціи, остаются пустыми фразами. Порта не можетъ исполнить этихъ обѣщаній, даже если бы она хотѣла того. Еслибы она вздумала на дѣлѣ уничтожить различіе между мусульманами и невѣрными, раями, то турки сами низвергли бы свое правительство.

«Послѣднія возстанія христіанъ на островѣ Кандіи и въ Фессаліи указываютъ на необходимость какъ можно скорѣе измѣнить восточную политику, утвержденную европейскими державами въ Парижѣ, весной 1856 года....»

Въ недавнемъ циркулярѣ, который г. Бейстъ разослалъ къ представителямъ Австріи при иностранныхъ дворахъ, онъ высказывается относительно восточнаго вопроса именно въ томъ смыслѣ, въ которомъ написана вышеозначенная статья газеты «Debatte». Онъ объявляетъ, что Австрія начала переговоры съ другими европейскими державами относительно средствъ къ улаженію восточнаго вопроса, и что она предложила начать это дѣло съ пересмотра парижскихъ трактатовъ 1856 года. Баронъ Бейстъ утверждаетъ также, что австрійская имперія считаетъ необходимымъ сблизиться съ Россіей въ восточномъ вопросѣ; для этой цѣли она желала бы, чтобы уничтожены были тѣ ограниченія, которымъ подверглась въ то время эта держава. Онъ высказывается въ пользу совершеннаго очищенія сербскихъ крѣпостей отъ турецкихъ войскъ, и утверждаетъ, что, въ настоящемъ случаѣ, Франція и Англія вполне раздѣляютъ мнѣніе Австріи. Но, впрочемъ, баронъ Бейстъ объявляетъ въ томъ же циркулярѣ своемъ, что, относительно разрѣшенія собственно кандійскаго вопроса, Австрія не сдѣлала никакой попытки, потому что, по ея мнѣнію, островъ этотъ по своему географическому положенію лежитъ внѣ сферы политическаго дѣйствія Австріи.

Итакъ, по мѣрѣ того, какъ турецкія извѣстія о совершенномъ подавленіи кандійскаго возстанія оказывались несправедливыми, по мѣрѣ того, какъ подтверждалось, что кандійское возстаніе не только не прекращено, а, напротивъ, одерживаетъ даже, отъ времени до времени,

новые успѣхи, отношенія европейскихъ державъ къ этому дѣлу значительно измѣнялись. Англія и Австрія, болѣе или менѣе недвусмысленнымъ образомъ, признали притязанія турецкихъ христіанъ законными и выразили свое намѣреніе содѣйствовать тѣмъ или другимъ способомъ осуществленію этихъ притязаній. Россія съ самаго начала выказывала глубокое свое сочувствіе къ дѣлу кандійцевъ и всѣхъ вообще турецкихъ христіанъ, и желаніе свое содѣйствовать, по возможности, улучшенію положенія ихъ. Все это не могло не повліять и на отношенія французскаго правительства къ кандійскому вопросу, и отношенія эти въ послѣднее время значительно измѣнились. Франція не могла не замѣтить, что, во-первыхъ, она своей, крайне туркофильской политикой остается совершенно въ изолированномъ положеніи среди другихъ европейскихъ государствъ. Во-вторыхъ, она должна была понять, что вмѣсто того, чтобы способствовать устраненію затрудненій на Востокѣ, она этой политикой своей, напротивъ, сама способствуетъ возникновенію подобныхъ затрудненій. Императоръ Наполеонъ долженъ былъ понять, что одобренная поддержкой Франціи Порты упорствовала въ прежней политикѣ своей, и вслѣдствіе того броженіе среди христіанскаго населенія Турціи все болѣе и болѣе усиливалось. Императоръ Наполеонъ, говоримъ мы, не могъ не понять всего этого; а разъ понявъ это, онъ долженъ былъ, разумѣется, употребить всѣ свои старанія для того, чтобы попасть въ общій тонъ, господствовавшій въ послѣднее время въ европейской политикѣ относительно восточнаго вопроса, въ тотъ тонъ, какимъ говорили Россія, Австрія и Англія.

Вслѣдствіе всего этого, въ политикѣ Франціи относительно восточнаго вопроса въ послѣднее время произошла замѣтная перемѣна, и Франція стала относиться къ кандійскому вопросу совершенно иначе, нежели какъ она относилась къ нему полгода тому назадъ. Въ то время французское правительство готово было вѣрить на-слово официальнымъ турецкимъ увѣреніямъ о томъ, что кандійское возстаніе есть только слѣдствіе виѣшнихъ интригъ, и что мѣстное населеніе нисколько не участвуетъ въ возстаніи, такъ какъ оно въ сущности очень довольно турецкимъ управленіемъ. Но въ послѣднихъ депешахъ, отправленныхъ французскимъ правительствомъ въ Константинополь (мы находимъ эти депеши въ обнародованномъ недавно собраніи дипломатическихъ документовъ, такъ называемой «Желтой книгѣ»), постоянно указывается на то, что до возстанія положеніе кандійцевъ было дѣйствительно невыносимо, что злоупотребленія турецкой администраціи дѣйствительно могли вывести изъ терпѣнія христіанскихъ подданныхъ Турціи на островѣ Кандіи, и т. д. Французское правительство настоятельно совѣтуетъ Портѣ, въ послѣднихъ своихъ нотахъ, отиѣнить эти злоупотребленія, и дать христіанскимъ подданнымъ своимъ и Европѣ гарантіи про-

тивъ возвращенія подобныхъ злоупотребленій. Есть слухи о томъ, что оно, по собственному побужденію своему, начало переговоры съ представителями Россіи и Англии о томъ, чтобы послать на островъ Кандію особенныхъ агентовъ, которые должны будутъ представить Портъ ручательство означенныхъ трехъ державъ относительно исполненія обѣщаній, сдѣланныхъ Портоу.

Слова, сказанныя императоромъ Наполеономъ въ тронной рѣчи, а именно, что между Франціей и Россіей существуетъ согласіе по восточному вопросу, начинаютъ теперь оправдываться, но не въ томъ смыслѣ, что Россія приблизилась къ Франціи, а наоборотъ. Политика Франціи, по восточному вопросу въ 50-хъ годахъ, привела ее къ войнѣ съ Россіею, а потому Россіи, для приближенія къ Франціи и для усвоенія ея идей, пришлось бы вступить съ Франціею въ союзъ противъ самой себя; очевидно послѣ этого, что не Россія отказалась отъ прежней политики, а Франція измѣнила свою, и пошла по одной дорогѣ съ Россіею; съ французскимъ правительствомъ произошло то же, что и съ французскими газетами, которыя, въ одинъ тонъ съ правительствомъ, отнеслись сначала враждебно къ Кандіи, а теперь, когда нашъ посланникъ въ Константинополѣ далъ совѣтъ Портъ согласиться на присоединеніе Кандіи къ Греціи, эти же газеты не только не выразили своего неодобренія, но еще съ большею ревностью стали толковать о томъ, что Франція дѣйствуетъ въ восточномъ вопросѣ за одно съ Россіею.

Геройская полугодовая борьба кандійцевъ не осталась, слѣдовательно, бесплодною. Она теперь уже достигла того результата, что равнодушіе, или даже явное нерасположеніе Европы къ попыткѣ кандійцевъ освободиться отъ турецкаго владычества, замѣнилось самыми усердными попытками ихъ склонить Порту къ серьезнымъ реформамъ въ пользу кандійцевъ. Но не далѣе какъ 1-го февраля нынѣшняго года, кандійское національное собраніе обнародовало новое воззваніе, въ которомъ оно объявляетъ, что кандійцы не примутъ отъ Турціи никакихъ реформъ, а настаиваютъ на своемъ требованіи относительно присоединенія Кандіи къ Греціи. Это упорство кандійцевъ, соединенное съ желаніемъ европейскихъ державъ непременно уладить поскорѣе затрудненія, возникшія на Балканскомъ полуостровѣ, дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ такой исходъ этого дѣла, котораго желаютъ кандійцы, и на который указывалось въ главныхъ органахъ европейской прессы.

Въ заключеніе, повторимъ вышесказанное нами мнѣніе: восточный вопросъ древенъ, въ немъ положеніе сторонъ остается вѣками одно и то же; но есть, однако, надежда на то, что измѣняется Европа, и ея общественное мнѣніе дѣлаетъ успѣхъ. Восточный вопросъ должно считать не столько дѣломъ турокъ, сколько грѣхсмъ старой европейской дипломатіи; эта дипломатія и ея принципы пострадали,

правда, сильно отъ послѣднихъ европейскихъ событій въ Италіи и въ Германіи, а потому теперь важенъ не столько вопросъ: кто побѣдитъ въ настоящей борьбѣ, турки или кандійцы — это все равно уже и потому, что для Турціи было бы важнѣе одержать побѣду не надъ кандійцами, а, если только то возможно, надъ самими собою, надъ своимъ азіатскимъ варварствомъ — но весь вопросъ состоитъ теперь въ томъ, одержитъ ли верхъ сама современная европейская дипломатія надъ своими преданіями и рѣшится ли она освѣжить себя иными взглядами подъ вліяніемъ впечатлѣній отъ послѣднихъ событій?

w.

Post-scriptum. Укажемъ встать на замѣчательное событіе въ нашей русской дипломатіи, о которой французскій журналъ, «Journal de St.-Petersbourg» говоритъ, что она никогда до сихъ поръ не имѣла обычая, подобно западнымъ кабинетамъ, обнародывать сборники документовъ по вопросамъ внѣшней политики. Кандійское возстаніе останется, во всякомъ случаѣ, памятникомъ въ исторіи нашей дипломатіи: для него она сдѣлала исключеніе, выгоды котораго пригласить, вѣроятно, обратить это исключеніе въ правило. 21-го февраля, у насъ публиковали дипломатическую переписку г. вице-канцлера имперіи князя Горчакова съ барономъ Брунновымъ и съ барономъ Будбергомъ (русскіе посланники въ Лондонѣ и въ Парижѣ). Исторіи принадлежитъ въ особенности письмо князя Горчакова въ Лондонъ, отъ 28-го ноября 1866 года:

«Мы, пишеть г. вице-канцлеръ, не полагаемъ, чтобы одно только желаніе *отсрочить* и *умиротворить* — желаніе англійскаго правительства, которое мы вполне раздѣляемъ, было бы достаточно для устраненія настоящихъ затрудненій. Настроеніе, я скажу даже, возбужденность умовъ среди христіанскаго населенія Турціи, угрожаетъ слишкомъ серьезною опасностью спокойствію Востока. Ограничиваясь платоническимъ и бесплоднымъ выраженіемъ желанія, кабинеты, заинтересованные въ сохраненіи общаго мира, не устраняютъ опасностей, которыя могутъ угрожать послѣднему. Мы, подобно англійскимъ министрамъ, желаемъ, чтобы внѣшнія complicatіи не присоединялись къ внутреннимъ затрудненіямъ, и не дѣлали бы положенія державъ еще болѣе затруднительнымъ. Мы, подобно имъ, желаемъ, чтобы великія реформы, начатыя нашимъ Августѣйшимъ Государемъ, получали мирное развитіе, но мы полагаемъ, что безусловное устраненіе отъ всякихъ внѣшнихъ вопросовъ и политическій индифферентизмъ далеко не соответствуютъ требованіямъ минуты.

«Намъ всегда казалось, что самый лучший и практическій путь для разрѣшенія восточнаго вопроса, безъ враждебнаго столкновенія, безъ всеобщаго смятенія, и въ то же время на основаніи чловѣколюбія и справедливости, есть именно тотъ путь, по которому мы всегда слѣдовали, и на который нынѣ намѣрено, повидимому, вступить вѣнское правительство, а именно — развитіе внутренняго благосостоянія среди христіанскаго населенія Турціи, и даже дарованіе ему *возможно-большой автономіи*, съ сохраненіемъ вассальныхъ отношеній къ султану; въ подобной автономіи мы видимъ единственное средство внушить довѣріе христіанскому населенію Турціи.

«Всматриваясь въ настоящій характеръ Европы, я считаю себя въ правѣ сказать, что подобное воззрѣніе распространяется, повидимому, все болѣе и болѣе среди политическихъ ея дѣятелей; оно усвоивается преимущественно тѣми, которые понимаютъ, что политическая близорукость есть самый опасный недостатокъ, и что лучшее средство къ устраненію опасностей будущаго заключается въ томъ, чтобы какъ можно шире обнять горизонтъ настоящаго.

«Но и здѣсь еще недостаточно одного только теоретическаго согласія. Нужно, чтобы великія державы постарались достигнуть серьезнаго соглашенія, и чтобы онѣ почерпнули въ согласіи своемъ силу для осуществленія, безъ насильственныхъ потерь, того, чего требуютъ присущія имъ справедливость и политическая мудрость; въ осуществленіи этой программы заключается единственное средство для продленія мусульманскаго владчества въ Европѣ. Мы, съ своей стороны, исполнѣ желаемъ этого согласія, и нашъ Августѣйшій Государь готовъ содѣйствовать въ томъ самымъ искреннимъ образомъ.

«Сегодня я могъ только коснуться вскользь этого важнаго вопроса. Но мнѣ кажется, что и сказаннаго мною достаточно для того, чтобы указать на тѣ принципы, на основанія которыхъ, по нашему мнѣнію, должно бы состояться соглашеніе между великими европейскими державами. Отъ нихъ будетъ зависѣть развитіе нашу мысль, и мы, конечно, не откажемся сдѣлать для этого все, что будетъ зависѣть отъ насъ.»

Только читая подобные документы, мы можемъ понимать, какая предстоить намъ выгода имѣть случай говорить предъ лицомъ всей Европы, что до сихъ поръ мы предоставляли слишкомъ великодушно своимъ противникамъ. Мы видимъ теперь, что именно Россія осуждаетъ старую дипломатію, любившую *отсрочить* и *умиротворить*, или, какъ говорится въ просторѣчьи, замазать восточный вопросъ; что, именно, въ Россіи указываютъ на ту великую истину, что «политическая близорукость есть самый опасный недостатокъ, и что лучшее средство къ устраненію опасностей будущаго заключается въ томъ, чтобы какъ можно шире обнять горизонтъ настоящаго.» Никакая, ни внутренняя, ни внѣшняя политика не можетъ безнаказанно забывать этихъ строкъ въ письмѣ г. вице-канцлера имперіи.

Итакъ, 21-го февраля 1867 года, мы могли противопоставить «Желтымъ», «Синимъ» и другимъ книгамъ западныхъ кабинетовъ на первый разъ, правда, нѣсколько столбцовъ въ «Journal de St.-Petersbourg»; но и этого было уже довольно, чтобы оцѣнить всю важность такого нововведенія.

БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Землеустройство К. Риттера. Географія странъ Азии, находящихся въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Россією. Кабулистанъ и Кафиристанъ. Перев. съ прим. и дополн. В. В. Григорьевъ. Изд. имп. рус. геогр. Общ. Спб. 1867. Стр. 1010, съ рисунок. и картою.

Настоящій переводъ составляетъ, въ V томѣ известнаго Erdkunde К. Риттера, одну, весьма необширную главу, съ небольшимъ сто страницъ; все остальное занято обширными примѣчаніями и дополненіями переводчика, куда внесены всѣ новыя результаты путешествій и изслѣдованій съ 30 годовъ по настоящее время. При нашихъ отношеніяхъ къ востоку, всякая научная разработка географическихъ и этнографическихъ особенностей сосѣднихъ намъ странъ должна возбуждать полное сочувствіе, и наше географическое Общество не могло сдѣлать лучшаго употребленія изъ капитала, пожертвованнаго П. В. Голубковымъ. Трудъ г. Григорьева послужитъ широкимъ и прочнымъ основаніемъ для всякаго, кто пожелаетъ ближе ознакомиться съ Индѣйскимъ Кавказомъ, отдѣляющимъ насъ теперь отъ Остъ-индскихъ владѣній Англіи.

Записки о Москвитин. (Regum moscoviticarum Commentarii.) Барона Герберштейна. Съ лат. базел. изд. 1556. Перев. И. Анонимовъ, препод. ист. въ VII Спб. гимназій. Спб. 1866. Стр. 229.

Герберштейнъ, посѣщавшій Москву два раза, въ 1517 и 1526 гг., по посольскимъ дѣламъ отъ германской имперіи, написалъ мемуаръ о московскомъ государствѣ, его церкви, экономическомъ и нравственномъ состояніи страны, съ очеркомъ ея древней исторіи. Мы имѣли до сихъ поръ на русскомъ языкѣ только отрывки изъ него и одинъ, въ настоящее время устарѣвшій по языку, переводъ. Потому трудъ г. Анонимова, выполненный весьма добросовѣстно и съ знаніемъ дѣла, явился какъ нельзя болѣе кстати.

Древнее общество. Обзоръ культуры, права и учрежденій Греціи и Рима. Соч. Фюстель-Куланжа. Перев. Н. А. Бабкина. Изд. Н. И. Ламанскаго. Спб. 1867. Стр. 166 и XIX.

Этимъ переводомъ открывается, если не ошибаемся, новое литературное предпріятіе подъ именемъ: «Библіотека историко-политическихъ наукъ». Мысль, вообще, весьма хорошая, но издателю слѣдовало бы сообщить въ самомъ

началѣ общій планъ своего предпріятія, какъ это принято дѣлать, или какую нибудь программу изданія. Предполагается ли имѣть известный порядокъ, будутъ ли сочиненія переводиться вполнѣ, или отрывками? Настоящій выпускъ составляетъ собственно только двѣ первыя и небольшія главы: «Древнія вѣрованія» и «Семья», изъ превосходнаго труда Куланжа: La Cité antique. Издатели не могли сдѣлать болѣе удачнаго выбора, если они хотѣли начать свое изданіе съ обзора вѣрованій права и учрежденій древняго міра. Не имѣя предъ собою программы изданія, мы можемъ только надѣяться, что второй выпускъ доставитъ намъ и послѣднія три, самыя важныя главы: «La Cité», «Les révolutions» и «Le régime municipale disparaît».

Францискъ Баконъ Веруламскій. Реальная философія и ея вѣкъ. Соч. Куно-Фишера. Пер. Н. Страхова. Спб. 1867. Стр. 360.

Мы имѣли уже случай (1866, т. IV, отд. III, стр. 48) указать нашимъ читателямъ на сокращенное изложеніе этого сочиненія Куно-Фишера, изданное недавно въ Кіевѣ; оно теперь является въ полномъ переводѣ, болѣе соотвѣтствующемъ какъ достоинству и значенію оригинала, такъ и самой личности Бакона, отца реальной философіи новѣйшаго времени.

Адамъ Смитъ. Изслѣдованія о природѣ и причинахъ богатства народовъ. Перев. П. А. Вибиковъ. Спб. 1866. I т. 496 стр.; II т. 612 стр.; III т. 462 стр.

«Изслѣдованія» Ад. Смита останутся всегда краеугольнымъ камнемъ науки политической экономіи, какъ бы ни были велики ея новѣйшіе и будущіе успѣхи. Наша литература ограничивалась до сихъ поръ совершенно устарѣлымъ ихъ переводомъ начала нынѣшняго вѣка, и новый переводъ восполняетъ потому одинъ изъ капитальныхъ ея пробѣловъ. Переводчикъ взялъ за образецъ лучшее французское изданіе Гильомена, и къ русскому переводу приложилъ предисловіе Гарнье и очеркъ жизни и трудовъ Ад. Смита, составленный Бланки. Текстъ перевода сопровождается многочисленными примѣчаніями Бентама, Бланки, Буханана, Гарнье, Магъ-Куллоха, Мальтуса, Милля, Рикардо, Сая, Сисмонди и Тюрго. Третій томъ снабженъ алфавитнымъ указателемъ предметовъ, вошедшихъ въ составъ «Изслѣдованій».

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

„Вѣстникъ Европы“, за прошедшій 1866 годъ, продается въ С.-Петербургѣ при книжныхъ магазинахъ А. О. Базунова, Я. А. Исакова и Д. Е. Кожанчикова, и въ Москвѣ — И. Г. Соловьева, четыре тома 8 рублей. Нижегородные могутъ обращаться прямо въ Редакцію съ приложеніемъ 1 рубля для пересылки.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

въ 1867 году,

выходить въ мартѣ, июнѣ, сентябрѣ и декабрѣ, отдѣльными томами, отъ 500 до 600 страницъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

1. Для *городскихъ* подписчиковъ въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ, безъ доставки 8 руб., съ доставкою 9 руб.
2. Для *иногородныхъ*, съ пересылкою 9 руб.
3. Для *иностранныхъ*, съ пересылкою: въ Пруссію и въ Германію — 11 руб.; въ Бельгію — 12 руб.; во Францію и Данію — 13 руб.; въ Англію, Швецію, Испанію и Португалію — 14 руб.; въ Швейцарію — 15 руб.; въ королевство Италію и въ Римъ — 16 руб.

Отъ городскихъ подписчиковъ подписка принимается въ вышеупомянутыхъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы.

Иногородные и иностранные подписчики обращаются съ требованіемъ въ Газетную Экспедицію Почтамта С.-Петербурга и Москвы, или прямо: «Въ редакцію Вѣстника Европы, въ С.-Петербургѣ»; и только въ такомъ случаѣ Редакція принимаетъ на себя полную отвѣтственность за своевременную и точную сдачу экземпляровъ въ Газетную Экспедицію С.-Петербургскаго Почтамта.

М. Стасюлевичъ.

Издатель и отвѣтственный редакторъ.

